

ЕЖЕГОДНИК
КОМИССИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА

2011

Том II
Часть третья

*Доклад Комиссии
Генеральной Ассамблеи
о работе ее
шестьдесят третьей сессии
(Добавление)*

ЕЖЕГОДНИК КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

2011

*Том II
Часть третья*

*Доклад Комиссии
Генеральной Ассамблеи
о работе ее
шестидесяти третьей сессии
(Добавление)*

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

Ссылки на *Ежегодник Комиссии международного права* в сокращенном виде состоят из слова Ежегодник, за которым следует многоточие и соответствующий год издания (например, *Ежегодник... 2011 год*).

На русском языке *Ежегодник* начал издаваться с 1969 года, поэтому все ссылки на тома *Ежегодника*, выпущенные до 1969 года, даются по их английскому тексту.

Ежегодник каждой сессии Комиссии международного права состоит из двух томов:

Том I: краткие отчеты о заседаниях сессии;

Том II (часть первая): доклады специальных докладчиков и другие документы, рассмотренные в ходе сессии;

Том II (часть вторая): доклад Комиссии Генеральной Ассамблее*.

Ссылки на эти издания и выдержки из них относятся к их окончательным текстам, фигурирующим в томах *Ежегодника*, которые были выпущены в качестве изданий Организации Объединенных Наций.

A/CN.4/SER.A/2011/Add.1 (Part 3)

ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
eISBN 978-92-1-004906-1
ISSN 0251-771X
eISSN: 2412-4567

---

* В виде исключения доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее шестьдесят третьей сессии содержит части вторую и третью.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Документ A/66/10/Add.1. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии (26 апреля – 3 июня и 4 июля – 12 августа 2011 года) (Добавление).....</i>	1
Перечень документов шестьдесят третьей сессии.....	433

ДОКУМЕНТ A/66/10/Add.1*

Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии (26 апреля – 3 июня и 4 июля – 12 августа 2011 года) (Добавление)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Сокращения.....	9
Примечание, касающееся цитат	9
Многосторонние документы, цитируемые в настоящем томе.....	11
<i>Глава</i>	<i>Пункты</i>
IV. Оговорки к международным договорам (<i>окончание</i>)	1–2 23
F. Текст Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам, принятый Комиссией на ее шестьдесят третьей сессии.....	1–2 23
1. Текст руководящих положений, образующих Руководство по практике, вместе с приложением, посвященным диалогу об оговорках	1 23
2. Текст Руководства по практике, включающий введение, руководящие положения и комментарии к ним, приложение о диалоге об оговорках и библиографию.....	2 37
Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам	37
a) Введение	37
b) Текст руководящих положений с комментариями к ним.....	40
1. Определения	40
1.1 Определение оговорок.....	40
Комментарий	40
1.1.1 Заявления, направленные на ограничение обязательств их автора.....	45
Комментарий	45
1.1.2 Заявления, направленные на выполнение обязательства эквивалентным методом	47
Комментарий	47
1.1.3 Оговорки, относящиеся к территориальной сфере действия договора.....	48
Комментарий	48
1.1.4 Оговорки, формулируемые при расширении территориальной сферы действия договора	49
Комментарий	49
1.1.5 Оговорки, формулируемые совместно.....	50
Комментарий	50
1.1.6 Оговорки, формулируемые в соответствии с положениями, прямо разрешающими исключение или изменение определенных положений договора.....	52
Комментарий	52
1.2 Определение заявлений о толковании	56
Комментарий	57
1.2.1 Заявления о толковании, формулируемые совместно	63
Комментарий	63
1.3 Различие между оговорками и заявлениями о толковании.....	64
Комментарий	64
1.3.1 Метод установления различия между оговорками и заявлениями о толковании	65
Комментарий	65
1.3.2 Формулировка и наименование	67
Комментарий	67
1.3.3 Формулирование одностороннего заявления в случае запрещения оговорок	70
Комментарий	70

* Первоначально распространен в качестве *Официальных отчетов Генеральной Ассамблеи, шестьдесят шестая сессия, Дополнение № 10.*

1.4	Условные заявления о толковании.....	70
	Комментарий	70
1.5	Односторонние заявления, не являющиеся оговорками и заявлениями о толковании	74
	Комментарий	74
1.5.1	Заявления о непризнании	78
	Комментарий	78
1.5.2	Заявления, касающиеся условий осуществления договора на внутреннем уровне	80
	Комментарий	80
1.5.3	Односторонние заявления, сделанные в соответствии с положением, предусматривающим возможность выбора	82
	Комментарий	82
1.6	Односторонние заявления в связи с двусторонними договорами	86
	Комментарий	86
1.6.1	«Оговорки» к двусторонним договорам	86
	Комментарий	86
1.6.2	Заявления о толковании в связи с двусторонними договорами.....	91
	Комментарий	91
1.6.3	Юридические последствия принятия заявления о толковании, сделанного в связи с двусторонним договором другим участником	93
	Комментарий	93
1.7	Альтернативы оговоркам и заявлениям о толковании.....	93
	Комментарий	93
1.7.1	Альтернативы оговоркам.....	94
	Комментарий	94
1.7.2	Альтернативы заявлениям о толковании	101
	Комментарий	101
1.8	Сфера применения определений	102
	Комментарий	102
2.	Процедура	102
2.1	Форма оговорок и уведомление об оговорках.....	102
2.1.1	Форма оговорок.....	102
	Комментарий	103
2.1.2	Мотивировка оговорок	104
	Комментарий	104
2.1.3	Представительство для цели формулирования оговорки на международном уровне	106
	Комментарий	107
2.1.4	Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок	109
	Комментарий	109
2.1.5	Сообщение оговорок.....	111
	Комментарий	111
2.1.6	Процедура сообщения оговорок.....	117
	Комментарий	117
2.1.7	Функции депозитария.....	121
	Комментарий	122
2.2	Подтверждение оговорок	124
2.2.1	Официальное подтверждение оговорок, сформулированных при подписании договора	124
	Комментарий	125
2.2.2	Случаи необязательности подтверждения оговорок, сформулированных при подписании договора	128
	Комментарий	128
2.2.3	Оговорки, сформулированные при подписании, когда это прямо предусматривается договором.....	129
	Комментарий	129
2.2.4	Форма официального подтверждения оговорок	129
	Комментарий	129
2.3	Последующее формулирование оговорок	130
	Комментарий	130
2.3.1	Принятие позднего формулирования оговорки	135
	Комментарий	135
2.3.2	Срок для формулирования возражения против поздно сформулированной оговорки	137
	Комментарий	137

2.3.3	Ограничения на возможность исключения или изменения юридического действия договора с помощью процедур иных, нежели оговорки	138
	Комментарий	138
2.3.4	Расширение сферы действия оговорки	139
	Комментарий	139
2.4	Процедура, касающаяся заявлений о толковании	141
	Комментарий	141
2.4.1	Форма заявлений о толковании	141
	Комментарий	142
2.4.2	Представительство в целях формулирования заявлений о толковании	142
	Комментарий	143
2.4.3	Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования заявлений о толковании	143
	Комментарий	143
2.4.4	Момент, в который может быть сформулировано заявление о толковании	143
	Комментарий	143
2.4.5	Сообщение заявлений о толковании	144
	Комментарий	144
2.4.6	Необязательность подтверждения заявлений о толковании, сформулированных при подписании договора	145
	Комментарий	145
2.4.7	Последующее формулирование заявления о толковании	145
	Комментарий	145
2.4.8	Изменение заявления о толковании	146
	Комментарий	146
2.5	Снятие и изменение оговорок и заявлений о толковании	146
2.5.1	Снятие оговорок	146
	Комментарий	146
2.5.2	Форма снятия	150
	Комментарий	150
2.5.3	Периодический обзор полезности оговорок	152
	Комментарий	152
2.5.4	Представительство для цели снятия оговорки на международном уровне	153
	Комментарий	154
2.5.5	Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся снятия оговорок	156
	Комментарий	157
2.5.6	Сообщение о снятии оговорки	157
	Комментарий	157
2.5.7	Последствия снятия оговорки	159
	Комментарий	159
2.5.8	Дата вступления в силу снятия оговорки	161
	Комментарий	161
2.5.9	Случаи, в которых автор оговорки может устанавливать дату вступления в силу снятия оговорки	164
	Комментарий	164
2.5.10	Частичное снятие оговорки	165
	Комментарий	165
2.5.11	Последствия частичного снятия оговорки	169
	Комментарий	169
2.5.12	Снятие заявлений о толковании	170
	Комментарий	171
2.6	Формулирование возражений	171
2.6.1	Определение возражений против оговорок	171
	Комментарий	171
2.6.2	Право формулировать возражения	178
	Комментарий	178
2.6.3	Автор возражения	181
	Комментарий	181
2.6.4	Возражения, формулируемые совместно	183
	Комментарий	183
2.6.5	Форма возражений	183

	Комментарий	183
2.6.6	Право не соглашаться с вступлением в силу договора в отношениях с автором оговорки	184
	Комментарий	184
2.6.7	Выражение намерения препятствовать вступлению в силу договора	186
	Комментарий	186
2.6.8	Процедура формулирования возражений	188
	Комментарий	188
2.6.9	Мотивировка возражений	189
	Комментарий	189
2.6.10	Необязательность подтверждения возражения, сформулированного до официального подтверждения оговорки	191
	Комментарий	191
2.6.11	Подтверждение возражения, сформулированного до выражения согласия на обязательность договора	191
	Комментарий	192
2.6.12	Срок формулирования возражений	194
	Комментарий	194
2.6.13	Возражения, сформулированные впоследствии	196
	Комментарий	196
2.7	Снятие и изменение возражений против оговорок	198
	Комментарий	198
2.7.1	Снятие возражений против оговорок	199
	Комментарий	199
2.7.2	Форма снятия возражений против оговорок	200
	Комментарий	200
2.7.3	Формулирование снятия возражений против оговорок и сообщение о нем	200
	Комментарий	200
2.7.4	Последствия снятия возражения для оговорки	201
	Комментарий	201
2.7.5	Дата вступления в силу снятия возражения	201
	Комментарий	201
2.7.6	Случаи, при которых автор может устанавливать дату вступления в силу снятия возражения ...	203
	Комментарий	203
2.7.7	Частичное снятие возражения	203
	Комментарий	203
2.7.8	Последствия частичного снятия возражения	204
	Комментарий	204
2.7.9	Расширение сферы действия возражения против оговорки	205
	Комментарий	205
2.8	Формулирование принятия оговорок	206
2.8.1	Формы принятия оговорок	206
	Комментарий	206
2.8.2	Молчаливое принятие оговорок	208
	Комментарий	208
2.8.3	Определенно выраженное принятие оговорок	210
	Комментарий	210
2.8.4	Форма определенно выраженного принятия оговорок	212
	Комментарий	212
2.8.5	Процедура формулирования определенно выраженного принятия оговорок	212
	Комментарий	212
2.8.6	Необязательность подтверждения принятия, сформулированного до официального подтверждения оговорки	213
	Комментарий	213
2.8.7	Единое принятие оговорок	213
	Комментарий	213
2.8.8	Принятие оговорки к учредительному акту международной организации	214
	Комментарий	214
2.8.9	Орган, компетентный принимать оговорку к учредительному акту	216
	Комментарий	216
2.8.10	Способы принятия оговорки к учредительному акту	217
	Комментарий	217

2.8.11	Принятие оговорки к учредительному акту, который еще не вступил в силу	218
	Комментарий	218
2.8.12	Реакция члена международной организации на оговорку к ее учредительному акту	220
	Комментарий	220
2.8.13	Окончательный характер принятия оговорки	221
	Комментарий	221
2.9	Формулирование реакций на заявления о толковании	221
2.9.1	Одобрение заявления о толковании	221
	Комментарий	221
2.9.2	Несогласие с заявлением о толковании.....	222
	Комментарий	222
2.9.3	Переквалификация заявления о толковании.....	225
	Комментарий	225
2.9.4	Право формулировать одобрение, несогласие или осуществлять переквалификацию	227
	Комментарий	227
2.9.5	Форма одобрения, несогласия и переквалификации	228
	Комментарий	228
2.9.6	Мотивировка одобрения, несогласия и переквалификации	229
	Комментарий	229
2.9.7	Формулирование одобрения, несогласия и переквалификации и сообщение о них	229
	Комментарий	229
2.9.8	Отсутствие презумпции одобрения или несогласия.....	230
	Комментарий	230
2.9.9	Молчание в отношении заявления о толковании	232
	Комментарий	232
3.	Материальная действительность оговорок и заявлений о толковании.....	232
	Общий комментарий.....	232
3.1	Материально действительные оговорки	233
	Комментарий	234
3.1.1	Оговорки, запрещенные договором	236
	Комментарий	236
3.1.2	Определение «конкретно определенных оговорок»	240
	Комментарий	240
3.1.3	Материальная действительность оговорок, не запрещенных договором.....	244
	Комментарий	244
3.1.4	Материальная действительность конкретно определенных оговорок.....	246
	Комментарий	246
3.1.5	Несовместимость оговорки с объектом и целью договора	247
	Комментарий	247
3.1.5.1	Установление объекта и цели договора	253
	Комментарий	253
3.1.5.2	Неясные или общие оговорки	255
	Комментарий	255
3.1.5.3	Оговорки к положению, отражающему обычную норму.....	258
	Комментарий	258
3.1.5.4	Оговорки к положениям, касающимся прав, отступление от которых не допустимо ни при каких обстоятельствах	264
	Комментарий	264
3.1.5.5	Оговорки, связанные с внутренним правом	266
	Комментарий	266
3.1.5.6	Оговорки к договорам, содержащим комплекс взаимозависимых прав и обязанностей.....	268
	Комментарий	268
3.1.5.7	Оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или контроля за выполнением договора	271
	Комментарий	271
3.2	Оценка материальной действительности оговорок	273
	Комментарий	273
3.2.1	Компетенция наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок	279
	Комментарий	279
3.2.2	Конкретизация компетенции наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок.....	279

	Комментарий	279
3.2.3	Учет оценок наблюдательных договорных органов	280
	Комментарий	280
3.2.4	Органы, компетентные оценивать материальную действительность оговорок в случае создания наблюдательного договорного органа	281
	Комментарий	281
3.2.5	Компетенция органов по урегулированию споров оценивать материальную действительность оговорок	281
	Комментарий	281
3.3	Последствия материальной недействительности оговорки	281
3.3.1	Несущественность различия между основаниями материальной недействительности	281
	Комментарий	281
3.3.2	Материальная недействительность оговорок и международная ответственность	284
	Комментарий	284
3.3.3	Отсутствие последствий индивидуального принятия оговорки для материальной действительности оговорки	285
	Комментарий	285
3.4	Материальная действительность реакций на оговорки	288
	Комментарий	288
3.4.1	Материальная действительность принятия оговорки	288
	Комментарий	288
3.4.2	Материальная действительность возражения против оговорки	288
	Комментарий	289
3.5	Материальная действительность заявления о толковании	292
	Комментарий	292
3.5.1	Материальная действительность заявления о толковании, являющегося в сущности оговоркой	295
	Комментарий	295
3.6	Материальная действительность реакций на заявления о толковании	296
	Комментарий	296
4.	Юридические последствия оговорок и заявлений о толковании	297
	Комментарий	297
4.1	Вступление в действие оговорки в отношении другого государства или другой международной организации	301
	Комментарий	301
4.1.1	Вступление в действие оговорки, прямо разрешаемой договором	304
	Комментарий	304
4.1.2	Вступление в действие оговорки к договору, который должен применяться комплексно	307
	Комментарий	307
4.1.3	Вступление в действие оговорки к учредительному акту международной организации	309
	Комментарий	309
4.2	Последствия действующей оговорки	310
	Комментарий	310
4.2.1	Статус автора действующей оговорки	310
	Комментарий	310
4.2.2	Последствия действующей оговорки для вступления договора в силу	313
	Комментарий	313
4.2.3	Последствия действующей оговорки для статуса ее автора в качестве участника договора	314
	Комментарий	314
4.2.4	Последствия действующей оговорки для договорных отношений	315
	Комментарий	315
4.2.5	Отсутствие взаимности в соблюдении обязательств, которых касается оговорка	321
	Комментарий	321
4.2.6	Толкование оговорок	323
	Комментарий	323
4.3	Последствия возражения против действительной оговорки	326
	Комментарий	326
4.3.1	Последствия возражения для вступления договора в силу между автором возражения и автором оговорки	327
	Комментарий	327
4.3.2	Последствия возражения против поздно сформулированной оговорки	329
	Комментарий	329
4.3.3	Вступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения	329

	Комментарий	330
4.3.4	Невступление договора в силу для автора оговорки, когда требуется единогласное принятие....	330
	Комментарий	330
4.3.5	Невступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения с максимальным эффектом	330
	Комментарий	330
4.3.6	Последствия возражения для договорных отношений.....	332
	Комментарий	333
4.3.7	Последствия возражения для положений иных, нежели те, которых касается оговорка	340
	Комментарий	340
4.3.8	Право автора действительной оговорки не соблюдать договор без учета его оговорки.....	342
	Комментарий	342
4.4	Последствия оговорки для внедоговорных прав и обязательств.....	343
4.4.1	Отсутствие последствий для прав и обязательств по другим договорам.....	343
	Комментарий	343
4.4.2	Отсутствие последствий для прав и обязательств по международному обычному праву	344
	Комментарий	344
4.4.3	Отсутствие последствий для применения императивной нормы общего международного права (jus cogens)	345
	Комментарий	345
4.5	Последствия недействительной оговорки	346
	Комментарий	346
4.5.1	Ничтожность недействительной оговорки	350
	Комментарий	351
4.5.2	Реакции на оговорку, считающуюся недействительной	357
	Комментарий	358
4.5.3	Статус автора недействительной оговорки в отношении договора	360
	Комментарий	361
4.6	Отсутствие последствий оговорки для отношений между другими сторонами договора	372
	Комментарий	372
4.7	Последствия заявлений о толковании	373
	Комментарий	373
4.7.1	Разъяснение условий договора посредством заявления о толковании	375
	Комментарий	375
4.7.2	Последствия изменения или снятия заявления о толковании.....	380
	Комментарий	380
4.7.3	Последствия заявления о толковании, одобренного всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями	381
	Комментарий	382
5.	Оговорки, принятие оговорок, возражения против них и заявления о толковании в случае правопреемства государств	382
	Комментарий	382
5.1	Оговорки в случае правопреемства государств	384
5.1.1	Случай нового независимого государства	384
	Комментарий	384
5.1.2	Случай объединения или отделения государств	390
	Комментарий	391
5.1.3	Неприменимость некоторых оговорок в случае объединения государств	395
	Комментарий	395
5.1.4	Принцип сохранения территориальной сферы действия оговорок государства-предшественника	396
	Комментарий	396
5.1.5	Территориальная сфера действия оговорок в случае объединения государств	396
	Комментарий	397
5.1.6	Территориальная сфера действия оговорок государства-преемника в случае правопреемства в отношении части территории	399
	Комментарий	399
5.1.7	Действие во времени несохранения государством-преемником оговорки, сформулированной государством-предшественником	399
	Комментарий	400
5.1.8	Последующее формулирование оговорки государством-преемником	400
	Комментарий	400

5.2	Возражения против оговорок в случае правопреемства государств	401
5.2.1	Сохранение государством-преемником возражений, сформулированных государством-предшественником	401
	Комментарий	401
5.2.2	Неприменимость некоторых возражений в случае объединения государств	403
	Комментарий	403
5.2.3	Сохранение возражений в отношении оговорок государства-предшественника	404
	Комментарий	404
5.2.4	Оговорки государства-предшественника, не вызвавшие возражений	404
	Комментарий	405
5.2.5	Право государства-преемника формулировать возражения против оговорок	405
	Комментарий	405
5.2.6	Возражения государства-преемника, которое не является новым независимым государством и в отношении которого договор остается в силе	407
	Комментарий	407
5.3	Принятие оговорок в случае правопреемства государств	407
5.3.1	Сохранение новым независимым государством определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником	407
	Комментарий	408
5.3.2	Сохранение государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником	409
	Комментарий	409
5.3.3	Действие во времени несохранения государством-преемником определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником	409
	Комментарий	409
5.4	Правовые последствия оговорок, принятия и возражений в случае правопреемства государств	409
	Комментарий	410
5.5	Заявления о толковании в случае правопреемства государств	410
	Комментарий	410

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выводы в отношении диалога об оговорках	413
Литература по теме оговорок к договорам	415

СОКРАЩЕНИЯ

АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВтамО	Всемирная таможенная организация
ВТО	Всемирная торговая организация
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
ИМКО	Межправительственная морская консультативная организация
ИМО	Международная морская организация
МККК	Международный комитет Красного Креста
МОТ	Международная организация труда
МС	Международный Суд
МСЭ	Международный союз электросвязи
ОАГ	Организация американских государств
ФАО	Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций
ЮНЕСКО	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

*

* *

AFDI	<i>Annuaire français de droit international</i>
AJIL	<i>American Journal of International Law</i>
BYBIL	<i>The British Yearbook of International Law</i>
<i>I.C.J. Reports</i>	International Court of Justice, <i>Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders</i>
<i>P.C.I.J., Series A</i>	Permanent Court of International Justice, <i>Collection of Judgments</i> (Nos. 1–24: up to and including 1930)
<i>P.C.I.J., Series A/B</i>	Permanent Court of International Justice, <i>Judgments, Orders and Advisory Opinions</i> (Nos. 40–80: beginning in 1931)
<i>P.C.I.J., Series B</i>	Permanent Court of International Justice, <i>Collection of Advisory Opinions</i> (Nos. 1–18: up to and including 1930) and including 1930)
RGDIP	<i>Revue générale de droit international public</i>

*

* *

ПРИМЕЧАНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ЦИТАТ

В цитатах слова или выдержки, выделенные курсивом, за которыми следует звездочка, в тексте подлинника курсивом не выделены.

Если нет иных указаний, перевод цитат из работ на иностранных языках выполнен Секретариатом.

*

* *

Адрес Комиссии международного права в Интернете: <http://legal.un.org/ilc/>.

МНОГОСТОРОННИЕ ДОКУМЕНТЫ, ЦИТИРУЕМЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

Источник

Мирное урегулирование международных споров

- Заключительный акт Венского конгресса (Вена, 9 июня 1815 года) *British and Foreign State Papers, 1814–1815, vol. II, p. 3.*
- Союзный трактат против Бонапарта, заключенный между Австрией, Великобританией, Пруссией и Россией (Вена, 25 марта 1815 года) *Ibid.*, p. 443.
- Парижский договор 1856 года (Париж, 30 марта 1856 года) F. L. Israel (ed.), *Major Peace Treaties of Modern History, 1648–1967, vol. II, New York, Chelsea House, 1967, p. 947.*
- Устав Лиги Наций (Версаль, 28 июня 1919 года) League of Nations, *Official Journal, No. 1, February 1920, p. 3.*
- Общий договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога) (Париж, 27 августа 1928 года) *Ibid., Treaty Series, vol. XCIV, No. 2137, p. 57.*
- Общий акт об арбитраже (мирное разрешение международных споров) (Женева, 26 сентября 1928 года) *Ibid.*, vol. XCIII, No. 2123, p. 343.
- Американский договор о мирном урегулировании (Боготский пакт) (Богота, 30 апреля 1948 года) United Nations, *Treaty Series, vol. 30, No. 449, p. 55.*
- Пересмотренный Общий акт о мирном разрешении международных споров (Лейк Саксес, Нью-Йорк, 28 апреля 1949 года) *Ibid.*, vol. 71, No. 912, p. 101.
- Европейская конвенция о мирном разрешении споров (Страсбург, 29 апреля 1957 года) *Ibid.*, vol. 320, No. 4646, p. 243.

Привилегии и иммунитеты, дипломатические и консульские сношения

- Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций (Нью-Йорк, 13 февраля 1946 года) United Nations, *Treaty Series, vol. 1, No. 4, p. 15, and vol. 90, p. 327.*
- Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений (Нью-Йорк, 21 ноября 1947 года) *Ibid.*, vol. 33, No. 521, p. 314.
- Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года) *Ibid.*, vol. 500, No. 7310, p. 146.
- Факультативный протокол о приобретении гражданства к Венской конвенции о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года) *Ibid.*, No. 7311, p. 231.
- Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года) *Ibid.*, vol. 596, No. 8638, p. 359.
- Факультативный протокол о приобретении гражданства к Венской конвенции о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года) *Ibid.*, No. 8639, p. 469.
- Конвенция о специальных миссиях (Нью-Йорк, 8 декабря 1969 года) *Ibid.*, vol. 1400, No. 23431, p. 281.
- Европейская конвенция об иммунитете государств (Базель, 16 мая 1972 года) *Ibid.*, vol. 1495, No. 25699, p. 181.
- Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов (Вена, 8 апреля 1983 года) Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1983 год* (в продаже под № R.90.V.1), стр. 196.

Права человека

- Конвенция МОТ № 63 о статистике заработной платы и продолжительности рабочего времени в основных отраслях горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, включая гражданское и промышленное строительство, и в сельском хозяйстве (Женева, 20 июня 1938 года) United Nations, *Treaty Series, vol. 40, No. 638, p. 255.*
- Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Париж, 9 декабря 1948 года) *Ibid.*, vol. 78, No. 1021, p. 292.
- Конвенция МОТ № 96 о платных бюро по найму (пересмотренная) (Женева, 1 июля 1949 года) *Ibid.*, vol. 96, No. 1340, p. 237.

Источник

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) (Рим, 4 ноября 1950 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 213, No. 2889, p. 221.
Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 года)	<i>Ibid.</i>
Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28 апреля 1983 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1496, No. 2889, p. 281.
Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Страсбург, 22 ноября 1984 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1525, No. 2889, p. 195.
Протокол № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией (Страсбург, 11 мая 1994 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 2061, No. 2889, p. 7.
Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни при любых обстоятельствах (Вильнюс, 3 мая 2002 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 2246, No. 2889, p. 110.
Конвенция МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения [Конвенция 1952 года о минимальных нормах социального обеспечения] (Женева, 28 июня 1952 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 210, No. 2838, p. 131.
Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (Париж, 15 декабря 1960 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 429, No. 6193, p. 93.
Европейская социальная хартия (Турин, 18 октября 1961 года) и пересмотренный вариант (Страсбург, 3 мая 1996 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 529, No. 7659, p. 89; пересмотренная версия: Council of Europe, <i>European Treaty Series</i> , No. 163.
Конвенция МОТ № 118 о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения [Конвенция 1962 года о равноправии в области социального обеспечения] (Женева, 28 июня 1962 года)	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 494, No. 7238, p. 271.
Европейский кодекс социального обеспечения (Страсбург, 16 апреля 1964 года)	Council of Europe, <i>European Treaty Series</i> , No. 48.
Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 21 декабря 1965 года). Открыта для подписания в Нью-Йорке, 7 марта 1966 года.	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 660, No. 9464, p. 195.
Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 993, No. 14531, p. 3.
Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 999, No. 14668, p. 171, and vol. 1057, p. 407.
Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 999, p. 171.
второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни (Нью-Йорк, 15 декабря 1989 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1642, p. 414.
Европейская конвенция об усыновлении детей (Страсбург, 24 апреля 1967 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 634, No. 9067, p. 255.
Конвенция МОТ № 128 о пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца (Женева, 29 июня 1967 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 699, No. 10030, p. 185.
Американская конвенция о правах человека: «Пакт Сан-Хосе, Коста-Рика» (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1144, No. 17955, p. 123.
Европейская конвенция о социальном обеспечении (Париж, 14 декабря 1972 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1710, No. 29575, p. 2.
Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (Нью-Йорк, 30 ноября 1973 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1015, No. 14861, p. 260.
Конвенция о защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе 1978 года (№ 151) (Женева, 27 июня 1978 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1218, No. 19653, p. 87.
Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1249, No. 20378, p. 59.
Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 27 июня 1981 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1520, No. 26363, p. 217.

Источник

- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 года) *Ibid.*, vol. 1465, No. 24841, p. 133.
- Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (Страсбург, 26 ноября 1987 года) *Ibid.*, vol. 1561, No. 27161, p. 363.
- Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 года) *Ibid.*, vol. 1577, No. 27531, p. 81.
- Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (Нью-Йорк, 25 мая 2000 года) *Ibid.*, vol. 2171, No. 27531, p. 263.
- Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (Нью-Йорк, 18 декабря 1990 года) *Ibid.*, vol. 2220, No. 39481, p. 575.
- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (Страсбург, 5 ноября 1992 года) *Ibid.*, vol. 2044, No. 35358, p. 575.
- Межамериканская конвенция о насильственном исчезновении лиц (Белен, 9 июня 1994 года) *International Legal Materials*, vol. 33, No. 6 (1994), p. 1534.
- Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 2151, No. 37548, p. 243.
- Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (Варшава, 16 мая 2005 года) *Ibid.*, vol. 2569, No. 45795, p. 33.
- Конвенция о правах инвалидов (Нью-Йорк, 13 декабря 2006 года) *Ibid.*, vol. 2515, No. 44910, p. 122.

Беженцы и апатриды

- Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве (Гаага, 12 апреля 1930 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. CLXXIX, No. 4137, p. 89.
- Устав Международной организации по делам беженцев (Нью-Йорк, 15 декабря 1946 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 18, No. 283, p. 3.
- Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 года) *Ibid.*, vol. 189, No. 2545, p. 137.
- Протокол, касающийся статуса беженцев (Нью-Йорк, 31 января 1967 года) *Ibid.*, vol. 606, No. 8791, p. 267.
- Конвенция о статусе апатридов (Нью-Йорк, 28 сентября 1954 года) *Ibid.*, vol. 360, No. 5158, p. 117.
- Конвенция о сокращении безгражданства (Нью-Йорк, 30 августа 1961 года) *Ibid.*, vol. 989, No. 14458, p. 175.
- Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства (Страсбург, 6 мая 1963 года) *Ibid.*, vol. 634, No. 9065, p. 221.
- Европейская конвенция о гражданстве (Страсбург, 6 ноября 1997 года) *Ibid.*, vol. 2135, No. 37248, p. 213.
- Конвенция Совета Европы о недопущении безгражданства в связи с правопреемством государств (Страсбург, 19 мая 2006 года) *Ibid.*, vol. 2650, No. 47197, p. 305.

Наркотические средства и психотропные вещества

- Международная конвенция об опиуме с Протоколом к ней (Женева, 19 февраля 1925 года) и с изменениями, внесенными Протоколом 1946 года (Лейк Саксесс, Нью-Йорк, 11 декабря 1946 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. LXXXI, No. 1845, p. 317; Протокол о внесении изменений: United Nations, *Treaty Series*, vol. 12, No. 186, p. 180; Конвенция с изменениями: E/NT/2 (Sales No. 1947.XI.4).
- Конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств (Женева, 13 июля 1931 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. CXXXIX, No. 3219, p. 301.
- Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года (Нью-Йорк, 30 марта 1961 года), с поправками, внесенными Протоколом об изменениях (с приложениями) (Нью-Йорк, 8 августа 1975 года) United Nations, *Treaty Series*, vols. 520 and 976, Nos. 7515 and 14152, pp. 151 and 105.
- Конвенция о психотропных веществах (Вена, 21 февраля 1971 года) *Ibid.*, vol. 1019, No. 14956, p. 273.
- Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 года) *Ibid.*, vol. 1582, No. 27627, p. 95.

Источник

Здравоохранение

Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака (Женева, 21 мая 2003 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 2302, No. 41032, p. 166.

Международная торговля и развитие

Генеральное соглашение по тарифам и торговле (Женева, 30 октября 1947 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 55, No. 814, p. 187.

Протокол о временном применении Генерального соглашения по тарифам и торговле (Женева, 30 октября 1947 года) *Ibid.*, vol. 55, No. 814, p. 308.

Таможенная конвенция о временном ввозе упаковочных материалов (Брюссель, 6 октября 1960 года) *Ibid.*, vol. 473, No. 6861, p. 131.

Соглашение об учреждении Центра по технологии производства продовольствия и удобрений для Азиатско-Тихоокеанского региона (Кавана, 11 июня 1969 года) *Ibid.*, vol. 704, No. 10100, p. 17.

Соглашение об учреждении Банка развития стран Карибского бассейна (Кингстон, 18 октября 1969 года) *Ibid.*, vols. 712 and 1401, No. 10232.

Соглашение о международных перевозках скоропортящихся пищевых продуктов и о специальных транспортных средствах, предназначенных для этих перевозок (СПС) (с приложениями) (Женева, 1 сентября 1970 года) *Ibid.*, vol. 1028, No. 15121, p. 121.

Международная конвенция об упрощении и согласовании таможенных процедур (пересмотренная) (Киото, 18 мая 1973 года; Протокол об изменениях, Брюссель, 26 июня 1999 года) *Ibid.*, vol. 950, No. 13561, p. 269, and vol. 2370, p. 27.

Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года) *Ibid.*, vol. 1489, No. 25567, p. 3.

Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14 июня 1974 года), с поправками, внесенными Протоколом о внесении поправок в Конвенцию об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Вена, 11 апреля 1980 года) *Ibid.*, vol. 1511, No. 26119, p. 99.

Соглашение о создании Международного фонда сельскохозяйственного развития (Рим, 13 июня 1976 года) *Ibid.*, vol. 1059, No. 16041, p. 191.

Соглашение об учреждении Африканского банка развития, с поправками (Лусака, 7 мая 1982 года) *Ibid.*, vol. 1276, No. 21052, p. 3.

Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Марракеш, 15 апреля 1994 года) *Ibid.*, vols. 1867–1869, No. 31874.

Соглашение о гарантиях (приложение 1А) *Ibid.*, vol. 1869.

Рамочное соглашение АСЕАН по услугам (Бангкок, 15 декабря 1995 года) *International Legal Materials*, vol. 35, No. 4 (1996), p. 1072.

Транспорт и коммуникации

Конвенция о дорожном движении (Женева, 19 сентября 1949 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 125, No. 1671, p. 22.

Конвенция о таможенных льготах для туристов (Нью-Йорк, 4 июня 1954 года) *Ibid.*, vol. 276, No. 3992, p. 191, and vol. 596, p. 542.

Дополнительный протокол к Конвенции о таможенных льготах для туристов, касающийся ввоза относящихся к туризму осведомительных документов и материалов (Нью-Йорк, 4 июня 1954 года) *Ibid.*, vol. 276, p. 191.

Таможенная конвенция о временном ввозе частных дорожных перевозочных средств (Нью-Йорк, 4 июня 1954 года) *Ibid.*, vol. 282, No. 4101, p. 249.

Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (с Протоколом о подписании) (Женева, 19 мая 1956 года) *Ibid.*, vol. 399, No. 5742, p. 189.

Европейское соглашение относительно разметки дорог (Женева, 13 декабря 1957 года) *Ibid.*, vol. 372, No. 5296, p. 159.

Источник

- Соглашение о принятии согласованных технических правил для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и/или использованы на колесных транспортных средствах, и об условиях взаимного признания официальных утверждений, выдаваемых на основе этих правил (Женева, 20 марта 1958 года) *Ibid.*, vols. 335, 516, 609, 1059 and 1891, No. 4789. См. также UNECE, TRANS/WP.29/409.
- Конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 1042, No. 15705, p. 17.
- Конвенция о дорожных знаках и сигналах (с приложениями) (Вена, 8 ноября 1968 года) *Ibid.*, vol. 1091, No. 16473, p. 3.
- Европейское соглашение, касающееся работы экипажей транспортных средств, производящих международные автомобильные перевозки (ЕСТР) (Женева, 1 июля 1970 года) *Ibid.*, vol. 993, No. 14533, p. 143.
- Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожных знаках и сигналах, открыто для подписания в Вене 8 ноября 1968 года (с приложениями) (Женева, 1 мая 1971 года) *Ibid.*, vol. 1142, No. 17935, p. 225.
- Протокол о разметке дорог к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах, открыта для подписания в Вене 8 ноября 1968 года (Женева, 1 марта 1973 года) *Ibid.*, vol. 1394, No. 23345, p. 263.
- Таможенная конвенция о контейнерах 1972 года (Женева, 2 декабря 1972 года) *Ibid.*, vol. 988, No. 14449, p. 43.
- Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП) (с приложениями) (Женева, 14 ноября 1975 года) *Ibid.*, vol. 1079, No. 16510, p. 89, and vol. 1142, p. 413.
- Конвенция о договоре международной перевозки пассажиров и багажа по внутренним водным путям (КППВ) (Женева, 6 февраля 1976 года) ECE/TRANS/20.
- Конвенция о международных железнодорожных перевозках (Берн, 9 мая 1980 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 1397, No. 23353, p. 2.
- Международная конвенция о согласовании условий проведения контроля грузов на границах (Женева, 21 октября 1982 года) *Ibid.*, vol. 1409, No. 23583, p. 3.
- Конвенция о таможенном режиме, применяемом к контейнерам, переданным в пул и используемым для международных перевозок (Женева, 21 января 1994 года) *Ibid.*, vol. 2000, No. 34301, p. 289.

Гражданская авиация

- Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшава, 12 октября 1929 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. CXXXVII, p. 11.
- Протокол об изменении Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 года (Гаага, 28 сентября 1955 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 478, No. 6943, p. 371.
- Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 года) *Ibid.*, vol. 15, No. 102, p. 295.
- Многостороннее соглашение о либерализации международного воздушного транспорта (Вашингтон, округ Колумбия, 1 мая 2001 года) *Ibid.*, vol. 2215, No. 39375, p. 33.

Судоходство

- Конвенция о Международной морской организации (Женева, 6 марта 1948 года) United Nations, *Treaty Series*, vols. 289 and 1276, No. 4214, pp. 3 and 468 соответственно.
- Конвенция об унификации некоторых правил относительно ответственности, вытекающей из столкновения судов внутреннего плавания (Женева, 15 марта 1960 года) *Ibid.*, vol. 572, No. 8310, p. 135.
- Конвенция о регистрации судов внутреннего плавания (Женева, 25 января 1965 года) *Ibid.*, vol. 1281, No. 21114, p. 111.
- Международная конвенция по безопасным контейнерам (КБК) (Женева, 2 декабря 1972 года) *Ibid.*, vol. 1064, No. 16198, p. 3.
- Конвенция о Кодексе поведения линейных конференций (Женева, 6 апреля 1974 года) *Ibid.*, vol. 1334, No. 22380, p. 14, and vol. 1365, p. 360.

Источник

Международная конвенция об аресте судов 1999 года (Женева, 12 марта 1999 года) *Ibid.*, vol. 2797, No. 49196, p. 3.

Экономическая статистика

Международная конвенция по вопросам экономической статистики (Женева, 14 декабря 1928 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. CX, No. 2560, p. 171.

Протокол о внесении изменений в Международную конвенцию по вопросам экономической статистики (Париж, 9 декабря 1948 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 20, No. 318, p. 229.

Вопросы образования и культуры

Соглашение о ввозе материалов образовательного, научного или культурного характера (Лейк Саксес, Нью-Йорк, 22 ноября 1950 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 131, No. 1734, p. 25.

Протокол к Соглашению о ввозе материалов образовательного, научного или культурного характера от 22 ноября 1950 года (Найроби, 26 ноября 1976 года) *Ibid.*, vol. 1259, No. 20669, p. 3.

Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 года) *Ibid.*, vol. 496, No. 7247, p. 43.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (Лондон, 6 мая 1969 года) *Ibid.*, vol. 788, No. 11212, p. 227.

Устав Международного центра геномной инженерии и биотехнологии (Мадрид, 13 сентября 1983 года) *Ibid.*, vol. 1763, No. 30673, p. 91.

Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (Париж, 20 октября 2005 года) *Ibid.*, vol. 2440, No. 43977, p. 311.

Положение женщин

Конвенция о политических правах женщин (Нью-Йорк, 31 марта 1953 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 193, No. 2613, p. 135.

Конвенция о гражданстве замужней женщины (Нью-Йорк, 20 февраля 1957 года) *Ibid.*, vol. 309, No. 4468, p. 65.

Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков (Нью-Йорк, 10 декабря 1962 года) *Ibid.*, vol. 521, No. 7525, p. 231.

Уголовно-правовые вопросы

Конвенция о выдаче (Монтевидео, 26 декабря 1933 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. CLXV, No. 3803, p. 45.

Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Женева, 7 сентября 1956 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 266, No. 3822, p. 3.

Европейская конвенция о выдаче (Париж, 13 декабря 1957 года) *Ibid.*, vol. 359, No. 5146, p. 273.

Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Страсбург, 20 апреля 1959 года) *Ibid.*, vol. 472, No. 6841, p. 185.

Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (Гаага, 15 ноября 1965 года) *Ibid.*, vol. 658, No. 9432, p. 163.

Европейская конвенция об информации относительно иностранного законодательства (Лондон, 7 июня 1968 года) *Ibid.*, vol. 720, No. 10346, p. 147.

Дополнительный протокол к Европейской конвенции об информации относительно иностранного законодательства (Страсбург, 15 марта 1978 года) *Ibid.*, vol. 1160, No. A-10346, p. 529.

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14 декабря 1973 года) *Ibid.*, vol. 1035, No. 15410, p. 185.

Европейская конвенция о правовом статусе внебрачных детей (Страсбург, 15 октября 1975 года) *Ibid.*, vol. 1138, No. 17868, p. 303.

Европейское соглашение о передаче заявлений о правовой помощи (Страсбург, 27 января 1977 года) *Ibid.*, vol. 1137, No. 17827, p. 81.

Источник

- Европейская конвенция о вручении за рубежом документов по административным вопросам (Страсбург, 24 ноября 1977 года) *Ibid.*, vo. 1299, No. 21537, p. 3.
- Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 года) *Ibid.*, vol. 1316, No. 21931, p. 205.
- Европейская конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 года) *Ibid.*, vol. 1525, No. 26456, p. 37.
- Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам (Лугано, 16 сентября 1988 года) *Ibid.*, vol. 1659, No. 28551, p. 13.
- Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (Нью-Йорк, 9 декабря 1994 года) *Ibid.*, vol. 2051, No. 35457, p. 363.
- Межамериканская конвенция против коррупции (Каракас, 29 марта 1996 года) *International Legal Materials*, vol. 35, 1996, p. 727.
- Конвенция, подготовленная на основе Статьи К.3 (2) (с) Договора о борьбе с коррупцией среди должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств – членов Европейского союза (Брюссель, 26 мая 1997 года) *Official Journal of the European Communities*, vol. 40, No. C 195, 25 June 1997, p. 2.
- Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 2187, No. 38544, p. 3.
- Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 года) *Ibid.*, vol. 2216, No. 39391, p. 225.
- Конвенция о киберпреступности (Будапешт, 23 ноября 2001 года) *Ibid.*, vol. 2296, No. 40916, p. 167.
- Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 года) *Ibid.*, vol. 2349, No. 42146, p. 41.

Частное международное право

- Конвенция об унификации права, касающегося переводных и простых векселей (Гаага, 23 июля 1912 года) League of Nations, *International Conference for the Unification of the Law on Bills of Exchange, Promissory Notes and Cheques, Preparatory Documents* (C.234.M.83.1929.II), p. 42.
- Конвенция, устанавливающая единообразный закон о переводном и простом векселях (Женева, 7 июня 1930 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. CXLIII, No. 3313, p. 257.
- Конвенция, устанавливающая Единообразный закон о чеках (Женева, 19 марта 1931 года) *Ibid.*, No. 3316, p. 355.
- Конвенция о разрешении коллизий между правом страны гражданства и правом страны domicilia (Гаага, 15 июня 1955 года) Hague Conference on Private International Law, *Collection of Conventions (1951–1996)*, p. 24.
- Конвенция о признании правосубъектности иностранных компаний, объединений и учреждений (Гаага, 1 июня 1956 года) *Ibid.*, p. 28.
- Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (Гаага, 5 октября 1961 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 527, No. 7625, p. 189.
- Конвенция о полномочиях властей и применимом праве в области защиты малолетних (Гаага, 5 октября 1961 года) *Ibid.*, vol. 658, No. 9431, p. 143.
- Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам (Гаага, 18 марта 1970 года) *Ibid.*, vol. 847, No. 12140, p. 231.
- Конвенция о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов (Гаага, 1 июня 1970 года) *Ibid.*, vol. 978, No. 14236, p. 393.
- Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам (Гаага, 1 февраля 1971 года) *Ibid.*, vol. 1144, No. 17957, p. 257.
- Конвенция о признании и исполнении решений, касающихся алиментных обязательств (Гаага, 2 октября 1973 года) *Ibid.*, vol. 1021, No. 15001, p. 209.
- Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц (Гаага, 2 октября 1973 года) *Ibid.*, vol. 1856, No. 31585, p. 5.

Источник

Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов (Гаага, 14 марта 1978 года)	Hague Conference on Private International Law, <i>Collection of Conventions (1951–2009)</i> , p. 242.
Конвенция о заключении и признании действительности браков (Гаага, 14 марта 1978 года)	<i>Ibid.</i> , p. 256.
Конвенция о праве, применимом к наследованию имущества умерших лиц (Гаага, 1 августа 1989 года)	<i>Ibid.</i> , p. 358.
Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 года)	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 1870, No. 31922, p. 167.
Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (Гаага, 19 октября 1996 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 2204, No. 39130, p. 95.
Конвенция о международной защите совершеннолетних (Гаага, 13 января 2000 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 2600, No. 46241, p. 3.

Сырьевые товары

Международное соглашение по сахару 1968 года (открыто для подписания в Нью-Йорке с 3 по 24 декабря 1968 года) (Женева, 24 октября 1968 года)	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 654, No. 9369, p. 3.
Международное соглашение по пшенице 1971 года: (а) Конвенция о торговле пшеницей 1971 года (открыта для подписания в Вашингтоне, округ Колумбия, с 29 марта по 3 мая 1971 года), (б) Конвенция об оказании продовольственной помощи 1971 года (открыта для подписания в Вашингтоне, округ Колумбия, с 29 марта по 3 мая 1971 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 800, No. 11400, p. 45.
Международное соглашение по сахару 1977 года (Женева, 7 октября 1977 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1064, No. 16200, p. 219.
Международное соглашение по тропической древесине 1983 года (с приложениями) (Женева, 18 ноября 1983 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1393, No. 23317, p. 67.
Международное соглашение по пшенице 1986 года: (а) Конвенция о торговле пшеницей 1986 года (Лондон, 14 марта 1986 года), (б) Конвенция об оказании продовольственной помощи 1986 года (Лондон, 13 марта 1986 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1429, No. 24237, p. 71.

Алиментные обязательства

Конвенция о взыскании за границей алиментов (Нью-Йорк, 20 июня 1956 года)	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 268, No. 3850, p. 3, and vol. 649, p. 330.
---	--

Морское право

Женевские конвенции по морскому праву (Женева, 29 апреля 1958 года)	
Конвенция об открытом море	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 450, No. 6465, p. 114.
Конвенция о континентальном шельфе	<i>Ibid.</i> , vol. 499, No. 7302, p. 325.
Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне	<i>Ibid.</i> , vol. 516, No. 7477, p. 231.
Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1833, No. 31363, p. 179.
Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года (Нью-Йорк, 28 июля 1994 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 1836, No. 31364, p. 41.
Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими (Нью-Йорк, 4 августа 1995 года)	<i>Ibid.</i> , vol. 2167, No. 37924, p. 3.

Коммерческий арбитраж

Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года)	United Nations, <i>Treaty Series</i> , vol. 330, No. 4739, p. 3.
---	--

Источник

Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21 апреля 1961 года)

Ibid., vol. 484, No. 7041, p. 349.

Право международных договоров

Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 года)

United Nations, *Treaty Series*, vol. 1155, No. 18232, p. 417.

Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (Вена, 23 августа 1978 года)

Ibid., vol. 1946, No. 33356, p. 3.

Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986 года)

A/CONF.129/15.

Борьба с международным терроризмом

Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 года)

United Nations, *Treaty Series*, vol. 1137, No. 17828, p. 93.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 года)

Ibid., vol. 2149, No. 37517, p. 256.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 года)

Ibid., vol. 2178, No. 38349, p. 197.

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 года)

Ibid., vol. 2488, No. 44655.

Конвенция Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 16 мая 2005 года)

Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 198.

Телекоммуникации

Европейское соглашение об охране телевизионных передач (Страсбург, 22 июня 1960 года)

United Nations, *Treaty Series*, vol. 546, No. 7951, p. 247.

Соглашение о международной организации спутниковой связи «ИНТЕЛСАТ» (Вашингтон, округ Колумбия, 20 августа 1971 года)

Ibid., vol. 1220, No. 19677, p. 21.

Соглашение об учреждении Азиатско-Тихоокеанского института по вопросам развития телерадиовещания, с изменениями (Куала-Лумпур, 12 августа 1977 года)

Ibid., vols. 1216 and 1436, No. 19609.

Международная конвенция электросвязи (Найроби, 6 ноября 1982 года)

Ibid., vol. 1533, No. 26559, p. 2.

Европейская конвенция о трансграничном телевидении (Страсбург, 5 мая 1989 года)

Ibid., vol. 1966, No. 33611, p. 265.

Конвенция Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи (Тампере, 18 июня 1998 года)

Ibid., vol. 2296, No. 40906, p. 5.

Право, применимое в период вооруженного конфликта

Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях (Женева, 22 августа 1864 года)

ICRC, *International Red Cross Handbook*, 12th ed. Geneva (1983), pp. 19 *et seq.*

Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны: Конвенция о мирном решении международных столкновений (Конвенция I) (Гаага, 29 июля 1899 года)

J. B. Scott (ed.), *The Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907*, New York, Oxford University Press, 1916.

Конвенция (III) о применении к морской войне начал Женевской конвенции от 22 августа 1864 года (Гаага, 29 июля 1899 года)

Ibid.

Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 6 июля 1906 года)

ICRC, *International Red Cross Handbook*, 12th ed. Geneva, 1983.

Конвенция (X) о применении к морской войне начал Женевской конвенции (Гаага, 18 октября 1907 года)

J. B. Scott (ed.), *The Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907*, New York, Oxford University Press, 1916.

Источник

- Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор) (Версаль, 28 июня 1919 года)
- Женевские конвенции о защите жертв войны (Женева, 12 августа 1949 года)
- Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Конвенция I)
- Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Конвенция II)
- Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Конвенция III)
- Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV)
- Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 года)
- Разоружение**
- Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 года)
- Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 года)
- Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко) (с приложенными Дополнительными протоколами I и II) (Мехико, Федеральный округ, 14 февраля 1967 года)
- Договор о нераспространении ядерного оружия (Лондон, Москва и Вашингтон, округ Колумбия, 1 июля 1968 года)
- Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Вашингтон, округ Колумбия, Лондон и Москва, 11 февраля 1971 года)
- Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Лондон, Москва и Вашингтон, округ Колумбия, 10 апреля 1972 года)
- Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (с протоколами) (Женева, 10 октября 1980 года)
- Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Протокол II)
- Протокол о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия (Протокол III)
- Итоги империалистической войны: серия мирных договоров, «Версальский мирный договор», полный перевод с французского, под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина, Литиздат НКВД, М., 1925; British and Foreign State Papers, 1919, vol. CXII, London, H.M. Stationery Office, 1922, p. 1.*
- МИД СССР, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, выпуск XVI, Госполитиздат, М., 1957, стр. 71 и далее; United Nations, *Treaty Series*, vol. 75, Nos. 970–973, pp. 31 *et seq.*
- МИД СССР, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, выпуск XVI, Госполитиздат, М., 1957, стр. 71.
- Там же, стр. 101.
- Там же, стр. 125.
- Там же, стр. 204.
- United Nations, *Treaty Series*, vol. 1125, Nos. 17512–17513, 330 *et seq.*
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, выпуск V, 1930, стр. 4–5.
- United Nations, *Treaty Series*, vol. 480, No. 6964, p. 44.
- Ibid.*, vols. 634 and 1894, No. 9068, p. 281 and p. 335, соответственно.
- Ibid.*, vol. 729, No. 10485, p. 184.
- Ibid.*, vol. 955, No. 13678, p. 121.
- Ibid.*, vol. 1015, No. 14860, p. 170.
- Ibid.*, vol. 1342, No. 22495, p. 184.
- Ibid.*, vol. 1342, No. 22495, p. 168.
- Ibid.*, vol. 1342, No. 22495, p. 171.

Источник

- Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 года) *Ibid.*, vol. 1974, No. 33757, p. 45.
- Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (Нью-Йорк, 10 сентября 1996 года) Документ A/50/1027, приложение.
- Ответственность**
- Конвенция об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии (Париж, 29 июля 1960 года) МАГАТЭ, *Международные конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб*, Legal Series, No. 4, rev. ed. (Vienna, 1976), стр. 149; United Nations, *Treaty Series*, vol. 956, No. 13706, p. 251.
- Европейская конвенция о гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами (Страсбург, 14 мая 1973 года) Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 79.
- Конвенция о гражданской ответственности за ущерб в результате деятельности, опасной для окружающей среды (Лугано, 21 июня 1993 года) *Ibid.*, No. 150.
- Окружающая среда**
- Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местобитаний водоплавающих птиц (Рамсар (Иран), 2 февраля 1971 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 996, No. 14583, p. 245.
- Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, округ Колумбия, 3 марта 1973 года) *Ibid.*, vol. 993, No. 14537, p. 243.
- Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (Конвенция МАРПОЛ) (Лондон, 2 ноября 1973 года), с изменениями, внесенными Протоколом 1978 года (Лондон, 17 февраля 1978 года) *Ibid.*, vol. 1341, No. 22484, p. 3.
- Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (Нью-Йорк, 10 декабря 1976 года) *Ibid.*, vol. 1108, No. 17119, p. 151.
- Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных (с приложениями) (Бонн, 23 июня 1979 года) *Ibid.*, vol. 1651, No. 28395, p. 333.
- Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 13 ноября 1979 года) *Ibid.*, vol. 1302, No. 21623, p. 217.
- Протокол об ограничении выбросов окислов азота или их трансграничных потоков к Конвенции 1979 года о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (София, 31 октября 1988 года) *Ibid.*, vol. 1593, No. 27874, p. 287.
- Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 года) *Ibid.*, vol. 1673, No. 28911, p. 57.
- Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспоо, 25 февраля 1991 года) *Ibid.*, vol. 1989, No. 34028, p. 309.
- Соглашение об охране малых китов Балтийского и Северного морей (Нью-Йорк, 17 марта 1992 года) *Ibid.*, vol. 1772, No. 30865, p. 217.
- Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Хельсинки, 17 марта 1992 года) *Ibid.*, vol. 2105, No. 36605, p. 457.
- Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 года) *Ibid.*, vol. 1771, No. 30822, p. 218.
- Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 года) *Ibid.*, vol. 1760, No. 30619, p. 79.
- Соглашение о совместных операциях по пресечению незаконной торговли дикой фауной и флорой (Лусака, 8 сентября 1994 года) *Ibid.*, vol. 1950, No. 33409, p. 35.
- Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Роттердам, 10 сентября 1998 года) *Ibid.*, vol. 2244, No. 39973, p. 337.
- Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 года) Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 172.
- Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22 мая 2001 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 2256, No. 40214, p. 119.

Источник

Фискальные вопросы

Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам (Страсбург, 25 января 1988 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 1966, No. 33610, p. 215.

Общее международное право

- Устав Международной организации труда (1919 год) (изменен в 1922, 1945, 1946, 1953, 1962 и 1972 годах) Размещен на веб-сайте МОТ (www.ilo.org).
- Конвенция о положении иностранцев на территориях, подвластных договаривающимся сторонам (Гавана, 20 февраля 1928 года) League of Nations, *Treaty Series*, vol. CXXXII, No. 3045, p. 301.
- Статья соглашения Международного валютного фонда (Вашингтон, округ Колумбия, 27 декабря 1945 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 2, No. 20, p. 39.
- Европейская конвенция об обустройстве и предпринимательстве (Париж, 13 декабря 1955 года) *Ibid.*, vol. 529, No. 7660, p. 141.
- Устав Международного агентства по атомной энергии (Нью-Йорк, 26 октября 1956 года) *Ibid.*, vol. 276, No. 3988, p. 3.
- Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (Рим, 25 марта 1957 года) *Ibid.*, vol. 294, No. 4300, p. 3. См. также объединенную версию Договора об учреждении Европейского сообщества, *Official Journal of the European Communities*, No. C 340, 10 November 1997, p.173.
- Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (ЕВРАТОМ) (Рим, 25 марта 1957 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 295, No. 4301, p. 259.
- Соглашение об учреждении Межамериканского банка развития (Вашингтон, округ Колумбия, 8 апреля 1959 года) *Ibid.*, vol. 389, No. 5593, p. 69.
- Конвенция об Организации экономического сотрудничества и развития (Париж, 14 декабря 1960 года) *Ibid.*, vol. 888, No. 12736, p. 179.
- Декларация о нейтралитете Лаоса (Женева, 23 июля 1962 года) *Ibid.*, vol. 456, No. 6564, p. 301.
- Конвенция об унификации некоторых положений патентного права (Страсбург, 27 ноября 1963 года) *Ibid.*, vol. 1249, No. 20401, p. 369.
- Соглашение о создании Азиатского банка развития (Манила, 4 декабря 1965 года) *Ibid.*, vol. 571, No. 8303, p. 123.
- Международная конвенция о контрактах на путешествие (CCV) (Брюссель, 23 апреля 1970 года) *Ibid.*, vol. 1275, No. 21051, p. 540.
- Устав Всемирной туристской организации (Мехико, Федеральный округ, 27 сентября 1970 года) *Ibid.*, vol. 985, No. 14403, p. 350.
- Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) (Мюнхен, 5 октября 1973 года) и Акт о пересмотре Европейской патентной конвенции (Мюнхен, 29 ноября 2000 года) *Ibid.*, vol. 1065, No. 16208, p. 199, and European Patent Office, *Special edition No. 1 of the Official Journal 2001*, p. 1.
- Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (Мадрид, 21 мая 1980 года) United Nations, *Treaty Series*, vol. 1272, No. 20967, p. 61.
- Соглашение об учреждении Карибского сообщества (Порт-оф-Спейн, 26 февраля 1991 года) *Ibid.*, vol. 2247, No. 40015, p. 201.
- Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор) (Маастрихт, 7 февраля 1992 года) *Ibid.*, vol. 1757, No. 30615, p. 3.

Глава IV

ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ (окончание)*

Ф. Текст Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам, принятый Комиссией на ее шестьдесят третьей сессии

1. Текст руководящих положений, образующих Руководство по практике, вместе с приложением, посвященным диалогу об оговорках

1. Текст руководящих положений, составляющих Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам, принятый Комиссией на ее шестьдесят третьей сессии, вместе с приложением, посвященным диалогу об оговорках, воспроизводится ниже.

РУКОВОДСТВО ПО ПРАКТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ

1. Определения

1.1 Определение оговорок

1. «Оговорка» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении договора или присоединении к нему или государством при направлении уведомления о правопреемстве в отношении договора, посредством которого это государство или эта организация желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству или к данной организации.

2. Пункт 1 следует толковать как включающий оговорки, направленные на исключение или изменение юридического действия определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применении к государству или к международной организации, которые формулируют оговорку.

1.1.1 Заявления, направленные на ограничение обязательств их автора

Одностороннее заявление, формулируемое государством или международной организацией в момент, когда это государство или эта организация выражает свое согласие на обязательность договора, и посредством которого его автор желает ограничить обязательства, налагаемые на него договором, является оговоркой.

1.1.2 Заявления, направленные на выполнение обязательства эквивалентным методом

Одностороннее заявление, формулируемое государством или международной организацией в момент, когда это государство или эта организация выражает свое согласие на обязательность договора, и посредством которого это государство или эта организация желает выполнять вытекающее из договора обязательство иным методом, но считающимся

автором заявления эквивалентным тому, который предусмотрен договором, является оговоркой.

1.1.3 Оговорки, относящиеся к территориальной сфере действия договора

Одностороннее заявление, посредством которого государство желает исключить применение некоторых положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов к территории, к которой они применялись бы в отсутствие такого заявления, является оговоркой.

1.1.4 Оговорки, формулируемые при расширении территориальной сферы действия договора

Одностороннее заявление, посредством которого государство, при расширении территориальной сферы действия договора, желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в отношении этой территории, является оговоркой.

1.1.5 Оговорки, формулируемые совместно

Совместное формулирование оговорки несколькими государствами или международными организациями не влияет на односторонний характер этой оговорки.

1.1.6 Оговорки, формулируемые в соответствии с положениями, прямо разрешающими исключение или изменение определенных положений договора

Одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в момент, когда это государство или эта организация выражает свое согласие на обязательность договора в соответствии с положением, прямо разрешающим всем участникам или некоторым из участников исключать или изменять юридическое действие определенных положений договора в отношении участника, сделавшего заявление, является оговоркой, прямо разрешаемой договором.

1.2 Определение заявлений о толковании

«Заявление о толковании» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация желает уточнить или разъяснить смысл или сферу действия договора или определенных его положений.

1.2.1 Заявления о толковании, формулируемые совместно

Совместное формулирование заявления о толковании несколькими государствами или международными организациями не влияет на односторонний характер этого заявления о толковании.

1.3 Различие между оговорками и заявлениями о толковании

Характер одностороннего заявления как оговорки или заявления о толковании определяется юридическими последствиями, которых желает достичь его автор.

* См. разделы А–Е и F.1 данной главы в *Ежегоднике... 2011 год*, том II (часть вторая), пункты 51–75.

1.3.1 Метод установления различия между оговорками и заявлениями о толковании

Для определения того, является ли оговоркой или заявлением о толковании одностороннее заявление, сформулированное государством или международной организацией в отношении договора, необходимо толковать это заявление добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать его терминам, с целью определить, исходя из них, намерение его автора в свете договора, к которому оно относится.

1.3.2 Формулировка и наименование

Формулировка или наименование одностороннего заявления служит указанием на юридические последствия, на достижение которых оно направлено.

1.3.3 Формулирование одностороннего заявления в случае запрещения оговорок

Когда договор запрещает оговорки ко всем или к определенным его положениям, одностороннее заявление, сформулированное в отношении этих положений государством или международной организацией, считается не представляющим собой оговорку. Однако такое заявление является оговоркой, если оно направлено на исключение или изменение юридического действия определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применении к его автору.

1.4 Условные заявления о толковании

1. Условным заявлением о толковании является одностороннее заявление, формулируемое государством или международной организацией при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении договора или присоединении к нему, или государством при направлении уведомления о правопреемстве в отношении договора, посредством которого это государство или эта международная организация ставит свое согласие на обязательность договора в зависимости от оговоренного толкования договора или определенных его положений

2. На условные заявления о толковании распространяются правила, применимые к оговоркам.

1.5 Односторонние заявления, не являющиеся оговорками и заявлениями о толковании

Сформулированные в связи с договором односторонние заявления, которые не являются оговорками или заявлениями о толковании (включая условные заявления о толковании), не входят в сферу охвата настоящего Руководства по практике.

1.5.1 Заявления о непризнании

Одностороннее заявление, посредством которого государство указывает, что его участие в договоре не подразумевает признания образования, которое им не признается, не входит в сферу охвата настоящего Руководства по практике, даже если оно направлено на исключение применения договора между делающим заявление государством и непризнанным образованием.

1.5.2 Заявления, касающиеся условий осуществления договора на внутреннем уровне

Одностороннее заявление, сформулированное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация указывает, каким образом оно или она намерены осуществлять договор на внутреннем уровне, без ущерба для их прав и обязательств перед другими договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, не входит в сферу охвата настоящего Руководства по практике.

1.5.3 Односторонние заявления, сделанные в соответствии с положением, предусматривающим возможность выбора

1. Одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в соответствии с положением договора, разрешающим сторонам принять обязательство, не налагаемое другими положениями договора, или разрешающим им выбирать между двумя или несколькими положениями договора, не входит в сферу охвата настоящего Руководства по практике.

2. Ограничение или условие, содержащееся в заявлении, посредством которого государство или международная организация в соответствии с каким-либо положением договора принимает на себя обязательство, в противном случае договором не налагаемое, не является оговоркой.

1.6 Односторонние заявления в связи с двусторонними договорами

1.6.1 «Оговорки» к двусторонним договорам

Одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, формулируемое государством или международной организацией после парафирования или подписания двустороннего договора, но до его вступления в силу, посредством которого это государство или эта организация желает добиться от другой стороны изменения положений договора, не является оговоркой по смыслу настоящего Руководства по практике.

1.6.2 Заявления о толковании в связи с двусторонними договорами

Руководящие положения 1.2 и 1.4 применяются к заявлениям о толковании, касающимся как многосторонних, так и двусторонних договоров.

1.6.3 Юридические последствия принятия заявления о толковании, сделанного в связи с двусторонним договором другим участником

Толкование, которое вытекает из заявления о толковании двустороннего договора, сделанного государством или международной организацией, являющимися одним участником этого договора, и с которым согласился другой его участник, является аутентичным толкованием этого договора.

1.7 Альтернативы оговоркам и заявлениям о толковании

1.7.1 Альтернативы оговоркам

В целях достижения результатов, сравнимых с последствиями оговорок, государства или международные организации могут также использовать альтернативные средства, такие как:

a) включение в договор положения, имеющего целью сужение его сферы действия или применения;

b) заключение соглашения, которым два или несколько государств или международных организаций на основании конкретного положения договора желают исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в отношениях между собой.

1.7.2 Альтернативы заявлениям о толковании

В целях уточнения или разъяснения смысла или сферы действия договора или определенных его положений государства или международные организации, помимо заявлений о толковании, могут также использовать другие средства, такие как:

a) включение в договор положений, предназначенных для толкования этого договора;

b) заключение дополнительного соглашения с этой же целью одновременно с заключением договора или после его заключения.

1.8 Сфера применения определений

Определения односторонних заявлений, включенные в настоящую часть, не предпрещают вопроса о действительности и юридических последствиях таких заявлений согласно применимым к ним правилам.

2. Процедура

2.1 Форма оговорок и уведомление об оговорках

2.1.1 Форма оговорок

Оговорка должна формулироваться в письменной форме.

2.1.2 Мотивировка оговорок

В оговорке, насколько это возможно, следует указывать мотивы, по которым она формулируется.

2.1.3 Представительство для цели формулирования оговорки на международном уровне

1. С учетом практики, которая обычно применяется в международных организациях, являющихся депозитариями договоров, лицо считается представляющим государство или международную организацию для цели формулирования оговорки:

a) если это лицо предъявит соответствующие полномочия для целей принятия или установления аутентичности текста договора, в отношении которого формулируется оговорка, или выражения согласия государства или международной организации на обязательность этого договора; или

b) если из практики или из иных обстоятельств явствует, что намерение заинтересованных государств и международных организаций заключалось в том, чтобы это лицо рассматривалось как представляющее государство или международную организацию для этих целей без необходимости предъявления полномочий.

2. Следующие лица в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими свое государство для цели формулирования оговорки на международном уровне:

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел;

b) представители, аккредитованные государствами на международной конференции, для цели формулирования оговорки к договору, принятому на этой конференции;

c) представители, аккредитованные государствами при международной организации или одном из ее органов, для цели формулирования оговорки к договору, принятому в этой организации или в этом органе;

d) главы постоянных представительств при международной организации для цели формулирования оговорки к договору между аккредитующими государствами и этой организацией.

2.1.4 Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок

1. Компетентный орган и процедура, которой надлежит следовать на внутреннем уровне при формулировании оговорки, определяются внутренним правом каждого государства или соответствующими правилами каждой международной организации.

2. Государство или международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что оговорка была сформулирована в нарушение какого-либо положения внутреннего права этого государства или правил этой международной организации, касающихся полномочий и процедуры формулирования оговорок, как на основание недействительности этой оговорки.

2.1.5 Сообщение оговорок

1. Оговорка должна быть в письменной форме доведена до сведения договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора.

2. Оговорка к действующему договору, который является учредительным актом международной организации, должна быть также доведена до сведения этой организации.

2.1.6 Процедура сообщения оговорок

1. Если договор не предусматривает иного или если договаривающиеся государства и международные организации не условились об ином, сообщение оговорки к договору сопровождается:

a) при отсутствии депозитария, непосредственно автором оговорки – договаривающимся государством и договаривающимся организациям и другим государствам и другим международным организациям, имеющим право стать участниками договора; или

b) при наличии депозитария, – депозитарию, который в кратчайшие сроки уведомляет об этом государства и международные организации, которым оно адресовано.

2. Сообщение оговорки считается сделанным в отношении государства или международной организации только по его получении этим государством или этой организацией.

3. Сообщение оговорки к договору другим способом, помимо дипломатической ноты или уведомления со стороны депозитария, например по электронной почте или по факсимильной связи, должно быть в соответствующий срок подтверждено такой нотой или таким уведомлением. В этом случае оговорка считается сформулированной на дату первоначального сообщения.

2.1.7 Функции депозитария

1. Депозитарий изучает вопрос о том, находится ли сделанная государством или международной организацией оговорка к договору в полном порядке и надлежащей форме, и, в случае необходимости, доводит этот вопрос до сведения соответствующего государства или соответствующей международной организации.

2. В случае возникновения любого разногласия между государством или международной организацией и депозитарием относительно выполнения этой функции, депозитарий доводит этот вопрос до сведения:

a) подписавших договор государств и организаций и договаривающихся государств и договаривающихся организаций; или

b) в соответствующих случаях – компетентного органа заинтересованной международной организации.

2.2 Подтверждение оговорок

2.2.1 Официальное подтверждение оговорок, сформулированных при подписании договора

Если оговорка сформулирована при подписании договора, подлежащего ратификации, акту официального подтверждения, принятию или утверждению, она должна быть официально подтверждена государством или международной организацией, являющимися автором оговорки, при выражении своего согласия на обязательность договора. В этом случае оговорка считается сформулированной на дату ее подтверждения.

2.2.2 Случаи необязательности подтверждения оговорок, сформулированных при подписании договора

Оговорка, сформулированная при подписании договора, не требует последующего подтверждения, если государство

или международная организация путем его подписания выражает свое согласие на обязательность договора.

2.2.3 Оговорки, сформулированные при подписании, когда это прямо предусматривается договором

Когда договор прямо предусматривает, что государство или международная организация может формулировать оговорку при подписании договора, такая оговорка не требует официального подтверждения со стороны государства или международной организации, являющихся автором оговорки, при выражении своего согласия на обязательность договора.

2.2.4 Форма официального подтверждения оговорки

Официальное подтверждение оговорки должно быть сделано в письменной форме.

2.3 Последующее формулирование оговорок

Государство или международная организация не вправе формулировать оговорку к договору после выражения своего согласия на обязательность договора, если только договор не предусматривает иного или если только позднее формулирование оговорки не вызывает несогласия ни у одного из других договаривающихся государств и ни у одной из других договаривающихся организаций.

2.3.1 Принятие позднего формулирования оговорки

Если договор не предусматривает иного или если установившаяся практика депозитария не является иной, позднее формулирование оговорки считается принятым только в том случае, если ни одно договаривающееся государство и ни одна договаривающаяся организация не выразили несогласия с таким формулированием по истечении двенадцати месяцев с даты получения уведомления.

2.3.2 Срок для формулирования возражения против поздно сформулированной оговорки

Возражение против поздно сформулированной оговорки должно быть сформулировано в течение двенадцати месяцев с даты принятия в соответствии с руководящим положением 2.3.1 позднего формулирования оговорки.

2.3.3 Ограничения на возможность исключения или изменения юридического действия договора с помощью процедур иных, нежели оговорки

Договаривающееся государство или договаривающаяся организация не вправе исключать или изменять юридическое действие положений договора с помощью:

- a) толкования ранее сформулированной оговорки; или
- b) одностороннего заявления, которое делается впоследствии на основании положения, предусматривающего возможность выбора.

2.3.4 Расширение сферы действия оговорки

Изменение существующей оговорки, которое направлено на расширение сферы ее действия, регулируется правилами, применимыми к позднему формулированию оговорки. Однако если высказывается несогласие с таким изменением, первоначальная оговорка остается неизменной.

2.4 Процедура, касающаяся заявлений о толковании

2.4.1 Форма заявлений о толковании

Заявление о толковании предпочтительно формулировать в письменной форме.

2.4.2 Представительство в целях формулирования заявлений о толковании

Заявление о толковании должно формулироваться лицом, которое считается представляющим государство или международную организацию для цели принятия или установления

аутентичности текста договора или выражения согласия государства или международной организации на обязательность договора.

2.4.3 Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования заявлений о толковании

1. Компетентный орган и процедура, которой надлежит следовать на внутреннем уровне при формулировании заявления о толковании, определяются внутренним правом каждого государства или соответствующими правилами каждой международной организации.

2. Государство или международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что заявление о толковании было сформулировано в нарушение положений внутреннего права этого государства или правил этой международной организации, касающихся полномочий и процедуры формулирования заявлений о толковании, как на основание недействительности этого заявления о толковании.

2.4.4 Момент, в который может быть сформулировано заявление о толковании

Без ущерба для руководящих положений 1.4 и 2.4.7, заявление о толковании может быть сформулировано в любой момент.

2.4.5 Сообщение заявлений о толковании

Сообщение заявлений о толковании, сформулированных в письменной форме, следует осуществлять в соответствии с процедурой, установленной в руководящих положениях 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

2.4.6 Необязательность подтверждения заявлений о толковании, сформулированных при подписании договора

Заявление о толковании, сформулированное при подписании договора, не требует последующего подтверждения, когда государство или международная организация выражает свое согласие на обязательность договора.

2.4.7 Позднее формулирование заявления о толковании

Когда договор предусматривает, что заявление о толковании может формулироваться только в определенные моменты, государство или международная организация не вправе впоследствии формулировать заявление о толковании в отношении такого договора, если только ни одно из других договаривающихся государств и ни одна из других договаривающихся организаций не возражает против позднего формулирования заявления о толковании.

2.4.8 Изменение заявления о толковании

Если договор не предусматривает иного, заявление о толковании может быть изменено в любой момент.

2.5 Снятие и изменение оговорок и заявлений о толковании

2.5.1 Снятие оговорок

Если договор не предусматривает иного, оговорка может быть снята в любой момент, и для ее снятия не требуется согласия государства или международной организации, принявших оговорку.

2.5.2 Форма снятия

Снятие оговорки должно формулироваться в письменной форме.

2.5.3 Периодический обзор полезности оговорок

1. Государствам или международным организациям, которые сформулировали одну или несколько оговорок к договору, следует проводить периодический обзор таких оговорок и рассматривать вопрос о снятии тех оговорок, которые более не отвечают их цели.

2. В ходе такого обзора государствам и международным организациям следует уделять особое внимание задаче обеспечения целостности многосторонних договоров и в соответствующих случаях рассматривать полезность сохранения оговорок, в частности, с точки зрения изменений их внутреннего права со времени формулирования этих оговорок.

2.5.4 Представительство для цели снятия оговорки на международном уровне

1. С учетом практики, которая обычно применяется в международных организациях, являющихся депозитариями договоров, лицо считается представляющим государство или международную организацию для цели снятия оговорки, сформулированной от имени государства или международной организации:

a) если это лицо предъявит соответствующие полномочия для цели этого снятия; или

b) если из практики или из иных обстоятельств явствует, что намерение заинтересованных государств и международных организаций заключалось в том, чтобы это лицо рассматривалось как представляющее государство или международную организацию для этой цели без необходимости предъявления полномочий.

2. Следующие лица в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими государство в целях снятия оговорки на международном уровне от имени этого государства:

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел;

b) представители, аккредитованные государствами при международной организации или одним из ее органов, для цели снятия оговорки к договору, принятому в этой организации или в этом органе;

c) главы постоянных представительств при международной организации для цели снятия оговорки к договору, заключенному между аккредитуемыми государствами и этой организацией.

2.5.5 Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся снятия оговорок

1. Компетентный орган и процедура, которой надлежит следовать на внутреннем уровне для снятия оговорки, определяются внутренним правом каждого государства или соответствующими правилами каждой международной организации.

2. Государство или международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что оговорка была снята в нарушение положений внутреннего права этого государства или правил этой организации, касающихся полномочий и процедуры снятия оговорок, как на основание недействительности снятия.

2.5.6 Сообщение о снятии оговорки

Процедура сообщения о снятии оговорки осуществляется в соответствии с правилами, применимыми к сообщению оговорок, которые изложены в руководящих положениях 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

2.5.7 Последствия снятия оговорки

1. Снятие оговорки влечет за собой применение в полном объеме положений, к которым была сделана оговорка, в отношениях между государством или международной организацией, снявшими оговорку, и всеми другими участниками, будь то принявшими оговорку или возразившими против нее.

2. Снятие оговорки влечет за собой вступление в силу договора в отношениях между государством или международной организацией, снявшими оговорку, и государством или международной организацией, возразившими против

оговорки и не согласившимися по причине этой оговорки с вступлением в силу договора в отношениях между ними и государством или международной организацией, являвшимися автором оговорки.

2.5.8 Дата вступления в силу снятия оговорки

Если договор не предусматривает иного или в отсутствие договоренности об ином, снятие оговорки вступает в силу в отношении договаривающегося государства или договаривающейся организации только после получения этим государством или этой организацией уведомления о снятии.

2.5.9 Случаи, при которых автор оговорки может устанавливать дату вступления в силу снятия оговорки

Снятие оговорки вступает в силу в дату, установленную государством или международной организацией, которые снимают оговорку, когда:

a) эта дата наступает после даты, в которую другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации получают об этом уведомление; или

b) снятие не добавляет прав снимающим оговорку государству или международной организации по отношению к другим договаривающимся государствам или договаривающимся организациям.

2.5.10 Частичное снятие оговорок

1. Частичное снятие оговорки ограничивает юридические последствия оговорки и обеспечивает более полное применение отдельных положений договора или договора в целом в отношении между государством или международной организацией, снимающими оговорку, и другими участниками договора.

2. Частичное снятие оговорки подчиняется тем же правилам в отношении формы и процедуры, что и полное снятие, и вступает в силу в том же порядке.

2.5.11 Последствия частичного снятия оговорок

1. Частичное снятие оговорки изменяет юридические последствия оговорки в той мере, в какой это предусматривается новой формулировкой оговорки. Возражение, сформулированное в отношении этой оговорки, продолжает действовать, если автор его не снимает, в той мере, в какой возражение не относится исключительно к той части оговорки, которая была снята.

2. Никакое новое возражение не может быть сформулировано в отношении оговорки в связи с ее частичным снятием, если только это частичное снятие не имеет дискриминационных последствий.

2.5.12 Снятие заявлений о толковании

Заявление о толковании может быть снято в любой момент теми, кто считается для этой цели представляющим государство или международную организацию, в соответствии с той же процедурой, которая применима к его формулированию.

2.6 Формулирование возражений

2.6.1 Определение возражений против оговорок

«Возражение» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на оговорку к договору, сформулированную другим государством или другой международной организацией, посредством которого это государство или эта организация желает воспрепятствовать тому, чтобы оговорка произвела предполагаемые последствия, или иным образом не согласиться с оговоркой.

2.6.2 *Право формулировать возражения*

Государство или международная организация вправе формулировать возражение против оговорки независимо от материальной действительности этой оговорки.

2.6.3 *Автор возражения*

Возражение против оговорки может быть сформулировано:

a) любым договаривающимся государством или любой договаривающейся организацией; и

b) любым государством или любой международной организацией, которые имеют право стать участником договора, в каком случае такое возражение не имеет юридических последствий до выражения этим государством или этой международной организацией согласия на обязательность договора.

2.6.4 *Возражения, формулируемые совместно*

Совместное формулирование возражения несколькими государствами или международными организациями не влияет на односторонний характер этого возражения.

2.6.5 *Форма возражений*

Возражение должно формулироваться в письменной форме.

2.6.6 *Право не соглашаться с вступлением в силу договора в отношениях с автором оговорки*

Государство или международная организация, которые формулируют возражение против оговорки, вправе не соглашаться с вступлением в силу договора между собой и автором оговорки.

2.6.7 *Выражение намерения препятствовать вступлению в силу договора*

Когда государство или международная организация, формулирующие возражение против оговорки, намереваются препятствовать вступлению в силу договора между собой и государством или международной организацией, являющимися автором оговорки, оно или она должны определенно выразить это намерение до того, как договор в противном случае должен был бы вступить в силу между ними.

2.6.8 *Процедура формулирования возражений*

К возражениям применяются *mutatis mutandis* руководящие положения 2.1.3, 2.1.4, 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

2.6.9 *Мотивировка возражений*

В возражении, насколько это возможно, следует указывать мотивы, по которым оно формулируется.

2.6.10 *Необязательность подтверждения возражения, сформулированного до официального подтверждения оговорки*

Возражение против оговорки, сформулированное государством или международной организацией до подтверждения оговорки в соответствии с руководящим положением 2.2.1, само по себе не требует подтверждения.

2.6.11 *Подтверждение возражения, сформулированного до выражения согласия на обязательность договора*

Возражение, сформулированное до выражения согласия на обязательность договора, не требует официального подтверждения со стороны возразившего государства или возразившей международной организации в момент выражения согласия на обязательность договора, если это государство или эта организация подписали договор на тот момент, когда оно или она формулировали возражение; возражение требует подтверждения, если государство или международная организация не подписали договор.

2.6.12 *Срок формулирования возражений*

Если договор не предусматривает иного, государство или международная организация вправе формулировать возражение против оговорки до конца двенадцатимесячного периода после того, как они были уведомлены о такой оговорке, или до той даты, на которую такое государство или такая международная организация выражают свое согласие на обязательность договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней.

2.6.13 *Возражения, сформулированные впоследствии*

Возражение против оговорки, сформулированное после истечения срока, предусмотренного руководящим положением 2.6.12, не вызывает всех юридических последствий возражения, сформулированного с соблюдением этого срока.

2.7 *Снятие и изменение возражений против оговорок*

2.7.1 *Снятие возражений против оговорок*

Если договор не предусматривает иного, возражение против оговорки может быть снято в любое время.

2.7.2 *Форма снятия возражений против оговорок*

Снятие возражения против оговорки должно формулироваться в письменной форме.

2.7.3 *Формулирование снятия возражений против оговорок и сообщение о нем*

К снятию возражений против оговорок применимы *mutatis mutandis* руководящие положения 2.5.4, 2.5.5 и 2.5.6.

2.7.4 *Последствия снятия возражения для оговорки*

Государство или международная организация, снимающие возражение, сформулированное против оговорки, считаются принявшими эту оговорку.

2.7.5 *Дата вступления в силу снятия возражения*

Если договор не предусматривает иного или в отсутствие договоренности об ином, снятие возражения против оговорки вступает в силу только после получения государством или международной организацией, сформулировавшими оговорку, уведомления об этом.

2.7.6 *Случаи, при которых автор может устанавливать дату вступления в силу снятия возражения*

Снятие возражения против оговорки вступает в силу с даты, установленной его автором, если эта дата наступает после даты, в которую государство или международная организация, сформулировавшие оговорку, получают об этом уведомление.

2.7.7 *Частичное снятие возражения*

1. Если договор не предусматривает иного, государство или международная организация вправе частично снять возражение против оговорки.

2. Частичное снятие возражения подчиняется тем же правилам в отношении формы и процедуры, что и полное снятие, и вступает в силу в том же порядке.

2.7.8 *Последствия частичного снятия возражения*

Частичное снятие изменяет юридические последствия возражения для договорных отношений между автором возражения и автором оговорки в той мере, в какой это предусматривается новой формулировкой возражения.

2.7.9 *Расширение сферы действия возражения против оговорки*

1. Государство или международная организация, высказавшие возражение против оговорки, вправе расширять

сферу действия этого возражения в срок, указанный в руководящем положении 2.6.12.

2. Такое расширение сферы действия не может иметь последствий для существования договорных отношений между автором оговорки и автором возражения.

2.8 *Формулирование принятия оговорок*

2.8.1 *Формы принятия оговорок*

Принятие оговорки может вытекать из соответствующего одностороннего заявления или молчания со стороны договаривающегося государства или договаривающейся организации в течение сроков, установленных в руководящем положении 2.6.12.

2.8.2 *Молчаливое принятие оговорок*

Если договор не предусматривает иного, оговорка считается принятой государством или международной организацией, если они не выскажут возражений против оговорки в течение периода времени, предусмотренного в руководящем положении 2.6.12.

2.8.3 *Определенно выраженное принятие оговорок*

Государство или международная организация вправе в любой момент осуществить определенно выраженное принятие оговорки, сформулированной другим государством или другой международной организацией.

2.8.4 *Форма определенно выраженного принятия оговорок*

Определенно выраженное принятие оговорки должно формулироваться в письменной форме.

2.8.5 *Процедура формулирования определенно выраженного принятия оговорок*

К определенно выраженному принятию применяются *mutatis mutandis* руководящие положения 2.1.3, 2.1.4, 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

2.8.6 *Необязательность подтверждения принятия, сформулированного до официального подтверждения оговорки*

Определенно выраженное принятие оговорки государством или международной организацией, сформулированное до подтверждения оговорки в соответствии с руководящим положением 2.2.1, само по себе не требует подтверждения.

2.8.7 *Единое принятие оговорок*

В случае если оговорка требует единого принятия некоторыми или всеми государствами или международными организациями, являющимися участниками договора или имеющими право стать участниками договора, такое принятие после его осуществления является окончательным.

2.8.8 *Принятие оговорок к учредительному акту международной организации*

Когда договор является учредительным актом международной организации и если он не предусматривает иного, оговорка должна быть принята компетентным органом этой организации.

2.8.9 *Орган, компетентный принимать оговорку к учредительному акту*

С учетом правил организации органом, компетентным принимать оговорку к учредительному акту международной организации, является орган, компетентный выносить решения:

- a) о приеме в члены организации; или
- b) о внесении поправок в учредительный акт; или
- c) о толковании этого акта.

2.8.10 *Способы принятия оговорок к учредительному акту*

1. С учетом правил организации принятие оговорки компетентным органом организации не является молчаливым. Однако прием государства или международной организации, являющихся авторами оговорки, в члены организации равносителен принятию этой оговорки.

2. Для целей принятия оговорки к учредительному акту международной организации индивидуальное принятие оговорки государствами или международными организациями, являющимися членами организации, не требуется.

2.8.11 *Принятие оговорок к учредительному акту, который еще не вступил в силу*

В случае, предусмотренном в руководящем положении 2.8.8, и когда учредительный акт еще не вступил в силу, оговорка считается принятой, если ни одно из подписавших этот акт государств или ни одна из подписавших этот акт международных организаций не высказали возражений против этой оговорки в течение двенадцатимесячного периода с того момента, как оно или она были уведомлены об этой оговорке. Такое единогласное принятие после его достижения является окончательным.

2.8.12 *Реакция члена международной организации на оговорку к ее учредительному акту*

Руководящее положение 2.8.10 не препятствует государствам или международным организациям, являющимся членами международной организации, занимать позицию в отношении материальной действительности или уместности оговорки к учредительному акту организации. Такая позиция сама по себе не имеет юридических последствий.

2.8.13 *Окончательный характер принятия оговорок*

Принятие оговорки не может быть отозвано или изменено.

2.9 *Формулирование реакций на заявления о толковании*

2.9.1 *Одобрение заявления о толковании*

Под «одобрением» заявления о толковании понимается одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на заявление о толковании договора, сформулированное другим государством или другой международной организацией, посредством которого первое государство или первая организация выражает свое согласие с толкованием, сформулированным в этом заявлении.

2.9.2 *Несогласие с заявлением о толковании*

Под «несогласием» с заявлением о толковании понимается одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на заявление о толковании договора, которое сформулировано другим государством или другой международной организацией, посредством которого первое государство или первая организация не соглашается с толкованием, сформулированным в заявлении о толковании, в том числе посредством формулирования альтернативного толкования.

2.9.3 *Переквалификация заявления о толковании*

1. Под «переквалификацией» заявления о толковании понимается одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на заявление о толковании договора, сформулированное другим государством или другой международной организацией, посредством которого первое государство или первая организация намеревается считать это заявление оговоркой.

2. Государству или международной организации, которые намереваются считать заявление о толковании оговоркой, следует учитывать руководящие положения 1.3–1.3.3.

2.9.4 *Право формулировать одобрение, несогласие или осуществлять переквалификацию*

Одобрение, несогласие или переквалификация в отношении заявления о толковании могут быть сформулированы в любой момент любым договаривающимся государством и любой договаривающейся организацией, а также любым государством и любой международной организацией, имеющими право стать участниками договора.

2.9.5 *Форма одобрения, несогласия и переквалификации*

Одобрение, несогласие и переквалификацию в отношении заявления о толковании предпочтительно формулировать в письменной форме.

2.9.6 *Мотивировка одобрения, несогласия и переквалификации*

Одобрение, несогласие и переквалификацию в отношении заявления о толковании следует, насколько это возможно, мотивировать.

2.9.7 *Формулирование одобрения, несогласия и переквалификации и сообщение о них*

К одобрению, несогласию и переквалификации в отношении заявления о толковании применяются *mutatis mutandis* руководящие положения 2.1.3, 2.1.4, 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

2.9.8 *Отсутствие презумпции одобрения или несогласия*

1. Одобрение заявления о толковании или несогласие с ним не презюмируются.

2. Независимо от руководящих положений 2.9.1 и 2.9.2, вывод об одобрении заявления о толковании или о несогласии с ним может быть сделан, в исключительных случаях, на основании поведения затрагиваемых государств или международных организаций с учетом всех соответствующих обстоятельств.

2.9.9 *Молчание в отношении заявления о толковании*

Одобрение заявления о толковании не вытекает лишь из молчания государства или международной организации.

3. *Материальная действительность оговорок и заявлений о толковании*

3.1 *Материально действительные оговорки*

Государство или международная организация вправе при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении договора или присоединении к нему формулировать оговорку, если только:

- a) такая оговорка не запрещается договором;
- b) договор не предусматривает, что к нему можно делать только конкретно определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит; или
- c) в случаях, не подпадающих под действие пунктов a) и b), оговорка не является несовместимой с объектом и целью договора.

3.1.1 *Оговорки, запрещенные договором*

Оговорка запрещена договором, если он содержит положение:

- a) запрещающее любые оговорки;
- b) запрещающее оговорки к конкретно определенным положениям, к которым данная оговорка относится; или
- c) запрещающее некоторые категории оговорок, включая данную оговорку.

3.1.2 *Определение «конкретно определенных оговорок»*

Для целей руководящего положения 3.1 выражение «конкретно определенные оговорки» означает оговорки, которые прямо предусматриваются в договоре к некоторым положениям договора или к договору в целом в отношении некоторых определенных аспектов.

3.1.3 *Материальная действительность оговорок, не запрещенных договором*

Когда договор запрещает формулирование некоторых оговорок, оговорка, которая не запрещена договором, может формулироваться государством или международной организацией, только если она не является несовместимой с объектом и целью договора.

3.1.4 *Материальная действительность конкретно определенных оговорок*

Когда договор предусматривает формулирование конкретно определенных оговорок, не уточняя их содержания, оговорка может формулироваться государством или международной организацией, только если она не является несовместимой с объектом и целью договора.

3.1.5 *Несовместимость оговорки с объектом и целью договора*

Оговорка несовместима с объектом и целью договора, если она затрагивает существенно важный элемент договора, необходимый для его общей структуры, таким образом, что подрывает смысл существования договора.

3.1.5.1 *Установление объекта и цели договора*

Объект и цель договора должны устанавливаться добросовестно, с учетом терминов договора в их контексте, в частности названия договора и преамбулы к нему. Возможно также обращение к подготовительным материалам договора и обстоятельствам его заключения и, когда это уместно, последующей практике участников.

3.1.5.2 *Неясные или общие оговорки*

Оговорка излагается таким образом, чтобы можно было понять ее смысл, в частности, для оценки ее совместимости с объектом и целью договора.

3.1.5.3 *Оговорки к положению, отражающему обычную норму*

Тот факт, что положение договора отражает норму международного обычного права, сам по себе не служит препятствием для формулирования оговорки к этому положению.

3.1.5.4 *Оговорки к положениям, касающимся прав, отступление от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах*

Государство или международная организация не вправе формулировать оговорку к положению договора, касающемуся прав, отступление от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах, если только эта оговорка не является совместимой с существенно важными правами и обязательствами, вытекающими из этого договора. При оценке такой совместимости учитывается важность, которую участники придают этим правам посредством признания их в качестве прав, не допускающих отступлений.

3.1.5.5 *Оговорки, связанные с внутренним правом*

Оговорка, посредством которой государство или международная организация желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора или договора в целом, с тем чтобы сохранить целостность конкретных норм внутреннего права этого государства или конкретных правил этой организации, действующих на момент формулирования оговорки, может формулироваться, только

если она не затрагивает существенно важный элемент договора или его общую структуру.

3.1.5.6 Оговорки к договорам, содержащим комплекс взаимозависимых прав и обязанностей

Для оценки совместимости оговорки с объектом и целью договора, содержащего комплекс взаимозависимых прав и обязанностей, учитывается такая взаимозависимость, а также важность положения, которого касается оговорка, в общей структуре договора, и степень воздействия такой оговорки на договор.

3.1.5.7 Оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или контроля за выполнением договора

Оговорка к договорному положению, касающемуся урегулирования споров или контроля за выполнением договора, сама по себе не является несовместимой с объектом и целью договора, если только:

a) оговорка не имеет целью исключить или изменить юридическое действие положения договора, существенно важного для смысла его существования; или

b) оговорка не имеет своим следствием выведение государства или международной организации, являющихся автором оговорки, из-под действия механизма урегулирования спора или контроля за выполнением договора в связи с договорным положением, ранее принятым государством или международной организацией, если сама цель договора состоит в приведении в действие такого механизма.

3.2 Оценка материальной действительности оговорок

Оценивать в рамках своей соответствующей компетенции материальную действительность оговорок к договору, сформулированных государством или международной организацией, могут:

a) договаривающиеся государства или договаривающиеся организации;

b) органы по урегулированию споров;

c) наблюдательные договорные органы.

3.2.1 Компетенция наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок

1. Наблюдательный договорный орган вправе для выполнения возложенных на него функций оценивать материальную действительность оговорок, сформулированных государством или международной организацией.

2. Юридическая сила оценки, произведенной таким органом при осуществлении им этой компетенции, не превышает юридической силы акта, в котором она содержится.

3.2.2 Конкретизация компетенции наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок

Наделяя какие-либо органы компетенцией наблюдать за применением договоров, государствам или международным организациям следует, когда это уместно, конкретно указывать характер и пределы компетенции таких органов по оценке материальной действительности оговорок.

3.2.3 Учет оценок наблюдательных договорных органов

Государства и международные организации, сформулировавшие оговорки к договору, предусматривающему создание наблюдательного договорного органа, учитывают оценку этим органом материальной действительности оговорок.

3.2.4 Органы, компетентные оценивать материальную действительность оговорок в случае создания наблюдательного договорного органа

Когда на основании договора создается наблюдательный договорный орган, компетенция этого органа не затрагивает компетенцию договаривающихся государств или договаривающихся организаций оценивать материальную действительность оговорок к этому договору или компетенцию органов по урегулированию споров, компетентных толковать или применять договор.

3.2.5 Компетенция органов по урегулированию споров оценивать материальную действительность оговорок

Когда орган по урегулированию споров компетентен принимать решения, являющиеся обязательными для сторон спора, и оценка материальной действительности оговорки необходима для осуществления этой компетенции данным органом, такая оценка в качестве элемента решения является юридически обязательной для сторон.

3.3 Последствия материальной недействительности оговорок

3.3.1 Несущественность различия между основаниями материальной недействительности

Оговорка, сформулированная несмотря на запрет, вытекающий из положений договора, или несмотря на ее несовместимость с объектом и целью договора, является материально недействительной без необходимости проводить различие между последствиями этих оснований для целей материальной недействительности.

3.3.2 Материальная недействительность оговорок и международная ответственность

Формулирование материально недействительной оговорки имеет свои последствия в рамках права договоров и не влечет международной ответственности государства или международной организации, которые ее сформулировали.

3.3.3 Отсутствие последствий индивидуального принятия оговорок для материальной действительности оговорок

Принятие материально недействительной оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией не затрагивает материальной недействительности оговорки.

3.4 Материальная действительность реакций на оговорки

3.4.1 Материальная действительность принятия оговорок

Никакое условие материальной действительности на принятие оговорки не распространяется.

3.4.2 Материальная действительность возражения против оговорки

Возражение против оговорки, которым государство или международная организация желает исключить в своих отношениях с автором оговорки применение положений договора, не затрагиваемых оговоркой, является материально действительным только в том случае, если:

a) исключаемые таким образом положения имеют достаточную связь с положениями, которые затрагиваются оговоркой; и

b) возражение не лишает договор объекта и цели в отношениях между автором оговорки и автором возражения.

3.5 Материальная действительность заявления о толковании

Государство или международная организация вправе формулировать заявление о толковании, если только заявление о толковании не запрещено договором.

3.5.1 Материальная действительность заявления о толковании, являющегося в сущности оговоркой

Если одностороннее заявление, которое выглядит как заявление о толковании, в сущности представляет собой оговорку, его материальная действительность должна оцениваться в соответствии с правилами руководящих положений 3.1–3.1.5.7.

3.6 Материальная действительность реакций на заявления о толковании

Одобрение, несогласие или переквалификация заявления о толковании не подчиняются никаким условиям материальной действительности.

4. Правовые последствия оговорок и заявлений о толковании

4.1 Вступление в действие оговорки в отношении другого государства или другой международной организации

Оговорка, сформулированная государством или международной организацией, действует в отношении договаривающегося государства или договаривающейся организации, если она является материально действительной и сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами и если это договаривающееся государство или договаривающаяся организация ее приняли.

4.1.1 Вступление в действие оговорки, прямо разрешаемой договором

1. Оговорка, прямо разрешаемая договором, не требует никакого последующего принятия другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, если только договор не предусматривает такого принятия.

2. Оговорка, прямо разрешаемая договором, действует в отношении других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, если она сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами.

4.1.2 Вступление в действие оговорки к договору, который должен применяться комплексно

Если из ограниченного числа участвовавших в переговорах государств и организаций и из объекта и целей договора явствует, что применение договора в комплексе между всеми его участниками является существенным условием согласия каждого участника на обязательность для него договора, оговорка к такому договору действует в отношении других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, если она является материально действительной и сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами и если все договаривающиеся государства и договаривающиеся организации ее приняли.

4.1.3 Вступление в действие оговорки к учредительному акту международной организации

Когда договор является учредительным актом международной организации, оговорка к этому договору действует в отношении других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, если она является материально действительной и сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами и если она принята в соответствии с руководящими положениями 2.8.8–2.8.11.

4.2 Последствия действующей оговорки

4.2.1 Статус автора действующей оговорки

Как только оговорка становится действующей в соответствии с руководящими положениями 4.1–4.1.3, ее автор становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией договора.

4.2.2 Последствия действующей оговорки для вступления договора в силу

1. В случае, когда договор еще не вступил в силу, автор оговорки включается в число договаривающихся государств или договаривающихся организаций, требуемое для вступления договора в силу, как только оговорка становится действующей.

2. Однако автор оговорки может быть включен в число договаривающихся государств или договаривающихся организаций, требуемое для вступления договора в силу, до того, как оговорка станет действующей, если против этого не выступает ни одно договаривающееся государство или ни одна договаривающаяся организация.

4.2.3 Последствия действующей оговорки для статуса ее автора в качестве участника договора

Действующая оговорка превращает ее автора в участника договора применительно к договаривающимся государствам и договаривающимся международным организациям, в отношении которых действует оговорка, если договор вступил в силу или когда он вступит в силу.

4.2.4 Последствия действующей оговорки для договорных отношений

1. Оговорка, действующая в отношении какого-либо другого участника, исключает или изменяет для государства или международной организации, являющихся автором оговорки, в отношении с этим другим участником юридическое действие положений договора, которых касается оговорка, или договора в целом применительно к определенным конкретным аспектам в пределах сферы действия этой оговорки.

2. В той степени, в какой действующая оговорка исключает юридическое действие определенных положений договора, автор этой оговорки не имеет ни прав, ни обязательств согласно этим положениям в его отношениях с другими участниками, применительно к которым действует эта оговорка. Аналогичным образом, эти другие участники не имеют ни прав, ни обязательств согласно этим положениям в их отношениях с автором оговорки.

3. В той степени, в какой действующая оговорка изменяет юридическое действие определенных положений договора, ее автор имеет права и обязательства согласно этим положениям, как они были изменены данной оговоркой, в его отношениях с другими участниками, применительно к которым действует эта оговорка. Эти другие участники имеют права и обязательства согласно этим положениям, как они были изменены данной оговоркой, в их отношениях с автором оговорки.

4.2.5 Отсутствие взаимности в соблюдении обязательств, которых касается оговорка

В той мере, в какой обязательства согласно положениям, которых касается оговорка, не являются предметом взаимного соблюдения ввиду характера обязательства или объекта и цели договора, содержание обязательств иных участников договора, нежели автор оговорки, не затрагивается. Аналогичным образом, содержание обязательств этих участников не затрагивается, когда взаимное соблюдение не является возможным ввиду содержания оговорки.

4.2.6 Толкование оговорок

Оговорка должна толковаться добросовестно, с учетом намерения ее автора, как оно отражено прежде всего в тексте оговорки, а также объекта и цели договора и обстоятельств, при которых оговорка была сформулирована.

4.3 Последствия возражения против действительной оговорки

Если только оговорка не является действующей по отношению к государству или организации, высказавшим возражение, формулирование возражения против действительной

оговорки препятствует этой оговорке иметь желаемые последствия по отношению к этому государству или к этой международной организации.

4.3.1 *Последствия возражения для вступления договора в силу между автором возражения и автором оговорки*

Возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации против действительной оговорки не препятствует вступлению договора в силу между государством или международной организацией, возразившим против оговорки, и государством или организацией, являвшимся автором оговорки, за исключением случая, предусмотренного руководящим положением 4.3.5.

4.3.2 *Последствия возражения против поздно сформулированной оговорки*

Если договаривающееся государство или договаривающаяся организация возражает против оговорки, позднее формулирование которой было единогласно принято в соответствии с руководящим положением 2.3.1, договор вступает в силу или остается в силе в отношении государства или международной организации, являвшихся автором оговорки, без вступления оговорки в действие.

4.3.3 *Вступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения*

Договор вступает в силу между автором действительной оговорки и договаривающимся государством или договаривающейся организацией, высказавшими возражение, как только автор оговорки становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией согласно руководящему положению 4.2.1, и договор вступает в силу.

4.3.4 *Невступление договора в силу для автора оговорки, когда требуется единогласное принятие*

Если для того, чтобы оговорка стала действующей, требуется принятие оговорки всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, любое возражение, высказанное против действительной оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией, препятствует вступлению договора в силу для государства или организации, являющимися автором оговорки.

4.3.5 *Невступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения с максимальным эффектом*

Возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации против действительной оговорки препятствует вступлению договора в силу между государством или организацией, возражающим против оговорки, и государством или организацией, являющимися автором оговорки, если возражающее государство или возражающая организация определенно заявят о таком намерении в соответствии с руководящим положением 2.6.7.

4.3.6 *Последствия возражения для договорных отношений*

1. В случае, когда государство или международная организация, возражающие против действительной оговорки, не возразили против вступления договора в силу между ними и государством или организацией, являющимися автором оговорки, положения, которых касается оговорка, не применяются между автором оговорки и возражающим государством или возражающей организацией в пределах сферы действия такой оговорки.

2. В той степени, в какой действительная оговорка имеет целью исключение юридического действия определенных положений договора, когда договаривающееся государство или договаривающаяся организация высказывает возражение против нее, но не заявляет о своем несогласии с вступлением договора в силу между ними и автором оговорки, государство или организация, высказавшие возражение против оговорки, и автор оговорки не связаны в своих договорных отношениях положениями, которых касается оговорка.

3. В той степени, в какой действительная оговорка имеет целью изменение юридического действия определенных положений договора, когда договаривающееся государство или договаривающаяся организация высказывает возражение против нее, но не заявляет о своем несогласии с вступлением договора в силу между ними и автором оговорки, государство или организация, высказавшие возражение против оговорки, и автор оговорки не связаны в своих договорных отношениях положениями договора, на изменение которых направлена оговорка.

4. Все договорные положения, иные, нежели те, которых касается оговорка, остаются применимыми в отношениях между государством или организацией, являющимися автором оговорки, и государством или организацией, высказавшими возражение против нее.

4.3.7 *Последствия возражения для положений иных, нежели те, которых касается оговорка*

1. Положение договора, которого не касается оговорка, но которое имеет достаточно тесную связь с положениями, которых она касается, не применяется в договорных отношениях между автором оговорки и автором возражения, сформулированного в соответствии с руководящим положением 3.4.2.

2. Государство или организация, являющиеся автором оговорки, вправе в течение двенадцати месяцев после уведомления о возражении, последствия которого указаны в пункте 1, заявить о своем несогласии с вступлением договора в силу между ними и государством или организацией, высказавшими возражение. В отсутствие такого заявления о несогласии договор применяется в отношениях между автором оговорки и автором возражения в той степени, в какой это предусмотрено оговоркой и возражением.

4.3.8 *Право автора действительной оговорки не соблюдать договор без учета его оговорки*

Автор действительной оговорки не обязан соблюдать положения договора без учета своей оговорки.

4.4 *Последствия оговорки для внедоговорных прав и обязательств*

4.4.1 *Отсутствие последствий для прав и обязательств по другим договорам*

Оговорка, принятие оговорки или возражение против оговорки не изменяют и не исключают каких-либо прав и обязательств своих авторов по другим договорам, участниками которых они являются.

4.4.2 *Отсутствие последствий для прав и обязательств по международному обычному праву*

Оговорка к положению договора, которое отражает норму международного обычного права, сама по себе не затрагивает права и обязательства согласно этой норме, которая продолжает применяться как таковая в отношениях между государством или организацией, являющимися автором оговорки, и другими государствами или международными организациями, которые связаны этой нормой.

4.4.3 *Отсутствие последствий для применения императивной нормы общего международного права (jus cogens)*

1. Оговорка к положению договора, которое отражает императивную норму общего международного права (jus cogens), не затрагивает обязательного характера этой нормы, которая продолжает применяться как таковая в отношениях между государством или организацией, являющимися автором оговорки, и другими государствами или международными организациями.

2. Оговорка не может исключать или изменять юридическое действие договора вопреки императивной норме общего международного права.

4.5 Последствия недействительной оговорки

4.5.1 Ничтожность недействительной оговорки

Оговорка, которая не соответствует условиям формальной и материальной действительности, закрепленным в частях 2 и 3 Руководства по практике, является ничтожной и поэтому не имеет никакой юридической силы.

4.5.2 Реакции на оговорку, считающуюся недействительной

1. Ничтожность недействительной оговорки не зависит от возражения или принятия со стороны договаривающегося государства или договаривающейся организации.

2. Тем не менее государству или международной организации, которые считают, что данная оговорка недействительна, следует как можно скорее сформулировать мотивированное возражение против нее.

4.5.3 Статус автора недействительной оговорки в отношении договора

1. Статус автора недействительной оговорки в отношении договора зависит от намерения, выраженного государством или международной организацией, являющимися автором оговорки, относительно того, намерены ли они считать себя связанными договором без учета оговорки, или же они считают себя не связанными договором.

2. Если автор недействительной оговорки не выразил противоположного намерения или подобное намерение не было установлено иным образом, он считается договаривающимся государством или договаривающейся организацией без учета оговорки.

3. Независимо от пунктов 1 и 2, автор недействительной оговорки может в любое время высказать намерение не быть связанным договором без учета оговорки.

4. Если наблюдательный договорный орган выражает мнение, что оговорка недействительна, и государство или международная организация, являющиеся автором оговорки, не намерены связывать себя договором без учета оговорки, они должны выразить такое свое намерение в течение 12 месяцев с даты такой оценки наблюдательного договорного органа.

4.6 Отсутствие последствий оговорки для отношений между другими сторонами договора

Оговорка не изменяет положений договора для других участников договора в их отношениях между собой.

4.7 Последствия заявлений о толковании

4.7.1 Разъяснение условий договора посредством заявления о толковании

1. Заявление о толковании не изменяет договорных обязательств. Оно может только указывать или разъяснять значение или сферу действия, которые его автор признает за договором или его определенными положениями, и может соответственно составлять элемент, который надлежит учитывать при толковании договора в соответствии с общим правилом толкования договоров.

2. При толковании договора надлежащим образом учитывается также одобрение такого заявления о толковании или несогласие с ним других договаривающихся государств или договаривающихся организаций.

4.7.2 Последствия изменения или снятия заявления о толковании

Изменение или снятие заявления о толковании не может вызывать последствия, предусмотренные в проекте руководящего положения 4.7.1, в той мере, в какой другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации основывались на первоначальном заявлении.

4.7.3 Последствия заявления о толковании, одобренного всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями

Заявление о толковании, одобренное всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, может представлять собой соглашение по вопросу о толковании договора.

5. Оговорки, принятие оговорок, возражения против них и заявления о толковании в случае правопреемства государств

5.1 Оговорки в случае правопреемства государств

5.1.1 Случай нового независимого государства

1. В случае, когда новое независимое государство устанавливает свой статус в качестве участника или договаривающегося государства многостороннего договора посредством уведомления о правопреемстве, оно рассматривается как сохраняющее любую оговорку к этому договору, которая была действительной в момент правопреемства государств в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств, за исключением тех случаев, когда, делая уведомление о правопреемстве, оно выражает противоположное намерение или формулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу, что и вышеуказанная оговорка.

2. В случае, когда новое независимое государство делает уведомление о правопреемстве, устанавливающее его статус в качестве участника или договаривающегося государства многостороннего договора, оно может сформулировать любую оговорку, кроме такой, которая исключалась бы положениями подпунктов а), b) или с) руководящего положения 3.1.

3. В случае, когда новое независимое государство формулирует оговорку в соответствии с пунктом 2, в отношении этой оговорки применяются соответствующие правила, закрепленные в части 2 (Процедура) Руководства по практике.

4. Для целей настоящей части Руководства по практике выражение «новое независимое государство» означает государство-преемник, территория которого непосредственно перед моментом правопреемства государств являлась зависимой территорией, за международные отношения которой было ответственно государство-предшественник.

5.1.2 Случай объединения или отделения государств

1. С учетом положений руководящего положения 5.1.3 государство-преемник, являющееся участником договора в результате объединения или отделения государств, рассматривается как сохраняющее любую оговорку к договору, который на момент правопреемства применялся в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, за исключением случаев, когда в связи с правопреемством оно уведомляет о намерении не сохранять одну или более оговорок государства-предшественника.

2. Государство-преемник, являющееся участником договора в результате объединения или отделения государств, не может ни формулировать новую оговорку, ни расширять сферу действия сохраняемой оговорки.

3. В случае, когда государство-преемник, образовавшееся в результате объединения или отделения государств, делает уведомление, посредством которого оно устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник являлось договаривающимся государством, это государство рассматривается как сохраняющее любую оговорку к договору, который на момент правопреемства применялся в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, за исключением случаев, когда в связи с правопреемством оно уведомляет о противоположном намерении или формулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу,

что и вышеуказанная оговорка. Это государство-преемник может сформулировать новую оговорку к договору.

4. Государство-преемник может сформулировать оговорку в соответствии с пунктом 3 только в том случае, если эта оговорка не относится к числу тех, формулирование которых исключалось бы положениями пунктов *a)*, *b)* или *c)* руководящего положения 3.1. В отношении этой оговорки применяются соответствующие правила, установленные в части 2 (Процедура) Руководства по практике.

5.1.3 Неприменимость некоторых оговорок в случае объединения государств

В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении любого из этих государств, остается в силе в отношении государства-преемника, оговорки, сформулированные одним из этих государств, которое на момент правопреемства государств являлось договаривающимся государством, в отношении которого договор не находился в силе, не сохраняются.

5.1.4 Принцип сохранения территориальной сферы действия оговорок государства-предшественника

С учетом руководящего положения 5.1.5 оговорка, которая считается сохраненной в силу пункта 1 руководящего положения 5.1.1 или пунктов 1 или 3 руководящего положения 5.1.2, сохраняет территориальную сферу действия, которую она имела на момент правопреемства государств, за исключением случаев, когда государство-преемник выражает противоположное намерение.

5.1.5 Территориальная сфера действия оговорок в случае объединения государств

1. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении только одного из государств, которые образуют государство-преемник, становится применимым к части территории этого государства, к которой он не был применим ранее, любая оговорка, которая считается сохраненной государством-предшественником, применяется к этой территории, за исключением случаев, когда:

a) государство-преемник в связи с уведомлением о расширении территориальной сферы действия договора выражает противоположное намерение; или

b) из характера или объекта оговорки явствует, что ее применение не может быть распространено за пределы территории, к которой она была применима на момент правопреемства государств.

2. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении двух или более государств, участвующих в объединении, становится применимым к части территории государства-преемника, к которой на момент правопреемства государств он не был применим, никакая оговорка не может быть распространена на эту территорию, за исключением случаев, когда:

a) идентичная оговорка была сформулирована каждым из этих государств, в отношении которых на момент правопреемства государств договор находился в силе;

b) государство-преемник в связи с уведомлением о расширении территориальной сферы действия договора выражает иное намерение; или

c) противоположное намерение иным образом не явствует из обстоятельств правопреемства этого государства в отношении договора.

3. Уведомление о расширении территориальной сферы действия оговорки по смыслу подпункта *b)* пункта 2 не порождает последствий, если такое расширение привело бы

к применению к одной и той же территории оговорок, противоречащих друг другу.

4. Положения пунктов 1–3 применяются *mutatis mutandis* к оговоркам, считающимся сохраненными государством-преемником, которое вследствие объединения государств является договаривающимся государством договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе ни для одного из государств, участвующих в объединении, однако в отношении которого одно или, в зависимости от обстоятельств, несколько из этих государств на этот момент были договаривающимися государствами, когда этот договор становится применимым к части территории государства-преемника, к которой на момент правопреемства государств он не был применим.

5.1.6 Территориальная сфера действия оговорок государства-преемника в случае правопреемства в отношении части территории

В случае, когда вследствие правопреемства государств, касающегося части территории, договор, в отношении которого государство-преемник является договаривающимся государством, становится применимым к этой территории, любая оговорка к указанному договору, сформулированная ранее этим государством, применяется также к указанной территории с момента правопреемства государств, за исключением случаев, когда:

a) государство-преемник выражает противоположное намерение; или

b) из оговорки явствует, что ее сфера действия ограничивалась только территорией государства-преемника в границах, существовавших до момента правопреемства государств, или какой-либо частью этой территории.

5.1.7 Действие во времени несохранения государством-преемником оговорки, сформулированной государством-предшественником

Несохранение в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 и 5.1.2 государством – преемником оговорки, сформулированной государством-предшественником, вступает в силу в отношении другого договаривающегося государства или договаривающейся организации лишь после получения ими уведомления об этом.

5.1.8 Последующее формулирование оговорки государством-преемником

Последующей считается любая оговорка, сформулированная:

a) новым независимым государством после его уведомления о правопреемстве в отношении договора;

b) государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, после уведомления, посредством которого оно устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник являлось договаривающимся государством; или

c) государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, в отношении договора, который вследствие правопреемства государств остается в силе для этого государства.

5.2 Возражения против оговорок в случае правопреемства государств

5.2.1 Сохранение государством-преемником возражений, сформулированных государством-предшественником

С учетом положений руководящего положения 5.2.2 государство-преемник рассматривается как сохраняющее любое возражение, сформулированное государством-предшественником против оговорки, сформулированной

договаривающимся государством или договаривающейся организацией, за исключением случаев, когда в связи с правопреемством оно уведомляет о противоположном намерении.

5.2.2 Неприменимость некоторых возражений в случае объединения государств

1. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении любого из этих государств, остается в силе в отношении государства, возникающего в результате объединения, возражения против оговорки, сформулированные одним из этих государств, в отношении которого, на момент правопреемства государств, договор не находился в силе, не сохраняются.

2. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств государство-преемник является договаривающимся государством договора, в отношении которого оно сохранило оговорку в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 или 5.1.2, возражения против оговорки другого договаривающегося государства или договаривающейся организации, которая будет идентичной или эквивалентной оговорке, которую само государство-преемник сохранило, не сохраняются.

5.2.3 Сохранение возражений в отношении оговорок государства-предшественника

В случае, когда оговорка, сформулированная государством-предшественником, рассматривается как сохраненная государством-преемником в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 или 5.1.2, любое возражение, сформулированное в отношении указанной оговорки другим договаривающимся государством или договаривающейся организацией, считается сохраненным в отношении государства-преемника.

5.2.4 Оговорки государства-предшественника, не вызвавшие возражений

В случае, когда оговорка, сформулированная государством-предшественником, рассматривается как сохраненная государством-преемником в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 или 5.1.2, государство или международная организация, которые не заявили возражений против оговорки в отношении государства-предшественника, не вправе возражать против нее в отношении государства-преемника, за исключением случаев:

- a) когда срок для формулирования возражения не истек до момента правопреемства государств и возражение делается в пределах этого срока; или
- b) когда расширение территориальной сферы действия оговорки радикальным образом меняет условия применения оговорки.

5.2.5 Право государства-преемника формулировать возражения против оговорок

1. В случае, когда новое независимое государство делает уведомление о правопреемстве, устанавливая свой статус в качестве договаривающегося государства, оно может в обстоятельствах, предусмотренных соответствующими руководящими положениями, формулировать возражение против оговорок, сформулированных договаривающимся государством или договаривающейся организацией, даже если государство-предшественник не формулировало таких возражений.

2. Право, предусмотренное в пункте 1, также признается за государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, в случае, когда оно делает уведомление, устанавливая свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник являлось договаривающимся государством.

3. Тем не менее право, признаваемое в пунктах 1 и 2, не действует в случае договоров, к которым применяются руководящие положения 2.8.7 и 4.1.2.

5.2.6 Возражения государства-преемника, которое не является новым независимым государством и в отношении которого договор остается в силе

Государство-преемник, которое не является новым независимым государством и в отношении которого договор остается в силе вследствие правопреемства государств, не может формулировать возражение в отношении оговорки, против которой государство-предшественник не возражало, за исключением случаев, когда срок для формулирования возражения не истек до момента правопреемства государств и в пределах этого срока.

5.3 Принятие оговорок в случае правопреемства государств

5.3.1 Сохранение новым независимым государством определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником

В случае, когда новое независимое государство посредством уведомления о правопреемстве устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, оно рассматривается как сохраняющее любое определенно выраженное принятие государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, за исключением случаев, когда оно выражает противоположное намерение в течение двенадцати месяцев с даты уведомления о правопреемстве.

5.3.2 Сохранение государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником

1. Государство-преемник, которое не является новым независимым государством и в отношении которого договор остается в силе вследствие правопреемства государств, рассматривается как сохраняющее любое определенно выраженное принятие государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией.

2. В случае, когда государство-преемник, не являющееся новым независимым государством, делает уведомление, которым оно устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, который на дату правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но применительно к которому государство-предшественник являлось договаривающимся государством, оно рассматривается как сохраняющее любое определенно выраженное принятие государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, за исключением случаев, когда оно выражает противоположное намерение в течение двенадцати месяцев с даты уведомления о правопреемстве.

5.3.3 Действие во времени несохранения государством-преемником определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником

Несохранение в соответствии с руководящим положением 5.3.1 и пунктом 2 руководящего положения 5.3.2 государством-преемником определенно выраженного принятия государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, вступает в силу в отношении договаривающегося государства или договаривающейся организации только после получения ими уведомления об этом.

5.4 Правовые последствия оговорок, принятия и возражений в случае правопреемства государств

1. Оговорки, принятие и возражения, которые рассматриваются как сохраняющиеся в соответствии с

руководящими положениями, содержащимися в настоящей части Руководства на практике, продолжают иметь правовые последствия в соответствии с положениями части 4 Руководства.

2. Часть 4 Руководства на практике также применяется *mutatis mutandis* к новым оговоркам, принятию и возражениям, сформулированным государством-преемником в соответствии с положениями настоящей части Руководства по практике.

5.5 Заявления о толковании в случае преемства государств

1. Государству-преемнику следует уточнять свою позицию в отношении заявлений о толковании, сформулированных государством-предшественником. В отсутствие такого уточнения государство-преемник рассматривается как сохраняющее заявления о толковании государства-предшественника.

2. Пункт 1 не затрагивает ситуаций, в которых государство-преемник продемонстрировало своим поведением, что оно намерено сохранить или отклонить заявление о толковании, сформулированное государством-предшественником.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выводы в отношении диалога об оговорках

Комиссия международного права,

ссылаясь на положения об оговорках к международным договорам, содержащиеся в Венской конвенции о праве международных договоров и Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями,

принимая к сведению семнадцатый доклад¹, представленный Специальным докладчиком по теме «Оговорки к международным договорам», в котором затрагивается вопрос о диалоге об оговорках,

принимая во внимание необходимость достижения удовлетворительного баланса между целями ограждения целостности многосторонних договоров и обеспечения максимально широкого участия в них,

признавая ту роль, которую оговорки к международным договорам могут сыграть в достижении такого баланса,

будучи озабочена числом оговорок, которые представляются несовместимыми с ограничениями, налагаемыми правом международных договоров, в частности статьей 19 Венских конвенций о праве международных договоров,

сознавая трудности, связанные с оценкой действительности оговорок,

будучи убеждена в полезности прагматического диалога с автором оговорки,

приветствуя усилия, предпринятые в последние годы, в том числе в рамках международных организаций и договорных органов по правам человека, в целях поощрения такого диалога,

I. считает, что:

1. государствам и международным организациям, намеревающимся сформулировать оговорки, следует формулировать их настолько конкретно и строго, насколько возможно, рассмотреть возможность ограничения их сферы действия и обеспечить, чтобы они не были несовместимыми с объектом и целью договора, к которому они относятся;

2. при формулировании одностороннего заявления государствам и международным организациям следует указывать, равносильно ли оно оговорке, и, если оно ей

равносильно, пояснять, почему оговорка считается необходимой и какие последствия она будет иметь для выполнения ее автором своих обязательств по договору;

3. мотивировка автора оговорки важна для оценки действительности оговорки, и государствам и международным организациям следует мотивировать любое изменение оговорки;

4. государствам и международным организациям следует периодически пересматривать свои оговорки в целях ограничения их сферы действия или их снятия в надлежащих случаях;

5. озабоченности в отношении оговорок, которые часто выражаются государствами и международными организациями, а также контрольными органами, могут быть полезны для оценки действительности оговорок;

6. государствам и международным организациям, а также контрольным органам следует пояснять автору оговорки причины своих озабоченностей в отношении оговорки и в надлежащих случаях запрашивать любые разъяснения, которые они могут счесть полезными;

7. государствам и международным организациям, а также контрольным органам, если они считают это полезным, следует поощрять снятие оговорок, повторное рассмотрение необходимости оговорки или постепенное сокращение сферы действия оговорки в результате частичных снятий;

8. государствам и международным организациям следует учитывать озабоченности и реакцию других государств, международных организаций и контрольных органов и принимать их во внимание по мере возможности в целях повторного рассмотрения, изменения или снятия оговорки;

9. государствам и международным организациям, а также контрольным органам следует максимально тесно сотрудничать в целях обмена мнениями по оговоркам, в отношении которых были выражены озабоченности, и координировать принимаемые меры; а также

II. рекомендует:

Генеральной Ассамблее призвать государства и международные организации, а также контрольные органы налаживать и поддерживать такой диалог об оговорках прагматическим и прозрачным образом.

2. Текст Руководства по практике, включающий введение, руководящие положения и комментарии к ним, приложение о диалоге об оговорках и библиографию

2. Текст Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам, содержащий введение, руководящие положения и комментарии к ним и приложение о диалоге об оговорках, принятый Комиссией на ее шестьдесят третьей сессии, воспроизводится ниже:

РУКОВОДСТВО ПО ПРАКТИКЕ В ОТНОШЕНИИ ОГОВОРОК К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ

а) Введение

1) В Руководстве по практике в отношении оговорок к международным договорам содержатся руководящие положения, принятые Комиссией² и воспроизводимые ниже вместе с комментариями. Комментарии, хотя они и не имеют такого же веса,

¹ A/CN.4/647 и Add.1, пункты 2–68.

² См. *Ежегодник... 2011 год*, том II (часть вторая), пункт 61.

как и сами руководящие положения, являются неотъемлемой частью Руководства и служат незаменимым добавлением к руководящим положениям, дополняя и поясняя их. Никакие синтетические положения, какими бы многочисленными они ни являлись³, не позволяли бы охватить все вопросы, которые могут возникать в рамках такой столь сложной в техническом отношении темы, и дать все разъяснения, которые могли бы быть полезны специалистам-практикам.

2) Как видно из самого названия Руководства по практике, его цель состоит в оказании помощи специалистам-практикам в области международного права, часто сталкивающимся с непростыми проблемами, в частности, в связи с вопросами действительности и последствий оговорок к международным договорам, в отношении которых Венская конвенция о праве международных договоров (далее «Венская конвенция 1969 года»), Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (далее «Венская конвенция 1978 года») и Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (далее «Венская конвенция 1986 года»)⁴ содержат неполные и порою неясные нормы, и в меньшей степени – заявлений о толковании положений договоров, о которых в этих конвенциях вообще ничего не говорится. Вопреки тому, что зачастую приходится слышать, задача настоящего Руководства не в том (или по крайней мере не только в том), чтобы помочь читателю разобраться в практике прошлых лет (зачастую лишенной определенности) в этой области, а в том, чтобы подтолкнуть пользователя к отысканию решений, которые согласовывались бы с действующими правилами (когда таковые существуют), либо таких решений, которые представлялись бы наиболее подходящими для прогрессивного развития таких правил.

3) В этой связи следует отметить, что, хотя Руководство по практике – как инструмент или «формальный источник» – ни в коем случае не носит обязательного характера, диапазон обязательности устанавливаемых в руководящих положениях правил чрезвычайно широк и их юридическое значение сильно варьируется⁵:

– в одних просто воспроизводятся те положения Венских конвенций, которые сами содержат обычные, не подверженные сомнению нормы⁶ либо являв-

шиеся такими на момент их включения в Конвенции⁷, либо ставшие такими впоследствии, не будучи императивными по характеру⁸, эти положения тем не менее связывают все государства и международные организации, как участвующие, так и не участвующие в этих Конвенциях;

– другие правила, имеющиеся в Венских конвенциях, обязательны для участников этих документов, не являясь при этом бесспорно обычными⁹; их включение в Руководство должно способствовать их становлению в качестве обычных норм;

– в одних случаях руководящие положения, включенные в Руководство, дополняют положения конвенций, в которых ничего не говорится о порядке их осуществления, однако эти нормы сами по себе имеют бесспорный обычный характер¹⁰ или обязательны к применению по очевидным логическим причинам¹¹;

– в других случаях в руководящих положениях затрагиваются вопросы, которые Конвенции обходят молчанием, но при этом содержатся правила, обычный характер которых практически не вызывает сомнений¹²;

– иногда правила, содержащиеся в руководящих положениях, сформулированы явно *de lege ferenda*¹³ и основываются в определенных случаях на практике, сложившейся в контексте применения Венских конвенций¹⁴;

Венских конвенций 1969 и 1986 годов, воспроизводится в тексте руководящего положения 3.1.

⁷ См., например, руководящее положение 2.5.1 (Снятие оговорок), 2.5.2 (Форма снятия) и 2.7.2 (Форма снятия возражений против оговорок), в которых воспроизводится норма пункта 1 статьи 22 и пункта 4 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

⁸ Правило, изложенное в руководящем положении 2.2.1 (Официальное подтверждение оговорки, сформулированных при подписании договора), которое воспроизводит *mutatis mutandis* положение пункта 2 статьи 23 Венских конвенций, приобрело, как представляется, характер обычной нормы с момента принятия Венской конвенции 1969 года.

⁹ Так во многом обстоит дело с руководящими положениями 2.1.3 (Представительство для цели формулирования оговорки на международном уровне) или 2.1.5 (Сообщение оговорок), которые воспроизводят *mutatis mutandis* текст статей 7 и 23 Венской конвенции 1986 года, или с руководящим положением 2.6.12 (Срок формулирования возражений).

¹⁰ Можно считать, что определение «конкретно определенных» оговорок в руководящем положении 3.1.2 приобрело характер обычной нормы. См. также руководящее положение 3.1.5.7 (Оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или контроля за выполнением договора).

¹¹ См., например, руководящее положение 2.8.7 (Единое принятие оговорок), отражающее неизбежное следствие из пункта 3 статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

¹² См., например, руководящее положение 4.4.2 (Отсутствие последствий для прав и обязательств по международному обычному праву).

¹³ См., например, руководящие положения 1.2.1 (Заявления о толковании, формулируемые совместно) или 3.4.2 (Материальная действительность возражения против оговорки).

¹⁴ См., например, руководящие положения 4.2.2 (Последствия действующей оговорки для вступления договора в силу) или 4.3.7 (Последствия возражения для положений иных, нежели те, которых касается оговорка).

³ Руководство в текущей редакции насчитывает 179 руководящих положений.

⁴ Венская конвенция 1986 года еще не вступила в силу.

⁵ Этот диапазон слишком широк, а порядок распределения руководящих положений по этим различным категориям слишком нечеток, чтобы можно было принять неоднократно высказывавшееся предложение, в частности в ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, о проведении различия между руководящими положениями, отражающими *lex lata*, и положениями, сформулированными *de lege ferenda*.

⁶ Такова, например, норма основополагающего значения, согласно которой государство или международная организация не может формулировать оговорку, несовместимую с объектом и целью договора. Эта норма, содержащаяся в пункте *c*) статьи 19

– некоторые руководящие положения представляют собой простые рекомендации и направлены лишь на поощрение определенных действий¹⁵.

4) Эта последняя категория руководящих положений отражает одну из важнейших характеристик Руководства по практике. Такие положения не вошли бы в традиционные проекты статей, разрабатываемые с целью их возможного принятия в дальнейшем в виде международного договора: договоры не составляют в условном наклонении¹⁶. Однако об этом речи не идет: как видно из самого названия Руководства, равно как и из термина «руководящие положения», оно представляет собой не обязательный документ, а *vade-mecum*, своего рода «набор инструментов», с помощью которого стороны в переговорах о заключении международных договоров и лица, ответственные за их осуществление, должны находить ответы на практические вопросы, возникающие в связи с оговорками, реакциями на оговорки и заявлениями о толковании, учитывая при этом, что такие ответы в большей или меньшей степени определены в позитивном праве – в зависимости от проблемы – и что в комментариях указываются сомнения, которые могут существовать относительно правильности или уместности того или иного решения.

5) Учитывая эти характеристики, само собой разумеется, что установленные Руководством по практике правила никоим образом не мешают государствам и международным организациям по обоюдному согласию отказываться от применения тех из них, которые, на их взгляд, не соответствуют целям какого-либо конкретного договора. Правила, изложенные в Руководстве, в лучшем случае носят характер остаточных правил. Так или иначе, ни одно из них не является императивным и не относится к *jus cogens*, и потому отклонение от него с согласия всех заинтересованных государств (и международных организаций) всегда возможно.

6) В соответствии с существующим с 1995 года и ни разу с тех пор не подвергавшимся сомнению консенсусом Комиссия посчитала нецелесообразным изменять или отменять соответствующие положения Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов¹⁷ в связи с разработкой Руководства по практике, включающего все эти нормы. Однако это отразилось также и на самой концепции Руководства, в частности на комментариях к руководящим положениям.

¹⁵ Эти руководящие положения всегда сформулированы в условном наклонении; см., например, руководящее положение 2.1.2 (Мотивировка оговорок) или 2.5.3 (Периодический обзор полезности оговорок).

¹⁶ Из этого правила возможны исключения (см. статью 7 Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, заключенной в 1971 году в Рамсаре (Исламская Республика Иран), или статью 16 Роттердамской конвенции о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле 1998 года), хотя такие исключения редко оправданы.

¹⁷ *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть вторая), стр. 126, пункт 487.

7) Постольку поскольку требовалось обеспечить сохранение и применение венских норм, они нуждались в разъяснении. Именно поэтому в комментариях подробно описываются подготовительные материалы трех Конвенций, которые помогают лучше уяснить смысл и пояснить пробелы.

8) Большинство комментариев отличаются большим объемом и очень подробны. Помимо анализа подготовительных материалов Венских конвенций, в них рассматриваются судебные решения, соответствующая практика и доктрина и содержатся разъяснения по тексту, принятому в окончательной редакции; эти комментарии подкрепляются многочисленными примерами. Несмотря на часто высказывавшуюся критику, такой объем был признан необходимым ввиду чрезвычайной технической сложности рассматриваемых проблем. Комиссия хотела, чтобы практикующие юристы могли найти в нем ответы на возникающие у них вопросы¹⁸.

9) Руководство по практике содержит пять частей (пронумерованных от 1 до 5), расположенных в логической последовательности:

– в части 1 дается определение оговорок и заявлений о толковании и проводится различие между этими двумя видами односторонних заявлений; в ней также рассматриваются некоторые виды односторонних заявлений, формулируемые в связи с международным договором и не являющиеся оговорками или заявлениями о толковании, а также возможные альтернативы оговоркам и заявлениям о толковании; как прямо указано в руководящем положении 1.8, «[эти определения]... не предreshают вопроса о действительности и юридических последствиях» таких заявлений, рассматриваемых в части 1;

– в части 2 речь идет о форме и процедуре, которые должны соблюдаться в отношении формулирования оговорок и заявлений о толковании, а также реакций на оговорки и заявления о толковании (возражения против оговорок и их принятие; одобрение, перекалфикация или несогласие в отношении заявления о толковании);

– в части 3 рассматривается вопрос о материальной действительности оговорок и заявлений о толковании и реакций на те и другие и устанавливаются критерии, позволяющие оценить такую действительность, сопровождаемые примерами с комментариями по видам оговорок, действительность которых чаще всего по-разному оценивается государствами; в руководящих положениях также уточняется порядок проведения оценки действительности оговорок и последствий их недействительности;

– часть 4 посвящена юридическим последствиям, порождаемым оговорками и заявлениями о толковании в зависимости от того, являются они действительными (оговорка становится «действующей»),

¹⁸ По этой же причине Комиссия решила сохранить в тексте некоторые повторы в целях упрощения использования Руководства по практике.

если в отношении нее заявлено о принятии) или нет; в этой же части рассматриваются последствия возражения против оговорки или принятия оговорки;

– часть 5 дополняет единственную статью Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров, касающуюся оговорок, – статью 20 о судьбе оговорок в случае правопреемства при появлении нового независимого государства – и переносит и адаптирует соответствующие нормы применительно к случаям объединения или отделения государств; в этой последней части рассматриваются также проблемы, возникающие в связи с возражениями против оговорок или их принятием и с заявлениями о толковании в связи с правопреемством государств;

– и, наконец, текст выводов и рекомендации, принятый Комиссией по вопросам диалога об оговорках, приводится в приложении к Руководству по практике. Также к Руководству прилагается библиография.

10) Внутри каждой части руководящие положения распределены по разделам (каждый из которых имеет двузначный номер, где первая цифра – это номер части, а вторая – порядковый номер раздела внутри части)¹⁹. В принципе, руководящие положения пронумерованы тремя цифрами внутри каждого раздела²⁰.

b) *Текст руководящих положений с комментариями к ним*

1. Определения

1.1 Определение оговорок

1. «Оговорка» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении договора или присоединении к нему или государством при направлении уведомления о правопреемстве в отношении дого-

¹⁹ Так, раздел 3.4 касается «Материальной действительности реакций на оговорки»; цифра 3 указывает на номер части, цифра 4 – на номер раздела внутри этой части. Если раздел открывается руководящим положением очень общего характера, охватывающим полностью содержание этого раздела, это руководящее положение имеет то же название и тот же номер, что и сам раздел (см., например, руководящее положение 3.5 (Материальная действительность заявления о толковании)).

²⁰ В исключительных случаях, когда в руководящем положении приводятся конкретные примеры с целью проиллюстрировать вопрос о несовместимости оговорки с объектом и целью договора (вопрос, рассматриваемый в руководящем положении 3.1.5), такие положения имеют номер, состоящий из четырех цифр. Так, в случае руководящего положения 3.1.5.1 (Установление объекта и цели договора), цифра 3 указывает на номер части; первая цифра 1 – номер раздела этой части, озаглавленного «Материально действительные оговорки»; цифра 5 – более общее положение 3.1.5 (Несовместимость оговорки с объектом и целью договора), тогда как вторая цифра 1 указывает, что речь идет о первом примере, иллюстрирующем это общее руководящее положение.

вора, посредством которого это государство или эта организация желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству или к данной организации.

2. Пункт 1 следует толковать как включающий оговорки, направленные на исключение или изменение юридическое действие определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применении к государству или к международной организации, которые формулируют оговорку.

Комментарий

1) Пункт 1 руководящего положения 1.1 содержит определение оговорок, принятое Комиссией. Оно – не что иное, как сводный текст определений, фигурирующих в Венских конвенциях 1969, 1978 и 1986 годов, в который не было внесено никаких изменений. В пункте 2 уточняется расширительное толкование, придаваемое этому определению на практике.

2) В пункте 1 d) статьи 2 Венской конвенции 1969 года дается следующее определение оговорок:

«Оговорка» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству.

3) Это определение воспроизводит текст, принятый Комиссией в 1966 году в ее окончательном проекте статей по праву договоров²¹, и оно не вызвало долгих прений ни в самой Комиссии²², ни на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров. Текст этого определения был перенесен в Венские конвенции 1978 и 1986 годов, практически не вызвав никаких споров²³.

4) Следует, однако, отметить, что пункт 1 j) статьи 2 Венской конвенции 1978 года и пункт 1 d) статьи 2 Венской конвенции 1986 года не воспроизводят в чистом виде и дословно текст пункта 1 d) статьи 2

²¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1 (часть вторая), стр. 187 англ. текста.

²² См. определения, предложенные г-ном Брайерли (*Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 238–239 англ. текста), сэром Джеральдом Фитцморисом (*Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 110 англ. текста) и сэром Хэмфри Уолдоком (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 31–32 англ. текста), и предложения Редакционного комитета 1962 года (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 666-е заседание, стр. 239 англ. текста) и 1965 года (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 820-е заседание, стр. 308 англ. текста).

²³ Во время разработки проекта статей Комиссии по этому вопросу было предложено упростить определение, с тем чтобы избежать долгого перечисления моментов, когда делается оговорка, которое фигурировало в определении 1969 года (см. *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 363); однако Комиссия вернулась в 1981 году к тексту, воспроизводящему текст 1969 года (см. *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть вторая), стр. 145–146).

определения 1969 года; и в той, и в другой конвенции в этот текст вносится уточнение, необходимость которого была вызвана объектом этих двух соответствующих договоров:

а) в Венской конвенции 1978 года уточняется, что оговорка может быть сделана государством «при уведомлении о правопреемстве в отношении договора»;

б) в Венской конвенции 1986 года добавляется, что международная организация может сделать оговорку, когда она выражает свое согласие на обязательность договора посредством акта официального подтверждения.

5) Именно эти различия и обусловили необходимость разработки для целей Руководства по практике сводного текста, включающего добавления, произведенные в 1978 и 1986 годах, вместо простого и дословного воспроизведения текста 1969 года.

6) Получившее закрепление в судебной практике²⁴, используемое на практике государствами, когда они делают оговорки или реагируют на оговорки, сделанные другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, это определение в целом положительно воспринимается теорией, несмотря даже на то, что некоторые авторы критиковали его по его отдельным пунктам и предлагали некоторые добавления или изменения²⁵.

7) В частности, было сказано, что в этом определении чисто дефиниционные элементы смешаны с другими элементами, в большей степени имеющими отношение к правовому режиму оговорок, в частности в том, что касается момента формулирования какой-либо оговорки. Хотя при абстрактном рассмотрении идея включения ограничений по времени в отношении возможности представления оговорок в само определение оговорок представляется недостаточно

логичной, со временем она утвердилась²⁶, поскольку столь значительными для обеспечения стабильности правовых отношений являлись недостатки системы, которая позволяла бы сторонам представлять оговорки в любое время. На самом деле это могло бы неблагоприятно отразиться на самом принципе *pastra sunt servanda*, поскольку в любой момент та или иная сторона договора могла бы, сформулировав оговорку, поставить под сомнение возлагаемые на нее договорные обязательства; кроме того, это чрезмерно осложнило бы задачу депозитария.

8) Тем не менее содержащийся в Венских конвенциях ограничительный перечень моментов, в которые могут быть сформулированы оговорки, явился объектом критических замечаний. С одной стороны, было выражено мнение о том, что этот перечень является неполным, в частности по той причине, что в нем изначально не учитывается возможность представления оговорки в связи с правопреемством государств²⁷; однако в Венской конвенции 1978 года эта лакуна была устранена. С другой стороны, многочисленные авторы отмечали, что в некоторых случаях существует возможность обоснованного представления оговорок не только в те моменты, которые предусмотрены Венским определением²⁸, и в частности, что договор может непосредственно предусматривать возможность формулирования оговорки не только в момент подписания или выражения согласия на его обязательность²⁹.

9) Вместе с тем представляется нецелесообразным непосредственно предусматривать эту возможность в Руководстве по практике: разумеется, договор может предусматривать такую возможность; однако в таком случае речь идет о норме договорного права или *lex specialis*, отступающей от общих принципов, закрепленных Венскими конвенциями, которые носят лишь диспозитивный характер и отнюдь не препятствуют подобным отступлениям. Руководство по практике в отношении оговорок носит тот же самый характер, и представляется нецелесообразным напоминать в каждом из его разделов о том, что государства и международные организации могут от него отступать, путем включения в заключаемые

²⁴ См., например, арбитражное решение от 30 июня 1977 года по делу *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the French Republic* (дело *Mer d'Iroise*), United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XVIII, United Nations publication (Sales No. E/F.80.V.7), pp. 39–40, paras. 54–55 (Арбитражный суд констатировал, что Стороны соглашаются полагать, что пункт 1 d) статьи 2 Венской конвенции 1969 года – участниками которой они не являлись, – предлагал правильное определение оговорок, и сделал из этого соответствующие выводы) или решение Европейской комиссии по правам человека от 5 мая 1982 года по делу *Case concerning Temeltasch v. Switzerland*, no. 9116/80, *Decisions and Reports*, vol. 31, Strasbourg, 1983, pp. 146–149, paras. 69–82. См. также общее особое мнение судей Ониамы, Дилларда, Хименеса де Арчаги и сэра Хэмфри Уолдока, приобщенное к постановлению от 20 декабря 1974 года по делу, касающемуся *Nuclear Tests (Australia v. France)*, *Judgment, I.C.J. Reports 1974*, p. 253, at pp. 349–350, para. 83).

²⁵ См., в частности, определения, предложенные Р.-Н. Имберт, *Les réserves aux traités multilatéraux*, Paris, Pedone, 1978, p. 18, и М. Уайтман, *Digest of International Law*, vol. 14 (1970), p. 137. См. также работу Ф. Хорн, *Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties*, The Hague, T.M.C. Asser Instituut, Swedish Institute of International Law, Studies in International Law, vol. 5 (1988), p. 83.

²⁶ Наиболее давние определения оговорок, как правило, не предусматривали этот элемент *ratione temporis* (см., например, определения, предложенные в следующих работах: D.H. Miller, *Reservations to Treaties: Their Effect and the Procedure in Regard Thereto*, Washington D. C., 1919, p. 76, D. Anzilotti, *Corso di diritto internazionale*, 4th ed., Padua, CEDAM, 1955, vol. I (*Cours de droit international*, перевод на французский язык выполнен G. Gidel, Paris, Sirey, vol. I, 1929, p. 399) и R. Genet, «Les "réserves" dans les traités», *Revue de droit international et des sciences diplomatiques et politiques*, 1932, p. 103).

²⁷ См. R. Szafarz, «Reservations to multilateral treaties», *Polish Yearbook of International Law*, vol. 3 (1970), p. 295.

²⁸ См. Szafarz (сноска выше) и G. Gaja, «Unruly treaty reservations», в *Le droit international à l'heure de sa codification – Études en l'honneur de Roberto Ago*, Milan, Giuffrè, 1987, vol. I, pp. 310–313; D.W. Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?», *Australian Year Book of International Law*, vol. 16 (1995), pp. 28–29; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше) и P. Reuter, *Introduction au droit des traités*, 3rd rev. ed. (P. Cahier) (Paris, Presses Universitaires de France, 1995), p. 71.

²⁹ См., в частности, Имберт, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 12.

ими договоры клаузулы, содержащие оговорки, и распространения на них особых правил.

10) Напротив, даже если придерживаться общего международного права, представляется, что перечень случаев, в которых может быть представлена оговорка, фигурирующий в пункте 1 статьи 2 Венских конвенций, не покрывает всех способов выражения согласия на обязательность договора. Однако смысл этого положения заключается именно в том, что государство может сформулировать (или подтвердить) оговорку в то время, когда оно выражает это согласие, и что оно может это сделать лишь в данный момент. Поэтому не следует придавать слишком большого значения содержанию этого перечня, в котором имеются лакуны и который, к тому же, не соответствует перечню, фигурирующему в статье 11 Венских конвенций 1969 и 1986 годов³⁰.

11) Кроме того, Комиссия обратила внимание на эту проблему в ходе обсуждения проектов статей о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, поскольку на начальном этапе по предложению своего Специального докладчика, г-на Рейтера, она упростила определение оговорок и предусмотрела включение лишь положения о том, что они могут представляться «государством или международной организацией при подписании договора или выражении согласия... на обязательность договора»³¹, тем самым имплицитно отсылая к статье 11 будущей Конвенции. Тем не менее, стремясь как можно меньше отходить от текста 1969 года, Комиссия в конечном счете повторила его в своем проекте, тем самым отказавшись от целесообразного упрощения³².

12) Различия в формулировках между соответственно пунктом 1 d) статьи 2 и статьей 11 Венских конвенций 1969 и 1986 годов объясняются опущением в первом случае двух возможностей, предусмотренных во втором: «обменом документами, образующими договор», с одной стороны, и «любым другим способом, о котором условились», — с другой. Представляется достаточно маловероятным, что обмен письмами может образовать многосторонний договор общего характера. Тем не менее, эта

³⁰ Статья 11 Венской конвенции 1986 года гласит:

«1. Согласие государства на обязательность для него договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, образующими договор, ратификацией договора, его принятием, утверждением, присоединением к нему или другим любым способом, о котором условились.

2. Согласие международной организации на обязательность для нее договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, образующими договор, ратификацией договора, его принятием, утверждением, присоединением к нему или любым другим способом, о котором условились».

См. также P. Gautier, «1969 Vienna Convention. Article 2: Use of terms», в O. Corten and P. Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, vol. I, Oxford University Press, 2011, p. 46, para. 34.

³¹ *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 362; см. также комментарий к этому проекту статьи, там же, стр. 363–364.

³² См. сноску 23 выше.

возможность не может быть полностью исключена, равно как и появление других способов выражения согласия на обязательность договора, помимо тех, которые непосредственно перечислены в пункте 1 d) статьи 2 и в статье 11 Венских конвенций.

13) Была также высказана идея о том, что определение оговорок следовало бы дополнить упоминанием об обязательно письменной форме оговорок и уточнением о том, что оговорка может — и даже только и может — иметь своей целью ограничение юридических последствий положений, которых она касается.

14) Эти лакуны и двусмысленности не служат достаточными основаниями для того, чтобы ставить под сомнение Венское определение в том виде, в каком оно является результатом сочетания соответствующих положений Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов. В той мере, насколько это необходимо, данное определение в целом дополняется и уточняется в Руководстве по практике, предназначение и смысл которого в этом и заключается³³.

15) Воспринимаемое буквально Венское определение, сохраненное Комиссией в пункте 1, по-видимому, исключает из общей категории оговорок односторонние заявления, касающиеся не какого-либо конкретного положения или нескольких положений договора, но всего текста последнего. Такое толкование имело бы своим следствием исключение из определения оговорок сквозных оговорок, получивших признание в прочно установившейся практике, которую имеет целью принять во внимание пункт 2 руководящего положения 1.1.

16) Формулировка, на которой остановили свой выбор авторы Венских конвенций, призвана пояснить, что преследуемая автором оговорки цель состоит в том, чтобы исключить или изменить *юридическое действие* положений договора, к которым она имеет отношение, а не сами эти положения³⁴. Критическое замечание, возникающее в связи с этой формулировкой, касается использования выражения «некоторые положения», в отношении которого было отмечено, что оно объясняется «весьма похвальным стремлением избежать слишком общих и неточных оговорок, которые сводят на нет... обязательный характер договора»³⁵, — соображение, в отношении которого можно задаться вопросом о том,

³³ См., в частности, руководящие положения 1.1.1, 2.1.1 и 2.3.

³⁴ Формулировка пункта 1 статьи 21 Венских конвенций 1969 и 1986 годов представляется более спорной в том смысле, что она определяет юридическое действие оговорок как изменения *положений*, к которым они относятся.

³⁵ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (см. сноску 25 выше), p. 14. См. также K. Zemanek, «Alain Pellet's definition of a reservation», *Austrian Review of International and European Law*, vol. 3 (1998), pp. 295–299. [Ссылки, включенные в сноску, опущенную в цитате из работы Эмбера, являются следующими: «Замечание правительства Израиля по первому проекту Комиссии международного права (*Ежегодник... 1965 год*, том II, [документ A/CN.4/177 и Add.1–2], стр. 15 англ. текста) или заявление представителя Чили на первой сессии [1968 год] Венской конференции [(*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session, Vienna, 26 March–24 May*

применимо ли оно к статье 2. Оно касается действительности оговорок. Однако тот факт, что то или иное заявление приводит к появлению неблагоприятных последствий, не означает, что оно не должно рассматриваться в качестве оговорки... К тому же, на практике имеются многочисленные примеры абсолютно действительных оговорок, которые, тем не менее, не касаются конкретных положений: они исключают применение всего договора в четко оговоренных случаях³⁶.

17) В самом деле, не следует смешивать, с одной стороны, общие оговорки, которым свойственны неточность и общий характер содержания, а с другой – сквозные оговорки, касающиеся вопроса о том, каким образом представившие такую оговорку государство или международная организация намереваются применять договор в целом, однако это не обязательно влечет за собой упрек в неточности, когда она касается конкретного аспекта договора.

18) Сквозные оговорки очень часто используются на практике и в качестве таковых не вызывают особых возражений. Так обстоит дело с оговорками, которые исключают или ограничивают применение договора:

- в отношении определенных категорий лиц³⁷;
- или объектов, в частности транспортных средств³⁸;
- или определенных ситуаций³⁹;

1968, *Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole* (A/CONF.39/11, United Nations publication, Sales No. E.68.V.7), 4th plenary meeting, para. 5)]».

³⁶ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 14–15. Об этом же см., например, Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 296.

³⁷ См., например, оговорку Соединенного Королевства, касающуюся применения Международного пакта о гражданских и политических правах к военнослужащим и лицам, содержащимся под стражей (*Multilateral treaties deposited with the Secretary-General*, размещен на сайте <http://treaties.un.org/>, chap. IV.4), или оговорку Гватемалы относительно применения Таможенной конвенции о временном ввозе частных дорожных перевозочных средств от 4 июня 1954 года лишь к физическим лицам (*ibid.*, chap. XI.A.8).

³⁸ См., например, оговорку Югославии о том, что положения Конвенции об унификации некоторых правил относительно ответственности, вытекающей из столкновения судов внутреннего плавания, от 15 марта 1960 года не будут применяться к судам, предназначенным для использования исключительно государственными службами (*ibid.*, chap. XII.3), или оговорку Федеративной Республики Германии, исключающей из сферы действия Конвенции о регистрации судов внутреннего плавания от 25 января 1965 года судов, плавающих по озерам и принадлежащих Германским федеральным железным дорогам (*ibid.*, chap. XII.4).

³⁹ См., например, оговорку Аргентины в отношении Международной конвенции электросвязи 1982 года (*United Nations, Treaty Series*, vol. 1533, p. 122), касающуюся возможного увеличения размера ее взносов и предполагаемой ситуации, когда другие стороны больше не соблюдают свои договорные обязательства по Конвенции (ответ Аргентины на вопросник Комиссии, касающийся оговорок), или оговорку, сделанную Францией при подписании в 1985 году *Final Acts of the Regional Administrative Conference for the Planning of the Maritime Radionavigation Service (Radiobeacons) in the European Maritime Area* (International Telecommunications Union publication, Geneva, 1986, p. 32), в связи с необходимостью обеспечения надлежащего функционирования французской службы морской радионавигации, использующей фазовую многочастотную систему (ответ Франции на тот же вопросник, касающийся оговорок к международным договорам,

- или определенных территорий⁴⁰;
- или при некоторых определенных обстоятельствах⁴¹;
- или в силу особых причин, обусловленных международным статусом автора оговорки⁴²;
- или в отношении своего внутригосударственного права⁴³; и т.д.

19) Некоторые из этих оговорок вызвали возражения, обусловленные их общим характером и неточностью⁴⁴, и вполне возможно, что некоторые из

который был подготовлен Специальным докладчиком по решению Комиссии, содержащемуся в пункте 489 ее доклада о работе ее сорок седьмой сессии (1995 год), *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть вторая), стр. 117: вопросники, направленные государствам-членам и международным организациям, воспроизводятся в *Ежегоднике... 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/477 и Add.1, приложения II и III.

⁴⁰ См. также руководящее положение 1.1.3.

⁴¹ См. оговорку, сделанную Францией в отношении Общего акта о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 года, согласно которой «огнине [упомянутое присоединение к этому Акту] не будет распространяться на споры, связанные с событиями, могущими иметь место в ходе войны, в которую (правительство Франции) было бы вовлечено» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. II.29) (аналогичные оговорки были представлены Соединенным Королевством и Новой Зеландией.) (*ibid.*) См. также оговорки большинства государств – участников Протокола о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 года, согласно которым этот документ перестанет иметь обязательную силу для правительства государства, представившего оговорку, в отношении любого враждебного государства, чьи вооруженные силы или союзники перестанут соблюдать запрещения, оговоренные в указанном Протоколе (*Status of Multilateral Arms Regulation and Disarmament Agreements*, 4th ed., 1992, vol. 1 (United Nations publication, Sales No. E.93.IX.11), pp. 11–21).

⁴² См., например, оговорки Австрии и Швейцарии к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 года, касающиеся сохранения их нейтралитета (ответ Швейцарии на вопросник, касающийся оговорок) (*United Nations, Treaty Series*, vol. 1015, pp. 236–238), или аналогичную оговорку Австрии к Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVI.1).

⁴³ См., например, оговорки Соединенных Штатов, Италии и Японии, согласно которым эти страны будут применять Международное соглашение по пшенице 1986 года начиная с 14 марта 1986 года «на временной основе в пределах внутреннего законодательства» (*United Nations, Treaty Series*, vol. 1429, pp. 167 and 206), или оговорку Канады к Конвенции о политических правах женщин от 31 марта 1953 года «относительно прав, относящихся к законодательной компетенции провинций» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVI.1).

⁴⁴ См., например, возражения многочисленных стран в отношении представленных Мальдивскими Островами оговорок к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года, касающихся законов шариката (*ibid.*, chap. IV.8), а также возражения в отношении оговорок, представленных Египтом к той же Конвенции (*ibid.*). См. в этой связи статью A. Jenefsky, «Permissibility of Egypt's reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women», *Maryland Journal of International Law and Trade*, vol. 15, No. 2 (1991), pp. 199–233, и R. Cook, «Reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women», *Virginia Journal of International Law*, vol. 30

(продолжение сноски на следующей стр.)

них являются незаконными в силу того или иного соображения, вытекающего из статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Однако этот незаконный характер объясняется юридическим статусом оговорки и представляет собой проблему, которая отличается от проблемы, связанной с их определением⁴⁵. Более того, включение сквозных оговорок в категорию оговорок является необходимым предварительным условием для оценки их действительности с точки зрения правил, касающихся юридического статуса оговорок; незаконная оговорка *a)* является тем не менее оговоркой, и *b)* может быть объявлена незаконной только в том случае, если она является оговоркой.

20) Другой аргумент в пользу небуквального толкования Венского определения объясняется тем фактом, что некоторые договоры запрещают сквозные оговорки или некоторые категории таких оговорок, в частности общие оговорки⁴⁶. Такое положение было бы избыточным (и необъяснимым), если бы односторонние заявления, направленные на изменение юридического действия какого-либо договора в целом, – по крайней мере, по некоторым конкретным аспектам, – не являлись оговорками.

21) Тот факт, что сквозные оговорки (которые не всегда являются расплывчатыми оговорками общего характера) являются многочисленными и последовательными, а также отсутствие принципиальных возражений против этого типа оговорок свидетельствуют о наличии практической необходимости, которую было бы абсурдно отказываться признавать ради абстрактной юридической логики. Кроме того, толкование юридических норм не является незыблемым; так, в пункте 3 статьи 31 Венской конвенции 1969 года говорится о том, что при толковании той или иной нормы договорного права учитываются «наряду с контекстом: ...*b)* любая последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования», а также, как подчеркнул Международный Суд, юридические принципы следует толковать с учетом «той эволюции, которую может впоследствии претерпевать международное право»⁴⁷.

22) Поэтому для устранения любой двусмысленности и во избежание противоречий представляется разумным и целесообразным закрепить в Руководстве

(продолжение сноски 44)

(1990), pp. 643–716. См. также возражения ряда стран в отношении оговорки Соединенных Штатов Америки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года, касающейся Конституции Соединенных Штатов (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.1).

⁴⁵ См. также руководящее положение 1.8 и комментариев к нему.

⁴⁶ Об этом свидетельствует пункт 1 статьи 57 (ранее пункт 1 статьи 64) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) или статья XIX Межамериканской конвенции о насильственном исчезновении лиц.

⁴⁷ *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion of 21 June 1971, I.C.J. Reports 1971, p. 16, at p. 31, para. 52.*

по практике расширительное толкование, которое фактически используют государства применительно к явно ограничительной формулировке Венского определения.

23) Кроме того, чтобы не допустить путаницы с заявлениями относительно осуществления договора во внутреннем плане, которые являются объектом руководящего положения 1.5.2, а то и с другими односторонними заявлениями⁴⁸, Комиссия отказалась от включения какого бы то ни было намека на то, «каким образом государство или международная организация намеревается применять договор в целом». Она ограничилась использованием текста Венского определения, в соответствии с которым государство или международная организация, которые делают оговорку, «имеют целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к этому государству или этой организации», но уточнив при этом, что то же самое может быть и в том случае, если оговорка касается «всего договора в целом по некоторым определенным аспектам». Добавление слов «в отношении определенных конкретных аспектов» после слов «или договора в целом» имеет целью избежать толкования, позволяющего понять, что оговорка могла бы касаться всего договора в целом, что, в уже крайнем случае, могло бы лишить его всякого смысла.

24) Эта редакция имеет то преимущество, что она акцентирует внимание на цели, преследуемой автором оговорки, – цели, которая находится в центре определения оговорок, принятого в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов⁴⁹, и на которой строятся руководящие положения, касающиеся определения заявлений о толковании и других односторонних заявлений в связи с тем или иным договором⁵⁰.

25) Было не без основания отмечено, что оговорки могут касаться лишь некоторых конкретных аспектов определенных положений, что может являть собой третью гипотезу в дополнение к оговоркам, имеющим целью «исключить или изменить юридическое действие некоторых положений договора в его применении к этому государству или этой организации» – гипотезу, непосредственно предусмотренную в пункте 1, и к оговоркам, имеющим целью «исключение или изменение юридического действия договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов», т.е. сквозным оговоркам, являющимся объектом пункта 2. Нельзя отрицать тот факт, что зачастую авторы оговорок имеют целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора лишь по некоторым

⁴⁸ См., в частности, случай заявлений общеполитического характера (пункты 12)–17) комментария к руководящему положению 1.5).

⁴⁹ См. также D. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 539, para. 2; см. также M.E. Villiger, *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*, Leiden, Nijhoff, 2009, p. 89, para. 36.

⁵⁰ См. руководящие положения 1.2, 1.3.1, 1.4, 1.5 и 1.5.1–1.5.3.

конкретным аспектам⁵¹, однако эта возможность охватывается общим определением в его пункте 1 и, более конкретно, словом «изменить», которое в обязательном порядке предполагает, что данная оговорка касается лишь некоторых аспектов рассматриваемых положений.

26) Коль скоро выбранное для целей Руководства по практике определение с самого начала является определением, вытекающим из Венских конвенций, комментарий к пункту 1 *d*) статьи 2 проекта статей Комиссии, воспроизведенному в Венской конвенции, сохраняет всю свою значимость:

Необходимость этого определения обусловлена тем, что государства нередко при подписании, ратификации, принятии или утверждении международного договора или присоединении к нему делают заявления о том, каким образом они понимают тот или иной вопрос, или же относительно толкования конкретного положения. Эти заявления могут ограничиваться уточнением позиции государства или же, наоборот, носить характер оговорок, в зависимости от того, направлены они или не направлены на изменение или исключение применения отдельных положений договора в том виде, в каком они содержатся в принятом тексте⁵².

27) Это объяснение четко выделяет саму функцию определений, содержащихся в этой части 1 Руководства по практике: необходимо проводить различие между оговорками и другими односторонними заявлениями, которые делаются в отношении договора (и наиболее многочисленной категорией которых являются заявления о толковании), поскольку первые и вторые подчинены различным правовым режимам.

28) Следует, впрочем, осознавать наличие определенных пределов для осуществления попыток подобного рода: с каким бы тщанием ни разрабатывалось определение оговорок и искались возможности их разграничения с другими односторонними заявлениями, имеющими некоторые общие моменты с первыми, неизбежная доля неопределенности непременно сохраняется. Эта неопределенность присуща процессу использования любого определения – операции толкования, которая отчасти зависит от обстоятельств и контекста и которая неизбежно несет отпечаток субъективности толкователя.

1.1.1 Заявления, направленные на ограничение обязательств их автора

Одностороннее заявление, формулируемое государством или международной организацией в момент, когда это государство или эта

⁵¹ См. в числе очень многочисленных примеров: оговорки Канады, Соединенных Штатов Америки, Лаоса, Таиланда и Турции к Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), сар. III.1), оговорку Мальты к Дополнительному протоколу к Конвенции о таможенных льготах для туристов, касающемуся ввоза относящихся к туризму осведомительных документов и материалов (*ibid.*, сар. XI.A.7), или оговорку Европейского сообщества к статьям 6 и 7 Конвенции о таможенном режиме, применяемом к контейнерам, переданным в пул и используемым для международных перевозок, 1994 года (*ibid.*, сар. XI.A.18).

⁵² *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1 (часть вторая), стр. 189–190 англ. текста (пункт 11) комментария к статье 2).

организация выражает свое согласие на обязательность договора, и посредством которого его автор желает ограничить обязательства, налагаемые на него договором, является оговоркой.

Комментарий

1) Выражение «изменить юридическое действие определенных положений договора», которое фигурирует в «Венском определении», включенном в руководящее положение 1.1, несомненно, относится к оговоркам, которые *ограничивают* или *сужают* это действие, а следовательно, и обязательства государства, делающего оговорку, «поскольку "сужение" является одним из путей "изменения"»⁵³. К тому же практически все оговорки имеют целью ограничить обязательства, возложенные, в принципе, согласно договору, на автора оговорки.

2) Такова, по всей вероятности, причина, по которой предложения о внесении поправок в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров в целях включения слов «ограничить» или «сузить» в перечень юридических действий, предусмотренных оговорками⁵⁴, не были приняты, поскольку они ничего не добавили бы к принятому в итоге тексту⁵⁵.

3) Комиссия считает, однако, что формулировки Руководства по практике отнюдь не налагают тех же ограничений, что и формулировки какой-либо конвенции: такое руководство может указывать на какой-либо очевидный факт, которому вряд ли найдется место в договоре.

4) Однако руководящее положение 1.1.1 служит и более фундаментальной цели. По мнению Комиссии, его включение в Руководство по практике вместе с руководящим положением 1.1.2 помогает уточнить тему полемики, которая время от времени разворачивается вокруг оговорок к договорам и которая заключается в выяснении вопроса о том, возможны ли «расширительные оговорки», в отношении которых можно, не задумываясь, сказать, что общепринятого определения для них просто не существует⁵⁶.

⁵³ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (см. сноску 25 выше), р. 80.

⁵⁴ См. поправки, предложенные Швецией (добавить слово «ограничить» после слова «исключить»), или поправки, предложенные Вьетнамом (добавить слово «ограничить» после слова «исключить») (доклад Комитета полного состава о работе первой сессии Конференции (A/CONF.39/14, пункт 35), в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions, Vienna, 26 March – 24 May 1968 and 9 April – 22 May 1969, Documents of the Conference (A/CONF.39.11/Add.2, United Nations publication, Sales No. E.70.V.5)*, р. 112).

⁵⁵ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 80.

⁵⁶ Так, например, Х.М. Руда определяет «расширительные оговорки» как «заявления или утверждения, имеющие целью расширить обязательства, включенные в договор» и включает туда «односторонние заявления, на основании которых государство принимает на себя определенные обязательства, не получая ничего взамен, поскольку переговоры по принятию договора уже завершены», J.M. Ruda, «Reservations to treaties», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1975-III*,

5) Комиссия не собирается разворачивать полемику чисто концептуального характера, которая вряд ли уместна в случае Руководства по практике, и поэтому она воздержалась от использования этого двусмысленного выражения. Вместе с тем она отмечает, что в тех случаях, когда какое-либо государство или международная организация делает одностороннее заявление, на основании которого это государство или организация имеет целью ограничить обязательства, которые налагались бы на них договором в отсутствие такого заявления, они стремятся тем самым однозначно расширить свои права, которыми бы они обладали по договору, если бы он применялся без ограничений, в ущерб правам других договаривающихся государств и договаривающихся организаций; другими словами, обязательства других договаривающихся государств и договаривающихся организаций оказываются возросшими в такой же степени. В этом смысле «ограничительные» оговорки, т.е. большинство оговорок, могут казаться «расширительными оговорками».

6) В этой связи следует, однако, проводить различие между двумя типами заявлений, которые сходны между собой лишь на первый взгляд:

– с одной стороны, заявления, которые, в силу того что они направлены на освобождение их автора от некоторых обязательств, предусмотренных договором, ограничивают, в соответствующей степени, права других договаривающихся государств или договаривающихся организаций; и

– с другой стороны, заявления, которые имеют целью возложить новые, не предусмотренные договором обязательства на других участников этого договора.

7) Руководящее положение 1.1.1 не касается заявлений, относящихся к первой из этих категорий; заявления, относящиеся ко второй категории, оговорками не являются⁵⁷.

8) Некоторые оговорки, на основании которых государство или международная организация стремятся ограничить свои обязательства по договору, иногда представляются как «расширительные оговорки». Это наблюдается, например, в случае заявления, на основании которого Германская Демократическая

Республика сообщила о своем намерении участвовать в покрытии расходов Комитета против пыток лишь в тех случаях, когда эти расходы возникают в результате деятельности, соответствующей компетенции, которую Германская Демократическая Республика признала за Комитетом⁵⁸. В этой связи законность такой оговорки была оспорена⁵⁹. Однако это было сделано отнюдь не потому, что эта оговорка привела бы к увеличению финансового бремени для других участников, не потому, что ее не следовало бы квалифицировать как оговорку, и не потому, что она по своему характеру отличалась бы от обычных «изменяющих» оговорок.

9) Это, как представляется, действительно и в отношении другого примера оговорок, которые были квалифицированы в качестве «расширительных» под тем предлогом, что «государство, сделавшее оговорку, расширяет лишь свои права (но не свои обязательства), одновременно расширяя объем обязательств своих партнеров»⁶⁰: оговорки, сделанные Польшей и рядом социалистических стран по статье 9 Конвенции об открытом море, в соответствии с которыми «норма, установленная в статье 9 [относительно иммунитета судов, принадлежащих государству], применима ко всем судам, принадлежащим государству или эксплуатируемым им»⁶¹, представляли бы собой фактически «расширительные оговорки», поскольку государство, сделавшее оговорку, расширяет свои права, увеличивая при этом объем обязательств своих партнеров. По сути дела, и в этом нет ничего особенного: такая оговорка «действует» как любая ограничительная оговорка; государство, которое делает эту оговорку, толкует по своему усмотрению норму, предусмотренную договором, таким образом, чтобы ограничить свои договорные обязательства⁶².

⁵⁸ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.9.

⁵⁹ См. R. W. Edwards, Jr., «Reservations to treaties», *Michigan Journal of International Law*, vol. 10 (1989), pp. 392–393.

⁶⁰ Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (см. сноску 27 выше), pp. 295–296.

⁶¹ *Multilateral Treaties...* (см. сноску 37 выше), chap. XXI.2.

⁶² Примеров «ограничительных оговорок» этого типа – великое множество, поскольку в этом случае изменение действия договора может быть результатом а) замены государством, делающим оговорку, положений, содержащихся в договоре, положениями своего внутреннего законодательства: «Правительство Аргентины заявляет, что применение второй части статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах осуществляется в соответствии с принципом, закрепленным в статье 18 национальной Конституции Аргентины» («заявление о толковании», сделанное Аргентиной по Пакту о гражданских и политических правах, *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4); б) замены положений договора, к которому делается оговорка, обязательствами, вытекающими из других международных договоров: «Статьи 19, 21 и 22, а также пункт 1 статьи 2 Пакта применяются в рамках действия статьи 16 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года» (оговорка № 1 Германской Демократической Республики к этому же Пакту, *ibid.*); или в) или принятие другой формулировки, разработанной специально для этого случая государством, делающим оговорку, независимо от каких бы то ни было существующих норм: «Пункт 3 d) статьи 14 Пакта применяется следующим образом: сам суд должен решать, должен ли обвиняемый, находящийся под стражей, лично присутствовать на судебных заседаниях» (оговорка № 2, сделанная Германской Демократической Республикой, *ibid.*).

(продолжение сноски 56)

vol. 146 (1977), p. 107); Хорн проводит различие между «заявлениями-обязательствами», на основании которых государство берет на себя еще большие обязательства по сравнению с обязательствами по договору, и «собственно "расширительными оговорками"», на основании которых «государство стремится возложить на другие стороны более широкие обязательства, что предполагает соответствующее расширение прав для него самого» (Норп, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 90); Эмбер полагает, что «расширительных оговорок» не существует (Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 15); см. также полемику между двумя членами Комиссии г-ном Дерекком Боуэтом и г-ном Кристианом Томушато в 1995 году (*Ежегодник... 1995 год*, том I, 2401-е заседание, стр. 197–199, пункты 3–9 и 11).

⁵⁷ См. руководящее положение 1.5 и особенно пункты 9) и 10) комментария к нему.

10) К тому же необходимо, чтобы государство, которое делает оговорку, не стало пользоваться случаем, который ему представляется в связи с данным договором, с тем чтобы с помощью оговорки попытаться приобрести более широкие права, нежели те, на которые оно могло бы претендовать на основании общего международного права. В этом случае одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией, относится не к категории оговорок, а к категории односторонних заявлений, имеющих целью включить в договор дополнительные элементы⁶³.

11) Из самого определения оговорок вытекает, что они могут квалифицироваться в качестве таковых, если они сделаны «при подписании, ратификации, акте официального подтверждения или утверждении договора или присоединении к нему, или когда государство направляет уведомление о правоприменении»⁶⁴. В том случае, если односторонние заявления, имеющие целью ограничить обязательства государства или организации, которые их делают, являются оговорками, в действие вступает этот временный элемент и на эти заявления — что совершенно естественно — распространяется это временное ограничение.

12) Если следовать этой логике до конца, то тогда было бы, вне всякого сомнения, целесообразно включить полный перечень случаев, в которых может быть сделана оговорка в том виде, в каком он изложен в руководящем положении 1.1. Вместе с тем этот перечень не только не является исчерпывающим⁶⁵, но и его включение в руководящее положение 1.1.1 привело бы к ненужному утяжелению его формулировки. Комиссия сочла, что в этих целях достаточно простого напоминания, изложенного в общей форме; такова цель выражения «в то время, когда это государство или эта организация выражает свое согласие на обязательность договора».

1.1.2 Заявления, направленные на выполнение обязательства эквивалентным методом

Одностороннее заявление, формулируемое государством или международной организацией в момент, когда это государство или эта организация выражает свое согласие на обязательность договора, и посредством которого это государство

или эта организация желает выполнять вытекающее из договора обязательство иным методом, но считающимся автором заявления эквивалентным тому, который предусмотрен договором, является оговоркой.

Комментарий

1) Этот достаточно своеобразный случай, предусмотренный руководящим положением 1.1.2, может быть проиллюстрирован на примере оговорки Японии к Конвенции об оказании продовольственной помощи 1971 года. На основании статьи II этой Конвенции стороны договорились поставлять пшеницу и другие зерновые в порядке оказания продовольственной помощи развивающимся странам за ежегодные установленные суммы. На основании заявления, сделанного во время подписания, Япония зарезервировала за собой

право выполнять свои обязательства на основании статьи II, оказывая помощь в виде поставок риса, в том числе риса, выращенного в развивающихся странах, не являющихся членами, или, по просьбе стран-бенефициаров, — в виде сельскохозяйственного оборудования⁶⁶.

2) Очевидная цель такого заявления — изменить юридическое действие некоторых положений договора в их применении к автору, который сделал его⁶⁷. Таким образом, оно вписывается в определение оговорок.

3) Вступление в силу такого заявления без его принятия другими сторонами (как минимум бенефициарами помощи в случае оговорки Японии) едва ли возможно, однако именно в этом и проявляется суть оговорок, как это следует из статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

4) Оригинальность оговорок, предусмотренных этим руководящим положением, заключается в выражении «*иным методом, нежели тот, который предусмотрен договором, но эквивалентным ему*». В соответствии с общими принципами международного публичного права эта эквивалентность может быть оценена только каждым договаривающимся государством или каждой договаривающейся организацией в той мере, в какой это их касается. Если обязательство, которое берется на себя, менее строгое, чем обязательство, предусмотренное договором, то мы оказываемся в положении, которое охватывается проектом руководящего положения 1.1.2, и одностороннее заявление является оговоркой; если оно более строгое, то тогда речь идет о заявлении, имеющем целью взять на себя односторонние обязательства, и оно не является оговоркой⁶⁸. В случае расхождений в оценке применяются обычные правила мирного урегулирования споров.

⁶³ В конкретных случаях может оказаться трудным разграничить одну категорию от другой, поскольку все зависит от того, намеревается ли государство или международная организация получить для себя с помощью своего заявления больше прав по сравнению с тем, что этому государству или организации положено на основании общего международного права: это зависит от толкования, которое они придают сами своему заявлению, и от обычной правовой нормы, на которую ссылается автор оговорки. Таким образом, в примере заявления Польши, который приведен выше в пункте 9) данного комментария, это заявление следует рассматривать как оговорку, если считать, что существует соответствующая обычная норма, на основании которой все суды данного государства, *lato sensu*, пользуются иммунитетом. См. также руководящее положение 1.5 выше, и особенно пункты 11) и 12) комментария к нему.

⁶⁴ См. руководящее положение 1.1 выше.

⁶⁵ См. пункт 10) комментария к руководящему положению 1.1.

⁶⁶ United Nations, *Treaty Series*, vol. 800, p. 197.

⁶⁷ При этом следует иметь в виду, что в приведенном выше примере эти моменты не столь ясны, поскольку статья II не ограничивает строго поставку зерновых только пшеницей; однако нет ничего предосудительного в том, чтобы рассуждать так, как если бы речь шла именно об этом.

⁶⁸ См. пункты 9) и 10) комментария к руководящему положению 1.5.

5) Естественно, временной элемент здесь играет основную роль: если «замена» производится после вступления в силу договора по отношению к автору, то в лучшем случае здесь речь будет идти о побочном соглашении (если другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации принимают его), в худшем – о нарушении договора. Однако это справедливо для всех односторонних заявлений, сделанных «вне установленных сроков»⁶⁹.

1.1.3 Оговорки, относящиеся к территориальной сфере действия договора

Одностороннее заявление, посредством которого государство желает исключить применение некоторых положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов к территории, к которой они применялись бы в отсутствие такого заявления, является оговоркой.

Комментарий

1) Это руководящее положение, как указывает его название, касается односторонних заявлений, посредством которых государство⁷⁰ желает исключить применение некоторых положений договора *ratione loci*: государство соглашается с применением всего договора *ratione materiae*, за исключением применения таких положений к одной или нескольким территориям, к которым положения договора были бы применимы в соответствии со статьей 29 Венских конвенций⁷¹.

2) В практике государств является вполне обычным делом по той или иной причине исключать или изменять применение определенных положений договора лишь к части территории государства, к которой в отсутствие такого заявления эти положения применялись бы⁷². Особенно интересной в этом

⁶⁹ См. также раздел 2.3 (Последующее формулирование оговорок).

⁷⁰ В силу очевидных причин эта возможность не касается международных организаций, хотя можно представить случаи, в которых организация, наделенная территориальными полномочиями, может представить подобную оговорку.

⁷¹ Статья 29 Венской конвенции 1986 года гласит: «Если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то договор между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями обязателен для каждого государства-участника в отношении всей его территории».

⁷² См., например, оговорки Соединенного Королевства, сформулированные при подписании Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: «Правительство Соединенного Королевства заявляет, что в том, что касается статьи 8 Пакта, оно должно зарезервировать за собой право не применять пункт 1 *b*) к Гонконгу в той мере, в какой данный пункт может подразумевать для профсоюзов, не относящихся к одной и той же профессии или одной и той же отрасли, право образовывать федерации или конфедерации» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), *chap. IV.3*). См. также оговорки, сформулированные при ратификации, в соответствии с которыми правительство Соединенного Королевства «зарезервировало право отсрочивать применение» определенных положений Пакта в отношении различных территорий (*ibid.*), или поправки, сформулированные Нидерландами (относящиеся к неприменению пункта 1 статьи 20 к Антильским островам (Нидерландским)), и поправки

отношении является оговорка Нидерландов к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах:

Королевство Нидерландов не соглашается с тем, чтобы это положение применялось к Антильским островам (Нидерландским) в том, что касается центральных и местных органов управления Антильских островов (Нидерландских). Королевство Нидерландов уточняет, что, хотя оно и не уверено в том, что сформулированная оговорка необходима, оно предпочло форму оговорки, а не заявления. В этой связи Королевство Нидерландов хотело бы убедиться в том, что соответствующее вытекающее из Пакта обязательство не применяется к Королевству в том, что касается Антильских островов (Нидерландских)⁷³.

3) Эти односторонние заявления представляют собой оговорки по смыслу Венского определения: будучи представленными в один из оговоренных моментов, они направлены на исключение или изменение юридического действия некоторых положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов применительно к их автору. В случае отсутствия таких заявлений договор фактически являлся бы применимым ко всей территории государства в соответствии с положениями статьи 29 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Исключение или частичное изменение применения договора, которое является квинтэссенцией оговорки и на которое направлены эти заявления, позволяют считать их настоящими оговорками.

4) Представляется самым собой разумеющимся то обстоятельство, что оговорка, относящаяся к территориальной сфере действия договора, должна формулироваться самое позднее в момент выражения государством своего согласия на обязательность этого договора, когда она направлена на исключение или изменение действия некоторых из положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов применительно к данной территории, и в этом смысле не требуется никакого проведения различия между определением этих оговорок, относящихся к территориальной сфере действия договора, и общим определением оговорок.

5) Хотя, на первый взгляд, заявление, в соответствии с которым государство преследует цель исключить применение договора *в целом* ко всей⁷⁴ или части его территории, может также рассматриваться как направленное на исключение или изменение юридического действия договора, речь не обязательно может идти⁷⁵ об оговорках по смыслу руководящего

Соединенного Королевства к Международному пакту о гражданских и политических правах (*ibid.*, *chap. IV.4*).

⁷³ *Ibid.*, *chap. IV.3*.

⁷⁴ В качестве примера полного исключения всей территории государства см. оговорку Соединенных Штатов Америки к Соглашению о международных перевозках скоропортящихся пищевых продуктов и о специальных транспортных средствах, предназначенных для этих перевозок (СПС) от 1 сентября 1970 года (и возражения, которые вызвала эта оговорка) (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), *chap. XI.B.22*).

⁷⁵ В том что касается, например, Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций, принятой 13 февраля 1946 года, и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений, принятой 21 ноября 1947 года, то принципиальная позиция Генерального секретаря в осуществлении

положения 1.1, но о выражении «иного намерения» по смыслу статьи 29 Венских конвенций. Государство не исключает юридического действия договора в отношении конкретной территории, но определяет, что является «его территорией» по смыслу статьи 29 Венских конвенций, к которой договор применяется. В рамках территориальной сферы применения договора юридическое действие его положений сохраняется полностью.

6) Хотя в 1964 году сэр Хэмфри Уолдок не исключил, что намерение государства не применять договор на части своей территории может «быть сформулировано в виде оговорки»⁷⁶, в проекте статьи 25 (ставшей статьей 29), принятой в конечном счете Комиссией в 1966 году, не упоминалось о квалификации этих заявлений в качестве имеющих территориальное применение. В соответствующем комментарии Комиссия пояснила:

Одно из правительств предложило дополнить эту статью вторым пунктом, в котором прямо устанавливалось бы, что любое государство, состоящее из различных и автономных элементов, должно иметь право заявить, к каким именно из составляющих его частей будет применяться договор. Согласно этому предложению, заявление должно было рассматриваться не как оговорка, а как ограничение согласия государства, распространяющееся лишь на некоторые из его частей. Комиссия посчитала, что постановление такого рода, каким бы образом оно ни было сформулировано, чревато опасностью поставить столько же проблем, сколько оно и должно было бы разрешить. Кроме того, Комиссия сочла, что слова «если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом» в предлагаемом ныне тексте придадут этой норме необходимую гибкость, позволяющую удовлетворять все правомерные требования в области территориальной сферы действия договоров⁷⁷.

7) Практика Генерального секретаря также проливает весьма мало света на вопрос квалификации такого заявления, направленного на исключение

своей функции депозитария заключается в том, чтобы считать любое заявление, направленное на исключение его действия применительно к некоторым территориям, как «оговорку территориального характера» и уведомлять о нем в этом качестве договаривающиеся государства и в случае необходимости специализированное учреждение. Такой подход был обусловлен тем обстоятельством, что «с учетом их характера эти две конвенции должны рассматриваться как применимые автоматически к территориям, ответственность за международные отношения которых обеспечивается присоединяющимися государствами» (*Summary of Practice of the Secretary-General as Depositary of Multilateral Treaties* (United Nations publication, Sales No. E/F.94.V.15, document ST/LEG/7/Rev.1), p. 83, para. 274). При этом Генеральный секретарь уточнил: «Когда Генеральному секретарю от одного из государств поступило заявление, ставящее целью исключить применение к некоторым не являющимся частями метрополии территориям Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений, он уведомил государства-участники и специализированные учреждения о том, что депонированный для хранения международно-правовой акт сопровождался оговоркой территориального характера. Поскольку Административный комитет по координации, специализированные учреждения и ряд государств-участников заявили свои возражения, Генеральный секретарь счел, что данный документ не мог считаться сданным на хранение, и призвал заинтересованное государство пересмотреть вопрос о своей оговорке» (*ibid.*, para. 275).

⁷⁶ *Ежегодник... 1964 год*, том II, документ A/CN.4/167 и Add.1–3, стр. 12 англ. текста (проект статьи 58).

⁷⁷ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 213 англ. текста, пункт 4) комментария.

применения договора в целом к соответствующей территории:

В тех случаях, когда в силу характера договора или иных особых обстоятельств (например, в силу того, что договор представляет собой учредительный акт международной организации) не требуется в обязательном порядке не признавать международно-правовой документ, содержащий заявление, ограничивающее или исключающее применение договора к территориям, Генеральный секретарь руководствуется общими принципами, изложенными в резолюции 598 (VI), которая, по его мнению, должна регулировать *mutatis mutandis* режим «оговорок», относящихся к применимости договора к территориям. Исходя из этого, он принимал на хранение международно-правовые документы, содержащие заявления, ограничивающие или исключающие применение их к территориям, предоставляя другим странам делать из этих заявлений выводы юридического характера, которые они считают уместными⁷⁸.

8) Было заявлено, что будет трудно подчинить эти заявления территориального характера общему правовому режиму оговорок и, в частности, высказывать возражения против них. Однако невозможность формулирования возражения против такого заявления проистекает не из его территориального характера, а из его сущности как «оговорки, разрешенной» договором.

9) Вместе с тем, по размышлению, практически не представляется возможным уподоблять такие заявления, направленные на исключение применения договора в целом к данной территории, собственно говоря оговоркам⁷⁹. И в самом деле, было замечено, что такое уподобление лишало бы государство, обеспечивающее международное представительство несамостоятельной территории, права стать участником договора, запрещающего оговорки, так долго, насколько по той или иной причине данная территория оказывается не готовой принять на себя такие же обязательства.

10) Именно по этой причине Комиссия приняла решение не включать в руководящее положение 1.1.3 случаи заявлений, направленных на исключение применения договора в целом к данной территории. В принципе, речь в данном случае и не идет об оговорках по смыслу Венской конвенции.

1.1.4 Оговорки, формулируемые при расширении территориальной сферы действия договора

Одностороннее заявление, посредством которого государство, при расширении территориальной сферы действия договора, желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в отношении этой территории, является оговоркой.

Комментарий

1) Если проект руководящего положения 1.1.3 имеет отношение к сфере действия *ratione loci* некоторых

⁷⁸ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), p. 83, para. 277.

⁷⁹ В этом смысле см. также S. Karagiannis, «1969 Vienna Convention. Article 29: Territorial scope of treaties» в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 737–739, paras. 19–24.

оговорок, то руководящее положение 1.1.4 касается временного элемента определения, т.е. того момента, когда некоторые из этих «оговорок территориального характера» могут иметь место.

2) По общему правилу, государство делает такие оговорки в момент подписания договора или при выражении своего согласия с его обязательностью. Это даже тот единственный момент, когда может быть сформулирована оговорка, если она имеет своей целью изменить юридическое действие какого-либо положения договора или договора в целом применительно к определенным конкретным аспектам⁸⁰. Однако дело может обстоять иначе, в том что касается оговорок, цель которых – исключить или изменить юридическое действие некоторых положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применимости к территории, на которую ранее действие договора не распространялось.

3) Может в действительности так случиться, что территориальная сфера применения договора будет меняться со временем, будь то в силу того, что государство принимает решение распространить действие договора на находящуюся под его юрисдикцией территорию, на которую действие договора ранее не распространялось, либо потому, что эта территория подпала под его юрисдикцию после вступления договора в силу, либо же по любой другой причине, которая в любом случае не имеет отношения к праву оговорок к договорам. В этой связи государство, осуществляющее ответственность за международные отношения данной территории, может просто-напросто распространить действие этого договора на данную территорию, но оно может также иметь желание сделать это лишь частично; в этом втором случае оно сопровождается уведомление о распространении территориального применения договора, которое оно направляет депозитарию, новыми оговорками, относящимися к этой территории. Нет никаких оснований испытывать желание воспрепятствовать ему в этом: подобное ограничение имело бы своим следствием затруднение распространения территориального применения договора и было бы совершенно излишним, поскольку одностороннее заявление, формулируемое в данном случае, подчинено правовому режиму оговорок и, следовательно, является действительным, только если оно совместимо с условиями материальной действительности оговорок⁸¹, и в особенности с целью и объектом договора.

4) В качестве примеров оговорок, формулируемых в подобных случаях, можно назвать оговорки, сформулированные Соединенным Королевством, когда оно 19 марта 1962 года распространило действие Конвенции о статусе апатридов от 28 сентября 1954 года на Фиджи, Вест-Индские территории и Сингапур⁸², или оговорки Нидерландов в момент

представления 29 июля 1971 года уведомления о применимости к Суринаму Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года⁸³.

5) Можно привести недавние примеры оговорок в связи с уведомлением о территориальном применении: 27 апреля 1993 года Португалия уведомила Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о своем намерении распространить на Макао действие Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года. Это уведомление было сопровождено оговорками, относящимися к этой территории⁸⁴. 14 октября 1996 года Соединенное Королевство уведомило Генерального секретаря о своем решении распространить действие Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года на Гонконг с учетом некоторого числа оговорок⁸⁵. Эти оговорки не вызвали никакой реакции, ни возражений со стороны других договаривающихся государств.

6) Представляется, таким образом, разумным уточнить, как это было, кстати, предложено и в теории⁸⁶, что одностороннее заявление государства в связи с уведомлением о территориальном применении представляет собой оговорку, если это заявление к тому же удовлетворяет условиям, устанавливаемым дополненным таким образом Венским определением. Само собой разумеется, что подобное уточнение не предпринимает вопросов, касающихся действительности подобных оговорок⁸⁷.

1.1.5 Оговорки, формулируемые совместно

Совместное формулирование оговорки несколькими государствами или международными организациями не влияет на односторонний характер этой оговорки.

Комментарий

1) Одной из основных характерных черт оговорок является то, что речь идет об односторонних заявлениях⁸⁸. Этот элемент Венского определения не знает исключений, даже если с формальной точки зрения ничто не мешает нескольким государствам или международным организациям сформулировать оговорку совместно, т.е. в едином правовом акте,

⁸³ *Ibid.*, chap. V.2.

⁸⁴ *Ibid.*, chap. IV.3 and 4.

⁸⁵ *Ibid.*, chap. IV.8.

⁸⁶ См. Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 295.

⁸⁷ См. также руководящее положение 1.8.

⁸⁸ Хотя в прошлом некоторые авторы придерживались «договорной» концепции оговорки (см. C. Rousseau, *Principes généraux du droit international public*, Paris, Pedone, 1944, vol. 1, pp. 290–291; см. также определение, предложенное г-ном Брайерли в 1950 году, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 238–239 англ. текста, пункт 84), с принятием Венской конвенции 1969 года все споры на эту тему прекратились. См. также Villiger, *Commentary on the 1969 Vienna Convention...* (сноска 49 выше), p. 88, para. 34.

⁸⁰ См. пункты 9)–14) комментария к руководящему положению 1.1.

⁸¹ См. часть 3 Руководства по практике ниже.

⁸² *Multilateral Treaties...* (см. сноску 37 выше), chap. V.3.

направленном депозитарию многостороннего договора от имени нескольких сторон.

2) Практика формулирования согласованных оговорок является прочно установившейся: вполне обычное дело, что государства, имеющие общие традиции, интересы или идеологию или являющиеся соседями, объединяются в целях формулирования идентичных или сходных оговорок к какому-либо договору. Это часто имело место в случае стран Восточной Европы, относивших себя к социалистическому лагерю⁸⁹, стран Северной Европы⁹⁰ или государств – членов Совета Европы или Европейских сообществ (ставших впоследствии Европейским союзом)⁹¹. Но каждая из этих оговорок остается, тем не менее, сформулированной индивидуально каждым из соответствующих государств или международных организаций, в связи с чем не возникает никаких проблем с точки зрения Венского определения.

3) Вместе с тем во время обсуждения проекта текста, который должен был стать пунктом 1 *d*) статьи 2 Венской конвенции 1969 года, один из членов Комиссии заметил, что оговорка может быть не только согласованной, но и совместной в том смысле, что она формулируется одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями в одном инструменте⁹². В то время это замечание прошло незамеченным, и на практике оказывается, что государства до настоящего времени практически не прибегали к совместным оговоркам⁹³. Однако совсем исключать возможность формулирования совместных оговорок нельзя. Такая возможность тем более вероятна, что в отсутствие совместных оговорок сегодня можно встретить следующие достаточно частые случаи:

a) совместное формулирование возражений против оговорок, сделанных другими сторонами⁹⁴;

b) совместное формулирование заявлений о толковании, которые, кстати говоря, не всегда легко отличить от оговорок *stricto sensu*⁹⁵.

4) Таким образом, нельзя исключить, что такая проблема может возникнуть в будущем, и Комиссия сочла, что было бы правильно предусмотреть такую возможность в рамках Руководства по практике.

5) По мнению Комиссии, едва ли что можно было бы возразить против совместного формулирования оговорок несколькими государствами или международными организациями: трудно себе представить, что могло бы помешать им сделать вместе то, что они, вне всякого сомнения, могут сделать по отдельности и на тех же условиях. Такая гибкость в подходе представляется тем более необходимой, что с увеличением числа общих рынков и таможенных и экономических союзов возникает вероятность того, что прецеденты, установленные формулированием вышеупомянутых совместных возражений или заявлений о толковании, повторяются и применительно к оговоркам, поскольку эти образования зачастую разделяют правомочия со своими государствами-членами; в самом деле, было бы весьма значительной степени нереально требовать, чтобы эти последние действовали отдельно от образования, членами которого они являются. Кроме того, с точки зрения доктрины подобная практика, совершенно очевидно, не противоречила бы духу Венского определения: единый акт, исходящий от нескольких государств, может считаться односторонним в силу того, что его адресат или адресаты не являются его сторонами⁹⁶.

6) В практическом плане такие совместные оговорки давали бы, кроме того, то большое преимущество, что упрощали бы задачу и депозитария – который

⁸⁹ См., например, оговорки Белорусской Советской Социалистической Республики, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Монголии, Румынии, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословакии к разделу 30 Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций от 13 февраля 1946 года; некоторые из этих оговорок были сняты после 1989 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), *chap.* III.1).

⁹⁰ См., например, оговорки Финляндии и Швеции к статьям 35 и 58 Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года (*ibid.*, *chap.* III.6) или оговорки Дании, Исландии, Финляндии и Швеции к статье 10 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (*ibid.*, *chap.* IV.4).

⁹¹ См., например, оговорки Австрии (№ 5), Бельгии (№ 1), Федеративной Республики Германии (№ 1) и Франции (№ 6) к этому же Пакту от 1966 года (*ibid.*) или «заявления» всех государств – членов Европейского сообщества, сделанные ими в этом качестве к Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года (*ibid.*, *chap.* XXVI.3).

⁹² Выступление г-на Паредеса на 651-м заседании Комиссии 25 мая 1962 года (*Ежегодник... 1962 год*, том I, стр. 146 англ. текста, пункт 87).

⁹³ Оговорки, сформулированные международной организацией, являются оговорками этой организации, а не входящих в нее государств-членов; поэтому они не могут быть квалифицированы как «совместные оговорки».

⁹⁴ Так, например, Европейское сообщество и его (в то время) девять государств-членов посредством одного и того же правового акта высказали возражения против «заявлений», сделанных Болгарией и Германской Демократической Республикой в отношении пункта 3 статьи 52 Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП) от 14 ноября 1975 года, открывающего таможенным или экономическим союзам возможность становиться участниками Конвенции (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), *chap.* XI.A.16). См. также руководящее положение 2.6.4 (Возражения, формулируемые совместно).

⁹⁵ См. заявления «Европейского сообщества и его государств-членов» или только этих последних в отношении, например, Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 года (*ibid.*, *chap.* XXVII.7), Конвенции о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года (*ibid.*, *chap.* XXVII.8) и Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими, от 4 августа 1995 года (*ibid.*, *chap.* XXI.7). См. также руководящее положение 1.2.1 (Заявления о толковании, формулируемые совместно).

⁹⁶ Речь идет о так называемых «односторонних актах со множественными сторонами»; см. по этому вопросу первый доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Родригесом Седеньо (*Ежегодник... 1998 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/486, стр. 382, пункт 79, и стр. 389, пункт 133).

мог бы рассылать текст совместно сформулированной оговорки другим сторонам, не сталкиваясь с необходимостью умножать число уведомлений, — и этих других сторон, которые могли бы, если бы они этого захотели, отреагировать на данную оговорку посредством единого правового акта.

7) Комиссия задалась вопросом, не следует ли пойти дальше и предусмотреть возможность коллективных оговорок, посредством которых группы государств или международных организаций брали бы на себя обязательство не только совместно формулировать оговорку, но также и снимать ее или изменять исключительно всем вместе, что подразумевало бы также, что другие стороны могли бы согласованно принимать ее или высказывать против нее возражения. Однако такая возможность, по-видимому, представляет больше неудобств, нежели чем открывает преимуществ:

— в практическом плане она усложнила бы снятие оговорок, которые зачастую воспринимаются как «неизбежное зло»⁹⁷, поскольку поставила бы отказ от совместной оговорки в зависимость от согласия на это всех сформулировавших ее государств или международных организаций;

— в теоретическом плане существование такой возможности подразумевало бы, что группа сторон может навязать другим согласованные ими правила, касающиеся оговорок, что совершенно несовместимо с принципом относительного действия договоров; иными словами, может случиться, что государства или международные организации договорятся считать, что совместно сформулированная ими оговорка может быть снята или изменена только совместно, но такое соглашение было бы *res inter alios acta* по отношению к другим договаривающимся государствам или договаривающимся организациям договора, которого касается данная оговорка.

8) Именно по этим причинам Комиссия, хотя и предусмотрев возможность совместного формулирования оговорок, посчитала необходимым уточнить, что эти оговорки, тем не менее, подчиняются общему режиму оговорок, в значительной степени регулируемому их «односторонностью», для которой это совместное формулирование не может иметь никаких последствий.

9) Следует, кроме того, уточнить, что употребление сочинительного союза «или» в руководящем положении 1.1.5⁹⁸ никоим образом не исключает возможность совместного формулирования оговорок государством или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями и должен пониматься как означающий «и/или». Тем не менее, Комиссия посчитала, что

такая формула чрезмерно утяжелила бы выработанный текст.

1.1.6 Оговорки, формулируемые в соответствии с положениями, прямо разрешающими исключение или изменение определенных положений договора

Одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в момент, когда это государство или эта организация выражает свое согласие на обязательность договора в соответствии с положением, прямо разрешающим всем участникам или некоторым из участников исключать или изменять юридическое действие определенных положений договора в отношении участника, сделавшего заявление, является оговоркой, прямо разрешаемой договором.

Комментарий

1) Согласно общепринятому определению, клаузулой об исключении или выходе (или об отказе) является договорное положение, в соответствии с которым государство будет связано положениями договора, если только оно не выразит, при необходимости в установленные сроки, намерения не быть связанным некоторыми из таких положений⁹⁹.

2) Такие клаузулы исключения (клаузулы о выходе или об отказе) встречаются весьма часто. Их примеры можно найти в конвенциях, заключенных под эгидой Гаагской конференции по международному частному праву¹⁰⁰, Совета Европы¹⁰¹, Международ-

⁹⁹ См. В. Simma, «From bilateralism to community interest in international law», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1994-VI*, vol. 250, p. 329; см. также С. Tomuschat, «Obligations arising for States without or against their will», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1993-IV*, vol. 241, p. 264.

¹⁰⁰ См. пункт 1 статьи 8 Конвенции о разрешении коллизий между правом страны гражданства и правом страны domicilio от 15 июня 1955 года: «Каждое договаривающееся государство, подписывая или ратифицируя настоящую Конвенцию или присоединяясь к ней, может заявить, что оно исключает из сферы применения настоящей Конвенции коллизии законов в отношении определенных вопросов»; см. также статью 9 Конвенции о признании правосубъектности иностранных компаний, объединений и учреждений от 1 июня 1956 года.

¹⁰¹ См. пункт 1 статьи 34 Европейской конвенции о мирном разрешении споров от 29 апреля 1957 года: «Каждая Высокая Договаривающаяся Сторона может в момент сдачи своего документа о ратификации заявить, что ее согласие не распространяется: а) на главу III, касающуюся арбитража; или б) на главы II и III, касающиеся примирения и арбитража»; см. также пункт 1 статьи 7 Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства от 6 мая 1963 года: «Каждая Договаривающаяся Сторона применяет положения глав I и II. При этом понимается, однако, что каждая Договаривающаяся Сторона может заявить в момент подписания или в момент ратификации, принятия или присоединения, что она будет применять лишь положения главы II. В таком случае положения главы I не применяются в отношении данной Стороны»; и пункт 1 статьи 25 Европейской конвенции о гражданстве от 6 ноября 1997 года: «Каждое государство может во время подписания или при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении заявить, что оно исключит главу VII из сферы применения Конвенции».

⁹⁷ См. выступление г-на Аго на 797-м заседании Комиссии, 8 июня 1965 года (*Ежегодник... 1965 год*, том I, стр. 151 англ. текста, пункт 38).

⁹⁸ «...несколькими государствами или* международными организациями».

ной организации труда¹⁰², а также в других конвенциях. Среди этих последних можно в качестве примера сослаться на пункт 1 статьи 14 Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов (Конвенция МАРПОЛ) 1973 года:

При подписании, ратификации, принятии, одобрении настоящей Конвенции или присоединении к ней Государство может заявить, что оно не принимает Приложения III, IV и V (называемые далее «факультативные Приложения») к настоящей Конвенции или какое-либо из них. С учетом вышеупомянутого стороны Конвенции связаны любым Приложением как единым целым¹⁰³.

3) Вопрос о том, представляют ли собой заявления, сделанные на основании этих клаузул об исключении, оговорки или нет, является спорным. Самым весомым аргументом в пользу того, что оговорками они не являются, безусловно, служит то, что МОТ постоянно и решительно выступает против такого приравнивания, несмотря на то, что сама эта организация регулярно прибегает к процедуре, предполагающей заявления об отказе¹⁰⁴. В своем ответе на вопросник Комиссии МОТ указывает:

МОТ на протяжении длительного времени неуклонно придерживается практики неприятия регистрационных документов о ратификации международных конвенций по вопросам труда, когда они сопровождаются оговорками. Как было отмечено, «это базовое положение об отказе от признания любых оговорок столь же старо, как и сама МОТ» (см. W.P. Gormley, «The Modification of Multilateral Conventions by Means of Negotiated Reservations and Other Alternatives: A Comparative Study of the ILO and Council of Europe», *Fordham Law Review*, 1970, p. 65). В основе принятой практики нет каких-либо четких правовых положений Устава, регламента Конференции или конвенций МОТ – она находит свое логическое обоснование в специфике конвенций МОТ и трехсторонней структуре Организации. В качестве первооснов столь твердого принципа упоминаются, как правило, два меморандума: во-первых, меморандум 1927 года, представленный директором МОТ Совету Лиги Наций, по вопросу о допустимости оговорок к генеральным конвенциям, и, во-вторых, письменное заявление Международной организации труда, сделанное ею в 1951 году в контексте разбирательства в МС по вопросу об оговорках к Конвенции о пресечении преступления геноцида и наказании за него.

В своем меморандуме Комитету экспертов по кодификации международного права Генеральный директор МОТ указал в отношении конвенций по вопросам труда следующее:

«эти соглашения подготавливаются договаривающимися сторонами не на основе их собственных идей: над ними работают не полномочные представители, а конференция, которая имеет особый юридический характер и включает

и т.д. Другие примеры см. S.S. Åkermark, «Reservation clauses in treaties concluded within the Council of Europe», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 48 (1999), pp. 504–505.

¹⁰² См. пункт 1 статьи 2 Конвенции МОТ № 63 о статистике заработной платы и продолжительности рабочего времени 1938 года: «1. Каждый член Организации, ратифицирующей настоящую Конвенцию, может посредством заявления, приложенного к документу о ратификации, исключить из обязательств, налагаемых ратификацией: а) любой из разделов II, III или IV; или б) разделы II и IV; или с) разделы III и IV».

¹⁰³ Представленные выше положения приводятся в качестве примера и отнюдь не исчерпывают перечень клаузул изъятия конвенций, принятых на этих форумах. Другие примеры в целом см. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 171–172.

¹⁰⁴ См. также G. Raimondi, «Réserves et conventions internationales du travail», в J. Javillier and B. Gernigon (eds.), *Les normes internationales du travail: un patrimoine pour l'avenir. Mélanges en l'honneur de Nicolas Valticos*, Geneva, International Labour Office, 2004, pp. 527–539.

представителей неправительственных органов. Оговорки в любом случае являются недопустимыми, даже если они будут приняты всеми заинтересованными государствами, ибо права в отношении принятия международных конвенций по вопросам труда, предоставляемые договорами неправительственным органам, утрачивали бы свою силу, если бы одного лишь согласия правительств было достаточно для изменения существа и отхода от осуществления конвенций» (см. League of Nations, *Official Journal*, 1927, at p. [882])».

В аналогичном духе меморандум МОТ, представленный МС в 1951 году, гласит, в частности, следующее:

«конвенции МОТ принимаются и вступают в силу на основании процедуры, которая в существенных аспектах отличается от процедуры, применимой к другим международным документам. Всегда считалось, что в силу специфики этой процедуры конвенции МОТ по существу не могут быть ратифицированы при наличии каких-либо оговорок. Международная организация труда с момента ее учреждения последовательно придерживалась позиции, согласно которой оговорки являются недопустимыми. Эта точка зрения основывается на неизменной практике Международной организации труда и практике Лиги Наций в период 1920–1946 годов, когда Лига отвечала за регистрацию документов о ратификации конвенций МОТ, и подкрепляется такой практикой» (см. *I.C.J. Pleadings, 1951*, at pp. 217, 227–228)».

Юрисконсульт МОТ Уилфред Дженкс, выступая в 1968 году на Венской конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, заявил следующее:

«оговорки к Конвенциям МОТ несовместимы с объектом и целью этих конвенций. Процедурные механизмы заявления оговорок совершенно неприменимы в отношении МОТ по причине ее трехстороннего характера как организации, в которой, говоря словами ее Устава, «представители принимаемых и трудящихся» пользуются «равным статусом с представителями правительств». Безусловно, в деле применения конкретных Конвенций МОТ в весьма многообразных обстоятельствах требуется проявлять значительную гибкость, однако положения, являющиеся, согласно коллективному мнению Международной конференции труда, разумными и необходимыми для этой цели, закреплены в положениях конвенций и – если выясняется, что они не удовлетворяют этой цели, – подлежат пересмотру Конференцией в любое время в соответствии с ее обычными процедурами. Любой иной подход подрывал бы значимость международного свода законов о труде как кодекса общих стандартов».

Одним словом, в отношении Конвенций МОТ то или иное государство – член МОТ должно делать выбор между ратификацией без оговорок и отказом от ратификации. В соответствии с этой практикой Бюро в нескольких случаях отклоняло представляемые документы о ратификации, которые были сопряжены с оговорками (в частности, в 20-е годы правительствам Польши, Индии и Кубы было сообщено, что предполагаемые ратификации с оговорками являются недопустимыми; см. *Official Bulletin*, vol. II, p. 18, и vol. IV, pp. 290–297). Аналогичным образом, Организация отказалась признать оговорки, предложенные Перу в 1936 году. В последние годы Бюро отказалось зарегистрировать документ о ратификации Белизом Конвенции № 151, содержащий две реальные оговорки (1989 год). В каждом случае оговорка либо снималась, либо государство не могло ратифицировать соответствующую Конвенцию.

Небезынтересно отметить, что в первые годы существования Организации бытовало мнение о том, что ратификация той или иной Конвенции МОТ вполне может быть поставлена в зависимость от конкретного условия, что она вступит в действие лишь в том случае, если будет ратифицирована также определенными другими государствами (см. *International Labour Conference, 3rd session, 1921*, at p. 220). Как указано в меморандуме Генерального директора МОТ от 1927 года в адрес Совета Лиги Наций,

«эти ратификационные грамоты по существу не содержат никаких оговорок, они содержат лишь условие, которое приостанавливает их вступление в действие; когда же они вступают в силу, их действие является вполне обычным и

неограниченным. Такие условные ратификации являются действительными, и их не следует путать с ратификациями с оговорками, которые изменяют фактическое содержание конвенций, принятых Международной конференцией труда (примеры ратификации с отменительными условиями см. Письменное заявление МОТ в *Genocide Case, I.C.J. Pleadings, 1951*, pp. 264–265).

Данные о свежих примерах такой практики отсутствуют. В принципе все ратификационные документы вступают в силу через 12 месяцев после их регистрации Генеральным директором.

Несмотря на запрет формулировать оговорки, государства – члены МОТ имеют право, а порой даже обязаны представлять заявления – соответственно, факультативные или обязательные. Обязательное заявление может определять рамки принимаемых обязательств или содержать иные существенные положения. В определенных других случаях заявление требуется тогда, когда ратифицирующее государство желает воспользоваться *разрешенными* исключениями, изъятиями или изменениями. В целом, обязательные и факультативные заявления связаны с ограничениями, разрешаемыми самой Конвенцией, и, таким образом, не представляют собой оговорку в юридическом смысле. Как указано в Письменном заявлении МОТ по делу *Genocide Case*, «они составляют, таким образом, часть условий конвенции, утвержденных Конференцией при принятии этой конвенции, и как с юридической, так и с практической точки зрения они не имеют ничего общего с оговорками» (см. *I.C.J. Pleadings, 1951*, at p. 234). Однако некоторые считают, что эти механизмы обеспечения гибкости «в практическом смысле имеют такое же оперативное действие, что и оговорки» (см. Gormley, *op.cit.*, *supra*, at p. 75)¹⁰⁵.

4) Этот довод отражает заслуживающую уважения традицию, однако отнюдь не является убедительным:

– во-первых, хотя и не вызывает сомнений, что международные конвенции по вопросам труда принимаются в совершенно особых условиях, они остаются договорами между государствами, и участие представителей неправительственных структур в их принятии не меняет их юридической природы;

– во-вторых, возможность пересмотра Международной конференцией труда той или иной конвенции, в которой обнаруживаются недостатки, ничего не доказывает в том, что касается юридического характера односторонних заявлений, сделанных на основании клаузулы исключения: пересмотренная конвенция не может быть навязана против их воли государствам, которые сделали такие заявления во время своего присоединения к этой конвенции в ее первоначальном виде; и в этом плане не имеет большого значения, идет или не идет речь об оговорках;

– наконец, самое главное заключается в том, что эта традиционная позиция МОТ свидетельствует об ограничительном толковании понятия оговорки, которое отличается от закрепленного в Венских конвенциях и настоящем Руководстве по практике.

5) По существу Венские конвенции отнюдь не исключают возможности заявления оговорки не в силу имплицитного разрешения по смыслу общего международного права договоров, кодифицируемого статьями 19–23 Венских конвенций 1969

¹⁰⁵ Ответ на вопросник, стр. 3–5 (воспроизводится в *Ежегоднике... 2000 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/508 и Add. 1–4, стр. 206–207). См. сноску 39 выше, относительно текста вопросника.

и 1986 годов, а в силу специальных положений договоров. Это со всей очевидностью вытекает из статьи 19 b) этих Конвенций, которая касается договоров и предусматривает, «что... можно делать только *определенные** оговорки», или пункта 1 статьи 20, согласно которому «оговорка, которая *определенно допускается** договором, не требует какого-либо последующего принятия...».

б) Тот факт, что одностороннее заявление с целью исключения или изменения юридического действия определенных положений договора или договора в целом в ряде конкретных аспектов в их применении к его автору¹⁰⁶ четко предусмотрено договором, является недостаточным для того, чтобы такое заявление считалось или не считалось оговоркой. Это как раз и является объектом «положений об оговорках», которые можно определить как «положения договора [...предусматривающие] рамки, которые государства должны учитывать^[107] при формулировании оговорок и даже определении их содержания»¹⁰⁸.

7) По существу, клаузулы исключения весьма близки к клаузулам об оговорках, а последующие односторонние заявления – к «определенным» оговоркам и «определенно допускаемым» договором оговоркам, в том числе в рамках международных конвенций по вопросам труда¹⁰⁹. Они представляют собой односторонние заявления, формулируемые при выражении согласия на обязательность договора¹¹⁰ и преследующие цель исключить юридическое действие определенных положений договора в их применении к государству или международной организации, которые их формулируют, что весьма точно соответствует непосредственному определению оговорки; и, как представляется, по крайней мере на первый взгляд, на них не распространяется или не должен распространяться особый правовой режим.

8) Если не считать отсутствия слова «оговорка», трудно понять, чем клаузулы исключения, приведенные выше¹¹¹, отличаются от собственно бесспорных оговорок, таких, как, например, статья 16 Конвенции о заключении и признании действительности браков

¹⁰⁶ См. руководящее положение 1.1.

¹⁰⁷ Без сомнения, более точным было бы слово «смогут».

¹⁰⁸ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 12.

¹⁰⁹ С другой стороны, отнюдь не вызывает сомнений то, что в соответствии с принятой в качестве нормы практикой в МОТ любое специально не предусмотренное одностороннее заявление, направленное на ограничение применения положений международных конвенций по вопросам труда, является недопустимым. Это, несомненно, относится в равной мере и к конвенциям, принятым в рамках Гаагской конференции по международному частному праву (см. G.A.L. Droz, «Les réserves et les facultés dans les Conventions de La Haye de droit international privé», *Revue critique de droit international privé*, vol. 58, No. 3 (1969), pp. 388–392). Однако этот вопрос уже не имеет ничего общего с вопросом об определении оговорок.

¹¹⁰ В отношении заявлений, сделанных в соответствии с клаузулой об исключении, но после выражения согласия автора на обязательность договора, см. пункт 17) комментария ниже.

¹¹¹ См. пункт 2) комментария выше.

(Гаага, 14 марта 1978 года)¹¹²; от статьи 33 Конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам, заключенной 18 марта 1970 года в контексте Гаагской конференции по международному частному праву¹¹³; или от статьи 35 («Оговорки») Конвенции о гражданской ответственности за ущерб в результате деятельности, опасной для окружающей среды¹¹⁴ от 21 июня 1993 года. Таким образом, представляется, что как по своей форме, так и по своему действию¹¹⁵ заявления, сделанные при выражении согласия на обязательность договора на основании клаузулы исключения, во всех отношениях сопоставимы с оговорками, когда ограничительный перечень таковых предусматривается клаузулами об оговорках¹¹⁶.

9) Тот факт, что какое-либо государство-участник не может возражать против заявления, сделанного на основании подобной клаузулы исключения, не противоречит квалификации такого заявления в качестве оговорки. Но это справедливо для каждой оговорки, сделанной на основании клаузулы об оговорках: если оговорка ясно предусматривается в договоре, то договаривающиеся государства и договаривающиеся организации знают, к чему следует готовиться; они заранее дали свое согласие в самом договоре на одну или несколько соответствующих оговорок. Впрочем, речь идет о проблеме, связанной с правовым режимом этих заявлений, а не с их определением¹¹⁷.

10) По правде говоря, клаузулы исключения представляются в качестве «согласованных оговорок» в общепринятом (и ошибочном) понимании этого выражения, встречающегося в рамках Гаагской конференции по международному частному праву и получившего развитие в рамках Совета Европы¹¹⁸. «В строгом смысле этого термина оно означает, что именно *оговорка* — а не просто право сформулировать таковую — является предметом переговоров»¹¹⁹.

¹¹² «Договаривающееся государство может резервировать за собой право исключать применение главы I» (статья 28 уточняет, что предусматривается возможность «оговорок»).

¹¹³ «Каждое государство в момент подписания, ратификации или присоединения имеет право исключить целиком или частично применение положений пункта 2 статьи 4, а также главы II. Никакие другие оговорки не допускаются».

¹¹⁴ «Каждая подписывающая Конвенцию сторона может в момент подписания или в момент сдачи на хранение своего документа о ратификации, принятии или утверждении заявить, что она резервирует за собой право: ... "с) не применять статью 18"».

¹¹⁵ См. W.P. Gormley, «The modification of multilateral conventions by means of "negotiated reservations" and other "alternatives": a comparative study of the ILO and Council of Europe», Part I, *Fordham Law Review*, vol. 39 (1970–1971), pp. 75–76.

¹¹⁶ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 169, и Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), pp. 505–506.

¹¹⁷ См. также руководящее положение 4.1.1 (Вступление в действие оговорки, прямо разрешаемой договором).

¹¹⁸ См. Droz, «Les réserves...» (сноска 109 выше), pp. 385–388; H. Golsong, «Le développement du droit international régional» в *Société française pour le droit international, X Colloquium, Bordeaux I, Régionalisme et universalisme dans le droit international contemporain*, 1976, Paris, Pedone, 1997, p. 228; и Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), pp. 489–490.

¹¹⁹ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux...* (см. сноску 25 выше), p. 196. В рамках Совета Европы это выражение используется в более широком смысле и предполагает «процедуру»*,

Следовательно, речь никоим образом не идет об «оговорках» в прямом смысле слова, а о *клаузулах об оговорках*, определяемых в ходе подготовки договора и предусматривающих четкий и ограничительный перечень оговорок, допускаемых данным договором.

11) Вместе с тем в некоторых конвенциях (по крайней мере, конвенциях Совета Европы) одновременно присутствуют клаузулы исключения и клаузулы об оговорках¹²⁰. По-видимому, это скорее является результатом терминологической неопределенности, нежели намеренного проведения различия¹²¹. Удивляет также то, что в своем ответе на вопросник Комиссии эта организация упоминает среди проблем, связанных с оговорками, проблемы, касающиеся статьи 34 Европейской конвенции о мирном разрешении споров, несмотря на отсутствие слова «оговорка» в этой весьма типичной клаузуле исключения¹²².

12) Случай, предусмотренный в руководящем положении 1.1.6, аналогичен положениям пункта 1 статьи 17 Венских конвенций 1969 и 1986 годов:

Без ущерба для статей 19–23 согласие государства [или международной организации] на обязательность для него/нее части договора имеет силу лишь в том случае, если это допускается договором....

13) Это положение, которое было утверждено без изменений Конференцией Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968–1969 годов¹²³, содержится в разделе 1 части II Конвенции (Заключение договоров) и обеспечивает связь со статьями 19–23, которые как раз и посвящены оговоркам. Оно разъясняется Комиссией в ее заключительном докладе 1966 года по проекту статей о праве международных договоров следующим образом:

Определенные договоры прямо предоставляют государствам-участникам возможность принимать обязательства лишь в отношении одной или нескольких частей соответствующего договора или не принимать обязательств в отношении определенных его частей; в этом случае, разумеется, возможны частичные

цель которой заключается в перечислении либо в самом тексте конвенции, либо в приложении к ней, тех пределов, в которых государствам предоставляется возможность высказывать оговорки» (Golsong «Le développement du droit international régional» (см. сноску выше), p. 228; см. также Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), p. 498; см. также pp. 489–490).

¹²⁰ См. статьи 7 (сноска 101 выше) и 8 Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства и примеры, которые приводит Акермарк, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), p. 506, footnote 121.

¹²¹ Аналогичным образом, тот факт, что ряд многосторонних договоров запрещают любые оговорки, разрешая при этом некоторые заявления, которые можно уподобить клаузулам исключения (см. статью 124 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года), сам по себе не имеет решающего значения; в этом случае также, по-видимому, следует усматривать скорее результат терминологической неопределенности, нежели намеренный выбор, преследующий создание особых правовых последствий.

¹²² См. сноску 101 выше.

¹²³ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), доклад Комитета полного состава о его работе на первой сессии Конференции, pp. 129–130, paras. 156–157.

ратификация, принятие, утверждение или присоединение. Однако в отсутствие положений подобного рода общепризнанная норма заключается в том, что ратификация, присоединение и т.п. должны применяться в отношении договора в целом. Если делать оговорки к определенным положениям договора в соответствии с положениями статьи 16 [19 в тексте Конвенции] можно, то подписываться лишь под определенными частями договора нельзя. Как следствие, пункт 1 этой статьи предусматривает, что без ущерба для положений статей 16–20 [19–23], касающихся оговорок к многосторонним договорам, выражение согласия государства на обязательность какой-либо части того или иного договора имеет силу лишь в том случае, если этот договор или другие договаривающиеся государства допускают возможность такого согласия¹²⁴.

14) Содержащееся в статье 17 Венских конвенций 1969 и 1986 годов выражение «без ущерба для статей 19–23» указывает, что в определенных случаях наличие выбора подразумевает возможность делать оговорки¹²⁵. Как представляется, формулировка этого положения не подразумевает, что все клаузулы, предоставляющие сторонам возможность выбора между различными положениями договора, являются оговорками.

15) Так, несомненно, обстоит дело с заявлениями, сделанными на основании клаузул выбора, как указывается в руководящем положении 1.5.3. Однако можно задать вопрос, не так же ли обстоит дело с некоторыми заявлениями, сделанными на основании определенных клаузул исключения, которые, имея то же действие, что и оговорки, или сходное с ними действие, тем не менее не являются оговорками в точном смысле этого слова, как они определяются в Венских конвенциях и в Руководстве по практике.

16) На самом деле встречаются случаи, когда в некоторых договорах предусматривается, что стороны могут исключать, посредством одностороннего заявления, юридическое действие определенных его положений в их применении к автору заявления не (или не только) в момент выражения согласия на обязательность этого договора, но и после вступления договора в силу по отношению к ним. Так:

– статья 82 Конвенции МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения 1952 года разрешает государству-члену, ратифицировавшему ее, денонсировать, по прошествии 10 лет с даты вступления Конвенции в силу, либо Конвенцию в целом, либо любой или несколько ее разделов II-X;

– статья 22 Конвенции о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов от 1 июня 1970 года уполномочивает договаривающиеся государства заявлять «в любой момент», что определенные категории лиц, имеющих гражданство этих государств, могут не рассматриваться в качестве их граждан для целей применения настоящей Конвенции¹²⁶;

– статья 30 Конвенции о праве, применимом к наследованию имущества умерших лиц, от 1 августа 1989 года, предусматривает следующее:

Любое государство – участник Конвенции может денонсировать ее, *либо только ее главу III**, посредством уведомления, направленного в письменном виде депозитарию;

– статья X Рамочного соглашения АСЕАН по услугам от 15 декабря 1995 года уполномочивает государство-член изменять или отзывать любое конкретное обязательство, принятое в соответствии с договором при определенных условиях, в любой момент в течение трех лет после вступления этого обязательства в силу.

17) Односторонние заявления, сделанные на основании такого рода положений, конечно же, оговорками не являются¹²⁷. В этой связи факт того, что они сформулированы (или могут быть сформулированы) в момент, отличный от момента согласия на обязательность договора, не является, вероятно, абсолютно решающим, поскольку ничто не мешает участникам переговоров отходить от положений Венских конвенций, которые носят лишь вспомогательный характер. Тем не менее заявления, которые делаются на основании этих положений исключения после вступления договора в силу, радикальным образом отличаются от оговорок, поскольку они не обуславливают присоединение к договору государства или международной организации, которые их делают. Оговорки являются элементами заключения и вступления договора в силу, о чем свидетельствует, впрочем, включение статей 19–23 Венских конвенций в их часть II, озаглавленную «Заключение и вступление договоров в силу». Они касаются частичного принятия положений соответствующего договора; вот почему вполне логично рассмотреть в числе оговорок заявления, сделанные в момент выражения согласия на обязательность договора. И наоборот, заявления, сделанные в течение определенного времени после вступления договора в силу в отношении их автора, являются частичной денонсацией, которая скорее относится к части V Венских конвенций о недействительности, прекращении и приостановлении действия договоров. Их можно, впрочем, отнести к пункту 1 статьи 44, который не исключает права стороны частично выйти из договора, если последний позволяет это сделать.

18) Такие заявления исключаются из сферы применения руководящего положения 1.1.6 посредством выражения «сделанное государством или международной организацией при выражении своего согласия на обязательность договора».

1.2 Определение заявлений о толковании

«Заявление о толковании» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под

¹²⁴ Ежегодник... 1966 год, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 201–202 англ. текста.

¹²⁵ В этом смысле см. Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), p. 506.

¹²⁶ В отношении обстоятельств, при которых было принято это положение, см. Droz, «Les réserves...» (см. сноску 109 выше),

pp. 414–415. Речь здесь идет, как правило, о «согласованной оговорке» по смыслу, указанному в пункте 10) комментария.

¹²⁷ Показательно, что вышеупомянутая статья 22 Конвенции о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов 1970 года исключена из перечня положений об оговорках в статье 25.

любым наименованием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация желает уточнить или разъяснить смысл или сферу действия договора или определенных его положений.

Комментарий

1) Несмотря на то, что Венские конвенции 1969 и 1986 годов обходят молчанием это явление, государства всегда считали, что при выражении своего согласия на обязательность многостороннего договора они могут сделать заявления, в которых укажут то, в каком смысле они принимают на себя обязательства, не изменяя и не исключая при этом юридического действия отдельных положений договора (а также договора в целом применительно к определенным конкретным аспектам), и такие заявления, следовательно, не являются оговорками, а заявлениями о толковании¹²⁸.

2) Зачастую такие односторонние заявления трудно отличить как от оговорок, определенных руководящим положением 1.1, так и от других видов односторонних заявлений, сделанных по поводу какого-либо договора, но которые не являются ни оговорками, ни заявлениями о толковании и основные виды которых перечисляются – в той степени, насколько это возможно – в разделе 1.5 Руководства по практике. Тем не менее это различие имеет большое практическое значение, поскольку оно определяет правовой режим, применимый к каждому из этих заявлений.

3) В течение длительного времени оговорки и односторонние заявления четко не разграничивались ни в практике государств, ни в доктрине. Что касается доктрины, то, по мнению большинства ученых, одни должны быть попросту приравнены к другим. Что же касается авторов, пытавшихся провести такое разграничение, то они, как правило, оказывались в ложном положении¹²⁹.

¹²⁸ Возникновение практики таких заявлений, начало которой было положено довольно давно, совпадает с появлением самих многосторонних договоров. В целом она восходит к Заключительному акту Венского конгресса 1815 года, который объединил «в одном главном трактате» все договоры, заключенные после победы над Наполеоном. Вместе с появлением этой первой многосторонней формы появляется и оговорка, и заявление о толковании. С заявлением о толковании выступила Великобритания, которая при обмене ратификационными грамотами заявила, что статьей VIII заключенного с Австрией, Пруссией и Россией Союзного трактата, содержащего приглашение Франции присоединиться к Союзу, постановляется «принимаемая договаривающимися сторонами обязанность действовать совокупно против Наполеона Бонапарте... но что оная отнюдь не заключает обещания со стороны Его Величества Величества вести войну для установления во Франции какого-либо особого правления», *British and Foreign State Papers, 1814–1815*, vol. II, p. 450. Сегодня заявления о толковании делаются чрезвычайно часто, как об этом свидетельствуют ответы государств и, в меньшей степени, международных организаций на вопросник Комиссии, касающийся оговорок (см. сноску 39 выше).

¹²⁹ См. анализ доктрины до 1969 года, проведенный Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 229; см. также D.M. McRae, «The legal effect of interpretative declarations», *BYBIL 1978*, vol. 49, p. 156; R. Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali e trattati internazionali*, Milan, Giuffrè, 1996, pp. 69–82 (до второй мировой войны) and pp. 117–122

4) Некоторые элементы могут завуалировать четкость необходимого разграничения между оговорками, с одной стороны, и заявлениями о толковании – с другой. К ним относятся:

– непоследовательность использования терминологии;

– неопределенность практики государств и международных организаций; и

– двусмысленность, которой не всегда лишены цели, преследуемые авторами заявлений.

5) Терминологическая нечеткость подтверждается самим определением оговорок, поскольку, в соответствии с Венскими конвенциями 1969, 1978 и 1986 годов, оговорка представляет собой «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием*»¹³⁰. Такое «отрицательное уточнение» исключает всякий номинализм и заставляет обратить внимание на само содержание заявлений и последствия, которые они могут породить, однако, и в этом заключается отрицательная сторона, такой упор на содержании по сравнению с формой чреват опасностью того, что в лучшем случае государства не будут обращать внимания на название своих заявлений, что создаст досадную путаницу или неопределенность; в худшем случае это позволит им играть формулировками в надежде завуалировать истинный характер своих намерений¹³¹. Называя «заявлениями» документы, которые содержат самые настоящие оговорки, они надеются усыпить бдительность других государств-участников, достигая при этом те же цели; или же, наоборот, чтобы придать больше веса заявлениям, которые явно не оказывают юридического воздействия на положения договора, они называют их «оговорками», хотя по смыслу Венского определения они ими не являются.

6) Документы, преследующие одну и ту же цель, могут быть квалифицированы одной стороной как «оговорки», а другой – как «заявления о толковании»¹³². Иногда документы, преследующие одну и

(после 1945 года); или I. Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2nd ed., Manchester University Press, 1984, pp. 52–53.

¹³⁰ Пункт 1 d) статьи 2 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и пункт 1 j) статьи 2 Венской конвенции 1978 года.

¹³¹ Как указывает Дания в своем ответе на вопросник Комиссии, касающийся оговорки: «Судя по всему в настоящее время существует тенденция, в соответствии с которой государства делают оговорки в виде заявлений о толковании либо по той причине, что договор не допускает оговорку, либо по той причине, что заявление о толковании выглядит "лучше" по сравнению с реальной оговоркой». См. сноску 39 выше, по поводу вопросников.

¹³² Так, Франция и Монако в одинаковых выражениях уточнили, каким образом они намерены толковать статью 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, но если Монако представило это толкование как оговорку, то Франция официально объявила, что она намеревалась лишь уведомить о своем толковании этого положения (*Multilateral Treaties...* (см. сноску 37 выше), chap. IV.2). Аналогичным образом, Польша и Сирийская Арабская Республика в сходных выражениях заявили, что они не считают себя связанными положениями пункта 1 статьи 13 Конвенции о

ту же цель, могут быть квалифицированы некоторыми государствами как «оговорки», другими – как «толкования», а третьими могут быть вообще никак не квалифицированы¹³³. В отдельных случаях государство использует разнообразные выражения, по которым трудно определить, составляют ли они оговорку или заявление о толковании и отличаются ли они по своему значению или сфере применения¹³⁴. В итоге одни и те же слова могут, по мнению самого государства, которое их использовало, иметь разный юридический смысл¹³⁵. Может оказаться также, что в случае документа, названного «заявлением», другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации не находят общего мнения и квалифицируют его либо в качестве такового, либо в качестве «оговорки», и, напротив, в случае возражений по поводу «оговорки» они могут квалифицировать ее в качестве «заявления»¹³⁶; бывает даже так – апогей терминологической путаницы, – что государства делают заявление о толковании, прямо ссылаясь на положение конвенции, касающееся оговорки¹³⁷.

7) Если во французском языке помимо «оговорок» и «заявлений» других названий не встречается¹³⁸, то

(продолжение сноски 132)

предотвращения и наказания преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 года, однако первая прямо назвала свое заявление «оговоркой», а вторая – «заявлением» (*ibid.*, chap. XVIII.7).

¹³³ См. в этой связи замечания Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 294, по поводу заявлений, сделанных в связи с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года.

¹³⁴ Так, например, поступила Франция при присоединении к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года:

«Правительство Республики считает, что»;
«Правительство Республики делает оговорку в отношении»;
«Правительство Республики заявляет, что»;
«Правительство Республики дает толкование»,

причем все эти формулы были собраны под рубрикой «Заявления и оговорки» (пример, приводимый Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), pp. 154–155; полный текст в *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4).

¹³⁵ Так, Камбоджа, принимая Конвенцию о Международной морской организации, два раза использовала слово «заявляет» с целью объяснить сферу охвата своего принятия; когда Соединенное Королевство, Норвегия и Греция попросили ее разъяснить это слово, она уточнила, что первая часть ее заявления представляет собой «политическое заявление», а вторая часть – оговорку (*ibid.*, chap. XII.1).

¹³⁶ Так, например, ряд стран «восточного блока» называли свои возражения по поводу статьи 11 Венской конвенции о дипломатических сношениях (касающейся численности представительств) «оговорками», тогда как государства, которые заявляли возражение, называли их либо «оговорками» (Федеративная Республика Германии и Объединенная Республика Танзания), либо «заявлениями» (Австралия, Бельгия, Дания, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Соединенное Королевство, Таиланд и Франция) (*ibid.*, chap. III.3).

¹³⁷ Это можно увидеть на примере «заявления» Мальты по поводу статьи 10 Европейской конвенции о правах человека, в котором она сослалась на статью 64 (нынешняя статья 57) этого документа (пример, приводимый У. Шабасом в комментарии к статье 64: «Article 64», в L.E. Pettiti, E. Decaux and P.-H. Imbert (eds.), *La Convention européenne des droits de l'homme – Commentaire article par article*, Paris, Economica, 1995, p. 926).

¹³⁸ Это, похоже, вообще относится ко всем романским языкам: в испанском языке «reserva» противопоставляется «declaración (interpretativa)», в итальянском «riserva» – «dichiarazione

английская терминология в этом плане более разнообразна, поскольку некоторые англоязычные государства, в частности Соединенные Штаты, употребляют не только слова «оговорка» и «заявление (о толковании)», но и слова «заявление» («statement»), «понимание» («understanding»), «положение» («provision»), «толкование» («interpretation»), «пояснение» («explanation») и т.д. Это множество названий, которые не основаны на строгих различиях¹³⁹, имеет следующее преимущество: оно показывает, что все односторонние заявления, сделанные по поводу договора или в связи с ним, не обязательно являются либо оговорками, либо заявлениями о толковании; руководящие положения 1.5–1.5.3 описывают некоторые из этих односторонних заявлений, которые, по мнению Комиссии, не являются ни оговорками, ни заявлениями о толковании по смыслу Руководства по практике.

8) Следует иметь в виду, что перечисленные выше элементы по своему характеру не облегчают поиск необходимого критерия, который позволил бы разграничить оговорки и заявления о толковании. Вместе с тем для выявления этого критерия можно, вне всякого сомнения, провести эмпирический анализ, исходя, как это обычно делается¹⁴⁰, из определения

(*interpretativa*)», в португальском «reserva» – «declaração (interpretativa)» и в румынском «rezervă» – «declarație (interpretativă)». Аналогичным образом дело обстоит, например, в немецком, арабском и греческом языках.

¹³⁹ М.М. Уайтмен описывает практику Соединенных Штатов следующим образом: «Термин "understanding" (понимание) часто используется для обозначения заявления, когда отсутствует намерение изменить или ограничить какое-либо положение договора в его международном применении, а цель заключается лишь в уточнении или пояснении или же урегулировании какого-либо вопроса, имеющего косвенное отношение к действию договора, таким образом, чтобы не делать оговорку по существу [...]. Термины "declaration" и "statement" (заявление) чаще всего употребляются в тех случаях, когда крайне важно или желательно обратить внимание на политические или принципиальные вопросы, не преследуя при этом намерения отступить от материальных прав или обязательств, закрепленных в договоре». Whiteman, *Digest of International Law* (см. сноску 25 выше), pp. 137–138; см. также письмо помощника юрисконсульта по вопросам договоров государственного департамента г-на А.У. Ровина от 27 мая 1980 года на имя г-на Р.Ф. Стоу, председателя Комитета по воздушному и космическому праву секции международного права Американской юридической ассоциации, которое воспроизводится в М. Nash Leich (ed.), *Digest of United States Practice in International Law*, Washington, D.C., Office of the Legal Adviser, Department of State, 1980, pp. 397–398. Эти различные обозначения могут иметь юридические последствия во внутреннем праве некоторых стран; в международном праве, насколько можно судить, они таких последствий не порождают; нет уверенности и в том, что даже во внутреннем праве эти различия будут иметь четкий характер; так, при обсуждении в сенате Соединенных Штатов Конвенции, касающейся Организации экономического сотрудничества и развития, председатель Комитета по иностранным делам задал вопрос относительно различия между «declaration» и «understanding», на что заместитель государственного секретаря по экономическим вопросам ответил: «Я думаю, разница между "declaration" и "understanding" весьма эфемерна, и не уверен, что ее можно как-то почувствовать» (цитируется в Whiteman, *Digest of International Law* (см. сноску 25 выше), p. 192). Китайский, русский и славянские языки также позволяют провести разграничение между разнообразными видами заявлений «о толковании».

¹⁴⁰ См. Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), p. 142, или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 236.

оговорок, с тем чтобы путем сопоставления разграничить оговорки и заявления о толковании. К тому же это позволяет отделить заявления о толковании и оговорки от других односторонних заявлений, которые не относятся ни к одной из двух указанных категорий.

9) Таковой была позиция сэра Джеральда Фитцмориса, третьего Специального докладчика по праву международных договоров, который, уже начиная со своего первого доклада в 1956 году, дал негативное определение заявлениям о толковании по отношению к оговоркам, уточнив, что термин «оговорка»

не применяется к простым заявлениям относительно того, каким образом соответствующее государство намеревается осуществлять договор, а также к пояснительным заявлениям или заявлениям о толковании, за исключением случаев, когда такие заявления предполагают наличие отступления от существенных положений или действия договора¹⁴¹.

Вместе с тем речь шла о своего рода «негативном» или «бессодержательном» определении, которое ясно показывало то, что оговорки и заявления о толковании представляют собой юридические инструменты, отличающиеся друг от друга, но не позволяющие найти позитивное определение того, что понимается под «заявлением о толковании». Кроме того, использованная *in fine* формула, о которой можно сказать, что она предполагала, вероятнее всего, «условные заявления о толковании», определенные в руководящем положении 1.4, как минимум страдала неточностью.

10) Этот второй недостаток был отчасти исправлен четвертым Специальным докладчиком по праву договоров сэром Хэмфри Уолдоком, который в своем первом докладе, представленном в 1962 году, частично устранил двусмысленность, сохранявшуюся в концовке определения, предложенного его предшественником, но и в этом случае он снова придерживался чисто негативного определения:

Пояснительное или толковательное заявление или заявление о намерении в отношении смысла договора, которое не преследует цели изменить юридические последствия договора, не является оговоркой¹⁴².

11) По мнению Комиссии, этот метод позволяет узнать то, чем же все-таки не является заявление о толковании; попытка определить, что она собой представляет, практически бесполезна — вопрос, который Комиссия оставила без внимания во время разработки Венской конвенции 1969 года¹⁴³. И вме-

¹⁴¹ *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 110 англ. текста.

¹⁴² *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 31–32 англ. текста.

¹⁴³ Пункт 11) комментария к пункту 1 d) проекта статьи 2 уточняет, однако, что заявление, которое ограничивается «уточнением позиции государства» не обладает «смыслом поправки» (*Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 190 англ. текста). Кроме того, в своих комментариях по проекту статей о праве договоров, принятому в первом чтении, Япония попыталась заполнить этот пробел, заявив, «что на практике зачастую достаточно трудно определить, носит ли то или иное заявление характер оговорки или заявления о толковании», и предложив «включить новое положение... в попытке устранить эту

сте с тем в этой связи важно определить «в позитивном плане», является ли одностороннее заявление, сделанное по поводу какого-либо договора, заявлением о толковании, поскольку это может привести к точным юридическим последствиям, охватываемым в части 4 Руководства по практике.

12) Эмпирический анализ практики позволяет определить достаточно точно, чем заявления о толковании схожи с оговорками и чем они различаются друг от друга, и на основании этого вывести позитивное определение таких заявлений.

13) Судя по всему, вряд ли стоит подчеркивать тот факт, что заявление о толковании является, вне всякого сомнения, односторонним заявлением¹⁴⁴ на таком же основании, что и оговорка¹⁴⁵. Именно в этом общем моменте и заключается трудность их разграничения: они выглядят одинаковым образом и по форме ничто или практически ничто не говорит об их различии¹⁴⁶.

14) Второй момент, который является общим для оговорок и заявлений о толковании, касается неуместности формулировки или обозначения, принятых их автором¹⁴⁷. Этот элемент, который в обязательном порядке обусловлен а fortiori самим определением оговорок¹⁴⁸, подтверждается практикой государств и международных организаций, которые, столкнувшись с односторонними заявлениями, представленными их авторами в качестве заявлений о толковании, тут же выдвигают против них возражения, прямо считая их оговорками¹⁴⁹. Аналогичным

трудность» (четвертый доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 46–47 англ. текста). Однако предложение правительства Японии ограничивалось тем, что оно предусматривало включение еще одного пункта в проект статьи 18 (которая стала статьей 19): «Любая оговорка, в целях ее принятия в качестве таковой на основании положений настоящих статей, должна быть сформулирована в письменном виде и однозначно представлена в качестве оговорки» (замечания, препровожденные вербальной нотой от 4 февраля 1964 года (A/CN.4/175, стр. 78 англ. текста; см. также стр. 70–71 англ. текста); см. также *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 301 и далее англ. текста, в частности стр. 305 англ. текста)), и здесь речь отнюдь не идет о «позитивном» определении заявлений о толковании: предложенное включение в большей степени касалось правового режима оговорок, нежели их определения. Кроме того, это предложение несовместимо с определением оговорок, которое было в итоге принято и смысл которого состоит в исключении какого бы то ни было номинализма («в любой формулировке и под любым наименованием»).

¹⁴⁴ О возможности совместного формулирования заявлений о толковании см. руководящее положение 1.2.1 и комментарий к нему.

¹⁴⁵ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 236.

¹⁴⁶ В отличие от оговорок, заявления о толковании могут формулироваться в устной форме, хотя это и нежелательно (см. руководящее положение 2.4.1 (Форма заявлений о толковании)).

¹⁴⁷ См. M. Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen zu multilateralen Verträgen*, Berlin, Dunker & Humblot, 2005, pp. 34–37.

¹⁴⁸ См. руководящее положение 1.1.

¹⁴⁹ Примеров такого подхода — великое множество. Достаточно привести лишь некоторые из них, которые касаются недавно заключенных конвенций:

образом, практически все авторы, которые в последнее время занимались этим сложным вопросом разграничения поправок и заявлений о толковании, приводят множество примеров односторонних заявлений, которые представлялись государствами, сделавшими их, в качестве заявлений о толковании и которые сами авторы в одних случаях считают оговорками, в других – наоборот¹⁵⁰.

(продолжение сноски 149)

Возражение Нидерландов против сформулированного Алжином заявления о толковании в отношении пунктов 3 и 4 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), шар. IV.3). Реакция ряда государств на заявление Филиппин в связи с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года (*ibid.*, шар. XXI.6); возражение Мексики, которая сочла, что третье заявление, формально квалифицированное как заявление о толковании, сделанное правительством Соединенных Штатов Америки в отношении Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года, представляет собой изменение Конвенции вопреки цели последней (*ibid.*, шар. VI.19); или ответ Германии на заявление, в котором правительство Туниса указало, что в ходе осуществления положения Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года оно не будет принимать «никаких законодательных или нормативных решений, которые противоречили бы Конституции Туниса» (*ibid.*, шар. IV.11).

Точно так же бывает, что «отвечающие» государства предусматривают два решения и указывают в своих ответах, какое из них должно применяться в случае, если речь идет об оговорке, а какое – если о заявлении о толковании, причем вне зависимости от того, какое наименование выбрано автором заявления. Так, Федеративная Республика Германии, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки в своем ответе на сделанное Югославией заявление о толковании в отношении Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения последовательно изложили свою позицию, исходя из предположения о том, что данное заявление по сути представляет собой заявление о толковании (что эти государства отвергли) и что оно является оговоркой (которую они сочли сделанной с опозданием и не совместимой с объектом и целью Договора) (пример, приведенный Л. Мильорино, «Declarations and reservations to the 1971 Seabed Treaty», *The Italian Yearbook of International Law*, vol. 6 (1985), p. 110). Действуя в том же духе, Федеративная Республика Германии и Нидерланды высказали возражения против заявлений, сделанных странами Восточной Европы в отношении «определения слова "пиратство", как оно используется в Конвенции об открытом море, в той мере, в какой указанные заявления по своему действию представляют собой оговорки» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), шар. XXI.2). Кроме того, ряд государств пытались определить подлинный характер «заявлений» Египта (представленных с опозданием) в отношении Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года (см., в частности, ответ Финляндии: «Не высказываясь по содержанию заявлений, которые, судя по их характеру, являются самыми что ни на есть настоящими оговорками...» (*ibid.*, шар. XXVII.3); см. также пункт 6) комментария выше).

Судьи и арбитры также не колеблясь задаются вопросом о подлинном характере односторонних заявлений, сформулированных государствами в отношении договоров, и при необходимости перекалфицируют их; см. примеры, приведенные ниже в комментарии к руководящему положению 1.3.2 (Формулировка и наименование).

¹⁵⁰ См., например, D.W. Bowett, «Reservations to non-restricted multilateral treaties», *BYBIL 1976-1977*, p. 68; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 278-324; McRae «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), p. 162, footnote 1; Migliorino, «Declarations and reservations...» (сноска 149 выше), pp. 106-123; Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), pp. 154-176; или R. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados, lagunas y ambigüedades del Regimen de Viena*, University of Murcia (Spain), 2004, pp. 380-381.

15) Из этого можно сделать вывод о том, что, как и в случае оговорок, заявления о толковании представляют собой односторонние заявления, сделанные государством или международной организацией, и искать подтверждение этого в их формулировке или названии, которое им дал автор, нет никакой нужды¹⁵¹. Вместе с тем оба эти инструмента весьма отличаются друг от друга в силу той цели, которую они преследуют.

16) Таким образом, как это явствует из определения оговорок, они направлены на «исключение или изменение юридического действия определенных положений договора в их применении» к их автору¹⁵² или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов¹⁵³. Как указывает их название, заявления о толковании преследуют иную цель: их назначение – *толкование* договора в целом или его определенных положений.

17) Это может и должно составлять центральный элемент их определения, но отнюдь не устраняет трудные проблемы¹⁵⁴ – и прежде всего проблему того, что следует понимать под «толкованием» – понятием, исключительно сложным, выяснение которого вышло бы далеко за рамки настоящего Руководства¹⁵⁵.

18) Достаточно отметить, что в соответствии с формулой, неоднократно повторявшейся Международным Судом, «под выражением "толкование" следует понимать точное разъяснение "смысла" и "сферы

¹⁵¹ Это не означает, что принятая формулировка или наименование не оказывают никакого влияния на разграничение. Как это следует из руководящего положения 1.3.2, они могут служить указанием на преследуемое ими юридическое действие.

¹⁵² Руководящее положение 1.1, пункт 1.

¹⁵³ Там же, пункт 2.

¹⁵⁴ См. также Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), pp. 37-38.

¹⁵⁵ О концепции толкований см. прежде всего доклады сэра Герша Лаутерпахта в Институте международного права, «De l'interprétation des traités», *Annuaire de l'Institut de droit international*, vol. 43-II (1950), pp. 366-423, и *ibid.*, vol. 44 (1952), vol. I, pp. 197-223, and vol. II, pp. 359-406; см. также V.D. Degan, *L'interprétation des accords en droit international*, The Hague, Nijhoff, 1963; M.S. McDougal, H.D. Lasswell and J.C. Miller, *The Interpretation of Agreements and World Public Order*, New Haven, Connecticut, Yale University Press, 1967, and Dordrecht, Nijhoff, 1993; S. Sur, *L'interprétation en droit international public*, Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1974; M.K. Yasseen, «L'interprétation des traités d'après la Convention de Vienne sur le droit des traités», *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1976-III*, vol. 151, pp. 1-114; или M. Bos, «Theory and practice of treaty interpretation», *Netherlands International Law Review*, vol. 27 (1980), pp. 3-38 and 135-170; A. Aust, *Modern Treaty Law and Practice*, 2nd ed., Cambridge University Press, 2007, pp. 230-233; U. Linderfalk, *On the Interpretation of Treaties: The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*, Dordrecht, Springer, 2007, pp. 10-13; R.K. Gardiner, *Treaty Interpretation*, Oxford University Press, 2008, pp. 26-33; A. Orakhelashvili, «The recent practice on the principles of treaty interpretation», в A. Orakhelashvili and S. Williams (eds.), *40 years of the Vienna Convention on the Law of Treaties*, London, British Institute of International and Comparative Law, 2010, p. 117; P. Merkouris, «Introduction: interpretation is a science, is an art, is a science», в M. Fitzmaurice, O. Elias and P. Merkouris (eds.), *Treaty Interpretation and the Vienna Convention on the Law of Treaties: 30 Years On*, Leiden, Martinus Nijhoff, 2010, pp. 1-13.

действия"» юридически обязательного документа¹⁵⁶, в данном случае – договора. Важнейший элемент состоит в том, что толкование – это не ревизия¹⁵⁷. Функция оговорок заключается в изменении если не текста договора, то по крайней мере юридического действия его положений, тогда как заявления о толковании ограничиваются в принципе уточнением его смысла и значения, которые автор придает договору или некоторым из его положений. Поскольку фраза «желают уточнить или разъяснить смысл или значение договора или его определенных положений» воспроизводит общепринятое определение слова «толкование», Комиссии показалось, что включение термина «толковать» в текст руководящего положения 1.2 явилось бы просто тавтологией.

19) Выражение «смысл или значение, придаваемое договору автором» несомненно привносит в определение заявлений о толковании субъективный элемент. Вместе с тем любое одностороннее толкование несет в себе элемент субъективности¹⁵⁸. К тому же, в соответствии с самим духом определения оговорок, они отличаются от других односторонних заявлений, сделанных по поводу договора, тем юридическим действием, *которого добивается* автор этих заявлений, или, иными словами, его *намерением* (неизбежно субъективным); поэтому применительно к заявлениям о толковании нет никаких оснований отклоняться от духа этого определения¹⁵⁹.

20) В соответствии с чрезвычайно широко распространенной практикой толкование, которое является предметом этих заявлений, может касаться либо некоторых положений договора, либо договора в целом¹⁶⁰. Этот пробел в Венских конвенциях 1969, 1978 и 1986 годов, из-за которого Комиссия включила пункт 2 в руководящее положение 1.1, касающееся «сквозных» оговорок, с тем чтобы соответствовать практике, которой в настоящее время следуют государства и международные организации, оказывается, таким образом, заполненным за счет формулировки, принятой для руководящего положения 1.2.

¹⁵⁶ См. *Interpretation of Judgments Nos. 7 and 8 (Factory at Chorzów)*, постановление № 11 от 16 декабря 1927 года, *P.C.I.J., Series A, No. 13*, p. 10; см. также *Request for interpretation of the Judgment of November 20th, 1950, in the asylum case*, постановление от 27 ноября 1950 года, *I.C.J. Reports 1950*, pp. 395 et seq., в частности at p. 402.

¹⁵⁷ См. *Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania (Second Phase)*, консультативное заключение от 18 июля 1950 года, *I.C.J. Reports 1950*, pp. 221 et seq., в частности at p. 229; или *Case concerning Rights of Nationals of the United States of America in Morocco*, постановление от 27 августа 1952 года: *I.C.J. Reports 1952*, p. 176, at p. 196.

¹⁵⁸ *Соглашение* относительно толкования представляет собой истинное толкование (рассматриваемое в качестве «объективного») договора (см. руководящее положение 1.6.3).

¹⁵⁹ Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (см. сноску 147 выше), p. 87.

¹⁶⁰ В числе многочисленных примеров см. заявление о толковании Таиланда по поводу Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8) или Новой Зеландии к Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 года (*ibid.*, chap. XXVI.1); см. также заявление Соединенного Королевства, цитируемое в сноске 128 выше.

21) Комиссия обсудила вопрос о целесообразности включения в определение заявлений о толковании временного элемента, присутствующего в определении оговорок¹⁶¹. При этом, однако, у Комиссии создалось впечатление, что практические соображения, которые диктуются стремлением избежать злоупотреблений и которые обусловили принятие этого варианта составителями Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов¹⁶², не столь весомы, когда речь заходит о заявлениях о толковании¹⁶³, по крайней мере тех, с которыми заявитель выступает, не выдвигая предлагаемое толкование в качестве условия своего участия¹⁶⁴.

22) Во всяком случае временные ограничения вряд ли обоснованы в случае заявлений о толковании¹⁶⁵. Неслучайно нормы, касающиеся оговорок, и нормы, посвященные толкованию договоров, содержатся в разных частях Венских конвенций 1969 и 1986 годов: первые включены в часть II, касающуюся заключения договоров и их вступления в силу, а вторые – в часть III, где они соседствуют с нормами о соблюдении и применении договоров¹⁶⁶.

23) Другими словами, заявления о толковании, формулируемые в одностороннем порядке государствами или международными организациями по поводу смысла или значения положений договора, не являются и не могут являться ничем иным, как одним из элементов толкования последних. Они сосуществуют с другими толкованиями (формулируемыми одновременно с ними, до них или после них), которые могут исходить от других договаривающихся государств или договаривающихся организаций, либо от третьих инстанций, уполномоченных давать толкование, имеющее силу для сторон и являющееся для них обязательным.

24) Соответственно, даже если документ, составленный одним из участников «в связи с заключением договора», может при определенных условиях

¹⁶¹ «"Оговорка" означает одностороннее заявление (...), сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении договора или присоединении к нему, или государством при направлении уведомления о правопреемстве в отношении договора*» (руководящее положение 1.1, пункт 1).

¹⁶² См. пункты 7)–12) комментария к руководящему положению 1.1.

¹⁶³ См. руководящее положение 2.4.4 и комментарий к нему.

¹⁶⁴ См. руководящее положение 1.4 и комментарий к нему.

¹⁶⁵ См. руководящее положение 2.4.4 (Момент, в который может быть сформулировано заявление о толковании).

¹⁶⁶ Впрочем, преемственность не нарушается ни при переходе от разработки международного права к его применению, ни при переходе от толкования к применению: «Осуществление норм предполагает их предварительное истолкование. Оно может быть прямым либо косвенным, и в этом случае смешивается с применительными мерами» (S. Sur, в J. Combacou and S. Sur, *Droit international public*, 9th ed., Paris, Montchrestien, 2010, p. 169). Утверждают даже, что «когда речь идет о правовой норме, с момента ее разработки до момента применения в конкретных случаях, все дело в толковании» (A.J. Arnaud, «Le médium et le savant – signification politique de l'interprétation juridique», *Archives de philosophie du droit*, 1972, p. 165) (цитируется D. Simon в *L'interprétation judiciaire des traités d'organisations internationales*, Paris, Pédone, 1981, p. 7).

учитываться для целей толкования как часть «контекста», что прямо предусматривается в пункте 2 *b*) статьи 31 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, в данном случае не может быть никакой исключительности *ratione temporis*. К тому же в пункте 3 той же статьи прямо предусматривается, что при толковании «наряду с контекстом учитываются» любое последующее соглашение между участниками и последующая практика; эти последующие соглашения или последующая практика могут опираться на заявления о толковании, которые могут формулироваться в любой момент «жизни» договора: при его заключении, при выражении государством или международной организацией своего окончательного согласия на обязательность для себя договора или в ходе его применения¹⁶⁷.

25) Такой позиции придерживался сэр Хэмфри Уолдок в своем четвертом докладе о праве международных договоров, в котором он отмечал, что заявление может быть сделано

во время переговоров, либо при подписании, ратификации и т.д., либо позднее, в ходе «последующей практики»¹⁶⁸.

26) Независимо от этих общих соображений, ограничение заявлений о толковании жесткими сроками имело бы своим серьезным минусом то, что оно не согласуется с существующей практикой. Действительно, при выражении согласия на обязательность для себя договора государства и международные организации очень часто выступают с такими заявлениями, однако это делается не всегда.

27) Интересно, кстати, отметить, что государства пытаются обойти временное ограничение права выступать с оговорками, представляя их порой с нарушением сроков в виде заявлений о толковании. Это имело место, например, в случае «заявления», с которым выступила Югославия в связи с Договором о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 года¹⁶⁹, или декларации Египта в связи с Базельской конвенцией о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением¹⁷⁰. В обоих случаях последовали протесты других договаривающихся сторон, которые, однако, мотивировались тем обстоятельством, что в действительности речь шла об оговорках, а применительно ко второму заявлению еще и тем, что

¹⁶⁷ Эта последняя возможность была признана Международным Судом в его консультативном заключении от 11 июля 1950 года, *International Status of South-West Africa, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1950*, pp. 128 *et seq.*, в частности at pp. 135–136: «Толкование договорно-правовых документов участвующими в них сторонами, хотя оно и не является убедительным, в том что касается их смысла, имеет значительную доказательную силу, если в нем содержится признание какой-либо стороной своих собственных обязательств по договорно-правовому документу»; Суд основывался в этом случае на заявлениях, сформулированных Южной Африкой в 1946 и 1947 годах по поводу толкования ее мандата на Юго-Западную Африку, – соглашения, заключенного в 1920 году.

¹⁶⁸ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 49 англ. текста, пункт 2.

¹⁶⁹ См. сноску 149 выше.

¹⁷⁰ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVII.3.

в любом случае статья 26 Базельской конвенции (запрещающая оговорки) разрешает государствам выступать с декларациями в оговоренных пределах только «при подписании, ратификации, одобрении и официальном подтверждении Конвенции или присоединении к ней». Идя от противного, можно сделать вывод о том, что, если бы речь шла действительно о заявлениях о толковании (и если бы Базельская конвенция не устанавливала соответствующих сроков), они могли бы формулироваться не при подписании договора или выражении согласия на его обязательность, а в другой момент.

28) Впрочем, на практике это – обычное явление. В частности, можно отметить, что государства и международные организации, выступая с возражениями по поводу оговорок или реагируя на заявления о толковании других договаривающихся государств или договаривающихся организаций, зачастую в свою очередь предлагают собственное толкование положений договора¹⁷¹. Нет никаких видимых причин не считать такие «контрпредложения» настоящими заявлениями о толковании – по крайней мере те из них, которые призваны уточнить смысл и содержание положений договора в понимании заявителя¹⁷²: ведь они по определению формулируются после того момента, до которого можно делать оговорки.

29) В этих условиях представляется практически невозможным включить в общее определение заявлений о толковании уточнение относительно момента, когда должно делаться такое заявление.

30) Вместе с тем Комиссия хотела бы указать, что отсутствие в руководящем положении 1.2 указания о том, в какой момент должно делаться заявление о толковании (что вызвано стремлением не ограничивать неподобающим образом свободу действий государств и международных организаций и не идти вразрез с установившейся практикой, не следует рассматривать как поощрение неуместных заявлений. Даже если «простые» заявления о толковании¹⁷³ не имеют юридического значения для других договаривающихся государств или договаривающихся организаций, такая позиция может привести к злоупотреблениям и стать источником трудностей. Чтобы не допустить этого, разумной политикой для сторон договора, возможно, было бы стараться избежать хаоса в вопросе заявлений о толковании, оговорив ограничительным образом момент, когда могут формулироваться такие заявления, как это сделано, например, в Конвенции Организации Объединенных

¹⁷¹ См. в этой связи Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), pp. 24 and 42–45. См., в частности, приведенный автором (стр. 43 англ. текста) пример реакции Нидерландов на оговорки Бахрейна и Катара в отношении пункта 3 статьи 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях или «контртолкование» статей I и II Договора о нераспространении ядерного оружия, с которым выступили Соединенные Штаты, отреагировав на пункт 8 заявления, сделанного в связи с договором Италией (United Nations, *Treaty Series*, vol. 729, pp. 287).

¹⁷² См. также руководящее положение 2.9.2 и комментарий к нему.

¹⁷³ В противоположность условным заявлениям о толковании, являющимся предметом руководящего положения 1.4.

Наций по морскому праву 1982 года¹⁷⁴ или в Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года¹⁷⁵.

31) Однако отсутствие в руководящем положении 1.2 указания на момент, когда могут формулироваться заявления о толковании, не дает оснований делать вывод о том, что они во всех случаях могут делаться в любой момент:

– с одной стороны, это может официально запрещаться самим договором¹⁷⁶;

– с другой стороны, наличие у государства или международной организации возможности формулировать *условное* заявление о толковании¹⁷⁷ в любой момент действия договора, по-видимому, исключается: это породило бы недопустимую неопределенность в отношении существования и охвата договорных обязательств;

– наконец, даже простые заявления о толковании могут формулироваться в любое время и изменяться, если только они не были определенно приняты другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями и если в их пользу не был применен принцип эстоппеля.

32) В данном случае затрагиваются вопросы, которые уточняются в части 2 Руководства по практике, которая касается формулирования оговорок и заявлений о толковании¹⁷⁸.

33) Само собой разумеется, что это определение никоим образом не предопределяет ни действительности, ни действия подобных заявлений и что применительно к заявлениям о толковании требуются те же предосторожности, что и предусмотренные в случае оговорок: предложенное определение не предвещает правомерности и последствий этих заявлений с точки зрения применимых к ним норм.

¹⁷⁴ Статья 310: «Статья 309 [которая исключает оговорки] не препятствует государству *при подписании, ратификации настоящей Конвенции или присоединении к ней** выступать с декларациями или заявлениями в любой формулировке и под любым наименованием с целью, среди прочего, приведения своих законов и правил в соответствие с положениями настоящей Конвенции, при условии что такие декларации или заявления не предполагают исключения или изменения юридического действия положений настоящей Конвенции в их применении к этому государству».

¹⁷⁵ Статья 26: «1. Никакие оговорки к настоящей Конвенции или отступления от нее не допускаются. 2. Пункт 1 настоящей статьи не препятствует ни одному государству или организации по экономической интеграции *при подписании, ратификации, принятии, одобрении и официальном подтверждении Конвенции или присоединении к ней** выступить с декларациями или заявлениями в любой формулировке и под любым наименованием с целью, среди прочего, приведения своих законов и правил в соответствие с положениями настоящей Конвенции при условии, что такие декларации или заявления не предполагают исключения или изменения юридического действия положений настоящей Конвенции в их применении к этому государству».

¹⁷⁶ См. примеры, приведенные в сносках 174 и 175 выше. См. также руководящее положение 3.5 и комментарий к нему.

¹⁷⁷ См. руководящее положение 1.4 и комментарий к нему.

¹⁷⁸ См., в частности, руководящее положение 2.4.4 (Момент, в который может быть сформулировано заявление о толковании) и комментарий к нему.

34) С учетом этого замечания определение, фигурирующее в руководящем положении 1.2, имеет, по мнению Комиссии, двоякую ценность: оно позволяет четко отделить заявление о толковании от оговорок, с одной стороны, и от других односторонних заявлений, формулируемых по поводу договора – с другой, и в то же время является достаточно общим, чтобы охватить различные категории заявлений о толковании¹⁷⁹.

1.2.1 Заявления о толковании, формулируемые совместно

Совместное формулирование заявления о толковании несколькими государствами или международными организациями не влияет на односторонний характер этого заявления о толковании.

Комментарий

1) Так же, как и оговорки, заявления о толковании, могут формулироваться совместно двумя или несколькими государствами или международными организациями. Руководящее положение 1.1.5, в котором признается эта возможность в отношении оговорок, содержит, однако, в себе элемент прогрессивного развития международного права, поскольку четкого прецедента такого рода не имеется¹⁸⁰. Иначе обстоит дело с заявлениями о толковании, совместное формулирование которых является объектом *lex lata*.

2) С одной стороны, как и в случае оговорок, нередко несколько государств заранее договариваются о формулировании идентичных или весьма схожих заявлений. Так, например, обстоит дело с многочисленными заявлениями о толковании, которые были сформулированы «странами восточного блока» до 1990 года¹⁸¹, заявлениями стран Северной Европы в отношении ряда конвенций¹⁸² или заявлениями 13 государств – членов Европейских сообществ, сделанными при подписании Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года и подтвержденными ими при ее ратификации:

В качестве государства – члена Европейских сообществ [каждое из этих государств] заявляет, что положения настоящей Конвенции будут применяться в [его] отношении с учетом его обязательств, вытекающих из норм Договоров об

¹⁷⁹ Относительно методов проведения такого разграничения см. руководящие положения 1.3–1.3.3.

¹⁸⁰ См. комментарий к руководящему положению 1.1.5, пункт 3).

¹⁸¹ См., например, заявления Беларуси, Болгарии, Венгрии, Монголии, Российской Федерации, Румынии и Украины в отношении статей 48 и 50 Венской конвенции о дипломатических сношениях (Куба сформулировала явную оговорку; формулировка заявления Вьетнама допускает неоднозначное толкование) (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3) или заявления Албании, Беларуси, Болгарии, Польши, Российской Федерации, Румынии и Украины в отношении статьи VII Конвенции о политических правах женщин (*ibid.*, chap. XVI.1).

¹⁸² См., например, заявления Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции в отношении статьи 22 Венской конвенции о консульских сношениях (*ibid.*, chap. III.6).

учреждении Европейских сообществ, в той мере, в какой эти нормы применимы¹⁸³.

3) С другой стороны, в отличие от существовавшей до сегодняшнего дня практики в области оговорок, имеется также опыт представления по-настоящему совместных – в форме единого документа – заявлений «Европейским экономическим сообществом [ныне – Европейский союз] и его государствами-членами» или только самими этими государствами. Так обстояло дело, в частности, в случае с:

– изучением возможности принятия приложения С.1 к Протоколу 1976 года к Соглашению о ввозе материалов образовательного, научного или культурного характера от 22 ноября 1950 года¹⁸⁴;

– применением Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 года¹⁸⁵;

– применением Конвенции о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года¹⁸⁶;

– применением Соглашения об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 4 августа 1995 года¹⁸⁷;

– осуществлением Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака от 21 мая 2003 года¹⁸⁸.

4) Именно наличие этих подлинных прецедентов является убедительным доводом в пользу принятия руководящего положения по вопросу о заявлениях о толковании, который был бы сформулирован по типу руководящего положения 1.1.5 в отношении оговорок.

5) Как и в случае с оговорками, необходимо иметь в виду, с одной стороны, что эта возможность совместного формулирования заявлений о толковании не может наносить ущерба применимому к этим заявлениям правовому режиму, который в значительной степени определяется принципом «односторонности»¹⁸⁹, и, с другой стороны, что союз «или», использованный в руководящем положении 1.2.1¹⁹⁰, не исключает возможности появления заявлений о толковании, формулируемых совместно одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями, и поэтому должен читаться как означающий «и/или»; тем не менее Комиссия пришла к мнению, что последняя

¹⁸³ *Ibid.*, chap. XXVI.3.

¹⁸⁴ *Ibid.*, chap. XIV.5.

¹⁸⁵ *Ibid.*, chap. XXVII.7.

¹⁸⁶ *Ibid.*, chap. XXVII.8.

¹⁸⁷ *Ibid.*, chap. XXI.7.

¹⁸⁸ *Ibid.*, chap. IX.4.

¹⁸⁹ См. пункт 8) комментария к руководящему положению 1.1.5.

¹⁹⁰ «несколькими государствами или международными организациями».

формулировка излишне утяжелила бы выработанный текст¹⁹¹.

6) Идентичность формулировок руководящих положений 1.1.5 и 1.2.1 не означает, впрочем, что к совместным заявлениям о толковании, с одной стороны, и совместным оговоркам, с другой стороны, применяется один и тот же правовой режим. В частности, различие в применяемых режимах может проявиться в связи с тем, что первые делать устно можно, а вторые – нельзя. Эта проблема, однако, касается существа применимого права, а не определения заявлений о толковании.

7) Комиссия, кроме того, подняла вопрос о том, не стоит ли предусмотреть ситуацию, когда заявление о толковании формулируется совместно всеми договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, и о том, не потеряет ли в этом случае предлагаемое толкование свой характер одностороннего акта, превратившись в по-настоящему коллективный акт. Комиссия пришла к выводу, что дело обстоит не так: слово «несколькими», фигурирующее в руководящем положении 1.2.1, исключает возможность возникновения такой ситуации, которая зато предусмотрена пунктами 2 а) и 3 а) статьи 31 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, где говорится об относящихся к договору соглашениях относительно толкования договора или применения его положений.

1.3 Различие между оговорками и заявлениями о толковании

Характер одностороннего заявления как оговорки или заявления о толковании определяется юридическими последствиями, которых желает достичь его автор.

Комментарий

1) Из сопоставления проектов руководящих положений 1.1 и 1.2 следует, что заявления о толковании отличаются от оговорок главным образом той целью, которую преследуют государство или международная организация, которые их формулируют: формулируя оговорку, они желают исключить или изменить юридическое действие некоторых положений договора (или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов) в применении к ним самим; выступая с заявлением о толковании, они преследуют цель уточнить и разъяснить смысл и значение, которые они придают договору или некоторым из его положений.

2) Другими словами,

– квалификация одностороннего заявления в качестве оговорки зависит от того, делается ли оно с целью исключить или изменить юридическое действие положений договора в их применении

¹⁹¹ См. пункт 9) комментария к руководящему положению 1.1.5.

к государству или международной организации, являющимся авторами этого заявления, и

– квалификация одностороннего заявления в качестве заявления о толковании зависит от того, делается ли оно с целью уточнить или разъяснить смысл и значение, которые автор придает договору или некоторым из его положений.

3) Это подтверждается судебной практикой. Так, если взять дело *Belilos v. Switzerland*, то «вместе с Комиссией и правительством [Европейский] суд [по правам человека] признает необходимость выяснить *исзначальное намерение автора** заявления»¹⁹². Точно так же при рассмотрении дела *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the French Republic* англо-французский арбитражный суд заявил, что в связи с установлением характера оговорок и заявлений Франции по поводу Конвенции о континентальном шельфе 1958 года и возражений Великобритании «[возник] вопрос о том, чтобы выяснить, *каковы были соответствующие намерения** Французской Республики и Соединенного Королевства с точки зрения их юридических отношений в силу Конвенции»¹⁹³.

4) Такое различие, являющееся, в принципе, относительно четким, трудно проводить на практике, особенно если учесть, что государства и международные организации редко разъясняют свои намерения, а иногда даже пытаются скрыть их, и что используемая терминология не является критерием, достаточным для установления различия. Цель настоящего раздела Руководства по практике состоит в том, чтобы дать некоторое представление об основных правилах, которые должны применяться при проведении различия между оговорками и заявлениями о толковании.

5) *Mutatis mutandis* эти руководящие положения применимы в случае проведения различия – также весьма существенного – между простыми заявлениями о толковании и условными заявлениями о толковании, которое, как свидетельствует руководящее положение 1.4, также базируется на намерениях автора: в обоих случаях автор стремится к толкованию договора, однако в первом случае он не выдвигает свое толкование в качестве условия своего участия в договоре, а во втором случае это толкование неразрывно связано с выражением им своего согласия на обязательность договора.

1.3.1 Метод установления различия между оговорками и заявлениями о толковании

Для определения того, является ли оговоркой или заявлением о толковании одностороннее

заявление, сформулированное государством или международной организацией в отношении договора, необходимо толковать это заявление добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать его терминам, с целью определить, исходя из них, намерение его автора в свете договора, к которому оно относится.

Комментарий

1) Цель данного руководящего положения состоит в том, чтобы указать методику, которой надлежит пользоваться для определения того, является ли одностороннее заявление оговоркой или заявлением о толковании. Данный вопрос весьма важен, поскольку в соответствии с определениями этих документов¹⁹⁴ любой «номинализм» исключается.

2) Как отмечается в руководящем положении 1.3, решающий критерий, позволяющий установить различие, определяется юридическим действием, которого добивается государство или международная организация, являющиеся автором одностороннего заявления. Поэтому надлежит выяснить, какими намерениями руководствовался автор при формулировании заявления: стремился ли он к тому, чтобы исключить или изменить юридическое действие некоторых из положений договора (или договора в целом в отношении определенных аспектов), или он преследовал цель уточнить и разъяснить смысл и значение, которые он придает договору или некоторым из его положений. В первом случае речь идет об оговорке, а во втором – о заявлении о толковании¹⁹⁵.

3) В теории уже пытались понять, следует ли для решения этих вопросов руководствоваться «субъективным критерием» (что *хотел* сказать автор?) либо «объективным» или «материальным критерием» (что он *сделал*?). По мнению Комиссии, речь идет о надуманной альтернативе. Слово «желает», используемое в определении как оговорки, так и заявлений о толковании, означает лишь, что юридическое действие, которого добивается их автор, может не быть обеспечено по различным причинам (недействительность, возражения других договаривающихся государств и организаций); однако это никоим образом не означает, что может применяться лишь субъективный критерий: определить преследуемую цель позволяет только объективный анализ потенциальных последствий заявлений. Для целей определения юридического характера заявления, сделанного по поводу договора, решающий критерий основывается на достигнутом (или якобы достигнутом) реальном результате формулирования этого заявления: если заявление влечет за собой изменение или исключение юридического действия договора или некоторых из его положений, то заявление направлено лишь на

¹⁹² Европейский суд по правам человека, *Belilos v. Switzerland*, постановление от 29 апреля 1988 года, *Series A: Judgments and Decisions*, vol. 132, pp. 23–24, para. 48.

¹⁹³ Арбитражное решение от 30 июня 1977 года, *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom...* (см. сноску 24 выше), p. 28, para. 30.

¹⁹⁴ См. руководящие положения 1.1 и 1.2, в которых они четко определяются независимо от их формулировки или их наименования. Однако из этого не следует, что они не могут оказаться полезными для установления различия (см. руководящее положение 1.3.2).

¹⁹⁵ См. также Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), pp. 88–92, и Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 37–39.

то, чтобы уточнить или разъяснить смысл или значение, которые его автор придает договору или некоторым из его положений, то речь идет о заявлении о толковании.

4) Следует исходить из того принципа, что поставленная цель отражена в тексте заявления. Речь идет о классической проблеме толкования. «Установление точного характера зачастую сложных заявлений, которые делают государства при ратификации многостороннего договора или при присоединении к нему, является вопросом умозаключения, который надлежит решать путем использования обычных правил толкования»¹⁹⁶.

5) Некоторые международные судебные органы не колеблясь применяют к оговоркам общие правила толкования договоров¹⁹⁷. Вместе с тем, по мнению Комиссии, хотя эти правила и содержат полезные указания, они не могут буквально переноситься на оговорки и заявления о толковании по той причине, что они имеют особый характер: нельзя применять к *односторонним* документам, не проявляя надлежащей предосторожности, те правила, которые применяются к *договорам*¹⁹⁸.

6) Об этом недавно напомнил Международный Суд в связи с заявлениями о признании его обязательной юрисдикции:

Режим толкования заявлений, делаемых в силу статьи 36 Статута, не идентичен режиму толкования договоров, установленному Венской конвенцией о праве международных договоров... Суд отмечает, что положения Конвенции могут применяться только по аналогии в той степени, в какой они совместимы с характером *sui generis* одностороннего признания юрисдикции Суда¹⁹⁹.

7) Комиссия осознает, что характер заявлений, о которых идет речь, отличается от характера оговорок и заявлений. Будучи сформулированными в одностороннем порядке в связи с текстом договора, эти заявления тем не менее имеют с ним важные общие элементы, и представляется, что необходимо учитывать предостережение Суда, поскольку речь идет о толковании односторонних заявлений, сделанных государством или международной организацией по поводу договора, с целью определения их юридического характера. В силу этих соображений Комиссия решила отказаться от буквальной ссылки на «общее правило толкования» и на «дополнительные

средства толкования», предусмотренные в статьях 31 и 32 Венских конвенций 1969 и 1986 годов²⁰⁰.

8) Тем не менее с учетом данного замечания эти положения служат полезными директивами и, в частности, как и в случае договора, одностороннее заявление по поводу положений договора

должно толковаться путем изучения его текста в соответствии с обычным значением, которое должно придаваться терминам, с использованием которых оно сформулировано, в общем контексте договора... Данный подход должен применяться всегда, за исключением тех случаев, когда обусловленное этим толкование оставило бы двусмысленность или неясность, либо привело бы к результату, являющемуся явно абсурдным или неразумным²⁰¹.

9) Несмотря на то, что в доктрине данная проблема под этим углом не рассматривалась²⁰², в правоприменительной сфере существует единодушное мнение о том, что в первую очередь должен привлекать внимание сам текст заявления:

Судя по его формулировкам*, это условие [поставленное третьей оговоркой Франции к статье 6 Конвенции о континентальном шельфе], как представляется, выходит за рамки простого толкования... Суд... приходит, таким образом, к выводу о том, что эта «оговорка» должна рассматриваться в качестве «оговорки», а не как простое «заявление о толковании»²⁰³.

В настоящем случае Комиссия будет толковать намерение правительства-ответчика с учетом и *самых условий заявления о толковании, упомянутого выше**, и подготовительных материалов, которые имелись в наличии до ратификации [Европейской] конвенции [о правах человека] Швейцарией.

Что касается используемых терминов*, то, по мнению Комиссии, они одни уже свидетельствуют о воле правительства исключить...

...

Принимая во внимание термины, использованные* в заявлении о толковании Швейцарии... а также совокупность подготовительных материалов, упомянутых выше, Комиссия принимает тезис правительства-ответчика, согласно которому его намерение заключалось в придании этому заявлению о толковании такой же значимости, что и собственно оговорке²⁰⁴.

Для выявления юридического характера такого заявления следует выйти за рамки одного названия и попытаться определить *материальное содержание**²⁰⁵.

²⁰⁰ См. руководящее положение 4.2.6 (Толкование оговорок) и комментариев к нему; см. также Heumann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), p. 89.

²⁰¹ Межамериканский суд по правам человека, *Restrictions to the Death Penalty*, Advisory Opinion OC-3/83 of 8 September 1983 (см. сноску 197 выше), para. 63.

²⁰² См. вместе с тем Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 33 и 263–272 и в более общем виде, но при более четком изложении Greig “Reservations: equity as a balancing factor?” (сноска 28 выше), p. 26.

²⁰³ Арбитражное решение от 30 июня 1977 года, *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom...* (см. сноску 24 выше), p. 40, para. 55.

²⁰⁴ Европейская комиссия по правам человека, решение от 5 мая 1982 года, *Temeltasch v. Switzerland* (см. сноску 24 выше), pp. 131–132, paras. 74, 75 and 82.

²⁰⁵ Европейский суд по правам человека, постановление от 29 апреля 1988 года, *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), para. 49. В этом же деле Комиссия пришла к противоположному выводу — также опираясь «как на формулировку рассматриваемого текста, так и на подготовительные материалы» (*ibid.*, para. 41); она в более ясной форме, чем Суд, отдала приоритет терминам, используемым в заявлении Швейцарии (*ibid.*, p. 38,

¹⁹⁶ M. Coccia, «Reservations to multilateral treaties on human rights», *California Western International Law Journal*, vol. 15 (1985), p. 10.

¹⁹⁷ См. Межамериканский суд по правам человека, *Restrictions to the Death Penalty (arts. 4 (2) and 4 (4) of the American Convention on Human Rights)*, Advisory Opinion OC-3/83 of 8 September 1983, Series A: Judgments and Opinions, No. 3, para. 62.

¹⁹⁸ О толковании оговорок в целом см. руководящее положение 4.2.6.

¹⁹⁹ См. постановление от 4 декабря 1998 года по делу *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, *Jurisdiction of the Court, Judgment*, I.C.J. Reports 1998, pp. 432 et seq., at para. 46; см. также постановление от 11 июня 1998 года по делу *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria, Preliminary Objections, Judgment*, I.C.J. Reports 1998, p. 275, at para. 30.

Если заявление явно имеет своей целью исключить или изменить юридическое действие определенного положения договора, то его следует рассматривать в качестве имеющей обязательную силу оговорки, даже если оно имеет форму «заявления». Например, сделанное французским правительством заявление при присоединении к [Международному] пакту о гражданских и политических правах является ясным: оно имеет своей целью исключить применение по отношению к Франции статьи 27, а семантически такое исключение подчеркивается словами «не применяется»²⁰⁶.

10) Реже международные суды, которые должны были высказать свое мнение о проблемах этого типа, для дополнения своей аргументации основывались на подготовительных материалах, касающихся рассматриваемых односторонних заявлений. Так, в деле *Belilos* Европейский суд по правам человека, признав, что «первоначальная формулировка на французском языке» заявления Швейцарии, «хотя и не обеспечивающая полной ясности, может восприниматься в качестве оговорки»²⁰⁷, «вслед за Комиссией и правительством... признает необходимость установления намерения автора заявления» и с этой целью принимает во внимание подготовительные материалы этого заявления²⁰⁸, как это было сделано Комиссией в том же деле и в деле *Temeltasch*²⁰⁹.

11) По мнению Комиссии, в данной связи следует проявлять определенную осмотрительность. Как уже отмечалось, «поскольку оговорка является односторонним актом делающей ее стороны, доказательства из внутренних источников этой стороны, касающиеся подготовки оговорки, являются приемлемыми для целей демонстрации ее намерения при выражении оговорки»²¹⁰. Вместе с тем в повседневном правовом контексте предписывать систематическое обращение к подготовительным материалам для определения характера одностороннего заявления по поводу договора представляется затруднительным: они не всегда предаются гласности²¹¹, и в любом случае требовать от правительства других государств, чтобы они не прибегали к этим материалам, было бы трудно.

приложение, пункт 93 доклада Комиссии; см. комментарий в I. Cameron and F. Horn, «Reservations to the European Convention on Human Rights: the *Belilos* Case», *German Yearbook of International Law*, vol. 33 (1990), pp. 71–74).

²⁰⁶ Комитет по правам человека, Сообщение № 220/1987, решение от 8 ноября 1989 года, *T.K. v. France*, доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок пятая сессия, Дополнение № 40 (A/45/40)*, том II, приложение X, пункт 8.6.

²⁰⁷ Постановление от 29 апреля 1988 года, *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), p. 22, para. 44.

²⁰⁸ *Ibid.*, p. 23, para. 48.

²⁰⁹ Европейская комиссия по правам человека, решение от 5 мая 1982 года, *Temeltasch v. Switzerland* (см. сноску 24 выше), pp. 147–148, paras. 76–80.

²¹⁰ *Oppenheim's International Law*, 9th ed., Sir R. Y. Jennings and Sir A. D. Watts (eds.), Harlow, Longman, 1992, vol. I, *Peace*, p. 1242. В качестве доказательства авторы приводят в этом труде постановление Международного Суда от 19 декабря 1978 года по делу *Aegean Sea Continental Shelf; Judgment, I.C.J. Reports 1979*, p. 3, at p. 32.

²¹¹ При рассмотрении дела *Belilos v. Switzerland* представитель правительства Швейцарии упомянул о состоявшихся в рамках правительства обсуждениях, но при этом сослался на их конфиденциальный характер (см. Cameron and Horn, «Reservations to the European Convention...» (см. сноску 205 выше), p. 84).

12) По этой причине в руководящем положении 1.3.1 не воспроизводится текст статьи 32 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и не делается прямой ссылки на подготовительные материалы, а лишь предписывается должным образом учитывать «намерение автора заявления». Данная формулировка непосредственно обусловлена формулировкой, использованной Международным Судом в деле *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, *Jurisdiction of the Court*:

Суд осуществляет естественное и разумное толкование... терминов, использованных в заявлении, включая приведенные в нем оговорки, с надлежащим учетом намерения соответствующего государства в то время, когда оно согласилось с обязательной подсудностью Суду²¹².

13) Кроме того, в руководящем положении 1.3.1 уточняется, что для определения юридического характера заявления, сделанного по поводу договора, необходимо толковать это заявление «в свете договора, к которому оно относится». В данном случае это обстоятельство в самом деле служит основным элементом «контекста», о котором упоминается в общем правиле толкования, изложенном в статье 31 Венских конвенций 1969 и 1986 годов²¹³: хотя оговорка и заявление о толковании представляют собой односторонний документ, отличный от договора, по поводу которого они были сделаны, они тем не менее тесно связаны с этим договором и не могут толковаться изолированно от него.

14) Методика, указанная в руководящем положении 1.3.1, применима в случае проведения различия между простыми заявлениями о толковании и условными заявлениями о толковании²¹⁴. И в данной связи речь идет об определении намерения государства или международной организации, являющихся авторами заявления, причем это должно быть сделано перед любым добросовестным толкованием данного заявления в соответствии с обычным значением, которое следует придавать его терминам.

1.3.2 Формулировка и наименование

Формулировка или наименование одностороннего заявления служит указанием на юридические последствия, на достижение которых оно направлено.

Комментарий

1) Общее правило, позволяющее выяснить, является ли одностороннее заявление, сформулированное государством или международной организацией по поводу договора, оговоркой или заявлением о толковании, излагается в руководящем положении 1.3.1. Руководящие положения 1.3.2 и 1.3.3 дополняют это общее правило, охватывая некоторые особые

²¹² Постановление от 4 декабря 1998 года, *Fisheries Jurisdiction...* (см. сноску 199 выше), para. 49.

²¹³ См. в данной связи консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека по делу *Restrictions to the Death Penalty...* (сноска 197 выше).

²¹⁴ См. руководящее положение 1.4 и комментарий к нему.

ситуации, которые часто возникают и по своему характеру могут способствовать такому выяснению. В этом плане они носят субсидиарный характер по сравнению с общим правилом из руководящего положения 1.3.1, и не как правило толкования, а как метод, позволяющий определить, является одностороннее заявление оговоркой или заявлением о толковании.

2) Как отмечается в руководящих положениях 1.3 и 1.3.1, юридический характер одностороннего заявления, сделанного по поводу договора, определяется не его формулировкой или наименованием, а юридическим действием, на достижение которого оно направлено. Из определения оговорок, содержащегося в Венских конвенциях 1969, 1978 и 1986 годов и воспроизведенного в руководящем положении 1.1, и из определения заявлений о толковании, изложенного в руководящем положении 1.2, следует:

– с одной стороны, что как оговорки, так и заявления о толковании характеризуются целью, преследуемой их автором: исключение или изменение юридического действия некоторых положений договора при их применении в отношении их автора в первом случае и уточнение и разъяснение смысла или сферы охвата, которые автор заявления придает договору или некоторым из его положений, – во втором;

– и, с другой стороны, что второй общий элемент оговорок и заявлений о толковании состоит в том, что формулировка и наименование, выбранные их автором, не имеют значения²¹⁵.

3) Подобное равнодушие к терминологии, выбираемой государством или международной организацией, которые делают заявления, критикуется некоторыми авторами, которые считают, что следует «ловить государства на слове» и считать оговорками такие односторонние заявления, которые их авторы сами так назвали или соответствующим образом сформулировали, а заявлениями о толковании такие заявления, которые их авторы объявили таковыми²¹⁶. Такая позиция дает двойное преимущество: она проста (заявлениями о толковании должны считаться те заявления, которые государство объявляет таковыми) и позволяет «воспитывать» государства, заставляя их в своей практической деятельности воздерживаться от «игр» с квалификацией формулируемых ими заявлений с целью обойти нормы, регулирующие оговорки, или даже злоупотребить доверием своих партнеров²¹⁷.

²¹⁵ В обоих случаях это вытекает из фразы «в любой формулировке и под любым наименованием».

²¹⁶ См., например, заявление, сделанное Францией при подписании Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договора Тлателолко) в 1973 году, и анализ, проведенный в Н. Gros Espiell («La signature du Traité de Tlatelolco par la Chine et la France», AFDI, vol. 19 (1973), p. 141). В то же время в основу этой работы автором положены и другие параметры. Аналогичная позиция была занята Японией в 1964 году в высказанных ею замечаниях по проекту статей о праве договоров, принятому Комиссией в первом чтении (см. комментарий к руководящему положению 1.2, сноска 143 выше).

²¹⁷ См. пункт 5) комментария к руководящему положению 1.2.

4) По мнению Комиссии, существуют следующие два возражения против этой позиции, которые носят решающий характер:

– во-первых, эта позиция несовместима с самим Венским определением: если одностороннее заявление может быть оговоркой «в любой формулировке и под любым наименованием», то это неизбежно означает, что простые «заявления» (даже те из них, которые однозначно названы их автором заявлениями о толковании) могут на самом деле представлять собой оговорки, а из этого с той же неизбежностью вытекает, что терминология не является абсолютным критерием, который можно было бы использовать для определения заявлений о толковании; и

– во-вторых, эта позиция противоречит практике государств, судебной практике и позиции большинства теоретиков²¹⁸.

5) В частности, необходимо отметить, что международные судьи и арбитры, а также органы, осуществляющие контроль за применением договоров по правам человека, воздерживаются от номинализма в любом виде и, не ограничиваясь ссылками на односторонние заявления, которые служат условием выражения государствами согласия на обязательность договора, стремятся выяснить реальные намерения этих государств, вытекающие из сущности заявления и даже из контекста, в котором оно было сделано.

6) Так, арбитражный суд, которому было поручено урегулировать францужско-британский спор относительно дела *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the French Republic* внимательно изучил доводы Соединенного Королевства, в соответствии с которыми третья оговорка Франции относительно статьи 6 Конвенции о континентальном шельфе 1958 года якобы является на самом деле ничем иным, как простым заявлением о толковании²¹⁹. Точно так же в деле *Temeltasch* Европейская комиссия по правам человека, основываясь на пункте 1 d) статьи 2 Венской конвенции 1969 года, разделяет

в этой связи мнение большинства теоретиков, [решила], что в том случае, если государство делает заявление и отмечает, что цель этого заявления состоит в исключении или изменении юридического действия некоторых из положений Конвенции, то такое заявление *под любым названием** должно приравниваться к оговорке²²⁰.

Такая же позиция была занята Европейским судом по правам человека и по делу *Belilos*: к своему документу о ратификации Европейской конвенции о правах человека Швейцария приложила одностороннее заявление, которое она озаглавила «заявление о

²¹⁸ См. там же, пункты 4)–8).

²¹⁹ Арбитражное решение от 30 июня 1977 года, *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom...* (см. сноску 24 выше), pp. 39–40, paras. 54–55.

²²⁰ Решение от 5 мая 1982 года, *Temeltasch v. Switzerland* (см. сноску 24 выше), paras. 69–82, в частности at para. 73.

толковании»; тем не менее Суд счел, что речь идет именно об оговорке.

С Комиссией и правительством Суд признает необходимость установления намерения автора заявления [...].

Для выявления юридического характера такого «заявления» следует выйти за рамки названия и попытаться определить его материальное содержание²²¹.

Комитет по правам человека использовал эту же тактику в своем решении от 8 ноября 1989 года по делу *T.K. v. France*: основываясь на пункте 1 *d*) статьи 2 Венской конвенции 1969 года он принял решение о том, что сообщение о несоблюдении Францией статьи 27 Международного пакта о гражданских и политических правах является неприемлемым в силу того, что в момент присоединения к Пакту правительство Франции заявило, что «в свете статьи 2 Конституции Французской Республики [...] статья 27 не применяется, когда это затрагивает Республику». Он отметил, что

в этой связи характер заявления определяется не его названием, а тем действием, которое оно призвано оказать²²².

²²¹ Постановление от 29 апреля 1988 года, *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), pp. 23–24, paras. 48–49.

²²² Сообщение № 220/1987, решение, принятое 8 ноября 1989 года, дело *T.K. v. France*, доклад Комитета по правам человека Генеральной Ассамблее, *Официальные отчеты...* (см. сноску 206 выше), стр. 132, пункт 8.6 (относительно заявления, сделанного правительством Франции при присоединении к Пакту, см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4).

См. также аналогичные решения по делу *M.K. v. France* от того же числа, сообщение № 222/1987 (Доклад Комитета по правам человека Генеральной Ассамблее, *Официальные отчеты...* (сноска 206 выше), стр. 145–153) и по делу *S.G. v. France* от 1 ноября 1991 года (№ 347/1988), по делу *G.B. v. France* от 1 ноября 1991 года (№ 348/1989) и по делу *R.L.M. v. France* от 6 апреля 1992 года (№ 363/1989), доклад Комитета по правам человека Генеральной Ассамблее, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40)*, приложение X, стр. 378–407. В особом мнении, прилагаемом к решению по делу *T.K. v. France*, г-жа Хиггинс критикует эту позицию и указывает на то, что, по ее мнению:

«вопроса не проясняет и ссылка на подпункт *d*) пункта 1 статьи 2 Венской конвенции о праве международных договоров, в котором подчеркивается, что решающее значение имеет намерение, а не употребленная терминология».

«Анализ уведомления от 4 января 1982 года показывает, что правительство Французской Республики преследовало две цели: перечислить несколько оговорок и сделать несколько заявлений о толковании. Так, в связи с пунктом 1 статьи 4 и статьями 9, 14 и 19 оно использует выражение "делается оговорка", а в других пунктах оно заявляет о том, как, по его мнению, должны пониматься некоторые положения Пакта применительно к Конституции Французской Республики, французскому законодательству или обязательствам по Европейской конвенции о правах человека. Замечание о том, что формулировка или название оговорки не имеет никакого значения, сделанное посредством ссылки на подпункт *d*) пункта 1 статьи 2 Венской Конвенции, отнюдь не превращает эти заявления о толковании в оговорки: их содержание ясно говорит о том, что они являются заявлениями. Кроме того, уведомление Франции указывает на преднамеренный выбор различных формулировок для достижения различных юридических целей. Нет никаких оснований полагать, что противоречивое использование в различных пунктах двух различных терминов – "оговорка" и "заявление" – не было совершенно непреднамеренным и что правительство не создало всех юридических последствий, сопряженных с этим разграничением» (*T.K. v. France*, доклад Комитета по правам человека Генеральной Ассамблее, *Официальные отчеты...* (см. сноску 206 выше), приложение X, добавление II, стр. 140).

7) Тем не менее такое безразличие к номинализму не является столь радикальным, как могло бы показаться на первый взгляд, поскольку в деле *Belilos* Европейская комиссия по правам человека сочла, что

если какое-либо государство одновременно делает оговорки и заявления о толковании, то вторые могут быть приравнены к первым лишь в порядке исключения²²³.

8) На основании этих замечаний можно сделать следующий вывод: хотя формулировка и название заявления о толковании не являются ни элементом определения заявления о толковании, ни элементом определения оговорки, они, тем не менее, представляют собой элемент оценки, который должен учитываться и в отношении которого можно считать, что он имеет особое значение (но не обязательно решающее), когда одно и то же государство одновременно делает и оговорки, и заявления о толковании в отношении одного и того же договора.

9) Эта констатация переключается с используемой в доктрине более общей позицией, согласно которой «данный аспект определения ["независимо от его формулировки или его наименования"] чреват несправедливостью»: «В соответствии с Венской конвенцией обязанность установления того, что заявление является оговоркой, лежит [...] на других сторонах договоров. [...] В этих условиях оставалось бы сожалеть, если бы слова "независимо от ее формулировки или ее наименования" были расценены в качестве имеющих решающее значение. При исключительных обстоятельствах одна из сторон могла бы настоять на лишении государства, которое пытается доказать, что его заявление является оговоркой, права на возражение. [...] Хотя речь идет скорее о толковании, чем о применении принципа справедливости, такой подход полностью соответствует понятиям беспристрастности и добросовестности, лежащим в основе договорных отношений между государствами»²²⁴.

10) Как представляется, было бы правомерным уточнить в Руководстве по практике пределы нейтрального отношения к номинализму, подразумеваемому под фразой «независимо от ее формулировки или ее наименования», не затрагивая закрепленный Венской конвенцией 1969 года принцип в отношении определения оговорки – принцип, который должен найти свое продолжение в определении заявлений о толковании²²⁵. Такова цель руководящего положения 1.3.2, в котором признается, что, хотя квалификация заявления, данная государством, сделавшим это заявление, не является неоспоримой

²²³ См. постановление Суда по делу *Belilos v. Switzerland* (сноска 192 выше) от 29 апреля 1988 года, p. 21, para. 41. Со своей стороны Суд отмечает, что один из элементов, усложняющих принятие решения в данном случае, заключается в том, что «швейцарское правительство сделало в одном и том же документе о ратификации как "оговорки", так и "заявления о толковании"», однако отдельного вывода на основе этой констатации он не делает (*ibid.*, p. 24, para. 49). См. также особое мнение г-жи Хиггинс по делу *T.K. v. France*, изложенное в Комитете по правам человека (см. сноску выше).

²²⁴ Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), pp. 27–28; см. также p. 34.

²²⁵ См. руководящее положение 1.2.

презумпцией, она, тем не менее, служит признаком этого заявления.

11) Хотя данное утверждение ни в коей мере не является неоспоримым, оно подтверждается в том случае, когда государство делает сразу как оговорки, так и заявления о толковании и соответственно называет их таковыми.

1.3.3 *Формулирование одностороннего заявления в случае запрещения оговорок*

Когда договор запрещает оговорки ко всем или к определенным его положениям, одностороннее заявление, сформулированное в отношении этих положений государством или международной организацией, считается не представляющим собой оговорку. Однако такое заявление является оговоркой, если оно направлено на исключение или изменение юридического действия определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применении к его автору.

Комментарий

1) Руководящее положение 1.3.3 разработано в том же духе, что и предыдущее, и направлено на то, чтобы облегчить определение характера одностороннего заявления, сделанного по поводу договора, т.е. выяснить, является ли оно оговоркой или заявлением о толковании, когда договор запрещает оговорки вообще²²⁶, так и оговорки к некоторым положениям договора²²⁷.

2) Как представляется Комиссии, в этих ситуациях заявления, сделанные по поводу положений, в отношении которых запрещены любые оговорки, должны рассматриваться в качестве заявлений о толковании. «Это соответствовало бы презумпции о том, что государство стремится действовать согласно договору, а не вопреки ему, и защитило бы это государство от опасности аннулирования вследствие этой неправомерной оговорки всего акта признания договора, к которому прилагается заявление»²²⁸. Данная презумпция законности в более общем плане соответствует «общему принципу надлежащим образом установленного права, согласно которому вероятность недобросовестности исключается»²²⁹.

3) Вместе с тем, само собой разумеется, что презумпция, предусмотренная в руководящем положении 1.3.3, не является неоспоримой и что, если

²²⁶ Как, например, в статье 309 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

²²⁷ Как, например, в статье 12 Конвенции о континентальном шельфе в связи с оговорками к статьям 1–3. См. арбитражное решение от 30 июня 1970 года (сноска 24 выше), вынесенное по делу *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom...* (см. сноску 24 выше), pp. 32–33, paras. 38–39; см. также особое мнение Н.В. Briggs (*ibid.*, p. 123).

²²⁸ Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (см. сноску 28 выше), 1995, p. 25.

²²⁹ Арбитражное решение от 16 ноября 1957 года, дело *Lac Lanoux, Reports of International Arbitral Awards*, vol. XII (United Nations publication, Sales No. 63. V. 3), p. 305.

заявление в действительности имеет целью исключить или изменить юридическое действие положений договора, а не только дать им толкование, оно должно рассматриваться в качестве оговорки; из подпунктов *a)* и *b)* статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов следует, что такая оговорка является неправомерной и должна рассматриваться в качестве таковой. Это соответствует принципу нейтрального отношения к формулировке или наименованию односторонних заявлений, сделанных по поводу договора, что отражено в определении оговорки и заявлений о толковании²³⁰.

4) Как из названия данного руководящего положения, так и из его текста следует, что его цель не заключается в определении того, являются ли односторонние заявления, сделанные при соответствующих обстоятельствах, заявлениями о толковании или односторонними заявлениями, не являющимися оговорками или заявлениями о толковании, определенными в разделе 1.5 настоящей главы. Это руководящее положение преследует цель того, чтобы обратить внимание на принцип, в соответствии с которым нельзя презюмировать, что заявление, сделанное по поводу положений договора, к которым запрещается делать оговорки, является оговоркой.

5) В противном случае толкователю надлежит позитивно квалифицировать данное заявление, которое может быть либо заявлением о толковании, либо заявлением, относящимся к разделу 1.5. Для этого надлежит основываться на проектах руководящих положений 1.2 и 1.5.1–1.5.3.

1.4 *Условные заявления о толковании*

1. Условным заявлением о толковании является одностороннее заявление, формулируемое государством или международной организацией при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении договора или присоединении к нему, или государством при направлении уведомления о правопреемстве в отношении договора, посредством которого это государство или эта международная организация ставит свое согласие на обязательность договора в зависимости от оговоренного толкования договора или определенных его положений.

2. На условные заявления о толковании распространяются правила, применимые к оговоркам.

Комментарий

1) Согласно определению, даваемому этому понятию в руководящем положении 1.2, заявления о толковании представляют собой «предложения» по толкованию, в отношении которых действует принцип добросовестности, но которые сами по себе не имеют никакого доказательственного или обязательного характера. Однако часто бывает так, что

²³⁰ См. руководящие положения 1.1 и 1.2.

авторы этих заявлений стараются придать им большее значение, что приближает, но не приравнивает их к оговоркам. Это имеет место в случае, когда государство или межправительственная организация не ограничивается тем, что предлагает то или иное толкование, а делает из него условие своего согласия на обязательность для себя договора.

2) Комиссия признала существование такой практики, систематизация которой на уровне доктрины была проведена только относительно недавно²³¹, и рассмотрела вопрос о точной юридической природе этих односторонних заявлений.

3) Нередки случаи, когда, выступая с заявлением, государство определенно указывает, что выдвигаемое им толкование является неременным условием, от которого зависит его согласие на обязательность для себя договора. Так, например, Франция сопровождала свое подписание²³² Дополнительного протокола II к Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко) состоящим из четырех пунктов заявлением о толковании, где указывалось:

Если заявление о толковании, сделанное таким образом Правительством Франции, оспаривается полностью или частично одной или несколькими сторонами, участвующими в Договоре или в Протоколе II, то означенные документы не имеют силы в отношениях между Французской Республикой и оспаривающим государством или государствами.

²³¹ Различие между этими двумя типами заявлений о толковании ясно и авторитетно раскрывается Макреем в важной статье, опубликованной им в 1978 году. Задаваясь вопросом о последствиях заявлений о толковании, он высказывает мнение о том, что «необходимо рассматривать две ситуации. Первая возникает тогда, когда государство сопровождает свой документ о принятии договора заявлением, цель которого – просто предложить толкование договора или его части. Его можно назвать "простым заявлением о толковании" [Деттер называет их "простыми декларативными заявлениями", Detter, *Essays on the Law of Treaties*, 1967, pp. 51–52]. Вторая ситуация возникает, когда государство оговаривает либо обуславливает свою ратификацию договора или присоединение к нему каким-то конкретным толкованием всего договора или его части. Это можно назвать "квалифицированным заявлением о толковании". В первой ситуации государство просто изложило свое мнение о толковании договора, которое необязательно будет принято при арбитражном или судебном разбирательстве. Предлагая такое толкование, государство не исключило возможности последующего разбирательства по вопросу о толковании, как не исключило оно и возможности того, что его толкование будет отвергнуто... Если же государство-заявитель желает настоять на своем толковании независимо от возможных выводов последующего разбирательства, т.е. если, делая это заявление, оно не приемлет появления в последующем не совпадающего с этим толкования договора, то результат должен быть иным. Это "квалифицированное заявление о толковании". Государство оговаривает или обуславливает принятие им договора согласием на его толкование». (McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (см. сноску 129 выше), pp. 160–161). Выражение «квалифицированное заявление о толковании» мало что значит по-английски («qualified interpretative declaration»). Но это различие проводится многими авторами; см., например, Cameron and Horn, «Reservations to the European Convention...» (сноска 205 выше), p. 77, или Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (см. сноска 129 выше), pp. 205–206, или Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (см. сноску 147 выше), pp. 70–87.

²³² Это заявление было подтверждено 22 марта 1974 года при ратификации; см. United Nations, *Treaty Series*, vol. 936, p. 419.

Присутствие условия во французском заявлении неоспоримо. Тем не менее латиноамериканские государства через Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПАНАЛ) призвали правительство Франции отозвать ту часть заявления, которая касалась возможности применения ядерного оружия в ответ на вооруженное нападение. По мнению таких государств, эта интерпретация не соответствует принципам необходимости и пропорциональности, которые должны быть присущи законной обороне в соответствии с международным правом. Однако Франция не отзывала эту часть своего заявления о толковании, но при этом неоднократно заявляла о своем желании оставаться государством-участником Дополнительного протокола к Договору Тлателолко.

4) Можно наверняка считать аналогичным и случай «заявления о толковании», с которым выступила в связи с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву Исламская Республика Иран, хотя это заявление и имеет менее четкую формулировку:

Основная цель [заявлений Правительства Исламской Республики Иран] состоит в том, чтобы избежать в будущем возможного толкования статей Конвенции таким образом, который несовместим с фактическим намерением и предыдущими позициями Исламской Республики Иран или не соответствует ее национальным законам и правилам²³³.

5) В других случаях наличие условия в заявлении можно уяснить из его формулировки. Например, учитывая категоричность заявления о толковании, сделанного Израилем при подписании Международной конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года, нет никаких сомнений в том, что это заявление следует рассматривать как условное:

Израиль исходит из того понимания, что в Конвенции реализуется следующий принцип: захват заложников запрещается при любых обстоятельствах, а любое лицо, совершающее подобный акт, должно подвергаться уголовному преследованию или выдаче согласно статье 8 Конвенции или соответствующим положениям Женевских конвенций 1949 года либо Дополнительных протоколов к ним, без каких бы то ни было исключений²³⁴.

6) То же самое относится, например, и к заявлению Турции о толковании Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 года:

По мнению Правительства Турции, выражение «широкие», «долгосрочные» и «серьезные последствия», содержащееся в настоящей Конвенции, нуждается в более четком определении. До тех пор пока подобное четкое определение не будет сделано, Правительство Турции будет вынуждено само толковать это выражение и, таким образом, резервирует за собой право делать это так и тогда, как и когда оно сочтет это необходимым²³⁵.

7) Напротив, заявление, например, с которым выступили Соединенные Штаты при подписании Протокола 1988 года об ограничении выбросов

²³³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6.

²³⁴ *Ibid.*, chap. XVIII.5.

²³⁵ *Ibid.*, chap. XXVI.1.

окислов азота или их трансграничных потоков к Конвенции 1979 года о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния, явно представляется простым заявлением о толковании:

Правительство Соединенных Штатов Америки исходит из того понимания, что государства смогут гибко подходить к выполнению общих требований Протокола наиболее эффективными средствами²³⁶.

8) Вместе с тем из положений заявления о толковании редко когда можно так ясно понять, содержит ли оно в себе условие или нет²³⁷. В подобных условиях проведение различия между «простыми» заявлениями о толковании, с одной стороны, и «условными» – с другой, порождает проблемы того же порядка, что и проведение различия между оговорками и заявлениями о толковании, и регламентироваться оно должно в обоих случаях одними и теми же принципами²³⁸.

9) Кроме того, нередко ситуации, когда истинный характер заявлений о толковании проявляется при их опротестовывании другими договаривающимися государствами или договаривающимися организациями. Это показывают получившие известность примеры, такие, как заявление, которым Индия сопроводила свою грамоту о ратификации Конвенции о Межправительственной морской консультативной организации (ИМКО), впоследствии

²³⁶ *Ibid.*, chap. XXVII.1.c.

²³⁷ В большинстве случаев государство или международная организация ограничивается следующим указанием: он (она) «считает, что...» (например (из многочисленного ряда прецедентов), заявления Бразилии при подписании Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (*ibid.*, chap. XXI.6), третье заявление Европейского сообщества при подписании Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 года (*ibid.*, chap. XXVII.4), либо заявления Болгарии в связи с Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года (*ibid.*, chap. III.6) или Конвенцией о Кодексе поведения линейных конференций 1974 года (*ibid.*, chap. XII.6); он (она) «расценивает, что...» (см. заявление Швеции в связи с Конвенцией о Международной морской организации (*ibid.*, chap. XII.1); он (она) «заявляет, что...» (см. второе и третье заявления Франции в связи с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (*ibid.*, chap. IV.3) или заявление Соединенного Королевства при подписании Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалении 1989 года (*ibid.*, chap. XXVII.3); он (она) «толкует» такое-то положение таким-то образом (см. заявления Алжира или Бельгии в связи с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (*ibid.*, chap. IV.3), заявление Ирландии относительно статьи 31 Конвенции о статусе апатридов 1954 года (*ibid.*, chap. V.3) или первое заявление Франции при подписании Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года (*ibid.*, chap. XXVII.8); «согласно его (ее) толкованию», такое-то положение имеет такое-то значение (см. заявления Нидерландов в связи с Конвенцией о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 октября 1980 года (*ibid.*, chap. XXVI.2), либо заявления Кирибати, Науру, Папуа-Новой Гвинеи, Тувалу и Фиджи в связи с Рамочной конвенцией Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 года (*ibid.*, chap. XXVII.7)); или что он (она) «исходит из того понимания, что...» (см. заявления Бразилии при ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (*ibid.*, chap. XXI.6).

²³⁸ См. руководящее положение 1.3.1.

Международной морской организации (ИМО)²³⁹, или заявление Камбоджи в связи с той же Конвенцией об ИМКО²⁴⁰. Эти прецеденты подтверждают наличие разницы: в одних заявлениях делающие их государство или международная организация ограничиваются разъяснением толкования, которое они дают договору, а в других они стремятся сделать такое толкование обязательным для остальных договаривающихся государств или организаций.

10) Эта разница имеет большое практическое значение. В отличие от оговорки, простые заявления о толковании не обставляют условиями выражение государством или международной организацией согласия на обязательность для себя договора;

²³⁹ Текст заявления см. в *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XII.1. Индия кратко изложила этот эпизод в своем ответе на вопросник об оговорках (см. сноску 39 выше):

«Когда Генеральный секретарь уведомил Межправительственную морскую консультативную организацию (ИМКО) [название было изменено на "Международную морскую организацию (ИМО)]" о сопровождаемом заявлении ратификационной грамоте Индии, было высказано предложение о том, что, поскольку условие носит "характер оговорки", этот вопрос следует вынести на Ассамблею ИМКО. Ассамблея постановила распространить заявление среди всех членов ИМКО, решив, однако, что впредь до улаживания вопроса Индия будет участвовать в работе ИМКО без права голоса. Франция и Федеративная Республика Германии выдвинули возражения против сделанного Индией заявления: Франция – на основании того, что Индия претендует на одностороннее право толковать Конвенцию, а Федеративная Республика Германии – на основании того, что Индия может принять в будущем меры, которые противоречили бы Конвенции.

В резолюции 1452 (XIV) от 7 декабря 1959 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, приняв во внимание сообщение, которое было сделано от имени Индии на 614-м заседании своего Шестого комитета (Комитет по правовым вопросам) и в котором было разъяснено, что заявление Индии было политической декларацией и не имеет значения оговорки, выразила надежду, "что в свете упомянутого выше сообщения Индии надлежащее решение можно будет достигнуть в рамках Межправительственной морской консультативной организации в ближайшем будущем, для того чтобы урегулировать положение Индии".

В резолюции от 1 марта 1960 года Совет Межправительственной морской консультативной организации, приняв к сведению сделанное от имени Индии сообщение, о котором говорится в вышеуказанной резолюции, и отметив в связи с этим, что заявление Индии не имеет юридических последствий для толкования Конвенции, указал, что "считает Индию членом Организации".

По поводу этого эпизода см., в частности, McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), pp. 163–165; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 301–302; и Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), pp. 108–113.

²⁴⁰ Текст см. в *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XII.1. Поскольку правительства многих стран сообщили, что «по их мнению, это заявление представляет собой общеполитическую декларацию, а никак не оговорку и не имеет никаких юридических последствий для толкования Конвенции», «в сообщении от 31 января 1962 года на имя Генерального секретаря правительство Камбоджи указало: «...Королевское правительство согласно, что первая часть заявления, сделанного при присоединении к Конвенции, является политической декларацией. Поэтому она не имеет юридических последствий для толкования Конвенции. С другой стороны, положения, содержащиеся [во второй части заявления?], представляют собой оговорку Королевского правительства Камбоджи в связи с присоединением к Конвенции» (*ibid.*). По поводу этого эпизода см., в частности, McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), pp. 165–166, и Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), pp. 177–178.

их предназначение только в том, чтобы предвосхитить возможные споры по поводу толкования договора. Заявитель, так сказать, «обозначился»: он предупреждает, что если дело дойдет до спора, то его толкование будет таким-то, однако не делает из него условия для своего участия в договоре. Условные же заявления приближаются в этом смысле к оговоркам, преследуя цель породить юридические последствия для применения положений договора, которые государство или международная организация согласны признать только при том условии, что они будут толковаться в указанном ими смысле.

11) Судебная практика отражает амбивалентную природу условных заявлений о толковании:

– по делу *Belilos* Европейский суд по правам человека рассмотрел обоснованность швейцарского заявления о толковании «через призму» норм, применимых к оговоркам, не отождествляя, тем не менее, первое со вторыми²⁴¹;

– точно так же, арбитражный суд, который разбирал французско-британский спор относительно *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the French Republic*, счел – прибегнув, правда, к несколько расплывчатой формулировке – третью французскую оговорку относительно статьи 6 Конвенции о континентальном шельфе 1958 года «конкретным условием, которым Французская Республика оговорила свое согласие на режим делимитации, предусмотренный в статье 6», и добавил: «Судя по его положениям, это условие представляется выходящим за рамки простого толкования»²⁴²; идя от противного, можно, по-видимому, считать установленным, что речь шла не об оговорке в истинном ее понимании, а об условном заявлении о толковании.

12) Тем не менее, даже если условное заявление о толковании не может таким образом полностью «отождествляться» с оговоркой, оно к ней значительно приближается, поскольку, как пишет Рейтер, «[l']essence de la "réserve" est de poser une condition: l'État ne s'engage qu'à la condition que certains effets juridiques du traité ne lui soient pas appliqués, que ce soit par l'exclusion ou la modification d'une règle ou par l'interprétation de celle-ci» («суть "оговорки" состоит в том, чтобы выдвинуть условие: государство

соглашается участвовать в договоре только при том условии, что юридическое действие договора на него в чем-то не распространяется, будь то путем исключения или изменения какой-то нормы или путем ее толкования»)²⁴³. Такая позиция находит определенную поддержку в доктрине²⁴⁴.

13) Из этого вытекает, как уже констатировала Комиссия на основании углубленного исследования, что условные заявления о толковании, отвечая иному определению, нежели оговорки, подчиняются тем же нормам по форме и содержанию, что и те, которые применяются к оговоркам. Именно об этом идет речь в пункте 2 руководящего положения 1.4. В этой связи нецелесообразно упоминать условные заявления о толковании в последующих разделах этого Руководства: к ним применяется правовой режим оговорок.

14) Комиссия задалась вопросом о том, не будет ли проще и изящнее, вместо пространного перечисления моментов, в которые может формулироваться оговорка (и, следовательно, условное заявление о толковании), в том виде, в каком они изложены в руководящем положении 1.1, использовать общую формулировку, в частности, «в ходе выражения согласия быть связанными договором». Однако, как представляется, такое решение не может быть сохранено, поскольку, как и оговорки, заявления о толковании могут формулироваться при подписании, даже если речь идет о договорах в торжественной форме. Вместе с тем в этом случае и по примеру оговорки условные заявления о толковании должны подтверждаться в ходе окончательного выражения согласия быть связанным договором. В самом деле, никакая другая логика, как представляется, не говорит в пользу другого решения для оговорок с одной стороны, и с другой – для условных заявлений о толковании, на которые другие государства и международные организации должны быть в состоянии среагировать в случае необходимости. Впрочем, на практике в целом можно констатировать, что государства, намеревающиеся подчинить свое участие в договоре его особому толкованию, подтверждают такое толкование в момент выражения своего окончательного согласия быть связанными договором, когда оно формулируется при подписании или в какой-либо предыдущий момент переговоров²⁴⁵.

²⁴¹ Не осуществляя в определенно выраженной форме перекалфикации спорного швейцарского заявления о толковании в оговорку, Суд просто рассмотрел, «как в случае с оговоркой», правомерность заявления о толковании, о котором идет речь» (постановление от 29 апреля 1988 года, *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), р. 24 para. 49). В деле *Temeltasch* Европейская комиссия по правам человека проявила меньше осмотрительности: целиком (и намеренно) следуя позиции Макрея («The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), р. 160), она «отождествила» понятие условного заявления о толковании с понятием оговорки (решение от 5 мая 1982 года, *Temeltasch v. Switzerland* (см. сноску 24 выше), paras. 72–73).

²⁴² Арбитражное решение от 30 июня 1977 года, *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom...* (см. сноску 24 выше), р. 40, para. 55.

²⁴³ Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), р. 71. Имманентно условный характер оговорок подчеркивается в определениях, предложенных многими авторами, в том числе Гарвардской школой права (Research in International Law of the Harvard Law School, «Draft Convention on the Law of Treaties», AJIL 1935, Supplement No. 4, p. 843; см. также Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 35 и процитированные примеры). Определение, предложенное сэром Хэмфри Уолдоком в 1962 году также конкретно включало условность в качестве одного из элементов определения оговорки (см. сноску 142 выше); впоследствии от него отказались по неясным обстоятельствам.

²⁴⁴ См. McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), р. 172.

²⁴⁵ См. подтверждение Федеративной Республикой Германии и Соединенным Королевством их заявлений, сформулированных при подписании Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), глава XXVII.3),

(продолжение сноски на следующей стр.)

1.5 Односторонние заявления, не являющиеся оговорками и заявлениями о толковании

Сформулированные в связи с договором односторонние заявления, которые не являются оговорками или заявлениями о толковании (включая условные заявления о толковании), не входят в сферу охвата настоящего Руководства по практике.

Комментарий

1) Руководящее положение 1.5 может рассматриваться как «общая исключительная оговорка», цель которой – ограничить сферу применения Руководства по практике оговорками и заявлениями о толковании *stricto sensu* (будь то «простыми» или «условными»²⁴⁶), исключив другие односторонние заявления любого рода, которые делаются в связи с договором, но которые в целом с ним не связаны столь же тесно.

2) В самом деле, из обзора практики следует, что государства или международные организации нередко пользуются подписанием или окончательным выражением согласия на обязательность договора, чтобы сделать в связи с этим договором заявления, которые, однако, не имеют целью ни исключить или изменить юридическое действие его определенных положений (или по некоторым особым аспектам – всего договора в целом) в их применении к автору, ни толковать его, и которые, следовательно, не являются ни оговорками, ни заявлениями о толковании, будь то «простыми» или условными.

3) В публикации Организации Объединенных Наций в интернете *Multilateral Treaties deposited with the Secretary-General* («Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю») содержится множество примеров таких заявлений, в отношении юридического характера которых Генеральный секретарь не занимает никакой позиции²⁴⁷. Он, скорее, ограничивается констатацией того факта, что они были сделаны, оставляя за пользователем возможность их юридической оценки – крайне важной процедуры, от которой зависит применимый к ним правовой режим.

4) В этой публикации воспроизводятся только односторонние заявления, сделанные при подписании, выражении окончательного согласия на обязательность, ратификации и т.п. договора, переданного на хранение Генеральному секретарю, которые

(продолжение сноски 245)

см. также практику Монако при подписании, а затем при ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (*ibid.*, шар. IV.4), Австрии – Европейской конвенции об охране археологического наследия от 6 мая 1969 года (United Nations, *Treaty Series*, vol. 788, p. 240) или Европейского сообщества в отношении Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), шар. XXVII.4). См. также заявления Италии или Соединенного Королевства в отношении Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года (*ibid.*, шар. XXVII.8).

²⁴⁶ Различие между ними см. в руководящем положении 1.4.

²⁴⁷ Это подтверждается заголовком, предвещающим эти акты: «Заявления [без уточнения] и оговорки».

фактически могут не быть ни оговорками, ни заявлениями о толковании. Это, очевидно, объясняется тем, что это – единственные заявления, которые ему передаются; но нет сомнения в том, что это обстоятельство на практике имеет большую важность: ведь именно заявления, сделанные в этот момент, как раз и порождают больше всего проблем с точки зрения проведения различия между ними и условными оговорками или заявлениями о толковании, так как *по определению* они могут формулироваться лишь «при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятии или утверждении договора или присоединении к нему или когда государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении договора»²⁴⁸.

5) Хотя справедливо, что на практике большинство этих заявлений действительно формулируются в момент подписания или выражения согласия на обязательность договора, все же нельзя исключать возможность их формулирования и в другое время, даже после вступления договора в силу в отношении их автора. Однако Комиссия не считает целесообразным занимать какую-либо твердую позицию по этому вопросу, поскольку целью руководящего положения 1.5 является именно исключение этих заявлений из сферы применения Руководства по практике.

6) Аналогичным образом и по той же причине она не намерена выносить решение о юридических нормах, применимых к этим односторонним заявлениям, хотя, на первый взгляд, может все же показаться, что они относятся к общей категории односторонних актов государств²⁴⁹. В каждом из проектов руководящих положений, фигурирующих в настоящем разделе Руководства по практике, Комиссия лишь попыталась в максимально нейтральной с юридической точки зрения формулировке дать определение этих различных категорий односторонних заявлений, достаточное для того, чтобы было проще отличать их от оговорок и заявлений о толковании.

7) Односторонние заявления, делаемые государствами или международными организациями в отношении договора или в связи с договором, столь многочисленны и различны, что, вероятно, бесполезно пытаться составить их исчерпывающую классификацию, поэтому настоящий раздел на это и не претендует. Комиссия определила некоторые из них, однако посвятила отдельные руководящие положения лишь тем заявлениям, которые имеют наибольшее практическое значение ввиду их количества и опасности их отождествления с оговорками и заявлениями о толковании. В этой связи содержащаяся в нижеследующих руководящих положениях типология носит лишь иллюстративный характер.

²⁴⁸ См. руководящие положения 1.1 и 1.4. Наряду с этим «простые» заявления о толковании, по мнению Комиссии, могут формулироваться в любой момент; см. в этой связи руководящее положение 1.2 и пункты 21)–32) комментария к нему.

²⁴⁹ См. руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств, принятые Комиссией на ее пятьдесят восьмой сессии, *Ежегодник... 2006 год*, том II (часть вторая), пункты 176–177.

8) Наряду с этим Комиссия не сочла целесообразным посвящать отдельные руководящие положения другим заявлениям, которые реже встречаются на практике или для которых риск отождествления с оговорками или заявлениями о толковании является незначительным. К таким заявлениям относятся:

- «расширительные» заявления или заявления с целью взятия односторонних обязательств;
- односторонние заявления, направленные на добавление дополнительных элементов в договор;
- заявления о территориальном применении договора; или
- общеполитические заявления.

Напротив, заявления о непризнании, заявления, касающиеся условий осуществления договора на внутреннем уровне и односторонние заявления, сделанные в соответствии с факультативным положением, являются предметом отдельных руководящих положений²⁵⁰. Однако такое различие в подходе, принятом в Руководстве по практике, не имеет особого значения применительно к их природе или их юридическому статусу.

«Расширительные» заявления или заявления с целью взятия односторонних обязательств

9) Хорошо известный пример «расширительного» заявления привел г-н Брайерли в своем первом докладе о праве международных договоров. Речь идет о заявлении, сделанном Южной Африкой при подписании Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) в 1948 году: «Хотя статья, являющаяся предметом оговорки, предусматривает, что Соглашение "не применяется" в отношениях между сторонами, которые не провели между собой переговоров о тарифах и не заявили о своем согласии на его применение, оговорка направлена скорее на расширение, нежели на ограничение объема обязательств Южной Африки»²⁵¹. На этот же пример ссылался г-н Манфред Ляхс, который утверждал, что имеют место случаи, «когда оговорка не сужает, а, наоборот, расширяет объем обязательств, принимаемых на себя участником, сделавшим оговорку»²⁵².

10) Это заявление Южной Африки вызвало бурные споры²⁵³, но, по-видимому, его невозможно отожде-

ствить с оговоркой: заявления такого типа не могут привести к изменению юридического действия договора или его определенных положений. Разумеется, речь идет об обязательствах, которые принимаются в момент выражения согласия на обязательность договора, но не оказывают на него никакого воздействия и которые могут формулироваться в любой момент, не приводя к изменению их юридических последствий. Иными словами, можно считать, что в то время как оговорки представляют собой «несамостоятельные односторонние акты»²⁵⁴, заявления этого типа возлагают на их автора самостоятельные обязательства и представляют собой односторонние юридические акты, регулируемые правовыми нормами, применимыми к этому типу документов²⁵⁵, а не к оговоркам.

Односторонние заявления, направленные на добавление дополнительных элементов в договор

11) Аналогичным образом дело обстоит с односторонними заявлениями, направленными на добавление дополнительных элементов в договор. В самом деле, ничто не препятствует какой-либо стороне договора применить своим контрагентам расширить сферу применения или объект договора. По мнению Комиссии, именно с этой точки зрения можно проанализировать заявление правительства Израиля о его намерении добавить звезду Давида к эмблемам Красного Креста, признанным Женевскими конвенциями о защите жертв войны от 12 августа 1949 года²⁵⁶. Действительно, такое заявление имеет целью не исключить или изменить действие положений соответствующих договоров (которые фактически остаются неизменными), а добавить положение к этим договорам.

12) Хотя такие заявления относительно редки, они, тем не менее, встречаются. Помимо примера, связанного с заявлением Израиля о добавлении звезды

(*Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 142 англ. текста); Хорн воспринял его как простое заявление о намерении, не имеющее юридического значения (Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 89); и Эмбер считает, что «заявление Южно-Африканского Союза могло иметь следствием лишь расширение объема обязательств этого государства. Следовательно*, оно не являлось оговоркой, поскольку оговорка должна непременно* ограничивать объем обязательств, вытекающих из договора» (Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux...* (сноска 25 выше), р. 15).

²⁵⁴ Относительно этого понятия см. P. Daillier, M. Forteau и A. Pellet, *Droit international public (N. Quoc Dinh)*, 8th ed., Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, 2009, pp. 398–400.

²⁵⁵ В этом отношении см. Ruda, *Collected Courses of the Hague Academy...* (сноска 56 выше), р. 107. См. также Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств (сноска 249 выше).

²⁵⁶ Мнения теоретиков права на этот счет разделились. См. J. Pictet, *Les Conventions de Genève du 12 août 1949 – Commentaire* (ICRC), Geneva, vol. I, pp. 330–341, или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 82–83 (которые оспаривают наличие оговорки), и S. Rosenne, «The Red Cross, Red Crescent, Red Lion and Sun and the Red Shield of David», *Israel Yearbook on Human Rights*, vol. 5 (1975), pp. 9–54, или Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux...* (сноска 25 выше), pp. 361–362 (которые придерживаются противоположной точки зрения).

²⁵⁰ Соответственно руководящие положения 1.5.1, 1.5.2 и 1.5.3.

²⁵¹ *Ежегодник... 1950 год*, том II, стр. 239 англ. текста, пункт 85.

²⁵² *Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 142 англ. текста, пункт 49. См. также Villiger, *Commentary on the 1969 Vienna Convention...* (сноска 49 выше), р. 89, para. 36.

²⁵³ Г-н Брайерли, исходя из своего общего определения оговорки (*Ежегодник... 1950 год*, том II, стр. 239 англ. текста), усматривал в нем «заявку на оговорку», поскольку речь шла о «предложении», которое было сделано другим участникам и которое они должны были принять, с тем чтобы оно превратилось в действительную оговорку; Ляхс квалифицировал это заявление просто-напросто как пример расширительной оговорки

Давида к перечню эмблем Красного Креста²⁵⁷, можно представить себе случай односторонних заявлений, которые представлены в виде оговорок, но которые, не ограничиваясь (негативным) исключением юридических последствий некоторых положений договора, фактически нацелены на (позитивное) расширение обязательств других договаривающихся государств или договаривающихся организаций по сравнению с их собственными обязательствами по общему международному праву²⁵⁸. Не являясь ни оговорками, ни «простыми» или «условными» заявлениями о толковании по смыслу настоящего Руководства по практике, такие односторонние заявления находятся вне рамок этого Руководства.

Заявления о территориальном применении договора

13) Некоторые государства формулируют также заявления о территориальном применении договора, с тем чтобы исключить применение договора к какой-либо территории, международное представительство которой осуществляет автор заявления²⁵⁹, или расширить применение договора к тем территориям, к которым он ранее не применялся – на основании соответствующего заявления или имплицитно²⁶⁰. Хотя заявления о территориальном исключении

²⁵⁷ См. *Final Record of the Diplomatic Conference of Geneva of 1949*, vol. I, Federal Political Department, Berne, [1950], p. 348. Турция действовала аналогичным образом, добиваясь утверждения Красного Полумесяца среди эмблем Красного Креста в рамках Гаагских конвенций 1899 года (III) и 1907 года (X) о применении к морской войне начал Женевской конвенции [от 22 августа 1864 года и 6 июля 1906 года] (см. J.B. Scott (ed.), *The Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907*, 3rd ed. (New York, Oxford University Press, 1918), pp. 181 and 256; см. также *The International Peace Conference, The Hague, May 18–July 29, 1899*, Ministry for Foreign Affairs/Martinus Nijhoff, The Hague, 1907, pp. 23–25, 387–391, 453–454 and 461; *Actes de la Conférence de Révision réunie à Genève du 11 juin au 6 juillet 1906*, Geneva, Imprimerie Henri Jarrys, 1906, pp. 17, 63, 160–163, 175, 260, 271, 286 and 292; J.B. Scott (ed.), *The Proceedings of the Hague Peace Conferences*, vol. I, New York, Oxford University Press, 1920, pp. 63–65, 651 and 702; и *ibid.*, vol. III, New York, Oxford University Press, 1921, pp. 292, 296–299 and 560–563).

²⁵⁸ Именно таков случай «оговорок» социалистических стран к статье 9 Конвенции от открытого моря 1958 года, упомянутых в комментарии к руководящему положению 1.1.1 (пункты 9) и 10) и сноска 61), если считать, что статус, которым эти страны надеялись государственные суда в открытом море, выходил за рамки статуса, признанного применимыми нормами обычного права.

²⁵⁹ См., например, практику Новой Зеландии в отношении островов Токелау (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), историческая информация (Новая Зеландия)) и заявления о территориальном исключении, сделанные при подписании Факультативного протокола о приобретении гражданства к Венской конвенции о дипломатических сношениях (*ibid.*, chap. III.4); и в отношении Факультативного протокола о приобретении гражданства к Венской конвенции о консульских сношениях (*ibid.*, chap. III.7); см. также практику Соединенного Королевства в отношении некоторых из его территорий (например, территориальное исключение острова Мэн, имплицитно вытекающее из уведомления о применении Конвенции о правах ребенка к этой территории (и другие) (*ibid.*, chap. IV.11) или сложную практику Китая в отношении территорий Гонконга и Макао (*ibid.*, историческая информация (Китай)).

²⁶⁰ См. среди многочисленных примеров заявление о территориальном расширении, сделанное Соединенным Королевством, в отношении Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и

могут на первый взгляд показаться сопоставимыми с оговорками *ratione loci*, они представляют собой выражение «иноного намерения» по смыслу статьи 29 Венских конвенций; государство не стремится исключить применение договора, однако устанавливает его сферу применения *ratione loci*, определяя то, что следует понимать под «совокупностью ее территорий» по смыслу статьи 29²⁶¹. Заявления и уведомления о расширении территориального применения также не представляют собой оговорку или заявлений о толковании по смыслу настоящего Руководства по практике; их авторы не стремятся ограничить применение договора или толковать его термины, а намерены расширить сферу его применения на территорию, к которой договор ранее не применялся. Уведомление о территориальном расширении представляется, таким образом, как согласие быть связанным договором применительно к конкретной территории. Впрочем, ничто не препятствует государству сопроводить уведомление о территориальном расширении подлинными оговорками, которые применяются к соответствующей территории²⁶².

Общеполитические заявления

14) Также нередки случаи, когда государство в момент подписания договора или выражения своего окончательного согласия на его обязательность выражает свое мнение – положительное или отрицательное – по поводу договора и даже предлагает улучшения, которые, по его мнению, следовало бы внести в договор, и способы внесения этих улучшений, не стремясь при этом ни исключить или изменить юридическое действие отдельных положений договора или всего договора в целом по ряду отдельных аспектов для его применения в отношении между этим государством и другими договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, ни толковать этот договор. Следовательно, речь не идет ни об оговорках, ни о заявлениях о толковании, речь идет о простых общеполитических заявлениях, формулируемых в связи с договором или сферой его действия.

15) Весьма яркими примерами в этом плане могут служить заявления, сделанные рядом государств по поводу Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 октября 1980 года²⁶³. Речь идет о про-

наказания (*ibid.*, chap. IV.9) и Конвенции о правах ребенка (*ibid.*, chap. IV.11).

²⁶¹ См. также пункты 5)–10) комментария к руководящему положению 1.1.3.

²⁶² См. руководящее положение 1.1.4 и комментарий к нему.

²⁶³ Таков, например, случай заявлений Китая («1. Правительство Китайской Народной Республики приняло решение подписать Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, принятую на Конференции Организации Объединенных Наций, состоявшейся в Женеве 10 октября

стных замечаниях к договору, которые подтверждают или дополняют некоторые позиции, занятые в ходе переговоров, но никак не отражаются на применении договора²⁶⁴.

16) Сюда же относится и случай, когда то или иное государство делает заявление, в котором оно призывает другие государства или некоторые из них стать

участниками договора²⁶⁵ или обеспечить его эффективное выполнение²⁶⁶.

17) К этой же категории относится случай, когда государство использует процедуру подписания договора или выражения своего согласия на обязательность этого договора, чтобы напомнить о некоторых аспектах политики, проводимой им в сфере, охватываемой соответствующим договором, как это сделал Китай при подписании Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, принятого Генеральной Ассамблеей 10 сентября 1996 года²⁶⁷, или Святейший Престол – при присоединении к Конвенции о правах ребенка²⁶⁸.

18) Аналогичным образом, некоторые заявления, сделанные при ратификации Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 года, в частности заявления Канады и Индии, касающиеся неядерного оружия, не направлены ни на изменение прав и обязательств, вытекающих из Договора, ни на его толкование; как было указано, «их основная цель заключается в предотвращении того, чтобы Договор нанес ущерб позициям государств, выступивших с заявлением по некоторым проблемам морского права, по которым мнения и позиции государств расходятся»²⁶⁹.

1980 года. 2. Правительство Китайской Народной Республики считает, что дух Конвенции отражает разумные требования и добрые намерения многих стран и народов мира в отношении запрещения или ограничения применения конкретных видов обычного оружия, которые наносят чрезмерные повреждения или имеют неизбирательное действие. Этот дух Конвенции соответствует последовательной позиции Китая и служит делу противодействия агрессии и поддержания мира. 3. Следует отметить, однако, что Конвенция не предусматривает осуществления наблюдения или контроля в отношении какого-либо нарушения ее положений, что ослабляет ее обязательную силу. Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств не содержит никаких строгих ограничений применения конкретных видов оружия агрессором на территории его жертвы и не предусматривает должным образом право какого-либо государства, ставшего жертвой агрессии, на самооборону с применением всех необходимых средств. Протокол о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия не предусматривает никаких ограничений применения таких видов оружия против комбатантов. Кроме того, тексты Конвенции и Протоколов на китайском языке являются неточными и неудовлетворительными. Правительство Китая надеется, что эти недостатки можно будет исправить в надлежащее время.» или Франции («После подписания Конвенции о запрещении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, правительство Франции, как оно уже имело возможность заявить через своего представителя на Конференции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия в Женеве во время обсуждения предложения о процедурах проверки, которое было представлено делегацией Федеративной Республики Германии и соавтором которого стало правительство Франции, и на заключительном заседании, состоявшемся 10 октября 1980 года; 20 ноября 1980 года через представителя Нидерландов, выступавшего от имени девяти государств – членов Европейского сообщества в Первом комитете на тридцать пятую сессию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций; сожалеет, что государства, которые участвовали в переговорах по вопросу о выработке Конвенции, не имели возможности достичь соглашения о положениях в отношении проверки фактов, о которых могли бы поступить заявления и которые могли бы означать нарушение принятых обязательств. Поэтому оно сохраняет за собой право представить, в том числе совместно с другими государствами, предложения, направленные на устранение этого недостатка, на первой конференции, которая должна состояться во исполнение статьи 8 Конвенции, и воспользоваться, по мере необходимости, такими процедурами, которые позволили бы представить международному сообществу факты и информацию, которые, если это будет установлено проверкой, могли бы представлять собой нарушения положений Конвенции и прилагаемых к ней Протоколов») (*Multilateral Treaties...* (см. сноску 37 выше), chap. XXVI.2; см. также заявления Италии, Румынии и Соединенных Штатов Америки (*ibid.*)).

²⁶⁴ См. также, например, пространное заявление, сделанное Святым Престолом в 1985 году в связи с ратификацией обоих Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года (*United Nations, Treaty Series*, vol. 1419, pp. 394–396; текст содержится в приложении к ответу Святого Престола на вопросник, касающийся оговорки к договорам). Относительно вопросника см. сноску 39 выше.

²⁶⁵ См. заявление Соединенных Штатов Америки по поводу Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 года: «Правительство Соединенных Штатов Америки приветствует принятие Конвенции и надеется, что все государства самым серьезным образом рассмотрят вопрос о ее ратификации или о присоединении к ней» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVI.2) или заявление Японии по поводу Договора о нераспространении ядерного оружия: «Правительство Японии надеется, что как можно большее число государств, вне зависимости от того, обладают они ядерным потенциалом или нет, присоединятся к настоящему Договору, с тем чтобы сделать его подлинно эффективным. Особенно желательным является присоединение к Договору Французской Республики и Китайской Народной Республики – государств, обладающих ядерным оружием, но не являющихся участниками данного Договора» (*United Nations, Treaty Series*, vol. 1035, pp. 342–343).

²⁶⁶ См. заявление Китая в отношении Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 года): «III. Страны, оставившие химическое оружие на территории других стран, обязаны реально осуществить соответствующие положения Конвенции и взять на себя обязательства уничтожить это оружие» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVI.3, pp. 890–891).

²⁶⁷ «1. Китай всегда выступал за всеобъемлющее запрещение и полное уничтожение ядерного оружия в целях освобождения мира от ядерного оружия...» (*ibid.*, chap. XXVI.4).

²⁶⁸ «Присоединяясь к Конвенции о правах ребенка, Святейший Престол хотел бы вновь заявить, что он проявляет неизменную заботу о благополучии детей и их семей...» (*ibid.*, chap. IV.11); см. также упомянутое выше заявление (сноска 264 выше) Святейшего Престола по поводу Дополнительных протоколов 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года: «И наконец, Святейший Престол вновь подтверждает в этой связи свою глубокую убежденность по поводу абсолютно бесчеловечного характера войны...».

²⁶⁹ Migliorino, «Declarations and reservations...» (сноска 149 выше), p. 107; см. также pp. 115–119.

19) Объединяет эти различные кратко проанализированные выше заявления то, что договор, в связи с которым они сделаны, является лишь предложением и что они не имеют с ним никаких правовых связей: они могли бы быть сделаны в любых других обстоятельствах, не влекут никаких последствий для его осуществления и не направлены на то, чтобы породить такие последствия. Таким образом, они не являются ни оговорками, ни заявлениями о толковании. Более того, они не относятся к сфере права международных договоров. Следовательно, это право не располагает никакими средствами ни для того, чтобы оценить их действительность (которая регулируется другими нормами международного права – либо общими, либо специальными), ни для того, чтобы установить их правовой режим; поэтому они, как и другие категории односторонних заявлений, определенные в разделе 1.5, исключены из сферы применения Руководства по практике.

1.5.1 Заявления о непризнании

Одностороннее заявление, посредством которого государство указывает, что его участие в договоре не подразумевает признания образования, которое им не признается, не входит в сферу охвата настоящего Руководства по практике, даже если оно направлено на исключение применения договора между делающим заявление государством и непризнанным образованием.

Комментарий

1) Весьма часто государства, выражая свое согласие на обязательность договора, делают заявление, в котором указывают, что это согласие не означает признания одного или нескольких других договаривающихся государств или – в случае более ограниченной оговорки – определенных ситуаций, как правило, территориальных, которые связаны с одной или несколькими другими сторонами. Эти заявления нередко называют «оговорками о непризнании»; речь в данном случае идет об удобной, но вводящей в заблуждение формуле, за которой скрываются весьма различные реальности.

2) Этот термин фактически охватывает два вида заявлений, которые характеризуются одной общей особенностью, смысл которой – уточнить, что формулирующее их государство не признает какое-либо другое образование – участника договора (или желаящего присоединиться к договору), но которые имеют целью породить весьма различные юридические последствия: в ряде случаев автор заявления предпринимает простой «демарш предосторожности», напоминая, что его участие в договоре, участником которого также является образование, за которым оно не признает статуса государства, отнюдь не равноценно признанию в соответствии с установившейся практикой; в других случаях государство, делающее заявление, в явной форме исключает применение договора между ним и непризнанным образованием.

3) В этой связи можно, например, сравнить заявления Австралии, с одной стороны, и Федеративной

Республики Германии – с другой, сделанные в ответ на присоединение некоторых государств к Женевским конвенциям о защите жертв войны от 12 августа 1949 года. Австралия, вновь заявляя о своем непризнании Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам и Китайской Народной Республики, тем не менее, заявляет, что признает «акты признания ими положений Конвенций и их намерение применять их»²⁷⁰. Федеративная Республика Германии, напротив, исключает любые договорные отношения с Южным Вьетнамом:

...Федеральное правительство не признает Временное революционное правительство в качестве органа, правомочного представлять государство, и [...], соответственно, не может считать Временное революционное правительство Стороной Женевских конвенций от 12 августа 1949 года²⁷¹.

4) В первом случае нет сомнения в том, что рассматриваемые заявления не являются оговорками. Они ничего не привносят в существующие нормы права, поскольку общепризнанно, что участие в одном многостороннем договоре не означает взаимного признания, в том числе имплицитного²⁷². Наконец,

²⁷⁰ United Nations, *Treaty Series*, vol. 314, pp. 334–336. См. Международный комитет Красного Креста (МККК), Женевские конвенции от 12 августа 1949 года о защите жертв войны – Оговорки, заявления и сообщения, сделанные в момент или в связи с ратификацией, присоединением или правопреемством (DDM/JUR/91/1719-CRV/1), p. 13; см. также, например, заявление Сирийской Арабской Республики при подписании Соглашения о создании Международного фонда сельскохозяйственного развития: «При этом понимается, что ратификация настоящего Соглашения Сирийской Арабской Республикой никоим образом не означает признания Сирийской Арабской Республикой Израиля» (*Multilateral Treaties...* (см. сноску 37 выше), chap. X.8) или первое заявление Сирийской Арабской Республики, носящее несколько менее однозначный характер, в связи с Венской конвенцией о дипломатических сношениях (*ibid.*, chap. III.3): «Сирия не признает Израиль и не поддерживает с ним отношений». В заявлении, сделанном Аргентиной при присоединении к Конвенции о статусе апатридов 28 сентября 1954 года, со всей определенностью утверждается: «Применение настоящей Конвенции на территориях, суверенитет которых является объектом спора между двумя или более государствами, вне зависимости от того, являются ли они сторонами указанной Конвенции, не может толковаться как означающее, что одно из этих государств изменяет позицию, которой оно придерживалось до настоящего времени, отказывается от нее или пересматривает ее» (*ibid.*, chap. V.3); речь в данном случае идет о непризнании ситуации (см. также заявления Испании по поводу Женевских конвенций по морскому праву 1958 года применительно к Гибралтару (*ibid.*, chaps. XXI.1, XXI.2, XXI.3 и XXI.4).

²⁷¹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 954, p. 459. См. упомянутый выше документ DDM/JUR/91/1719-CRV/1 (см. сноску выше), p. 6. См. также заявление Королевства Саудовская Аравия при подписании Соглашения о создании Международного фонда сельскохозяйственного развития: «Участие правительства Саудовской Аравии в настоящем Соглашении никоим образом не означает признания им Израиля или установления им с Израилем отношений, регулируемых указанным Соглашением» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. X.8); см. также составленные в аналогичных формулировках заявления Ирака и Кувейта (*ibid.*).

²⁷² См. J. Verhoeven, *La reconnaissance internationale dans la pratique contemporaine*, Paris, Pedone, 1975, pp. 429–431. Кувейт очень четко излагает это в заявлении, сделанном им в связи с присоединением к Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 года: «При этом понимается, что присоединение Кувейта [...] никоим образом не означает, что правительство Государства Кувейт признает Израиль» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.7).

даже если бы дело обстояло по-другому²⁷³, все равно нельзя было бы говорить о наличии оговорки: эти односторонние заявления не имеют своей целью оказать воздействие на договор или его положения.

5) Квалификация одностороннего заявления, посредством которого государство в явной форме исключает применение договора в своих отношениях с не признанным им образованием, является гораздо более тонким аспектом. В противоположность «заявлениям предосторожности» заявление такого типа явно имеет целью повлечь (и влечет) юридические последствия для применения договора, которое оказывается в полной мере исключенным, но лишь в отношениях между государством-заявителем и непризнанным образованием. Однако определение оговорок не исключает того, что оговорка имеет последствия *ratione personae*²⁷⁴, и, наконец, в соответствии с положениями пункта 4 *b*) статьи 20 Венской конвенции 1969 года, возражающее государство может воспрепятствовать – посредством возражения, сопровождаемого явным выражением отказа от обязательности договора в отношениях с государством, сформулировавшим оговорку, – вступлению договора в силу между ним и государством, сделавшим оговорку.

6) Однако, согласно доминирующей теории, «сомнительно, чтобы заявление по этому вопросу представляло собой оговорку в том смысле, в каком та обычно понимается, даже в тех случаях, когда оно называется оговоркой, поскольку, как правило, оно не преследует цели изменения или модификации какого-либо существенного положения договора»²⁷⁵.

7) Имеется целый ряд соображений в пользу того, чтобы не квалифицировать заявление о непризнании в качестве оговорки, даже когда оно имеет целью исключить применение договора в отношениях между формулирующим его государством и непризнанным образованием. Эти соображения одновременно являются и практическими, и теоретическими.

8) С практической точки зрения представляется весьма сложным и даже невозможным применять режим оговорок к заявлениям о непризнании:

– возражения против таких заявлений практически невозможны или, во всяком случае, неспособны повлечь какие-либо конкретные последствия;

– было бы неразумно считать, что заявления такого типа запрещены на основании подпунктов *a*) и *b*) статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, если соответствующий договор запрещает оговорки или разрешает лишь некоторые из них; и

– приходится признать, что их квалификация в качестве оговорок была бы не совместима с Венским определением, так как нельзя ограничить момент возможного формулирования таких заявлений только моментами, предусмотренными в пункте 1 *d*) статьи 2 Венской конвенции 1969 года.

9) Кроме того, в более теоретическом плане такие заявления, в отличие от оговорок, отражаются не на юридическом действии самого договора или его положений, а на способности непризнанного образования брать на себя обязательства по договору²⁷⁶.

10) Они также не являются и заявлениями о толковании, поскольку имеют целью не *толковать* договор, а исключить его применение в отношениях между двумя его участниками.

11) Комиссия намеренно постаралась избежать конкретизации непризнаваемого образования. Независимо от того, идет ли речь о государстве, правительстве или каком-либо ином образовании (например, национально-освободительном движении), возникает одна и та же проблема. *Mutatis mutandis* это справедливо в отношении заявлений о непризнании некоторых ситуаций (в частности, территориальных). В частности, во всех этих случаях можно увидеть каждую из двух указанных выше категорий заявлений о непризнании²⁷⁷: «заявления предосторожности»²⁷⁸ и «заявления исключения»²⁷⁹.

12) Эта проблема представляется весьма маргинальной в отношении международных организаций;

²⁷⁶ См. Verhoeven, *La reconnaissance internationale dans la pratique...* (сноска 272 выше), p. 431, footnote 284.

²⁷⁷ См. пункты 2) и 3) выше.

²⁷⁸ См. заявление Камеруна в отношении Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 года: «Ни при каких обстоятельствах подписание Федеративной Республикой Камерун не может восприниматься как означающее признание Камеруном правительств или режимов, которые до этого подписания не признавались Федеративной Республикой Камерун согласно обычным традиционным процедурам, установленным международным правом». В этой же связи см. заявление Бенина в отношении этого же Договора (*Status of Multilateral Arms Regulation and Disarmament Agreements*, Fifth Edition, 1996 (United Nations publication, Sales No. E.97.IX.3, p. 40)) или заявление Республики Корея при подписании ею Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (*ibid.*, p. 176).

²⁷⁹ См. заявление Соединенных Штатов в связи с их участием в Конвенции об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств, подписанной в Женеве 13 июля 1931 года, которое «не предполагает возникновения у Соединенных Штатов Америки никаких договорных обязательств в отношении стран, представленных режимом или образованием, которые правительство Соединенных Штатов Америки не признает в качестве правительства данной страны, так что у данной страны не имеется правительства, признанного правительством Соединенных Штатов Америки» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. VI.8.a).

²⁷³ Иными словами, если бы участие в одном многостороннем договоре подразумевало взаимное признание.

²⁷⁴ Вместе с тем см. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 109.

²⁷⁵ Whiteman, *Digest of International Law* (сноска 25 выше), p. 158; следует напомнить, что по определению, содержащемуся в руководящем положении 1.1, оговорка имеет целью изменить не положения договора, а их действие. См. также, в частности, B.R. Bot, *Non-Recognition and Treaty Relations*, Leyden, Sijthoff, 1968, pp. 30–31, 132–139 and 252–254; M. Lachs, «Recognition and modern methods of international cooperation», *BYBIL*, 1959, pp. 252–259; Н. Lauterpacht, *Recognition in International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 1947, pp. 369–374, или Verhoeven, *La reconnaissance internationale dans la pratique...* (сноска 272 выше), pp. 428–448.

тем не менее с ней можно столкнуться в случае отдельных интеграционных международных организаций – таких, как Европейский союз. В подобном случае не было бы никакой причины не распространять *mutatis mutandis* решение, принятое относительно заявлений государств, на заявления, которые этим организациям придется сформулировать. При этом Комиссия полагает, что такая ситуация в настоящее время представляется слишком гипотетической, чтобы ее следовало отражать в руководящем положении 1.5.1.

13) Принимая руководящее положение 1.5.1, Комиссия главным образом руководствовалась сообщением о том, что основной в данном случае является проблема непризнания и что она не относится к сфере права оговорок. Комиссия сочла необходимым упомянуть эту особую категорию заявлений, играющих важную роль в современных международных отношениях; однако, как и в случае со всеми односторонними заявлениями, которые не являются ни оговорками, ни заявлениями о толковании, она ограничилась лишь тем, что, по ее мнению, было строго необходимо для проведения различия с этими заявлениями, и решила не затрагивать вопросы, связанные с признанием государств.

1.5.2 Заявления, касающиеся условий осуществления договора на внутреннем уровне

Одностороннее заявление, сформулированное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация указывает, каким образом оно или она намерены осуществлять договор на внутреннем уровне без ущерба для их прав и обязательств перед другими договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, не входит в сферу охвата настоящего Руководства по практике.

Комментарий

1) «Информационные заявления», посредством которых государство информирует своих партнеров, например, о своих национальных органах, которые будут отвечать за осуществление договора, независимо от того, идет ли речь о порядке выполнения им своих обязательств или о порядке осуществления прав, присущих ему по договору, не входит в сферу применения настоящего Руководства по практике.

2) Практика использования односторонних заявлений этого типа, по-видимому, особенно обширна в Соединенных Штатах Америки. В этой связи были выявлены три различных категории: «Иницируемые сенатом заявления, которыми президент может быть уполномочен издать более четкие указания в отношении осуществления внутри страны обязательств по международному договору; заявления, предусматривающие заключение особых соглашений с другими участниками договора; и заявления, ставящие меры по осуществлению в зависимости от их последующего утверждения конгрессом»²⁸⁰.

²⁸⁰ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (см. сноску 25 выше), p. 104.

3) Так, например, разрешение на ратификацию Устава Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) было дано сенатом Соединенных Штатов

с учетом такого толкования и понимания, которое становится частью и условием решения о ратификации, а именно того, что 1) любая поправка к Уставу должна быть представлена на рассмотрение и одобрение сената, как и в случае с самим Уставом, и что 2) Соединенные Штаты не будут оставаться членом Агентства, если будет принята поправка к Уставу, которую сенат в результате специального голосования откажется принять к сведению и одобрить²⁸¹.

4) Это заявление было приложено к ратификационной грамоте Соединенных Штатов Америки (государство-участник определило его как заявление о толковании и понимании) вместе со следующим разъяснением:

Правительство Соединенных Штатов Америки считает, что вышеизложенное заявление о толковании и понимании имеет отношение лишь к конституционной процедуре Соединенных Штатов Америки и носит исключительно внутренний характер²⁸².

5) Хотя подобная практика широко распространена в Соединенных Штатах Америки, она применяется не только в этой стране. Так, например, при ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву Греция заявила, что она

обеспечивает все свои права и принимает все обязанности, вытекающие из этой Конвенции,

и что

[М]омент, когда эти права будут осуществляться, и способ их осуществления, не предполагающие малейшего отказа с ее стороны от своих прав, являются вопросом ее национальной стратегии²⁸³.

6) В некоторых случаях, однако, могут возникнуть трудности с проведением различия между информационным заявлением и заявлением о толковании, как это указано Швецией в ее ответе на вопросник Комиссии относительно оговорок²⁸⁴: «Следует отметить, что некоторые из упомянутых заявлений содержат одновременно информационные и толковательные элементы. В данном случае рассматриваются лишь вторые, хотя различие между ними иногда может быть нечетким». Например, Швеция, разъясняя причины формулирования заявления, которое она сделала в связи со сдачей на хранение своего документа о ратификации Европейской типовой конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями 1980 года, уточняет: «Причина, по которой было сделано это заявление, [...] заключалась не только в том, чтобы представить информацию о шведских органах власти, которые подпадают под действие

²⁸¹ Текст см. в работе Whiteman, *Digest of International Law* (см. сноску 25 выше), p. 191; см. также «толкование и разъяснение», прилагаемое к документу о ратификации Конвенции об Организации экономического сотрудничества и развития (*ibid.*, p. 192).

²⁸² *Ibid.*, pp. 191–192.

²⁸³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6.

²⁸⁴ Ответ на вопрос 3.1. Относительно вопросника см. сноску 39 выше.

Конвенции, но и в том, чтобы указать, что ее применение будет ограничиваться указанными органами власти, т.е. она не будет действовать в отношении других образований, таких, как церковные приходы, которые, согласно шведскому праву, являются местными публично-правовыми образованиями». В этом случае, без сомнения, можно считать, что речь идет фактически об оговорке, посредством которой ее автор желает исключить из сферы применения договора некоторые категории образований, к которым он в ином случае был бы применим. По крайней мере, можно было бы сказать, что речь по сути идет о простом заявлении о толковании, в котором Швеция уточняет свое понимание этого договора.

7) Совершенно иным образом обстоит дело с чисто информационными заявлениями, которые, подобно заявлениям Соединенных Штатов, упомянутым выше²⁸⁵, не преследуют цели повлечь какие-либо международные последствия, а касаются лишь отношений между конгрессом и исполнительной властью. Проблема возникла в связи с заявлением подобного рода, сделанным Соединенными Штатами по поводу осуществления в этой стране Договора, касающегося видов использования вод реки Ниагара, заключенного в 1950 году с Канадой. Сенат разрешил ратифицировать его лишь при условии формулирования «оговорки», в которой были бы четко указаны компетентные национальные власти с американской стороны²⁸⁶; эта оговорка была доведена до сведения Канады, которая ее приняла, четко указав при этом, что она это делает «потому, что ее положения касаются лишь внутреннего применения Договора в пределах Соединенных Штатов и не затрагивают прав или обязательств Канады по Договору»²⁸⁷. В связи с возникновением внутреннего судебного спора Апелляционный суд округа Колумбия в своем решении от 20 июня 1957 года постановил, что эта «оговорка» не внесла никаких изменений в Договор и что, поскольку речь идет о чисто внутренних проблемах, она не является настоящей оговоркой с точки зрения международного права²⁸⁸. Этот аргумент представляется тем более обоснованным²⁸⁹, что она и

²⁸⁵ Пункты 2)–4).

²⁸⁶ Это знаменитое заявление известно как «ниагарская оговорка»; см. L. Henkin, «The treaty makers and the law makers: the Niagara reservation», *Columbia Law Review*, vol. 56 (1956), pp. 1151–1182. Относительно Договора, касающегося видов использования вод реки Ниагара, подписанного в Вашингтоне, округ Колумбия, 27 февраля 1950 года, см. United Nations, *Treaty Series*, vol. 132, No. 1762, p. 223.

²⁸⁷ Цитата заимствована из работы Whiteman, *Digest of International Law* (сноска 25 выше), p. 168.

²⁸⁸ *Power of Authority of the State of New York v. Federal Power Commission*, 247 F.2d 538–544 (D.C. Cir. 1957); более полные материалы по этому делу см. Whiteman, *Digest of International Law* (сноска 25 выше), pp. 165–169; W.W. Bishop, Jr., «Reservations to treaties», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1961-II, vol. 103, pp. 317–322; или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 107–108.

²⁸⁹ Тот факт, что «ниагарская оговорка» была сформулирована в связи с двусторонним договором, не ослабляет этот аргумент; напротив, несмотря на то, что «оговорка» к двустороннему договору рассматривается как предложение о пересмотре его условий (см. руководящее положение 1.6.1), и на то, что Канада приняла ее, весьма показательно, что Апелляционный суд, тем не менее, постановил, что она не имеет никакого значения в международном плане. Кроме того, трудно себе представить, как Канада

не преследовала цели породить какие-либо последствия в международном плане.

8) По тем же причинам нельзя квалифицировать подобное одностороннее заявление и как «заявление о толковании»: оно никоим образом не толкует ни одно из положений договора, а направлено лишь на уточнение внутренних механизмов его осуществления. Прочая практика Соединенных Штатов свидетельствует о том, что подобные заявления не всегда прилагаются к документу, посредством которого эта страна выражает свое согласие на обязательность договора²⁹⁰, из чего ясно следует, что они имеют исключительно внутреннее применение.

9) Поэтому представляется, что заявления, в которых содержатся лишь указания в отношении внутреннего механизма осуществления договора государством-автором на внутреннем уровне, не являются заявлениями о толковании, даже если они имеют несомненную связь с договором.

10) Изложенные выше замечания также применимы к некоторым односторонним заявлениям, сформулированным международной организацией в связи с договором. Так, например, Европейское сообщество при сдаче на хранение грамоты об одобрении Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года сделало следующее заявление: «В том, что касается компетенции Сообщества, описанной в заявлении на основании пункта 3 c) статьи 27 Конвенции, Сообщество связано этой Конвенцией и обеспечит ее надлежащее осуществление. Из этого следует, что государства – члены Сообщества, которые являются сторонами этой Конвенции, применяют в их отношениях между собой положения Конвенции в соответствии с внутренними правилами Сообщества и без ущерба для соответствующих поправок, вносимых в эти правила»²⁹¹.

11) Комиссия считает, что выражение «на внутреннем уровне» не является излишним в отношении односторонних заявлений этого типа, сформулированных

могла бы «возразить» против заявления, которое ее не затрагивает.

²⁹⁰ См. Miller, *Reservations to Treaties...* (сноска 26 выше), pp. 170–171, или Whiteman, *Digest of International Law* (сноска 25 выше), pp. 186 *et seq.*

²⁹¹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 2440, p. 426; текст заявления также размещен на веб-сайте Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО): <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001516/151669e.pdf> или в *Official Journal of the European Communities*, No. L 201 от 25 июля 2006 года, annex 2, p. 30. В этом же плане см. заявление Европейского сообщества при подписании Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 25 февраля 1991 года: «Разумеется, что государства – члены Сообщества в их взаимоотношениях применяют Конвенцию в соответствии с внутренними правилами Сообщества, включая нормы Договора об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (ЕВРАТОМ) и без ущерба для соответствующих поправок к этим правилам» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVII.4). См. также аналогичные заявления Европейского сообщества в связи с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года (*ibid.*, chap. XXI.6) и в отношении Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (*ibid.*, chap. XXVII.7).

международными организациями, поскольку уже никто не сомневается в существовании «внутреннего» права каждой международной организации²⁹².

12) Выражение «без ущерба», включенное в руководящее положение 1.5.2 с целью обратить внимание на тот факт, что государства и международные организации, выступающие с односторонними заявлениями, не преследуют цели повлиять на права и обязательства заявителя перед другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, но что при этом нельзя все же исключать и того, что эти заявления могут повлечь такие последствия, в частности через эстоппель или, в более общем плане, в силу применения принципа добросовестности. Кроме того, если, как иногда утверждается, односторонние заявления, сделанные по поводу механизма выполнения их авторами своих обязательств по договору на внутреннем уровне, могут являться настоящими оговорками (в частности, в области прав человека), эти заявления, очевидно, должны рассматриваться в таком качестве; однако это справедливо для всех односторонних заявлений, перечисленных в настоящем разделе.

1.5.3 Односторонние заявления, сделанные в соответствии с положением, предусматривающим возможность выбора

1. Одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в соответствии с положением договора, разрешающим сторонам принять обязательство, не налагаемое другими положениями договора, или разрешающим им выбирать между двумя или несколькими положениями договора, не входит в сферу охвата настоящего Руководства по практике.

2. Ограничение или условие, содержащееся в заявлении, посредством которого государство или международная организация в соответствии с каким-либо положением договора принимает на себя обязательство, в противном случае договором не налагаемое, не является оговоркой.

Комментарий

1) Пункт 1 руководящего положения 1.5.3 охватывает две ситуации заявлений, сделанных на основании четкого положения договора, которое оставляет договаривающимся государствам и договаривающимся

²⁹² См., например, P. Reuter, «Principes de droit international public», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1961-II, vol. 103, в особенности pp. 526–530; C.W. Jenks, *The Proper Law of International Organizations*, London, Stevens, 1962, 282 p.; P. Cahier, «Le droit interne des organisations internationales», *RGDIP*, 1963, pp. 563–602; или G. Balladore-Pallieri, «Le droit interne des organisations internationales», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1969-II, vol. 127, pp. 1–138; или C.F. Amerasinghe, *Principles of the Institutional Law of International Organizations*, 2nd ed., Cambridge University Press, 2005, pp. 15–45. См. также тексты проектов статей об ответственности международных организаций, принятые Комиссией во втором чтении на ее сессии 2011 года, в частности подпункт b) статьи 2 и пункты 16)–19) комментария к нему в пункте 88 настоящего доклада (*Ежегодник... 2011 год*, том II (часть вторая), стр. 50 и далее).

организациям определенный выбор: с одной стороны, речь идет о факультативных клаузулах, которые автор заявления может выбирать или не выбирать, а с другой – о клаузулах, позволяющих договаривающемуся государству или договаривающейся организации взять на себя некоторые²⁹³ из нескольких обязательств, предусмотренных договором.

2) Односторонние заявления, которых касается первая ситуация, охватываемая руководящим положением 1.5.3, могут показаться близкими к заявлениям, упомянутым в руководящем положении 1.1.6 (являющимся оговорками), а именно к заявлениям, которые делаются на основании клаузулы, прямо разрешающей исключение или изменение некоторых положений договора. В обоих случаях речь идет о заявлениях, ясно предусмотренных в договоре, которые договаривающиеся государства и договаривающиеся организации имеют право делать для изменения обязательств, налагаемых на них договором. Однако они весьма различны по своей природе: в то время как заявления, сделанные на основании клаузулы изъятия (или системы автоматического выбора или принятия обязанностей), направлены на исключение или изменение юридического действия некоторых положений договора в их применении к их авторам и должны считаться подлинными оговорками, заявления, которые делаются на основании факультативных клаузул, влекут за собой расширение обязательств автора таких заявлений за пределы того, что обычно ожидается от сторон в соответствии с договором, и не обуславливают вступление договора в силу в отношении этих сторон.

3) Факультативные клаузулы или системы неавтоматического выбора (или непринятия обязанностей), которые можно определить, как положения, предусматривающие, что стороны договора могут признавать обязательства, которые, в отсутствие ясно выраженного признания, не применялись бы к ним автоматически, имеют целью не сократить, а расширить обязательства, вытекающие из договора, для автора одностороннего заявления²⁹⁴.

4) Наиболее известной из таких клаузул является пункт 2 Статьи 36 Статута Международного Суда²⁹⁵, однако существуют и другие, либо построенные по тому же принципу и предусматривающие признание компетенции определенного способа

²⁹³ Или по крайней мере одно из договорных обязательств.

²⁹⁴ Согласно М. Виралли, это – клаузулы, «которые участники договора соблюдают лишь при наличии специальной договоренности, в отличие от соблюдения договора в целом» («Des moyens utilisés dans la pratique pour limiter l'effet obligatoire des traités», в *Les clauses échappatoires en matière d'instruments internationaux relatifs aux droits de l'homme*, Лувенский католический университет, четвертый симпозиум Департамента по правам человека, Brussels, Bruylant, 1982, p. 13).

²⁹⁵ «Государства – участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают без особого о том соглашения ipso facto в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам, касающимся: а) толкования договора; б) любого вопроса международного права; в) наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства; д) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства».

урегулирования споров или же контроля со стороны органа, созданного в соответствии с договором, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 41 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года²⁹⁶, либо устанавливающие сугубо нормативный характер, к числу многочисленных примеров которых относится статья 25 Конвенции о признании и приведении в исполнение решений, касающихся алиментных обязательств от 2 октября 1973 года²⁹⁷.

5) Несмотря на некоторые противоречия в теории²⁹⁸, заявления, сделанные на основе этих клаузул, на самом деле чисто с технической точки зрения имеют мало общего с оговорками, не говоря уже о том (немаловажном факте), что и те, и другие направлены на изменение действия договора, и совершенно ясно, что «клаузулы автоматического выбора, по-видимому, намного ближе к оговоркам, чем клаузулы неавтоматического выбора»²⁹⁹. Действительно, не только

a) заявления, сделанные на основе этих последних, могут, как правило, делаться в любой момент, но и

²⁹⁶ «В соответствии с настоящей статьей участвующее в настоящем Пакте государство может в любое время заявить, что оно признает компетенцию Комитета [по правам человека] получать и рассматривать сообщения о том, что другое государство-участник не выполняет своих обязательств по настоящему Пакту...»; см. также бывшие статьи 25 (Признание компетенции Комиссии принимать отдельные жалобы) и 46 (Получение межгосударственных заявлений) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (эти статьи были изменены в смысле автоматически обязательной компетенции, предусмотренной Протоколом № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года о реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией, от 11 мая 1994 года, и соответствуют нынешней статье 34) или пункт 1 статьи 45 Американской конвенции о правах человека: «Пакт Сан-Хосе, Коста-Рика»: «Любое государство-участник может при сдаче на хранение своих ратификационных документов или присоединении к настоящей Конвенции или в более позднее время заявить, что оно признает компетенцию Комиссии получать и рассматривать сообщения, в которых государство-участник утверждает, что другое государство-участник совершило нарушение прав человека, закрепленных в настоящей Конвенции».

²⁹⁷ «Любое государство-контрагент может в любой момент заявить, что положения Конвенции распространяются в его отношениях с государствами, которые сделают подобное заявление, на любой аутентичный акт, составленный в каком-либо органе или в присутствии должностного лица, допустимый и исполнимый в государстве происхождения, в той мере, в какой эти положения могут быть применимы в отношении этих актов»; см. также пункты 2 статей 16 и 17 Конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам от 18 марта 1970 года, или статью 15 Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 года, или пункты 2 и 4 статьи 4 Конвенции МОТ № 118 о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения (см. также приводимые примеры в «Written statement of the International Labour Organization», меморандум, представленный МОТ (I.C.J., *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide: Pleadings, oral arguments, documents*, pp. 216 *et seq.*, в частности, p. 232 (консультативное заключение, I.C.J. Reports 1959, p. 15), или также в пункте 2 g) статьи 4 Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 года).

²⁹⁸ См. Gormley, «The modification of multilateral conventions...» (сноска 115 выше), Part I, pp. 68 and 75, and Part II, pp. 413 *et seq.*

²⁹⁹ Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (см. сноску 101 выше), pp. 479–514, в частности p. 505.

b) факультативные клаузулы «основаны на презумпции о том, что стороны не связаны ничем, кроме того, что они прямо выбрали»³⁰⁰, тогда как положения изъятия в качестве механизма оговорок строятся на обратной презумпции; и

c) заявления, сделанные на основе факультативных клаузул, направлены не на «исключение или изменение юридического действия отдельных положений договора в их применении» к их автору³⁰¹ или ограничение обязательств, которые возлагаются на него договором³⁰², а, напротив, на их усиление, в то время как само по себе вступление в силу договора в отношении него не имеет таких последствий.

b) В данном случае речь идет в определенной мере о сложной проблеме «расширительных оговорок»³⁰³. Единственное различие между этими расширительными заявлениями и теми, о которых идет речь здесь, заключается в том, что первые делаются только по инициативе их автора, а вторые – в силу договора.

7) Если договор предусматривает это или – когда в нем ничего не говорится об этом – если это не противоречит объекту и цели рассматриваемого положения³⁰⁴, то ничего не мешает тому, чтобы это заявление сопровождалось в свою очередь ограничениями, направленными на уменьшение юридического действия принятого таким образом обязательства. Так обстоит дело с «оговорками», которые часто формулируются государствами, когда они соглашаются с юрисдикцией Международного Суда на основании пункта 2 Статьи 36 его Статута³⁰⁵.

³⁰⁰ *Ibid.*

³⁰¹ См. руководящее положение 1.1.

³⁰² См. руководящее положение 1.1.1.

³⁰³ См. пункты 9)–10) комментария к руководящему положению 1.5.

³⁰⁴ В деле *Loizidou v. Turkey* Европейский суд по правам человека счел, что «с учетом предмета и цели Европейской конвенции [о правах человека]» последствия ограничения его компетенции «в целях осуществления Конвенции и достижения ее целей имело бы столь большую сферу охвата, что следовало бы прямо предусмотреть соответствующее полномочие. Однако ни статья 25, ни статья 46 (об этих положениях см. сноску 296 выше) не содержат аналогичного положения» (*Loizidou v. Turkey* (предварительное возражение, заявление № 15318/89), постановление от 23 марта 1995 года, Series A no. 310, para. 75; также опубликовано в *Revue universelle des droits de l'homme*, vol. 7, Nos. 4–6 (1995), p. 139, para. 75).

³⁰⁵ Хотя Статут ничего не говорит о возможности увязки факультативных заявлений пункта 2 Статьи 36 с оговорками, помимо условия взаимности, эта возможность, хорошо отработанная на практике и подтвержденная Комитетом IV/1 Комиссии IV Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации (см. *Documents of the United Nations Conference on International Organization (San Francisco, 1945)*, vol. XIII-IV/7, p. 39), не вызывает никаких сомнений. См. S. Rosenne, *The Law and Practice of the International Court, 1920–2005*, 4th ed., vol. II, *Jurisdiction*, Leiden, Martinus Nijhoff, 2006, pp. 737–744; см. также особое мнение судьи Беджауи, приложенное к постановлению Международного Суда от 4 декабря 1998 года по делу *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)* (сноска 199 выше), at p. 533, para. 42, и *Aerial Incident of 10 August 1999 (Pakistan v. India)*, *Jurisdiction of the Court, Judgment of 21 June 2000*, I.C.J. Reports 2000, p. 12, at pp. 29–30, paras. 37–38.

8) Не вдаваясь в изучение вопроса о целесообразности проведения различия между «оговорками» и «условиями»³⁰⁶, достаточно констатировать, что:

Эти оговорки не имеют ничего общего с оговорками к многосторонним договорам. (...) Поскольку вся процедура принятия обязательной юрисдикции является по определению односторонней и индивидуальной и лишена какого бы то ни было многостороннего элемента или элемента переговоров, функция оговорок в заявлении не может сводиться к исключению или изменению юридического действия некоего существующего положения в отношении государства, которое делает это заявление. Их функция вместе с функцией самого заявления сводится к определению условий, на которых это государство односторонне признает обязательную юрисдикцию, — в указании споров, которые охватываются согласием, как это указывается в деле *Right of Passage (Merits)*³⁰⁷.

9) Эти утверждения соответствуют практике Международного Суда, и в частности его постановлению от 4 декабря 1998 года по делу *Fisheries Jurisdiction* между Испанией и Канадой:

Условия или оговорки по своей формулировке, следовательно, не направлены на отказ от уже заявленного признания более широкого характера. Они скорее служат для того, чтобы определить, в каких пределах государство соглашается с обязательной юрисдикцией Суда. Все элементы заявления, сделанного по пункту 2 Статьи 36 Статута, в совокупности означающие согласие с юрисдикцией Суда со стороны государства, которое сделало это заявление, должны толковаться как единое целое...³⁰⁸

10) То же самое касается оговорок, которыми государства сопровождают заявления, сделанные на основании других факультативных клаузул, например, вытекающих из признания юрисдикции Международного Суда на основании статьи 17 Общего акта об арбитраже, по поводу которых Суд подчеркнул «тесную и необходимую связь, всегда существующую между юрисдикционной клаузулой и оговорками, объектом которых она является»³⁰⁹.

11) Поэтому представляется невозможным просто так приравнивать оговорки, фигурирующие в односторонних заявлениях, на основании которых государство или международная организация соглашается с положением договора на основе факультативной клаузулы, к оговоркам к многостороннему договору. Вероятно, их конечная цель заключается в ограничении юридического действия положения, которое автор заявления признает таким образом как применимое в отношении него. Однако указанная оговорка неотделима от заявления и сама по себе не является односторонним заявлением.

12) Посредством формулировки «или разрешающим им выбирать между двумя или несколькими положениями договора» руководящее положение 1.5.3 охватывает также особую ситуацию,

в которой договор вынуждает государства выбирать между некоторыми из его положений, при том понимании, как показывают приводимые ниже примеры, что выражение «двумя или несколькими положениями договора» должно пониматься как охватывающее не только статьи или подпункты, но также и главы, разделы или части договора, или даже приложения, являющиеся его составной частью.

13) Эта ситуация рассматривается в пункте 2 статьи 17 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Несмотря на то, что пункт 1 этого положения касается частичного исключения из положений договора на основе клаузулы изъятия, пункт 2 того же положения предусматривает случай, теоретически самостоятельный, когда договор содержит клаузулу, позволяющую делать выбор между его различными положениями:

Согласие государства [или международной организации] на обязательность для него договора, который допускает выбор между различными положениями, имеет силу лишь в том случае, если ясно указано, к какому из этих положений согласие относится.

14) Комментарий к этому положению, воспроизводимый без изменения Конференцией Организации Объединенных Наций по праву договоров³¹⁰, краток, однако достаточно четко отражает предполагаемый случай:

Пункт 2 предусматривает практику, которая не является достаточно распространенной, но иногда встречается, например, в Общем акте о мирном разрешении международных споров и некоторых конвенциях, заключенных под эгидой Международной организации труда. Договор предлагает каждому государству выбор между различными положениями договора³¹¹.

15) Как уже отмечалось³¹², нельзя с уверенностью (или в любом случае с полной уверенностью) утверждать, что такая практика сегодня не является «слишком распространенной». На самом деле она весьма распространена, по крайней мере в том, достаточно расплывчатом смысле, который придала ей Комиссия в 1966 году. Однако этот смысл в свою очередь охватывает два самостоятельных случая, которые не являются полностью тождественными.

16) Первый можно проиллюстрировать, например, заявлениями, сделанными на основе Общего акта об арбитраже 1928 года, пункт 1 статьи 38 которого гласит:

Присоединения к настоящему Общему акту могут распространяться:

А. Либо на весь Акт (главы I, II, III и IV);

³⁰⁶ Розенн проводит различие между этими двумя понятиями (*ibid.*, pp. 737 and 740).

³⁰⁷ *Ibid.*, pp. 737–738. См. *Case concerning Right of Passage over Indian Territory, Merits, Judgment of 12 April 1960: I.C.J. Reports 1960*, p. 6, at p. 34.

³⁰⁸ *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)* (см. сноску 199 выше), пункт 44. См. также пункт 47: «Кроме того, заявления и оговорки должны рассматриваться в совокупности».

³⁰⁹ Постановление от 19 декабря 1978 года по делу *Aegean Sea Continental Shelf* (см. сноску 210 выше), at p. 33, para. 79.

³¹⁰ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), доклад Комитета полного состава о его работе в ходе первого заседания Конференции, стр. 129–130 англ. текста, пункты 156–157.

³¹¹ См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 220 англ. текста, пункт 3) комментария к статье 14 (которая стала статьей 17 в 1969 году).

³¹² Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (см. сноску 101 выше), p. 504.

В. Либо только на общие постановления относительно согласительной процедуры и судебного урегулирования (главы I и II), а также на общие постановления, касающиеся этой процедуры (глава IV)³¹³.

То же самое относится к многочисленным конвенциям МОТ. Этот метод, часто использовавшийся впоследствии³¹⁴, впервые был применен в Конвенции МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения 1952 года, статья 2 которой гласит:

Каждое государство-член, в отношении которого настоящая Конвенция находится в силе:

- a) должно соблюдать:
  - i) Раздел I;
  - ii) не менее трех из Разделов II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX и X, включая как минимум один из Разделов IV, V, VI, IX и X;
  - iii) соответствующие положения Разделов XI, XII и XIII; и
  - iv) Раздел XIV.

Можно также процитировать в том же духе Европейскую социальную хартию от 18 октября 1961 года, пункт 1 статьи 20 которой предусматривает систему частичного факультативного принятия³¹⁵:

Каждая Договаривающаяся сторона обязуется:

- a) рассматривать Часть I настоящей Хартии как декларацию целей, к достижению которых она будет стремиться всеми надлежащими средствами, как об этом говорится во вступительном положении той Части;
- b) считать имеющими для себя обязательную силу по крайней мере пять следующих статей Части II настоящей Хартии: статьи 1, 5, 6, 12, 13, 16 и 19;
- c) считать имеющими для себя обязательную силу такое число статей или нумерованных пунктов Части II настоящей Хартии, какое она может отобразить, при условии, что общее число статей и нумерованных пунктов, имеющих для нее обязательную силу, составляет не менее 10 статей или 45 нумерованных пунктов³¹⁶.

³¹³ В пересмотренный Общий акт о мирном разрешении международных споров в редакции 1949 года была добавлена третья возможность: «С. Либо только на постановление, касающееся согласительной процедуры (глава I), а также на общие постановления, касающиеся этой процедуры (глава IV)».

³¹⁴ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux...* (сноска 25 выше), p. 172.

³¹⁵ Н. Wiebringhaus, «La Charte sociale européenne: vingt ans après la conclusion du Traité», AFDI, vol. 28 (1982), p. 936.

³¹⁶ Эта сложная система была воспроизведена в пункте 1 статьи А Европейской социальной хартии от 3 мая 1996 года. См. также статьи 2 и 3 Европейского кодекса социального обеспечения 1964 года и статью 2 Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 года: «1. Каждый Участник обязуется применять положения Части II ко всем региональным языкам или языкам меньшинств, на которых говорят на его территории и которые соответствуют определению, содержащемуся в статье 1. 2. В соответствии со статьей 3 в отношении каждого языка, указанного при ратификации, принятии или одобрении, каждый Участник обязуется применять минимум тридцать пять пунктов или подпунктов, отобранных из положений Части III Хартии, включая по крайней мере по три, отобранных из статей 8 и 12, и по одному, отобранному из статей 9, 10, 11 и 13».

17) Это также касается и заявлений, которые делаются на основе второй категории конвенционных клаузул, еще более четко дающих возможность выбора между положениями договора в силу того, что они обязывают стороны учитывать данное положение (или конкретный свод положений) или же, как вариант, какое-то другое положение (или конкретный свод других положений). Речь, таким образом, идет о выборе не среди всех положений договора, а лишь двух из них, хотя в отличие от того, что имело место в предыдущем случае, сочетание исключается³¹⁷ и принятие договора не является частичным (даже если вытекающие из него обязательства могут носить более или менее обязательный характер в зависимости от выбранного варианта).

18) Эти «альтернативные клаузулы» являются достаточно редкими по сравнению с теми клаузулами, которые были проанализированы выше. Тем не менее они существуют, как показывает, например, статья 2 (пересмотренной) Конвенции МОТ № 96 о платных бюро по найму 1949 года³¹⁸:

1. Каждый Член Организации, ратифицирующий настоящую Конвенцию, указывает в документе о ратификации, принимает ли он положения раздела II, предусматривающие постепенную ликвидацию платных бюро по найму, имеющих коммерческие цели, и регламентацию других бюро по найму, или положения раздела III, предусматривающие регламентацию платных бюро по найму, в том числе тех, которые имеют коммерческие цели.

2. Любой член Организации, принявший положения раздела III Конвенции, может впоследствии известить Генерального директора о том, что он принимает положения раздела II; начиная с даты регистрации такого извещения Генеральным директором положения раздела III Конвенции утратят свою силу в отношении данного Члена Организации, для которого начнут применяться положения раздела II³¹⁹.

19) Как уже было отмечено, «следует отличать факультативные обязательства от разрешенных оговорок, хотя они во многих отношениях напоминают такие оговорки»³²⁰. Впрочем, отсутствие упоминания об этом в пункте 2 статьи 17 Венских конвенций, который отличается от пункта 1 отсутствием ссылки

³¹⁷ Статья 287 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года представляет собой нечто среднее между этими двумя методами: государства должны выбирать одну или несколько обязательных процедур урегулирования споров в связи с обязательными решениями, в противном случае применяется процедура арбитража, предусмотренная в приложении VII. Однако может иметь место и сочетание различных предусмотренных процедур.

³¹⁸ Эмбер подчеркивает, что речь идет о «наилучшем примере» этого вида клаузулы, позволяющей «государствам делать выбор в этом ограниченном смысле» (сноска 25 выше), p. 172; см. также Ноп, *Reservations and Interpretative Declarations ... (ibid.)*, p. 134.

³¹⁹ См. также раздел 1 статьи XIV Статей соглашения Международного валютного фонда (в редакции 1978 года), согласно которому: «Каждая страна-член уведомляет Фонд о своем намерении воспользоваться переходными положениями раздела 2 настоящей Статьи [Валютные ограничения] или своей готовности принять обязательства по разделам 2, 3 и 4 Статьи VIII [Общие обязательства государств-членов]. Государство-член, пользующееся переходными положениями, уведомляет Фонд после наступления такой готовности принять эти обязательства».

³²⁰ Ноп, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 133.

на статьи 19–23, касающиеся оговорок³²¹, является, в отличие от односторонних заявлений, которые делаются на основе клаузулы изъятия, признаком чистого различия между этими оговорками и альтернативными обязательствами.

20) В рамках этих двух форм, которые они могут принимать, речь идет, конечно, об альтернативах оговоркам в том смысле, в каком они представляют собой методы, позволяющие изменять применение договора в зависимости от предпочтений сторон (даже если эти предпочтения прочно закреплены в договоре). Кроме того, как и оговорки, они принимают форму односторонних заявлений, которые делаются при подписании или выражении согласия на обязательность договора (даже если они могут быть впоследствии изменены – однако при некоторых условиях могут быть изменены и оговорки)³²². И то обстоятельство, что они обязательно предусматриваются в договоре, к которому они относятся, совсем не является фактором отличия от оговорок, которые в равной степени могут исчерпывающе предусматриваться клаузулой об оговорках.

21) Однако существует резкое различие между этими заявлениями и оговорками, поскольку в противоположность оговоркам заявления, сделанные на основании клаузул о выборе, в силу договора являются условием *sine qua non* участия автора заявления в договоре, в отличие от заявлений, сделанных на основании факультативных клаузул, которых касается первая ситуация, упомянутая в данном руководящем положении. Более того, они фактически исключают применение некоторых положений договора в отношении государства или международной организации, которые делают заявление, однако это исключение проистекает из самого договора и неотделимо от вступления в силу других положений договора в отношении автора того же заявления.

1.6 Односторонние заявления в связи с двусторонними договорами

Комментарий

1) Цель приведенных ниже руководящих положений заключается в том, чтобы дать максимально точное определение оговорок к многосторонним договорам и других односторонних заявлений, формулируемых в связи с тем или иным договором, с которыми их можно сопоставить и даже спутать, в частности заявлений о толковании. Комиссия поставила вопрос о том, можно ли экстраполировать эти определения на односторонние заявления, формулируемые в связи с двусторонними договорами либо при их подписании, либо при выражении согласия Сторон на их обязательность. В этом и состоит предмет раздела 1.6 Руководства по практике.

³²¹ См. пункты 12)–14) комментария к руководящему положению 1.1.6.

³²² См. руководящие положения 2.3.4 (Расширение сферы действия оговорки), 2.5.10 (Частичное снятие оговорки) и 2.5.11 (Последствия частичного снятия оговорки) и комментарии к ним.

2) Строго говоря, было бы логично включить определения, фигурирующие в приведенных ниже руководящих положениях, соответственно в раздел 1.5 применительно к руководящему положению 1.6.1 (поскольку Комиссия считает, что так называемые «оговорки» к двусторонним договорам не соответствуют определению оговорок) и в раздел 1.2 применительно к руководящим положениям 1.6.2 и 1.6.3 (поскольку они касаются подлинных заявлений о толковании). Вместе с тем, учитывая особый характер Руководства, Комиссия сочла, что оно успешнее выполнит свою практическую функцию, если проекты руководящих положений, непосредственно посвященные односторонним заявлениям в связи с двусторонними договорами, будут сведены в один отдельный раздел.

3) Комиссия также считает, что проекты руководящих положений об односторонних заявлениях, которые не являются оговорками и заявлениями о толковании и которые сведены в раздел 1.5, применимы в случае необходимости и к заявлениям, касающимся двусторонних договоров³²³.

1.6.1 «Оговорки» к двусторонним договорам

Одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, формулируемое государством или международной организацией после парафирования или подписания двустороннего договора, но до его вступления в силу, посредством которого это государство или эта организация желает добиться от другой стороны изменения положений договора, не является оговоркой по смыслу настоящего Руководства по практике.

Комментарий

1) В Венских конвенциях 1969 и 1986 годов ничего не говорится по вопросу об оговорках к двусторонним договорам: ни пункт 1 *d*) статьи 2, где определяются оговорки, ни статьи 19–23³²⁴, где устанавливается их правовой режим, их не предусматривают, но и не исключают в явной форме возможность их формулирования. Что касается Венской конвенции 1978 года, то в ней прямо предусмотрен только случай оговорок к многосторонним договорам.

³²³ Считается, что экстраполяция пока невозможна. В частности, руководящее положение 1.5.1, касающееся заявлений о непризнании, неприменимо к двусторонним договорам.

³²⁴ В лучшем случае можно отметить, что в пункте 1 статьи 20 и в пункте 2 статьи 21 во множественном числе говорится о «других договаривающихся государствах [и договаривающихся организациях]» или «других участниках» и что в пункте 2 статьи 20 речь отдельно идет о договорах, в переговорах по которым участвовало ограниченное число государств или организаций, что, безусловно, имеет место в том случае, когда договор касается только двух сторон. Однако это – не решающий довод в пользу того, что Конвенции закрепляют существование оговорок к двусторонним договорам: выражение «ограниченное число участвовавших в переговорах государств» может означать «два или несколько государств», но может быть истолковано как означающее многосторонние договоры, в которых участвует небольшое число государств.

2) С самого начала работы над оговорками мнения членов Комиссии по поводу оговорок только к многосторонним договорам разделились³²⁵, а в 1956 году сэр Джеральд Фитцморис в своем первом докладе подчеркнул особенности режима оговорок к договорам с ограниченным участием³²⁶, прямо включив в эту категорию двусторонние договоры³²⁷. Кроме того, в своем первом докладе в 1962 году сэр Хэмфри Уолдок не исключал случай оговорок к двусторонним договорам, но рассматривал его отдельно³²⁸.

3) Однако это упоминание двусторонних договоров исчезло из текста проекта после рассмотрения предложений сэра Хэмфри Уолдока. В вступительном пункте общего комментария к проектам статей 16 и 17 (будущие статьи 19 и 20 Венской конвенции 1969 года), включенного в доклад Комиссии 1962 года и воспроизведенного в ее заключительном докладе в 1966 году, это поясняется следующим образом:

Оговорка к двустороннему договору не создает проблем, поскольку она равнозначна новому предложению о возобновлении переговоров между государствами по поводу положений договора. Если они договорятся либо принять, либо отклонить оговорку, то договор будет заключен; если не договорятся, то не будет и договора³²⁹.

³²⁵ Начиная с 1950 года Комиссия считала, что «конкретное осуществление» принципа, согласно которому оговорка может вступить в силу только в случае ее принятия сторонами, «в самых разнообразных ситуациях, которые могут возникнуть при заключении многосторонних* договоров, требует более глубокого изучения» (доклад Комиссии международного права о работе ее второй сессии, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятая сессия, Дополнение № 12 (A/1316)*, в *Ежегодник... 1950 год*, том II, стр. 381 англ. текста, пункт 164). Исследование, запрошенное у Комиссии Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 478 (V) от 16 ноября 1950 года, должно было касаться (и касалось) исключительно «вопроса об оговорках к многосторонним конвенциям».

³²⁶ В итоге Комиссия поставила вопрос о том, не характерны ли особые свойства «оговорок» к двусторонним договорам скорее для односторонних заявлений в связи с «многосторонними» договорами (или «двусторонними договорами с множественными сторонами»), как, например, мирные договоры, заключенные по окончании первой и второй мировых войн. Внешне эти договоры схожи с многосторонними, однако их фактически можно рассматривать как двусторонние. Сомнительно, чтобы это различие, вызывающее интерес с теоретической точки зрения, повлияло на сферу применения проекта руководящего положения 1.6.1: ведь либо будет считаться, что договор фактически связывает две стороны (несмотря на число договаривающихся сторон) и эта ситуация охватывается проектом руководящего положения 1.6.1, либо заявление является демаршем одного из составных элементов «многосторонней стороны», и тогда речь идет о классической оговорке по смыслу руководящего положения 1.1.

³²⁷ См. проект статьи 38 (Оговорки к двусторонним договорам и другим договорам с ограниченным участием), который он предлагал: «В случае двусторонних договоров или многосторонних договоров, заключенных между ограниченными числом государств в целях, в которых заинтересованы непосредственно эти государства, оговорки пропускаются лишь в том случае, если договор официально их разрешает или если все другие государства – участники переговоров прямо на это соглашаются» (*Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 115 англ. текста).

³²⁸ См. проект статьи 18, пункт 4 а): «В случае двустороннего договора согласие на оговорку, данное другим договаривающимся государством, автоматически придает этой оговорке характер положения договора между двумя государствами» (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 61 англ. текста).

³²⁹ Там же, документ A/5209, стр. 176–177 англ. текста, и *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 203 англ. текста. В своем первом докладе сэр Хэмфри Уолдок ограничился

После предложения Соединенных Штатов Америки Комиссия в конечном счете непосредственно озглавила посвященный оговоркам раздел проектов статей «Оговорки к многосторонним договорам»³³⁰.

4) Однако из этого уточнения практически невозможно извлечь какой-либо вывод ввиду позиций, изложенных на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, и ее решения вернуться к заголовку «Оговорки» для раздела 2 части II Венской конвенции 1969 года. Здесь нужно, в частности, отметить, что затем Редакционный комитет Конференции одобрил предложение Венгрии об исключении ссылки на многосторонние договоры из названия раздела, касающегося оговорок³³¹, с тем чтобы не предрешать вопрос об оговорках к двусторонним договорам³³².

5) Однако после принятия этого решения по данному вопросу состоялся интересный обмен мнениями между Председателем Конференции г-ном Роберто Аго и Председателем Редакционного комитета г-ном Мустафой К. Яссином³³³, из которого

лишь следующим: «Оговорки к двусторонним договорам не вызывают проблем» (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 62 англ. текста).

³³⁰ См. доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе первой части ее семнадцатой сессии, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/6009, стр. 161 англ. текста, и доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее восемнадцатой сессии, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 202 англ. текста; см. также замечания сэра Хэмфри Уолдока, четвертый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 45 англ. текста.

³³¹ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), документ A/CONF.39/C.1/L.137; см. также аналогичную поправку Чили (A/CONF.39/C.1/L.22).

³³² См. пояснения г-на Яссина, Председателя Редакционного комитета, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second session, Vienna, 9 April – 22 May 1969, Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole* (A/CONF.39/11/Add.1, United Nations publication, Sales No. E.70.V.6), 10-е пленарное заседание, 29 апреля 1969 года, р. 28, para. 23.

³³³ *Ibid.*, 11-е пленарное заседание, 30 апреля 1969 года, р. 37:

«19. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что он, со своей стороны, с удивлением узнал, что Редакционный комитет допускал мысль о существовании оговорок к двусторонним договорам. Когда он учился на юридическом факультете, ему объяснили, что здесь есть терминологическое противоречие, поскольку когда одна сторона двустороннего договора предлагает изменение, она по сути делает новое предложение, а не оговорку. По его мнению, сокращение заголовка раздела 2 было бы равнозначно признанию того, что оговорки, по всей видимости, могут применяться только к многосторонним договорам. Если в этой связи есть какие-то сомнения, то Редакционному комитету правильнее было бы вернуться к названию, предложенному Комиссией международного права.

20. Г-н ЯССИН (Председатель Редакционного комитета) говорит, что некоторые члены Комитета выразили мнение, что, с точки зрения практики отдельных государств, может возникнуть впечатление, что оговорки к двусторонним договорам возможны. Однако исключение всяких ссылок на многосторонние договоры из заголовка раздела 2 вовсе не означает, что Редакционный комитет считает такие оговорки возможными. Цель такого исключения заключается в том, чтобы не предвосхищать то или иное решение этого вопроса.

следует, что Конференция фактически не заняла никакой твердой позиции по вопросу о существовании и правовом режиме возможных оговорок к двусторонним договорам³³⁴.

б) Венская конвенция 1986 года нисколько не проясняет это вопрос³³⁵. В то же время Венская конвенция 1978 года способствует закреплению общего впечатления, возникающего при изучении Венских конвенций 1969 и 1986 годов: правовой режим предусматриваемых ими оговорок (к которым отсылает пункт 3 статьи 20 Венской конвенции 1978 года) применяется исключительно к многосторонним, а не к двусторонним договорам. Действительно, статья 20, являющаяся единственным положением этого документа, связанным с оговорками, включена в раздел 2 части III³³⁶, касающийся «Многосторонних договоров»³³⁷, и прямо уточняет, что она применяется, «когда новое независимое государство устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства или участника *многостороннего** договора посредством уведомления о правопреемстве», поскольку уведомление о правопреемстве, как правило, допускается в отношении открытых многосторонних договоров.

7) Однако опять же единственный вывод, который можно отсюда сделать, заключается в том, что Венский режим неприменим к оговоркам к двусторонним договорам, в том числе в области правопреемства государств. Но это отнюдь не означает, что

понятие «оговорки» к двусторонним договорам не может существовать или не существует.

8) На практике некоторые государства без колебаний делают односторонние заявления, называя их «оговорками» к двусторонним договорам, в то время как у других это вызывает отрицательную реакцию.

9) Речь идет о давней практике³³⁸, широко применяемой Соединенными Штатами Америки³³⁹,

³³⁸ Наиболее давним примером «оговорки» к двустороннему договору, по всей видимости, является резолюция от 24 июня 1795 года, которой сенат Соединенных Штатов санкционировал ратификацию «Договора Джея» (Договор о дружбе, торговле и судоходстве между Его Британским Величеством и Соединенными Штатами Америки, заключенный 19 ноября 1794 года, H. Miller (ed.), *Treaties and Other International Acts of the United States of America*, vol. 2, Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1931, document No. 16, pp. 245 et seq., в особенности at p. 271): «при условии, что в указанный договор будет включена статья, согласно которой будет решено приостановить применение статьи 12 в той степени, в какой она касается торговли, в отношении которой Его Величество дает согласие на ее осуществление между Соединенными Штатами и Вест-Индией таким образом и на таких условиях, которые в ней предусмотрены» (цитируется по Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), pp. 260–261; Бишоп ссылается даже на Статьи Конфедерации: в 1778 году конгресс Соединенных Штатов потребовал и добился нового обсуждения договора о торговле с Францией от 6 февраля 1778 года (*ibid.*, сноска 13)). Относительно Договора о торговле с Францией см. Miller (ed.), *Treaties and Other International Acts...*, pp. 3 et seq.

³³⁹ В 1929 году М. Оуэн считала, что число двусторонних договоров, к которым Соединенные Штаты сделали «оговорку» вследствие условия, поставленного сенатом для их ратификации, составляет примерно 66–87 («Reservations to Multilateral treaties», *Yale Law Journal*, 1928–1929, vol. 38 (1929), p. 1091). А недавно профессор К. Кеннеди подготовил подробные статистические данные за 1795–1990 годы, из которых следует, что за этот период американский сенат дал рекомендацию и условное согласие на ратификацию 115 двусторонних договоров, причем в это число входят и заявления о толковании; в среднем это составляет порядка 15% двусторонних договоров, участниками которых Соединенные Штаты стали за указанный период продолжительностью чуть менее двух веков («Conditional approval of treaties by the U.S. Senate», *Loyola of Los Angeles International and Comparative Journal*, vol. 19 (1996), p. 98). Из этих же статистических данных следует, что практика «поправок» или «оговорок» касается всех категорий договоров и особенно часто используется в области договоров о выдаче, дружбе, торговле и мореплавании («FCN treaties») и даже о мире (*ibid.*, pp. 99–103 и 112–116). В своем ответе на вопросник Комиссии по поводу оговорок Соединенные Штаты подтверждают важность этой практики в отношении двусторонних договоров, заключенных этой страной. Они прикладывают к своему ответу перечень из 13 двусторонних договоров, которые были приняты в период 1975–1985 годов с учетом сделанных оговорок. Так обстояло дело, например, с Договором о Панамском канале, заключенным в Вашингтоне, округ Колумбия, 7 сентября 1977 года (Договор о Панамском канале, устанавливающий новые соглашения о функционировании, обслуживании и обороне Панамского канала до 31 декабря 1999 года (United Nations, *Treaty Series*, vol. 1280, No. 21086, p. 3) и Договором о постоянном нейтралитете и эксплуатации Панамского канала (*ibid.*, vol. 1161, No. 18342, p. 177); см. также *International Legal Materials*, vol. 16, No. 5 (1977), pp. 1022 and 1040, соответственно); со специальным соглашением, по которому Канада и Соединенные Штаты обязались передать свой спор о делимитации морской границы в районе залива Мэн в Международный Суд (см. дело, касающееся *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area, Judgment*, I.C.J. Reports 1984, p. 246), и с Дополнительным договором о выдаче между Соединенными Штатами Америки и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, заключенным в Вашингтоне, округ Колумбия, 25 июня 1985 года (*Treaties and Other International Acts Series*, Washington, D.C., United States Government Printing Office (12050 TIAS i)). Относительно вопросника см. сноску 39 выше.

(продолжение сноски 333)

21. Выступая в качестве представителя Ирака, г-н Яссин заявляет, что он полностью согласен с Председателем: любое изменение, предлагаемое к двустороннему договору, представляет собой новое предложение и не может рассматриваться как оговорка.

22. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ спрашивает, считает ли сам Редакционный комитет, что предусмотренные статьями раздела 2 процедуры касаются лишь многосторонних договоров.

23. Г-н ЯССИН, Председатель Редакционного комитета, говорит, что он не в состоянии подтвердить это обстоятельство от имени всех членов Редакционного комитета, у которых нет единого мнения по этому вопросу.

24. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что независимо от обсуждаемого принципа процедуры, указанные в статьях об оговорках, которые рассматривались Конференцией, неприменимы к двусторонним договорам».

³³⁴ Теоретики по-разному толкуют этот обмен мнениями. Ср.: Ruda, *Collected Courses of the Hague Academy...* (сноска 56 выше), p. 110; Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 294; и Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), p. 404.

³³⁵ В своем четвертом докладе по вопросу о договорах, заключаемых между государствами и международными организациями или между двумя или более международными организациями, г-н Рейтер указал: «Договоры, заключаемые международными организациями [...], почти всегда являются двусторонними договорами, в отношении которых оговорки могут представлять теоретический интерес, но не представляют практического интереса» (*Ежегодник... 1975 год*, том II, документ A/CN.4/285, стр. 39, пункт 1). См. также доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее двадцать девятой сессии, *Ежегодник... 1977 год*, том II (часть вторая), комментарий к проекту статьи 19, стр. 124; доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее тридцать третьей сессии, *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть вторая), стр. 145, и доклад Комиссии о работе ее тридцать четвертой сессии, *Ежегодник... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 35.

³³⁶ Которая касается только «Новых независимых государств».

³³⁷ «Двусторонним договорам» посвящен раздел 3.

реже – другими государствами в их отношениях с ними³⁴⁰. Однако из всех государств, ответивших на вопросник Комиссии относительно оговорок, лишь Соединенные Штаты дали положительный ответ на вопрос 1.4³⁴¹; остальные же ответили на этот вопрос отрицательно³⁴². Одни ограничились констатацией того, что они не делают оговорок к двусторонним договорам, а другие выразили сомнение по поводу этой практики³⁴³.

10) Другой важный элемент практики государств в этой области связан с тем, что во всех случаях, когда Соединенные Штаты или их партнеры делали «оговорки» (нередко называемые «поправками» (amendments))³⁴⁴ к двусторонним договорам, они всегда стремились к возобновлению переговоров по соответствующему договору и получению согласия другого договаривающегося государства на внесение

изменения, являющегося объектом «оговорки»³⁴⁵. При получении согласия договор вступает в силу с соответствующим изменением³⁴⁶; в противном случае процесс ратификации прекращается, и договор не вступает в силу³⁴⁷.

11) Из анализа практики можно сделать следующие выводы:

а) за исключением Соединенных Штатов государства почти не формулируют «оговорок» к двусторонним договорам, хотя имеются и исключения (однако они, по-видимому, встречаются только в двусторонних договорных отношениях с Соединенными Штатами); и

б) эта практика, которая может вызывать в определенных странах возражения конституционного порядка, не вызывает таковых на международном уровне хотя бы потому, что даже если государства,

³⁴⁰ Либо партнеры Соединенных Штатов выдвигают контрпредложения в ответ на их «оговорки» (см. примеры, приведенные в работах Owen, «Reservations to Multilateral Treaties» (сноска 339 выше), pp. 1090–1091, и Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), pp. 267–269), или даже берут инициативу на себя (см. примеры, приведенные в работах Whiteman, *Digest of International Law* (см. сноску 25 выше), p. 161 (Япония), Owen, «Reservations to Multilateral Treaties» (сноска 339 выше), p. 1093 (Новая Гренада), G.H. Hackworth, *Digest of International Law*, vol. V, Washington D.C., United States Government Printing Office, 1943, pp. 126–130 (Коста-Рика, Португалия, Румыния, Сальвадор).

³⁴¹ Этот вопрос сформулирован так: «Формулировало ли государство оговорки к двусторонним договорам?» (*Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), стр. 110).

³⁴² Это – Боливия, Германия, Дания, Израиль, Индия, Испания, Италия, Канада, Кувейт, Мексика, Монако, Панама, Перу, Республика Корея, Сан-Марино, Святейший Престол, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чили, Швейцария, Швеция и Япония.

³⁴³ См. позицию Германии: «Федеративная Республика Германия не формулировала оговорок к двусторонним договорам. Она разделяет общее мнение о том, что государство, пытающееся сделать оговорку к двустороннему договору, по сути отказывается признать этот договор в предложенном виде. Это будет представлять собой предложение в отношении договора в иной формулировке, включающей содержание оговорок, что, таким образом, приведет к возобновлению переговоров». Ответы Италии и Соединенного Королевства весьма близки по содержанию. При этом Соединенное Королевство добавляет: «Что касается Соединенного Королевства, то оно не пытается делать оговорки в качестве условия признания какого-либо двустороннего договора. Если (в исключительных случаях) парламент отказался бы принять законодательный акт, необходимый для того, чтобы Соединенное Королевство могло осуществить двусторонний договор, власти Соединенного Королевства попытались бы, в принципе, перезаключить договор, с тем чтобы преодолеть возникшие трудности».

³⁴⁴ К. Кеннеди выявил 12 различных видов наименований тех условий, в зависимость от которых сенат Соединенных Штатов ставил ратификацию договоров (как двусторонних, так и многосторонних), однако он указывает, что 90% случаев приходится на четыре: «понимания», «оговорки», «поправки» и «заявления», причем доля каждой из них в разное время была различной, как следует из нижеследующей таблицы:

Тип условий	1845–1895	1896–1945	1946–1990
Поправки	36	22	3
Заявления	0	3	14
Оговорки	1	17	44
Понимания	1	38	32

(Kennedy, «Conditional approval of treaties...» (сноска 339 выше), p. 100).

³⁴⁵ Как указал Государственный департамент в инструкциях американскому послу в Мадриде после отказа Испании признать «поправку» к договору о выдаче 1904 года, который был принят сенатом: «Действия Сената заключаются в том, чтобы рекомендовать поправку, на которую он заранее соглашается, если она будет принята другой стороной. Иными словами, Сенат рекомендует президенту провести переговоры с иностранным правительством, с тем чтобы заручиться его признанием рекомендованной поправки» (цитируется в Hackworth, *Digest of International Law* (сноска 340 выше), p. 115).

³⁴⁶ В некоторых случаях другое договаривающееся государство выдвигает контрпредложения, которые также включаются в договор. Так, Наполеон согласился с изменением, внесенным сенатом в Конвенцию о мире, торговле и судоходстве между Французской Республикой и Соединенными Штатами Америки, заключенную в Париже 30 сентября 1800 года (W.M. Malloy (ed.), *Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and Other Powers, 1776-1909*, vol. I, Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1910, p. 496), однако в свою очередь выдвинул условие, которое сенат принял (см. Owen, «Reservations to Multilateral Treaties» (сноска 339 выше), pp. 1090–1091, или Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), pp. 267–268).

³⁴⁷ См., например, Соединенное Королевство отклонило поправку к Конвенции о канадско-американской границе 1803 года (Лондон, 12 мая 1803 года, см. W.R. Manning (ed.), *Diplomatic Correspondence of the United States. Canadian Relations 1784-1860*, vol. I, Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 1940, pp. 555–557) и к Конвенции о запрещении работорговли между Африкой и Америкой 1824 года (Лондон, 13 марта 1824 года, см. *British and Foreign State Papers, 1824-1825*, pp. 838–844), которые требовал американский сенат (см. Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), p. 266); см. также отказ этой же страны принять американские оговорки к Договору о Панамском канале 1900 года (Вашингтон, округ Колумбия, 5 февраля 1900 года, *British and Foreign State Papers, 1900-1901*, vol. 94, pp. 474–476), который впоследствии был перезаключен и послужил основанием для подписания нового соглашения – Договора Хей-Паунсфота, заключенного в Вашингтоне, округ Колумбия, 18 ноября 1901 года (*ibid.*, pp. 46–48; или *The Statutes at Large of the United States of America (December 1901 to March 1903)*, vol. 32-2, Washington, D.C., Government Printing Office, 1903, p. 1903) (см. также Hackworth, *Digest of International Law* (сноска 340 выше), pp. 113–114). Еще более сложные случаи: процедура ратификации Конвенции о дружбе, торговле и выдаче между Соединенными Штатами и Швейцарией от 25 ноября 1850 года (Malloy (ed.), *Treaties, Conventions, International Acts...* (см. сноску выше), vol. II, p. 1763), внести поправки в которую сначала потребовал сенат Соединенных Штатов, затем Швейцария, а затем – вновь сенат; при этом все они были приняты, и через пять лет после его подписания произошел обмен ратификационными грамотами к этой Конвенции, поправки в которую вносились трижды (Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), p. 269).

заклучавшие договоры с Соединенными Штатами, подчас отвергали предлагаемые ими «оговорки», они не высказывали против них принципиальных возражений, а в некоторых случаях даже со своей стороны предлагали «контроговорки», имевшие аналогичный характер.

12) В свете рассмотренной выше практики представляется, что, несмотря на очевидные точки соприкосновения с оговорками к многосторонним договорам, «оговорки» к договорам двусторонним отличаются от них в главном — в последствиях, к которым они призваны привести и к которым они действительно приводят.

13) Нет сомнения в том, что «оговорки» к многосторонним договорам формулируются в одностороннем порядке государствами (априори ничто не мешает делать то же самое и международной организации) после завершения переговоров и что выступают они под различными наименованиями, которые могут отражать реальные различия во внутреннем праве, но только не в международном. С этих разных точек зрения они соответствуют первым трем критериям, предусмотренным венским определением, которое принято в руководящем положении 1.1.

14) Что касается момента, когда «оговорка» к двустороннему договору может быть сформулирована, то Комиссия считает, что это возможно в любой момент после завершения переговоров, когда окончательный текст утвержден парафированием или подписанием, но в любом случае до вступления договора в силу, поскольку цель этих заявлений — добиться изменения его текста.

15) Однако именно в этом состоит элемент, отличающий «оговорки» к двусторонним договорам от оговорок к договорам многосторонним. Совершенно очевидно, что посредством «оговорки» одна из сторон двустороннего договора намерена изменить юридическое действие положений изначального договора; однако если в случае многостороннего договора оговорка оставляет эти положения в силе, то «оговорка» к двустороннему договору направлена на их изменение: если она вступила в действие³⁴⁸, то измененными или исключенными «в их применении» к нему оказываются не «юридические последствия» затрагиваемых положений, а, в силу обстоятельств, сами эти положения. Оговорка к многостороннему договору имеет субъективные последствия: если она принимается, то юридическое действие затрагиваемых положений оказывается измененным по отношению к государству или международной организации, которые ее сформулировали; оговорка же к двустороннему договору имеет объективные последствия: если она принимается другим государством, то изменяется содержание самого договора.

16) Как и в случае оговорки к многостороннему договору³⁴⁹, оговорка к двустороннему договору влечет последствия лишь в том случае, если она так или иначе принимается эксплицитно или имплицитно: договаривающееся государство или договаривающаяся международная организация должны принять «оговорку», без чего договор не вступает в силу. Таким образом, разница определяется не необходимостью принятия (которая в обоих случаях требуется для того, чтобы оговорка достигла своей цели), а последствиями этого принятия:

– в случае многостороннего договора возражение не препятствует его вступлению в силу, иногда даже в отношениях между возражающим государством или международной организацией и автором оговорки³⁵⁰, и его положения остаются нетронутыми;

– в случае двустороннего договора непринятие оговорки договаривающимся государством или международной организацией препятствует вступлению договора в силу, а принятие оговорки влечет за собой изменение договора.

17) Вследствие этого «оговорка» к двустороннему договору предстает в качестве предложения о поправке к договору, в связи с которым она сделана, или в качестве предложения о возобновлении переговоров. Этот анализ соответствует взглядам подавляющего большинства теоретиков³⁵¹. Между тем утверждение, согласно которому принятие «оговорки» к двустороннему договору равнозначно внесению поправки в этот договор, не означает приравнивания оговорки к поправке; оно представляет собой лишь одностороннее предложение о поправке, предшествующее вступлению договора в силу³⁵², в то время как сама поправка носит договорной характер, является результатом соглашения между сторонами³⁵³, и является частью согласованного тек-

³⁴⁹ См. раздел 4.1 Руководства по практике.

³⁵⁰ См. пункт 4 b) статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и руководящее положение 4.3.1 (Последствия возражения для вступления договора в силу между автором возражения и автором оговорки).

³⁵¹ Отсюда некоторые авторы делают вывод о том, что оговорка к двустороннему договору попросту невозможна (см. С. Rousseau, *Droit international public*, vol. 1, *Introduction et sources*, Paris, Pédone, 1970, p. 122, или А. Maresca, *Il diritto dei trattati – La Convenzione codificatrice di Vienna del 23 Maggio 1969*, Milan, Giuffrè, 1971, pp. 281–282). Но все они настаивают на необходимости явно выраженного согласия другой стороны и на изменении самого текста договора в результате этого согласия (см. Miller, *Reservations to Treaties: ...* (сноска 26 выше), pp. 76–77; Owen, «Reservations to Multilateral Treaties» (сноска 339 выше), pp. 1093–1094; и Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), p. 271, footnote 14).

³⁵² Речь шла о «контрпредложении». Оуэн (Reservations to Multilateral Treaties) (сноска 339 выше), p. 1091), возводит идею о «контрпредложении» к С.С. Хайд (*International law chiefly as interpreted and applied by the United States*, Boston, Little, Brown and Company, 1922, para. 519). Это выражение фигурирует и в публикации Американского института права *Restatement of the Law Third – The Foreign Relations Law of the United States*, Washington D.C., vol. 1, 14 мая 1986 года, p. 182, para. 113; см. также позицию г-на Аго и г-на Яссина в сноске 333 выше, и позицию Рейтера, сноска 335 выше.

³⁵³ См. статью 39 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

³⁴⁸ О понятии вступления в действие оговорки см. раздел 4.1 Руководства по практике.

ста, даже если она может содержаться в одном или нескольких различных инструментах.

18) Как указал юрисконсульт Государственного департамента Соединенных Штатов Америки в меморандуме от 18 апреля 1921 года:

Действия Сената, когда он занимается формулированием так называемых «оговорок» к договору, по своим последствиям явно те же, что и в случае так называемых «поправок», когда такие оговорки и поправки сколь-либо существенно отражаются на положениях договора. Так называемые оговорки, с которыми Сенат время от времени выступает, на самом деле не являются оговорками в том смысле, в котором этот термин обычно понимался в международной практике вплоть до последнего времени³⁵⁴.

19) Такого же мнения придерживается и Комиссия, которая считает, что одностороннее заявление, посредством которого государство (или при необходимости – международная организация) преследует цель добиться изменения договора, текст которого был утвержден на переговорах, не является оговоркой в обычном смысле, который этот термин имеет в рамках права международных договоров и который закреплен Венскими конвенциями 1969, 1978 и 1986 годов.

20) Хотя Комиссия полагает, что такое одностороннее заявление представляет собой предложение о возобновлении переговоров по договору, которое в случае его принятия другим договаривающимся государством или другой договаривающейся организацией находит свое отражение в поправке к договору, она не считает необходимым уточнять это в Руководстве по практике, поскольку ввиду того, что различные категории односторонних заявлений, упомянутые в разделе 1.5 выше, не являются ни оговорками в обычном смысле этого термина, ни заявлениями о толковании, они находятся за рамками этого Руководства по практике³⁵⁵.

1.6.2 Заявления о толковании в связи с двусторонними договорами

Руководящие положения 1.2 и 1.4 применяются к заявлениям о толковании, касающимся как многосторонних, так и двусторонних договоров.

Комментарий

1) «Молчание» Венских конвенций о праве международных договоров распространяется а fortiori на заявления о толковании двусторонних договоров: в них не говорится о заявлениях о толковании вообще³⁵⁶ и предусматривается довольно значительная свобода действий в отношении норм, применимых к двусторонним договорам³⁵⁷. Однако эти заявления формулируются часто и, в противоположность «оговоркам» к этим же договорам³⁵⁸, по всем

аспектам соответствуют определению заявлений о толковании, содержащемуся в руководящем положении 1.2.

2) Почти столь же давняя, как и практика «оговорок» к двусторонним договорам³⁵⁹, практика заявлений о толковании к этим договорам менее ограничена в географическом смысле³⁶⁰ и не вызывает принципиальных возражений. Из 22 государств, ответивших на вопрос 3.3³⁶¹ вопросника Комиссии об оговорках, 4 сообщают, что делали заявления о толковании к двусторонним договорам; одна международная организация – МОТ – сообщает, что также сделала заявление о толковании в одном случае, уточняя при этом, что речь фактически шла об «исправлении», которое было сделано, чтобы «не откладывать подписание». Даже этот «небогатый» итог тем не менее показателен: хотя только Соединенные Штаты сообщили, что они делали «оговорки» к двусторонним договорам³⁶², здесь к ним добавляются Панама, Словакия и Соединенное Королевство, а также одна международная организация³⁶³; кроме того, хотя некоторые государства критиковали сам принцип «оговорок» к двусторонним договорам³⁶⁴, ни одно из них не хранило молчания в отношении формулирования заявлений о толковании к таким договорам³⁶⁵.

³⁵⁹ Бишоп сообщает о заявлении, которое Испания приложила к своей ратификационной грамоте в отношении Договора об уступке Флориды (Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), р. 316). Относительно Договора о дружбе, урегулировании и границах между Соединенными Штатами Америки и Его Католическим Величеством, заключенный в Вашингтоне, округ Колумбия, 22 февраля 1819 года, и текст ратификационной грамоты Испании см. Miller (ed.), *Treaties and Other International Acts...* (сноска 338 выше), vol. 3, 1933, pp. 3 et seq.

³⁶⁰ См. пункты 9)–11) комментария к руководящему положению 1.6.1. Однако, как и для «оговорок» к двусторонним договорам, наиболее многочисленные примеры можно обнаружить в практике Соединенных Штатов; лишь за период, отраженный в их ответах на вопросник об оговорках (1975–1995 годы), они упоминают 28 двусторонних договоров, к которым они при выражении согласия на обязательность этих договоров приложили заявления о толковании. Относительно вопросника см. сноску 39 выше.

³⁶¹ «Прилагало ли государство к заявлениям о своем согласии на обязательность двусторонних договоров, участником которых оно является, какие-либо заявления о толковании?» (*Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), стр. 113).

³⁶² См. пункт 9) комментария к руководящему положению 1.6.1.

³⁶³ Кроме того, Швеция указывает, что могло быть и так, хотя и весьма редко, что Швеция делала заявления о толковании, собственно говоря, в отношении двусторонних договоров. [...] Заявления сугубо информационного характера, несомненно, существуют.

³⁶⁴ См. комментарий к руководящему положению 1.6.1 (сноска 342 выше).

³⁶⁵ Соединенное Королевство критикует «понимание» Соединенными Штатами Договора между правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и правительством Соединенных Штатов Америки о взаимной помощи по уголовным делам в отношении Каймановых Островов, подписанного в Большом Каймане 3 июля 1986 года (United Nations, *Treaty Series*, vol. 1648, No. 28332, р. 178); однако, по-видимому, британское правительство в данном случае фактически стремится исключить возможность изменения двустороннего договора под предлогом его толкования (посредством «пониманий», которые фактически являются «оговорками»).

³⁵⁴ Цитируется в Hackworth, *Digest of International Law* (сноска 340 выше), р. 112; в том же смысле см. позицию Миллера, в Miller, *Reservations to Treaties...* (см. сноску 26 выше).

³⁵⁵ См. руководящее положение 1.5 и комментарий к нему.

³⁵⁶ См. пункт 1) комментария к руководящему положению 1.2.

³⁵⁷ См. пункт 1) комментария к руководящему положению 1.6.

³⁵⁸ См. руководящее положение 1.6.1 и комментарий к нему.

3) Обилие и постоянство практики заявлений о толковании к двусторонним договорам не оставляет никаких сомнений в отношении признания этого института международным правом: речь в данном случае, бесспорно, идет об «общепринятой практике, признанной в качестве права».

4) Если термин «оговорка», безусловно, имеет иной смысл, когда он употребляется в отношении одностороннего заявления к двустороннему договору, чем смысл, который он имеет применительно к многостороннему договору, то по поводу заявления о толковании этого сказать нельзя: и в том, и в другом случае речь однозначно идет об односторонних заявлениях, независимо от их формулировки и названия, сделанных «государством или международной организацией, посредством [которых] это государство или эта организация желают уточнить или пояснить смысл или сферу применения договора или отдельных его положений»³⁶⁶. Таким образом, можно считать, что руководящее положение 1.2, в котором дано это определение, применимо к заявлениям, содержащим толкование как двусторонних, так и многосторонних договоров.

5) И все же по одному аспекту практика заявлений о толковании двусторонних договоров, по-видимому, в некоторой степени отличается от устоявшейся практики, связанной с многосторонними договорами. Было указано, что, как представляется, «в случае двустороннего договора практика неизменно заключается в том, что до проведения обмена ратификационными грамотами, а иногда даже до ратификации договора правительство делает заявление с целью соответствующим образом уведомить другое правительство, с тем чтобы дать ему возможность принять, отклонить или каким-либо иным образом выразить свое мнение по поводу этого заявления»³⁶⁷. После того как заявление одобрено, оно становится неотъемлемой частью договора:

[К]огда одна сторона договора в момент его ратификации делает письменное заявление с пояснением нечетких формулировок в документе [...] и когда договор затем ратифицируется другой стороной вместе с приложенным к нему заявлением и должным образом осуществляется обмен ратификационными грамотами, приложенное к договору заявление тем самым становится частью договора и является столь же обязательным, как если бы оно было включено в текст самого документа. Намерение сторон должно выводиться из документа в целом в том виде, в каком он представлен при обмене ратификационными грамотами³⁶⁸.

6) Этот довод, по-видимому, вряд ли является спорным и подводит к вопросу о том, следует ли считать, что, как это имеет место в случае «оговорок»

к двусторонним договорам³⁶⁹, касающиеся их заявления о толковании непременно должны быть объектом согласия со стороны другого участника. По правде говоря, это, судя по всему, необязательно должно быть так: оказывается, что (почти) во всех случаях заявления о толковании к двусторонним договорам принимаются, поскольку их автор просит об этом; однако вполне можно предположить, что оно этого и не потребует. По сути, довод, который позволяет разграничивать условные заявления о толковании и заявления, которые таковыми не являются³⁷⁰, вполне можно использовать применительно к двусторонним договорам: все зависит от намерения их автора. Он может сделать его неперенным условием своего согласия на обязательность договора, и в этом случае речь идет об условном заявлении о толковании, которое носит тот же характер, что и заявление, касающееся многосторонних договоров, и соответствует определению, предложенному в руководящем положении 1.4. В то же время оно может лишь захотеть проинформировать своего партнера о смысле и сфере применения, которыми оно наделяет положения договора, не настаивая при этом, чтобы партнер с ними согласился; в этом случае речь идет о «простом» заявлении о толковании, которое, как и в случае многосторонних договоров³⁷¹, может быть сделано в любой момент.

7) В этих условиях Комиссия сочла ненужным принимать проекты руководящих положений, относящиеся собственно к заявлениям о толковании двусторонних договоров, поскольку они охватываются тем же определением, что и заявления о толковании двусторонних договоров, независимо от того, идет ли речь об их общем определении, содержащемся в руководящем положении 1.2, или о различии между простыми и условными заявлениями о толковании, вытекающем из руководящего положения 1.4. Таким образом, в Руководстве по практике было бы достаточно лишь констатировать этот момент.

8) Вместе с тем само собой разумеется, что руководящее положение 1.2.1 о совместном формулировании заявлений о толковании не имеет отношения к двусторонним договорам.

9) Что касается раздела 1.3 настоящей главы, посвященного различию между оговорками и заявлениями о толковании, то в данном случае трудно предположить, как этот раздел можно было бы применить к «оговоркам» к двусторонним договорам, если этот термин не соответствует определению оговорки, приведенному в руководящем положении 1.1. Максимум, что здесь можно сделать – это просто предположить, что изложенные в нем могут применяться *mutatis mutandis*, что позволит отличить заявления о толковании от других односторонних

³⁶⁶ См. руководящее положение 1.2.

³⁶⁷ Whiteman, *Digest of International Law* (см. сноску 25 выше), pp. 188–189.

³⁶⁸ Постановление Верховного суда Соединенных Штатов по поводу заявления Испании к Договору о дружбе, урегулировании и границах между Соединенными Штатами Америки и Его Католическим Величеством от 22 февраля 1819 года (см. сноску 359 выше), *Doe v. Braden*, 16 How. 635, 656 (US 1853), цитируется по Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), p. 316.

³⁶⁹ См. пункты 16)–20) комментария к руководящему положению 1.6.1.

³⁷⁰ См. руководящее положение 1.4 и комментарий к нему.

³⁷¹ См. руководящее положение 1.2 и пункты 21)–30) комментария к нему.

заявлений, формулируемых в связи с двусторонними договорами.

1.6.3 Юридические последствия принятия заявления о толковании, сделанного в связи с двусторонним договором другим участником

Толкование, которое вытекает из заявления о толковании двустороннего договора, сделанного государством или международной организацией, являющимися одним участником этого договора, и с которым согласился другой его участник, является аутентичным толкованием этого договора.

Комментарий

1) Даже если принятие заявления о толковании, сделанного государством в отношении двустороннего договора, не относится к этому типу заявлений³⁷², можно поставить вопрос о том, влияет ли наличие такого согласия на правовой характер заявления о толковании.

2) По мнению Комиссии, ответ на этот вопрос положителен. Когда заявление о толковании двустороннего договора принимается другой стороной³⁷³, оно становится неотъемлемой частью договора, являясь его аутентичным толкованием. Как указала Постоянная палата международного правосудия, «право давать аутентичное толкование правовой нормы принадлежит только тому, кто полномочен изменять или отменять ее»³⁷⁴. Между тем, когда речь идет о двустороннем договоре, такое полномочие принадлежит обеим сторонам. Тогда, если они договорятся относительно толкования, оно приобретает правовое значение и само по себе носит договорной характер, независимо от формы³⁷⁵, — наподобие «оговорок» к двусторонним договорам после того, как они приняты договаривающимся государством или договаривающейся международной организацией³⁷⁶. Здесь имеет место смежное с договором соглашение, которое относится к его контексту по смыслу положений пунктов 2 или 3 а) статьи 31 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и которое должно в этой связи учитываться при толковании договора³⁷⁷. Такой ана-

³⁷² См. пункты 5)–6) комментария к руководящему положению 1.6.2.

³⁷³ Можно также предположить, что это происходит даже в том случае, когда заявление о толковании не является условным.

³⁷⁴ Консультативное заключение от 6 декабря 1923 года, дело *Jaworzina, 1923, P.C.I.J., Series B, No. 8*, p. 37.

³⁷⁵ Обмен письмами, протокол, простая устная договоренность и т.д.

³⁷⁶ См. руководящее положение 1.6.1 и пункты 15)–19) комментария к нему.

³⁷⁷ Статья 31 Венской конвенции 1969 года гласит: «(...) 2. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения: а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора; б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора, и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору. 3. Наряду с контекстом учитываются: а) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений».

лиз, впрочем, соответствует анализу, который дал Верховный суд Соединенных Штатов по делу *Doe*³⁷⁸.

3) Хотя Комиссия осознает, что рассмотрение этого явления в первой части Руководства по практике выходит за ее пределы, поскольку эта часть посвящена определению, а не правовому режиму оговорок и заявлений о толковании³⁷⁹, она сочла целесообразным упомянуть об этом в одном из руководящих положений. Она впоследствии не возвращалась к весьма узкому вопросу об «оговорках» и заявлениях о толковании к двусторонним договорам: во-первых, поскольку речь не идет об оговорках, а во-вторых, поскольку заявления о толковании двусторонних договоров не характеризуются какими-то особенностями в сравнении с заявлениями о толковании многосторонних договоров. Если такая особенность и есть, то это как раз то, что предусмотрено в руководящем положении 1.6.2. Таким образом, исключительно для удобства представляется целесообразным внести на данном этапе это уточнение.

1.7 Альтернативы оговоркам и заявлениям о толковании

Комментарий

1) Оговорки не являются единственным средством, позволяющим участникам того или иного договора исключать или изменять юридическое действие некоторых его положений или всего договора в целом в отношении некоторых конкретных аспектов. В этой связи представляется целесообразным увязать изучение этого вопроса с рассмотрением других средств, которые, не будучи оговорками, так же, как и они, имеют целью и позволяют государствам и международным организациям изменить характер обязательств, вытекающих из договора, участниками которого они являются; в данном случае речь идет об альтернативах оговоркам, и использование таких средств может, вероятно, позволить в конкретных случаях преодолеть отдельные проблемы, связанные с оговорками. По мнению Комиссии, эти средства, отнюдь не являясь своего рода предложением в адрес государства снизить эффективность того или иного договора, будут скорее способствовать тому, чтобы сделать практику использования оговорок менее «необходимой» или частой, предлагая более гибкие договорные методы.

2) Некоторые из этих альтернатив существенно отличаются от оговорок, поскольку они являются положениями самого договора, а не односторонними заявлениями, и в этой связи они в большей степени относятся к процессу выработки договора, нежели к его применению. Вместе с тем эти методы, которые вызывают последствия, практически идентичные последствиям, обусловленным оговорками, заслуживают соответствующего упоминания в части Руководства по практике, посвященной определению оговорок, хотя бы ради того, чтобы лучше высветить

³⁷⁸ См. комментарий к руководящему положению 1.6.2 (сноска 368 выше).

³⁷⁹ См. руководящее положение 1.8.

ключевые элементы этой концепции, отличить их от оговорок и, в соответствующих случаях, извлечь из них уроки в части правового режима оговорок.

3) Аналогичная проблема возникает *mutatis mutandis* в связи с заявлениями о толковании, цель которых может быть достигнута другими средствами.

4) Некоторые из этих альтернативных вариантов являются предметом руководящих положений, содержащихся в разделе 1.5 Руководства по практике. Тем не менее они касаются лишь «односторонних заявлений, сделанных в связи с договором, которые не являются оговорками или заявлениями о толковании»³⁸⁰, за исключением других методов изменения положений договора или их толкования. С учетом практического характера Руководства Комиссия сочла полезным посвятить небольшой раздел этого документа всем этим средствам, являющимся альтернативой оговоркам и заявлениям о толковании, с тем чтобы напомнить пользователям, и прежде всего участникам переговоров по разработке договоров, широкие возможности, которые открываются перед ними в этой связи.

1.7.1 Альтернативы оговоркам

В целях достижения результатов, сравнимых с последствиями оговорок, государства или международные организации могут также использовать альтернативные средства, такие как:

a) включение в договор положения, имеющего целью сужение его сферы действия или применения;

b) заключение соглашения, которым два или несколько государств или международных организаций на основании конкретного положения договора желают исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в отношениях между собой.

Комментарий

1) Формулирование оговорок представляет собой для государств (и в некоторой степени для международных организаций) определенное средство, позволяющее сохранить свою свободу действий в условиях, когда они в принципе соглашаются на ее ограничение, связывая себя договором. Это «беспокойство каждого правительства за сохранение способности отвергать или принимать [и адаптировать] право (озабоченность защитного и минимального характера)»³⁸¹ в особой мере присутствует в двух следующих ситуациях: когда соответствующий договор затрагивает особо чувствительные области или налагает исключительно жесткие обязательства³⁸²

либо когда он связывает находящиеся в весьма разном положении государства, потребности которых одинаковый режим никак не удовлетворяет.

2) Именно соображением подобного рода руководствовались авторы Устава Международной организации труда (МОТ), когда в пункте 3 статьи 19 они сформулировали следующее положение:

При выработке любой Конвенции или Рекомендации для всеобщего применения Конференция обязана считаться со странами, в которых климат, недостаточный уровень экономического развития или другие специфические обстоятельства создают существенно различные экономические условия. Конференция в таком случае предлагает такие изменения, которые она считает необходимыми ввиду особых условий этих стран³⁸³.

По мнению МОТ, которая ссылалась на эту статью для обоснования запрещения оговорок к международным конвенциям по вопросам труда³⁸⁴:

Можно считать, что, возложив на Конференцию обязательство учитывать заранее специфические условия каждой страны, составители мирных договоров намеревались запретить государствам после принятия той или иной конвенции ссылаться на особое положение, о котором не было доведено до сведения Конференции³⁸⁵.

Как и в случае оговорок, речь идет о достижении с помощью другой процедуры цели

защиты целостности существенно важных объекта и цели договора при обеспечении максимальному количеству государств возможности стать его участниками, несмотря на то, что они не могут взять на себя обязательства в полном объеме³⁸⁶.

3) Поиск путей согласования этих двух задач представляет собой цель как оговорки в собственном смысле, так и альтернативных процедур, являющихся предметом руководящего положения 1.7.1. Оговорки представляют собой одно из средств, направленных на достижение этого согласования. Однако они являются далеко не «единственной процедурой, которая позволяет изменить содержание договора в том, что касается его применения сторонами»³⁸⁷, не затрагивая его объект и цель. Используется и целый ряд других процедур, для того чтобы обеспечить гибкость, необходимость которой обусловлена разнообразием ситуаций, в которых находятся государства или международные организации, пожелавшие стать

(см. Договоры об учреждении Европейских сообществ; см. также Римский статут Международного уголовного суда).

³⁸³ В этой статье воспроизведены положения статьи 405 Мирного договора между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор).

³⁸⁴ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 1.1.6.

³⁸⁵ «Admissibility of reservations to general conventions», меморандум Директора Международного бюро труда, представленный Совету 15 июня 1927 года, League of Nations, *Official Journal*, July 1927, p. 883. См. также «Written statement of the International Labour Organization» (сноска 297 выше), pp. 224 and 236.

³⁸⁶ Gormley, «The modification of multilateral conventions...» (см. сноску 115 выше), p. 65. В силу этого сходства данный автор ценой опасной терминологической путаницы включил в одно исследование «все процедуры, с помощью которых государство может стать стороной многосторонней конвенции, не принимая при этом немедленно на себя в максимальном объеме все обязательства, изложенные в тексте», *ibid.*, p. 64.

³⁸⁷ Combacau and Sur, *Droit international public* (сноска 166 выше), p. 136.

³⁸⁰ См. руководящее положение 1.5.

³⁸¹ G. de Lacharrière, *La politique juridique extérieure*, Paris, Economica, 1983, p. 31.

³⁸² Так обстоит дело в случае, например, учредительных документов организаций международной «интеграции»

участниками одного и того же договора³⁸⁸, при этом понимается, что слово «могут», содержащееся в руководящем положении 1.7.1, должно толковаться как чисто описательное, а не как подразумевающее ценное судебное решение, касающееся использования того или иного метода.

4) Общая черта этих процедур, которые на деле являются альтернативами оговоркам, заключается в том, что как таковые они направлены на «исключение или изменение юридического действия определенных положений договора» или «договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов»³⁸⁹ в их применении к некоторым сторонам. Однако на этом сходство заканчивается, и составление их перечня сопряжено с трудностями, «поскольку воображение юристов и дипломатов в этой области не знает границ»³⁹⁰. Более того, с одной стороны, некоторые договоры содержат в себе несколько таких процедур (их сочетание или их сочетание с оговорками), а с другой стороны, между теми и другими не всегда легко провести четкое различие³⁹¹.

5) Существует множество методов, позволяющих их сгруппировать в зависимости от используемых методов (договорных или односторонних), от преследуемой цели (расширение или ограничение обязательств, вытекающих из договора) или от взаимного или невзаимного характера их последствий. Их можно также различить в зависимости от того, предусмотрено ли изменение юридического действия положений договора в самом договоре или же оно обусловлено внешними элементами.

6) В рамках первой из этих двух категорий можно указать на:

– ограничительные клаузулы, «которые ограничивают объект обязательства, предусматривая изъятия или ограничения»³⁹² в том, что касается области,

³⁸⁸ Некоторые авторы попытались свести воедино комплекс этих процедур: см., в частности, работы Ж. Дроза, который противопоставляет «оговорки» и «факультативы» (Droz, «Les réserves...» (сноска 109 выше), p. 383). Напротив, Ф. Майорос считает, что «комплекс "факультативов" – это не что иное, как аморфная группа положений, которые предусматривают разные варианты» («Le régime de réciprocité de la Convention de Vienne et les réserves dans les Conventions de La Haye», *Journal du droit international*, No. 1 (1974), p. 88.

³⁸⁹ См. руководящее положение 1.1.

³⁹⁰ Virally, «Des moyens utilisés dans la pratique...» (сноска 294 выше), p. 6.

³⁹¹ *Ibid.*, p. 17.

³⁹² *Ibid.*, p. 10. Это понятие соответствует понятию «отступных клаузул» (clawback clauses), которые были определены Р. Хиггинс следующим образом: «"Отступная клаузула" означает клаузулу, которая позволяет в обычных обстоятельствах нарушать обязательство по определенному кругу соображений публичного порядка». («Derogations under human rights treaties», *BYBIL*, 1976–1977, p. 281; см. также F. Ougergouz, «L'absence de clause de dérogation dans certains traités relatifs aux droits de l'homme: les réponses du droit international général», *RGDIP*, vol. 98 (1994), p. 296). Другие авторы предлагают более ограничительное определение; согласно Р. Гитлеману, отступные клаузулы – это положения, «которые позволяют государству ограничивать гарантированные права в той степени, в которой это позволяет национальное законодательство» («The African Charter on Human and Peoples' Rights: A legal analysis», *Virginia*

охватываемой обязательством, или срока его действия;

– исключаящие клаузулы, «которые призваны в определенных условиях исключать необходимость выполнения конкретных обязательств»³⁹³. Среди них следует различать, с одной стороны, защитительные клаузулы, а с другой – клаузулы об отступлении³⁹⁴;

– факультативные клаузулы или система неавтоматического выбора, которые представляют собой «клаузулы, которые участники договора соблюдают лишь при наличии специальной договоренности, в отличие от присоединения к договору в целом»³⁹⁵;

– клаузулы об изъятии или система автоматического выбора, «в соответствии с которыми положения, принятые большинством голосов, будут носить обязательный характер для государства, даже если оно не выразит намерения не соблюдать их обязательный характер в течение определенного периода времени»³⁹⁶; или

Journal of International Law, vol. 22, No. 4 (1982), p. 691, цитируется R. Erges, *Les droits de l'homme à l'épreuve des circonstances exceptionnelles – Etude sur l'article 15 de la Convention européenne des droits de l'homme*, Brussels, Bruylant, 1987, p. 24).

³⁹³ Virally, «Des moyens utilisés dans la pratique...» (сноска 294 выше), p. 12.

³⁹⁴ Положения об освобождении от ответственности позволяют договаривающейся стороне временно не применять определенные положения договора в связи с трудностями их применения в результате особых обстоятельств, тогда как отступления (waivers), которые имеют такое же действие, должны быть санкционированы другими сторонами или органом, которому поручено осуществлять контроль за выполнением договора. Сопоставление пункта 1 а) статьи XIX и пункта 5 статьи XXV Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года (ГАТТ) позволяет продемонстрировать это различие. Пункт 1 а) статьи XIX гласит: «Если в результате непредвиденных обстоятельств и выполнения взятых на себя какой-либо договаривающейся стороной обязательств по настоящему Соглашению, включая тарифные уступки, какой-либо товар импортируется на территории такой договаривающейся стороны в таких увеличенных количествах и при таких условиях, что они причиняют или угрожают причинить серьезный ущерб отечественным производителям на этой территории аналогичных или непосредственно конкурирующих с ним товаров, договаривающаяся сторона должна иметь право по отношению к подобному товару и в такой степени и на такой срок, которые могут быть необходимы для предотвращения или устранения подобного ущерба, приостановить обязательство полностью или частично или аннулировать уступки, или внести в них изменения». Здесь имеет место защитительное положение (такая возможность проработана более детально в Соглашении по специальным защитным мерам, включенном в приложение 1А Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года). И наоборот, общее положение пункта 5 статьи XXV (озаглавленной «Коллективные действия договаривающихся сторон») является положением об отступлении: «В исключительных обстоятельствах, не предусмотренных в настоящем Соглашении, Договаривающиеся Стороны могут временно освободить договаривающуюся сторону от обязательства, наложенного на нее настоящим Соглашением; При условии, что такое решение должно быть одобрено большинством в две трети голосов, и причем такое большинство должно составлять более половины договаривающихся сторон» (см. также раздел 2 а) статьи VIII Статей соглашения Международного валютного фонда).

³⁹⁵ Virally, «Des moyens utilisés dans la pratique...» (сноска 294 выше), p. 13.

³⁹⁶ Simma, «From bilateralism to community interest...» (сноска 99 выше), p. 329; см. также Tomuschat, «Obligations arising for States...» (сноска 99 выше), pp. 264 et seq.

– те, которые предоставляют сторонам возможность выбора между несколькими положениями;

– или же клаузулы оговорок, которые позволяют договаривающимся государствам и договаривающимся организациям формулировать оговорки, ставя их в случае необходимости в зависимость от определенных условий и ограничений.

7) Во вторую категорию³⁹⁷, включающую набор процедур, позволяющих сторонам изменять действие положений договора, хотя эти процедуры в самом договоре конкретно не предусмотрены, входят:

– новые оговорки, когда их представление не предусмотрено и не регламентируется документом, которого они касаются;

– приостановление действия договора³⁹⁸, причины которого перечислены и кодифицированы в части V Венских конвенций 1969 и 1986 годов, в частности применение принципов *rebus sic stantibus*³⁹⁹ и *non adimpleti contractus*⁴⁰⁰;

– поправки к договору, когда они автоматически не связывают всех участников⁴⁰¹; или

– протоколы или соглашения, имеющие своей целью (или направленные на то, чтобы) дополнить или изменить многосторонний договор лишь в отношении определенных участников⁴⁰², в том числе в рамках «придания двустороннего характера»⁴⁰³.

8) Этот перечень отнюдь не претендует на исчерпывающий характер: как указано выше⁴⁰⁴, участники переговоров проявляют такую изобретательность, которая, как можно судить, не имеет границ и исключает всякую претензию на исчерпывающий характер. По этой причине руководящее положение 1.7.1 ограничивается ссылкой на два метода, которые больше нигде не упомянуты и которые иногда квалифицируются в качестве «оговорок», хотя они совершенно не удовлетворяют определению, содержащемуся в руководящем положении 1.1.

9) Другие «альтернативы оговоркам», которые принимают форму односторонних заявлений, сделанных в связи с тем или иным договором, рассматриваются

в руководящих положениях, содержащихся в разделе 1.5 Руководства по практике.

10) Другие альтернативные процедуры еще более отличаются от оговорок. Это можно, например, сказать об уведомлениях о приостановлении действия договора. И в этом случае речь идет об односторонних заявлениях, каковыми являются оговорки. Так же, как оговорки, они могут иметь целью исключить юридическое действие некоторых положений договора в их применении к автору уведомления, если они делимы⁴⁰⁵, но только на временной основе. Что касается Венских конвенций 1969 и 1986 годов⁴⁰⁶, то они направлены, на основании пункта 1 статьи 65, на освобождение участников, «во взаимоотношениях которых приостанавливается действие договора, от обязательства выполнять договор в своих взаимоотношениях в течение периода приостановления»⁴⁰⁷, и четко ограничивают оговорки не столько по временному характеру исключения действия договора⁴⁰⁸, сколько по моменту времени, в который делаются, но в обязательном порядке после вступления договора в силу по отношению к автору заявления. В остальном Венские конвенции подчиняют их правовому режиму, четко отличающемуся от режима оговорок⁴⁰⁹.

⁴⁰⁵ См. статьи 57 а) (Приостановление действия договора в соответствии с его положениями или с согласия сторон) и статью 44 (Делимость договорных положений). См. также P. Reuter, «Solidarité et divisibilité des engagements conventionnels» в Y. Dinstein (ed.), *International Law at a Time of Perplexity – Essays in Honour of Shabtai Rosenne*, Dordrecht, Nijhoff, 1989, pp. 623–634, также воспроизводится в P. Reuter, *Le développement de l'ordre juridique international – Écrits de droit international*, Paris, Economica, 1995, pp. 361–374.

⁴⁰⁶ «Участник, который в соответствии с положениями настоящей Конвенции ссылается на порок в своем согласии на обязательность для него договора или на основание для оспаривания действительности договора, для прекращения договора, выхода из него или приостановления его действия, должен уведомить других участников о своем требовании. В уведомлении должны быть указаны меры, которые предполагается принять в отношении договора, а также их обоснования».

⁴⁰⁷ Пункт 1 а) статьи 72 Венских конвенций.

⁴⁰⁸ Некоторые оговорки могут быть сделаны в расчете на определенный период времени; так, Хорн приводит пример ратификации Соединенными Штатами Америки Конвенции о выдаче 1933 года, принятой на седьмой Международной конференции американских государств при условии, что ее определенные положения не будут к ним применяться «до последующей ратификации в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов Америки» (Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 100. Впрочем, положения об оговорках могут предусматривать такой временный характер (см. пункт 1 статьи 25 Европейской конвенции об усыновлении детей 1967 года и пункт 2 статьи 14 Европейской конвенции о правовом статусе внебрачных детей 1975 года, содержащих аналогичные формулировки: «Каждая оговорка действует в течение пяти лет с момента вступления в силу настоящей Конвенции в отношении соответствующего участника. Она может продлеваться каждые пять лет путем заявления, подаваемого до истечения каждого периода на имя Генерального секретаря Совета Европы»; или статью 20 Конвенции о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов от 1 июня 1970 года, которая позволяет договаривающемуся государству, не признающему развод, сохранять за собой право не признавать развод, однако в пункте 2 этой Конвенции говорится: «Такая оговорка действует до тех пор, пока развод не будет признан в праве государства, которое ее заявляет»).

⁴⁰⁹ См., в частности, статьи 65, 67, 68 и 72.

³⁹⁷ Среди этих последних процедур изменения действия договоров две первые носят односторонний характер, хотя и вытекают из общего международного права договоров, а две последние являются совместной инициативой сторон договора или ряда его сторон, с которой они выступают после его заключения.

³⁹⁸ Прекращение действия договора носит иной характер: оно прекращает договорные отношения.

³⁹⁹ См. статью 62 Венских конвенций.

⁴⁰⁰ См. статью 60 Венских конвенций.

⁴⁰¹ См. пункт 4 статьи 40 и пункт 4 статьи 30 Венских конвенций.

⁴⁰² См. статью 41 Венских конвенций.

⁴⁰³ См. пункты 19)–23) ниже.

⁴⁰⁴ См. пункт 4) выше.

11) То же самое происходит и в том случае, когда приостановление действия положений договора обусловлено уведомлением, сделанным не так, как предусматривается в предположении, указанном выше, на основании норм общего международного права договоров, а на основании конкретных положений, содержащихся в самом договоре⁴¹⁰. В этой связи заслуживает внимания идентичность концепции в сравнении между этим методом и методом оговорки: «В частности, в том и другом методе, по-видимому, уделяется мало внимания целостности международного соглашения, которой они предпочитают более универсальное применение соответствующего соглашения. Возможность формулирования оговорок является тем элементом, который позволяет достичь более общего принятия международных договоров. Кроме того, возможность на определенное время освободиться или не быть связанным международными обязательствами стимулирует колеблющееся государство к тому, чтобы в конечном счете взять на себя обязательство, которое предоставляет ему определенные преимущества. Однако на этом сходство двух процедур заканчивается»⁴¹¹. Действительно, в случае оговорки партнеры государства или международной организации, делающей оговорку, с самого начала информированы об ограничении его обязательства, а в случае заявления, сделанного на основании исключаящего положения, речь идет об устранении непредвиденных проблем, возникших в результате применения договора. Таким образом, временной элемент, включенный в определение оговорок, здесь отсутствует, как это имеет место во всех случаях односторонних заявлений с целью приостановления действия положений договора⁴¹². Поэтому риск того, что такие уведомления можно спутать с оговорками и наоборот, маловероятен.

12) Этого нельзя сказать о двух других средствах, которые также можно рассматривать в качестве альтернативны оговоркам в том смысле, что они имеют (или могут иметь) целью изменить действие договора в зависимости от некоторых конкретных особенностей ситуации участников: ограничительные клаузулы, с одной стороны, и, с другой стороны, соглашения, на основании которых два или несколько государств или международных организаций имеют целью исключить или изменить, на основании какого-либо конкретного положения договора, юридическое действие некоторых положений договора в своих взаимоотношениях.

13) На первый взгляд, все, за исключением их объекта, отличает эти средства от оговорок. Речь в данном случае идет о чисто договорных методах,

которые получают воплощение не в форме односторонних заявлений, а на основании соглашения или соглашений между участниками договора или между некоторыми из них. Однако идет ли речь об ограничительных клаузулах, содержащихся в договоре, о поправках, вступающих в силу в отношениях между некоторыми участниками договора, или о средствах «придания двустороннего характера», определенные проблемы все же могут возникать, хотя бы в связи с тем фактом, что некоторые теоретики квалифицируют эти средства в силу занятой ими позиции, кстати, без особой аргументации в качестве «оговорок».

14) Ограничительные клаузулы, имеющие целью ограничить объект обязательств, вытекающих из договора с использованием исключений и ограничений, весьма многочисленны и встречаются в договорах по самым различным вопросам, включая урегулирование споров⁴¹³, защиту прав человека⁴¹⁴, охрану окружающей среды⁴¹⁵, торговлю⁴¹⁶ и право вооруженных конфликтов⁴¹⁷. Даже если такие клаузулы приближаются к оговоркам по

⁴¹³ Помимо статьи 27 Европейской конвенции о мирном разрешении споров 1957 года, см., например, статью 1 Соглашения между Великобританией и Францией об арбитражном урегулировании некоторых категорий вопросов, которые могут возникнуть между двумя правительствами, Лондон, 14 октября 1903 года, *British and Foreign State Papers, 1902–1903*, vol. 96, p. 35, которое послужило прототипом для очень многих последующих договоров: «Разногласия, касающиеся юридических вопросов или толкования договоров между двумя договаривающимися сторонами, которые возникнут между ними и которые невозможно будет урегулировать дипломатическим путем, передаются на рассмотрение Постоянной палаты третейского суда, учрежденной в соответствии с Гаагской конвенцией [о мирном решении международных столкновений] от 29 июля 1899 года, при том условии, что они не ставят под угрозу ни важнейшие интересы, ни независимость, ни честь двух договаривающихся государств и не затрагивают интересы третьих держав».

⁴¹⁴ См. «отступные клаузулы», упомянутые в сноске 392 выше. Например (они также встречаются очень часто), см. статью 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают, что в отношении пользования теми правами, которые то или иное государство обеспечивает в соответствии с настоящим Пактом, это государство может устанавливать только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе».

⁴¹⁵ См. статью VII (Исключения и другие специальные положения, относящиеся к торговле) Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 года; статью 4 (Исключения) Конвенции о гражданской ответственности за ущерб в результате деятельности, опасной для окружающей среды, от 21 июня 1993 года; или статью 4 (Реестр конкретных исключений) Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях от 22 мая 2001 года.

⁴¹⁶ См. статьи XII (Ограничения в целях обеспечения равновесия платежного баланса), XIV (Исключения из правила о недискриминации), XX (Общие исключения) или XXI (Исключения по соображениям безопасности) Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года.

⁴¹⁷ См. статью 5 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года (Отступления) и статью 9 Конвенции о статусе беженцев от 22 апреля 1954 года (Временные меры).

⁴¹⁰ Как указывается выше (сноска 394), исключаящие клаузулы подразделяются на две категории: клаузулы об изъятии, с одной стороны, и защитительные клаузулы, с другой.

⁴¹¹ A. Manin, «À propos des clauses de sauvegarde», *Revue trimestrielle de droit européen*, No. 1 (1970), p. 3.

⁴¹² См. пункт 10) выше. В этом отношении см. также Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), pp. 501–502.

своему объекту⁴¹⁸, эти два метода «функционируют» по-разному: в случае ограничительных клаузул исключение носит общий характер и обусловлено самим договором; в случае оговорок оно представляет собой лишь возможность, которая открывается перед государствами-участниками и допускается договором, но вступает в действие лишь в случае одностороннего заявления в момент присоединения⁴¹⁹.

15) На первый взгляд, такие ограничительные клаузулы и оговорки спутать просто невозможно. Однако ложное представление создается не только благодаря современным формулировкам, в которых «часто встречаются такие выражения, как "оговорки о публичном порядке", "военной необходимости" или «исключительной компетенции»»⁴²⁰; но и из-за существования необъяснимой путаницы. Так, например, в часто приводимой выдержке⁴²¹ из особого

⁴¹⁸ Эмбер, сопоставляя статью 39 пересмотренного Общего акта о мирном разрешении международных споров в редакции 28 апреля 1949 года и статью 27 Европейской конвенции о мирном разрешении споров от 29 апреля 1957 года (Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 10), приводит два примера, которые четко показывают это важное сходство; в соответствии с пунктом 2 статьи 39 Общего акта оговорки должны быть исчерпывающе перечислены и «должны быть указаны при присоединении... эти оговорки могут быть сформулированы таким образом, чтобы изымать из процедуры, изложенной в настоящем Акте: а) споры, возникшие из фактов, предшествовавших либо присоединению стороны, сделавшей оговорку, либо присоединению другой стороны, с которой у первой случился бы спор; б) споры по вопросам, которые международное право относит к исключительной компетенции государств». С другой стороны, в статье 27 Европейской конвенции о мирном разрешении споров предусматривается следующее: «Положения настоящей Конвенции не распространяются на: а) споры, касающиеся фактов или ситуаций, предшествовавших вступлению в силу настоящей Конвенции между сторонами спора; б) споры по вопросам, которые международное право относит к исключительной компетенции государств». Статья 39 пересмотренного Общего акта о мирном разрешении международных споров – это положения об оговорке, статья 27 Европейской конвенции о мирном разрешении споров – ограничительная оговорка. Сходство, как очевидно, поразительное: в обоих случаях речь идет о том, чтобы исключить из предусмотренных в договоре способов урегулирования идентичные категории споров.

⁴¹⁹ Поэтому в предыдущем примере утверждение Эмбера о том, что «[н]а практике статья 27 Европейской конвенции имеет такой же результат, как и оговорка в Общем акте, является неправильным (*ibid.*, р. 10). Это верно лишь в отношении государства, заявляющего оговорку, с другими участниками Общего акта, но неверно в отношении других участников между собой, к которым договор применяется в целом.

⁴²⁰ Imbert, *ibid.*, р. 10. В отношении «оговорки о публичном порядке» см. первый пункт статьи 6 Конвенции о положении иностранцев на территориях, подвластных договаривающимся сторонам, подписанной в Гаване 20 февраля 1928 года: «Государства могут, по мотивам публичной безопасности, высылать домицилированных или временно проживающих иностранцев из пределов своей территории». В отношении «оговорки об исключительной компетенции» см. пункт 11 статьи 3 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года: «Ничто в настоящей статье [о касающейся нарушений и санкций] не затрагивает тот принцип, что описание правонарушений, о которых в ней говорится, входит в компетенцию национального законодательства каждой Стороны и что преследование и наказание за такие правонарушения осуществляются в соответствии с этим законодательством».

⁴²¹ См. G. Fitzmaurice, «The law and procedure of the International Court of Justice 1951–4: Treaty interpretation and other treaty points», *BYBIL 1957*, pp. 272–273; однако, хотя известный автор цитирует

мнения, которое судья Зоричич приложил к решению Международного Суда от 1 июля 1952 года по делу *Ambatielos*, он отметил:

Оговорка представляет собой согласованное сторонами договора условие в целях ограничения применения одного или нескольких его положений или разъяснения их смысла⁴²².

16) В руководящем положении 1.7.1 упоминаются ограничительные клаузулы с целью предостеречь от такой часто встречающейся путаницы и указать на наличие в этом случае возможной альтернативы оговоркам.

17) Упоминание соглашений, на основании которых два или несколько государств или международных организаций стремятся, на основании конкретного положения договора, исключить или изменить юридическое действие некоторых положений этого договора в своих взаимоотношениях, сделано с той же целью. Так, Европейский союз и его государства-члены включили в многосторонние договоры так называемые клаузулы «о разграничении», на основании которых они намерены исключить применение договора в их взаимоотношениях, которые по-прежнему регулируются правовыми нормами Европейского союза⁴²³.

18) Насколько, как представляется, нет нужды задерживаться на другом договорном средстве, которое также имеет целью обеспечить некоторую гибкость в применении договора – методе поправок (и дополнительных протоколов), которые вступают в силу лишь в отношениях между некоторыми

данное определение с явным одобрением, в своих комментариях он значительно отдалается от него.

⁴²² *Ambatielos, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1952*, p. 28, at p. 76. Другой пример см. G. Scelle, *Précis de droits des gens: principes et systématique*, part II, Paris, Sirey, 1934, p. 472.

⁴²³ См., например, пункт 3 статьи 26 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года: («Стороны, являющиеся членами Европейского союза, в своих взаимных отношениях применяют нормы Сообщества и Европейского союза в той мере, в какой нормы Сообщества или Европейского союза регулируют конкретный вопрос и применимы в конкретном случае, без ущерба для объекта и целей настоящей Конвенции и без ущерба для применения положений Конвенции в полном объеме в отношениях между Сторонами, являющимися членами Европейского союза, и другими Сторонами настоящей Конвенции») или пункт 3 статьи 40 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 года; пункт 3 статьи 53 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 года и пункт 1 статьи 54 (В) Конвенции о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам 1988 года. См. также Суд Европейского союза, пленарное заседание, заключение № 1/03, 7 февраля 2006 года, *Reports of Cases before the Court of Justice and the Court of First Instance 2006-2 (A)*, Part I, pp. I-1145 et seq., в частности pp. I-1183–I-1186 (points 78–85); см. также Комитет юрисконсультов по международному публичному праву (КЮМПП), *Report on the consequences of the so-called «disconnection clause» in international law in general and for Council of Europe conventions containing such a clause in particular*, Комитет министров Совета Европы, документ CM (2008)164, 27 октября 2008 года; C.P. Economides and A.G. Kolliopoulos, «La clause de déconnexion en faveur du droit communautaire: une pratique critiquable», *RGDIP*, vol. 110 (2006), pp. 273–302, или M. Ličková, «The european exceptionalism in international law», *European Journal of International Law*, vol. 19, No. 3 (2008), pp. 463–490.

участниками договора⁴²⁴, настолько это надо сделать в связи с некоторыми конкретными соглашениями, заключенными между двумя или более государствами – участниками основных договоров, которые имеют целью добиться тех же последствий, что и с помощью оговорок, и в отношении которых говорилось о «придании оговоркам двустороннего характера».

19) Режим придания договорам двустороннего характера был описан как позволяющий «договаривающимся государствам, являющимся участниками многосторонних конвенций, выбирать партнеров, с которыми они будут заниматься осуществлением предусмотренного режима»⁴²⁵. Такая процедура предусмотрена, например, в пункте 1 статьи XXXV Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года⁴²⁶. Сама по себе данная процедура не сопо-

⁴²⁴ Применение этого метода, предусмотренного пунктами 4–5 статьи 40 (и пунктом 4 статьи 30) и статьей 41 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, является обычной практикой. Хотя по своему характеру и по определенным аспектам правового режима (соблюдение принципиальных моментов договора, хотя выражение «объект и цель» договора в его положениях отсутствует) он приближается к определению оговорок, тем не менее во многих отношениях он значительно от них отличается:

a) его гибкий характер вытекает не из одностороннего заявления участника, а из соглашения между двумя или несколькими участниками первоначального договора;

b) в целом такое соглашение может быть заключено в любой момент после вступления в силу договора в отношении участников; иначе обстоит дело с оговорками, которые должны быть сформулированы не позднее момента выражения согласия на обязательность договора; и

c) речь идет не об «исключении или изменении юридического действия определенных положений договора в их применении», а, скорее, об изменении самих положений;

d) кроме того, если оговорки могут лишь ограничить договорные обязательства их авторов или предусмотреть способ выполнения договора на эквивалентной основе, поправки и протоколы могут выполнять обе роли и расширять, а также ограничивать обязательства государств и международных организаций, являющихся участниками договора. Поскольку спутать оговорки ни с чем нельзя, не требуется и никакого разъяснения и, видимо, нет нужды непосредственно упоминать в руководящем положении 1.7.1 об этом вполне очевидном различии.

⁴²⁵ M.H. van Hoogstraten, «L'état présent de la Conférence de La Haye de Droit International Privé», в M. Bos (ed.), *The Present State of International Law and other Essays: written in honour of the Centenary Celebration of the International Law Association 1873–1973*, Deventer, Kluwer, 1973, p. 387.

⁴²⁶ «Настоящее Соглашение либо статья II настоящего Соглашения не будет применяться между какой-либо договаривающейся стороной и какой-либо другой договаривающейся стороной, если: a) обе договаривающиеся стороны не вели переговоры по тарифам между собой, и b) одна из них в то время, когда другая становится договаривающейся стороной, не соглашается на такое применение». См. *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 199. Практика «дополнительных соглашений» (см. D. Carreau and P. Juillard, *Droit international économique* (Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1998), pp. 54–56 and 127) усиливает придание договорам двустороннего характера. См. также статью XIII Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации или некоторые конвенции, принятые в рамках Гаагской конференции по международному частному праву, например, пункт 4 статьи 13 Конвенции о признании правосубъектности иностранных компаний, объединений и учреждений от 1 июня 1956 года; статью 12 Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 года; статью 31 Конвенции о признании и приведении в исполнение решений об алиментных обязательствах в отношении детей от 2 октября 1973 года; статью 42 Конвенции относительно международного

ставима по духу с методом оговорок: она позволяет государству исключить – замалчиванием или прямым заявлением – применение договора в целом в его отношениях с одним или несколькими другими государствами и не исключать или изменять юридическое действие определенных положений договора или договора в целом в отношении некоторых аспектов. В этой связи ее можно, скорее, сопоставить с заявлениями о непризнании в тех случаях, когда они имеют целью исключить применение договора между государством-заявителем и непризнанным субъектом⁴²⁷.

20) Однако это не так в том случае, когда придание двустороннего характера производится в форме соглашения об отступлении от договора, заключенного между некоторыми участниками этого договора на основании включенных в него четких положений с этой целью, как это сделано в Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам, принятой 1 февраля 1971 года в рамках Гаагской конференции по международному частному праву. Собственно, именно по случаю разработки этой Конвенции и получило теоретическое обоснование понятие «придание оговоркам двустороннего характера».

21) Вследствие предложения Бельгии Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 1971 года выходит за рамки этих традиционных способов придания договорам двустороннего характера. Статья 21 этого документа не только обуславливает вступление данного акта в силу в отношении двусторонних договоров, но и позволяет двум государствам изменять их обязательства *inter se* в конкретных пределах, указанных в статье 23⁴²⁹.

управления имуществом умерших лиц от 2 октября 1973 года; пункт 3 статьи 44 Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 года; пункт 3 статьи 58 Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 года; пункт 3 статьи 54 Конвенции о международной защите совершеннолетних от 13 января 2000 года; или статью 37 Европейской конвенции об иммунитете государств от 16 мая 1972 года, принятой в рамках Совета Европы: «если государство, которое ранее присоединилось к Конвенции, уведомляет Генерального секретаря Совета Европы о своем возражении в отношении присоединения государства, не являющегося членом, до того, как оно вступает в силу, то это не касается отношений между этими двумя государствами».

⁴²⁷ См. руководящее положение 1.5.1 и пункты 5)–9) комментария к нему.

⁴²⁸ «Решения, вынесенные в одном из договаривающихся государств, не признаются и не объявляются подлежащими исполнению в другом договаривающемся государстве в соответствии с положениями предшествующих статей, если эти два государства, став участниками Конвенции, не заключили соответствующего дополнительного соглашения».

⁴²⁹ Первоначальное предложение Бельгии не предусматривало такую возможность изменения; оно было внесено позже в ходе обсуждений (см. P. Jenard, «Une technique originale: La bilatéralisation de conventions multilatérales», *Belgian Review of International Law* (1966-2), pp. 392–393).

Договаривающиеся государства имеют право предусмотреть в дополнительных соглашениях, которые они заключают в соответствии со статьей 21, возможность договориться о: ...

После этого приводится перечень 23 различных способов изменения Конвенции, цели которой, как о них говорится в разъяснительном докладе Ч.Н. Фрагистаса, состоят в следующем:

1. уточнить ряд используемых в Конвенции технических терминов, которые в разных странах могут иметь разное значение (статья 23 Конвенции, пункты № 1, 2, 6 и 12);

2. распространить сферу применения Конвенции на области, которые не охвачены ею (статья 23 Конвенции, пункты № 3, 4 и 22);

3. обеспечить применение Конвенции в тех случаях, когда условия, обычно предусмотренные ею, не выполняются (статья 23 Конвенции, пункты № 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13);

4. исключить из сферы применения Конвенции области, которые обычно в нее входят (статья 23 Конвенции, пункт № 5);

5. установить неприменимость ряда положений (статья 23 Конвенции, пункт № 20);

6. обеспечить обязательность выполнения ряда факультативных положений Конвенции (статья 23 Конвенции, пункты № 8-бис и 20);

7. урегулировать вопросы, не разрешенные в Конвенции, или привести положения внутреннего права в соответствие с некоторыми ее положениями (статья 23 Конвенции, пункты № 14, 15, 16, 17, 18 и 19)⁴³⁰.

Несомненно, что многие из этих возможных вариантов «являются простыми способами, позволяющими государствам дать определение словам или предусмотреть процедуры»⁴³¹; однако некоторые из них ограничивают действие Конвенции и весьма сопоставимы по своим последствиям с оговорками, которыми они, однако, не являются⁴³².

22) Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 1971 года является не единственным договором, в котором используется процедура сдваивания базовой конвенции и дополнительного соглашения, позволяющего внести в ее содержание изменения, хотя она и представляет собой типичный и, возможно, наиболее заверченный пример такого сдваивания. В частности, можно привести следующие примеры⁴³³:

– статья 20 Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 года, которая позволяет договаривающимся государствам

заключать соглашения с целью исключить требования в отношении определенных положений⁴³⁴;

– статья 34 Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров от 14 июня 1974 года⁴³⁵;

– статьи 26, 56 и 58 Европейской конвенции о социальном обеспечении от 14 декабря 1972 года, в которых используются сходные формулировки и предусматривается следующее:

Применение [определенных положений] между двумя или несколькими договаривающимися сторонами обусловлено заключением двухсторонних или многосторонних соглашений между этими сторонами, которые могут также предусматривать особый порядок;

или из недавних примеров:

– пункт 2 статьи 39 Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 года:

Любое договаривающееся государство может заключать с одним или несколькими другими договаривающимися государствами соглашения в целях содействия применению Конвенции в своих взаимных отношениях. Эти соглашения могут предусматривать отступления лишь от положений статей 14–16 и 18–21. Государства, которые заключают такие соглашения, направляют их копию депозитарию Конвенции⁴³⁶.

или

– статья 5 (Добровольное распространение действия) Хельсинкской конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий от 17 марта 1992 года:

Заинтересованным Сторонам следует по инициативе любой из них проводить обсуждения по вопросу о том, следует ли рассматривать ту или иную деятельность, не охватываемую приложением I, в качестве опасной деятельности. (...) В случае достижения заинтересованными Сторонами договоренности по этому вопросу настоящая Конвенция или любая ее часть применяются к этой деятельности, как если бы она была опасной деятельностью.

23) Совершенно очевидно, что эти возможности, которые позволяют участникам, заключающим дополнительное соглашение, исключать применение некоторых положений основного договора или не применять некоторые из его положений, в качестве общего правила и в определенных обстоятельствах, имеют целью исключить или изменить юридическое действие некоторых положений договора или

⁴³⁰ Conférence de la Haye, *Actes et documents de la session extraordinaire, Exécution des jugements, 13 au 26 avril 1966*, The Hague, Imprimerie Nationale, 1969, p. 364. См. также G.A.L. Droz, «Le récent projet de Convention de La Haye sur la reconnaissance et l'exécution des jugements étrangers en matière civile et commerciale», *Netherlands International Law Review* (1966), p. 240.

⁴³¹ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 200.

⁴³² Contra Imbert, *ibid.*

⁴³³ Эти примеры заимствованы из работы Imbert, *ibid.*, p. 201.

⁴³⁴ Однако применение этого положения не строится на свободном выборе партнера; см. Imbert, *ibid.*, см. также Droz, «Les réserves...» (сноска 109 выше), pp. 390–391. По существу, данная процедура явно близка к поправкам между определенными сторонами только базовой конвенции.

⁴³⁵ По этому положению можно сделать аналогичное замечание.

⁴³⁶ И здесь нельзя по сути дела говорить о процессе придания двустороннего характера в строгом понимании этого аспекта, поскольку данное положение не предусматривает выбора партнера. См. также статью 52 Конвенции о юрисдикции, применении права, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 года; или статью 49 Конвенции о международной защите совершеннолетних от 13 января 2000 года.

весь договор в целом в отношении некоторых конкретных аспектов в связи с их применением к обоим участникам, связанным вышеупомянутым соглашением. Однако в этом-то и заключается их принципиальное отличие от собственно оговорок, поскольку эти исключения или изменения вытекают не из одностороннего заявления, которое является одним из важных элементов определения оговорок⁴³⁷, а из соглашения между двумя участниками базового договора, которое не имеет никаких последствий для других договаривающихся государств и договаривающихся организаций этого договора. «Целью системы является разработка двух документов: многосторонней конвенции, с одной стороны, и дополнительного соглашения, с другой, которое – даже если оно найдет поддержку в многосторонней конвенции – имеет тем не менее свое собственное существование»⁴³⁸. Дополнительное соглашение является своего рода «актом-условием», необходимым не для вступления в силу договора, а для внесения изменений в отношения между двумя участниками, которые его заключают, даже если его действие ослабнет (и в этом наиболее очевидно просматривается сходство с процедурой оговорок) или усилится. Однако сохраняющийся договорный характер этого метода исключает всякое приравнивание к оговоркам.

24) Именно эти соглашения имеют ту же цель, что и оговорки, и именно их обычно, но неправильно квалифицируют «оговорками, имеющими двусторонний характер», которые рассматриваются во втором подпункте руководящего положения 1.7.1.

1.7.2 Альтернативы заявлениям о толковании

В целях уточнения или разъяснения смысла или сферы действия договора или определенных его положений государства или международные организации, помимо заявлений о толковании, могут также использовать другие средства, такие как:

a) включение в договор положений, предназначенных для толкования этого договора;

b) заключение дополнительного соглашения с этой же целью одновременно с заключением договора или после его заключения.

Комментарий

1) Подобно тому, как оговорки не являются единственным средством, с помощью которого договаривающиеся государства и договаривающиеся организации могут изменять действие положений договора, так и заявления о толковании не являются единственной процедурой, с помощью которой государства и международные организации могут

⁴³⁷ См. руководящее положение 1.1: «Оговорка означает одностороннее заявление».

⁴³⁸ P. Jenard, *Rapport du Comité restreint sur la bilatéralisation*, Conférence de La Haye, *Actes et documents de la session extraordinaire*, 1966, p. 145. См. также пояснительный доклад C.N. Fragistas, *ibid.*, pp. 363–364, или G. Droz, сноска 109 выше, p. 391.

уточнять или разъяснять смысл или значение договора. Если не говорить о механизмах толкования третьими сторонами, которые часто предусмотрены в договорах⁴³⁹, то разнообразие альтернативных процедур в сфере толкования не представляется столь широким, и в данном случае можно упомянуть лишь о двух процедурах такого рода.

2) Во-первых, довольно часто в самом договоре дается четкое толкование его собственных положений. Эти толкования составляют существо положений, в которых дается определение используемых в договоре терминов⁴⁴⁰. Помимо этого, в договорах довольно часто содержатся указания на то, каким образом следует толковать обязательства, налагаемые договором на стороны, причем эти указания могут содержаться как в тексте самого договора⁴⁴¹, так и в отдельном документе⁴⁴².

3) Во-вторых, стороны, либо некоторые из них⁴⁴³, могут заключать соглашение в целях толкования договора, заключенного ранее между ними. Такая ситуация специально предусмотрена в пункте 3 а) статьи 31 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, в котором наряду с контекстом учитывается

любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений.

4) Однако может возникнуть ситуация, в которой толкование будет носить «двусторонний характер»⁴⁴⁴. Такая ситуация возникает в тех случаях, когда в рамках многосторонних конвенций смысл и значение некоторых их положений разъясняется в двусторонних соглашениях. Так, упомянутая выше статья 23 Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 1971 года предусматривает, что договаривающиеся государства имеют возможность заключать дополнительные соглашения, в частности, в целях:

⁴³⁹ См. Simon, *L'interprétation judiciaire des traités...* (сноска 166 выше), p. 936.

⁴⁴⁰ См. среди многочисленных примеров статью 2 Венских конвенций 1969 и 1986 годов или статью XXX Статей соглашения Международного валютного фонда.

⁴⁴¹ См. также среди многочисленных примеров пункт 4 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, который гласит: «Никакая часть настоящей статьи не должна толковаться в смысле умаления свободы отдельных лиц и учреждений создавать учебные заведения и руководить ими».

⁴⁴² См. «Замечания и дополнительные положения» в приложении I Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года. Такая ситуация предусмотрена пунктом 2 статьи 30 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

⁴⁴³ В тех случаях, когда все стороны соглашения о толковании также являются участниками первоначального договора, толкование является аутентичным (см. замечания Комиссии международного права по пункту 3 а) статьи 27 проекта статей о праве международных договоров – в настоящее время пункт 3 а) статьи 30 Венской конвенции 1969 года: *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 221 англ. текста, пункт 14; в отношении двусторонних договоров см. руководящее положение 1.6.3).

⁴⁴⁴ В отношении придания «оговоркам» двустороннего характера см. руководящее положение 1.7.1 и пункты 18)–23) комментария к нему.

1. Уточнения смысла терминов «гражданские и торговые дела», определения судебных органов и решений, к которым применима данная Конвенция, определения смысла термина «социальное обеспечение» и определения значения слов «обычное местожительство»;

2. Уточнения смысла слова «право» в государствах с несколькими правовыми системами;...⁴⁴⁵.

5) По аналогии с руководящим положением 1.7.1, касающимся альтернатив оговоркам, представлялось желательным включить в Руководство по практике положение, касающееся альтернатив заявлениям о толковании. Однако посвящать отдельное руководящее положение условным заявлениям о толковании представляется нецелесообразным⁴⁴⁶: перечисленные выше альтернативные средства носят договорный характер и предполагают согласие договаривающихся государств и договаривающихся организаций. Таким образом, является согласованное толкование условием принятия договорных обязательств или не является – не имеет значения.

1.8 Сфера применения определений

Определения односторонних заявлений, включенные в настоящую часть, не предрешают вопроса о действительности и юридических последствиях таких заявлений согласно применимым к ним правилам.

Комментарий

1) Определять – не значит регламентировать. Определение имеет своей единственной задачей установить, к какой общей категории относится то или иное заявление. Однако такая классификация никоим образом не предрешает действительности данных заявлений: оговорка может быть действительной или недействительной – она, тем не менее, остается оговоркой, если отвечает принятому определению. А contrario, она не является оговоркой, если не отвечает критериям, сформулированным в этих проектах руководящих положений, но из этого отнюдь не следует, что эти заявления являются действительными (или недействительными) с точки зрения других норм международного права. Аналогичным образом обстоит дело с заявлениями о толковании, в отношении которых можно предположить, что они недействительны либо потому, что они изменяют договор, либо потому, что они не были сформулированы в соответствующий момент⁴⁴⁷ и т.д.⁴⁴⁸.

2) Более того: точное определение характера какого-либо заявления является необходимым предварительным условием для применения конкретного правового режима, и в первую очередь – оценки его действительности. Только после того, как какой-либо

конкретный правовой акт определяется как оговорка (или как заявление о толковании – простое или условное), можно решать вопрос о том, является ли она действительной, оценивать ее юридическое значение и определять ее последствия. Но эта действительность и эти последствия никаким иным образом не затрагиваются определением, которое предписывает лишь способ осуществления применимых норм.

3) Так, например, тот факт, что оговорка была сформулирована «при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятии, утверждении договора или присоединении к нему, или когда государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении договора» (в соответствии с пунктом 1 руководящего положения 1.1), не означает, что такая оговорка обязательно является действительной; она является действительной лишь тогда, когда удовлетворяет требованиям, установленным правом оговорки к международным договорам, и в частности требованиям, закрепленным в статье 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Аналогичным образом, закрепляя четко установившуюся практику «сквозных» оговорки в пункте 2 руководящего положения 1.1, Комиссия никоим образом не намерена высказываться относительно действительности такой оговорки в каком-либо определенном случае, который зависит от ее содержания и контекста; единственная цель этого проекта состоит в том, чтобы показать, что одностороннее заявление, имеющее такие черты, представляет собой оговорку и что в этом качестве оно подчинено правовому режиму оговорки.

4) «Применимые... нормы», к которым отсылает руководящее положение 1.8, – это прежде всего соответствующие нормы Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов, а в более общем плане – нормы обычного права, применимые к оговоркам и к заявлениям о толковании, которые настоящее Руководство по практике имеет целью кодифицировать и прогрессивно развить в соответствии с мандатом Комиссии, и к другим односторонним заявлениям, которые государства и международные организации формулируют в отношении договоров, но которые находятся за рамками Руководства по практике.

5) В более общем плане руководящие положения, фигурирующие в Руководстве по практике, в своей совокупности являются взаимозависимыми и не могут читаться и пониматься изолированно.

2. Процедура

2.1 Форма оговорок и уведомление об оговорках

2.1.1 Форма оговорок

Оговорка должна формулироваться в письменной форме.

⁴⁴⁵ В отношении этого положения см. пункты 20)–21) комментария к руководящему положению 1.7.1.

⁴⁴⁶ См. руководящее положение 1.4.

⁴⁴⁷ Подобная проблема вполне может возникнуть в связи с условными заявлениями о толковании (см. руководящее положение 1.4).

⁴⁴⁸ Аналогичное замечание, очевидно, применимо к односторонним заявлениям, которые не являются ни оговорками, ни заявлениями о толковании, упомянутыми в разделе 1.5.

Комментарий

1) По смыслу пункта 1 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов оговорки «должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения договаривающихся государств [и договаривающихся организаций] и других государств [и международных организаций], имеющих право стать участниками договора». Первое из этих требований воспроизводится в руководящем положении 2.1.1; второе приводится в руководящем положении 2.1.5.

2) Необходимость формулирования оговорки в письменной форме, хотя она и не была включена в определение самих оговорок⁴⁴⁹, а употребленное в этом определении слово «заявление» в равной степени означает как устную, так и письменную форму, никогда не ставилась под сомнение в ходе разработки Венских конвенций⁴⁵⁰. В заключительном комментарии Комиссии к тому, что тогда было первым пунктом проекта статьи 18 и что должно было стать без изменений в этом аспекте пунктом 1 статьи 23 Венской конвенции 1969 года, требование о формулировании оговорок в письменной форме представлено как нечто само собой разумеющееся⁴⁵¹.

3) Таковым было с 1950 года мнение Специального докладчика г-на Брайерли, который в своем первом докладе о праве международных договоров предложил следующий текст пункта 2 статьи 10:

Если договор не предусматривает иного, аутентичность текста предлагаемой к нему поправки должна быть установлена одновременно с текстом или текстами этого договора или иным образом официально доведена до сведения тем же способом, что и документ или копия документа о принятии этого договора⁴⁵².

4) При обсуждении в 1950 году⁴⁵³ это предложение не вызвало возражений (разве что слова «установление аутентичности»), однако уже в 1956 году после выхода первого доклада о праве международных договоров Специального докладчика сэра Джеральда Фитцмориса вопрос о форме оговорок возник вновь; согласно пункту 2 проекта статьи 37, который он предложил и который по сути является предтечей нынешнего пункта 2 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов:

Оговорки должны быть официально изложены и представлены в письменной форме или каким-то образом закреплены в протоколе совещания или конференции...⁴⁵⁴.

⁴⁴⁹ См. руководящее положение 1.1, в котором воспроизводится сочетание определений, содержащихся в пункте 1 d) статьи 2 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и в пункте 1 j) статьи 2 Венской конвенции 1978 года; см. также *Ежегодник... 1998 год*, том II (часть вторая), стр. 117–119.

⁴⁵⁰ См. также A. Pellet and W. Schabas: «1969 Vienna Convention. Article 23: Procedure regarding reservations» в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), р. 598, para. 16.

⁴⁵¹ См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста.

⁴⁵² *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 239 англ. текста.

⁴⁵³ *Ежегодник... 1950 год*, том I, 53-е заседание, 23 июня 1950 года, стр. 91–92 англ. текста.

⁴⁵⁴ *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 115 англ. текста.

5) В 1962 году после выхода первого доклада о праве международных договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока⁴⁵⁵ Комиссия продолжила обсуждение этой темы:

Оговорки, которые должны быть представлены в письменной форме, могут быть сформулированы:

- i) при принятии текста договора либо в самом договоре, либо в заключительном акте конференции, на которой этот договор принимался, либо в любом другом документе, составленном в связи с принятием этого договора;
- ii) при подписании договора в более позднюю дату; или
- iii) при обмене или сдаче на хранение ратификационных грамот, документов о присоединении, принятии или одобрении, либо в самом документе, либо в протоколе или любом другом сопровождающем его документе⁴⁵⁶.

Члены Комиссии это положение практически не обсуждали⁴⁵⁷.

6) С учетом позиции двух правительств⁴⁵⁸, которые предложили «несколько упростить процедурные положения»⁴⁵⁹, сэр Хэмфри Уолдок во втором чтении предложил намного более лаконичную формулировку следующего содержания:

Оговорки должны быть представлены в письменной форме. Если оговорка делается после принятия текста договора, она должна быть доведена до сведения депозитария, а в отсутствие такового – других заинтересованных государств⁴⁶⁰.

Именно этот проект непосредственно лег в основу пункта 1 статьи 23 Венских конвенций.

7) Хотя формулировка требования в отношении письменной формы претерпела изменения, ни Комиссия⁴⁶¹, ни Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968 и 1969 годов⁴⁶² никогда не ставили его под сомнение. Ни г-н Рейтер, Специальный докладчик по вопросу о праве международных договоров, заключаемых между государствами и международными организациями или между двумя или более международными

⁴⁵⁵ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 31 и далее, в частности стр. 60 англ. текста.

⁴⁵⁶ Там же, стр. 176 англ. текста, пункт 2 a) проекта статьи 18; комментарий к этому положению см. там же, стр. 180 англ. текста; см. также пункты 4) и 5) комментария к руководящему положению 2.2.1.

⁴⁵⁷ См. краткие отчеты о 651–656-м заседаниях (25 мая – 4 июня 1962 года), *Ежегодник... 1962 год*, том I, стр. 139–179 англ. текста. См. при этом замечания г-на Кастрена (652-е заседание, 28 мая 1962 года, там же, стр. 148 англ. текста) и сэра Хэмфри Уолдока (656-е заседание, 4 июня 1962 года, там же, стр. 175–179 англ. текста); см. также пункт 8) ниже.

⁴⁵⁸ Дания и Швеция (см. четвертый доклад по праву международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 46–47 англ. текста).

⁴⁵⁹ Там же, стр. 53 англ. текста, пункт 13.

⁴⁶⁰ Там же, пункт 1 проекта статьи 20.

⁴⁶¹ См. окончательный текст проекта статей о праве международных договоров в *Ежегоднике... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста (проект статьи 18, пункт 1).

⁴⁶² См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), доклад Комитета полного состава о его работе на первой сессии Конференции (A/CONF.39/14), pp. 138–139, paras. 190–196.

организациями, ни участники Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями не добавили уточнений и не предложили изменений в этом плане. Таким образом, процесс разработки свидетельствует о примечательном единодушии в этом отношении.

8) И это легко объяснимо. Как было отмечено:

Оговорки представляют собой официальные заявления. Хотя их формулирование в письменной форме не охватывается их определением, по всей видимости, в соответствии со статьей 23 (1) Венской конвенции это требование носит абсолютный характер. В наше время не часто случается, чтобы различные акты процесса заключения договора совершались одновременно, поэтому оговорка, представленная в устной форме, не может быть доведена до сведения всех договаривающихся сторон. В эпоху дифференциации нормотворческих процедур принципиально важное значение приобретает необходимость письменного закрепления оговорок в целях их учета депозитариями и доведения до сведения других сторон, с тем чтобы все заинтересованные государства о них знали. Невозможно принимать меры в связи с оговоркой, о которой не поступило уведомления. Другие государства не смогут прямо принять или отклонить такие оговорки⁴⁶³.

9) Тем не менее в ходе обсуждения на четырнадцатой сессии Комиссии в 1962 году сэр Хэмфри Уолдок, отвечая на вопрос г-на Табиби, не исключил полностью идею «оговорок, сделанных в устной форме». Однако он выразил мнение, что этот вопрос «в большей мере относится к формулированию оговорок в момент принятия договора, о чем говорится в подпункте а) i) пункта 2», и что в любом случае требование официального подтверждения «в значительной мере должно способствовать решению этой проблемы»⁴⁶⁴.

10) По существу же не имеет особого значения то, каким образом оговорки были первоначально сформулированы, если они должны быть официально подтверждены в момент выражения окончательного согласия на обязательность договора. И, бесспорно, именно таким образом следует толковать пункт 1 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов в свете подготовительных материалов: письменная форма обязательна лишь тогда, когда оговорка формулируется в окончательном виде, а именно:

а) в момент подписания договора, если он это предусматривает⁴⁶⁵ или если подписание является формой выражения окончательного согласия на обязательность договора (соглашение в упрощенной форме)⁴⁶⁶; и

б) во всех других случаях, когда государство или международная организация выражает свое согласие на обязательность для него/нее договора⁴⁶⁷.

11) Вместе с тем Комиссия считает, что вопрос о возможности формулирования оговорки в устной форме на начальном этапе может оставаться открытым. Как заметил сэр Хэмфри Уолдок⁴⁶⁸, ответ не имеет какого-либо практического значения: договаривающаяся сторона может в любом случае сформулировать оговорку до даты выражения своего согласия на обязательность договора; с этой даты, даже если первоначальное устное заявление не может рассматриваться как собственно оговорка, место формулирования займет сделанное в надлежащее время «подтверждение».

2.1.2 Мотивировка оговорок

В оговорке, насколько это возможно, следует указывать мотивы, по которым она формулируется.

Комментарий

1) Ни в документах Комиссии, посвященных праву международных договоров, ни в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов никак не предусматривается, что государство или международная организация, которые формулируют оговорку, должны мотивировать ее и указывать причины, по которым они считают необходимым исключить или изменить юридическое действие некоторых положений договора или договора в целом в некоторых конкретных аспектах. Поэтому мотивировка оговорок не является условием их действительности в рамках Венской системы.

2) В отличие от этого некоторые конвенции предусматривают, что государства должны мотивировать свои оговорки и указывать причины, по которым они их формулируют. Одним особо показательным примером является статья 57 (бывшая статья 64) Европейской конвенции по правам человека, которая гласит следующее:

1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче им на хранение его ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. В соответствии с настоящей Статьей оговорки общего характера не допускаются.

2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с настоящей Статьей, должна содержать краткое изложение соответствующего закона.

Согласно этому положению, без всякого сомнения, являющемуся *lex specialis* с точки зрения общего международного права, изложение закона, который является поводом для оговорки, представляет собой подлинное условие действительности любой оговорки к Европейской конвенции по правам человека. В своем известном решении по делу *Belilos*

⁴⁶³ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (см. сноску 25 выше), p. 44; см. также L. Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties: Ratify and Ruin?*, Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1995, p. 50.

⁴⁶⁴ *Ежегодник... 1962 год*, том I, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, стр. 223 англ. текста, пункт 34. См. также замечания г-на Брайерли, сделанные в 1950 году: «Г-н Брайерли согласен с тем, что оговорка должна быть представлена официально, однако она может быть объявлена и неофициально в ходе переговоров» (*Ежегодник... 1950 год*, том I, 53-е заседание, стр. 91 англ. текста, пункт 19).

⁴⁶⁵ См. руководящее положение 2.2.3.

⁴⁶⁶ См. руководящее положение 2.2.2.

⁴⁶⁷ См. руководящее положение 2.2.1.

⁴⁶⁸ См. пункт 8) выше.

Европейский суд по правам человека выразил мнение о том, что пункт 2 статьи 57 (бывшей статьи 64) «не является просто формальным требованием; он устанавливает материально-правовое условие»⁴⁶⁹. По мнению Суда, требуемая мотивировка или разъяснения «призваны предоставить, в частности, другим договаривающимся сторонам или органам, созданным в соответствии с Конвенцией, гарантию того, что оговорка не выходит за рамки положений, в явно выраженной форме отвергаемых соответствующим государством»⁴⁷⁰. Санкция за несоблюдение этого условия об указании мотивов (или предоставлении разъяснений) заключается в утрате оговоркой ее действительности⁴⁷¹.

3) Хотя в общем международном праве такое радикальное последствие не может вызываться отсутствием мотивировки, причины и целесообразность указания мотивов оговорок, подчеркнутые Европейским судом в 1988 году, распространяются на всю совокупность договоров и оговорок. По этой причине Комиссия сочла целесообразным поощрять мотивировку оговорок, не превращая это в юридическое обязательство. Но необязывающая формулировка руководящего положения, что проясляется в использовании формулировки «насколько это возможно, следует», показывает, что речь здесь идет о желательной формальности, но никоим образом не о юридическом обязательстве.

4) Итак, мотивирование (следовательно, факультативное) не является дополнительной формальностью, направленной на то, чтобы затруднить формулирование оговорок; оно является полезным средством как для автора оговорки, так и для других государств, международных организаций или органов по наблюдению, заинтересованных в эффективном выполнении возложенных на них функций. Мотивировка дает автору оговорки возможность изложить и разъяснить не только причины, которые побудили его сформулировать оговорку, например (но не исключительно), препятствия во внутригосударственном праве, которые могут осложнить или исключить применение положения, к которому сделана оговорка, но и привести аргументы, полезные для оценки действительности оговорки. В этой связи необходимо не упускать из виду, что оценка действительности оговорки также обязанность и ее автора.

5) Кроме того, мотивировка и разъяснения автора оговорки в равной степени облегчают задачу других субъектов, наделенных компетенцией проводить оценку действительности оговорки, т.е. других заинтересованных государств или международных организаций, различных органов по урегулированию споров, призванных толковать или применять договор, или органов, осуществляющих наблюдение за применением договоров. Поэтому мотивирование оговорки представляется также как средство, которое позволяет государствам и международным

организациям сотрудничать с другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями и контрольными органами, с тем чтобы можно было провести оценку действительности оговорок⁴⁷². Оно составляет центральную часть диалога об оговорках.

6) Любая мотивировка и любое разъяснение причин, которые повлекли за собой необходимость формулирования оговорки, по мнению ее авторов, в равной степени способствуют налаживанию необходимого успешного диалога между автором оговорки и договаривающимися государствами и международными организациями, а в случае существования – органом по наблюдению. Это идет на пользу не только государствам или международным организациям, которые призваны выражать свое мнение при принятии оговорки или при возражении против нее, но и для самого автора оговорки; последний, приводя свои аргументы, может способствовать устранению сомнений, которые могут испытывать его партнеры относительно действительности оговорки, и направить необходимый диалог в русло максимального взаимопонимания.

7) На практике отмечается, что оговорки реже сопровождаются мотивацией, чем возражения. Вместе с тем в государственной практике имеются примеры случаев, когда государства и международные организации стараются указать причины, по которым они формулируют ту или иную оговорку. В некоторых случаях это делается исключительно исходя из наличия такой возможности и, следовательно, предоставленные разъяснения мало чем помогают при оценке действительности оговорки, за исключением, может быть, того, что установленная мотивировка мотивируется лишь желанием воспользоваться имеющейся возможностью⁴⁷³. Однако часто разъяснения, которыми сопровождаются оговорки, явно в значительной степени являются толкованием их мотивации. Так, Барбадос обосновал свою оговорку к статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах практическими трудностями в плане выполнения ее положений:

⁴⁷² Это обязательство сотрудничать с контрольными органами было подчеркнуто Комиссией в ее предварительных выводах 1997 года относительно оговорок к многосторонним нормативным договорам, включая договоры о правах человека, в пункте 9 которых предусматривается следующее: «Комиссия призывает государства сотрудничать с наблюдательными органами» (*Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65). Это обязательство сотрудничать было также подчеркнуто органами, созданными в силу международных договоров о правах человека, во время их Шестого межкомитетского совещания 2007 года (см. доклад совещания рабочей группы по оговоркам, HRI/MC/2007/5, пункт 19 (Рекомендации рабочей группы), рекомендация № 9 а)).

⁴⁷³ Так обстоит дело с оговоркой Франции к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах, согласно которой «в том, что касается пункта 3-bis b) статьи 23 Соглашения о дорожных знаках и сигналах, Франция намеревается сохранить возможность использования сигнальных огней на противоположной движению стороне, с тем чтобы с их помощью можно было подавать сигналы, отличные от сигналов огней, расположенных на стороне, соответствующей направлению дорожного движения» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.B.24).

⁴⁶⁹ *Belilos v. Switzerland*, постановление от 29 апреля 1988 года (см. сноску 192 выше), para. 59.

⁴⁷⁰ *Ibid.*

⁴⁷¹ *Ibid.*, par. 60.

Правительство Барбадоса заявляет, что оно резервирует за собой право не применять в полном объеме гарантию, касающуюся бесплатной правовой помощи в судах и предусмотренную подпунктом *d*) пункта 3 статьи 14 Пакта; в действительности, в то время как оно подписывается под принципами, провозглашенными в указанном пункте, в силу целого ряда практических трудностей оно не может в данный момент гарантировать полное осуществление этого положения⁴⁷⁴.

Другим примером (среди большого числа прецедентов) является оговорка, которую сформулировало Конго к статье 11 этого же Пакта и которая сопровождалась следующими пространственными разъяснениями:

Правительство Демократической Республики Конго заявляет, что оно не считает себя связанным положениями статьи 11...

Статья 11 Международного пакта о гражданских и политических правах значительно расходится со статьей 386 и последующими статьями конголезского Гражданско-процессуального, Коммерческого, Административного и Финансового кодексов, основанными на Законе 51/83 от 21 апреля 1983 года и предусматривающими, что в области частного права исполнение решений или постановлений по итогам примирительной процедуры может приводить к заключению в тюрьму за долги, если использование других путей исполнения не дало никаких результатов, если основная сумма долга, подлежащего возврату, превышает 20 000 франков КФА и если должник в возрасте старше 18 и моложе 60 лет стал несостоятельным недобросовестным образом⁴⁷⁵.

8) Очевидные преимущества мотивировки оговорки и та роль, которую мотивировка играет в вызванном оговоркой диалоге, побудили Комиссию не уточнять в руководящем положении 2.1.2, что мотивировка должна осуществляться вместе с самой оговоркой и быть ее составной частью, — как это обычно происходит с мотивировкой возражений⁴⁷⁶, — но это, безусловно, представляется желательным, даже если ничто не мешает государству или международной организации мотивировать свою оговорку *ex post facto*.

9) Хотя, в конечном счете, представляется целесообразным поощрять мотивирование оговорок, это не должно, по мнению Комиссии, становиться удобным прикрытием, позволяющим оправдывать формулирование общих или неясных оговорок. В соответствии с руководящим положением 3.1.5.2 (Неясные или общие оговорки), «оговорка излагается таким образом, чтобы можно было понять ее смысл, в частности для оценки ее совместимости с объектом и целью договора». Мотивировка не может заменять требование формулировать оговорку в таких выражениях, которые позволяли бы оценивать ее действительность. Оговорка, даже без мотивировки, должна быть самодостаточной и позволять произвести оценку ее действительности. Мотивировка может только облегчать проведение такой оценки⁴⁷⁷.

⁴⁷⁴ *Ibid.*, chap. IV.4. См. также оговорку Гамбии (*ibid.*).

⁴⁷⁵ *Ibid.*, chap. IV.4.

⁴⁷⁶ См. руководящее положение 2.6.9 и комментариев к нему. В любом случае весьма затруднительно отличить оговорку от ее мотивировки, если и та, и другая фигурируют в одном и том же договоре.

⁴⁷⁷ Тем не менее, в некоторых случаях разъяснения, вытекающие из мотивировки оговорки, могут давать возможность рассматривать «сомнительную» оговорку в качестве действительной. Так, Белиз сопроводил свою оговорку к Конвенции Организации

10) Точно так же возможность мотивировки оговорки в любой момент не давала бы ее автору возможности изменить ранее сформулированную оговорку или расширить ее сферу действия. Это вытекает из руководящих положений 2.3.3 (Ограничения на возможность исключения или изменения юридического действия договора с помощью процедур иных, нежели оговорки) и 2.3.4 (Расширение сферы действия оговорки).

2.1.3 Представительство для цели формулирования оговорки на международном уровне

1. С учетом практики, которая обычно применяется в международных организациях, являющихся депозитариями договоров, лицо считается представляющим государство или международную организацию для цели формулирования оговорки:

a) если это лицо предъявит соответствующие полномочия для целей принятия или установления аутентичности текста договора, в отношении которого формулируется оговорка, или выражения согласия государства или международной организации на обязательность этого договора; или

b) если из практики или из иных обстоятельств явствует, что намерение заинтересованных государств и международных организаций заключалось в том, чтобы это лицо рассматривалось как представляющее государство или международную организацию для этих целей без необходимости предъявления полномочий.

2. Следующие лица в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими свое государство для цели формулирования оговорки на международном уровне:

Объединенных Наций против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ следующим разъяснением:

«В статье 8 Конвенции зафиксировано обязательство Сторон предусматривать возможность передачи уголовного производства в связи с некоторыми преступлениями в том случае, когда такая передача продиктована интересами должного отправления правосудия.

Суды Белиза не обладают экстерриториальной юрисдикцией; поэтому они неправомочны разбирать дела о преступлениях, совершенных иностранцами, не говоря уже об иностранцах, находившихся на той части территории, на которую не распространяется их соответствующая юрисдикция. Кроме того, согласно Конституции Белиза, правом возбуждать уголовное преследование наделяется Генеральный прокурор — независимый чиновник, на которого не распространяется контроль со стороны правительства.

Поэтому Белиз может обеспечить только ограниченное применение Конвенции с учетом ограничений, налагаемых Конституцией и законодательством».

(*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. VI.19).

В отсутствие такого разъяснения оговорка Белиза могла бы квалифицироваться как «неясная или общая» и противоречить руководящему положению 3.1.5.2. Сопровождаемая такой мотивировкой, она кажется намного более обоснованной.

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел;

b) представители, аккредитованные государствами на международной конференции, для цели формулирования оговорки к договору, принятому на этой конференции;

c) представители, аккредитованные государствами при международной организации или одном из ее органов, для цели формулирования оговорки к договору, принятому в этой организации или в этом органе;

d) главы постоянных представительств при международной организации для цели формулирования оговорки к договору между аккредитуемыми государствами и этой организацией.

Комментарий

1) В руководящем положении 2.1.3 уточняется, какие лица и органы правомочны в силу возложенных на них функций формулировать оговорку от имени государства или международной организации. Текст этого руководящего положения тесно увязан с текстом статьи 7 Венской конвенции 1986 года⁴⁷⁸.

2) В Венских конвенциях 1969 и 1986 годов не содержится конкретных уточнений по поводу лиц или органов, уполномоченных формулировать оговорку на международном уровне. Тем не менее в своем первом докладе о праве международных договоров в 1962 году сэр Хэмфри Уолдок предложил проект статьи следующего содержания:

Оговорки формулируются в письменной форме:

- i) в самом договоре, в частности в виде отметки у подписи представителя государства, формулирующего оговорку; или
- ii) в заключительном акте конференции, протоколе, протоколе заседаний или любом другом относящемся к договору документе, составленном должным образом уполномоченным представителем государства, которое формулирует оговорку; или
- iii) в документе, которым государство, формулирующее оговорку, ратифицирует, принимает договор или присоединяется к нему, или в протоколе или другом документе, сопровождающем ратификационную грамоту, документ о присоединении или принятии, составленном компетентным органом государства, которое формулирует оговорку⁴⁷⁹.

3) Как отметила Швеция по поводу соответствующего проекта статьи, принятого в первом чтении Комиссией⁴⁸⁰, подобные «сугубо процессуальные правила (...) были бы более уместны в кодексе

⁴⁷⁸ Статья 7 Венской конвенции 1969 года сформулирована схожим образом, но в отличие от настоящего Руководства по практике она касается только договоров между государствами.

⁴⁷⁹ Пункт 3 а) проекта статьи 17, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 60 англ. текста. В своем комментарии сэр Хэмфри Уолдок отметил лишь, что данное положение «замечаний, по-видимому, не вызывает» (там же, стр. 66 англ. текста).

⁴⁸⁰ Пункт 2 а) проекта статьи 18, там же, документ A/5209, стр. 176 англ. текста.

рекомендованной практики»⁴⁸¹, что, собственно говоря, и является предназначением Руководства по практике. Комиссия не считает, однако, что было бы целесообразно воспроизводить в настоящем Руководстве всю совокупность этих уточнений: длинный перечень документов, в которых оговорки могут фигурировать, едва ли дает какую-либо пользу, тем более что, как показывает ссылка в двух случаях на «другие документы», помимо прямо упомянутых, он не является исчерпывающим.

4) Уточнение все же напрашивается – по вопросу, касающемуся автора указанного документа. Однако текст 1962 года не является полностью удовлетворительным в этом отношении. Безусловно, оговорка должна быть сформулирована «представителем государства» или «компетентным органом государства, которое формулирует оговорку»⁴⁸². Однако здесь возникает вопрос, существуют ли такие нормы общего международного права, где ограничительным образом определялось бы, какой орган или органы компетентны формулировать оговорки на международном уровне, или же это определение – прерогатива внутреннего права каждого государства.

5) По мнению Комиссии, ответ на этот вопрос можно было бы вывести как из общего смысла Венских конвенций, так и из практики государств и международных организаций в этой области.

6) Согласно определению, оговорка нацелена на изменение юридического действия положений договора в отношениях между сторонами; хотя оговорка и содержится в документе, отдельном от договора, она, тем не менее, вытекает из общего конвенционного механизма и оказывает непосредственное воздействие на соответствующие обязательства сторон. Она не затрагивает *instrumentum* (или *instrumenta*), который составляет договор, однако она непосредственно влияет на *negotium*. В этой ситуации оговорка по логике вещей непременно должна формулироваться на тех же условиях, что и согласие государства или международной организации на обязательность договора. А это не та область, в которой международное право полностью полагается на внутреннее право.

7) Статья 7 Венских конвенций 1969 и 1986 годов содержит на этот счет четкие подробные положения, которые, совершенно бесспорно, отражают позитивное право в данной области. В Конвенции 1986 года эта статья гласит:

1. Лицо считается представляющим государство либо в целях принятия текста договора или установления его аутентичности, либо в целях выражения согласия государства на обязательность для него договора, если:

- a) это лицо предъявит соответствующие полномочия; или

⁴⁸¹ Четвертый доклад о праве международных договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add. 1–2, стр. 47 англ. текста.

⁴⁸² См. пункт 2) выше.

b) из практики или из иных обстоятельств явствует, что намерение заинтересованных государств и международных организаций заключается в том, чтобы это лицо рассматривалось как представляющее государство для этих целей без необходимости предъявления полномочий.

2. Следующие лица в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими свое государство:

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел – в целях совершения всех актов, относящихся к заключению договора...;

b) представители, аккредитованные государствами на международной конференции, – в целях принятия текста договора...;

c) представители, аккредитованные государствами при международной организации или одном из ее органов, – в целях принятия текста договора в этой организации или органе;

d) главы постоянных представительств при международной организации – в целях принятия текста договора между аккредитованными государствами и этой организацией.

3. Лицо считается представляющим международную организацию в целях либо принятия текста договора или установления его аутентичности, либо выражения согласия этой организации на обязательность для нее договора, если:

a) это лицо предъявит соответствующие полномочия; или

b) из обстоятельств явствует, что намерение заинтересованных государств и международных организаций заключается в том, чтобы это лицо рассматривалось как представляющее эту организацию для этих целей в соответствии с правилами организации без необходимости предъявления полномочий.

8) По вышеуказанным причинам эти правила, *mutatis mutandis*, бесспорно, можно распространить на формулирование оговорок, с учетом того, естественно, что оговорка, сформулированная лицом, «которое не может считаться уполномоченным представлять государство или международную организацию с этой целью, не имеет юридического значения, если [оговорка] впоследствии не подтверждена данным государством или данной организацией»⁴⁸³.

9) К слову сказать, эти ограничения в отношении полномочий представлять государство (или международную организацию) в целях формулирования оговорок на международном уровне широко подтверждены на практике.

10) В памятной записке от 1 июля 1976 года Юри-консульт Организации Объединенных Наций сообщал следующее:

Оговорка должна быть сделана в письменной форме (пункт 1 статьи 23 [Венской] Конвенции [1969 года]) и, как и ее снятие, должна осуществляться одним из трех представителей (главой государства, главой правительства или министром иностранных дел), имеющим полномочия представлять государство в международных отношениях⁴⁸⁴.

11) Кроме того, в *Кратком справочнике по практике Генерального секретаря как депозитария многосторонних договоров (Summary of Practice of the Secretary-General as Depositary of Multilateral*

Treaties), подготовленном Договорной секцией Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций содержится лишь утверждение о том, что «оговорка должна фигурировать в документе или сопровождать его и исходить от одного из трех компетентных лиц», а также отсылка к общей практике «сдачи на хранение документов, которыми государства заявляют о своем согласии на обязательность договора»⁴⁸⁵. Кроме того, согласно этому документу, «оговорки, которые делаются при подписании, должны быть санкционированы выдачей полномочий одним из трех компетентных лиц подписывающему, если только он сам не является одним из этих лиц»⁴⁸⁶.

12) Как представляется, эти нормы строго соблюдаются: все ратификационные грамоты (или их эквиваленты) в отношении договоров, депозитарием которых является Генеральный секретарь, которые содержат оговорки, подписываются одним из «трех лиц» и, если это делает постоянный представитель, то к ним прилагаются полномочия, выданные одним из этих лиц. К тому же, в отсутствие этого постоянного представителю неофициально, но настоятельно предлагается выполнить это требование⁴⁸⁷.

13) Комиссия, однако, задалась вопросом, не является ли эта практика, заключающаяся в переносе на область оговорок норм, закрепленных в вышеуказанной статье 7 Венских конвенций⁴⁸⁸, слишком жесткой. Уместно, например, спросить, законно было бы допустить, чтобы представитель, аккредитованный государством при международной организации, являющейся депозитарием договора, к которому государство, которое он представляет, хотело бы сделать оговорку, имел возможность ее формулировать. Данная проблема встает тем более остро, что такая практика допускается в других международных организациях, помимо Организации Объединенных Наций.

⁴⁸⁵ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), п. 49, para. 161; эта выдержка отсылает к *ibid.*, p. 36, paras. 121–122.

⁴⁸⁶ *Ibid.*, p. 62, para. 208; отсылка к главе VI *Summary of Practice of the Secretary-General...* («Full powers and signatures»).

⁴⁸⁷ По аналогии это подтверждается процессуальным возражением, которое Индия недавно заявила Пакистану при рассмотрении в Международном Суде дела, касающегося *Aerial Incident of 10 August 1999* (см. сноску 305 выше). Из устных прений следует, что в своем первом сообщении от 3 октября 1973 года Постоянное представительство Пакистана при Организации Объединенных Наций уведомило о намерении его страны осуществить взамен британской Индии правопреемство в отношении участия в Общем акте об арбитраже 1928 года; нотой от 31 января 1974 года Генеральный секретарь потребовал, чтобы это уведомление было произведено «в установленной форме», т.е. чтобы оно было представлено одним из трех компетентных лиц, упоминаемых выше; это было сделано в форме нового уведомления (сформулированного, впрочем, иначе, чем прошлогоднее уведомление) от 30 мая 1974 года, подписанного на этот раз премьер-министром Пакистана (см. заявления сэра Элиу Лаутерпахта от имени Пакистана, 5 апреля 2000 года, CR/2000/3, и Алена Пелле от имени Индии, 6 апреля 2000 года, CR/2000/4). Хотя этот эпизод касался уведомления о правопреемстве, а не формулирования оговорок, он свидетельствует о высокой степени бдительности, с которой Генеральный секретарь применяет вышеизложенные нормы (пункт 11) в целом в области выражения государствами их согласия на обязательность для них договора.

⁴⁸⁸ См. пункт 7).

⁴⁸³ См. статью 8 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

⁴⁸⁴ Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1976 год* (в продаже под № R.78.V.5), стр. 288.

14) Так, например, Генеральный секретарь Организации американских государств (ОАГ) и Генеральный секретарь Совета Европы, судя по всему, допускают оговорки «представленные» в письмах постоянных представителей⁴⁸⁹.

15) Можно также считать, что нормы, применимые к государствам, должны распространяться и на международные организации в более полном объеме, чем это делается в пункте 2 статьи 7 Венской конвенции 1986 года, и, в частности, что глава секретариата международной организации или ее представители, аккредитованные при каком-либо государстве или международной организации, должны рассматриваться также как обладающие полномочием *ipso facto* принимать обязательства от имени организации.

16) Можно на законном основании считать, что признание такого расширения сферы применения, касающегося лишь полномочий формулировать оговорки, представляет собой отрадное, хотя и ограниченное прогрессивное развитие. Однако Комиссия при поддержке подавляющего большинства государств, всегда стремилась не допустить изменения соответствующих положений Венских конвенций 1969, 1978 и 1986 годов⁴⁹⁰. Между тем, даже если положения статьи 7 Венских конвенций 1969 и 1986 годов прямо не касаются полномочий формулировать оговорки, тем не менее, можно с полным основанием считать⁴⁹¹, что их можно распространить на эту ситуацию.

17) В качестве компромисса между этими двумя требованиями Комиссия приняла достаточно гибкое руководящее положение, которое, отсылая к нормам, закрепленным в статье 7 Венских конвенций, закрепляет менее жесткую практику, которой следуют другие международные организации, помимо Организации Объединенных Наций, действующие в качестве депозитариев⁴⁹². Это стремление к сохранению гибкости реализуется посредством включения в начало руководящего положения 2.1.3 слов «с учетом практики, которая обычно применяется в международных организациях, являющихся депозитариями договоров». Во всяком случае, это выражение следует понимать, как относящееся одновременно к случаю, когда сама международная организация является депозитарием, и к более обычному случаю, когда эта функция выполняется наиболее высокопоставленным должностным лицом этой организации,

⁴⁸⁹ См. ответы ОАГ в докладе Генерального секретаря о депозитарной практике в связи с оговорками, представленном во исполнение резолюции 1452 В (XIV) Генеральной Ассамблеи, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/5687, стр. 78 англ. текста. См. также Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 24 (reservations) (размещен на веб-сайте <http://conventions.coe.int>).

⁴⁹⁰ См. *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть вторая), стр. 126, пункт 487 d).

⁴⁹¹ См. пункт 6) выше.

⁴⁹² См. пункт 14) выше. Международный союз электросвязи (МСЭ) также представляет собой особый случай в этом отношении, однако в ином смысле и по иным мотивам, поскольку оговорки к имеющим силу договора текстам, принятым в этом органе, «могут формулироваться только делегациями, т.е. *в ходе конференций**» (ответ МСЭ на вопросник Комиссии по оговоркам). Относительно вопросников см. сноску 39 выше.

генеральным секретарем или генеральным директором.

18) Следует также отметить, что выражение «в целях принятия или установления аутентичности текста договора», содержащееся в пункте 1 а) руководящего положения 2.1.3, охватывает подписание, поскольку эти две функции (альтернативные или совместные) подписания как раз и состоят либо в установлении аутентичности текста договора (см. статью 10 Венских конвенций), либо в выражении согласия на обязательность для них этого договора (статья 12).

2.1.4 Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок

1. Компетентный орган и процедура, которой надлежит следовать на внутреннем уровне при формулировании оговорки, определяются внутренним правом каждого государства или соответствующими правилами каждой международной организации.

2. Государство или международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что оговорка была сформулирована в нарушение какого-либо положения внутреннего права этого государства или правил этой международной организации, касающихся полномочий и процедуры формулирования оговорок, как на основание недействительности этой оговорки.

Комментарий

1) Если руководящее положение 2.1.3 касается формулирования оговорок на международном уровне, то в руководящем положении 2.1.4 речь идет об их формулировании в системе внутреннего права государств и в правилах международных организаций.

2) Международный этап формулирования оговорок, само собой разумеется, есть лишь верхушка айсберга: как и в отношении процедуры выражения согласия государства или международной организации на обязательность договора в целом, этот этап отражает завершение внутреннего процесса, который может быть весьма сложным. Формулирование оговорок, будучи неотделимым от процедуры ратификации (или принятия, или одобрения, или присоединения), представляет собой, как и сама эта процедура, как бы «внутренние скобки» в процессе, который носит в высшей степени международный характер⁴⁹³.

3) Как отметил Рейтер, «национальная конституционная практика в отношении оговорок и возражений в различных странах разная»⁴⁹⁴. Можно, например, отметить, что 23 государства, которые ответили на

⁴⁹³ См. Daillier, Forteau and Pellet, *Droit international public...* (сноска 254 выше), para. 85, pp. 160–161.

⁴⁹⁴ Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), para. 133*, pp. 84–85.

вопросник Комиссии по оговоркам к международным договорам и ответы которых на вопросы 1.7, 1.7.1 и 1.7.2 и 1.8, 1.8.1 и 1.8.2⁴⁹⁵ можно использовать, считают, что полномочия формулировать оговорки принадлежат: только исполнительной власти – в шести случаях⁴⁹⁶; только парламенту – в пяти случаях⁴⁹⁷; разделяются между первой и вторым – в двенадцати случаях.

4) В этом последнем случае сотрудничество между исполнительной властью и парламентом осуществляется в разных формах. В одних случаях парламент только информируется о планируемых оговорках⁴⁹⁸, да и то не всегда⁴⁹⁹. В других он должен одобрить все оговорки до их формулирования⁵⁰⁰ или, когда парламенту представляются только некоторые договоры, те из оговорок, которые касаются только этих договоров⁵⁰¹. Кроме того, может случиться так, что во внутреннюю процедуру формулирования оговорок может потребоваться вмешательство судебного органа⁵⁰².

5) Интересно отметить, что процедура формулирования оговорок необязательно идентична процедуре, которой в целом необходимо следовать при выражении согласия государства на обязательность договора. Так, во Франции лишь недавно установилась традиция направлять парламенту текст оговорок, которые президент Республики или правительство намеревается сделать при ратификации договоров или утверждении соглашений, хотя эти документы

⁴⁹⁵ Вопрос 1.7: «Какой/какие орган/органы на внутреннем уровне решает/решают, что государство будет формулировать оговорку? Глава государства? Правительство или правительственный орган? Парламент?»; вопрос 1.7.1: «Если правомочность выносить решение о том, что будет сформулирована оговорка, не всегда принадлежит одному и тому же органу, то на каких критериях основана эта правомочность?»; вопрос 1.7.2: «Если решение принимается исполнительной властью, то уведомляется ли об этом решении парламент? До или после принятия решения? Предлагается ли ему принять участие в обсуждении намечаемой/намечаемых оговорок/оговорок?»; вопрос 1.8: «Может ли национальный судебный орган противодействовать формулированию определенных оговорок или настаивать на нем?»; вопрос 1.8.1: «Если да, то какой это орган и каким образом он рассматривает этот вопрос?»; вопрос 1.8.2: «Какой/какие довод/доводы он может привести, принимая такое решение?» (*Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), стр. 110–111).

⁴⁹⁶ Боливия (парламент может предлагать оговорки), Колумбия (в отношении некоторых договоров), Хорватия (парламент может возражать против планируемой оговорки, что, по всей видимости, предполагает, что с ним консультируются), Дания, Малайзия, Святейший Престол. См. также упомянутые государства в сносках 498–501 ниже.

⁴⁹⁷ Колумбия (в отношении некоторых договоров), Сан-Марино, Словения, Швейцария (однако предложение обычно исходит от Федерального совета) за исключением случаев, когда Федеральный совет реализует свою собственную компетенцию, и Эстония.

⁴⁹⁸ Кувейт с 1994 года (консультация со специальной комиссией), Новая Зеландия («до недавнего времени» (временно действующая система).

⁴⁹⁹ Франция (если этого требуют докладчики парламентских ассамблей и просто как «любознательность»), Израиль, Япония (если договор не содержит положения об оговорках), Швеция (парламенту сообщается об «общем содержании» («outlines») оговорок, но не их текст).

⁵⁰⁰ Аргентина и Мексика.

⁵⁰¹ Испания, Республика Корея, Словакия и Финляндия.

⁵⁰² Колумбия, Малайзия и Финляндия.

должны представляться парламенту в силу статьи 53 Конституции 1958 года⁵⁰³.

6) Как представляется, в рамках международных организаций можно отметить то же разнообразие, которое характерно для полномочий формулировать оговорки и используемых в этой связи процедур в государствах. Лишь две из них⁵⁰⁴ ответили на вопросы 3.7, 3.7.1 и 3.7.2 вопросника по оговоркам⁵⁰⁵: Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) сообщает, что это правомочие принадлежит конференции, а Международная организация гражданской авиации (ИКАО), подчеркивая отсутствие реальной практики, заявляет, что, если оговорка должна быть сформулирована от ее имени, это делает Генеральный секретарь в административном порядке, и, в зависимости от случая, Генеральная ассамблея или Совет в рамках их соответствующей компетенции⁵⁰⁶, при этом следует уточнить, что Генеральную ассамблею «надлежит» информировать об оговорках, сформулированных Советом или Генеральным секретарем.

7) По мнению Комиссии, единственный вывод, который можно сделать на основе этих заявлений в плане международного права, заключается в том, что в нем не установлено никакого определенного правила в отношении внутренней процедуры формулирования оговорок руководящего положения.

8) Между тем та свобода, которой располагают государства и международные организации при определении компетентного органа, принимающего решения относительно формулирования оговорок и процедуры такого формулирования, создает проблемы, сравнимые с теми, которые являются результатом аналогичной свободы, имеющейся у сторон договора в плане внутренней процедуры ратификации: что произойдет, если внутренние нормы не будут соблюдены?

9) Статья 46 Венской конвенции 1986 года, посвященная «положениям внутреннего права государства и правилам международной организации,

⁵⁰³ См. A. Pellet, *La Constitution de la République française*, 2nd ed., F. Luchaire and G. Conac (eds.), Paris, Economica, 1987, pp. 1047–1050 (комментарий к статье 53).

⁵⁰⁴ Это объясняется тем, что международные организации являются участниками договоров гораздо реже, чем государства, и что, когда они являются их участниками, они, как правило, не делают оговорку. В отношении Европейского союза только Совет ответил на вопросник.

⁵⁰⁵ Вопрос 3.7: «Какой/какие орган/органы на внутреннем уровне решает/решают, что организация будет формулировать оговорку? Главное административное должностное лицо? Генеральная ассамблея? Иной орган?»; вопрос 3.7.1: «Если правомочность выносить решение о том, что будет сформулирована оговорка, не всегда принадлежит одному и тому же органу, то на каких критериях основана эта правомочность?»; вопрос 3.7.2: «Если решение принимается главным административным должностным лицом, то: Уведомляется ли об этом решении генеральная ассамблея? До или после принятия решения? Предлагается ли генеральной ассамблее принять участие в обсуждении намечаемой/намечаемых оговорок/оговорок?» (*Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), стр. 122).

⁵⁰⁶ См. статьи 49 и 50 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 года, учреждающей ИКАО.

касающимся компетенции заключать договоры», гласит:

1. Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения.

2. Международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что ее согласие на обязательность для нее договора было выражено в нарушение правил этой организации, касающихся компетенции заключать договоры, как на основание недействительности ее согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось правила особо важного значения.

3. Нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства или любой международной организации, ведущего/ведущей себя в этом вопросе в соответствии с обычной практикой государств и, в надлежащих случаях, международных организаций и добросовестно.

10) В отсутствие практики весьма сложно занять однозначную позицию относительно переноса этих норм на формулирование оговорок. Отдельные элементы свидетельствуют в пользу такого переноса: как было указано выше⁵⁰⁷, формулирование оговорок неразрывно связано с процедурой выражения согласия на обязательность договора; оно происходит или должно быть подтверждено в момент выражения окончательного согласия на обязательность договора; и практически во всех случаях оно исходит от того же органа, что и выражение согласия. Между тем эти аргументы не носят решающего характера: если внутренние нормы в отношении полномочия заключать договоры часто закреплены, по крайней мере в е, в конституции, то обычно того же самого нельзя сказать о формулировании оговорок, которое главным образом происходит из общих конституционных принципов или практики. Эти правила необязательно совпадают с теми, которые касаются выражения согласия на обязательность.

11) В этих условиях мало вероятно, чтобы нарушение внутренних норм было «явным» по смыслу вышеприведенной статьи 46 Венской конвенции, и поэтому приходится довольствоваться международными нормами, изложенными в руководящем положении 2.1.3. Следовательно, государству или международной организации не следует позволять ссылаться на то, что нарушение положений внутреннего права или правил международной организации делает недействительным оговорку, которую оно или она сформулировали, поскольку такое формулирование представляет собой акт органа, обладающего компетенцией на международном уровне.

12) Поскольку этот вывод отличается от норм, применимых в случае «ненадлежащей ратификации», закрепленных в статье 46, необходимо, как представляется, прямо указать это в одном из руководящих положений. Такова цель второго пункта руководящего положения 2.1.4.

13) Можно задаться вопросом о том, является ли это положение необходимым с учетом того, что автор оговорки всегда может снять ее «в любой момент»⁵⁰⁸. Тем не менее далеко не установлено, что такое снятие может иметь обратную силу, так что на практике может возникать вопрос о юридической силе оговорки, сформулированной с нарушением соответствующих норм внутреннего права, что и оправдывает включение данной нормы во второй пункт руководящего положения 2.1.4.

2.1.5 Сообщение оговорок

1. Оговорка должна быть в письменной форме доведена до сведения договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора.

2. Оговорка к действующему договору, который является учредительным актом международной организации, должна быть также доведена до сведения этой организации.

Комментарий

1) Сформулированная оговорка должна сразу же доводиться до сведения других заинтересованных государств или международных организаций. Такое уведомление обязательно необходимо для того, чтобы последние имели возможность отреагировать, будь-то приняв ее или возразив против нее, или же начать диалог по поводу оговорки. В статье 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов уточняется, до сведения каких сторон должны доводиться сформулированные государствами или международными организациями оговорки, однако в ней никак не определяется процедура направления такого уведомления. Цель руководящих положений 2.1.5–2.1.7 состоит в том, чтобы заполнить этот пробел; руководящее положение 2.1.5 касается более конкретно адресатов уведомления.

2) В соответствии с пунктом 1 статьи 23 Венской конвенции 1986 года оговорки должны быть доведены до сведения «договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора». Кроме того, пункт 3 статьи 20, который – для того чтобы оговорка к учредительному акту организации порождала последствия – требует «принятия [оговорки] компетентным органом» последней, подразумевая тем самым, что об оговорке должно быть сообщено этой организации, что и уточняется во втором пункте руководящего положения 2.1.5.

3) С первой группой адресатов (договаривающихся государств и международных организаций) никаких особых проблем не возникает. Эти стороны

⁵⁰⁷ Пункт 2).

⁵⁰⁸ Пункт 1 статьи 22 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

определяются в подпункте f) пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1986 года⁵⁰⁹ соответственно как:

- i) государство или
- ii) международная организация,

которое/которая согласилось/согласилась на обязательность для него/нее договора, независимо от того, вступил ли договор в силу или нет.

4) Напротив, намного более проблематичным является определение и, в еще большей степени, установление в каждом конкретном случае «других государств и других международных организаций, имеющих право стать участниками договора». Как отмечалось в этой связи, «не все договоры не оставляют сомнений в том, какие другие государства могут стать их участниками»⁵¹⁰.

5) В своем докладе 1951 года об оговорках к многосторонним договорам г-н Брайерли предусмотрел следующее положение:

Следующие группы государств должны иметь право на уведомление о любых оговорках, сформулированных после подписания настоящей конвенции (или после открытия настоящей конвенции для подписания или присоединения):

- a) государства, имеющие право стать участниками настоящей конвенции,
- b) государства, подписавшие или ратифицировавшие конвенцию,
- c) государства, ратифицировавшие конвенцию или присоединившиеся к ней⁵¹¹.

6) В соответствии с этими рекомендациями Комиссия впоследствии предложила, что «если в многосторонних конвенциях не предусматривается иное... депозитарий многосторонней конвенции должен по получении каждой оговорки уведомлять о ней все государства – участники Конвенции или государства, имеющие право стать ее участниками»⁵¹².

7) Специальный докладчик сэр Герш Лаутерпахт в своем первом докладе о праве международных договоров в 1953 году в трех из четырех альтернативных формулировок проекта статьи 9 об оговорках оставил весьма туманную формулировку, согласно которой «текст полученных оговорок должен препровождаться депозитарной инстанцией всем

заинтересованным государствам»⁵¹³. Тем не менее он никак не прокомментировал это определение⁵¹⁴, впоследствии воспроизведенное в первом докладе сэра Джеральда Фитцмориса о праве международных договоров в 1956 году⁵¹⁵, который даже раскрыл его в проекте статьи 39: речь идет о «всех государствах, участвовавших в переговорах и разработке договора или путем подписания, ратификации, присоединения или принятия продемонстрировавших свою связь с ним»⁵¹⁶.

8) Несмотря на это в 1962 году в своем первом докладе о праве международных договоров сэр Хэмфри Уолдок вернулся к формулировке 1951 года⁵¹⁷, предусмотрев, что любые оговорки, «сформулированные государством, подписавшим, ратифицировавшим или принявшим договор или присоединившимся к нему, после форума или конференции, на которой был принят этот договор, препровождаются всем другим государствам – участникам договора или государствам, имеющим право стать его участниками»⁵¹⁸. После рассмотрения Редакционным комитетом, несколько изменившим формулировку, ее сохранила Комиссия⁵¹⁹. Хотя государства не выдвинули каких-либо возражений в этой связи в своих комментариях к проекту статей, принятому в первом чтении, сэр Хэмфри Уолдок в своем четвертом докладе о праве международных договоров без каких-либо пояснений предложил в 1965 году вернуться к формулировке «другие заинтересованные государства»⁵²⁰, которую Комиссия заменила формулировкой «договаривающиеся государства»⁵²¹, объяснив это «исключительно туманным» характером определения «заинтересованные государства»⁵²², и в конечном счете вернулась в 1966 году к требованию уведомлять «другие государства, имеющие

⁵¹³ *Ежегодник... 1953 год*, том II, документ A/CN.4/63, стр. 92 англ. текста, альтернативные варианты B, C и D; любопытно, что это требование не фигурирует в альтернативном варианте A (принятие оговорок большинством в две трети, там же, стр. 91 англ. текста).

⁵¹⁴ Там же, стр. 136 англ. текста.

⁵¹⁵ Проект статьи 37: «они должны препровождаться заинтересованным государствам» (*Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 115 англ. текста).

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ См. пункты 5) и 6) выше.

⁵¹⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 60 англ. текста. Не без оснований сэр Хэмфри Уолдок полагал, что было бы бесполезно уведомлять другие государства, участвовавшие в переговорах, об оговорке, «сформулированной во время подписания договора в ходе форума или конференции, в рамках которого (которой) велись переговоры на предмет подписания указанного договора», если такая оговорка фигурирует в сносках к тексту договора или в заключительном акте конференции (там же).

⁵¹⁹ Пункт 3 проекта статьи 18; там же, документ A/5209, стр. 176 англ. текста. В своих комментариях Комиссия распустила эту формулировку на «другие заинтересованные государства» (там же, стр. 180 англ. текста).

⁵²⁰ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 56 англ. текста.

⁵²¹ Там же, документ A/6009, стр. 162 англ. текста.

⁵²² Пояснение, данное сэром Хэмфри Уолдоком на 813-м заседании Комиссии, состоявшемся 29 июня 1965 года, *Ежегодник... 1965 год*, том I, стр. 267 англ. текста.

⁵⁰⁹ См. также пункт 1 f) статьи 2 Венской конвенции 1969 года и пункт 1 k) статьи 2 Венской конвенции 1978 года, в которых таким же образом определяется термин «договаривающееся государство».

⁵¹⁰ *Oppenheim's International Law* (сноска 210 выше), p. 1248, footnote 4.

⁵¹¹ *Ежегодник... 1951 год*, том II, документ A/CN.4/41, приложение E, стр. 16 англ. текста.

⁵¹² Там же, документ A/1858, стр. 130 англ. текста, пункт 34. Это положение вызвало некоторые возражения; см. в этой связи выступления Хадсона и Спиропулоса, последний из которых считал, что препровождение оговорок государствам, не являющимся участниками Договора, не является обязательным по позитивному праву (там же, том I, 105-е заседание, 18 июня 1951 года, стр. 198 англ. текста).

право стать участниками договора»⁵²³, – формулировке, которая «была сочтена более уместной для определения таких уведомляемых сторон»⁵²⁴.

9) Во время Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву делегация Канады заметила, что такая формулировка «может усугубить трудности для депозитария, поскольку нет никаких четких критериев, которые позволяли бы определить, какие государства относятся к этой категории. Поэтому было бы предпочтительно заменить это выражение словами "государствам, участвовавшим в переговорах, и договаривающимся государствам", как это было предложено в поправке, внесенной его делегацией (A/CONF.39/C.1/L.158)»⁵²⁵. Хотя это совершенно разумное предложение было возвращено в Редакционный комитет для доработки⁵²⁶, он предпочел внести поправку, предложенную Испанией⁵²⁷, которая нашла свое отражение в окончательном тексте пункта 1 статьи 23 Венской конвенции 1969 года и была воспроизведена без изменений, за исключением добавления упоминания о международных организациях, в тексте Венской конвенции 1986 года⁵²⁸.

10) Хотя принятая формулировка является расплывчатой, в ходе подготовки к принятию Венской конвенции 1969 года ничего не было сделано для ее уточнения. То же самое можно сказать о пунктах 1 b) и e) статьи 77 Конвенции, в которых, несмотря на отсутствие упоминаний об оговорках, на депозитария возлагается обязанность препровождать «участникам договора или государствам, имеющим право стать его участниками», копии текстов договора и информировать их об «уведомлениях и сообщениях», связанных с договором⁵²⁹, причем в ходе под-

готовки этих положений ни малейшего пояснения этого выражения дано не было⁵³⁰, и Комиссия не обратила на него внимание.

11) По-другому проходило обсуждение Венской конвенции 1986 года. Хотя Специальный докладчик по теме договоров, заключенных между государствами и международными организациями или между двумя или более международными организациями, в своих четвертом и пятом докладах⁵³¹ ограничился повторением и принятием текста пункта 1 статьи 23 Венской конвенции 1969 года без каких-либо комментариев, многие члены Комиссии выразили особую обеспокоенность в ходе обсуждения этого проекта на двадцать девятой сессии в 1977 году в связи с проблемами, встающими в контексте определения «международных организаций, имеющих право становиться участниками договора»⁵³². Однако после непростых дебатов было решено попросту перенести формулировку 1969 года⁵³³.

12) Разумеется, теперь приходится сожалеть, что ограничения круга сторон, уведомляемых об оговорках, которые были предложены Канадой в 1968 году и г-ном Ушаковым в 1977 году, не были приняты (во втором случае – из-за спорного стремления оставить без изменения редакцию 1969 года и не проводить различия между нормами, касающимися государств, и нормами, касающимися международных организаций); это позволило бы избежать практических затруднений для депозитариев, не ставя под серьезную угрозу «утилитарной» гласности оговорки для тех государств и международных

утверждении или присоединении, необходимое для вступления договора в силу, было получено или депонировано».

⁵²³ Проект статьи 18, пункт 1, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста.

⁵²⁴ Пояснение, данное Председателем Редакционного комитета г-ном Бриггсом, *Ежегодник... 1966 год*, том I (часть вторая), 887-е заседание, 11 июля 1966 года, стр. 293 англ. текста.

⁵²⁵ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), 23-е заседание Комитета полного состава, стр. 124 англ. текста, пункт 38. Й.А. Фроуайн указывает, что Соединенные Штаты выразили ту же обеспокоенность в отношении обязанностей депозитария в ходе обсуждения Генеральной Ассамблеей проектов статей, подготовленных Комиссией на ее четырнадцатой–шестнадцатой сессиях (*Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 346 и далее англ. текста, в частности стр. 352–353 англ. текста) (см. Frowein «Some considerations regarding the function of the depositary: comments on art. 72, Para. 1 (d) of the ILC's 1966 draft articles on the law of treaties», *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht/Heidelberg Journal of International Law*, vol. 27 (1967), p. 533); см. также Rosenne, «More on the depositary of international treaties», *AJIL*, vol. 64 (1970), pp. 847–848.

⁵²⁶ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), доклад Комитета полного состава, p. 139, para. 194.

⁵²⁷ *Ibid.*, документ A/CONF.39/C.1/L.149, пункт 192 i); текст, принятый Комитетом полного состава, см. пункт 196.

⁵²⁸ См. пункт 2) выше.

⁵²⁹ В соответствии с положениями пункта 1 f) статьи 77 функции депозитария состоят также в «информировании государств, имеющих право стать участниками договора, о том, когда число подписей, ратификационных грамот или документов о принятии,

⁵³⁰ Первоисточник этих положений см., в частности, доклад г-на Брайерли об оговорках к многосторонним договорам, *Ежегодник... 1951 год*, том II, документ A/CN.4/41, стр. 27 англ. текста, и выводы Комиссии, там же, документ A/1858, стр. 130 англ. текста, пункт 34 (1); статьи 17, пункт 4 c), и 27, пункт 6 c) проектов статей, предложенных сэром Хэмфри Уолдоком в его первом докладе о праве договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1–2, стр. 65–66 и 82–83 англ. текста, и статья 29, пункт 5, проекта, принятого Комиссией в первом чтении, там же, документ A/5209, стр. 185 англ. текста; и проект статьи 72, принятый в окончательном виде Комиссией на ее восемнадцатой сессии, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 269 англ. текста.

⁵³¹ *Ежегодник... 1975 год*, том II, документ A/CN.4/285, стр. 45, и *Ежегодник... 1976 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/290 и Add.1, стр. 186.

⁵³² Так, г-н Ушаков заметил, что: «В случае договоров всеобщего характера, заключенных между государствами и международными организациями, подобное сообщение, таким образом, должно поступить всем существующим государствам. Для этой же категории договоров, а также для договоров, заключенных только между международными организациями, однако, будет труднее определить, какие международные организации "имеют право стать участниками договора". Если 10 международных организаций являются участниками договора, каким другим международным организациям следует направлять сообщение?» (*Ежегодник... 1977 год*, том I, 1434-е заседание, 6 июня 1977 года, стр. 128, пункт 42).

⁵³³ См., в частности, выступления г-на Фероста, г-на Калье-и-Калье, г-на Швебеля и г-на Рейтера, там же, стр. 128–129, пункты 45, 46, 48 и 51, и завершающую часть прений, там же, 1451-е заседание, 1 июля 1977 года, стр. 246–247, и *Ежегодник... 1977 год*, том II (часть вторая), стр. 134–136.

организаций, которых договор действительно касается⁵³⁴.

13) Само собой разумеется, что никаких проблем не возникает, если в самом договоре четко определяется, какие государства или международные организации имеют право войти в состав его участников, т.е. во всех случаях так называемых «закрытых» договоров, каковыми зачастую являются договоры, заключенные под эгидой региональных международных организаций, например Совета Европы⁵³⁵, ОАГ⁵³⁶ или Организации африканского единства⁵³⁷. Намного более сложной является ситуация с теми договорами, в которых четко не указывается, какие государства имеют право стать их участниками, т.е. так называемыми «открытыми» договорами, содержащими клаузулу «всем государствам»⁵³⁸ или, в частности, предусматривающими по настоянию участников переговоров возможность последующего присоединения⁵³⁹. Именно такая ситуация явно имеет место в тех случаях, когда функции депозитария берет на себя одно из государств, которое не только не поддерживает дипломатические отношения с некоторыми государствами⁵⁴⁰, но и, помимо этого, не признает в качестве государств определенные самопровозгласившиеся образования.

14) В «Кратком справочнике по практике Генерального секретаря в качестве депозитария многосторонних договоров» (*Summary of Practice of the Secretary-General as Depositary of Multilateral Treaties*) целая глава посвящена описанию трудностей, с которыми Генеральный секретарь встречается при определении того, кого можно считать «государствами и международными организациями,

⁵³⁴ Небезынтересно отметить, что, хотя специализированные учреждения Организации Объединенных Наций не являются «сторонами» Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 года и не имеют право стать ими, они получают уведомления об оговорках к ее положениям, которые собираются сформулировать те или иные государства. См., в частности, *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), pp. 60–61, paras. 199–203.

⁵³⁵ См., например, пункт 1 статьи К Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года: «Настоящая Хартия открыта для подписания государствами – членами Совета Европы»; или пункт 1 статьи 32 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года.

⁵³⁶ См., например, статью XXI Межамериканской конвенции о борьбе с коррупцией от 29 марта 1996 года.

⁵³⁷ См. также, например, пункт 1 статьи 12 Соглашения о совместных операциях по пресечению незаконной торговли дикой фауной и флорой от 8 сентября 1994 года.

⁵³⁸ См. статью XIII Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 года: «Настоящая Конвенция открыта для подписания всеми государствами»; или пункт 1 статьи 84 Венской конвенции 1986 года: «К настоящей Конвенции может присоединиться любое государство, Намибия, представленная Советом Организации Объединенных Наций по Намибии, и любая международная организация, которая обладает правоспособностью заключать договоры». См. также статью 305 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года, которая открыта не просто для «всех государств», но и для Намибии (до ее независимости) и для всех самоуправляющихся государств и территорий.

⁵³⁹ См. статью 15 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

⁵⁴⁰ См. статью 74 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

имеющими право стать участниками»⁵⁴¹, трудностей, часто отмечаемых доктриной⁵⁴². Удивительно, но государства, ответившие на этот пункт вопросника Комиссии о поправках к договорам, не указали на какие-либо особые трудности в этой области, однако это, вероятно, объясняется тем, что данная проблема относится собственно не к оговоркам как таковым, а к функциям депозитария в более общем плане. Именно по этой причине Комиссия также не сочла целесообразным предложить к принятию ни один из многочисленных проектов руководящих положений на эту тему.

15) Вместе с тем представляется совершенно необходимым воспроизвести в Руководстве по практике норму, изложенную в пункте 1 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов (в более расширенной формулировке последней), каким бы проблематичным и спорным ни было это положение.

16) Комиссия пожелала также подчеркнуть, что точно так же, как оговорки должны формулироваться и подтверждаться в письменной форме⁵⁴³, в такой же форме они должны доводиться до сведения других заинтересованных государств и международных организаций, что является единственным средством дать адресатам возможность отреагировать с пониманием происходящего. В тексте Венских конвенций это последнее требование лишь подразумевается, однако оно явно вытекает из контекста, поскольку пункт 1 статьи 23 представляет собой положение, которое, во-первых, требует, чтобы оговорки делались в письменной форме, и которое, во-вторых, лаконично привязывает это условие к уведомлению, которое положено осуществлять в отношении оговорки. Кстати говоря, в отсутствие депозитария формулирование и доведение до сведения неизбежно осуществляются одновременно⁵⁴⁴. Впрочем, практика исходит из использования письменной формы сообщения⁵⁴⁵.

17) Второй пункт руководящего положения 2.1.5 касается особого случая оговорок в отношении уведомительных актов международных организаций.

18) В статье 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, посвященной «Процедуре, касающейся оговорок», этот особый случай не рассматривается. Между тем изложенное в пункте 1 этого положения общее правило в этом конкретном смысле нуждается в уточнении и дополнении.

19) Как можно заметить, в соответствии с пунктом 3 статьи 20 Венских конвенций:

⁵⁴¹ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), chap. V, pp. 21–30, paras. 73–100.

⁵⁴² См., в частности, Frowein, «Some considerations...» (сноска 525 выше), pp. 533–539, и Rosenne, «More on the depositary of international treaties» (сноска 525 выше), pp. 847–848.

⁵⁴³ См. руководящие положения 2.1.1 и 2.2.1.

⁵⁴⁴ См. руководящее положение 2.1.6, пункт 1 а).

⁵⁴⁵ См. «уведомления депозитария», направленные Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

В том случае, когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации.

Между тем этот орган может принимать решения только в том случае, если организации оговорка известна, т.е. она должна быть доведена до ее сведения.

20) Эта проблема, обойденная тремя первыми Специальными докладчиками по вопросу о праве международных договоров, была рассмотрена сэром Хэмфри Уолдоком в его первом докладе в 1962 году. Он предложил в нем длинный проект статьи 17 «Право формулировать и снимать оговорки», пункт 5 которого гласил:

Однако, если формулируется оговорка в отношении документа, являющегося учредительным актом международной организации, который прямо не разрешает такую оговорку, она доводится до сведения главы секретариата соответствующей организации в целях разрешения вопроса о допустимости в компетентном органе указанной организации⁵⁴⁶.

21) Уолдок отметил, что это положение было разработано с учетом

вопроса, указанного в пункте 81 «Краткого справочника по практике Генерального секретаря» (ST/LEG/7), где говорится:

«Когда речь идет об учредительном акте, в силу которого создается международная организация, практика Генерального секретаря и обсуждения в Шестом комитете свидетельствуют о том, что в подобных случаях оговорка должна быть представлена в компетентный орган этой организации, прежде чем соответствующее государство будет принято в ее члены. Организация имеет право толковать свой учредительный акт и определять совместимость с ним оговорок»⁵⁴⁷.

22) После рассмотрения Редакционным комитетом⁵⁴⁸ это положение из проекта исчезло, по всей видимости, поскольку его члены решили, что принятие положения, прямо предусматривающего, что решение о последствиях оговорки к учредительному акту «должно приниматься компетентным органом организации»⁵⁴⁹, сделает это уточнение излишним. Впоследствии этот вопрос, судя по всему, не поднимался.

23) Неудивительно, что в 1962 году сэр Хэмфри Уолдок задался этим вопросом: тремя годами ранее эта проблема остро встала в связи с оговоркой Индии к Конвенции о Межправительственной морской консультативной организации (ИМКО), впоследствии ставшей Международной морской организацией (ИМО). Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, являющийся депозитарием этой Конвенции, сообщил Организации текст оговорки Индии, которая была сформулирована в день открытия первой сессии Ассамблеи ИМКО, предложив ее секретариату передать этот вопрос «для решения» Ассамблее. Поскольку эта отсылка

⁵⁴⁶ *Ежегодник...* 1962 год, том II, документ A/CN.4/144, стр. 61 англ. текста.

⁵⁴⁷ Там же, стр. 66 англ. текста.

⁵⁴⁸ См. проект статьи 18, там же, документ A/5209, стр. 175–176 англ. текста.

⁵⁴⁹ Пункт 4 проекта статьи 20, там же, стр. 176 англ. текста.

была оспорена, Генеральный секретарь в своем весьма аргументированном докладе отметил, что «такой порядок соответствует 1) условиям Конвенции об ИМКО, 2) прецедентам из практики выполнения функций депозитария, когда тот или иной орган в состоянии принять решение по вопросу об оговорке, и 3) взглядам в отношении данного конкретного положения, высказанным Генеральной Ассамблеей в ходе ее предыдущих прений по вопросам об оговорках к многосторонним конвенциям»⁵⁵⁰.

24) Генеральный секретарь отметил, в частности, что

в предыдущих случаях, когда делались оговорки к находившимся в силе многосторонним конвенциям, являвшимся либо уставами организаций, либо иным путем создавшим нормоустанавливающие органы, Генеральный секретарь всегда считал вопрос об этих оговорках подлежащим передаче на рассмотрение органа, уполномоченного толковать данную Конвенцию⁵⁵¹.

В качестве примеров он привел доведение оговорки, сформулированной в 1948 году Соединенными Штатами к Уставу (Конституции) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), до сведения Всемирной ассамблеи здравоохранения⁵⁵² и в следующем году доведение оговорок Южноафриканского союза и Южной Родезии к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ) до сведения договаривающихся сторон ГАТТ⁵⁵³. В «Кратком справочнике по практике Генерального секретаря в качестве депозитария многосторонних договоров» Генеральный секретарь приводит другой пример из практики, которой он неизменно следует в этой области:

когда Германия и Соединенное Королевство приняли Соглашение об учреждении Африканского банка развития от 17 мая 1979 года с поправками, сформулировав оговорки, которые не были предусмотрены этим Соглашением, Генеральный секретарь в качестве депозитария в установленном порядке препроводил их текст Банку и принял на хранение документы лишь после того, как Банк сообщил ему о принятии этих оговорок⁵⁵⁴.

25) Учитывая, с одной стороны, принцип, закрепленный в пункте 3 статьи 20 Венских конвенций и, с другой стороны, практику, которой обычно следует Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, Комиссия сочла нелишним закрепить в одном из проектов руководящих положений обязательство уведомлять об оговорках к учредительному акту международной организации саму эту организацию.

26) В то же время она поставила перед собой три вопроса относительно точной сферы применения

⁵⁵⁰ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, четырнадцатая сессия, Приложения: Оговорки к многосторонним конвенциям: Конвенция о Межправительственной морской консультативной организации*, документ A/4235, пункт 18. По этому поводу см. также O. Schachter, «The question of treaty reservations at the 1959 General Assembly», AJIL, vol. 54 (1960), pp. 372–379.

⁵⁵¹ Там же, пункт 21.

⁵⁵² Там же, пункт 22. См. также O. Schachter, «The development of international law through the legal opinions of the United Nations Secretariat», BYBIL, vol. 25 (1948), pp. 124–126.

⁵⁵³ A/4235, пункт 22.

⁵⁵⁴ *Summary of the practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), p. 59, para. 198 (сноски опущены). См. также Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 346–347.

этого правила, которое с принципиальной точки зрения сомнений не вызывает:

а) Достаточно ли включить в этот проект руководящего положения уточнение (которое фигурировало в проекте Уолдока 1962 года⁵⁵⁵), согласно которому оговорка должна доводиться до сведения главы секретариата соответствующей организации?

б) Следует ли указать, что то же правило применяется и в том случае, когда договор не является в собственном смысле слова учредительным актом какой-либо международной организации, а создает «заседающий орган», который может принимать решение относительно правомерности оговорки, как это сделал Генеральный секретарь в изложении своей практики в 1959 году⁵⁵⁶? и

в) Освобождает ли доведение оговорки к учредительному акту международной организации до сведения этой организации от обязанности сообщать ее текст также соответствующим государствам и международным организациям?

27) По первому вопросу Комиссия сочла, что такое уточнение не требуется: даже если в весьма общем плане уведомление, бесспорно, должно быть адресовано главе секретариата, может случиться так, что процесс пойдет иначе, с учетом особой структуры конкретной организации. Так, применительно к Европейскому союзу коллегиальный характер Европейской комиссии мог бы породить некоторые проблемы. К тому же подобное уточнение не имеет конкретной цели: здесь важно то, что данная организация будет должным образом уведомлена о проблеме.

28) Что касается вопроса о том, следует ли предусмотреть аналогичное правило для «заседающих органов», которые создаются в силу договора, но которые, однако, не являются международными организациями в строгом смысле слова, весьма вероятно, что в 1959 году составители доклада Генерального секретаря Организации Объединенных Наций имели в виду Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ): тем более что один из приведенных примеров относился к этой организации⁵⁵⁷. После замены этого органа Всемирной торговой организацией (ВТО) эта проблема более не встает. Тем не менее отдельные договоры, в частности в области разоружения или защиты окружающей среды, создают заседающие органы, имеющие секретариаты, за которыми качество международных организаций иногда не признавалось⁵⁵⁸. Комиссия решила не разрабатывать на этот счет какое-либо отдельное руководящее положение. Однако она

⁵⁵⁵ См. пункт 20) выше.

⁵⁵⁶ См. пункт 24) выше.

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ См., например, R.R. Churchill and G. Ulfstein, «Autonomous institutional arrangements in multilateral agreements: a little-noticed phenomenon in international law», *AJIL*, vol. 94 (2000), pp. 623–659; некоторые авторы утверждают, что Международный уголовный суд не является международной организацией в строгом смысле слова.

считает, что одно и то же правило применяется к оговоркам к учредительным актам в строгом смысле слова и к оговоркам к договорам, создающим органы, осуществляющие контроль и содействие в применении договора, качество которых как международных организаций может быть поставлено под сомнение.

29) Ответ на последний вопрос носит более деликатный характер⁵⁵⁹. К тому же именно он имеет наибольшее практическое значение, поскольку положительный ответ предполагает для депозитария наличие более тяжелого бремени, чем отрицательный ответ. Кроме того, насколько можно судить, практика Генерального секретаря, не представляющаяся во всех случаях последовательной⁵⁶⁰, скорее идет в противоположном направлении⁵⁶¹. Тем не менее Комиссия убеждена в желательности того, чтобы оговорка к учредительному акту доводилась до сведения не только соответствующей организации, но и всех других договаривающихся государств и организаций, а также тех, кто может стать такими сторонами.

30) В поддержку этой позиции выдвигаются два аргумента. Во-первых, не факт, что принятие оговорки какой-либо организацией исключает для государств (и международных организаций)-членов возможность заявить против нее возражения⁵⁶². Во-вторых, и это главное, есть хороший практический аргумент в пользу такого положительного ответа: даже если оговорка доводится до сведения самой организации, в конечном счете именно в ее рамках государства (и международные организации)-члены будут принимать решения; поэтому важно, чтобы они знали об оговорке; делать это в два этапа означало бы бессмысленно тратить время.

31) Само собой разумеется, что обязательство доводить до сведения текст оговорок к учредительному акту соответствующей международной организации появляется только тогда, когда такая существует, т.е. если договор вступил в силу⁵⁶³.

⁵⁵⁹ Пункт 26) с).

⁵⁶⁰ Один из старых примеров, когда Генеральный секретарь, как представляется, довел оговорку Соединенных Штатов к Уставу Всемирной организации здравоохранения как до сведения заинтересованных государств, так и соответствующей организации, см. Schachter, «The development of international law...» (сноска 552 выше), p. 125. См. также *Summary of practice of the Secretary-General as Depositary of Multilateral Treaties* (сноска 75 выше), p. 51, para. 170.

⁵⁶¹ Однако хотя бы в одном случае государство – автор одностороннего заявления (которое было равнозначно оговорке) – в данном случае Соединенное Королевство – само непосредственно обратилось к субъектам, подписавшим соглашение, в силу которого создавалась международная организация: Соглашение об учреждении Банка развития стран Карибского бассейна от 18 октября 1969 года – по поводу этого заявления (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. X.6). Бывает и так, что автор оговорки сам берет на себя инициативу проконсультироваться с соответствующей международной организацией (см. оговорку Франции к Соглашению об учреждении Азиатско-Тихоокеанского института по вопросам развития телерадиовещания, Куала-Лумпур, 12 августа 1977 года (*ibid.*, chap. XXV.3)).

⁵⁶² См. руководящее положение 2.8.12 и комментарий к нему.

⁵⁶³ На практике, если договор не вступил в силу, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций действует, как и в отношении любого другого договора.

Это представляется очевидным; тем не менее, как выяснилось, это уточнение необходимо, без чего заключительные слова второго пункта руководящего положения 2.1.5 едва ли были бы легко понятными (невозможно довести оговорку до сведения международной организации или органа, которые еще не существуют).

32) Тем не менее может возникнуть вопрос о том, не должны ли эти оговорки также быть доведены, еще до фактического создания организации, до сведения «подготовительных комиссий» (независимо от их наименования), часто создаваемых для эффективной и быстрой подготовки к вступлению в силу учредительного акта. Даже если, как в ряде случаев, здесь, как представляется, следует дать положительный ответ, в данном случае трудно обобщать, поскольку все зависит от конкретных функций, которыми принимающая договор конференция наделяет подготовительную комиссию.

2.1.6 Процедура сообщения оговорок

1. Если договор не предусматривает иного или если договаривающиеся государства и международные организации не условились об ином, сообщение оговорки к договору препровождается:

a) при отсутствии депозитария, непосредственно автором оговорки – договаривающимся государствам и договаривающимся организациям и другим государствам и другим международным организациям, имеющим право стать участниками договора; или

b) при наличии депозитария – депозитарию, который в кратчайшие сроки уведомляет об этом государства и международные организации, которым оно адресовано.

2. Сообщение оговорки считается сделанным в отношении государства или международной организации только по его получении этим государством или этой организацией.

3. Сообщение оговорки к договору другим способом, помимо дипломатической ноты или уведомления со стороны депозитария, например по электронной почте или по факсимильной связи, должно быть в соответствующий срок подтверждено такой нотой или таким уведомлением. В этом случае оговорка считается сформулированной на дату первоначального сообщения.

Комментарий

1) Как и в двух последующих руководящих положениях, в руководящем положении 2.1.6 делается попытка прояснить некоторые аспекты процедуры, которой надлежит следовать при сообщении текста оговорки к договору адресатам этого сообщения, круг которых определяется в руководящем положении 2.1.5. В руководящем положении затрагиваются два достаточно различающихся между собой, но тесно связанных аспекта:

- автор сообщения; и
- практические способы передачи сообщения.

2) В статье 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов ничего не говорится о лице, которое должно взять на себя задачу направления таких сообщений. В большинстве случаев эти функции выполняет депозитарий, поскольку это вытекает из положений статьи 79 Венской конвенции 1986 года⁵⁶⁴, которые в целом применяются ко всем уведомлениям и сообщениям, касающимся договоров. Предписания этой статьи содержат также некоторые указания на способы направления таких сообщений.

3) Как уже случалось в ходе предшествующих рассмотрений вопроса об оговорках к международным договорам, Комиссия и ее специальные докладчики указывали на необходимость четкого определения того, что обязанность по направлению текстов сформулированных оговорок заинтересованным государствам возлагается на депозитария. Так, например, в 1951 году Комиссия выразила мнение о том, что «при получении каждой оговорки депозитарий многосторонней конвенции должен сообщить о ней всем государствам, являющимся участниками этой конвенции, и тем, кто имеет право стать ими»⁵⁶⁵. Аналогичным образом, в своем четвертом докладе о праве договоров за 1965 год сэр Хэмфри Уолдок заявил, что оговорка «должна быть доведена до сведения депозитария, а в отсутствие такового – до сведения других заинтересованных государств»⁵⁶⁶.

4) В итоге Комиссия решила отказаться от этой формулы, указав на то, что принятые ранее проекты «содержали определенное число статей, в которых указывалось на необходимость направления сообщений или уведомлений непосредственно заинтересованным государствам, а при наличии депозитария – последнему». При этом Комиссия пришла к выводу о том, что «представляется возможным существенно упростить тексты этих различных статей, дополнив проект общей статьей, регламентирующей вопросы, касающиеся уведомлений и сообщений»⁵⁶⁷.

5) Таков предмет проекта статьи 73 1966 года, ставшего статьей 78 Венской конвенции 1969 года, а затем без каких-либо изменений, но с добавлением ссылки на международные организации – статьей 79 Венской конвенции 1986 года:

Уведомления и сообщения

Если договором или настоящей Конвенцией не предусматривается иное, уведомление или сообщение, сделанное любым государством или любой международной организацией в соответствии с настоящей Конвенцией:

⁵⁶⁴ Статья 78 Венской конвенции 1969 года.

⁵⁶⁵ *Ежегодник... 1951 год*, том II, документ A/1858, стр. 130 англ. текста, пункт 34.

⁵⁶⁶ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 53 англ. текста.

⁵⁶⁷ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 270 англ. текста, пункт 1) комментария к проекту статьи 73.

a) препровождается, если нет депозитария, непосредственно государствам и организациям, которым оно предназначено, либо, если есть депозитарий, – последнему;

b) считается сделанным соответствующим государством или соответствующей организацией только по получении его тем государством или той организацией, которому/которой оно было препровождено, или же, в зависимости от случая, по получении его депозитарием;

c) если оно препровождается депозитарию, считается полученным государством или организацией, для которого/которой оно предназначено, только после того, как последнее государство или последняя организация было/была информировано/информирована об этом депозитарием в соответствии с пунктом 1 e) статьи 78.

6) Статья 79 неразрывно связана с этим последним положением, согласно которому:

1. Если договором не предусмотрено иное или если договаривающиеся государства и договаривающиеся организации или, в зависимости от случая, договаривающиеся организации не условились об ином, функции депозитария состоят, в частности:

...

e) в информировании участников и государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора, о документах, уведомлениях и сообщениях, относящихся к договору.

7) Кстати, можно заметить, что в приведенном выше подпункте выражение «участников и государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора», не полностью совпадает с формулировкой, которая используется в пункте 1 статьи 23, где речь идет о «договаривающихся» государствах и организациях. Это различие не имеет никаких практических последствий, поскольку договаривающиеся государства и международные организации имеют совершенно очевидное право стать участниками договора и становятся ими в соответствии с определением, которое им дается в пункте 1 f) статьи 2 Венской конвенции 1986 года; однако в связи с этим возникает проблема в отношении формулировки соответствующего руководящего положения, которое предполагается включить в Руководство по практике.

8) В Руководстве по практике, вне всякого сомнения, следует воспроизвести положения пункта 1 e) статьи 78 и статьи 79 Венской конвенции 1986 года, адаптировав их конкретно для случаев оговорки; без этого Руководство не будет соответствовать своему практическому назначению, которое заключается в том, чтобы предоставить его пользователям полный набор руководящих положений, позволяющих определять линию их поведения всякий раз, когда они сталкиваются с проблемой, касающейся оговорки. Однако в связи с этим у Комиссии возник вопрос, чем следует воспользоваться при составлении этого руководящего положения: формулировкой этих двух положений или формулировкой пункта 1 статьи 23. Комиссии показалось логичным использовать терминологию этого последнего положения, с тем чтобы избежать какой бы то ни было двусмысленности и несоответствия, даже чисто внешнего, между различными руководящими положениями Руководства по практике.

9) Кроме того, не следует сомневаться в том, что сообщения, касающиеся оговорки, и в первую очередь те, которые касаются самого текста оговорок, сформулированных государством или международной организацией, «относятся к договору» по смыслу процитированного выше пункта 1 e) статьи 78⁵⁶⁸. В своем проекте 1966 года Комиссия недвусмысленно возложила на депозитария обязанность выяснять, соответствует ли «подпись, документ или оговорка*» положениям договора и настоящих статей⁵⁶⁹. В Вене эта формулировка была заменена другой, более общей: «подписи, документы, уведомления или сообщения, относящиеся к договору»⁵⁷⁰, что, однако, нельзя толковать как исключение оговорки из сферы охвата этого положения.

10) Кроме того, как указывается в комментарии к проекту статьи 73, принятой Комиссией в 1966 году (которая стала статьей 79 Венской конвенции 1986 года), норма, изложенная в подпункте a) этой статьи, «в основном касается уведомлений и сообщений, имеющих отношение к функционированию международных договоров – документов, удостоверяющих согласие, оговорку*, возражения, уведомления относительно недействительности, намерения прекратить действие договора и т.д.»⁵⁷¹.

11) В сущности нет никаких сомнений в том, что как в пункте 1 e) статьи 78, так и в пункте a) статьи 79 отражена современная практика⁵⁷². Эти статьи не нуждаются в каком-то особом комментарии, однако здесь следует отметить, что при наличии депозитария государство – автор оговорки все же может само непосредственно проинформировать соответствующие государства или международные организации о тексте этой оговорки. Так, например, Соединенное Королевство проинформировало Генерального секретаря Организации Объединенных Наций как депозитария Соглашения об учреждении Банка развития стран Карибского бассейна о том, что оно проконсультировалось со всеми участниками этого Соглашения по одному из аспектов заявления (представляющего собой оговорку), которое оно поместило в качестве приложения к своей ратификационной грамоте (и которое было впоследствии принято Советом управляющих этого Банка, а затем отозвано Соединенным Королевством)⁵⁷³.

⁵⁶⁸ См. пункт 6) выше.

⁵⁶⁹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 269 англ. текста, проект статьи 72, пункт 1 d). О сути этого положения см. комментарий к руководящему положению 2.1.7 ниже.

⁵⁷⁰ Венская конвенция 1969 года, статья 77, пункт 1 d). Новая формулировка является результатом поправки, предложенной Белорусской Советской Социалистической Республикой и принятой Комитетом полного состава 32 голосами против 24 при 27 воздержавшихся (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), p. 202, para. 654 (iv) (4), and p. 203, para. 660 (i)).

⁵⁷¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 270 англ. текста, пункт 2) комментария.

⁵⁷² См. там же относительно проекта статьи 73 a) (ставшего статьей 78 Венской конвенции 1969 года и статьей 79 Венской конвенции 1986 года).

⁵⁷³ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. X.6.

Аналогичным образом, Франция представила на рассмотрение Совета управляющих Азиатско-Тихоокеанского института по вопросам развития телерадиовещания оговорку, которая была сформулирована ею в отношении Соглашения о создании этой организации, депозитарием которого также является Генеральный секретарь⁵⁷⁴.

12) Такая практика, как представляется, не вызывает возражений при условии, что депозитарий не освобождается от возложенных на него обязанностей⁵⁷⁵. Тем не менее, она порождает неясность и неопределенность в том плане, что депозитарий может переложить на государства, формулирующие оговорки, функцию, которую на него прямо возлагает пункт 1 *e*) статьи 78 и последняя часть формулировки статьи 79 *a*) Венской конвенции 1986 года⁵⁷⁶. Поэтому Комиссия сочла, что не следует поощрять такую практику, и воздержалась от предложения закрепляющего ее руководящего положения.

13) В своем комментарии 1966 года Комиссия отметила важное значение функции, которую возлагает на депозитария пункт 1 *e*) проекта статьи 72, который стал пунктом 1 *e*) статьи 77 Венской конвенции 1969 года⁵⁷⁷, и подчеркнула, «что, разумеется, было бы желательным, чтобы депозитарий выполнял эту функцию надлежащим образом»⁵⁷⁸. Здесь речь идет о важной проблеме, которая касается подпунктов *b*) и *c*) статьи 78 Венской конвенции 1969 года⁵⁷⁹: оговорка порождает последствия лишь с даты получения соответствующего сообщения теми государствами и организациями, которым оно было препровождено, а не с того момента, когда она была сформулирована. По правде говоря, не имеет особого значения, направляется ли сообщение непосредственно автором оговорки; в случае ее позднего препровождения адресатам автор оговорки может винить только самого себя. Однако если имеется депозитарий, он должен выполнять эту функцию без промедления, иначе он может парализовать само действие оговорки и лишить другие соответствующие государства и международные организации возможности реагировать на нее⁵⁸⁰.

⁵⁷⁴ *Ibid.*, chap. XXV.3.

⁵⁷⁵ См. руководящее положение 2.1.7 ниже.

⁵⁷⁶ Соответственно статьи 77, пункт 1) *e*), и 78 *a*) Венской конвенции 1969 года. В упомянутом выше случае, касающемся оговорки Франции к Соглашению об учреждении Азиатско-Тихоокеанского института по вопросам развития телерадиовещания, представляется, что Генеральный секретарь ограничился лишь принятием к сведению отсутствия возражений со стороны Совета управляющих этой организации (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXV.3). Пассивная позиция Генерального секретаря в этом вопросе заслуживает критики.

⁵⁷⁷ Статья 78, пункт 1 *e*), Венской конвенции 1986 года.

⁵⁷⁸ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 270 англ. текста, пункт 5) комментария к проекту статьи 72.

⁵⁷⁹ Пункты *a*) и *b*) статьи 79 Венской конвенции 1986 года. См. текст этих положений в пункте 5) выше.

⁵⁸⁰ См. комментарий к проекту статьи 73, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 270–271 англ. текста, пункты 3)–6) комментария; см. также Т.О. Elias, *The Modern Law of Treaties*, Dobbs Ferry/Leiden: Oceana/Sijthoff, 1974, pp. 216–217.

14) На практике, при современном уровне развития средств связи, депозитарии, во всяком случае когда речь идет о международных организациях, выполняют свои функции весьма оперативно. Если в 1980-е годы с момента получения сообщения об оговорках Секретариатом Организации Объединенных Наций до момента их распространения проходило от одного месяца до двух и даже трех, то из информации, представленной Комиссии Договорной секцией Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций, следует, что:

1. Время с момента получения официального документа Договорной секцией до момента его препровождения участникам договора составляет приблизительно 24 часа, если при этом не требуется его перевода на другие языки и не возникают никакие юридические проблемы. Если требуется его перевод, то Секция неизменно просит выполнить его в кратчайшие сроки. Если юридический вопрос носит сложный характер или предполагает сношения со сторонами вне контроля Организации Объединенных Наций, могут возникать некоторые задержки, однако такие случаи крайне редки. Следует отметить, что почти всегда официальные документы препровождаются соответствующим сторонам в течение 24 часов.

2. Уведомления со стороны депозитария рассылаются постоянным представительствам и соответствующим организациям как обычной, так и электронной почтой в течение 24 часов с момента получения (см. LA 41 TR/221 (23-1)). Помимо этого с января 2001 года с текстами уведомлений депозитария можно ознакомиться в Собрании международных договоров Организации Объединенных Наций в Интернете по адресу: <http://untreaty.un.org> (эти уведомления публикуются в Интернете лишь для целей ознакомления с ними и не считаются официальными уведомлениями со стороны депозитария). Уведомления со стороны депозитария с объемными приложениями, например относящиеся к главе 11 *b*) 16⁵⁸¹, направляются по факсимильной связи⁵⁸².

15) Начиная с 1 апреля 2010 года процедура направления сообщения, которой следует Генеральный секретарь в качестве депозитария, была упрощена:

Начиная с *четверга, 1 апреля 2010 года*, уведомления со стороны депозитария более не будут распечатываться на бумаге и могут быть получены только в электронной форме.

⁵⁸¹ Речь идет о сообщениях, касающихся Соглашения о принятии согласованных технических правил для колесных транспортных средств, предметов оборудования и частей, которые могут быть установлены и/или использованы на колесных транспортных средствах, и об условиях взаимного признания официальных утверждений, выдаваемых на основе этих правил, от 20 марта 1958 года (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.B.16).

⁵⁸² Договорная секция уточняет также: «3. Просьба учесть, что практика депозитария изменилась в отношении случаев, когда касающееся договора сообщение представляет собой модификацию существующей оговорки и когда оговорка формулируется стороной после выражения ею согласия на обязательность для нее договора. В настоящее время любая сторона соответствующего договора может в течение 12 месяцев уведомить депозитария о том, что она возражает против модификации или что она не желает, чтобы он рассматривал оговорку, сделанную после ратификации, принятия, одобрения и т.п. Срок в 12 месяцев исчисляется депозитарием начиная с даты его уведомления (см. LA 41 TR/221 (23-1))». См. также P.T.B. Kohona, «Some notable developments in the practice of the UN Secretary-General as depositary of multilateral treaties: reservations and declarations», *AJIL*, vol. 99 (2005), pp. 433–450, и работу этого же автора «Reservations: discussion of recent developments in the practice of the Secretary-General of the United Nations as depositary of multilateral treaties», *Georgia Journal of International and Comparative Law*, vol. 33, No. 2 (2005), pp. 415–450.

Они по-прежнему будут доступны в Собрании международных договоров Организации Объединенных Наций в Интернете по адресу: <http://treaties.un.org>, в разделе «Depositary Notifications (CNs)». Кроме того, постоянным представителям и всем заинтересованным субъектам предлагается подписаться на электронную рассылку уведомлений со стороны депозитария Договорной секции, пройдя по ссылке «Automated Subscription Services» на той же странице сайта электронного Собрания международных договоров.

Эта инициатива предпринята в русле кампании Организации Объединенных Наций по экономии бумаги, электроэнергии и ресурсов⁵⁸³.

16) Со своей стороны секретариат ИМО сообщил Комиссии, что время с момента препровождения оговорки к договору, депозитарием которого является организация, до ее препровождения заинтересованным государствам ограничено, как правило, одной-двумя неделями. Сообщения, переводимые на три официальных языка организации (английский, испанский и французский), всегда направляются по почте.

17) Практика Совета Европы была изложена Комиссии секретариатом этой организации следующим образом:

Обычный период составляет две–три недели (уведомления группируются и отправляются приблизительно раз в две недели). В некоторых случаях в связи со значительным объемом заявлений/оговорок или добавлений (описаний или выдержек из внутрисоциального права и практики), которые подлежат проверке и письменному переводу на другой официальный язык, происходят задержки (Совет Европы требует, чтобы все уведомления производились на одном из официальных языков или, по крайней мере, препровождались вместе с письменным переводом на один из этих языков. Письменный перевод на другой официальный язык обеспечивается Договорным отделом). Срочные уведомления, немедленно порождающие последствия (например, отступления от обязательств, предусмотренные в статье 15 Европейской конвенции о правах человека), препровождаются в течение двух–трех дней.

За исключением случаев, когда государства предпочитают, чтобы уведомления направлялись непосредственно в министерство иностранных дел (в настоящее время этот вариант предпочитают 11 из 43 государств-членов), подлинные тексты уведомлений направляются в письменном виде в постоянные представительства в Страсбурге, которые в свою очередь препровождают их в свои столицы. Государства, не являющиеся членами и не имеющие дипломатических представительств (консульств) в Страсбурге, уведомляются через дипломатическое представительство в Париже или Брюсселе или напрямую. Увеличение числа государств-членов и уведомлений в течение последних десяти лет обусловило необходимость упрощения этой процедуры: начиная с 1999 года уведомления не подписываются отдельно Генеральным директором по юридическим вопросам (действующим от имени Генерального секретаря Совета Европы), а группируются, и личная подпись ставится лишь на каждом препроводительном письме. Никаких возражений против этой процедуры не высказывалось.

Поскольку в январе 2000 года открылась наша новая страница в Интернете (<http://conventions.coe.int>), на ней сразу же помещается любая новая информация, связанная с формальными процедурами. Тексты оговорок или заявлений помещаются на этой странице в день поступления официальных уведомлений о них. Тем не менее публикация материалов в Интернете не рассматривается как официальное уведомление.

18) Наконец, из информации, представленной ОАГ, следует, что:

Государства-члены уведомляются о любых новых подписаниях и ратификациях межамериканских договоров через «OAS Newspaper» («Газета ОАГ»), которая выпускается ежедневно. В более официальном порядке мы уведомляем о них каждые три месяца посредством рассылки протоколов в постоянные представительства при ОАГ или после мероприятий, в ходе которых происходит значительное число новых подписаний и ратификаций, например заседаний Генеральной Ассамблеи.

Официальные уведомления, которые также включают двусторонние соглашения, подписанные Генеральным секретариатом и другими сторонами, оформляются на испанском и английском языках.

19) Комиссия не сочла необходимым, чтобы эти весьма полезные уточнения в полном объеме были отражены в Руководстве по практике. Тем не менее ей представляется целесообразным дать в руководящем положении 2.1.6 несколько указаний, представляющих собой рекомендации общего характера как для депозитария (при наличии такового), так и для авторов оговорок (в отсутствие депозитария). Текст представляет собой комбинацию текстов пункта 1 e) статьи 78 и статьи 79 Венской конвенции 1986 года⁵⁸⁴, адаптированных к особым проблемам, возникающим в связи с уведомлением об оговорках.

20) В вводной части этого руководящего положения воспроизводятся те же соответствующие общие части статей 77 и 78 Венской конвенции 1969 года и статей 78 и 79 Венской конвенции 1986 года, с некоторым упрощением: принята в Вене формулировка вводной части статьи 78 Венской конвенции 1986 года («договаривающиеся государства и договаривающиеся организации или, в зависимости от случая, договаривающиеся организации...») представляется неоправданно тяжелой и по сути дела не намного более информативной. Кроме того, как было указано выше⁵⁸⁵, в тексте руководящего положения 2.1.6 воспроизводится с небольшим отличием формулировка пункта 1 статьи 23 Венской конвенции 1986 года («договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора»), которой отдано предпочтение по сравнению с пунктом 1 e) статьи 78 («участников договора и государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора»). Хотя последняя из этих формулировок выглядит, возможно, более элегантно и имеет тот же смысл, она представляет собой отход от терминологии, принятой в посвященном оговоркам разделе Венских конвенций. В любом случае было признано нецелесообразным утяжелять текст, дважды повторяя одно и то же выражение, использованное в подпунктах a) и b) пункта 1. Впрочем, это чисто редакционное облегчение текста не подразумевает никакого изменения текста, принятого в Вене: выражение «государства и организации, для которых она предназначена» в подпункте b), отсылает к формулировке «договаривающиеся государства и договаривающиеся организации и другие государства и другие международные организации, имеющие право стать участниками договора» в подпункте a).

⁵⁸³ *Journal of the United Nations*, 25 March 2010, No. 2010/57, p. 17.

⁵⁸⁴ Статьи 77, пункт 1 e), и 78 Венской конвенции 1969 года.

⁵⁸⁵ Пункты 7) и 8).

21) Что касается сроков передачи оговорки государствам или международным организациям, для которых она предназначена, то Комиссии не показалось возможным устанавливать какой бы то ни было жесткий срок. Выражение «в кратчайшие сроки», фигурирующее в подпункте *b*), представляется достаточным для того, чтобы привлечь внимание адресатов к необходимости действовать оперативно. И наоборот, такое уточнение не представляется необходимым в подпункте *a*): в этом отношении ответственность лежит на самом авторе оговорки⁵⁸⁶.

22) В точном соответствии со смыслом руководящих положений 2.1.1 и 2.2.4, в которых устанавливается, что формулирование и подтверждение оговорок должно осуществляться в письменной форме, в последнем пункте руководящего положения 2.1.6 уточняется, что доведение оговорок до сведения государств и международных организаций, которым они должны быть направлены, должно осуществляться в определенной форме. Такое уточнение было признано полезным с учетом того, что на практике депозитарии часто пользуются современными средствами связи. По этой причине Комиссия посчитала, что любое сообщение оговорки должно подтверждаться дипломатической нотой (в случае если автором является государство) или уведомлением со стороны депозитария (когда уведомление исходит от международной организации⁵⁸⁷). В этом случае течение срока должно начинаться с момента отправки сообщения электронной почтой или факсимильной связью, и это имеет то преимущество, что позволяет избежать любых споров относительно даты получения подтверждения и освобождает от каких бы то ни было практических неудобств, поскольку, как было сообщено Комиссии, письменное подтверждение обычно осуществляется одновременно или очень быстро после отправки электронных или факсимильных сообщений, по крайней мере международными организациями-депозитариями. Эти уточнения приводятся в третьем пункте руководящего положения 2.1.6.

23) Комиссия не сочла ни целесообразным, ни возможным делать уточнения относительно языка или языков, на которых составляются эти сообщения, поскольку в практике депозитариев встречаются различные варианты⁵⁸⁸. Кроме того, Комиссия посчитала, что при решении вопроса о том, какой конкретно орган должен выступать в роли адресата

этих сообщений, разумнее всего опираться на практику⁵⁸⁹.

24) В противовес этому во втором пункте руководящего положения 2.1.6 воспроизводится соответствующая приспособленная к конкретному случаю оговорки норма, закрепленная в подпунктах *b*) и *c*) статьи 79 уже называвшейся выше Венской конвенции 1986 года⁵⁹⁰. Вместе с тем, показалось возможным упростить ее формулировку, не проводя различия между случаями, когда оговорка доводится до сведения непосредственно ее автором и когда эта функция выполняется депозитарием. В обоих случаях именно получение сообщения государством или международной организацией является определяющим. Именно с даты получения начинается исчисление срока для формулирования возражения⁵⁹¹. Следует отметить, что в этом случае дата вступления в силу уведомления может быть разной у разных государств или международных организаций в зависимости от даты получения.

25) Эти уточнения по поводу процедуры, касающейся сообщения оговорки, применяются *mutatis mutandis* к другим односторонним актам, охватываемым Руководством по практике, и в частности к процедурам реагирования и реагированию на оговорки (снятие, принятие или представление возражений) и к заявлениям о толковании и к реагированию на заявление о толковании (принятие, несогласие или переквалификация). Вместе с тем Комиссия посчитала ненужным воспроизводить применительно к каждому типу актов формулировку руководящего положения 2.1.6. Соответствующие руководящие положения⁵⁹² содержат отсылку к настоящему руководящему положению.

2.1.7 Функции депозитария

1. Депозитарий изучает вопрос о том, находится ли сделанная государством или международной организацией оговорка к договору в полном порядке и надлежащей форме, и, в случае необходимости, доводит этот вопрос до сведения соответствующего государства или соответствующей международной организации.

2. В случае возникновения любого разногласия между государством или международной организацией и депозитарием относительно выполнения этой функции депозитарий доводит этот вопрос до сведения:

***a*) подписавших договор государств и организаций и договаривающихся государств и договаривающихся организаций; или**

⁵⁸⁶ См. пункт 13) выше.

⁵⁸⁷ Уведомление со стороны депозитария – это ставшее привычным средство передачи касающихся договоров сообщений международными организациями или руководителями секретариатов организаций-депозитариев. Вместе с тем обычные дипломатические ноты могут использоваться международными организациями в случае направления сообщений государствам, не являющимся членами организации и не имеющим также статус наблюдателей.

⁵⁸⁸ Когда депозитарием выступает какое-либо государство, то, как правило, это государство оформляет сообщения подобного рода на своем или своих официальных языках; когда же речь идет о международной организации, она может использовать либо все свои официальные языки (ИМО), либо один или два рабочих языка (Организация Объединенных Наций).

⁵⁸⁹ Министерства иностранных дел, дипломатические миссии при государстве или государствах-депозитариях, постоянные представительства при организации, являющейся депозитарием.

⁵⁹⁰ См. пункт 5) выше.

⁵⁹¹ Относительно возражений см. руководящее положение 2.6.12.

⁵⁹² См. руководящие положения 2.4.5, 2.5.6, 2.6.8, 2.8.5 и 2.9.7.

b) в соответствующих случаях – компетентного органа заинтересованной международной организации.

Комментарий

1) В разделе Венских конвенций о праве договоров, посвященном оговоркам, не содержится никакого упоминания о роли депозитария. Такое молчание объясняется принятым на позднем этапе решением сформулировать положение об уведомлениях об оговорках на основе общих положений Венской конвенции 1969 года, применимых к депозитарию⁵⁹³. В то же время (и вследствие этого) формулировки статей 77 и 78 Венской конвенции 1986 года⁵⁹⁴, разумеется, в полной мере применимы к оговоркам в тех аспектах, в которых они имеют к ним отношение. Руководящее положение 2.1.7 делает это ясным.

2) Согласно подпункту e) пункта 1 статьи 78 Венской конвенции 1986 года, «информирование участников и государств и международных организаций, имеющих право стать участником договора, о документах, уведомлениях и сообщениях, относящихся к договору», является обязанностью депозитария. В сочетании с нормой, изложенной в подпункте a) статьи 79, данная норма воспроизводится в руководящем положении 2.1.6. Это же руководящее положение подразумевает также, что депозитарий получает и хранит тексты оговорок⁵⁹⁵, вследствие чего дальнейшее прямое упоминание об этом представляется избыточным.

3) Общие положения пункта 2 статьи 77, касающиеся международного характера функций депозитария и его обязанности действовать беспристрастно, бесспорно, относятся к области оговорок в той же мере, что и ко всем другим областям⁵⁹⁶. В такой общей форме эти принципы не касаются конкретно функций депозитария в контексте оговорок, и следовательно не представляется необходимым воспроизводить их как таковые в Руководстве по практике. В то же время эти положения должны быть увязаны с пунктом 2 статьи 78:

В случае возникновения любого разногласия между каким-либо государством или какой-либо международной организацией и депозитарием относительно выполнения функций последнего, депозитарий доводит этот вопрос до сведения:

⁵⁹³ См. пункт 1) комментария к проекту статьи 73, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 270 англ. текста.

⁵⁹⁴ Статьи 76–77 Венской конвенции 1969 года.

⁵⁹⁵ См. статью 78: «...функции депозитария (...) состоят (...): с) в получении подписей под договором и получении и хранении документов, уведомлений и сообщений, относящихся к нему».

⁵⁹⁶ «Функции депозитария договора являются международными по своему характеру, и при исполнении своих функций депозитарий обязан действовать беспристрастно. В частности, тот факт, что договор не вступил в силу между некоторыми участниками или что возникло разногласие между государством или международной организацией и депозитарием, касающееся выполнения функций этого последнего, не влияет на эту обязанность».

a) подписавших договор государств и организаций, а также договаривающихся государств и договаривающихся организаций; или

b) в соответствующих случаях, до сведения компетентного органа заинтересованной международной организации.

4) Приведение этих положений в Руководстве по практике в адаптированном для оговорок виде представляется тем более целесообразным, что эти существенные ограничения функций депозитария были установлены из-за проблем, возникающих в связи с определенными оговорками.

5) Как уже отмечалось, эта проблема встает по-разному, когда депозитарием является одно из государств, которое также является участником договора, и когда им является «международная организация или главное исполнительное должностное лицо такой организации»⁵⁹⁷. В первом случае, «если другие участники договора не могут прийти к единому мнению с депозитарием по этому вопросу – ситуация, которая, насколько нам известно, еще ни разу не возникала, – они не могут навязать ему какую-либо иную линию поведения помимо той, которую он должен принять согласно его мнению»⁵⁹⁸. А во втором – политические органы организации (в составе государств, которые не обязательно являются участниками договора) могут давать депозитарию свои указания. Именно здесь возникли проблемы, решение которых неизменно увязывалось с существенным ограничением полномочий депозитария в плане оценки, и в конце концов это решение нашло свое отражение в положениях Венской конвенции 1969 года, воспроизведенных в Конвенции 1986 года.

6) Уже в 1927 году из-за трудностей, возникших в связи с оговорками, которые Австрия пыталась использовать при отсроченном подписании Международной конвенции об опиуме от 19 февраля 1925 года, Совет Лиги Наций принял резолюцию, утверждающую выводы Комитета экспертов⁵⁹⁹ и содержащую указания, которыми должен руководствоваться Генеральный секретарь Лиги Наций в отношении дальнейших действий⁶⁰⁰.

7) Однако наиболее серьезные проблемы возникли в работе Организации Объединенных Наций, как об этом свидетельствуют главные этапы эволюции

⁵⁹⁷ Пункт 1 статьи 77 Венской конвенции 1986 года.

⁵⁹⁸ J. Dehaussy, «Le dépositaire de traités», RGDIP, vol. 56 (1952), p. 515.

⁵⁹⁹ См. доклад Комитета (в составе г-на Фромажо, г-на Макнейра и г-на Диена) в League of Nations, *Official Journal*, 8th year, No. 7 (July 1927), pp. 880–882, в частности at p. 881.

⁶⁰⁰ Резолюция от 17 июня 1927 года, *ibid.*, pp. 800–801. См. также резолюцию XXIX восьмой Международной конференции американских государств (Лима, 1938 год), закрепившую положения, которыми должен был руководствоваться Панамериканский союз в вопросах, касающихся оговорок, Eighth International Conference of American States, Final Act, 1938, p. 49, воспроизводится в *Ежегоднике... 1965 год*, том II, документ A/5687, стр. 80 англ. текста.

роли Генерального секретаря в качестве депозитария документов, касающихся оговорок⁶⁰¹:

– вначале Генеральный секретарь, «как представляется, сам устанавливал свои собственные правила, которыми он должен был руководствоваться в этих вопросах»⁶⁰², и ставил приемлемость оговорок в зависимости от их единогласного принятия договаривающимися сторонами или международной организацией, учредительного документа которой касались эти оговорки⁶⁰³;

– с учетом консультативного заключения Международного Суда от 28 мая 1951 года по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*⁶⁰⁴ Генеральная Ассамблея приняла первую резолюцию по этому вопросу, в которой она предложила Генеральному секретарю в отношении конвенций, которые будут заключены в будущем:

- i) продолжать выполнение функций депозитария при сдаче на хранение документов, содержащих оговорки или возражения, не решая вопроса о юридическом значении этих документов; и
- ii) сообщать всем заинтересованным государствам текст указанных документов, относящихся к оговоркам или возражениям, предоставляя каждому государству делать из этого сообщения выводы юридического характера⁶⁰⁵;

– в соответствии с резолюцией 1452 В (XIV) Генеральной Ассамблеи от 7 декабря 1959 года, принятой в связи с проблемами, возникшими из-за оговорок, сформулированных Индией в отношении учредительного документа ИМКО, эти указания были распространены на все договоры, функции депозитария которых были возложены на Генерального секретаря⁶⁰⁶.

8) С тех пор в вопросах, касающихся оговорок, если соответствующий договор не содержит отдельного положения относительно оговорок⁶⁰⁷, такой практикой руководствуется Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций и, как представляется, все международные организации (или главы секретариатов международных организаций), и именно с учетом этой практики Комиссия решила сформулировать правила, которыми мог бы руководствоваться депозитарий в этих вопросах.

⁶⁰¹ См. также, например, P.-H. Imbert, «A l'occasion de l'entrée en vigueur de la Convention de Vienne sur le droit des traités – Réflexions sur la pratique suivie par le Secrétaire général des Nations Unies dans l'exercice de ses fonctions de dépositaire», AFDI, vol. 26 (1980), pp. 528–529; или S. Rosenne, *Developments in the Law of Treaties 1945–1986*, Cambridge University Press, 1989, pp. 429–434.

⁶⁰² Dehaussy, «Le dépositaire de traités» (сноска 598 выше), p. 514.

⁶⁰³ См. *Summary of the Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), pp. 50–51, paras. 168–171.

⁶⁰⁴ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Advisory Opinion of May 28th, 1951, I.C.J. Reports 1951*, p. 15.

⁶⁰⁵ Резолюция 598 (VI) от 12 января 1952 года, пункт 3 b).

⁶⁰⁶ См. пункты 23) и 24) комментария к руководящему положению 2.1.5 выше.

⁶⁰⁷ См. *Summary of the Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), pp. 52–56, paras. 177–188.

9) Следует также отметить, что и здесь работа над формулировками осуществлялась в направлении все большего ограничения полномочий депозитария:

– в проекте статей о праве договоров, принятом Комиссией в первом чтении в 1962 году, в частности в пункте 5 статьи 29, касающейся «функций депозитария», предусматривалось:

В случае формулирования оговорки депозитарий обязан:

a) изучить вопрос о том, соответствует ли сформулированная оговорка положениям договора и настоящих статей, касающихся формулирования оговорок, и, в случае необходимости, проконсультироваться по этому вопросу с государством, сформулировавшим оговорку;

b) сообщить заинтересованным государствам текст любой оговорки и любого уведомления о согласии с упомянутой оговоркой или возражении против нее в соответствии со статьями 18 и 19⁶⁰⁸;

– в проектах статей, принятых во втором чтении в 1966 году, вновь предусматривалось, что депозитарий должен:

Изучить вопрос о том, соответствуют ли подписи, документы и оговорки положениям договора и настоящих статей, а в случае необходимости – обратить внимание соответствующего государства на этот вопрос⁶⁰⁹;

В комментарии к этому положению подчеркивалось существенное ограничение полномочий депозитария, касающихся изучения и оценки:

В подпункте d) пункта 1 признается, что в определенных рамках депозитарий должен изучать вопрос о том, соответствует ли подпись, документ или оговорка соответствующим положениям договора и настоящих статей, и, в случае необходимости, обращать на это внимание соответствующего государства. И именно на этом заканчиваются функции депозитария в этом вопросе. В его функции не входит вынесение его собственного заключения относительно действительности рассматриваемого документа или оговорки. Если какой-либо документ или оговорка представляются ненадлежащими, депозитарий обязан обратить на это внимание государства – автора оговорки, а если последний не разделяет мнение депозитария, он должен сообщить об этой оговорке другим заинтересованным государствам и довести вопрос о ее явно ненадлежащем характере до сведения этих государств...⁶¹⁰;

– на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров внесенная Белорусской Советской Социалистической Республикой поправка⁶¹¹ еще более смягчила это положение. Даже если устранение всякого конкретного упоминания оговорок все же не исключает того, что положение, изложенное в пункте 1 d) статьи 77⁶¹² Венской конвенции 1969 года, применяется в отношении этих документов, полномочия депозитария теперь

⁶⁰⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 185 англ. текста.

⁶⁰⁹ Проект статьи 72, пункт 1 d), *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 269 англ. текста.

⁶¹⁰ Там же, стр. 269–270 англ. текста, пункт 4) комментария.

⁶¹¹ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноски 54 и 570 выше), p. 202, para. 657 (iv) (4) and p. 203, para. 660 (i).

⁶¹² Статья 78 Венской конвенции 1986 года.

ограничиваются лишь изучением *формы* оговорок, и его функции состоят в:

Изучении вопроса о том, находятся ли подписи, документы, уведомления или сообщения, относящиеся к договору, *в полном порядке и надлежащей форме**, и, в случае необходимости, в доведении этого вопроса до сведения соответствующего государства или международной организации⁶¹³.

10) Таким образом, был закреплен принцип использования депозитария в качестве «почтового ящика». Как пишет Элиас:

Необходимо подчеркнуть, что в функции депозитария не входит роль толкователя и судьи в любом споре относительно существа или характера оговорки какой-либо из сторон относительно других участников договора или объявление договора вступившим в силу, когда это оспаривается одним или несколькими участниками этого договора⁶¹⁴.

11) В отношении достоинств или недостатков такого ограничения полномочий депозитария в вопросах, касающихся оговорок, мнения разделились. Разумеется, как подчеркнул Международный Суд в своем консультативном заключении, вынесенном в 1951 году по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, «задача [депозитария] становится упрощенной и ограничивается получением оговорок и возражений и направлением соответствующих уведомлений»⁶¹⁵.

Результатом этого, как предполагается, стал перенос несомненной субъективности системы Организации Объединенных Наций с плеч депозитария на плечи отдельных соответствующих государств, выступающих в качестве участников этого договора и исключительно в этом качестве. Это можно рассматривать как полезное нововведение в современное право международных договоров или, быть может, как меру, позволяющую получить о нем более четкое представление, особенно в том, что касается оговорок к многосторонним договорам, а также уменьшить или по крайней мере ограничить «спорный» элемент неприемлемых оговорок⁶¹⁶.

12) В то же время в практике, которой следует Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций и которая была закреплена, скорее даже «затверждена», Венской конвенцией 1969 года, просматривается наличие «необоснованно сложной системы»⁶¹⁷, поскольку депозитарий уже не должен

добиваться даже минимальной согласованности и единства в толковании и реализации оговорок⁶¹⁸.

13) Тем не менее отсутствие доверия к депозитарию, которое отражают рассмотренные выше соображения, касающиеся соответствующих положений Венских конвенций, настолько прочно закрепилось в сознании и практике, что пересмотр норм, принятых в 1969 году и закрепленных в 1986 году, уже вряд ли представляется возможным. Именно по этой причине Комиссия отказалась включить в Руководство элемент прогрессивного развития, который, например, разрешал бы депозитариям привлекать внимание автора к оговорке, которую они считают явно недействительной. С учетом высказанных критических замечаний Комиссия не сохранила в окончательном варианте Руководства проект руководящего указания по этому вопросу, который она первоначально собиралась в него включить⁶¹⁹. По мнению Комиссии, в Руководстве по практике остается поэтому лишь воспроизвести, объединив в рамках единого руководящего положения, соответствующие положения пунктов 1 *d*) и 2 статьи 78 Венской конвенции 1986 года и применив их лишь в отношении функций депозитариев, касающихся оговорок.

14) В первом абзаце этого руководящего положения воспроизводится текст первой половины пункта 1 *d*) статьи 78, т.е. устанавливается ясно и исчерпывающе поведение депозитария в отношении оговорок. Во втором абзаце воспроизводится текст пункта 2 этой же самой статьи со сведением рассматриваемой ситуации к единой этой функции (а не к функциям депозитария в целом, как это имеет место в статье 78).

2.2 Подтверждение оговорок

2.2.1 Официальное подтверждение оговорок, сформулированных при подписании договора

Если оговорка сформулирована при подписании договора, подлежащего ратификации, акту официального подтверждения, принятию или утверждению, она должна быть официально

⁶¹³ Текст 1986 года.

⁶¹⁴ Elias, *The Modern Law of Treaties* (сноска 580 выше), p. 213.

⁶¹⁵ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 27; и можно считать, что «именно этот вывод стал теоретическим обоснованием последующих решений Генеральной Ассамблеи и Комиссии международного права, поскольку в этом предложении подчеркиваются в основном административные аспекты функций [депозитария], а любая возможная политическая роль (а это значит – решающая) в максимальной степени ограничивается» (S. Rosenne, «The depositary of international treaties», *AJIL*, vol. 61, No. 4 (1967), p. 931).

⁶¹⁶ Rosenne, *Developments in the Law of Treaties...* (сноска 601 выше), pp. 435–436.

⁶¹⁷ Imbert, «À l'occasion de l'entrée en vigueur de la Convention de Vienne...» (сноска 601 выше), p. 534; автор применяет это выражение только в отношении практики Генерального секретаря и, похоже, считает, что Венская конвенция 1969 года упрощает контекст проблемы.

⁶¹⁸ Однако депозитарий может играть немаловажную роль в «диалоге об оговорках», сближая, в случае необходимости, противоположные точки зрения. См. также H. Han, «The UN Secretary-General's treaty depositary function: legal implications», *Brooklyn Journal of International Law*, vol. 14, No. 3 (1988), pp. 570–571; автор настаивает на важности роли депозитария, но статья была написана до Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров.

⁶¹⁹ Проект руководящего положения 2.1.8 (Процедура в случае явно недействительных оговорок) гласило следующее:

«Если с точки зрения депозитария оговорка является явно недействительной, то депозитарий обращает внимание автора оговорки на то, что, по его мнению, является основанием недействительности оговорки.

Если автор оговорки настаивает на оговорке, то депозитарий препровождает ее текст подписавшим договор государствам и международным организациям, а также договаривающимся государствам и международным организациям и, в надлежащих случаях, компетентному органу соответствующей международной организации, указывая на характер возникающих в связи с этой оговоркой правовых проблем» (*Ежегодник... 2006 год*, том II (часть вторая), стр. 191).

подтверждена государством или международной организацией, являющимися автором оговорки, при выражении своего согласия на обязательность договора. В этом случае оговорка считается сформулированной на дату ее подтверждения.

Комментарий

1) Текст руководящего положения 2.2.1 воспроизводит пункт 2 статьи 23 Венской конвенции 1986 года. В своем комментарии к руководящему положению 1.1 Комиссия отметила, что это в полной мере отвечает предназначению Руководства по практике, которое заключается в том, чтобы свести воедино, в рамках одного документа, все нормы и практику, рекомендуемые к применению в области оговорок.

2) Текст пункта 2 статьи 23 Венской конвенции 1986 года идентичен соответствующему положению Венской конвенции 1969 года, за исключением единственного отличия: в нем оговаривается процедура, которой необходимо следовать в том случае, когда стороной договора является международная организация. Именно в силу более полного характера формулировки 1986 года предпочтение было отдано ей, а не формулировке 1969 года.

3) Это положение основывается на предложении, выдвинутом сэром Хэмфри Уолдоком в его первом докладе о праве международных договоров и предусматривающем включение положения (пункт 3 *b*) проекта статьи 17), базирующегося на принципе, согласно которому «и презюмируется снятие оговорки, если в документе о ратификации не указывается на то, что она сохраняется»⁶²⁰. Специальный докладчик не отрицал, что «по всей видимости, могут существовать расхождения во мнениях относительно точного содержания действующей нормы в данной области, если исходить из того, что она существует»⁶²¹, и сослался, в частности, на статью 14 *d*)⁶²² Гарвардского проекта конвенции о праве договоров, в котором содержится противоположная презумпция⁶²³.

4) Принцип обязательности подтверждения оговорки, сформулированной при подписании договора, закреплен в пункте 2 статьи 18 проекта статей Комиссии по праву договоров, который, однако, был принят без широкого обсуждения в 1962 году⁶²⁴, этот пункт в целом касался оговорок, формулируемых до принятия текста.

⁶²⁰ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 66 англ. текста.

⁶²¹ Там же.

⁶²² Уолдок по ошибке процитировал статью 15 *d*).

⁶²³ «Если государство сделало оговорку при подписании договора, его последующая ратификация придает силу оговорке в отношениях этого государства с другими государствами, которые стали или могут стать участниками договора»; Гарвардский проект воспроизводится в *Ежегоднике... 1950 год*, том II, стр. 243–244 англ. текста.

⁶²⁴ См. краткие отчеты о 651–656-м заседаниях (25 мая – 4 июня 1962 года), *Ежегодник... 1962 год*, том I, стр. 139–179 англ. текста.

5) Комментарий к этому положению (которое стало пунктом 2 проекта статьи 18) представляет интерес, поскольку он точно разъясняет необходимость в норме, которая была принята Комиссией:

Бывают случаи, когда оговорка формулируется во время переговоров и надлежащим образом фиксируется в протоколах. Порой такие рудиментарные оговорки используются в качестве основы для того, чтобы впоследствии подтвердить, что они являются официальными оговорками. Представляется чрезвычайно важным, чтобы заинтересованное государство официально определенным образом подтверждало свое заявление, с тем чтобы четко продемонстрировать свое намерение сформулировать оговорку⁶²⁵.

6) В ходе второго чтения формулировка положений проекта, касающихся процедуры формулирования оговорок, была значительно упрощена по инициативе правительств ряда стран, выразивших мнение о том, что для многих из таких норм «больше подходил бы кодекс практических рекомендаций»⁶²⁶. Новый проект, принятый с учетом предложений Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока⁶²⁷, отличался от нынешнего текста пункта 2 статьи 23 только тем, что он содержал указание на оговорки, формулируемые «по случаю принятия текста»⁶²⁸, которое было исключено во время Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров при обстоятельствах, которые можно охарактеризовать как «загадочные»⁶²⁹. В комментарии к этому положению почти дословно воспроизводится текст 1962 года⁶³⁰ и добавляется следующее:

Пункт 2 касается оговорок, сделанных на одном из последующих этапов [после переговоров] – по случаю принятия текста или при подписании договора, подлежащего ратификации, принятию или утверждению. В данном случае Комиссия сочла также существенно важным, чтобы государство в момент выражения окончательного согласия на обязательность договора не оставляло никаких сомнений относительно своей окончательной позиции в отношении оговорки. Поэтому в этом пункте требуется, чтобы государство, сформулировавшее оговорку, официально подтвердило свое желание сохранить ее. В то же время в нем предусматривается, что в данном случае оговорка считается сделанной в день ее подтверждения, и это имеет важное значение для применения пункта 5 статьи 17 [20 в тексте Венской конвенции 1969 года]⁶³¹.

7) Норма, закрепленная в пункте 2 статьи 23 Венской конвенции 1969 года, была воспроизведена в Венской конвенции 1986 года с изменениями

⁶²⁵ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 180 англ. текста.

⁶²⁶ Замечания Швеции, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 47 англ. текста.

⁶²⁷ Там же, стр. 53–54 англ. текста.

⁶²⁸ «Когда оговорка сформулирована при принятии текста или при подписании договора» (*Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста).

⁶²⁹ «In paragraph 2, the phrase "on the occasion of the adoption of the text" mysteriously disappeared from the Commission's text when it was finally approved by the Conference» (В пункте 2 выражение «по случаю принятия текста» загадочным образом исчезло из текста Комиссии, когда он был в окончательном виде утвержден Конференцией) (Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 195).

⁶³⁰ См. пункт 5) комментария к этому руководящему положению выше.

⁶³¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста. Статья 20 Венской конвенции касается принятия оговорок и возражения против них.

исключительно редакционного характера, необходимыми для упоминания о международных организациях⁶³²; кроме того, было введено понятие «официальное подтверждение договора» (причем в данном случае возникла опасность смешения этого понятия с понятием «подтверждения», тоже официального, оговорки, о котором идет речь в статье 23⁶³³). Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года приняла текст Комиссии⁶³⁴, не внося при этом изменений в текст на французском языке⁶³⁵.

8) Хотя не было никаких сомнений в том, что во время принятия пункта 2 статьи 23 Венской конвенции 1969 года было продемонстрировано преимущество прогрессивного развития права по сравнению с кодификацией *stricto sensu*⁶³⁶, можно считать, что обязательство официально подтверждать оговорки, сформулированные при подписании договоров, в официальной форме вошло в позитивное право. Сформулированная в Венской конвенции 1969 года и подтвержденная в Конвенции 1986 года, эта норма применяется на практике (но не на систематической основе⁶³⁷) и, как представляется, согласуется с *opinio*

necessitatis juris, которое позволяет наделять ее силой обычно-правовой нормы⁶³⁸.

9) С теоретической точки зрения норма, зафиксированная в пункте 2 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, касается утверждения, которое сегодня кажется обычным⁶³⁹, хотя в прошлом это не всегда было так⁶⁴⁰. В любом случае, какими бы ни были причины, по которым в конечном счете можно было бы прийти к обратному выводу, они не являются достаточными для отмены зафиксированной в Венских конвенциях нормы, которой Комиссия решила следовать в е, за исключением случая аннулирующего возражения.

10) Хотя принцип, закрепленный в этом положении, и был в целом одобрен, перед Комиссией возникли вопросы, касающиеся следующего:

– правопреемства государства в отношении применения этого принципа;

– неполного характера перечня случаев, когда оговорка, сформулированная при подписании, должна подтверждаться; и особенно

– целесообразности упоминания «рудиментарных оговорок»⁶⁴¹, в качестве которых выступают определенные заявления, сделанные во время подписания текста договора.

11) Во-первых, встал вопрос о том, не следует ли дополнить формулировку пункта 2 статьи 23 таким образом, чтобы учесть возможность

никаких принципиальных решений относительно правомерности или сущности соответствующих заявлений.

⁶³⁸ См., например, памятную записку Юрисконсультанта Организации Объединенных Наций, в которой «практика Генерального секретаря в качестве депозитария многосторонних договоров в отношении... оговорок и возражений к оговоркам, касающимся тех договоров, которые не содержат положений по данному вопросу», характеризуется как опирающаяся на пункт 2 статьи 23 Венской конвенции 1969 года и в которой делается следующий вывод: «Если оговорка сделана при подписании договора, подлежащего ратификации, то она носит лишь декларативный характер, поскольку имеет такое же значение, что и сама подпись. Она должна быть подтверждена при ратификации, так как в противном случае она будет считаться снятой» (Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник*, 1976 год, стр. 288–289; Совет Европы изменил свою практику в этом отношении начиная с 1980 года (см. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations... (сноска 25 выше)*, and J. Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe*, Strasbourg, Council of Europe, 1999, pp. 95–96), и в своих ответах на вопросник Комиссии об оговорках к договорам государства в общих выражениях сообщили, что они подтверждают оговорки, сформулированные в ходе подписания, при ратификации или присоединении. Относительно вопросника см. сноску 39 выше.

⁶³⁹ См., в частности, Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 28; Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 285; см. также комментарий Пелле и Шабаса к статье 23 Венской конвенции 1969 года: «1969 Vienna Convention. Article 23: Procedure regarding reservations» в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties... (сноска 30 выше)*, pp. 596 and 614–617, paras. 7 and 81–91.

⁶⁴⁰ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 253–254.

⁶⁴¹ См. пункт 5) комментария к этому руководящему положению.

⁶³² См. четвертый и пятый доклады Специального докладчика г-на Поля Рейтера, *Ежегодник... 1975 год*, том II, документ A/CN.4/285, стр. 45, и *Ежегодник... 1976 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/290 и Add.1, стр. 186.

⁶³³ См. обсуждение этого вопроса Комиссией на ее 1434-м заседании 6 июня 1977 года, *Ежегодник... 1977 год*, том I, стр. 127–129. Комиссия осознает эти риски, однако считает нецелесообразным менять терминологию, которая сегодня является общепризнанной.

⁶³⁴ *Ежегодник... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 46.

⁶³⁵ Председатель Редакционного комитета г-н Аль-Хасауна указал, что в текст на английском языке было внесено исправление (выражение «by a treaty» было заменено выражением «by the treaty»), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations, Vienna, 18 February–21 March 1986, vol. I, Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole (A/CONF.129/16)* (United Nations publication, Sales No. E.94.V.5, Vol. I), 5th plenary meeting, 18 March 1986, p. 14, para. 63.

⁶³⁶ См. первый доклад сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 66 англ. текста, пункт 11) комментария к проекту статьи 17. См. также Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 28, или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations... (сноска 25 выше)*, p. 41.

⁶³⁷ Так, практика Генерального секретаря Организации Объединенных Наций не в полной мере учитывает последствия, вытекающие из записки Юрисконсультанта 1976 года (см. сноску ниже), так как в важном Интернет-издании, озаглавленном «Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю», фигурируют оговорки, сформулированные при подписании, как подтвержденные позднее, так и не подтвержденные, причем это охватывает даже те случаи, когда государство формулировало другие оговорки при выражении своего окончательного согласия на обязательность договора; см., например, оговорки Турции к Таможенной конвенции о контейнерах от 2 декабря 1972 года (*Multilateral Treaties... (сноска 37 выше)*, chap. XI.A.15), или оговорки Исламской Республики Иран и Перу к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года (*ibid.*, chap. VI.19); такая практика, несомненно, представляет собой чисто «механистическое» толкование роли депозитария и не предполагает вынесения

государства-преемника сформулировать оговорку при уведомлении о правопреемстве в соответствии с руководящим положением 1.1, дополняющим определение оговорок, содержащееся в пункте 1 d) статьи 2 Венской конвенции 1986 года. По мнению Комиссии, ответ на этот вопрос не столь уж прост. А рiоiгi государство-преемник может либо подтвердить или отменить существующую оговорку, сформулированную государством-предшественником⁶⁴², либо сформулировать новую оговорку при уведомлении о правопреемстве⁶⁴³; ни в одном из этих случаев государство-преемник не обязано подтверждать оговорку, сделанную при подписании. Однако в силу пунктов 1 и 2 статьи 18 Венской конвенции 1978 года новое независимое государство может при определенных условиях путем уведомления о правопреемстве установить свой статус в качестве договаривающегося государства или участника многостороннего договора, который не вступил в силу на момент правопреемства государств и в отношении которого государство-предшественник само являлось договаривающимся государством. Вместе с тем, согласно пункту 1 f) статьи 2 Венской конвенции 1969 года и [пункту 1 f) статьи 2 Венской конвенции 1986 года], «выражение "договаривающееся государство" означает государство, которое согласилось на обязательность для него договора, независимо от того, вступил ли договор в силу или нет», а не просто государство, подписавшее его. Из этого, от противного, вытекает то, что не следует включать положение о «правопреемстве в отношении подписания» договора (подлежащего ратификации или аналогичной форме принятия)⁶⁴⁴⁶⁴⁵ и что в руководящем положении 2.1.1 не следует включать положение об уведомлении о правопреемстве⁶⁴⁶.

12) Во-вторых, у Комиссии возник вопрос о том, можно было бы считать, что перечень случаев, которыми пункт 2 статьи 23, как представляется, ограничивает возможность обуславливать выражение согласия на обязательность (ратификация, акт официального подтверждения, принятие или утверждение), носит чрезмерно ограничительный характер и не согласуется с положениями статьи 11. Однако Комиссия выразила мнение о том, что такая озабоченность является чрезмерной: различия в формулировках статьи 11 и пункта 2 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов заключаются в отсутствии в статье 23 положений о двух случаях, предусмотренных в статье 11: «обменом документами,

образующими договор», с одной стороны, и «любым другим способом, о котором условились», – с другой⁶⁴⁷. Вероятность того, что государство или международная организация обусловит выражение своего согласия на обязательность многостороннего договора, к которому могут формулироваться оговорки, посредством одного из этих способов, является достаточно низкой, и поэтому не представляется целесообразным перегружать формулировку руководящего положения 2.2.1 или включать в главу 2 Руководства по практике проект руководящего положения, эквивалентного руководящему положению 1.1.2.

13) В-третьих, руководящее положение 2.2.1 не предусматривает ситуацию, когда оговорка формулируется не в момент подписания договора, а до него. Действительно, ничто не мешает государству или международной организации официально заявить своим партнерам об оговорках, которые вызывает текст, принятый на стадии установления аутентичности⁶⁴⁸, равно как и на любой предшествующей стадии переговоров⁶⁴⁹, но такое заявление не согласуется с определением оговорок, содержащимся в руководящем положении 1.1.

14) Впрочем, Комиссия предусмотрела это в проекте статьи 18 (ставшей статьей 23 Венской конвенции 1969 года), в котором пункт 2, фигурирующий в окончательном тексте проектов статей, принятых в 1966 году, предусматривал следующее: «Если оговорка сделана при подписании договора (...) она должна быть официально подтверждена сделавшим оговорку государством при выражении им своего согласия на обязательность для него этого договора. В этом случае оговорка считается сделанной в день ее подтверждения»⁶⁵⁰. Комментируя это положение, Комиссия, отметив, что «на практике заявления, содержащие оговорку, делались на разных этапах заключения договора», и, изложив причины, по которым она считает, что необходимо подтверждать оговорки во время подписания при выражении согласия на обязательность договора⁶⁵¹, добавила следующее:

⁶⁴⁷ Аналогичное замечание, касающееся сравнения пункта 1 d) статьи 2 и статьи 11, см. пункт 12) комментария к руководящему положению 1.1.

⁶⁴⁸ Впрочем, в статье 10 Венских конвенций 1969 и 1986 года в качестве способов установления аутентичности текста договора наряду с подписанием упоминаются парафирование и подписание *ad referendum*. Об установлении аутентичности «как отдельной стадии процедуры заключения договора» см. комментарий к статье 9 проекта статей Комиссии о праве международных договоров (ставшей статьей 10 в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров), *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 195 англ. текста.

⁶⁴⁹ Так, см. оговорку Японии к статье II Конвенции об оказании продовольственной помощи 1971 года, которую она согласовала со своими партнерами в ходе переговоров по тексту, о которой она объявила при его подписании и которую она сформулировала при сдаче ратификационной грамоты на хранение правительству Соединенных Штатов (депозитарию) 15 мая 1972 года (United Nations, *Treaty Series*, vol. 800, p. 197).

⁶⁵⁰ См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста.

⁶⁵¹ См. пункт 5) комментария к этому руководящему положению выше.

⁶⁴² См. пункт 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года.

⁶⁴³ См. пункт 2 статьи 20.

⁶⁴⁴ См. руководящее положение 2.2.2.

⁶⁴⁵ См. также руководящее положение 5.1.2.

⁶⁴⁶ Согласно К. Пийу, «применяя по аналогии норму, содержащуюся в пункте 2 статьи 23 Венской конвенции, в отношении оговорок, сформулированных при подписании, можно сказать, что государства, которые выступили с заявлением о непрерывности действия [Женевских конвенций 1949 года], должны были, если они пожелали принять на себя обязательства по оговоркам, сформулированным [государством-предшественником], в ясно выраженной форме зафиксировать это в своем заявлении о непрерывности действия» («Reservations to the Geneva Conventions of 1949», *International Review of the Red Cross* (March 1976), p. 111). Вряд ли такая аналогия возможна. Об оговорках в случае правопреемства государств см. часть 5 Руководства по практике.

Поэтому заявление в ходе переговоров, содержащее оговорку, само по себе не признается в статье 16 [нынешняя статья 19] как метод формулирования оговорки и не упоминается в настоящей статье⁶⁵².

15) Как указывалось выше⁶⁵³, упоминание о принятии текста исчезло из текста пункта 2 статьи 23 Венской конвенции 1969 года при «загадочных» обстоятельствах во время Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968–1969 годов, видимо, в силу необходимости обеспечения согласованности с формулировкой вводной части статьи 19. В то же время такого рода положение могло быть стать причиной увеличения числа заявлений, формулируемых до принятия текста договора, которые будут направлены на ограничение сферы его действия и поэтому не будут отвечать самому определению оговорки.

2.2.2 Случаи необязательности подтверждения оговорки, сформулированных при подписании договора

Оговорка, сформулированная при подписании договора, не требует последующего подтверждения, если государство или международная организация путем его подписания выражает свое согласие на обязательность договора.

Комментарий

1) Следуя Венскому тексту, решение, закрепленное в руководящем положении 2.2.1, несомненно, означает, что кодифицированная таким образом норма применима лишь в отношении договоров в официальной форме, которые не вступают в силу единственно на основании факта их подписания⁶⁵⁴. Что касается договоров, для вступления в силу которых, напротив, не требуется никаких формальных действий после подписания и которые именуются «соглашениями в упрощенной форме»⁶⁵⁵, то само собой раз-

⁶⁵² Ежегодник... 1966 год, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста, пункт 3) комментария к проекту статьи 18.

⁶⁵³ См. пункт 6) комментария к этому руководящему положению.

⁶⁵⁴ О различии между договорами в официальной форме и соглашениями в упрощенной форме см., в частности, С. Chayet, «Les accords en forme simplifiée», AFDI, vol. 3 (1957), pp. 3–13; Daillier, Forteau and Pellet, *Droit international public...* (сноска 254 выше), pp. 152–160; P.F. Smets, *La conclusion des accords en forme simplifiée* (Brussels, Bruylant, 1969), p. 284; см. также комментарий к статье 11 Венской конвенции 1969 года S. Szurek: «1969 Vienna Convention. Article 11: Means of expressing consent to be bound by a treaty», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 193–199, paras. 14–30, и комментарий к статье 12 в работе С. Van Assche, «1969 Vienna Convention. Article 12: Consent to be bound by a treaty expressed by signature», *ibid.*, pp. 209–242.

⁶⁵⁵ Хотя форма соглашений в упрощенной форме чаще используется при заключении двусторонних договоров, чем при заключении многосторонних договоров, она иногда применяется во втором случае, и можно указать на важные многосторонние соглашения, которые вступили в силу единственно на основании факта их подписания. Так обстоит дело, например, с Генеральным соглашением по тарифам и торговле 1947 года (однако основная часть его содержания начала действовать после подписания Протокола о временном применении), Декларацией от 23 июля 1962 года о нейтралитете Лаоса, Соглашением об учреждении Центра по технологии производства продовольствия

умеется, что, если оговорка формулируется при подписании, она начинает действовать сразу и при этом не требуется и не предусмотрено никакого официального подтверждения.

2) Комиссии не известно ни одного четкого примера оговорки, сформулированной при подписании многостороннего соглашения в упрощенной форме. Однако эту возможность, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов уже хотя бы потому, что существуют «смешанные договоры», которые предусматривают, по выбору сторон, возможность вступления их в силу единственно на основании факта их подписания или после ратификации и к которым можно делать оговорки или которые содержат положения об оговорках⁶⁵⁶.

3) По правде говоря, эта норма вытекает а contrario из текста пункта 2 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, воспроизведенного в проекте руководящего положения 2.2.1. Однако, учитывая практический характер Руководства по практике, было бы, по мнению Комиссии, нелишним четко указать это в руководящем положении 2.2.2.

4) Комиссия не сохранила в тексте проекта выражение «соглашение в упрощенной форме», которое широко применяется французскими правоведомы, и было сочтено целесообразным не прибегать к этому выражению, которое не фигурирует в Венских конвенциях.

5) Кроме того, может встать вопрос о том, следует ли подтверждать оговорку к соглашению, вступающему в силу в предварительном порядке или применяемому в предварительном порядке до его ратификации⁶⁵⁷, – которая предположительно сформулирована при подписании, – тогда, когда сформулировавшее ее государство выражает свое согласие на обязательность для него указанного договора. Комиссия выразила мнение о том, что эта ситуация отличается от той, которая предусмотрена в руководящем положении 2.2.2, и что поэтому нет никаких причин предусматривать решение, выходящее за рамки а, закрепленного в руководящем положении 2.2.1. Отсюда следует, что в отдельном руководящем положении нет никакой необходимости.

и удобений для Азиатско-Тихоокеанского региона от 11 июня 1969 года и Соглашением об учреждении Карибского сообщества от 26 февраля 1991 года.

⁶⁵⁶ См. статью XIX Соглашения о международной организации спутниковой связи (ИНТЕЛСАТ) от 20 августа 1971 года; см. также Конвенцию о психотропных веществах 1971 года (статья 32), Конвенцию о Кодексе поведения линейных конференций от 6 апреля 1974 года, Соглашение об охране малых китов Балтийского и Северного морей 1992 года (статья 8, пункт 4), Соглашение 1994 года об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (статья 4, пункт 3 а)), Международную конвенцию об аресте судов 1999 года (статья 12, пункт 2) и Многостороннее соглашение о либерализации международного воздушного транспорта 2001 года (статья 20, пункт 2).

⁶⁵⁷ См. статьи 24–25 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

2.2.3 Оговорки, сформулированные при подписании, когда это прямо предусматривается договором

Когда договор прямо предусматривает, что государство или международная организация может формулировать оговорку при подписании договора, такая оговорка не требует официального подтверждения со стороны государства или международной организации, являющихся автором оговорки, при выражении своего согласия на обязательность договора.

Комментарий

1) Между тем, помимо случая, который предусмотрен руководящим положением 2.2.2, возможно возникновение ситуации, когда подтверждение оговорки, сформулированной во время подписания, представляется излишним: так обстоит дело, когда в самом договоре прямо предусматривается такая возможность не делать подтверждения. Так, например, пункт 1 статьи 8 Конвенции Совета Европы 1963 года о сокращении случаев множественного гражданства и о военной повинности в случае множественного гражданства гласит следующее:

Любая Договаривающаяся сторона может в момент подписания настоящей Конвенции* или во время сдачи на хранение документа о ратификации, принятии или присоединении заявить о том, что оно использует одну или несколько оговорок, фигурирующих в Приложении к настоящей Конвенции⁶⁵⁸.

2) Представляется, что в подобного рода случаях преобладающая практика заключается в том, что сторона, сформулировавшая оговорку во время подписания, не должна подтверждать ее в момент выражения своего согласия на обязательность договора. Так, Франция сделала оговорку при подписании этой Конвенции и впоследствии ее не подтвердила⁶⁵⁹. Венгрия и Польша также не подтвердили свои оговорки к статье 20 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, в пункте 1 статьи 28 которой предусматривается, что такая оговорка может быть сделана при подписании равно как и Люксембург, который сделал оговорку к Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года⁶⁶⁰, или Эквадор – к Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 года⁶⁶¹. Справедливости

⁶⁵⁸ См. также, среди многочисленных примеров: статью 17 Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года; статью 30 Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам 1988 года; статью 29 Европейской конвенции о гражданстве 1997 года и статью 24 Конвенция о праве, применимом к наследованию имущества умерших лиц, 1989 года.

⁶⁵⁹ См. также Совет Европы, Европейский комитет по правому сотрудничеству (CDCJ), *CDCJ Conventions and reservations to those Conventions*, Записка Секретариата, CDCJ (99) 36, Страсбург, 30 марта 1999 года, р. 11; так же дело обстоит и с оговорками Бельгии к Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам (*ibid.*, р. 55).

⁶⁶⁰ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chaps. IV.9 and V.2. Венгрия впоследствии сняла свою оговорку (*ibid.*, IV.9).

⁶⁶¹ *Ibid.*, chap. XVIII.7.

ради следует отметить, что другие государства⁶⁶² подтверждали эту же оговорку при ратификации.

3) Норма, закрепленная в пункте 2 статьи 23 Венских конвенций, которая, как и все другие их положения, носит регулирующий характер, должна была найти свое применение только в тех ситуациях, которые не предусмотрены в договоре, так как в противном случае положения, предусматривающие возможность формулирования оговорок при подписании, оказались бы лишены всякого практического смысла. Можно считать, что неясность практики в этой области объясняется тем, что, хотя официальное подтверждение в подобных случаях и не является обязательным, его возможность не исключается: оговорки, сделанные при подписании конвенции, прямо допускающей формулирование оговорок при подписании, достаточно самих по себе, однако при этом ничто не мешает сформулировавшим такие оговорки государствам их подтвердить⁶⁶³, даже если ничто их к этому не обязывает.

4) Поэтому руководящее положение 2.2.3 закрепляет «минимальную» практику, что представляется логичным, если договор четко предусматривает возможность формулирования оговорок при его подписании. В случае «непризнания» этого а многочисленных оговорок, сформированных при подписании, но не подтвержденных позднее, пришлось бы квалифицировать в качестве недействительных, даже несмотря на то, что сформировавшие их государства в своих действиях исходили из текста самого договора.

2.2.4 Форма официального подтверждения оговорок

Официальное подтверждение оговорки должно быть сделано в письменной форме.

Комментарий

1) В пункте 2 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов под названием «Процедура, касающаяся оговорок», ясно не устанавливается, что подтверждение оговорок должно быть сделано в письменной форме. Тем не менее это положение, воспроизводимое в руководящем положении 2.2.1, требует, чтобы оговорка была «официально подтверждена государством [или международной организацией], являющимся[являющейся] автором оговорки, при выражении им[ею] своего согласия на обязательность для него[нее] этого договора». Разумеется, наречие «официально» следует понимать как

⁶⁶² Беларусь, Болгария (впоследствии оговорка снята), Марокко, Тунис, Украина (впоследствии оговорка снята) и Чехословакия (Словакия и Чешская Республика впоследствии сняли оговорку); *ibid.*, chaps. IV.9 and XVIII.7.

⁶⁶³ И такие «подтверждения из соображений предосторожности» являются довольно частыми (см., например, оговорки Беларуси, Бразилии (которая, тем не менее, подтвердила только две из своих трех первоначальных оговорок), Венгрии, Польши, Турции и Украины к Конвенции о психотропных веществах 1971 года, *ibid.*, chap. VI.16).

означающее, что эта формальность должна быть выполнена в письменной форме.

2) Такое толкование, кстати говоря, не противоречит подходу, который был избран при разработке статьи 23: именно потому, что подтверждение должно быть сделано в письменной форме, Комиссия и ее специальные докладчики по праву международных договоров сочли, что вопрос о том, может ли быть оговорка первоначально сформулирована в устной форме, может оставаться открытым⁶⁶⁴.

3) Кроме того, требование о подтверждении оговорки в письменной форме диктуется хотя бы уже здравым смыслом: в отсутствие официального текста оговорки было бы невозможно с должной степенью уверенности уведомить об оговорке другие заинтересованные государства и международные организации в соответствии с положениями пункта 1 статьи 23. Помимо всего прочего, это отвечает и сложившейся постоянной практике, которая, насколько это известно Комиссии, не знает никаких исключений.

4) Вместе с тем следует подчеркнуть, что в руководящем положении 2.2.4 не разрешается вопрос о том, всегда ли является необходимым официальное подтверждение оговорки. Этот вопрос регулируется в руководящих положениях 2.2.2 и 2.2.3, из которых следует, что существуют случаи, когда подтверждение является излишним.

2.3 Последующее формулирование оговорок

Государство или международная организация не вправе формулировать оговорку к договору после выражения своего согласия на обязательность договора, если только договор не предусматривает иного или если только последующее формулирование оговорки не вызывает несогласия ни у одного из других договаривающихся государств и ни у одной из других договаривающихся организаций.

Комментарий

1) Раздел 3 главы 2 Руководства по практике посвящен особенно непростому вопросу о том, что общепринято называть «последующими оговорками». Комиссия предпочла, однако, говорить о «последующем формулировании оговорок», с тем чтобы четко обозначить, что речь идет не о какой-либо новой и особенной категории оговорок, но только о заявлениях, которые выступают как оговорки, но при которых не соблюдаются сроки, при соблюдении которых они могли бы рассматриваться как таковые, поскольку моменты формулирования оговорок точно указаны в самом их определении⁶⁶⁵.

⁶⁶⁴ См. пункты 8)–10) комментария к руководящему положению 2.1.1.

⁶⁶⁵ См. пункт 1 d) статьи 2 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и пункт 1 j) статьи 2 Венской конвенции 1978 года и руководящее положение 1.1: «"Оговорка" означает одностороннее заявление... , сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, акте официального

2) Если в договоре не предусмотрено иное, что всегда возможно⁶⁶⁶, выражение согласия на обязательность договора является для договаривающихся государств и договаривающихся организаций последним (и, по правде говоря, в силу наличия требования об официальном подтверждении оговорок, сформулированных в ходе переговоров или при подписании, единственным) моментом, когда оговорка может быть сформулирована. Будучи единодушно признанным учеными-юристами⁶⁶⁷, это правило, которое вытекает из самого определения оговорок⁶⁶⁸ и также подразумевается в вводной части статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, в значительной мере соблюдается на практике⁶⁶⁹. В своем постановлении от 20 декабря 1988 года по делу *Border and Transborder Armed Actions* Международный Суд заявил, что оно является частью позитивного права:

Статья LV Боготского пакта предоставляет сторонам возможность делать оговорки к этому документу, которые в порядке взаимности будут «применяться ко всем подписавшим его государствам в отношениях с государством, которое их делает». В отсутствие специальных процедурных положений эти оговорки могут в соответствии с нормами общего международного права, применимыми в этой области, такими как нормы, кодифицированные Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года, формулироваться только в момент подписания или ратификации Пакта, а также присоединения к этому документу⁶⁷⁰.

3) Нередко встречаются случаи, когда государство⁶⁷¹ пытается сформулировать оговорку в момент, отличный от тех, которые предусмотрены в содержащемся в Венских конвенциях определении, и такая возможность, которая может сулить бесспорные конкретные преимущества, не была полностью

подтверждения, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, или когда государство направляет уведомление о правопреимстве в отношении договора).

⁶⁶⁶ В некоторых положениях об оговорках уточняется, например, что «оговорки к одному или нескольким положениям настоящей Конвенции могут быть сделаны в любое время до ратификации или присоединения к настоящей Конвенции...» (Конвенция об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии от 29 июля 1960 года, статья 18 a) или «любое государство может не позднее чем в момент ратификации или присоединения сделать оговорки, предусмотренные статьями 13, пункт 3, и 15, пункт 1, настоящей Конвенции» (Конвенция о полномочиях властей и применимом праве в области защиты малолетних от 5 октября 1961 года, статья 23) (эти примеры цитируются Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 163–164); см. также примеры, приводимые в пункте 4) настоящего комментария).

⁶⁶⁷ Особенно четко оно изложено Гаей: «последним сроком, когда государство может сделать оговорку, является момент, когда оно выражает согласие на обязательность договора» («Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), p. 310).

⁶⁶⁸ См. пункт 7) комментария к руководящему положению 1.1 выше.

⁶⁶⁹ Оно к тому же объясняет, почему государства иногда пытаются обойти запрет формулировать оговорки после вступления договора в силу, называя «заявлениями о толковании» односторонние заявления, которые по сути соответствуют определению оговорок (см. пункт 27) комментария к руководящему положению 1.2, «Определение заявлений о толковании» выше).

⁶⁷⁰ *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1988*, p. 69, at p. 85.

⁶⁷¹ Насколько известно Комиссии, на сегодняшний день нет примеров последующего формулирования оговорки международной организацией.

устранена из практики, в особенности ввиду того, что принцип, согласно которому оговорка не может формулироваться после выражения «согласия на обязательность договора, не является абсолютным. Он имеет значение только в той мере, насколько договаривающиеся государства, заключая договоры, запрещают формулировать в той или иной форме новые оговорки»⁶⁷², и не ограничивает еще более строго перечень моментов, когда оговорку можно сделать.

4) Хотя возможность последующего формулирования оговорки «никогда не предусматривалась ни в Комиссии международного права, ни в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров»⁶⁷³, она встречается относительно часто⁶⁷⁴. Так, например, в статье 29 Конвенции об унификации права, касающегося переводных и простых векселей, от 23 июля 1912 года предусматривается следующее:

Государство, желающее воспользоваться оговорками, упомянутыми в статье 1, пункт 2, или в статье 22, пункт 1, должно указать об этом в своей ратификационной грамоте или в документе о присоединении...

Договаривающееся Государство, которое *в дальнейшем** может пожелать воспользоваться упомянутыми выше оговорками⁶⁷⁵, должно письменно уведомить о своем намерении правительство Нидерландов...⁶⁷⁶;

Кроме того, в соответствии со статьей XXVI Протокола 1955 года об изменении Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанную в Варшаве 12 октября 1929 года:

Никакие оговорки к настоящему Протоколу не допускаются. Однако всякое государство может *в любое время* заявить путем извещения Правительства Польской Народной Республики о том, что Конвенция, измененная настоящим Протоколом, не распространяется на перевозку лиц, грузов и багажа, производимую для военных властей этого государства на зарегистрированном в нем самолете, который полностью зарезервирован этими властями или от их имени.

Статья 38 Конвенции относительно международного управления имуществом умерших лиц от 2 октября 1973 года предусматривает следующее:

⁶⁷² J.-F. Flauss, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH devant le Tribunal fédéral suisse: Requiem pour la déclaration interprétative relative à l'article 6, paragraphe 1», *Revue universelle des droits de l'homme*, vol. 5, No. 9 (1993), p. 302.

⁶⁷³ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 12, footnote 14.

⁶⁷⁴ Кроме того, см. также примеры, содержащиеся в Imbert, *ibid.*, pp. 164–165.

⁶⁷⁵ В действительности, речь идет не об *оговорках*, а о *клаузулах, носящих характер оговорок*.

⁶⁷⁶ См. также статью 1 Конвенции, устанавливающей Единообразный закон о переводном и простом векселях от 7 июня 1930 года, и статью 1 Конвенции, устанавливающей Единообразный закон о чеках от 19 марта 1931 года, соответственно:

«что касается оговорок, предусмотренных в Статьях... они могут быть сделаны после ратификации или присоединения при условии, что они явились предметом заявления на имя Генерального секретаря Лиги Наций;

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон может, в случае срочности, использовать оговорки, предусмотренные Статьями... даже после ратификации или присоединения».

Договаривающееся Государство, которое желает воспользоваться одной или несколькими возможностями, предусмотренными в статье 4, пункте 2 статьи 6, пунктах 2 и 3 статьи 30 и статье 31, уведомляет об этом Министерство иностранных дел Нидерландов либо во время сдачи на хранение документа о ратификации, признании, утверждении или присоединении, *либо впоследствии*⁶⁷⁷.

В соответствии с пунктом 3 статьи 30 Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1988 года:

Каждая сторона может после вступления для нее в силу Конвенции сформулировать одну или несколько оговорок, предусмотренных в пункте 1, которыми она не воспользовалась при ратификации, принятии или утверждении. Эти оговорки вступают в силу по истечении трехмесячного периода с даты получения оговорки одним из Депозитариев⁶⁷⁸;

Кроме того, в пункте 1 статьи 10 Международной конвенции об аресте судов от 12 марта 1999 года предусматривается следующее:

Любое государство может при подписании, ратификации, принятии, утверждении или присоединении или в любое время после этого зарезервировать за собой право исключить из сферы применения настоящей Конвенции любое или все следующие обстоятельства.

5) Само по себе это не вызывает никаких особых проблем и согласуется с идеей, согласно которой нормы в Венских конвенциях носят лишь вспомогательный характер (и такой характер с большим основанием имеют руководящие положения Руководства по практике). Тем не менее, поскольку речь идет об отходе от нормы, обычно-правовой характер которой не вызывает никаких сомнений и узаконен Венскими конвенциями, представляется чрезвычайно важным в ясно выраженной форме предусмотреть такой отход в договоре. Комиссия хотела разъяснить этот в тексте руководящего положения 2.3, хотя это не являлось необходимым с правовой точки зрения для того, чтобы подчеркнуть, что последующее формулирование оговорок должно носить исключительный характер.

6) Справедливости ради следует отметить, что Европейская комиссия по правам человека проявила гибкость в этой связи, поскольку признала, как представляется, что государство – участник Европейской конвенции по правам человека может ссылаться на изменение своего внутригосударственного законодательства, охватываемого сделанной ранее оговоркой,

⁶⁷⁷ См. также статью 26 Конвенции о праве, применимом к режимам собственности супругов, 1978 года: «Договаривающееся Государство, в котором на дату вступления в силу Конвенции для этого государства существует сложная система гражданской принадлежности, может *в любой момент** указать посредством заявления о том, как ссылка на его внутригосударственное право будет толковаться для целей Конвенции». Это положение, видимо, больше связано с заявлением о толковании, чем с оговоркой.

⁶⁷⁸ Эта Конвенция вступила в силу 1 апреля 1995 года. См. также статью 5 Дополнительного протокола 1978 года к Европейской конвенции об информации относительно иностранного законодательства: «Любая договаривающаяся сторона, которая связана комплексом положений глав I и II, может в любой момент заявить посредством уведомления в адрес Генерального секретаря Совета Европы, что она не связана положениями главы I или положениями главы II. Это уведомление вступает в силу по прошествии шести месяцев после его получения».

для изменения заодно действия этой оговорки и без ущерба темпоральному ограничению на формулирование оговорок, предусмотренному в статье 57 (прежней статье 64) Конвенции. Однако последствия этой практики не совсем ясны⁶⁷⁹, и можно задаться вопросом о том, не заняла ли Комиссия эту позицию в силу того, что на практике изменение законодательства не сводится к дополнительному ограничению обязательств соответствующего государства⁶⁸⁰.

7) Как бы то ни было, необходимость в ясно выраженной клаузуле, позволяющей формулировать оговорку после выражения согласия на обязательность договора, представляется тем более важной, что включение темпорального ограничения в само определение оговорок вызвано особыми неотложными соображениями практического порядка, на которые Комиссия указала в своем комментарии к руководящему положению 1.1: «Идея включения ограничений по времени в отношении возможности представления оговорок в само определение оговорок... со временем... утвердилась, поскольку столь значительными для обеспечения стабильности правовых отношений являлись недостатки системы, которая позволяла бы сторонам представлять оговорки в любое время. На самом деле это могло бы неблагоприятно отразиться на самом принципе *pacta sunt servanda*, поскольку в любой момент та или иная сторона договора могла бы путем представления оговорки поставить под сомнение возлагаемые на нее договорные обязательства; кроме того, это чрезмерно осложнило бы задачу депозитария»⁶⁸¹. Учитывая возникающую заинтересованность в том, чтобы в максимально возможной степени не допустить последующего формулирования оговорок, следует строго толковать выражение «Если договор не предусматривает иного...», которым открывается руководящее положение 2.3.

8) Наличие явно выраженных положений не является, вместе с тем, единственным исключением из правила, согласно которому оговорка, в принципе, может делаться самое позднее в момент выражения согласия на обязательность договора.

9) На деле современная практика свидетельствует о том, что другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации могут единодушно соглашаться с выраженной позднее оговоркой и в этом согласии (которое может быть молчаливым) можно усмотреть побочное соглашение, охватывающее возможность *ratione temporis* формулировать

если не оговорки к соответствующему договору в целом, то по крайней мере одну или несколько рассматриваемых оговорок.

10) Эта возможность появилась благодаря реализации принципа, согласно которому «стороны являются главными хранителями договора и могут допускать необычные процедуры для решения особых проблем»⁶⁸². В любом случае, согласно другому автору, «это решение следует воспринимать как решение, продиктованное прагматическими соображениями. Сторона всегда⁶⁸³ имеет возможность снова присоединиться к одному и тому же договору, в этот раз посредством предложения определенных оговорок. Поскольку результат будет одним и тем же независимо от того, какой из этих двух вариантов будет выбран, представляется более целесообразным использовать более быструю процедуру...»⁶⁸⁴.

11) В первое время Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, проявляя большую осмотрительность, которой он руководствовался в этой области начиная с 1950-х годов, придерживался позиции, согласно которой «в соответствии с установившейся международной практикой, согласно которой Генеральный секретарь выполняет свои функции депозитария, оговорка может быть сформулирована лишь в момент подписания, ратификации или присоединения», и поэтому он считал, что участник Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, который не сделал оговорку при ратификации, не может формулировать их позже⁶⁸⁵. Однако через два года он значительно смягчил свою позицию в письме Постоянному представительству Франции⁶⁸⁶ при Организации Объединенных Наций, поскольку эта страна предусматривала возможность денонсации Конвенции, устанавливающей Единый закон о чеках, 1931 года, для того чтобы вновь присоединиться к ней с новыми оговорками. Исходя «из общего принципа, согласно которому стороны международного соглашения могут по единодушному решению изменить положения соглашения или принимать меры, которые они считают необходимыми в отношении применения или толкования этого соглашения», Юрисконсульт указал следующее:

Поэтому представляется, что Ваше правительство может направить Генеральному секретарю письмо за подписью министра иностранных дел, в котором сообщался бы проект оговорки с возможным указанием даты, начиная с которой, как он хотел бы, она должна вступить в силу. Проект оговорки будет направлен заинтересованным государствам (государствам-участникам, договаривающимся государствам и государствам, подписавшим конвенцию) Генеральным секретарем, и при отсутствии каких-либо возражений государств-участников в течение

⁶⁷⁹ См., например, *A.B. (an association) v. Austria*, Application No. 473/59, *International Law Reports*, vol. 28, p. 424; *X against Austria*, Application No. 1731/62, *Yearbook of the European Convention on Human Rights 1964*, vol. 7 (1966), p. 192; или *X. v. Austria*, Application No. 8180/78, Европейская комиссия по правам человека, *Decisions and Reports*, vol. 20 (December 1980), p. 26.

⁶⁸⁰ В деле *X against Austria*, заявление № 1731/62 (см. сноску выше), Комиссия выразила мнение о том, что «оговорка, сформулированная Австрией 3 сентября 1958 года, охватывает... закон от 5 июля 1962 года и ее последствия не заключаются в расширении *a posteriori* области, на которую не распространяется контроль Комиссии» (p. 202).

⁶⁸¹ Пункт 7) комментария к руководящему положению 1.1.

⁶⁸² Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28, выше), pp. 28–29.

⁶⁸³ Комиссия сомневается в том, что именно так всегда обстоит дело.

⁶⁸⁴ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 43.

⁶⁸⁵ Меморандум на имя Директора Отдела по правам человека, 5 апреля 1976 года, Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1976 год* (в продаже под № R. 78.V.5), стр. 310.

⁶⁸⁶ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 42.

90 дней начиная с даты указанного сообщения (срока, традиционно устанавливаемого в практике Генерального секретаря для целей молчаливого согласия, и который, кстати, соответствует сроку, определенному в третьем пункте статьи 1 Конвенции [1931 года] для принятия оговорок, предусмотренных в статьях 9, 22, 27 и 30 приложения II) оговорка будет считаться вступившей в силу с указанной даты⁶⁸⁷.

12) События развивались следующим образом: правительство Франции направило Генеральному секретарю 7 февраля 1979 года письмо в соответствии с этими указаниями; Генеральный секретарь распространил его 10 февраля, и, «поскольку никаких возражений договаривающихся государств не было получено, по прошествии 90 дней с даты распространения этого сообщения оговорка стала рассматриваться как принятая и вступившая в силу 11 мая 1979 года»⁶⁸⁸.

13) С тех пор Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, как представляется, постоянно следует этой практике при выполнении своих функций депозитария⁶⁸⁹. Она получила официальное закрепление в юридическом заключении Секретариата от 19 июня 1984 года, в котором говорится, что «стороны договора всегда могут *единогласно* принять ту или иную оговорку, если в договоре отсутствуют соответствующие конкретные положения, и даже вопреки этим положениям», и независимо от того, содержит ли договор четкие положения о том, когда могут делаться оговорки⁶⁹⁰.

⁶⁸⁷ Письмо на имя постоянного представительства государства-члена при Организации Объединенных Наций от 14 сентября 1978 года, Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1978 год* (в продаже под № R.80.V.1), стр. 310.

⁶⁸⁸ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), League of Nations Treaties, chap. 11. Представляется интересным, что правительство Федеративной Республики Германии направило 20 февраля 1980 года сообщение, в котором указывает, что у него «нет никаких возражений в этой связи» (*ibid.*).

⁶⁸⁹ Другие приведенные примеры см. Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), р. 311, см., в частности, оговорку Бельгии (которая, кстати, представляет собой общее возражение против оговорок, сформулированных другими сторонами) к Венской конвенции 1969 года: в то время как эта страна присоединилась к Конвенции 1 сентября 1992 года, «18 февраля 1993 года правительство Бельгии уведомило Генерального секретаря о том, что в его документе о присоединении конкретно отмечалось, что указанное присоединение производится с учетом указанной оговорки. Так как ни одна из договаривающихся сторон Конвенции не уведомила Генерального секретаря о возражении против самого депонированного документа или против предусмотренной процедуры в течение 90 дней с даты распространения оговорки (23 марта 1993 года), оговорка считается принятой» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1). См. также оговорку, сформулированную Мозамбиком к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, которая была принята на хранение в 2009 году: «В течение одного года с даты уведомления депозитария, препровождающего оговорку (С. N. 834.2008.TREATIES-32 от 5 ноября 2008 года), ни одна из Договаривающихся Сторон Конвенции не представила возражений Генеральному секретарю будь то в связи с подачей оговорки или предусмотренной процедурой. Таким образом, оговорка считается принятой на хранение по истечении срока, указанного выше, а именно с 4 ноября 2009 года» (*ibid.*, chap. XVIII.14). См. также Kohona, «Some notable developments» (сноска 582 выше), и «Reservations: discussion of recent developments...» (*ibid.*).

⁶⁹⁰ Письмо на имя правительственного должностного лица государства – члена, Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1984 год* (в продаже под № R.91.V.1), стр. 210–211.

14) Эта практика не ограничивается договорами, депозитарием которых является Генеральный секретарь. В приведенном юридическом заключении⁶⁹¹ 1978 года Юриконсульт Организации Объединенных Наций сослался на прецедент, связанный со сформулированной позднее оговоркой к Таможенной конвенции о временном ввозе упаковочных материалов от 6 октября 1960 года, сданной на хранение Генеральному секретарю Совета таможенного сотрудничества, статья 20 которой «предусматривает, что каждая договаривающаяся сторона может в момент подписания и ратификации Конвенции заявить, что она не связана ее статьей 2. Швейцария, которая ратифицировала Конвенцию 30 апреля 1963 года, сделала 21 декабря 1965 года оговорку, которая была представлена депозитарием заинтересованным государствам и была сочтена при отсутствии возражений принятой с обратным действием начиная с 31 июля 1963 года»⁶⁹².

15) Несколько государств – участников Протокола 1978 года к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов (Конвенция МАРПОЛ) 1973 года, вступившего в силу 2 октября 1983 года, расширили объем своих предыдущих оговорок⁶⁹³ или сформулировали новые оговорки после выражения их согласия на его обязательность⁶⁹⁴. Аналогичным образом, к некоторым конвенциям Совета Европы формулировались последующие оговорки, с которыми не было выражено несогласия⁶⁹⁵.

⁶⁹¹ Пункт 11) комментария к данному руководящему положению.

⁶⁹² Письмо на имя постоянного представительства государства-члена при Организации Объединенных Наций от 14 сентября 1978 года (см. сноску 687 выше), стр. 309–310.

⁶⁹³ Франция (ратификация 25 сентября 1981 года; изменения 11 августа 1982 года: IMO, *Status of Multilateral Conventions and Instruments in Respect of Which the International Maritime Organization or its Secretary-General Performs Depositary or Other Functions as at 31 May 2011*, p. 119).

⁶⁹⁴ Либерия (ратификация 28 октября 1980 года, новые оговорки 27 июля 1983 года зафиксированы в протоколе о внесении поправок от 31 августа 1983 года), *ibid.*; Румыния (присоединение 8 марта 1993 года, изменение с учетом отсутствия возражений против включения оговорок, по которым проводилось голосование в парламенте); *ibid.*; Соединенные Штаты Америки (ратификация 12 августа 1980 года, оговорки препровождены 27 июля 1983 года, зафиксированы в протоколе о внесении поправок от 31 августа 1983 года), *ibid.* В случае Либерии и Соединенных Штатов правительство Франции сообщило с учетом характера этих поправок, что оно не возражает против них, но что это решение не может создавать прецедента.

⁶⁹⁵ См., например, оговорку Греции к Европейской конвенции о борьбе с терроризмом от 27 января 1977 года (ратификация 4 августа 1988 года; уведомление об исправлении, направленное Генеральному секретарю 6 сентября 1988 года; Греция сообщила об ошибке: при сдаче на хранение ратификационной грамоты не была препровождена оговорка, в ясно выраженной форме зафиксированная в законе, санкционирующей ее ратификацию (Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 90, размещен на сайте по адресу <http://conventions.coe.int>); оговорки Португалии к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года (сдача на хранение ратификационной грамоты 27 сентября 1994 года; вступление в силу Конвенции для Португалии 26 декабря 1994 года; уведомление об оговорках и заявлениях 19 декабря 1996 года. Здесь также Португалия указала на ошибку, связанную с тем, что не были препровождены оговорки, содержащиеся в резолюции парламента и президентском

16) Эти примеры свидетельствуют о том, что оговорки, формулируемые впоследствии, рассматриваются как законные деяния при отсутствии, если другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации, будучи информированы депозитарием, не выражают с ними своего несогласия. Однако они также свидетельствуют о том, что почти всегда речь идет о довольно маргинальных случаях, будь то случай, когда задержка с уведомлением об оговорке является минимальной или когда уведомление произведено после ратификации, но до вступления договора в силу для государства, сформулировавшего оговорку⁶⁹⁶, будь то случай, когда предполагаемая оговорка, ограниченная «исправлением существенно важной ошибки», была опубликована в официальных изданиях, но была «забыта» и не включена в сданный на хранение документ с уведомлением.

17) В брошюре, опубликованной Советом Европы, подчеркивается, исключительный характер отхода от конвенционных норм формулирования оговорок, которые могут признаваться в этой организации: «Согласие с формулируемыми позднее оговорками может создать опасный прецедент, на который могут ссылаться другие государства, с тем чтобы формулировать новые оговорки или расширять сферу действия уже сделанных оговорок. Такая практика поставила бы под угрозу юридическую определенность и подорвала бы процесс единообразного осуществления европейских договоров»⁶⁹⁷. Таковы также причины, по которым некоторые авторы проявляют нежелание признавать существование такого отхода от принципа ограничения *ratione temporis* возможности формулировать оговорки⁶⁹⁸.

18) Таковы также причины, по которым Комиссия посчитала, что следует продемонстрировать особую осторожность с закреплением практики, которая должна оставаться исключительной и очень четко оговоренной. Вот почему она приняла решение сформулировать в отрицательной форме норму,

(продолжение сноски 695)

указе и зафиксированные в Официальном вестнике Португальской Республики (*European Treaty Series*, No. 30)); или «заявление» Нидерландов от 14 октября 1987 года, ограничивающее действие грамоты о ратификации (от 14 февраля 1969 года) Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года (*European Treaty Series*, No. 24), а также оговорку Южной Африки к той же Конвенции (*ibid.*; как пояснила Южная Африка в вербальной ноте: «Посольство Южноафриканской Республики сожалеет по поводу позднего представления оговорки и декларации в отношении Европейской конвенции о выдаче, что связано с допущенной административной ошибкой».) См. также примеры последующего формулирования оговорок Бельгии и Дании к Европейскому соглашению об охране телевизионных передач, приведенные Гаей в «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), p. 311.

⁶⁹⁶ Гаей («Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), pp. 310–311) указывает в этой связи на две оговорки, добавленные 26 октября 1976 года Федеративной Республикой Германии к ее документу о ратификации (от 2 августа 1976 года) Конвенции о статусе апатридов 1954 года (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. V.3).

⁶⁹⁷ Polakiewicz, *Treaty-Making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), p. 94.

⁶⁹⁸ См. Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), p. 383, или R. Baratta, *Gli effetti delle riserve ai trattati*, Milan, Giuffrè, 1999, p. 27, footnote 65.

устанавливаемую в руководящем положении 2.3: принцип заключается и должен заключаться и впредь в том, что последующее формулирование оговорки не является правомерным; оно может стать таким в совершенно исключительном случае, только если это «не вызывает возражений ни одного из других договаривающихся государств и договаривающихся организаций»⁶⁹⁹.

19) Вместе с тем фактическое состояние дел заключается в том, что

все случаи, связанные с практикой и упомянутые здесь, указывают на существование нормы, которая позволяет государствам делать оговорки даже после того, как они выразили свое согласие на обязательность для них договора при условии, что другие договаривающиеся государства соглашаются с производством оговорки на этом этапе⁷⁰⁰.

По правде говоря, трудно понять, что может помешать группе договаривающихся государств и договаривающихся организаций дать свое согласие на такой отход, независимо от того, что такое согласие приводит к внесению в договор поправки, или того, что его можно рассматривать в качестве свидетельства «коллективизации» контроля в отношении правомерности оговорок⁷⁰¹.

20) Именно это требование о единогласии, пусть пассивном, молчаливом⁷⁰², делает этот отход от принципа приемлемым и ограничивает опасность злоупотреблений. Оно является неразрывным элементом этого отхода, констатируется в современной практике и согласуется с ролью «хранителя» договора, которую могут играть государства-участники⁷⁰³. Однако это требование не имеет смысла и не соответствует своим целям, если единственное выражение несогласия делает формулирование оговорки невозможным, в противном случае сам принцип, отраженный в начальном выражении статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, был бы сведен на нет: любое государство и любая организация может в любой момент добавить новую оговорку к признанному им договору, но почти всегда найдется другое договаривающееся государство или другая договаривающаяся организация, которое/которая не будет выражать несогласие с этой оговоркой, в результате

⁶⁹⁹ О выражении «не вызывает возражений» см. пункт 24) комментария к настоящему руководящему положению.

⁷⁰⁰ Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), p. 312.

⁷⁰¹ Разумеется, что этот «контроль» должен комбинироваться с контролем «контрольных органов» в случае их существования. В делах *Metropolitan Chrysostomos, Archimandrite Georgios Papachrysostomou and Titina Loizidou v. Turkey* (заявления № 15299/89, 15300/89 и 15318/89, решение от 4 марта 1991 года, Совет Европы, Европейская комиссия по правам человека, *Decisions and reports*, vol. 68, p. 216), государственный контроль в отношении действительности *ratione temporis* оговорки (представленных Турцией в виде факультативного заявления о признании индивидуальных жалоб) отошел на второй план в пользу органов, созданных в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека (см. пункты 5) и 6) комментария к руководящему положению 2.3.3).

⁷⁰² В руководящих положениях 2.3.1 и 2.3.2 уточняются способы выражения согласия с последующим формулированием оговорки.

⁷⁰³ См. пункт 10) комментария к настоящему руководящему положению.

чего возникнет вновь ситуация, в которой находились государства или международные организации в момент, когда они становились сторонами и когда с единственными ограничениями, предусмотренными в статьях 19 и 20, они обладали большой свободой формулировать оговорки.

21) Осторожность, присущая практике, неоднократные разъяснения Генерального секретаря, равно как и теоретические соображения и озабоченность, связанную с поддержанием юридической безопасности, оправдывают на данном этапе строгое применение нормы о единогласии, при том понимании, что вопреки традиционной норме (за исключением Латинской Америки), применимой ко всем оговоркам, это единогласие касается согласия с оговорками, формулируемыми впоследствии (или по крайней мере отсутствия каких-либо возражений против них). Однако она никоим образом не влияет на участие самого государства (или международной организации), которое формулирует оговорку к договору: в случае возражения оно будет по-прежнему связано своим первоначально выраженным согласием; оно может освободить себя от него (чтобы в конечном счете снова стать стороной, вновь формулировав отвергнутые оговорки) только в соответствии с положениями самого договора или общими нормами, кодифицированными в статьях 54–64 Венских конвенций.

22) Вместе с тем не стоит ли проводить различие между, с одной стороны, несогласием с последующим формулированием оговорки и, с другой, «классическим» возражением, подобным тем, которые могут делаться в отношении оговорки в соответствии с пунктом 4 *b*) статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Это различие, как представляется, напрашивается само по себе, поскольку трудно понять, почему договаривающиеся государства или международные организации не должны иметь иного выбора, кроме как либо все, либо ничего, т.е. либо согласиться и с самой оговоркой, и с ее поздним формулированием, либо помешать поздно формулирующему оговорку государству или организации сделать это, хотя автор поздно сформулированной оговорки и может иметь для этого вполне обоснованные, по мнению его партнеров, причины. Кроме того, если такое различие не будет проводиться, государства или международные организации, которые еще не дали своего согласия на обязательность договора в момент последующего формулирования оговорки, но которые впоследствии дают его – либо путем присоединения, либо каким-либо иным образом, – оказываются перед свершившимся фактом, и, как это ни парадоксально, они не могут возражать против поздно сформулированной оговорки, хотя они и могли бы это делать в силу пункта 5 статьи 20⁷⁰⁴,

⁷⁰⁴ «оговорка считается принятой государством или международной организацией, если оно/она не выскажет возражений против нее до конца 12-месячного периода после того, как оно/она было/была уведомлено/уведомлена о такой оговорке, или до той даты, когда оно/она выразило/выразила свое согласие на обязательность для него/нее договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней*»; см. руководящее положение 2.6.12.

если речь идет об оговорках, сформулированных в момент выражения государством, делающим оговорку, своего согласия на обязательность для него того или иного договора⁷⁰⁵.

23) Поэтому представляется уместным считать, что в отношении последующего формулирования оговорки требуется единодушное согласие других договаривающихся государств и договаривающихся организаций. Вместе с тем обычные нормы, касающиеся принятия оговорок и возражений в отношении оговорок, наподобие тех, которые кодифицированы в статьях 20–23 Венских конвенций, обычно применяются в отношении того, что составляет саму суть последующей оговорки, против которой другие участники должны иметь право возражать «обычным порядком».

24) С учетом такой возможности, которая, по крайней мере, теоретически не может быть исключена (даже если на сегодняшний день она, по всей видимости, на практике и не использовалась⁷⁰⁶), Комиссия решила использовать термин «выражать несогласие» для обозначения принципиального отказа согласиться с оговоркой по причине ее позднего формулирования, и использовать слово «возражение» применительно к заявлениям, подпадающим под определение в руководящем положении 2.6.1 в случае, если позднее формулирование принимается всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями.

2.3.1 Принятие позднего формулирования оговорки

Если договор не предусматривает иного или если установившаяся практика депозитария не является иной, позднее формулирование оговорки считается принятым только в том случае, если ни одно договаривающееся государство и ни одна договаривающаяся организация не выразили несогласия с таким формулированием по истечении двенадцати месяцев с даты получения уведомления.

Комментарий

1) Цель руководящего положения 2.3.1 заключается в том, чтобы уточнить и дополнить последнее выражение в руководящем положении 2.3, отвергающего любую возможность последующего формулирования оговорки, «за исключением случая, когда последующее формулирование оговорки не вызывает несогласия ни у одного из других договаривающихся государств и ни у одной из других договаривающихся организаций».

⁷⁰⁵ Вместе с тем представляется парадоксальным допуск возможности того, что государства или международные организации, которые становятся участниками договора после того, как сделана оговорка, могут высказывать возражение против нее в силу пункта 4 *b*) статьи 20, в то время как первоначальные участники не могут это делать.

⁷⁰⁶ Вместе с тем имели место случаи, когда последующие оговорки были ясно выраженным способом приняты (один из примеров см. сноску 688 выше).

2) По мнению большинства и в соответствии с практикой, прямое принятие формулируемых впоследствии оговорок не является необходимым; точно так же как принятие оговорок, сформулированных в течение указанных сроков, может быть молчаливым⁷⁰⁷, такая же возможность непременно должна быть предусмотрена в отношении и принятия последующих оговорок (независимо от того, идет ли речь о ее их последующем формулировании, или же об их содержании), причем по одним и тем же причинам представляется достаточно очевидным то, что требование обязательного единодушного согласия сведется к полному выхолащиванию возможности, пусть даже оговоренной строгими условиями, поздно формулировать оговорки с единогласного согласия других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, так как на практике обязательное принятие оговорок, о каком бы моменте времени ни шла речь, отсутствует. Требование такого принятия фактически было бы равнозначно исключению любой возможности последующего формулирования оговорок: едва ли можно себе представить, что все государства, участвующие в договоре универсального характера, в ясно выраженной форме согласятся в разумные сроки с таким требованием.

3) К тому же это требование поставит под сомнение практику, которой придерживается как Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, так и генеральный секретарь Совета таможенного сотрудничества Всемирной таможенной организации (ВтамО), ИМО и Совета Европы⁷⁰⁸, которые считали, что некоторые в последующем сформулированные оговорки вступали в силу в отсутствие возражений со стороны других договаривающихся государств и договаривающихся организаций.

4) Вместе с тем остается установить, каким временем располагают другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации для реагирования на последующее формулирование оговорок. В этом отношении имеются две категории противоборствующих соображений. С одной стороны, следует возложить на другие договаривающиеся государства и организации заботу по рассмотрению планирующейся оговорки и реагированию на нее. С другой стороны, продолжительный срок продлевает период неопределенности, на протяжении которого судьба оговорки (а значит и договорных отношений) остается неопределенной.

5) Практика в этом смысле является довольно неопределенной. Представляется, что генеральные секретари ИМО, Совета Европы и ВтамО действовали эмпирическим образом и не устанавливали никакого определенного срока, когда они

⁷⁰⁷ См. пункт 5 статьи 20 Венских конвенций (текст 1986 года): «если договор не предусматривает иное, оговорка считается принятой государством или международной организацией, если оно/она не выскажет возражений против нее до конца двенадцатимесячного периода после того, как оно/она было/была уведомлено/уведомлена о такой оговорке, или до той даты, когда оно/она выразило/выразила свое согласие на обязательность для него/нее договора». См. также руководящее положение 2.8.1.

⁷⁰⁸ См. пункты 11)–15) комментария к руководящему положению 2.3.

консультировались с другими договаривающимися государствами⁷⁰⁹. По-иному дело обстояло с Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

б) В первое время, когда в конце 1970-х годов он ввел в действие нынешнюю практику, он установил для сторон 90-дневный срок для выражения несогласия, в случае необходимости, с последующим формулированием оговорки. Вместе с тем выбор такого срока представляется довольно случайным: он, как оказывается, совпадал со сроком, предусмотренным соответствующими положениями Конвенции, устанавливающей Единообразный закон о чеках 1931 года, в отношении которой Франция намеревалась сделать новую оговорку⁷¹⁰. Тем не менее, впоследствии он применялся каждый раз, когда то или иное государство пользовалось возможностью сформулировать новую оговорку или изменить существующую оговорку после вступления в силу в отношении него какого-либо договора, депозитарием которого является Генеральный секретарь⁷¹¹.

7) На практике он, однако, оказался слишком коротким: в силу задержек с передачей сообщения через посредство Юрисконсульта государствам они располагали слишком малым временем для того, чтобы изучить уведомления и отреагировать на них, тем более что «такие сообщения способны вызвать сложные вопросы прав и стороны того или иного договора могут счесть необходимым провести консультации до принятия решения о том, следует ли реагировать на них и каким образом»⁷¹². Впрочем, примечательно то, что в ряде случаев, когда стороны высказывали свою реакцию, такая реакция формулировалась существенно позже 90-дневного срока, которым они теоретически располагают⁷¹³. Именно поэтому после получения вербальной ноты Португалии от имени Европейского союза в отношении трудностей, связанных с 90-дневным сроком, Генеральный секретарь в циркулярном письме, адресованном всем государствам-членам, объявил о внесении изменения в его практику в этой области. Отныне, «когда какое-либо государство, уже выразившее свое согласие на обязательность для него того или иного договора, формулирует оговорку к этому договору, другие стороны располагают сроком в 12 месяцев после получения от Генерального

⁷⁰⁹ Вместе с тем представляется, что генеральный секретарь ИМО считает, что, при отсутствии какой-либо реакции в течение одного месяца после уведомления, оговорка вступает в силу (см. сноску 694 выше, и ИМО, *Status of Multilateral Conventions and Instruments...* (сноска 693 выше), р. 121, где речь идет об оговорке Либерии, и р. 127, где речь идет об оговорке Соединенных Штатов Америки).

⁷¹⁰ См. пункты 11)–12) комментария к руководящему положению 2.3.

⁷¹¹ Там же, пункт 13).

⁷¹² Вербальная нота Юрисконсульта (изменение оговорок), 2000, Руководство по договорам (United Nations publication, Sales No. E.02.V.2), приложение 2) (ref. LA 41 TR/221 (23-1)).

⁷¹³ См., например, реакцию Германии на оговорку Франции к Конвенции, устанавливающей Единообразный закон о чеках 1931 года, которая была сделана через год после французского сообщения (см. сноску 688 в комментарии к руководящему положению 2.3).

секретаря уведомления в отношении такой оговорки, дабы информировать его о своем намерении высказать против нее возражения»⁷¹⁴.

8) При принятии такого решения, которое будет применяться и к внесению изменения в существующую оговорку, «Генеральный секретарь руководствовался пунктом 5 статьи 20 Венской конвенции [1969 года], в соответствии с которым правительства располагают 12-месячным сроком для рассмотрения оговорки, сформулированной другим государством, и принятия решения о том, следует ли реагировать на нее и каким образом»⁷¹⁵.

9) Этот срок создает определенное неудобство: в течение двенадцати месяцев после получения уведомления от Генерального секретаря неопределенность в отношении характера формулируемой оговорки является абсолютной, поскольку если какое-либо одно государство заявит о своем несогласии *in extremis*, этого будет достаточно для того, чтобы считалось, что она была сделана неправомерно. Вместе с тем, учитывая положения пункта 5 статьи 20 Венских конвенций и существующую ныне практику объявлений Генерального секретаря, Комиссия посчитала более разумным привести свою позицию в соответствие с ними. Так или иначе, это вытекает из прогрессивного развития, а не из кодификации *strict sense*.

10) Кроме того, учитывая различную практику других международных организаций, выступающих в качестве депозитариев⁷¹⁶, по мнению Комиссии, было бы правильно зарезервировать за какой-либо организацией, выступающей в качестве депозитария, возможность применять свою обычную практику, если она не вызывает каких-либо особых возражений. На практике это касается только международных организаций, являющихся депозитариями; вместе с тем, по мнению Комиссии, нецелесообразно исключать а priori такую возможность, когда в роли депозитария выступает государство.

11) За основу формулировки руководящего положения 2.3.1, в котором делается попытка обойтись без пересмотра действительно существующей практики путем ее регулирования, взяты положения пункта 5 статьи 20 Венской конвенции 1986 года⁷¹⁷, адаптированные к конкретному случаю последующего формулирования оговорок.

12) Комиссия рассмотрела также вопрос о том, какие конкретно процедуры должны быть соблюдены, чтобы возразить против последующего формулирования оговорки к учредительному акту

международной организации. Согласно пункту 3 статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов:

В том случае, когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации.

Будучи применимым к оговоркам, формулируемым «со временем», это правило а fortiori применяется в случае последующего формулирования оговорок. Это представляется настолько очевидным, что было признано нецелесообразным формальным образом уточнять это в руководящем положении.

2.3.2 Срок для формулирования возражения против поздно сформулированной оговорки

Возражение против поздно сформулированной оговорки должно быть сформулировано в течение двенадцати месяцев с даты принятия в соответствии с руководящим положением 2.3.1 позднего формулирования оговорки.

Комментарий

1) Если последующее формулирование оговорки было принято единогласно, то в соответствии с руководящими принципами 2.3 и 2.3.1 оговорка должна быть рассмотрена и рассматриваться как таковая. Соответственно к ней должны применяться правила, касающиеся оговорок. Вместе с тем, представляется необходимым уточнить содержание этих правил, поскольку последующее формулирование оговорки требует внесения соответствующих коррективов. Таким образом, необходимо предусмотреть срок, в течение которого договаривающиеся государства и договаривающиеся организации могут формулировать возражения. Здесь идет речь именно о возражениях против оговорки как таковой (а не «несогласии» с ее последующим формулированием): тогда и только тогда, когда последующее формулирование единогласно принято всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, они должны быть в состоянии представлять свои возражения против любой оговорки, если договор не предусматривает иного⁷¹⁸. Именно в этом заключается предмет руководящего положения 2.3.2.

2) В нем предусматривается, что возражение в полной мере оказывает свое действие, если оно выражено в течение двенадцати месяцев после единогласного принятия формулируемой впоследствии оговорки. Поскольку этот срок в целом предусмотрен для формулирования возражений договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, представляется оправданным предусмотреть его и для формулируемых впоследствии оговорок. Однако его течение начинается не с момента получения уведомления об оговорке, а с момента единогласного принятия последующего формулирования оговорки, так как в силу руководящего положения 2.3.1 только

⁷¹⁴ См. сноску 712 выше.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ См. пункт 5) комментария к настоящему руководящему положению.

⁷¹⁷ «если договор не предусматривает иное, оговорка считается принятой государством или международной организацией, если оно/она не выскажет возражений против нее до конца 12-месячного периода, после того как оно/она было/была уведомлено/уведомлена о такой оговорке»; см. руководящее положение 2.8.2.

⁷¹⁸ См. также пункты 23)–24) комментария к руководящему положению 2.3.

с этого момента она может считаться вступившей в действие⁷¹⁹. Строгость этого срока является дополнительной гарантией от любой правовой неопределенности в этой области.

3) Комиссия специально обошла вниманием положение государств и международных организаций, которые, по истечении двенадцатимесячного срока, предусмотренного в руководящем положении 2.3.2, не выразили свое согласие на обязательность для них договора. Хотя эти государства и международные организации уже не могут оспорить единодушное принятие последующего формулирования оговорки, ничто не мешает им возразить против содержания оговорки в тот момент, когда они выражают свое согласие на обязательность для них договора. В этой ситуации применяется общее правило в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций, воспроизведенное в руководящем положении 2.6.12. В результате этого в случае впоследствии формулируемых оговорок, как и в случае любых оговорок, государство или международная организация могут сформулировать возражение («до той даты, когда оно/она выразило/выразила свое согласие на обязательность для него/нее договора», если такое согласие выражается после истечения срока, предусмотренного руководящим положением 2.3.2).

2.3.3 Ограничения на возможность исключения или изменения юридического действия договора с помощью процедур иных, нежели оговорки

Договаривающееся государство или договаривающаяся организация не вправе исключать или изменять юридическое действие положений договора с помощью:

а) толкования ранее сформулированной оговорки; или

б) одностороннего заявления, которое делается впоследствии на основании положения, предусматривающего возможность выбора.

Комментарий

1) Для того чтобы усилить строгий характер исключения принципа последующего формулирования оговорок, Комиссия посчитала полезным принять руководящее положение 2.3.3, цель которого состоит в том, чтобы указать, что сторона договора не может обойти этот запрет с помощью средств, имеющих ту же цель, что и оговорки, но не отвечающих определению оговорок, без чего вводная часть статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов⁷²⁰ была бы лишена всякого конкретного значения.

⁷¹⁹ О понятии вступившей в действие оговорки см. раздел 4.1 Руководства по практике.

⁷²⁰ Текст вводной части статьи 19 гласит: «Государство может при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему формулировать оговорку, за исключением тех случаев, когда [...]». Комиссия не сочла целесообразным официально воспроизводить в Руководстве по практике норму, устанавливаемую в этом положении: это привело

2) С этой целью в руководящем положении 2.3.3, по сути дела, предусматриваются две процедуры: во-первых, толкование (расширительное) ранее сформулированных оговорок и, во-вторых, заявления, сделанные в соответствии с диспозитивной клаузулой, предусмотренной в договоре. Выбор этих двух «обходных» процедур объясняется тем обстоятельством, что они обе использовались на практике и что в отношении использования этих процедур выносились авторитетные судебные решения. Вместе с тем нельзя исключить, что государства или международные организации будут в будущем прибегать и к другим процедурам, позволяющим обойти принцип, устанавливаемый руководящим положением 2.3; само собой разумеется, что рассуждения, лежащие в основу ясно выраженных запрещений, устанавливаемых в руководящем положении 2.3.3, должны будут в этом случае применяться *mutatis mutandis*.

3) Принцип, согласно которому оговорка не может быть сформулирована после выражения согласия на обязательность договора, Межамериканский суд по правам человека счел достаточно устойчивым и поэтому в своем консультативном заключении от 8 сентября 1983 года, касающемся дела *Restrictions to the Death Penalty*, заявил, что оговорка, после того как она сформулирована, «покидает» своего автора и не может толковаться независимо от самого договора. Суд добавляет:

Иной подход мог бы в конечном счете привести к заключению о том, что государство является единственным арбитром в отношении объема своих международных обязательств по всем вопросам, к которым относится оговорка, включая даже такие вопросы, в отношении которых государство может впоследствии объявить, что оно намеревается распространить на них оговорку.

Последний результат не может быть увязан с Венской конвенцией, которая предусматривает, что оговорка может быть сделана только при подписании, ратификации, принятии, одобрении договора или присоединении к нему (Венская конвенция, статья 19)⁷²¹.

4) Аналогичным образом, после дела *Belilos*⁷²² правительство Швейцарии сначала изменило свое «заявление о толковании» 1974 года, которое Европейский суд по правам человека назвал недействительной оговоркой, внося в свое новое «заявление» некоторые уточнения⁷²³. Действительность этого нового заявления, подвергнувшегося критике правоведов⁷²⁴, была оспорена в швейцарском Федеральном суде, который решением по делу *F. v. R. et Conseil*

был к повторению определения, фигурирующего в руководящем положении 1.1.

⁷²¹ *Restrictions to the Death Penalty...* (см. сноску 197 выше), paras. 63–64. Толкование этого консультативного заключения см. Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), p. 310.

⁷²² Европейский суд по правам человека, *Belilos v. Switzerland*, постановление от 29 апреля 1988 года (см. сноску 192 выше).

⁷²³ См. Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 5, размещен на сайте <http://conventions.coe.int>. См. также United Nations, *Treaty Series*, vols. 1496, 1525 and 2123.

⁷²⁴ См., в частности, G. Cohen-Jonathan, «Les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme (à propos de l'arrêt *Belilos* du 29 avril 1988)», *RGDIP*, vol. 93 (1989), p. 314. См. также другие ссылки, сделанные в Flauss, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH...» (сноска 672 выше), footnote 28, p. 300.

d'État du canton de Thurgovie от 17 декабря 1992 года признал его недействительным, заявив, что речь идет о новой оговорке⁷²⁵, не совместимой с пунктом 1 статьи 57 (прежней статьи 64) Европейской конвенции по правам человека⁷²⁶. *Mutatis mutandis* ограничение, установленное в отношении оговорок этой статьей Конвенции, аналогично ограничению, вытекающему из статьи 19 Венских конвенций, и постановление Федерального суда Швейцарии, бесспорно, следует рассматривать как подтверждение принципиального запрета оговорок, сформулированных после выражения согласия на обязательность договора, а также, вероятно, невозможности формулировать новую оговорку под прикрытием толкования существующей.

5) Решение Европейской комиссии по правам человека по делу *Chrysostomos et al* приводит к тому же заключению, однако является поучительным и в ином отношении. В этом деле Комиссия заявила, что «из четкой формулировки» пункта 1 статьи 57 (прежней статьи 64) Европейской конвенции по правам человека вытекает, что «Высокая Договаривающаяся Сторона не может путем последующего признания индивидуального права на обжалование изменять значительным образом свои обязательства, вытекающие из Конвенции, в связи с процедурами, относящимися к статье 25»⁷²⁷. И здесь опять можно толковать решение Европейской комиссии как подтверждение правила, вытекающего из вводного пункта этого положения, с одним важным уточнением: государство не может вводить запрет в отношении оговорок после ратификации, снабжая заявление, сделанное в силу неавтоматической системы выбора (*opting-in*) (которое само по себе не представляет оговорку⁷²⁸), условиями или ограничениями, имеющими последствия, идентичные последствиям оговорки, по крайней мере, когда указанное диспозитивное положение этого не предусматривает.

6) Решения Межамериканского суда по правам человека и Европейской комиссии по правам человека и Федерального суда Швейцарии подтверждают

⁷²⁵ Поскольку Европейский суд по правам человека признал недействительным «заявление» 1974 года в полном объеме: «Заявление о толковании в отношении пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека, сформулированное Федеральным советом при ратификации, не может, следовательно, порождать ни уголовно-правовых, ни гражданско-правовых последствий. Отсюда следует, что заявление о толковании 1988 года не может рассматриваться как ограничение, новая формулировка или уточнение оговорки, которая существовала ранее. Оно представляет собой скорее оговорку, сформулированную впоследствии» (*F. v. R. et Conseil d'État du canton de Thurgovie, Journal des Tribunaux*, 1995, p. 536; текст на немецком языке в *Europäische Grundrechte-Zeitschrift*, vol. 20 (1993), p. 72).

⁷²⁶ «Любое государство может в момент подписания настоящей Конвенции или сдачи на хранение своей ратификационной грамоты сформулировать оговорку к какому-либо конкретному положению Конвенции, постольку поскольку закон, действующий в тот момент на его территории, не соответствует этому положению. Оговорки общего характера настоящей Статьей не допускаются».

⁷²⁷ Решение от 4 марта 1991 года по делу *Chrysostomos et al. v. Turkey*, заявления № 15299/89, 15300/89 и 15318/89, Европейская комиссия по правам человека, *Decisions and Reports*, vol. 68 (см. сноску 24 выше), 1991, p. 240–241, para. 15. См. также сноску 701 выше.

⁷²⁸ См. руководящее положение 1.5.3 и комментарий к нему.

твердость правила, установленного во вводной части статьи 19 Венских конвенций о праве международных договоров и руководящем положении 2.3, и наделяют его весьма непосредственными и конкретными последствиями, ясно выраженными в руководящем положении 2.3.3.

7) Подпункт *b*) этого положения косвенно отсылает к руководящему положению 1.5.3, касающемуся односторонних заявлений, сделанных в соответствии с диспозитивной клаузулой, которые Комиссия недвусмысленно исключила из сферы применения Руководства по практике. Но цель руководящего положения 2.3.3 заключается не в том, чтобы регламентировать эти процедуры в качестве таковых, а в том, чтобы напомнить, что они не могут использоваться для того, чтобы обходить нормы, касающиеся самих оговорок.

2.3.4 Расширение сферы действия оговорки

Изменение существующей оговорки, которое направлено на расширение сферы ее действия, регулируется правилами, применимыми к позднему формулированию оговорки. Однако если высказывается несогласие с таким изменением, первоначальная оговорка остается неизменной.

Комментарий

1) Вопрос об изменении оговорок надлежит ставить в связи с вопросами снятия оговорок, с одной стороны, и их формулирования – с другой. В той мере, в какой изменение направлено на сужение сферы действия оговорки, речь идет о частичном снятии оговорки в том виде, в каком она была первоначально сформулирована, которое не вызывает принципиальных проблем и подчиняется общим правилам, касающимся снятия; в этом случае применяются положения руководящих положений 2.5.10 и 2.5.11. Напротив, если изменение имеет следствием расширение сферы действия существующей оговорки, представляется логичным исходить из той идеи, что речь идет о последующем формулировании оговорки, и применять к нему предусмотренные для этого правила в том виде, в каком они изложены в руководящих положениях 2.3, 2.3.1 и 2.3.2.

2) Такова аргументация, на которой основано руководящее положение 2.3.4, которое, с одной стороны, отсылает к правилам, касающимся последующего формулирования оговорок, а с другой стороны, уточняет, что если какое-либо государство не согласно с расширением сферы действия оговорки, то первоначальная оговорка продолжает применяться.

3) Между тем, в Совете Европы, как представляется, действует запрет на любое расширение сферы действия оговорки. В рамках этой организации «имели место случаи, когда государства обращались в Секретариат с просьбой предоставить информацию о том, можно ли изменить существующие оговорки, и если можно, то каким образом. В своих ответах Секретариат всегда подчеркивал, что изменения,

которые приведут к расширению сферы действия существующих оговорок, недопустимы. Тот же аргумент применим и в отношении последующих оговорок... Допущение таких изменений было бы равносильно созданию опасного прецедента, который поставил бы под угрозу правовую определенность и препятствовал бы единообразному применению европейских договоров»⁷²⁹.

4) Тот же автор задает вопрос относительно возможности денонсации государством договора, к которому оно сделало оговорки, с тем чтобы впоследствии ратифицировать его с новыми расширенными оговорками. По его мнению, подобное мероприятие вполне можно было бы считать злоупотреблением правом, если смотреть на это сквозь призму конвенций Совета Европы⁷³⁰.

5) Тем не менее, Комиссия пришла к мнению о том, что не следует «универсализировать» региональную практику (которая, к тому же, отнюдь не постоянна)⁷³¹ и что было бы нелогичным применять в области расширения сферы действия существующих оговорок правила, отличные от правил, применимых к последующему формулированию оговорок.

6) Если, после выражения своего согласия, сопровождаемого оговоркой, какое-либо государство или какая-либо международная организация пожелает расширить сферу действия этой оговорки, т.е. изменить в свою пользу юридическое действие положений договора, к которым относится оговорка, положения, применимые к последующему формулированию, должны применяться в полной мере и по тем же причинам:

– чрезвычайно важно не поощрять последующее формулирование ограничений применения договора;

⁷²⁹ Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), р. 96. Это сопоставимо с позицией, занятой Европейской комиссией по правам человека по делу *Chrysostomos et al. v. Turkey*, решение от 4 марта 1991 года (см. сноски 701 и 727 выше).

⁷³⁰ Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), р. 96. В этом смысле можно толковать решение швейцарского Федерального суда от 17 декабря 1992 года по делу *F. v. R. et Conseil d'État du canton de Thurgovie*, *Journal des Tribunaux*, 1995 (см. сноску 725 выше), р. 523. В этом смысле см. Flauss, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH...» (сноска 672 выше), р. 303. По этому вопросу можно отметить, что 26 мая 1998 года Тринидадом и Тобаго был денонсирован Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, а затем еще раз ратифицирован в тот же день вместе с новой оговоркой (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.5). Вследствие ряда возражений и решения Комитета по правам человека от 2 ноября 1999 года (Сообщение № 845/1999, *Rawle Kennedy v. Trinidad and Tobago*, Доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (A/55/40)*, том II, приложение XI, стр. 341). Протокол был еще раз денонсирован Тринидадом и Тобаго 27 марта 2000 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.5). Между тем речь шла не об изменении действующей, а о формулировании совершенно новой оговорки.

⁷³¹ См. пункт 15) комментария к руководящему положению 2.3, сноска 695.

– с другой стороны, законные причины могут побудить государство или международную организацию к изменению предыдущей оговорки и в некоторых определенных случаях для автора оговорки было бы возможно денонсировать договор, для того чтобы впоследствии вновь ратифицировать его с расширенной оговоркой;

– стороны договора всегда могут изменить его в любой момент по единодушному согласию⁷³²; в этой связи они также могут по единодушному согласию разрешить какой-либо стороне также в любой момент изменить юридическое действие некоторых положений договора или договора в целом в некоторых конкретных аспектах с точки зрения их применения к этой стороне; и

– представляется, что требование *единодушного* согласия других сторон на расширение сферы действия оговорки является достаточной гарантией от злоупотреблений.

7) Так или иначе, во всяком случае в универсальном плане, вполне оправданная негативная позиция, состоящая в том, чтобы не поощрять стороны договора к расширению сферы действия их оговорок после выражения ими согласия на обязательность для них договора, не воспрепятствовала унификации практики в отношении расширения сферы действия оговорок с практикой, касающейся их последующего формулирования⁷³³, что действительно отмечено печатью здравого смысла.

8) Депозитарии воспринимают расширение сферы действия оговорки как последующее формулирование оговорок: когда от одного из договаривающихся государств или одной из договаривающихся организаций поступает такая просьба, они консультируются со всеми другими договаривающимися государствами или договаривающимися организациями и соглашаются с новой редакцией оговорки лишь в том случае, если ни одна из них не представит возражений в срок, установленный для этой цели.

9) Например, Финляндия 1 апреля 1985 года при присоединении к Протоколу 1973 года о разметке дорог к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1968 года, сформулировала оговорку в отношении

⁷³² См. статью 39 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

⁷³³ Гая приводит пример «исправления» Францией 11 августа 1982 года оговорки, содержащейся в ее документе об утверждении Протокола к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (Конвенция МАРПОЛ), сданном на хранение Генеральному секретарю ИМКО 25 сентября 1981 года (Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), pp. 311–312). Речь идет о несколько отличающемся от других случае, поскольку на дату «исправления» Протокол не вступил в силу в отношении Франции; в данном случае непохоже, что депозитарий поставил принятие нового текста в зависимость от единодушного согласия других сторон, ряд которых, впрочем, заявили возражения в отношении существа измененной таким образом оговорки (см. ИМО, *Status of Multilateral Conventions and Instruments...* (сноска 693 выше), р. 118).

одного технического положения этого документа⁷³⁴. Спустя десять лет, 5 сентября 1995 года, Финляндия заявила, что ее оговорка применяется также к еще одному случаю, который идентичен первоначально указанному⁷³⁵.

В соответствии с практикой, принятой в аналогичных случаях, Генеральный секретарь предложил принять на хранение соответствующее изменение в отсутствие возражений со стороны какого-либо Договаривающегося государства либо в отношении самой сдачи на хранение, либо в отношении предусмотренной процедуры. Поскольку ни одна из Договаривающихся сторон Протокола не уведомила Генерального секретаря о каком-либо возражении в течение 90 дней с даты распространения заявления (20 декабря 1995 года), указанное изменение было принято на хранение по истечении установленных 90 дней, т.е. 19 марта 1996 года⁷³⁶.

Процедура, которой следовал Генеральный секретарь, идентична процедуре, широко используемой применительно к последующему формулированию оговорок^{737 738}.

10) В другом случае правительство Мальдивской Республики 29 января 1999 года уведомило Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о своем желании изменить оговорки, сформулированные при присоединении к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в 1993 году. Германия, которая возражала против первоначальных оговорок, также возражала против их изменения, заявив среди прочего следующее,

что государство может делать оговорки к договору только в момент подписания, ратификации, принятия или утверждения договора или в момент присоединения к нему (статья 19 Венской конвенции о праве международных договоров). После того как государство приняло на себя обязательства по договору в силу международного права, оно не может более делать новые оговорки, расширять сферу действия предшествующих оговорок и делать к ним добавления. Оно может только полностью или частично снять первоначальные оговорки, чего, к сожалению, правительство Мальдивской Республики не сделало посредством своего изменения⁷³⁹.

11) Руководящее положение 2.3.4 косвенно ссылается к руководящим положениям 2.3, 2.3.1 и 2.3.2, касающимся последующего формулирования оговорок. Представлялось нецелесообразным специально уточнять это в тексте в связи с тем, что речь идет о

проектах, которые непосредственно предшествуют ему в Руководстве по практике.

12) Тем не менее следует отметить, что проецирование правил, применимых к последующему формулированию оговорок, содержащихся в руководящем положении 2.3.2, на расширение сферы действия существующей оговорки не может быть автоматическим. В обеих ситуациях в случае несогласия одного или нескольких договаривающихся государств или договаривающихся организаций, сохраняется предшествующее положение; однако данная ситуация имеет отличие: до последующего формулирования оговорок договор применялся в полном объеме в отношениях между договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, если никаких новых оговорок не было сделано; напротив, в случае последующего расширения сферы действия какой-либо оговорки, последняя уже была сделана и имела последствия, признанные за ней Венскими конвенциями. Именно это различие ситуаций учитывается во втором предложении руководящего положения 2.3.4, в котором предусматривается, что во втором случае первоначальная оговорка остается неизменной при несогласии с расширением сферы ее действия.

13) Комиссия сочла нецелесообразным давать в руководящем положении определение понятия «расширение сферы действия оговорки», поскольку его смысл представляется очевидным. Учитывая определение оговорки, содержащееся в руководящем положении 1.1, становится ясно, что этот термин применим к любому изменению, направленному на исключение или изменение юридического действия некоторых положений договора или договора в целом в его некоторых конкретных аспектах, применительно к государству или международной организации, формулирующему/формулирующей оговорку шире, нежели первоначально сформулированная оговорка.

2.4 Процедура, касающаяся заявлений о толковании

Комментарий

Ввиду отсутствия каких-либо положений, посвященных заявлениям о толковании в Венских конвенциях, а также скудности и относительной неопределенности связанной с ними практики невозможно рассматривать их изолированно. Заявления о толковании можно рассматривать только в сопоставлении (или противопоставлении) с собственно оговорками с учетом того, что условные заявления о толковании подчиняются тем же правилам, что и оговорки⁷⁴⁰.

2.4.1 Форма заявлений о толковании

Заявление о толковании предпочтительно формулировать в письменной форме.

⁷³⁴ В своей первоначальной оговорке к пункту 6 приложения Финляндия зарезервировала свою позицию в отношении «права использовать желтый цвет для обозначения непрерывной линии, разделяющей полосы противоположного движения» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.B.25).

⁷³⁵ «оговорка, сделанная Финляндией, применяется также к разделительной линии предупреждения об опасности» (*ibid.*).

⁷³⁶ *Ibid.*

⁷³⁷ См. комментарий к руководящему положению 2.3, пункты 12) и 14).

⁷³⁸ Однако следует отметить, что в настоящее время предусматриваемый срок составляет 12 месяцев, а не 90 дней (см. руководящее положение 2.3.1, и, в частности, пункты 4)–9) комментария).

⁷³⁹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8. Финляндия также возражала против изменения оговорки Мальдивских Островов (*ibid.*). Возражения Германии и Финляндии были представлены по истечении 90 дней с момента уведомления об изменении, т.е. срока, установленного в то время Генеральным секретарем.

⁷⁴⁰ По вопросу об этом разграничении см. руководящие положения 1.2 и 1.4 и комментарий к ним.

Комментарий

1) Невозможно обосновать возложение на какое-либо государство или международную организацию обязанности следовать определенной процедуре, чтобы изложить, согласно особой форме, толкование, которое они дают Конвенции, в которой участвуют или которую подписали или участниками которой могут стать. Таким образом, формальная действительность заявления о толковании не связана с соблюдением конкретной формы или процедуры⁷⁴¹. Поэтому не следует просто распространять нормы, касающиеся формы и доведения до сведения оговорок, на простые заявления о толковании, которые могут быть сформулированы и в устной форме, и в этой связи было бы парадоксально требовать, чтобы они официально доводились до сведения других государств или заинтересованных международных организаций.

2) Тем не менее, несмотря на отсутствие юридического обязательства в этой связи, представляется целесообразным в максимальной степени обеспечить заявлениям о толковании широкую гласность. Не осуществляя такое доведение до сведения, автор заявления рискует тем, что оно может не дать ожидаемого эффекта, но это уже совершенно иная проблема. Действенность заявления на практике в значительной степени зависит от того, насколько широко удалось его распространить.

3) Не обсуждая правовые последствия, которые могут породить эти заявления для толкования и применения договора⁷⁴², можно лишь отметить, что эти односторонние заявления, само собой разумеется, могут играть определенную роль в жизни договора; в этом их назначение и именно с этой целью государства и международные организации их используют. Международный Суд подчеркнул важность таких заявлений на практике:

Толкование правовых документов, даваемое самими сторонами, если оно не является достаточным для выяснения смысла, тем не менее имеет огромную доказательственную силу, поскольку это толкование содержит признание одной из сторон своих обязательств по документу⁷⁴³.

Розарио Сапьянца также подчеркивал важность и роль заявлений о толковании и реакций, которые они вызывают, поскольку они

[...] forniranno utile contributo anche alla soluzione [of a dispute]. E ancor più le dichiarazioni aiuteranno l'interprete quando controversia non si dia, ma semplice problema interpretativo⁷⁴⁴.

⁷⁴¹ См. также Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), p. 117.

⁷⁴² См. часть 4, раздел 7, Руководства по практике.

⁷⁴³ Консультативное заключение от 11 июля 1950 года, *International Status of South – West Africa* (см. сноску 167 выше), pp. 135–136. Тем не менее, существенно более ограничительный разбор влияния, которое могут оказывать заявления о толковании, см. решение МС от 3 февраля 2009 года, *Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine)*, Judgment, I.C.J. Reports 2009, p. 61, at p. 78, para. 42.

⁷⁴⁴ Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), p. 275.

[...внесут также полезный вклад в решение [спора]. Еще большую пользу эти заявления принесут толкователю, когда спора нет, а просто возникает проблема толкования].

В своем исследовании по односторонним заявлениям о толковании к многосторонним договорам («*Einseitige Interpretationserklärungen zu multilateralen Verträgen*») Моника Хейманн также справедливо подчеркнула следующее:

Dabei ist allerdings zu beachten, dass einer schriftlich fixierten einfachen Interpretationserklärung eine größere Bedeutung dadurch zukommen kann, dass die übrigen Vertragsparteien sie eher zur Kenntnis nehmen und ihr im Streitfall eine höhere Beweisfunktion zukommt⁷⁴⁵.

[В этой связи следует отметить, что простое заявление о толковании, составленное в письменной форме, может иметь гораздо большее значение в силу того обстоятельства, что другие договаривающиеся стороны с ним ознакомились и что в случае спора оно имеет большую доказательственную силу.]

4) Более того, на практике государства и международные организации стремятся обеспечить своим заявлениям о толковании необходимую гласность. Они направляют их депозитарию, а Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, со своей стороны, распространяет их текст⁷⁴⁶ и публикует их в Интернет-издании «Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю»⁷⁴⁷. Эта процедура уведомления, которая обеспечивает широкую гласность, требует, чтобы заявления делались в письменной форме.

5) Однако речь идет лишь о практическом требовании, продиктованном соображениями эффективности. Как Комиссия отмечала выше⁷⁴⁸, здесь нет никакой юридической обязанности. Именно поэтому, в отличие от руководящего положения 2.1.1, касающегося письменной формы оговорок, руководящее положение 2.4.1 составлено в виде простой рекомендации, по типу тех, которые касаются, например, мотивировки оговорок⁷⁴⁹ и возражений против оговорок⁷⁵⁰. Использование более слабого модального глагола «следует» и слова «предпочтительно» указывают на желательный, но факультативный характер письменной формы.

2.4.2 Представительство в целях формулирования заявлений о толковании

Заявление о толковании должно формулироваться лицом, которое считается представляющим государство или международную организацию для цели принятия или установления

⁷⁴⁵ Heymann (сноска 147 выше), p. 118.

⁷⁴⁶ United Nations, *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), para. 218.

⁷⁴⁷ В качестве примера можно привести Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву: хотя статья 319 никак не обязывает депозитария уведомлять о заявлениях о толковании, сделанных в соответствии со статьей 311 Конвенции, Генеральный секретарь систематически публикует их в главе XXI.6 сборника *Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General* (размещен на сайте <http://treaties.un.org/>).

⁷⁴⁸ Пункт 1) выше.

⁷⁴⁹ Руководящее положение 2.1.2 (Мотивировка оговорок).

⁷⁵⁰ Руководящее положение 2.6.9 (Мотивировка возражений).

аутентичности текста договора или выражения согласия государства или международной организации на обязательность договора.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.4.2 представляет собой переложение и адаптацию применительно к заявлениям о толковании, как они определены в руководящем положении 1.2, руководящего положения 2.1.3, касающегося представительства в целях формулирования оговорок на международном уровне.

2) Разумеется, юридическое действие будет иметь место только тогда, когда заявления о толковании исходят от органа, правомочного признавать обязательность договора для государства или международной организации на международном уровне. Поскольку заявление может иметь последствия для договора, представляется правомерным ограничить эту возможность путем признания правомочности формулировать такие заявления только за теми органами власти, которые имеют право заключать международные договоры от имени государства или международной организации.

2.4.3 Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования заявлений о толковании

1. Компетентный орган и процедура, которой надлежит следовать на внутреннем уровне при формулировании заявления о толковании, определяются внутренним правом каждого государства или соответствующими правилами каждой международной организации.

2. Государство или международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что заявление о толковании было сформулировано в нарушение положений внутреннего права этого государства или правил этой международной организации, касающихся полномочий и процедуры формулирования заявлений о толковании, как на основание недействительности этого заявления о толковании.

Комментарий

1) К формулированию заявлений о толковании на внутреннем уровне относятся те же самые замечания, которые касаются оговорок. Внутренние нормы и практика в этом плане отличаются исключительным разнообразием. Это со всей очевидностью вытекает из ответов государств на распространенный Комиссией вопросник об оговорках. Ответы 22 государств на вопросы 3.5 и 3.5.1⁷⁵¹ распределились следующим образом:

⁷⁵¹ Вопрос 3.5: «Какой/какие орган/органы на внутреннем уровне принимает/принимают решение о составлении таких заявлений о толковании?»; вопрос 3.5.1: «Участствует ли парламент в формулировании этих заявлений?» (*Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), стр. 114). Перечень государств

– семь государств указали, что такие заявления правомочны формулировать только органы исполнительной власти⁷⁵²;

– одно государство указало, что такие заявления правомочны формулировать только парламент⁷⁵³; и

– четырнадцать государств указали, что такие полномочия имеют как органы исполнительной власти, так и парламент⁷⁵⁴, причем формы взаимодействия между ними столь же разнообразны, как и в случае с оговорками.

В целом роль органов исполнительной власти представляется более очевидной, чем в случае с оговорками.

2) Из этого а fortiori следует, что компетенция формулировать заявления о толковании и соответствующие процедуры всецело определяются внутрисоциальным правом и государства или международной организации не могут ссылаться на нарушение внутреннего права в качестве причины для отказа от правовых последствий сформулированных ими заявлений, тем более что речь, как представляется, в целом больше идет о практике, чем о формальных нормах писаного права.

3) Поэтому на заявления о толковании следует распространить содержание руководящего положения 2.1.4, касающегося отсутствия последствий на международном уровне нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок.

2.4.4 Момент, в который может быть сформулировано заявление о толковании

Без ущерба для руководящих положений 1.4 и 2.4.7 заявление о толковании может быть сформулировано в любой момент.

Комментарий

1) Из руководящего положения 1.2, в котором дается определение заявления о толковании без учета какого бы то ни было временного элемента, следует, что «простое» заявление о толковании может быть, в отличие от оговорки (и условного заявления о толковании), сформулировано в любой момент. В этой связи будет достаточно сослаться на комментарий Комиссии к указанному положению⁷⁵⁵, из которого явно вытекает руководящее положение 2.4.4. Однако это право не носит абсолютного характера, и в отношении него действуют три изъятия.

не полностью совпадает со списком государств, ответивших на аналогичные вопросы в отношении оговорок.

⁷⁵² Израиль, Индия, Италия, Малайзия, Святейший Престол, Чили и Япония.

⁷⁵³ Эстония.

⁷⁵⁴ Аргентина, Боливия, Германия, Испания, Мексика, Панама, Словакия, Словения, Соединенные Штаты Америки, Финляндия, Франция, Хорватия, Швейцария и Швеция.

⁷⁵⁵ См. пункты 21)–31) комментария к руководящему положению 1.2.

2) Первое касается сравнительно часто встречающегося случая, когда договоры прямо предусматривают, что заявления о толковании, к которым они относятся, могут быть сформулированы только в какой-либо конкретный момент или моменты, как это имеет место, например, в статье 310 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву⁷⁵⁶. Ясно, что в подобном случае договаривающиеся государства или договаривающиеся организации могут делать заявления о толковании того вида, который предусмотрен в разрешающем их положении, лишь в момент(ы), указанный(ые) в договоре.

3) Представляется излишним упоминать об этом самоочевидном изъятии: Руководство по практике носит исключительно вспомогательный и диспозитивный характер, и само собой разумеется, что в случае коллизии между положениями договора и нормами, закрепленными в Руководстве, положения договора будут иметь преимущественную силу⁷⁵⁷. В то же время представлялось уместным оговорить весьма конкретный случай последующего формулирования заявления о толковании, когда конвенционное положение прямо ограничивает право формулировать такое заявление *ratione temporis*; указанный случай предусматривается проектом руководящего положения 2.4.7, ссылка на который содержится в руководящем положении 2.4.4.

4) Наличие прямого конвенционного положения, ограничивающего право формулировать заявления о толковании, является не единственным случаем, когда государство или международная организация оказывается лишенным/лишенной возможности *ratione temporis* формулировать заявления о толковании⁷⁵⁸. То же самое происходит, когда это государство или эта организация уже сформулировали заявления о толковании, из которого исходят или вправе исходить (эстоппель) их партнеры. В этом случае автор первоначального заявления лишается возможности его изменить.

5) Третье изъятие касается условных заявлений о толковании, которые, в отличие от простых заявлений о толковании, не могут формулироваться в любой момент, как это предусматривается в

⁷⁵⁶ «Статья 309 [исключающая оговорки] не запрещает государству в момент подписания или ратификации Конвенции или присоединения к ней* делать заявления в любой формулировке и под любым наименованием с целью, среди прочего, приведения своих законов и правил в соответствие с положениями Конвенции и при условии, что эти заявления не предполагают исключения или изменения юридического действия положений Конвенции в их применении к этому государству». См. также, например, пункт 2 статьи 26 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 года или статью 43 Соглашения об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими от 4 августа 1995 года.

⁷⁵⁷ В то же время Комиссия в некоторых случаях отступала от этого принципа, когда она желала подчеркнуть вторичный характер предлагаемых ею руководящих положений (см., в частности, руководящее положение 2.3 и пункт 7) комментария к этому положению выше; см. также руководящие положения 2.3.1 и 2.4.8).

⁷⁵⁸ См. руководящее положение 2.4.8 и пункт 5) комментария к нему.

руководящем положении 1.4, касающемся определения этих инструментов⁷⁵⁹, который прямо указан в руководящем положении 2.4.4⁷⁶⁰.

б) И наконец, само собой разумеется, что толковаться может только документ, который существует, и что поэтому нет необходимости уточнять, что заявление может быть сформулировано лишь после окончательного принятия положения соответствующего договора.

2.4.5 Сообщение заявлений о толковании

Сообщение заявлений о толковании, сформулированных в письменной форме, следует осуществлять в соответствии с процедурой, установленной в руководящих положениях 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

Комментарий

1) Соображения, побудившие Комиссию принять руководящее положение 2.4.1, в котором государствам и международным организациям рекомендуется формулировать свои заявления о толковании предпочтительно в письменной форме⁷⁶¹, действительны и в том, что касается распространения таких заявлений, а именно необходимости изложения в письменной форме для обеспечения гласности.

2) Здесь максимально широкое распространение заявления о толковании отвечает интересам как автора заявления о толковании, так и других договаривающихся государств или договаривающихся организаций. Если авторы заявлений о толковании хотят, чтобы их позиция была принята во внимание при осуществлении договора, особенно в случае возникновения спора, то они, безусловно, должны быть заинтересованы в том, чтобы их позиция была доведена до сведения других заинтересованных государств или международных организаций. Кроме того, по-видимому, только процедура такого рода позволила бы другим договаривающимся государствам или договаривающимся организациям отреагировать на заявление о толковании.

3) Эта процедура сообщения могла бы быть аналогичной процедуре, применимой к другим видам относящихся к договору заявлений, например процедура, касающаяся сообщения оговорки, регламентируемая руководящими положениями 2.1.5–2.1.7, учитывая, что речь может идти только о рекомендациях, поскольку, в отличие от оговорок, заявления о толковании не обязательно должны делаться в письменной форме⁷⁶².

⁷⁵⁹ См. пункт 14) комментария к руководящему положению 1.4.

⁷⁶⁰ См. также руководящие положения 1.1 и 2.3.

⁷⁶¹ См. комментарий к руководящему положению 2.4.1.

⁷⁶² См. руководящее положение 2.4.1 и комментарий к нему.

2.4.6 *Необязательность подтверждения заявления о толковании, сформулированных при подписании договора*

Заявление о толковании, сформулированное при подписании договора, не требует последующего подтверждения, когда государство или международная организация выражает свое согласие на обязательность договора.

Комментарий

1) Норма, согласно которой заявления о толковании, сформулированные при подписании договора, не требуют подтверждения, по правде говоря, неизбежно вытекает из а, закрепленного в руководящем положении 2.4.4. Поскольку, за исключением изъятий, заявления о толковании могут делаться в любой момент, было бы нелогично и странно требовать, чтобы они подтверждались при выражении государством или международной организацией своего согласия на обязательность для договора.

2) В этом вопросе между нормами, применимыми к оговоркам⁷⁶³, и нормами, касающимися заявлений о толковании, есть существенное различие, поскольку к тем и другим применяются совершенно противоположные подходы. Оговорки, формулируемые при подписании договора, в принципе должны подтверждаться, а заявления о толковании – нет.

3) Ввиду весьма общего характера формулировки руководящего положения 2.4.6 применение к заявлениям о толковании принципа, отраженного в руководящем положении 2.2.2⁷⁶⁴, согласно которому подтверждения оговорки, сформулированной при подписании договора, не подлежащего ратификации (договор в упрощенной форме), не требуется, не имело бы никакого смысла: принцип, закрепленный в руководящем положении 2.4.6, применим ко всем категориям международных договоров, будь то договоры, вступающие в силу на основании самого факта их подписания, или договоры, подлежащие ратификации, утверждению, принятию, официальному подтверждению или присоединению к ним.

4) На практике различие между нормами, применимыми к оговоркам, и нормами, касающимися заявлений о толковании, является менее существенным, чем это кажется, поскольку ничто не препятствует государству или международной организации, сделавшему/сделавшей заявление в момент подписания, подтвердить его при выражении своего согласия на обязательность для него/нее договора.

2.4.7 *Последующее формулирование заявления о толковании*

Когда договор предусматривает, что заявление о толковании может формулироваться только в определенные моменты, государство или международная организация не вправе впоследствии

формулировать заявление о толковании в отношении такого договора, если только ни одно из других договаривающихся государств и ни одна из других договаривающихся организаций не возражает против последующего формулирования заявления о толковании.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.4.7 применительно к заявлениям о толковании является аналогом руководящего положения 2.3, касающегося оговорок.

2) Несмотря на принцип, закрепленный в руководящем положении 2.4.4, согласно которому заявления о толковании могут формулироваться в любой момент после принятия текста положения соответствующего договора, заявления о толковании, так же, как и оговорки, могут формулироваться впоследствии. Несомненно, это касается условных заявлений о толковании, которые, подобно самим оговоркам, могут формулироваться (или подтверждаться) только в момент выражения согласия на обязательность договора, о чем говорится в руководящих положениях 1.1 и 1.4. Однако это может также касаться простых заявлений о толковании, в частности в том случае, когда сроки, в которые они могут быть сформулированы, установлены в самом договоре⁷⁶⁵. Цель руководящего положения 2.4.7 заключается в том, чтобы предусмотреть такую возможность, явно допускаемую руководящим положением 2.4.4.

3) Речь идет не о гипотетической ситуации. Так, например, правительство Египта, ратифицировавшее в 1993 году Базельскую конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 года без каких-либо заявлений, сформулировало 31 января 1995 года заявления о толковании отдельных положений указанного договора⁷⁶⁶, который ограничивает такую возможность только моментом выражения стороной своего согласия на обязательность для себя этого договора⁷⁶⁷. Поскольку многие участники оспорили приемлемость заявлений Египта либо в силу того, что, по их мнению, в реальности они представляют собой оговорки (запрещенные пунктом 1 статьи 26), либо в силу факта их формулирования впоследствии⁷⁶⁸, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, являющийся депозитарием Базельской конвенции, «в соответствии с практикой, которая действует в аналогичных случаях... предложил взять на хранение указанные заявления, если только со стороны какого-либо договаривающегося государства не будет высказано никаких возражений, либо

⁷⁶⁵ См. пункты 2) и 3) комментария к руководящему положению 2.4.4.

⁷⁶⁶ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVII.3.

⁷⁶⁷ В соответствии с пунктом 2 статьи 26 Конвенции государство не может, в определенных пределах, формулировать такие заявления, кроме как «при подписании, ратификации, принятии, одобрении или официальном подтверждении Конвенции или присоединении к ней».

⁷⁶⁸ См. замечания Италии, Нидерландов, Соединенного Королевства, Финляндии или Швеции (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVII.3).

⁷⁶³ См. руководящее положение 2.2.1 и комментарий к нему.

⁷⁶⁴ См. комментарий к данному руководящему положению.

против сдачи на хранение как таковой, либо против предусмотренной процедуры, в течение 90 дней, считая с даты их распространения»⁷⁶⁹. Затем с учетом возражений, полученных от ряда договаривающихся государств, он высказал «мнение о том, что он не в состоянии взять на хранение заявления, [сформулированные Египтом]»⁷⁷⁰, и не стал включать их в раздел «Заявления и оговорки», ограничившись их воспроизведением только в «Примечаниях» вместе с теми возражениями, которые они вызвали.

4) Из вышеописанной ситуации, которая никак не была опротестована государствами – участниками Базельской конвенции, следует, что в особом – но не исключительном – случае, когда в договоре указано, в какие моменты можно делать заявления о толковании, необходимо придерживаться норм, аналогичных тем, которые закреплены в руководящем положении 2.3. Таким образом, комментарии в отношении этого положения применимы *mutatis mutandis* к руководящему положению 2.4.7.

5) Из этого следует, что соображения, зафиксированные в руководящих положениях 2.3.1 и 2.3.2, в равной степени применимы к согласию с последующим формулированием заявлений о толковании и к несогласию с таким формулированием. Вместе с тем Комиссия выразила мнение о нецелесообразности «отягощения» Руководства по практике включением в него руководящих положений об этом.

2.4.8 Изменение заявления о толковании

Если договор не предусматривает иного, заявление о толковании может быть изменено в любой момент.

Комментарий

1) В соответствии с определением, содержащимся в руководящем положении 1.2, простые заявления о толковании представляют собой разъяснение смысла или сферы охвата определенных положений договора. Такие заявления могут делаться в любой момент⁷⁷¹ (при отсутствии договорных положений, говорящих об обратном⁷⁷²) и не подлежат обязательному подтверждению⁷⁷³. Таким образом, ничто не мешает их изменению в любой момент при отсутствии договорного положения, уточняющего, что толкование должно быть сделано в определенный момент, как это указывается в руководящем положении 2.4.8, текст которого сочетает в себе тексты проектов руководящих положений 2.4.4 (Момент, в который может быть сформулировано заявление о толковании) и 2.4.7 (Последующее формулирование заявления о толковании).

2) Из этого следует, что простое заявление о толковании может быть изменено в любой момент, если

иные положения не предусмотрены в самом договоре, который может либо ограничивать по времени возможность делать такие заявления, либо недвусмысленно ограничивать возможность изменять заявление о толковании, что представляет собой весьма маловероятную ситуацию, которую, однако, нельзя в е исключить.

3) Существует немного четких примеров, иллюстрирующих это руководящее положение. Тем не менее можно отметить изменение Мексикой в 1987 году своего заявления в отношении статьи 16 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года, сделанное при присоединении к ней в 1987 году⁷⁷⁴.

4) Впрочем – и несмотря на редкость убедительных примеров, – руководящее положение 2.4.8, как представляется, логично вытекает из самого определения заявлений о толковании.

5) Само собой разумеется, что, если договор предусматривает, что заявление о толковании может быть сделано лишь в определенные моменты, из этого *a fortiori* следует, что подобное заявление не может изменяться в любое другое время. В том случае, когда договор ограничивает по времени возможность делать или изменять заявления о толковании, правила, применимые к последующему формулированию такого заявления, изложенные в руководящем положении 2.4.7, должны применяться *mutatis mutandis*, если, несмотря на такое ограничение, какое-либо государство или международная организация намерено/намерена изменить предыдущее заявление о толковании: подобное изменение будет возможным лишь при отсутствии возражений какой-либо из других договаривающихся государств или договаривающихся организаций.

2.5 Снятие и изменение оговорок и заявлений о толковании

2.5.1 Снятие оговорок

Если договор не предусматривает иного, оговорка может быть снята в любой момент, и для ее снятия не требуется согласия государства или международной организации, принявших оговорку.

Комментарий

1) В руководящем положении 2.5.1 воспроизводится текст пункта 1 статьи 22 Венской конвенции 1986 года, в котором в свою очередь воспроизводится текст пункта 1 статьи 22 Венской конвенции 1969 года с добавлением упоминания о международных организациях. В отношении этих положений в процессе подготовительной работы не возникало никаких возражений⁷⁷⁵.

⁷⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁷⁰ *Ibid.*

⁷⁷¹ См. руководящее положение 2.4.4.

⁷⁷² См. руководящее положение 2.4.7.

⁷⁷³ См. руководящее положение 2.4.6.

⁷⁷⁴ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.5.

⁷⁷⁵ См. также Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 22: Withdrawal of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), vol. I, p. 573, para. 17.

2) Вопрос о снятии оговорок начал привлекать внимание Специальных докладчиков по праву международных договоров относительно недавно, да и то лишь в незначительной мере. Г-н Брайерли и сэр Герш Лаутерпахт занимались в основном вопросом допустимости оговорок и не посвятили ни одного проекта статьи вопросу о критерии снятия оговорок⁷⁷⁶. Лишь в 1956 году сэр Джеральд Фитцморис в своем первом докладе предложил проект пункта 3 статьи 40 в следующей редакции:

Оговорка, даже если она принята, может быть снята в любой момент путем официального уведомления. В этом случае государство, сформулировавшее эту оговорку, автоматически принимает на себя обязательство полностью придерживаться того положения договора, к которому относится оговорка, и, соответственно, оно вправе требовать, чтобы другие участники действовали согласно этому положению⁷⁷⁷.

3) Этот проект не обсуждался Комиссией, но в своем первом докладе о праве международных договоров сэр Хэмфри Уолдок использовал эту мысль в проекте статьи 17, озаглавленной «Право формулировать оговорки и снимать их»⁷⁷⁸, в которой излагался принцип «абсолютного права любого государства снимать ту или иную оговорку в одностороннем порядке, даже если эта оговорка была принята другими государствами»⁷⁷⁹.

Любое государство, сформулировавшее оговорку, может в любой момент времени в одностороннем порядке полностью или частично снять эту оговорку, независимо от того, была ли она принята или отвергнута другими заинтересованными государствами. Снятие оговорки осуществляется путем письменного уведомления на имя депозитария документов, относящихся к договору, а в случае отсутствия депозитария – на имя каждого из государств, которые являются участниками договора или имеют право стать участниками договора⁷⁸⁰.

Это положение не обсуждалось на пленарных заседаниях, однако Редакционный комитет, сохраняя его дух, довольно основательно изменил его не только по формулировке, но и по содержанию, в связи с чем новый проект статьи 19, посвященный исключительно «Снятию оговорок», уже не упоминал процедуру уведомления о снятии, но содержал пункт 2, касающийся последствий снятия⁷⁸¹. Этот проект был принят с добавлением фразы, уточняющей в первом

пункте даты вступления такого снятия в силу⁷⁸². По смыслу статьи 22 проекта в его первом чтении:

1. Любая оговорка может быть снята в любое время, и для ее снятия не требуется согласия государств, которые ее приняли. Это снятие вступает в силу в момент, когда другие заинтересованные государства получают об этом уведомление.

2. В случае снятия какой-либо оговорки положения статьи 21 прекращают действовать⁷⁸³.

4) Только три государства отреагировали на проект статьи 22⁷⁸⁴, который был впоследствии переработан Специальным докладчиком. Он предложил⁷⁸⁵:

– придать этому положению дополнительный характер;

– уточнить, что уведомление о снятии производится депозитарием, если таковой имеется; и

– ввести частичный мораторий до даты вступления в силу такого снятия⁷⁸⁶.

5) В связи с рассмотрением этих предложений два члена Комиссии утверждали, что, когда какая-либо оговорка, сформулированная тем или иным государством, принимается другим государством, это приводит к соглашению между этими двумя участниками⁷⁸⁷. Этот тезис не получил практически никакой поддержки, и большинство присоединилось к высказанной г-ном Бартошем идее: «Как правило, договор заключается для того, чтобы осуществляться в целом; оговорки – это исключение, которое лишь терпят»⁷⁸⁸. После этого обсуждения Редакционный комитет фактически воспроизвел, хотя и в иной формулировке, обе идеи, высказанные в пункте 1 текста 1962 года⁷⁸⁹. Именно этот текст был в конечном итоге

⁷⁸² Там же, пункты 69–71, и 667-е заседание, 25 июня 1962 года, стр. 253 англ. текста, пункты 73–75.

⁷⁸³ Там же, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста; статья 21 касалась «Применения оговорок».

⁷⁸⁴ См. четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 55 англ. текста. Израиль считал, что уведомление должно делаться через депозитария, в то время как Соединенные Штаты Америки были вполне удовлетворены «положением, согласно которому снятие оговорки вступает в силу в момент, когда другие заинтересованные государства получают об этом уведомление»; замечание Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии касалось даты вступления в силу такого снятия; см. также пункт 4) комментария к руководящему положению 2.5.8. Текст замечаний этих трех государств см. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, приложение, стр. 351 англ. текста (Соединенные Штаты), 295 (Израиль, пункт 14) и 344 (Соединенное Королевство).

⁷⁸⁵ Текст проекта, предложенного Уолдоком, см. *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 56 англ. текста, или *Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 174 англ. текста, пункт 43.

⁷⁸⁶ Что касается этого последнего аспекта, см. пункт 4) комментария к руководящему положению 2.5.8.

⁷⁸⁷ См. выступления г-на Фердросса и (в меньшей степени) г-на Амаду, *Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 175 англ. текста, пункт 49, и стр. 176 англ. текста, пункт 60.

⁷⁸⁸ Там же, стр. 175 англ. текста, пункт 50.

⁷⁸⁹ См. пункт 3) выше; первый текст, принятый Редакционным комитетом в 1965 году, см. *Ежегодник... 1965 год*, том I, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 272 англ. текста, пункт 22.

⁷⁷⁶ Г-н Лаутерпахт ограничился тем, что привлек внимание к некоторым предложениям, высказанным в апреле 1954 года в Комиссии по правам человека в связи с темой оговорок к «Пакту о правах человека», ясно предсказав возможность снятия той или иной оговорки путем простого уведомления на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (см. его второй доклад по праву международных договоров в *Ежегоднике... 1954 год*, том II, документ A/CN.4/87, стр. 131–132 англ. текста, пункт 5) комментария к статье 9).

⁷⁷⁷ *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 116 англ. текста. Комментируя это положение, сэр Джеральд Фитцморис ограничился мыслью о том, что оно не требует разъяснений (*ibid.*, p. 127, para. 101).

⁷⁷⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 60–61 англ. текста.

⁷⁷⁹ Там же, стр. 66 англ. текста, пункт 12) комментария к статье 17.

⁷⁸⁰ Там же, стр. 61 англ. текста, пункт 6 проекта статьи 17.

⁷⁸¹ По настоянию г-на Бартоша там же, том I, 664-е заседание, 19 июня 1962 года, стр. 234 англ. текста, пункт 67).

принят⁷⁹⁰ и стал окончательным проектом статьи 20 (Снятие оговорки):

1. Если договор не предусматривает иного, оговорка может быть снята в любое время и для ее снятия не требуется согласия государства, принявшего эту оговорку.

2. Если иное не предусматривается договором или если не было другим образом обусловлено, снятие вступает в силу только после получения другими государствами уведомления об этом⁷⁹¹.

6) Комментарий к этому положению повторял – с некоторыми уточнениями – комментарий 1962 года⁷⁹². Комиссия изложила в нем, в частности, свое мнение о том, что «следует исходить из того, что участники договора хотят, чтобы государство, сделавшее оговорку, отказалось от нее, если только в договор не включено положение, устанавливающее ограничения в отношении снятия оговорки»⁷⁹³.

7) Во время Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров текст этого проекта статьи (она стала статьей 22 Венской конвенции 1969 года) был без каких-либо изменений повторен, хотя к нему и были предложены несколько мелких поправок⁷⁹⁴. Вместе с тем по предложению Венгрии были приняты два важных добавления:

– во-первых, было решено привести процедуру снятия возражений к оговоркам в соответствие с процедурой снятия самих оговорок⁷⁹⁵; и

– во-вторых, к статье 23 был добавлен пункт 4 с целью уточнить, что снятие оговорок (и возражений) должно делаться в письменной форме⁷⁹⁶.

8) Исходя из принципа, в соответствии с которым «нет никаких причин ставить международные организации в положение, отличное от положения государств в области оговорок», Поль Рейтер в своем четвертом докладе по вопросу о договорах, заключаемых между государствами и международными организациями или между двумя или более

⁷⁹⁰ См. *Ежегодник... 1965 год*, том I, 816-е заседание, 2 июля 1965 года, стр. 284 англ. текста, пункты 56–60, и *Ежегодник... 1966 год*, том I (часть вторая), 892-е заседание, 18 июля 1966 года, стр. 327 англ. текста, пункт 106.

⁷⁹¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста; в том же плане был сформулирован соответствующий текст статьи 22 проекта 1965 года (*Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/6009, стр. 162 англ. текста).

⁷⁹² См. пункт 3) выше.

⁷⁹³ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста, пункт 1) комментария к проекту статьи 20.

⁷⁹⁴ Перечень и текст этих поправок и подпоправок см. в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), доклад Комитета полного состава о его работе на первой сессии Конференции (A/CONF.39/14), pp. 141–142, paras. 205–211.

⁷⁹⁵ Текст венгерской поправки см. A/CONF.39/L.18, который воспроизводится в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), р. 267; что касается ее обсуждения, см. прения на 11-м пленарном заседании Конференции (30 апреля 1969 года) в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), pp. 36–38, paras. 14–41.

⁷⁹⁶ В отношении этой поправки см. пункт 2) комментария к руководящему положению 2.5.2.

международными организациями, ограничился тем, что затронул «проекты статей, распространяющие на соглашения, участниками которых являются международные организации, правила, предусмотренные в статьях 19–23 Конвенции 1969 года», с единственным нюансом в виде «незначительных редакционных поправок»⁷⁹⁷. Такова была ситуация, когда речь шла о статье 22, в которой Специальный докладчик ограничился добавлением ссылки на международные организации, и о пункте 4 статьи 23, который он повторил полностью⁷⁹⁸. Эти предложения были приняты Комиссией без изменений⁷⁹⁹ и сохранились при втором чтении⁸⁰⁰. Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями не внесла никаких изменений по существу⁸⁰¹.

9) Из принятых положений вытекает, что снятие оговорки является односторонним актом. Если это так, то на этом заканчивается спор, который на протяжении длительного времени приковывал внимание ученых вокруг вопроса о правовом характере снятия: идет ли речь об одностороннем решении или же о договорном акте⁸⁰²? В пункте 1 статьи 22 Венских конвенций 1969 и 1986 годов делается справедливый выбор в пользу первого варианта. В комментарии к проекту статей, принятому в первом чтении, Комиссия отметила⁸⁰³:

Порой высказывается мнение о том, что, если оговорка принята каким-либо другим государством, она не может быть снята без согласия этого последнего государства, поскольку принятие оговорок устанавливает в отношениях между двумя государствами режим, который не может быть изменен без согласия одного или другого из них. Вместе с тем Комиссия считает

⁷⁹⁷ *Ежегодник... 1975 год*, том II, документ A/CN.4/285, стр. 43, пункты 2)–5) общего комментария к разделу 2.

⁷⁹⁸ Там же, стр. 45, и пятый доклад, *Ежегодник... 1976 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/290 и Add.1, стр. 186.

⁷⁹⁹ См. прения в Комиссии в 1977 году: 1434-е заседание, 6 июня 1977 года, *Ежегодник... 1977 год*, том I, стр. 127, пункты 30–34; 1435-е заседание, 7 июня 1977 года, там же, стр. 120, пункты 1–2; 1451-е заседание, 1 июля 1977 года, там же, стр. 197–198, пункты 12–16, и доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее двадцать девятой сессии, *Ежегодник... 1977 год*, том II (часть вторая), стр. 120–121.

⁸⁰⁰ Государства и международные организации не высказали никаких замечаний по этим положениям. См. десятый доклад г-на Рейтера, *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/341 и Add.1, стр. 79; прения в Комиссии 1981 года: 1652-е заседание, 15 мая 1981 года, *Ежегодник... 1981 год*, том I, стр. 63, пункты 27–29; 1692-е заседание, 16 июля 1981 года, там же, стр. 315, пункты 38–41; доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее тридцать третьей сессии, *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть вторая), стр. 168, и доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее тридцать четвертой сессии, *Ежегодник... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 46.

⁸⁰¹ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations...* (A/CONF.129/16) (сноска 635 выше), 5-е пленарное заседание, 18 марта 1986 года, р. 14, paras. 62–63.

⁸⁰² В отношении этого ученого спора см., в частности, Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 288, или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 223–224, и упоминавшиеся ссылки. Сдержанный комментарий по поводу этого спора в ходе работы по подготовке статьи 22 см. в пункте 5) выше.

⁸⁰³ См. пункт 3) выше.

предпочтительной норму, в соответствии с которой государство, сделавшее оговорку, должно во всех случаях быть уполномочено, если в этом состоит его намерение, привести свою позицию в полное соответствие с положениями договора, который оно приняло⁸⁰⁴.

10) В силу самого своего определения оговорка является *односторонним* актом⁸⁰⁵, даже если государства или международные организации могут достичь путем согласия результатов, сопоставимых с теми, которые появляются в силу оговорок⁸⁰⁶; вместе с тем решение о выборе оговорки подразумевает – обоснованно и в виде противоположности – обращение к одностороннему действию.

11) Против этого, несомненно, можно высказать возражения, согласно которым в соответствии со статьей 20 Венских конвенций оговорка, сформулированная одним государством или одной международной организацией и не предусмотренная явно выраженным образом в договоре, влечет за собой последствия лишь для тех участников, которые ее приняли, пусть даже неявно. Вместе с тем, с одной стороны, такое принятие не изменяет характера оговорки – оно придает ей силу, но речь идет все-таки о явном одностороннем акте, – а с другой и прежде всего, здесь идет речь о чисто формалистическом рассуждении, которое не учитывает заинтересованность в том, чтобы ограничить число и сферу охвата оговорок в интересах обеспечения целостности договора. Как было справедливо отмечено⁸⁰⁷, стороны, подписавшие многосторонний договор, в принципе надеются на то, что он будет принят в целом, и при этом существует по меньшей мере презумпция того, что для договаривающихся сторон оговорки представляют собой всего лишь необходимое, но достойное сожаления зло. Впрочем, было бы небезынтересно констатировать, что снятие оговорок, хотя оно порой и регламентируется⁸⁰⁸, никогда не запрещалось ни одним договорным положением⁸⁰⁹.

12) Кроме того, как представляется, одностороннее снятие оговорок никогда не создавало каких-то особых трудностей и ни одно из государств или международных организаций, которые ответили на вопросник Комиссии по оговоркам⁸¹⁰, не заявили о проблемах в этой связи. Признание такого права на снятие соответствует, к тому же, букве и духу четко сформулированных положений договоров, относящихся к снятию оговорок, которые либо формулируются аналогичным с формулировкой пункта 1 статьи 22 образом⁸¹¹, либо имеют целью стимулиро-

вать снятие, призывая государства к тому, чтобы снимать их «настолько быстро, насколько это позволяют обстоятельства»⁸¹². Действуя в том же духе, международные организации и органы по контролю за договорами по правам человека увеличивают число рекомендаций, имеющих целью призвать государства к тому, чтобы они снимали оговорки, которые они сформулировали при ратификации договоров или присоединении к ним⁸¹³.

13) Эти цели оправдывают в равной мере и то, что снятие какой-либо оговорки может произойти «в любое время»⁸¹⁴, а это значит и до вступления договора в силу в отношении государства, которое снимает ранее сформулированную оговорку⁸¹⁵, хотя Специальному докладчику неизвестны случаи, когда такое действительно имело место⁸¹⁶.

Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 437, footnote 1. См. также, например, пункт 2 статьи 42 Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года или пункт 1 статьи 12 Конвенции о континентальном шельфе от 29 апреля 1958 года; пункт 3 статьи 26 Европейской конвенции об обустройстве и предпринимательстве от 13 декабря 1955 года или типовую клаузулу Совета Европы 1962 года, фигурирующую в «Model final clauses», которые содержались в записке Генерального секретариата (СМ (62) 148, 13 July 1962, pp. 6 and 10).

⁸¹² См., например, пункт 4 статьи 167 Конвенции о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) от 5 октября 1973 года (отменен Актом о пересмотре Конвенции о выдаче Европейских патентов от 29 ноября 2000 года) и другие примеры, приведенные Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 287, footnote 20, или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 437, footnote 2.

⁸¹³ См. примеры, приведенные в комментарии к руководящему положению 2.5.3.

⁸¹⁴ Одним из наиболее целесообразных моментов времени для снятия оговорок является, разумеется, момент вступления в силу договора, поскольку в это время только что обретшее независимость государство может выразить намерение не сохранять оговорки государства-предшественника (см. пункт 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года). Эта ситуация будет рассматриваться в части 5 Руководства по практике, посвященном оговоркам и заявлениям о толковании в случаях правопреемства государств.

⁸¹⁵ Эта возможность ясно предусмотрена в заключительных положениях Конвенции о таможенных льготах для туристов, Дополнительном протоколе к Конвенции о таможенных льготах для туристов, касающемся ввоза относящихся к туризму осведомительных документов и материалов, и Таможенной конвенции о временном ввозе частных дорожных перевозочных средств, все они – от 4 июня 1954 года; см. *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/5687, приложение II, стр. 105 англ. текста, пункт 2. Существуют достаточно многочисленные примеры случаев, когда какое-либо государство, сформулировавшее оговорку при подписании, впоследствии отказывается от нее с учетом представлений, сделанных в его адрес либо другими участниками, либо депозитарием (см. примеры, приведенные Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 345–346); вместе с тем здесь не идет речь о снятии в самом строгом смысле этого понятия: см. пункты 7–8) комментария к руководящему положению 2.5.2.

⁸¹⁶ Вместе с тем можно привести несколько случаев снятия оговорок, которое происходит довольно быстро после их формулирования. См., например, ответ Эстонии на вопрос 1.6.2.1 вопросника Комиссии: ограничения в отношении принятия приложений III–V к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (Конвенция МАРПОЛ) (измененной на основании Протокола 1978 года), к которой эта страна присоединилась 16 декабря 1991 года, были сняты

⁸⁰⁴ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 181–182 англ. текста, пункт 1) комментария к статье 22.

⁸⁰⁵ См. пункт 1 d) статьи 2 Венских конвенций и руководящее положение 1.1.

⁸⁰⁶ См. руководящее положение 1.7.1 и комментарий к нему.

⁸⁰⁷ См. пункт 5) выше.

⁸⁰⁸ См. комментарий к руководящим положениям 2.5.7 и 2.5.8.

⁸⁰⁹ См. L. Migliorino, «La revoca di riserve e di obiezioni a riserve», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 75 (1992), p. 319.

⁸¹⁰ См. сноску 39 выше. В вопроснике, адресованном государствам, см., в частности, вопросы 1.6, 1.6.1, 1.6.2 и 1.6.2.1, касающиеся снятия оговорок.

⁸¹¹ См. примеры, приведенные Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 287, footnote 19, или

14) В настоящее время обычный характер норм, провозглашенных в пункте 1 статьи 22 и в пункте 4 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и воспроизведенных в руководящем положении 2.5.1, как представляется, уже не оспаривается⁸¹⁷ и согласуется с общей практикой⁸¹⁸.

15) Выбранная формулировка не вызывает особой критики. Вместе с тем можно выразить сожаление по поводу начальной части фразы («Если договор не предусматривает иного...»). Это уточнение, которое фигурировало в окончательном проекте Комиссии, но не в проекте 1962 года⁸¹⁹, было добавлено Специальным докладчиком сэром Хэмфри Уолдоком с учетом замечаний правительств⁸²⁰ и одобрено Редакционным комитетом в ходе семнадцатой сессии в 1965 году⁸²¹. Само собой разумеется, что большинство положений Венских конвенций и во всяком случае все нормы процессуального характера, которые в них содержатся, имеют дополнительный по отношению к воле характер и должны гласить «если только договорные положения не предусматривают иное»; а *fortiori* также ясно, что это относится и к Руководству по практике. С учетом вышесказанного уточнение, предвещающее пункт 1 статьи 22, представляется излишним; однако, по мнению Комиссии, в этом случае не имеется достаточного основания для изменения формулировки, принятой в 1969 году и сохраненной в 1986 году.

(продолжение сноски 816)

28 июля 1992 года, сразу же после того, как эта страна посчитала, что она в состоянии соблюдать условия, предусмотренные в этих договорах; со своей стороны, Соединенное Королевство заявило о том, что оно сняло – уже после даты ратификации и через три месяца после формулирования – оговорку к Соглашению об учреждении Межамериканского банка развития 1959 года. Что касается вопросника, см. сноску 39 выше.

⁸¹⁷ См. Migliorino, «*La revoca di riserve...*» (сноска 809 выше), pp. 320–321, или Szafarz, «*Reservations to multilateral treaties*» (сноска 27 выше), p. 313; см. также Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 22: Withdrawal of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 574–575, paras. 22–25, и Pellet and Schabas, «1969 Vienna Convention. Article 23: Procedure regarding reservations» в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 596, para. 7.

⁸¹⁸ См. *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), p. 64, para. 216. Те несколько государств, которые высказали мнения на этот счет в своих ответах на вопросник по поводу оговорок (вопрос 1.6.2.1), указывают на то, что снятие оговорок, которое они осуществили, последовало за внесением изменений в их внутригосударственное право (Дания, Израиль, Колумбия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Швейцария, Швеция) или за переоценкой их интересов (Израиль). Что касается причин снятия, см. Jean-François Flauss, «*Note sur le retrait par la France des réserves aux traités internationaux*», AFDI, vol. 32 (1986), pp. 860–861. Относительно вопросника см. сноску 39 выше.

⁸¹⁹ См. пункты 3) и 5) выше.

⁸²⁰ См. четвертый доклад о праве договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 55–56 англ. текста; см. также *Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 174 англ. текста, пункт 45.

⁸²¹ Там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 272 англ. текста, пункт 22.

2.5.2 Форма снятия

Снятие оговорки должно формулироваться в письменной форме.

Комментарий

1) Руководящее положение повторяет пункт 4 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, которые составлены в схожих выражениях.

2) Тогда как проект статьи 17, пункт 6, принятый Комиссией в первом чтении в 1962 году, содержал требование о том, чтобы снятие оговорки осуществлялось «в письменной форме»⁸²², в проекте 1966 года ничего не говорилось о форме снятия⁸²³. Ряд государств высказывали предложения относительно восстановления требования о письменной форме⁸²⁴ с целью «согласовать это положение со статьей 18 [23 в окончательном тексте Венской конвенции 1969 года], где говорится, что оговорка, ясно выраженное согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны делаться в письменной форме»⁸²⁵. Хотя г-н Яссин выразил мнение о том, что речь идет о «бесполодном дополнительном условии, усложняющем процедуру, которая должна быть в максимальной возможной степени облегчена»⁸²⁶, этот принцип был принят единогласно⁸²⁷, и было решено сделать это уточнение не в самой статье 20, а в статье 23, посвященной «Процедуре, касающейся оговорок» в целом и перемещенной по причине включения в нее этого нового пункта 4 в конец раздела⁸²⁸.

3) Хотя в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года г-н Яссин имел основание подчеркнуть, что процедура снятия «должна быть в максимальной возможной степени облегчена»⁸²⁹, не следует преувеличивать ту ответственность, которая вытекает из требования о письменном уведомлении со стороны государства, осуществляющего снятие. Кроме того, даже если правило, касающееся параллелизма форм, не является абсолютным принципом в международном праве⁸³⁰, представляется неуместным,

⁸²² *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 61 англ. текста; см. также пункт 5) комментария к руководящему положению 2.5.1.

⁸²³ См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 177–187 англ. текста.

⁸²⁴ См. поправки, предложенные Австрией и Финляндией (A/CONF.39/C.1/L.4 и Add.1), Венгрией (A/CONF.39/C.1/L.178 и A/CONF.39/L.17) и Соединенными Штатами Америки (A/CONF.39/C.1/L.171), которые воспроизводятся в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), документы Комитета полного состава, pp. 152–153 and 287.

⁸²⁵ Заявление г-жи Бокор-Сего (Венгрия) в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), p. 36, para. 13.

⁸²⁶ *Ibid.*, p. 38, para. 39.

⁸²⁷ *Ibid.*, para. 41.

⁸²⁸ *Ibid.*, 29-е заседание, 19 мая 1969 года, p. 159, paras. 10–13. См. Ruda, «*Reservations to treaties*» (сноска 56 выше), p. 194.

⁸²⁹ См. сноску 826 выше.

⁸³⁰ См. пункт 6) комментария к руководящему положению 2.5.4.

что оговорка, в отношении которой требование о письменной форме не вызывает сомнений⁸³¹, может быть отменена посредством простого устного заявления. Это вызывало бы большую неуверенность у других государств и организаций, которые получили письменный текст оговорки, но не обязательно получают предупреждение о ее снятии⁸³².

4) Вместе с тем Комиссия пожелала получить ответ на вопрос о том, не может ли снятие оговорки быть имплицитным и являться результатом обстоятельств, которые не связаны с официальным уведомлением о снятии.

5) Разумеется, как указывает Руда, «снятие оговорки... не может презюмироваться»⁸³³. Однако при этом все-таки встает вопрос о том, не должны ли определенные акты или действия государства или международной организации приравниваться к снятию оговорки.

6) Не вызывает сомнений то, что, например, заключение между теми же участниками последующего договора, содержащего положения, аналогичные тем, в отношении которых один из них уже сделал оговорку, хотя он не формулирует ее в отношении второго договора, на практике имеет такой же эффект, что и снятие первоначальной оговорки⁸³⁴. Как бы то ни было, речь идет об отдельном документе, а обязательство государства, сделавшего оговорку к первому договору, вытекает из второго, а не из первого договора; и если, например, какое-то третье по отношению ко второму договору государство присоединяется к первому договору, оговорка в полной мере остается в силе в отношениях между этим государством и автором оговорки.

7) Аналогичным образом, неподтверждение какой-либо оговорки при подписании в контексте окончательного выражения согласия государства на обязательность договора⁸³⁵ не может рассматриваться как снятие оговорки: оговорка, разумеется, была «сформулирована», но при отсутствии официального подтверждения она ни в коем случае не может считаться «сделанной»⁸³⁶. Просто ее автор отказался от нее после определенных размышлений в период между датой подписания и датой

ратификации, акта официального подтверждения, принятия или утверждения.

8) Это утверждение было оспорено под тем предлогом, что, по сути дела, оговорка существует даже до того, как она подтверждена: она должна была быть принята во внимание для того, чтобы оценить масштабы обязательств, возлагаемых на государство (или на международную организацию), подписавшее договор, в силу статьи 18 Венской конвенции; в соответствии с пунктом 3 статьи 23, «определенно выраженное согласие с оговоркой или возражение против оговорки не требует подтверждения, если оно было сделано до ее подтверждения»⁸³⁷. Вместе с тем тот же автор признает, что «когда оговорка не возобновляется [подтверждается], явно выраженным образом или нет, это не влечет за собой никакого изменения ни для самого государства, сделавшего оговорку, ни в его отношениях с другими участниками, поскольку до этого момента оно не было связано договором. Напротив, если снятие осуществляется уже после сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о присоединении, обязательства государства, делающего оговорку, расширяются с учетом оговорки, и это государство, возможно впервые, оказывается связанным договором с определенными участниками, которые возражали против его оговорки. Такое снятие изменяет, следовательно, процедуру применения договора, в то время как неподтверждение, если исходить из этой точки зрения, не оказывает никакого воздействия»⁸³⁸. Поэтому последствия неподтверждения и снятия являются настолько различными, что нельзя путать эти два понятия.

9) По-видимому, также невозможно считать, что истекшая по своему сроку действия оговорка снимается. Бывают ситуации, когда положение, включенное в тот или иной договор, ограничивает срок действия оговорки⁸³⁹. Однако возникающее в

⁸³⁷ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 286.

⁸³⁸ *Ibid.*, сноска опущена.

⁸³⁹ См., например, статью 12 Конвенции об унификации некоторых положений патентного права 1963 года, которая предусматривает возможность существования невозобновляемых оговорок к некоторым из ее положений с максимальным сроком действия в пять или десять лет, и приложение к Европейской конвенции о гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами, 1973 года, которое предоставляет Бельгии возможность сделать оговорку в течение трехлетнего периода после вступления Конвенции в силу. См. также примеры, которые приводит Акермарк (сноска 101 выше), p. 499–500, или Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 287–288, footnote 21; см. также статью 124 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года, которая ограничивает семилетним сроком возможность непризнания юрисдикции Суда в отношении военных преступлений. Другие же конвенции Совета Европы разрешают лишь временные, хотя и возобновляемые оговорки; к ним относятся Европейская конвенция об усыновлении детей от 24 апреля 1967 года и Европейская конвенция о правовом статусе внебрачных детей от 15 октября 1975 года; вследствие трудностей, которые возникли в связи с применением этих положений (см. Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), pp. 101–102), в новых положениях об оговорках, включенных в конвенции, принятые в рамках Совета Европы, уточняется, что влечет прекращение действия оговорки (см. пункт 2 статьи 38 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года).

⁸³¹ См. руководящее положение 2.1.1.

⁸³² В этой связи см. Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), pp. 195–196.

⁸³³ *Ibid.*, p. 196.

⁸³⁴ В этой связи см. Flauss, «Note sur le retrait par la France des réserves...» (сноска 818 выше), pp. 857–858, однако см. также F. Tiberghien, *La protection des réfugiés en France*, Paris, Economica, 1984, pp. 34–35 (цитируется Flauss, p. 858).

⁸³⁵ См. пункт 2 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и руководящее положение 2.2.1 и комментарий к нему в докладе Комиссии о работе ее пятьдесят третьей сессии, *Ежегодник... 2001 год*, том II (часть вторая) и исправление, стр. 218.

⁸³⁶ Вместе с тем иногда получается так, что неподтверждение (ошибочно) именуется «снятием»; см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. VI.15, footnote 21, в отношении неподтверждения правительством Индонезии оговорок, сформулированных при подписании Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (см. United Nations, *Treaty Series*, vol. 520, p. 368).

результате истечение срока действия оговорки является следствием юридического прохождения определенного времени вплоть до установленного срока, тогда как снятие является односторонним юридическим актом, выражающим волю его автора.

10) Так же обстоит дело в том случае, когда оговорка сама предусматривает конечный срок своего действия, как это иногда бывает. Так, в своем ответе на вопросник в отношении оговорки⁸⁴⁰, Эстония указала, что она ограничила одним годом срок действия своей оговорки к Европейской конвенции по правам человека, поскольку «один год считается достаточным периодом для внесения поправок в соответствующие законы»⁸⁴¹. В этом случае оговорка теряет свою силу не вследствие ее снятия, а в связи с истечением срока ее действия, установленного в самом тексте.

11) Следует также упомянуть о случае так называемых «забытых оговорок» (*forgotten reservations*)⁸⁴². Так, в частности, бывает, когда оговорка связана с каким-то положением внутригосударственного права, в которое впоследствии вносится изменение посредством нового текста, делающего его устаревшим. Такая ситуация, которая возникает не так уж редко⁸⁴³, хотя она с трудом поддается точной оценке, и которая, вероятно, обычно является результатом небрежности компетентных органов или недостаточного согласования между соответствующими службами, создает определенные неудобства. Она может даже приводить к юридической неопределенности, в частности в государствах с монистической правовой традицией⁸⁴⁴. Кроме того, поскольку внутригосударственные законы являются «простыми фактами»

по отношению к международному праву⁸⁴⁵ и независимо от того, ссылается ли то или иное государство на юридический монизм или дуализм, неснятая оговорка, которую оно сделало на международном уровне, будет в ее продолжать действовать в полной мере, а ее автор будет ссылаться на нее перед другими участниками, даже если такая позиция может являться сомнительной с точки зрения а добросовестности.

12) Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что снятие оговорки никогда не может являться имплицитным: снятие имеет место только в том случае, когда автор оговорки, в соответствии с правилом, закрепленным в пункте 4 статьи 23 Венских конвенций и воспроизведенным в проекте руководящего положения 2.5.2, в письменной форме официально заявляет о своем намерении отказаться от оговорки.

2.5.3 Периодический обзор полезности оговорок

1. Государствам или международным организациям, которые сформулировали одну или несколько оговорок к договору, следует проводить периодический обзор таких оговорок и рассматривать вопрос о снятии тех оговорок, которые более не отвечают их цели.

2. В ходе такого обзора государствам и международным организациям следует уделять особое внимание задаче обеспечения целостности многосторонних договоров и в соответствующих случаях рассматривать полезность сохранения оговорок, в частности, с точки зрения изменений их внутреннего права со времени формулирования этих оговорок.

⁸⁴⁰ Ответы на вопросы 1.6 и 1.6.1 (см. сноску 39 выше).

⁸⁴¹ См. также примеры, приведенные Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), pp. 102–104. Кроме того, бывает так, что государство в момент формулирования оговорки указывает, что оно снимет ее, как только это будет возможным (см. оговорку Мальты к статьям 13, 15 и 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8; см. также оговорку Барбадоса к Международному пакту о гражданских и политических правах, *ibid.*, chap. IV.4).

⁸⁴² См. Flauss, «Note sur le retrait par la France des réserves...» (сноска 818 выше), p. 861, или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 223.

⁸⁴³ См. Flauss, «Note sur le retrait par la France des réserves...» (сноска 818 выше), p. 861; приведенные этим автором примеры, касающиеся Франции, см. pp. 861–862.

⁸⁴⁴ В этих государствах судьи должны применять договоры (но не оговорки), ратифицированные должным образом, и они в целом превалируют над внутригосударственными законами, даже последующими (см. статью 55 Конституции Франции 1958 года и многочисленные конституционные положения, которые повторяют ее или руководствуются ею, во франкоязычных странах Африки); таким образом, можно прийти к такому парадоксу, что в государстве, которое привело свое внутреннее законодательство в соответствие с тем или иным договором, именно ратифицированный договор (т.е. лишенный какого-то одного или нескольких положений, в отношении которых высказывались оговорки) будет, тем не менее, иметь преимущественную силу, если оговорка не будет официально снята. Эта проблема менее остро встает в государствах дуалистического типа: международные договоры не находят там применения в качестве таковых, поскольку во всех случаях национальные судьи применяют самые последние внутренние нормативные акты.

Комментарий

1) Органы по наблюдению за осуществлением договоров, и прежде всего – но не исключительно – договоров по правам человека, все чаще обращаются с призывами к государствам производить обзоры своих оговорок и, по мере возможности, снимать их. Эти призывы зачастую подтверждаются политическими органами международных организаций общего характера, такими, как Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций или Комитет министров Совета Европы⁸⁴⁶. Эти обесп-

⁸⁴⁵ См. решение от 25 мая 1926 года по делу *Certain German interests in Polish Upper Silesia, Merits, Judgment No. 7, 1926, P.C.I.J., Series A, No. 7*, p. 19.

⁸⁴⁶ См., в частности, следующие резолюции Генеральной Ассамблеи: резолюцию 65/200 от 21 декабря 2010 года, касающуюся Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (пункт 27); резолюцию 65/197 от 21 декабря 2010 года о правах ребенка (пункт 3); резолюцию 64/152 от 18 декабря 2009 года о Международных пактах по правам человека (пункт 8); и резолюцию 64/138 от 18 декабря 2009 года, касающуюся Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (пункт 6). См. также Декларацию Комитета министров Совета Европы, принятую 10 декабря 1998 года по случаю пятидесятой годовщины Всеобщей декларации прав человека, и рекомендацию 1671 (2004) Парламентской ассамблеи Совета Европы от 7 сентября 2004 года о ратификации протоколов и отмене оговорок и отступлений от положений Европейской

коенности отражаются также в руководящем положении 2.5.3.

2) Комиссия сознает, что такое положение не может быть включено в проект конвенции, поскольку оно может иметь лишь незначительную нормативную ценность. Однако Руководство по практике не является договором: оно скорее представляет собой «кодекс рекомендуемой практики»⁸⁴⁷. В этой связи не представляется излишним привлечь внимание пользователей к тем проблемам, которые вытекают из «забытых», устаревших или избыточных оговорок⁸⁴⁸, и к существующей заинтересованности в периодическом проведении их обзора с целью последующего полного или частичного снятия.

3) Разумеется, речь идет только о рекомендации, что подчеркивается использованием в обоих пунктах руководящего положения 2.5.3 сослагательного наклонения, а также употреблением в первом пункте глагола «рассматривать», а во втором – выражения «в соответствующих случаях», и участники договора, сопроводившие оговорками выражение своего согласия на признание его обязательной силы, располагают полной свободой действий в плане целесообразности снятия или неснятия сделанных оговорок. В силу именно этой причины Комиссия не сочла необходимым точно оговаривать периодичность обзоров, которые следовало бы проводить.

4) Аналогичным образом, во втором пункте элементы, которым следует уделять внимание, приводятся лишь в качестве примеров, о чем свидетельствует выражение «в частности». Ссылка на целостность многосторонних договоров напоминает о неудобствах, связанных с оговорками, которые могут подрывать единство договорного режима. Ссылка на особый учет тех изменений во внутреннем праве, которые в нем произошли после представления оговорок, объясняется тем фактом, что зачастую представление оговорки обусловлено несовместимостью положений договора с нормами, действующими в государстве-участнике. Однако эти нормы не являются незыблемыми (к тому же участие в договоре должно было бы даже способствовать их изменению), так что вполне может случиться – и случается довольно часто⁸⁴⁹, – что оговорка становится устаревшей вследствие приведения норм внутригосударственного права в соответствие с требованиями договоров.

конвенции по правам человека, принятую в тот же день резолюцию 1391 (2004) о ратификации протоколов и отмене оговорок и отступлений от положений Европейской конвенции по правам человека, а в более общем плане (чтобы не ограничиваться договорами по правам человека) – пункт 7 рекомендации 1223 (1993) Парламентской ассамблеи Совета Европы от 1 октября 1993 года.

⁸⁴⁷ Это выражение было использовано Швецией в ее замечаниях по проекту Комиссии по праву международных договоров 1962 года; см. четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 47 англ. текста.

⁸⁴⁸ См. в этой связи пункты 9)–11) комментария к руководящему положению 2.5.2.

⁸⁴⁹ Там же, пункт 11).

5) Комиссия задалась вопросом о надлежащем смысле выражения «внутреннее право» применительно к международным организациям. Она отметила, что статья 46 Венской конвенции 1986 года посвящена «Положениям внутреннего права государства и правилам международной организации, касающимся компетенции заключать договоры»⁸⁵⁰. Тем не менее Комиссия не посчитала необходимым включить это выражение в целом в руководящее положение 2.5.3, с тем чтобы избежать чрезмерного утяжеления текста. Кроме того, выражение «внутреннее право международной организации» часто используется для определения «собственных норм»⁸⁵¹ международных организаций⁸⁵².

2.5.4 Представительство для цели снятия оговорок на международном уровне

1. С учетом практики, которая обычно применяется в международных организациях, являющихся депозитариями договоров, лицо считается представляющим государство или международную организацию для цели снятия оговорки, сформулированной от имени государства или международной организации:

a) если это лицо предъявит соответствующие полномочия для цели этого снятия; или

b) если из практики или из иных обстоятельств явствует, что намерение заинтересованных государств и международных организаций заключалось в том, чтобы это лицо рассматривалось как представляющее государство или международную организацию для этой цели без необходимости предъявления полномочий.

2. Следующие лица в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими государство в целях снятия оговорки на международном уровне от имени этого государства:

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел;

b) представители, аккредитованные государствами при международной организации или одном из ее органов, для цели снятия оговорки к договору, принятому в этой организации или в этом органе;

c) главы постоянных представительств при международной организации для цели снятия

⁸⁵⁰ См. комментарий к проекту соответствующей статьи, принятой Комиссией, в *Ежегоднике... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 64, пункт 2.

⁸⁵¹ См. Jenks, *The Proper Law of International Organizations* (сноска 292 выше), p. 282.

⁸⁵² См. L. Focsaneanu, «Le droit interne de l'Organisation des Nations Unies», AFDI, vol. 3 (1957), pp. 315–349; Cahier, «Le droit interne des organisations internationales» (сноска 292 выше), pp. 563–602; Ballardore-Pallieri, «Le droit interne des organisations internationales» (сноска 292 выше), pp. 1–38; и Daillier, Forteau and Pellet, *Droit international public...* (сноска 254 выше), pp. 640–642.

оговорки к договору, заключенному между аккредитующими государствами и этой организацией.

Комментарий

1) Если в двух Венских конвенциях 1969 и 1986 годов мало говорится о процедуре формулирования оговорок⁸⁵³, то вопрос о том, какой процедуры следует придерживаться при снятии оговорок, в них вообще не затрагивается. Цель руководящего положения 2.5.4 – заполнить этот пробел⁸⁵⁴.

2) Вместе с тем этот вопрос не полностью ускользнул от внимания некоторых Специальных докладчиков Комиссии по вопросу о праве международных договоров. Так, в 1956 году сэр Джеральд Фитцморис предложил предусмотреть, что снятие должно быть предметом «официального уведомления»⁸⁵⁵, но при этом он не уточнил ни автора, ни адресата, ни варианты такого уведомления. Позднее, в своем первом докладе в 1962 году, сэр Хэмфри Уолдок более ясно высказал свое мнение в проекте статьи 17, пункт 6, которую он настоятельно рекомендовал принять:

Снятие оговорки осуществляется путем письменного уведомления на имя депозитария документов, относящихся к договору, а в случае отсутствия депозитария – на имя каждого из государств, которые являются участниками договора или имеют право стать участниками договора⁸⁵⁶.

3) Хотя это предложение и не обсуждалось на пленарном заседании, Редакционный комитет просто снял его⁸⁵⁷, а Комиссия его не восстановила. Вместе с тем по случаю краткого обсуждения проекта Редакционного комитета сэр Хэмфри Уолдок указал на то, что, «по-видимому, уведомление о снятии оговорки будет обычно делаться через посредство депозитария»⁸⁵⁸. Эта позиция была одобрена Израилем – единственным государством, которое высказало замечания по принятому в первом чтении проекту по этой теме⁸⁵⁹, и Специальный докладчик предложил соответствующую поправку к данному проекту, согласно которой снятие «имеет место в момент, когда другие заинтересованные государства получают об этом уведомление от депозитария*»⁸⁶⁰.

⁸⁵³ См. пункт 7) ниже.

⁸⁵⁴ См. Pellet and Schabas, «1969 Vienna Convention. Article 23: Procedure regarding reservations» в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 597–598.

⁸⁵⁵ См. пункт 2) комментария к руководящему положению 2.5.1.

⁸⁵⁶ *Ежегодник... 1962 год*, том II, стр. 61 англ. текста; см. также пункт 3) комментария к руководящему положению 2.5.1. Специальный докладчик по праву международных договоров не снабдил эту часть своего проекта каким-либо комментарием (*Ежегодник... 1962 год*, том II, стр. 66 англ. текста).

⁸⁵⁷ Там же, том I, 664-е заседание, 19 июня 1962 года, стр. 234 англ. текста, пункт 67.

⁸⁵⁸ Там же, пункт 71.

⁸⁵⁹ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 55 англ. текста.

⁸⁶⁰ Там же, стр. 56 англ. текста. См. комментарий к руководящему положению 2.5.1 (сноска 784 выше).

4) Во время обсуждения в Комиссии сэр Хэмфри Уолдок пояснил, что упоминание депозитария при первом чтении вызвано просто «оплошностью»⁸⁶¹, и его предложение об исправлении этой оплошности в принципе не было оспорено. Вместе с тем, г-н Розенн считал, что оно было «менее ясным, чем кажется»⁸⁶², и предложил принять общий текст относительно всех уведомлений, производимых депозитарием⁸⁶³. Хотя Редакционный комитет не сразу воспринял эту идею, в этом, вероятно, и состояла причина, по которой в его проекте не упоминался депозитарий⁸⁶⁴, который не фигурирует ни в окончательном проекте Комиссии⁸⁶⁵, ни в тексте самой Венской конвенции 1986 года⁸⁶⁶.

5) Для исправления упущения Венских конвенций в отношении процедуры снятия оговорок можно подумать о переносе норм, касающихся формулирования оговорок. Но это отнюдь не является само собой разумеющимся.

6) С одной стороны, не видно, чтобы правило о параллелизме форм было принято в международном праве. Комментируя в 1966 году проект статьи 51 о праве международных договоров, касающейся прекращения договора или выхода из него с согласия участников, Комиссия сочла, «что эта теория соответствует конституционной практике некоторых государств, но ни одной из норм международного права. По ее мнению, международное право не сохранило теорию «противоположного акта» («acte contraire»)»⁸⁶⁷. Вместе с тем, как отметил Рейтер, Комиссия «фактически восстает только против формалистической концепции международных соглашений: по ее мнению, то, что установлено одним консенсуальным актом, может быть упразднено другим, даже если он принимает иную, чем первый, форму. Комиссия, по сути дела, признает неформалистическую концепцию теории *противоположного акта*»⁸⁶⁸. Эта нюансированная позиция может и должна, несомненно, найти применение в сфере оговорок: нет строгой необходимости в том, чтобы процедура, используемая при снятии оговорки, была идентичной процедуре, применяемой при ее

⁸⁶¹ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 174 англ. текста, пункт 45.

⁸⁶² Там же, стр. 176 англ. текста, пункт 65.

⁸⁶³ См. там же, 803-е заседание, 16 июня 1965 года, стр. 197–199 англ. текста, пункты 30–56; текст предложения содержится в *Ежегоднике... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/L.108, стр. 73 англ. текста.

⁸⁶⁴ См. там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 272 англ. текста, пункт 22; см. также замечания г-на Розенна и сэра Хэмфри Уолдока там же, пункты 26–28.

⁸⁶⁵ Пункт 2 статьи 20; см. текст этого положения в пункте 5) комментария к руководящему положению 2.5.1.

⁸⁶⁶ См. статьи 22–23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

⁸⁶⁷ См. пункт 3) комментария к проекту статьи 51, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 249 англ. текста; см. также комментарий к статье 35, там же, стр. 232–233 англ. текста.

⁸⁶⁸ Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), p. 141, para. 211. См. также Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties* (сноска 129 выше), p. 183. По вопросу о гибкой позиции в отношении денонсации договора см. решение Международного Суда от 21 июня 2000 года, *Aerial Incident of 10 August 1999* (см. сноску 305 выше), p. 25, para. 28.

формулировании, тем более что снятие в целом является желательным актом. Вместе с тем целесообразно, чтобы снятие было в глазах всех договаривающихся государств или договаривающихся организаций ясным проявлением воли государства или международной организации, которые хотят отказаться от своей оговорки. Поэтому представляется разумным исходить из той идеи, что процедура снятия оговорок должна основываться на процедуре, используемой при их формулировании, даже с риском внесения в нее, при необходимости, некоторых уточнений или пояснений.

7) С другой стороны, необходимо констатировать, что Венские конвенции содержат мало правил, касающихся процедуры формулирования оговорок, если не считать пункт 1 статьи 23, который ограничивается указанием на то, что оговорки должны быть «доведены до сведения договаривающихся государств [и договаривающихся организаций] и других государств [и международных организаций], имеющих право стать участниками договора»⁸⁶⁹.

8) За неимением договорного положения, непосредственно касающегося процедуры снятия оговорок, и с учетом пробелов в тех положениях, которые касаются процедуры формулирования оговорок, Комиссия рассмотрела руководящие положения 2.1.5–2.1.7, касающиеся процедуры сообщения об оговорках, в свете существующей практики и (редких) обсуждений доктрины и изучила возможность и уместность их использования в отношении снятия оговорок.

9) Что касается формулирования оговорок, то руководящее положение 2.1.3 исходит из статьи 7 Венских конвенций, озаглавленной «Полномочия». Как представляется, не существует никаких причин, препятствующих применению этих правил также и к снятию оговорок. Те мотивы, которые оправдывают их, когда речь идет о формулировании оговорок⁸⁷⁰, сохраняют силу и в отношении их снятия: оговорка изменяет соответствующие обязательства ее автора и других договаривающихся государств или договаривающихся организаций; именно поэтому она должна исходить от тех же лиц или органов, которые наделены полномочиями представлять на международном уровне государство или международную организацию; это а fortiori справедливо в отношении снятия, которое «удостоверяет» обязательство государства, сделавшего оговорку.

10) Такова, кстати, была твердая позиция Секретариата Организации Объединенных Наций, выраженная в письме от 11 июля 1974 года на имя юрисконсульта Постоянного представительства одного из государств-членов, который поинтересовался «формой, в которой должны представляться уведомления о снятии» некоторых оговорок к

⁸⁶⁹ Это положение воспроизводится в пункте 1 руководящего положения 2.1.5, а в пункте 2 уточняется процедура, которой следует придерживаться, когда оговорка касается учредительного акта международной организации.

⁸⁷⁰ См. пункты 8)–12) комментария к руководящему положению 2.1.3.

Конвенции о политических правах женщин от 31 марта 1953 года и Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков от 10 декабря 1962 года⁸⁷¹. Отметив, что в Венской конвенции 1969 года не содержится никаких указаний на этот счет, и напомнив определение полномочий, данное в пункте 1 с) статьи 2⁸⁷², автор письма добавляет:

Ясно, что снятие оговорки представляет собой важную договорную акцию, в отношении которой предъявление полномочий, безусловно, должно приниматься во внимание. Представляется логичным применять к уведомлениям о снятии оговорок те же стандарты, что и для выдвижения оговорок, поскольку снятие влечет за собой столько же изменений в применении соответствующего договора, сколько и первоначальные оговорки.

И в заключение он отмечает:

Поэтому, по нашему мнению, уведомления о снятии оговорок в принципе должны представляться Генеральному секретарю либо главой государства или правительства, либо министром иностранных дел, либо должностным лицом, уполномоченным одним из этих органов. Хотя столь высокий уровень процедуры может показаться несколько обременительным, основная гарантия, которую она обеспечивает всем заинтересованным сторонам в отношении действительности уведомления, более чем компенсирует связанные с этим неудобства⁸⁷³.

11) Хотя этот вывод является вполне определенным, слова «в принципе», которые фигурируют курсивом в тексте юридического заключения Секретариата, свидетельствуют об определенной путанице. Это объясняется тем, что, как признает автор письма:

В нескольких случаях в практике Генерального секретаря как депозитария имела место тенденция, преследующая более широкое применение договоров, направленная на депонирование документов о снятии оговорок в виде вербальных нот или писем постоянных представителей при Организации Объединенных Наций. Считалось, что постоянный представитель, должным образом аккредитованный при Организации Объединенных Наций и действующий по поручению своего правительства, на основании своих функций и без необходимости предъявлять полные полномочия, уполномочен сделать это⁸⁷⁴.

⁸⁷¹ Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1974 год* (в продаже под № R.76.V.1), стр. 273–274.

⁸⁷² «[...] термин "полномочия" определяется как "документ, который исходит от компетентного органа государства и посредством которого одно или несколько лиц назначаются представлять это государство в целях ведения переговоров, принятия текста договора или установления его аутентичности... или в целях совершения любого другого акта, относящегося к договору"» (там же, стр. 274).

⁸⁷³ Там же. В памятной записке Секретариата от 1 июля 1976 года этот вывод был подтвержден: «Оговорка должна быть сделана в письменной форме (пункт 1 статьи 23 [Венской] конвенции) и, как и ее снятие*, должна осуществляться одним из трех представителей (главой государства, главой правительства или министром иностранных дел), имеющим полномочия представлять государство в международных отношениях (статья 7 Конвенции)» (Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1976 год*, стр. 288).

⁸⁷⁴ Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1974 год*, стр. 274. Это также подтверждается памятной запиской от 1 июля 1976 года: «Что касается этого вопроса, то Генеральный секретарь иногда соглашался со снятием оговорок путем простого уведомления представителя соответствующего государства при Организации Объединенных Наций», Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1976 год*, стр. 288, сноска 121.

12) В связи с этим возникает вопрос, который Комиссия уже рассматривала в отношении формулирования оговорок⁸⁷⁵: не будет ли правильным признать, что представитель государства при международной организации, являющейся депозитарием договора (или посол государства, аккредитованный в государстве-депозитарии), должен обладать полномочиями на осуществление уведомлений в отношении оговорок? К тому же этот вопрос встает еще более остро, когда речь идет о снятии оговорок, когда возникает желание содействовать этому процессу, поскольку его следствием является обеспечение более полной применимости договора и, следовательно, обеспечение сохранения или восстановления его целостности.

13) После тщательного изучения Комиссия, тем не менее, не пошла по пути такого прогрессивного развития, поскольку она стремилась по возможности не отходить от положений статьи 7 Венских конвенций. С одной стороны, по сути дела было бы странно отказываться – без солидных на то оснований – от принципа *противоположного акта*⁸⁷⁶, при том понимании, что целесообразно основываться на его «неформалистической концепции»⁸⁷⁷. В данном случае подразумевается, что любой орган власти, обладающий полномочиями формулировать оговорку от имени государства, может и снять ее, но при этом снятие не обязательно должно производиться тем же самым органом, который ее сформулировал. С другой стороны, если справедливо то, что можно желать содействовать снятию оговорок, не менее верно и то, что это еще больше, чем их формулирование, соответствует выражению согласия на обязательность договора, что является дополнительным аргументом для того, чтобы в этой области не отходить от норм, изложенных в статье 7 Венских конвенций.

14) Кстати, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, как представляется, ужесточил свою позицию и более не принимает уведомлений о снятии оговорок от постоянных представителей, аккредитованных при Организации⁸⁷⁸. Кроме того, в «Кратком справочнике по практике Генерального секретаря в качестве депозитария многосторонних договоров» Договорная секция Управления по правовым вопросам указывает, что: «Снятие должно осуществляться в письменной форме и за подписью одного из уполномоченных на то лиц, поскольку, по сути дела, это обычно меняет сферу применения договора»⁸⁷⁹. Ни о каких возможных исключениях не упоминается.

⁸⁷⁵ См. пункты 13)–17) комментария к руководящему положению 2.1.3.

⁸⁷⁶ См. пункт 6) выше.

⁸⁷⁷ См. формулу Рейтера, там же.

⁸⁷⁸ Вместе с тем Флосс упоминает случай, когда оговорка Франции (к статье 7 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин) от 1 марта 1980 года была снята 22 марта 1984 года Постоянным представительством Франции при Организации Объединенных Наций (Flauss, «Note sur le retrait par la France des réserves...») (сноска 818 выше), p. 860).

⁸⁷⁹ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), p. 64, para. 216.

15) Впрочем, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций не является единственным депозитарием многосторонних договоров, и поэтому целесообразно, по-видимому, рассмотреть соответствующую практику, которой придерживаются другие депозитарии. К сожалению, ответы государств на вопросник, касающийся оговорок, не содержат никаких полезных сведений на этот счет. С другой стороны, из изданий Совета Европы видно, что он признает то, что оговорки должны формулироваться⁸⁸⁰ и сниматься⁸⁸¹ посредством писем от постоянных представителей при этой организации.

16) Было бы достойно сожаления, если бы такая практика, которая является вполне приемлемой и, как представляется, не создает особых трудностей, была поставлена под сомнение в результате включения слишком жестких норм в Руководство по практике. Подобной ловушки удалось избежать в тексте руководящего положения 2.5.4, которое переносит на снятие оговорок формулировку руководящего положения 2.1.3 и преследует цель сохранения «обычной практики в международных организациях, являющихся депозитариями договоров».

17) Однако, помимо замены слова «формулирование» на слово «снятие», такой перенос не является полностью дословным:

– поскольку процедура снятия по определению отличается как от процедуры принятия или установления аутентичности текста договора, так и от выражения согласия на его обязательность и может иметь место много лет спустя, необходимо, чтобы осуществляющее ее лицо предъявляло отдельные полномочия (пункт 1 а));

– по этой же причине пункт 2 б) руководящего положения 2.1.3 невозможно распространить на область снятия оговорок: ко времени, когда государство или международная организация осуществляют снятие, международная конференция, которая приняла текст, естественно, давно закончилась.

2.5.5 Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся снятия оговорок

1. Компетентный орган и процедура, которой надлежит следовать на внутреннем уровне для снятия оговорок, определяются внутренним правом каждого государства или соответствующими правилами каждой международной организации.

2. Государство или международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что оговорка была снята в нарушение положений

⁸⁸⁰ См. пункт 14) комментария к руководящему положению 2.1.3.

⁸⁸¹ См. Совет Европы, Европейский комитет по правовому сотрудничеству (CDCJ), *CDCJ Conventions and reservations to those Conventions* (сноска 659 выше).

внутреннего права этого государства или правил этой организации, касающихся полномочий и процедуры снятия оговорок, как на основе недействительности снятия.

Комментарий

1) В отношении снятия оговорок руководящее положение 2.5.5 эквивалентно руководящему положению 2.1.4, касающемуся «Отсутствия на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок».

2) Компетентный орган для формулирования снятия оговорки на международном уровне необязательно является тем же самым, что и орган, который обладает полномочиями для принятия решения по этому вопросу на внутреннем уровне. И здесь *mutatis mutandis*⁸⁸² возникает та же самая проблема, что и в отношении формулирования оговорок⁸⁸³.

3) Ответы государств и международных организаций на вопросник, касающийся оговорки, не содержат никакой полезной информации в том, что касается полномочий на принятие решений о снятии той или иной оговорки на внутреннем уровне. Вместе с тем в правовой доктрине можно найти некоторые указания на этот счет⁸⁸⁴. Весьма вероятно, что при более тщательном исследовании обнаружилось бы такое же разнообразие в плане внутренней компетенции в отношении снятия оговорок, какое можно констатировать в отношении их формулирования⁸⁸⁵. Поэтому ничто, как представляется, не мешает тому, чтобы распространить руководящее положение 2.1.4 на снятие оговорок.

4) Представляется особенно необходимым указать в Руководстве по практике, может ли и в какой степени государство может использовать несоблюдение норм своего внутреннего права в подтверждение недействительности отзыва оговорки – случай, который вполне может произойти на практике, хотя убедительных примеров на этот счет, по всей видимости, не существует.

5) Как Комиссия уже отмечала в связи с формулированием оговорок⁸⁸⁶, можно, бесспорно, поставить вопрос о применимости к оговоркам нормы, касающейся «небезупречных ратификаций» из статьи 46 Венских конвенций, и тем более об их применимости к снятию оговорок, с учетом того, что таким образом завершается процесс ратификации или

присоединения. Однако идет ли речь о формулировании оговорок или тем более об их снятии, соответствующие нормы редко поясняются в официальных документах конституционного или даже законодательного характера⁸⁸⁷.

6) Комиссия задавалась вопросом, не было бы более элегантным подходом ограничиться ссылкой к руководящему положению 2.1.4, который дословно воспроизводится в руководящем положении 2.5.5, за исключением замены слов «формулирование» и «формулировать» словами «снятие» и «снимать». В отличие от позиции в отношении руководящего положения 2.5.6, Комиссия предпочла в данном случае воспроизвести руководящее положение 2.1.4: руководящее положение 2.5.5 неотделимо от руководящего положения 2.5.4, для которого простая ссылка невозможна⁸⁸⁸. Представляется более предпочтительным поступить одинаково в обоих случаях.

2.5.6 Сообщение о снятии оговорки

Процедура сообщения о снятии оговорки осуществляется в соответствии с правилами, применимыми к сообщению оговорок, которые изложены в руководящих положениях 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

Комментарий

1) Как Комиссия уже отмечала⁸⁸⁹, в Венских конвенциях ничего не говорится о процедуре сообщения о снятии оговорок. Конечно, пункт 3 а) статьи 22 Венских конвенций недвусмысленно подразумевает, что договаривающиеся государства и международные организации должны уведомляться о снятии оговорки, но в то же время не уточняется, кто должен быть автором уведомления и какой в этом случае надлежит следовать процедуре. Руководящее положение 2.5.6 призвано заполнить этот пробел.

2) С этой целью Комиссия использовала тот же метод, что и в отношении формулирования снятия оговорки *stricto sensu*⁸⁹⁰, и задалась вопросом относительно возможности и целесообразности переноса руководящих положений 2.1.5–2.1.7, принятых ею относительно уведомления о самих оговорках.

3) Напрашивается первое замечание: хотя Венские конвенции не уточняют процедуру снятия оговорок, подготовительная работа по Венской конвенции 1969 года свидетельствуют о том, что составители

⁸⁸² Оговорка «высвобождает» из-под действия договора; ее снятие равносильно его совершенному признанию.

⁸⁸³ См. комментарий к руководящему положению 2.1.4.

⁸⁸⁴ См., например, G. Gaja, «Modalità singolari per la revoca di una riserva», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 72 (1989), pp. 905–907, или Migliorino, «La revoca di reserve...» (сноска 809 выше), pp. 332–333, в отношении снятия оговорки Италии к Конвенции о статусе беженцев 1951 года или в отношении Франции, см. Flauss, «Note sur le retrait par la France des réserves...» (сноска 818 выше), p. 863.

⁸⁸⁵ См. пункты 3)–6) комментария к руководящему положению 2.1.4.

⁸⁸⁶ Там же, пункт 10).

⁸⁸⁷ Об этом весьма красноречиво свидетельствуют колебания тех редких теоретиков, которые занимались этим вопросом (см. сноску 884 выше). Если даже у национальных специалистов по этим вопросам нет между собой согласия и если они критикуют практику, которой следует их собственное правительство, то от других государств или международных организаций нельзя требовать того, чтобы они вникали в хитросплетения и тонкости внутреннего права.

⁸⁸⁸ См. пункт 17) комментария к руководящему положению 2.5.4.

⁸⁸⁹ Там же, пункт 1).

⁸⁹⁰ Там же, пункт 8).

проекта текста по праву международных договоров ничуть не сомневались в том,

– что уведомление о снятии должно осуществляться депозитарием, когда таковой существует; и

– что его адресатами должны быть «государства, являющиеся участниками или могущие таковыми стать» или «заинтересованные государства»⁸⁹¹.

4) Исключительно потому, что по настоянию Розенна, по крайней мере отчасти, было решено свести воедино все нормы, относящиеся к депозитариям и уведомлениям, о которых говорится в статьях 76–78 Венской конвенции 1969 года⁸⁹², эти предложения были сняты⁸⁹³. Между тем они полностью согласуются с руководящими положениями 2.1.5 и 2.1.6.

5) Такой подход одобрен теоретиками, которые занимались этим вопросом⁸⁹⁴, хотя таковых немного, и соответствует современной практике. Так,

– и Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций⁸⁹⁵, и Генеральный секретарь Совета Европы⁸⁹⁶ в области снятия следуют процедуре, аналогичной процедуре сообщения об оговорках: им направляются уведомления о снятии оговорок, сформулированных государствами или международными организациями к договорам, депозитариями которых они являются, и они сообщают о них всем договаривающимся государствам или договаривающимся организациям, а также государствам

⁸⁹¹ См. там же, пункты 2) и 3).

⁸⁹² И статьях 77–79 Венской конвенции 1986 года.

⁸⁹³ См. пункт 4) комментария к руководящему положению 2.5.4.

⁸⁹⁴ См. Migliorino, «La revoca di riserve...» (сноска 809 выше), at p. 323, или Maresca, *Il diritto dei trattati...* (сноска 351 выше), p. 302, или Pellet and Schabas, «1969 Vienna Convention. Article 23: Procedure regarding reservations» в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 623–625, paras. 110–116.

⁸⁹⁵ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше) *passim* (см. как один из многочисленных примеров: снятие оговорок к Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года, Китай (chap. III.3), Египет (*ibid.*) или Монголия (*ibid.*); снятие оговорок к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Австралия, Беларусь, Бельгия, Ирландия, Исландия, Италия, Лихтенштейн, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Республика Корея, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция и Швейцария (*ibid.*, chap. IV.4) или к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года, Колумбия, Филиппины и Ямайка (*ibid.*, chap. VI.19)).

⁸⁹⁶ См. Совет Европы, Европейский комитет по правовому сотрудничеству (CDCJ), *CDCJ Conventions and Reservations to those Conventions* (сноска 659 выше) (снятие оговорок Германии и Италии к Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства 1963 года, стр. 11 и 12 англ. текста); см. также брошюру Управления по вопросам правовой помощи и международного публичного права, 2009 год, стр. 2 англ. текста. См., например, уведомление о снятии Польшей оговорки к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, уведомление, направленное всем государствам-членам и Беларуси (Совет Европы, документ JJ6871C Tr./173-102 от 19 июня 2009 года).

и международным организациям, которые имеют право стать договаривающимися сторонами;

– кроме того, когда в договорных положениях прямо изложена процедура снятия оговорок, они, как правило, следуют модели их формулирования и соответствуют нормам, изложенным в руководящих положениях 2.1.5 и 2.1.6, поскольку в них уточняется, что о снятии должен быть уведомлен депозитарий⁸⁹⁷ или даже что депозитарий должен уведомить о снятии договаривающиеся государства или организации⁸⁹⁸ или, еще шире, «все государства, которые могут стать сторонами» или «все государства» без дальнейших уточнений⁸⁹⁹.

6) Что касается депозитария, то нет причин для того, чтобы возлагать на него роль, отличную от крайне ограниченной роли, которую признают за ним руководящие положения 2.1.6 и 2.1.7 в отношении формулирования оговорок, которые были разработаны путем соединения положений пунктов 1 статьи 77 и 1 *d*) и 2 статьи 78 Венской конвенции 1986 года⁹⁰⁰ и соответствуют принципам, которые лежат в основе соответствующих норм Венских конвенций⁹⁰¹:

– согласно пункту 1 *e*) статьи 78 функции депозитария состоят «в информировании участников и государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора, о документах, уведомлениях и сообщениях, относящихся к договору»; уведомления об оговорках и об их снятии охватываются этим положением, которое воспроизведено в пункте 1 *b*) руководящего положения 2.1.6;

– пункт 1 руководящего положения 2.1.7 основан на содержащемся в пункте 1 *d*) статьи 78 положении, согласно которому функции депозитария

⁸⁹⁷ См., например, пункт 2 статьи 48 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) от 19 мая 1956 года; пункт 2 статьи 40 Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров с поправками, внесенными Протоколом от 11 апреля 1980 года; пункт 2 статьи 15 Конвенции, подготовленной на основе Статьи К.3 (2) (с) Договора о борьбе с коррупцией среди должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств – членов Европейского союза; или пункт 1 статьи 43 Конвенции о киберпреступности от 23 ноября 2001 года.

⁸⁹⁸ См., например, статью 15, пункт 2, и статью 17 *b*) Европейского соглашения относительно разметки дорог от 13 декабря 1957 года, или статьи 18 и 34, пункт 1 *c*), Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 года.

⁸⁹⁹ См., например, статью 25, пункт 1, и статью 33 Конвенции о психотропных веществах от 21 февраля 1971 года; статьи 26, пункт 3, и 27 Таможенной конвенции о контейнерах от 2 декабря 1972 года; статьи 21 и 25 Международной конвенции о согласовании условий проведения контроля грузов на границах от 21 октября 1982 года; статью 63 Конвенции о юрисдикции, применении права, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 года (уведомление «государств – членов Гаагской конференции по международному частному праву»), или статью 22 Конвенции Совета Европы о недопущении безгражданства в связи с правопреемством государств от 19 мая 2006 года.

⁹⁰⁰ Соответствующих статьям 77–78 Венской конвенции 1969 года.

⁹⁰¹ См. комментарий к руководящим положениям 2.1.6 и 2.1.7.

состоят в изучении вопроса о том, «находятся ли уведомления или сообщения, относящиеся к договору, в полном порядке и надлежащей форме, и, в случае необходимости, в доведении этого вопроса до сведения соответствующего государства или международной организации; и в данном случае сказанное применимо как к формулированию оговорок, так и к их снятию (что может создать проблему, например, в отношении автора сообщения)⁹⁰²;

– пункт 2 этого же руководящего положения отражает концепцию «депозитария-почтового ящика», закрепленную Венскими конвенциями для случаев, когда возникают расхождения. В нем воспроизводится сам текст пункта 2 статьи 78 Венской конвенции 1986 года, причем и здесь, как представляется, нет нужды проводить разграничение между формулированием и снятием.

7) Поскольку нормы, закрепленные в руководящих положениях 2.1.5–2.1.7, со всех точек зрения можно распространить на снятие оговорок, то как следует поступить – сделать на них ссылку или же полностью воспроизвести их текст? В отношении формулирования оговорок Комиссия предпочла воспроизвести и адаптировать проекты руководящие положения 2.1.3 и 2.1.4 в руководящих положениях 2.5.4 и 2.5.5. Однако эта позиция была продиктована главным образом тем соображением, что простой перенос норм, регулирующих полномочия формулировать оговорку, на полномочия их снимать невозможен⁹⁰³. Это не относится к сообщению о снятии оговорок или роли депозитария в этой области: текст руководящих положений 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7 легко можно приспособить путем простой замены слова «формулирование» словом «снятие». Таким образом, метод отсылки создает меньше неудобств.

2.5.7 Последствия снятия оговорки

1. Снятие оговорки влечет за собой применение в полном объеме положений, к которым была сделана оговорка, в отношениях между государством или международной организацией, снявшими оговорку, и всеми другими участниками, будь то принявшими оговорку или возразившими против нее.

2. Снятие оговорки влечет за собой вступление в силу договора в отношениях между государством или международной организацией, снявшими оговорку, и государством или международной организацией, возразившими против оговорки и не согласившимися по причине этой оговорки с вступлением в силу договора в отношениях между ними и государством или международной организацией, являвшимися автором оговорки.

⁹⁰² См. пункты 10) и 11) комментария к руководящему положению 2.5.4.

⁹⁰³ См. пункт 17) комментария к руководящему положению 2.5.4 и пункт 6) комментария к руководящему положению 2.5.5.

Комментарий

1) Если следовать абстрактной логике, то нет особой необходимости включать в главу Руководства по практике, посвященную процедуре оговорок, проекты руководящих положений, касающихся последствий снятия оговорки, тем более что последствия снятия трудно отделить от последствий самой оговорки, поскольку одни прекращают действие других. Поколебавшись, Специальный докладчик все же решил это сделать по двум причинам:

– во-первых, в статье 22 Венских конвенций увязаны нормы, регулирующие форму и процедуру⁹⁰⁴ снятия и вопрос о его последствиях; и

– во-вторых, последствия снятия можно изложить автономно, так чтобы при этом не возникало необходимости заниматься вопросом о бесконечно более сложных последствиях самой оговорки.

2) Пункт 3 а) статьи 22 Венских конвенций затрагивает последствия снятия оговорки лишь в особом аспекте – даты, с которой снятие «вступает в силу». Впрочем, в ходе подготовительных работ по Венской конвенции 1969 года Комиссия периодически обсуждала более существенный вопрос, а именно как оно вступает в силу.

3) Сэр Джеральд Фитцморис в своем первом докладе по праву международных договоров предложил предусмотреть, что, когда оговорка снята, «государство, сформулировавшее эту оговорку, автоматически принимает на себя обязательство полностью придерживаться того положения договора, к которому относится оговорка, и, соответственно, оно вправе требовать, чтобы другие участники придерживались этого положения»⁹⁰⁵. По смыслу пункта 2 проекта статьи 22, принятого Комиссией в первом чтении в 1962 году, «[в] случае снятия какой-либо оговорки положения статьи 21 [касающейся применения оговорок] прекращают действовать»⁹⁰⁶; в окончательном проекте Комиссии эта фраза исчезла⁹⁰⁷. На пленарном заседании сэра Хэмфри Уолдока предложил Редакционному комитету рассмотреть еще один вопрос, а именно «то обстоятельство, что последствием снятия оговорки может быть то, что договор вступит в силу в отношениях между двумя государствами, между которыми он ранее в силе не был»⁹⁰⁸, и в ходе Конференции

⁹⁰⁴ Правда, лишь постольку, поскольку в пункте 3 а) упоминается «уведомление» о снятии.

⁹⁰⁵ *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 116 англ. текста, статья 40, пункт 3; см. пункт 2) комментария к руководящему положению 2.5.1 и сноску 777 выше.

⁹⁰⁶ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста; см. также пункт 3) комментария к руководящему положению 2.5.1 и сноску 783 выше.

⁹⁰⁷ Во втором чтении она была опущена после рассмотрения Редакционным комитетом предложенного сэром Хэмфри Уолдоком нового проекта, в котором она была частично сохранена (см. пункт 4) комментария к руководящему положению 2.5.8), при этом никаких объяснений дано не было (см. *Ежегодник... 1965 год*, том I, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 272 англ. текста, пункт 22).

⁹⁰⁸ Там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 178 англ. текста, пункт 86; на ту же тему см. заявление г-на Розенна, там же, пункт 87.

Организации Объединенных Наций по праву договоров был внесен ряд поправок, цель которых заключалась в том, чтобы восстановить в тексте Венской конвенции 1969 года соответствующее положение на этот счет⁹⁰⁹.

4) Редакционный комитет Конференции отклонил предложенные поправки, заявив, что они избыточны и что последствия снятия оговорки самоочевидны⁹¹⁰. Это справедливо лишь отчасти.

5) Не вызывает сомнений то, что «последствием снятия оговорки, совершенно очевидно, является восстановление первоначального текста договора»⁹¹¹. Однако следует различать три ситуации.

6) В отношениях между государством (или международной организацией), которые сделали оговорку, и государством (или международной организацией), которые приняли оговорку (пункт 4 статьи 20 Венских конвенций), оговорка прекращает порождать последствия (пункт 1 статьи 21):

Intervenendo in una situazione di questo tipo, la revoca della riserva avrà l'effetto di ristabilire il contenuto originario del trattato nei rapporti tra lo Stato riservante e lo Stato che ha accettato la riserva. La revoca della riserva crea quella situazione giuridica che sarebbe esistita se la riserva non fosse stata appostata. (В ситуации этого рода снятие оговорки приведет к восстановлению первоначального содержания договора в отношениях между государством, которое сделало оговорку, и государством, которое ее приняло. Снятие оговорки создает ситуацию, которая существовала бы, если бы оговорка не была сделана)⁹¹².

Мильорино приводит пример снятия Венгрией в 1989 году оговорки к пункту 2 статьи 48 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, предусматривающей юрисдикцию Международного Суда⁹¹³; эта оговорка возражений не вызвала; в результате этого снятия юрисдикция Суда в отношении толкования и применения Конвенции восстанавливалась начиная с даты вступления в силу снятия оговорки⁹¹⁴.

7) То же самое касается отношений между государством (или международной организацией), которые снимают оговорку, и государством (или международной организацией), которые заявляют возражение,

⁹⁰⁹ Поправка Австрии и Финляндии (A/CONF.39/C.1/L.4 и Add.1); см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (см. сноску 54 выше), доклады Комитета полного состава, п. 141, para. 207, документы с поправкой, внесенной Союзом Советских Социалистических Республик (A/CONF.39/C.1/L.167), *ibid.*, p. 141.

⁹¹⁰ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), 70-е заседание Комитета полного состава (14 мая 1968 года), заявление г-на Яссина, Председателя Редакционного комитета, p. 417, para. 37.

⁹¹¹ Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 87. См. также Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 313.

⁹¹² Migliorino, «La revoca di riserve...» (сноска 809 выше), p. 325; в этой связи см. также Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 314.

⁹¹³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. VI.15.

⁹¹⁴ Migliorino, «La revoca di riserve...» (сноска 809 выше), pp. 325–326.

однако не возражают против вступления в силу договора между ним и государством, сделавшим оговорку. В этом случае согласно пункту 3 статьи 21 Венских конвенций положения, которых касается оговорка, не применяются в отношениях между двумя сторонами:

Intervenendo in una situazione di questo tipo la revoca della riserva produce l'effetto di estendere, nei rapporti tra lo Stato riservante e lo Stato obiettante, l'applicazione del trattato anche alle disposizioni coperte dalla riserva. (В ситуации этого рода снятие оговорки ведет к распространению действия договора в отношениях между сделавшим оговорку государством и государством, заявляющим возражение, на положения, охватываемые оговоркой)⁹¹⁵.

8) Наиболее радикальное последствие снятия оговорки имеет место, когда государство (или международная организация), которое(ая) заявляет возражение, возражает против вступления договора в силу в отношениях между ним (ей) и государством или организацией, которые сделали оговорку. В этом случае договор вступает в силу без ограничения применительно к отношениям между двумя государствами⁹¹⁶ в дату, в которую вступает в силу снятие оговорки. «Для государства... которое ранее заявляло возражения с максимальными последствиями, снятие оговорки будет означать восстановление полных договорных отношений со сделавшим оговорку государством»⁹¹⁷.

9) Иными словами, снятие оговорки влечет за собой применение договора в полном объеме (если только, естественно, не существует других оговорок) в отношениях между государством или международной организацией, которое(ая) снимает оговорку, и всеми другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, будь то принявшими оговорку или заявившими против нее возражения, причем, разумеется, в этом втором случае, если возражающее государство или международная организация возражали против вступления в силу договора между ними самими и автором оговорки по причине этой оговорки, договор вступает в силу с даты вступления в силу снятия оговорки.

10) В этом последнем случае установление договорных отношений между государством или международной организацией, сформулировавшим(ей) автором оговорку и возражающим государством или международной организацией имеет место, даже

⁹¹⁵ *Ibid.*, pp. 326–327; автор приводит пример снятия Португалией в 1972 году оговорки к пункту 2 статьи 37 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, которая вызвала ряд возражений со стороны государств, которые вместе с тем не возражали против вступления в силу Конвенции в отношениях между ними и Португалией (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3, footnote 23).

⁹¹⁶ См. статью 24 Венских конвенций, в частности пункт 3.

⁹¹⁷ Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), pp. 313 and 314; в этой связи см. Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 202; Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 87, и Migliorino, «La revoca di riserve...» (сноска 809 выше), pp. 328–329. Этот последний автор приводит пример снятия Венгрией в 1989 году оговорки к статье 66 Венской конвенции 1969 года (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1); этот пример, по сути, не является убедительным, поскольку заявляющие возражение государства официально не отказывались от применения Конвенции в отношениях между ними самими и Венгрией.

если сохраняются другие оговорки, поскольку несогласие государства или международной организации в момент вступления в силу договора было вызвано возражением на снятую оговорку. Другие оговорки порождают последствия, предусмотренные в статье 21 Венских конвенций, начиная с момента вступления договора в силу в отношениях между двумя сторонами.

11) Следует также отметить, что редакция пункта 1 данного руководящего положения следует модели Венских конвенций, в частности статьи 2, пункт 1 *d*), и статьи 23, в которых говорится о действии оговорки на определенные положения (во множественном числе) договора. Само собой разумеется, что оговорка может быть сделана только в отношении одного положения или же, если речь идет о «сквозной» оговорке – «договора в целом в некоторых конкретных отношениях»⁹¹⁸. Пункт 1 руководящего положения 2.5.7 охватывает оба случая.

2.5.8 Дата вступления в силу снятия оговорки

Если договор не предусматривает иного или в отсутствие договоренности об ином, снятие оговорки вступает в силу в отношении договаривающегося государства или договаривающейся организации только после получения этим государством или этой организацией уведомления о снятии.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.5.8 воспроизводит формулировку вводной части и пункта 3 *a*) статьи 22 Венской конвенции 1986 года.

2) Это положение, в котором воспроизводится текст 1969 года, с единственным добавлением – упоминанием международных организаций, особым образом не обсуждалось ни в ходе подготовительных работ по Венской конвенции 1986 года⁹¹⁹, ни на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968–1969 годов, которая ограничилась

⁹¹⁸ См. пункт 2 руководящего положения 1.1.

⁹¹⁹ См. г-н Рейтер, четвертый доклад о праве международных договоров, заключенных между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями (*Ежегодник... 1975 год*, том II, документ A/CN.4/285, стр. 44–45), и пятый доклад (*Ежегодник... 1976 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/290 и Add.1, стр. 175); (не)обсуждение Комиссией на ее двадцать девятой сессии см. *Ежегодник... 1977 год*, том I, 1434-е заседание, 6 июня 1977 года, стр. 127, пункты 30–34, и 1435-е заседание, 7 июня 1977 года, стр. 130, пункты 1–2; а также 1451-е заседание, 1 июля 1977 года, стр. 245, пункты 12–16, и доклад Комиссии Генеральной Ассамблее о работе ее двадцать девятой сессии, *Ежегодник... 1977 год*, том II (часть вторая), стр. 120–121; и второе чтение см. десятый доклад г-на Рейтера, *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/341 и Add.1, стр. 79, пункт 84; (не)обсуждение Комиссией на ее тридцать третьей сессии, см. *Ежегодник... 1981 год*, том I, 1652-е заседание, 15 мая 1981 года, стр. 63, пункты 27–28, и 1692-е заседание, 16 июля 1981 года, стр. 315, пункт 38. Окончательный текст воспроизводится в *Ежегоднике... 1981 год*, том II (часть вторая), стр. 168, и *Ежегоднике... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 45–46.

уточнением⁹²⁰ текста, принятого Комиссией во втором чтении⁹²¹. Правда, его принятие вызвало определенный обмен мнениями в рамках самой Комиссии в 1962 и 1965 годах.

3) Если в своем первом докладе в 1956 году сэр Джеральд Фитцморис планировал уточнить последствия снятия оговорки⁹²², то сэр Хэмфри Уолдок в своем первом докладе в 1962 году этого делать не собирался⁹²³. И лишь в ходе обсуждения, которое имело место в тот год в Комиссии, впервые по просьбе г-на Бартоша в проект статьи 22, касающейся снятия оговорки, было включено положение, согласно которому снятие оговорки «вступает в силу в отношении другого договаривающегося государства только после получения этим государством уведомления о снятии»⁹²⁴.

4) После принятия этого положения в первом чтении на него отреагировали три государства⁹²⁵: Соединенные Штаты Америки, чтобы высказать удовлетворение; Израиль и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, чтобы высказать опасения в отношении трудностей, с которыми могут столкнуться другие государства-участники ввиду внезапности вступления в силу снятия оговорки. Их аргументы заставили Специального докладчика предложить в своем докладе добавление к проекту статьи 22 подпункта *c*) в виде сложной формулировки, сохраняющей немедленное вступление в силу, когда другие государства получают об этом уведомление, и в то же время предусматривающей частичное отсутствие ответственности других сторон в течение трех месяцев для того, чтобы внести любые необходимые изменения⁹²⁶. Таким образом, сэр Хэмфри Уолдок намеревался позволить

⁹²⁰ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), р. 142, para. 211 (текст Редакционного комитета).

⁹²¹ Множественное число («когда другие договаривающиеся государства получают об этом уведомление»: см. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста) было заменено на единственное, что позволяет указать, что дата вступления в силу для каждого договаривающегося субъекта будет своя (см. пояснения г-на Яссина, Председателя Редакционного комитета Конференции, в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), 11-е пленарное заседание, р. 36, para. 11). По поводу окончательного принятия проекта статьи 22 Комиссией см. *Ежегодник... 1965 год*, том I, 816-е заседание, стр. 285 англ. текста, и *Ежегодник... 1966 год*, том I (часть вторая), 892-е заседание, стр. 327 англ. текста.

⁹²² См. пункт 2) комментария к руководящему положению 2.5.1.

⁹²³ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 2.5.1.

⁹²⁴ См. пункт 5) комментария к руководящему положению 2.5.1.

⁹²⁵ См. четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 55–56 англ. текста.

⁹²⁶ «с) в дату вступления в силу снятия в силу статьи 21 прекращает применяться, при этом в течение трех следующих месяцев после этой даты не будет считаться, что какая-либо сторона нарушила положение, которого касается оговорка, на том лишь основании, что она не внесла необходимых изменений в свое внутреннее право или административную практику» (там же).

другим сторонам «принимать в соответствующих случаях необходимые законодательные или административные меры», с тем чтобы привести их внутреннее право в соответствие с положением, возникшим в результате снятия оговорки⁹²⁷.

5) Помимо критики по поводу излишней сложности этого действительно весьма странного варианта, предложенного Специальным докладчиком, мнения членов Комиссии в принципиальном плане разделились. Г-н Руда, которого поддержал г-н Бриггс, заявил, что нет нужды предусматривать период отсрочки в случае снятия оговорок, поскольку такого срока не существует в случае первоначального вступления договора в силу после выражения каким-либо государством согласия на его обязательность⁹²⁸. Однако другие члены Комиссии, в частности г-н Тункин и сам сэр Хэмфри Уолдок, указали, и не безосновательно, что эти две ситуации отличаются друг от друга: при ратификации «государство может располагать любым временем, которое ему необходимо, благодаря простому способу, который заключается в том, чтобы откладывать ратификацию до внесения необходимых изменений в свое внутреннее право»; и наоборот, в случае снятия оговорки «изменение ситуации зависит не от воли затрагиваемого государства, а от воли государства-автора оговорки, которое принимает решение» ее снять⁹²⁹.

6) Между тем Комиссия сочла, что «такое положение необоснованно усложнило бы ситуацию и что на практике затрагиваемые государства могли бы устранять любые возможные трудности в ходе консультаций, которые они непременно проведут между собой»⁹³⁰. Однако Комиссия не без колебаний вновь указала, что моментом вступления в силу снятия оговорки является дата уведомления других договаривающихся государств или организаций, поскольку в своем заключительном комментарии, пояснив, что она пришла к выводу о том, что закреплять в качестве общего правила предоставление государствам возможности иметь в своем распоряжении короткий промежуток времени, для того чтобы «приспособить свое внутреннее право к новой ситуации, возникшей в результате снятия оговорки, ... означало бы идти слишком далеко», Комиссия «выразила мнение, что этот вопрос должен регулироваться каким-либо конкретным положением договора. Она заявила также, что даже в отсутствие такого положения, если какому-либо государству потребуется небольшой срок, для того чтобы привести свое внутреннее право в соответствие с положением, возникшим в результате снятия оговорки, добросовестности будет запрещать государству – автору оговорки жаловаться на

трудности, которые возникают в связи с оговоркой, которую оно само же и сформулировало»⁹³¹.

7) Здесь, однако, возникла другая проблема: Комиссия исподволь поместила в комментарий исключение, которое сэр Хэмфри Уолдок пытался включить в сам текст будущей статьи 22 Венской конвенции 1969 года. Помимо того, что этот метод представляется спорным, ссылка на добросовестность не внесит никакой особой ясности⁹³².

8) Тем не менее, по мнению Комиссии, возникает вопрос, должно ли Руководство по практике включать уточнение, данное Комиссией в ее комментарии 1965 года: вполне естественно выражаться более конкретно в этом руководстве по рекомендованной практике, чем в общих конвенциях по праву международных договоров. Между тем, в данном случае возникают серьезные возражения: «норма», изложенная в комментарии, явно противоречит норме, закрепленной в Венской конвенции 1969 года, и поэтому ее включение в Руководство означало бы отход от Конвенции, что является неприемлемым, если только в этом не возникнет явная необходимость; в данном случае дело, по всей видимости, обстоит не так: сэр Хэмфри Уолдок «не усматривал никаких реальных трудностей в связи с применением Договора государством, снявшим свою оговорку»⁹³³; в настоящее время это по-прежнему представляется справедливым. В этой связи не представляется необходимым или уместным оспаривать или смягчать норму пункта 3 статьи 22 Венских конвенций.

9) Тем не менее в отдельных случаях вступление в силу снятия оговорки непосредственно после уведомления может породить трудности. Однако в самом комментарии 1965 года содержится хороший ответ на эту проблему: в этом случае «данный вопрос следует урегулировать посредством конкретного положения договора»⁹³⁴. Иными словами, всякий раз, когда договор касается таких вопросов, как, например, личный статус или определенные аспекты международного частного права, в связи с которыми может возникнуть мысль о том, что внезапное снятие оговорки может создать трудности для других сторон в силу непригодности их внутреннего права, в такой договор следует включать положение, предусматривающее необходимый срок для учета ситуации, возникшей в результате такого снятия.

⁹²⁷ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 175 англ. текста, пункт 47.

⁹²⁸ Там же, стр. 176 англ. текста, пункт 59 (г-н Руда), и стр. 177 англ. текста, пункт 76 (г-н Бриггс).

⁹²⁹ Там же, стр. 176 англ. текста, пункты 68–69 (г-н Тункин); см. также стр. 175 англ. текста, пункт 54 (г-н Цуруока), и стр. 177 англ. текста, пункты 78–80 (сэр Хэмфри Уолдок).

⁹³⁰ Пояснения сэра Хэмфри Уолдока, там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 273 англ. текста, пункт 24.

⁹³¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста, пункт 2) комментария к проекту статьи 20.

⁹³² Как отметил Международный Суд, «одним из базовых принципов, лежащих в основе возникновения и исполнения юридических обязательств, независимо от их источника, является принцип добросовестности», *Nuclear Tests (Australia v. France), Judgment, I.C.J. Reports 1974*, p. 253, at p. 268, para. 46; p. 473, para. 49; «сам по себе он не является источником обязательства, которого в противном случае не существовало бы», *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1988*, p. 69 (см. сноску 670 выше), at p. 105, para. 94.

⁹³³ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 273 англ. текста, пункт 24.

⁹³⁴ См. пункт 6) выше.

10) Впрочем, это именно то, что происходит на практике. В достаточно многочисленных договорах установлен срок для того, чтобы снятие оговорки породило последствия, причем более продолжительный, чем общеправовой срок, предусмотренный в пункте 3 а) статьи 22 Венских конвенций. Этот срок по общему правилу составляет от одного до трех месяцев, однако исчисляется чаще всего с момента уведомления о снятии оговорки депозитария, а не других договаривающихся государств⁹³⁵. И наоборот, в договоре может быть установлен более короткий срок, нежели срок, предусмотренный Венскими конвенциями; так, согласно пункту 3 статьи 32 Европейской конвенции о трансграничном телевидении от 5 мая 1989 года,

Договаривающееся государство, которое сформулировало оговорку на основании пункта 1, может снять ее полностью или частично, направив уведомление Генеральному секретарю Совета Европы. Снятие вступает в силу в дату получения уведомления Генеральным секретарем*,

а не с даты получения другими договаривающимися государствами уведомления от депозитария⁹³⁶. Кроме того, иногда договор предусматривает, что дату вступления в силу снятия определяет государство, которое снимает оговорку⁹³⁷.

11) Эти ясно выраженные условия направлены на то, чтобы устранить неудобства, связанные с использованным в пункте 3 а) статьи 22 Венских конвенций принципом, который нельзя назвать безупречным. Было замечено, что помимо проблем, рассмотренных выше⁹³⁸, которые могут в отдельных случаях возникать в связи с вступлением в силу снятия оговорки с момента уведомления других сторон, это обстоятельство «действительно не решает вопрос о

⁹³⁵ См. примеры, приведенные Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 390, или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 438. См. также, например, пункт 3 статьи 24 Конвенции о праве, применимом к наследованию имущества умерших лиц, принятой 1 августа 1989 года Гаагской конференцией по международному частному праву (через три месяца после уведомления о снятии); пункт 4 статьи 12 Конвенции о международных железнодорожных перевозках от 9 мая 1980 года (через месяц после того, как правительство государства-депозитария уведомило государства о снятии оговорки); пункт 4 статьи 97 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 года (шесть месяцев); пункт 2 статьи XIV Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных от 23 июня 1979 года (через 90 дней после того, как депозитарий уведомил участников о снятии оговорки); и пункт 3 статьи 40 Международной конвенции о контрактах на путешествие (CCV) от 23 апреля 1970 года (через три месяца после уведомления правительства Бельгии о снятии оговорки).

⁹³⁶ Конвенции Совета Европы, содержащие положения относительно снятия оговорок, в целом следуют этой формуле: см. пункт 2 статьи 8 Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства 1963 года; пункт 2 статьи 13 Европейского соглашения о передаче заявлений о правовой помощи 1977 года; или пункт 3 статьи 29 Европейской конвенции о гражданстве 1997 года.

⁹³⁷ См. пункт 2 статьи 12 Международной конвенции об упрощении и согласовании таможенных процедур от 18 мая 1973 года (Пересмотренная): «Договаривающаяся сторона, сформулировавшая оговорки, может в любой момент снять их полностью или частично посредством уведомления депозитария и указания даты, с которой эти оговорки сняты».

⁹³⁸ Пункты 4)–9).

временном факторе»⁹³⁹, хотя, благодаря уточнению, сделанному на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года⁹⁴⁰, партнеры государства или международной организации, которое(ая) снимает оговорку, точно знают, в какой момент это снятие вступает в силу по отношению к ним, однако сам автор снятия не испытывает уверенности, поскольку уведомление может быть получено другими сторонами в весьма разные даты. Негативным результатом этого является то обстоятельство, что автор снятия продолжает испытывать неуверенность в отношении даты, в которую его новые обязательства вступят в силу⁹⁴¹. Кроме изменения самого текста пункта 3 а) статьи 22, по сути нет иного способа устранения данного неудобства, однако на практике оно представляется весьма незначительным⁹⁴², чтобы «пересматривать» Венский текст.

12) В этой связи следует отметить, что правило, устанавливаемое этим положением, не согласуется с наиболее распространенными нормами права: обычно какое-либо действие в рамках договора вступает в силу с даты уведомления о нем депозитария. Это предусмотрено подпунктом b) статьи 16, пунктом 3 статьи 24 и подпунктом b) статьи 78 Венской конвенции 1969 года⁹⁴³. Именно на это указал Международный Суд по поводу факультативных заявлений о признании его юрисдикции обязательной, следуя логике, которая по аналогии может применяться в рамках права договоров⁹⁴⁴. Исключение, которое составляют положения пункта 3 а) статьи 22 Венских конвенций, объясняется стремлением не допустить того, чтобы другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации договора, применительно к которому государство снимает свою оговорку, не оказались перед лицом ответственности за несоблюдение его положений по отношению к этому государству, даже если они не знали о снятии⁹⁴⁵. Это стремление можно лишь одобрить.

⁹³⁹ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 290.

⁹⁴⁰ См. сноску 921 выше.

⁹⁴¹ См. на эту тему замечания г-на Бриггса, *Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 177 англ. текста, пункт 75, и 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 273 англ. текста, пункт 25.

⁹⁴² См. пункт 8) выше.

⁹⁴³ Статья 79 b) Венской конвенции 1986 года.

⁹⁴⁴ «Депонируя свое заявление о признании у Генерального секретаря, признающее государство становится участником системы факультативной клаузулы по отношению к другим заявляющим государствам со всеми правами и обязательствами, вытекающими из Статьи 36.... Именно в этот день между соответствующими государствами вступает в силу консенсуальное обязательство, лежащее в основе факультативной клаузулы», *Case concerning Right of Passage over Indian territory, Preliminary Objections, Judgment of November 26th, 1957: I.C.J. Reports 1957*, р. 125, at p. 146; см. также *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1988*, р. 275, at pp. 291 and 293, paras. 25 and 30.

⁹⁴⁵ См. комментарий Комиссии к проекту статьи 22, принятому в первом чтении, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 181–182 англ. текста, и к проекту статьи 20, принятому во втором чтении, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста.

13) Комиссия иногда выступала с критикой включения в некоторые положения Венских конвенций формулировки «если договор не предусматривает иного»⁹⁴⁶. Тем не менее Комиссии следует отдать должное за то, что в некоторых обстоятельствах она высказывалась в пользу того интереса, который может быть связан с включением конкретных клаузул об оговорках в текст самого договора, чтобы не сталкиваться с неудобствами, являющимися следствием применения общего правила или возникновения двусмысленности из-за умолчания⁹⁴⁷. Так обстоит дело, когда речь идет о дате вступления в силу снятия оговорки, и, разумеется, было бы предпочтительнее четко обозначить ее во всех тех случаях, когда применение а, провозглашенного в пункте 3 а) статьи 22 Венских конвенций и воспроизведенного в руководящем положении 2.5.8, могло бы вызывать проблемы либо потому, что относительная внезапность снятия оговорки могла бы поставить в затруднительное положение других участников, либо, наоборот, в силу желания уменьшить срок получения этими сторонами уведомления о снятии оговорки.

2.5.9 *Случаи, в которых автор оговорки может устанавливать дату вступления в силу снятия оговорки*

Снятие оговорки вступает в силу в дату, установленную государством или международной организацией, которые снимают оговорку, когда:

а) эта дата наступает после даты, в которую другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации получают об этом уведомление; или

б) снятие не добавляет прав снимающим оговорку государству или международной организации по отношению к другим договаривающимся государствам или договаривающимся организациям.

Комментарий

1) В руководящем положении 2.5.9 уточняются случаи, в которых пункт 3 а) статьи 22 Венских конвенций не применяется, но не потому, что от него делается отступление, а потому, что он для этого не предназначен. Таким образом, независимо от ситуаций, когда договор четко исключает применение принципа, закрепленного в этом положении, возможны два вышеупомянутых случая, когда автор оговорки вправе в одностороннем порядке устанавливать дату вступления снятия оговорки в силу.

2) В подпункте а) руководящего положения 2.5.9 предусматривается ситуация, когда автор оговорки устанавливает дату вступления в силу оговорки позже той, которая обуславливается применением пункта 3 а) статьи 22. Это не вызывает никаких особых

проблем: предусматриваемый этим положением срок необходим для того, чтобы позволить другим сторонам не быть застигнутыми врасплох и иметь полную информацию об объеме их обязательств по отношению к государству (или международной организации), которое снимает свою оговорку. Таким образом, если эта информация является реальной и представлена заранее, то нет никаких неудобств в том, чтобы автор оговорки установил дату вступления в силу снятия оговорки по своему усмотрению, поскольку в любом случае он мог бы перенести ее на более поздний срок, позднее уведомив депозитария о снятии оговорки.

3) В подпункте а) руководящего положения 2.5.9 намеренно используется множественное число («другие договаривающиеся государства или международные организации») там, где в пункте 3 а) статьи 22 употребляется единственное число («это государство или эта организация»). Для того чтобы снятие вступало в силу в дату, установленную его автором, необходимо, чтобы все другие договаривающиеся стороны получили об этом уведомление, без чего не будут соблюдены дух и смысл пункта 3 а) статьи 22.

4) Подпункт б) касается ситуации, когда автор оговорки устанавливает дату, которая предшествует получению уведомления другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями. В этом случае о снятии оговорки знает только снимающее оговорку государство или международная организация (и в соответствующих случаях депозитарий). И это происходит a fortiori, поскольку снятие считается ретроактивным, как это иногда и бывает⁹⁴⁸.

5) При отсутствии четко сформулированного положения в договоре одностороннее волеизъявление сделавшего оговорку государства в принципе не может иметь преимущественной силы по отношению к ясным положениям пункта 3 а) статьи 22, если другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации возражают против этого. Однако Комиссия считает, что не следует делать исключение для категории оговорок, устанавливающих «полные обязательства», в частности в области прав человека: в этом случае не может быть никаких возражений (и даже наоборот) по поводу того, что снятие оговорки вступает в силу немедленно, даже ретроактивно, если государство-автор первоначальной оговорки этого желает, поскольку, по определению, право других государств не затрагивается⁹⁴⁹. На практике именно в ситуациях такого рода имеет место ретроактивное снятие оговорки⁹⁵⁰.

⁹⁴⁸ См. пример, приведенный Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 291 (снятие оговорок Данией, Норвегией и Швецией к Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Конвенции о статусе апатридов 1954 года: см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. V.2–3).

⁹⁴⁹ См. в этой связи Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 290–291.

⁹⁵⁰ См. сноску 948 выше.

⁹⁴⁶ См., например, пункт 15) комментария к руководящему положению 2.5.1.

⁹⁴⁷ См., например, руководящие положения 2.3 или 2.3.1.

б) Можно задаться вопросом о том, следует ли подходить с позиции государства, снимающего оговорку, или с позиции других сторон – в этом случае подпункт *b)* был бы сформулирован следующим образом: «снятие не добавляет обязательств другим договаривающимся государствам или международным организациям». На самом деле речь идет о двух сторонах одной медали, однако первый вариант в большей степени отражает активную роль государства, которое принимает решение о снятии своей оговорки.

2.5.10 Частичное снятие оговорки

1. Частичное снятие оговорки ограничивает юридические последствия оговорки и обеспечивает более полное применение отдельных положений договора или договора в целом в отношениях между государством или международной организацией, снимающими оговорку, и другими участниками договора.

2. Частичное снятие оговорки подчиняется тем же правилам в отношении формы и процедуры, что и полное снятие, и вступает в силу в том же порядке.

Комментарий

1) Согласно основной доктрине, «поскольку оговорка может быть снята, ее можно также изменить или даже заменить другой оговоркой при условии, что это ведет к ограничению ее последствий»⁹⁵¹. Хотя данный принцип и сформулирован в осторожных выражениях, сам он не вызывает никаких возражений, и можно заявить более категорично: ничто не препятствует изменению той или иной оговорки, если такое изменение сужает сферу ее действия и сводится к ее частичному снятию. Из этой посылки и исходит руководящее положение 2.5.10.

2) Очевидно, это не влечет за собой возникновения никаких, даже малейших, проблем, когда такое изменение специально предусмотрено договором. Хотя и редко, такие положения об оговорках существуют. Так, например, пункт 2 статьи 23 Конвенции о договоре международной перевозки пассажиров и багажа по внутренним водным путям (КППВ) от 6 февраля 1976 года гласит следующее:

Заявление, предусмотренное в пункте 1 настоящей статьи, может быть сделано, снято или изменено в любой момент впоследствии; в этом случае заявление, его снятие или изменение вступает в силу на девятый день после получения уведомления Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

3) Кроме того, чаще встречаются положения об оговорках, специально предусматривающие полное или частичное снятие оговорки. Так, например, пункт 3 статьи 8 Конвенции о гражданстве замужней женщины от 20 февраля 1957 года гласит следующее:

⁹⁵¹ Aust, *Modern Treaty Law and Practice* (сноска 155 выше), p. 156. См. также Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 293, или Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), p. 96.

Каждое государство, сделавшее оговорку в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, может снять ее полностью или частично, в любое время после ее принятия, посредством уведомления об этом Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Такое уведомление вступает в силу в день его получения»⁹⁵².

Об этом же говорится и в пункте 2 статьи 17 Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства от 4 ноября 1998 года:

Любое договаривающееся государство, которое высказало оговорку... может снять ее, полностью или частично, направив уведомление Генеральному секретарю Совета Европы. Снятие вступает в силу с даты получения уведомления Генеральным секретарем»⁹⁵³.

Далее, согласно пункту 2 статьи 15 Конвенции, подготовленной на основе Статьи К.3 (2) (с) Договора о борьбе с коррупцией среди должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств – членов Европейского союза от 26 мая 1997 года:

Любое государство-член, сделавшее оговорку, может в любое время снять ее, полностью или частично, направив уведомление депозитарию. Снятие вступает в силу с даты получения уведомления депозитарием.

4) Одновременное упоминание о частичном и полном снятии во многих договорных положениях свидетельствует о наличии тесной связи между ними. Вместе с тем эта связь, подтверждаемая практикой, иногда оспаривается теоретиками.

5) При выработке проектов статей о праве международных договоров в рамках Комиссии международного права сэра Хэмфри Уолдока предложил принять проект статьи, в котором полное и частичное снятие оговорки ставилось бы на один уровень⁹⁵⁴. После рассмотрения этого проекта Редакционным комитетом он был представлен на обсуждение на пленарном заседании, но без какого бы то ни было упоминания о возможности «частичного» снятия оговорки⁹⁵⁵, причем выяснить причины этого изменения на основании кратких отчетов об осуждении не представляется возможным. Самое правдоподобное объяснение заключается в том, что это показалось очевидным: «кто может больше, может меньше», и весьма

⁹⁵² См. также, например, пункт 4 статьи 50 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее Протоколом об изменениях Конвенции 1975 года: «Государство, сделавшее оговорку, может посредством письменного уведомления в любое время снять все или часть своих оговорок».

⁹⁵³ См. также, например, пункт 2 статьи 13 Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 года: «Любое государство может полностью или частично снять оговорку, которую оно сделало в соответствии с вышеупомянутым пунктом, посредством направления заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы, которое вступает в силу со дня его получения». Другие примеры конвенций, заключенных под эгидой Совета Европы и содержащих подобные положения, см. комментарий к руководящему положению 2.5.2, сноска 839 выше.

⁹⁵⁴ См. пункт 6 проекта статьи 17, приведенный в первом докладе о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144, стр. 61 англ. текста.

⁹⁵⁵ Там же, стр. 181–182 (статья 22) англ. текста; изменения, внесенные Редакционным комитетом в проект Специального докладчика, см. пункт 3) комментария к руководящему положению 2.5.1.

вероятно, что слово «снятие» должно толковаться, о чем, к удивлению не говорится в комментарии, как означающее «полное или частичное снятие».

6) Тем не менее это не носит характера совершенно очевидного факта, и практика и доктрина⁹⁵⁶ представляются несколько неопределенными. На практике можно привести ряд оговорок, высказанных к конвенциям, заключенным в рамках Совета Европы, которые были изменены, не вызвав возражений⁹⁵⁷. Со своей стороны, Европейская комиссия по правам человека «проявила определенную гибкость» в том, что касается временного условия, фигурирующего в статье 64 Европейской конвенции по правам человека⁹⁵⁸:

Поскольку во внутреннее право время от времени вносятся изменения, Комиссия пришла к заключению, что изменение закона, защищаемого оговоркой, даже если оно влечет за собой изменение оговорки, не отражается на временном требовании статьи 64. По мнению Комиссии, несмотря на точную формулировку статьи 64, «...в той мере, в какой тот или иной закон, действующий в это время на территории государства, не соответствует... оговорка, сделанная Австрией 3 сентября 1958 года [(1958–1959 годы) (2 *Annuaire* 88–91)], охватывает... закон от 5 июля 1962 года, который не привел к расширению a posteriori сферы, выведенной из-под контроля Комиссии⁹⁵⁹.

7) Это последнее уточнение имеет важное значение и, несомненно, дает ключ к данному заключению: именно *потому*, что новый закон не расширяет сферу действия оговорки, Комиссия сочла, что она охватывается этим законом⁹⁶⁰. Технически речь идет не об изменении самой оговорки, а о последствиях изменения внутреннего закона; вместе с тем представляется правомерным рассуждать таким же образом. Впрочем, в некоторых случаях государства формально изменили свои оговорки к Европейской конвенции по правам человека (в смысле

⁹⁵⁶ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 293.

⁹⁵⁷ Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), p. 95; действительно, как представляется, речь идет скорее «о заявлениях, касающихся осуществления договора на внутреннем уровне» по смыслу руководящего положения 1.5.2, а не собственно об оговорках.

⁹⁵⁸ Статья 57 с момента вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод о реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией, гласит: «1) Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче им на хранение его ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. В соответствии с настоящей Статьей оговорки общего характера не допускаются. 2) Любая оговорка, сделанная в соответствии с настоящей Статьей, должна содержать краткое изложение соответствующего закона».

⁹⁵⁹ Schabas, «Article 64» (сноска 137 выше), p. 932. См. доклады Европейской комиссии по правам человека в делах *A.B. (an association) v. Austria* (Application no. 473/59) (сноска 679 выше), p. 424, или *X. v. Austria* (Application no. 8180/78) (сноска 679 выше), pp. 23–25.

⁹⁶⁰ См. частично не согласное мнение судьи Валтикоса по делу *Chorherr v. Austria*: «В случае изменения закона расхождение, в связи с которым сделана оговорка, несомненно, могло, если не придерживаться старого подхода, быть сохранено в новом тексте, однако оно, естественно, не могло бы быть расширено» (Европейский суд по правам человека, *Chorherr v. Austria*, Application no. 13308/87, постановление от 25 августа 1993 года, Series A no. 266-B, p. 40).

уменьшения их сферы действия) без возражений со стороны других сторон⁹⁶¹.

8) Судебная практика Европейского суда по правам человека может быть истолкована таким же образом в том смысле, что, хотя суд в Страсбурге и отказывается распространять на более ограничительные новые законы действие какой-либо оговорки, сделанной при ратификации, он поступает иным образом в том случае, если закон, принятый после ратификации, «не идет дальше, чем закон, действовавший на момент, когда была сделана оговорка»⁹⁶². Последствия дела *Belilos*, однако, таковы, что в этом отношении могут возникнуть сомнения.

9) Вследствие занятой Европейским судом по правам человека позиции, согласно которой «заявление» Швейцарии, сформулированное в 1974 году в отношении пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека, является недействительным⁹⁶³, Швейцария, не без колебаний⁹⁶⁴, вначале изменила свое «заявление» – приравненное судом к оговорке, во всяком случае в том, что касается применимых норм, – с тем чтобы привести его в соответствие с судебным решением от 29 апреля 1988 года⁹⁶⁵. «Заявление о толковании», измененное таким образом, было доведено Швейцарией до сведения Генерального секретаря Совета Европы, являющегося депозитарием Конвенции, и Комитета министров, «действующего в качестве органа по надзору за осуществлением решений Суда»⁹⁶⁶. Эти уведомления, как представляется, не вызвали никаких возражений и не создали никаких трудностей у органов Конвенции или у других государств-участников⁹⁶⁷.

⁹⁶¹ См. следующие друг за другом частичные снятия Финляндией своей оговорки к статье 6 в 1996, 1998, 1999 и 2001 годах (размещен на сайте по адресу: <http://conventions/coe/int/>).

⁹⁶² Европейский суд по правам человека, дело *Case of Campbell and Cosans*, Application no. 7511/76; 7743/76, постановление от 25 февраля 1982 года, Series A no. 48, p. 17, para. 37.

⁹⁶³ Суд решил, что «поскольку рассматриваемое заявление не отвечает двум требованиям Статьи 64 (ст. 64) Конвенции (см. сноску 958 выше), в результате чего его следует признать недействительным» (*Belilos case*, Application no. 10328/83, постановление от 29 апреля 1988 года, Series A no. 132, p. 28, para. 60 (см. сноску 192 выше)), и что поскольку, «несомненно, Швейцария является и считает себя связанной Конвенцией независимо от действительности заявления», Конвенция подлежит применению к Швейцарии без учета указанного заявления (*ibid.*).

⁹⁶⁴ См. Cameron and Horn, «Reservations to the European Convention...» (сноска 205 выше), pp. 69–129.

⁹⁶⁵ Полагая, что критика со стороны Суда касается лишь «уголовного аспекта», Швейцария ограничила свое «заявление» только гражданскими процедурами.

⁹⁶⁶ Flauss, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH...» (сноска 672 выше), p. 301; см. также W.A. Schabas, «Reservations to human rights treaties: time for innovation and reform», *Canadian Yearbook of International Law* 1994, p. 39. Ссылки на эти уведомления см. United Nations, *Treaty Series*, vol. 1496, No. 2889, pp. 234–235, United Nations, *Treaty Series*, vol. 1525, No. 2889, p. 213 и Добавление к Резолюции ДН (89) 24 Комитета министров от 19 сентября 1989 года, *Yearbook of the European Convention on Human Rights* 1989, vol. 32 (1989), p. 246.

⁹⁶⁷ Вместе с тем некоторые авторы оспорили их действительность; см. Cohen-Jonathan, «Les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme...» (сноска 724 выше), p. 314. См. работы, процитированные в указанном ниже решении, вынесенном 17 декабря 1992 года Федеральным судом Швейцарии по делу *F. v. R. et Conseil d'Etat du canton de Thurgovie* (сноска 725

Вместе с тем в самих швейцарских судах подход к этому был иным. Так, в решении от 17 декабря 1992 года по делу *F. v. R. et Conseil d'État du canton de Thurgovie* (Ф. против Р. и кантонального совета кантона Тургау) Федеральный суд Швейцарии заявил, что, если сослаться на мотивы решения по делу *Belilos*, то все «заявление о толковании» 1974 года окажется недействительным и что в результате не будет надлежащим образом сформулированной оговорки, в которую можно было бы внести поправки спустя 12 лет; более того, в этом случае речь шла бы о новой оговорке, что не соответствует требованию *ratione temporis*, предъявляемому к формулированию оговорок в статье 64 Европейской конвенции по правам человека⁹⁶⁸ и статье 19 Венской конвенции 1969 года⁹⁶⁹. 29 августа 2000 года Швейцария формально отозвала «заявление о толковании» в отношении статьи 6 Европейской конвенции по правам человека.

10) Несмотря на внешние признаки, сделать на основании этого важного решения вывод о том, что в случае констатации недействительности какой-либо оговорки органом по наблюдению за осуществлением договоров нормативного назначения (как касающихся, так и не касающихся прав человека) любое изменение оспариваемой оговорки исключено, не представляется возможным. Действительно:

– в основе позиции Федерального суда Швейцарии лежит идея о том, что в данном случае «заявление» 1974 года было недействительным в целом (даже если оно не было специально объявлено недействительным Европейским судом по правам человека); и, самое главное:

– в этом же решении Суд отмечает:

Если заявление 1988 года является лишь уточнением и ограничением оговорки, сделанной в 1974 году, ничто не препятствует использованию этого подхода. Хотя ни статья 64 Европейской конвенции по правам человека, ни Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (RS 0.111) не регламентируют специально этот вопрос, можно считать, что, как правило, всегда должна существовать возможность нового формулирования той или иной существующей оговорки, если это имеет своей целью ограничить существующую оговорку. Этот подход не ограничивает обязательство соответствующего государства по отношению к другим государствам, а расширяет его в соответствии с Конвенцией⁹⁷⁰.

11) Это является превосходной демонстрацией и применимого права, и основного мотива, лежащего в его основе: нет никакой серьезной причины выступить против того, чтобы какое-либо государство

выше) (пункт 6 b)), и Flauss, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH...» (сноска 672 выше), p. 300.

⁹⁶⁸ См. сноску 958 выше.

⁹⁶⁹ Большие отрывки из решения Федерального суда Швейцарии переведены на французский язык и воспроизводятся в издании *Journal des Tribunaux* (см. сноску 725 выше), vol. I: *Droit fédéral*, 1995, pp. 523–537 [текст на немецком языке содержится в *Europäische Grundrechte-Zeitschrift*, vol. 20 (1993)]. Имеющие отношение к рассматриваемому вопросу отрывки фигурируют в пункте 7 решения (pp. 533–537).

⁹⁷⁰ *F. c. R. et Conseil d'État du canton de Thurgovie*, *Journal des Tribunaux*, 1995 (см. сноску 725 выше), p. 535.

ограничивало сферу действия ранее высказанной оговорки путем ее снятия, даже частичного; целостность договора оказывается обеспеченной в большей степени, и не исключается возможность того, что вследствие этого некоторые другие государства снимут возражения, которые они могли высказать в отношении первоначальной оговорки⁹⁷¹. Кроме того, как было отмечено, ввиду отсутствия такой возможности равенство между сторонами оказалось бы нарушенным (по меньшей мере в тех случаях, когда существует орган по наблюдению за осуществлением договора): «Государства, которые присоединились к Конвенции довольно давно, могли бы почувствовать себя жертвами неравноправного обращения по сравнению с государствами, которые ратифицировали Конвенцию [недавно], и a fortiori – по сравнению с будущими сторонами договора»⁹⁷², которые имеют преимущество, заключающееся в том, что они знают позиции, занимаемые наблюдательным органом в вопросах действительности оговорок, сопоставимых с той, которую они, возможно, собираются сформулировать, и, следовательно, могут адаптировать ее соответствующим образом.

12) Руководствуясь именно этими соображениями⁹⁷³, Комиссия в своих предварительных выводах об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры по правам человека, пришла к заключению, что, если государство делает выводы о недействительности той или иной оговорки, «[оно] может, например, изменить свою оговорку, чтобы устранить причину такой недопустимости»⁹⁷⁴: как представляется, это возможно только в том случае, если у него имеется возможность изменения оговорки в плане ее частичного снятия.

13) На практике частичные снятия встречаются. Как отметил Хорн в 1988 году, из 1 522 оговорок или заявлений о толковании, сделанных в отношении договоров, депозитарием которых является Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, «47 были сняты полностью или частично»⁹⁷⁵. Он также добавил, что «[в] большинстве случаев, т.е. для 30 заявлений, снятия были частичными. Из них шесть представляли собой следовавшие друг

⁹⁷¹ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 223.

⁹⁷² См. Flauss, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH...» (сноска 672 выше), p. 299.

⁹⁷³ *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 55, пункт 86, и стр. 62–63, пункты 141–144.

⁹⁷⁴ См. пункт 10 предварительных выводов Комиссии международного права об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры по правам человека, принятых Комиссией, *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65, пункт 157. См. также руководящее положение 4.5.3.

⁹⁷⁵ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 226. Из этих 47 снятий 11 были осуществлены в связи с правопреемством государств. Не вызывает сомнений тот факт, что государство-правопреемник может частично или полностью снять оговорки своего предшественника (см. статью 20 Венской конвенции 1978 года), однако, как постановила Комиссия (см. *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть вторая), стр. 125, пункт 477, или *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 76, пункт 221), все проблемы оговорок, связанные с правопреемством государств, рассматриваются в части 5 Руководства по практике.

за другом снятия, которые лишь в двух случаях привели к полному снятию»⁹⁷⁶. С тех пор этот процесс не ускорялся, но и не замедлялся. В этой связи хотелось бы привести всего лишь несколько последних примеров:

– 25 февраля 2011 года правительство Содружества Багамских Островов уведомило Генерального секретаря о своем решении снять оговорку к пункту 1 *h*) статьи 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин⁹⁷⁷;

– 13 декабря 2010 года Таиланд осуществил частичное снятие своей оговорки к статье 7 Конвенции о правах ребенка⁹⁷⁸;

– 5 июля 1995 года ввиду многочисленных возражений Ливийская Арабская Джамахирия изменила «путем конкретизации» общую оговорку, которую она сформулировала при своем присоединении к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года⁹⁷⁹;

– 11 ноября 1988 года Швеция осуществила частичное снятие своей оговорки к пункту 2 статьи 9 Конвенции о взыскании за границей алиментов от 20 июня 1956 года⁹⁸⁰;

– дважды, в 1986 и 1995 годах, эта же страна осуществила частичное или полное снятие некоторых своих оговорок к Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 года⁹⁸¹.

Во всех этих случаях – которые являются лишь отдельными примерами – Генеральный секретарь, будучи депозитарием соответствующих конвенций, принял к сведению изменения, не высказав никаких замечаний.

14) Вместе с тем практика Генерального секретаря не является абсолютно постоянной, и бывает, что при изменениях, которые тем не менее представляются уменьшающими сферу действия оговорок, он действует как в случае последующего формулирования оговорок⁹⁸² и ограничивается «с учетом практики, применяемой в аналогичных случаях», «принятием

на хранение соответствующих заявлений, если только нет возражений со стороны того или иного договаривающегося государства в отношении либо самого хранения, либо предусмотренной процедуры»⁹⁸³. Эта практика обосновывается в *Кратком справочнике по практике Генерального секретаря в качестве депозитария многосторонних договоров* следующим образом: «если государства желают заменить новыми оговорками первоначальные оговорки, которые были сделаны ими при передаче на хранение ратификационных грамот, ... их поведение фактически сводится к снятию первоначальных оговорок – что не вызывает сложностей – и формулированию (новых) оговорок»⁹⁸⁴. Эта позиция, как представляется, подтверждается памятной запиской Юрисконсульта Организации Объединенных Наций от 4 апреля 2000 года, в которой уточняется «практика, применяемая Генеральным секретарем в его качестве депозитария в отношении сообщений, посредством которых государства намереваются изменить оговорки к многосторонним договорам, находящимся у него на хранении, или которые могут истолковываться в качестве имеющих своей целью внесение таких изменений»; этой запиской срок реагирования других сторон увеличен с 90 дней до 12 месяцев⁹⁸⁵.

15) Если не считать, что эта позиция противоречит практике, которая, как представляется, носит широко распространенный характер в тех случаях, когда предлагаемое изменение ограничивает сферу действия изменяемой оговорки, она является более гибкой, чем это может показаться на первый взгляд. Вербальную ноту от 4 апреля 2000 года фактически следует читать вместе с датированным тем же днем ответом Юрисконсульта на вербальную ноту Португалии, в которой от имени Европейского союза описываются трудности, связанные с периодом в 90 дней. В этой записке проводится различие между «изменением существующей оговорки», с одной стороны, и «частичным снятием оговорки» – с другой. Что касается сообщений второго вида, то «Юрисконсульт разделяет озабоченность, выраженную Постоянным представителем, который заявил, что весьма желательно, чтобы, насколько это возможно, на сообщения, являющиеся не более, чем частичными снятиями оговорок, не распространялось действие процедуры, являющейся уместной в случае изменений оговорки».

⁹⁷⁶ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 226. Эти статистические данные представляются любопытными, но требуют подтверждения.

⁹⁷⁷ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8.

⁹⁷⁸ *Ibid.*, chap. IV.11.

⁹⁷⁹ *Ibid.*, chap. IV.8.

⁹⁸⁰ *Ibid.*, chap. XX.1; см. также «переформулирование» Швецией в 1996 году одной из своих оговорок к Конвенции о статусе беженцев 1951 года при одновременном снятии ею нескольких других оговорок (*ibid.*, chap. V.2) и частичное (в 1963 году), а затем полное (в 1980 году) снятие одной из оговорок Швейцарией к этой же Конвенции (*ibid.*).

⁹⁸¹ *Ibid.*, chap. XIV.3; см. также внесенное Финляндией 10 февраля 1994 года изменение, сократившее сферу действия одной из оговорок к этой же Конвенции (*ibid.*).

⁹⁸² См. пункты 11)–13) комментария к руководящему положению 2.3.

⁹⁸³ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), р. 142. См. процедуру, использованную, например, в отношении изменения, внесенного 28 сентября 2000 года Азербайджаном – в бесспорно ограничительном плане (и с учетом замечаний, высказанных государствами, которые возражали против первоначальной оговорки) – в свою оговорку ко второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.12).

⁹⁸⁴ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), р. 62, para. 206.

⁹⁸⁵ Вербальная нота Юрисконсульта Организации Объединенных Наций (изменение оговорок) 2000 года (см. сноску 712 выше). Более подробную информацию относительно этого периода см. пункты 8)–9) комментария к руководящему положению 2.3.1.

16) Таким образом, это не более чем вопрос выбора слова: Генеральный секретарь называет «изменениями» снятия, которые расширяют сферу действия оговорок, и «частичными снятиями» те снятия, которые уменьшают сферу действия оговорок и на которые не распространяется (или не должна распространяться, несмотря на иногда нерешительную практику) сложная процедура, применяемая при последующем формулировании оговорок⁹⁸⁶. Установление периода в один год до того, как *ограничение* оговорки может принести свои результаты и подвергнуть их опасности применения «вето» со стороны всего одного другого участника, явно дало бы противоположный эффект и вступило бы в противоречие с принципом, согласно которому следует, насколько это возможно, сохранить целостность договора.

17) Несмотря на некоторые элементы неопределенности, из всех приведенных выше соображений следует, что в отношении изменения той или иной оговорки, которая имеет своим следствием сокращение сферы ее применения, должен действовать тот же правовой режим, что и в отношении полного снятия. Во избежание любой двусмысленности, в частности с учетом терминологии, используемой Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций⁹⁸⁷, было бы целесообразнее говорить в данном случае о «частичном снятии».

18) Во втором пункте руководящего положения 2.5.10 отражена увязка норм, применимых в отношении частичного снятия оговорок, с нормами, применимыми в отношении полного снятия. Поэтому в нем содержится имплицитная ссылка на руководящие положения 2.5.1, 2.5.2, 2.5.5, 2.5.6 и 2.5.8, которые могут в полной мере применяться к частичным снятиям. С руководящим положением 2.5.7, касающимся последствий полного снятия оговорок, дело обстоит иначе⁹⁸⁸.

19) Кроме того, во избежание какой бы то ни было путаницы Комиссия сочла целесообразным уточнить в первом пункте определение того, что собой представляет частичное снятие. Это определение вытекает из самого определения оговорок в том виде, в каком оно фигурирует в пункте 1 *d*) статьи 2 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и в руководящем положении 1.1.

20) Вместе с тем оно не приведено в соответствие с этим руководящим положением: если оговорка «субъективно» определяется целью, которую преследует ее автор (на что указывают использованные в этих положениях слова «направлено на»), то частичное снятие является «объективным» в силу вызываемых им последствий. Это различие объясняется тем, что оговорка имеет последствия лишь в том случае, если она принята (прямо или косвенно)⁹⁸⁹, в то время

как ее снятие, будь то полное или частичное, влечет за собой последствия «без какого-либо одобрения со стороны государства или международной организации, которое/которая согласилось/согласилась с оговоркой»⁹⁹⁰, равно как и без выполнения каких-либо дополнительных формальностей. Эти последствия упоминаются в первом пункте руководящего положения 2.5.10 (частичное снятие «направлено на ограничение юридических последствий оговорки и на обеспечение более полного применения отдельных положений договора или договора в целом») и уточняются в руководящем положении 2.5.11.

2.5.11 Последствия частичного снятия оговорки

1. Частичное снятие оговорки изменяет юридические последствия оговорки в той мере, в какой это предусматривается новой формулировкой оговорки. Возражение, сформулированное в отношении этой оговорки, продолжает действовать, если автор его не снимает, в той мере, в какой возражение не относится исключительно к той части оговорки, которая была снята.

2. Никакое новое возражение не может быть сформулировано в отношении оговорки в связи с ее частичным снятием, если только это частичное снятие не имеет дискриминационных последствий.

Комментарий

1) То, что форма и процедуры частичного снятия должны соответствовать форме и процедуре полного снятия, не вызывает сомнений⁹⁹¹; проблема же заключается в том, чтобы выяснить возможности применения условий, оговоренных в руководящем положении 2.5.7 (Последствия снятия оговорок), в отношении частичных снятий. В сущности колебания практически невозможны: частичное снятие оговорки не может быть приравнено к полному снятию, и нельзя утверждать, что «частичное снятие оговорки влечет за собой применение в полном объеме положений, к которым была сделана оговорка, в отношениях между государством или международной организацией, частично снимающим/снимающей оговорку, и всеми другими сторонами, будь то принявшими оговорку или возражавшими против нее»⁹⁹². Несомненно, положения договора могут применяться в отношениях между государством или международной организацией, являющимся/являющейся автором оговорки, и другими договаривающимися государствами или договаривающимися организациями в более полной мере, но не «во всей их полноте», поскольку оговорка (разумеется, ослабленная) предположительно сохраняется.

⁹⁸⁶ См. руководящие положения 2.3–2.3.2.

⁹⁸⁷ См. пункты 14)–16) выше.

⁹⁸⁸ См. руководящее положение 2.5.11 и пункт 1) комментария к нему.

⁹⁸⁹ См. статью 20 Венских конвенций и руководящее положение 4.1.

⁹⁹⁰ См. руководящее положение 2.5.1.

⁹⁹¹ См. пункт 18) комментария к руководящему положению 2.5.10.

⁹⁹² См. руководящее положение 2.5.7.

2) В то же время, даже если частичное снятие оговорки и не представляет собой новую оговорку⁹⁹³, оно будет иметь следствием изменение прежнего текста. С этого момента, как указано в первом пункте руководящего положения 2.5.11, юридические последствия оговорки оказываются измененными «в той мере, в какой это предусматривается новой формулировкой оговорки». В приведенной фразе используется терминология статьи 21 Венских конвенций 1969 и 1986 годов⁹⁹⁴, однако без какого-либо уточнения последствий оговорок и высказанных в отношении них возражений.

3) В случае частичного снятия возникает еще одна, особая проблема. Что касается полных снятий, то они имеют своим следствием прекращение действия возражений, которые были высказаны в отношении первоначальной оговорки⁹⁹⁵, в том числе в тех случаях, когда эти возражения сопровождалась отказом от введения в действие договора в отношениях с автором оговорки⁹⁹⁶. Нет никаких причин для того, чтобы это имело место в случае частичного снятия. Разумеется, государствам или международным организациям, высказавшим возражения, будет предложено пересмотреть и снять их, если мотив или мотивы, которыми они руководствовались, исчезли вследствие изменения оговорки, и они, несомненно, могут осуществить их снятие⁹⁹⁷; однако их нельзя обязать сделать это, и они вполне могут сохранить их, если сочтут это уместным, разумеется, при условии, что возражение явно не было вызвано той частью оговорки, которая снимается. В этом последнем случае возражение отпадает само собой; именно это и означает последняя часть фразы — «в той мере, в какой возражение не относится исключительно к той части оговорки, которая была снята». Однако в этой связи возникают два вопроса.

4) Первый заключается в том, что необходимо выяснить, должны ли авторы возражения, имеющего иной характер, формально подтвердить свое возражение или оно должно считаться применимым к оговорке в ее новой формулировке. С учетом практики почти не возникает сомнений в существовании презумпции такой преемственности, и Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в своем качестве депозитария, по всей видимости, считает преемственность в отношении возражений само собой разумеющейся⁹⁹⁸. Это кажется

⁹⁹³ См. пункт 15) комментария к руководящему положению 2.5.10.

⁹⁹⁴ См. пункт 1 статьи 21: «Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23: а) изменяет для сделавшего оговорку государства в его отношениях с этим другим участником положения договора, к которым относится оговорка, в пределах сферы действия оговорки».

⁹⁹⁵ См. пункт 1 руководящего положения 2.5.7 («будь то принявшими оговорку или возражавшими против нее»).

⁹⁹⁶ См. пункт 2 руководящего положения 2.5.7.

⁹⁹⁷ См. пункт 11) комментария к руководящему положению 2.5.10 и сноску 974 выше; см. также руководящее положение 2.7.1.

⁹⁹⁸ Возражения Дании, Мексики, Нидерландов, Норвегии, Финляндии или Швеции в отношении оговорки Ливийской Арабской Джамахирии к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года (см. комментарий

достаточно логичным: частичное снятие не влечет за собой исчезновения первоначальной оговорки и не представляет собой новую оговорку; поэтому а priori высказанные в отношении нее возражения продолжают правомерно применяться до тех пор, пока авторы этих возражений их не снимут. Выводы, вытекающие из этого утверждения, отражены во второй фразе пункта 1 руководящего положения 2.5.11.

5) Второй вопрос состоит в том, чтобы установить, не является ли частичное снятие оговорки новым поводом для того, чтобы высказать возражение к оговорке в той форме, которую она принимает вследствие частичного снятия. Так как в данном случае речь идет не о новой оговорке, а об ограничении уже существующей, формулировка которой изменена таким образом, чтобы в большей степени приблизить обязательства государства, высказавшего оговорку, к обязательствам, предусматриваемым договором, *prima facie* представляется маловероятным, чтобы у других договаривающихся государств или договаривающихся организаций могли возникнуть возражения против оговорки в новой формулировке⁹⁹⁹: если их устраивала первоначальная оговорка, вряд ли у них могут возникнуть возражения против новой, которая, предположительно, имеет более ограниченные последствия. Поэтому, в принципе, так же, как государство не может возражать против безусловного снятия, оно не может возражать и против частичного снятия.

6) Однако существует исключение из этого принципа. Несмотря на отсутствие соответствующих примеров, частичное снятие может иметь дискриминационные последствия. Это может иметь место, например, если государство или международная организация снимает свою высказанную ранее оговорку в отношении только некоторых сторон или определенных категорий сторон, или определенных категорий бенефициаров, исключая других. В таких случаях последние должны иметь возможность высказать свои возражения против оговорки, даже несмотря на то, что у них не было возражений против первоначальной оговорки в силу того, что она действовала в равной мере в отношении всех договаривающихся государств и организаций. Во втором пункте проекта руководящего положения 2.5.11 одновременно закрепляется невозможности возражения против оговорки в случае ее частичного снятия и исключение из него в случае, если снятие имеет дискриминационные последствия.

2.5.12 Снятие заявлений о толковании

Заявление о толковании может быть снято в любой момент темы, кто считается для этой цели

к руководящему положению 2.5.10, сноска 979 выше) не были изменены после изменения формулировки последней и продолжают фигурировать в издании *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8.

⁹⁹⁹ Вместе с тем, они, разумеется, могут снять свои первоначальные возражения, которые, как и сами оговорки, могут быть сняты в любое время (см. пункт 2 статьи 22 Венских конвенций 1969 и 1986 годов); см. также пункт 11) комментария к руководящему положению 2.5.10.

представляющим государство или международную организацию, в соответствии с той же процедурой, которая применима к его формулированию.

Комментарий

1) Из руководящего положения 2.4.4 следует, что если договором не предусматривается иное¹⁰⁰⁰, «простое» заявление о толковании «может быть сформулировано в любой момент». Отсюда, как очевидно, следует, что такое заявление может быть и снято в любой момент без особых формальностей. Впрочем, было бы парадоксальным, если бы возможность снимать заявление о толковании была в большей степени ограничена, нежели возможность снятия оговорки, что может иметь место «в любой момент»¹⁰⁰¹.

2) Хотя государства редко снимают свои заявления о толковании, иногда это все-таки происходит. Так, 1 марта 1990 года правительство Италии уведомило Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о том, что «оно отзывает заявление, согласно которому оно признает положения статей 17 и 18 [Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года] только в качестве рекомендаций»¹⁰⁰². Аналогичным образом «20 апреля 2001 года правительство Финляндии информировало Генерального секретаря [Организации Объединенных Наций] о своем решении снять заявление в отношении статьи 7 (2), сделанное при ратификации» Венской конвенции 1969 года (ратифицированной этой страной в 1977 году)¹⁰⁰³.

3) Такая практика совместима с весьма неформальным характером заявлений о толковании.

4) Тем не менее снятие заявления о толковании должно удовлетворять некоторым формальностям, изложенным в руководящих положениях 2.4.2 и 2.4.5 в отношении органов, компетентных формулировать такое заявление (это те же лица, которые могут представлять государство или международную организацию в целях принятия или установления аутентичности текста договора или в целях выражения

¹⁰⁰⁰ См. руководящее положение 2.4.7.

¹⁰⁰¹ См. пункт 1 статьи 22 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и руководящее положение 2.5.1.

¹⁰⁰² *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. V.2. Остаются сомнения в отношении характера этого заявления. Бывают также случаи снятия «заявлений о непризнании» (см., например, снятие заявлений Египта в отношении Израиля в связи с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года или Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года после осуществления в 1980 году Рамок мира на Ближнем Востоке, согласованных в Кемп-Дэвиде и подписанных в Вашингтоне, округ Колумбия, 17 сентября 1978 года (United Nations, *Treaty Series*, vol. 1138, No. 17853, p. 39), *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.2 or chap. VI.15), однако эти заявления не входят «в сферу действия... Руководства по практике» (см. руководящее положение 1.5.1).

¹⁰⁰³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1. Это заявление касалось соответствующих полномочий президента Республики, главы правительства и министра иностранных дел по заключению договоров. См. также снятие Новой Зеландией заявления, сделанного при ратификации Соглашения о создании Азиатского банка развития (*ibid.*, chap. X.4).

согласия государства или международной организации на обязательность для него/нее этого договора). Формулировка проекта руководящего положения 2.5.12 косвенно отсылает к этим положениям.

2.6 Формулирование возражений

2.6.1 Определение возражений против оговорок

«Возражение» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на оговорку, сформулированную другим государством или другой международной организацией, посредством которого это государство или эта организация желает воспрепятствовать тому, чтобы оговорка произвела предполагаемые последствия, или иным образом не согласиться с оговоркой.

Комментарий

1) Цель руководящего положения 2.6.1 заключается в том, чтобы дать общее определение, которое могло бы применяться ко всем категориям возражений против оговорок, предусмотренным в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов. С этой целью Комиссия руководствовалась определением самих оговорок в том виде, в каком оно фигурирует в пункте 1 *d*) статьи 2 Венских конвенций и воспроизводится в проекте руководящего положения 1.1 Руководства по практике, разработав на его основе определение возражений.

2) Это определение содержит пять элементов:

- первый касается характера акта («одностороннее заявление»);
- второй – его названия («в любой формулировке и под любым наименованием»);
- третий – его автора («сделанное государством или международной организацией»);
- четвертый – времени, когда оно должно быть сделано (когда выражается согласие на обязательность договора¹⁰⁰⁴); и
- пятый – его содержания или объекта, определяемых в зависимости от цели, преследуемой автором оговорки (направленной на то, чтобы «исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора применительно к данному государству или данной организации»¹⁰⁰⁵).

3) Однако определение возражений не должно в обязательном порядке включать все эти элементы, одни из которых присущи только оговоркам, а другие следует дополнительно уточнить для целей формулирования определения возражений.

¹⁰⁰⁴ См. руководящее положение 1.1.

¹⁰⁰⁵ Там же.

4) Комиссия сочла, в частности, что будет лучше не упоминать момент, когда возражение может быть сформулировано: данный вопрос не был четко решен в Венских конвенциях, и поэтому предпочтительнее рассматривать его обособленно, попытавшись дать на него ответ в отдельном руководящем положении¹⁰⁰⁶.

5) С другой стороны, два элемента определения оговорки, несомненно, должны фигурировать в определении возражений, которые, как и оговорки, являясь односторонними заявлениями, формулировка или наименование которых не имеют значения, если их объект позволяет квалифицировать их в качестве возражений.

6) Что касается первого элемента, то положения Венских конвенций не оставляют никаких сомнений: возражение исходит от государства или международной организации и может быть снято в любой момент¹⁰⁰⁷. Однако это не решает весьма щекотливый вопрос о категориях государств или международных организаций, которые могут формулировать возражение.

7) На данном этапе не представляется необходимым включать в определение возражения уточнение, фигурирующее в пункте 4 *b*) статьи 20 Венской конвенции 1986 года, в котором говорится о «*договаривающемся** государстве» и «*договаривающейся** организации»¹⁰⁰⁸. На это есть две причины:

– с одной стороны, в пункте 4 *b*) статьи 20 регулируется вопрос о том, влечет ли возражение *последствия* для вступления договора в силу между автором оговорки и автором возражения; однако это положение оставляет открытым вопрос о возможности для государства или международной организации, которые не являются договаривающимся государством или договаривающейся организацией по смыслу пункта 1 *f*) статьи 2 Конвенции, высказать возражение; нельзя исключать возможности того, что такое государство или такая организация выскажут возражение, при том понимании, что это возражение будет иметь последствия, предусмотренные в пункте 4 *b*) статьи 20 лишь в том случае, если такое государство или такая организация станут договаривающимся государством или договаривающейся организацией; впрочем, в пункте 3 статьи 21 это уточнение не фигурирует, а упоминается лишь «государство или международная организация, возражающее/возражающая против оговорки» без каких-либо уточнений; данный аспект заслуживает отдельного исследования;

¹⁰⁰⁶ См. руководящее положение 2.6.12 и комментарий к нему.

¹⁰⁰⁷ См. статью 20, пункт 4 *b*), статью 21, пункт 3, и статью 22, пункты 2 и 3 *b*) Венских конвенций 1969 и 1986 годов. См. в этой связи Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), p. 341, или Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 313. Впрочем, из этого не следует, что возражение, как и оговорка, не может быть сформулировано совместно несколькими государствами или международными организациями. См. руководящее положение 2.6.4 ниже.

¹⁰⁰⁸ В пункте 4 *b*) статьи 20 Венской конвенции 1969 года говорится лишь о «договаривающемся государстве».

– с другой стороны, в самом определении оговорки не дается никакого уточнения в отношении того, какие именно государство или международная организация правомочны формулировать оговорку; представляется нецелесообразным поступать иначе и утяжелять определение возражений.

8) Что касается второго элемента, то достаточно напомнить о том, что право оговорки к договорам, закрепленное в Венской конвенции 1969 года, проникнуто идеей о том, что намерения государств преваляют над терминологией, к которой они прибегают для выражения этих намерений. По определению, которое дается в Конвенции, термин «договор»¹⁰⁰⁹ «означает международное соглашение... независимо от его конкретного наименования»¹⁰¹⁰. Аналогичным образом, оговорка определяется в Конвенции как «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием»¹⁰¹¹, и Комиссия использовала такое же выражение для определения заявлений о толковании¹⁰¹². Так же следует подходить и к возражениям: в обоих случаях «важно намерение». Остается, однако, выяснить, каково именно это намерение, что и составляет основную проблему определения, предлагаемого в руководящем положении 2.6.1.

9) На первый взгляд термин «возражение» не содержит загадки. Согласно «Словарю международного публичного права», он означает «несогласие, проявляемое субъектом права в отношении какого-либо акта или претензии другого субъекта права, с целью воспрепятствовать его вступлению в силу или его действию в отношении него»¹⁰¹³. В этом же издании «возражение против оговорки» определяется следующим образом: «Выражение государством неприятия оговорки к договору, сформулированной другим государством, при этом цель оговорки – противодействовать применению между двумя государствами положения (или положений), охватываемых оговоркой, или, если таково объявленное автором возражения намерение, – помешать вступлению договора в силу между этими двумя государствами»¹⁰¹⁴.

¹⁰⁰⁹ Возможно, неправильно использовать во французском тексте слово «*expression*» (выражение), когда обозначаемая им вокабула состоит из одного слова. Это терминологическое отклонение, тем не менее, закреплено узусом, и представляется нецелесообразным ставить его под сомнение.

¹⁰¹⁰ Статья 2, пункт 1 *a*), Венской конвенции 1969 года. См. также, например, решение Международного Суда от 1 июля 1994 года по делу *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1994*, p. 112, at p. 120, para. 23: «международное соглашение может принимать различные формы и выступать под различными наименованиями».

¹⁰¹¹ Статья 2, пункт 1 *d*), Венской конвенции 1969 года.

¹⁰¹² См. руководящее положение 1.2 и комментарий к нему (в частности, пункты 14) и 15)) и примеры «реквалификации» (там же и комментарий к руководящему положению 1.3.2, «Формулировка и наименование»).

¹⁰¹³ J. Salmon (ed.), *Dictionnaire de droit international public*, Brussels, Bruylant, 2001, p. 763.

¹⁰¹⁴ *Ibid.*, p. 764. Само собой разумеется, это определение также применяется в отношении возражения, высказанного международной организацией.

10) Это последнее уточнение находит свое подтверждение в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, в котором предусматривается, что автор возражения может указывать, возражает ли он против вступления в силу договора между ним и автором оговорки. В таком случае намерение автора одностороннего заявления возразить против оговорки не вызывает сомнений.

11) Дело может обстоять иначе в том случае, когда реакция на оговорку проявляется в других формах, которые могут свидетельствовать об опасениях, испытываемых реагирующими субъектами, хотя их реакция и не равнозначна настоящему возражению.

12) Как указал арбитражный суд, занимавшийся рассмотрением спора между Францией и Соединенным Королевством по вопросу о делимитации континентального шельфа, в своем решении от 30 июня 1977 года:

Таким образом, определение того, означает ли такая реакция, что государство сделало простой комментарий, лишь зарезервировало свою позицию или же отвергает только соответствующую оговорку или любые договорные отношения со сделавшим оговорку государством применительно к конкретному договору, зависит от намерения соответствующего государства¹⁰¹⁵.

В данном случае суд четко не высказался относительно характера «реакции» Соединенного Королевства, но «толковал ее как возражение»¹⁰¹⁶, в частности, применив правило, предусмотренное в пункте 3 статьи 21 Венской конвенции 1969 года, которая, между тем, не действовала в отношениях между этими участниками.

13) Это решение подверглось критике по этому конкретному аспекту¹⁰¹⁷, однако представляется неоспоримым, что формулировка соответствующего заявления Великобритании явно свидетельствовала о намерении Соединенного Королевства возразить против оговорки Франции. Это заявление было изложено в следующей формулировке:

Правительство Соединенного Королевства не в состоянии принять оговорку b)¹⁰¹⁸.

Отказ принять оговорку как раз и является самым объектом возражения в полном и обычном смысле этого слова.

14) Как указал арбитражный суд в споре между Францией и Великобританией, в конечном счете может быть так, что реакция, даже критическая, в отношении оговорки, не представляет собой

возражение по смыслу статей 20–23 Венских конвенций. Речь может, в частности, идти о простых комментариях, посредством которых государство или международная организация ставит в известность о своем ограничительном толковании оговорки или условий, при которых это государство или организация считают оговорку действительной. Так,

[в] 1979 году Соединенное Королевство, Германия и Франция отреагировали на оговорку, сделанную Португалией в отношении положения о защите прав собственности, содержащегося в статье 1 Протокола к Европейской конвенции о правах человека. Делая эту оговорку, Португалия намеревалась не допустить оспаривания масштабных мер по экспроприации и национализации, принятых после «Революции гвоздик», в Европейской комиссии или в Суде по правам человека. Реагирующие на это государства официально не выступали против оговорки, сделанной Португалией, а скорее сделали заявления о том, что она не может затрагивать общие принципы международного права, предусматривающие оперативную, адекватную и эффективную выплату компенсации за экспропрированную иностранную собственность. После внесения поправок в законодательство и Конституцию Португалия сняла эту оговорку в 1987 году¹⁰¹⁹.

15) Аналогичным образом можно проанализировать следующие примеры:

– сообщения, посредством которых несколько государств указали, что они не считают, что «заявления»^[1020], сделанные Белорусской Советской Социалистической Республикой, Украинской Советской Социалистической Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой в отношении пункта 1 статьи 11 [Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года], каким-либо образом изменяют права и обязанности, вытекающие из этого пункта¹⁰²¹; эти сообщения выглядят скорее как толкование соответствующих оговорок (или положения, которого они касаются), нежели собственно возражения, тем более, что эти заявления отличаются от других заявлений, представляемых официально в качестве возражений¹⁰²²;

¹⁰¹⁹ Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), p. 106; сноски опущены.

¹⁰²⁰ Эти заявления, согласно которым соответствующие стороны уточняли, что они считают, что «в случае расхождения во мнениях по вопросу о численности персонала дипломатической миссии этот вопрос должен быть урегулирован с общего согласия аккредитующего и аккредитуемого государства», были конкретно квалифицированы ими как «оговорки» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3).

¹⁰²¹ *Ibid.*, Австралия, Дания, Канада, Мальта, Новая Зеландия, Соединенное Королевство, Таиланд и Франция.

¹⁰²² *Ibid.*, заявления Греции, Люксембурга и Нидерландов или Объединенной Республики Танзания или более неоднозначное заявление Бельгии. См. также, например, последний пункт сообщения Соединенного Королевства относительно оговорки и заявлений, прилагаемых к ратификационной грамоте Союза Советских Социалистических Республик, касающейся Венской конвенции 1969 года (*ibid.*, chap. XXIII.1) или реакцию Норвегии на корректирующее «заявление» Франции от 11 августа 1982 года относительно Протокола 1978 года к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (Конвенция МАРПОЛ) (которое явно представлялось как оговорка и против которой как таковой возразили Швеция и Италия), указавшей, что она рассматривает его как заявление, а не как оговорку, *IMO, Status of Multilateral Conventions and Instruments...* (сноска 693 выше), p. 118, footnote 1.

¹⁰¹⁵ Решение от 30 июня 1977 года, *Case concerning the delimitation of the continental shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the French Republic* (см. сноску 24 выше), в особенности, pp. 32–33, para. 39.

¹⁰¹⁶ P.-H. Imbert, «La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977 relative à la délimitation du plateau continental entre la République française et le Royaume-Uni de Grande Bretagne et d'Irlande du Nord», AFDI, vol. 24 (1978), p. 45.

¹⁰¹⁷ *Ibid.*

¹⁰¹⁸ *Case concerning the delimitation of the continental shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the French Republic* (см. сноску 24 выше), p. 33, para. 40.

– представление Соединенных Штатов относительно первой оговорки Колумбии к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 года, в котором правительство Соединенных Штатов заявляет, что, по его мнению, оговорка касается «освобождения Колумбии от обязательств, предусмотренных в пунктах 6 и 9 статьи 3 и в статье 6 Конвенции, и применима лишь в той степени, в какой соблюдение Колумбией этих обязательств противоречит статье 35 ее Политической конституции (экстрадиция колумбийских граждан по рождению); *если эта оговорка применялась бы** к экстрадиции лиц, помимо колумбийских граждан по рождению, правительство Соединенных Штатов *высказало бы возражение против нее**»¹⁰²³; в данном случае речь скорее идет об «условном принятии», а не о собственно возращении; или

– сообщения Соединенного Королевства, Норвегии и Греции относительно заявления Камбоджи по Конвенции о Международной морской организации¹⁰²⁴.

16) Число таких «квазивозражений» за последние несколько лет имеет тенденцию к увеличению с широким распространением практики «диалога об оговорках». В рамках этой практики государства излагают, в более или менее формальном порядке, автору оговорки причины, по которым они считают, что данная оговорка должна быть снята, уточнена или изменена. Эти сообщения могут представлять собой подлинные возражения, однако речь может идти, и зачастую идет, о начале диалога, который, разумеется, способен привести к выдвиганию возражения, но может и закончиться изменением или снятием оговорки. Реакция Финляндии на оговорки, сформулированные Малайзией при присоединении этого государства к Конвенции о правах ребенка 1989 года, безусловно, относится к первой категории и, несомненно, представляет собой возражение:

Оговорка в ее настоящей редакции явно несовместима с объектом и целью Конвенции и, таким образом, неприемлема в соответствии с пунктом 2 статьи 51 [этой Конвенции]. Соответственно правительство Финляндии *возражает против нее**. Кроме того, правительство Финляндии отмечает, что оговорка правительства Малайзии не имеет юридического действия¹⁰²⁵.

¹⁰²³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. VI.19. Впоследствии Колумбия сняла эту оговорку (*ibid.*).

¹⁰²⁴ *Ibid.*, chap. XII.1.

¹⁰²⁵ *Ibid.*, chap. IV.11. Полный текст этого возражения выглядит следующим образом:

«Оговорка, сформулированная Малайзией, касается нескольких основополагающих положений Конвенции о правах ребенка. Ее широкий характер не позволяет получить представление о том, в какой мере Малайзия намерена применять Конвенцию и выполнять предусмотренные в ней обязательства. По мнению правительства Финляндии, оговорки столь общего характера могут привести к подрыву основ международных договоров по правам человека.

Правительство Финляндии напоминает также о том, что указанная оговорка должна согласовываться с общим принципом толкования договоров, в соответствии с которым одна из сторон договора не может ссылаться на положения своего внутреннего права и – в еще меньшей степени – на свою национальную

17) Характер возражения, присущий реакции Австрии на те же оговорки, также весьма аргументированной и преследующей аналогичные цели, не столь очевиден; заявление Австрии от 18 июня 1996 года не содержит никаких положений, свидетельствующих об окончательном отклонении оговорки Малайзии, а скорее отражает выжидательную позицию:

Согласно статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров и статье 51 [Конвенции о правах ребенка], для того чтобы оговорка к договору была приемлемой по международному праву, она должна быть совместимой с объектом и целью договора. Оговорка является несовместимой с объектом и целью договора, если она направлена на отступление от положений, применение которых необходимо для реализации объекта и цели этого договора.

Правительство Австрии рассмотрело оговорки, сформулированные Малайзией в отношении [Конвенции]. Поскольку эти оговорки носят общий характер, *окончательно судить об их приемлемости без дополнительных разъяснений невозможно**.

В ожидании* того, что Малайзия более четко определит сферу юридического действия этих оговорок, Австрийская Республика будет считать, что они не затрагивают ни одно из положений, применение которых необходимо для реализации объекта и цели [Конвенции].

Тем не менее, Австрия выступает против того, чтобы считать эти оговорки приемлемыми, *если** их применение влечет за собой несоблюдение Малайзией... обязательств, которые она взяла на себя по Конвенции и которые необходимы для реализации объекта и цели Конвенции.

Австрия может рассматривать как приемлемые в соответствии со статьей 51 Конвенции о правах ребенка и статьей 19 Венской конвенции о праве международных договоров сформулированные Малайзией оговорки... *лишь в том случае**, если та засвидетельствует – *дополнительными заявлениями или практическими мерами, которые она будет применять впоследствии**, – что ее оговорки совместимы с положениями, необходимыми для реализации объекта и цели Конвенции¹⁰²⁶.

И в данном случае можно считать, что речь идет не о простом возращении, а, скорее, об условном принятии (или возращении) с ясными целями (закрывающимися в том, чтобы вынудить государство, сделавшее оговорку, отказаться от своей оговорки

политику в обоснование своего отказа выполнять этот договор. В общих интересах государств обеспечить, чтобы договаривающиеся стороны международных договоров были готовы внести необходимые изменения в свое внутреннее законодательство для соблюдения объекта и цели этих договоров. Кроме того, внутреннее право и политика страны подвержены изменениям, которые могут придать более широкие масштабы неожиданным последствиям оговорки.

Оговорка в ее настоящей редакции явно несовместима с объектом и целью Конвенции и, таким образом, неприемлема в соответствии с пунктом 2 статьи 51 [этой Конвенции]. Соответственно, правительство Финляндии *возражает против нее**. Кроме того, правительство Финляндии отмечает, что оговорка правительства Малайзии не имеет юридического действия.

Правительство Финляндии рекомендует правительству Малайзии пересмотреть свою оговорку [к указанной Конвенции]».

Еще более четко возражения против оговорок Малайзии высказаны в заявлениях Германии, Ирландии, Норвегии, Нидерландов, Португалии и Швеции, а также сообщениях Бельгии и Дании (*ibid.*). Впоследствии Малайзия сняла часть своих оговорок (*ibid.*).

¹⁰²⁶ *Ibid.* См. также реакцию Швеции на оговорку Канады в отношении Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 25 февраля 1991 года, *ibid.*, chap. XXVII.4.

или изменить ее), но с неопределенным юридическим статусом и действием, хотя бы потому, что сами условия для принятия или отклонения оговорки не поддаются объективной оценке, и не установлено никаких конкретных сроков.

18) Такие заявления создают проблемы, сопоставимые с проблемами, вытекающими из сообщений, в которых государство или международная организация «резервируют свою позицию» в отношении действительности оговорки. Так, возникает вопрос о сфере действия заявления Нидерландов, посредством которого правительство этой страны «резервирует все свои права в отношении оговорок к статье 12 и к пунктам 2 и 3 статьи 24 [Конвенции о континентальном шельфе и прилегающей зоне 1958 года], которые правительство Венесуэлы сформулировало на момент ратификации» этого договора¹⁰²⁷. То же самое можно сказать о заявлении Соединенного Королевства, которое указывает, что оно «не может занять позицию по так называемым оговоркам [Республики Корея к Международному пакту о гражданских и политических правах] в отсутствие достаточного указания на преследуемую цель в соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров и практикой участников Пакта. В ожидании получения такого указания правительство Соединенного Королевства резервирует все свои права в соответствии с Пактом»¹⁰²⁸. Аналогичным образом, нелегко определить характер реакции нескольких государств¹⁰²⁹ на ограничения, которыми Турция обусловила свое признание права на подачу индивидуальных жалоб в соответствии с прежней статьей 25 Европейской конвенции о правах человека. Эти государства в различных формах сообщили Генеральному секретарю Совета Европы, что они резервируют свою позицию в ожидании решения органов Конвенции, уточнив, что «отсутствие формальной и официальной реакции по существу данной проблемы не может... быть истолковано как молчаливое признание... оговорки правительства Турции»¹⁰³⁰. Представляется сложным считать, что речь идет о возражениях; это, скорее, уведомление о временном «непринятии», связанные с выжидательной позицией. В отличие от этого, возражение представляет собой официальную позицию,

¹⁰²⁷ *Ibid.*, chap. XXI.1. См. примеры, приведенные Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 318 and 336 (реакция Канады на оговорки и заявления Франции в отношении Конвенции о континентальном шельфе).

¹⁰²⁸ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4. См. также сообщение Нидерландов по вопросу об оговорках Австралии в отношении статьи 10 Пакта (*ibid.*); с другой стороны, реакция Нидерландов на оговорки Австралии к статьям 2 и 50 этого Пакта, скорее, ближе к толкованию рассматриваемых оговорок (*ibid.*).

¹⁰²⁹ Бельгия, Дания, Люксембург, Норвегия и Швеция. Такие ограничения не являются оговорками по смыслу Руководства по практике (см. пункт 2 руководящего положения 1.5.3), однако пример, представленный в работе Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), p. 107, является не менее ярким по аналогии.

¹⁰³⁰ Заявление Люксембурга. Текст этих различных заявлений воспроизводится в постановлении Европейского суда по правам человека от 23 марта 1995 года по делу *Loizidou v. Turkey* (предварительные возражения) (см. сноску 304 выше), Series A no. 310 pp. 12–13, paras. 18–24.

имеющую целью воспрепятствовать тому, чтобы оговорка имела те последствия, которые ожидает от нее ее автор.

19) Из этого не следует, что формы реакции, подобные упомянутым выше¹⁰³¹, со стороны других договаривающихся государств или договаривающихся организаций в отношении оговорок, сформулированных государством или международной организацией, запрещены или не имеют никакого юридического действия. Просто они не являются возражениями по смыслу Венских конвенций, и их действие относится либо к толкованию договора или односторонних актов, каковыми являются оговорки, либо к «диалогу об оговорках», который другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации пытаются завязать с автором оговорки. Такая неопределенность делает очевидным интерес к использованию четкой и недвусмысленной терминологии одновременно при квалификации реакции на оговорку, ее формулировании и определении сферы действия, которую намерен придать возражению его автор¹⁰³².

20) Что касается первого момента – квалификации реакции, то наиболее осторожное решение, безусловно, заключается в использовании существительного «возражение» или глагола «возражать». Тем не менее такие термины, как «несогласие/выражать несогласие»¹⁰³³, «отклонение/отклонять»¹⁰³⁴, «отказ/отказываться» и т.д., также должны рассматриваться как означающие возражение. За исключением очень конкретного контекста, то же самое относится и к таким выражениям, как «правительство... не принимает оговорку...»¹⁰³⁵ или «сформулированная оговорка... является неприемлемой/недопустимой/недозволенной»¹⁰³⁶. Аналогичным образом обстоит в том случае, когда государство или международная организация, не принимая при этом конкретных мер, объявляют, что оговорка «запрещена

¹⁰³¹ См. пункты 13–17) комментария к настоящему руководящему положению.

¹⁰³² См. в этой связи «Типовые положения реакции на оговорки», содержащиеся в приложении к Рекомендации № R (99) 13 Комитета министров Совета Европы от 18 мая 1999 года. Следует отметить, что во всех предложенных в этом документе альтернативных редакциях конкретно используется слово «возражение». О недостатках неопределенных и неточных возражений см. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 184–185; см. также pp. 191–197 and 221–222.

¹⁰³³ См. возражение Финляндии против оговорки Малайзии к Конвенции о правах ребенка (пункт 16) выше, сноска 1025).

¹⁰³⁴ См., например, возражение Гватемалы против оговорок Кубы к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3).

¹⁰³⁵ См., например, возражения правительства Австралии против нескольких оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года (*ibid.*, chap. IV.1) и возражения правительства Нидерландов против нескольких оговорок к Конвенции об открытом море 1958 года (*ibid.*, chap. XXI.2). См. также возражение Великобритании против оговорки Франции к статье 6 Конвенции о континентальном шельфе (пункт 13) выше, сноска 1018).

¹⁰³⁶ См., например, реакцию Японии на оговорки к Конвенции об открытом море 1958 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.2) или Германии в отношении оговорки Гватемалы к Конвенции о статусе беженцев 1951 года (*ibid.*, chap. V.2).

договором»¹⁰³⁷, «не имеет никакого действия»¹⁰³⁸ или просто «не совместима с объектом и целью договора»¹⁰³⁹, что происходит чрезвычайно часто. Хотя автор заявления, сформулированного таким образом, не имеет целью открыто воспрепятствовать тому, чтобы оговорка возымела последствия, он тем не менее выражает свое несогласие с оговоркой – или, в любом случае, свое твердое намерение не соглашаться с оговоркой. По мнению Комиссии, эти заявления являются также возражениями по смыслу Венских конвенций. Выражение «иным образом противодействует» в руководящем положении 2.6.1 это учитывает.

21) Тем не менее в некоторых случаях государства предполагают с помощью своих возражений добиться последствий, которые не предусмотрены конкретно в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, и в этом случае возникает вопрос, действительно ли идет речь о возражениях.

22) Это положение предусматривает лишь две возможности:

a) либо «положения, к которым относится оговорка, не применяются в отношениях между сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку организацией и возразившим против оговорки государством или возразившей против оговорки организацией в пределах сферы действия такой оговорки»; это – «минимальный» эффект оговорки;

b) либо, если государство или международная организация, которые высказали возражение, четко выразили свое намерение в соответствии с пунктом 4 b) статьи 20, договор не вступает в силу между этим государством или этой организацией и государством или организацией, сделавшими оговорку; это, как правило, называется «максимальным» эффектом возражений¹⁰⁴⁰.

23) Однако на практике существует промежуточный этап между «минимальным» и «максимальным» эффектом возражения, предусмотренным этим положением, поскольку возникают ситуации, когда государство желает вступить в договорные отношения с автором оговорки, считая при этом, что действие

возражения должно выходить за рамки того, что предусмотрено в пункте 3 статьи 21¹⁰⁴¹.

24) Аналогичным образом возможна ситуация, когда возразившее государство намерено произвести с помощью своего возражения «супермаксимальный» эффект¹⁰⁴², заключающийся в констатации не только того факта, что оговорка, против которой выдвигается возражение, не является действительной, но и что, как следствие этого, договор применяется *ipso facto* в целом в отношении между двумя государствами. Так, например, сделала Швеция в своем возразении от 27 ноября 2002 года против оговорки Катара, сформулированной при его присоединении к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 года:

Это возражение не создает препятствий для вступления в силу Конвенции между Катаром и Швецией. Конвенция вступает в силу между двумя государствами в полном объеме, при этом Катар не может воспользоваться своей оговоркой¹⁰⁴³.

25) Хотя такое действие таких возражений оспаривалось¹⁰⁴⁴, факт заключается в том, что авторы возражений *имеют целью* произвести с их помощью такой промежуточный или «супермаксимальный» эффект. Точно так же, как определение оговорок не предопределяет их действительности, указав в руководящем положении 2.6.1, что посредством возражения «государство или организация имеет целью воспрепятствовать тому, чтобы оговорка имела желаемые последствия», Комиссия имела в виду занять абсолютно нейтральную позицию в отношении действительности результатов, которые автор возражения намерен получить с помощью своего возражения. Этот вопрос относится к рассмотрению последствий возражений.

26) Что касается выражения «или иным образом противодействует», то оно призвано напомнить, что в некоторых случаях автор возражения понимает, что оно не будет иметь никаких конкретных последствий. Это особенно очевидно, когда речь идет о некоторых возражениях, делаемых в отношении оговорок, которые автор возражения считает противоречащими

¹⁰³⁷ См., например, все сообщения, касающиеся заявлений, сделанных в соответствии со статьей 310 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года (*ibid.*, chap. XXI.6).

¹⁰³⁸ См., например, реакции Европейского сообщества на заявления Болгарии и Германской Демократической Республики в отношении Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП) 1975 года (*ibid.*, chap. XI.A.16).

¹⁰³⁹ См., например, заявление Португалии относительно оговорки Мальдивских Островов к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года (*ibid.*, chap. IV.8) и Бельгии в отношении оговорки Сингапура к Конвенции о правах ребенка 1989 года (*ibid.*, chap. IV.11).

¹⁰⁴⁰ Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 279–280; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 170–172.

¹⁰⁴¹ См. руководящие положения 3.4.2 и 4.3.7 и комментарии к ним. См., например, в этом отношении возражение Канады против оговорки Сирии к Венской конвенции 1969 года: «Канада не считает себя связанной договором с Сирийской Арабской Республикой в отношении положений Венской конвенции о праве международных договоров, к которым применяются обязательные процедуры примирения, изложенные в приложении к вышеупомянутой Конвенции» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1). В отношении других примеров и правомерности этой практики см. ниже. См. также Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), p. 400.

¹⁰⁴² См. B. Simma, «Reservations to human rights treaties – some recent developments», в G. Hafner (ed.), *Liber Amicorum, Professor Ignaz Seidl-Hohenveldern in honour of his 80th birthday*, The Hague, Kluwer, 1998, p. 659, и Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 300–305. По этому вопросу см. руководящее положение 4.5.3 и комментарий к нему.

¹⁰⁴³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.11.C; см. также возражение Норвегии от 30 декабря 2002 года (*ibid.*).

¹⁰⁴⁴ См. руководящее положение 4.5.3 и комментарий к нему.

объекту и цели договора¹⁰⁴⁵. Тем не менее даже в случае возражения в отношении действительной оговорки юридические последствия возражения могут не иметь конкретных последствий для договорных отношений «в той мере, в какой это предусмотрено оговоркой»¹⁰⁴⁶. Тем не менее речь идет о возражении в прямом смысле этого термина, которое производит в конечном счете иные в отличие от согласия последствия, в частности в отношении вступления в силу договора для автора оговорки¹⁰⁴⁷.

27) При этом, несмотря на противоположное мнение отдельных авторов¹⁰⁴⁸, никакая норма международного права не обязывает государство или международную организацию мотивировать возражения против оговорки. За исключением случаев, когда конкретная оговорка ясно разрешена договором¹⁰⁴⁹, другие государства и организации всегда могут отклонить ее по той или иной причине и даже не вступать в договорные отношения с ее автором. Заявление следующего содержания:

Правительство... намерено высказать возражение против оговорки, сформулированной¹⁰⁵⁰

является столь же действительным и юридически правильным, как и любое другое подробно

¹⁰⁴⁵ См. руководящее положение 4.5.2 (Реакции на оговорку, считающуюся недействительной) и, в частности, пункт 7) комментария к нему; см. также A. Pellet and D. Müller, «Reservations to treaties: an objection to a reservation is definitely not an acceptance», в E. Cannizzaro (ed.), *The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention*, Oxford University Press, 2011, pp. 54–59.

¹⁰⁴⁶ См. руководящее положение 4.3.6, пункт 2; см. также Pellet and Müller, «Reservations to treaties...» (сноска выше), p. 50.

¹⁰⁴⁷ См. Pellet and Müller, «Reservations to treaties...» (сноска 1045 выше), pp. 42–46 and p. 53.

¹⁰⁴⁸ Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), p. 45, цитирует в этом отношении R. Kühner, *Vorbehalte zu multilateralen völkerrechtlichen Verträgen*, Berlin, Springer-Verlag, 1986, p. 183 и Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 309; тем не менее представляется, что последний автор занимает на самом деле другую позицию. Практика показывает, что государства не считают себя обязанными мотивировать свои возражения; см., в частности, Hogg, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 131 and pp. 209–219.

¹⁰⁴⁹ См. в этой связи арбитражное решение от 30 июня 1977 года по англо-французскому делу *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf*: «Лишь в том случае, если соответствующая статья заранее допускает формулирование конкретных оговорок, можно считать, что участники Конвенции [о континентальном шельфе] заранее согласились с конкретными оговорками» (*Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the French Republic* (сноска 24 выше), p. 32, para. 39. Эмбер считает даже, что возразить можно против ясно разрешенной оговорки (Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 151–152). См. также руководящее положение 2.8.13 ниже.

¹⁰⁵⁰ Среди многочисленных примеров см. заявление Австралии в отношении оговорки Мексики к Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.1) и к Конвенции об открытом море 1958 года (*ibid.*, chap. XXI.2). См. также заявления Бельгии, Италии, Норвегии, Соединенного Королевства, Финляндии в отношении оговорки Йемена к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года (*ibid.*, chap. IV.2) или заявления Австрии в отношении оговорки Сальвадора к Конвенции о правах инвалидов 2006 года (*ibid.*, chap. IV.15).

аргументированное заявление¹⁰⁵¹. Тем не менее следует отметить недавнюю, но весьма характерную тенденцию уточнять и объяснять причины, обосновывающие возражение в глазах его автора, и руководящее положение 2.6.9 имеет целью призвать государства и международные организации поступать именно таким образом.

28) Кроме того, Комиссия хотела бы отметить, что она осознает, что использованное в определении слово «сделанное» («одностороннее заявление (...), сделанное государством или международной организацией») вызывает вопросы: воспринимаемое буквально оно может создавать впечатление, что возражение вызывает последствия само по себе без выполнения каких-либо других условий. Слово «сделанное» было сохранено из соображений обеспечения соответствия с определением оговорок, в котором фигурирует такое же выражение. Вместе с тем представляется предпочтительным указать, что возражение высказывается «в качестве реакции на оговорку к договору, сформулированную другим государством или другой международной организацией», поскольку оговорка имеет действие лишь в том случае, если это оговорка, «действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23»¹⁰⁵².

29) Кроме того, выражение «в качестве реакции на оговорку к договору, сформулированную другим государством или международной организацией», по-видимому, предполагает, что возражение может быть заявлено государством или международной организацией только после того, как оговорка сформулирована. А priori, это кажется логичным, но, по мнению Комиссии, такой вывод поспешен.

30) В самом деле, практика государств свидетельствует о том, что государства также заявляют возражения в «превентивных» целях. Так, например, Чили сформулировало следующее возражение применительно к Венской конвенции 1969 года:

Республика Чили формулирует возражение против оговорок, которые были сделаны или могут быть сделаны в будущем в отношении пункта 2 статьи 62 Конвенции¹⁰⁵³.

Аналогичным образом Япония заявила следующее возражение:

Правительство Японии имеет возражения в отношении любой оговорки, направленной на полное или частичное исключение положений статьи 66 и Приложения, касающихся обязательных процедур урегулирования споров, и считает, что у Японии нет договорных отношений с государством, сформулировавшим или намеревающимся сформулировать такую оговорку в отношении положений части V Конвенции, к которым указанные обязательные процедуры не будут применяться на основании упомянутой оговорки¹⁰⁵⁴.

¹⁰⁵¹ См. возражение Финляндии против оговорки Малайзии к Конвенции о правах ребенка (сноска 1025 выше).

¹⁰⁵² Статья 21, пункт 1; см. также раздел 4.1 Руководства по практике.

¹⁰⁵³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1.

¹⁰⁵⁴ *Ibid.*

Вместе с тем во второй части этого возражения правительство Японии указало, что последствия возражения должны наступить в отношении Сирийской Арабской Республики и Туниса. Позднее оно вновь выступило с подобным заявлением, в котором уточнило, что такие же последствия должны наступить в отношении Германской Демократической Республики и Союза Советских Социалистических Республик, сформулировавших оговорки, аналогичные оговоркам Сирийской Арабской Республики и Туниса¹⁰⁵⁵. Что касается других государств, то они заявляли новые возражения каждый раз, когда с оговоркой в отношении тех же положений выступало и какое-либо другое государство-участник¹⁰⁵⁶.

31) В возражении Японии против оговорок, сформулированных правительством Бахрейна и правительством Катара в отношении Венской конвенции 1961 года, не только отмечается, что обе эти оговорки рассматриваются как недействительные, но и указывается, что «эта позиция [Японии] также распространяется на любые оговорки, которые другие страны могут сформулировать в аналогичных целях»¹⁰⁵⁷.

32) Возражение Греции в отношении оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него также относится к категории предваряющих:

Кроме того, мы заявляем, что мы не приняли и не принимаем никакую из оговорок, которые уже сформулированы или могут быть сформулированы странами, подписавшими этот документ, или странами, которые к нему присоединились или должны присоединиться¹⁰⁵⁸.

Возражение общего характера было также заявлено Нидерландами в отношении оговорок к статье IX этой же Конвенции. Хотя в возражении перечислены государства, уже сделавшие такую оговорку, в заключение в ней указано: «Правительство Королевства Нидерландов рассматривает как не являющееся участником Конвенции любое государство, которое сформулировало или *сформулирует** такого рода оговорки». В то же время это возражение было сформулировано еще раз в 1996 году против оговорок Малайзии и Сингапура и тогда же снято в отношении Болгарии, Венгрии и Монголии, которые со своей стороны сняли свои оговорки¹⁰⁵⁹.

33) Таким образом, практика государств по этому вопросу далека от единообразия. Вместе с тем, по мнению Комиссии, ничто не препятствует тому, чтобы государство или международная организация заявляли возражения в превентивных целях до

формулирования оговорки или чтобы они заявляли возражения после формулирования оговорки, указывая, что они заранее возражают против идентичной или схожей оговорки.

34) Конечно, такие превентивные возражения не имеют последствий, предусмотренных пунктом 4 статьи 20 и пунктом 3 статьи 21 Венских конвенций, до тех пор, пока другое договаривающееся государство или другая договаривающаяся международная организация не сформулирует соответствующую оговорку. Эта ситуация не сильно отличается от ситуации с оговоркой, которая сформулирована договаривающимся государством или договаривающейся международной организацией, уже подписавшими договор, но еще не ставшими его участниками, и в отношении которой другое государство или организация выдвинули возражение; такое возражение не требует никакого официального подтверждения после подтверждения оговорки в момент выражения сделавшим ее государством своего согласия на обязательность договора¹⁰⁶⁰. Превентивное возражение является предупреждением его автора о том, что он не примет определенных оговорок. Как подчеркнул Международный Суд, такое предупреждение, с одной стороны, защищает права заявившего возражение государства, а с другой – дает понять другим государствам, намеревающимся сформулировать соответствующую оговорку, что против нее будет заявлено возражение¹⁰⁶¹.

2.6.2 Право формулировать возражения

Государство или международная организация вправе формулировать возражение против оговорки независимо от материальной действительности этой оговорки.

Комментарий

1) Теперь признано, что государство или международная организация может выдвигать возражение против оговорки, сформулированной другим государством или другой международной организацией, вне связи с таким параметром, как действительность этой оговорки¹⁰⁶². Однако, несмотря на то, что это право чрезвычайно обширно, оно не является безграничным.

2) Работа по подготовке Венской конвенции 1969 года не оставляет никаких сомнений относительно дискреционного характера формулирования возражений, хотя и не дает никакого ответа на вопрос о том, кто может формулировать возражения¹⁰⁶³.

3) В своем консультативном заключении 1951 года Международный Суд увязал рассмотрение

¹⁰⁵⁵ *Ibid.*

¹⁰⁵⁶ См., например, заявления и возражения Германии, Нидерландов, Новой Зеландии, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов против аналогичных оговорок, сформулированных рядом государств в отношении Венской конвенции 1969 года (*ibid.*).

¹⁰⁵⁷ *Ibid.*, chap. III.3.

¹⁰⁵⁸ *Ibid.*, chap. IV.1. Несмотря на это возражение общего характера, Греция сформулировала еще два возражения против оговорок Соединенных Штатов (*ibid.*).

¹⁰⁵⁹ *Ibid.*

¹⁰⁶⁰ См. руководящее положение 2.6.11 ниже.

¹⁰⁶¹ См. цитаты из консультативного заключения Суда 1951 года, *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), приведенные в пункте 5) комментария к руководящему положению 2.6.11.

¹⁰⁶² См. также руководящее положение 4.5.2 и комментарий к нему.

¹⁰⁶³ См. руководящее положение 2.6.3 и комментарий к нему.

действительности возражений с рассмотрением действительности самих оговорок, заявив следующее:

Объект и цель [договора] устанавливают (...) пределы как в отношении свободы заявлять оговорки, так и свободы возражать против них. Отсюда следует, что именно совместимость оговорок с объектом и целью Конвенции должна обеспечивать критерий поведения государства, которое заявляет оговорку при своем присоединении, и государства, которое считает должным заявить против нее возражение. Такова норма поведения, которая должна ориентировать каждое государство при оценке, которую оно должно делать индивидуально и за свой собственный счет в отношении правомерности оговорки¹⁰⁶⁴.

4) Пункт 2 *b*) проекта статьи 20, принятый в первом чтении Комиссией в 1962 году после упорных дискуссий¹⁰⁶⁵, отражал эту позицию и устанавливал связь между возражением и несовместимостью оговорок с объектом и целью договора, которая воспринималась как условие *sine qua non* действительности как оговорок, так и возражения. Это положение предусматривало следующее:

Возражение, заявленное в отношении оговорки государством, которое считает ее не совместимой с объектом и целью договора, препятствует вступлению в силу этого договора в отношениях между государством, заявившим возражение, и государством, которое сформулировало оговорку, если только государство, заявившее возражение, не изъявит иного намерения¹⁰⁶⁶.

5) Учитывая замечания, высказанные правительствами Австралии, Дании и Соединенных Штатов¹⁰⁶⁷, Специальный докладчик, однако, пересмотрел позицию, занятую Комиссией в первом чтении, и исключил упоминание о критерии совместимости в своем проекте пункта 3 *b*) статьи 19¹⁰⁶⁸. Однако при обсуждении вопроса в Комиссии сэр Хэмфри Уолдок опять занял противоположную позицию¹⁰⁶⁹, что, впрочем, не помешало Редакционному комитету вновь исключить упоминание о критерии совместимости, не предоставив, правда, никаких пояснений по этому вопросу¹⁰⁷⁰. В соответствии с занятой им позицией, пункт 4 *b*) проекта статьи 19, принятый в 1965 году во втором чтении, лишь предусматривал, что «возражение против оговорки, сделанное другим договаривающимся государством, препятствует вступлению в силу договора между государством, высказавшим возражение, и государством, сделавшим оговорку,

¹⁰⁶⁴ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), р. 24.

¹⁰⁶⁵ Вопрос о значении критерия совместимости с объектом и целью договора занял весьма важное место в первых дискуссиях, посвященных оговоркам (см. *Ежегодник... 1962 год*, том I, 651–656-е заседания). Одним из главных сторонников установления связи между этим критерием и реакцией на оговорку был Ш. Розенн, который опирался на консультативное заключение Суда (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, пункт 79).

¹⁰⁶⁶ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста.

¹⁰⁶⁷ Четвертый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 45–47 англ. текста.

¹⁰⁶⁸ Там же, стр. 52 англ. текста, пункт 10.

¹⁰⁶⁹ Там же, том I, 799-е заседание, стр. 169 англ. текста, пункт 65. См. также г-н Цуруока, там же, стр. 169 англ. текста, пункт 69. Противоположное мнение см. г-н Тункин, там же, стр. 167 англ. текста, пункт 37.

¹⁰⁷⁰ Там же, 813-е заседание, пункты 30–71, в частности пункты 57–66.

если возражающее против оговорки государство не заявит о противоположном намерении»¹⁰⁷¹.

6) Несмотря на выраженные рядом делегаций сомнения¹⁰⁷², Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968–1969 годов не стала вновь устанавливать связь между возражением и критериями действительности оговорки. Отвечая на вопрос, заданный представителем Канады, эксперт-консультант сэр Хэмфри Уолдок, напротив, весьма ясно высказался в пользу решения, поддержанного Комиссией:

Второй вопрос состоит в следующем: если в отношении оговорки нет прямого разрешения, но если в то же время она не относится к числу оговорок, запрещенных на основании пункта *c*) статьи 16, то вправе ли договаривающееся государство выдвигать возражение, не основанное на несовместимости с объектом и целью договора? Каждое договаривающееся государство совершенно свободно* самостоятельно, исходя из собственных интересов, решать, примет оно оговорку или нет¹⁰⁷³.

7) По этому вопросу Венский режим отличается от позиции, зафиксированной в заключении Международного Суда 1951 года¹⁰⁷⁴, которая в этом отношении, без сомнения, устарела и не соответствует современному позитивному праву¹⁰⁷⁵. Государство или международная организация вправе формулировать возражение как против оговорки, не удовлетворяющей критериям действительности, так и против оговорки, которую это государство или организация считает неприемлемой «исходя из собственных интересов», хотя она и является действительной. Иными словами, государства и международные организации вольны делать оговорки по какой-либо причине, которая может касаться недействительности оговорки, а также любого другого основания¹⁰⁷⁶.

¹⁰⁷¹ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/6009, стр. 162 англ. текста.

¹⁰⁷² См., в частности, поправку Соединенных Штатов (A/CONF.39/C.1/L.127, *Official records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), р. 135, para. 179) и комментарии представителя Соединенных Штатов (*Official records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 21-е заседание Комитета полного состава, р. 108, para. 11). Но также см. критические замечания, высказанные Австралией (*ibid.*, 22-е заседание, пункт 49), Японией (*ibid.*, 21-е заседание, пункт 29), Филиппинами (*ibid.*, пункт 58), Соединенным Королевством (*ibid.*, пункт 74), Швейцарией (*ibid.*, пункт 41) и Швецией (*ibid.*, 22-е заседание, пункт 32).

¹⁰⁷³ *Ibid.*, 25-е заседание, пункт 3.

¹⁰⁷⁴ См. пункт 3) выше. См. также Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), pp. 8–9; Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), р. 397; Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), р. 51; и K. Zemanek, «Some unresolved questions concerning reservations in the Vienna Convention on the Law of Treaties», *Études de droit international en l'honneur du Juge Manfred Lachs*, The Hague/Boston/Lancaster, Martinus Nijhoff Publishers, 1984, p. 333.

¹⁰⁷⁵ Сомнительно, впрочем, чтобы эта позиция отражала позитивное право по состоянию на 1951 год. Никто никогда не утверждал, что способность формулировать возражения в рамках системы единогласия подчинена несовместимости оговорки с объектом и целью договора.

¹⁰⁷⁶ С учетом, разумеется, общих принципов права, которые могут ограничить осуществление дискреционных полномочий государств в международном плане, например, полномочия по запрещению злоупотребления правом.

8) Эта позиция представляется оправданной в силу а консенсуса, составляющего основу режима оговорок и всего права договоров, о чем Международный Суд напомнил в своем консультативном заключении 1951 года:

Четко установлено, что в своих договорных отношениях государство не может быть связано обязательством без своего согласия и поэтому никакая оговорка не может быть противопоставлена какому-либо государству без его согласия на нее¹⁰⁷⁷.

9) Таким образом, государство (или международная организация) никогда не связано договорными обязательствами¹⁰⁷⁸, которые ему не подходят. Формулирующее оговорку государство всего лишь предлагает внести изменение в договорные отношения, предусмотренные договором¹⁰⁷⁹. И напротив, ни одно из государств не обязано соглашаться с такими изменениями – за исключением тех, что вытекают из оговорок, прямо разрешенных договором, если только они не противоречат объекту и цели договора¹⁰⁸⁰. Ограничение права формулировать возражения лишь сферой оговорок, противоречащих одному из критериев действительности, предусмотренных статьей 19, явилось бы нарушением суверенного права принимать или отклонять договорные обязательства¹⁰⁸¹; что противоречило бы самому принципу суверенного равенства государств, так как фактически позволяло бы государству (или международной организации), выражающему оговорку, в одностороннем порядке навязывать свою волю договаривающимся государствам или договаривающимся организациям¹⁰⁸². В реальности это предполагало бы

¹⁰⁷⁷ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), р. 21. Несогласные судьи также подчеркнули этот принцип в своем совместном мнении: «Согласие участников лежит в основе договорных обязательств. Право, регулирующее оговорки, представляет собой лишь конкретное применение этого основополагающего принципа, независимо от того, выражают ли участники согласие на оговорку до, во время или после ее формулирования» (*ibid.*, pp. 31–32). См. также известное заключение, вынесенное по делу о судне «Лотус» Постоянной палатой международного правосудия: «Таким образом, связывающие государства правовые нормы проистекают от воли государств, проявляющейся в соглашениях или в обычаях, которые обычно принимаются как закрепляющие принципы права и устанавливаются для регулирования сосуществования этих независимых сообществ или для достижения совместных целей. Поэтому ограничения независимости государств не презюмируются» (*The case of the S.S. «Lotus», Judgment, 1927, P.C.I.J., Series A, No. 10*, р. 18). См. также второй доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/477 и Add.1 и A/CN.4/478, пункты 97 и 99.

¹⁰⁷⁸ Это, разумеется, не означает, что государства не связаны юридическими обязательствами, вытекающими из других источников (см. раздел 4.4. Руководства по практике).

¹⁰⁷⁹ См. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1.

¹⁰⁸⁰ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 121, и С. Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations to multilateral treaties. Comments on arts. 16 and 17 of the ILC's 1966 draft articles on the law of treaties», *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht/Heidelberg Journal of International Law*, vol. 27 (1967), р. 466.

¹⁰⁸¹ Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (см. сноску выше).

¹⁰⁸² См. в этой связи девятый из Руководящих принципов, применяемых к односторонним заявлениям государств, могущим создать юридические обязательства, который был принят Комиссией международного права на ее пятьдесят восьмой сессии (сноска 249 выше), стр. 201.

сведение на нет механизма принятия оговорок и возражений против них¹⁰⁸³.

10) Таким образом, существование права государств и международных организаций формулировать в дискреционном порядке возражения против оговорок представляется неоспоримым. Оно вытекает из руководящего положения 2.6.1, в котором возражение определяется в зависимости от цели, преследуемой его автором, без рассмотрения его мотивов или же действительности оговорки, в отношении которой выдвигается возражение. Это подразумевает признание того, что автор может осуществить эту способность без учета вопроса о действительности оговорки, т.е. он может сделать возражение по любой причине, в том числе по политическим мотивам или по соображениям целесообразности, не будучи обязанным указывать свою мотивацию¹⁰⁸⁴ – при том, однако, понимании, что само возражение не наталкивается на одно из оснований недействительности¹⁰⁸⁵.

11) Дело в том, что «дискреционно» не означает «произвольно»¹⁰⁸⁶, и, хотя это право, безусловно, относится к сфере возможностей в плане оценки, оно тем не менее не является безграничной. Оно должно, в частности, осуществляться в пределах, вытекающих из процедурных и формальных ограничений, которые разработаны и уточнены в последующих руководящих положениях настоящего раздела Руководства по практике. Так, например, государство, принявшее оговорку, или международная организация, принявшая оговорку, теряют право делать позднее возражение в отношении этой же оговорки. Это косвенно вытекает из презумпции принятия оговорки, которая предусмотрена в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций и которая является предметом рассмотрения в руководящем положении 2.8.2 о процедуре, касающейся принятия оговорки. К тому же, руководящее положение 2.8.13 четко закрепляет окончательный характер принятия оговорки.

12) Однако такое отсутствие связи между действительностью оговорки и возражением не снимает полностью проблему материальной действительности возражения. Само собой разумеется, что право сформулировать возражение должно осуществляться в соответствии с положениями Венских конвенций и настоящего Руководства, – очевидный факт, о котором не было сочтено целесообразным напомнить в тексте руководящего положения 2.6.2.

¹⁰⁸³ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 513–514, para. 62; см. также выступление г-на Пала на 653-м заседании Комиссии (*Ежегодник... 1962 год*, том I, стр. 153 англ. текста, пункт 5).

¹⁰⁸⁴ По данному аспекту см. вместе с тем руководящее положение 2.6.9.

¹⁰⁸⁵ См. руководящее положение 3.4.2 и комментарий к нему.

¹⁰⁸⁶ См., в частности, S. Jovanović, *Restriction des compétences discrétionnaires des États en droit international*, Paris, Pedone, 1988, pp. 88 et seq., в особенности pp. 90–93; см. также решение № 191 Административного трибунала МОТ по делу *Ballo*. С текстом решения можно ознакомиться на сайте www.ilo.org/tribunal.

2.6.3 Автор возражения

Возражение против оговорки может быть сформулировано:

a) любым договаривающимся государством или любой договаривающейся организацией; и

b) любым государством или любой международной организацией, которые имеют право стать участником договора, в каком случае такое возражение не имеет юридических последствий до выражения этим государством или этой международной организацией согласия на обязательность договора.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.6.1, касающееся определения возражений, не дает ответа на вопрос о том, какие государства или международные организации могут формулировать возражение против оговорки, сделанной другим государством или другой международной организацией. На это нацелено руководящее положение 2.6.3.

2) В Венских конвенциях содержатся некоторые указания по вопросу о возможных авторах возражения. В пункте 4 b) статьи 20 Венской конвенции 1986 года говорится о возражении «договаривающегося государства или договаривающейся организации...». Из этих слов следует сделать вывод о том, что по смыслу пункта 1 f) статьи 2 Венской конвенции 1986 года договаривающиеся государства или договаривающиеся международные организации, несомненно, могут быть авторами возражения. Данный случай соответствует подпункту a) руководящего положения 2.6.3.

3) Согласно одной точке зрения, молчание Венской конвенции относительно права других государств или международных организаций, правомочных стать участниками договора, формулировать возражения, следует толковать как исключяющее такое право. Следовательно, заявления, формулируемые государствами и международными организациями, пока еще только имеющих право стать участниками договора, не должны рассматриваться как возражения¹⁰⁸⁷.

4) На самом деле, по мнению Комиссии, положения пунктов 4 b) и 5 статьи 20 Венских конвенций не только никоим образом не исключают, но и, наоборот, подразумевают возможность формулирования государствами и международными организациями, имеющими право стать участниками договора, возражений по смыслу определения, содержащегося в руководящем положении 2.6.1. В пункте 4 b) статьи 20 определены лишь возможные последствия возражения, высказанного договаривающимся

государством или договаривающейся организацией; но тот факт, что в пункте 4 не указаны последствия возражений, сформулированных иными, нежели договаривающиеся, государствами и иными, нежели договаривающиеся, организациями, необязательно означает, что эти иные государства и организации не могут формулировать возражения¹⁰⁸⁸. Впрочем, ограничение круга возможных авторов возражения, которое, на первый взгляд, вытекает из пункта 4 b) статьи 20 Венских конвенций, не воспроизводится в пункте 3 статьи 21, касающейся последствий возражения для выполнения договора в случае, если автор возражения не препятствует вступлению договора в силу в отношениях между ним и сделавшим оговорку государством. Кроме того, как четко установлено в пункте 1 статьи 23, оговорки, определенно выраженное согласие с оговорками и возражения против оговорок должны быть доведены до сведения не только договаривающихся государств и договаривающихся международных организаций, но и «других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора»¹⁰⁸⁹. Такое уведомление имеет смысл только в том случае, если эти другие государства и международные организации имеют реальную возможность отреагировать на оговорку, выразив в отношении нее определенное согласие или возражение. Наконец, и это весьма важно, данная позиция показалась Комиссии единственной, согласующейся с буквой и духом руководящего положения 2.6.1, в котором определение возражений против оговорок увязывается не с производимыми ими последствиями, а с последствиями, которые заявляющие возражение государства или международные организации *желают исключить или изменить*¹⁰⁹⁰.

5) Эта точка зрения подтверждается к тому же в консультативном заключении Международного Суда по делу *Reservations to the 1951 Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*. В постановляющей части своего консультативного заключения Суд ясно подтвердил возможность формулирования возражений государствами, имеющими право стать участниками Конвенции:

Суд считает...

a) что возражение против оговорки, заявленное государством, подписавшим, но еще не ратифицировавшим Конвенцию, может иметь юридическое значение, указанное в ответе на вопрос 1, только после ратификации. До того момента оно лишь уведомляет другое государство о возможной позиции государства, подписавшего Конвенцию;

b) что возражение против оговорки, заявленное государством, которое имеет право подписать Конвенцию или

¹⁰⁸⁸ В этой связи см. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 150.

¹⁰⁸⁹ См. также пункты 1 e) и 1 f) статьи 77 Венской конвенции 1969 года (статья 78 Венской конвенции 1986 года) о функциях депозитариев в отношении «государств и международных организаций, имеющих право стать участниками...».

¹⁰⁹⁰ Определение оговорок в том виде, в каком оно дается в пункте 1 d) статьи 2 Венских конвенций и воспроизводится в руководящем положении 1.1, задумано таким же образом: речь идет о заявлениях, нацеленных на возникновение некоторых последствий (но необязательно приводящих к ним).

¹⁰⁸⁷ В поддержку такой позиции, по всей видимости, высказывается В. Clark, «The Vienna Convention reservations regime and the Convention on Discrimination Against Women», AJIL, vol. 85, No. 2 (1991), p. 297.

присоединиться к ней, но еще этого не сделало, не имеет юридической силы¹⁰⁹¹.

6) Кстати, в практике не участвующие в переговорах государства часто заявляют возражения против оговорок. Так, например, Гаити выступило с возражением против оговорок Бахрейна к Венской конвенции о дипломатических сношениях, не являясь на тот момент даже государством, подписавшим эту Конвенцию¹⁰⁹². Аналогичным образом, Соединенные Штаты Америки заявили два возражения против оговорок Сирийской Арабской Республики и Туниса к Венской конвенции 1969 года, тогда как они не были – и не являются – договаривающимся государством этой Конвенции¹⁰⁹³. Точно так же, как об этом свидетельствуют приводимые ниже примеры, государства – авторы возражений на момент формулирования последних только лишь подписали договор (который они впоследствии ратифицировали):

– возражение Люксембурга против оговорок Союза Советских Социалистических Республик, Белорусской Советской Социалистической Республики и Украинской Советской Социалистической Республики к Венской конвенции о дипломатических сношениях¹⁰⁹⁴;

– возражения Соединенного Королевства против оговорок Чехословакии, Болгарии, Белорусской Советской Социалистической Республики, Украинской Советской Социалистической Республики, Румынии, Союза Советских Социалистических Республик, Ирана и Туниса к Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне¹⁰⁹⁵ и против оговорок Болгарии, Венгрии, Польши, Белорусской Советской Социалистической Республики, Украинской Советской Социалистической Республики, Румынии, Чехословакии, Союза Советских Социалистических Республик и Ирана в отношении Конвенции об открытом море¹⁰⁹⁶; и

– возражение Бельгии против оговорки Бразилии к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ¹⁰⁹⁷.

7) В практике Генерального секретаря как депозитария такие возражения, заявленные государствами или международными организациями, имеющими право стать участниками договора, становятся предметом «сообщений»¹⁰⁹⁸, а не «уведомлений депозитария», но то, что «сообщается», действительно является возражениями по смыслу руководящего положения 2.6.1.

8) Таким образом, представляется вполне возможным, что государства и международные организации, имеющие право стать участниками договора, могут заявлять возражения по смыслу определения, содержащегося в руководящем положении 2.6.1, несмотря даже на то, что они не выразили своего согласия на обязательность договора. Такая возможность устанавливается в подпункте *b*) руководящего положения 2.6.3.

9) В действительности, представляется не только возможным, но также благоразумным и целесообразным, чтобы государства или международные организации, имеющие право становиться участниками договора, но которые пока еще не выразили свое согласие на обязательность договора, высказывались против той или иной оговорки и доводили до сведения других свою точку зрения относительно данной оговорки. Как заметил Международный Суд в своем консультативном заключении 1951 года, такое возражение «лишь уведомляет другое государство о возможной позиции государства, подписавшего Конвенцию»¹⁰⁹⁹. Такое уведомление может, кроме того, оказаться полезным как для государства или организации, сделавших оговорку, так и, в случае необходимости, для органов наблюдения за исполнением договора.

10) В целом не приходится сомневаться, что возражение, сформулированное государством или организацией, которые еще не выразили своего согласия на обязательность для них договора, не влечет за собой никаких безотлагательных юридических последствий, предусматриваемых автором возражения. Это также вытекает из постановляющей части консультативного заключения 1951 года, где говорится, что такое возражение «может иметь юридическое значение, указанное в ответе на вопрос 1, только после ратификации» Конвенции государством или организацией, заявившими это возражение¹¹⁰⁰. Потенциальное юридическое действие возражения, заявленного государством или международной организацией еще

¹⁰⁹¹ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), р. 30, мнение по вопросу III (несмотря на формулировку подпункта *b*), некоторые члены Комиссии считают, что Суд имел здесь в виду только государства, подписавшие Конвенцию). Такой же была позиция сэра Хэмфри Уолдока в его первом докладе о праве договоров. В проекте статьи 19, полностью посвященном возражениям и их последствиям, предусматривалось, что «любое государство, являющееся участником договора или имеющее право им стать*, вправе высказывать возражение...» (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста). Однако было отмечено, что эта формулировка не вошла в текст Венской конвенции 1969 года в части возражений.

¹⁰⁹² *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3 (дата возражения: 9 мая 1972 года; дата присоединения: 2 февраля 1978 года).

¹⁰⁹³ *Ibid.*, chap. XXIII.1.

¹⁰⁹⁴ *Ibid.*, chap. III.3 (дата подписания: 2 февраля 1962 года; дата возражения: 18 января 1965 года; дата ратификации: 17 августа 1966 года).

¹⁰⁹⁵ *Ibid.*, chap. XXI.1 (дата подписания: 9 сентября 1958 года; дата возражения: 6 ноября 1959 года; дата ратификации: 14 марта 1960 года).

¹⁰⁹⁶ *Ibid.*, chap. XXI.2 (дата подписания: 9 сентября 1958 года; дата возражения: 6 ноября 1959 года; дата ратификации: 14 марта 1960 года).

¹⁰⁹⁷ *Ibid.*, chap. VI.19 (дата подписания: 22 мая 1989 года; дата возражения: 27 декабря 1989 года; дата ратификации: 25 октября 1995 года).

¹⁰⁹⁸ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), para. 214.

¹⁰⁹⁹ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), р. 30, мнение по вопросу III.

¹¹⁰⁰ *Ibid.*

до того, как они стали участниками договора, реализуется только при ратификации, утверждении договора или присоединении к нему (если речь идет о международном договоре, то в официальной форме) или при подписании (в случае соглашения – в упрощенной форме). Это не препятствует квалификации этих заявлений как возражений; но они являются «условными» или «предположительными» в том смысле, что их юридические последствия поставлены в зависимость от отдельного акта: выражения согласия на обязательность договора.

2.6.4 Возражения, формулируемые совместно

Совместное формулирование возражения несколькими государствами или международными организациями не влияет на односторонний характер этого возражения.

Комментарий

1) Хотя в соответствии с определением, содержащимся в руководящем положении 2.6.1, возражение является односторонним заявлением, вполне возможно, что возражение будет сформулировано совместно несколькими государствами и/или несколькими международными организациями. Практика в данном отношении не слишком распространенная, но тем не менее ее нельзя назвать несуществующей.

2) В рамках региональных организаций, и в особенности в рамках Совета Европы, государства-члены стремятся координировать и согласовывать по мере возможности свою реакцию и свои возражения против оговорки. Хотя эти государства по-прежнему формулируют свои возражения в индивидуальном порядке, они согласовывают свои позиции не только по вопросу целесообразности возражений, но и в отношении их формулировок¹¹⁰¹. С технической точки зрения эти возражения остаются тем не менее односторонними заявлениями каждого из государств-авторов.

3) Но можно также привести и примеры того, как государства и международные организации формулировали возражения действительно совместным образом. Так, Европейское сообщество и его (в то время) девять государств-членов в едином международно-правовом акте заявили возражение против «заявлений», сформулированных Болгарией и Германской Демократической Республикой по поводу пункта 3 статьи 52 Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП) от 14 ноября 1975 года, допускающих возможность для таможенных или экономических союзов становиться участниками Конвенции¹¹⁰². Европейское сообщество заявило также

¹¹⁰¹ См., например, возражения некоторых государств – членов Совета Европы в отношении Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.9) или Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года (*ibid.*, chap. XVIII.11).

¹¹⁰² *Ibid.*, chap. XI.A.16.

ряд возражений «от имени Европейского экономического сообщества и его государств-членов»¹¹⁰³.

4) Комиссии показалось, что нет ничего, что можно было бы возразить против совместного формулирования возражения несколькими государствами или международными организациями: трудно себе представить, что могло бы помешать им сделать вместе то, что они, безусловно, могут сделать каждый по отдельности и на тех же условиях. Такая гибкость представляется тем более необходимой, что с ростом числа общих рынков и таможенных и экономических союзов возникает вероятность того, что увеличится и число прецедентов в формулировании выше упомянутых возражений или совместных заявлений о толковании, поскольку данные институты зачастую разделяют компетенцию своих государств-членов, и к тому же было бы совсем нереально требовать от них, чтобы они действовали отдельно от организации, к которой они принадлежат. Таким образом, с технической точки зрения, ничто не препятствует совместному формулированию возражений. Вместе с тем это никоим образом не затрагивает односторонний характер возражения.

2.6.5 Форма возражений

Возражение должно формулироваться в письменной форме.

Комментарий

1) В соответствии с пунктом 1 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 года возражения «должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения договаривающихся государств и [договаривающихся организаций] и других государств [и международных организаций], имеющих право стать участниками договора».

2) Как и в отношении оговорки¹¹⁰⁴, требование формулировать возражения в письменной форме никогда не ставилось под сомнение ни в ходе дискуссий в рамках Комиссии, ни во время Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров и рассматривалось как нечто очевидное. Так, первый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, первого Специального докладчика, разработавшего положения по возражениям, предусматривал в пункте 2 а) проекта статьи 19, что «[в]озражение против оговорки формулируется в письменном виде»¹¹⁰⁵, причем никаким комментарием это формальное требование сопровождается не

¹¹⁰³ См., например, возражение против заявления Союза Советских Социалистических Республик в отношении Конвенции о торговле пшеницей 1986 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XIX.28 (a)), и идентичное возражение против заявления Союза Советских Социалистических Республик в отношении Международного соглашения по тропической древесине 1983 года (*ibid.*, chap. XIX.26). В этом же смысле см. практику Совета Европы с 2002 года в отношении оговорки к конвенциям по борьбе против терроризма (пункт 2) выше).

¹¹⁰⁴ См. руководящее положение 2.1.1 (Форма возражений) и комментарий к нему.

¹¹⁰⁵ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста.

было¹¹⁰⁶. Хотя положения о процедуре были существенно переработаны Специальным докладчиком с тем чтобы учесть замечания двух правительств, которые предлагали «несколько упростить процедурные положения»¹¹⁰⁷, требование письменной формы для возражений всегда излагалось вполне определенно:

– в пункте 5 статьи 19, принятом в первом чтении Комиссией (1962 год): «Любое возражение против оговорки формулируется в письменном виде и является предметом уведомления»¹¹⁰⁸;

– в пункте 5 статьи 20, предложенном Специальным докладчиком в его четвертом докладе (1965 год): «Возражение против оговорки должно формулироваться в письменной форме»¹¹⁰⁹;

– в пункте 1 статьи 20, принятом Комиссией во втором чтении (1965 год): «Оговорка, определенно выраженное согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения других государств, имеющих право стать участниками договора»¹¹¹⁰;

– в пункте 1 статьи 18, принятом в конечном счете Комиссией в 1966 году: «Оговорка, определенно выраженное согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения других государств, имеющих право стать участниками договора»¹¹¹¹.

Требование письменной формы не было поставлено под сомнение и на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968–1969 годов. Наоборот, во всех поправках, предложенных в отношении соответствующего положения, содержалось требование письменной формы¹¹¹².

3) Нет сомнений в том, что возражения должны заявляться в письменной форме. В самом деле, доведение до сведения – еще одно требование процедурного характера (предусмотренное пунктом 1 статьи 23 Венских конвенций) – требует письменного документа; простое устное сообщение нельзя ни сдать на хранение, ни зарегистрировать у

¹¹⁰⁶ Там же, стр. 68 англ. текста, пункт 22) комментария к проекту статьи 19, который ограничивается ссылкой на комментарий к проекту статьи 17 (там же, стр. 66 англ. текста, пункт 11)).

¹¹⁰⁷ Речь идет о правительствах Швеции и Дании. См. сэр Хэмфри Уолдок, четвертый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 46–47 и 53 англ. текста, пункт 13.

¹¹⁰⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста.

¹¹⁰⁹ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 53 англ. текста.

¹¹¹⁰ Там же, том II, документ A/6009, стр. 162 англ. текста.

¹¹¹¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста.

¹¹¹² См. поправку, внесенную Испанией: «Оговорка, согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны быть сформулированы в письменной форме и надлежащим образом доведены до сведения других государств, являющихся участниками договора или имеющих право стать участниками договора» (A/CONF.39/C.1/L.149, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), р. 138).

депозитария, ни довести до сведения других заинтересованных государств. Обоснованием необходимости письменной формы являются также соображения юридической определенности. Нельзя забывать, что возражение может иметь существенные юридические последствия с точки зрения противопоставимости оговорки, применимости положений договора между государством, сделавшим оговорку и государством, сформулировавшим возражение (пункт 3 статьи 21 Венских конвенций) и вступления в силу договора (пункт 4 статьи 20). Кроме того, возражение меняет на противоположный смысл презумпцию согласия, вытекающую из пункта 5 статьи 20 Венских конвенций, и письменная форма служит важным средством доказательства, позволяющим определить, действительно ли государство выразило возражение против оговорки в срок, предусмотренный этим положением, или, в противном случае, его следует рассматривать как согласившееся с оговоркой.

4) Таким образом, в руководящем положении 2.6.5 дело сводится лишь к воспроизводству требования о письменной форме возражений, предусмотренного в начале пункта 1 статьи 23 Венской конвенции, и он представляет собой положение, подобное руководящему положению 2.1.1, касающемуся письменной формы оговорок.

2.6.6 *Право не соглашаться с вступлением в силу договора в отношениях с автором оговорки*

Государство или международная организация, которые формулируют возражение против оговорки, вправе не соглашаться с вступлением в силу договора между собой и автором оговорки.

Комментарий

1) Право формулировать возражения безотносительно действительности (или недействительности) оговорки, предусмотренная в руководящем положении 2.6.2, включает также право препятствовать вступлению в силу договора между государством, сформулировавшим оговорку, или международной организацией, сформулировавшей оговорку, с одной стороны, и автором возражения, с другой стороны. Эта возможность вытекает из положений пункта 4 b) статьи 20 и пункта 3 статьи 21 Венских конвенций, которые устанавливают соответствующие последствия.

2) Выработка этих положений, в частности пункта 4 b) статьи 20 Венской конвенции 1969 года, проходила сложно. Первые специальные докладчики Комиссии были твердыми сторонниками системы единогласия и практически не интересовались вопросом возражений, которые, по их мнению, имели чисто механические последствия¹¹¹³: им казалось очевидным, что возражение мешает государству, сделавшему оговорку, стать участником договора¹¹¹⁴. Несмотря на свою приверженность

¹¹¹³ См. комментарий к руководящему положению 4.3.1.

¹¹¹⁴ Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), р. 73, para. 132.

гибкой системе, в 1962 году сэр Хэмфри Уолдок придерживался еще указанной позиции, о чем свидетельствует пункт 4 с) проекта статьи 19, содержащийся в его первом докладе по праву договоров: «возражение препятствует вступлению в силу договора между государством, сделавшим возражение, и государством, сформулировавшим оговорку»¹¹¹⁵.

3) Вместе с тем члены Комиссии¹¹¹⁶, включая Специального докладчика¹¹¹⁷, в конечном счете отказались от этого категоричного подхода в пользу простой презумпции с тем, чтобы формулировка этого положения в большей степени соответствовала консультативному заключению Международного Суда 1951 года, в котором Суд указывал следующее:

Поскольку ни одно из государств не может быть связано оговоркой, на которую оно не давало своего согласия, отсюда неизбежно следует, что в сущности каждое государство, делающее возражение против оговорки, основываясь на собственной оценке этой оговорки в пределах указанного выше критерия объекта и цели, может *рассматривать или не рассматривать** сделавшее оговорку государство в качестве участника Конвенции¹¹¹⁸.

4) Следуя буквально этой позиции, члены Комиссии одновременно с введением простой презумпции в поддержку невступления в силу договора между государством, сделавшим оговорку, и государством, выдвинувшим возражение, вначале ограничили возможность противодействия вступлению теми случаями, когда оговорка противоречит цели и объекту договора¹¹¹⁹. Поэтому принятый в первом чтении пункт 2 b) проекта статьи 20 гласил:

Возражение против оговорки, высказанное каким-либо государством, считающим ее несовместимой с объектом и целью договора, препятствует вступлению договора в силу между государством, высказавшим возражение, и государством, сделавшим оговорку, если возражающее против оговорки государство не заявит о противоположном намерении¹¹²⁰.

5) После того, как возможность делать возражение отделена от критерия совместимости с целью и объектом договора¹¹²¹, способность возражающего государства препятствовать вступлению в силу договора в его отношениях с государством, сделавшим оговорку, становится безусловной. Таким образом, возражающее государство может исключить какие-либо договорные отношения между собой и государством,

сделавшим оговорку, по любой причине. Более того, в соответствии с той редакцией, на которой в конечном итоге остановилась Комиссия, эти последствия наступали автоматически: возражение (сделанное по любой причине) препятствовало вступлению договора в силу, если только государство не заявляло о противоположном намерении¹¹²². В ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров смысл этой презумпции – не без оживленной дискуссии – был изменен на противоположный, то есть в пользу вступления договора в силу между государством, высказавшим возражение, и государством, сделавшим оговорку¹¹²³.

6) Хотя этот новый подход представляется уязвимым для критики, у автора возражения остается право препятствовать вступлению в силу договора в его отношениях с автором оговорки. Изменение на противоположный смысла презумпции требует лишь соответствующего прямого заявления со стороны автора возражения, который тем не менее по-прежнему обладает полной свободой в том, что касается мотивов, пробуждающих его сделать такое заявление.

7) На практике государства стремятся прямо заявлять о том, что выражаемые ими возражения не препятствуют вступлению в силу договора по отношению к сделавшему оговорку государству, в то время как такое решение напрашивается само собой в отношении возражений к действительной оговорке во исполнение презумпции, предусмотренной

¹¹²² Принятый во втором чтении пункт 4 b) проекта статьи 17 предусматривал: «Возражение против оговорки, высказанное другим договаривающимся государством, препятствует вступлению в силу договора между государством, высказавшим возражение, и государством, сделавшим оговорку, если возражающее против оговорки государство не заявит о противоположном намерении» (доклад Комиссии международного права о работе ее восемнадцатой сессии, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 202 англ. текста).

¹¹²³ Этот вопрос уже поднимался в ходе обсуждения проектов статей, принятых в первом чтении, членами Комиссии международного права, а также делегациями Чехословакии и Румынии в рамках работы Шестого комитета (см. четвертый доклад о праве международных договоров, подготовленный сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 48–49 англ. текста). Идея об изменении на противоположный смысла презумпции находила поддержку у некоторых членов Комиссии (г-н Тункин (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 799-е заседание, пункт 39) и г-н Лахс (там же, 813-е заседание, пункт 62)). Однако соответствующие предложения Чехословакии (A/CONF.39/C.1/L.85 в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (см. сноску 54 выше), р. 135), Сирийской Арабской Республики (A/CONF.39/C.1/L.94, *ibid.*) и Союза Советских Социалистических Республик (A/CONF.39/C.1/L.115, *ibid.*, р. 133) были отклонены Конференцией в 1968 году (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 25-е заседание, р. 135, paras. 35 *et seq.*). Только в 1969 году новая поправка, внесенная по этому вопросу Союзом Советских Социалистических Республик (A/CONF.39/L.3, в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), pp. 265–266) была в конечном счете принята 49 голосами против 21 голоса при 30 воздержавшихся (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), 10-е пленарное заседание, р. 35, para. 79).

¹¹¹⁵ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста.

¹¹¹⁶ См., в частности, г-н Тункин (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 653-е заседание, стр. 156 англ. текста, пункт 26, и 654-е заседание, стр. 161–162 англ. текста, пункт 11), г-н Розенн (там же, 653-е заседание, стр. 156–157 англ. текста, пункт 30), г-н Хименес де Аречага (там же, стр. 18 англ. текста, пункт 48), г-н де Луна (там же, стр. 160 англ. текста, пункт 66) и г-н Ясин (там же, 654-е заседание, стр. 161 англ. текста, пункт 6).

¹¹¹⁷ Там же, стр. 162 и 163 англ. текста, пункты 17 и 29.

¹¹¹⁸ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), р. 26.

¹¹¹⁹ См. пункт 4) комментария к руководящему положению 2.6.2 выше.

¹¹²⁰ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста; см. также там же, стр. 181 англ. текста (пункт 23) комментария).

¹¹²¹ См. по этому вопросу пояснения, содержащиеся в пунктах 5)–7) комментария к руководящему положению 2.6.2 выше.

пунктом 4 *b*) статьи 20 Венских конвенций¹¹²⁴. При этом эта практика никак не связана с мотивацией, обуславливающей выдвижение возражения, так как государства формулируют возражения с минимальными эффектами (четко указывая, что договор вступает в силу в отношениях со сделавшим оговорку государством) даже против оговорок, которые они рассматривают как не совместимые с объектом и целью договора¹¹²⁵. Вместе с тем существует ряд примеров, когда государства прямо указывают, что их возражение препятствует вступлению в силу договора в их отношениях со сделавшим оговорку государством¹¹²⁶. Эти случаи редки¹¹²⁷, но они показывают,

¹¹²⁴ В отношении недействительных оговорок см. руководящие положения 4.5.2 и 4.5.3.

¹¹²⁵ См. возражения Бельгии против оговорок Египта и Камбоджи в отношении Венской конвенции о дипломатических сношениях (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), чар. III.3) или возражения Федеративной Республики Германии против ряда оговорок в отношении той же Конвенции (*ibid.*). Интересно, однако, отметить, что рассматривая все эти оговорки как «не совместимые с буквой и духом Конвенции», правительство Германии только в отношении некоторых из возражений заявило, что они не препятствуют вступлению договора в силу между Германией и государствами, сделавшими оговорку, не выразив своего мнения по другим случаям. Много примеров можно привести из числа возражений против оговорок, сформулированных в отношении Международного пакта о гражданских и политических правах: в частности, возражения против оговорки Соединенных Штатов Америки в отношении статьи 6 Пакта, сделанные Бельгией, Данией, Испанией, Италией, Нидерландами, Норвегией, Португалией, Финляндией, Францией и Швецией (*ibid.*, чар. IV.4). По мнению всех этих государств, оговорка не совместима с объектом и целью Пакта, но тем не менее ни одно из них не высказалось против его вступления в силу в своих отношениях с Соединенными Штатами. Только Федеративная Республика Германии ничего не указала по вопросу о вступлении Пакта в силу, несмотря на свое возражение против оговорки (*ibid.*). Следует отметить, что это явление не ограничивается договорами по правам человека: см. возражения Австрии, Германии, Италии и Франции против оговорки Вьетнама в отношении Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (*ibid.*, чар. VI.19) или возражения государств – членов Совета Европы против оговорок в отношении Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года (*ibid.*, чар. XVIII.9) или Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года (*ibid.*, чар. XVIII.11).

¹¹²⁶ См., например, возражения Израиля, Италии и Соединенного Королевства против оговорки, сделанной Бурунди в отношении Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 года (*ibid.*, чар. XVIII.7), возражения Италии и Франции против оговорки Соединенных Штатов Америки в отношении Соглашения о международных перевозках скоропортящихся пищевых продуктов и о специальных транспортных средствах, предназначенных для этих перевозок (СПС) (*ibid.*, чар. XI.B.22), или возражения Соединенного Королевства против оговорок Сирии и Вьетнама, а также возражение Новой Зеландии против оговорки Сирии в отношении Венской конвенции 1969 года (*ibid.*, чар. XXIII.1).

¹¹²⁷ Это не означает, что возражения, имеющие максимальные последствия и сопровождаемые заявлениями, предусмотренным пунктом 4 *b*) статьи 20, представляют собой исчезающий вид возражений, как предполагает Рикельме Картадо, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), р. 283. Утверждалось, что смысл презумпции, на котором остановилась Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров (в пользу вступления договора в силу), и соображения политического характера могут объяснить, почему государства редко используют возражения с максимальными последствиями (см. С. Redgwell, «Universality or integrity? Some reflections on reservations to general multilateral treaties», *BYBIL*, vol. 64 (1993), р. 267). См., однако, предоставленные государствами ответы на вопрос Комиссии по этому поводу (одиннадцатый доклад об

что государства вольны делать такого рода возражения и что они их делают.

8) Отсюда следует, что право формулировать возражения по любой причине также предполагает, что возражающее государство или возражающая международная организация может свободно высказаться против вступления в силу договора в отношениях со сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку международной организацией. Таким образом, автор возражения пользуется значительной свободой в плане инсценировки последствий возражения для вступления в силу договора между ним и автором оговорки¹¹²⁸, и в любом случае, чтобы противодействовать вступлению в силу договора в отношениях с автором оговорки, автору возражения достаточно сопроводить его заявлением на этот счет в соответствии с руководящим положением 2.6.7 без необходимости обоснования своего решения. Пределы, ограничивающие это право, излагаются в части Руководства по практике, касающейся последствий оговорки¹¹²⁹.

9) Как это было разъяснено в контексте руководящего положения 2.6.2¹¹³⁰, Комиссия не сочла целесообразным сделать в руководящем положении 2.6.6 подразумеваемое уточнение, согласно которому способность автора возражения противодействовать вступлению в силу договора между ним и автором оговорки должна быть реализована с соблюдением условий, формы и процедуры, указанных в Руководстве по практике.

2.6.7 Выражение намерения препятствовать вступлению в силу договора

Когда государство или международная организация, формулирующие возражение против оговорки, намереваются препятствовать вступлению в силу договора между собой и государством или международной организацией, являющимися автором оговорки, оно или она должны определенно выразить это намерение до того, как договор в противном случае должен был бы вступить в силу между ними.

Комментарий

1) Как вытекает из пункта 4 *b*) статьи 20 Венских конвенций, государство или международная организация, заявляющие возражение против оговорки, могут препятствовать вступлению в силу договора между ними и автором оговорки. Чтобы это было так, необходимо, чтобы об этом намерении было «определенно заявлено государством или международной организацией, сформулировавшими

оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 2006 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/574, стр. 227–228, пункты 33–38, и особенно пункт 37).

¹¹²⁸ См. также руководящее положение 4.3.5 и комментарий к нему.

¹¹²⁹ См., в частности, руководящие положения 3.4.2 и 4.3.5 и комментарии к ним.

¹¹³⁰ См. пункт 12) комментария к руководящему положению 2.6.2 выше.

возражение». В связи с принятым на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года¹¹³¹ изменением на противоположный смысла презумпции, касающейся последствий возражения для вступления в силу договора между государством, сделавшим оговорку, и государством, сформулировавшим возражение, необходимо ясное и недвусмысленное заявление, с тем чтобы договор не вступил в силу¹¹³². Именно так следует понимать пункт 4 b) статьи 20 Венских конвенций, взятый в целом за основу руководящего положения 2.6.7.

2) Возражение Нидерландов против оговорок в отношении статьи IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него бесспорно отвечает этому требованию. В нем уточняется, что «правительство Нидерландов рассматривает в качестве не являющегося участником договора любое государство, которое сформулировало или сформулирует такие оговорки»¹¹³³. Франция также весьма определенно выразила подобное намерение в отношении оговорки Соединенных Штатов Америки к Соглашению о международных перевозках скоропортящихся пищевых продуктов и о специальных транспортных средствах, предназначенных для этих перевозок (СПС), заявив, что она «не будет связана Соглашением СПС в своих отношениях с Соединенными Штатами Америки»¹¹³⁴. Точно так же Соединенное Королевство в своем возражении против оговорки Сирии к Венской конвенции 1969 года отмечает, что «оно не признает вступление в силу [Конвенции] между Соединенным Королевством и Сирией»¹¹³⁵.

3) В то же время сам по себе факт, что возражение мотивируется тем, что оговорка рассматривается как противоречащая объекту и цели договора, не является достаточным, чтобы исключить вступление в силу договора между автором возражения и автором оговорки. В этом смысле практика не оставляет никаких сомнений, потому что очень часто государства мотивируют свои возражения именно такой несовместимостью, уточняя, что это не препятствует вступлению в силу договора между ними и автором оговорки¹¹³⁶.

4) Ни в Венских конвенциях, ни в материалах подготовительной работы не содержится полезных указаний относительно момента, когда государство или международная организация – авторы возражения должны ясно выразить намерение не допустить вступления в силу договора между ними и автором

оговорки. Можно, однако, действовать методом дедукции. В соответствии с презумпцией пункта 4 b) статьи 20 Венских конвенций, предполагающей, что возражение не препятствует вступлению договора в силу в рамках договорных отношений между государством или международной организацией, возражающими против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшими оговорку, если только не сделано заявление о противоположном намерении, следствием возражения, которое не сопровождается таким заявлением, является вступление договора в силу при условии применения пункта 3 статьи 21 Венских конвенций о последствиях оговорки для отношений между двумя сторонами. Если бы возражающее государство или организация, выразили бы противоположное намерение в последующем заявлении, то оно поставило бы под угрозу юридическую определенность.

5) Но дело обстоит таким образом, только если договор действительно вступает в силу между двумя соответствующими государствами или международными организациями. Может статься, что, несмотря на то, что автор возражения не исключал такого развития событий в момент заявления возражения, договор по каким-либо другим причинам¹¹³⁷ не сразу вступает в силу. В этом случае Комиссия сочла, что нет оснований запрещать автору возражения выражать намерение препятствовать вступлению в силу договора на более позднем этапе; такой вариант представляется особенно необходимым в тех случаях, когда между формулированием первоначального возражения и выражением согласия на обязательность договора со стороны государства или международной организации, формулирующих оговорку, или автора возражения проходит много времени. Вот почему, исключив возможность того, что заявление, «расширяющее» сферу действия возражения, может быть сделано после вступления в силу договора между автором оговорки и автором возражения, Комиссия уточнила, что намерение не допустить вступления в силу договора должно быть выражено «до того, как договор в противном случае должен был бы вступить в силу» между ними, так, чтобы отсутствовала необходимость выражения воли препятствовать вступлению в силу договора во всех случаях в момент заявления возражения.

6) Как бы то ни было, выражение намерения не допустить вступления в силу договора автором возражения или отсутствие такового никоим образом не предрешают вопрос о том, действительно ли вступает в силу договор между государством или международной организацией, формулирующими оговорку, и государством или международной организацией, заявившими возражение. Этот вопрос касается совместных юридических последствий оговорки и вызванной ею реакции, и отчасти он не зависит от вопроса о намерении соответствующих государств или международных организаций.

¹¹³¹ См. пункт 5) комментария к руководящему положению 2.6.6 выше.

¹¹³² См. Varatta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), р. 352. Автор утверждает, что: «Нет сомнения в том, что для того, чтобы наступило последствие, предусмотренное нормой, относящейся к квалифицированному возражению, тот, кто является его автором, должен выразить соответствующую волю». См. вместе с тем пункт 6) ниже.

¹¹³³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.1.

¹¹³⁴ *Ibid.*, chap. XI.B.22. См. также возражение Италии (*ibid.*).

¹¹³⁵ *Ibid.*, chap. XXIII.1. См. также возражение Соединенного Королевства против оговорки Вьетнама (*ibid.*).

¹¹³⁶ См. сноску 1125 выше.

¹¹³⁷ Недостаточное число ратификаций или присоединений, дополнительные сроки, предусмотренные самими положениями договора.

2.6.8 Процедура формулирования возражений

К возражениям применяются *mutatis mutandis* руководящие положения 2.1.3, 2.1.4, 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

Комментарий

1) Правила процедуры, относящиеся к формулированию возражений, существенным образом не отличаются от правил процедуры, применяемых в отношении формулирования оговорок. Возможно, именно по этой причине Комиссия уделила этому вопросу мало внимания во время подготовительных работ по Венской конвенции 1969 года.

2) Такое отсутствие интереса легко объяснить в отношении специальных докладчиков, являвшихся сторонниками традиционной системы единогласия, а именно г-на Брайерли, сэра Герша Лаутерпахта и сэра Джеральда Фитцмориса¹¹³⁸: в то время как принятие, стоящее в центре традиционной системы единогласия, совершенно логично, по их мнению, должно быть регламентировано в правовом отношении, особенно в том что касается параметра времени, возражение, которое они воспринимали лишь как отказ от принятия, препятствующий достижению единогласия и, следовательно, мешающий сделавшему оговорку государству стать участником договора, не заслуживало, с их точки зрения, отдельного рассмотрения.

3) Первый доклад сэра Хэмфри Уолдока, введший «гибкую» систему, в рамках которой возражения играли если и не более важную, то, по крайней мере, менее однозначную роль, содержал проект статьи, полностью посвященный процедурным вопросам, связанным с формулированием возражений¹¹³⁹. Несмотря на очень подробный характер этого

¹¹³⁸ Хотя предложения *de lege ferenda*, представленные сэром Гершем Лаутерпахтом, предусматривали возражения, Специальный докладчик не счел необходимым затронуть вопрос о процедуре их формулирования. См. проекты варианта статьи 9, включенные в [первый] доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком сэром Гершем Лаутерпахтом, *Ежегодник... 1953 год*, том II, документ A/CN.4/63, стр. 91–92.

¹¹³⁹ Этот проект статьи 19 предусматривал следующее:

«2. а) Возражение против оговорки формулируется в письменном виде компетентным органом возражающего государства или должным образом на то уполномоченным представителем этого государства.

б) Возражение доводится до сведения государства, сформулировавшего оговорку, а также всех остальных государств, которые являются участниками договора или вправе стать ими, в соответствии с процедурой, предусмотренной договором в отношении представления таких сообщений.

с) В случае, если договор не предусматривает такой процедуры, но указывает депозитария документов, относящихся к договору, возражение доводится до сведения депозитария, который должен:

i) передать текст возражения государству, сформулировавшему оговорку, а также всем остальным государствам, которые являются участниками договора или вправе стать ими; и

ii) привлечь внимание сделавшего оговорку государства и других заинтересованных государств к тем положениям договора, которые затронуты возражением против оговорки.

положения, доклад комментирует его кратко, указывая, что «положения настоящей статьи в основном отражают положения [статей о способности формулировать и снимать оговорки (статья 17) и о согласии на оговорки и его последствиях (статья 18)] и не требуют дополнительных разъяснений»¹¹⁴⁰.

4) В результате серьезной переработки проектов статей, касающихся принятия оговорки и возражения против оговорки и первоначально предложенных Специальным докладчиком¹¹⁴¹, только пункт 5 проекта статьи 18, представленный Редакционным комитетом в 1962 году, содержит положения, касающиеся формы возражения и уведомления о нем¹¹⁴², положения, которые, по мнению Комиссии, «по-видимому, не требуют комментариев»¹¹⁴³. Это отсутствие интереса сохраняется в 1965 году, когда проходило второе чтение проекта. Конечно, возражения оговариваются в новом проекте статьи 20, полностью посвященной процедурным вопросам, но Специальный докладчик по-прежнему не считает необходимым подробно комментировать эти положения¹¹⁴⁴.

5) Желательность соответствия правил процедуры, касающихся формулирования оговорок, уведомления

3. а) Если речь идет о договоре, подписываемом несколькими или многими сторонами, то возражение против оговорки имеет силу только в том случае, если оно было сделано в течение двенадцати месяцев, считая с даты официального уведомления об оговорке того государства, которое формулирует возражение; вместе с тем, если речь идет о многостороннем договоре, то возражение со стороны государства, не являвшегося участником договора на момент уведомления об оговорке, имеет тем не менее силу, если было представлено после того, как государство совершило действие или действия, позволяющие ему стать участником договора.

б) Если речь идет о договоре, подписываемом несколькими сторонами, то возражение со стороны государства, не являющегося еще действительно или потенциально участником договора:

i) прекращает действовать в случае, если сформулировавшее возражение государство не совершило окончательный акт, позволяющий стать участником договора, в течение двенадцати месяцев, считая с даты формулирования возражения;

ii) не имеет силы в случае, если договор действует и если с момента принятия текста договора прошло уже четыре года».

(Первый доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста).

¹¹⁴⁰ Там же, стр. 68 англ. текста, пункт 22) комментария.

¹¹⁴¹ Единственное объяснение слияния проектов статей, первоначально предложенных сэром Хэмфри Уолдоком, в документах о работе Комиссии содержится в его представлении доклада Редакционного комитета на 663-м заседании Комиссии. В этой связи Специальный докладчик заявил, что «новая статья 18 охватывает одновременно вопросы принятия оговорок и возражений против оговорок; две прежние статьи 18 и 19 были значительно сжаты и сокращены, причем ничего существенного опущено не было» (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 663-е заседание, стр. 223 англ. текста, пункт 36).

¹¹⁴² Там же, 668-е заседание, стр. 258 англ. текста, пункт 30. См. также пункт 5 проекта статьи 19, принятый в первом чтении, там же, том II, стр. 176 англ. текста.

¹¹⁴³ Там же, том II, стр. 180 англ. текста, пункт 18) комментария.

¹¹⁴⁴ См. четвертый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 53–54 англ. текста, в частности пункт 19.

об оговорках и доведения до сведения оговорок, с одной стороны, аналогичным правилам в отношении возражений – с другой, была подчеркнута в ходе обсуждения этого вопроса Комиссией и в конечном итоге зафиксирована в пункте 1 статьи 23 Венской конвенции 1969 года, которым для формулирования определенно выраженного согласия с оговоркой и возражения против оговорки предусматривается та же процедура, что и для формулирования самой оговорки. В 1965 году г-н Кастрен справедливо отметил, что:

Пункт 5 [проекта статьи 20, который после существенного сокращения и упрощения стал основой пункта 1 статьи 23] устанавливает для возражения против оговорки совершенно те же процедурные правила, что предусмотрены в пункте 1 для представления оговорок и уведомления о них. Поэтому целесообразно объединить эти два пункта или просто указать в пункте 5, что положения пункта 1 распространяются также на возражения против оговорки¹¹⁴⁵.

6) Поэтому Комиссии показалось разумным в рамках Руководства по практике просто отметить параллелизм процедур формулирования оговорок и формулирования возражений. Следует особо подчеркнуть, что требование четкого формализма, вытекающего из этого сходства процедуры формулирования возражений и процедуры формулирования оговорок, обосновывается весьма важными последствиями, которые возражение может иметь как для оговорки и ее применения, так и для вступления в силу и выполнения самого договора¹¹⁴⁶.

7) Это, в частности, случай применяемых в отношении оговорок правил, касающихся органа, уполномоченного формулировать оговорки на международном уровне, и последствий (точнее, отсутствия последствий) нарушения норм внутреннего права при формулировании оговорок, а также правил уведомления и сообщения об оговорках и функций депозитария по этим вопросам. Они, по-видимому, могут быть перенесены *mutatis mutandis* на формулирование возражений. Вместо того, чтобы воспроизводить руководящие положения 2.1.3 (Представительство для цели формулирования оговорки на международном уровне), 2.1.4 (Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок), 2.1.5 (Сообщение оговорки), 2.1.6 (Процедура сообщения оговорки) и 2.1.7 (Функции депозитария), просто заменяя в них слово «оговорка» словом «возражение», Комиссия сочла целесообразным сделать общую ссылку на эти руководящие положения, которые применяются *mutatis mutandis* к возражениям¹¹⁴⁷.

¹¹⁴⁵ Там же, том I, 799-е заседание, стр. 168 англ. текста, пункт 53.

¹¹⁴⁶ См. пункт 4 b) статьи 20 и пункт 3 статьи 23 Венских конвенций.

¹¹⁴⁷ Комиссия сделала то же самое в отношении руководящих положений 1.6.2 (перекрестная ссылка на руководящие положения 1.2 и 1.4), 2.4.5 (перекрестная ссылка на руководящие положения 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7) и 2.5.6 (перекрестная ссылка на руководящие положения 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7).

2.6.9 Мотивировка возражений

В возражении, насколько это возможно, следует указывать мотивы, по которым оно формулируется.

Комментарий

1) Ни в одной из двух Венских конвенций не содержится положений, обязывающих государства мотивировать свое возражение против оговорки. И несмотря на существование связи, изначально установленной между возражением, с одной стороны, и соответствием оговорки предмету и цели договора, – с другой¹¹⁴⁸, сэр Хэмфри Уолдок никогда не предусматривал введение обязательного требования мотивировать возражение. Такая ситуация вызывает сожаление.

2) Конечно, в рамках Венского режима право на формулирование возражений против оговорки является очень широким, и государство или международная организация могут возражать против какой-либо оговорки по любой причине и без учета вопроса о действительности оговорки: «Никакое государство не может быть связано договорными обязательствами, которые оно считает нецелесообразными»¹¹⁴⁹. К тому же, в ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ряд государств отметили, что очень часто мотивации государства, формулирующего возражение, носят чисто политический характер¹¹⁵⁰. В этом случае указание мотивов может поставить в неоправданно затруднительное положение государство или международную организацию, выступившие с возражением, не давая ничего ни им, ни другим заинтересованным государствам или международным организациям.

3) Но вопрос стоит по-другому в случае, если государство или международная организация возражают против оговорки, потому что считают ее

¹¹⁴⁸ См. пункт 4) комментария к руководящему положению 2.6.2.

¹¹⁴⁹ Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), p. 466.

¹¹⁵⁰ См., например, выступление представителя Соединенных Штатов Америки на заседании Шестого комитета в ходе пятьдесят восьмой сессии Генеральной Ассамблеи: «Практика свидетельствует о том, что государства и международные организации заявляют возражения против оговорок по различным причинам – скорее политического, чем правового характера – и преследуют при этом различные цели» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят восьмая сессия, Шестой комитет*, 20-е заседание, A/C.6/58/SR.20, стр. 4, пункт 9). В ходе шестидесятой сессии представитель Нидерландов также отметил, что «[п]ри существующей системе основную роль играет политический аспект возражений, а именно выраженное выдвигающим возражение государством мнение о желательности оговорки, а юридическим последствиям такого возражения придается в значительной степени второстепенное значение» (там же, *шестидесятая сессия, Шестой комитет*, 14-е заседание, A/C.6/60/SR.14, стр. 7, пункт 31); о политическом аспекте возражения см. также мнение представителя Португалии (там же, *шестидесятая сессия, Шестой комитет*, 16-е заседание, A/C.6/60/SR.16, стр. 9–10, пункт 44). См. также особое мнение судьи А.А. Кансадо Триндаде по делу *Caesar v. Trinidad and Tobago*, постановление от 11 марта 2005 года, Межамериканский суд по правам человека, Series C, No. 123, para. 24.

недействительной (независимо от того, почему и насколько обоснованно они стоят на этой позиции). Оставляя в стороне вопрос о возможной юридической обязанности¹¹⁵¹ государств выдвигать возражения против оговорок, противоречащих предмету и цели договора, следует отметить, что в рамках «гибкого» договорного режима возражение играет важную роль для определения действительности оговорки. В отсутствие механизма наблюдения за оговорками именно государствам и международным организациям надлежит высказывать, также посредством возражений, свою точку зрения, – которая, естественно, является субъективной, – по поводу действительности той или иной оговорки¹¹⁵². Вместе с тем эта функция может быть выполнена только в том случае, если эти возражения мотивированы соображениями относительно недействительности соответствующей оговорки. Уже по этой причине представляется разумным указывать, насколько это возможно, мотивы возражения. Не совсем понятно, почему возражение, заявленное по чисто политическим мотивам, должно приниматься во внимание для оценки соответствия оговорки требованиям, предусмотренным в статье 19 Венских конвенций.

4) Кроме того, раскрытие мотивов возражения не только позволяет сделавшему оговорку государству или международной организации ознакомиться с точкой зрения других заинтересованных государств и международных организаций по вопросу о действительности оговорки, но и так же, как мотивировка самой оговорки¹¹⁵³, служит важным указанием для органов по контролю и наблюдению, призванных делать вывод о соответствии оговорки договору. Так, в деле *Loizidou* Европейский суд по правам человека нашел подтверждение своим выводам относительно действительности сделанной Турцией оговорки к ее заявлению о признании компетенции суда в заявлениях и возражениях, сформулированных другими государствами – участниками

¹¹⁵¹ Нидерланды отметили, что «государства-участники, будучи гарантами того или иного конкретного договора, по-видимому, имеют если не правовое, то моральное обязательство возражать против оговорки, противоречащей объекту и цели этого договора» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Шестой комитет, 14-е заседание, A/C.6/60/SR.14, пункт 29*). В соответствии с этой логикой, «от любой стороны требуется выполнять свои обязательства добросовестно, и это не даст ей возможности согласиться с оговоркой, не совместимой с объектами и целями договора» (Заключительный рабочий документ об оговорках к договорам о правах человека, подготовленный г-жой Франсуазой Хэмпсон в 2004 году (E/CN.4/Sub.2/2004/42), пункт 24); в то же время г-жа Хэмпсон отмечает, что, «по всей видимости, отсутствует общее обязательство возражения против несовместимых оговорок» (там же, пункт 30).

¹¹⁵² Некоторые договорные режимы предусматривают даже для определения допустимости оговорки такой критерий, как число заявленных возражений. См., например, пункт 2 статьи 20 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, который гласит: «Оговорки, не совместимые с целями и задачами настоящей Конвенции, не допускаются, равно как и оговорки, могущие препятствовать работе каких-либо органов, созданных на основании настоящей Конвенции. Оговорка считается несовместимой или препятствующей работе, если по крайней мере две трети государств – участников Конвенции возражают против нее*».

¹¹⁵³ См. руководящее положение 2.1.2 и пункты 4)–6) комментария к нему.

Европейской конвенции по правам человека¹¹⁵⁴. Точно так же в рабочем документе, переданном на рассмотрение Подкомиссии по поощрению и защите прав человека в 2004 году, г-жа Хэмпсон отмечает, что «для того, чтобы договорный орган мог выполнить свою функцию, ему необходимо проанализировать, среди прочего, практику сторон договора в отношении оговорок и возражений против этих оговорок»¹¹⁵⁵. Сам Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 24, выражая серьезное недоверие к практике государств в плане возражений и выводов, которые могут быть сделаны из них в отношении действительности оговорки, считает тем не менее, что «возражение на оговорку со стороны государств может служить для Комитета важным указанием при толковании вопроса о ее совместимости с объектом и целью Пакта»¹¹⁵⁶.

5) Впрочем, анализ практики государств свидетельствует о том, что в своих возражениях государства часто не только отмечают, что они рассматривают оговорку как несовместимую с объектом и целью договора, но и объясняют с большей или меньшей степенью подробности, почему и как они пришли к такому заключению. И во время шестидесятой сессии Генеральной Ассамблеи представитель Италии в Шестом комитете заявил о том, что Комиссия должна поощрять государства к использованию формулировок, изложенных в статье 19 Венской конвенции, в целях разъяснения их возражений¹¹⁵⁷.

6) Учитывая эти соображения и несмотря на отсутствие в Венском режиме обязанности мотивировать возражения, Комиссия сочла целесообразным включить в Руководство по практике руководящее положение 2.6.9, поощряющее государства и международные организации развивать и углублять практику указания мотивов. При этом, однако, должно быть ясно, что такое положение является лишь рекомендацией, руководящим положением, служащим для ориентирования практики государств, и ни в коей мере не кодифицирует установленную норму международного права.

7) Руководящее положение 2.6.9 составлено по образцу руководящего положения 2.1.2, касающегося мотивировки оговорок, и в нем, как и в этом последнем, не уточняется, в какой момент должны излагаться мотивы возражения. Поскольку одни и

¹¹⁵⁴ *Loizidou v. Turkey*, Preliminary Objections, Judgment of 23 March 1995 (см. сноску 304 выше), Series A no. 310, pp. 28–29, para. 81. См. также выступление представителя Швеции на заседании Шестого комитета от имени стран Северной Европы 26 октября 2005 года, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Шестой комитет, 14-е заседание, A/C.6/60/SR.14, пункт 22*.

¹¹⁵⁵ Заклучительный рабочий документ об оговорках к договорам о правах человека (сноска 1151 выше), пункт 28; в более общем плане см. пункты 21–35 этого исследования.

¹¹⁵⁶ Доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/50/40)*, том I, приложение V, стр. 121, пункт 17.

¹¹⁵⁷ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Шестой комитет, 16-е заседание, 28 октября 2005 года (A/C.6/60/SR.16, пункт 20)*.

те же причины вызывают одни и те же следствия¹¹⁵⁸, представляется тем не менее желательным, чтобы заявляющие возражение государство или международная организация указывали причины своего возражения против оговорки в документе, уведомляющем о данном возражении.

2.6.10 Необязательность подтверждения возражения, сформулированного до официального подтверждения оговорки

Возражение против оговорки, сформулированное государством или международной организацией до подтверждения оговорки в соответствии с руководящим положением 2.2.1, само по себе не требует подтверждения.

Комментарий

1) Хотя пункт 2 статьи 23 Венских конвенций требует официального подтверждения оговорки, когда сделавшие оговорку государство или международная организация выражают свое согласие на обязательность договора¹¹⁵⁹, возражения не нуждаются в подтверждении. Пункт 3 статьи 23 Венских конвенций предусматривает:

Определенно выраженное согласие с оговоркой или возражение против оговорки, высказанное до ее подтверждения, сами по себе не требуют подтверждения.

Руководящее положение 2.6.10 лишь частично воспроизводит формулировку этого положения с редакционными изменениями, необходимыми для ограничения его сферы охвата одними только возражениями¹¹⁶⁰.

2) Положение, фигурирующее в пункте 3 статьи 23 Венской конвенции 1969 года, появилось лишь на весьма продвинутом этапе работы по ее подготовке. В первых проектах статей, касающихся процедуры, применимой в отношении формулирования возражений, не рассматривались случаи, когда возражение заявляется против оговорки, не получившей еще официального подтверждения. Только в 1966 году положение о необязательности подтверждения возражения появилось в пункте 3 проекта статьи 18, принятого в указанном году во втором чтении¹¹⁶¹, причем без каких-либо разъяснений и примеров; но это положение было там представлено как относящееся к сфере *lex ferenda*¹¹⁶².

¹¹⁵⁸ См. пункт 8) комментария к руководящему положению 2.1.2.

¹¹⁵⁹ См. также руководящее положение 2.2.1 (Официальное подтверждение оговорок, сформулированных при подписании договора) и комментарий к нему.

¹¹⁶⁰ В отношении необязательности подтверждения принятия, сформулированного до официального подтверждения оговорки, см. руководящее положение 2.8.6 и комментарий к нему.

¹¹⁶¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208 англ. текста.

¹¹⁶² «Комиссия не считает необходимым, чтобы возражения против оговорки, заявленные до ее подтверждения, были вновь подтверждены после этого» (там же, пункт 5) комментария.

3) Речь идет о правиле, основанном на здравом смысле: формулирование оговорки касается всех договаривающихся государств и договаривающихся организаций, а также государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора; принятие оговорки или возражение против нее затрагивают в первую очередь двусторонние отношения между автором оговорки и каждым из государств или каждой из организаций, принявших оговорку или возразивших против нее. Оговорка — это своего рода «предложение», которое направлено всем договаривающимся государствам или договаривающимся организациям и которое они могут принять или отвергнуть; именно делающие оговорку государство или международная организация ставят под угрозу целостность договора и несут ответственность за то, что договор может распасться на несколько блоков двусторонних отношений. В то же время момент принятия оговорки или формулирования возражения — до или после ее подтверждения — значения не имеет: важно, чтобы сделавшие оговорку государство или международная организация были предупреждены о намерениях своих партнеров¹¹⁶³; это происходит при условии, если партнеры выполнили положение о доведении до сведения, предусмотренное в пункте 1 статьи 23.

4) Практика государств в вопросе подтверждения возражений является нечастой и неустоявшейся: иногда государства подтверждают свои прежние возражения после подтверждения государством оговорки, иногда они от этого воздерживаются¹¹⁶⁴. Хотя, насколько можно судить, второй подход встречается чаще, существование такого рода подтверждений не подрывает позитивный характер правила, установленного в пункте 3 статьи 23: речь идет о мерах предосторожности, в отношении которых ничто не указывает на то, что они продиктованы чувством убежденности в правомерности (*opinio juris*).

2.6.11 Подтверждение возражения, сформулированного до выражения согласия на обязательность договора

Возражение, сформулированное до выражения согласия на обязательность договора, не требует официального подтверждения со стороны возразившего государства или возразившей меж-

¹¹⁶³ В своем консультативном заключении от 28 мая 1951 года по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* Международный Суд представил возражение, заявленное государством, не подписавшим договор, в качестве «предупреждения» в адрес автора оговорки (*I.C.J. Reports 1951*; сноска 604 выше, р. 29).

¹¹⁶⁴ Так, например, Австралия и Эквадор не подтвердили своих возражений против оговорок, сделанных при подписании Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года Белорусской Советской Социалистической Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республикой и Чехословакией, тогда, когда эти государства ратифицировали эту Конвенцию, подтвердив свои оговорки (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше, chap. IV.1). Точно так же Ирландия и Португалия не подтвердили своих возражений против оговорки, сделанной Турцией при подписании Конвенции о правах ребенка 1989 года, когда эта страна подтвердила свою оговорку в ратификационной грамоте (*ibid.*, chap. IV.11).

дународной организации в момент выражения согласия на обязательность договора, если это государство или эта организация подписали договор на тот момент, когда оно или она формулировали возражение; возражение требует подтверждения, если государство или международная организация не подписали договор.

Комментарий

1) В пункте 3 статьи 23 Венских конвенций не содержится ответа на вопрос о том, должно ли возражение, сформулированное государством или международной организацией, которые на момент заявления возражения еще не выразили согласия на обязательность договора, быть позднее подтверждено, с тем чтобы повлечь за собой предусматриваемые последствия. Хотя сэр Хэмфри Уолдок не обошел своим вниманием вариант, при котором возражение может формулироваться государствами, подписавшими договор, а также государствами, только имеющими право стать участниками договора¹¹⁶⁵, вопрос о последующем подтверждении такого возражения никогда не ставился¹¹⁶⁶. Соответствующее предложение Польши, выдвинутое на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров¹¹⁶⁷, не рассматривалось. Таким образом, по данному вопросу в Конвенции имеется пробел, который руководящее положение 2.6.11 попытается восполнить.

2) Практики государств по этому вопросу практически не существует. Один из редких примеров – это возражения, сформулированные Соединенными Штатами Америки против ряда оговорок к самой Венской конвенции 1969 года¹¹⁶⁸. В возражении против оговорки Сирии указано, что Соединенные

¹¹⁶⁵ См., в частности, пункт 3 *b*) проекта статьи 19, предложенного сэром Хэмфри Уолдоком в его первом докладе о праве международных договоров (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста) или пункт 6 проекта статьи 20, предложенного в его четвертом докладе (*Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 55 англ. текста).

¹¹⁶⁶ За исключением, возможно, простого утверждения, сделанного мимоходом г-ном Тункиным: «Очевидно, что в соответствии с современной практикой оговорка может быть действительной только в том случае, если она сформулирована или подтверждена в момент выражения окончательного согласия на обязательность договора, и именно это предлагалось в проекте 1962 года. Это касается также возражений против оговорок. Этот вопрос отчасти рассматривается в пункте 6 нового текста статьи 20, предложенного Специальным докладчиком» (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 799-е заседание, стр. 167 англ. текста, пункт 38).

¹¹⁶⁷ Правительство Польши предложило следующую редакцию пункта 2 статьи 18 (ставшей впоследствии статьей 23): «Если оговорка сделана в связи с принятием текста или после подписания договора, подлежащего ратификации, принятию или одобрению, оговорка, а также возможное возражение против этой оговорки должны быть официально подтверждены государством, сделавшим оговорку или выдвинувшим возражение против нее, при выражении им своего согласия быть связанным этим договором. В этом случае оговорка и возражение против оговорки считаются сделанными в день их подтверждения» (отпечатан на mimeографе, A/CONF.39/6/Add.1, стр. 18 англ. текста).

¹¹⁶⁸ Речь идет об оговорках, сделанных Сирийской Арабской Республикой (пункт E) и Тунисом (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1).

Штаты, которые до сих пор не выразили согласия на обязательность Конвенции,

намерены в тот момент, когда они смогут стать участником Венской конвенции о праве международных договоров, *подтвердить свое возражение** против указанной оговорки и отказаться от каких-либо договорных отношений с Сирийской Арабской Республикой, вытекающих из положений Части V Конвенции, в отношении которых Сирийская Арабская Республика отклонила предусмотренные в Приложении к Конвенции процедуры обязательного примирения¹¹⁶⁹.

Любопытно, что второе возражение, сформулированное Соединенными Штатами Америки против оговорки Туниса, не содержит такой формулировки.

3) В своем консультативном заключении 1951 года Международный Суд, по-видимому, также приходит к выводу о том, что официальное подтверждение возражения, заявленного государством, не участвующем в договоре, не является необходимым. Суд заявил:

В ожидании ратификации временный статус, который подписавшие договор государства получают в результате подписания, позволяет им формулировать в качестве меры предосторожности возражения, которые сами также носят временный характер. Они становятся недействительными, если за подписанием не следует ратификации, или становятся окончательными с ратификацией договора*.

...Сделавшее оговорку государство считается предупрежденным о том, что как только будут соблюдены условия конституционного или иного характера, вызывавшие задержку ратификации, оно столкнется с возражением, которое является действительным и проявит все свои юридические последствия¹¹⁷⁰.

При этом Суд, по всей видимости, допускает, что действительность возражения наступает автоматически в силу самого факта ратификации договора и что подтверждения не требуется¹¹⁷¹. Суд, однако, не занял официальной позиции по этому вопросу, и дискуссия по-прежнему продолжается.

4) Вместе с тем, учитывая отсутствие в тексте Венских конвенций требования подтверждения возражения, заявленного государством или международной организацией до ратификации или утверждения договора, можно заключить, что такое подтверждение не рассматривалось в качестве необходимого ни членами Комиссии, ни участниками Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров¹¹⁷². Тот факт, что поправка Польши¹¹⁷³, как раз имеющая целью привести положения о возражении в соответствие с положениями об оговорке по этому вопросу, не была принята, подтверждает эту точку зрения. Эти соображения становятся еще более убедительными, если учитывать то, что требование об официальном подтверждении оговорок, сделанных при подписании договора, закрепленное в пункте 2 статьи 23 Венских конвенций, в момент его принятия Комиссией относилось скорее к сфере

¹¹⁶⁹ *Ibid.*

¹¹⁷⁰ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), pp. 28–29.

¹¹⁷¹ По этому вопросу см. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 137.

¹¹⁷² *Ibid.*

¹¹⁷³ См. сноску 1167 выше.

прогрессивного развития, чем к сфере кодификации *stricto sensu*¹¹⁷⁴. Следовательно, различие по этому вопросу между правилами процедуры, предусмотренными для оговорок, с одной стороны, и для возражений – с другой, по всей видимости, не объясняется простым недосмотром, а должно – на основании здравого смысла – рассматриваться как намеренное.

5) Необязательность официального подтверждения возражения, заявленного государством или международной организацией до выражения согласия на обязательность договора, имеет также и иные основания. Оговорка, сформулированная государством или международной организацией до того, как они становятся участниками договора, не может иметь никаких юридических последствий, оставаясь мертвой буквой до того момента, когда государство действительно даст согласие на обязательность для него договора. С этой точки зрения требование официального подтверждения оговорки обосновывается прежде всего тем, что после принятия оговорки оказывает воздействие на указанное выше согласие. Что касается возражений, то здесь картина иная. В самом деле, хотя возражения тоже приводят к последствиям, предусмотренным пунктом 4 статьи 20 и пунктом 3 статьи 21 Венской конвенции, также после того, как заявившие его государство или международная организация становятся участниками договора, оно имеет определенный смысл и до этого. Возражение является выражением точки зрения его автора по вопросу действительности оговорки и в этом смысле может учитываться органами, правомочными оценивать действительность оговорок¹¹⁷⁵. Кроме того, – и по этому пункту консультативное заключение Международного Суда сохраняет свою силу – возражение представляет собой предупреждение, адресованное сделавшему оговорку государству и касающееся отношения к оговорке государства, сформулировавшего возражение. Суд отмечает:

Таким образом, интерес, который преследует заявившее государство, с юридической точки зрения будет в большей степени защищен. Сделавшее оговорку государство считается предупрежденным о том, что, как только будут соблюдены условия конституционного или иного характера, вызывавшие задержку ратификации, оно столкнется с возражением, которое является действительным и должно проявить все свои юридические последствия, и, следовательно, с момента формулирования возражения ему придется рассматривать вопрос об оставлении в силе или снятии оговорки¹¹⁷⁶.

Поэтому возражение, сформулированное до согласия государства на обязательность договора, побуждает сделавшее оговорку государство пересмотреть,

¹¹⁷⁴ См. первый доклад сэра Хэмфри Уолдока по праву международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 66 англ. текста, пункт 11) комментария к проекту статьи 17; см. также Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), р. 28; и Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 41. См. также пункт 8) комментария к руководящему положению 2.2.1 (Официальное подтверждение оговорок, сформулированных при подписании договора).

¹¹⁷⁵ См. пункт 4) комментария к руководящему положению 2.6.9 выше.

¹¹⁷⁶ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), р. 29.

изменить или снять ее в такой же мере, как и возражение, выдвинутое договаривающимся государством. Однако это предупреждение превратилось бы в простую возможность, если бы от государства, заявившего возражение, требовалось подтвердить его при выражении согласия на обязательность договора. По мнению Комиссии, требование дополнительного официального подтверждения во многом снизило бы заинтересованность государств и международных организаций, не являющихся еще договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, в выдвижении возражений.

6) Кроме того, отсутствие подтверждения возражения не влечет за собой никаких проблем в плане юридической определенности. Действительно, возражения, сформулированные государством, подписавшим договор, или государством, имеющим право стать участником договора, как и любые относящиеся к договору уведомления или сообщения¹¹⁷⁷, должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения точно так же, как возражение, заявленное государством – участником договора. Далее, в отличие от оговорок, возражение меняет договорные отношения только в части, касающейся двусторонних отношений между государством, сделавшим оговорку, которое было предупреждено об этом, и государством, сформулировавшим возражение. Права и обязанности государства, заявившего возражение, по отношению к другим государствам – участникам договора никоим образом не затрагиваются.

7) Какими бы убедительными ни казались эти соображения, Комиссия тем не менее сочла необходимым разграничить два потенциальных случая: возражения, сформулированные государствами или международными организациями, подписавшими договор, с одной стороны, и возражения, сформулированные государствами или международными организациями, которые еще не подписали договор на момент формулирования возражений, – с другой. В самом деле, в силу подписания договора первая категория государств и международных организаций обладает юридическим статусом по отношению к данному документу¹¹⁷⁸, другие выступают как третьи стороны. Хотя эти третьи стороны могут сформулировать возражение против оговорки¹¹⁷⁹, официальное подтверждение этих возражений в тот момент, когда государство или международная организация, являющиеся авторами возражений, подписывают договор или выражают свое согласие на обязательность договора, является тем более необходимым, что между формулированием возражения государством или международной организацией, которые не подписали договор на день формулирования этого возражения, и моментом, когда это возражение вступит в силу, может пройти длительный период времени.

¹¹⁷⁷ См. статью 78 Венской конвенции 1969 года и статью 79 Венской конвенции 1986 года.

¹¹⁷⁸ См., в частности, статью 18, подпункт а), Венских конвенций.

¹¹⁷⁹ См. руководящее положение 2.6.3 b) выше.

8) В Венских конвенциях отсутствует определение выражения «государство, подписавшее договор», использованное Комиссией в руководящем положении 2.6.11, однако из подпункта *a*) статьи 18 Венской конвенции следует, что речь идет о государстве и международной организации, которые «подписало/подписала такой договор или обменялось/обменялась документами, образующими такой договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора».

2.6.12 Срок формулирования возражений

Если договор не предусматривает иного, государство или международная организация вправе формулировать возражение против оговорки до конца двенадцатимесячного периода после того, как они были уведомлены о такой оговорке, или до той даты, на которую такое государство или такая международная организация выражают свое согласие на обязательность договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней.

Комментарий

1) Частичный и не прямой ответ на вопрос о том, в какой момент или до какого момента государство или международная организация могут заявить возражение, содержится в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций. В редакции 1986 года это положение предусматривает следующее:

Для целей пунктов 2 и 4¹¹⁸⁰ и если договор не предусматривает иное, оговорка считается принятой государством или международной организацией, если оно/она не высказет возражений против нее до конца двенадцатимесячного периода после того, как оно/она было/была уведомлено/уведомлена о такой оговорке, или до той даты, когда оно/она выразило/выразила свое согласие на обязательность для него/нее договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней.

2) Руководящее положение 2.6.12 разделяет элементы этого положения, которые в особенности касаются срока, в течение которого может быть сформулировано возражение¹¹⁸¹. Как и в этом положении, в проекте различаются два возможных случая.

3) В первом из них речь идет о государствах и международных организациях, которые на момент уведомления об оговорке являются договаривающимися государствами или договаривающимися международными организациями. Они располагают периодом в 12 месяцев для того, чтобы заявить возражение против оговорки, и течение периода для

формулирования возражения против оговорки начинается с даты получения заинтересованными государствами или международными организациями уведомления об оговорке в соответствии с руководящим положением 2.1.6.

4) Закрепленный в пункте 5 статьи 20 12-месячный срок является результатом инициативы сэра Хэмфри Уолдока, который его выбрал неслучайно. Предлагая этот срок, он фактически отступил от практики государств, которая в то время была достаточно разнородной. Специальный докладчик, который обнаружил в договорной практике сроки в 90 дней и в 6 месяцев¹¹⁸², предпочел, однако, последовать предложению Межамериканского совета юристов¹¹⁸³. В этой связи он отметил:

Мы считаем, что было бы вполне обоснованно предложить принятие этого более длительного срока. Во-первых, одно дело договориться о коротком сроке для целей конкретного договора, содержание которого известно, и совсем иное дело договориться об этом в качестве общего правила, применимого к любому договору, в котором нет нормы на этот счет. В этой связи государствам, вероятно, было бы проще принять общее правило, устанавливающее максимальный срок для заявления возражений, если предложенный срок будет более длительным¹¹⁸⁴.

5) Этот 12-месячный срок, в течение которого должно быть сформулировано возражение, для того чтобы нейтрализовать презумпцию принятия, предусмотренный в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций, во время Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров не представлялся в качестве устоявшейся нормы обычного права, однако он представляет собой «наиболее приемлемый срок»¹¹⁸⁵. Хорн в этой связи отметил следующее:

Слишком длинный срок не может быть принят, поскольку это приведет к затяжному периоду неопределенности применительно к правоотношениям между делающим оговорку государством и другими сторонами. Этот срок также не должен быть слишком коротким. Это не оставляло бы остальным государствам достаточного времени для проведения необходимого анализа возможных последствий, которые оговорка может для них иметь¹¹⁸⁶.

6) Впрочем, этот срок, который явно проистекал из прогрессивного развития международного права в момент принятия Венской конвенции, так никогда в полной мере и не стал обычной нормой, применимой в отсутствие текста¹¹⁸⁷. Довольно долго практику Генерального секретаря как депозитария с трудом

¹¹⁸² Первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 66–67 англ. текста, пункт 14) комментария к статье 18.

¹¹⁸³ Там же, стр. 67 англ. текста, пункт 16).

¹¹⁸⁴ *Ibid.*

¹¹⁸⁵ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 107. Грейг считает, что предусмотренный пунктом 5 статьи 20 Венской конвенции 12-месячный срок представляет собой по крайней мере «ориентир разумного характера», Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), р. 128.

¹¹⁸⁶ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 126.

¹¹⁸⁷ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 495–496, para.16. См. также Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), р. 324; Greig, «Reservations: equity as a balancing

¹¹⁸⁰ Пункт 2 касается оговорок к договорам с ограниченным кругом участников; пункт 4 определяет последствия принятия оговорок и возражений во всех случаях, за исключением тех, когда оговорки прямо разрешены договором, применительно к договорам с ограниченным кругом участников и учредительным документам международных организаций.

¹¹⁸¹ Комиссия неизменно считает, что по логике вещей было бы более целесообразно сказать, что речь идет о сроке, в течение которого возражение может быть «сделано». Тем не менее она предпочла остаться верной букве пункта 5 статьи 20 Венских конвенций.

можно было соотнести с положениями пункта 5 статьи 20 Венских конвенций¹¹⁸⁸. Действительно, в случаях, когда в договоре ничего не говорится по вопросу об оговорках, Генеральный секретарь традиционно считал, что заявляющее оговорку государство становилось договаривающимся государством, если никаких возражений против оговорки, о которой было должным образом направлено уведомление, не было получено в течение 90 дней¹¹⁸⁹. Однако посчитав, что такая практика замедляет вступление договоров в силу и их регистрацию¹¹⁹⁰, Генеральный секретарь отказался от нее и теперь исходит из того, что всякое государство, сформулировавшее оговорку, является договаривающимся государством с даты вступления в силу ратификационной грамоты или документа о присоединении¹¹⁹¹. Для обоснования этой позиции Генеральный секретарь указал, что было бы нереальным считать, будто условия, установленные пунктом 4 *b*) статьи 20, вообще когда-либо могут быть выполнены: чтобы воспрепятствовать вступлению договора в силу для делающего оговорку государства, нужно было бы, чтобы против оговорки возражали все договаривающиеся государства или договаривающиеся организации. Таким образом, критика со стороны Генерального секретаря касается скорее не презумпции из пункта 5, а отсутствия реализма в трех подпунктах пункта 4. В 2000 году Юриконсульт Организации Объединенных Наций также высказался в пользу 12-месячного срока, установленного пунктом 5, который теперь применяется в случае принятия (непрерывно единогогласного) последующих оговорок¹¹⁹². Кроме того, практика государств свидетельствует о том, что государства формулируют возражения даже после того, как установленный пунктом 5 статьи 20 12-месячный срок истек. Какие бы ни высказывались сомнения в отношении «позитивности» этой нормы в общем международном праве, в Венских конвенциях она закреплена, и ее изменение для целей Руководства по практике, безусловно, сулило бы больше проблем,

factor?» (сноска 28 выше), pp. 127 *et seq.*; и Aust, *Modern Treaty Law and Practice* (сноска 155 выше), p. 155.

¹¹⁸⁸ Imbert, «À l'occasion de l'entrée en vigueur de la Convention de Vienne...» (сноска 601 выше), pp. 524–541; Gajda, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), pp. 323–324; Riquelme Cortado, «Las reservas a los tratados...» (сноска 150 выше), pp. 245–250; и Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 503–504, para. 43.

¹¹⁸⁹ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), p. 55, para. 185.

¹¹⁹⁰ Однако практика использования 90-дневного срока по-прежнему применялась к принятию последующих оговорок, для которых обычно требуется единогогласное принятие договаривающимися государствами (*ibid.*, pp. 61–62, paras. 205–206). См. руководящее положение 2.3.1 и комментарий к нему.

¹¹⁹¹ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), pp. 54–55, paras. 184–187.

¹¹⁹² Меморандум Юриконсульта Организации Объединенных Наций от 4 апреля 2000 года на имя постоянных представителей государств – членов Организации Объединенных Наций. См. пункты 7)–8) комментария к руководящему положению 2.3.1. Между тем практика Совета Европы в вопросе принятия последующих оговорок заключается в том, что договаривающимся государствам дается только девять месяцев для заявления возражения (см. Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), p. 102).

чем выгод: в соответствии с установившейся в Комиссии практикой работы над оговорками должна существовать убедительная причина для того, чтобы отходить от формулировок положений Конвенций о праве международных договоров; в данном случае такой причины, конечно, не существует.

7) По этой же причине, несмотря на то, что выражение «если договор не предусматривает иное» само собой разумеется, поскольку все закрепленные в Венских конвенциях нормы носят субсидиарный, добровольный характер и применяются только в отсутствие договорных положений об ином, Комиссия сочла правильным сохранить его в руководящем положении 2.6.12. Кроме того, материалы подготовительной работы по пункту 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года позволяют понять, зачем было включено это выражение, что и оправдывает его сохранение. Действительно, включение такого уточнения («если договор не предусматривает иное») было произведено вследствие поправки, предложенной Соединенными Штатами Америки¹¹⁹³. Представитель Соединенных Штатов на Конференции уточнил, что данная поправка обусловлена тем, что

текст Комиссии, по всей видимости, запрещает государствам, которые участвуют в переговорах, предусматривать в договоре срок длительностью менее или более 12 месяцев¹¹⁹⁴.

Таким образом, поправка Соединенных Штатов не касалась как такового 12-месячного срока, установленного Комиссией, а просто имела целью подчеркнуть, что речь идет всего лишь о субсидиарной норме, которая несколько не мешает ведущим переговорам сторонам устанавливать иной срок¹¹⁹⁵.

8) Второй гипотетический случай, предусматриваемый руководящим положением 2.6.12, охватывает государства и международные организации, которые становятся «договаривающимися» только по истечении 12-месячного срока со дня, когда они получили уведомление. В этом случае соответствующие государства и международные организации могут заявить возражение до того дня, когда они выразят свое согласие на обязательность договора, что, разумеется, никоим образом не мешает им сделать это до наступления этой даты.

9) Этот вариант, заключающийся в том, чтобы проводить различие между договаривающимися государствами и организациями и теми, которые не приобрели еще этот статус применительно к договору, фигурировал уже в предложениях г-на Брайерли, однако не был воспринят ни сэром Гершем Лаутерпахтом, ни сэром Джеральдом Фитцморисом, а также не был сохранен и Комиссией

¹¹⁹³ A/CONF.39/C.1/L.127, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), p. 136.

¹¹⁹⁴ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 21-е заседание Комитета полного состава, 10 апреля 1968 года, p. 108, para. 13.

¹¹⁹⁵ Между тем, Руда утверждает, что поправка Соединенных Штатов подчеркивает «остаточный характер пункта 5 статьи 20» (Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 185).

международного права в статьях, принятых в первом чтении в 1962 году¹¹⁹⁶, хотя сэр Хэмфри Уолдок включил его в проект статьи 18, представленный в его докладе 1962 года¹¹⁹⁷. После критических замечаний со стороны правительства Австралии, которое испытывало беспокойство по поводу практических трудностей, которые могут возникнуть при применении принципа молчаливого принятия как такового, он в конечном счете был восстановлен при рассмотрении текста во втором чтении¹¹⁹⁸.

10) Однако этот вариант никоим образом не ставит государства и международные организации, которые не являются договаривающимися государствами и договаривающимися организациями в момент уведомления об оговорке, в неравноправное положение по сравнению с договаривающимися государствами и договаривающимися организациями. Совсем наоборот, не следует забывать, что на основании пункта 1 статьи 23 уведомлять о любой сформулированной оговорке следует не только договаривающиеся государства или договаривающиеся организации, но также и другие государства и международные организации, имеющие право стать участниками договора¹¹⁹⁹. Государства и международные организации, «имеющие право стать участниками договора», располагают поэтому всей необходимой информацией в отношении оговорки к данному договору и сроком на обдумывание, по меньшей мере равным¹²⁰⁰ сроку, предоставляемому договаривающимся государствам или договаривающимся организациям (12 месяцев).

2.6.13 Возражения, сформулированные впоследствии

Возражение против оговорки, сформулированное после истечения срока, предусмотренного руководящим положением 2.6.12, не вызывает всех юридических последствий возражения, сформулированного с соблюдением этого срока.

Комментарий

1) Ничто не препятствует тому, чтобы государства или международные организации формулировали возражения впоследствии, то есть либо после

¹¹⁹⁶ Пункт 3 проекта статьи 19, представленный в докладе Комиссии Генеральной Ассамблеи, в действительности касался только молчаливого принятия как такового. См. *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста.

¹¹⁹⁷ Там же, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 61–62 англ. текста.

¹¹⁹⁸ См. четвертый доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 45 и 53 англ. текста, пункт 17.

¹¹⁹⁹ См. также пункт 1 руководящего положения 2.1.5.

¹²⁰⁰ В пункте 3 *b*) проекта статьи 18, содержащегося в первом докладе сэра Хэмфри Уолдока, эта же норма формулировалась как исключение в отношении 12-месячного срока и уточнялось, что государство, которое не является участником договора, «не считается принявшим оговорку, если впоследствии [т.е. по истечении 12-месячного срока] оно заявляет возражение против оговорки в тот момент, когда оно совершает необходимый акт или акты, чтобы иметь возможность говорить о намерении стать участником договора» (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 61 англ. текста).

истечения 12-месячного срока (или любого иного установленного договором срока), либо после выражения согласия на обязательность договора – в том, что касается государств и международных организаций, присоединяющихся к договору после истечения 12-месячного срока¹²⁰¹.

2) Такого рода случаи отнюдь не единичны. В своем исследовании, опубликованном в 1988 году, Хорн указал, что из 721 рассмотренного возражения 118 были сформулированы впоследствии¹²⁰², и этот показатель с тех пор вырос¹²⁰³. Многочисленные примеры таких возражений¹²⁰⁴ наблюдаются в отношении договоров по правам человека¹²⁰⁵, а также договоров, касающихся таких разных областей, как право международных договоров¹²⁰⁶ или борьба с терроризмом¹²⁰⁷, а также соблюдение Конвенции о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала¹²⁰⁸ и Рим-

¹²⁰¹ См. руководящее положение 2.6.12 и комментариев к нему.

¹²⁰² Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 206. См. также Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 264–265.

¹²⁰³ Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 265.

¹²⁰⁴ Приведенные ниже примеры являются исключительно случаями, выявленными Генеральным секретарем и поэтому доведенными до сведения в качестве «сообщений». Анализ оказывается делом сложным, потому что в перечне многосторонних договоров, сданных на хранение Генеральному секретарю, указывается не дата уведомления, а дата сдачи на хранение документа, содержащего оговорку.

¹²⁰⁵ См. весьма полный перечень, составленный Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 265 (footnote 316). См. также последующие возражения Швеции (18 октября 2010 года) и Соединенного Королевства (21 октября 2010 года) против оговорки, сформулированной Лаосской Народно-Демократической Республикой в отношении Международного пакта о гражданских и политических правах (25 сентября 2009 года) (*Multilateral Treaties...* (footnote 37 выше), chap. IV.4).

¹²⁰⁶ Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 265 (сноска 317).

¹²⁰⁷ См. сформулированные впоследствии возражения против заявления Пакистана (13 августа 2002 года) при присоединении к Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года: Республика Молдова (6 октября 2003 года), Российская Федерация (22 сентября 2003 года) и Польша (3 февраля 2004 года) (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.9); или сформулированные впоследствии возражения против оговорок, сделанных следующими государствами в отношении Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года: оговорки Бельгии (17 мая 2004 года), Российской Федерации (7 июня 2005 года) и Аргентины (22 августа 2005 года); заявления Иордании (28 августа 2003 года), Бельгии (23 сентября 2004 года), Российской Федерации (1 марта 2005 года), Японии (14 июля 2005 года), Аргентины (22 августа 2005 года), Ирландии (23 июня 2006 года), Чешской Республики (23 августа 2006 года); оговорки Сирийской Арабской Республики (24 апреля 2005 года); Ирландия (23 июня 2006 года), Чешская Республика (23 августа 2006 года); оговорки Корейской Народно-Демократической Республики (12 ноября 2001 года, при подписании; поскольку ратификация не состоялась, оговорка не была подтверждена); Республика Молдова (6 октября 2003 года), Германия (17 июня 2004 года) и Аргентина (22 августа 2005 года) (*ibid.*, chap. XVIII.11); оговорки Йемена (3 марта 2010 года); Бельгия (25 марта 2011 года) (*ibid.*, chap. XVIII.11).

¹²⁰⁸ См. сформулированные впоследствии возражения Португалии (15 декабря 2005 года) в отношении заявления Турции (9 августа 2004 года) (*ibid.*, chap. XVIII.8).

ского статута Международного уголовного суда 1998 года¹²⁰⁹.

3) Разумеется, такую практику не следует осуждать. Напротив, она позволяет государствам и международным организациям путем формулирования возражений выражать свою точку зрения по поводу действительности оговорки, пусть даже сделанной более чем двенадцатью месяцами ранее, что имеет определенные плюсы, несмотря на то что такого рода последующие возражения не вызывают немедленных юридических последствий. В самом деле, позиция заинтересованных государств или международных организаций относительно действительности оговорки является для толкователя – будь то орган по контролю или международный судебный орган – важным указанием, которое должно быть учтено при определении действительности оговорки. Эта точка зрения подтверждается практикой Генерального секретаря как депозитария многосторонних договоров. Он получает последующие возражения и направляет их заинтересованным государствам и международным организациям, но не в качестве возражений, а в качестве «сообщений»¹²¹⁰. Кроме того, возражение, даже если оно сформулировано впоследствии, является важным средством налаживания диалога об оговорках или содействия такому диалогу¹²¹¹.

¹²⁰⁹ См. сформулированные впоследствии возражения Ирландии (28 июля 2003 года), Соединенного Королевства (31 июля 2003 года), Дании (21 августа 2003 года) и Норвегии (29 августа 2003 года) в отношении заявления о толковании (рассматриваемого заявившими возражения государствами в качестве запрещенной оговорки) Уругвая (28 июня 2002 года) (*ibid.*, chap. XVIII.10).

¹²¹⁰ «[С] учетом ориентировочной ценности этого положения Венской конвенции [пункт 5 статьи 20] Генеральный секретарь, получая таким образом возражение по истечении этого срока, называет его "сообщением", когда информирует соответствующие стороны о поступлении этого возражения» (*Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), p. 63, para. 213). В то же время в публикации *Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General* имеется несколько примеров последующих возражений, размещенных в разделе «Возражения». В частности, это касается возражения Японии (27 января 1987 года) против оговорки Бахрейна (2 ноября 1971 года) и Катара (6 июня 1986 года) в отношении Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года. Если в отношении оговорки Бахрейна возражение Японии было заявлено по прошествии весьма продолжительного отрезка времени, то в отношении оговорки Катара оно было сделано вовремя; очевидно, по этой причине оно и было представлено именно как возражение, а не как простое «сообщение» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3).

¹²¹¹ После формулирования Швецией последующего возражения Таиланд снял свою оговорку к Конвенции о правах ребенка (*ibid.*, chap. IV.11). Баратта считал, что «[l']objezione è strumento utilizzato non solo e non tanto per manifestare la propria disapprovazione all'atto-riserva altrui e per rilevarne, talvolta, l'incompatibilità con ulteriori obblighi posti dell'ordinamento internazionale, quanto e piuttosto per indurre l'autore della riserva a riconsiderarla e possibilmente a ritirarla» (возражение является средством, используемым не только и не столько для того, чтобы выразить свое неодобрение в отношении акта-оговорки другого государства или для того, чтобы в определенных случаях констатировать ее несовместимость с другими обязательствами, устанавливаемыми международным правом, но скорее для того, чтобы побудить автора оговорки пересмотреть ее и, если это возможно, снять), Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), pp. 319–320.

4) Однако из пункта 5 статьи 20 Венских конвенций следует, что государство или международная организация, не заявившие возражений в течение 12 месяцев, считая с даты формулирования оговорки или на день выражения своего согласия на обязательность договора, считаются согласившимися с оговоркой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не входя в подробности относительно последствий такого молчаливого принятия, достаточно отметить, что в е такое принятие влечет за собой вступление в силу договора между государством или международной организацией, сделавшими оговорку, и государством или международной организацией, считающимися принявшими оговорку. Такое последствие не может быть пересмотрено формулированием возражения после вступления договора в силу между двумя государствами или международными организациями, без нанесения серьезного ущерба юридической определенности.

5) Государства, насколько можно судить, понимают, что последующее возражение не может вызывать все последствия, присущие возражению, сформулированному вовремя. Соединенное Королевство в возражении (сформулированном в установленный 12-месячный срок) против оговорки Руанды в отношении статьи IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него выражает пожелание, чтобы «было принято к сведению, что оно занимает такую же позицию [т.е. не может принять такую оговорку] в отношении схожей [с оговоркой Руанды] оговорки, которая была сформулирована Германской Демократической Республикой и о которой было уведомлено в ее письме [...] от 25 апреля 1973 года»¹²¹². Понятно, что в отношении оговорки, сделанной Германской Демократической Республикой, возражение Соединенного Королевства было последующим. Осторожная формулировка возражения свидетельствует о том, что Соединенное Королевство не рассчитывало на то, что это возражение будет иметь такие же юридические последствия, которые присущи возражению, сформулированному в сроки, предусмотренные пунктом 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года.

6) Сообщение правительства Перу от 21 января 2002 года о последующем возражении Австрии¹²¹³ – причем срок был превышен всего на несколько дней – в отношении оговорки Перу к Венской конвенции 1969 года представляет особый интерес:

[Правительство Перу ссылается на сообщение, сделанное правительством Австрии в отношении оговорки, сформулированной Перу при ратификации.] Этот документ доводит до сведения государств-членов текст сообщения правительства Австрии, в котором последнее заявляет о своем возражении против оговорки, выраженной правительством Перу 14 сентября 2000 года в момент передачи на хранение документа о ратификации Венской конвенции о праве международных договоров.

Как известно [Секретариату], в соответствии с пунктом 5 статьи 20 Венской конвенции, «оговорка считается принятой

¹²¹² *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.1.

¹²¹³ Это последующее возражение было доведено до сведения как «сообщение» (*ibid.*, chap. XXIII.1).

государством, если оно не выскажет возражений против нее до конца двенадцатимесячного периода после того, как оно было уведомлено о такой оговорке (...). Государства-члены были уведомлены о ратификации Конвенции Перу и о формулировании оговорки 9 ноября 2000 года.

Учитывая, что Секретариат получил сообщение правительства Австрии 14 ноября 2001 года и распространил его среди государств-членов 28 ноября того же года, Постоянное представительство Перу считает, что правительство Австрии дало молчаливое согласие на оговорку, сформулированную правительством Перу, так как предусмотренный пунктом 5 статьи 20 Венской конвенции двенадцатимесячный срок прошел и никаких возражений в течение этого периода заявлено не было. Таким образом, правительство Перу считает, что сообщение правительства Австрии по причине его несвоевременного представления не имеет никаких юридических последствий¹²¹⁴.

Хотя и нельзя с уверенностью сказать, что сообщение Австрии не имеет никаких юридических последствий, заявление Перу совершенно ясно свидетельствует о том, что последующее возражение не может препятствовать действию презумпции принятия, установленной пунктом 5 статьи 20 Венской конвенции.

7) Из вышеуказанного следует, что, хотя сформулированное впоследствии возражение может представлять собой элемент оценки для определения действительности оговорки, оно, вместе с тем, не может вызывать «нормальных» последствий возражения, предусмотренных в пункте 4 b) статьи 20 и пункте 3 статьи 21 Венских конвенций¹²¹⁵. Хотя эти последующие возражения не вызывают последствий обычного возражения, эти заявления соответствуют определению возражений, содержащемуся в руководящем положении 2.6.1, рассматриваемом совместно с руководящим положением 2.6.12. Как об этом напоминает комментарий к руководящему положению 2.6.3¹²¹⁶, возражение (как и оговорка) определяется не производимыми им последствиями, а теми последствиями, которые хотел бы за ним видеть их автор.

8) Формулировка руководящего положения 2.6.13 является достаточно гибкой, чтобы оставалось место для уже установившейся практики государств по заявлению последующих возражений. Она не запрещает государствам или международным организациям формулировать возражения после истечения срока, требуемого в руководящем положении 2.6.12, и содержит совершенно ясное указание на то, что эти возражения не вызывают юридических последствий возражения, заявленного в установленный срок.

2.7 Снятие и изменение возражений против оговорок

Комментарий

1) Вопрос снятия возражений, как и вопрос снятия оговорок, регулируется Венскими конвенциями

¹²¹⁴ *Ibid.*

¹²¹⁵ Это не предвосхищает ответа на вопрос о том, вызывает ли и как вызывает считающаяся принятой оговорка «нормальные» последствия, предусмотренные пунктом 1 статьи 21 Венских конвенций.

¹²¹⁶ См. пункт 4) комментария.

весьма неполно¹²¹⁷. В них есть лишь некоторые краткие указания относительно формы снятия возражений, а также момента, когда может осуществляться снятие и когда оно вступает в силу. Что касается изменения возражений, то по этому вопросу в Конвенциях не сказано совсем ничего.

2) Пункты 2 и 3 статьи 22 Венской конвенции 1986 года предусматривают следующее:

2. Если договор не предусматривает иное, возражение против оговорки может быть снято в любое время.

3. Если иное не предусматривается договором или не было другим образом обусловлено:

a) [...]

b) снятие возражения против оговорки вступает в силу только после получения государством или международной организацией, сформулировавшим/сформулировавшей оговорку, уведомления об этом.

А в пункте 4 статьи 23 определяется форма снятия возражения:

Снятие оговорки или возражения против оговорки должно осуществляться в письменной форме.

3) В материалах подготовительной работы по Венским конвенциям о снятии возражений также говорится очень неопределенно. Этот вопрос отсутствует в публикациях первых специальных докладчиков, в чем нет ничего удивительного, поскольку они были сторонниками традиционной системы единогласия, логическим следствием применения которой было исключение возможности снятия возражения. Не менее логичным было появление в первом докладе, подготовленном сэром Хэмфри Уолдоком, сторонником гибкой системы, первого предложения о введении положения о снятии возражений против оговорок. Предложенный им проект пункта 5 статьи 19 имел следующую формулировку:

Любое государство, заявившее возражение против оговорки, может в любое время полностью или частично снять это возражение в одностороннем порядке. Снятие возражения осуществляется письменным уведомлением, адресованным депозитарию относящихся к договору документов, а в отсутствие депозитария – каждому из государств, являющихся участниками договора или имеющих право стать таковыми¹²¹⁸.

После значительной переработки положений о форме и процедуре формулирования оговорок и возражений, от этого проекта статьи – который лишь воспроизводил *mutatis mutandis* аналогичное положение о снятии оговорок¹²¹⁹ – отказались, причем причины

¹²¹⁷ Особенно в том, что касается последствий снятия возражений против оговорок. См. Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 314.

¹²¹⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста.

¹²¹⁹ Пункт 6 проекта статьи 17 предусматривал следующее: «Любое государство, сформулировавшее возражение против оговорки, может в любое время полностью или частично снять это возражение в одностороннем порядке, независимо от того, приняли его или отклонили другие заинтересованные государства. Снятие возражения осуществляется письменным уведомлением, адресованным депозитарию относящихся к договору документов, а в отсутствие депозитария – каждому из государств, являющихся участниками договора или имеющих право стать таковыми»

этого отказа из публикаций Комиссии неясны. Он не фигурирует ни в тексте, принятом в первом чтении, ни в окончательном проекте Комиссии.

4) Только во время Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров вопрос снятия возражений был вновь введен в текст статей 22 и 23 после поправки, которая была внесена Венгрией¹²²⁰ и направлена на то, чтобы процедура снятия возражений вновь была приведена в соответствие с процедурой снятия оговорок. Как разъяснила от имени делегации Венгрии г-жа Бокор-Сего:

Если вводится положение о снятии оговорок, то важно также предусмотреть возможность снятия возражений против оговорок, тем более что на практике такая возможность уже существует¹²²¹.

Представитель Италии на Конференции также выступил в поддержку приведения процедуры снятия возражения против оговорки в соответствие с процедурой снятия оговорок:

Между оговоркой и возражением существуют такие же отношения, что и между претензией и оспариванием. Прекращение действия претензии, или снятие оговорки, уравниваются прекращением действия оспаривания или снятием возражения против оговорки, актом, который также соответствует дипломатическому и правовому элементу разработки договоров¹²²².

5) Однако практика государств в этом вопросе практически отсутствует. Хорн смог обнаружить только один четкий и ясный пример снятия возражения¹²²³: в 1982 году правительство Кубы уведомило Генерального секретаря о снятии возражений, заявленных при ратификации Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, против оговорок в отношении статей IX и XII, сформулированных рядом социалистических стран¹²²⁴.

6) Хотя положения Венской конвенции не очень подробно освещают вопрос о снятии возражений, из материалов подготовительной работы становится ясно, что в принципе снятие возражений подчиняется тем же правилам, что и снятие оговорок, как это имеет место при формулировании возражений в сопоставлении с формулированием оговорок¹²²⁵. Для конкретизации и уточнения соответствующих положений Комиссия воспользовалась руководящими

положениями о снятии (и изменении) оговорок¹²²⁶, внеся поправки, необходимые для учета специфики возражений. Вместе с тем, этот подход отнюдь не предполагает возрождения теории параллелизма форм¹²²⁷; речь идет не о том, чтобы привести процедуру снятия возражений в соответствие с процедурой их формулирования, а о том, чтобы применять в отношении снятия возражения те же правила, что применяются в отношении снятия оговорок. Конечно, два этих акта имеют различные последствия с точки зрения функционирования договора, а также различны по своей природе и по своим адресатам. Тем не менее они достаточно близки, чтобы предусмотреть для них сравнимые режимы регулирования формы и процедуры, как это предлагалось в ходе подготовительных работ по Венской конвенции 1969 года.

7) Следуя примеру проектов руководящих положений о снятии и изменении оговорок, проекты руководящих положений, включенные в настоящий раздел, касаются, соответственно, формы и процедуры снятия, его последствий, момента, когда наступают последствия возражения, частичного снятия и возможности расширения сферы действия возражения.

2.7.1 Снятие возражений против оговорок

Если договор не предусматривает иного, возражение против оговорки может быть снято в любое время.

Комментарий

1) Вопрос о возможности и моменте снятия возражения находит ответ в Венских конвенциях, и в частности в пункте 2 статьи 22¹²²⁸. Ни возможность снятия возражения в любой момент, ни сам момент, когда такое снятие может быть осуществлено, не нуждаются в долгих объяснениях, и положений пункта 2 статьи 22 Венских конвенций самих по себе достаточно. Что же касается практики государств, то, в этом отношении она почти отсутствует. Таким образом в руководящем положении 2.7.1 лишь воспроизводится текст из Венских конвенций.

2) Хотя в принципе было бы разумно выстроить положения, касающиеся снятия возражений, по образцу тех, которые относятся к снятию оговорок¹²²⁹, необходимо отметить существенное расхождение в формулировке пункта 1 статьи 22 (о снятии оговорок) и пункта 2 (о снятии возражений): если в пункте 1 уточняется, что оговорка может быть снята «и для ее снятия не требуется согласия государства, принявшего оговорку»¹²³⁰, в пункте 2 о возражениях ничего подобного не говорится. Такая разница в формулировках представляется логичной: во втором

(*ibid.*, p. 61). Близость двух текстов была подчеркнута Уолдоком, который отметил в комментариях к пункту 5 статьи 19, что это последнее положение соответствует пункту 6 проекта статьи 17 и «поэтому не нуждается в дополнительных разъяснениях» (*ibid.*, p. 68, пункт 22) комментария).

¹²²⁰ A/CONF.39/L.18, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), p. 267. Поправка Венгрии была принята с небольшим изменением 98 голосами, причем никто не голосовал против (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), 11-е пленарное заседание, 30 апреля 1969 года, p. 38, para. 41).

¹²²¹ *Ibid.*, pp. 36 and 37, para. 14.

¹²²² *Ibid.*, pp. 37 and 38, para. 27.

¹²²³ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 227.

¹²²⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.1.

¹²²⁵ См. пункты 1)–6) комментария к руководящему положению 2.6.8.

¹²²⁶ См. руководящие положения 2.5.1–2.5.9.

¹²²⁷ См. пункт 6) комментария к руководящему положению 2.5.4.

¹²²⁸ См. пункт 2) вводного комментария к разделу 2.7.

¹²²⁹ Там же, в различных местах.

¹²³⁰ По этому пункту см. руководящее положение 2.5.1 и комментарий к нему.

случае чисто односторонний характер акта снятия совершенно очевиден. Доказательством этого является то, что часть внесенной Венгрией поправки¹²³¹, направленная на приведение формулировки пункта 2 в соответствие с формулировкой пункта 1, была отклонена по просьбе делегации Великобритании, заявившей, что

у оговорок и возражений против оговорок различная природа; для снятия возражения согласие автора оговорки, естественно, не является необходимым; соответствующее ясно выраженное положение давало бы основания предположить, что по этому вопросу существуют какие-то сомнения¹²³².

Это заявление является убедительным обоснованием различия формулировок двух положений, возвращаться к которому нецелесообразно.

2.7.2 Форма снятия возражений против оговорок

Снятие возражения против оговорки должно формулироваться в письменной форме.

Комментарий

1) Вопрос о форме снятия возражения также находит свой ответ в пункте 4 статьи 23 Венских конвенций¹²³³. Требование исполнения такого акта в письменной форме не требует пространных объяснений, и правил Венских конвенций самих по себе достаточно: хотя существуют сомнения в том, что теория параллелизма форм не признана в международном праве¹²³⁴, безусловно, представляется разумным требовать выполнения некоторых формальных требований в отношении снятия возражений, которые точно так же, как и в случаях оговорок, должны быть сформулированы в письменной форме¹²³⁵. Результатом устного снятия стали бы значительные неопределенности, которые не обязательно ограничивались бы двусторонними отношениями между государством или международной организацией, формулирующими оговорку, и автором первоначального возражения¹²³⁶.

2) Исходя из этого, в руководящем положении 2.7.2 воспроизводятся формулировки пункта 4 статьи 23 Венских конвенций 1969 года и 1986 года, которые составлены таким же образом.

¹²³¹ A/CONF.39/L.18, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), р. 267. Эта поправка лежит в основе включения пункта 2 в статью 22 (см. пункт 4 вводящего комментария к разделу 2.7 выше).

¹²³² *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.1), 11-е пленарное заседание, 30 апреля 1969 года, пункт 31.

¹²³³ См. пункт 2) вводящего комментария к разделу 2.7.

¹²³⁴ См. пункт 6) комментария к руководящему положению 2.5.4.

¹²³⁵ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 2.5.2.

¹²³⁶ Учитывая, что снятие возражения сродни принятию оговорки, могло бы случиться так, что в определенных обстоятельствах это повлекло бы за собой вступление в силу договора в отношении государства или организации, сформулировавших оговорку.

3) Из этого следует, что форма снятия возражения против оговорки идентична форме снятия оговорки.

2.7.3 Формулирование снятия возражений против оговорок и сообщение о нем

К снятию возражений против оговорок применимы mutatis mutandis руководящие положения 2.5.4, 2.5.5 и 2.5.6.

Комментарий

1) Ни в Венской конвенции 1969 года, ни в Венской конвенции 1986 года не содержится никаких уточнений относительно формулирования снятия оговорки и об уведомлении о нем. Однако из материалов подготовительных работ по Венской конвенции 1969 года¹²³⁷ с особой определенностью следует, что в случае формулирования возражений и формулирования оговорок¹²³⁸ процедура отзыва односторонних заявлений, которыми, собственно, и являются возражения, должна быть идентична той, которая применяется в случае снятия оговорок.

2) Поэтому Комиссия просто приняла к сведению параллелизм процедур формулирования снятия оговорки и снятия возражения, что имеет значение для органа, уполномоченного осуществлять снятие в международном плане, и последствий (или скорее отсутствия последствий) нарушения норм внутреннего права во время формулирования снятия и правил, касающихся уведомления о снятии и сообщения о нем. Представляется, что они могут быть перенесены mutatis mutandis на снятие возражений. Вместо того чтобы воспроизводить руководящее положение 2.5.4 (Представительство для цели снятия оговорки на международном уровне), 2.5.5 (Отсутствие на международном уровне последствий нарушения внутренних норм, касающихся снятия оговорок) и 2.5.6 (Сообщение о снятии оговорки) (последнее из указанных положений само содержит ссылку на соответствующие руководящие положения, касающиеся уведомления об оговорках и роли депозитария), заменив просто-напросто слово «оговорка» словом «возражение» в формулировках этих положений, Комиссия сочла предпочтительным включить общую ссылку на эти руководящие положения¹²³⁹, которые применяются mutatis mutandis к возражениям.

¹²³⁷ См. пункты 3)–6) вводящего комментария к разделу 2.7 выше.

¹²³⁸ См. руководящее положение 2.6.8 и комментарий к нему выше.

¹²³⁹ Комиссия поступила таким же образом в отношении руководящих положений 1.6.2 (отсылка к руководящим положениям 1.2 и 1.4), 2.4.5 (отсылка к руководящим положениям 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7), 2.5.6 (отсылка к руководящим положениям 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7) и 2.6.8 (отсылка к руководящим положениям 2.1.3–2.1.7).

2.7.4 Последствия снятия возражения для оговорки

Государство или международная организация, снимающие возражение, сформулированное против оговорки, считаются принявшими эту оговорку.

Комментарий

1) Как и в случае снятия оговорки¹²⁴⁰, Комиссия рассмотрела последствия снятия возражения в части, посвященной процедуре снятия. Вопрос же оказался неизмеримо более сложным: если снятие оговорки приводит лишь к восстановлению целостности договора в отношениях между автором оговорки и другими сторонами, снятие возражения может повлечь за собой многочисленные последствия.

2) Государство или международная организация, снимающие свое возражение против оговорки, считаются принявшими эту оговорку. Это имплицитно вытекает из презумпции, порожаемой пунктом 5 статьи 20 Венских конвенций, в котором отсутствие возражения со стороны государства или международной организации приравнивается к принятию оговорки. Профессор Боуэт даже счел, что снятие возражения против оговорки означает принятие оговорки¹²⁴¹.

3) Вместе с тем совсем неочевидно, что снятие возражения имеет своим следствием то, что «оговорка производит все свои последствия»¹²⁴². В самом деле, последствия снятия возражения или вытекающего из него «отсроченного» принятия оговорки могут быть многочисленными и сложными и зависеть от обстоятельств, имеющих отношение не только к природе и действительности оговорки, но и прежде всего к особенностям самого возражения¹²⁴³:

– если возражение не сопровождалось определенным заявлением, предусмотренным в пункте 4 *b*) статьи 20 Конвенции, то оговорка вызывает «нормальные» последствия, предусмотренные пунктом 1 статьи 21;

– если возражение было возражением с «максимальным эффектом», то договор вступает в силу между двумя сторонами и оговорка полностью производит свои последствия в соответствии с положениями статьи 21;

– если возражение являлось причиной, препятствовавшей вступлению в силу договора между

всеми сторонами на основании пункта 2 статьи 20 или по отношению к сделавшему оговорку государству во исполнение пункта 4 той же статьи, то договор вступает в силу (и оговорка производит предусмотренные последствия).

Этот последний гипотетический случай, в частности, показывает, что последствия снятия возражения касаются не только формулирования оговорки, но что оно может также иметь последствия для вступления в силу самого договора¹²⁴⁴. Комиссия тем не менее сочла предпочтительным ограничиться в руководящем положении 2.7.4 только лишь последствиями снятия возражения «против оговорки» и принять соответствующее название этого руководящего положения.

4) Принятие положения, которое предусматривало бы все последствия снятия возражения, не только представляется трудным ввиду сложности вопроса, но и может предрешить вопрос о последствиях оговорки и принятия оговорки. Поэтому Комиссия с учетом сложности вопроса о последствиях снятия возражения сочла более разумным просто уподобить снятие возражения против оговорки принятию и считать, что государство, снявшее свое возражение, должно считаться принявшим оговорку, не вдаваясь на данной стадии в анализ природы и сущности последствий этого принятия, которые рассматриваются в части 4 Руководства по практике. Такое положение имплицитно отсылает к принятию и его последствиям, которым посвящены руководящие положения 4.2.1–4.2.4. Вопрос о том, когда наступают эти последствия, рассматривается в руководящем положении 2.7.5.

2.7.5 Дата вступления в силу снятия возражения

Если договор не предусматривает иного или в отсутствие договоренности об ином, снятие возражения против оговорки вступает в силу только после получения государством или международной организацией, сформулировавшими оговорку, уведомления об этом.

Комментарий

1) В Венских конвенциях содержится весьма четкое положение, касающееся момента, когда снятие возражения производит свои последствия. В соответствии с пунктом 3 *b*) статьи 22 Венской конвенции 1969 года:

3. Если иное не предусматривается договором или не было другим образом обусловлено:

a) ...

b) снятие возражения против оговорки вступает в силу только после получения государством [или международной организацией], сформулировавшими оговорку, уведомления об этом.

¹²⁴⁰ См. руководящее положение 2.5.7 (Последствия снятия оговорки) и комментарий к нему.

¹²⁴¹ Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), р. 88. См. также Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), р. 314, и Migliorino, «La revoca di riserve...» (сноска 809 выше), р. 329.

¹²⁴² Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), р. 88.

¹²⁴³ В этом отношении см. Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), р. 314, и Migliorino, «La revoca di riserve...» (сноска 809 выше), р. 329.

¹²⁴⁴ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 2.7.5 ниже.

2) Это положение отличается от аналогичной нормы, касающейся даты вступления в силу оговорки, тем, что в последнем случае снятие вступает в силу «в отношении других договаривающихся государств или международных организаций только после получения этими последними уведомления об этом». Причины, обусловившие это различие формулировок, нетрудно понять. В то время как снятие оговорки по идее приводит к изменению содержания договорных обязательств между автором оговорки и всеми остальными договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, снятие возражения против оговорки, в принципе, приводит к изменению лишь двусторонних договорных отношений между сделавшими оговорку государством или международной организацией и тем, кто возразил против оговорки. Г-жа Бокор Сего, представитель Венгрии на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года, следующим образом разъяснила различие в редакции подпункта *a*) и подпункта *b*), предложенных ее делегацией¹²⁴⁵:

[С]нятие возражения напрямую затрагивает только государство, заявившее возражение, и государство, сделавшее оговорку¹²⁴⁶.

3) Вместе с тем последствия снятия возражения против оговорки могут выйти за рамки строго двусторонних отношений между автором оговорки и автором возражения. Все зависит от содержания и масштаба интенсивности возражения: снятие возражения может даже иметь следствием вступление в силу договора между всеми государствами и международными организациями, которые его ратифицировали. Это, в частности, относится к случаю, когда возражение препятствует вступлению в силу договора между его участниками – применительно к договору с ограниченным кругом участников (пункт 2 статьи 20 Венских конвенций) или к менее вероятному случаю, когда в результате снятия возражения сделавшие оговорку государство или международная организация становятся участниками договора, в результате чего число участников достигает уровня, необходимого для вступления договора в силу. Поэтому можно задаться вопросом о том, правомерно ли, чтобы дата вступления в силу снятия возражения зависела только от уведомления о снятии государства, сделавшего оговорку, которое, разумеется, является главной заинтересованной стороной, но не обязательно единственной. В указанных выше случаях такое ограничение обязанности уведомления делает для других договаривающихся государств и международных организаций невозможным точно определить дату вступления договора в силу.

4) Однако этот недостаток представляется скорее теоретическим, чем реальным, поскольку о снятии возражения уведомляется не только государство,

сделавшее оговорку, но и все заинтересованные государства и организации или депозитарий договора, который и осуществляет процедуру уведомления¹²⁴⁷.

5) Другие несовершенства нормы, привязывающей дату вступления в силу к уведомлению о снятии, рассматривались в комментарии к руководящему положению 2.5.8 (Дата вступления в силу снятия оговорки)¹²⁴⁸. Они связаны с тем, что, с одной стороны, вступление в силу носит немедленный характер, а, с другой стороны, тот, кто осуществляет снятие, пребывает в неведении относительно даты уведомления заинтересованного государства или международной организации. Это верно и в отношении снятия возражений, но не является фактором, создающим затруднения. Что касается немедленного характера вступления в силу, то не надо забывать, что главной заинтересованной стороной является автор оговорки, который стремится к тому, чтобы его оговорка могла вызывать все предусмотренные последствия в отношении другой договаривающейся стороны: в этом отношении, чем быстрее будет снято возражение, тем лучше будет для автора оговорки. Что же касается автора возражения, ему принадлежит право такого уведомления и он должен быть готовым (и подготовить свое внутреннее право) к тому, что снятие произведет все свои последствия (и, в частности, к тому, что оговорка будет применима в отношениях между двумя государствами).

6) В свете этих замечаний и с учетом практики Комиссии представляется, что нет необходимости изменять норму, предусмотренную пунктом 3 *b*) статьи 22 Венской конвенции. Действительно, принимая во внимание сложившуюся в последние годы практику основных депозитариев многосторонних договоров и, в первую очередь, практику Генерального секретаря Организации Объединенных Наций¹²⁴⁹, которые используют современные и быстродействующие средства связи для передачи уведомлений, государства и международные организации, иные чем сделавшие оговорку государство или международная организация, должны получить уведомление в то же время, что и непосредственно заинтересованная сторона. Поэтому представляется целесообразным просто воспроизвести это положение Венской конвенции.

7) В соответствии с практикой, которой следует Комиссия, в руководящем положении 2.7.5 точно воспроизводится пункт 3 *b*) статьи 22 Венской конвенции

¹²⁴⁷ Это вытекает из руководящего положения 2.7.3 (Формулирование снятия возражений против оговорок и уведомление о нем) и руководящих положений 2.5.6 (Сообщение о снятии оговорки) и 2.1.6 (Процедура сообщения оговорки), к которым оно отсылает. Отсюда следует, что снятие возражения должно быть доведено до сведения «договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора».

¹²⁴⁸ См. комментарий к руководящему положению 2.5.8.

¹²⁴⁹ См. пункты 14)–18) комментария к руководящему положению 2.1.6 (Процедура сообщения оговорок). См. также Kohona, «Some notable developments...» (сноска 582 выше), и «Reservations: discussion of recent developments...» (там же).

¹²⁴⁵ См. пункт 4) вводного комментария к разделу 2.7 выше.

¹²⁴⁶ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), 11-е пленарное заседание, 30 апреля 1969 года, pp. 36–37, para. 14.

1986 года, который представляется более полным, нежели соответствующее положение 1969 года, в силу того, что в нем упоминаются международные организации, но ни в чем не меняется его смысл. Именно по этой причине Комиссия приняла решение не заменять в проекте руководящего положения на английском языке слова «becomes operative» словами «takes effect», которые, на ее взгляд, означают одно и то же¹²⁵⁰. Эта языковая проблема относится только к варианту на английском языке.

2.7.6 *Случаи, при которых автор может устанавливать дату вступления в силу снятия возражения*

Снятие возражения против оговорки вступает в силу с даты, установленной его автором, если эта дата наступает после даты, в которую государство или международная организация, сформулировавшие оговорку, получают об этом уведомление.

Комментарий

1) По соображениям, указанным в комментарии к руководящему положению 2.5.9 (Случаи, в которых автор оговорки может устанавливать дату вступления в силу снятия оговорки), Комиссия сочла необходимым принять проект аналогичного руководящего положения на случай, если сформулировавшие возражение государство или международная организация сами в одностороннем порядке установят дату вступления в силу снятия этого возражения, но не стала при этом полностью воспроизводить этот первый проект руководящего положения.

2) Что касается варианта, при котором автор возражения примет решение в одностороннем порядке установить в качестве даты вступления в силу снятия его возражения дату, предшествующую дате получения государством, сделавшим оговорку, уведомления о снятии – этот случай соответствует *mutatis mutandis* подпункту *b*) руководящего положения 2.5.9¹²⁵¹, то такое решение ставит государство или международную организацию, сделавшие оговорку, в особенно неудобное положение. Снявшие возражение государство или международная организация считаются принявшими оговорку и, следовательно, в соответствии с положениями пункта 1 статьи 21, могут сослаться на действие оговорки, основываясь на ее взаимности. Таким образом, сделавшие оговорку государство или международная организация могут оказаться перед необходимостью выполнения международных обязательств, не будучи об этом уведомлены, что создает серьезную угрозу юридической определенности в договорных отношениях. По этой причине Комиссия решила просто исключить такую возможность и не говорить о ней в руководящем положении 2.7.6. Следствие

¹²⁵⁰ См. также пункт 3) комментария к руководящему положению 2.7.6 и пункт 5) комментария к руководящему положению 2.7.7.

¹²⁵¹ Пункты 4)–5) комментария к руководящему положению 2.5.9.

такого молчания означает допущение, что государство или международная организация, снимающие возражение, могут установить только дату после даты уведомления об оговорке.

3) В английском варианте руководящего положения 2.7.6 в связи с формулировкой «becomes operative» возникают те же замечания, что и в связи с руководящим положением 2.7.5¹²⁵².

2.7.7 *Частичное снятие возражения*

1. Если договор не предусматривает иного, государство или международная организация вправе частично снять возражение против оговорки.

2. Частичное снятие возражения подчиняется тем же правилам в отношении формы и процедуры, что и полное снятие, и вступает в силу в том же порядке.

Комментарий

1) Как и в случае снятия оговорки, вполне мыслимо, что государство (или международная организация) могут корректировать возражение против оговорки путем частичного его снятия. Если государство или международная организация могут в любой момент снять свое возражение против оговорки, то трудно понять, почему они не могли бы просто сузить сферу его действия. В этой связи могут возникать две различные ситуации:

– во-первых, государство может преобразовать возражение с «максимальными»¹²⁵³ или «промежуточными»¹²⁵⁴ последствиями в «нормальное» или «простое»¹²⁵⁵ возражение; в этом варианте подвергнувшееся такому изменению возражение вызывает последствия, предусмотренные пунктом 3 статьи 21. Кроме того, переход от возражения с максимальными последствиями к простому возражению или к возражению с промежуточными последствиями

¹²⁵² См. пункт 7) комментария к руководящему положению 2.7.5. См. также пункт 5) комментария к руководящему положению 2.7.7.

¹²⁵³ Речь идет о возражении с «максимальными» последствиями в случае, если его автор выразил намерение не допустить вступления договора в силу между ним и автором оговорки в соответствии с положениями пункта 4 *b*) статьи 20 Венских конвенций. См. пункт 22) комментария к руководящему положению 2.6.1.

¹²⁵⁴ Формулируя возражение с «промежуточными» последствиями, государство выражает намерение вступить в договорные отношения с государством, сделавшим оговорку, считая в то же время, что исключение договорных связей должно идти дальше того, что предусмотрено пунктом 3 статьи 21 Венских конвенций. См. пункт 23) комментария к руководящему положению 2.6.1.

¹²⁵⁵ «Нормальным» или «простым» можно назвать возражение с «минимальными» последствиями, предусмотренными пунктом 3 статьи 21 Венских конвенций. См. пункт 22) комментария к руководящему положению 2.6.1.

влечет за собой вступление в силу договора между автором оговорки и автором возражения¹²⁵⁶;

– во-вторых, ничто, по-видимому, не препятствует тому, чтобы государство «смягчило» само содержание своего возражения (приняв некоторые аспекты оговорки, если она поддается такой операции)¹²⁵⁷, сохраняя в то же время его основу; в этом случае отношения между двумя государствами будут регулироваться новой формулировкой возражения.

2) Комиссии не известно ни об одном случае частичного снятия возражения в практике государств. Но это тем не менее не является достаточной причиной для того, чтобы не рассматривать такой вариант. В своем первом докладе сэр Хэмфри Уолдок прямо предусмотрел возможность такого рода частичного снятия. Пункт 5 проекта статьи 19, полностью посвященного возражениям, который фигурировал в этом докладе, но был исключен в результате изменения самой структуры проектов статей, гласил:

Любое государство, заявившее возражение против оговорки, может в любое время полностью или *частично** снять это возражение в одностороннем порядке¹²⁵⁸.

Комментарии к этому положению¹²⁵⁹, представленные Специальным докладчиком, не содержат ни одного разъяснения относительно причин, побудивших его выдвинуть это предложение. Вместе с тем примечательно, что пункт 5 этого проекта статьи 19 вновь был идентичен соответствующему предложению, касающемуся снятия оговорки¹²⁶⁰, что сэр Хэмфри Уолдок прямо подчеркнул в своем комментарии¹²⁶¹.

3) Логика, в силу которой Комиссия допустила возможность частичного снятия оговорки¹²⁶², может быть перенесена *mutatis mutandis* на частичное снятие возражений, хотя здесь речь идет прежде всего не об обеспечении более полного выполнения договора, а наоборот, о том, чтобы дать в полной (или в большей) мере проявиться последствиям оговорки.

¹²⁵⁶ Если бы, наоборот, возражение с «супермаксимальными» последствиями было бы заменено на возражение с максимальными последствиями, то договор потерял бы силу в отношениях между соответствующими государствами или международными организациями; даже если допустить, что возражение с «супермаксимальными» последствиями считается действительным, имело бы место расширение сферы действия возражения, что невозможно (см. руководящее положение 2.7.9 и комментарий к нему). В возражении с «супермаксимальными» последствиями указывается не только то, что оговорка, против которой оно сформулировано, является недействительной, но и то, что, следовательно, договор применяется *ipso facto* полностью в отношениях между двумя государствами. См. пункт 24) комментария к руководящему положению 2.6.1.

¹²⁵⁷ В некоторых случаях вопрос о том, действительно ли второй вариант приводит к «смягчению», может быть предметом дискуссии, но дискуссии, призванной – ни много, ни мало – решить, является ли изменение оговорки ее частичным снятием.

¹²⁵⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста.

¹²⁵⁹ Там же, стр. 68 англ. текста.

¹²⁶⁰ См. пункт 6 проекта статьи 17, там же, стр. 61 англ. текста.

¹²⁶¹ Там же, стр. 68 англ. текста.

¹²⁶² См. пункты 11)–12) комментария к руководящему положению 2.5.10 (Частичное снятие оговорки).

Следовательно, точно так же, как на частичное снятие оговорки распространяются правила полного снятия¹²⁶³, полное и частичное снятие возражения должны, по всей видимости, подчиняться одним и тем же нормам. Руководящее положение 2.7.7 сформулировано соответствующим образом.

4) С учетом трудностей абстрактного определения последствий полного снятия возражения¹²⁶⁴ Комиссия не нашла возможным или необходимым и далее заниматься определением того, что означает «частичное снятие». Достаточно было сказать, что частичное снятие необходимым образом представляет собой нечто меньшее, чем полное снятие, и что оно ограничивает юридические последствия возражения против оговорки, не устраняя их полностью, как показывают вышеприведенные примеры: речь идет о простом непринятии оговорки, и государство или международная организация намерены лишь изменить последствия возражения, которое, в принципе, сохраняется в силе.

5) В тексте руководящего положения 2.7.7 на английском языке в связи с формулировкой «becomes operative» возникают те же замечания, что и в связи с руководящим положением 2.7.5¹²⁶⁵.

2.7.8 *Последствия частичного снятия возражения*

Частичное снятие изменяет юридические последствия возражения для договорных отношений между автором возражения и автором оговорки в той мере, в какой это предусматривается новой формулировкой возражения.

Комментарий

1) Трудно абстрактным образом определить последствия, производимые снятием возражения, и еще труднее с точностью сказать, какое конкретное последствие может иметь частичное снятие возражения. Для того чтобы охватить все возможные виды последствий, Комиссия посчитала нужным принять достаточно пространное и гибкое руководящее положение. Она сочла, что формулировка руководящего положения 2.5.11 о последствиях частичного снятия оговорки удовлетворяет этому требованию. Исходя из этого, руководящее положение 2.7.8 составлено по образцу этого руководящего положения.

2) Хотя в тексте руководящего положения 2.7.8 это прямо не уточняется, ясно, что выражение «частичное снятие» означает, что, снимая частично свое возражение, государство или международная организация, являющиеся его авторами, намереваются ослабить юридические последствия

¹²⁶³ См. пункт 2 руководящего положения 2.5.10 (Частичное снятие оговорки): «Частичное снятие оговорки подчиняется тем же нормам в отношении формы и процедуры, что и полное снятие, и вступает в силу в том же порядке».

¹²⁶⁴ См. комментарий к руководящему положению 2.7.4 выше.

¹²⁶⁵ См. пункт 7) комментария к руководящему положению 2.7.5. См. также пункт 3) комментария к руководящему положению 2.7.6.

возражения – но при этом уточняется тем не менее, что это может оказаться тщетным, если юридические последствия оговорки уже поставлены под сомнение из-за проблем, связанных с ее действительностью.

3) Возражение само по себе вызывает последствия независимо от какой бы то ни было реакции со стороны автора оговорки. Если государства и международные организации могут по своему усмотрению заявлять возражения, они могут также по своему усмотрению снимать их или ограничивать их юридические последствия.

2.7.9 Расширение сферы действия возражения против оговорки

1. Государство или международная организация, высказавшие возражение против оговорки, вправе расширять сферу действия этого возражения в срок, указанный в руководящем положении 2.6.12.

2. Такое расширение сферы действия не может иметь последствий для существования договорных отношений между автором оговорки и автором возражения.

Комментарий

1) Ни в материалах подготовительной работы по Венским конвенциям 1969 и 1986 годов, ни в их тексте не содержится положений или указаний по вопросу о расширении сферы действия возражения, сформулированного государством или международной организацией, и практика государств в этой области также отсутствует.

2) Теоретически возможно, что государство или международная организация, заявившие возражение против оговорки, могут захотеть расширить сферу действия своего возражения, например, за счет добавления заявления, предусмотренного пунктом 4 b) статьи 20 Венских конвенций: простое возражение, не препятствующее вступлению договора в силу между автором оговорки и автором возражения, превращается в этом случае в возражение «с максимальными последствиями», исключающее какие-либо договорные связи между автором оговорки и автором возражения.

3) Учитывая, что сторона, сделавшая оговорку, в принципе не располагает правом ответа на возражение, могут возникать опасения в отношении того, что допустить возможность такого расширения сферы действия возражения означало бы поставить государство, сделавшее оговорку, в полную зависимость от автора возражения, который сможет в любое время и по своему усмотрению изменять договорные отношения между ним и стороной, сделавшей оговорку. Кроме того, отсутствие практики государств дает основания полагать, что государства и международной организации считают, что расширение сферы действия возражения просто-напросто невозможно. Также можно было бы считать, что любое заявление, сформулированное после истечения установленного

с этой целью срока, рассматривается не как возражение в собственном смысле этого слова, а как отказ от предшествующего принятия оговорки в нарушение обязательства, взятого в отношении сделавшего оговорку государства¹²⁶⁶, и практика Генерального секретаря как депозитария многосторонних договоров, как представляется, подтверждает этот вывод¹²⁶⁷.

4) Вместе с тем такой категоричный вариант не представляется оправданным с точки зрения положений 20 Венских конвенций. На основании пункта 5 статьи 20 государства и международные организации располагают определенным сроком для заявления своих возражений, и ничто им не мешает в течение этого периода усиливать их или расширять их сферу действия и, исходя из практических соображений, в этом случае следует предоставить государствам такой срок на размышление.

5) Руководящее положение 2.7.9 обеспечивает компромисс между этими двумя точками зрения. Комиссия сочла, что расширение сферы действия возражения не может ставить под сомнение само существование договорных отношений между автором оговорки и автором возражения. Заявление простого возражения, не сопровождаемого заявлением о намерении воспрепятствовать вступлению договора в силу между автором возражения и автором оговорки, может лишь иметь своим непосредственным последствием установление договорных отношений между двумя сторонами еще даже до истечения срока, предусмотренного для формулирования возражений. Постановка под сомнение этого совершившегося факта посредством последующего расширения сферы действия возражения за счет сопровождения его определенным заявлением о намерении воспрепятствовать вступлению договора в силу в соответствии с пунктом 4 b) статьи 20 не представляется возможной и серьезным образом подрывает юридическую определенность.

6) Это промежуточное решение не препятствует расширению сферы действия возражения в период, предусмотренный в руководящем положении 2.6.12, – в котором лишь воспроизводится положение пункта 5 статьи 20 Венских конвенций, – при условии, что такое расширение не ставит под сомнение существование договорных отношений. В силу этого расширение сферы действия возможно, если оно осуществляется до истечения 12-месячного срока (или любого другого срока, предусмотренного договором), который следует за уведомлением об оговорке, или до той даты, когда государство или международная организация, которые заявили возражение, выразят свое согласие на обязательность для них договора, если эта дата является более поздней и если расширение не ставит под сомнение само существование договорных отношений, обеспеченное впоследствии формулированием первоначального возражения.

¹²⁶⁶ См. пункты 4)–5) комментария к руководящему положению 2.6.13 и руководящему положению 2.8.13.

¹²⁶⁷ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 2.6.13.

2.8 *Формулирование принятия оговорок*

2.8.1 *Формы принятия оговорок*

Принятие оговорки может вытекать из соответствующего одностороннего заявления или молчания со стороны договаривающегося государства или договаривающейся организации в течение сроков, установленных в руководящем положении 2.6.12.

Комментарий

1) Согласно пункту 5 статьи 20¹²⁶⁸ Венской конвенции 1986 года:

Поскольку это касается пунктов 2 и 4¹²⁶⁹ и если договор не предусматривает иное, оговорка считается принятой государством или международной организацией, если оно/она не выскажет возражений против нее до конца 12-месячного периода после того, как оно/она было/была уведомлено/уведомлена о такой оговорке, или до той даты, когда оно/она выразило/выразила свое согласие на обязательность для него/нее договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней.

2) Из этого определения следует, что принятие оговорки может определяться как отсутствие возражений. В отношении материально действительных оговорок¹²⁷⁰ оно предполагается, в принципе, в силу отсутствия возражений либо по истечении 12-месячного срока с момента получения уведомления об оговорке, либо при выражении согласия на обязательность договора, если эта дата является более поздней. В этих двух случаях, которые умозрительно отличаются друг от друга, но на практике приводят к одинаковым результатам, именно молчание означает принятие, при этом нет необходимости делать официальное одностороннее заявление. Однако отсюда не следует, что принятие непременно является молчаливым; к тому же в пунктах 1 и 3 статьи 23 непосредственно говорится об «определенно выраженном принятии оговорки», и может случиться так, что такое определенно выраженное формулирование окажется обязательным, что подразумевается выражением «если договор не предусматривает иное» в пункте 5 статьи 20 – даже если оно было включено в это положение по другим причинам¹²⁷¹ – и отсутствием в этом же положении ссылки на пункт 3 той же статьи 20, касающийся

¹²⁶⁸ Эта статья озаглавлена «Принятие оговорок и возражения против них». В отличие от английского текста, во французском тексте обеих Венских конвенций слово «принятие» стоит в единственном числе, а «возражение» – во множественном. Это расхождение, появившееся в 1962 году (см. *Ежегодник... 1962 год*, том I, 663-е заседание, стр. 223 англ. текста (текст, принятый Редакционным комитетом); и там же, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста), не было ни устранено, ни пояснено.

¹²⁶⁹ Пункт 2 касается оговорок к договорам с ограниченным числом участников; пункт 4 предусматривает последствия принятия оговорок и возражений в иных случаях, помимо тех, когда оговорки прямо разрешены договором, когда речь идет о договорах с ограниченным числом участников и об учредительных актах международных организаций.

¹²⁷⁰ Если оговорка не является материально действительной, принятие этой оговорки не затрагивает такой действительности оговорки; см. руководящее положение 3.3.3. Поэтому едва ли имеет смысл выводить презумпцию принятия из одного лишь отсутствия возражений.

¹²⁷¹ См. пункт 7) комментария к руководящему положению 2.6.12 выше.

принятия оговорок к учредительным актам международных организаций, которые требуют действительно особой формы принятия.

3) В руководящем положении 2.8.1, с которого начинается раздел Руководства по практике, касающийся процедуры и формы принятия оговорок, отмечаются эти две различающиеся формы принятия:

– определенно выраженное принятие, являющееся следствием сделанного с этой целью одностороннего заявления; и

– молчаливое принятие, являющееся следствием молчания или, если говорить точнее, отсутствия возражений в отношении оговорки в течение определенного периода времени. Этот период времени соответствует сроку, в течение которого можно официально заявить возражение, т.е. сроку, предусмотренному в проекте руководящего положения 2.6.12.

4) Вместе с тем было отмечено, что в этом двойном разделении на формальное и молчаливое принятие оговорок не учитывается необходимое разграничение между двумя формами принятия без одностороннего заявления, которые могут быть либо молчаливыми, либо подразумеваемыми. Кроме того, по мнению некоторых авторов, следует говорить об «априорном» принятии, когда оговорка разрешена договором:

Оговорка может быть принята, согласно Венской конвенции, тремя способами: заранее, по условиям самого договора или в соответствии с пунктом 1 статьи 20¹²⁷².

Хотя эти различия, как представляется, являются небезосновательными с научной точки зрения, Комиссия не сочла необходимым отражать их в Руководстве по практике, поскольку они не влекут за собой конкретных последствий.

5) Что касается так называемого «априорного» принятия, то в комментарии Комиссии к проекту статьи 17 (ставшей статьей 20 Венской конвенции) недвусмысленно указано следующее:

Пункт 1 этой статьи касается случаев, когда оговорка прямо или подразумеваемо разрешена договором, иными словами, случаев, когда согласие других договаривающихся государств было дано в договоре. В этой связи им нег нужно принимать оговорку впоследствии¹²⁷³.

Согласно этому положению и если договор не предусматривает иное, в данном случае принятие не является условием для того, чтобы оговорка стала действующей: она является таковой *ipso facto* в силу договора, и реакция государств – определенно выраженное принятие, молчаливое принятие и даже возражение – больше не может поставить под сомнение это полученное принятие. Это, впрочем, не мешает

¹²⁷² Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), р. 118. Эта статья, по всей видимости, представляет собой наиболее углубленное исследование норм, применимых к принятию оговорок (см. в особенности pp. 118–135 and 153).

¹²⁷³ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 207 англ. текста, пункт 18).

государствам произвести определенно выраженное принятие оговорки этого вида, однако такое определенно выраженное принятие представляет собой избыточное действие, не имеющее особого значения. Кроме того, таких примеров принятия не существует. Однако это не означает, что пункт 1 статьи 20 Венских конвенций не должен быть отражен в Руководстве по практике, но вместе с тем это положение в значительно большей степени касается последствий оговорки, чем формулирования или формы принятия, в связи с чем оно воспроизводится в руководящем положении 4.1.1 (Вступление в действие оговорки, прямо разрешаемой договором).

6) Комиссия также не сочла целесообразным упоминать в Руководстве по практике разграничение, проводимое отдельными авторами на основе двух случаев, предусмотренных в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций, между «молчаливым» принятием, с одной стороны, и «подразумеваемым» принятием, с другой, в зависимости от того, была ли уже сделана оговорка в момент, когда другая заинтересованная сторона выражает свое согласие на обязательность договора. В первом случае принятие будет «подразумеваемым»; во втором – «молчаливым»¹²⁷⁴. Действительно, в первом случае будет считаться, что государства или международные организации приняли оговорку, если они не заявили возражения в момент выражения своего согласия на обязательность договора. Во втором случае у государства или международной организации есть 12 месяцев для заявления возражения, в отсутствие которого будет считаться, что государство или международная организация оговорку приняли.

7) Хотя результат в обоих случаях является одинаковым – считается, что государство или международная организация оговорку приняли, если в определенный момент не было заявлено возражений, – основание будет разным. Что касается государств или международных организаций, которые становятся договаривающимися государствами или договаривающимися организациями договора после формулирования оговорки, то презумпция принятия основана не на их молчании, а на том обстоятельстве, что это государство или эта международная организация, зная о сформулированных оговорках¹²⁷⁵, присоединяются к договору, не возражая против них. Следовательно, принятие будет предполагаться актом ратификации или присоединения к договору, т.е. неким позитивным актом, в котором не заявлено возражение против уже сделанных

оговорок¹²⁷⁶, и поэтому считается, что в данном случае речь идет о «подразумеваемом» принятии. Что касается государств или международных организаций, которые уже выразили свое согласие на обязательность договора, когда оговорка была сформулирована, то ситуация выглядит иначе: именно их длительное молчание – по общему правилу в течение 12 месяцев – или, конкретнее говоря, отсутствие всяких возражений с их стороны и рассматривается как означающее принятие оговорки. Таким образом, это принятие выводится только из молчания соответствующего государства или организации; оно является молчаливым.

8) На деле это доктринальное различие не представляет никакого практического интереса. Для практических целей достаточно провести разграничение между государствами и международными организациями, которые располагают 12 месяцами для того, чтобы заявить возражение, и государствами и международными организациями, которые, еще не будучи договаривающимися государствами или договаривающимися организациями договора на момент формулирования оговорки, располагают сроком для обдумывания до той даты, пока не будет выражено их согласие на обязательность договора, что, впрочем, не препятствует им заявить о принятии или возражении до этой даты¹²⁷⁷. Однако это уже проблема срока, а не определения.

9) Другой вопрос касается самого определения молчаливого принятия. В самом деле, можно спросить, не будет ли в некоторых случаях возражение против оговорки равносильно ее молчаливому принятию. Этот парадоксальный вопрос вытекает из формулировки пункта 4 b) статьи 20. Согласно этому пункту,

возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации против оговорки не препятствует вступлению договора в силу между государством или международной организацией, возражающим/возражающей против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшим/сформулировавшей оговорку, если только возражающее против оговорки государство или возражающая против оговорки организация определенно не заявит о противоположном намерении.

Отсюда, по всей видимости, следует, что в случае, когда автор возражения не препятствует вступлению договора в силу между ним и заявляющим оговорку государством, возражение порождает те же последствия, что и принятие оговорки, по крайней мере в том, что касается вступления договора в силу. Этот вопрос, который далеко не так прост, как кажется, касается, однако, в первую очередь проблемы

¹²⁷⁴ Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 120; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 125–126; Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 501, para. 33.

¹²⁷⁵ См. пункт 1 статьи 23 Венской конвенции 1986 года, согласно которому оговорки должны быть «сделаны в письменной форме и доведены до сведения договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора». См. также руководящее положение 2.1.5 и пункты 1)–16) комментария к нему.

¹²⁷⁶ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 501, para. 34. См. также проект статьи 10, пункт 5, проекта конвенции по праву международных договоров, предложенный Специальным докладчиком г-ном Брайерли в его [первом] докладе о праве международных договоров, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 241 англ. текста, пункт 100.

¹²⁷⁷ См. также пункты 8)–9) комментария к руководящему положению 2.6.3 и пункты 8)–9) комментария к руководящему положению 2.6.12 выше.

соответствующих последствий принятия оговорок и возражений против них¹²⁷⁸.

10) Руководящее положение 2.8.1 ограничивает круг потенциальных авторов молчаливого принятия только договаривающимися государствами или организациями. Это вытекает из положений пункта 4 статьи 20, в котором учитывается только принятие, сделанное договаривающимся государством или договаривающейся международной организацией, с одной стороны, и пункта 5 статьи 20, согласно которому презумпция принятия распространяется только на договаривающиеся государства и договаривающиеся организации договора. Таким образом, государство или международная организация, которые в день уведомления об оговорке еще не являются договаривающимися государствами и договаривающимися организациями договора, будут считаться принявшими оговорку только в день, когда они выразят свое согласие на обязательность договора, т.е. в день, когда они окончательно становятся договаривающимся государством или договаривающейся организацией.

11) Однако вопрос ставится иначе в том, что касается принятия оговорок к учредительным актам международных организаций, о которых говорится в пункте 3 этой же статьи, с одной стороны, и определенно выраженного принятия, с другой стороны. Что касается последнего случая, то ничто не препятствует государству или международной организации, которые пока еще не выразили своего согласия на признание обязательности договора, сделать отдельное заявление о принятии оговорки, сформулированной другим государством, но при этом такое определенно выраженное принятие не может приводить к тем же правовым последствиям, о которых говорится в пункте 4 статьи 20 в отношении заявлений о принятии, сделанных договаривающимися государствами или договаривающимися организациями. Так же обстоит дело с возможным определенно выраженным принятием государством или международной организацией оговорки к учредительному акту международной организации: ничто не препятствует формулированию таких заявлений о принятии, однако они не могут приводить к тем же последствиям, что и принятие оговорки к договору, не имеющее такого характера.

12) Кроме того, из текста Венских конвенций, равно как из материалов подготовительной работы и практики следует, что молчаливое принятие является правилом, а определенно выраженное принятие – исключением. Вместе с тем руководящее положение 2.8.1 является сугубо описательным и не предназначено для установления случаев, в которых возможно или необходимо использовать первую или вторую из двух возможных форм принятия.

¹²⁷⁸ См. руководящие положения 4.3.1 (Последствие возражения для вступления договора в силу между автором возражения и автором оговорки) и 4.3.3 (Вступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения) и комментарии к ним.

2.8.2 Молчаливое принятие оговорок

Если договор не предусматривает иного, оговорка считается принятой государством или международной организацией, если они не выскажут возражений против оговорки в течение периода времени, предусмотренного в руководящем положении 2.6.12.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.8.2 представляет собой дополнение к руководящему положению 2.8.1 в том смысле, что уточняет условия, при которых одна из двух форм принятия оговорок, упомянутых в этом положении (отсутствие возражения со стороны договаривающегося государства или договаривающейся международной организации), равносильна принятию оговорки. В нем воспроизводится – хотя и в иной редакции – норма, установленная в пункте 5 статьи 20 Венской конвенции 1986 года.

2) Вместе с тем связь между действительностью оговорки, с одной стороны, и возможностью для государств и международных организаций выразить свое согласие с оговоркой, будь то молчаливое или определенно выраженное, – с другой, не требует пояснения в разделе Руководства по практике, касающемся процедуры. Она относится к вопросу последствий оговорок, принятия и возражений, которые рассматриваются в части 4 Руководства.

3) В своем консультативном заключении, касающемся *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, Международный Суд подчеркнул, что «значительное число случаев молчаливого одобрения оговорок»¹²⁷⁹ характеризует международную практику, которая стала более гибкой в плане оговорок к многосторонним конвенциям. Если традиционно только определенно выраженное принятие считалось выражением согласия других договаривающихся государств на оговорку¹²⁸⁰, такой подход, преодоленный уже в 1951 году, не представляется более применимым на практике в силу, как отмечает Суд, «весьма широкого участия» в некоторых из этих конвенций¹²⁸¹.

4) Несмотря на расхождения во мнениях, высказанных членами Комиссии при обсуждении статьи 10 проекта конвенции о праве международных договоров, предложенного Специальным докладчиком г-ном Брайерли в 1950 году¹²⁸², который

¹²⁷⁹ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 21.

¹²⁸⁰ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 104. Автор ссылается на работу D. Kappeler, *Les réserves dans les traités internationaux*, Berlin, Verlag für Recht und Gesellschaft, 1958, pp. 40–41.

¹²⁸¹ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 21.

¹²⁸² *Ежегодник... 1950 год*, том I, 53-е заседание, 23 июня 1950 года, стр. 92–95 англ. текста, пункты 41–84. Г-н Эль-Хури даже выразил мнение, согласно которому простое молчание государства должно предполагать не принятие, а скорее отклонение

подтверждал в определенной степени¹²⁸³ возможность молчаливого согласия с оговорками¹²⁸⁴, сэр Герш Лаутерпахт и сэр Джеральд Фитцморис в своих проектах также оставили место для принципа молчаливого принятия¹²⁸⁵. И это совершенно не удивительно. Хорошо известно, что в традиционной системе единогласия, которую в значительной степени отстаивали три первых специальных докладчика Комиссии по праву международных договоров, молчаливого принятия неизменно присутствует во избежание весьма продолжительных периодов правовой неопределенности: в отсутствие такой презумпции продолжительное молчание государства – участника договора могло бы блокировать судьбу оговорки и поставить под сомнение статус делающего оговорку государства по отношению к договору в течение неопределенного срока и даже помешать на долгое время его вступлению в силу.

5) С учетом вышесказанного, хотя в «гибкой» системе, которая в конечном счете была принята четвертым Специальным докладчиком по праву международных договоров, молчаливого согласия не отвечает тем же императивам, он сохраняет свои достоинства и преимущества. Начиная со своего первого доклада сэр Хэмфри Уолдок закрепил этот принцип в проектах статей, которые он представил Комиссии¹²⁸⁶. Объяснял он это следующим образом:

Действительно... в «гибкой» системе, которую мы предлагаем, принятие или отклонение определенным государством оговорки, сделанной другим государством, затрагивает главным образом отношения между этими двумя государствами таким образом, что, возможно, нет нужды столь же срочно определять статус оговорки, как это требовалось в системе единогласия. Тем не менее, представляется весьма нежелательным, чтобы государство, в силу того, что оно не представило замечания в отношении оговорки, имело возможность сохранять в течение более или менее неопределенного срока нечеткую позицию в плане своих отношений... с государством, которое сформулировало оговорку¹²⁸⁷.

оговорки (там же, стр. 94 англ. текста, пункт 67); однако эту точку зрения никто не поддержал.

¹²⁸³ Проект статьи 10 г-на Брайерли по сути предусматривал только случай подразумеваемого принятия, т.е. случай, когда государство принимает весь комплекс сформулированных к договору оговорок, о которых ему известно в момент присоединения к указанному договору. Текст проекта статьи 10 см. первый доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком Дж.Л. Брайерли, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 241–242 англ. текста.

¹²⁸⁴ На самом деле речь скорее шла о подразумеваемом принятии; см. пункт 6) комментария к руководящему положению 2.8.1.

¹²⁸⁵ См. резюме позиции специальных докладчиков и Комиссии в первом докладе по праву международных договоров, подготовленном сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 66–67 англ. текста, пункт 14.

¹²⁸⁶ См. пункт 3 проекта статьи 18 его первого доклада (там же, стр. 61 и 66–68 англ. текста, пункты 14–17), воспроизводится в пункте 5 проекта статьи 19 в его четвертом докладе, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 54 англ. текста.

¹²⁸⁷ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 67 англ. текста, пункт 15).

6) Положение, которое впоследствии станет пунктом 5 статьи 20, в конечном итоге было принято Комиссией, не вызвав обсуждений¹²⁸⁸. На Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968–1969 годов пункт 5 статьи 20 также не вызвал проблем и был принят лишь с одним изменением, заключавшимся во включении слов¹²⁸⁹ «если договором не предусмотрено иное»¹²⁹⁰.

7) Работа Комиссии по праву договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями существенным образом не изменила и не поставила под вопрос молчаливого согласия. Тем не менее, Комиссия решила приравнять международные организации к государствам в вопросе молчаливого принятия¹²⁹¹. После критических замечаний со стороны ряда государств¹²⁹² Комиссия решила «сохранить молчание в пункте 5 статьи 20 в отношении проблем, возникающих в результате длительного отсутствия возражения со стороны международной организации», однако «не отвергая при этом принципа, согласно которому даже в договорной области у организации могут возникать обязательства в результате ее поведения»¹²⁹³. Принятый Комиссией пункт 5 проекта статьи 20 соответствовал тогда слово в слово пункту 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года¹²⁹⁴. Между тем на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров было вновь предложено уравнивать государства и международные организации на основе целого ряда

¹²⁸⁸ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 816-е заседание, 2 июля 1965 года, стр. 283–284 англ. текста, пункты 43–53; см. также Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 105.

¹²⁸⁹ По поводу смысла этой части положения см. пункт 11) ниже.

¹²⁹⁰ Поправка Соединенных Штатов (A/CONF.39/C.1/L.127), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), p. 136. Две другие поправки, предложенные соответственно Австралией (A/CONF.39/C.1/L.166, *ibid.*, p. 136), предлагавшей исключить ссылку на пункт 4, и Союзом Советских Социалистических Республик (A/CONF.39/C.1/L.115, *ibid.*, p. 133), предлагавшим заменить статью 17 новым текстом и тем самым ограничить срок действия презумпции шестью месяцами, не были приняты либо были отозваны.

¹²⁹¹ См. проекты статей 20 и 20-бис, принятые в первом чтении, *Ежегодник... 1977 год*, том II (часть вторая), стр. 119–120.

¹²⁹² См. *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть вторая), приложение II, раздел А.2 (Белорусская Советская Социалистическая Республика), раздел А.12 (Украинская Советская Социалистическая Республика), раздел А.13 (Союз Советских Социалистических Республик) и раздел С.1 (Совет экономической взаимопомощи); см. также подготовленное Специальным докладчиком г-ном Полем Рейтером резюме в его десятом докладе, *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/341 и Add.1, стр. 76–77, пункт 75.

¹²⁹³ См. *Ежегодник... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 45, пункт 6) комментария к проекту статьи 20.

¹²⁹⁴ Там же, стр. 44.

поправок на эту тему¹²⁹⁵ и подробного обсуждения¹²⁹⁶.

8) В соответствии с позицией, которую Комиссия заняла после принятия пункта 1 руководящего положения 1.1 (воспроизводящего пункт 1 *d*) статьи 2 Венской конвенции 1986 года), Комиссия сочла необходимым включить в Руководство по практике проект руководящего положения, отражающий пункт 5 статьи 20 Венской конвенции 1986 года. Содержание этого положения, однако, не может быть воспроизведено дословно, поскольку в нем содержится ссылка на другие пункты статьи, которые не включены в часть Руководства по практике, касающуюся формулирования оговорок, принятия оговорок и возражений: пункты 2 и 4, к которым отсылает пункт 5 статьи 20, касаются не процедуры формулирования оговорок, а условий, необходимых для того, чтобы они производили свои последствия, т.е. условий, которые необходимы для ее «действия» по смыслу вводной части пункта 1 статьи 21 Венских конвенций¹²⁹⁷. Следует только отметить, что пункт 2 статьи 20 требует принятия оговорок к некоторым договорам всеми участниками; этот вопрос является предметом – с исключительно процедурной точки зрения – руководящего положения 2.8.7 ниже.

9) Кроме того, принятие руководящего положения 2.6.12 (Срок формулирования возражений) делает излишним воспроизведение в руководящем положении 2.8.2 уточнений *ratione temporis*, фигурирующих в пункте 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года¹²⁹⁸. Поэтому было сочтено достаточным сослаться на руководящее положение 2.6.12.

10) По мнению Комиссии, эта формулировка обладает к тому же тем преимуществом, что более четко показывает диалектическую связь между (молчаливым) принятием и возражением – возражение исключает принятие и наоборот¹²⁹⁹. На Конференции

¹²⁹⁵ Китай (A/CONF.129/C.1/L.18, предложивший срок продолжительностью 18 месяцев для государств и международных организаций), Австрия (A/CONF.129/C.1/L.33) и Кабо-Верде (A/CONF.129/C.1/L.35), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations, Vienna, 18 February–21 March 1986, vol. II, Documents of the Conference* (A/CONF.129/16/Add.1, United Nations publication, Sales No. E.94.V.5), p. 70, para. 70 (a), (c) and (d). См. также в конечном итоге отозванную поправку Австралии (A/CONF.129/C.1/L.32), в которой, однако, предлагалось более тонкое решение (*ibid.*, pp. 70–71, para. 70 (b)).

¹²⁹⁶ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations...* (A/CONF.129/16) (сноска 635 выше), 12–14-е заседания, 27 и 28 февраля 1986 года, pp. 104–114.

¹²⁹⁷ См. раздел 4.1 Руководства по практике.

¹²⁹⁸ «Поскольку это касается пунктов 2 и 4 и если договор не предусматривает иное, оговорка считается принятой государством, если оно не выскажет возражений против нее до конца двенадцатимесячного периода после того, как оно было уведомлено о такой оговорке, или до той даты, когда оно выразило свое согласие на обязательность для него договора, в зависимости от того, какая из этих дат является более поздней*».

¹²⁹⁹ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 504, para. 44.

Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968 года представитель Франции выразил эту идею следующим образом:

Принятие и возражение представляют собой лицевую и обратную стороны одной и той же идеи. Государство, которое принимает оговорку, тем самым отказывается от права возражать против нее; государство, которое формулирует возражение, тем самым выражает свой отказ принять оговорку¹³⁰⁰.

11) Комиссия тем не менее задавалась вопросом о целесообразности сохранения в руководящем положении 2.8.2 выражения «если договор не предусматривает иное», которое использовано в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций. Это уточнение является само собой разумеющимся, поскольку все нормы, устанавливаемые в Венских конвенциях, носят субсидиарный характер¹³⁰¹. Кроме того, оно представляется излишним, поскольку повторяет формулировку, содержащуюся в руководящем положении 2.6.12, где ее включение оправдано подготовительными материалами по пункту 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года¹³⁰². Комиссия тем не менее сочла целесообразным напомнить, что норма, устанавливаемая в руководящем положении 2.8.2, применяется только, «если договор не предусматривает иное», чтобы придерживаться текста Венских конвенций.

2.8.3 Определенно выраженное принятие оговорки

Государство или международная организация вправе в любой момент осуществить определенно выраженное принятие оговорки, сформулированной другим государством или другой международной организацией.

Комментарий

1) Разумеется, верно, что «в случае многосторонних договоров принятие оговорки практически неизбежно носит подразумеваемый или молчаливый характер»¹³⁰³. Тем не менее оно может быть определенно выраженным, и бывает так, что государство прямо заявляет, что оно принимает оговорку.

2) Существование презумпции в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций никак не препятствует государствам и международным организациям прямо

¹³⁰⁰ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 22-е заседание, 11 апреля 1968 года, p. 116, para. 14.

¹³⁰¹ Сходные идеи по поводу этой же проблемы см., например, пункт 15) комментария к руководящему положению 2.5.1 (Снятие оговорок), воспроизводящему положения пункта 1 статьи 22 Венской конвенции 1986 года.

¹³⁰² См. пункт 7) комментария к руководящему положению 2.6.12 выше.

¹³⁰³ Grieg, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 120. В этом же смысле см. также Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 124; Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), p. 46; Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 211 *et seq.*; Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 498, para. 25.

выразить свое согласие на сформулированную оговорку. Это может показаться спорным в тех случаях, когда оговорка не соответствует условиям допустимости, установленным статьей 19 Венских конвенций¹³⁰⁴.

3) В отличие от самой оговорки и возражения определенно выраженное принятие может иметь место в любой момент. Это не создает никаких проблем для заявившего оговорку государства, поскольку государство или международная организация, которые не выражают своего согласия на оговорку прямо, будут в любом случае считаться принявшими указанную оговорку по истечении 12-месячного срока, предусмотренного пунктом 5 статьи 20 Венских конвенций, юридические последствия которого отражены в руководящем положении 2.8.2.

4) Даже государство или международная организация, которые предварительно заявили возражение против оговорки, могут позднее свободно принять ее прямо (или подразумеваемо, отзывав свое возражение) в любой момент¹³⁰⁵. Это, по сути, равносильно полному снятию возражения, что порождает последствия, эквивалентные принятию.

5) Впрочем, вопреки этим широким возможностям, практики государств в вопросе определенно выраженного принятия практически не существует. Можно найти лишь несколько единичных примеров, причем некоторые из них, к тому же, нельзя назвать беспроблемными.

6) Пример, который часто приводится в доктрине¹³⁰⁶, заключается в принятии Федеративной Республикой Германии оговорки Франции (о которой было уведомлено 7 февраля 1979 года) к Конвенции, устанавливающей единообразный закон о чеках, 1931 года. Следует подчеркнуть, однако, что эта оговорка Французской Республики была сформулирована впоследствии, то есть более чем через 40 лет после присоединения Франции к этой Конвенции. В уведомлении Германии¹³⁰⁷ четко говорится, что Федеративная Республика «не имеет никаких возражений на этот счет»¹³⁰⁸, и оно, таким образом, однозначно представляет собой принятие¹³⁰⁹. Текст

¹³⁰⁴ См. пункт 2) комментария к руководящему положению 2.8.2 выше.

¹³⁰⁵ См. руководящее положение 2.7.1 (Снятие возражений против оговорок).

¹³⁰⁶ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 124; Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 212.

¹³⁰⁷ Это уведомление последовало 20 февраля 1980 года, то есть более чем через 12 месяцев после уведомления об оговорке Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, являющимся депозитарием этой Конвенции. В этот момент, в любом случае (новая) оговорка Франции считалась «принятой» Германией в силу принципа пункта 5 статьи 20 Венских конвенций. Более того, Генеральный секретарь уже считал французскую оговорку принятой начиная с 11 мая 1979 года, т.е. через три месяца после ее сдачи на хранение. См. пункт 12) комментария к руководящему положению 2.3.

¹³⁰⁸ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), League of Nations Treaties, Part II, chap. 11.

¹³⁰⁹ Действительно, когда государство не заявило возражения, оно считается принявшим оговорку. См. пункт 5 статьи 20 Венских конвенций.

уведомления Федеративной Республики Германии не позволяет, однако, определить, что она принимает: сдачу оговорки на хранение, несмотря на то, что она была сформулирована впоследствии¹³¹⁰, или само содержание оговорки, или же она принимает и первое, и второе.

7) Впрочем, есть и другие, более четкие примеры. Сюда относятся заявления и уведомления Соединенных Штатов Америки по поводу оговорок, сформулированных Болгарией¹³¹¹, Союзом Советских Социалистических Республик и Румынией к пунктам 2 и 3 статьи 21 Конвенции о таможенных льготах для туристов 1954 года, в которых они прямо заявили, что не имеют возражений против этих оговорок. Кроме того, Соединенные Штаты уточнили, что они намеревались применять эту оговорку на условиях взаимности в отношении каждого из заявивших ее государств¹³¹², что, впрочем, вполне правомерно в силу пункта 1 b) статьи 21 Венских конвенций¹³¹³. Сюда же относилось и заявление Югославии в отношении оговорки Союза Советских Социалистических Республик¹³¹⁴, однако в нем содержалась прямая ссылка на пункт 7 статьи 20 Конвенции, как раз касающийся применения оговорок на условиях взаимности¹³¹⁵. С учетом этого и даже при том, что заявления Соединенных Штатов Америки и Югославии были мотивированы стремлением подчеркнуть применение оговорки на условиях взаимности и в этой связи отсылают к пункту 7 статьи 20 Конвенции о таможенных льготах для туристов 1954 года, они все же, безусловно, представляют собой самое настоящее определенно выраженное принятие. Это также относится к заявлениям Соединенных Штатов Америки по поводу оговорок Румынии и Союза Советских Социалистических Республик к Конвенции о дорожном движении 1949 года¹³¹⁶, которые практически идентичны их же заявлениям по поводу Конвенции о таможенных льготах для туристов, и это при том, что Конвенция 1949 года не содержит

¹³¹⁰ См. на эту тему руководящее положение 2.3 (Последующее формулирование оговорки) и комментарий к нему.

¹³¹¹ Болгария впоследствии эту оговорку сняла. См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.A.6.

¹³¹² См. *ibid.*

¹³¹³ По вопросу о взаимности оговорок см. руководящее положение 4.2.4. См. также Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal Effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 548–551, paras. 32–26.

¹³¹⁴ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.A.6.

¹³¹⁵ Пункт 7 статьи 20 Конвенции о таможенных льготах для туристов предусматривает, что «никакое Договаривающееся государство не обязано распространять ни на какое государство, делающее оговорку, преимущества, вытекающие из тех постановлений, к которым оговорка относится» и что «любое государство, которое воспользуется этим правом, уведомляет об этом Генерального секретаря».

¹³¹⁶ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.B.1. Заявления Греции и Нидерландов по поводу оговорки Советского Союза явно менее четки, поскольку в них лишь уточняется, что оба правительства «не считают себя связанными в отношении Советского Союза положениями, к которым сделана оговорка» (*ibid.*). Между тем такой результат может быть достигнут как путем принятия, так и путем простого возражения.

положения, сходного с пунктом 7 статьи 20 Конвенции 1954 года¹³¹⁷.

8) В отсутствие хорошо разработанной практики в вопросе определенно выраженного принятия следует обратиться почти в исключительной степени к положениям Венских конвенций и материалам их разработки, с тем чтобы вывести из них принципы и нормы, касающиеся формулирования и процедуры определенно выраженного принятия.

2.8.4 Форма определенно выраженного принятия оговорки

Определенно выраженное принятие оговорки должно формулироваться в письменной форме.

Комментарий

1) Согласно пункту 1 статьи 23 Венской конвенции 1986 года:

Оговорка, определенно выраженное согласие с оговоркой и возражение против оговорки должны быть сделаны в письменной форме и доведены до сведения договаривающихся государств и договаривающихся организаций и других государств и международных организаций, имеющих право стать участниками договора.

2) Материалы разработки этого положения были проанализированы в комментариях к проектам руководящих положений 2.1.1 и 2.1.5¹³¹⁸. Нет нужды вновь возвращаться к этому общему представлению, разве для того чтобы напомнить, что вопрос о форме и процедуре принятия оговорки был затронут лишь попутно при разработке Венской конвенции 1969 года.

3) Как и в случае с возражениями, данное положение ставит определенно выраженное принятие оговорки, применительно к вопросам письменной формы и доведения до сведения соответствующих государств и международных организаций, в один ряд с самой оговоркой. По тем же причинам, которые приводились в случае возражений, в этой связи в рамках Руководства по практике достаточно указать на эту согласованность процедур и уточнить для ясности в отдельном проекте руководящего положения вопрос о письменной форме, которую по самой своей сути¹³¹⁹ неизбежно требует определенно выраженное согласие с оговоркой.

4) Несмотря на внешние признаки, проект руководящего положения 2.8.4 ни в коей мере не избыточен. Одно лишь то, что принятие является определенно выраженным, вовсе не предполагает, что оно дано

в письменной форме. Письменная форма не только предусмотрена пунктом 1 статьи 23 Венских конвенций, формулировке которого следует руководящее положение 2.8.4, она к тому же является обязательной в силу той важности, которую имеет согласие с оговоркой в правовом режиме оговорок к международным договорам, в особенности их действительности и их последствий. Хотя в различных предложениях специальных докладчиков по праву международных договоров никогда открыто не предусматривалось требование в отношении письменной формы для определенно выраженного принятия оговорки, из материалов их работы следует, что они всегда исходили из того, что неизменное соблюдение формы является общепринятым. Так, различные предложения и проекты сэра Хэмфри Уолдока требовали того, чтобы определенно выраженное принятие оговорки было сделано в документе или любым другим надлежащим формальным способом при ратификации или утверждении международного договора соответствующим государством или в иных случаях путем официального уведомления; это во всех случаях требует письменной формы. Вследствие упрощения и переработки статей, касающихся процедуры и формы оговорок, определенно выраженного согласия с оговоркой и возражений, Комиссия решила включить вопрос о письменной форме в пункт 1 проекта статьи 20 (который стал пунктом 1 статьи 23). Согласование положений в отношении письменной формы и процедуры формулирования оговорок, возражений и определенно выраженного принятия не вызвало дискуссий ни в Комиссии, ни на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров.

2.8.5 Процедура формулирования определенно выраженного принятия оговорки

К определенно выраженному принятию применяются mutatis mutandis руководящие положения 2.1.3, 2.1.4, 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.8.5 в какой-то степени представляет собой аналог руководящего положения 2.6.8, касающегося процедуры, применимой к возражениям, и был разработан по тем же причинам¹³²⁰. Материалы работы Комиссии по подготовке формулировки статьи 23 Венской конвенции четко свидетельствуют о том, что оговорка, определенно выраженное принятие оговорки и возражение подчиняются одним и тем же правилам в плане уведомления и доведения до сведения¹³²¹.

¹³²⁰ См. комментарий к руководящему положению 2.6.8.

¹³²¹ См., в частности, предложение г-на Розена, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/L.108, стр. 73 англ. текста, и там же, том I, 803-е заседание, 16 июня 1965 года, стр. 197–199 англ. текста, пункты 30–56. См. также *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 270 англ. текста, пункт 1) комментария к проекту статьи 73. Резюме работы Комиссии международного права см. Pellet and Schabas, «1969 Vienna Convention. Article 23: Procedure regarding reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 596, para. 5.

¹³¹⁷ Пункт 1 статьи 54 Конвенции о дорожном движении 1968 года просто предусматривает действие на условиях взаимности оговорки, касающейся статьи 52 (Урегулирование споров), причем заявления на этот счет со стороны государств, принявших оговорку, не требуются.

¹³¹⁸ См. пункты 2)–7) комментария к руководящему положению 2.1.1 и пункты 5)–11) комментария к руководящему положению 2.1.5; см. также пункты 3)–4) комментария к руководящему положению 2.1.6.

¹³¹⁹ См. руководящее положение 2.8.1 и комментарий к нему, в частности пункты 2)–3).

2.8.6 Необязательность подтверждения принятия, сформулированного до официального подтверждения оговорки

Определенно выраженное принятие оговорки государством или международной организацией, сформулированное до подтверждения оговорки в соответствии с руководящим положением 2.2.1, само по себе не требует подтверждения.

Комментарий

1) Хотя практики государств в отношении подтверждения определенно выраженного принятия, сформулированного до подтверждения оговорки, по-видимому, не существует, в пункте 3 статьи 23 Венских конвенций¹³²² четко говорится следующее:

Определенно выраженное согласие с оговоркой или возражение против оговорки, высказанное до ее подтверждения, сами по себе не требуют подтверждения.

2) Речь идет, как это уже отмечалось Комиссией по поводу подтверждения возражений¹³²³, о правиле здравого смысла, которое воспроизводится в руководящем положении 2.8.6, с адаптацией его формы логике Руководства по практике:

– оно ограничивается подтверждением принятия, с исключением возражения¹³²⁴; и

– вместо уточнения «высказанное до ее подтверждения» отсылает к руководящему положению 2.2.1 (Официальное подтверждение оговорки, сформулированных при подписании договора)¹³²⁵.

3) В то же время представляется нецелесообразным включать в Руководство по практике проект руководящего положения, который применительно к определенно выраженному принятию оговорки был бы аналогом проекта руководящего положения 2.6.11 (Подтверждение возражения, сформулированного до выражения согласия на обязательность договора): случай формулирования принятия до выражения согласия на обязательность договора не только исключается самой формулировкой пункта 5 статьи 20 Венских конвенций, который предусматривает формулирование принятия только договаривающимися государствами или договаривающимися

¹³²² В отношении материалов подготовительной работы по этому положению см. пункт 1) комментария к руководящему положению 2.6.11.

¹³²³ См. пункты 4)–6) комментария к руководящему положению 2.6.11.

¹³²⁴ По вопросу (не-)подтверждения возражений см. руководящее положение 2.6.10 (Необязательность подтверждения возражения, сформулированного до официального подтверждения оговорки).

¹³²⁵ «Если оговорка сформулирована при подписании договора, подлежащего ратификации, акту официального подтверждения, принятию или утверждению, она должна быть официально подтверждена сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку международной организацией при выражении им/ею своего согласия на обязательность для него/нее этого договора. В этом случае оговорка считается сформулированной в день ее подтверждения».

международными организациями¹³²⁶, но на практике к тому же трудно конкретно представить, чтобы какое-либо государство или международная организация такое принятие осуществили. В любом случае, такая практика (которая была бы равносильна стимулированию оговорок), безусловно, не должна приветствоваться и не отвечала бы цели, которая оправдывает «досрочные возражения», а именно «уведомление», заранее направляемое государствам и международным организациям, которые намереваются сформулировать оговорки, неприемлемые для возражающего государства.

2.8.7 Единое принятие оговорок

В случае если оговорка требует единогласного принятия некоторыми или всеми государствами или международными организациями, являющимися участниками договора или имеющими право стать участниками договора, такое принятие после его осуществления является окончательным.

Комментарий

1) Срок, в течение которого молчаливое принятие оговорки государствами или международными организациями, имеющими право стать участниками договора, имеет дополнительное ограничение, когда для того, чтобы оговорка стала действующей, необходимо ее единогласное принятие. В этом состоит смысл руководящего положения 2.8.7.

2) Пункт 5 статьи 20 Венских конвенций, насколько можно судить, а *propter* означает, что в случае, когда требуется единогласие, применяется общее правило: данное положение прямо отсылает к пункту 2 статьи 20, который требует принятия оговорки всеми участниками договора с ограниченным числом участников. Однако такое толкование могло бы иметь нежелательные последствия. Действительно, если признать за государствами и международными организациями, имеющими право стать участниками договора, но которые еще не выразили своего согласия на обязательность для них этого договора в тот момент, когда была сформулирована оговорка, право выступить с возражением в тот день, когда они становятся участниками, даже если этот день наступает позже уведомления о возражении, могли бы возникнуть чересчур отрицательные последствия для делающего оговорку государства и вообще для стабильности договорных отношений. Если бы это было так, то было бы невозможно презюмировать согласие государства, подписавшего договор с ограниченным числом участников, но не являющегося участником, по истечении 12-месячного срока, вследствие чего будет заблокировано единогласное принятие, даже в отсутствие формального возражения против оговорки. Применение презумпции пункта 5 статьи 20 рождало бы последствие, обратное искомому: скорейшую стабилизацию договорных отношений и положения заявивших оговорку

¹³²⁶ См. пункт 10) комментария к руководящему положению 2.8.1.

государства или международной организации по отношению к договору.

3) Эта проблема была затронута сэром Хэмфри Уолдоком в проекте статьи 18 его первого доклада, где проводилось четкое разграничение между молчаливым принятием и подразумеваемым принятием в случае многосторонних договоров (подчиненных «гибкой» системе) и плюрилатеральных договоров (подчиненных традиционной системе единогласия). Пункт 3 с) этого проекта статьи предусматривал следующее:

Государство, которое приобретает право стать участником договора в момент, когда оговорка уже сформулирована¹³²⁷, считается согласившимся с этой оговоркой:

- i) в случае плюрилатерального договора – если оно совершило действие или действия, позволяющие ему стать участником договора;
- ii) в случае многостороннего договора – если оно совершило, без указания своего возражения против оговорки, действие или действия, необходимые для того, чтобы иметь возможность стать участником договора¹³²⁸.

4) Сэр Хэмфри также отметил, касаясь случая, предусмотренного в пункте 3 с) i), когда единогласие остается нормой, что более гибкий подход к 12-месячному сроку применительно к государствам, которые еще не стали участниками договора,

невозможен в случае плюрилатеральных договоров, поскольку в подобном случае опоздание государства с решением ставит под вопрос положение государства, которое сформулировало оговорку, по отношению ко всем государствам, участвующим в договоре¹³²⁹.

5) Отсюда следует, что во всех случаях, когда требуется единогласие, государство или международная организация, которые присоединяются к договору, не могут обоснованно возражать против оговорки, которая уже была принята всеми государствами и международными организациями – участниками договора по истечении 12-месячного срока после даты получения ими уведомления об оговорке. Это не означает, однако, что это государство или эта международная организация лишены права возражать против оговорки: они могут делать это в течение указанного срока как субъекты, имеющие право стать участниками договора¹³³⁰. Если они не делают этого и присоединяются к договору позднее, они могут лишь согласиться с оговоркой.

6) Руководящее положение 2.8.7 не затрагивает случаев, когда государство или международная организация оказываются лишенными возможности заявить возражение против оговорки в тот момент,

когда они присоединяются к договору. В этом руководящем положении лишь констатируется, что, когда выполнены предусмотренные договором особые условия, данная оговорка считается действующей и не может быть поставлена под сомнение посредством возражения.

7) Указание на «некоторые» государства или международные организации охватывает случаи, когда требование принятия распространяется лишь на некоторых участников. Так могло бы обстоять дело, например, если бы договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, подчинял формулирование оговорки принятию всеми государствами, обладающими ядерным оружием и являющимися участниками договора: последующее присоединение новой ядерной державы не затрагивало бы заявленную таким образом оговорку.

2.8.8 Принятие оговорки к учредительному акту международной организации

Когда договор является учредительным актом международной организации и если он не предусматривает иного, оговорка должна быть принята компетентным органом этой организации.

Комментарий

1) Согласно пункту 3 статьи 20 Венских конвенций, которые сформулированы одинаково:

В том случае, когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации.

2) Это положение проистекает из первого доклада сэра Хэмфри Уолдока, который предложил пункт 4 с) статьи 18 следующего содержания:

В случае плюрилатерального или многостороннего договора, который является учредительным актом международной организации, согласие этой организации, выраженное решением ее компетентного органа, является необходимым для установления приемлемости оговорки, которая прямо не разрешена указанным документом, и для наделения государства, которое формулирует оговорку, правами стороны этого документа¹³³¹.

Та же идея воспроизводится в четвертом докладе Специального докладчика, однако пункт 3 проекта статьи 19 там сформулирован проще и короче:

С учетом положений статьи 3-бис [лежащей в основе нынешней статьи 5] принятие оговорки в случае, когда соответствующий договор является учредительным актом международной организации, осуществляет компетентный орган указанной организации¹³³².

¹³²⁷ Употребление термина «стала действующей», вероятно, было бы более уместно: если срок, в течение которого можно заявить возражение после формулирования оговорки, не истек, то непонятно, почему новое договаривающееся государство не могло бы заявить возражение.

¹³²⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 61 англ. текста.

¹³²⁹ Там же, стр. 67 англ. текста, пункт 16) комментария.

¹³³⁰ В отношении ограниченного эффекта такого возражения см. руководящее положение 2.6.3, подпункт b), и комментарий к нему.

¹³³¹ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 61 англ. текста. См. также пункт 4 проекта статьи 20, принятый Комиссией в первом чтении, где воспроизводился принцип участия компетентного органа организации, который, судя по всему, относил его к случаю, когда возражение было фактически сделано в отношении соответствующей оговорки (там же, документ A/5209, стр. 176 англ. текста; см. также там же, стр. 181 англ. текста, пункт 25) комментария к проекту статьи 20).

¹³³² *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 50 англ. текста.

3) Сам принцип обращения к компетентному органу международной организации за тем, чтобы он принял решение в отношении принятия оговорки, сформулированной к ее учредительному акту, был подвергнут жесткой критике на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года, в частности Союзом Советских Социалистических Республик, который заявил следующее:

Следует также исключить пункт 3 статьи 17 Комиссии, поскольку нельзя подчинять суверенное право государств формулировать оговорки решению международных организаций¹³³³.

4) Другие делегации, будучи менее враждебно настроены в отношении самого принципа вмешательства компетентного органа организации с целью принятия оговорки к ее учредительному акту, заявили, что этот специфический режим уже предусмотрен тем, что стало статьей 5 Венской конвенции 1969 года. Это последнее положение по сути делает Венскую конвенцию 1969 года применимой к учредительным актам международных организаций «без ущерба для соответствующих правил данной организации», что включает положения, касающиеся приема новых членов и оценки оговорок, которые могут быть сформулированы¹³³⁴. Тем не менее, это положение было принято Конференцией Организации Объединенных Наций по праву договоров 1986 года¹³³⁵.

5) Комментарий к проектам статей о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями также ясно показывает, что статья 5 Конвенции и пункт 3 статьи 20 не являются ни взаимоисключающими, ни избыточными. Собственно говоря, именно после повторного включения, после долгих колебаний, изначально исключенного положения, соответствующего статье 5 Венской конвенции 1969 года, Комиссия сочла необходимым вновь включить также пункт 3 статьи 20 в проект, который стал Венской конвенцией 1986 года¹³³⁶.

¹³³³ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, р. 107, para. 6.

¹³³⁴ См. поправку Швейцарии (A/CONF.39/C.1/L.97), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), р. 135), и совместную поправку Туниса и Франции (A/CONF.39/C.1/L.113), *ibid.* См. также выступление Франции, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 22-е заседание, 11 апреля 1968 года, р. 116, para. 16); Швейцарии (*ibid.*, 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, р. 111, para. 40), Туниса (*ibid.*, para. 45) и Италии (*ibid.*, 22-е заседание, 11 апреля 1968 года, р. 120, para. 77). На ту же тему см. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 122; и М.Н. Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations», *BYBIL*, 1971, р. 151.

¹³³⁵ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations...* (A/CONF.129/16) (сноска 635 выше), 27-е заседание, 12 марта 1986 года, р. 187, para. 14.

¹³³⁶ См. *Ежегодник... 1982 год*, том II (часть вторая), стр. 44, пункт 3) комментария к проекту статьи 20. См. также обсуждение в Комиссии, *Ежегодник... 1982 год*, том I, 1727-е заседание, 15 июня 1982 года, стр. 212–214.

6) В принципе, обращение к органу соответствующей организации для принятия оговорок, сформулированных к ее учредительному акту, представляется вполне логичным. Учредительные акты международных организаций отнюдь не могут быть подчинены гибкой системе¹³³⁷. Их главная цель как раз и заключается в создании нового юридического лица, в рамках которого разнообразие двусторонних отношений между государствами или организациями-членами по сути немислимо. В них не может быть множественности статуса «члена» и в еще меньшей степени множественности процедур принятия решений. Полезность этого принципа особенно очевидна, если попробовать представить случай, когда делающее оговорку государство считалось бы «членом» организации некоторыми другими государствами-членами и в то же время третьим лицом по отношению к организации и ее учредительному акту другими государствами, заявившими квалифицированное возражение против вступления в силу договора в их двусторонних отношениях с государством, сделавшим оговорку¹³³⁸. Такое решение, порождающее относительность или двусторонность статуса члена организации, парализовало бы работу международной организации и было бы неприемлемым. Поэтому вполне справедливо Комиссия, с учетом в значительной мере практики Генерального секретаря в этой области, заявила в своих комментариях к пункту 4 проекта статьи 20, принятого в первом чтении, что

в случае документов, которые создают статус международных организаций, целостность документа является тем фактором, который превалирует над другими соображениями, и члены организации, действуя через компетентный орган, должны сами определять, в какой степени можно нарушить целостность этого документа¹³³⁹.

7) Кроме того, было бы только логично, если бы государства или организации-члены принимали коллективные решения в отношении принятия оговорок, учитывая то, что они участвуют через посредство компетентного органа организации в процедуре приема любого нового члена и в этой связи должны давать оценку условиям и содержанию обязательства государства или организации, являющихся кандидатами в члены организации. Таким образом, организация и только она (а точнее ее компетентный орган) должна толковать свой собственный учредительный акт и принимать решения в отношении принятия оговорок, сформулированной кандидатом в члены.

8) К тому же практика в этой области подтверждает данный принцип. Несмотря на некоторые

¹³³⁷ Мендельсон показал, что «устав международной организации отличается от других договорных режимов тем, что он так сказать порождает живой организм, и его решения, резолюции, постановления, бюджетные решения и другие акты создают новые права и обязательства для членов» (Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), р. 148).

¹³³⁸ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), р. 522, para. 85; см. также Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 149–151.

¹³³⁹ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста, пункт 25) комментария к проекту статьи 20.

отклонения в практике депозитариев иных, чем Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций¹³⁴⁰, последний четко выработал свою позицию в ходе инцидента с оговоркой Индии к Конвенции о Межправительственной морской консультативной организации¹³⁴¹. По этому случаю было указано, что Генеральный секретарь «всегда считал вопрос об этих оговорках подлежащим передаче на рассмотрение органа, уполномоченного толковать данную конвенцию»¹³⁴². К сожалению, в собрании *Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General* («Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю») можно найти крайне мало примеров принятия, выраженного компетентным органом соответствующей организации, в частности в силу того обстоятельства, что депозитарий в целом не сообщает о таких случаях принятия. Тем не менее можно заметить, что оговорки, сформулированные Федеративной Республикой Германии и Соединенным Королевством к Соглашению об учреждении Африканского банка развития, с поправками 1979 года, стали объектом определенно выраженного принятия со стороны Банка¹³⁴³. Кроме того, оговорка Франции к Соглашению об учреждении Азиатско-Тихоокеанского института по вопросам развития телерадиовещания 1977 года была ясно выражено принята Советом управляющих института¹³⁴⁴. Ратификационная грамота Чили в отношении Устава Международного центра геномной инженерии и биотехнологии 1983 года также вступила в силу в день, когда оговорки, сформулированные в указанной грамоте, были приняты Советом управляющих Центра¹³⁴⁵.

9) Поэтому в соответствии со своей обычной практикой Комиссия сочла необходимым воспроизвести в проекте руководящего положения 2.8.8 пункт 3 статьи 20 Венских конвенций, с тем чтобы подчеркнуть особое значение норм, применимых к учредительным актам международных организаций в вопросе принятия оговорок.

¹³⁴⁰ Так, Соединенные Штаты всегда применяли принцип единогласия в отношении оговорок, сформулированных к учредительным актам международных организаций (см. примеры, приведенные Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), p. 149, and pp. 158–160, и Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 122–123 (сноска 186)), а Соединенное Королевство поддерживало практику Генерального секретаря, заключающуюся в направлении вопроса компетентному органу соответствующей организации (*ibid.*, p. 121).

¹³⁴¹ См. Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 162–169, и Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 123–125.

¹³⁴² См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, четырнадцатая сессия, Приложения*, документ A/4235, стр. 8, пункт 21. См. также *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/5687, пункт 22, и *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), p. 59, paras. 197–198.

¹³⁴³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), глава X.2.b.

¹³⁴⁴ *Ibid.*, chap. XXV.3.

¹³⁴⁵ *Ibid.*, chap. XIV.7.

2.8.9 Орган, компетентный принимать оговорку к учредительному акту

С учетом правил организации органом, компетентным принимать оговорку к учредительному акту международной организации, является орган, компетентный выносить решения:

- a) о приеме в члены организации; или
- b) о внесении поправок в учредительный акт; или
- c) о толковании этого акта.

Комментарий

1) Вопрос о том, какой орган компетентен принимать решение по поводу принятия оговорки, в равной мере не находит ответа ни в материалах подготовительной работы, ни в самих Венских конвенциях. Поэтому в Руководстве по практике целесообразно указать, что следует понимать под «компетентным органом» организации для целей применения пункта 3 статьи 20 Венских конвенций, текст которого воспроизводится в руководящем положении 2.8.8.

2) Молчание Венских конвенций легко объяснимо: невозможно определить вообще и абстрактно, какой орган международной организации компетентен принимать решение по поводу принятия оговорки. Этот вопрос относится к защитительному положению статьи 5 Венских конвенций, в силу которых применение положений этих Конвенций к учредительным актам международных организаций осуществляется «без ущерба для соответствующих правил данной организации».

3) Таким образом, именно правила организации определяют, какой орган компетентен принимать оговорку, а также процедуру голосования и требуемое большинство. Если правила умалчивают об этом, с учетом обстоятельств, в которых оговорка может быть сформулирована, можно предположить, что под выражением «компетентный орган» следует понимать орган, который принимает решение по просьбе о приеме в члены заявляющего оговорку государства или орган, компетентный вносить изменения в учредительный акт или толковать его. При этом представляется, что Комиссия не может установить какую-либо иерархию для этих различных органов.

4) Сложившаяся в этом отношении разнообразная практика не оказывается добрым подспорьем в этом смысле. Так, «оговорка» Индии к Конвенции о Межправительственной морской консультативной организации (ИМКО) после спора в отношении того, какую процедуру применять¹³⁴⁶, была принята Советом ИМКО в соответствии со статьей 27

¹³⁴⁶ См. Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 162–169, и Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 123–125.

Конвенции¹³⁴⁷, тогда как оговорка Турции к указанной Конвенции была (подразумеваемо) принята Ассамблеей. Касаясь оговорки Соединенных Штатов Америки к Уставу Всемирной организации здравоохранения, Генеральный секретарь обратился к Всемирной ассамблее здравоохранения, которая, согласно статье 75 Устава, была компетентна принимать решения по спорам в отношении толкования этого документа. В конечном счете Ассамблея ВОЗ единогласно приняла оговорку Соединенных Штатов¹³⁴⁸.

2.8.10 Способы принятия оговорки к учредительному акту

1. С учетом правил организации принятие оговорки компетентным органом организации не является молчаливым. Однако прием государства или международной организации, являющихся авторами оговорки, в члены организации равносителен принятию этой оговорки.

2. Для целей принятия оговорки к учредительному акту международной организации индивидуальное принятие оговорки государствами или международными организациями, являющимися членами организации, не требуется.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.8.10 соединяет в себе последствия применения принципа, закрепленного в пункте 3 статьи 20 Венских конвенций и воспроизведенного в руководящем положении 2.8.7:

– принцип, согласно которому, с учетом одного нюанса, принятие оговорки компетентным органом организации должно быть определенно выраженным; и

– тот факт, что это принятие является необходимым, но достаточным и что, следовательно, индивидуальное принятие оговорки государствами-членами не требуется.

2) Пункт 3 статьи 20 Венских конвенций является не более чем «защитительной клаузулой»¹³⁴⁹, которая исключает из сферы применения гибкой системы, включая принцип молчаливого принятия¹³⁵⁰, случай учредительных актов международных организаций, уточняя при этом, что для того, чтобы оговорка была «действующей» по смыслу пункта 1 статьи 21 Венских конвенций, необходимо ее принятие компетентным органом. К тому же, как свидетельствуют руководящие положения 2.8.8 и 2.8.9, пункт 3

статьи 20 отнюдь не решает всех проблем, которые могут возникнуть в связи с правовым режимом, применимым к оговоркам к учредительным актам: он не только не содержит определение ни самого понятия учредительного акта, ни компетентного органа, который должен принимать решение по поводу принятия оговорки, но и не содержит никакого указания на условия принятия оговорок таким органом.

3) Вместе с тем одна вещь является очевидной: принятие компетентным органом международной организации оговорки к ее учредительному акту не может презюмироваться. Так, согласно пункту 5 статьи 20 Венских конвенций презумпция принятия по истечении 12-месячного срока применяется только к случаям, предусмотренным пунктами 2 и 4 той же статьи. Таким образом, это исключает случай пункта 3 статьи 20, что означает, что, если в договоре (в данном случае в учредительном акте организации) не предусмотрено иное, принятие должно быть определенно выраженным.

4) На практике, даже если оставить в стороне проблему 12-месячного срока, предусмотренного пунктом 5 статьи 20 Венских конвенций, который некоторым организациям, чьи компетентные органы для принятия решения о принятии новых членов заседают только с интервалами, превышающими 12 месяцев¹³⁵¹, трудно, или даже невозможно соблюсти, отсутствие у компетентного органа соответствующей организации той или иной позиции является немислимим, учитывая особый характер учредительных актов. Во всех случаях орган организации в тот или иной момент должен занять позицию в отношении приема нового члена, желающего сопроводить присоединение к учредительному акту оговоркой; без этого решения государство не может считаться членом организации. Даже если принятие соответствующего государства не зависит от официального акта организации, а происходит просто посредством присоединения к учредительному акту, пункт 3 статьи 20 Венских конвенций требует, чтобы компетентный орган принял решение по этому вопросу.

5) Вместе с тем можно представить случай, когда орган, компетентный принимать решение о принятии того или иного государства, имплицитно принимает оговорку, разрешая государству-кандидату участвовать в работе организации, и не принимает при этом официального решения по оговорке¹³⁵².

¹³⁴⁷ На основании этого положения функции организации, если Ассамблея не заседает, выполняет Совет.

¹³⁴⁸ По поводу этого случая см., в частности, Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 161–162. Другие примеры см. пункт 8) комментария к руководящему положению 2.8.8.

¹³⁴⁹ Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 523, para. 88.

¹³⁵⁰ Пункт 5 статьи 20 Венских конвенций исключает из сферы применения случай оговорок к учредительным актам международных организаций, уточняя, что он применяется исключительно к ситуациям, предусмотренным пунктами 2 и 4 статьи 20.

¹³⁵¹ В качестве примера см. случай Генеральной ассамблеи Всемирной туристской организации, которая в соответствии со статьей 10 своего Устава заседает раз в два года.

¹³⁵² См. пример оговорки, сформулированной Турцией к Конвенции об ИМКО. Эта оговорка официально не была принята Ассамблеей. Тем не менее, Ассамблея разрешила делегации Турции участвовать в ее работе. Это подразумевало принятие ратификационной грамоты и оговорки (Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), pp. 297–298; и Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), p. 163). С технической точки зрения, это все же является не «молчаливым» принятием, как, по всей видимости, считает Мендельсон (*ibid.*), а «подразумеваемым» принятием (по поводу такого разграничения см. пункт 6) комментария к руководящему положению 2.8.1).

Выражение «с учетом правил организации», предваряющее пункт 1 рассматриваемого руководящего положения, нацелено на придание дополнительной гибкости закрепленному в руководящем положении принципу.

6) Тем не менее в данном случае речь идет об исключении из правила о молчаливом принятии, закрепленного в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций и воспроизведенного в руководящем положении 2.8.2, в связи с чем представляется полезным напомнить в отдельном руководящем положении о том, что презумпция принятия не применяется в отношении учредительных актов международных организаций, по меньшей мере в том, что касается принятия, выраженного компетентным органом организации.

7) Неизбежным логическим следствием а, закрепленного в пункте 3 статьи 20 Венских конвенций, и исключения, предусмотренного в нем в отношении общего а молчаливого принятия, является то, что принятие оговорки договаривающимися государствами или международными организациями не является необходимым условием для того, чтобы она стала «действующей». Именно об этом говорится во втором пункте руководящего положения 2.8.10. Вместе с тем из этого не следует, что они не смогут официально принять рассматриваемую оговорку, если они это пожелают. Из руководящего положения 2.8.12 следует, что такое принятие просто не вызовет последствий, которыми обычно сопровождается подобное заявление.

2.8.11 Принятие оговорки к учредительному акту, который еще не вступил в силу

В случае, предусмотренном в руководящем положении 2.8.8, и когда учредительный акт еще не вступил в силу, оговорка считается принятой, если ни одно из подписавших этот акт государств или ни одна из подписавших этот акт международных организаций не высказали возражений против этой оговорки в течение двенадцатимесячного периода с того момента, как оно или она были уведомлены об этой оговорке. Такое единогласное принятие после его достижения является окончательным.

Комментарий

1) Особая проблема возникает в связи с оговорками, сформулированными в отношении учредительного акта организации, в тех случаях, когда компетентный орган организации еще не существует, поскольку, предположим, договор еще не вступил в силу или организация еще не создана. Руководящее положение 2.8.11 уточняет в этой связи пункт 3 статьи 20 Венских конвенций в отношении вопроса, который может показаться малозначительным, но в связи с которым в некоторых случаях в прошлом возникали достаточно серьезные трудности.

2) Такая ситуация возникла с Конвенцией о Международной морской организации (ИМО), бывшей

тогда Межправительственной морской консультативной организацией (ИМКО), к которой ряд государств сделали оговорки или заявления в своих ратификационных грамотах¹³⁵³, а также с уставом Международной организации по делам беженцев, который Соединенные Штаты Америки, Франция и Гватемала намеревались ратифицировать с оговорками¹³⁵⁴, еще до того, как соответствующие учредительные акты этих двух организаций вступили в силу. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в рамках выполнения своих функций депозитария в отношении этих конвенций не мог передать вопрос о заявлениях и/или оговорках Международной организации по делам беженцев (поскольку она еще не существовала) и решил проконсультироваться с непосредственно заинтересованными государствами, т.е. государствами, уже являющимися сторонами Конвенции, и, если не будет возражений, считать делающие оговорки государства членами организации¹³⁵⁵.

3) Следует отметить также, что, хотя пункт 3 статьи 20 Венских конвенций исключает применение «гибкой» системы к оговоркам, сформулированным к учредительному акту международной организации, он также не подчиняет его традиционной системе единогласия. Между тем, практика Генерального секретаря движется в этом направлении, поскольку он консультируется со всеми государствами, уже являющимися сторонами учредительного документа. Если бы представленная на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров поправка Австрии к этому положению была принята, возникло бы иное решение:

Если оговорка сформулирована в момент, когда договор еще не вступил в силу, выражение согласия государства, сформулировавшего оговорку, порождает последствия только тогда, когда этот компетентный орган будет должным образом создан и применит поправку¹³⁵⁶.

¹³⁵³ См., в частности, заявления Мексики, Соединенных Штатов Америки, Швейцарии и Эквадора (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), глава XII.1; United Nations, *Treaty Series*, vol. 289, pp. 107–109).

¹³⁵⁴ Эти заявления приводятся в Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 40 (footnote 6).

¹³⁵⁵ См. Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 162–163. В том же духе Соединенные Штаты в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров предложили заменить пункт 3 статьи 20 следующей формулировкой: «В том случае, когда договор является учредительным актом международной организации, должна действовать презумпция, разрешающая в период до его вступления в силу и начала деятельности организации формулировать оговорку, когда против этого не возражает ни одно из подписавших его государств, если только в нем не предусмотрено иное» (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, pp. 130–131, para. 54). Эта поправка, которая не была принята, значительно расширила бы круг государств, которые могли принимать решение.

¹³⁵⁶ A/CONF.39/C.1/L.3, в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), p. 135. Поправка вела почти в том же направлении, однако могла означать, что делающее оговорку государство все равно становится участником документа. Она предусматривала, что «когда оговорка делается до вступления договора в силу, она впоследствии должна быть принята компетентным органом после того, как этот компетентный

Такой подход, который Редакционный комитет на Конференции¹³⁵⁷ не принял, был поддержан М.Х. Мендельсоном, который к тому же считает, что «то обстоятельство, что... содержащий оговорки документ не должен учитываться для целей вступления договора в силу, есть малая цена за обеспечение контроля организации над оговорками»¹³⁵⁸.

4) Управление вопросом, касающимся оговорки, со стороны организации, безусловно, является одним из преимуществ решения, предложенного в поправке Австрии. А безусловное неудобство этого решения – которое было отклонено Конференцией Организации Объединенных Наций по праву договоров – заключается в том, что делающее оговорку государство оказывается по отношению к организации в неопределенном положении, которое может продолжаться весьма долго, вплоть до вступления договора в силу. Поэтому резонно задать вопрос, не является ли практика Генерального секретаря более разумным решением. Действительно, передача оценки оговорки государствам, которые уже являются участниками учредительного акта, с тем чтобы добиться ее единогласного принятия (отсутствия протеста или возражения), ставит делающее оговорку государство в более удобное положение. Его положение по отношению к учредительному акту организации и по отношению к организации как таковой прояснится значительно быстрее¹³⁵⁹. Кроме того, не следует забывать, что согласие организации есть не что иное, как совокупность актов принятия со стороны государств – членов организации. Делающее оговорку государство, безусловно, может оказаться в неблагоприятном положении в силу требуемого единогласия до того, как будет создан компетентный орган, поскольку этот орган в большинстве случаев, по крайней мере когда речь идет о международных организациях универсального характера, впоследствии будет принимать решение на основе большинства голосов. Тем не менее в отсутствие единогласия со стороны договаривающихся государств или международных организаций ничто не мешает автору оговорки вновь представить свою ратификационную грамоту и оговорку, которую он намерен заявить вместе с ней, компетентному органу организации после того, как он будет создан.

5) В конечном итоге результат обоих решений представляется идентичным. Однако различие, и немалое, заключается в исключении промежуточного

орган будет должным образом создан» (A/CONF.39/C.1/L.162, *ibid.*).

¹³⁵⁷ Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 152–153. См. также *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), pp. 137–138 and 240.

¹³⁵⁸ Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), p. 153.

¹³⁵⁹ Пример оговорки Аргентины к учредительному акту (Уставу) Международного агентства по атомной энергии как раз показывает, что положение делающего оговорку государства может быть определено весьма быстро и зависит главным образом от депозитария (в данном случае Соединенных Штатов). Грамота Аргентины была принята спустя всего три месяца. См. Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), p. 160.

статуса, неопределенного для делающего оговорку государства до того дня, когда организация будет создана и его оговорка рассмотрена компетентным органом. В этом заключается важное преимущество с точки зрения юридической определенности.

6) Комиссия рассмотрела вопрос о том, какие государства и международные организации должны принимать решение о судьбе оговорки в такой ситуации. Она выразила мнение о том, что предоставление этого полномочия лишь договаривающимся государствам или международным организациям может в некоторых случаях неоправданно содействовать тому, чтобы оговорка стала действующей, поскольку в крайнем случае судьба такой оговорки может быть решена всего-навсего одним договаривающимся государством. Именно поэтому в конечном итоге Комиссия решила указать государства и международные организации, подписавшие учредительный акт. При этом понимается, что это выражение касается подписавших сторон на тот момент, когда оговорка уже была сформулирована.

7) Уточнение, содержащееся в последнем предложении рассматриваемого руководящего положения, согласно которому «такое единогласное принятие после его достижения является окончательным», направлено на обеспечение стабильности правовой ситуации, возникающей в результате такого принятия. Это уточнение было включено в силу тех же соображений, что и в случае руководящего положения 2.8.7. В целом нормы, касающиеся принятия, являются также применимыми в рассматриваемом случае, и следует считать, что оговорка является принятой после того, как ни одно подписавшее государство или международная организация не высказали возражений в течение 12-месячного срока, оговоренного в руководящем положении 2.6.12.

8) Хотя представляется нецелесообразным оговаривать такие детали в самом руководящем положении, Комиссия считает, что если вступление в силу учредительного акта происходит в течение рассматриваемого 12-месячного срока, то вместо руководящего положения 2.8.11 становится применимым общее правило, закрепленное в руководящем положении 2.8.8.

9) В любом случае, было бы все же желательно, чтобы на переговорах государства или международные организации договаривались, с тем чтобы найти *modus vivendi* для неопределенного периода между подписанием учредительного акта и его вступлением в силу, например посредством передачи необходимой компетенции для принятия или отклонения оговорок временному комитету, занимающемуся созданием новой международной организации¹³⁶⁰.

¹³⁶⁰ Такое решение было предусмотрено Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций в документе, подготовленном для третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву. В этом докладе Генеральный секретарь указал, что «до вступления в силу конвенции по морскому праву, несомненно, можно будет проводить консультации с подготовительной комиссией или другим органом Организации Объединенных Наций» (A/CONF.62/L.13, *Официальные*

2.8.12 Реакция члена международной организации на оговорку к ее учредительному акту

Руководящее положение 2.8.10 не препятствует государствам или международным организациям, являющимся членами международной организации, занимать позицию в отношении материальной действительности или уместности оговорки к учредительному акту организации. Такая позиция сама по себе не имеет юридических последствий.

Комментарий

1) Согласно пункту 2 руководящего положения 2.8.10, «для целей принятия оговорки к учредительному акту международной организации индивидуальное принятие оговорки государствами или международными организациями, являющимися членами организации, не требуется». Вместе с тем, как отмечается в комментарии к этому руководящему положению¹³⁶¹, из этого принципа не следует, «что они не могут официально принять рассматриваемую оговорку, если они это пожелают». Именно это подтверждается в руководящем положении 2.8.12.

2) Ответ на вопрос о том, исключает ли компетенция органа организации принимать решение в отношении принятия оговорки к учредительному акту возможность индивидуального реагирования членами этой организации, может показаться очевидным. Зачем разрешать государствам реагировать индивидуально, если они должны принимать коллективное решение в отношении принятия оговорки в рамках компетентного органа этой организации? Не будет ли допущение такой возможности равносильно сигналу к возобновлению обсуждения оговорки, в частности для государств, которые не смогли «навязать» свою точку зрения в рамках компетентного органа, и тем самым изобретению двойной или параллельной системы принятия таких оговорок, которая таит в себе значительный риск возникновения тупика в случае, если эти два процесса приведут к неодинаковым решениям?

3) На Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров Соединенные Штаты Америки предложили поправку к пункту 3 статьи 17 (который стал пунктом 3 статьи 20), уточнив, что «это принятие [компетентным органом организации] не препятствует Договаривающемуся государству формулировать возражения против оговорки»¹³⁶². Эта формулировка, принятая незначительным

большинством голосов на 25-м заседании Комитета полного состава¹³⁶³ и включенная Редакционным комитетом в предварительный текст статьи 17, в конечном итоге из окончательного текста Конвенции была исключена Комитетом полного состава «с учетом того, что вопрос о возражениях, сформулированных против оговорок к учредительным актам международных организаций, является частью темы, которую Комиссия международного права уже рассматривает [вопрос об отношениях между международными организациями и государствами], и что пока этот вопрос будет по-прежнему регулироваться общим международным правом»¹³⁶⁴. В ходе работы Редакционного комитета выяснилось, что формулировка поправки Соединенных Штатов была не очень четкой и оставляла открытым вопрос о правовых последствиях такого возражения¹³⁶⁵.

4) По правде говоря, непонятно, почему государства-члены или международные организации-члены не могли бы индивидуально и вне рамок международной организации занимать позицию по вопросу об оговорке и сообщать свои мнения заинтересованным сторонам, включая организацию. Вероятно, эти позиции не смогут породить никаких конкретных юридических последствий; между тем речь идет не о каком-то единичном случае и отсутствие у таких заявлений правовых последствий в строгом смысле слова не лишает их значения¹³⁶⁶: они позволяют делающему оговорку государству в первую очередь, а затем и другим заинтересованным государствам узнать позицию государства, являющегося автором принятия или возражения, сформулированного в одностороннем порядке, и дать ей оценку, что в конечном итоге может способствовать обсуждению в рамках компетентного органа организации и позволить наладить «диалог об оговорках» между основными участниками. Такая позиция могла бы также быть принята во внимание в соответствующем случае третьей стороной, которой придется принимать решение по поводу допустимости или сферы охвата оговорки.

5) По мнению Комиссии, руководящее положение 2.8.12, которое не ставит под сомнение необходимый и достаточный характер принятия оговорки компетентным органом международной организации¹³⁶⁷, ни в коей мере не противоречит Венским конвенциям, в которых на этот счет ничего не говорится.

(продолжение сноски 1360)

отчеты третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, том VI (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.77.V.2), стр. 193, сноска 26). Краткое обсуждение проблемы определения того, какой при определенных обстоятельствах «орган имеет право принимать оговорку», см. пункт 2 руководящего положения 2.1.5 (Сообщение оговорки) и пункты 28–29) комментария.

¹³⁶¹ Пункт 7).

¹³⁶² A/CONF.39/C.1/L.127, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), p. 135, para. 179. (iv) (d).

¹³⁶³ 33 голоса против 22 при 29 воздержавшихся, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 135, para. 32.

¹³⁶⁴ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), pp. 137–138, para. 186.

¹³⁶⁵ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 72-е заседание, 15 мая 1968 года, pp. 425–426, paras. 4–14.

¹³⁶⁶ См. также пункт 30) комментария к руководящему положению 2.6.1.

¹³⁶⁷ См. пункт 3 статьи 20 Венских конвенций и руководящее положение 2.8.8.

2.8.13 Окончательный характер принятия оговорки

Принятие оговорки не может быть отозвано или изменено.

Комментарий

1) Ни в Венской конвенции 1969 года, ни в Конвенции 1986 года не содержится положений, касающихся снятия принятия оговорки, хотя в них рассматривается случай, касающийся возражений. Они его не предусматривают, но и не запрещают.

2) Тем не менее пункт 5 статьи 20 Венских конвенций и лежащий в его основе логически исключают возможность пересмотра молчаливого (или подразумеваемого) принятия посредством возражения, сформулированного после истечения 12-месячного срока, предусмотренного этим положением (или любого другого срока, предусмотренного конкретным договором): юридическая определенность была бы в значительной мере подорвана, если бы спустя несколько лет после согласия в результате молчания со стороны договаривающегося государства или договаривающейся международной организации в одну из «критических дат» можно было бы осуществить «раскаяние», что поставило бы под вопрос договорные отношения между соответствующими государствами или международными организациями. Хотя государства-участники сохраняют полную свободу в плане выражения своего несогласия с оговоркой после истечения 12-месячного срока (или любого другого срока, предусмотренного конкретным договором), их последующие «возражения» уже не могут производить обычных последствий возражения, какие предусмотрены пунктом 4 *b*) статьи 20 и пунктом 3 статьи 21 Венских конвенций. Аналогичный вывод напрашивается в отношении вопроса о расширении сферы действия возражения против оговорки.

3) Нет никаких причин для установления какого-то иного подхода в отношении определенно выраженного принятия. Поскольку нет необходимости проводить глубокое изучение последствий, порождаемых определенно выраженным принятием (которые не отличаются от последствий, порождаемых молчаливым принятием оговорки), достаточно указать, что, как в случае молчаливого принятия, последствием такого определенно выраженного принятия является то, что договор вступает в силу между государством или международной организацией, заявившими оговорку, и государством или международной организацией, принявшими указанную оговорку, или даже в некоторых обстоятельствах между всеми государствами или международными организациями-участниками договора. Само собой разумеется, пересмотр а posteriori правовых последствий отрицательным образом сказался бы на правовой определенности и статусе договора в двусторонних отношениях между автором оговорки и теми, кто ее принял. Впрочем, этот вывод напрашивается и в случае, когда принятие было определенно выраженным: даже если не вызывает сомнений то, что молчание

со стороны государства в обстоятельствах, когда оно должно было бы как-то обозначить свою позицию, порождает правовые последствия в силу а добросовестности (и в данном случае прямых положений Венских конвенций), еще в большей степени это очевидно, когда позиция государства принимает форму одностороннего заявления; заявляющее оговорку государство, а также другие государства-участники могут полагаться на волеизъявление государства, от которого исходит определенно выраженное принятие.

4) Диалектика отношений между возражением и принятием, установленная и подтвержденная пунктом 5 статьи 20 Венских конвенций, и закрепление механизма возражений с целью обеспечить стабилизацию договорных отношений, в какой-то степени нарушенных оговоркой, неизбежно предполагают окончательный характер принятия (как молчаливого, так и определенно выраженного). Именно этот четко закреплен в руководящем положении 2.8.13 в интересах обеспечения определенности договорно-правовых отношений.

2.9 Формулирование реакций на заявления о толковании

2.9.1 Одобрение заявления о толковании

Под «одобрением» заявления о толковании понимается одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на заявление о толковании договора, сформулированное другим государством или другой международной организацией, посредством которого первое государство или первая организация выражает свое согласие с толкованием, сформулированным в этом заявлении.

Комментарий

1) Представляется, что практики в области позитивной реакции на заявления о толковании практически не существует, как будто государства, решив проявить осторожность, предпочитали не одобрять прямо толкование, данное другой стороной. Это, возможно, объясняется тем, что в подпункте *a*) пункта 3 статьи 31 Венских конвенций предусматривается, что для целей толкования договора

Наряду с контекстом учитываются:

a) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений.

2) Некоторые прямо выраженные реакции содержат одновременно элементы одобрения и неодобрения или носят условный характер, подчиняя одобрение первоначального толкования толкованию, даваемому самим реагирующим государством.

3) Так, например, серия публикаций *Multilateral treaties deposited with the Secretary-General* («Многосторонние договоры, сданные на хранение

Генеральному секретарю») содержит текст реакции Израиля на заявление Арабской Республики Египет¹³⁶⁸ в отношении Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, носящий позитивную направленность, но при этом, пожалуй, представляющий собой выражение несогласия или предупреждение:

Обеспокоенность правительства Израиля применительно к морскому праву по сути обусловлена стремлением обеспечить максимальную свободу судоходства и пролета во всех местах, в частности проход через проливы, используемые для международного судоходства.

В этой связи правительство Израиля заявляет, что режим судоходства и пролета, подтвержденный Договором о мире между Израилем и Египтом 1979 года, в котором Тиранский пролив и залив Акаба рассматриваются сторонами как международные водные пути, которые открыты для всех государств, беспрепятственно пользующихся свободой судоходства и пролета, реализация которой не может быть ограничена, применим к указанным районам. Кроме того, поскольку режим Договора о мире полностью совместим с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву, он по-прежнему будет иметь преимущественную силу и применяться в указанных районах.

В соответствии с толкованием правительства Израиля заявление Арабской Республики Египет в этой связи, сделанное при ратификации [указанной Конвенции], совместимо с вышеуказанным заявлением¹³⁶⁹.

Из этого заявления следует, что предложенное Египтом толкование рассматривается Израилем как правильно отражающее смысл главы III Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву при условии, что оно само будет совместимым с толкованием Израиля. Толкование Египта некоторым образом подтверждается условным «одобрительным заявлением» с приведением мотивов и условий Израиля.

4) Можно также отметить реакцию правительства Норвегии на заявление Франции к Протоколу 1978 года к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (Конвенция МАРПОЛ), которая была опубликована Генеральным секретарем ИМО:

[П]равительство Норвегии должным образом приняло к сведению сообщение, которое понимается как заявление правительства Франции, а не оговорка к положениям Конвенции со всеми вытекающими правовыми последствиями, которые официальная оговорка могла бы иметь, если бы оговорки к Приложению I были допустимы¹³⁷⁰.

¹³⁶⁸ «Положения Договора о мире между Египтом и Израилем 1979 года, в которых прямо говорится о проходе через Тиранский пролив и залив Акаба, относятся к вопросу об общем режиме вод проливов, предусмотренном в части III Конвенции, режиме, в котором установлено, что он не затрагивает правового режима вод, образующих проливы, и предусматриваются определенные обязательства в отношении безопасности и поддержания порядка в государстве, граничащем с проливом» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6). Мирный договор был подписан в Вашингтоне, округ Колумбия, 26 марта 1979 года (*United Nations, Treaty Series*, vol. 1136, No. 17813, p. 100).

¹³⁶⁹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6. По сути речь идет об одобрении как квалификации, так и содержания этих заявлений Египта; с учетом формулировки заявлений возникает вопрос, не являются ли они результатом согласования на дипломатическом уровне.

¹³⁷⁰ *United Nations, Treaty Series*, vol. 1341, p. 330; IMO, *Status of Multilateral Conventions and Instruments...* (footnote 693 выше), p. 108 (footnote 1).

По всей видимости, это заявление можно было бы толковать как означающее, что Норвегия принимает заявление Франции постольку, поскольку речь не идет (и при условии, что речь не будет идти) об оговорке.

5) Даже если примеров недостаточно, бывает так, что государство или международная организация выражают свое согласие с конкретным толкованием, предложенным другим государством или другой международной организацией в своем заявлении о толковании. Такое совпадение соответствующих толкований двух или нескольких сторон, впрочем, прямо предусмотрено в подпункте *a*) пункта 3 статьи 31 Венских конвенций¹³⁷¹ без необходимости пояснения на данной стадии вопроса о том, какое значение следует придавать этому «последующему соглашению между участниками относительно толкования договора»¹³⁷².

6) Достаточно констатировать, что такое согласие с заявлением о толковании не следует путать с принятием оговорки, хотя бы потому, что в соответствии с пунктом 4 статьи 20 Венских конвенций такое принятие влечет за собой вступление в силу договора для делающего оговорку государства, чего, разумеется, не происходит в случае позитивной реакции на заявление о толковании. Чтобы подчеркнуть различия между одним и другим, Комиссия сочла разумным не использовать одни и те же слова. Для обозначения позитивной реакции на заявление о толковании используется термин «одобрение», который выражает идею согласия или молчаливого согласия, не предвешая вопрос о реальных правовых последствиях¹³⁷³.

2.9.2 Несогласие с заявлением о толковании

Под «несогласием» с заявлением о толковании понимается одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на заявление о толковании договора, которое сформулировано другим государством или другой международной организацией, посредством которого его автор отклоняет толкование, сформулированное в заявлении о толковании, в том числе посредством формулирования альтернативного толкования.

Комментарий

1) Примеры негативных реакций на заявления о толковании, т.е. несогласия, выражаемого государством или международной организацией по поводу толкования, изложенного в заявлении о толковании, носят хотя и менее исключительный, чем в случае одобрения, но все же спорадический характер. Иллюстрацией в данном случае может служить реакция Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии на заявление о толковании

¹³⁷¹ См. пункт 1) выше.

¹³⁷² См. раздел 4.7 ниже.

¹³⁷³ См. Salmon (ed.), *Dictionnaire de droit international public* (сноска 1013 выше), pp. 74–75 (*Approbation*).

Сирийской Арабской Республики¹³⁷⁴ в отношении статьи 52 Венской конвенции 1969 года:

Соединенное Королевство не считает, что толкование Статьи 52, которое было предложено правительством Сирии, отражает в точности выводы, к которым пришла Венская конференция по вопросу о принуждении; Конференция урегулировала этот вопрос, приняв в этой связи Декларацию, являющуюся неотъемлемой частью Заключительного акта¹³⁷⁵.

2) Заявления о толковании, сделанные в отношении различных конвенций по морскому праву, также вызвали негативные реакции. При ратификации Конвенции о континентальном шельфе, подписанной в Женеве в апреле 1958 года, Канада заявила, что «она не может принять заявление Федеративной Республики Германии в отношении пункта 1 статьи 5»¹³⁷⁶.

3) Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву в силу своих статей 309 и 310, которые запрещают оговорки, однако разрешают заявления о толковании, обусловила целый ряд значительных «заявлений о толковании», которые также вызвали многочисленные негативные реакции со стороны других договаривающихся государств. Например, в своем сообщении от 22 февраля 1994 года Тунис заявил, что

в этом заявлении [Мальты] статьи 74 и 83 Конвенции толкуются как означающие, что в отсутствие соглашений о делимитации исключительной экономической зоны, континентального шельфа и других морских районов поиск справедливого решения предполагает, что границей является средняя линия, т.е. линия, каждая точка которой равно удалена от самых близких точек исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря.

Правительство Туниса полагает, что такое толкование никоим образом не соответствует духу и букве положений этих статей, которые не предусматривают автоматическое использование средней линии в вопросе делимитации исключительной экономической зоны или континентального шельфа¹³⁷⁷.

¹³⁷⁴ Это заявление гласит следующее: «Правительство Сирийской Арабской Республики понимает положения статьи 52 следующим образом:

Термин "угроза силой или ее применения", предусмотренный в этой статье, в равной мере применим к принуждению экономического, политического, военного и психологического характера, а также ко всем видам принуждения, которое влечет за собой обязательство государства заключить договор по своему желанию или в своих интересах» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1).

¹³⁷⁵ *Ibid.*

¹³⁷⁶ *Ibid.*, ch. XXI.4. Заявление о толковании Германии гласит следующее: «Федеративная Республика Германии хотела бы уточнить, что, по ее мнению, пункт 1 статьи 5 Конвенции о континентальном шельфе гарантирует осуществление прав на рыбный промысел (Fischerei) в покрывающих континентальный шельф водах в условиях, когда эти права в целом осуществлялись до настоящего времени» (*ibid.*).

¹³⁷⁷ *Ibid.*, chap. XXI.6. Заявление Мальты в соответствующей части гласит следующее: «Правительство Мальты толкует статьи 74 и 83 как означающие, что в отсутствие соглашений о делимитации исключительной экономической зоны, континентального шельфа или других морских районов достижение справедливого решения предполагает, что границей будет средняя линия, т.е. линия, каждая точка которой равно удалена от самых близких точек исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Мальты и других аналогичных государств» (*ibid.*).

Еще один весьма яркий пример можно обнаружить в заявлении Италии по поводу заявления о толковании Индии к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву:

Италия хотела бы напомнить о заявлении, которое она сделала при подписании Конвенции и подтвердила в момент ее ратификации и согласно которому «права прибрежного государства в такой зоне не включают права быть уведомленным об учениях или военных маневрах или их санкционировать». По самому своему содержанию заявление, сделанное Италией при ратификации Конвенции, можно считать ответом на все заявления, прошлые и будущие, других государств по вопросам, которые в нем затрагиваются¹³⁷⁸.

4) Примеры можно также обнаружить в практике, касающейся конвенций, принятых в рамках государств – членов Совета Европы. Так, Российская Федерация со ссылкой на многочисленные заявления других государств-участников в отношении Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 года, в которых уточнялся смысл термина «национальное меньшинство», заявила, что она

считает неправомерным включение в оговорки и заявления при подписании или ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в одностороннем порядке определения термина «национальное меньшинство», которое не содержится в Рамочной конвенции. По мнению Российской Федерации, попытки исключения из сферы действия Рамочной конвенции постоянно проживающих на территории государств – участников Рамочной конвенции лиц, ранее имевших гражданство, но произвольно лишенных его, противоречат целям Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств¹³⁷⁹.

5) Пример заявления Италии на заявление о толковании Индии¹³⁸⁰ свидетельствует о том, что на практике государства, которые негативно реагируют на заявление о толковании другого государства или другой международной организации, часто одновременно предлагают другое толкование, которое они считают «более точным». Эта практика «конструктивного» отказа была также использована Италией в ее заявлении в качестве реакции на заявление о толковании нескольких других государств в отношении Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением:

Правительство Италии, заявляя свои возражения по поводу заявлений, сделанных при подписании правительствами Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Уругвая и Эквадора, а также других заявлений аналогичного содержания, которые могут быть сделаны в будущем, считает, что никакое положение настоящей Конвенции не должно толковаться как ограничивающее права судоходства, признанные международным правом. Вследствие этого государство-участник не обязано уведомлять какое-либо другое государство или получать его согласие для простого прохода через территориальное море или осуществления свободы судоходства в исключительной экономической зоне со стороны судна, несущего свой флаг и перевозящего груз опасных отходов¹³⁸¹.

Германия и Сингапур, которые сделали заявление о толковании, сходное с заявлением Италии, хранили молчание в отношении заявлений об ином

¹³⁷⁸ *Ibid.*

¹³⁷⁹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 2152, p. 297; Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 157 (размещен на сайте <http://conventions.coe.int>).

¹³⁸⁰ См. пункт 3) выше.

¹³⁸¹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVII.3.

толковании Базельской конвенции, не считая необходимым реагировать так же, как это сделало правительство Италии¹³⁸².

6) Кроме того, практика также породила реакции, которые на первый взгляд менее явно похожи на отказ. Речь идет о случаях, когда государство вроде и принимает предлагаемое толкование, но с условием, что оно будет соответствовать дополнительному толкованию¹³⁸³. Подходящим примером такой ситуации являются условия, которым Австрия, Германия и Турция подчинили свое согласие на заявление о толковании Польши в отношении Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года¹³⁸⁴. Так, Германия заявила,

что заявление Польши относительно пункта 1 а) Статьи 6 Конвенции, согласно которому лица, получившие убежище в Польше, имеют равное положение с гражданами Польши, совместно с объектом и целью Конвенции лишь в том случае, если она не будет чинить препятствий для выдачи этих лиц другому государству, не являющемуся государством, применительно к которому было предоставлено убежище¹³⁸⁵.

7) Некоторые государства аналогичным образом реагировали на заявление, сделанное Египтом при ратификации Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1978 года¹³⁸⁶. Полагая, что заявление Арабской Республики Египет «направлено на расширение сферы применения Конвенции» (что квалификация «оговорки» исключает)¹³⁸⁷, правительство Германии заявило, что

по его мнению, правительство Арабской Республики Египет может в одностороннем порядке делать такое заявление только в отношении своих собственных вооруженных сил, и считает, что указанное заявление является обязательным только для вооруженных сил Арабской Республики Египет. Правительство Федеративной Республики Германия полагает, что подобное одностороннее заявление не может применяться к вооруженным силам других государств-участников без их прямого согласия. В этой связи правительство Федеративной Республики Германия заявляет, что оно не согласно с тем, чтобы заявление Египта толковалось таким образом, чтобы оно относилось к другим вооруженным силам, помимо вооруженных сил Арабской Республики

¹³⁸² По вопросу о «молчании» см. руководящее положение 2.9.9 и комментарий к нему.

¹³⁸³ Такая практика схожа с описанной выше применительно к частичному или условному одобрению (см. пункты 3)–5) комментария к руководящему положению 2.9.1).

¹³⁸⁴ Заявление от 15 июня 1993 года: «Республика Польша заявляет в отношении пункта 1 а) статьи 6, что она ни в коем случае не будет выдавать своих собственных граждан. Республика Польша заявляет, что по смыслу настоящей Конвенции в соответствии с пунктом 1 б) статьи 6 лица, которым предоставлено убежище в Польше, будут рассматриваться как польские граждане» (United Nations, *Treaty Series*, vol. 1862, p. 474; Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 24 (<http://conventions.coe.int>)).

¹³⁸⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1862, p. 476; Council of Europe, *European Treaty Series*, No. 24. См. также идентичную реакцию Австрии на заявления о толковании Румынии (*Treaty Series*, vol. 2045, pp. 198–202; *European Treaty Series*, No. 24).

¹³⁸⁶ «Оговорка» Египта была сформулирована следующим образом: «Правительство Арабской Республики Египет заявляет, что оно считает себя связанным пунктом 2 статьи 19 Конвенции лишь в той мере, в какой вооруженные силы государства не нарушают принципов международного права при выполнении своих функций» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.9).

¹³⁸⁷ См. пункты 9)–10) комментария к руководящему положению 1.5.

Египет, и в частности с тем, чтобы Конвенция применялась к вооруженным силам Федеративной Республики Германия¹³⁸⁸.

8) В рамках Протокола 1978 года к Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года заявление Канады относительно арктических вод также вызвало обусловленные реакции¹³⁸⁹. Германия, Греция, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Франция заявили, что они

[принимают] к сведению заявление Канады и [считают], что его следует читать в соответствии со статьями 57, 234 и 236 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. В частности, правительство напоминает, что статья 234 этой Конвенции применяется в пределах исключительной экономической зоны или аналогичной зоны, делимитированной в соответствии со статьей 57 Конвенции, и что в законах и правилах, предусмотренных в статье 234, необходимо должным образом принимать во внимание судоходство и защиту и сохранение морской среды на основе имеющихся наиболее достоверных научных данных¹³⁹⁰.

9) Заявление Чешской Республики в качестве реакции на заявление о толковании Федеративной Республики Германия¹³⁹¹ в отношении Части X Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву находится несколько в иной плоскости в том смысле, что трудно определить, о чем идет речь: о несогласии с толкованием, которое отстаивает Германия, или о переквалификации ее заявления в огорку:

Правительство Чешской Республики, изучив заявление, сделанное 14 октября 1994 года Федеративной Республикой Германия по поводу толкования положений Части X [указанной Конвенции], которая касается права государств, не имеющих выхода к морю, на доступ к морю и от него и свободы транзита, заявляет, что вышеуказанное заявление Федеративной Республики Германия не может, в том что касается Чешской Республики, толковаться вопреки положениям части X Конвенции¹³⁹².

10) Такое «условное принятие» не представляет собой «одобрения» по смыслу руководящего положения 2.9.1 и должно рассматриваться как негативная реакция. Действительно, авторы таких заявлений не одобряют предлагаемое толкование, а дают другое

¹³⁸⁸ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.9. См. также аналогичные заявления Соединенных Штатов Америки (*ibid.*), Нидерландов (*ibid.*), Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (*ibid.*) и Канады (*ibid.*).

¹³⁸⁹ Текст заявления Канады см. IMO, *Status of Multilateral Conventions and Instruments...* (сноска 693 выше), p. 106.

¹³⁹⁰ *Ibid.*

¹³⁹¹ Заявление Германии в соответствующей части гласит следующее: «Что касается регулирования свободы транзита, которой пользуются государства, не имеющие выхода к морю, то нельзя, чтобы транзитный проход через территорию государств нарушал суверенитет указанных государств. Согласно пункту 3 статьи 125 права и возможности, предусмотренные в части X, никоим образом не ущемляют суверенитета и законных интересов государств транзита. Государство транзита и государство, не имеющее выхода к морю, должны в каждом отдельном случае договариваться в отношении точного определения свободы транзита. В отсутствие такой договоренности в отношении условий и порядка осуществления права доступа транзит лиц и имущества через территорию Федеративной Республики Германии регулируется национальным законодательством, в частности в том, что касается транспортных средств и использования инфраструктуры» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6).

¹³⁹² *Ibid.*

толкование, которое, по их мнению, является единственным, соответствующим договору.

11) Все эти примеры показывают, что негативная реакция на заявление о толковании может принимать различные формы: она может просто-напросто характеризоваться отклонением толкования, сформулированного в заявлении, или содержать встречное предложение в отношении толкования спорного положения или положений или даже представлять собой попытку ограничить значение первоначального заявления, которое в свою очередь также становится объектом толкования. Во всех случаях государства или международные организации, от которых исходит реакция, пытаются создать препятствия или ограничить значение или правовые последствия заявления о толковании для договора, его применения или его толкования. В этом смысле негативная реакция в определенной мере сопоставима с возражениями против оговорок, однако последствия они порождают разные. Так, государство или международная организация не могут возражать против вступления в силу договора между ними и автором заявления о толковании под тем предлогом, что они не согласны с толкованием, которое в нем содержится. Негативная реакция рассматривается ее автором как мера защиты, протест против установления такого толкования договора, которое может быть ему противопоставлено и которое надо «взять на заметку», поскольку он не считает такое толкование уместным¹³⁹³.

12) Именно поэтому Комиссия, подобно тому, как она предпочла термин «одобрение» термину «принятие» для обозначения позитивных реакций на заявления о толковании¹³⁹⁴, приняла решение использовать термин «несогласие»¹³⁹⁵ для обозначения негативных реакций, отдав ему предпочтение перед термином «возражение», хотя этот последний термин иногда употребляется на практике¹³⁹⁶.

13) Комиссия обсуждала вопрос о наиболее подходящем определении для квалификации несогласия, которое выражается в каком-либо предложении о толковании, отличном от толкования, предложенного в первоначальном заявлении о толковании. Она отказалась от прилагательных «несовместимый» или «несоответствующий» (*inconsistent*) и предпочла им

¹³⁹³ В этом смысле см. А. McNair, *The Law of Treaties*, Oxford, Clarendon, 1961, pp. 430–431.

¹³⁹⁴ См. руководящее положение 2.9.1.

¹³⁹⁵ Определение термина «несогласие» в такой трактовке весьма сходно с определением термина «протест», данным в Словаре международного публичного права (*Dictionnaire de droit international public*): «Действие, посредством которого один или несколько субъектов международного права изъявляют свою волю не признавать действительность или противопоставимость актов, поведения или претензий, исходящих от третьих лиц» (Salmon (ed.) (сноска 1013 выше), p. 907).

¹³⁹⁶ См., например, реакцию Италии на заявления о толковании Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Уругвая и Эквадора к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVII.3). Реакция Канады на заявление Федеративной Республики Германии о толковании Конвенции о континентальном шельфе (*ibid.*, chap. XXI.4) также была отнесена Генеральным секретарем к категории «возражений».

термин «альтернативный», с тем чтобы не заключать определение несогласия с заявлениями о толковании в слишком узкие рамки.

14) Строго следуя предмету части 2, принятое определение избегает любого намека на возможные последствия как самих заявлений о толковании, так и реакций на них. И те, и другие станут предметом руководящих положений в рамках части 4 Руководства по практике¹³⁹⁷.

15) Комиссия также сочла, вопреки подходу, принятому ею при формулировании руководящего положения 2.6.1 для определения возражений, что нецелесообразно включать в определение несогласия с заявлениями о толковании слишком субъективное упоминание о намерении автора реакции.

2.9.3 Переквалификация заявления о толковании

1. Под «переквалификацией» заявления о толковании понимается одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на заявление о толковании договора, сформулированное другим государством или другой международной организацией, посредством которого первое государство или первая организация намеревается считать это заявление оговоркой.

2. Государству или международной организации, которые намереваются считать заявление о толковании оговоркой, следует учитывать руководящие положения 1.3–1.3.3.

Комментарий

1) Хотя переквалификация заявления о толковании в оговорку в некоторых отношениях приближается к несогласию с заявлением о толковании, речь идет о достаточно своеобразном расхождении во мнениях, которое заслуживает, чтобы ему посвятили отдельное положение. Таков предмет руководящего положения 2.9.3.

2) Как это вытекает из определения оговорок, с одной стороны, и заявлений о толковании – с другой, формулировка или название одностороннего заявления как «оговорки» или «заявления о толковании» со стороны их автора не имеет отношения к квалификации этого одностороннего заявления¹³⁹⁸ даже тогда, когда речь может идти об указании, которым невозможно пренебречь¹³⁹⁹. Этот принцип отражает часть предложения «в любой формулировке и под любым наименованием» в руководящем

¹³⁹⁷ См. прежде всего руководящее положение 4.7.1 (Разъяснение условий договора посредством заявления о толковании).

¹³⁹⁸ См. также руководящие положения 1.1 (Определение оговорок) и 1.2 (Определение заявлений о толковании).

¹³⁹⁹ Руководящее положение 1.3.2 (Формулировка и наименование) в этой связи гласит: «Формулировка или наименование, которое дается одностороннему заявлению, служит указанием на юридические последствия, на достижение которых оно направлено».

положении 1.1 (заимствовано из пункта 1 *d*) статьи 2 Венских конвенций).

3) На практике часто бывает так, что затронутые государства без колебаний реагируют на односторонние заявления, представленные их авторами как заявления о толковании, открыто считая их оговорками¹⁴⁰⁰. Такие реакции, которые следует назвать «переквалификацией» в силу самого их предмета, четко отличаются от одобрения и неодобрения постольку, поскольку они (необязательно) относятся к самому содержанию данного одностороннего заявления, они скорее относятся к его форме и применительно правовому режиму.

4) Примеры этого явления весьма многочисленны. Среди них можно привести следующие:

a) реакция Нидерландов на заявление о толковании Алжира в отношении пунктов 3 и 4 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года:

Правительство Королевства Нидерландов полагает, что [указанное заявление о толковании] должно рассматриваться как оговорка к [Пакту]. Из текста и истории создания Пакта следует, что оговорка к пунктам 3 и 4 статьи 13, сделанная правительством Алжира, несовместима с предметом и целью Пакта. В этой связи правительство Королевства Нидерландов считает эту оговорку неприемлемой и официально заявляет против нее возражение¹⁴⁰¹.

b) реакции целого ряда государств на заявление, сделанное Пакистаном в связи с тем же Пактом 1966 года, в которых после продолжительной мотивировочной части заключается следующее:

Вследствие этого правительство... считает вышеуказанные заявления оговорками, несовместимыми с предметом и целью Пакта.

В этой связи правительство... заявляет возражение против вышеуказанных оговорок, сделанных правительством Исламской Республики Пакистан в отношении Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Это возражение, однако, не препятствует вступлению в силу Пакта в отношениях между Федеративной Республикой Германии и Исламской Республикой Пакистан¹⁴⁰².

c) реакции целого ряда государств на заявление, сделанное Филиппинами к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года:

...считает, что заявление, сделанное правительством Филиппин при подписании Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и впоследствии подтвержденное при ратификации указанной Конвенции, по сути содержит оговорки и

исключения, что противоречит положениям статьи 309 указанной Конвенции¹⁴⁰³.

d) переквалификация со стороны Мексики, которая заявила, что

третье заявление [официально квалифицированное как заявление о толковании], представленное правительством Соединенных Штатов Америки, [...] представляет собой одностороннюю попытку воспользоваться основанием, не предусмотренным Конвенцией [Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года], с тем чтобы обосновать отказ в предоставлении судебной помощи, запрошенной государством, и тем самым даже изменить Конвенцию вопреки ее цели¹⁴⁰⁴.

e) реакция Германии на заявление, которым правительство Туниса сообщило, что оно не будет принимать для осуществления Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года «никаких законодательных или нормативных решений, противоречащих Конституции Туниса»:

Федеративная Республика Германии считает первое из заявлений Тунисской Республики оговоркой. Оно ограничивает применение первого предложения статьи 4¹⁴⁰⁵.

f) реакции 19 государств на заявление Пакистана в отношении Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, в котором Пакистан уточнял, что «ничто [в указанной Конвенции] не применяется к борьбе, в том числе вооруженной борьбе за осуществление права на самоопределение, которая ведется против оккупации или иностранного господства»:

Правительство Австрии считает, что указанное заявление является оговоркой в силу того, что его цель заключается в ограничении в одностороннем порядке сферы применения Конвенции, что таким образом противоречит ее предмету и цели¹⁴⁰⁶.

g) реакция Германии и Нидерландов на заявление Малайзии, сделанное при присоединении Малайзии к Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 года, подчиняющее осуществление статьи 7 этой Конвенции национальному законодательству:

Правительство Федеративной Республики Германии считает, что, подчиня толкование и осуществление статьи 7 Конвенции национальному законодательству, правительство Малайзии заявляет общую неточную оговорку, которая делает невозможным четкое определение того, каким образом оно намерено изменить обязательства, вытекающие из Конвенции. В этой связи правительство Федеративной Республики Германия заявляет возражение против указанного заявления, считая, что сделанная оговорка является несовместимой с предметом и целью Конвенции.

¹⁴⁰⁰ Суды и наблюдательные договорные органы также без колебаний переквалифицируют заявления о толковании в оговорку (см. пункты 5)–7) комментария к руководящему положению 1.3.2).

¹⁴⁰¹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap IV.3. См. также возражение Португалии против заявления Алжира (*ibid.*) и возражение Нидерландов против заявления Кувейта (*ibid.*).

¹⁴⁰² *Ibid.* См. также возражения Дании (*ibid.*), Испании (*ibid.*), Латвии (*ibid.*), Нидерландов (*ibid.*), Норвегии (*ibid.*), Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (*ibid.*), Финляндии (*ibid.*), Франции (*ibid.*) и Швеции (*ibid.*).

¹⁴⁰³ Беларусь, *ibid.*, chap. XXI.6; см. также реакции аналогичного содержания или в том же ключе Австралии, Болгарии, Российской Федерации и Украины (*ibid.*).

¹⁴⁰⁴ *Ibid.*, chap. VI.19.

¹⁴⁰⁵ *Ibid.*, chap. IV.11.

¹⁴⁰⁶ *Ibid.*, chap. XVIII.9. См. аналогичные реакции или реакции в том же ключе Австралии, Германии, Дании, Израиля, Индии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Финляндии, Франции, Швеции и Японии (*ibid.*). См. также реакции Германии и Нидерландов на одностороннее заявление Малайзии (*ibid.*).

Это возражение не препятствует вступлению в силу Конвенции в отношениях между Федеративной Республикой Германия и Малайзией¹⁴⁰⁷.

h) реакция Швеции на заявление Бангладеш, подчиняющее осуществление статьи 3 Конвенции о политических правах женщин 1953 года ее соответствию Конституции Бангладеш:

В этой связи правительство Швеции напоминает, что в соответствии с широко признанным принципом международного договорного права название, присваиваемое заявлению, предназначенному для устранения или изменения правовых последствий отдельных положений договора, не является определяющим при решении вопроса о том, представляет ли оно собой оговорку к договору. Таким образом, правительство Швеции в отсутствие разъяснений считает, что заявления, сделанные правительством Бангладеш, по существу представляют собой оговорки к Конвенции.

Правительство Швеции отмечает, что заявление в отношении статьи III носит общий характер, что свидетельствует о том, что Бангладеш будет применять эту статью согласно соответствующим положениям своей Конституции. Правительство Швеции полагает, что это заявление вызывает сомнения в отношении приверженности Бангладеш предмету и цели Конвенции, и напоминает о том, что в соответствии с общепризнанным принципом международного права оговорки, несовместимые с предметом и целью договора, не разрешаются¹⁴⁰⁸.

5) Вся эта совокупность примеров свидетельствует о том, что переквалификация заключается в том, чтобы считать, что одностороннее заявление, представленное как «заявление о толковании», на самом деле является «оговоркой» со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Таким образом, переквалификация предназначена для определения правового режима одностороннего заявления в отношениях между государством или организацией-автором одностороннего заявления и государством или организацией, производящими «переквалификацию». По общему правилу, эти заявления, в которых чаще всего подробно указываются мотивы¹⁴⁰⁹, по существу основаны на критериях разграничения оговорок и заявлений о толковании¹⁴¹⁰.

6) Переквалификация, о которой идет речь, представляет собой «попытки», предложения, сделанные с целью квалификации одностороннего заявления, представленного его автором в качестве заявления о толковании, как оговорки, и придания ему юридического статуса последней. Однако следует помнить о том, что сама по себе «переквалификация» не определяет статуса соответствующего одностороннего заявления. Различия во мнениях между государствами или соответствующими международными организациями можно урегулировать лишь посредством вмешательства третьей беспристрастной стороны, обладающей компетенцией принимать решения. Эта последняя часть фразы пункта 1 руководящего положения 2.9.3 («посредством которого

первое государство или первая организация намеревается считать это заявление оговоркой») четко устанавливает субъективный характер такой позиции, которая не является обязательной ни для автора первоначального заявления, ни для других договаривающихся или заинтересованных сторон.

7) Второй пункт руководящего положения 2.9.3 отсылает к руководящим положениям 1.3–1.3.3, в которых указываются критерии проведения различия между оговорками и заявлениями о толковании и метод практического применения этих критериев.

8) Хотя договаривающиеся государства и международные организации свободны в своей реакции на заявления о толковании других сторон – и в этом состоит причина изложения второго абзаца в форме рекомендации, о чем свидетельствует глагол в условном наклонении («devrait»), – они рискуют, не следуя этим руководящим положениям, которыми должен был бы руководствоваться возможный орган по принятию решений, компетентный высказываться по данному вопросу.

2.9.4 Право формулировать одобрение, несогласие или осуществлять переквалификацию

Одобрение, несогласие или переквалификация в отношении заявления о толковании могут быть сформулированы в любой момент любым договаривающимся государством и любой договаривающейся организацией, а также любым государством и любой международной организацией, имеющими право стать участниками договора.

Комментарий

1) Следуя основополагающему у консенсуализма, руководящее положение 2.9.4 отражает весьма широкую свободу, которой обладают государства и международные организации для реагирования на заявление о толковании – одобряют ли они его или не соглашаются с ним или считают его в действительности оговоркой.

2) Что касается сроков, то реакции на заявления о толковании в принципе могут последовать в любой момент. Толкование сопровождает договор всю его жизнь, и непонятно, почему надо было устанавливать какие-то сроки для реакции на заявление о толковании, тогда как сами эти заявления по общему правилу (если в договоре не предусмотрено иное) никакими сроками не ограничены¹⁴¹¹.

3) Кроме того, поскольку реакции на заявления о толковании напоминают принятие оговорок и возражений против оговорок, как договаривающиеся государства и договаривающиеся международные организации, так и государства и международные организации, которые имеют право стать участниками договора, должны иметь возможность прямо выражать реакцию на заявление о толковании,

¹⁴⁰⁷ *Ibid.*, chap. XVIII.7.

¹⁴⁰⁸ *Ibid.*, chap. XVI.1. См. также аналогичное заявление Норвегии (*ibid.*).

¹⁴⁰⁹ В качестве одного из наиболее поразительных примеров см. реакции на заявление о толковании Пакистана к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах (см. пункт 4 b) выше, и *Multilateral Treaties ...* (сноска 37 выше), chap. IV.3).

¹⁴¹⁰ См. руководящие положения 1.3–1.3.3.

¹⁴¹¹ См. пункты 21)–32) комментария к руководящему положению 1.2, и руководящее положение 2.4.4 и комментарий к нему.

по крайней мере тогда, когда им о нем стало известно, при условии, что ответственность за его распространение (или нераспространение) лежит на авторе заявления¹⁴¹², а реакции недоговаривающихся государств или недоговаривающихся международных организаций необязательно будут порождать те же правовые последствия, что и реакции договаривающихся государств или договаривающихся организаций (и, возможно, вообще никаких последствий до тех пор, пока государство или международная организация, от которых она исходит, не выразят своего согласия на обязательность договора). В этой связи представляется вполне логичным, когда Генеральный секретарь принял сообщение о несогласии Эфиопии с заявлением о толковании Йеменской Арабской Республики в отношении Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, хотя она эту Конвенцию не ратифицировала¹⁴¹³.

2.9.5 Форма одобрения, несогласия и переквалификации

Одобрение, несогласие и переквалификацию в отношении заявления о толковании предпочтительно формулировать в письменной форме.

Комментарий

1) Хотя реакции на заявления о толковании существенно отличаются от принятия оговорок и возражений против оговорок, было бы целесообразно обеспечивать им, насколько это возможно, максимально широкую огласку, при условии, что государства и международные организации в этой связи не связаны никакими правовыми обязательствами¹⁴¹⁴, но при этом правовые последствия, которые они могут от них ожидать, в значительной мере будут зависеть от того, насколько широко они будут оповещать об этих реакциях.

2) На данном этапе без обсуждения¹⁴¹⁵ этих правовых последствий (в совокупности с правовыми последствиями первоначального заявления) для толкования и применения соответствующего договора, безусловно, можно сказать, что односторонние заявления могут играть определенную роль в жизни договора; таково их предназначение, и именно с этой целью государства и международные организации к ним прибегают. Международный Суд подчеркнул важность этих заявлений на практике:

Толкование правовых актов, даваемое самими сторонами, если оно не является достаточным для выяснения смысла, тем не менее имеет огромную доказательную силу, поскольку это толкование содержит признание одной из сторон своих обязательств по акту¹⁴¹⁶.

¹⁴¹² См. пункт 4) комментария к руководящему положению 2.9.5.

¹⁴¹³ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6.

¹⁴¹⁴ См. пункт 4) ниже.

¹⁴¹⁵ См., в частности, руководящие положения 4.7.1, пункт 2, и 4.7.3.

¹⁴¹⁶ Консультативное заключение от 11 июля 1950 года, *International Status of South-West Africa...* (см. сноску 167 выше), pp. 135–136.

3) В своем исследовании односторонних заявлений Розарио Сапьенца также подчеркнул важность реакций на заявления о толковании, которые

вносят полезный вклад в решение [спора]. Еще большую пользу эти заявления принесут толкователю, когда спора нет, а просто возникает проблема толкования¹⁴¹⁷.

4) Несмотря на бесспорную полезность реакций на заявления о толковании не только для толкователя и судьи, но также для того, чтобы другие государства и международные организации могли определить свою собственную позицию по отношению к заявлению, Венская конвенция не требует делать о них уведомления. Как было отмечено в комментарии к руководящему положению 2.4.1 о формулировании заявлений о толковании:

Нельзя просто переносить действие норм, касающихся формы оговорок и уведомления об оговорках, на простые заявления о толковании, которые могут быть сформулированы в устной форме, и в этой связи было бы парадоксально требовать, чтобы они официально доводились до сведения других заинтересованных государств или международных организаций¹⁴¹⁸.

5) Нет никаких причин для того, чтобы принимать какой-то иной подход в отношении реакций на эти заявления о толковании, и было бы совсем нецелесообразно устанавливать для них более жесткую процедуру, чем для заявлений о толковании, ответом на которые они являются. Однако здесь важно сделать то же предупреждение: если государства или международные организации не обеспечат надлежащее оглашение своих реакций на заявление о толковании, они подвергают себя риску того, что ожидаемые последствия не наступят. Если авторы реакций хотели бы, чтобы их позиция была учтена при осуществлении договора, особенно в случае возникновения спора, то они, вероятно, были бы заинтересованы в том, чтобы сформулировать ее в письменном виде, с тем чтобы и соблюсти требования юридической определенности, и уведомить о своей позиции. Речь здесь идет об альтернативе, которая не оставляет места для промежуточного решения, и по этой причине большинство членов Комиссии сочли, что формулировка «предпочтительно» более уместна, чем выражение «насколько это возможно», использованное в тексте руководящих положений 2.1.2 (Мотивировка оговорок), 2.6.9 (Мотивировка возражений) и 2.9.6 (Мотивировка одобрения, несогласия и переквалификации), которое могло предполагать возможность существования таких промежуточных решений.

6) Комиссия приняла руководящее положение 2.9.5 в форме простой рекомендации, адресованной государствам и международным организациям: оно не отражает обязательную правовую норму, но раскрывает то, что, по мнению Комиссии, в большинстве случаев представляет собой вполне понятный интерес договаривающихся государств или договаривающихся организаций договора или любого другого государства или любой международной организации, имеющих право стать сторонами

¹⁴¹⁷ Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), p. 275.

¹⁴¹⁸ Пункт 1) комментария.

договора, являющегося предметом заявления о толковании¹⁴¹⁹. Само собой разумеется – и это подчеркивается использованием условного наклонения («devraient»), – что эти образования (государства или международные организации) свободны ограничиваться формулированием заявлений о толковании, если они считают это предпочтительным.

7) Руководящее положение 2.9.5 соотносится с руководящим положением 2.4.1, рекомендующим авторам заявлений о толковании формулировать их в письменной форме.

2.9.6 Мотивировка одобрения, несогласия и переквалификации

Одобрение, несогласие и переквалификацию в отношении заявления о толковании следует, насколько это возможно, мотивировать.

Комментарий

1) По тем же причинам, что и те, которые, по мнению Комиссии, оправдывают предпочтение, которое следует отдавать формулированию заявления о толковании в письменной форме¹⁴²⁰, она приняла руководящее положение 2.9.6, рекомендующее государствам и международным организациям, имеющим право реагировать на заявление о толковании, мотивировать их возможные одобрение, несогласие или переквалификацию. Эта рекомендация составлена наподобие тех, которые были приняты, например, применительно к мотивации оговорок¹⁴²¹ и возражений против оговорок¹⁴²².

2) Впрочем, как это следует из описанной выше практики¹⁴²³, государства, как правило, заботятся о том, чтобы изложить, подчас весьма подробно, мотивы, которые, по их мнению, обосновывают их одобрение, несогласие или переквалификацию; эти мотивы полезны не только для толкователя: они могут также заострить внимание государства или международной организации, являющихся автором заявления о толковании, на моментах, которые считаются проблематичными в их заявлении, и в конечном итоге заставить их пересмотреть свое заявление или отозвать его, т.е. то, что в области заявлений о толковании является эквивалентом «диалога об оговорах».

3) Тем не менее в Комиссии возник вопрос о том, следует ли распространять эту рекомендацию о мотивации на одобрение заявлений о толковании: помимо того, что соответствующая практика является крайне редкой¹⁴²⁴, можно считать, что одобре-

ние обусловлено теми же причинами, которые лежат в основе самого заявления и которые, как правило, вытекают из самого наименования последнего¹⁴²⁵. Хотя некоторые члены Комиссии сочли, что мотивирование одобрения может порождать путаницу (в частности, если заявление о толковании было само мотивировано и если две мотивации различаются), большинство членов Комиссии сочли нецелесообразным проводить в этой связи различие между разными категориями реакций на заявление о толковании – тем более, что и в данном случае руководящее положение 2.9.6 представляет собой простую рекомендацию без имеющих обязательную силу последствий для автора одобрения.

4) Также обстоит дело с несогласием или переквалификацией. Так или иначе, во всех случаях изложение мотивов реакции может быть полезным в рамках диалога между договаривающимися государствами и договаривающимися организациями и образованиями, намеревающимися стать участниками.

2.9.7 Формулирование одобрения, несогласия и переквалификации и сообщение о них

К одобрению, несогласию и переквалификации в отношении заявления о толковании применяются mutatis mutandis руководящие положения 2.1.3, 2.1.4, 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7.

Комментарий

1) Формулирование в письменной форме реакции на заявление о толковании, идет ли речь о его одобрении, несогласии или переквалификации¹⁴²⁶, облегчает его распространение среди других заинтересованных образований, договаривающихся государств или договаривающихся организаций или государств и международных организаций, имеющих право стать таковыми.

2) Хотя такое распространение не носит юридически обязательного характера, Комиссия убеждена в его важности, как для авторов этих реакций на одностороннее заявление, так и для всей совокупности заинтересованных образований, и в том, что формулирование таких реакций и уведомление о них могли бы следовать процедуре, применимой к другим категориям заявлений, связанных с договором, – которая в сущности является весьма единообразной, – т.е. руководящим положениям 2.1.3–2.1.7, касающимся оговорок, 2.4.1 и 2.4.7, касающимся заявлений о толковании, а также 2.6.8 и 2.8.5, в том что касается соответственно возражений против оговорок и их прямого принятия. Учитывая, что все эти руководящие положения скопированы с положений об оговорах, представляется достаточным сделать отсылку mutatis mutandis к нормам, применимым к последним.

¹⁴¹⁹ Относительно образований, способных формулировать одобрение, несогласие или переквалификацию, см. руководящее положение 2.9.4.

¹⁴²⁰ См. руководящее положение 2.9.5 и комментарий к нему.

¹⁴²¹ См. руководящее положение 2.1.2 и комментарий к нему.

¹⁴²² См. руководящее положение 2.6.9 и комментарий к нему.

¹⁴²³ См. пункты 1)–9) комментария к руководящему положению 2.9.2 и пункт 4) комментария к руководящему положению 2.9.3.

¹⁴²⁴ См. комментарий к руководящему положению 2.9.1 выше.

¹⁴²⁵ В основном по этой причине Комиссия не сочла целесообразным включать в Руководство по практике рекомендацию мотивировать сами заявления о толковании.

¹⁴²⁶ См. руководящее положение 2.9.5.

3) Тем не менее в отличие от того, что происходит с формулированием оговорок, эти нормы, в том что касается формулирования реакции на заявления о толковании и уведомления о них, носят лишь факультативный характер, а руководящее положение 2.9.7 сформулировано как простая рекомендация, как это показывает использование условного наклонения («devraient»).

4) Комиссия задалась вопросом о целесообразности делать ссылку в руководящем положении 2.9.7 на руководящее положение 2.1.7, касающееся функций депозитария. Было решено, что, поскольку это положение исходит из того, что «депозитарий изучает вопрос о том, находится ли... оговорка к договору... в полном порядке и надлежащей форме» и что на заявления о толковании не распространяется никакое особое требование по форме, подобная ссылка не имеет смысла. Тем не менее, поскольку могут существовать ситуации, в которых заявление о толковании не является допустимым (если договор исключает его формулирование)¹⁴²⁷, было высказано мнение в пользу отсылки к руководящему положению 2.1.7, устанавливающему поведение, которого следует придерживаться в случае различия мнений в подобных ситуациях.

2.9.8 Отсутствие презумпции одобрения или несогласия

1. Одобрение заявления о толковании или несогласие с ним не презюмируются.

2. Независимо от руководящих положений 2.9.1 и 2.9.2, вывод об одобрении заявления о толковании или о несогласии с ним может быть сделан, в исключительных случаях, на основании поведения затрагиваемых государств или международных организаций с учетом всех соответствующих обстоятельств.

Комментарий

1) Руководящее положение 2.9.8 устанавливает общие рамки и должно читаться в совокупности с руководящим положением 2.9.9, которое конкретнее касается роли, которую может играть молчание, хранимое государством или международной организацией в отношении какого-либо заявления о толковании.

2) Как это следует из определений одобрения заявления о толковании и несогласия с ним, данных в руководящих положениях 2.9.1 и 2.9.2, и то и другое выражаются в принципе посредством одностороннего заявления, сделанного государством или международной организацией, которым его автор выражает свое согласие или свое несогласие по поводу толкования, сформулированного в заявлении о толковании.

¹⁴²⁷ См. руководящее положение 3.5 (Материальная действительность заявления о толковании).

3) В случае оговорок молчание через посредство презумпции, содержащейся в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций, равносильно согласию. Так, например, Международный Суд в своем консультативном заключении 1951 года констатировал «весьма большую роль, отводимую молчаливому согласию с оговорками»¹⁴²⁸, и в работе Комиссии с самого начала значительное место было уделено молчаливому принятию¹⁴²⁹. Сэр Хэмфри Уолдок обосновал принцип молчаливого принятия, отметив следующее:

Действительно... в предлагаемой нами «гибкой» системе принятие или отклонение конкретным государством оговорки, сделанной другим государством, затрагивает прежде всего отношения между этими двумя государствами таким образом, что, видимо, нет нужды столь же срочно определять статус оговорки, как это имело место в системе единодушного согласия. Тем не менее, представляется крайне нежелательным, чтобы государство в силу того, что оно воздерживается от представления замечаний по оговорке, обладало возможностью сохранять на более или менее неопределенное время двусмысленную позицию касательно своих отношений с государством, которое сформулировало оговорку¹⁴³⁰.

4) В отношении простых заявлений о толковании (в отличие от условных заявлений о толковании¹⁴³¹) не существует никакой нормы, сравнимой с нормой, излагаемой в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций (принцип, который воспроизводится в руководящем положении 2.8.2), и такой озабоченности возникать не может. Действительно, по самой своей сути заявление о толковании предназначено лишь для того, чтобы «уточнить или разъяснить смысл или значение, которые заявитель придает договору или определенным его положениям», но оно ни в коей мере не обуславливает согласие своего автора быть связанным с договором¹⁴³². То обстоятельство, что другие государства или международные организации соглашаются или не соглашаются с толкованием, изложенным в заявлении, никак не влияет на правовое положение автора по отношению к договору; как бы там ни было, он становится или остается договаривающейся стороной. Длительное молчание со стороны других участников никак не сказывается на государстве или организации, являющихся авторами заявления о толковании, как на участниках договора. Оно не может помешать им ни стать таковыми, ни таковыми оставаться, в противовес тому, что могло бы происходить в случае оговорок, предусмотренных подпунктом с) пункта 4 статьи 20 Венских конвенций, если бы не существовало презумпции пункта 5 той же статьи.

5) Поскольку в отношении оговорок не получается действовать по аналогии, остается, таким образом, невыясненным вопрос о том, какая презумпция

¹⁴²⁸ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 21.

¹⁴²⁹ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 499–500, paras. 29–30.

¹⁴³⁰ Первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 67 англ. текста, пункт 15.

¹⁴³¹ См. руководящее положение 1.4.

¹⁴³² Разумеется, ситуация выглядит иначе в случае условных заявлений о толковании. См. там же.

действует в отсутствие прямой реакции: в пользу одобрения заявлений о толковании или несогласия с ними. Однако, по правде говоря, ответ на этот вопрос может быть лишь отрицательным. По сути, невозможно представить, чтобы отсутствие реакции само по себе могло породить такое правовое последствие.

6) Такой же, впрочем, является позиция наиболее авторитетных представителей доктрины. По мнению Хорна:

Заявления о толковании должны считаться односторонними толкованиями и в этой связи регулироваться только принципами толкования. Общее правило заключается в том, что одностороннее толкование не может быть противопоставлено никакой другой стороне договора. Бездействие со стороны затронутых государств автоматически не означает принятия. Оно является лишь одним из многих составляющих факторов, которые вместе могут свидетельствовать о молчаливом принятии. Актуальным может стать установление эстоппеля, хотя для этого потребуются более четкие доказательства готовности затронутых государств принять толкование¹⁴³³.

7) Хотя бездействие само по себе не может считаться ни одобрением, ни несогласием, которые никоим образом не могут быть презюмированы (что четче разъясняет руководящее положение 2.9.9 по поводу молчания, хранимого государством или международной организацией в отношении заявления о толковании), позиция Хорна также свидетельствует о том, что молчание при определенных обстоятельствах может превращаться в молчаливое принятие в соответствии с принципами добросовестности и особенно в рамках толкования договоров посредством подпункта *b*) пункта 3 статьи 31 Венских конвенций, который предусматривает учет при толковании договора «последующей практики применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования». А само понятие молчаливого принятия праву договоров хорошо известно: Венская конвенция 1969 года в статье 45 предусматривает следующее:

Государство не вправе больше ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выходы из него или приостановления его действия на основе статей 46–50 или статей 60 и 62, после того как ему стало известно о фактах:

a) [...]

b) оно должно в силу его поведения считаться молчаливо согласившимся с тем, что договор, в зависимости от случая, действителен, сохраняет силу или остается в действии.

В статье 45 Венской конвенции 1986 года это положение воспроизводится с учетом специфического случая международных организаций.

8) Однако это положение не определяет соответствующее «поведение», и представляется крайне сложным или даже невозможным определить заранее обстоятельства, в которых государство или организация обязаны открыто протестовать, с тем чтобы их не считали молчаливо принявшими заявление о

толковании или практику, которая возникла в результате такого заявления¹⁴³⁴. Иными словами, особую трудность представляет собой определение того, когда и конкретно в каких обстоятельствах бездействие по отношению к заявлению о толковании равносильно согласию. Как подчеркнула Комиссия по установлению границы между Эритреей и Эфиопией:

Характер и масштабы поведения, которое может обусловить изменение договора, естественно, представляет собой вопрос оценки, которую арбитраж производит в каждом случае в отдельности. В этой связи общее значение в данном случае имеет решение Международного Суда по делу *Temple (О храме)*. В этом решении после выявления поведения одной стороны, которое другая сторона, как можно разумно ожидать, прямо бы отвергла, если бы она была с ним не согласна, Суд сделал вывод о том, что последняя была блокирована или лишена возможности оспорить действительность и последствия поведения первой. Этот процесс неоднократно описывался при помощи таких терминов, как «эстоппель», «препятствие», «молчаливое одобрение» или «подразумеваемое или молчаливое согласие». Между тем, в каждом случае мы имеем дело с одними и теми же элементами: деяние, действие или бездействие одной стороны (или по ее указанию), свидетельствующее о ее точке зрения на содержание применимой правовой нормы, будь то договорного или обычного характера; осведомленность (фактическая или разумно презюмируемая) другой стороны о таком действии или бездействии; и то обстоятельство, что другая сторона в течение разумного срока не отклонила и не заявила своего несогласия с позицией первой стороны¹⁴³⁵.

9) Таким образом, представляется невозможным дать в абстрактном виде четкие указания для оценки того, когда хранящее молчание государство своим бездействием может создавать эффект молчаливого принятия или эстоппеля. Это может быть определено только в каждом случае в отдельности в зависимости от конкретных обстоятельств.

10) Именно поэтому первый абзац руководящего положения 2.9.8, который дополняет руководящие положения 2.9.1 и 2.9.2, недвусмысленно уточняет, что презумпция, содержащаяся в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций, не должна иметь место. В свою очередь, во втором абзаце тем не менее признается, что в виде исключения из принципа, вытекающего из этих двух руководящих положений, поведение государств или соответствующих международных организаций, может, в зависимости от обстоятельств, быть равнозначным одобрению заявления о толковании или несогласию с ним.

11) С учетом разнообразия «соответствующих обстоятельств» (краткий перечень которых приводится в предыдущих пунктах) Комиссия сочла невозможным их дальнейшее уточнение.

¹⁴³⁴ См., в частности, Rousseau, *Droit international public* (сноска 351 выше), p. 430, No. 347.

¹⁴³⁵ Решение относительно делимитации границы между Эритреей и Эфиопией, решение от 13 апреля 2002 года, Постоянная палата третейского суда, United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XXV (United Nations publication, Sales No. E/F.O5.V.5), p. 111, para. 3.9; см. также хорошо известное особое мнение судьи Альфаро по делу *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand)*, *Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962*, p. 6, at p. 40.

¹⁴³³ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 244 (сноски опущены); см. также McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), p. 168.

2.9.9 Молчание в отношении заявления о толковании

Одобрение заявления о толковании не вытекает лишь из молчания государства или международной организации.

Комментарий

1) Практика (или, точнее, ее отсутствие), проанализированная в комментарии к руководящим положениям 2.9.2, и особенно 2.9.1, свидетельствует о той значительной роли, которую государства отводят молчанию применительно к заявлениям о толковании. Прямо выраженные позитивные и даже негативные реакции на самом деле имеют место крайне редко. Поэтому здесь нужно задать вопрос, можно ли из этого оглушающего молчания сделать вывод о согласии с толкованием, предложенным государством или международной организацией, являющимися автором заявления о толковании.

2) Как было отмечено в одном исследовании по вопросу о молчании в случае нарушения какой-либо нормы международного права, вполне применимому к рассматриваемой здесь ситуации: «молчание само по себе ничего не говорит, поскольку оно способно "сказать" одновременно слишком многое»¹⁴³⁶. Молчание может также выражать как согласие, так и несогласие с предложенным толкованием. Государства могут считать, что нет нужды отвечать на заявление о толковании с учетом того, что они разделяют выраженную в нем позицию, равно как они могут полагать, что с их точки зрения это толкование является ошибочным, однако нет нужды об этом заявлять, поскольку в любом случае, по их мнению, оно не может быть поддержано третьей беспристрастной стороной в случае спора. Провести четкое различие между этими двумя предположениями невозможно¹⁴³⁷.

3) В руководящем положении 2.9.9 эта идея выражается посредством применения конкретно к молчанию принципа, в более общем плане изложенного в первом пункте руководящего положения 2.9.8.

4) Хотя в принципе молчание не равнозначно одобрению или согласию с заявлением о толковании, не исключено, что в определенных обстоятельствах

¹⁴³⁶ G.P. Buzzini, «Abstention, silence et droit international général», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 88/2 (2005), p. 382.

¹⁴³⁷ В этом смысле см. Н. Drost, «Grundfragen der Lehre vom internationalen Rechtsgeschäft», в D.S. Constantopoulos and H. Wehberg (eds.), *Gegenwartsprobleme des internationalen Rechtes und der Rechtsphilosophie, Festschrift für Rudolf Laun zu seinem siebzigsten Geburtstag*, Hamburg, Girardet, 1953, p. 218: «Wann Schweigen als eine Anerkennung angesehen werden kann, ist Tatfrage. Diese ist nur dann zu bejahen, wenn nach der Sachlage — etwa nach vorhergegangener Notifikation — Schweigen nicht nur als ein objektiver Umstand, sondern als schlüssiger Ausdruck des dahinterstehenden Willens aufgefaßt werden kann»: («Вопрос о том, когда молчание можно считать принятием, представляет собой вопрос обстоятельств. Положительным ответ может быть только в том случае, если в зависимости от фактических обстоятельств, например после предварительного уведомления, молчание может быть воспринято не как простая объективная ситуация, а как однозначное выражение внутренней воли»).

хранящее молчание государство тем не менее будет считаться молчаливо принявшим заявление исходя из его поведения или отсутствия поведения в обстоятельствах, требующих поведения в отношении заявления о толковании.

3. Материальная действительность оговорок и заявлений о толковании

Общий комментарий

1) После части 1, посвященной определению, и части 2, касающейся процедуры формулирования оговорок и заявлений о толковании, целью части 3 Руководства по практике является определение условий действительности оговорок к договорам (и заявлений о толковании).

2) В результате подробных обсуждений Комиссия решила сохранить выражение «материальная действительность оговорок» для обозначения интеллектуального усилия, состоящего в определении того, может ли одностороннее заявление¹⁴³⁸, сделанное каким-либо государством или международной организацией с целью исключить или изменить юридическое действие отдельных положений договора¹⁴³⁹ в их применении к этому государству или к этой организации, порождать последствия, которые в принципе связаны с формулированием оговорки.

3) Сохраняя верность определению, закрепленному в пункте 1 d) статьи 2 Венских конвенций и воспроизведенному в руководящем положении 1.1, Комиссия признала, что все односторонние заявления, соответствующие этому определению, представляют собой оговорки. Однако, как более четко указала Комиссия в своем комментарии к руководящему положению 1.8, «определить — не значит регламентировать. [...] [о]говорка может быть действительной или нет, она все равно является оговоркой, если она соответствует принятому определению»¹⁴⁴⁰. Комиссия продолжает: «Более того, точное определение характера заявления является непременным предварительным условием применения конкретного правового режима и прежде всего определения его действительности. Лишь после того, как конкретный документ будет определен как оговорка... можно решать вопрос о том, действительна ли она, давать оценку ее юридической сфере охвата и определять ее последствия»¹⁴⁴¹.

4) Сначала Комиссия использовала на французском языке слова «licéité» и «illicéité» (правомерность/

¹⁴³⁸ С учетом того, что простое формулирование оговорки не позволяет ей порождать последствия, предусмотренные ее автором, слово «сформулированное» было бы более уместным (см. пункты 6)–7) комментария к руководящему положению 3.1 ниже); однако в Венских конвенциях употреблено слово «сделанный», и Комиссия в принципе не желает пересматривать принятый в Вене текст.

¹⁴³⁹ Или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов (см. пункт 2 руководящего положения 1.1).

¹⁴⁴⁰ Пункт 1) комментария.

¹⁴⁴¹ Пункт 2) комментария. См. также пункт 16) комментария к руководящему положению 1.1.

неправомерность), предпочитая их словам «validité/invalidité» (действительность/недействительность) с целью учета обеспокоенности, высказанной рядом ее членов и некоторыми государствами, которые считали, что слово «действительность» бросает тень сомнения на характер заявлений, отвечающих определению оговорок, содержащемуся в пункте 1 d) статьи 2 Венских конвенций, но не отвечающих требованиям, изложенным в статье 19¹⁴⁴². На самом деле слово «действительность» является вполне нейтральным. Его использование позволило бы избежать ошибочных выводов по поводу позиции Комиссии в доктринальном споре¹⁴⁴³, который занимает центральное место в теме оговорок. Одну сторону в этом споре представляют сторонники допустимости, согласно которым «вопрос о материальной действительности» («permissibility») является предварительным. Он должен быть решен с помощью ссылки на договор и главным образом является вопросом о толковании договора; он никоим образом не связан с вопросом о том, считают ли, в принципе, другие стороны оговорки приемлемыми или нет¹⁴⁴⁴. Им противостоят сторонники концепции согласия/несогласия, которые считают, что «действительность оговорок зависит исключительно от принятия оговорок другим договаривающимся государством» и что в этой связи статья 19 c) Венской конвенции 1969 года представляется «как чисто теоретическое утверждение, которое может служить ориентиром для государств в вопросах принятия оговорок, но не более того»¹⁴⁴⁵.

5) Кроме того, было сочтено, что во французском языке термин «illicite» в любом случае не является удачным для определения оговорок, которые не отвечают предусмотренным Венскими конвенциями требованиям, касающимся формы или содержания. Комиссия считает, что в международном праве международно-противоправное деяние влечет за собой ответственность совершившего его субъекта, что явно не имеет места в случае формулирования оговорок, противоречащих положениям договора, к которому они относятся, или несовместимых с его объектом или целью¹⁴⁴⁶.

6) Комиссия пришла к следующему:

– во-первых, термин «правомерная» предполагает, что формулирование оговорок в нарушение положений статьи 19 Венских конвенций влечет за собой ответственность формулирующих оговорку государства или международной организации, что, безусловно, не так¹⁴⁴⁷. По этой причине Комиссия, которая вначале оставила термин «illicite» («неправомерный») в качестве эквивалента английскому слову «impermissible» для описания оговорок, сформулированных вопреки положениям статьи 19, решила на своей пятидесятой восьмой сессии заменить слова «licite», «illicite», «licéité» и «illicéité» словами «valide», «non valide», «validité» и «non-validité», и изменить соответствующим образом комментарии ко всем руководящим положениям Руководства по практике¹⁴⁴⁸;

– во-вторых, термин «permissibility», употребляемый в английском тексте руководящих положений Руководства по практике и комментариев к ним, в свою очередь, сопряжен с риском появления впечатления, что этот вопрос возникает исключительно в контексте допустимости, а не возможности выражать несогласие, в связи с чем возникает неудобство, связанное с бесполезным занятием позиции в упомянутом выше доктринальном споре¹⁴⁴⁹.

7) Тем не менее слово «permissibility» было сохранено для обозначения материальной действительности оговорок, отвечающих требованиям статьи 19 Венских конвенций, поскольку, по мнению носителей английского языка, такое определение не предполагает занятия какой-либо позиции в отношении последствий несоблюдения этих требований. Этот термин переводится на французский выражением «validité substantielle» (материальная действительность) и на испанский выражением «validez sustantiva».

8) В части 3 Руководства по практике последовательно рассматриваются проблемы, касающиеся:

- материальной действительности оговорок;
- компетенции определять действительность оговорок;
- последствий недействительности оговорок; и
- материальной действительности реакций на оговорки.

Отдельный раздел посвящен тем же самым вопросам применительно к заявлениям о толковании.

3.1 Материально действительные оговорки

Государство или международная организация вправе при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении

¹⁴⁴² См. заявление Соединенного Королевства на заседании Шестого комитета, состоявшемся 2 ноября 1993 года, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия, Шестой комитет*, 24-е заседание, A/C.6/48/SR.24, para. 42.

¹⁴⁴³ По этому доктринальному спору см., в частности, J.K. Koh, «Reservations to multilateral treaties: how international legal doctrine reflects world vision», *Harvard International Law Journal*, vol. 23, No. 1 (1982), pp. 71–116, *passim*, в частности pp. 75–77; см. также Redgwell, «Universality or integrity?...» (сноска 1127 выше), pp. 245–282, в частности pp. 263–269; и Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties* (сноска 129 выше), pp. 81–82, footnote 78.

¹⁴⁴⁴ Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 88.

¹⁴⁴⁵ Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 190.

¹⁴⁴⁶ См. руководящее положение 3.3.2 (Материальная недействительность оговорок и международная ответственность) и комментарий к нему.

¹⁴⁴⁷ См. пункт 5) выше.

¹⁴⁴⁸ *Ежегодник... 2006 год*, том II (часть вторая), стр. 167–174, пункт 159. См. также пункты 2)–7) настоящего комментария.

¹⁴⁴⁹ См. пункт 4) выше.

договора или присоединении к нему формулировать оговорку, если только:

- a) такая оговорка не запрещается договором;
- b) договор не предусматривает, что к нему можно делать только конкретно определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит; или
- c) в случаях, не подпадающих под действие подпунктов a) и b), оговорка не является несовместимой с объектом и целью договора.

Комментарий

1) В руководящем положении 3.1 воспроизводится без изменений формулировка статьи 19 Венской конвенции 1986 года о договорах, заключенных между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями, текст которой соответствует тексту аналогичного положения в Венской конвенции 1969 года, за исключением дополнений, потребовавшихся в связи с включением договоров, заключенных международными организациями¹⁴⁵⁰.

2) Предусматривая, что при подписании, ратификации, официальном утверждении, принятии, одобрении договора или присоединении к нему «государство или международная организация может... формулировать оговорку», пусть даже на определенных условиях, это положение устанавливает «общий принцип, согласно которому формулирование оговорок разрешается»¹⁴⁵¹. Здесь речь идет о принципиально важном элементе «гибкой системы», возникшей благодаря консультативному заключению Международного Суда от 1951 года¹⁴⁵², и не будет преувеличением сказать, что в этом смысле оно переворачивает традиционную презумпцию, сложившуюся в рамках системы единогласия¹⁴⁵³,

¹⁴⁵⁰ О подготовительных материалах, касающихся разработки статьи 19 Венской конвенции 1986 года, см. Pellet, «1986 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 483–488.

¹⁴⁵¹ Комментарий к статье 18 проекта статей о праве международных договоров, принятой Комиссией в первом чтении в 1962 году, *Ежегодник... 1962 год*, том II, стр. 180 англ. текста, пункт 15); см. также комментарий к проекту статьи 16, принятой во втором чтении, *Ежегодник... 1966 год*, том II, стр. 207 англ. текста, пункт 17). В отношении Венской конвенции 1986 года см. пункт 1) комментария к проекту статьи 19 (Формулирование оговорок в случае договоров между несколькими международными организациями), принятой Комиссией в 1977 году, *Ежегодник... 1977 год*, том II (часть вторая), стр. 123–124, и пункт 3) комментария к проекту статьи 19-бис (Формулирование оговорок государствами и международными организациями в случае договоров между государствами или одной или несколькими международными организациями или между международными организациями или одним или несколькими государствами), там же, стр. 126–127, пункт 3.

¹⁴⁵² *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide...* (сноска 604 выше), p. 15.

¹⁴⁵³ Эта концепция, которая в период между двумя войнами, бесспорно, стала обычной нормой (см. совместное особое мнение судей Гереро, Макнера, Рида и Хсу Мо, приложенное к консультативному заключению, вынесенному по делу *Reservations*

с явной целью содействовать максимально широкому присоединению и, как следствие, универсальности договоров.

3) В этом отношении текст статьи 19, который в конечном счете был принят в 1969 году, является непосредственным результатом предложений сэра Хэмфри Уолдока и закрепляет противоположный подход по сравнению с проектами, подготовленными специальными докладчиками по праву международных договоров, которые ему предшествовали и которые (причем все они) исходили из обратной презумпции и отрицательно или сдержанно отзывались о принципе, согласно которому оговорка не может быть сформулирована (или «сделана»¹⁴⁵⁴), иначе как при соблюдении определенных условий¹⁴⁵⁵. В свою очередь, Уолдок¹⁴⁵⁶ предлагает этот принцип как «способность формулировать, т.е. предлагать оговорку», способность, принадлежащую государству «в силу его суверенитета»¹⁴⁵⁷.

4) Однако это право не безгранично:

– во-первых, оно ограничено во времени, поскольку формулирование оговорок может происходить только «при подписании, ратификации, официальном утверждении, принятии, одобрении договора или присоединении к нему»¹⁴⁵⁸;

– во-вторых, формулирование оговорок может быть несовместимо с объектом некоторых договоров либо в силу того, что круг их участников ограничен небольшой группой государств (ситуация, которая отражена в пункте 2 статьи 20 Венской конвенции 1969 года и восходит к системе единогласия в том,

to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (сноска 604 выше), pp. 34–35), значительно ограничивала право делать оговорки: оговорка была возможна лишь в том случае, если все другие участники договора ее принимали, в отсутствие чего автор оговорки оказывался вне круга договаривающихся сторон. В своих замечаниях по проекту статьи 18, принятому Комиссией в 1962 году (см. сноску 1451 выше), Япония предложила вернуться к обратной презумпции (см. четвертый доклад по праву международных договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 46 англ. текста).

¹⁴⁵⁴ По этому вопросу см. пункты 6)–7) ниже.

¹⁴⁵⁵ См., например, пункт 1 проекта статьи 10 проекта конвенции по праву международных договоров, предложенный Специальным докладчиком г-ном Брайерли (*Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 238 англ. текста), различные варианты проекта статьи 9, предложенные Специальным докладчиком сэром Гершем Лаутерпахтом в его первом докладе, *Ежегодник... 1953 год*, том II, документ A/CN.4/63, стр. 91–92 англ. текста; и его второй доклад *Ежегодник... 1954 год*, том II, стр. 131 англ. текста); или пункт 1 проекта статьи 39 проекта, предложенного Специальным докладчиком сэром Джеральдом Фитцморисом (*Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 115 англ. текста). См. также замечания Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 88–89.

¹⁴⁵⁶ «Каждое государство имеет право при подписании, ратификации или принятии договора или присоединении к нему формулировать оговорку... при условии:» (первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 60 англ. текста, статья 17, пункт 1 a)).

¹⁴⁵⁷ Комментарий к статье 17, там же, стр. 65 англ. текста, пункт 9).

¹⁴⁵⁸ См. пункт 9) ниже.

что касается этих документов¹⁴⁵⁹), либо в рамках договоров универсального применения, поскольку стороны договариваются о том, что целостность Венской конвенции имеет приоритетное значение по отношению к ее универсальности, или, в любом случае, об ограничении способности государств формулировать оговорки; в этом вопросе, равно как и во всех других, Венская конвенция играет лишь вспомогательную по своей природе роль, и ничто не препятствует участникам переговоров включить в договор «положения об оговорках», которые ограничивают или изменяют принципиальное право, закрепленное в статье 19¹⁴⁶⁰.

5) Порой высказывалось мнение о том, что вести речь о «праве на оговорки» значило бы допускать преувеличение даже при том, что в основу Венской конвенции 1969 года положен принцип, в соответствии с которым существует презумпция в пользу их материальной действительности. К тому же таково значение самого названия статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов (Формулирование оговорок)¹⁴⁶¹, подтвержденное общей частью этого положения: «Государство может... формулировать оговорку, за исключением тех случаев». При этом следует отметить, что употребление глагола «может» свидетельствует о том, что вводная часть статьи 19 признает за государствами право; однако речь идет лишь о праве «формулировать» оговорки¹⁴⁶².

¹⁴⁵⁹ «Если из ограниченного числа участвовавших в переговорах государств и из объекта и целей договора явствует, что применение договора в целом между всеми его участниками является существенным условием для согласия каждого участника на обязательность для него договора, то оговорка требует принятия ее всеми участниками».

¹⁴⁶⁰ Относительно вспомогательного характера Венского режима см. Aust, *Modern Treaty Law and Practice* (сноска 155 выше), pp. 151–153; J.K. Gamble, Jr., «Reservations to multilateral treaties: a macroscopic view of state practice», *AJIL*, vol. 74 (1980), pp. 383–391; Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 162–230; McNair, *The Law of Treaties* (сноска 1393 выше), pp. 169–173; Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), pp. 85–90 and 101–104; и Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados* (сноска 150 выше), pp. 89–136.

¹⁴⁶¹ По вопросу об изменении этого названия в рамках Руководства по практике см. пункт 10) ниже.

¹⁴⁶² См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 83; см. также Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), p. 75; или Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados* (сноска 150 выше), p. 84. Можно также напомнить о том, что предложение г-на Бриггса заменить слово «способность», фигурирующее в проекте сэра Хэмфри Уолдока (см. сноску 1456 выше), словом «право» (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 140 англ. текста, пункт 22) не было принято, равно как и поправка Союза Советских Социалистических Республик на ту же тему на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров (A/CONF.39/C.1/L.115, в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (см. сноску 54 выше), p. 133, para. 175). Нынешняя формулировка («Государство может... формулировать оговорку, за исключением тех случаев...») была принята Редакционным комитетом Комиссии (см. *Ежегодник... 1962 год*, том I, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, стр. 221 англ. текста, пункт 3), а затем Комиссией на пленарном заседании в 1962 году (*Ежегодник... 1962 год*, том II, стр. 175–176 англ. текста, статья 18, пункт 1). В 1966 году она не претерпела изменений, если не считать того, что слова «Tout État» (в тексте на французском языке) были заменены словами «Un État» (см. *Ежегодник... 1965 год*, том I, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 263–264 англ. текста, пункт 1 (текст, принятый Редакционным комитетом), и *Ежегодник... 1966 год*,

6) Слова «формулировать» и «формулирование» выбирались с особым вниманием. Они означают, что «сформулированная» оговорка не является «сделанной» в том смысле, что оговорка не приобретает свое действие просто в силу ее формулирования. Именно по этой причине поправка, направленная на замену слов «формулировать оговорку» словами «делать оговорку»¹⁴⁶³ была отклонена Редакционным комитетом Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров¹⁴⁶⁴. Как отмечал Уолдок, «говорить о том... , что государство может "делать" оговорку, было бы двусмысленно, поскольку речь идет о том, может ли оговорка, сформулированная государством, считаться фактически "сделанной", когда другие заинтересованные государства не дали на нее своего согласия»¹⁴⁶⁵. Однако оговорка является «действующей»¹⁴⁶⁶ только в случае соблюдения определенных процессуальных условий (кстати сказать не очень обременительных¹⁴⁶⁷); при этом необходимо еще соблюдать существенные условия, изложенные в трех подпунктах самой статьи 19 Венской конвенции, о чем четко свидетельствуют слова «за исключением»¹⁴⁶⁸.

7) По мнению ряда авторов, используемая в этом положении терминология все же является в этом отношении непоследовательной, поскольку «[l]orsque le traité autorise certaines réserves (article 19, alinéa b), elles n'ont pas besoin d'être acceptées par les autres États (...). Elles son donc "faites" dès l'instant de leur formulation par l'État réservataire» («когда договор разрешает делать определенные оговорки

том II, стр. 202 англ. текста (статья 16, принятая во втором чтении)).

¹⁴⁶³ A/CONF.39/C.1/L.161 (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (см. сноску 54 выше), p. 133–134, para. 177).

¹⁴⁶⁴ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), 23-е заседание Комитета полного состава, 11 апреля 1968 года, стр. 121 англ. текста, пункт 2, и 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, стр. 126 англ. текста, пункт 13 (заявление эксперта-консультанта сэра Хэмфри Уолдока).

¹⁴⁶⁵ Первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста, пункт 1) комментарий к проектам статей 17, 18 и 19.

¹⁴⁶⁶ См. статью 21, пункт 1, Венских конвенций 1969 и 1986 годов: «Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23...»; см. также руководящие положения 4.1–4.1.3.

¹⁴⁶⁷ См. статью 20, пункты 3–5, статью 21, пункт 1, и статью 23 Венских конвенций; см. также руководящие положения 2.1–2.2.4. См. также Coccia, *Reservations to multilateral treaties...* (сноска 196 выше), p. 28, и Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations» и «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 489–534 and pp. 538–564.

¹⁴⁶⁸ «В этой статье закреплен общий принцип, согласно которому оговорки разрешается формулировать* за исключением трех случаев» (*Ежегодник... 1966 год*, том II, стр. 207 англ. текста, комментарий к статье 16, пункт 17); употребление слова «делать» во французском тексте комментария вызывает критику, однако это скорее обусловлено оплошностью перевода, чем умыслом – противоположное мнение: Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 90. Как бы то ни было, английский текст комментария составлен правильно.

(подпункт *b*) статьи 19), нет нужды в том, чтобы они были приняты другими государствами... Таким образом, они "сделаны" с момента их формулирования заявляющим их государством¹⁴⁶⁹. Следовательно, если в подпункте *b*) справедливо указывается, что такие оговорки «можно *делать*», то можно сказать, что вводная часть статьи 19 Венских конвенций вносит путаницу, поскольку предполагает, что они могут быть лишь «сформулированы» их автором¹⁴⁷⁰. Здесь речь идет о явном несоответствии¹⁴⁷¹: подпункт *b*) касается не тех оговорок, которые действуют (или сделаны) в силу лишь факта их формулирования, а наоборот, тех оговорок, которые не разрешены договором. Как в случае подпункта *a*), эти последние не могут быть сформулированы: в одном случае (подпункт *a*)) запрет выражен прямо; во втором (подпункт *b*)) – он подразумевается.

8) К тому же принцип наличия права формулировать оговорку неотделим от тех исключений, которыми он сопровождается. Именно поэтому Комиссия, которая, как правило, не изменяет формулировки положений Венских конвенций, используемых ею в Руководстве на практике, не считала, что ей следует посвящать отдельное руководящее положение принципу презумпции действительности оговорки.

9) По той же причине Комиссия отказалась исключать из руководящего положения 3.1 упоминание о различных моментах, «в которых оговорка может быть сформулирована». Как уже подчеркивалось выше¹⁴⁷², в статье 19 закрепляются временные ограничения, которые фигурируют в самом определении оговорок в пункте 1 *d*) статьи 2 Венских конвенций¹⁴⁷³. Такое повторение, несомненно, излишне, как это подчеркнула Дания при рассмотрении проекта статей по праву договоров, принятому в 1962 году¹⁴⁷⁴. Однако Комиссия не сочла целесообразным устранить эту аномалию при принятии окончательного проекта в 1966 году и такое повторение не создает достаточно неприятных неудобств, чтобы

¹⁴⁶⁹ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 84–85.

¹⁴⁷⁰ См. также Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), pp. 179–180; см. также гораздо более сдержанную критику со стороны Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 111–112.

¹⁴⁷¹ Вместе с тем можно оспаривать употребление глаголов «формулировать» и «делать» в пункте 2 статьи 23 Венских конвенций; нелогично уточнять в конце этого положения, что в случае официального подтверждения в момент выражения согласия на обязательность оговорки, сформулированной при подписании, «оговорка считается *сделанной** в день ее подтверждения». При разработке Руководства по практике в области оговорок Комиссия стремилась использовать в этом отношении последовательную терминологию (критика в ее адрес со стороны Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados* (сноска 150 выше), p. 85, – по всей видимости, вызвана неправильным переводом на испанский язык).

¹⁴⁷² Пункт 4).

¹⁴⁷³ См. руководящее положение 1.1 (Определение оговорок) и комментарий к нему.

¹⁴⁷⁴ См. четвертый доклад по праву международных договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 46 англ. текста.

переписывать Венскую конвенцию 1969 года, которая также существует невзирая на это неудобство.

10) Здесь также содержится неявное напоминание о том факте, что действительность оговорок зависит от соблюдения не только требований, касающихся существа, которые перечислены в статье 19 Венских конвенций, но и требований, относящихся к форме и срокам. Вместе с тем эти требования рассматриваются в части 2 Руководства по практике, тогда как часть 3 касается в основном *материальной* действительности оговорок. Именно такое название Комиссия решила сохранить для руководящего положения 3.1, в случае которого было невозможно сохранить название статьи 19 Венских конвенций (Формулирование оговорок), которое уже зарезервировано за руководящим положением 2.1.3¹⁴⁷⁵ и в котором к тому же делается неоправданный акцент на формальных требованиях, касающихся действительности оговорок.

3.1.1 Оговорки, запрещенные договором

Оговорка запрещена договором, если он содержит положение:

- a*) запрещающее любые оговорки;
- b*) запрещающее оговорки к конкретным определенным положениям, к которым данная оговорка относится; или
- c*) запрещающее некоторые категории оговорок, включая данную оговорку.

Комментарий

1) По мнению Рейтера, ситуации, предусмотренные подпунктами *a*) и *b*) статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов (и воспроизведенные в руководящем положении 3.1), являются «очень простыми случаями»¹⁴⁷⁶. Однако представляется, что это не так. Разумеется, эти положения отсылают к случаям, в которых договор, к которому государство или международная организация хотели бы сделать оговорку, содержит специальное положение, запрещающее или разрешающее формулировать оговорки. Однако, помимо того, что охвачены явно не все возможные ситуации¹⁴⁷⁷, могут возникнуть деликатные проблемы в отношении точной сферы действия положения, запрещающего оговорки, и последствий оговорки, сформулированной вопреки этому запрету.

¹⁴⁷⁵ «Представительство в целях формулирования оговорки на международном уровне».

¹⁴⁷⁶ Reuter, «Solidarité et divisibilité...» (сноска 405 выше), p. 625, также воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), p. 363. Противоположную точку зрения относительно сложности этого вопроса см. Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 433–441, paras. 75–91.

¹⁴⁷⁷ См. сноску 1479 и пункт 9) комментария к руководящему положению 3.1.3 ниже.

2) Руководящее положение 3.1.1 преследует цель уточнить сферу охвата подпункта *a*) руководящего положения 3.1, в котором ничего не говорится о том, что означает выражение «оговорка, запрещенная договором», тогда как в руководящих положениях 3.1.2 и 3.1.4 делается попытка разъяснить значение и сферу охвата выражения «определенные оговорки», фигурирующего в подпункте *b*).

3) В пункте 1 *a*) проекта статьи 17, который Уолдок представил Комиссии в 1962 году, он предложил три разные ситуации:

– оговорки, «запрещенные договором или несовместимые с характером договора или обычая, установленным международной организацией»;

– оговорки, не охватываемые сферой действия положения, ограничивающего способность делать оговорки; или

– оговорки, не охватываемые сферой действия положения, разрешающего определенные оговорки¹⁴⁷⁸.

Общий момент этих трех случаев заключался в том, что в отличие от оговорок, несовместимых с объектом и целью договора¹⁴⁷⁹, «когда формулируется оговорка, не запрещенная договором, другие государства должны сообщить о том, принимают или отклоняют они эту оговорку, тогда как в случае оговорки, запрещенной договором, им нет нужды это делать, поскольку они уже высказались против этой оговорки в самом договоре»¹⁴⁸⁰.

4) Хотя Комиссия использовала эту классификацию, пусть в несколько иной форме¹⁴⁸¹, она была неоправданно усложнена и на уровне весьма общих понятий, на котором авторы Венской конвенции 1969 года намеревались находиться, было нецелесообразно проводить разграничение между первыми двумя ситуациями, выделенными Специальным докладчиком¹⁴⁸². В пункте 2 проекта статьи 18, которую он предложил в

1965 году с учетом замечаний правительств, он ограничился проведением разграничения между оговорками, запрещенными договором (или «действующими в международной организации правилами»¹⁴⁸³), и оговорками, которые запрещены косвенно как следствие допущения договором¹⁴⁸⁴ определенных оговорок. Именно такое разграничение можно увидеть в более совершенной форме¹⁴⁸⁵ в подпунктах *a*) и *b*) статьи 19 Венской конвенции 1969 года, причем не делается никакого различия в зависимости от того, запрещает

(см. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1.2 (ниже), это замечание весьма уместно.

¹⁴⁸³ Хотя при обсуждении на пленарном заседании в 1965 году этот принцип не оспаривался (Ляхс оспаривал его в 1962 году, там же, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 142 англ. текста, пункт 53) и был сохранен в тексте, принятом в ходе первой части семнадцатой сессии (см. *Ежегодник... 1965 год*, том II, стр. 174 англ. текста), это уточнение без объяснений исчезло из проекта статьи 16, окончательно принятого Комиссией в 1966 году после «окончательной доработки» Редакционным комитетом (см. *Ежегодник... 1966 год*, том I (часть вторая), 887-е заседание, 11 июля 1966 года, стр. 295 англ. текста, пункт 91). Цель изъятия этого положения заключается в том, чтобы приблизиться к общему защитительному положению в отношении конститутивных договоров международных организаций и договоров, принятых в рамках какой-либо международной организации, фигурирующему в статье 5 Конвенции и принятому в тот же день в его окончательном виде Комиссией (там же, стр. 294 англ. текста, пункт 79). На практике лишь в исключительных случаях оговорки могут быть сформулированы в отношении конститутивного акта международной организации (см. Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 137–171). Что касается договоров, заключенных в рамках международных организаций, то лучшим примером (предполагаемого) исключения оговорок является пример МОТ, неизменная практика которой заключается в том, чтобы не принимать на хранение ратификационные грамоты в отношении международных конвенций в области труда, когда эти документы содержат оговорки (см. меморандум Директора Международного бюро труда на имя Совета Лиги Наций относительно допустимости оговорок к общим конвенциям, *Official Journal of the League of Nations*, vol. 8, July 1927, p. 882, или меморандум, представленный МОТ Международному Суду в 1951 году по делу, касающемуся *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше) в *I.C.J. Reports 1951, Pleadings, Oral Arguments and Documents*, pp. 227–228, или заявление Уилфреда Дженкса, юрисконсульта МОТ, в ходе устных прений по тому же делу, *ibid.*, p. 234) (см. в этом отношении сноску 105 выше); изложение и критику в отношении этой позиции см. пункты 3)–5) комментария к руководящему положению 1.1.6 (Оговорки, формулируемые в соответствии с положениями, прямо разрешающими исключение или изменение определенных положений договора).

¹⁴⁸⁴ Четвертый доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 50 англ. текста.

¹⁴⁸⁵ В отношении редакционных изменений, внесенных Комиссией, см. обсуждение проекта статьи 18 (*Ежегодник... 1965 год*, том I, в особенности 797-е и 798-е заседания, 8 и 9 июня 1965 года, стр. 147–163 англ. текста) и текст, принятый Редакционным комитетом (там же, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 263–264 англ. текста, пункт 1), и его обсуждение (там же, стр. 264–265 англ. текста). Окончательный текст статьи 16 *a*) и *b*), принятый во втором чтении Комиссией, гласил: «Государство может... формулировать оговорку, за исключением случаев, когда: *a*) оговорка не запрещена договором; *b*) договор разрешает только определенные оговорки, к числу которых указанная оговорка не относится» (*Ежегодник... 1966 год*, том II, стр. 202 англ. текста). См. также комментарий к руководящему положению 3.1.2.

¹⁴⁷⁸ Первый доклад о праве международных договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 60 англ. текста, статья 17, пункт 1 *a*).

¹⁴⁷⁹ Ситуация, предусмотренная пунктом 2 проекта статьи 17, включенной в первый доклад о праве международных договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока (там же), однако в достаточно отличной от нынешнего текста форме.

¹⁴⁸⁰ Там же, стр. 65 англ. текста, пункт 9) комментария.

¹⁴⁸¹ Проект статьи 18, пункт 1 *b*), *c*) и *d*), там же, документ A/5209, стр. 176 англ. текста (см. также комментарий к данной статье, там же, стр. 180 англ. текста, пункт 15)).

¹⁴⁸² И наоборот, при обсуждении этого проекта г-н Бригге выразил мнение о том, что «если какое-либо различие и существует, то между случаем, предусмотренным подпунктом *a*), когда запрещены все оговорки, и случаем, предусмотренным подпунктами *b*) и *c*), когда лишь определенные оговорки либо прямо запрещены, либо подразумеваемо исключены» (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, стр. 222 англ. текста, пункт 12); противоположное мнение: сэр Хэмфри Уолдок, там же, стр. 223 англ. текста, пункт 32); как показывает пример статьи 12 Конвенции о континентальном шельфе 1958 года

или разрешает полностью или частично договор оговорки¹⁴⁸⁶.

5) По мнению г-на Томушата, содержащееся в подпункте *a*) запрещение в его нынешней формулировке должно пониматься как охватывающее как прямые, так и подразумеваемые запреты в отношении оговорки¹⁴⁸⁷. Обоснование такого толкования можно найти в документах, связанных с разработкой данного положения:

– в первоначальной формулировке, предложенной в 1962 году сэром Хэмфри Уолдоком¹⁴⁸⁸, уточнялось, что она касается «прямо запрещенных оговорок», а в 1965 году это уточнение было опущено, причем Специальный докладчик никаких пояснений не дал, и из обсуждений в Комиссии также невозможно сделать однозначный вывод на этот счет¹⁴⁸⁹;

– в комментарии к проекту статьи 16, принятому Комиссией во втором чтении в 1966 году, Комиссия, по всей видимости, ставит на один уровень «оговорки, прямо или косвенно запрещенные положениями договора»¹⁴⁹⁰.

6) Такое толкование, однако, неоднозначно. Мысль о том, что некоторые договоры могли «в силу своего характера» исключать оговорки, была исключена в 1962 году Комиссией, которая отклонила предложение в этом отношении, внесенное Уолдоком¹⁴⁹¹. Тогда

¹⁴⁸⁶ В «альтернативных проектах», представленных *de lege ferenda* в 1953 году в первом докладе сэра Герша Лаутерпахта, речь шла о всех договорах, которые «не запрещают прямо и не ограничивают способность делать оговорки» (*Ежегодник... 1953 год*, том II, документ A/CN.4/63, стр. 91–92 и 124 англ. текста).

¹⁴⁸⁷ Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), р. 469.

¹⁴⁸⁸ См. пункт 3) выше.

¹⁴⁸⁹ См. тем не менее выступление Яссина в ходе обсуждений в Комиссии на ее семнадцатой сессии, *Ежегодник... 1965 год*, том I, 797-е заседание, 8 июня 1965 года, стр. 149 англ. текста, пункт 19: «Можно опустить слово "прямо" и просто сказать: "если только оговорки не запрещены...". По сути, указания в договоре вполне достаточно, будь то прямого или косвенного», однако Яссин говорил о тексте 1962 года.

¹⁴⁹⁰ Как, впрочем, и «оговорки, которые прямо или косвенно разрешены», *Ежегодник... 1966 год*, том II, стр. 205 англ. текста, пункт 10) комментарий; см. также стр. 207 англ. текста, пункт 17). В том же духе в пункте 1 *a*) статьи 19 проекта статей о праве договоров между государствами и международными организациями или между двумя или более международными организациями, принятом Комиссией в 1981 году, на один уровень ставился случай, когда оговорки запрещены договором, и случаи, когда «иным образом установлено, что участвующие в переговорах государства и организации условились, что данная оговорка запрещена» (*Ежегодник... 1981 год*, том II (часть вторая), стр. 165).

¹⁴⁹¹ См. пункт 4) выше. Специальный докладчик указал, что при разработке этого положения «он имел в виду Устав Организации Объединенных Наций, который, по своему характеру, не может быть объектом оговорок» (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 143 англ. текста, пункт 60). Это исключение охватывается защитительным положением статьи 5 Венской конвенции 1969 года (см. сноску 1483 выше). Выражение «характер договора» не было уделено особого внимания в ходе обсуждения (г-н Кастрен, однако, счел его неточным – там же, 652-е заседание, 28 мая 1962 года, стр. 148 англ. текста, пункт 28; см. также заявление Фердросса, там же, стр. 149 англ. текста, пункт 35); оно было исключено Редакционным комитетом

непонятно, – если не рассматривать случай оговорок к уставам международных организаций, которому посвящено руководящее положение 2.8.8, – какие запрещения могли бы «косвенно» вытекать из договора, если не считать случаев, охватываемых подпунктами *b*) и *c*)¹⁴⁹² статьи 19¹⁴⁹³, и здесь следует признать, что подпункт *a*) касается только оговорок, прямо запрещенных договором. К тому же такое толкование, как представляется, совместимо с относительно высокой степенью либерализма, которым пронизаны все положения Венской конвенции 1969 года, касающиеся оговорок.

7) Никаких проблем (кроме как выяснение того, представляет ли соответствующее заявление оговорку¹⁴⁹⁴) не возникает, если запрещение выражено четко и ясно, в частности когда оно является общим, при том, однако, что примеров на этот счет имеется относительно немного¹⁴⁹⁵, хотя некоторые из них весьма известны, как, например, статья 1 Статута Лиги Наций:

(там же, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, стр. 221 англ. текста, пункт 3).

¹⁴⁹² Поправки Испании (A/CONF.39/C.1/L.147) и Соединенных Штатов Америки и Колумбии (A/CONF.39/C.1/L.126 и Add.1), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), р. 134, para. 177, в отношении восстановления понятия «характера» договора в подпункте *c*) были отозваны их авторами или отклонены Редакционным комитетом (см. реакцию Соединенных Штатов в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session... (A/CONF.39/11/Add.1)* (сноска 332 выше), 11-е пленарное заседание, р. 35, paras. 2–3). Вместе с тем в ходе обсуждений, проводившихся Комиссией по руководящему положению 3.1.1, некоторые члены выразили мнение о том, что определенные договоры, такие как Устав Организации Объединенных Наций, исключают в силу своего характера какие бы то ни было оговорки. Однако Комиссия пришла к выводу о том, что эта идея совпадает с принципом, фигурирующим в подпункте *c*) статьи 19 Венских конвенций, и что в случае Устава требование о принятии со стороны компетентного органа организации (см. пункт 3 статьи 20 Венских конвенций) дает достаточные гарантии.

¹⁴⁹³ Таков, впрочем, окончательный вывод, к которому пришел Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), р. 471.

¹⁴⁹⁴ См. руководящее положение 1.3.1 (Метод установления различия между оговорками и заявлениями о толковании) и комментарий к нему.

¹⁴⁹⁵ Даже в области прав человека (см. Imbert, «Reservations and human rights conventions», *The Human Rights Review*, vol. 6, No. 1 (1981), p. 28, или Schabas, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 966 выше), р. 46); см. в то же время, например, Дополнительную конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 года (статья 9), Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования от 15 декабря 1960 года (статья 9), Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни от 28 апреля 1983 года (статья 4), Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 года (статья 21), все из которых запрещают какие бы то ни было оговорки к своим положениям. Положения об оговорках в договорах по правам человека иногда отсылают к положениям об оговорках Венской конвенции 1969 года (см. статью 75 Американской конвенции о правах человека), что косвенно делают конвенции, которые вообще не содержат положений об оговорках или же воспроизводят соответствующие формулировки (см. статью 28, пункт 2, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года или статью 51, пункт 2, Конвенции о правах ребенка 1989 года).

Первоначальными Членами Лиги Наций являются те из подписавшихся Государств... которые приступят к настоящему Статуту без всяких оговорок¹⁴⁹⁶.

Аналогичным образом статья 120 Римского статута Международного уголовного суда 1998 года гласит:

Никакие оговорки к настоящему Статуту не могут делаться¹⁴⁹⁷.

К тому же, в силу пункта 1 статьи 26 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года:

Никакие оговорки к настоящей Конвенции не допускаются¹⁴⁹⁸.

8) Подчас, однако, получается так, что запрещение оказывается более расплывчатым. Так, по смыслу пункта 14 Заключительного акта Специального совещания представителей, уполномоченных разработать и подписать Европейскую конвенцию о внешнеторговом арбитраже, «делегации, принявшие участие в выработке Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже, заявляют, что их страны

¹⁴⁹⁶ Можно утверждать, что эта норма не была учтена, когда Совет Лиги Наций признал нейтралитет Швейцарии (в этом отношении см. Mendelson, «Reservations to the constitutions of international organizations» (сноска 1334 выше), pp. 140–141).

¹⁴⁹⁷ Сколь бы однозначным это запрещение ни казалось, оно, впрочем, не полностью лишено двусмысленности: статья 124 Римского статута, которая разрешает «государству, которое становится участником... заявить, что в течение семи лет после вступления настоящего Статута в силу для соответствующего государства оно не признает юрисдикцию Суда» в отношении военных преступлений, представляет собой исключение из правила, установленного статьей 120, поскольку эти заявления по сути являются настоящими оговорками (см. A. Pellet, «Entry into force and amendment of the Statute» в A. Cassese, P. Gaeta and J.R.W. Jones (eds.), *The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary*, Oxford University Press, 2002, vol. I, p. 157; см. также Европейскую конвенцию о вручении за рубежом документов по административным вопросам, статья 21 которой запрещает оговорки, тогда как многие другие положения разрешают некоторые из них). В качестве других примеров см. Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), pp. 493–494; Daillier, Forteau and Pellet, *Droit international public...* (сноска 254 выше), p. 199; Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 165–166; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 113; Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 105–108; и Schabas, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 966 выше), p. 46.

¹⁴⁹⁸ Более подробный комментарий см. A. Fodella, «The declarations of States parties to the Basel Convention» в P. Ziccardi et al. (eds.), *Comunicazioni e Studi*, vol. 22, Milan, Giuffrè, 2002, pp. 111–148; пункт 2 статьи 26 Конвенции разрешает государствам-участникам «выступить с декларациями или заявлениями в любой формулировке и под любым наименованием с целью *inter alia* приведения своих законов и правил в соответствие с положениями настоящей Конвенции, при условии, что такие декларации или заявления не предполагают исключения или изменения юридического действия положений настоящей Конвенции в их применении к этим государствам». Различие между оговорками согласно пункту 1 и заявлениями согласно пункту 2 может показаться непростым, однако речь идет о проблеме определения, которая никоим образом не ограничивает запрещения, установленного в пункте 1: если заявление, сделанное в силу пункта 2, оказывается оговоркой, оно запрещено. Сочетание статей 309 и 310 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года создает аналогичные проблемы и требует таких же ответов (см., в частности, A. Pellet, «Les réserves aux conventions sur le droit de la mer» в *La mer et son droit – Mélanges offerts à Laurent Lucchini et Jean-Pierre Quéneudec*, Paris, Pedone, 2003, pp. 505–517; см. также комментарий к руководящему положению 3.1.2.

не намереваются вносить оговорки к Конвенции»¹⁴⁹⁹: здесь речь не только не идет о категорическом запрете, но и само это заявление о намерении сделано в документе, отличном от договора. В случаях такого рода можно считать, что оговорки, собственно говоря, не запрещены, но если государство их формулирует, то другие участники по логике вещей должны против этого возражать.

9) Чаще запрещение носит частичный характер и касается одной или нескольких определенных оговорок или одной или нескольких категорий оговорок. Более простой (но достаточно редкой) является ситуация, когда имеются клаузулы, перечисляющие положения конвенций, к которым оговорки запрещены¹⁵⁰⁰. Это имеет место в статье 42 Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года¹⁵⁰¹ и в статье XIV Международной конвенции по безопасным контейнерам (КБК) 1972 года.

10) Более сложной является ситуация, в которой договор не запрещает оговорки к определенным положениям, а исключает некоторые категории оговорок. Примером такого вида норм является пункт 3 статьи 78 Международного соглашения по сахару 1977 года:

Любое правительство, которое правомочно стать стороной настоящего Соглашения, может при подписании, ратификации, принятии или одобрении настоящего Соглашения или присоединения к нему сделать оговорки, которые не затрагивают экономических аспектов настоящего Соглашения.

11) Разграничение между положениями об оговорках такого вида и положениями, исключающими «определенные оговорки», было проведено в проекте сэра Хэмфри Уолдока в 1962 году¹⁵⁰². В свою очередь, в Венских конвенциях не проводится такого разграничения, и, несмотря на расплывчатость в этом смысле материалов подготовительных работ, можно, безусловно, считать, что подпункт *a*) статьи 19 охватывает все три ситуации, которые с помощью более

¹⁴⁹⁹ Заключительный акт Специального совещания представителей, уполномоченных разработать и подписать Европейскую конвенцию о внешнеторговом арбитраже, United Nations, *Treaty Series*, vol. 484, No. 7041, p. 353. Этот пример приводится в Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 166–167.

¹⁵⁰⁰ Эта ситуация крайне близка к ситуации, в которой в договоре указываются положения, к которым оговорки разрешены, – см. пункт 5) комментария к руководящему положению 3.1.2 и замечание г-на Бриггса относительно статьи 17 проектов статей о праве международных договоров, представленных Редакционным комитетом в ходе четырнадцатой сессии Комиссии (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, стр. 222 англ. текста).

¹⁵⁰¹ По поводу этого положения Эмбер отметил, что «влияние консультативного заключения Международного Суда по поводу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше) [принятого двумя месяцами ранее], прослеживается весьма четко, поскольку такое положение сводится к сохранению положений, к которым не могут делаться оговорки» (Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 167); см. другие приведенные примеры, *ibid.*, или пункты 5)–8) комментария к руководящему положению 3.1.2 ниже.

¹⁵⁰² См. первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 60–61 англ. текста.

подробного анализа можно определить следующим образом:

- ситуация положений об оговорках, запрещающих любые оговорки;
- ситуация положений об оговорках, запрещающих оговорки к конкретным положениям;
- и, наконец, ситуация положений об оговорках, запрещающих определенные категории оговорок.

12) Это уточнение было сочтено Комиссией тем более целесообразным, что в третьей из этих ситуаций возникают проблемы (толкования¹⁵⁰³) того же свойства, что и проблемы, обусловленные критерием совместимости с объектом и целью договора, который, впрочем, в некоторых положениях прямо предусмотрен¹⁵⁰⁴. Указывая, что эти оговорки, запрещенные без ссылки на какое-либо конкретное положение договора, все же относятся к подпункту *a*) статьи 19 Венских конвенций, Комиссия намерена сразу же сделать акцент на единстве правового режима, применимого к оговоркам, о которых говорится в трех подпунктах статьи 19.

3.1.2 Определение «конкретно определенных оговорок»

Для целей руководящего положения 3.1 выражение «конкретно определенные оговорки» означает оговорки, которые прямо предусматриваются в договоре к некоторым положениям договора или к договору в целом в отношении некоторых определенных аспектов.

Комментарий

1) При беглом прочтении подпункта *b*) статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов можно было бы подумать, что он отражает одну из сторон медали, а подпункт *a*) – другую. Между тем симметрия в данном случае далеко не полная. Для ее существования нужно бы было указать, что оговорка, помимо тех, которые прямо предусмотрены договором, запрещена. Однако в данном случае этого нет: подпункт *b*) содержит два дополнительных элемента, которые запрещают чрезмерное упрощение; вытекающее из этого положения косвенное запрещение определенных оговорок, намного более сложное, чем может показаться, предполагает выполнение трех условий:

a) положение об оговорках в договоре должно разрешать формулирование оговорок;

b) разрешенные оговорки должны быть «конкретно указанными»;

c) должно быть указано, что «только» эти оговорки «могут быть сделаны»¹⁵⁰⁵.

Цель руководящего положения 3.1.2 заключается в уточнении значения выражения «конкретно указанные оговорки», которое не определено Венскими конвенциями, поскольку это определение может иметь важные последствия в отношении применимого правового режима; среди прочего, в отношении оговорок, которые не являются «конкретно указанными», может применяться обязательство, касающееся соответствия критерию совместимости с объектом и целью договора¹⁵⁰⁶.

2) Происхождение подпункта *b*) статьи 19 Венских конвенций восходит к пункту 3 проекта статьи 37, представленного Комиссии в 1956 году сэром Джеральдом Фитцморисом:

Когда сам договор допускает некоторые определенные оговорки или некоторые категории оговорок, действует презумпция, согласно которой все другие оговорки исключены и не могут быть приняты¹⁵⁰⁷.

Именно эту идею сэр Хэмфри Уолдок реализовал в пункте 1 *a*) проекта статьи 17, которую он предложил в 1962 году, а Комиссия использовала ее в пункте 1 *c*) проекта статьи 18. Этот проект статьи был принят в том же году¹⁵⁰⁸ и после незначительных редакционных изменений стал подпунктом *b*) статьи 16 проекта 1966 года¹⁵⁰⁹, а потом статьей 19 Венской конвенции 1969 года – впрочем, не без возражений, поскольку на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров многие поправки были направлены на изъятие этого положения¹⁵¹⁰ на том основании, что оно было «слишком жестким»¹⁵¹¹

¹⁵⁰⁵ По поводу слова «сделаны» см. пункты 6)–7) комментария к руководящему положению 3.1 выше.

¹⁵⁰⁶ См. руководящее положение 3.1.4 ниже.

¹⁵⁰⁷ *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 115 англ. текста; см. также стр. 127 англ. текста, пункт 95.

¹⁵⁰⁸ См. пункты 3)–4) комментария к руководящему положению 3.1.1 выше.

¹⁵⁰⁹ См. сноску 1485 выше.

¹⁵¹⁰ Поправки Соединенных Штатов Америки и Колумбии (A/CONF.39/C.1/L.126 и Add.1) и Федеративной Республики Германии (A/CONF.39/C.1/L.128), которые прямо предлагали отказ от подпункта *b*), и Союза Советских Социалистических Республик (A/CONF.39/C.1/L.115), Франции (A/CONF.39/C.1/L.169), Цейлона (A/CONF.39/C.1/L.139) и Испании (A/CONF.39/C.1/L.147), которые предлагали серьезно изменить формулировку статьи 16 (или статей 16 и 17), что также могло бы повлечь за собой исчезновение этого положения (тексты этих поправок см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), pp. 133–134, paras. 174–177). При обсуждении проекта Комиссией некоторые члены также выразили мнение, что это положение избыточно (см. *Ежегодник... 1965 год*, том I, 797-е заседание, 8 июня 1965 года, г-н Яссин, стр. 149 англ. текста, пункт 18; г-н Тункин, там же, стр. 150 англ. текста, пункт 29; а более сложную позицию см. г-н Тункин, там же, стр. 151 англ. текста, пункт 33; или г-н Руда, стр. 154 англ. текста, пункт 70).

¹⁵¹¹ Так выразились представители Соединенных Штатов Америки и Польши на 21-м и 22-м заседаниях Комитета полного состава (10–11 апреля 1968 года, соответственно, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties*,

¹⁵⁰³ «Whether a reservation is permissible under exceptions (*a*) or (*b*) will depend on interpretation of the treaty» [Допустима ли оговорка в соответствии с исключениями *a*) или *b*), будет зависеть от толкования договора] (Aust, *Modern Treaty Law and Practice* (сноска 155 выше), p. 136).

¹⁵⁰⁴ См. приведенные примеры в сноске 1495 выше. Здесь речь идет о конкретном примере «категорий запрещенных оговорок»: причем сформулированном действительно достаточно неопределенным образом.

или ненужным, поскольку повторяло подпункт *a*)¹⁵¹² или не соответствовало практике¹⁵¹³; все они, однако, были отозваны или отклонены¹⁵¹⁴.

3) Единственное изменение, внесенное в подпункт *b*), было предложено в поправке Польши, заключавшейся в добавлении слова «только» после слова «разрешает», и оно было принято Редакционным комитетом Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров «для обеспечения четкости»¹⁵¹⁵. Незначительность этого предложения не должна скрывать весьма большого практического значения данного уточнения, которое изменяет принятую Комиссией презумпцию на диаметрально противоположную, и все в том же проекте, который упорно отстаивали некоторые страны Восточной Европы, с тем чтобы максимально облегчить формулирование оговорок, открывает такую возможность, даже при том, что участники переговоров особо постарались прямо указать положения, к которым оговорка допустима¹⁵¹⁶. Однако подобная поправка

First Session... (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), p. 108, para. 8, and p. 118, para. 42; см. также заявление представителя Федеральной Республики Германии (*ibid.*, p. 109, para. 23).

¹⁵¹² См. заявление представителя Колумбии, *ibid.*, p. 113, para. 68.

¹⁵¹³ См. заявление представителя Швеции, *ibid.*, p. 117, para. 29.

¹⁵¹⁴ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), pp. 136–138, paras. 181–188, и пояснения эксперта-консультанта сэра Хэмфри Уолдока, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 126, para. 6, и результаты голосования по поправкам, *ibid.*, 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 135, paras. 23–25.

¹⁵¹⁵ A/CONF.39/C.1/L.136; *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), p. 134, para. 177, and p. 137, para. 183; см. также *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), Комитет полного состава, 70-е заседание, 14 мая 1968 года, p. 415, para. 16. Уже в 1965 году в ходе обсуждения в Комиссии проекта статьи 18, рассмотренного Редакционным комитетом, г-н Кастрен предложил добавить в подпункт *b*) после слов «прямо разрешает» слово «только» (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 797-е заседание, 8 июня 1965 года, стр. 149 англ. текста, пункт 14, и 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 264 англ. текста, пункт 13); см. также аналогичное предложение г-на Яссина, там же, стр. 264 англ. текста, пункт 11, которое в конечном счете не было принято после того, как его еще раз отправили в Редакционный комитет (см. там же, 816-е заседание, стр. 283 англ. текста, пункт 41).

¹⁵¹⁶ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 114; Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), p. 39; Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 181; или Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), pp. 299–300. Такие ограничительные формулировки встречаются нередко, см., например, пункт 1 статьи 17 Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года («1. При подписании, ратификации или присоединении любое государство может делать оговорки к статьям 11, 14 и или 15.2. Не допускаются никакие другие оговорки к настоящей Конвенции») и другие примеры, приведенные Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 128–129, или Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 437–439, paras. 83–87. О важности изменения презумпции на противоположную см. также заявление г-на Робинсона в ходе обсуждений в Комиссии на ее сорок седьмой сессии вопроса о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, *Ежегодник... 1995 год*, том I, 2402-е заседание, стр. 202, пункт 17.

не освобождает оговорку, которая не является ни прямо разрешенной, ни подразумеваемо запрещенной, от необходимости соответствовать критерию совместимости с объектом и целью договора¹⁵¹⁷. Именно поэтому в формулировке руководящего положения 3.1.2 Комиссия предпочла использовать слово «предусматриваются» вместо слова «разрешаются» для определения рассматриваемых оговорок, что противопоставляется выражению «оговорка, которая определено допускается», фигурирующему в пункте 1 статьи 20 Венских конвенций.

4) На практике классификация разрешительных положений об оговорках сравнима с запретительными положениями, и в связи с ними возникают те же проблемы в плане определения *a contrario* оговорок, которые не могут быть сформулированы¹⁵¹⁸:

– одни разрешают оговорки к конкретным положениям, прямо и исчерпывающе перечисленным в позитивной или негативной форме;

– другие разрешают определенные категории оговорок;

– и, наконец, третьи (немногочисленные) разрешают оговорки вообще.

5) Иллюстрацией первой из этих категорий, видимо, может служить пункт 1 статьи 12 Конвенции о континентальном шельфе 1958 года:

При подписании, ратификации или присоединении любое государство может сделать оговорки в отношении статей Конвенции, кроме статей с 1 по 3 включительно¹⁵¹⁹.

Как отметил сэр Ян Синклер, «статья 12 Конвенции 1958 года не предусматривала возможности делать *определенные оговорки*, хотя в ней могли указываться конкретные статьи, к которым оговорки могут делаться»¹⁵²⁰, и ни сфера действия, ни последствия этого разрешения не являются, следовательно, само собой разумеющимися, как показывает решение Международного Суда по делам *North Sea*

¹⁵¹⁷ См. руководящее положение 3.1.3 и комментарий к нему, в частности пункты 2)–3) ниже.

¹⁵¹⁸ См. руководящее положение 3.1.1 и комментарий к нему выше.

¹⁵¹⁹ В свою очередь статья 309 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву гласит следующее: «Никакие оговорки к настоящей Конвенции или исключения из нее не могут делаться, кроме случаев, когда они явно допустимы в соответствии с другими статьями настоящей Конвенции» (по поводу этого положения см. Pellet, «Les réserves aux conventions sur le droit de la mer» (сноска 1498 выше), pp. 505–511). Бывают случаи, когда договор устанавливает максимальное число оговорок или положений, к которым могут делаться оговорки (см., например, статью 25 Европейской конвенции об усыновлении детей 1967 года). Эти положения можно сравнить с теми, которые разрешают сторонам принимать определенные обязательства или делать выбор между положениями договора, которые не являются положениями об оговорках в строгом смысле слова (см. руководящее положение 1.5.3 и комментарий к нему).

¹⁵²⁰ Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties* (сноска 129 выше), p. 73. По поводу разграничения между определенными и неопределенными оговорками см. также пункты 11)–13) ниже.

*Continental Shelf*¹⁵²¹, и в первую очередь арбитражное решение, вынесенное в 1977 году по делу, касающемуся *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*¹⁵²².

6) В этом деле Арбитражный суд подчеркнул следующее:

Четкая формулировка статьи 12 [Конвенции о континентальном шельфе 1958 года] разрешает любому договаривающемуся государству, в частности Французской Республике, подчинить свое согласие на обязательность для себя Конвенции оговоркам к статьям, кроме статей с 1 по 3 включительно¹⁵²³.

Тем не менее

Статья 12 не может пониматься как обязывающая государство заранее принимать оговорки любого рода к статьям, кроме статей с 1–3. Такое толкование статьи 12 означало бы практически предоставление договаривающимся государствам разрешения на составление своего собственного договора, что явно выходит за рамки цели этой статьи. Это имело бы место в том случае, если бы указанная статья разрешала формулировать конкретные оговорки, что можно было бы принять за случай, когда стороны Конвенции заранее приняли определенную оговорку. Однако здесь этого случая нет, поскольку статья 12 разрешает формулировать оговорки к статьям, кроме статей с 1 по 3, в весьма общих выражениях¹⁵²⁴.

7) Иначе дело обстоит в том случае, когда в положении об оговорках определены категории разрешенных оговорок. Примером является статья 39 Общего акта об арбитраже (мирное разрешение международных споров) 1928 года:

1. Независимо от способности, о которой говорится в предшествующей статье^[1525], сторона может при присоединении к настоящему Общему акту подчинить свое принятие оговоркам, которые исчерпывающе перечислены в следующем пункте. Эти оговорки должны быть указаны при присоединении.

2. Эти оговорки могут быть сформулированы таким образом, чтобы исключить из процедуры, изложенной в настоящем Акте:

a) споры, возникшие на основе фактов, имевших место ранее, либо до присоединения стороны, которая формулирует оговорку, либо до присоединения другой стороны, с которой у первой стороны возник спор;

b) споры, касающиеся вопросов, которые международное право относит к внутренней компетенции государств;

c) споры, касающиеся определенных дел или специальных четко определенных областей, таких, как территориальный статус, или относящиеся к четко определенным категориям.

Как отметил Международный Суд в своем решении 1978 года по делу *Aegean Sea Continental Shelf*:

Когда многосторонний договор предусматривает, что допускаются только определенные специально обозначенные категории

оговорок, то, безусловно, налицо весьма высокая вероятность (если не сказать уверенность) того, что оговорки, выраженные в формулировках, взятых из договора, будут предназначены для применения к соответствующим категориям, которые в нем предусмотрены,

даже если государства не следуют «неукоснительно схеме», предусмотренной в положении об оговорках¹⁵²⁶.

8) Еще один особо известный и широко обсуждавшийся пример¹⁵²⁷ положения, разрешающего оговорки (и относящегося в свою очередь ко второй из вышеуказанных категорий¹⁵²⁸), содержится в статье 57 (бывшая статья 64) Европейской конвенции о правах человека:

1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это

¹⁵²⁶ Постановление от 19 декабря 1978 года, *Aegean Sea Continental Shelf* (см. сноску 210 выше), p. 23, para. 55.

¹⁵²⁷ См. А. Bonifazi, «La disciplina delle riserve alla Convenzione europea dei diritti dell'uomo», в *Les clauses facultatives de la Convention européenne des droits de l'homme* (протоколы круглого стола, организованного в Бари 17–18 декабря 1973 года юридическим факультетом Университета Бари (Италия)), Bari, Levante, 1974, pp. 301–319; G. Cohen-Jonathan, *La Convention européenne des droits de l'homme*, Paris, Economica, 1989, pp. 85–93; J.A. Frowein, «Reservations to the European Convention on Human Rights», в F. Matscher and H. Petzold (eds.), *Protecting Human Rights: The European Dimension. Studies in honour of Gérard J. Wiarda*, Cologne, Carl Heymanns Verlag, 1988, pp. 193–200; P.-H. Imbert, «Reservations to the European Convention on Human Rights before the Strasbourg Commission: the *Temeltasch* case», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 33 (1984), pp. 558–595; R. Kühner, «Vorbehalte und auslegende Erklärungen zur Europäischen Menschenrechtskonvention. Die Problematik des Art. 64 MRK am Beispiel der schweizerischen 'auslegenden Erklärung' zu Art. 6 Abs. 3 lit. e MRK», *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht/Heidelberg Journal of International Law*, vol. 42 (1982), pp. 58–92 (резюме на английском языке); S. Marcus-Helmons, «L'article 64 de la Convention de Rome ou les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme», *Revue de droit international et de droit comparé*, 1968, Brussels, 45th year, No. 1, 1968, pp. 7–26; M.J. Morais Pires, *As reservas à Convenção europeia dos direitos do homem*, Coimbra, Portugal, Livraria Almedina, 1997, p. 493; R. Sapienza, «Sull'ammissibilità di riserve all'accettazione della competenza della Commissione europea dei diritti dell'uomo», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 70, Nos. 3–4 (1987), pp. 641–653; Schabas, «Article 64» (сноска 137 выше), pp. 923–942; Susan Marks, «Three regional human rights treaties and their experience of reservations» в J.P. Gardner (ed.), *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions*, Лондон, Британский институт международного и сравнительного права, 1997 год, pp. 35–63; и J. Dhommeaux, «La coordination des réserves et des déclarations à la Convention européenne des droits de l'homme et au Pacte international relatif aux droits civils et politiques» в J.-F. Flauss and M. de Salvia (eds.), *La Convention européenne des droits de l'homme: développements récents et nouveaux défis*, Brussels, Bruylant, 1997, pp. 13–37.

¹⁵²⁸ Пункт 4). Другие примеры см. Aust, *Modern Treaty Law and Practice* (сноска 155 выше), pp. 135–136; Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), pp. 495–496; Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), pp. 323–324; или Daillier, Forteau and Pellet, *Droit international public* (сноска 254 выше), p. 181; см. также таблицу с указанием конвенций Совета Европы и оговорок, относящихся к каждой из двух первых категорий клаузул о допустимых оговорках, упомянутых в пункте 4 выше, в Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 125, и другие примеры частичных разрешений, данных этим автором, pp. 126–129.

¹⁵²¹ Постановление от 20 февраля 1969 года, *North Sea Continental Shelf, Judgment, I.C.J. Reports 1969*, p. 3, at pp. 38–41.

¹⁵²² Решение от 30 июня 1977 года, *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), pp. 32–35, paras. 39–44.

¹⁵²³ *Ibid.*, pp. 32–33, para. 39.

¹⁵²⁴ *Ibid.*

¹⁵²⁵ Статья 38 предусматривает, что Стороны могут присоединяться и к отдельным частям Общего акта.

время на его территории, не соответствует этому положению. Настоящая статья не допускает оговорок общего характера.

2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с положениями настоящей статьи, должна содержать краткое изложение соответствующего закона.

В этом случае право формулировать оговорки ограничивается как условиями формы, так и условиями существа; помимо обычных ограничений *ratione temporis*¹⁵²⁹ оговорка к Европейской конвенции о правах человека должна:

– относиться к конкретному положению Конвенции;

– иметь основания в законодательстве своего автора в момент формулирования оговорки;

– не должна быть «составлена в слишком нечетких или пространных выражениях, с тем чтобы можно было установить ее смысл и точную сферу применения»¹⁵³⁰; и

– сопровождаться кратким изложением, позволяющим уяснить «содержание положения Конвенции, от которого государство намеревается отказаться путем применения оговорки»¹⁵³¹.

В связи с оценкой выполнения каждого из этих условий возникают проблемы. Тем не менее можно считать, что разрешенные Европейской конвенцией о правах человека оговорки являются «определенными» по смыслу статьи 19 *b*) Венских конвенций и что только такие оговорки являются действительными.

9) Можно отметить, что формулировка статьи 57 Европейской конвенции о правах человека «по сути не отличается»¹⁵³² от формулировки, закрепленной в пункте 1 статьи 26 Европейской конвенции о выдаче 1957 года:

Любая договаривающаяся сторона может при подписании настоящей Конвенции или при передаче своей ратификационной грамоты или документа о присоединении сделать оговорку в отношении любого положения или положений Конвенции,

хотя в ней и можно разглядеть разрешение общего характера. Между тем, если вид оговорок, которые могут формулироваться к Европейской конвенции о правах человека, «определен», то здесь разрешение ограничивается лишь исключением сквозных оговорок¹⁵³³.

10) Фактически, разрешение общего характера в отношении оговорок¹⁵³⁴ само по себе вовсе не обязательно решает все проблемы. В частности, оно полностью оставляет в стороне вопросы о том, могут ли всё же другие участники заявлять к ним возражения¹⁵³⁵ и распространяется ли на эти прямо разрешенные оговорки¹⁵³⁶ критерий совместимости с объектом и целью договора¹⁵³⁷. Этот последний вопрос рассматривается в руководящем положении 3.1.4, в котором в этой связи проводится различие между определенными оговорками, содержание которых уточняется в положении об оговорках, и оговорками, содержание которых не уточняется.

11) Это различие не является само собой разумеющимся. В частности, оно вызвало споры после рассмотрения в 1977 году в арбитраже дела *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*. По мнению некоторых авторов, оговорка является «конкретно определенной», если в договоре четко указываются пределы, в которых она может быть сформулирована, причем эти критерии заменяют собой в этом случае (и только в этом случае) критерий объекта и цели¹⁵³⁸. Другие члены отмечали, что это имеет место в исключительных случаях, и даже только в редких случаях «согласованных оговорок»¹⁵³⁹, и что к тому же Комиссия не приняла предложение г-на Розенна заменить выражение «определенные оговорки», которое он считал «чрезмерно ограниченным», выражением «оговорки

¹⁵³⁴ Другой, еще более точный, пример см. пункт 1 статьи 18 Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 года: «Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты, акта о принятии, одобрении или присоединении заявить о применении одной или нескольких оговорок».

¹⁵³⁵ Что иногда они прямо и предусматривают (см., например, статью VII Конвенции о политических правах женщин 1953 года и замечания по этому поводу Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 121).

¹⁵³⁶ Невозможно разумно утверждать, что подпункт *b*) мог бы включать «косвенно допускаемые» оговорки, хотя бы потому, что все те из них, которые не являются запрещенными, а *contra ius*, разрешены при условии соблюдения положений подпункта *c*).

¹⁵³⁷ См. вопросы, заданные Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), pp. 496–497, или Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 124.

¹⁵³⁸ См. Bowett, «Reservations to non-restricted multilateral treaties» (сноска 150 выше), pp. 71–72.

¹⁵³⁹ В отношении этого понятия см. пункт 10) комментарий к руководящему положению 1.1.6 (Оговорки, формулируемые в соответствии с положениями, прямо разрешающими исключение или изменение определенных положений договора). См. также Gormley, «The modification of multilateral conventions...» (сноска 115 выше), pp. 59 *et seq.*, в частности, pp. 75–76. См. приложение к Европейской конвенции о гражданской ответственности за ущерб, причиненный автотранспортными средствами, которая предусматривает за Бельгией возможность сформулировать конкретную оговорку в течение трехлетнего срока, или пункт 1 *b*) статьи 32 Европейской конвенции о трансграничном телевидении 1989 года, предоставляющей лишь Соединенному Королевству возможность сформулировать конкретную оговорку; примеры приведены Åkermark, «Reservation clauses in treaties...» (сноска 101 выше), p. 499. Основной пример приведен Боветтом с целью проиллюстрировать его тезис, который касается, в частности, «согласованной оговорки» (Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 71).

¹⁵²⁹ См. пункт 4) комментария к руководящему положению 3.1.

¹⁵³⁰ Европейский суд по правам человека, постановление от 29 апреля 1988 года, дело *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), p. 26, para. 55.

¹⁵³¹ Европейская комиссия по правам человека, решение от 5 мая 1982 года, дело *Temeltasch v. Switzerland* (см. сноску 24 выше), p. 150, para. 90.

¹⁵³² Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 186; см. также Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 122.

¹⁵³³ По поводу этого понятия см. пункт 2 руководящего положения 1.1 и пункты 16)–22) комментария к нему.

к определенным положениям»¹⁵⁴⁰; поэтому было бы нереалистично требовать, чтобы содержание определенных оговорок было точно установлено договором, поскольку это лишило бы подпункт *b*) всякого смысла¹⁵⁴¹. Согласно третьей точке зрения, существует возможность примирить этот тезис, безусловно чрезмерный, который требует, чтобы содержание разрешенных оговорок в точности устанавливалось в положении об оговорках, и тезис, согласно которому определенная оговорка тождественна оговорке, «определенно допускаемой договором»¹⁵⁴², хотя в статьях 19 *b*) и 20, пункт 1, Венских конвенций употребляются иные выражения. Поэтому было предложено допустить, что определенные оговорки по смыслу подпункта *b*) статьи 19 (и руководящего положения 3.1 *b*)) должны, с одной стороны, относиться к конкретным положениям, а с другой – отвечать определенным условиям, установленным в договоре, но при этом нельзя требовать, чтобы их содержание было определено заранее, и именно эту часть Комиссия сохранила.

12) Для того чтобы примирить две противоположные точки зрения, ссылка на прецеденты оказывается не столь полезной. Арбитражное решение 1977 года, на которое ссылаются сторонники каждой из этих точек зрения, может с большей пользой быть использовано для определения того, чем определенная оговорка не является, чем того, чем она является¹⁵⁴³. Отсюда по сути вытекает, что простого факта того, что содержащее оговорку положение разрешает оговорки к некоторым конкретным положениям договора, недостаточно для «определения» этих оговорок по смыслу подпункта *b*) статьи 19 Венских конвенций¹⁵⁴⁴. Однако арбитраж ограничивается требованием о том, что оговорки должны быть «конкретными»¹⁵⁴⁵, не указывая при этом критерия этой конкретности. К тому же, на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров Председатель Редакционного комитета Яссин отожествил определенные оговорки и «оговорки, которые определено допускаются договором»¹⁵⁴⁶, не сделав более никаких уточнений.

13) Поэтому Комиссия посчитала, что оговорку следует рассматривать в качестве конкретно

¹⁵⁴⁰ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 264 англ. текста, пункт 7. Эмбер («La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977...» (сноска 1016 выше), р. 52), отмечает, однако, что хотя предложение г-на Розенна не было принято, сэр Хэмфри Уолдок и сам проводил такую параллель (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 813-е заседание, стр. 265 англ. текста, пункт 27).

¹⁵⁴¹ Imbert, «La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977...» (сноска 1016 выше), pp. 50–53.

¹⁵⁴² В этой связи см. *ibid.*, р. 53.

¹⁵⁴³ См. пункт 6) выше.

¹⁵⁴⁴ См. пункты 6)–7) выше.

¹⁵⁴⁵ На самом деле именно в разрешении должно говориться о конкретных или определенных оговорках – слова, которые арбитражный суд посчитал синонимами в деле *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше).

¹⁵⁴⁶ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше), 70-е заседание, 14 мая 1968 года, р. 416, para. 23.

указанной, если в положении об оговорках указываются положения договора, в отношении которых оговорка является возможной, или, учитывая пункт 2¹⁵⁴⁷ руководящего положения 1.1, если в нем уточняется возможность формулирования оговорок в отношении всего договора в целом по некоторым отдельным аспектам. Вместе с тем не следует преувеличивать расхождения между этими различными точками зрения; разумеется, в выражении «предусматриваемые оговорки», которое было сочтено более предпочтительным, чем выражение «разрешаемые оговорки», делается акцент на выбранном Комиссией широком подходе, однако при этом Комиссия ввела в руководящее положение 3.1.4 различие между конкретно указанными оговорками, содержание которых оговорено, и определенными оговорками, содержание которых не оговорено, но которые при этом должны соответствовать критерию совместимости с объектом и целью договора.

3.1.3 Материальная действительность оговорок, не запрещенных договором

Когда договор запрещает формулирование некоторых оговорок, оговорка, которая не запрещена договором, может формулироваться государством или международной организацией, только если она не является несовместимой с объектом и целью договора.

Комментарий

1) В руководящих положениях 3.1.3 и 3.1.4 уточняется сфера охвата подпунктов *a*) и *b*) статьи 19 Венских конвенций (формулировка которых, фигурирующая в тексте Конвенции 1986 года, воспроизводится в руководящем положении 3.1). В этих двух руководящих положениях разъясняется то, что лишь предполагается в конвенциях, а именно то обстоятельство, что за исключением фигурирующего в договоре положения об обратном – и, в частности, если оно разрешает определенные оговорки, о которых говорится в руководящем положении 3.1.2, – любая оговорка должна отвечать основополагающему требованию, фигурирующему в подпункте *c*) статьи 19: не быть несовместимой с объектом и целью договора.

2) Этот принцип является одним из основополагающих элементов гибкой системы, установленной Венским режимом, смягчающим «радикальный релятивизм»¹⁵⁴⁸, сопряженный с панамериканской системой, которая сводит многосторонние договоры к системе двусторонних отношений¹⁵⁴⁹, что позволяет

¹⁵⁴⁷ См. руководящее положение 1.1. и пункты 16)–22) комментария к нему.

¹⁵⁴⁸ Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), р. 73, para. 130. Этот ученый применяет это выражение к системе, принятой Международным Судом в его консультативном заключении 1951 года по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), р. 15; это определение в еще большей степени применимо к панамериканской системе.

¹⁵⁴⁹ Что касается панамериканской системы, см. библиографию в Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше),

избегать жесткости, вытекающей из системы единогласия.

3) Со времени своего появления в области оговорок в консультативном заключении Международного Суда 1951 года¹⁵⁵⁰ концепция объекта и цели договора¹⁵⁵¹ стала пользоваться большим признанием и теперь устанавливает баланс между необходимостью сохранять суть договора и желанием способствовать присоединению к многосторонним договорам как можно большего числа государств. Однако существует важное различие между ролью критерия совместимости с объектом и целью договора в соответствии с принятым в 1951 году консультативным заключением, с одной стороны, и подпунктом с) статьи 19 Венской конвенции 1969 года – с другой¹⁵⁵². В консультативном заключении оно применяется к формулированию как оговорок, так и возражений:

Таким образом, объект и цель [Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него] ограничивают как свободу формулирования оговорок, так и возражений против них¹⁵⁵³.

В Венских конвенциях это ограничивается только оговорками: статья 20 не ограничивает возможности других договаривающихся государств и договаривающихся организаций формулировать возражения.

4) Вместе с тем, хотя отсутствуют сомнения относительно того, что требования о соответствии оговорки объекту и цели договора, которого она касается, в настоящее время отражает норму обычного права, которая не оспаривается¹⁵⁵⁴, ее содержание

пр. 485–486. Кроме того, помимо описания самим Эмбером (*ibid.*, pp. 33–38), см. Whiteman, *Digest of International Law* (сноска 25 выше), pp. 141–144, или Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), pp. 115–133.

¹⁵⁵⁰ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), pp. 24–26.

¹⁵⁵¹ Эта концепция определяется в руководящем положении 3.1.5.

¹⁵⁵² См. Coccia, «Reservations to multilateral treaties on human rights» (сноска 196 выше), p. 9; Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), p. 40; M. Ramamontaldo, «Human rights conventions and reservations to treaties», в *Héctor Gros Espiell Amicorum Liber. Persona humana y derecho internacional*, vol. II, Brussels, Bruylant, 1997, pp. 1265–1266; или Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties* (сноска 129 выше), p. 61.

¹⁵⁵³ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 24.

¹⁵⁵⁴ См. многочисленные аргументы в этой связи, приведенные в Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 138–143. См. также предварительные выводы об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры по правам человека, принятые Комиссией в 1997 году, в которых она вновь подтвердила мнение о том, что Венские конвенции 1969 года и 1986 годов «определяют режим оговорок к договорам» и что, «в частности, объект и цель договора являются наиболее важным критерием для определения материальной действительности оговорок» (*Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 64, первый вывод). См. также Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 443–451, paras. 95–115. Слово «правомерность» должно пониматься как обозначающее «действительность», термин, который Комиссия решила сохранить для обозначения условий, действующих в отношении оговорок, некоторых возражений и заявлений о толковании (о выборе термина см. *Ежегодник... 2006 год*, том II (часть вторая),

по-прежнему является расплывчатым¹⁵⁵⁵, и в отношении последствий несоблюдения этого критерия существует некая неопределенность¹⁵⁵⁶. Кроме того, статья 19 не проясняет двусмысленностей, характерных для сферы ее применения.

5) Принцип, изложенный в подпункте с) статьи 19, согласно которому оговорка, несовместимая с объектом и целью договора, не может формулироваться, является субсидиарным по своему характеру, поскольку он применяется лишь в случаях, не охватываемых пунктами 2 и 3 статьи 20 Конвенции¹⁵⁵⁷, и когда в самом договоре не регулируется вопрос об оговорках.

6) Если в договоре этот вопрос регулируется, то необходимо проводить различие между несколькими случаями. Они дают различные ответы на вопрос о том, распространяется ли на соответствующие оговорки действие критерия совместимости с объектом и целью договора. В следующих двух из этих случаев ответ определенно отрицательный:

– нет сомнений в том, что оговорка, прямо запрещенная договором, не может считаться действительной на том основании, что она совместима с объектом и целью договора¹⁵⁵⁸;

– это же применимо к «конкретно определенным» оговоркам: будучи прямо разрешены договором при определенных условиях, они автоматически действительны и не нуждаются в согласии других договаривающихся государств и организаций¹⁵⁵⁹, и на них не распространяется действие критерия совместимости с объектом и целью договора¹⁵⁶⁰.

По мнению Комиссии, эти очевидные факты не нуждаются в упоминании в отдельных положениях

стр. 174–191, пункт 159). См. также пункты 4)–7) общего комментария к части 3 Руководства по практике.

¹⁵⁵⁵ См. руководящие положения 3.1.5–3.1.5.7.

¹⁵⁵⁶ См. руководящие положения 3.3–3.3.3.

¹⁵⁵⁷ В случае договоров с ограниченным числом участников и учредительных документов международных организаций. Эти случаи не являются теми случаями, когда речь идет о косвенных запретах на формулирование оговорок; они усиливают систему единогласия в отношении особых видов договоров.

¹⁵⁵⁸ В своих замечаниях по проекту статей о праве международных договоров, принятому Комиссией в первом чтении, Канада высказала предложение о том, что «следует рассмотреть вопрос о распространении действия критерия "совместимости с объектом и целью договора" также на оговорки, сделанные в соответствии с явно выраженными договорными положениями, с тем чтобы не создавать различных критериев для случаев, когда договор обходит молчанием вопрос о формулировании оговорок, и случаев, когда он допускает их» (четвертый доклад о праве международных договоров Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 46 англ. текста). Это предложение, которое не было очень четким, не было принято Комиссией; см. более четкие предложения подобного рода г-на Бриггса в *Ежегоднике... 1962 год*, том I, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, стр. 222 англ. текста, пункты 13–14, и *Ежегодник... 1965 год*, том I, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 264 англ. текста, пункт 10; против: г-н Аго, там же, пункт 16.

¹⁵⁵⁹ См. пункт 1 статьи 20 Венской конвенции 1969 года.

¹⁵⁶⁰ См. руководящее положение 3.1.2 и комментарий к нему.

Руководства по практике; они прямо и неизбежно вытекают из статьи 19 *c*) Венских конвенций, текст которой воспроизведен в руководящем положении 3.1.

7) Иным образом дело обстоит в двух других случаях, которые *a contrario* вытекают из положений подпунктов *a*) и *b*) статьи 19:

– случаи, когда оговорка подразумеваемо допускается, поскольку она не подпадает под категорию запрещенных оговорок (подпункт *a*));

– случаи, когда оговорка допустима, не являясь при этом «определенной» по смыслу подпункта *b*), о чем говорится в руководящем положении 3.1.2.

8) В обоих этих случаях нельзя презюмировать, что основанная на договоре возможность формулировать оговорки эквивалентна неограниченной свободе, предоставляемой государствам или международным организациям с точки зрения формулирования любой оговорки, которую они пожелают, тем более если это будет несовместимо с объектом и целью договора.

9) Что касается подразумеваемо допустимых оговорок, то Уолдок признал в своем четвертом докладе о праве международных договоров, что «понятное изъятие [из принципа автоматической действительности оговорки, допускаемой договором] может существовать, когда договор в явно выраженной форме запрещает некоторые конкретные оговорки и тем самым косвенно допускает другие; поэтому, видимо, не было бы нелогичным считать совместимость с объектом и целью в качестве по-прежнему существующим подразумеваемым ограничением на формулирование иных оговорок». Однако он исключил эту возможность не из-за того, что это не так, а из-за того, что «это, видимо, могло бы быть слишком далеко с точки зрения доработки норм, касающихся намерений сторон, и что необходимо сохранить нормы в статье 18 [которая стала статьей 19 Конвенции] как можно более простыми»¹⁵⁶¹. Эти соображения неприменимы по отношению к Руководству по практике, цель которого состоит исключительно в том, чтобы дать государствам последовательные ответы на все вопросы, которые могут у них возникнуть в области оговорок.

10) Именно поэтому в руководящем положении 3.1.3 уточняется, что оговорки, которые «подразумеваемо допускаются», поскольку они формально не исключаются договором, должны быть совместимыми с объектом и целью договора. Было бы наверняка парадоксальным, если бы оговорки к договорам, содержащим положения об оговорках, допускались на более либеральной основе, чем в случае договоров, в которых такие положения

отсутствуют¹⁵⁶². В этом случае применяется критерий совместимости с объектом и целью договора.

3.1.4 Материальная действительность конкретно определенных оговорок

Когда договор предусматривает формулирование конкретно определенных оговорок, не уточняя их содержания, оговорка может формулироваться государством или международной организацией, только если она не является несовместимой с объектом и целью договора.

Комментарий

1) В руководящем положении 3.1.3 уточняется, что оговорки, которые не запрещены договором, должны тем не менее соответствовать критерию совместимости с объектом и целью договора. В руководящем положении 3.1.4 содержится аналогичное положение в отношении конкретно указанных оговорок по смыслу руководящего положения 3.1.2, когда договор не уточняет их содержания. По сути дела данная проблема остается той же самой, и соображения, излагающиеся в поддержку руководящего положения 3.1.3, применимы *mutatis mutandis* и в данном случае.

2) Поправка Польши к подпункту *b*) статьи 19, принятому на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968 года, ограничивала возможность подразумеваемого запрещения оговорок только теми договорами, которые предусматривают, «что могут формулироваться *только* определенные оговорки, которые не включают в себя рассматриваемую оговорку»¹⁵⁶³. Однако из этого не следует, что разрешенные таким образом оговорки могут делаться произвольно, поскольку в данном случае применяются те же требования, которые действуют в отношении незапрещенных оговорок¹⁵⁶⁴: если будет сохранено широкое определение определенных оговорок, принятое Комиссией¹⁵⁶⁵, то следует проводить различие между оговорками, содержание которых оговорено в самом договоре, и оговорками, которые являются в принципе разрешенными и в отношении которых нет оснований предполагать, что они могут лишить договор его объекта и цели. В отношении последних оговорок

¹⁵⁶² В этой связи см. заявление г-на Розенна, сделанное в ходе обсуждений в Комиссии на ее семнадцатой сессии, *Ежегодник... 1965 год*, том I, 797-е заседание, 8 июня 1965 года, стр. 148–149 англ. текста, пункт 10. Томушат приводит соответствующий пример: «Если, к примеру, конвенция о защите прав человека в "колониальной клаузуле" запрещает вывод зависимых территорий из территориальной сферы действия договора, было бы абсурдно предполагать, что соответствующие оговорки любого рода, в том числе относящиеся к наиболее элементарным гарантиям индивидуальных свобод, разрешаются, даже если в силу этих оговорок договор будет лишен своего основного содержания», Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), p. 474.

¹⁵⁶³ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 3.1.2.

¹⁵⁶⁴ См. пункт 9) комментария к руководящему положению 3.1.3.

¹⁵⁶⁵ См. пункт 13) комментария к руководящему положению 3.1.2.

¹⁵⁶¹ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 50 англ. текста, пункт 4.

следует применять те же общие требования, что и в отношении оговорок к договорам, в которых не содержится конкретных положений.

3) Действительно, изменение, внесенное в подпункт *c*) статьи 19 Венской конвенции 1969 года по предложению Польши, следует в этом направлении. В тексте Комиссии подпункт *c*) был сформулирован следующим образом:

*в случаях, когда договор не содержит положений относительно оговорок, оговорка является несовместимой с объектом и целью договора*¹⁵⁶⁶.

Это согласуется с подпунктом *b*), который запрещает формулирование оговорок, иных, чем оговорки, допускаемые положениями об оговорках. Когда разрешение уже не истолковывается а *contrario* как автоматическое исключение другие оговорки, эту формулировку невозможно сохранить¹⁵⁶⁷; поэтому она была заменена на нынешнюю формулировку Редакционным комитетом Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров¹⁵⁶⁸. Результат заключается а *contrario* в том, что если оговорка не подпадает под сферу действия подпункта *b*) (поскольку она не является определенной), то на нее распространяется действие критерия совместимости с объектом и целью договора.

4) В этом, к тому же, заключался аргумент, выдвинутый арбитражным трибуналом, который занимался урегулированием спора в деле *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*, когда он решил, что лишь тот факт, что статья 12 Конвенции о континентальном шельфе позволяет формулировать некоторые оговорки, не определяя их содержание¹⁵⁶⁹, необязательно означает, что такие оговорки автоматически становятся

действительными¹⁵⁷⁰. В таких случаях действительность оговорки «не может презюмироваться только на том основании, что она является или должна являться оговоркой к статье, к которой допускаются оговорки»¹⁵⁷¹. Ее действительность должна оцениваться в свете ее совместимости с объектом и целью договора.

5) Разумеется, а *contrario*, в тех случаях, когда содержание определенной оговорки точно оговорено в самом положении об оговорках, в отношении соответствующей такому положению оговорки не применяется критерий совместимости с объектом и целью договора.

3.1.5 Несовместимость оговорки с объектом и целью договора

Оговорка несовместима с объектом и целью договора, если она затрагивает существенно важный элемент договора, необходимый для его общей структуры, таким образом, что подрывает смысл существования договора.

Комментарий

1) Совместимость оговорки с объектом и целью договора представляет собой по смыслу подпункта *c*) статьи 19 Венских конвенций, который воспроизводится в подпункте *c*) руководящего положения 3.1, основополагающий критерий действительности оговорки. Этот критерий порождает также наибольшее количество трудностей.

2) Вместе с тем понятие объекта и цели договора отнюдь не ограничивается областью оговорок. В Венской конвенции оно встречается в восьми положениях¹⁵⁷², лишь два из которых, а именно подпункт *c*) статьи 19 и пункт 2 статьи 20, касаются оговорок. Однако ни в одном из них не определяется понятие объекта и цели договора и не содержатся какие-либо особые «ключи» к решению этой

¹⁵⁶⁶ Ежегодник... 1966 год, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 202 англ. текста (статья 16).

¹⁵⁶⁷ Однако Польша не внесла никаких поправок к подпункту *c*) с учетом поправки, которую она успешно внесла в отношении подпункта *b*). Вместе с тем поправка Вьетнама, предусматривающая исключение выражения «когда договор не содержит положений относительно оговорок» (A/CONF.39/C.1/L.125), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), п. 134, пара. 177, была отклонена Комитетом полного состава (*ibid.*, п. 136, пара. 182).

¹⁵⁶⁸ Интересно отметить, что причина, приведенная Председателем Редакционного комитета, не увязывает изменение, внесенное в подпункт *c*), с изменением в подпункте *b*). Г-н Яссин просто заявил, что «некоторые члены Комитета считали, что договор, по всей видимости, может содержать положение об оговорках, которое не подпадает ни под одну из категорий, предусмотренных в подпунктах *a*) и *b*)» (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 70-е заседание Комитета полного состава, 14 мая 1968 года, п. 415, пара. 17). См. замечание г-на Бриггса, сделанное в 1965 году в этой же связи во время обсуждений в Комиссии на ее семнадцатой сессии (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 796-е заседание, 4 июня 1965 года, стр. 146 англ. текста, пункт 37).

¹⁵⁶⁹ См. пункт 5) комментария к руководящему положению 3.1.2.

¹⁵⁷⁰ См. дело, касающееся *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (сноска 24 выше), pp. 32–33, para. 39. См. также пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1.2.

¹⁵⁷¹ Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), п. 72. В этом же духе см. Ruda «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), п. 182; или G. Teboul, «Remarques sur les réserves aux conventions de codification», RGDI (1982), pp. 691–692. Против: Imbert, «La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977...» (сноска 1016 выше), pp. 50–53; это мнение, которое является хорошо аргументированным, в недостаточной степени учитывает последствия поправки, внесенной в подпункт *c*) статьи 19 Венской конвенции 1969 года на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров (см. пункт 3) комментария к настоящему руководящему положению выше).

¹⁵⁷² См. статьи 18, 19 *c*), 20, пункт 2, 31, пункт 1, 33, пункт 4, 41, пункт 1 *b*) ii), 58, пункт 1 *b*) ii), и 60, пункт 3 *b*). Можно установить связь с положениями, касающимися «существенно важных оснований» или «важнейших условий в отношении согласия быть связанным положениями договора» (Reuter, «Solidarité et divisibilité...» (сноска 405 выше), п. 627; воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), p. 366).

задачи¹⁵⁷³. Можно лишь сделать вывод о необходимости достаточно высокой степени обобщения: речь не идет о «препарировании» договора или его поста-тейном анализе, а о выявлении «сути» или общей «задачи» договора:

– единодушно признано, что подпункт *a*) ста-тьи 18 Венской конвенции не обязывает подписав-шее договор государство соблюдать этот договор, а лишь предписывает ему воздерживаться от дей-ствий, в результате которых он стал бы нефункци-ональным до того, как оно выразит свое согласие на обязательность для него договора¹⁵⁷⁴;

– пункт 1 *b*) ii) статьи 58 составлен в том же духе: предположительно, речь идет не о принужде-нии к соблюдению договора, поскольку сама цель этого положения заключается в определении усло-вий, при которых действие договора может быть приостановлено, а скорее о сохранении того, что является существенно важным по мнению договари-вающих государств;

– пункт 1 *b*) ii) статьи 41 также направлен на обе-спечение «эффективного осуществления... договора в целом*»¹⁵⁷⁵ в случае, если он изменяется только в отношениях между некоторыми сторонами;

– подобным образом пункт 3 *b*) статьи 60 опреде-ляет «существенное нарушение» договора в отличие от других нарушений как «нарушение положения, имеющего *существенное значение**» [для договора]; и

– согласно пункту 1 статьи 31 и пункту 4 ста-тьи 33 предполагается, что объект и цель договора «разъясняют» его общее значение, способствуя его толкованию¹⁵⁷⁶.

3) Едва ли можно сомневаться в том, что выражение «объект и цель договора» имеет одно и то же значе-ние во всех этих положениях: одним из доказательств

этого является то, что сэр Хэмфри Уолдок, которого без преувеличения можно считать подлинным «осно-воположником» права оговорок к международным договорам в Венской конвенции, прямо ссылаясь на них¹⁵⁷⁷ для обоснования включения этого крите-рия в подпункт *c*) статьи 19 посредством своего рода аргументации *a fortiori*: поскольку «объект и цель договора являются критериями основополагающей важности для толкования... договора» и поскольку «Комиссия предложила, чтобы государство, которое подписало, ратифицировало, приняло или одобрило договор или присоединилось к нему, еще до вступи-ления договора в силу, воздержалось от действий, вследствие которых цели договора были бы сведены на нет», было бы «достаточно странным признавать право формулировать оговорки, несовместимые с объектом и целью договора»¹⁵⁷⁸. Однако проблема остается нерешенной: это просто подтверждает, что речь идет об уникальном и непостоянном кри-терии, но его определение остается неясным. Как отмечалось, «объект и цель договора действительно являются своего рода загадкой»¹⁵⁷⁹. Разумеется, что попытка, предпринятая в подпункте *c*) статьи 19 с целью привести, следуя консультативному заклю-чению Международного Суда 1951 года¹⁵⁸⁰, элемент объективности в весьма субъективную систему, не является в полной мере убедительной¹⁵⁸¹: «Утверж-дение о том, что та или иная конкретная оговорка противоречит объекту и цели, легче выдвинуть, чем

¹⁵⁷⁷ Если быть точнее, то на (нынешние) статьи 18 и 31.

¹⁵⁷⁸ Четвертый доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 51 англ. текста, пункт 6.

¹⁵⁷⁹ Buffard and Zemanek, «The "object and purpose"» (сноска 1573 выше), р. 342. Неопределенность, присущая этому критерию, отмечалась (и критиковалась с различной степе-нью остроты) в научных трудах: см., например, Aust, *Modern Treaty Law and Practice* (сноска 155 выше), р. 111; P.-M. Dupuy, *Droit international public*, 8th ed., Paris, Dalloz, 2006, р. 286; G.G. Fitzmaurice, «Reservations to multilateral conventions», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 2 (1953), р. 12; Rama-Montaldo, «Human rights conventions...» (сноска 1552 выше), р. 1265; Rousseau, *Droit international public* (сноска 351 выше), р. 126; или Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), pp. 695–696. См. также первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Пелле, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, пункт 109. См. также F. Coulée, «A propos d'une controverse autour d'une codification en cours: les réactions aux réserves incompatibles avec l'objet et le but des traités de protection des droits de l'homme», в *Libertés, justice, tolérance: Mélanges en hommage au Doyen Gérard Cohen-Jonathan*, vol. I, Brussels, Bruylant, 2004, pp. 501–521.

¹⁵⁸⁰ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше): «Из этого следует, что критерием отношения государства, сопровождающего свое присоединение к договору выражением оговорки, и государства, считающего необходимым возразить против этой оговорки, должна быть совместимость оговорки с объектом и целью Конвенции [о предупреждении преступления геноцида и наказании за него]. Такова норма поведения, которой должно руководствоваться каждое государство при вынесении в индивидуальном порядке своего собственного суждения относительно правомерности оговорки» (р. 24).

¹⁵⁸¹ Согласно Ж.К. Коху, «тем самым Международный Суд включил телеологическую формулировку в вокабуляр об огово-рках, в котором ранее доминировал термин "согласие"» (Koh, «Reservations to multilateral treaties:...» (сноска 1443 выше), р. 85).

¹⁵⁷³ Как отмечали И. Бюффар и К. Земанек, в комментариях к проектам статей Комиссии 1966 года этот вопрос практически не поднимается (см. I. Buffard and K. Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?», *Austrian Review of International and European Law*, vol. 3, No. 3 (1998), pp. 311–343, at p. 322). Относительно проектов статей о праве международных догово-ров с комментариями к ним, принятым Комиссией в 1966 году, см. *Ежегодник... 1966 год*, том II, стр. 177–274 англ. текста.

¹⁵⁷⁴ См., например, Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), р. 62, который определяет обязательство, выте-кающее из статьи 18, как обязательство поведения; P. Cahier, «L'obligation de ne pas priver un traité de son objet et de son but avant son entrée en vigueur», *Mélanges Fernand Dehousse*, Paris, Nathan, 1979, vol. 1, р. 31; или P. Palchetti, «Article 18 of the 1969 Vienna Convention: a vague and ineffective obligation or a useful means for strengthening legal cooperation», в Cannizzaro (ed.), *The Law of Treaties...* (сноска 1045 выше), pp. 25–36.

¹⁵⁷⁵ В этом положении слова «объект и цель», которые заме-нены многоточием в вышеприведенной цитате, скорее скрывают смысл, нежели разъясняют его.

¹⁵⁷⁶ См. Pajzs, Csáky and Esterházy, постановление от 16 дека-бря 1936 года, *P.C.I.J., Series A/B, No. 68*, р. 30, at p. 60; см. также S. Bastid, *Les traités dans la vie internationale – conclusion et effets*, Paris, Economica, 1985, р. 131, или Sur, *L'interprétation...* (сноска 155 выше), pp. 227–230.

обосновать»¹⁵⁸². В своем совместном особом несогласном мнении ряд судей в 1951 году подвергли критике решение большинства в консультативном заключении по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, подчеркнув, что оно не может «дать окончательные и логически обоснованные результаты»¹⁵⁸³, и это было одним из главных мотивов нежелания Комиссии принять гибкую систему, установленную Международным Судом в 1951 году:

Даже если считать возможным в принципе проведение различия между положениями, которые затрагивают объект и цель Конвенции, и положениями, которые имеют менее прямое отношение к ним, Комиссия не понимает, как это различие может быть несубъективным¹⁵⁸⁴.

4) Сам сэр Хэмфри Уолдок в своем столь важном первом докладе о праве международных договоров в 1962 году¹⁵⁸⁵ также высказывал свои сомнения:

[...] принцип, примененный Судом, по существу является субъективным и не подходит для использования в качестве общего критерия определения того, имеет государство или нет право на то, чтобы рассматриваться в качестве стороны многостороннего договора. Этот критерий мог бы быть сохранен, если бы вопрос о «совместимости с целью и объектом договора» мог быть предметом объективного суждения; однако дело обстоит иначе...

Тем не менее, установленный Судом критерий «совместимости с объектом и целью Конвенции» бесспорно основан на важной концепции, которую должны учитывать как государства, формулирующие оговорки, так и государства, которые решают вопрос о том, согласятся они или нет с оговоркой, которая была сформулирована другим государством.... Считая также, что установленный Судом принцип является важным в качестве общей концепции, Специальный докладчик полагает, что существуют определенные трудности с использованием его в качестве критерия статуса сформулировавшего оговорку государства в качестве стороны того или иного договора в сочетании с объективным критерием согласия с оговоркой других государств или ее отклонения ими¹⁵⁸⁶.

¹⁵⁸² Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), pp. 82–83.

¹⁵⁸³ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), p. 44.

¹⁵⁸⁴ Доклад Комиссии международного права о работе ее третьей сессии, *Ежегодник... 1951 год*, том II, документ A/1858, стр. 123 англ. текста, в особенности стр. 128 англ. текста.

¹⁵⁸⁵ Именно в этом первом докладе он представил Комиссии «гибкую систему» и решительно отстаивал ее (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 63–66 англ. текста).

¹⁵⁸⁶ Там же, стр. 65–66 англ. текста, пункт 10; в этом же ключе см. устное заявление сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 139 англ. текста, пункты 4–6; однако во время обсуждения Специальный докладчик, не колеблясь, охарактеризовал принцип совместимости в качестве «критерия» (см. стр. 145 англ. текста, пункт 85 – из этого пункта также следует, что с самого начала по замыслу сэра Хэмфри Уолдока этот критерий был решающим в том, что касается формулирования оговорок (в отличие от возражений, в отношении которых только принцип согласия представлялся для него практически возможным)). Формулировка, использованная в пункте 2 а) проекта статьи 17, предложенная Специальным докладчиком, отражала эту неопределенность: «При формулировании оговорок согласно положениям пункта 1 а) настоящей статьи [что касается этого положения см. пункт 3) комментария к руководящему положению 3.1.1)] государство учитывает совместимость оговорок с объектом и целью договора» (*Ежегодник... 1962 год*, том II, стр. 60 англ. текста). Этот принцип получил общее одобрение во время обсуждений в Комиссии в 1962 году (см., в частности, г-н Бриггс (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 140 англ.

Однако «переход» этого же Специального докладчика к понятию совместимости с объектом и целью договора не только в качестве критерия для определения действительности оговорок, но и в качестве ключевого элемента, который надлежит учитывать при толковании¹⁵⁸⁷, был быстрым¹⁵⁸⁸.

5) В самом деле, этот критерий имеет большие достоинства. Несмотря на неизбежные «пределы субъективности», которые, однако, ограничиваются общим принципом добросовестности, – подпункт с) статьи 19 является полезным ориентиром, позволяющим логичным образом урегулировать большинство возникающих проблем.

6) Подготовительные материалы, касающиеся этого положения, мало помогают при определении смысла этого выражения¹⁵⁸⁹. Как отмечалось¹⁵⁹⁰, комментарий к проекту статьи 16, принятому обычно более многословной Комиссией в 1966 году, ограничивается единственным пунктом и содержит лишь косвенный намек на трудности, связанные с определением объекта и цели договора, посредством простой ссылки на проект статьи 17¹⁵⁹¹: «Приемлемость или неприемлемость оговорки согласно подпункту с) ...во всех случаях в значительной степени зависит от оценки приемлемости оговорки другими договаривающимися государствами»¹⁵⁹².

текста, пункт 23); г-н Лахс (стр. 142 англ. текста, пункт 54); г-н Розенн (стр. 144–145 англ. текста, пункт 79), который без колебаний говорит о «критерии» (см. также стр. 145 англ. текста, пункт 82, и 653-е заседание, 29 мая 1962 года, стр. 156 англ. текста, пункт 27); г-н Кастрен (652-е заседание, 28 мая 1962 года, стр. 148 англ. текста, пункт 25), и в 1965 году (см. г-н Яссин (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 797-е заседание, 8 июня 1965 года, стр. 149–150 англ. текста, пункт 20); г-н Тункин (стр. 150 англ. текста, пункт 25); см., однако, возражения Де Луны (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 652-е заседание, 28 мая 1962 года, стр. 148 англ. текста, пункт 18, и 653-е заседание, стр. 160 англ. текста, пункт 67); г-н Грос (652-е заседание, стр. 150 англ. текста, пункты 47–51); или г-н Аго (653-е заседание, стр. 157 англ. текста, пункт 34); или, в ходе обсуждения в 1965 году, возражения г-на Руды (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 796-е заседание, 4 июня 1965 года, стр. 147 англ. текста, пункт 55, и 797-е заседание, 8 июня 1965 года, стр. 154 англ. текста, пункт 69); и г-н Аго (798-е заседание, 9 июня 1965 года, стр. 161 англ. текста, пункт 71)). До самого конца г-н Суруока выступал против подпункта с) и по этой причине воздержался при голосовании по проекту статьи 18 в целом (который был принят 16 голосами при одном воздержавшемся, причем никто не голосовал против, 2 июля 1965 года – там же, 816-е заседание, 2 июля 1965 года, стр. 283 англ. текста, пункт 42)).

¹⁵⁸⁷ См. пункт 1 статьи 31 Венской конвенции 1969 года.

¹⁵⁸⁸ См. Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), pp. 320–321.

¹⁵⁸⁹ *Ibid.*, pp. 319–321.

¹⁵⁹⁰ C. Redgwell, «The law of reservations in respect of multilateral conventions», в Gardner (ed.), *Human Rights as General Norms...* (сноска 1527 выше), p. 7.

¹⁵⁹¹ Будущая статья 20 Венской конвенции 1969 года. Эта статья, однако, ни в коей мере не решает этот вопрос, который остается открытым.

¹⁵⁹² *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 207 англ. текста, пункт 17. Комментарий к соответствующему положению, принятому в 1962 году (статья 18, пункт 1 d)), не дает ничего нового (см. *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 180 англ. текста, пункт 15)).

7) Обсуждение подпункта *c*) этого положения в Комиссии¹⁵⁹³ и впоследствии на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров¹⁵⁹⁴ не проливает больше света на смысл выражения «объект и цель договора» применительно к этому положению. Международная судебная практика также не дает возможности определить его несмотря на то, что оно является общеприменимым¹⁵⁹⁵. Однако в ней можно найти некоторые полезные указания, в частности в консультативном заключении Международного Суда, вынесенном в 1951 году в отношении *Reservations to the Convention for the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*.

8) Как представляется, это выражение впервые было использовано в его нынешнем виде¹⁵⁹⁶ в консультативном заключении Постоянной палаты международного правосудия от 31 июля 1930 года по делу *Greco-Bulgarian «Communities»*¹⁵⁹⁷. Однако только в 1986 году в решении по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*¹⁵⁹⁸ Палата положила конец тому, что характеризовалось как «терминологический хаос»¹⁵⁹⁹, вероятно под воздействием Венской конвенции 1969 года¹⁶⁰⁰.

¹⁵⁹³ См. сноску 1586 выше.

¹⁵⁹⁴ Знаменательно, что ни одна из поправок, предложенных к проекту статьи 16 Комиссией, включая самые радикальные, не ставит под сомнение этот принцип. Самое большое, поправки Испании, Соединенных Штатов Америки и Колумбии содержат предложение добавить понятие «характера» договора или заменить им понятие объекта (см. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1.1).

¹⁵⁹⁵ См. Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), pp. 312–319; см. также сноски 1596 и 1599 ниже.

¹⁵⁹⁶ Бюффар и Земанек отмечают («The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), p. 315), что уже в консультативном заключении Постоянной палаты международного правосудия от 23 июля 1926 года по делу *Competence of the International Labour Organization to Regulate, Incidentally, the Personal Work of the Employer* использовалось выражение «объект и сфера охвата» в отношении Части XIII Мирного договора между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор), 1926, *P.C.I.J. Series B, No. 13*, p. 18. Эти же авторы, которые широко цитируют соответствующие решения Суда, указывают на трудность закрепления окончательной терминологии (в основном на английском языке) в решениях Суда (Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), pp. 315–316).

¹⁵⁹⁷ *The Greco-Bulgarian «Communities», 1930, P.C.I.J. Series B, No. 17*. Однако термины были переставлены: Суд основывался на выражении «цель и объект» из Конвенции между Грецией и Болгарией, касающейся взаимной эмиграции, подписанной в Нейи-сюр-Сен 27 ноября 1919 года (*ibid.*, p. 21). Текст Конвенции см. *ibid.*, p. 37.

¹⁵⁹⁸ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits*, постановление от 27 июня 1986 года, *I.C.J. Reports 1986*, p. 14, at pp. 135–137, paras. 271–273, p. 138, para. 275, или pp. 140–141, para. 280.

¹⁵⁹⁹ Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), p. 316.

¹⁶⁰⁰ С этого времени терминология, использовавшаяся Судом, как представляется, прочно утвердилась, см.: *Border and Transborder Armed Actions* (сноска 670 выше), p. 89, para. 46; *Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen*, постановление от 14 июня 1993 года, *I.C.J. Reports 1993*, p. 38, at pp. 49–51, paras. 25–27; *Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)*, постановление от 3 февраля 1994 года, *I.C.J. Reports 1994*, p. 6, at pp. 25–26, para. 52; *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary*

Вместе с тем сложно вынести что-либо весомое из этой относительно обширной судебной практики в отношении метода, которого следует придерживаться при определении объекта и цели того или иного конкретного договора: Суд часто использует простые констатации¹⁶⁰¹, и, когда он пытается обосновать свою позицию, он делает это на эмпирической основе¹⁶⁰².

9) Рассматривался вопрос о том, не следует ли во избежание трудностей, связанных с такой неопределенностью, разъединить понятие «объект и цель договора», с тем чтобы определить по отдельности объект и цель. Например, при обсуждении проекта статьи 55 о норме *pacta sunt servanda*, Рейтер подчеркнул, что «объект обязательства – это одно, а его цель – другое»¹⁶⁰³. Хотя это различие принято в док-

Objection, постановление от 12 декабря 1996 года, *I.C.J. Reports 1996*, p. 803, at p. 813, para. 27; *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, постановление от 25 сентября 1997 года, *I.C.J. Reports 1997*, p. 7, at p. 64, para. 104, and p. 67, para. 110; *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria* (сноска 199 выше), p. 318, para. 98; *Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia)*, постановление от 13 декабря 1999 года, *I.C.J. Reports 1999*, p. 1045, at pp. 1072–1073, para. 43; *LaGrand (Germany v. United States of America)*, постановление от 27 июня 2001 года, *I.C.J. Reports 2001*, p. 466, at pp. 502–503, para. 102; *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), Merits*, постановление от 17 декабря 2002 года, *I.C.J. Reports 2002*, p. 625, at p. 652, para. 51; *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, временные меры, постановление от 31 марта 2004 года, *I.C.J. Reports 2004*, p. 12, at p. 48, para. 85; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, консультативное заключение от 9 июля 2004 года, *I.C.J. Reports 2004*, p. 136, at p. 179, para. 109; *Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. Belgium)*, предварительные возражения, постановление от 15 декабря 2004 года, *I.C.J. Reports 2004*, p. 279, at p. 319, para. 102; *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda), Jurisdiction and Admissibility*, постановление от 3 февраля 2006 года, *I.C.J. Reports 2006*, p. 6, at pp. 32 and 35, paras. 66–67 and 77; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, постановление от 26 февраля 2007 года, *I.C.J. Reports 2007*, p. 43, at pp. 109–110 and 126, paras. 160 and 198; *Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua)*, постановление от 13 июля 2009 года, *I.C.J. Reports 2009*, p. 213, at p. 246, para. 79; *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, постановление от 20 апреля 2010 года, *I.C.J. Reports 2010*, p. 14, at pp. 48, 55, 66 and 105–106, paras. 75, 98, 143 and 281.

¹⁶⁰¹ См., например, дела *Jurisdiction of the European Commission of the Danube between Galatz and Braila*, консультативное заключение от 8 декабря 1927 года, *P.C.I.J., Series B, No. 14*, p. 64: «Очевидно, что объект Парижского договора [1856 года] (...) состоял в обеспечении свободы навигации...»; *International Status of South-West Africa*, Advisory Opinion of 11 July 1950 (см. сноску 167 выше), pp. 136–137, и следующие решения, упомянутые в предыдущей сноске: *Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen* (постановление от 14 июня 1993 года), p. 50, para. 27; *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)* (постановление от 25 сентября 1997 года), p. 67, para. 110; *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria* (постановление от 11 июня 1998 года), p. 318, para. 98; *LaGrand* (постановление от 27 июня 2001 года), p. 502, para. 102; и *Legality of Use of Force* (постановление от 15 декабря 2004 года), p. 319, para. 102.

¹⁶⁰² См. пункт 3) комментария к руководящему положению 3.1.5.1 ниже.

¹⁶⁰³ *Ежегодник... 1964 год*, том I, 19 мая 1964 года, 726-е заседание, стр. 26 англ. текста, пункт 77. Однако в других случаях этот же автор проявлял определенный скептицизм относительно полезности такого различия (см. Reuter, «Solidarité et

трине Франции (или франкоязычных стран)¹⁶⁰⁴, оно вызывает скептицизм среди ученых, получивших образование в немецкоговорящих или англоговорящих странах¹⁶⁰⁵.

10) Однако один (французский) ученый убедительно доказал, что «вопрос не может быть урегулирован» посредством ссылки на международную судебную практику¹⁶⁰⁶, особенно поскольку ни объект — определенный как содержание самого договора¹⁶⁰⁷ — и еще в меньшей степени цель — искомый результат¹⁶⁰⁸ — не остаются неизменными с течением времени, о чем ясно свидетельствует теория «emergent purpose» [эволюционирующей цели], выдвинутая сэром Джеральдом Фитцморисом: «Понятие объекта или цели само по себе не является закрепленным и статичным, а подвержено изменениям или, скорее, развивается по мере накопления опыта, связанного с действием и функционированием конвенции»¹⁶⁰⁹. Поэтому не вызывает удивления то, что попытки, предпринятые в трудах ученых в целях определения общего метода выявления объекта и цели договора, вызывают разочарование¹⁶¹⁰.

divisibilité...» (сноска 405 выше), p. 628 (также воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), p. 367)).

¹⁶⁰⁴ См. Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), pp. 325–327; см. также сноску выше.

¹⁶⁰⁵ Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), pp. 322–325 and 327–328.

¹⁶⁰⁶ Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), p. 696.

¹⁶⁰⁷ См., например, J.-P. Jacqué, *Éléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public*, Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1972, p. 142: «Объект того или иного договора заключается в правах и обязательствах, которые он порождает».

¹⁶⁰⁸ *Ibid.*

¹⁶⁰⁹ Сэр Джеральд Фитцморис, «The law and procedure of the International Court of Justice...» (сноска 421 выше), p. 208. См. также Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), p. 697, или W.A. Schabas, «Reservations to the Convention on the Rights of the Child», *Human Rights Quarterly*, vol. 18 (1996), p. 479.

¹⁶¹⁰ Самый убедительный метод, разработанный Бюффар и Земанек, предполагает двухэтапный процесс: на первом этапе следует иметь «доступ к названию, преамбуле и, в случае наличия, статьям договора, которые отражают его общее предназначение»; на втором этапе достигнутый таким образом *prima facie* вывод следует подвергнуть апробации в свете текста договора (Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), p. 333). Однако применение этого представляющегося логичным метода (хотя он меняет приоритеты, предусмотренные статьей 31 Венской конвенции, согласно которой отправной точкой для любого толкования являются «термины договора»; см. также консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека от 8 сентября 1983 года в *Restrictions to the Death Penalty* (сноска 197 выше), para. 50) к конкретным ситуациям не дает убедительных результатов: авторы признают, что они не могут объективно и просто определить объект и цель четырех из пяти договоров или групп договоров, которые были взяты для примера (Устав Организации Объединенных Наций, Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция 1969 года, общие конвенции о правах человека и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также другие конвенции о правах человека, касающиеся конкретных прав; предлагаемый метод является убедительным только в последнем случае (Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), pp. 334–342), в связи с чем авторы делают вывод

11) Как отмечал Аго во время обсуждения в Комиссии проекта статьи 17 (который стал статьей 19 Венской конвенции 1969 года):

Вопрос о материальной действительности оговорок может решаться только посредством отсылки к условиям договора в целом. Чаще всего можно провести различие между существенно важными положениями договора, которые, как правило, не допускают оговорки, и менее важными положениями, в отношении которых можно формулировать оговорки¹⁶¹¹.

Существуют два основополагающих элемента: объект и цель могут определяться только с помощью анализа договора в целом¹⁶¹²; и на основе этого критерия оговорки к «существенно важным» положениям¹⁶¹³ и только к таким положениям отклоняются.

12) Иными словами, необходимо сохранить «смысл существования»¹⁶¹⁴ договора, его основную суть¹⁶¹⁵, для того чтобы избежать подрыва «эффективности»¹⁶¹⁶ договора в целом. «Это предполагает проведение различия между всеми

о том, что рассматриваемое понятие действительно по-прежнему остается «загадкой» (см. пункт 3) настоящего комментария выше). Попытки разработки других доктрин вряд ли являются более убедительными, несмотря на тот факт, что их авторы часто категоричны в определении объекта и целей анализируемого договора. Следует признать, что зачастую речь идет о конвенциях о правах человека, которые легко поддаются толкованию, диктуемому идеологически ориентированными позициями, одним из проявлений которых является утверждение о том, что все существенные положения этих договоров определяются их объектом и их целью (что с чисто логической точки зрения равнозначно исключению возможности действительности любой оговорки). Критические замечания относительно этой экстремальной точки зрения см. W.A. Schabas, «Reservations to the Convention on the Rights of the Child», сноска выше, pp. 476–477, или работу того же автора «Invalid reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights: is the United States still a party?», *Brooklyn Journal of International Law*, vol. 21, No. 2 (1995), pp. 291–293. Что касается позиции Комитета по правам человека, то см. пункт 3) комментария к руководящему положению 3.1.5.6. См. также B. Simma and G.I. Hernández, «Legal consequences of an impermissible reservation to a human rights treaty: where do we stand?», в Cannizzaro (ed.), *The Law of Treaties beyond the Vienna Convention* (сноска 1045 выше), pp. 70–71.

¹⁶¹¹ *Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 141 англ. текста, пункт 35.

¹⁶¹² Речь идет об анализе оговорки на предмет ее совместимости «с общей структурой» договора (Bartoš, *ibid.*, pp. 141–142, para. 40).

¹⁶¹³ А не те, которые связаны «только с деталями» (Paredes, *ibid.*, p. 146, para. 90).

¹⁶¹⁴ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), p. 21: «ни одна из договаривающихся сторон не имеет права подрывать или ставить под угрозу (...) то, что является целью, смыслом существования конвенции».

¹⁶¹⁵ Заявление представителя Франции в Третьем комитете на Генеральной Ассамблее, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, одиннадцатая сессия, Третий комитет*, 703-е заседание, 6 декабря 1956 года, цитируется в A.-C. Kiss, *Répertoire de la pratique française en matière de droit international public*, Paris, Centre national de la recherche scientifique, 1962, vol. 1, p. 277, No. 552.

¹⁶¹⁶ См. Европейский суд по правам человека, *Loizidou v. Turkey*, предварительные возражения, постановление от 23 марта 1995 года (сноска 304 выше), Series A, No. 310, p. 27, para. 75: признание отдельных режимов обеспечения соблюдения Европейской конвенции о правах человека «снизило бы... эффективность Конвенции в качестве конституционного инструмента европейского публичного порядка».

обязательствами, предусмотренными в договоре, и основополагающими обязательствами, в которых заключается смысл существования договора»¹⁶¹⁷.

13) Несмотря на то, что общие концепции представляются достаточно ясными, выразить их в простой формулировке нелегко. «Порог», определенный в руководящем положении 3.1.5, является слишком высоким и может неоправданно содействовать формулированию оговорок. Любая оговорка по определению «направлена на исключение или изменение юридического действия определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применении» к автору оговорки¹⁶¹⁸, и определение объекта и цели не должно быть столь широким, чтобы оно сводило на нет право формулирования оговорок. Ограничивая несовместимость оговорки с объектом и целью договора случаями, в которых а) она наносит ущерб какому-либо основному элементу, б) является необходимой для общей структуры договора и с) тем самым ставит под угрозу смысл существования договора, формулировка руководящего положения 3.1.5 обеспечивает удовлетворительное равновесие между необходимостью сохранения целостности договора и стремлением содействовать как можно более широкому участию в многосторонних конвенциях¹⁶¹⁹.

14) Хотя точное определение каждого из этих трех неразрывно связанных друг с другом требований является, пожалуй, невозможным, было бы полезно сделать ряд уточнений:

а) выражение «основной элемент» не обязательно ограничивается отдельным положением. «Основной элемент» может представлять собой норму, право или обязательство, которое, рассматриваемое в соответствующем контексте¹⁶²⁰, является необходимым для общей структуры договора, и его исключение или изменение ставят под угрозу смысл существования договора. Как правило, это происходит в том случае, когда государство стремится исключить или значительно изменить положение договора, которое само по себе отражает объект и цель договора. Так, оговорка, исключающая применение положения, сопоставимого со статьей I Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах, подписанного в Тегеране 15 августа 1955 года между Соединенными Штатами Америки и Ираном¹⁶²¹, несомненно, нанесла бы ущерб «основному элементу» по смыслу руководящего

положения 3.1.5, учитывая тот факт, что это положение «должно рассматриваться как устанавливающее цель, в свете которой должны толковаться и применяться другие договорные положения»¹⁶²²;

б) таким образом, необходимо, чтобы этот «основной элемент» являлся «необходимым для общей структуры договора», т.е. для равновесия между правами и обязательствами, которые образуют его суть, или для общей идеи, лежащей в основе договора¹⁶²³. Хотя Комиссия не столкнулась с трудностями при избрании для текста на французском языке выражения «*économie générale du traité*», которое, по ее мнению, неплохо отражает идею о том, что основной характер положения, которого касается оговорка, следует оценивать с учетом всего договора в целом, она испытывала значительно большие колебания в связи с выбором соответствующего английского выражения. Так, рассмотрев выражения «*general framework*», «*general structure*» и «*overall structure*», она посчитала, что преимущество выражения «*general tenor*» состоит в том, что оно справедливо делает акцент на общем характере оценки, которую необходимо провести, и не создает слишком жесткие рамки для толкования. Так, Международный Суд определил объект и цель договора, учитывая не только его преамбулу, но и его «структуру», определяемую самими положениями договора, рассматриваемыми в их совокупности¹⁶²⁴;

с) аналогичным образом, стремясь избежать слишком высокого «порога», Комиссия предпочла прилагательное «*necessary*» более сильному прилагательному «*essential*» и остановилась на глаголе «*impair*» (а не на глаголе «*vitate*») для применения к выражению «*raison d'être*» договора, при том понимании, что «*raison d'être*» может являться простым и однозначным (смысл существования Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года четко определен ее названием) или значительно более сложным (будь то в случае конвенции, содержащей многочисленные взаимозависимые права и обязанности, как, например, общие договоры о правах человека¹⁶²⁵, или какой-либо конвенции об охране окружающей среды или инвестиций, охватывающей широкий круг вопросов), и что

¹⁶²² Международный Суд, *Oil Platforms, Judgment of 12 December 1996* (см. сноску 1600 выше), p. 814, para. 28.

¹⁶²³ Поскольку все договоры ни в обязательном порядке, ни целиком не основываются на равновесии между правами и обязательствами (см., в частности, договоры, касающиеся «комплексных обязательств», включая договоры о правах человека, второй доклад о праве международных договоров, подготовленный Специальным докладчиком сэром Джеральдом Фитцморисом, *Ежегодник... 1957 год*, том II, документ A/CN.4/107, стр. 54–55 англ. текста, пункты 125–128).

¹⁶²⁴ См. дела, касающиеся *Oil Platforms* (сноска 1600 выше), p. 813, para. 27, и *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan, Judgment of 17 December 2002, ibid.*, p. 652, para. 51.

¹⁶²⁵ См. руководящее положение 3.1.5.6 ниже. См. также Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 454–455, paras. 123–125.

¹⁶¹⁷ Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), p. 83; см. также p. 59; см. также L. Sucharipa-Behrmann, «The legal effects of reservations to multilateral treaties», *Austrian Review of International and European Law*, vol. 1, No. 1 (1996), p. 76.

¹⁶¹⁸ См. пункт 2 руководящего положения 1.1.

¹⁶¹⁹ См. A. Pellet and D. Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil» в U. Fastenrath et al. (eds.), *From Bilateralism to Community Interest, Essays in Honour of Judge Bruno Simma*, Oxford University Press, 2011, pp. 524–530.

¹⁶²⁰ См. руководящее положение 3.1.5.1.

¹⁶²¹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 284, No. 4132, p. 93.

можно даже поднять вопрос о том, не может ли это понятие изменяться с течением времени¹⁶²⁶.

15) Так или иначе, руководящее положение 3.1.5, скорее, указывает направление, нежели устанавливает ясный критерий, который может непосредственно применяться во всех случаях. В этой связи представляется целесообразным дополнить его двумя путями: с одной стороны, попытавшись указать средства определения объекта и цели договора как в руководящем положении 3.1.5.1, и с другой — яснее проиллюстрировав методологию посредством ряда примеров, выбранных из областей, где часто возникает вопрос о допустимых оговорках (руководящие положения 3.1.5.2–3.1.5.7).

3.1.5.1 Установление объекта и цели договора

Объект и цель договора должны устанавливаться добросовестно, с учетом терминов договора в их контексте, в частности названия договора и преамбулы к нему. Возможно также обращение к подготовительным материалам договора и обстоятельствам его заключения и, когда это уместно, последующей практике участников.

Комментарий

1) Совсем нелегко объединить в одной формуле все элементы, которые следует принять во внимание в каждом конкретном случае при определении объекта и цели договора. Применительно к данной ситуации такой процесс, без сомнения, требует больше «тонкости», чем «геометрического подхода»¹⁶²⁷, как и любой акт толкования, и этот процесс, разумеется, является процессом толкования.

2) С учетом большого разнообразия ситуаций и их подверженности изменениям с течением времени¹⁶²⁸ представляется невозможным разработать единый комплекс методов для определения объекта и цели договора, и следует признать, что определенная степень субъективности неизбежна, — однако это не является чем-то необычным в праве в целом и в международном праве, в частности.

3) В этом ключе можно отметить, что Международный Суд определял объект и цель договора на основе следующих весьма изменчивых элементов, рассматривая их по отдельности или вместе:

- его названия¹⁶²⁹;
- его преамбулы¹⁶³⁰;
- статьи в начале договора, которая «должна рассматриваться как устанавливающая цель, в свете которой должны толковаться и применяться другие договорные положения»¹⁶³¹;
- статьи договора, которая демонстрирует «основные интересы каждой договаривающейся стороны» при заключении договора¹⁶³²;
- подготовительных материалов договора¹⁶³³; и
- его общей структуры¹⁶³⁴.

¹⁶²⁹ См. *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway), Judgment of July 6th, 1957: I.C.J. Reports 1957*, p. 9, at p. 24; но см. дела *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Merits*, постановление от 27 июня 1986 года (сноска 1598 выше), pp. 136–137, para. 273, и *Oil Platforms* (сноска 1600 выше), p. 814, para. 28.

¹⁶³⁰ См. консультативное заключение Постоянной палаты международного правосудия от 31 июля 1930 года по делу *Greco-Bulgarian «Communities»* (сноска 1597 выше), p. 19; или постановления Международного Суда по делам *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco*, постановление от 27 августа 1952 года (сноска 157 выше), p. 196; *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Merits*, постановление от 27 июня 1986 года (сноска 1598 выше), p. 138, para. 275; *Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)* (сноска 1600 выше), pp. 25–26, para. 52; и *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan, Merits*, постановление от 17 декабря 2002 года, *ibid.*, p. 652, para. 51; см. также особое мнение судьи Анцилотти, содержащееся в приложении к консультативному заключению от 15 ноября 1932 года в *Interpretation of the 1919 Convention Concerning Employment of Women During the Night, P.C.I.J., Series A/B, No. 50*, p. 384.

¹⁶³¹ *Oil Platforms*, постановление от 12 декабря 1996 года (см. сноску 1600 выше), p. 814, para. 28.

¹⁶³² *Kasikili/Sedudu Island*, постановление от 13 декабря 1999 года (см. сноску 1600 выше), pp. 1072–1073, para. 43.

¹⁶³³ Зачастую как способ подтверждения толкования, основанного на самом тексте; см. постановление Международного Суда по делам *Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)* от 3 февраля 1994 года (сноска 1600 выше), pp. 27–28, paras. 55–56, *Kasikili/Sedudu Island* от 13 декабря 1999 года, *ibid.*, p. 1074, para. 46, или консультативное заключение от 9 июля 2004 года по делу *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, ibid.*, p. 179, para. 109; см. также особое мнение судьи Анцилотти по делу *Interpretation of the Convention of 1919 concerning the Employment of Women during the Night* (сноска 1630 выше), pp. 388–389. В своем консультативном заключении от 28 мая 1951 года по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 23, Суд придает определенное значение «истокам» Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

¹⁶³⁴ См. консультативные заключения Постоянной палаты международного правосудия по делам *Competence of the International Labour Organization to regulate, incidentally, the personal work of the employer* от 23 июля 1926 года (сноска 1596 выше), p. 18, или *The Greco-Bulgarian «Communities»* от 31 июля 1930 года (сноска 1597 выше), p. 20; см. также постановления Международного Суда по делам *Oil platforms* от 12 декабря 1996 года (сноска 1600 выше), p. 813, para. 27, и *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan* от 17 декабря 2002 года, *ibid.*, p. 652, para. 51.

¹⁶²⁶ См. пункт 10) выше, и пункт 7) комментария к руководящему положению 3.1.5.1 ниже.

¹⁶²⁷ B. Pascal, *Pensées*, в *Oeuvres complètes*, Paris, Bibliothèque de la Pléiade, N.R.F.-Gallimard, 1954, p. 1091.

¹⁶²⁸ См. пункт 10) комментария к руководящему положению 3.1.5 выше. Может быть также поднят вопрос о том, может ли кумулятивный эффект отдельных оговорок, каждая из которых, взятая в отдельности, является приемлемой, в конечном счете привести к их несовместимости с объектом и целью договора (см. Clark, «The Vienna Convention reservations regime...» (сноска 1087 выше), p. 314; или Cook, «Reservations to the Convention...» (сноска 44 выше), pp. 706–707).

4) Однако это сложно считать, собственно говоря, «методом»: эти разрозненные элементы принимаются во внимание иногда отдельно, иногда вместе, и Суд формирует «общее впечатление», причем субъективность неизбежно играет большую роль¹⁶³⁵. Вместе с тем, когда речь идет о проблеме толкования, представляется правомерным перенести *mutatis mutandis* принципы, изложенные в статьях 31–32 Венских конвенций и применимые к толкованию договоров, а именно «общую норму толкования», изложенную в статье 31, и «дополнительные средства толкования», изложенные в статье 32¹⁶³⁶, и адаптировать их к определению объекта и цели договора.

5) Комиссия полностью сознает, что этот вывод в некоторой степени тавтологичен¹⁶³⁷, поскольку пункт 1 статьи 31 гласит следующее:

Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора*.

6) Вместе с тем определение объекта и цели договора является действием, предполагающим толкование, которое требует рассмотрения договора в целом, добросовестно, полностью, в соответствии с обычным значением, придаваемым терминам договора в их контексте, включая преамбулу, с учетом подготовительных материалов договора, «обстоятельств его заключения»¹⁶³⁸ и, при необходимости, последующей практики сторон¹⁶³⁹.

7) Эти параметры отражены в руководящем положении 3.1.5.1, в котором частично использованы формулировки статей 31 и 32 Венских конвенций и подчеркивается необходимость добросовестного определения объекта и цели, основанного на используемых в договоре терминах в их контексте. Хотя Комиссия придерживалась формулировки пункта 2 статьи 31 Венских конвенций, где перечисляются элементы контекста, которые должны учитываться при толковании договора, она посчитала полезным выделить два таких элемента: преамбулу, которая упоминается в пункте 2 статьи 31, и название договора, которое имеет особое значение, раскрывая его

¹⁶³⁵ «Можно также полагать, что Суд основывается на простой интуиции» (Buffard and Zemanek, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?» (сноска 1573 выше), p. 319).

¹⁶³⁶ См. консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека от 8 сентября 1983 года по делу *Restrictions to the death penalty* (сноска 197 выше), para. 63; см. также Sucharipa-Behrmann, «The legal effects of reservations to multilateral treaties» (сноска 1617 выше), p. 76. Констатируя, что нормы толкования договоров не могут быть прямо перенесены на односторонние заявления, сформулированные сторонами и касающиеся того или иного договора (оговорки и заявления о толковании), Комиссия международного права признала, что эти нормы являются полезными ориентирами в этой связи (см. руководящее положение 1.3.1 (Метод установления различия между оговорками и заявлениями о толковании)). Это а fortiori справедливо, когда задача заключается в оценке совместимости той или иной оговорки с объектом и целью самого договора.

¹⁶³⁷ См. Schabas, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 966 выше), p. 48.

¹⁶³⁸ Статья 32.

¹⁶³⁹ См. пункт 3 статьи 31.

объект и цель¹⁶⁴⁰. Упоминание о подготовительных материалах к договору и обстоятельствах его заключения также приобретает более важное значение для определения объекта и цели договора, чем в рамках толкования тех или иных его положений. Что касается выражения «последующая практика сторон», то оно согласуется с пунктами 2, 3 а) и 3 б) статьи 31, поскольку Комиссия выразила мнение о том, что объект и цель договора могут изменяться с течением времени¹⁶⁴¹. Кроме того, хотя это упоминание о последующей практике может показаться избыточным, поскольку возможные возражения должны представляться в течение года после формулировки оговорки, оно представляется полезным, так как оценка оговорки третьей стороной может делаться в любое время, в том числе по прошествии многих лет после ее формулирования.

8) В некоторых случаях применение этих методологических руководящих положений не сопряжено с какими-либо проблемами. Очевидно, что оговорка к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, с помощью которой государство стремится сохранить за собой право совершать определенные запрещенные деяния на территории или на некоторых частях территории, будет несомнима с объектом и целью Конвенции¹⁶⁴².

9) В этом контексте, например, Германия и несколько других европейских стран выдвинули следующие аргументы в поддержку своих возражений против оговорки, сформулированной Вьетнамом к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года:

Оговорка, сделанная в отношении статьи 6, противоречит принципу «aut dedere aut judicare», который предусматривает, что преступники должны предстать перед судом или выдаваться государству, которое обращается с просьбой об их выдаче.

В этой связи правительство Федеративной Республики Германии выражает мнение о том, что эта оговорка ставит под угрозу цель Конвенции, которая согласно пункту 1 статьи 2 заключается в содействии сотрудничеству между сторонами, с тем чтобы они могли более эффективно решать различные аспекты незаконного оборота наркотических средств, имеющего международный характер.

В связи с этой оговоркой также могут возникать сомнения относительно приверженности правительства Социалистической Республики Вьетнам делу соблюдения основополагающих положений Конвенции¹⁶⁴³.

¹⁶⁴⁰ Ссылка на «термины договора» была также сочтена достаточной для охвата положений, определяющих общие цели договора; вместе с тем они могут иметь особое значение для оценки «общей структуры» договора (см. сноску 1610 выше).

¹⁶⁴¹ См. пункт 10) комментария к руководящему положению 3.1.5 ниже, и пункт 2) выше.

¹⁶⁴² Этот вопрос возникает, в частности, в отношении сферы охвата «колониальной оговорки» в статье XII Конвенции, которая оспаривалась странами Восточного блока, представившими к ней оговорку (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.1); однако акцент в данном случае сделан на действительности этого квазиположения об оговорке.

¹⁶⁴³ *Ibid.*, chap. VI.19; в этом же ключе см. возражения Бельгии, Греции, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Соединенного Королевства и Швеции и менее

10) Может также иметь место случай, когда запрещенная оговорка связана с менее важными положениями, но вместе с тем противоречит объекту и цели договора, поскольку она делает его осуществление невозможным; этим, в частности, объясняется недоверие Венской конвенции к оговоркам, формулируемым к учредительным документам международных организаций¹⁶⁴⁴. Например, Германская Демократическая Республика при ратификации Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года заявила, что она будет нести свою часть расходов на финансирование Комитета против пыток только в отношении деятельности, в связи с которой она признает компетенцию Комитета¹⁶⁴⁵. Люксембург выдвинул возражение против этого «заявления» (которое в действительности представляло собой оговорку), резонно заявив, что оно будет «подрывать деятельность Комитета таким образом, который не согласуется с объектом и целью Конвенции»¹⁶⁴⁶.

11) Совершенно ясно, что не представляется возможным составить исчерпывающий перечень потенциальных проблем, которые могут возникать в связи с совместимостью оговорки с объектом и целью договора. Однако также ясно, что оговорки к определенным категориям договоров или договорным положениям или оговорки, имеющие некоторые конкретные характеристики, вызывают особые проблемы, связанные с их материальной

явно обоснованные возражения Австрии и Франции, *ibid.* См. также возражение Норвегии и менее явно выраженные возражения Германии и Швеции к заявлению Туниса относительно применения Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года, *ibid.*, chap. V.4. Другим значимым примером является заявление Пакистана относительно Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, которое исключало применение Конвенции «к борьбе, включая вооруженную борьбу, за осуществление права на самоопределение против любой вражеской или иностранной оккупации или господства в соответствии с нормами международного права», *ibid.*, chap. XVIII.9. Несколько государств выразили мнение о том, что «заявление» противоречит объекту и цели Конвенции, которая заключается в «борьбе с бомбовым терроризмом независимо от того, где и кем он осуществляется»; см. возражения Австралии, Австрии, Германии, Дании, Индии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Финляндии, Франции, Швеции и Японии (с особо четким изложением причин), *ibid.* Аналогичным образом, Финляндия обосновывала свое возражение против оговорки, выдвинутой Йеменом к статье 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, аргументом о том, что «положения, запрещающие расовую дискриминацию при предоставлении таких основополагающих политических прав и гражданских свобод, как право на участие в общественной жизни, на вступление в брак и выбор супруга, на наследование, пользование свободой мысли, выражение мнений и религии, имеют центральное значение в Конвенции о борьбе с расовой дискриминацией», *ibid.*, chap. IV.2.

¹⁶⁴⁴ См. пункт 3 статьи 20: «В том случае, когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации»: текст этого положения воспроизводится в руководящем положении 2.8.8.

¹⁶⁴⁵ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.9; см. также Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), pp. 391–393 and 400.

¹⁶⁴⁶ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.9. 15 других государств также выдвинули возражения на этих же основаниях.

действительностью, и нуждаются в изучении в каждом отдельном случае для того, чтобы разработать руководящие принципы, которые будут полезны государствам, формулирующим оговорки такого рода или предметно реагирующим на них. Именно с этой целью были разработаны руководящие положения 3.1.5.2–3.1.5.7, формулировки которых были сохранены по причине того, что соответствующие проблемы возникают достаточно часто; данный перечень приведен лишь в качестве примера.

3.1.5.2 Неясные или общие оговорки

Оговорка излагается таким образом, чтобы можно было понять ее смысл, в частности для оценки ее совместимости с объектом и целью договора.

Комментарий

1) Поскольку согласно статье 19 с) Венских конвенций 1969 и 1986 годов, отраженной в руководящем положении 3.1, оговорка должна быть совместимой с объектом и целью договора и поскольку согласно статье 20 другие договаривающиеся государства призваны высказать свое мнение по вопросу о такой совместимости, они должны иметь возможность это сделать. Такая возможность исключается, если рассматриваемая оговорка сформулирована в выражениях, не позволяющих оценить сферу ее действия, т.е. прежде всего с использованием неясных или общих выражений, как это указано в самом заголовке руководящего положения 3.1.5.2. Таким образом, в нем рассматривается, собственно говоря, не случай, в котором оговорка является несовместимой с объектом и целью договора, а скорее ситуация, в которой отсутствует возможность оценить степень этой совместимости. Этот недостаток показался достаточно серьезным Комиссии для того, чтобы она прибегла к особенно жестким формулировкам («shall be worded»), а не «should be worded» или «is worded»). Кроме того, использование слова «worded» позволяет подчеркнуть тот факт, что речь идет о требовании, касающемся существа, а не просто о формальном требовании.

2) Кроме того, требование в отношении точности формулирования оговорки вытекает из самого их определения. Из пункта 1 d) статьи 2 Венских конвенций, текст которого воспроизводится в руководящем положении 1.1 Руководства по практике, следует, что цель оговорки заключается в том, чтобы исключить или изменить «юридическое действие *определенных положений** договора применительно» к их авторам¹⁶⁴⁷. Таким образом, нельзя утверждать, что

¹⁶⁴⁷ См. замечания правительства Израиля в отношении первого проекта Комиссии по праву международных договоров, которые побудили привести английский текст определения оговорки в соответствие с французским текстом путем замены слова «some» на «certain» (четвертый доклад Специального докладчика по праву международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 15 англ. текста); см. также заявление Чили на Конференции

они могут препятствовать действию всего договора. Кроме того, хотя «сквозные оговорки» формулируются постоянно, они, как указывается в пункте 2 руководящего положения 1.1¹⁶⁴⁸, являются действительными лишь в том случае, если они преследуют цель «исключить или изменить юридическое действие... договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов*».

3) Кроме того, из консенсусного по своей природе характера права договоров в целом¹⁶⁴⁹ и права оговорок в частности¹⁶⁵⁰ следует, что, хотя государства могут формулировать (а не *делать*¹⁶⁵¹) оговорки, другие стороны должны иметь возможность отреагировать на такие оговорки путем их признания или возражения против них. Это невозможно сделать, если текст оговорки не позволяет определить ее смысл.

4) Часто также имеет место ситуация, когда оговорка содержит ссылки на внутреннее право государства, сформулировавшего оговорку, без каких-либо других уточнений или на его конституцию, гражданский или уголовный кодекс без указания конкретных положений, о которых идет речь. В таких случаях проблема возникает в связи не с самой ссылкой на внутреннее право государства, представившего

(продолжение сноски 1647)

Организации Объединенных Наций по праву договоров, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (сноска 35 выше), 4-е заседание Комитета полного состава, 29 марта 1968 года, р. 21, para. 5: «слова "изменить юридическое действие определенных положений договора" (подпункт d) означают, что в оговорке должны четко указываться положения, к которым она относится. Необходимо избегать формулирования нечетких оговорок».

¹⁶⁴⁸ См. пункты 16)–22) руководящего положения 1.1. См. также замечания Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), р. 172; или Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 457–460, paras. 129–135.

¹⁶⁴⁹ См. Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), pp. 20–21, и Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), р. 466. См. также, например, постановление, вынесенное 17 августа 1923 года Постоянной палатой международного правосудия по делу *The S.S. «Wimbledon», 1923, P.C.I.J., Series A No. 1*, р. 25, или консультативное заключение Международного Суда от 11 июля 1950 года по делу *International Status of South-West Africa* (сноска 167 выше), р. 139.

¹⁶⁵⁰ Международный Суд уточнил в этой связи в своем консультативном заключении 1951 года по вопросу *Reservations to the Convention on Genocide* (см. сноску 604 выше), что «четко установлено, что в своих договорных отношениях государство не может быть связано обязательством без его согласия и поэтому никакая оговорка не может эффективно применяться против какого-либо государства без его согласия на нее» (р. 21). Авторы общего несогласного мнения, приложенного к этому консультативному заключению, высказались еще решительнее: «Согласие участников лежит в основе договорных обязательств. Закон, регулирующий оговорки, представляет собой лишь конкретное применение этого основополагающего принципа, независимо от того, выражают ли участники согласие на оговорку до, во время или после ее формулирования» (*ibid.*, pp. 31–32). См. также арбитражное решение от 30 июня 1977 года по делу *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (сноска 24 выше), pp. 41–42, paras. 60–61; см. также Bishop, «Reservations to treaties» (сноска 288 выше), р. 255.

¹⁶⁵¹ См. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1.

оговорку¹⁶⁵², а с характером таких оговорок, которые зачастую являются неясными и общими и не позволяют другим государствам-участникам занять в отношении их конкретную позицию. Именно в этом ключе Перу была представлена поправка на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров с целью добавления следующего подпункта d) будущей статьи 19 Конвенции:

d) Чтобы оговорка не делала договор недействительным, если она в общем и неопределенном виде ставит его применение в зависимость от национального законодательства¹⁶⁵³.

5) Возражения Финляндии против оговорок нескольких государств-участников к Конвенции о правах ребенка, несомненно, являются более обоснованными, поскольку она ссылается на вышеупомянутые доводы, а не просто на статью 27 Венской конвенции 1969 года¹⁶⁵⁴; например, в ответ на оговорку Малайзии, которая согласилась с рядом положений Конвенции о правах ребенка только при том условии, «если они согласуются с Конституцией, национальным законодательством и национальной политикой правительства Малайзии»¹⁶⁵⁵, Финляндия заявила, что «широкий характер» этой оговорки оставил открытым вопрос о том, «в какой степени Малайзия обязуется соблюдать Конвенцию и выполнять вытекающие из нее обязательства»¹⁶⁵⁶. Заявление Таиланда о том, что он «не будет ни толковать, ни применять те положения Конвенции [о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года], которые налагают на него обязательства, выходящие за рамки [его] Конституции и [его]

¹⁶⁵² См. пункт 4) комментария к руководящему положению 3.1.5.5.

¹⁶⁵³ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), доклад Комитета полного состава о работе первой сессии Конференции (A/CONF.39/14), р. 133, para. 177; см. разъяснения представителя Перу на двадцать первом заседании Комитета полного состава 10 апреля 1968 года, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), р. 109, para. 25. Эта поправка была отклонена 44 голосами против 16 при 26 воздержавшихся (*ibid.*, 25-е заседание Комитета полного состава, 16 апреля 1968 года, *ibid.*, р. 135, para. 26); из отчета об обсуждении этого вопроса неясно, почему поправка была отклонена; вероятно, ряд делегаций, например делегация Италии, сочли «ненужным четко оговаривать [рассматриваемый] в ней случай, поскольку речь идет об оговорках, несовместимых с объектом договора» (*ibid.*, 22-е заседание Комитета полного состава, 11 апреля 1968 года, *ibid.*, р. 120, para. 75); в этом же духе см. Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), р. 302.

¹⁶⁵⁴ См. пункт 4) комментария к руководящему положению 3.1.5.5. Аналогичным образом, основания, приведенные Нидерландами и Соединенным Королевством в поддержку их возражений против второй оговорки Соединенных Штатов к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, обусловленные «неясностью, [которую она создает] в отношении сферы действия обязательств, которые правительство Соединенных Штатов Америки готово принять на себя в отношении Конвенции» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.1), являются более убедительными, чем просто ссылка на внутреннее право (см. пункт 4) (сноски 1752–1753 ниже), комментария к руководящему положению 3.1.5.5.

¹⁶⁵⁵ *Multilateral treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.11.

¹⁶⁵⁶ *Ibid.* См. также возражения Финляндии и ряда других государств против аналогичных оговорок нескольких других государств, *ibid.*

законодательства»¹⁶⁵⁷, также вызвало возражение Швеции, заявившей, что тем самым Таиланд ставит применение Конвенции в зависимость от общей оговорки, которая содержит ссылку на неуточненные рамки национального законодательства¹⁶⁵⁸.

б) То же самое касается тех случаев, когда государство сохраняет за собой общее право ставить свою конституцию выше какого-либо договора¹⁶⁵⁹; в качестве примера можно привести оговорку Соединенных Штатов Америки к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него:

Никакое положение Конвенции не требует и не оправдывает принятия Соединенными Штатами законодательных или других мер, запрещенных Конституцией Соединенных Штатов, согласно ее толкованию Соединенными Штатами¹⁶⁶⁰.

7) Такие же возражения вызывают некоторые так называемые «шариатские оговорки»¹⁶⁶¹, наглядным примером которых является оговорка, в соответствии с которой Мавритания одобрила Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, подписанную в Нью-Йорке в 1979 году, «применительно только к тем ее положениям, которые не противоречат исламскому шариату»¹⁶⁶².

¹⁶⁵⁷ *Ibid.*, chap. IV.2.

¹⁶⁵⁸ *Ibid.* В этой связи см. возражения Норвегии и Швеции от 15 марта и 14 декабря 1999 года, соответственно, в отношении оговорки Бангладеш к Конвенции о политических правах женщин от 31 марта 1953 года (*ibid.*, chap. XVI.1), или возражения Финляндии против оговорки Гватемалы к Венской конвенции 1969 года, а также возражения Нидерландов, Швеции и Австрии против аналогичной оговорки Перу к той же Конвенции (*ibid.*, chap. XXIII.1). См. также возражение Польши против оговорки Пакистана к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: «Исламская Республика Пакистан в упомянутых оговорках ссылается на шариат и свое внутреннее законодательство, заявляя, что они могут повлиять на осуществление Конвенции. Тем не менее, она не уточняет содержание этих законов и законодательных актов. Таким образом, невозможно четко определить, в какой степени государство, которое сделало эти оговорки, приняло обязательства по Конвенции» (*ibid.*, chap. IV.9).

¹⁶⁵⁹ См. оговорку Пакистана к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*ibid.*, chap. IV.8) и возражения Австрии, Германии, Нидерландов, Норвегии, Португалии и Финляндии (*ibid.*).

¹⁶⁶⁰ *Ibid.*, chap. IV.1.

¹⁶⁶¹ Обсуждение различных доктрин см., в частности, в А. Sassi, «General reservations to multilateral treaties», *Comunicazioni e Studi*, vol. 22 (2002), pp. 96–99. В частности, о применении указанного принципа к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года см. Clark, «The Vienna Convention reservations regime...» (сноска 1087 выше), pp. 299–302 and pp. 310–311; J. Connors, «The women's Convention in the muslim world» в Gardner (ed.), *Human Rights as General Norms...* (сноска 1527 выше), pp. 85–103; Cook, «Reservations to the Convention...» (сноска 44 выше), pp. 690–692; J. McBride, «Reservations and the capacity of States to implement human rights treaties» в Gardner (ed.), *Human Rights as General Norms...* (сноска 1527 выше), pp. 149–156 (с большим количеством примеров); или Y. Tyagi, «The conflict of law and policy on reservations to human rights treaties», *BYBIL*, vol. 71 (2000), pp. 198–201 и более конкретно: Jenefsky, «Permissibility of Egypt's Reservations...» (сноска 44 выше), pp. 200–233.

¹⁶⁶² *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8. См. также оговорку Саудовской Аравии (в которой упоминаются «нормы исламского права» – *ibid.*) и Малайзии (*ibid.*) или первоначальную оговорку Мальдивской Республики: «Правительство Мальдивской Республики будет выполнять положения Конвенции, за исключением тех положений, которые оно может счесть

В данном случае проблема опять-таки заключается не в самом факте, что Мавритания ссылается на действующие в ней нормы религиозного происхождения¹⁶⁶³, а в том, как отметила Дания, что «эти общие оговорки, содержащие ссылку на положения исламского права... имеют неограниченную сферу действия и неопределенный характер»¹⁶⁶⁴. Таким образом, как отметило Соединенное Королевство, такая оговорка, «которая состоит из общей ссылки на внутреннее право без уточнения его конкретных положений, не позволяет другим государствам – участникам Конвенции четко определить, в какой степени государство, формулирующее оговорку, согласилось с обязательствами, предусмотренными Конвенцией»¹⁶⁶⁵.

8) Таким образом, именно вследствие невозможности оценить степень совместимости таких оговорок с объектом и целями договора, а не вследствие уверенности в их несовместимости они подпадают под действие подпункта с) статьи 19 Венской конвенции 1969 года. Как отметил Комитет по правам человека:

Оговорки должны быть конкретными и транспарентными, с тем чтобы для Комитета, для тех, кто находится под юрисдикцией государства, сделавшего оговорку, и других государств-участников, было ясно, какие обязательства по соблюдению прав человека были приняты, а какие нет. Таким образом, оговорки не могут носить общего характера, а должны относиться к конкретному положению Пакта и точно указывать сферу своего действия по отношению к этому положению¹⁶⁶⁶.

противоречащими принципам исламского права, лежащего в основе всех законов и традиций Мальдивских Островов» (*ibid.*); поскольку эта оговорка вызвала ряд возражений, правительство Мальдивской Республики придало ей более ограниченный характер, однако Германия вновь выступила с возражением и Финляндия также подвергла критике эту новую оговорку (*ibid.*). Аналогичным образом, несколько государств высказали возражения против оговорки Саудовской Аравии к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, ограничивающей применение положений этой Конвенции условием, «что они не будут противоречить заповедям шариата» (*ibid.*, chap. IV.2).

¹⁶⁶³ Святейший Престол ратифицировал Конвенцию о правах ребенка 1989 года с тем условием, что «применение Конвенции должно быть совместимым с особым характером Государства – города Ватикан и источников его объективного права» (*ibid.*, chap. IV.11). Как было отмечено (Schabas, «Reservations to the Convention on the Rights of the Child» (сноска 1609 выше), pp. 478–479), эта формулировка создает *mutatis mutandis* те же проблемы, что и «шариатская оговорка».

¹⁶⁶⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), IV.8.

¹⁶⁶⁵ *Ibid.* См. также возражения Австрии, Германии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Финляндии и Швеции (*ibid.*). Оговорки некоторых исламских государств в отношении конкретных положений Конвенции на том основании, что они несовместимы с шариатом, подвергаются в этой связи, безусловно, меньшей критике, хотя ряд таких оговорок также вызвали возражения со стороны некоторых участников. См., например, Clark, «The Vienna Convention reservations regime...» (сноска 1087 выше), p. 300, которая отметила, что обусловленная шариатом оговорка Ирака к статье 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин имеет конкретный характер и обеспечивает более благоприятный режим, чем соответствующая статья Конвенции; тем не менее эта оговорка вызвала возражения Мексики, Нидерландов и Швеции, *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8.

¹⁶⁶⁶ Замечание общего порядка № 24, Доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), том I, приложение V, пункт 584; см. также пункт 577, в котором вопрос о ссылке на внутреннее право увязывается с вопросом о «формулированных в общих чертах оговорках».

9) В соответствии со статьей 57 (прежней статьей 64) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) «настоящая статья не предусматривает оговорок общего характера». При рассмотрении дела *Belilos* Европейский суд по правам человека объявил недействительным заявление (равнозначное оговорке) Швейцарии о толковании пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции, поскольку оно «было составлено в настолько расплывчатых или широких выражениях, что было невозможно определить его точное значение и сферу действия»¹⁶⁶⁷. Однако нет никаких сомнений в том, что именно Европейская комиссия по правам человека наиболее четко изложила применяющийся в данном случае принцип, когда она заявила, что «оговорка имеет общий характер... когда она сформулирована в таком виде, который не позволяет определить сферу ее действия»¹⁶⁶⁸.

10) Руководящее положение 3.1.5.2 вновь закрепляет этот основополагающий принцип. Его название содержит указание характеров (альтернативных), которые должна носить оговорка, для того чтобы она подпадала под сферу его охвата: оно касается оговорок, являющихся либо «неясными», либо «общими». В первом случае может идти речь об оговорке, оставляющей неясность в отношении обстоятельств, в которых она будет применяться¹⁶⁶⁹, или сферы охвата обязательств, реально взятых на себя автором оговорки. Второй случай соответствует примеру, приведенному выше¹⁶⁷⁰.

11) Хотя в настоящем комментарии не следовало бы поднимать вопросы, касающиеся последствий неясных или общих оговорок¹⁶⁷¹, уже сейчас следует подчеркнуть, что в связи с ними возникают особые проблемы. Априори представляется трудным утверждать, что они являются недействительными *ipso jure*: возникающее в связи с ними основное критическое замечание состоит в том, что они не позволяют определить, соблюдены ли условия, необходимые для их действительности¹⁶⁷². В силу этой причины возникает особая необходимость в проведении «диалога об оговорках».

¹⁶⁶⁷ Постановление от 29 апреля 1988 года, дело *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), р. 26, para. 55. См. пункт 8) комментария к руководящему положению 3.1.2. Углубленный анализ условия относительно общего характера, содержащегося в статье 57 Конвенции, см., в особенности, Cameron and Horn, «Reservations to the European Convention on Human Rights...» (сноска 205 выше), pp. 97–109, и R.St.J. MacDonald, «Reservations under the European Convention on Human Rights», *Revue belge de droit international*, vol. 21 (1988), pp. 433–438 and 443–448.

¹⁶⁶⁸ Решение от 5 мая 1982 года, дело *Temeltasch v. Switzerland* (см. сноску 24 выше), р. 138. См. Imbert, «Reservations to the European Convention on Human Rights...» (сноска 1527 выше), pp. 574–581.

¹⁶⁶⁹ См. оговорку Мальты к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года: «Хотя правительство Мальты одобряет принципы, провозглашенные в статье 13, в существующих обстоятельствах оно не может обеспечить полное соблюдение положений этой статьи» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4).

¹⁶⁷⁰ См. пункты 5)–9) выше.

¹⁶⁷¹ О последствиях общих оговорок см. часть 4 Руководства по практике.

¹⁶⁷² См. пункты 1) или 4) выше.

3.1.5.3 Оговорки к положению, отражающему обычную норму

Тот факт, что положение договора отражает норму международного обычного права, сам по себе не служит препятствием для формулирования оговорки к этому положению.

Комментарий

1) Руководящее положение 3.1.5.3 касается проблемы, которая довольно часто возникает на практике: проблемы действительности оговорки к положению, которое отражает норму обычного международного права, – было отдано предпочтение слову «reflect», а не слову «enunciate», с тем чтобы подчеркнуть, что закрепление соответствующей нормы в договоре не имеет последствий для ее сохранения в качестве обычной нормы. Руководящее положение закрепляет принцип, согласно которому оговорка к положению договора, отражающему обычную норму, не является *ipso jure* несовместимой с объектом и целью договора, несмотря на то, что этот элемент следует учитывать при оценке такой совместимости.

2) Вместе с тем иногда государства – участники договора возражают против оговорок и оспаривают их совместимость с объектом и целями договора на том основании, что они противоречат общепризнанным обычным нормам. Так, Австрия, используя осторожные формулировки, заявила, что, по ее мнению,

оговорки Гватемалы [к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года] почти полностью относятся к общим нормам [данной Конвенции], многие из которых прочно закреплены в обычном международном праве. Эти оговорки могут поставить под сомнение устоявшиеся и общепризнанные нормы. Австрия считает, что могут возникнуть сомнения относительно совместимости этих оговорок с объектом и целями [Конвенции]¹⁶⁷³.

Со своей стороны Нидерланды возразили против оговорок, сформулированных рядом государств в отношении различных положений Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, выразив мнение, «что соответствующие положения сохраняют силу в отношениях между Нидерландами и данными государствами в соответствии с обычным международным правом»¹⁶⁷⁴.

¹⁶⁷³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1; см. также возражения, сформулированные в аналогичных выражениях Бельгией, Германией, Данией, Соединенным Королевством, Финляндией и Швецией, *ibid.* По делу о *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), Соединенное Королевство утверждало, что оговорка Франции к статье 6 Конвенции о континентальном шельфе касается «норм международного обычного права» и «недопустима в качестве оговорки к статье 6», р. 38 (para. 50).

¹⁶⁷⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3; на самом деле сохраняют силу не эти положения, а нормы обычного права, которые в них содержатся (см. руководящее положение 4.4.2 (Отсутствие последствий для прав и обязательств по обычному международному праву)). См. также возражения Польши против оговорок Бахрейна и Ливийской Арабской Джамахирии (*ibid.*) (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3) и Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), р. 88.

3) Нередко считалось, что неспособность формулировать оговорки к тем положениям договоров, в которых кодифицируются обычные нормы, проистекает из решения Международного Суда по делам *North Sea Continental Shelf*¹⁶⁷⁵:

Характерной чертой чисто договорных норм и обязательств является, как правило, то, что в их отношении с определенными ограничениями допускается возможность формулирования односторонних оговорок; однако это недопустимо в отношении норм и обязательств общего или обычного права, которые в силу своего характера должны иметь одинаковую силу для всех членов международного сообщества и поэтому не дают ни одному из членов никакого права исключить себя из сферы их действия в одностороннем порядке и по своему усмотрению в своих собственных интересах¹⁶⁷⁶.

4) Хотя принятая Судом формулировка является, безусловно, не самой удачной, вывод, который, по-видимому, из нее был сделан, представляется неправильным, если на этот текст вновь взглянуть с точки зрения того контекста, в котором он составлялся. Действительно, Суд далее осторожно рассматривает те выводы, которые напрашиваются в результате исключения определенных оговорок. Отметив, что право формулировать оговорки к статье 6 Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 года (о делимитации границ континентального шельфа) не исключается статьей 12 об оговорках¹⁶⁷⁷, как это имеет место в случае статей 1–3, Суд заявил, что он считает «естественным» и

оправданным вытекающий из этого вывод о том, что этой статье придается иное и менее фундаментальное значение и что, в отличие от других статей, она не отражает уже существующие или формирующиеся нормы обычного права¹⁶⁷⁸.

5) Поэтому неверно то, что Суд подтверждает недопустимость оговорок в отношении норм обычного права¹⁶⁷⁹; он просто констатирует, что в рас-

¹⁶⁷⁵ Постановление от 29 февраля 1969 года, *North Sea Continental Shelf* (см. сноску 1521 выше). См., в частности, особое мнение судьи Морелли, приложенное к решению (pp. 198–199); и многочисленные комментарии, процитированные в: Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 244; см. также Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), p. 685.

¹⁶⁷⁶ *North Sea Continental Shelf* (см. сноску 1521 выше), pp. 38–39, para. 63.

¹⁶⁷⁷ См. пункт 5) комментария к руководящему положению 3.1.2.

¹⁶⁷⁸ *North Sea Continental Shelf* (см. сноску 1521 выше), p. 40, para. 66; см. также pp. 38–39, para. 63. В этой же связи см. особое мнение судьи Падильи Нерво, *ibid.*, p. 89; против этой позиции: особое несогласное мнение судьи Корецкого, *ibid.*, p. 163.

¹⁶⁷⁹ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 244, footnote 22, и в том же духе см. A. Pellet, «La C.I.J. et les réserves aux traités: remarques cursives sur une révolution jurisprudentielle», в N. Ando, E. McWhinney and R. Wolfrum (eds.), *Liber Amicorum Judge Shigeru Oda*, The Hague, Kluwer Law International, 2002, vol. 1, pp. 507–508. В своем особом мнении судья Танака занимает противоположную позицию в том, что касается «обязательства находить решения на основе консенсуса, поскольку это обязательство вытекает из общего международного права и продолжает действовать, даже если в Статье 12 Конвенции пункты 1 и 2 статьи 6 четко не исключаются из числа положений, которые могут быть объектом оговорок» (*North Sea Continental Shelf* (см. сноску 1521 выше), p. 182); тем самым вопрос о праве делать оговорки смешивается с вопросом о действии оговорок, когда положение, к которому формулируется оговорка, имеет обычный и даже императивный характер (судья Танака, как ни странно, считает, что принцип равноудаленности

смаатриваемом случае различное отношение авторов Конвенции к статьям 1–3, с одной стороны, и к статье 6, с другой стороны, подразумевает, что, по мнению авторов, в последней статье не кодифицируется обычная норма, что, кстати, подтверждает и собственное заключение Суда.

6) Кроме того, в одной из, как правило, игнорируемых частей самого решения говорится, что «государство, формулирующее оговорку, не освобождается от выполнения обязательств, налагаемых общим морским правом за рамками и независимо от Конвенции [о континентальном шельфе]»¹⁶⁸⁰. Выступивший с особым несогласным мнением судья Морелли не оспаривает этот тезис, утверждая следующее: «Естественно, что право делать оговорки касается лишь договорного обязательства, вытекающего из Конвенции... Оговорка не имеет, разумеется, никакого отношения к обычной норме как таковой. Если такая норма существует, она существует как для государства, которое сформулировало оговорку, так и для тех государств, которые не ратифицировали договор»¹⁶⁸¹. Это четко свидетельствует о том, что обычный характер нормы, отраженной в том или ином положении договора, в отношении которого формулируется оговорка, сам по себе не дает никаких оснований для признания оговорки недействительной, поскольку «право делать оговорки к положению договора не зависит от того, считается ли данное положение частью общепризнанной нормы права»¹⁶⁸².

7) Кроме того, хотя этот принцип иногда ставится под сомнение¹⁶⁸³, он признается – и по справедливости – большинством теоретиков¹⁶⁸⁴:

– хотя обычные нормы являются обязательными для государств независимо от того, выразили ли они согласие с какой-либо договорной нормой¹⁶⁸⁵, в отличие от императивных норм государства могут уклониться от их выполнения на основе договоренности между собой; непонятно, почему они не могут этого

«должен быть признан в качестве нормы *jus cogens*» – *ibid.*, p. 182).

¹⁶⁸⁰ *Ibid.*, p. 40, para. 65.

¹⁶⁸¹ *Ibid.*, p. 198.

¹⁶⁸² Особое мнение судьи ad hoc Соренсена, *ibid.*, p. 248.

¹⁶⁸³ См. позицию г-на Бриггса в заявлении, которое он приложил к арбитражному решению от 30 июня 1977 года по делу *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (сноска 24 выше), pp. 123–124.

¹⁶⁸⁴ См. Coccia, «Reservations to multilateral treaties on human rights» (сноска 196 выше), pp. 31–32; G. Gaja, «Le riserve al Patto sui diritti civili e politici e il diritto consuetudinario», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 79 (1996), pp. 451–452; Imbert, «La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977...» (сноска 1016 выше), p. 48; Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 159–171; и Sucharipa-Behrmann, «The legal effects of reservations...» (сноска 1617 выше), pp. 76–77.

¹⁶⁸⁵ См. возражение Финляндии против оговорок Йемена к статье 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года: «Формулирование оговорок не освобождает государство от выполнения общепризнанных обязательных норм в области прав человека [а также и в других сферах права]» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.2).

сделать с помощью оговорки¹⁶⁸⁶ – если она действительна, но именно в этом и заключается поставленный вопрос;

– оговорка касается лишь применения данной нормы в контексте договора, а не самого ее существования в качестве нормы общего права, даже если в некоторых случаях оговорка может ставить под сомнение ее общепризнанность «в качестве правовой нормы»¹⁶⁸⁷; как отметило Соединенное Королевство в своих комментариях к замечанию общего порядка № 24 Комитета по правам человека, «существует четкая разница между решением не принимать на себя договорных обязательств и попыткой поставить себя вне обычного международного права»¹⁶⁸⁸;

– если характер обычной нормы очевиден, то государства остаются связанными ей независимо от договора¹⁶⁸⁹;

– несмотря на заявления об обратном, у государства может возникнуть (не обязательно достойная похвалы) заинтересованность в том, чтобы не следовать, например, соответствующим обязательствам в отношении механизмов мониторинга или урегулирования споров, которые предусмотрены в договоре, или ограничить роль своих судей, которые могут обладать различной компетенцией в отношении договорных норм, с одной стороны, и обычных норм, с другой стороны¹⁶⁹⁰;

– кроме того, как отметила Франция в своем комментарии к замечанию общего порядка № 24 Комитета по правам человека, «нельзя смешивать обязанность государства соблюдать тот или иной общий принцип обычного права и согласие быть связанным договором, закрепляющим такие принципы, в особенности с учетом изменений и уточнений,

¹⁶⁸⁶ См. в этой связи несогласное мнение судьи ad hoc Соренсена в деле *North Sea Continental Shelf* (сноска 1521 выше), p. 248; см. также Coccia, «Reservations to multilateral treaties on human rights» (сноска 196 выше), p. 32.

¹⁶⁸⁷ См. Статью 38, пункт 1 b), Статута Международного Суда. См. в этой связи R.R. Baxter, «Treaties and customs», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1970-I*, vol. 129 (1971), p. 50; Coccia, «Reservations to multilateral treaties on human rights» (сноска 196 выше), p. 31; Gaja, «Le riserve al Patto sui diritti civili e politici...» (сноска 1684 выше), p. 451; и Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), pp. 711–714. При определенных (но не всех) обстоятельствах то же самое может быть верно и в отношении клаузулы об оговорке (см. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 246, и Reuter, «Solidarité et divisibilité...» (сноска 405 выше), p. 631, footnote 16 (также воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), pp. 370–371)).

¹⁶⁸⁸ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), стр. 129, пункт 7.

¹⁶⁸⁹ См. руководящее положение 4.4.2 и комментарий к нему.

¹⁶⁹⁰ Так обстоят дела во Франции, где над законами имеют преимущественную силу договоры (в силу статьи 55 Конституции), а не нормы обычного права; см. решение Ассамблеи Государственного совета Франции от 20 октября 1989 года по делу *Nicolo*, *Recueil des décisions du Conseil d'État, 1989*, p. 190, выводы Фридмана, и решение от 6 июня 1997 года по делу *Aquarone*, *Recueil des décisions du Conseil d'État, 1997*, p. 206, выводы Башельера.

сопряженных с их официальным закреплением в договоре»¹⁶⁹¹;

– наконец, оговорка может быть тем средством, с помощью которого «последовательно возражающая сторона» настаивает на своем возражении: возражающая сторона может, безусловно, отказаться применять в рамках договора такую норму, которая не налагает на нее обязательств в соответствии с общим международным правом¹⁶⁹².

8) Вместе с тем был поднят вопрос о том, может ли это решение применяться к сфере прав человека¹⁶⁹³. Комитет по правам человека выступил против этого, отметив особый характер договоров по правам человека:

Хотя договоры, которые представляют собой обычный обмен обязательствами между государствами, позволяют государствам резервировать в отношениях между собой применение норм общего международного права, дело обстоит иным образом в договорах о правах человека, которые служат на благо людей, находящихся под юрисдикцией этих государств¹⁶⁹⁴.

9) Следует отметить прежде всего что, Комитет подтвердил, что оговорки к обычным нормам не исключены априори. Для обоснования обратного в конкретном случае договоров по правам человека, он просто отмечает, что эти документы призваны обеспечивать защиту прав физических лиц. Однако этот постулат не имеет тех последствий, которые Комитет ему приписывает¹⁶⁹⁵, поскольку, с одной стороны, оговорка к положению договора о правах человека, которое отражает обычную норму, никоим образом не снимает с государства, формулирующего оговорку, его обязательства соблюдать эту норму в качестве таковой¹⁶⁹⁶, и, с другой стороны, на прак-

¹⁶⁹¹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40 (A/51/40, том I)*, стр. 114, пункт 5; в этой связи см. комментарий Соединенных Штатов Америки (в докладе Комитета за 1996 год, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), стр. 124–127). См. также G. Cohen-Jonathan, «Les réserves dans les traités institutionnels relatifs aux droits de l'homme. Nouveaux aspects européens et internationaux», *RGDIP*, vol. 100 (1966), pp. 932–933.

¹⁶⁹² См. заключительный рабочий документ об оговорках к договорам о правах человека, подготовленный г-жой Франсуазой Хэмпсон в 2004 году (сноска 1151 выше), сноска 45.

¹⁶⁹³ См. второй доклад об оговорках к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Аленом Пелле, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документы A/CN.4/477 и Add.1 и A/CN.4/478, пункты 143–147. См. также Simma and Hernández, «Legal consequences of an impermissible reservation...» (сноска 1610 выше), pp. 63–68.

¹⁶⁹⁴ Замечание общего порядка № 24, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), пункт 8.

¹⁶⁹⁵ См. противоположное мнение Thomas Giegerich, «Vorbehalte zu Menschenrechtsabkommen: Zulässigkeit, Gültigkeit und Prüfungskompetenzen von Vertragsgremien – Ein konstitutioneller Ansatz» [Reservations to human rights agreements — admissibility, validity, and review powers of treaty bodies: a constitutional approach], *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht/Heidelberg Journal of International Law*, vol. 55 (1995), p. 744 (резюме на английском языке, pp. 778–782, at pp. 779–780). См. также Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil...» (сноска 1619 выше), pp. 531–533.

¹⁶⁹⁶ См. пункт 7) выше, и руководящее положение 4.4.2 (Отсутствие последствий для прав и обязательств по обычному

тике оговорка к такой норме (к тому же если норма имеет императивный характер) будет скорее всего несовместимой с объектом и целью договора в силу применимых общих норм¹⁶⁹⁷.

10) Что касается более общего вопроса о кодификационных конвенциях, то можно рассмотреть вопрос о том, не противоречит ли формулирование оговорок их объекту и цели. Нет никаких сомнений в том, что «le désir de codifier s'accompagne normalement du souci de préserver la règle qui est affirmée» [«стремление к кодификации сопровождается обычно желанием сохранить подтверждаемую норму»]¹⁶⁹⁸. «En effet, si l'on peut, à l'occasion d'un traité de codification, formuler une réserve portant sur une disposition d'origine coutumière, le traité de codification aura (...) manqué son but» [«Если можно было бы формулировать оговорки к положениям, содержащим обычные нормы, то кодификационный договор (...) не достиг

бы своих целей]»¹⁶⁹⁹, поскольку оговорки, и в любом случае оговорки в их совокупности, могут рассматриваться в качестве «la négation même du travail de codification» [«отрицания самой работы по кодификации»]¹⁷⁰⁰.

11) Из этого не следует, что любая оговорка к кодификационному договору несовместима по своему существу с его объектом и целью:

– очевидно, что хотя оговорки не совместимы с преследуемой целью стандартизации и уточнения обычного права, «à y bien réfléchir, l'équilibre d'ensemble auquel la réserve porte atteinte, constitue non l'objet et le but du traité lui-même, mais l'objet et le but de la négociation dont ce traité émane» [«если над этим хорошо подумать, оговорка угрожает общему балансу не объекта и цели самого договора, а объекта и целей переговоров, в результате которых был заключен договор»]¹⁷⁰¹;

– само понятие «кодификационной конвенции» является неопределенным. Как уже неоднократно подчеркивала Комиссия, невозможно провести различие между строго кодификацией международного права и его прогрессивным развитием¹⁷⁰². «Quel quantum de règles d'origine coutumière un traité doit-il contenir pour être qualifié de "traité de codification"?» [«Сколько норм обычного права должен содержать договор, чтобы его можно было считать "кодификационным договором"?»]¹⁷⁰³;

– статус норм, включенных в договор, со временем изменяется: норма, относящаяся к сфере «прогрессивного развития», может стать чисто кодификационной нормой, и «кодификационная конвенция» нередко превращает в норму общего международного права такую норму, которая не имела подобного характера во время ее принятия¹⁷⁰⁴.

международному праву). Как отметил Комитет по правам человека, «государство не может резервировать за собой право заниматься рабством, совершать пытки, подвергать людей жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, произвольно лишать людей жизни, арестовывать и задерживать людей в произвольном порядке, отрицать свободу мысли, совести и религии, считать человека виновным до тех пор, пока он не докажет свою невиновность, казнить беременных женщины и детей, позволять пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, отрицать за людьми брачного возраста право на вступление в брак или отрицать за меньшинствами право пользоваться своей собственной культурой, исповедовать свою религию или использовать свой язык» (замечание общего порядка № 24, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), пункт 8). Это действительно так, однако из этого автоматически не вытекает, что оговорки к соответствующим положениям Международного пакта о гражданских и политических правах запрещены: эти права должны соблюдаться не в силу их включения в Пакт, а ввиду их обычного и – в определенных случаях – императивного характера. См. также в этой связи Gaja, «Le riserve al Patto sui diritti civili e politici...» (сноска 1684 выше), p. 452. Кроме того, Комитет просто констатирует свое мнение, не обосновывая квалификацию в качестве обычных тех норм, которые отражены в этих положениях; как было сказано в другой связи, «[t]he "ought" merges with the "is", the *lex ferenda* with the *lex lata*» (Т. Meron, «The Geneva Conventions as customary norms», *AJIL*, vol. 81 (1987), p. 361; см. также весьма аргументированную критику Шабаса по поводу статей 6 и 7 Пакта («Invalid reservations...» (сноска 1610 выше), pp. 296–310).

¹⁶⁹⁷ См. в этой связи рабочий документ об оговорках к договорам о правах человека, подготовленный г-жой Франсуазой Хэмпсон (E/CN.4/Sub.2/1999/28, пункт 17) и ее заключительный рабочий документ по этой теме (сноска 1151 выше): «Теоретически государство может сформулировать оговорку к какому-либо положению договора, не ставя при этом обязательно под сомнение обычный статус нормы или свою готовность считаться связанным нормой обычного права. Тем не менее на практике к оговоркам к положениям, отражающим нормы обычного международного права, следует, по-видимому, относиться с изрядной долей подозрения».

¹⁶⁹⁸ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 246; см. также Teboul, «Remarques sur les réserves aux conventions de codification» (сноска 1571 выше), p. 680, который отмечает: «Toutes deux utiles, les notions de réserve et de convention de codification s'accroissent mal l'une de l'autre» [«Хотя обе концепции – концепция оговорок и концепция кодификационной конвенции – сами по себе полезны, они плохо совместимы друг с другом»]. В этом исследовании обстоятельно рассматривается весь вопрос об оговорках к кодификационным конвенциям (*ibid.*, pp. 679–717, passim).

¹⁶⁹⁹ Reuter, «Solidarité et divisibilité...» (сноска 405 выше), pp. 630–631 (также воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), p. 370). Автор добавляет, что по этой причине договор привел бы также к созданию «такой ситуации, которая еще больше отдалила бы осуществление его объекта и цели, как если бы такого договора не было вообще, поскольку в этом случае была бы ограничена сфера применения общей нормы» (*ibid.*). Это второе утверждение является более спорным: оно, по-видимому, подразумевает, что государство, формулирующее оговорку, освобождает себя этой оговоркой от применения данной нормы; однако это не так (см. сноску 2315 ниже).

¹⁷⁰⁰ Г-н Аго в *Ежегоднике... 1965 год*, том I, 797-е заседание Комиссии, 8 июня 1965 года, стр. 153 англ. текста, пункт 58.

¹⁷⁰¹ Teboul, «Remarques sur les réserves aux conventions de codification» (сноска 1571 выше), p. 700.

¹⁷⁰² См., например, доклады Комиссии о работе ее восьмой (1956 год) и сорок восьмой (1996 год) сессий, *Ежегодник... 1956 год*, том II, стр. 255–256 англ. текста, пункт 26, и *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть вторая), стр. 110, пункты 156–157.

¹⁷⁰³ Reuter, «Solidarité et divisibilité...» (сноска 405 выше), p. 632, также воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), p. 371.

¹⁷⁰⁴ См. пункт 13) ниже, по вопросу о смертной казни в контексте статей 6 и 7 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года (речь идет в данном случае о противоположной позиции), см. Schabas, «Invalid reservations ...» (сноска 1610 выше), pp. 308–310.

12) Таким образом, характер кодификационной конвенции сам по себе не исключает возможности формулирования оговорок к некоторым из ее положений на тех же основаниях (и с теми же ограничениями), что и к любому другому договору, и к этим конвенциям также полностью относятся те доводы, которые могут, как правило, приводиться в поддержку права формулировать оговорки к положению договора, в котором содержится обычная норма¹⁷⁰⁵. Кроме того, в этой области уже накоплен богатый практический опыт: к договорам по правам человека и к кодификационным конвенциям делается больше оговорок, чем к любым другим договорам¹⁷⁰⁶. И хотя можно сделать вывод о том, что основанием для некоторых возражений послужил обычный характер соответствующих норм¹⁷⁰⁷, специфический характер этих конвенций никогда, по-видимому, не приводился в обоснование заявления о несовместимости с их объектом и целью.

13) Оценка обычного характера нормы, «отражаемой» положением договора, в отношении которого была сформулирована оговорка, должна производиться в момент такого формулирования. При этом нельзя исключать, что появлению нормы такого характера содействовало принятие договора, в особенности, если оговорка была сформулирована по прошествии долгого времени после его заключения¹⁷⁰⁸.

14) Комиссия посчитала нецелесообразным посвящать какое-либо отдельное руководящее положение оговоркам, которые могут затрагивать какое-либо положение договора, отражающее императивную норму международного права (*jus cogens*). Подобная норма практически во всех случаях носит обычный характер¹⁷⁰⁹. Таким образом, рассуждения, применимые к договорным положениям, отражающим «обыкновенные» нормы обычного права, как

представляется, должны быть применимы к положениям, отражающим нормы *jus cogens*.

15) Однако, по мнению Рейтера, поскольку оговорка, в силу ее признания другими сторонами, устанавливает «договорные отношения» между сторонами, оговорка к положению договора, содержащему императивную норму общего международного права, недопустима: такое соглашение станет автоматически недействительным в силу принципа, закрепленного в статье 53 Венской конвенции¹⁷¹⁰.

16) Этот довод отнюдь не является самоочевидным: в его основе лежит один из постулатов школы «противопоставимости», в соответствии с которым вопрос о действительности оговорок оставляется исключительно на субъективное усмотрение договаривающихся государств или договаривающихся организаций и разъясняется лишь в положениях статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов¹⁷¹¹; и он наталкивается на серьезные возражения¹⁷¹²; в этом доводе механизм формулирования оговорок относится к чисто договорному процессу, тогда как оговорка представляет собой *односторонний* акт, который, безусловно, связан с договором, но не имеет внешних последствий: по определению, оговорка имеет целью «исключить или изменить юридическое действие *определенных положений договора** в их применении» к государству, формулирующему оговорку¹⁷¹³, и, если оговорка признается, она имеет именно такие последствия¹⁷¹⁴; однако независимо от того, признается ли оговорка, она не затрагивает «окружающее» международное право; она затрагивает юридическое положение заинтересованных государств только в их *договорных отношениях*¹⁷¹⁵. Другие авторы – и их больше – настаивают на несовместимости любой оговорки к положению, отражающему императивную норму общего международного права, либо не приводя никаких разъяснений¹⁷¹⁶, либо утверждая, что такая оговорка автоматически противоречит объекту и цели договора¹⁷¹⁷.

¹⁷⁰⁵ См. пункт 2) выше.

¹⁷⁰⁶ Например, по состоянию на 20 июня 2011 года в связи с Венской конвенцией о дипломатических сношениях была сделана 51 оговорка или заявление от имени 31 государства-участника (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3), а в связи с Венской конвенцией 1969 года было сделано 68 оговорок или 34 заявления со стороны государств (*ibid.*, chap. XXIII.1). С другой стороны, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года стал объектом 196 оговорок или заявлений, сделанных 62 государствами (*ibid.*, chap. IV.4).

¹⁷⁰⁷ См. пункт 2) выше.

¹⁷⁰⁸ В своем постановлении по делам *North Sea Continental Shelf* (см. сноску 1521 выше) Международный Суд таким образом признал, что «нормативное положение [может служить] основой или отправной точкой для нормы, которая, будучи чисто договорной или согласованной на начальном этапе, впоследствии оказалась включенной в свод норм общего международного права и теперь признается в качестве таковой *opinio juris*, в результате чего отныне ее действие распространяется даже на те страны, которые не являются и никогда не являлись сторонами Конвенции. Разумеется, эта ситуация является гипотетической, и время от времени она возникает: в данном случае речь даже идет об одном из признанных методов, посредством которых могут возникать новые нормы обычного международного права» (р. 41, para. 71).

¹⁷⁰⁹ Несмотря на то, что формулировка статьи 53 Венских конвенций 1969 и 1986 годов не исключает, что договорная норма сама по себе может быть императивной.

¹⁷¹⁰ Reuter, «Solidarité et divisibilité...» (сноска 405 выше), pp. 630–631 (также воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), p. 370). См. также Teboul, «Remarques sur les réserves aux conventions de codification» (сноска 1571 выше), pp. 691–692 and 707.

¹⁷¹¹ «В соответствии с режимом Конвенции действительность оговорки зависит от того, признается ли она другим государством, а не от того, отвечает ли она требованию совместимости с объектом и целью договора» (Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 190).

¹⁷¹² См. первый доклад об оговорках к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Аленом Пелле, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 166–167, пункты 100–105. См. также пункт 4) общего комментария к части 3 Руководства по практике и пункт 11) комментария к руководящему положению 4.1.

¹⁷¹³ См. пункт 1 d) статьи 2 Венских конвенций, воспроизведенный в руководящем положении 1.1.

¹⁷¹⁴ См. статью 21 Венских конвенций.

¹⁷¹⁵ См. раздел 4.4 Руководства по практике (Последствия оговорки для внедоговорных прав и обязательств).

¹⁷¹⁶ См., например, Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 147.

¹⁷¹⁷ См. особое мнение судьи Танаки по делам *North Sea Continental Shelf* (сноска 1521 выше), p. 182.

17) Таковую же позицию занял также Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 24:

Оговорки, нарушающие императивные нормы, несовместимы с объектом и целями Пакта¹⁷¹⁸.

Эта формулировка является спорной¹⁷¹⁹ и в любом случае не может быть обобщена: вполне вероятно то, что договор может содержать лишь косвенную ссылку на норму *jus cogens*, которая, однако, не относится к объекту и цели договора.

18) Тем не менее, отмечалось, что «la règle prohibant la derogation à une règle de jus cogens vise non seulement les rapports conventionnels mais aussi tous les actes juridiques, dont les actes unilatéraux» [«положение, запрещающее отступления от нормы *jus cogens*, применяется не только к договорным отношениям, но и ко всем юридическим актам, включая односторонние акты»]¹⁷²⁰. Это, безусловно, именно и представляет собой, по правде говоря, единственный убедительный аргумент в поддержку того, чтобы в обоснование оговорок к императивным положениям не приводился довод, который в принципе не исключает права формулирования оговорок к положениям договоров, содержащим обычные нормы¹⁷²¹.

19) Рассматривая этот вопрос с другой стороны, следует отметить, что формулируя оговорку, государство может, разумеется, попытаться освободить себя от действия той нормы, к которой относится оговорка, а в случае императивной нормы общего международного права об этом не может быть и

¹⁷¹⁸ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), том I, приложение V, стр. 118, пункт 8. В своих комментариях Франция отмечает, что «пункт 8 общего замечания № 24 (52) составлен таким образом, что, как представляется, в этом документе практически отождествляются два различных юридических понятия: понятие «императивных норм» и понятие «норм обычного международного права» (см. доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1691 выше), стр. 114, пункт 3).

¹⁷¹⁹ См. сомнения на этот счет, выраженные Соединенными Штатами Америки, которые в своем комментарии к замечанию общего порядка № 24 транспонируют на положения, содержащие императивные нормы, решение, применяющееся к тем положениям, в которых сформулированы обычные нормы: «Ясно, что государство не может освободить себя от обязательства соблюдения императивной нормы международного права, сделав оговорку к Пакту. И совсем не ясно, что государство не может предпочесть исключить какие-либо средства обеспечения соблюдения конкретных норм, сделав оговорку против включения этих норм в свои обязательства по Пакту» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), стр. 125).

¹⁷²⁰ Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), р. 707, footnote 52, который ссылается на J.-D. Sicault, «Du caractère obligatoire des engagements unilatéraux en droit international public», *RGDIP*, vol. 83 (1979), р. 663, и упоминавшуюся там юридическую литературу.

¹⁷²¹ Это заведомо справедливо, если «пару» оговорка/согласие рассматривать в качестве соглашения об изменении договора в отношениях между двумя соответствующими государствами (см. Coccia, «Reservations to multilateral treaties on human rights» (сноска 196 выше), pp. 30–31; см. также позицию Рейгера, упоминавшуюся в пункте 15) выше); однако этот анализ является спорным (см. пункт 16) выше).

речи¹⁷²² – тем более, что нельзя допустить, чтобы последовательно возражающая сторона подорвала бы такую норму. Однако цели государства, формулирующего оговорку, могут быть иными: признав содержание нормы, оно может пожелать избежать вытекающих из нее последствий, особенно тех из них, которые касаются контроля¹⁷²³, и в этой связи нет причин, которые не позволяли бы приводить в отношении императивных норм тот же довод, который используется в отношении норм *jus dispositivum*.

20) Однако существуют другие пути, с помощью которых государства могут избежать последствий «конвенционализации» императивной нормы общего международного права: они могут сформулировать оговорку не к соответствующему существенно важному положению, а к «вторичным» статьям, регулирующим договорные отношения (контроль, урегулирование споров, толкование), даже если тем самым ограничивается сфера действия конкретного существенно важного положения¹⁷²⁴.

21) Это разделение подтверждается аргументацией Международного Суда по делу, касающемуся *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*:

Что касается выдвинутого ДПК аргумента, согласно которому рассматриваемая оговорка [к статье 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года] не имеет юридической силы, так как, с одной стороны, запрет расовой дискриминации является императивной нормой международного права, а с другой – такая оговорка вступает в коллизию с императивной нормой,

то Суд сослался

на мотивировку, на основании которой он отклонил аналогичную аргументацию, представленную ДПК в отношении оговорки, сделанной Руандой против статьи IX Конвенции о геноциде (см. пункты 64–69¹⁷²⁵ выше): тот факт, что спор касается несоблюдения императивной нормы общего международного права, недостаточен для обоснования компетенции Суда по рассмотрению этого спора, и не существует императивной нормы, которая обязала бы государство согласиться с такой компетенцией для урегулирования споров, связанных с Конвенцией о расовой дискриминации¹⁷²⁶.

В связи с этим делом ясно, что Суд счел, что императивный характер запрета на расовую дискриминацию не делает недействительными оговорки, касающиеся не самой нормы, запрещающей такую дискриминацию, а ее правового режима.

¹⁷²² Существует, разумеется, немного примеров оговорок, явно нарушающих нормы *jus cogens*.

¹⁷²³ См. пункт 7) выше.

¹⁷²⁴ См. в этой связи, например, оговорки Малави и Мексики к Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 года, в которых применение статьи 16 (о разрешении споров и юрисдикции Суда) было поставлено в зависимость от их факультативных заявлений, сделанных в соответствии с пунктом 2 Статьи 36 Статута Международного Суда, *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.5. Нет никаких сомнений в том, что такие оговорки в принципе не являются недействительными; см. руководящее положение 3.1.5.7 и комментарий к нему.

¹⁷²⁵ По этому аспекту решения см. пункты 2)–3) комментария к руководящему положению 3.1.5.7.

¹⁷²⁶ *Armed Activities on the Territory of the Congo*, юрисдикция и допустимость, постановление от 3 февраля 2006 года (см. сноску 1600 выше), р. 35, para. 78.

22) Считая, что принцип, заложенный в руководящем положении 3.1.5.3, применим к оговоркам к договорным положениям, отражающим императивную норму обычного права¹⁷²⁷, Комиссия считает, что государствам и международным организациям следует воздерживаться от формулирования таких оговорок и, если они считают это необходимым, формулировать оговорки к положениям, касающиеся договорного режима соответствующих норм.

3.1.5.4 Оговорки к положениям, касающимся прав, отступление от которых не допустимо ни при каких обстоятельствах

Государство или международная организация не вправе формулировать оговорку к положению договора, касающемуся прав, отступление от которых не допустимо ни при каких обстоятельствах, если только эта оговорка не является совместимой с существенно важными правами и обязательствами, вытекающими из этого договора. При оценке такой совместимости учитывается важность, которую участники придают этим правам посредством признания их в качестве прав, не допускающих отступлений.

Комментарий

1) На первый взгляд может показаться, что проблема оговорок к положениям, касающимся обязательств, отступление от которых не допустимо ни при каких обстоятельствах¹⁷²⁸, содержащихся в договорах по правам человека, а также в некоторых конвенциях о праве вооруженных конфликтов¹⁷²⁹ или касающихся охраны окружающей среды¹⁷³⁰ или дипломатических отношений¹⁷³¹, возникает в таком же плане, как и проблема оговорок к договорным положениям, отражающим императивные нормы общего международного права¹⁷³². Однако она может

¹⁷²⁷ По поводу последствий таких оговорок см. руководящее положение 4.4.3 (Отсутствие последствий для применения императивной нормы общего международного права (*jus cogens*)).

¹⁷²⁸ Об этом понятии см. D. Prémont, C. Stenersen, I. Oseredczuk (eds.), *Droits intangibles et états d'exception*, Brussels, Bruylant, 1996, p. 644; или Ludovic Hennebel, «Les droits intangibles» в E. Bribošia and L. Hennebel (eds.), *Classer les droits de l'homme* (Bruylant, 2004), pp. 195–218.

¹⁷²⁹ Принципы, перечисленные в пункте 1 статьи 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года, не допускают отступлений и должны соблюдаться «всегда и всюду».

¹⁷³⁰ Хотя большинство конвенций об охране окружающей среды содержат нормы, рассматриваемые в качестве не допускающих отступлений (см. статью 11 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением), они зачастую запрещают любые оговорки. См. также пункт 3 статьи 311 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

¹⁷³¹ См. статью 45 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года. См. также Международный Суд, *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran)*, постановление от 24 мая 1980 года, *I.C.J. Reports 1980*, p. 3, at p. 40, para. 86.

¹⁷³² По этому вопросу см. пункты 13)–22) комментария к руководящему положению 3.1.5 выше. См. также Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 147–159; или Pellet, «1986 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 464–468, paras. 146–159.

быть решена автономно. Государства нередко приводят в обоснование своих возражений против оговорок к таким положениям тот довод, что в договоре запрещается приостанавливать их применение независимо от обстоятельств¹⁷³³.

2) Очевидно, что поскольку положения, не допускающие отступлений, касаются норм *jus cogens*, доводы, приводимые в отношении этих норм, относятся также и к вышеупомянутым положениям¹⁷³⁴. Однако такие положения и нормы не всегда бывают абсолютно идентичными¹⁷³⁵. Как отметил Комитет по правам человека:

Хотя не существует автоматической связи между оговорками к положениям, не допускающим отступлений, и оговорками, которые умаляют объект и цель Пакта, на государстве лежит тяжелое бремя доказать необходимость такой оговорки¹⁷³⁶.

Последний тезис представляет собой логическую неувязку, которая, несомненно, вызвана соображениями целесообразности, однако подобная позиция не основывается на каком-либо принципе позитивного права и могла бы относиться лишь к прогрессивному развитию международного права, а не к сфере его кодификации *stricto sensu*. Вместе с тем из этой позиции *a contrario* следует, что, по мнению Комитета, если право, не допускающее отступлений, не относится к нормам *jus cogens*, оно в принципе может быть предметом оговорки.

3) Со своей стороны, Межамериканский суд по правам человека в своем консультативном заключении от 8 сентября 1983 года по делу *Restrictions to the Death Penalty* заявил:

¹⁷³³ См. пункт 2 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, пункт 2 статьи 15 Европейской конвенции по правам человека (см. также статью 3 Протокола № 6 относительно отмены смертной казни, пункт 3 статьи 4 Протокола № 7 и статью 2 Протокола № 13 относительно отмены смертной казни при любых обстоятельствах и статью 27 Американской конвенции о правах человека. Ни Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ни Африканская хартия прав человека и народов не содержат таких положений (см. Ouguergouz, «L'absence de clauses de dérogation dans certains traités relatifs aux droits de l'homme» (сноска 392 выше), pp. 289–336; в этом же смысле см. O. de Frouville, *L'intangibilité des droits de l'Homme en droit international. Régime conventionnel des droits de l'Homme et droit des traités*, Paris, Pedone, 2004, p. 302).

¹⁷³⁴ См. замечание общего порядка № 24 Комитета по правам человека: «В любом случае не может быть сделана оговорка [в отношении определенных прав, например, запрещения пыток и произвольного лишения жизни] из-за их статуса как императивных норм» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), пункт 10).

¹⁷³⁵ См. замечание общего порядка № 29 Комитета по правам человека, доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 40* (A/56/40), том I, приложение VI, пункт 11. См. также Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 153–155, или K. Teraya, «Emerging hierarchy in international human rights and beyond: from the perspective of non-derogable rights», *European Journal of International Law*, vol. 12, No. 5 (2001), pp. 917–947.

¹⁷³⁶ Замечание общего порядка № 24, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), стр. 119, пункт 10.

Статья 27 [Американской] Конвенции [по правам человека] позволяет государствам-участникам приостанавливать в случае войны, общественной опасности или любой другой чрезвычайной ситуации, которая угрожает их независимости или безопасности, выполнение своих обязательств по Конвенции при условии, что это решение не влечет за собой приостановления или отступления от выполнения определенных основных и неотъемлемых прав, включая право на жизнь, гарантируемое статьей 4. Из этого следует, что любая оговорка, сформулированная государством с целью приостановить применение любого из основных прав, отступления от которых полностью запрещены, должна считаться несовместимой с объектом и целью Конвенции и, следовательно, запрещенной. Ситуация была бы иной, если бы оговорка была направлена просто на ограничение определенных аспектов такого неотъемлемого права, не умаляя при этом его основной цели. Поскольку оговорка, на которую Комиссия ссылается в настоящем запросе, не предусматривает, по-видимому, отрицания права на жизнь как такового, Суд приходит к выводу о том, что в данном случае оговорка не может, в принципе, считаться несовместимой с объектом и целью Конвенции¹⁷³⁷.

4) В противовес любому заявлению о возможности формулирования оговорок к положению, не допускающему отступлений, было заявлено, что, когда договор исключает любое приостановление предусмотренных в нем обязательств, «тем более не должна признаваться никакая оговорка, сформулированная без указания сроков ее снятия соответствующим государством; подобные оговорки (...) никоим образом несовместимы с объектом и целью таких договоров»¹⁷³⁸. Это неубедительный аргумент: одно дело не иметь возможности отступить от положения, имеющего обязательную силу; другое дело – определить, имеет ли данное положение обязательную силу для этого государства¹⁷³⁹. Между тем, речь идет о решении именно этой второй проблемы.

5) В этой связи следует признать, что, хотя определенные оговорки к положениям, не допускающим отступлений, разумеется, исключаются, потому что они противоречат объекту и цели договора, на практике дело не всегда и не обязательно обстоит таким образом¹⁷⁴⁰. Не допускающий отступлений харак-

¹⁷³⁷ *Restrictions to the Death Penalty*, консультативное заключение от 8 сентября 1983 года (см. сноску 197 выше), пара. 61.

¹⁷³⁸ Отдельное мнение судьи Антонио Аугусто Кансаду Триндади, приложенное к решению Межамериканского суда по правам человека от 22 января 1999 года по делу *Blake Case, Reparations (Art. 63(1) of the American Convention on Human Rights)*, Series C, No. 48, para. 11; см. комментарий в поддержку этого мнения Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), р. 155. См. в этой же связи возражение Нидерландов, уточняющее, что оговорка Соединенных Штатов к статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года «равнозначна общему отступлению от этой статьи, тогда как, согласно положениям статьи 4 Пакта, любые отступления запрещены, даже во время чрезвычайного положения в государстве» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4).

¹⁷³⁹ См. комментарий Соединенного Королевства к замечанию общего порядка № 24 Комитета по правам человека: «Отступление от формально принятого на себя обязательства и нежелание принимать на себя обязательство – это, прежде всего, не одно и то же» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), стр. 135, пункт 6).

¹⁷⁴⁰ См. заключительный рабочий документ об оговорках к договорам о правах человека, подготовленный г-жой Франсуазой Хэмпсон в 2004 году (сноска 1151 выше), пункт 52; см. также R. Higgins, «Human rights: some questions of integrity», *Michigan Law Review*, vol. 52 (1989), p. 15; McBride «Reservations and the capacity of States...» (сноска 1661 выше), pp. 163–164; Polakiewicz *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), p. 113; или C.J. Redgwell, «Reservations to treaties and Human

тер права, защищаемого каким-либо договором о правах человека, подчеркивает его важнейшее значение в глазах договаривающихся государств или договаривающихся организаций, из чего следует, что любая оговорка, направленная на то, чтобы попросту исключить его применение, будет, по-видимому, противоречить объекту и цели этого договора¹⁷⁴¹. Из этого, однако, не вытекает, что невозможность отступлений сама по себе препятствует формулированию оговорки к положению, закрепляющему соответствующее право, при условии, если она касается лишь некоторых ограниченных аспектов, связанных с осуществлением этого права.

6) Это «нюансированное» решение хорошо иллюстрирует возражение Дании против оговорок Соединенных Штатов к статьям 6–7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года:

Дания обращает внимание на пункт 2 статьи 4 Пакта, в соответствии с которым, даже во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой, это не может служить основанием для каких-либо отступлений от ряда основополагающих статей, к которым относятся статьи 6 и 7.

По мнению Дании, оговорка 2 Соединенных Штатов в отношении смертной казни за преступления, совершенные лицами в возрасте до 18 лет, а также оговорка 3 к статье 7 представляют собой общие отступления от статей 6 и 7, тогда как в соответствии с положениями пункта 2 статьи 4 Пакта такие отступления не разрешаются.

Поэтому и с учетом того, что статьями 6 и 7 обеспечивается защита двух важнейших прав, закрепленных в Пакте, правительство Дании считает вышеупомянутые оговорки несовместимыми с объектом и целью Пакта; в этой связи Дания возражает против указанных оговорок¹⁷⁴².

Дания выступила против этих оговорок Соединенных Штатов не только потому, что они касаются прав, не допускающих отступлений, но также потому, что в том виде, в каком они сформулированы, они сводят на нет саму суть основных положений договора. Следует также отметить, что во многих случаях участники не высказывают никаких возражений против оговорок к положениям, не допускающим никаких отступлений¹⁷⁴³.

7) В то же время тот факт, что от какого-либо положения могут в принципе делаться отступления, не означает, разумеется, что любая оговорка к

Rights Committee General Comment No. 24 (52)», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 46 (1997), p. 402; против: Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), p. 91.

¹⁷⁴¹ См. руководящее положение 3.1.5: «Оговорка несовместима с объектом и целью договора, если она затрагивает существенно важный элемент договора...».

¹⁷⁴² *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4; см. также – хотя и в меньшей степени – мотивированные недопустимостью отступлений от статей 6 и 7 – возражения Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Финляндии, как указывалось ранее, и возражения Норвегии, Португалии и Швеции (*ibid.*).

¹⁷⁴³ См. многочисленные примеры, приведенные У.А. Шабасом в отношении Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, Европейской конвенции по правам человека и Американской конвенции о правах человека, Schabas, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 966 выше), pp. 51–52, footnote 51.

этому положению будет действительной¹⁷⁴⁴. К такой оговорке также применяется критерий совместимости с объектом и целью договора. Как отметил О. де Фрувиль, применительно к неотъемлемым (или неотчуждаемым) правам рассмотрение соответствия оговорки объекту и цели договора заключается в решении вопроса о том, «la réserve revient à nier l'existence d'un droit de l'Homme reconnu par la convention. (...) Mais qu'entend-on par la "négarion de l'existence" d'un droit?... On retrouve la distinction classique entre l'essence et l'exercice d'un droit. Un droit peut être réglementé dans son exercice, mais cette réglementation ne doit jamais attenter à sa substance.» [отрицает ли оговорка существование признанного конвенцией права человека... Но что мы понимаем под «отрицанием существования права? ... Мы приходим к классическому различию между существом и осуществлением права. Какое-либо право может регламентироваться в вопросах своего осуществления, но такая регламентация не может покушаться на его существо»]¹⁷⁴⁵.

8) Напрашиваются два вывода:

– во-первых, оговорки к положениям, отступление от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах, безусловно, возможны при том условии, если они не ставят под сомнение базовый принцип, закрепленный в договорной норме; в этой ситуации полностью применяются методологические критерии, изложенные в руководящем положении 3.1.5.1¹⁷⁴⁶;

– во-вторых, следует проявлять значительную осторожность; именно поэтому Комиссия сформулировала первое предложение руководящего положения 3.1.5.4 в отрицательной форме («государство или международная организация не могут формулировать оговорку... кроме как если»), как это она уже неоднократно делала, стремясь привлечь внимание к исключительному характеру, который должно приобретать конкретное поведение в области оговорки¹⁷⁴⁷.

9) Кроме того, Комиссия выработала это руководящее положение, стараясь не создать впечатления, что она вводит дополнительный критерий допустимости оговорок: оценка совместимости, о которой идет речь во втором предложении этого положения, касается связи оговорки «с существенно важными правами и обязательствами, вытекающими из этого договора», — напоминая, что посягательство на «существенно важный элемент договора»

представляет собой один из критериев несовместимости с объектом и целью¹⁷⁴⁸.

3.1.5.5 Оговорки, связанные с внутренним правом

Оговорка, посредством которой государство или международная организация желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора или договора в целом, с тем чтобы сохранить целостность конкретных норм внутреннего права этого государства или конкретных правил этой организации, действующих на момент формулирования оговорки, может формулироваться, только если она не затрагивает существенно важный элемент договора или его общую структуру.

Комментарий

1) Один из мотивов, на который нередко ссылаются государства в порядке обоснования формулируемой оговорки, связан с их стремлением сохранить целостность конкретных норм своего внутреннего права.

2) Несмотря на их сходство в некоторых аспектах, проблемы, возникающие в связи с оговорками этого типа, нужно отличать от проблем, связанных с неясными или общими оговорками. Последние зачастую формулируются со ссылкой на внутреннее право в целом или на его целые разделы (конституция, уголовное право, семейное право) без дополнительных уточнений, и это затрудняет оценку совместимости рассматриваемой оговорки с объектом и целью договора. Вопрос, на который призвано дать ответ руководящее положение 3.1.5.5, состоит в ином: речь идет о том, чтобы установить, может ли формулирование оговорки (ясной и достаточно конкретной) быть мотивировано соображениями, обусловленными внутренним правом¹⁷⁴⁹.

3) По мнению Комиссии, в данном случае также необходимо дать взвешенный ответ, который не может быть, безусловно, полностью отрицательным, как это могло бы показаться из некоторых возражений на оговорки такого типа. Так, несколько государств возразили против сформулированной Канадой оговорки к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 25 февраля 1991 года на том основании, что эта оговорка «ставит выполнение Конвенции в зависимость от определенных положений внутреннего права Канады»¹⁷⁵⁰. Аналогичным образом, Финляндия выступила против оговорок, сформулированных рядом государств в отношении Конвенции о правах ребенка 1989 года, на основании того «общего принципа толкования договоров, согласно которому участник не может ссылаться на положения своего

¹⁷⁴⁴ См. Redgwell, «Reservations to treaties...» (сноска 1740 выше), p. 402.

¹⁷⁴⁵ De Frouville, *L'intangibilité des droits...* (сноска 1733 выше), p. 302.

¹⁷⁴⁶ «Определение объекта и цели договора».

¹⁷⁴⁷ См. руководящие положения 2.3 (Последующее формулирование оговорок), 2.4.7 (Последующее формулирование заявления о толковании), 2.5.11 (Последствия частичного снятия оговорок), 3.1.3 (Материальная действительность оговорок, не запрещенных договором) или 3.1.4 (Материальная действительность конкретно определенных оговорок).

¹⁷⁴⁸ См. руководящее положение 3.1.5 и, в частности, пункт 14) b) комментария к нему.

¹⁷⁴⁹ См. пункты 4)–6) комментария к руководящему положению 3.1.5.2.

¹⁷⁵⁰ См. возражения Ирландии, Испании, Люксембурга, Норвегии, Франции и Швеции в *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXVII.4.

внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора»¹⁷⁵¹.

4) Это неубедительное основание для возражения. Нет никаких сомнений в том, что согласно статье 27 Венской конвенции 1969 года¹⁷⁵² участник не может «ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора»¹⁷⁵³. Но это предполагает, что данный вопрос уже решен в том смысле, что указанные положения применяются к государству, сформулировавшему оговорку; однако именно в этом и заключается проблема. Как было правильно отмечено, государство нередко формулирует оговорку *именно потому*, что договор налагает на него обязательства, несовместимые с его внутренним правом, которое оно не в состоянии изменить¹⁷⁵⁴, по крайней мере на начальном этапе¹⁷⁵⁵. Кроме того, статья 57 Европейской конвенции о правах человека, разрешая государству-участнику формулировать оговорку в тех случаях, когда

¹⁷⁵¹ Возражения Финляндии против оговорок Индонезии, Катара, Малайзии, Омана и Сингапура (*ibid.*, chap. IV.11). См. также, например, возражения Греции, Дании, Ирландии, Мексики, Норвегии, Финляндии и Швеции против второй оговорки Соединенных Штатов к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (*ibid.*, chap. IV.1); текст этой оговорки см. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1.5.2; см. также пункт 4) того же комментария.

¹⁷⁵² Конкретно процитирована, например, Нидерландами и Эстонией в поддержку их возражений против той же оговорки Соединенных Штатов (*ibid.*).

¹⁷⁵³ Статья 27 гласит: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для статьи 46» (которая касается «неполных ратификаций»). Правило, изложенное в статье 27, касается действующих договоров; однако цель любой оговорки, по определению, заключается в исключении или изменении юридического действия данного положения в его применении к автору оговорки.

¹⁷⁵⁴ См. Schabas, «Reservations to the Convention on the Rights of the Child» (сноска 1609 выше), pp. 479–480, а также работу этого же автора «Reservations to human rights treaties...» (сноска 966 выше), p. 59.

¹⁷⁵⁵ Иногда государство, формулирующее оговорку, указывает период времени, который ему необходим для приведения своего внутреннего права в соответствие с договором (см. оговорку Эстонии в отношении применения статьи 6 или оговорку Литвы к пункту 3 статьи 5 Европейской конвенции по правам человека, которые были ограничены одногодичным сроком (<http://conventions.coe.int/>)), или сообщает о своем намерении сделать это (см. оговорки Кипра и Малави, сделанные при присоединении к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года – эти страны действительно выполнили свои обещания – см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8); см. также заявление Индонезии при присоединении к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 года, *ibid.*, chap. XXVII.3). Довольно часто также государства снимают оговорки, сформулированные без указания каких-либо сроков, после того, как они изменили положения своего внутреннего права, которые побудили их сделать оговорку (см. снятие Ирландией, Соединенным Королевством и Францией нескольких оговорок к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, *ibid.*, chap. IV.8); см. также по частям снимавшуюся Финляндией (в 1996, 1998, 1999 и 2001 годах) ее оговорку к пункту 1 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека или полное снятие Сербией оговорок к этой же Конвенции 10 мая 2011 года (<http://conventions.coe.int/>). Такую практику следует поощрять и, безусловно, приветствовать (см. руководящее положение 2.5.3 Руководства по практике и комментарий к нему); однако из этого не следует делать вывод о несостоятельности принципа «формулирования оговорок на основании внутреннего права».

его внутреннее право не согласуется с каким-либо положением Конвенции, в то же время ограничивает это полномочие только теми случаями, когда «любой закон... действующий на его территории, не соответствует этому положению»¹⁷⁵⁶. Вне рамок Европейской конвенции по правам человека также существуют оговорки, касающиеся применения внутреннего права, которые не вызывают и никогда не вызывали никаких возражений¹⁷⁵⁷. С другой стороны, в этой же статье четко запрещается формулирование «оговорок общего характера».

5) Самое главное при этом, чтобы государства, формулирующие оговорки, не использовали свое внутреннее право¹⁷⁵⁸ в качестве предлога для непризнания какого-либо нового международного обязательства даже в тех случаях, когда цель договора состоит в изменении практики государств-участников¹⁷⁵⁹. Хотя нельзя с полным основанием утверждать,

¹⁷⁵⁶ См. пункт 8) комментария к руководящему положению 3.1.2.

¹⁷⁵⁷ См., например, оговорку Мозамбика к Международной конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года, *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.5 (аналогичная оговорка касается экстрадиции мозамбикских граждан в связи с применением других договоров, например Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (*ibid.*, chap. XVIII.11)); оговорки Гватемалы и Филиппин к Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 года (*ibid.*, chap. XVI.3); оговорки Колумбии (сделанные при подписании), Исламской Республики Иран и Нидерландов (имеющие, однако, весьма расплывчатый характер) к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (*ibid.*, chap. VI.19). Оговорка Франции к пункту 1 статьи 5 Европейской конвенции по правам человека вызвала более горячую дискуссию: см. N. Questiaux, «La Convention européenne des droits de l'homme et l'article 16 de la Constitution du 4 octobre 1958», *Revue des droits de l'homme/Human Rights Journal*, vol. 3 (1970), pp. 651–663; A. Pellet, «La ratification par la France de la Convention européenne des droits de l'homme», *Revue de droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, vol. 90 (1974), pp. 1358–1365; или V. Coussirat-Coustère, «La réserve française à l'article 15 de la Convention européenne des droits de l'homme», *Journal du droit international*, vol. 102 (1975), pp. 269–293.

¹⁷⁵⁸ Что касается международных организаций, то они не должны использовать в качестве предлога «правила организации»: выражение заимствовано из статей 27 и 46 Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. Оно фигурирует также (и получает определение) в подпункте b) статьи 2 проектов статей Комиссии об ответственности международных организаций, принятом Комиссией во втором чтении в 2011 году (см. пункт 88 настоящего доклада, *Ежегодник... 2011 год*, том II (часть вторая), стр. 53). Однако ссылка на правила организации может не породить сходную проблему, если оговорка применяется только к отношениям между организацией и ее членами.

¹⁷⁵⁹ Де Фрувиль называет оговорки такого рода «reserves potestatives» [«потестативными оговорками»] (де Фрувиль (сноска 1733 выше), pp. 347–349). Аналогичным образом, Куле считает, что подобные оговорки ставят под сомнение существование обязательства государства (Coulée, «A propos d'une controverse...» (сноска 1579 выше), p. 503). В своих заключительных замечаниях от 6 апреля 1995 года по первоначальному докладу Соединенных Штатов о применении Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года Комитет по правам человека выразил сожаление «по поводу объема оговорок и заявлений, в том числе заявлений о толковании государства-участника в отношении Пакта. Он полагает, что в совокупности они предназначены для того, чтобы скрыть стремление государства-участника

что к таким случаям применима статья 27 Венской конвенции¹⁷⁶⁰, следует тем не менее учитывать, что с точки зрения международного права национальные законы являются «простыми фактами»¹⁷⁶¹ и что сама цель договора может заключаться в том, чтобы побудить государства изменить эти законы.

6) Комиссия предпочла выражение «конкретные нормы внутреннего права», а не «положения внутреннего права», которое позволяло бы считать, что речь идет лишь о писанных нормах конституционного, законодательного или подзаконного характера, в то время как руководящее положение 3.1.5.5 затрагивает также обычно правовые и судебные нормы. Кроме того, выражение «правила организации» охватывает как «установившуюся практику организации», так и учредительные документы, а также «решения, резолюции и другие акты, принятые международной организацией в соответствии с такими документами»¹⁷⁶².

7) Комиссия сознает, что, на первый взгляд, руководящее положение 3.1.5.5 может показаться лишь простым повторением принципа, закрепленного в подпункте с) статьи 19 Венских конвенций и воспроизведенного в руководящем положении 3.1. И все же он выполняет немаловажную функцию: она состоит в установлении того, что вопреки неверной, но довольно распространенной идее, оговорка не является недействительной лишь в силу того, что она имеет целью сохранить целостность конкретных норм внутреннего права, – при том понимании, что оговорки, преследующие такую цель, как и любые другие оговорки, должны быть совместимы с объектом и целью договора, к которому они относятся.

3.1.5.6 Оговорки к договорам, содержащим комплекс взаимозависимых прав и обязанностей

Для оценки совместимости оговорки с объектом и целью договора, содержащего комплекс взаимозависимых прав и обязанностей, учитывается

(продолжение сноски 1759)

принять только то, что уже включено в его законодательство. Комитет также особенно обеспокоен оговорками к пункту 5 статьи 6 и к статье 7 Пакта, которые, как он полагает, несовместимы с объектом и целью Пакта» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), пункт 279). См. анализ Schabas, «Invalid reservations...» (сноска 1610 выше), pp. 277–325; и McBride, «Reservations and the capacity of States...» (сноска 1661 выше), p. 172.

¹⁷⁶⁰ См. пункт 4) выше.

¹⁷⁶¹ *Certain German interests in Polish Upper Silesia*, постановление № 7 от 25 мая 1926 года (сноска 845 выше), p. 19; см. также Арбитражную комиссию для Югославии, заключение № 1 от 29 ноября 1991 года, воспроизводится в RGDIP, vol. 96 (1992), p. 264. Этот принцип подтверждается в статье 4 статей Комиссии международного права 2001 года об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятых на ее пятьдесят третьей сессии в 2001 году, *Ежегодник... 2001 год*, том II (часть вторая) и исправление, стр. 44, которые содержатся в приложении к резолюции 65/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года.

¹⁷⁶² Подпункт b) статьи 2 проектов статей Комиссии об ответственности международных организаций, принятых Комиссией во втором чтении в 2011 году (см. пункт 88 настоящего доклада, *Ежегодник... 2011 год*, том II (часть вторая), стр. 53).

такая взаимозависимость, а также важность положения, которого касается оговорка, в общей структуре договора, и степень воздействия такой оговорки на договор.

Комментарий

1) Оговорки к комплексным договорам, содержащим взаимозависимый свод прав и обязанностей, порождают особые вопросы, поскольку исключительно трудно определить, в какой момент эта взаимозависимость, которая составляет смысл существования договора, может быть подорвана оговоркой, касающейся одного из его элементов.

2) Область прав человека является той областью, в которой оговорки к договорам такого рода, будь то универсальным (как, например, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах или Международный пакт о гражданских и политических правах) или региональным (как, например, Европейская конвенция по правам человека или Американская хартия прав человека и народов)¹⁷⁶³, являются наиболее многочисленными и в которой ведутся самые оживленные дискуссии в отношении их действительности¹⁷⁶⁴. Ввиду распространения соответствующей практики поначалу Комиссия посвятила отдельный проект руководящего положения оговоркам к общим договорам о правах человека¹⁷⁶⁵. Однако, взвесив все за и против, она пришла к заключению, что данная проблема одинакова применительно ко всем другим областям (например, в отношении договоров о мире или общих конвенций об охране окружающей среды): особый характер проблем, порождаемых оговорками к этим конвенциям, обусловлен не тем, что последние направлены на защиту прав человека¹⁷⁶⁶, а тем, что такие оговорки могут затрагивать взаимозависимость, которая служит закрепляющим и организующим началом этих договоров применительно к различным правам, которые они охватывают. Особый характер этих проблем зачастую связан с

¹⁷⁶³ Настоящее руководящее положение касается не только таких общих договоров: например, Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 года также направлена на защиту очень разнородного комплекса прав. См. также Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года или Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 года.

¹⁷⁶⁴ См. Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil» (сноска 1619 выше), pp. 533–535.

¹⁷⁶⁵ См. проект руководящего положения 3.1.12 (Оговорки к общим договорам по правам человека), принятый в предварительном порядке Комиссией на ее пятьдесят девятой сессии (*Ежегодник... 2007 год*, том II (часть вторая), стр. 61).

¹⁷⁶⁶ Когда Комиссия считала, что в связи с оговорками к договорам о правах человека могут возникнуть особые проблемы, она всякий раз отмечала это в своих комментариях; в отношении руководящих положений, касающихся материальной действительности оговорок, см., в частности, пункты 8)–9) комментария к руководящему положению 3.1.5.2 (Неясные или общие оговорки), пункты 17) и 19)–20) комментария к руководящему положению 3.1.5.3 (Оговорки к положению, отражающему обычную норму) или комментарий к руководящему положению 3.1.5.4 (Оговорки к положениям, касающимся прав, отступление от которых недопустимо ни при каких обстоятельствах), *passim*.

концепцией «комплексных и взаимозависимых договоров»¹⁷⁶⁷. Но авторы, придерживающиеся этого подхода, признают, что эта категория не ограничивается только договорами о правах человека¹⁷⁶⁸. Поэтому нет оснований отходить от одного из принципов, последовательно соблюдавшихся при разработке Руководства по практике, и применять разные

¹⁷⁶⁷ Сэр Джеральд Фитцморис, который придерживался этой концепции, определял такие инструменты как «многосторонние договоры, права и обязательства по которым не являются взаимными, но которые являются: а) либо взаимозависимыми, когда основополагающее нарушение одного из обязательств по договору одной из сторон оправдывает соответствующее несоблюдение в целом другими сторонами, причем не просто их несоблюдение только по отношению к нарушившей обязательство стороне; б) либо комплексными, когда сила обязательства является очевидной, абсолютной и непреложной для каждой стороны и не зависит от соответствующего исполнения другими сторонами» (третий доклад по праву международных договоров, *Ежегодник... 1958 год*, том II, документ A/CN.4/115, стр. 27–28 (англ. текста)).

¹⁷⁶⁸ Так, для Симмы речь идет о «таких многосторонних договорах, права и обязательства по которым носят комплексный характер в том смысле, что они составляют неделимое целое и должны исполняться каждой стороной по отношению к любой другой стороне» (Simma, «From bilateralism to community interest...» (сноска 99 выше), р. 351). Автор выделяет две категории: «первая подгруппа таких договоров, а именно комплексные договоры, предполагающие полную взаимность между сторонами, например договоры, запрещающие ядерные испытания или распространение ядерного оружия», и «комплексные договоры второй разновидности, примерами которых являются конвенции о правах человека» (*ibid.*, pp. 351–352). Куле определяет комплексные обязательства как «*des obligations conventionnelles non réciproques visant non pas la satisfaction d'intérêts opposés, mais la protection d'un intérêt commun*» [«договорные обязательства, не основанные на взаимности, направленные не на удовлетворение интересов противоположной стороны, а на защиту общего интереса»] (Coulée, «A propos d'une controverse...» (сноска 1579 выше), р. 502). См. также F. Capotorti, «Cours général de droit international public», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 248 (1994-IV), p. 157; J. Pauwelyn, «A typology of multilateral treaty obligations: are WTO obligations bilateral or collective in nature?», *European Journal of International Law*, vol. 14, No. 5 (2003), pp. 907–951; или F. Coulée, *Droit des traités et non-réciprocité: recherches sur l'obligation intégrale en droit international public*, thesis, Université Paris 2, 1999. Некоторые авторы предлагают цивилистический анализ объекта и цели комплексного договора, основанный на понятии «причины»: «Dans un traité réciproque, la cause d'un engagement d'une partie est l'engagement d'une autre partie. (...) Dans un traité intégral, à l'inverse, la cause de l'engagement est la même pour toutes les parties: c'est l'énoncé même. (...) Rechercher si une réserve est incompatible avec l'objet et le but du traité, dans un traité intégral, c'est donc rechercher si la réserve ne contredit pas la cause objective déterminée du traité, et, par conséquent, si l'Etat réservataire s'est véritablement engagé à respecter le traité. (...) Le critère de "compatibilité avec l'objet et le but du traité" protège donc, dans un traité intégral, toutes les clauses qui participent à l'objet et au but du traité, qui comportent des obligations essentielles relativement à ceux-ci.» [«В рамках взаимного договора причина принятия на себя обязательства одной стороной заключается в принятии на себя этого обязательства другой стороной. (...) Напротив, в случае комплексного договора причина принятия на себя обязательства одинакова для всех сторон: это одно и то же заявление. (...) определение соответствия оговорки объекту и цели договора в случае комплексного договора заключается в определении того, не противоречит ли оговорка причине, объективно установленной договором и, следовательно, действительно ли государство, формулирующее оговорку, собирается соблюдать договор. (...) Критерий соответствия «соответствие объекту и цели договора» защищает таким образом в случае комплексного договора все положения, которые касаются объекта и цели договора, которые содержат основные связанные с ними обязательства»] (de Frouville, *L'intangibilité des droits de l'homme...* (сноска 1733 выше), pp. 287–288).

правила к оговоркам в зависимости от объекта договора¹⁷⁶⁹, несмотря на то, что в отношении оговорок к общим договорам о правах человека практика является более обильной и ясной.

3) Что касается Международного пакта о гражданских и политических правах, то Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 24 заявил следующее:

В договоре, который охватывает очень многие гражданские и политические права, каждая из многочисленных статей, а по существу и их взаимосвязь, обеспечивает цели Пакта. Объект и цель Пакта состоят в установлении имеющих обязательную силу стандартов по правам человека путем определения ряда гражданских и политических прав и придания им формы обязательств, которые имеют обязательную силу для государств, ратифицировавших Пакт, а также в установлении эффективного механизма по наблюдению за выполнением принятых обязательств¹⁷⁷⁰.

Понимаемая буквально, эта позиция ведет к рассмотрению в качестве недействительной любой общей оговорки, касающейся любого из прав, защищаемых Международным пактом о гражданских и политических правах¹⁷⁷¹. Однако это не позиция, занимаемая государствами-участниками, которые не формулируют на систематической основе возражения к

¹⁷⁶⁹ Даже авторы, выступающие против признания особого режима за оговорками к договорам о правах человека, поясняют, что это основывается на специфическом качестве, которое присуще таким договорам наряду с другими нормативными договорами. Так, Ф. Куле подчеркивает их «*impermeabilité à la réciprocité*» [«непроницаемость для взаимности»], присущую «*la plupart des obligations conventionnelles en matière de protection de l'environnement, tout comme nombre d'obligations de droit humanitaire (...) qui sont des obligations intégrales*» [«большинству договорных обязательств в области охраны окружающей среды, равно как и ряду обязательств по гуманитарному праву, (...) которые являются комплексными обязательствами»] (Coulée, «A propos d'une controverse...» (сноска 1579 выше), р. 502).

¹⁷⁷⁰ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятой сессии, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), пункт 7. См. заключительный рабочий документ об оговорках к договорам по правам человека, подготовленный г-жой Франсуазой Хэмпсон в 2004 году (сноска 1151 выше), пункт 50; см. также комментарий по статье 48 Международного пакта о гражданских и политических правах, подготовленный D. Müller: «Article 48», в E. Decaux (ed.), *Le Pacte international relatif aux droits civils et politiques. Commentaire article par article* (Paris, Economica, 2011), pp. 802–803.

¹⁷⁷¹ Некоторые авторы утверждают, что режим оговорок абсолютно не совместим с правами человека. См. Эмбер, который не разделяет этого радикального взгляда («*La question des réserves et les conventions...*» (сноска 1495 выше), р. 99 (также на английском языке: «Reservations and human rights conventions» (сноска 1495 выше), р. 28) или *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), р. 249); см. также Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), р. 16, или R.P. Anand, «Reservations to multilateral conventions», *The Indian Journal of International Law*, vol. 1, No. 1 (1960), p. 88. См. также комментарии относительно замечания общего порядка Комитета по правам человека № 24 (сноска 1156 выше), в E.A. Baylis, «General comment 24: confronting the problem of reservations to human rights treaties», *Berkeley Journal of International Law*, vol. 17 (1999), pp. 277–329; Redgwell, «Reservations to treaties...» (сноска 1740 выше), pp. 390–412; R. Higgins, «Introduction», в Gardner (ed.), *Human Rights as General Norms...* (сноска 1527 выше), pp. xvii–xxix; или K. Korkelia, «New challenges to the regime of reservations under the International Covenant on Civil and Political Rights», *European Journal of International Law*, vol. 13 (2002), pp. 437–477.

оговоркам подобного рода¹⁷⁷², и сам Комитет не заходит настолько далеко, поскольку в пунктах, следующих после изложения его принципиальной позиции¹⁷⁷³, он очень подробно излагает критерии, которые он использует при оценке того, являются ли оговорки совместимыми с объектом и целью Пакта: из этого не следует, что в силу своего характера любая общая оговорка, касающаяся одного из защищаемых прав, будет недействительна как таковая.

4) Подобным образом, в случае Конвенции о правах ребенка 1989 года было выдвинуто очень много оговорок к положениям, касающимся усыновления¹⁷⁷⁴. Как отмечалось, «было бы сложно сделать вывод о том, что этот вопрос является столь основополагающим для Конвенции, что может привести к тому, что такие оговорки будут противоречить ее объекту и цели»¹⁷⁷⁵.

5) В отличие от договоров, касающихся какого-либо конкретного права человека, как, например, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания или Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, общие договоры о правах человека имеют объект и цель, носящие комплексный характер¹⁷⁷⁶. Они касаются целого спектра различных прав и характеризуются глобальным подходом к правам, которые они призваны защищать. Тем не менее некоторые защищаемые права могут быть более важными, чем другие, или договорное положение, которое их предусматривает, может занимать центральное место в структуре договора¹⁷⁷⁷; кроме того, даже когда речь идет о важнейших правах, нельзя исключать того, что оговорка, касающаяся некоторых ограниченных аспектов, связанных с осуществлением рассматриваемого права, может быть действительной. В этом отношении оговорки к договорам, содержащим комплекс взаимозависимых прав и обязанностей, создают проблемы, аналогичные проблемам оговорок к положениям, которые касаются прав, не допускающих отступлений¹⁷⁷⁸.

¹⁷⁷² См., например, оговорку Мальты к статье 13 (об условиях высылки иностранцев), в отношении которой не было высказано никаких возражений (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4). См. также оговорку Барбадоса к пункту 3 статьи 14 или оговорку Белиза к тому же положению (*ibid.*), или же оговорку Маврикия к статье 22 Конвенции о правах ребенка (*ibid.*, chap. IV.11).

¹⁷⁷³ См. пункты 8–10 замечания общего порядка № 24 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше)): помимо совместимости оговорки с объектом и целью Пакта эти критерии затрагивают обычно-правовой, императивный или не допускающий отступления характер рассматриваемой нормы; см. руководящие положения 3.1.5.3–3.1.5.4.

¹⁷⁷⁴ Статьи 20–21; см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.11.

¹⁷⁷⁵ Schabas, «Reservations to the Convention on the Rights of the Child» (сноска 1609 выше), p. 480.

¹⁷⁷⁶ См. также Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil...» (сноска 1619 выше), pp. 539–541.

¹⁷⁷⁷ См. пункт 4) выше.

¹⁷⁷⁸ См. руководящие положения 3.1.5.4 выше, и в частности, пункты 4)–8) комментария к нему.

6) В руководящем положении 3.1.5.6 предпринимается попытка добиться очень хрупкого¹⁷⁷⁹ равновесия между этими различными соображениями на основе объединения трех элементов:

- взаимозависимость прав и обязательств, излагаемых в договоре;
- значение положения, которое является предметом оговорки, в общей структуре договора; и
- степень воздействия на него оговорки.

7) Первый элемент, касающийся взаимозависимости прав и обязательств, затрагиваемых оговоркой, акцентирует внимание на задаче глобального достижения объекта и цели договора и направлен на то, чтобы не допустить подрыва этих обязательств как комплекса обязательств, индивидуальное или разрозненное осуществление которых не позволит реализовать объект договора в целом.

8) Второй элемент нюансирует предшествующую формулировку и составляет признание – в соответствии с практикой – того факта, что некоторые права, защищаемые этими договорами, все же носят менее важный характер, чем другие, и в частности чем права, не допускающие отступлений¹⁷⁸⁰. Разумеется, важность соответствующего положения должна оцениваться в зависимости от «общей структуры» как термина, заимствованного из руководящего положения 3.1.5¹⁷⁸¹.

9) Наконец, упоминание о «степени воздействия (...) оговорки» на право или положение, в отношении которого она сформулирована, указывает на то, что, даже когда речь идет о важнейших правах, возможность оговорки не исключается, если они не исключают защиту рассматриваемых прав и не имеют своим следствием чрезмерное изменение их правового режима.

¹⁷⁷⁹ О важности такого баланса применительно к оговоркам к договорам о правах человека см. Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil...» (сноска 1619 выше), pp. 523–524.

¹⁷⁸⁰ См. руководящее положение 3.1.5.4 выше. Говоря об основополагающем характере защищаемого права и, таким образом, положения, которое его гарантирует, О. де Фрувиль считает возможным двойное понимание: «L'examen de la pratique des États et des organes de contrôle montre que le constat de l'incompatibilité d'une réserve avec l'objet et le but du traité fait en réalité appel à deux types de considérations: il est d'abord question du caractère "fondamental" d'un droit, caractère qui interdirait d'y apporter une réserve. Cette "fondamentalité" renvoie elle-même à certaines caractéristiques du droit en question. Il est ensuite fait référence à l'impossibilité de "nier" un droit ou de se soustraire totalement à l'obligation de le respecter, considération qui reflète l'idée d'intangibilité.» [«Рассмотрение практики государств и контрольных органов показывает, что констатация несоответствия оговорки объекту и цели договора на практике основывается на двух типах соображений: таковым является прежде всего «фундаментальный» характер права, который запрещает делать к нему оговорку. Эта «фундаментальность» сама отсылает к определенным характеристикам соответствующего права. Таковым далее является невозможность «отрицать» или полностью обходить обязательство уважать его – соображение, отражающее идею неприкосновенности»] (de Frouville, *L'intangibilité des droits de l'homme ...* (сноска 1733 выше), p. 294).

¹⁷⁸¹ См., в частности, пункт 14) b) комментария к руководящему положению 3.1.5.

3.1.5.7 Оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или контроля за выполнением договора

Оговорка к договорному положению, касающемуся урегулирования споров или контроля за выполнением договора, сама по себе не является несовместимой с объектом и целью договора, если только:

a) оговорка не имеет целью исключить или изменить юридическое действие положения договора, существенно важного для смысла его существования; или

b) оговорка не имеет своим следствием выведение государства или международной организации, являющихся автором оговорки, из-под действия механизма урегулирования спора или контроля за выполнением договора в связи с договорным положением, ранее принятым государством или международной организацией, если сама цель договора состоит в приведении в действие такого механизма.

Комментарий

1) В своем первом докладе о праве международных договоров Фитцморис категорически заявил следующее: «Было бы недопустимо, если бы некоторые стороны договора не были связаны обязательством относительно урегулирования споров, возникающих в связи с этим договором, в то время как это положение было бы обязательным для других сторон»¹⁷⁸². Эта позиция, которая явно продиктована проводившимися в период «холодной войны» дебатами по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, является чересчур радикальной; кроме того, она была отвергнута Международным Судом, который в своих постановлениях от 2 июня 1999 года в ответ на просьбу Югославии об определении временных мер в отношении Испании и Соединенных Штатов в делах *Legality of Use of Force*, четко признал действительность оговорок, выдвинутых этими двумя государствами в отношении статьи IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года, которая дает Суду право рассматривать все споры, касающиеся Конвенции¹⁷⁸³, даже если некоторые стороны считают, что такие оговорки не являются совместимыми с объектом и целью Конвенции¹⁷⁸⁴.

¹⁷⁸² Ежегодник... 1956 год, том II, документ A/CN.4/101, стр. 127 англ. текста, пункт 96; в этом заключалась цель проекта статьи 37, пункт 4, который предлагал Специальный докладчик (там же, стр. 115 англ. текста).

¹⁷⁸³ См. дела, *Legality of Use of Force (Yugoslavia v. Spain)*, *Provisional Measures, Order of 2 June 1999*, I.C.J. Reports 1999, p. 761, at p. 772, paras. 29–33, и *(Yugoslavia v. United States of America)*, *ibid.*, p. 916, at pp. 923–924, paras. 21–25.

¹⁷⁸⁴ См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.1 (см., в частности, недвусмысленные возражения в этом смысле Бразилии, Мексики и Нидерландов).

2) В своем постановлении относительно просьбы об определении временных мер в деле *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002)*, Суд пришел к тому же выводу в отношении оговорки Руанды к этому же положению, заявив, что «эта оговорка не имеет материально-правового значения и относится только к юрисдикции Суда» и что «поэтому, как представляется, она не противоречит объекту и цели Конвенции [о предупреждении преступления геноцида и наказания за него]»¹⁷⁸⁵. Он подтвердил эту позицию в своем решении по существу дела от 3 февраля 2006 года: отвечая Демократической Республике Конго, которая заявила, что сделанная Руандой оговорка к статье IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него «недействительна», Суд, подтвердив позицию, которую он высказал в консультативном заключении от 28 мая 1951 года относительно *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*¹⁷⁸⁶ и в соответствии с которой оговорка к этой Конвенции возможна при условии, если она не является несовместимой с объектом и целью Конвенции, сделал следующий вывод:

Оговорка Руанды к статье IX Конвенции о геноциде касается компетенции Суда и не затрагивает основных обязанностей, вытекающих из этой Конвенции и касающихся непосредственно актов геноцида. В данных обстоятельствах Суд не может заключить, что оговорка, сделанная Руандой и имеющая целью исключить какой-либо особый способ урегулирования спора, касающегося толкования, применения или выполнения Конвенции, должна рассматриваться как не совместимая с объектом и целью этой Конвенции¹⁷⁸⁷.

Таким образом, Международный Суд, подтвердив свои предшествующие постановления, признал действительность оговорки, сформулированной Руандой к статье IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. Этот вывод подкрепляется весьма широкой распространенностью таких оговорок и непоследовательной практикой формулирования возражений к ним¹⁷⁸⁸.

¹⁷⁸⁵ *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*, *Provisional Measures, Order of 10 July 2002*, I.C.J. Reports 2002, p. 219, at p. 246, para. 72.

¹⁷⁸⁶ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше).

¹⁷⁸⁷ *Armed Activities on the Territory of the Congo*, юрисдикция и приемлемость, постановление от 3 февраля 2006 года (см. сноску 1600 выше), para. 67.

¹⁷⁸⁸ В этой связи см. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 192–202. См. также Pellet, «1986 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 452–454, paras. 199–122. Как правило, возражения к оговоркам относительно положений об урегулировании споров редки. Помимо возражений, выдвинутых против оговорки к статье IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, см., однако, возражения, сформулированные некоторыми государствами против оговорок к статье 66 Венской конвенции 1969 года, в частности, возражения Германии, Египта, Канады, Соединенных Штатов Америки (которые утверждали, что оговорка Сирии «не является совместимой с объектом и целью Конвенции и подрывает принцип беспристрастного разрешения споров, касающихся недействительности, прекращения и приостановления действия договоров,

3) Однако в своем совместном особом мнении некоторые судьи отметили, что принцип, примененный Судом при принятии решения, не может иметь абсолютный характер. Они подчеркнули, что могут возникнуть ситуации, при которых оговорки к положениям, касающимся урегулирования споров, могут оказаться противоречащими объекту и цели договора, и указали, что все зависит от конкретного случая¹⁷⁸⁹.

4) Со своей стороны, Комитет по правам человека счел, что оговорки к положениям Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, касающимся гарантий его применения и содержащимся как в самом Пакте, так и в Факультативном протоколе к нему, могут быть не совместимыми с объектом и целью этих документов:

Эти гарантии образуют необходимые рамки обеспечения прав, закрепленных в Пакте, и они, таким образом, являются весьма важными для его объекта и цели. (...) Для более эффективного достижения его объявленных целей Пакт предусматривает (...) наблюдательную роль Комитета. Оговорки, предназначенные для того чтобы обойти этот важный элемент в механизме Пакта, который (...) направлен на обеспечение осуществления прав, являются (...) не совместимыми с его объектом и целью. Государство не может зарезервировать за собой право не представлять доклад для рассмотрения его Комитетом. Роль Комитета по Пакту, будь то на основании статьи 40 или же на основании положений факультативных протоколов, неизменно включает в себя толкование положений Пакта и развитие юриспруденции. Соответственно любая оговорка, которая не признает компетенцию Комитета толковать требования любых положений Пакта, также будет противоречить объекту и цели этого договора¹⁷⁹⁰.

Что касается Факультативного протокола, то Комитет добавил следующее:

Оговорка к Пакту не может быть сделана через посредство Факультативного протокола, однако такая оговорка будет действительной в том плане, что она не будет позволять проверять в Комитете выполнение государством этого обязательства в соответствии с первым Факультативным протоколом. Поскольку объект и цель первого Факультативного протокола заключаются в том, чтобы дать возможность проверять в Комитете осуществление прав, которые государство обязано обеспечивать в соответствии с Пактом, то оговорка, направленная на то, чтобы не допустить этого, будет противоречить объекту и цели первого Факультативного протокола, хотя и не Пакта. Оговорка к

(продолжение сноски 1788)

т.е. вопросы, которые обстоятельно обсуждались в ходе переговоров на Венской конференции» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1), возражения Нидерландов, Новой Зеландии и Японии («положения, касающиеся урегулирования споров, как они изложены в статье 66 Конвенции, являются важной частью Конвенции и не могут быть отделены от материально-правовых норм, с которыми они связаны», *ibid.*), Соединенного Королевства («Эти положения неразрывно связаны с положениями части V. Их включение стало основой, на которой эти элементы части V, которые отражают прогрессивное развитие международного права, были признаны на Венской конференции», *ibid.*) и Швеции (которая по существу поддержала позицию Соединенного Королевства, *ibid.*).

¹⁷⁸⁹ Совместное отдельное мнение судей Хиггинс, Койманса, Элароби, Овады и Симмы, приложенное к постановлению от 3 февраля 2006 года по делу *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 1600 выше), para. 21.

¹⁷⁹⁰ Замечание общего порядка № 24, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), стр. 119, пункт 11; см. также заключительный рабочий документ об оговорках к договорам по правам человека, подготовленный г-жой Франсуазой Хэмпсон в 2004 году (сноска 1151 выше), пункт 55.

основному обязательству, сделанная впервые на основании первого Факультативного протокола, будет, по-видимому, отражать намерение соответствующего государства не дать Комитету возможности выразить свое мнение относительно той или иной статьи Пакта в каждом отдельном случае¹⁷⁹¹.

На основании этих аргументов Комитет в деле *Rawle Kennedy* признал, что оговорка, выдвинутая Тринидадом и Тобаго и исключающая компетенцию Комитета рассматривать сообщения, связанные с заключенным, которому вынесен смертный приговор, не является действительной¹⁷⁹².

5) Европейский суд по правам человека в деле *Loizidou*, проанализировав объект и цель Европейской конвенции по правам человека, пришел к выводу, что «государства не могут ограничивать принятие ими факультативных клаузул, с тем чтобы фактически вывести те или иные области своего права и практики, находящиеся под их "юрисдикцией", из-под контроля конвенционных институтов»¹⁷⁹³, и что ограничение его компетенции *ratione loci* или *ratione materiae* не согласуется с характером Конвенции¹⁷⁹⁴.

6) В свете этих решений Комиссия:

a) напоминает, что формулирование оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора, как таковое не исключается: это является предметом вводной части руководящего положения 3.1.5.7;

b) при условии, что рассматриваемое урегулирование или наблюдение не составляет объект договора, о котором идет речь; и

c) вместе с тем указывает, что государство или международная организация не может умалить свои существенные договорные обязательства, принятые

¹⁷⁹¹ Замечание общего порядка № 24, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), стр. 120, пункт 13. В следующем пункте Комитет выразил мнение, «что оговорки, касающиеся требуемых процедур по первому Факультативному протоколу, не будут совместимы с его объектом и целью».

¹⁷⁹² Сообщение № 845/1999, *Rawle Kennedy v. Trinidad and Tobago* (сноска 730 выше), пункт 6.7. Для обоснования своей оговорки Тринидад и Тобаго выдвинул аргумент о том, что он признает «принцип, что государства не могут использовать Факультативный протокол в качестве средства для формулирования оговорок к самому Международному пакту о гражданских и политических правах, однако подчеркивает, что его оговорка к Факультативному протоколу никоим образом не освобождает его от его обязательств согласно Пакту» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.5). Семь государств выдвинули возражения против этой оговорки, после чего в конечном счете Тринидад и Тобаго денонсировал Протокол в целом (*ibid.*).

¹⁷⁹³ Постановление от 23 марта 1995 года, *Loizidou v. Turkey* (см. сноску 304 выше), Series A, No. 310, p. 28, para. 77.

¹⁷⁹⁴ *Ibid.*, pars. 70–89; см., в частности, para. 79. См. также решение Большой палаты по приемлемости для рассмотрения по существу от 4 июля 2001 года в связи с ходатайством № 48787/99 в деле *Ilie Ilaşcu et al. v. Moldova and the Russian Federation* (размещен на сайте www.echr.coe.int/ECHR/FR/hudoc), p. 20, или постановление Большой палаты от 8 апреля 2004 года по делу *Assanidze v. Georgia* (ходатайство № 71503/01), *Reports of Judgements and Decisions 2004-II*, para. 140.

ранее, сформулировав оговорку к договорному положению, касающемуся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора, в момент признания им этого положения.

7) Комиссия сочла, что эти два типа положений разделять не следует: даже если их объекты и являются отчасти различными¹⁷⁹⁵, оговорки, которые могут быть сформулированы к первым и ко вторым из них, порождают однотипные проблемы, и в случае составления двух отдельных руководящих положений одни и те же нормы пришлось бы излагать дважды.

3.2 Оценка материальной действительности оговорок

Оценивать в рамках своей соответствующей компетенции материальную действительность оговорок к договору, сформулированных государством или международной организацией, могут:

- a) договаривающиеся государства или договаривающиеся организации;
- b) органы по урегулированию споров;
- c) наблюдательные договорные органы.

Комментарий

1) Руководящее положение 3.2 излагается в начале раздела Руководства по практике, касающегося оценки материальной действительности оговорок. Это общее положение, цель которого заключается в том, чтобы напомнить, что существуют различные механизмы оценки этой материальной действительности, которые отнюдь не исключают, а взаимно дополняют друг друга, – в том числе когда договором учреждается орган, которому поручено наблюдать за его осуществлением. Это утверждение соответствует утверждению, содержащемуся – в несколько иной форме – в пункте 6 предварительных выводов Комиссии 1997 года по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека¹⁷⁹⁶. Конечно же, эти «общеприменимые» механизмы оценки материальной действительности оговорок могут дополняться или заменяться особыми механизмами такой оценки, создаваемыми самим международным договором.

2) Действительно, само собой разумеется, что любой договор может включать специальное положение,

¹⁷⁹⁵ Лишь отчасти, поскольку урегулирование споров (не несущее обязательного характера) может составлять одну из функций органа, наблюдающего за осуществлением договора, и входить в его общую задачу наблюдения.

¹⁷⁹⁶ «Комиссия подчеркивает, что [эта] компетенция наблюдательных органов не исключает и никак иначе не затрагивает традиционных форм контроля, обеспечиваемого договаривающимися сторонами, с одной стороны, в соответствии с (...) положениями Венских конвенций 1969 и 1986 годов [касающихся оговорок] и, при необходимости, этими органами в целях урегулирования любого спора, который может возникнуть по поводу толкования или применения таких договоров» (*Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 64, пункт 157).

предусматривающее особые процедуры оценки материальной действительности оговорки – либо определенной долей государств-участников, либо органом, уполномоченным делать это. Одно из наиболее известных и наиболее часто комментируемых положений¹⁷⁹⁷ в этой связи содержится в пункте 2 статьи 20 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года:

Оговорки, не совместимые с целями и задачами настоящей Конвенции, не допускаются, равно как и оговорки, могущие препятствовать работе каких-либо органов, созданных на основании настоящей Конвенции. *Оговорка считается несовместимой или препятствующей работе, если по крайней мере две трети государств – участников Конвенции возражают против нее*¹⁷⁹⁸.

3) Это положение об оговорке, безусловно, основано на безуспешных попытках включить в саму Венскую конвенцию мажоритарный механизм оценки материальной действительности оговорок¹⁷⁹⁹:

– два из четырех предложений, представленных *de lege ferenda* в 1953 году сэром Гершем Лаутерпахтом, обуславливали принятие оговорки согласием двух третей заинтересованных государств¹⁸⁰⁰;

– сэр Джеральд Фитцморис не внес никакого конкретного предложения по данному вопросу, поскольку он придерживался строгого применения

¹⁷⁹⁷ См., например, A. Cassese, «A new reservations clause (Article 20 of the United Nations Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination)», *Recueil d'études de droit international en hommage à Paul Guggenheim* (Женева, факультет права Женевского университета и Институт повышения квалификации в области международных исследований, 1968 год), pp. 266–304; Redgwell, «The law of reservations...» (сноска 1590 выше), pp. 13–14; или Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 317–322.

¹⁷⁹⁸ См. также, например, статью 20 Конвенции о таможенных льготах для туристов от 4 июня 1954 года, которая допускает оговорки, «принятые на Конференции большинством ее членом и отраженные в заключительном акте» (пункт 1) или представленные после подписания, если треть договаривающихся государств не сделают оговорки в течение 90 дней после уведомления об оговорке Генеральным секретарем (пункты 2 и 3); аналогичные положения содержатся в статье 14 Дополнительного протокола к Конвенции о таможенных льготах для туристов, касающегося ввоза относящихся к туризму осведомительных документов и материалов, и в статье 39 Таможенной конвенции о временном ввозе частных дорожных перевозочных средств, или в пункте 3 статьи 50 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года и в пункте 3 статьи 32 Конвенции о психотропных веществах 1971 года, в которых регулируются вопросы материальной действительности оговорок при отсутствии возражений со стороны одной трети договаривающихся государств.

¹⁷⁹⁹ Резюме обсуждений по данному вопросу в Комиссии и на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров см. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 314–315.

¹⁸⁰⁰ Варианты А и В проекта статьи 9, первый доклад по праву договоров, подготовленный г-ном Г. Лаутерпахтом (*Ежегодник... 1953 год*, том II, документ A/CN.4/63, стр. 91–92 англ. текста). В вариантах С и D задача определения материальной действительности оговорок возлагается соответственно на комиссию, созданную государствами-участниками, и на камеру суммарного судопроизводства Международного Суда (там же, стр. 92 англ. текста); см. также предложения, представленные при разработке Пакта о правах человека и воспроизведенные во втором докладе г-на Г. Лаутерпахта (см. *Ежегодник... 1954 год*, том II, документ A/CN.4/87 [и Corr. 1], стр. 123 и далее англ. текста, в особенности стр. 132 англ. текста).

принципа единогласия¹⁸⁰¹; тем не менее он неоднократно указывал, что коллективная оценка приемлемости оговорок представляла бы собой «идеальную» систему¹⁸⁰²;

– хотя сэр Хэмфри Уолдок также не предложил такой механизм в своем первом докладе в 1962 году¹⁸⁰³; многие члены Комиссии выступили в его защиту¹⁸⁰⁴;

– в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров соответствующая поправка Республики Корея, Филиппин и Японии¹⁸⁰⁵ была отвергнута большинством голосов¹⁸⁰⁶, несмотря на поддержку нескольких делега-

¹⁸⁰¹ Первый доклад о праве международных договоров сэра Дж.Г. Фитзмориса, *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 118 и далее англ. текста.

¹⁸⁰² См., в частности, G.G. Fitzmaurice, «Reservations to multilateral conventions» (сноска 1579 выше), pp. 23–26.

¹⁸⁰³ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1.

¹⁸⁰⁴ См., в частности, г-н Бриггс, *Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, пункт 28, и 652-е заседание, 28 мая 1962 года, пункты 73–74; г-н Гросс, 654-е заседание, 30 мая 1962 года, пункт 43; г-н Бартош, 654-е заседание, пункт 56; против: г-н Розенн, 651-е заседание, пункт 83; г-н Тункин, 653-е заседание, 29 мая 1962 года, пункты 24–25 и 654-е заседание, пункт 31; г-н Хименес де Аречага, 653-е заседание, пункт 47, и г-н Амадо, 654-е заседание, пункт 34. Сэр Хэмфри Уолдок предложил вариант, отражающий эти мнения (см. 654-е заседание, пункт 16), который, будучи не принят Комиссией, тем не менее был отражен в комментарии по проекту статьи 18 (*Ежегодник... 1962 год*, том II, стр. 179 англ. текста, пункт 11)) и в комментариях по проектам статей 16 и 17, принятым Комиссией в 1966 году (*Ежегодник... 1966 год*, том II, стр. 205 англ. текста, пункт 11)). См. также четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 49 англ. текста, пункт 3.

¹⁸⁰⁵ Поправка к пункту 2 статьи 16 предусматривала, что, если возражения «сформулированы большинством договаривающихся государств на дату истечения указанного периода в двенадцать месяцев, подписание, ратификация, принятие, утверждение этой оговорки или присоединение к ней не имеют юридической силы» (A/CONF.39/C.1/L.133/Rev.1) в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (см. сноску 54 выше), p. 133, para. 177 (i) (a)). Первоначально в поправке (A/CONF.39/C.1/L.133) предлагалось сократить этот период с двенадцати до трех месяцев. См. также выступление представителя Японии на Конференции (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше), Комитет полного состава, 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, p. 110, para. 29, и 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 131, paras. 62–63, и аналогичную поправку Австралии (A/CONF.39/C.1/L.166, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), p. 136, para. 179 (v) (f)), которую она впоследствии сняла (см. *ibid.*, para. 181). Не представляя официального предложения, Соединенное Королевство указало, что «безусловно, необходимо создать механизм, обеспечивающий объективное применение критерия сопоставимости, посредством либо внешнего органа, либо коллегияльной системы, когда значительное число заинтересованных государств считают, что оговорки не совместимы с объектом и целью договора» (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (см. сноску 35 выше), Комитет полного состава, 21-е заседание, p. 114, para. 76).

¹⁸⁰⁶ 48 голосами против 14 при 25 воздержавшихся (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), p. 136, para. 182 (c)).

ций¹⁸⁰⁷; эксперт-консультант сэр Хэмфри Уолдок¹⁸⁰⁸, а также другие делегации¹⁸⁰⁹ проявили большую сдержанность в отношении такого механизма коллективного контроля.

4) Тем не менее, следует отметить, что такие положения, несмотря на их кажущуюся привлекательность в интеллектуальном плане¹⁸¹⁰, далеко не решают все проблемы: на практике они не побуждают государства проявлять особую бдительность, которую можно было бы от них ожидать¹⁸¹¹, и они оставляют без ответа важные вопросы:

– исключают ли они имеющееся у государств-участников право делать возражения в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 20 Венской конвенции? С учетом весьма большой свободы действий, которой располагают государства в этой связи, напрашивается отрицательный ответ; в самом деле, государства, возражающие против оговорок, сформулированных в соответствии со статьей 20 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, поддержали свои возражения¹⁸¹², несмотря на отсутствие поддержки их позиции двумя третями государств-участников, необходимой для «объективного» определения несовместимости в соответствии с этим положением;

¹⁸⁰⁷ См. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше). Представитель Швеции, поддержав в принципе идею создания механизма контроля, указал, что предложение Японии является «попыткой найти решение этой проблемы» (*ibid.*, Комитет полного состава, 22-е заседание, 11 апреля 1968 года, p. 117, para. 32). См. также оговорки, сделанные Соединенными Штатами Америки (24-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 130, para. 49) и Швейцарией (25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 133, para. 9).

¹⁸⁰⁸ В отношении поправки, предложенной Японией и другими делегациями (см. сноску 1805 выше), консультант-эксперт указал, что «предложения такого рода, несмотря на лежащие в их основе благие намерения, сместят равновесие в сторону строгого регулирования и, возможно, еще больше затруднят достижение общего согласия по оговоркам. Кроме того, такая система, возможно, останется лишь в теории, поскольку государства неохотно высказывают возражения против оговорок» (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (см. сноску 35 выше), Комитет полного состава, 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 126, para. 9).

¹⁸⁰⁹ Таиланд (*ibid.*, 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, p. 111, para. 47), Аргентина (24-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 130, para. 45), Чехословакия (24-е заседание, p. 132, para. 68), Эфиопия (25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 134, para. 17).

¹⁸¹⁰ Тем не менее могут возникать сомнения в обоснованности коллегияльной системы, учитывая, что сама цель оговорки как раз и заключается в «сохранении позиции государства, которое считает важным положение, которое не получило одобрения большинства в две трети» (*Ежегодник... 1962 год*, том I, г-н Хименес де Аречага, 654-е заседание, 30 мая 1962 года, стр. 164 англ. текста, пункт 37). См. также резкую критику в Cassese, «A new reservations clause ...» (сноска 1797 выше), *passim*, и в частности pp. 301–304.

¹⁸¹¹ По вопросу о бездействии государств в данной области см. соображения, высказанные консультантом-экспертом на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров (сноска 1808 выше); см. также Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 146–147, или Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 316–321.

¹⁸¹² См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.2.

– с другой стороны, учрежденный в соответствии со статьей 20 механизм удержал учрежденный Конвенцией Комитет по ликвидации расовой дискриминации от формулирования своей позиции по вопросу о материальной действительности оговорок¹⁸¹³, что ставит вопрос о том, было ли отношение Комитета результатом его усмотрения или же, при отсутствии конкретных механизмов оценки, наблюдательные органы вообще должны воздерживаться от выражения своего мнения. По правде сказать, ничто не обязывает их делать это: как только допускается, что такие механизмы превагируют над предусмотренными договорами процессами определения материальной действительности оговорок и что органы по правам человека призваны высказываться по этому вопросу в рамках осуществления своего мандата¹⁸¹⁴, они могут делать это во всех случаях на тех же правах, что и государства¹⁸¹⁵.

5) По сути, ожесточенный теоретический спор по этому вопросу обусловлен сочетанием нескольких факторов:

– вопрос фактически возникает лишь в связи договорами по правам человека;

– если это так, то прежде всего потому, что именно в этой области и только в ней современные договоры почти систематически создают механизмы наблюдения за осуществлением содержащихся в них норм; между тем, поскольку никто и никогда не оспаривал компетенцию судьи или арбитра оценивать материальную действительность оговорок, в том числе ее совместимость с объектом и целью договора, к которому она относится¹⁸¹⁶, договоры по правам человека предоставляют создаваемым в соответствии с ними органам различные полномочия (некоторые из них, действующие на региональном уровне, могут издавать обязательные для выполнения постановления, другие же, включая Комитет по правам человека, могут направлять государствам рекомендации общего характера или связанные с индивидуальной жалобой);

¹⁸¹³ «Комитет должен учитывать оговорки, сделанные государствами-участниками во время ратификации или присоединения; он не имеет права поступать иначе; решение – даже единодушное, принятое Комитетом в отношении того, что оговорка неприемлема, – не может иметь никаких правовых последствий» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать третья сессия, Дополнение № 18 (A/33/18)*, пункт 374 (a)). См. на эту тему замечания Imbert, «Reservations and human rights conventions» (сноска 1495 выше), pp. 41–42; см. также D. Shelton, «State practice on reservations to human rights treaties», *Canadian Human Rights Yearbook*, 1983, pp. 229–230. Тем не менее недавно Комитет по ликвидации расовой дискриминации несколько смягчил свою позицию; так, в 2003 году он указал в отношении оговорок, сформулированной Саудовской Аравией: «Широкие и неуточненные рамки общей оговорки государства-участника вызывают обеспокоенность с точки зрения ее соответствия предмету и целям Конвенции. Комитет призывает государство-участник пересмотреть данную оговорку, с тем чтобы официально отказаться от нее» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят восьмая сессия, Дополнение № 18 (A/58/18)*, стр. 55, пункт 209).

¹⁸¹⁴ См. пункт 8) ниже.

¹⁸¹⁵ См. также Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil...» (сноска 1619 выше), pp. 536–537 and pp. 542–544.

¹⁸¹⁶ См. сноску 1829 ниже.

– это явление относительно ново и не было принято во внимание составителями Венской конвенции;

– кроме того, органы по правам человека имеют особенно «расширительное» понимание своей компетенции в этой области: они не только признали себя компетентными оценивать совместимость оговорок с объектом и целью договора, в соответствии с которым они созданы, но и, как представляется, считают, что они располагают для этого директивными полномочиями, даже если они и не были ими наделены¹⁸¹⁷, и, применяя концепцию «раздельного подхода», они объявили государства – авторы оговорок, которые они признали недействительными, связанными договором, в том числе тем положением или положениями, которых касаются эти оговорки¹⁸¹⁸;

– тем самым они вызвали возражения государств, не желающих быть связанными договором вне приемлемых для них рамок; некоторые из них пошли даже на отрицание наличия у соответствующих органов полномочий в этой области¹⁸¹⁹.

6) На самом деле положение дел, безусловно, не столь сложно, как об этом обычно пишут, что не означает, что ситуация является абсолютно удовлетворительной. Во-первых, нет сомнений в том, что органы по правам человека компетентны оценивать материальную действительность оговорок, когда этот вопрос встает перед ними при выполнении их функций, в том числе оценивать совместимость оговорок с объектом и целью договора¹⁸²⁰. Действительно, необходимо признать, что эти органы не могли бы выполнять возложенные на них функции, если бы они не могли быть уверены в своей конкретной компетенции в отношении соответствующих государств – либо в связи с рассмотрением запросов

¹⁸¹⁷ См. в этой связи замечания Aust (сноска 155 выше), pp. 122–123.

¹⁸¹⁸ Замечание общего порядка № 24, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), пункт 18; сообщение № 845/1999, *Rawle Kennedy v. Trinidad and Tobago* (сноска 730 выше), пункт 6.7. Это решение вынудило соответствующее государство денонсировать Факультативный протокол [к Международному пакту о гражданских и политических правах] (см. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.5), что не помешало Комитету в последующем решении от 26 марта 2002 года считать, что Тринидад и Тобаго нарушил несколько положений Пакта, в том числе положение, которого касалась оговорка (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/57/40)*, том II, приложение IX.T).

¹⁸¹⁹ См., в частности, весьма резкие критические замечания Соединенных Штатов Америки (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), стр. 124), Соединенного Королевства (там же, стр. 128) и Франции (там же, *пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1691 выше), стр. 114–116).

¹⁸²⁰ См. пункт 5 предварительных выводов Комиссии 1997 года по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека: «при отсутствии в таких договорах положений по данному вопросу наблюдательные органы, учрежденные в соответствии с ними, обладают компетенцией высказывать замечания и выносить рекомендации в отношении, среди прочего, допустимости (материальной действительности) оговорок государств, с тем чтобы выполнять возложенные на них функции» (*Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65, пункт 157).

государств или отдельных лиц или периодических докладов, либо при выполнении консультативных функций; поэтому в их полномочия входит определение материальной действительности оговорок, сделанных государствами – участниками договоров, в соответствии с которыми эти органы созданы¹⁸²¹. Во-вторых, они не располагают в этой связи ни большими, ни меньшими полномочиями, чем в любых других вопросах: Комитет по правам человека и другие универсальные органы по правам человека, не имеющие директивных полномочий, не располагают ими и в отношении оговорок; региональные судебные инстанции, которые могут выносить обязательные решения, имеют такие полномочия, но в определенных рамках¹⁸²². Действительно, в-третьих и в заключение, если все органы по правам человека (или органы по урегулированию споров) могут оценивать материальную действительность оспариваемой оговорки, они не могут заменить своей собственной оценкой согласие государства быть связанным договором¹⁸²³. Само собой разумеется, что компетенция этих органов не затрагивает права государств принимать оговорки или возражать против них в соответствии с тем, как это определено статьями 20, 21 и 23 Венской конвенции¹⁸²⁴.

7) Кроме того, хотя в руководящем положении 3.2 конкретно не упоминается, что внутренние судебные органы могут обладать компетенцией в данном

¹⁸²¹ Для получения исчерпывающего представления о позиции наблюдательных органов, созданных в соответствии с договорами по правам человека, см. *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документы A/CN.4/477 и Add.1 и A/CN.4/478, пункты 193–210; см. также Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), pp. 90–107, и Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 345–353. В отношении конкретно органов Европейской конвенции по правам человека см. Cameron and Horn, «Reservations to the European Convention...» (сноска 205 выше), pp. 87–92.

¹⁸²² См. пункт 8 предварительных выводов Комиссии по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека: «Комиссия отмечает, что юридическая сила заключений, сделанных наблюдательными органами при осуществлении их полномочий по рассмотрению оговорок, не может преобладать над юридической силой заключений, сделанных на основе полномочий, предоставленных этим органам для выполнения ими своей роли в осуществлении общего наблюдения» (*Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65, пункт 157).

¹⁸²³ В этой связи Комиссия в пунктах 6 и 10 своих предварительных выводов констатировала, что компетенция наблюдательных органов в отношении оценки действительности оговорок «не исключает и никак иначе не затрагивает традиционных форм контроля, обеспечиваемого договаривающимися сторонами,» и «что в случае неприемлемости какой-либо оговорки ответственность за принятие мер несет государство, сделавшее эту оговорку. Такие меры могут включать, например, либо изменение государством оговорки, чтобы устранить причину такой неприемлемости, либо снятие оговорки, либо отказ от участия в договоре» (там же, стр. 65, пункт 157).

¹⁸²⁴ См., тем не менее, замечание общего характера № 24 Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), пункт 18: «...такая задача [определения совместимости оговорки с объектом и целью договора] для государств-участников является неподходящей, поскольку она связана с договорами о правах человека»; эта фраза противоречит предыдущему пункту, в котором Комитет признает, что «возражение на оговорку со стороны государств может служить для Комитета важным указанием при толковании вопроса о ее совместимости с объектом и целями Пакта».

вопросе, оно это не исключает: с точки зрения международного права внутренние судебные органы являются неотъемлемой частью «государства», ответственность которого они могут, в случае необходимости, устанавливать¹⁸²⁵. Поэтому ничто не препятствует национальным судебным органам оценивать, в случае необходимости, материальную действительность формулируемых государством оговорок в связи с представленным на их рассмотрение спором¹⁸²⁶, в том числе определять соответствие этих оговорок объекту и цели договора.

8) Разумеется, компетенцией определять материальную действительность оговорки могут также обладать международные судебные или арбитражные органы. Так дело, безусловно, обстоит бы в том случае, если бы договором конкретно предусматривалось вмешательство судебного органа для вынесения решения по спору, касающемуся материальной действительности оговорок, однако, как представляется, такого рода положений об оговорке не существует, в то время как данный вопрос вполне может решаться в судебном порядке¹⁸²⁷. Тем не менее нет никаких сомнений в том, что решение по такому спору может быть вынесено любым органом, назначенным сторонами выносить решения по спорам, касающимся толкования или применения договора. Поэтому следует считать, что любое общее положение о регулировании споров устанавливает компетенцию органа, назначенного сторонами в этой области¹⁸²⁸. Такова, собственно, была позиция Международного Суда, выраженная в его консультативном заключении 1951 года по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and the Punishment of the Crime of Genocide*:

Может возникнуть ситуация (...), когда отдельные стороны, считая несовместимым с целями Конвенции согласие с оговоркой, данное другими сторонами, примут решение рассматривать этот спор в судебном порядке и добиваться урегулирования возникшего таким образом спора либо путем компромисса, либо с помощью средств, указанных в статье IX Конвенции¹⁸²⁹.

¹⁸²⁵ См. статью 4 (Поведение органов государства) статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятую Комиссией на ее пятьдесят третьей сессии, *Ежегодник... 2001 год*, том II (часть вторая) и исправление, стр. 43 (и резолюцию 56/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, приложение).

¹⁸²⁶ См. постановление Федерального суда Швейцарии от 17 декабря 1992 года по делу *F. v. R. et Conseil d'Etat du canton de Thurgovie, Journal des Tribunaux*, 1995 (сноска 725 выше), pp. 523–537, и комментарий Flauss, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH...» (сноска 672 выше), pp. 297–303.

¹⁸²⁷ См. в этой связи Н.Ж. Bourguignon, «The Belilos case: new light on reservations to multilateral treaties», *Virginia Journal of International Law*, vol. 29, No. 2 (1989), p. 359; или Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 81.

¹⁸²⁸ О роли, которую могут играть органы по урегулированию споров в этой области, см. руководящее положение 3.2.5 ниже.

¹⁸²⁹ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 27. Также в своем решении от 30 июня 1977 года Арбитражный суд, учрежденный для рассмотрения дела *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), косвенно признал себя компетентным высказывать свое мнение относительно допустимости оговорок Франции, указав, что «три оговорки к статье 6 [Конвенции о континентальном шельфе 1958 года] являются подлинными и допустимыми».

9) Таким образом, следует считать, что компетенцией оценивать материальную действительность оговорок в целом располагают различные инстанции, призванные применять и толковать договоры: государства и, в рамках своей компетенции, их внутренние судебные органы и органы по урегулированию споров и наблюдению за осуществлением договора, причем юридическая сила позиций, которые они могут занять в этой связи, не может преобладать над юридической силой, предусмотренной их статусом: глагол «оценивать», который Комиссия использовала в первой фразе руководящего положения 3.2, носит нейтральный характер и не предпринимает вес этой оценки. В том же контексте словосочетание «в рамках своей соответствующей компетенции» означает, что компетенция органов по урегулированию споров и наблюдательных органов осуществлять эту оценку ограничена лишь полномочиями, которыми государства эти органы наделили.

10) С другой стороны, в соответствии с широко распространенным принципом «депозитарий – почтовый ящик»¹⁸³⁰, закрепленным статьей 77 Венской конвенции 1969 года¹⁸³¹, депозитарий может в принципе лишь принимать к сведению оговорки, о которых его уведомляют, и препровождать их договаривающимся государствам¹⁸³², не высказывая своего суждения относительно их материальной действительности.

11) Таким образом, для нынешней ситуации в области оценки материальной действительности оговорок к договорам, и прежде всего к договорам по правам человека, характерна конкуренция или, во всяком случае, сосуществование нескольких

механизмов оценки материальной действительности оговорок¹⁸³³:

– один из них, относящийся к общему праву, – это чисто межгосударственный механизм, которому посвящена статья 20 Венских конвенций и который может быть дополнен особыми положениями об оговорках, фигурирующими в конкретных договорах;

– когда в соответствии с договором учреждается орган по наблюдению за его осуществлением, предполагается, что этот орган может также оценивать материальную действительность этих оговорок – занятая таким образом позиция имеет лишь ту силу, которая предусмотрена статусом данного органа;

– однако это сохраняет для участвующих государств и международных организаций возможность использовать, в случае необходимости, обычные средства мирного урегулирования споров, включая судебные или арбитражные, если между ними возникает спор относительно материальной действительности оговорок¹⁸³⁴;

– кроме того, не исключена и возможность того, что сами национальные суды по аналогии со швейцарскими судебными органами¹⁸³⁵ будут считать себя вправе также определять материальную действительность оговорок применительно к международному праву – однако этот случай не так уж отличается от первого упомянутого выше механизма, поскольку национальные суды составляют неотъемлемую часть государственного аппарата.

12) Ясно, что многочисленные возможности оценки имеют определенные недостатки, немаловажным из которых является опасность противоречий между позициями, которые различные наблюдательные органы могут занимать в отношении одной и той же оговорки (или двух идентичных оговорок различных государств)¹⁸³⁶. Однако,

оговорками» (р. 40, para. 56). См. также позицию Международного Суда по вопросу о допустимости «оговорок» (особого характера и отличающихся от оговорок, о которых говорится в Руководстве по практике, см. руководящее положение 1.5.3 (Односторонние заявления, сделанные в соответствии с положением, предусматривающим возможность выбора) и комментарий к нему, включенных в факультативные заявления о принятии его обязательной юрисдикции (см., в частности, постановление от 26 ноября 1957 года по делу *Right of Passage over Indian Territory (Preliminary Objections)* (сноска 944 выше), pp. 141–144, и особое мнение судьи Герша Лаутерпахта в деле, касающемся *Certain Norwegian Loans* (постановление от 6 июля 1957 года (сноска 1629 выше), pp. 43–45) и его особое мнение в деле *Interhandel* (постановление от 21 марта 1959 года, *I.C.J. Reports 1959*, p. 6, at pp. 103–106, см. также особые мнения Председателя Кладштада и судьи Арман-Югона, *ibid.*, pp. 75 and 93). См. также постановление от 2 июня 1999 года по делам *Legality of Use of Force (Yugoslavia v. Spain)* (сноска 1783 выше), p. 772, paras. 29–33, и *(Yugoslavia v. United States of America)* (сноска 1783 выше), pp. 923–924, paras. 21–25; и постановление от 10 июля 2002 года по делу *Armed Activities on the Territory of the Congo* (сноска 1785 выше), p. 246, para. 72.

¹⁸³⁰ См. пункт 10) комментария к руководящему положению 2.1.7 (Функции депозитария). См. также Kohona, «Some notable developments...» (сноска 582 выше), pp. 433–450; см. также J. Combacau, «Logique de la validité contre logique de l'opposabilité dans la Convention de Vienne sur le droit des traités», в *Le droit international au service de la paix, de la justice et du développement – Mélanges Michel Virally*, Paris, Pedone, 1991, p. 199.

¹⁸³¹ Которая соответствует статье 78 Венской конвенции 1986 года.

¹⁸³² См. руководящее положение 2.1.7 (Функции депозитария) и комментарий к нему.

¹⁸³³ См. второй доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документы A/CN.4/477 и Add.1 и A/CN.4/478, пункты 211–215, или Pellet, «1986 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 469–472, paras. 160–169. Четкая позиция в поддержку взаимодополняемости систем контроля изложена в Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), pp. 97–98; см. также Cohen-Jonathan, «Les réserves dans les traités institutionnels...» (сноска 1691 выше), p. 944.

¹⁸³⁴ Это, тем не менее, имеет место при условии наличия «самодостаточных режимов», к числу которых, несомненно, следует относить режимы, созданные в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека и Американской конвенцией по правам человека или Африканской хартией прав человека и народов (см. B. Simma, «Self-contained regimes», *Netherlands Yearbook of International Law*, vol. 16 (1985), pp. 130 *et seq.*, или T. Meron, *Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law*, Oxford, Clarendon Press, 1989, pp. 230 *et seq.*).

¹⁸³⁵ См. сноску 1826 выше.

¹⁸³⁶ См. в особенности примечание П.-А. Эмбера, в котором говорится об опасности несовместимости, присущей системе Европейской конвенции по правам человека, в частности несовместимости между позициями Суда и Комитета министров: «Reservations to the European Convention on Human Rights...» (сноска 1527 выше), pp. 590–591.

по правде сказать, этот риск присущ любой системе оценки – с течением времени один и тот же орган может принимать противоречивые решения, и, вероятно, лучше, когда есть слишком много оценки, чем вообще никакой оценки.

13) Более серьезной является опасность последовательной передачи функций оценки с течением времени при отсутствии какого бы то ни было ограничения срока, в течение которого эта оценка может осуществляться. В случае Венского режима пункт 5 статьи 20 Конвенции, насколько он применим, ограничивает двенадцатью месяцами с даты получения уведомления об оговорке (или датой выражения со стороны возражающего государства согласия на обязательность для него договора) период, в течение которого государство может сформулировать возражение¹⁸³⁷. С другой стороны, эта проблема остро встает во всех случаях судебного или квазисудебного контроля, который предположительно связан со случайными факторами и зависит от передачи вопроса на рассмотрение органа по регулированию или наблюдению. Во избежание этого было предложено также ограничить двенадцатью месяцами право наблюдательных органов высказывать свою позицию¹⁸³⁸. Помимо того, что ни один из действующих в настоящее время договоров не предусматривает такое ограничение, оно, как представляется, едва ли совместимо с самим принципом деятельности наблюдательных органов, которая направлена на обеспечение соблюдения договора сторонами, включая сохранение объекта и цели договора. Кроме того, как было отмечено, одна из причин того, почему государства высказывают мало возражений, как раз заключается в том, что правило о 12 месяцах часто не дает им достаточно времени¹⁸³⁹; та же проблема может в еще большей степени возникать у наблюдательных органов, в результате чего их деятельность окажется парализованной.

14) С другой стороны, как представляется, возможности перекрестной оценки, наоборот, позволяют режиму оговорок и, в частности, принципу совместимости с объектом и целью договора, играть свою подлинную роль. Задача заключается не в противопоставлении их друг другу или утверждению монополии какого-либо механизма¹⁸⁴⁰, а в их

¹⁸³⁷ Следует отметить, что проблема тем не менее возникает в результате разброса по времени ратификаций и присоединений.

¹⁸³⁸ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 146, или «Reservations and human rights conventions» (сноска 1495 выше), pp. 36 and 44; против: H. Golsong, выступление на Римском коллоквиуме 5–8 ноября 1975 года, *Proceedings of the fourth international colloquy about the European Convention on Human Rights*, Страсбург, Совет Европы, 1976 год, pp. 271–272, и «Les réserves aux instruments internationaux pour la protection des droits de l'homme», в Католическом университете Лувена, *Quatrième colloque du Département des droits de l'homme. Les clauses échappatoires en matière d'instruments internationaux relatifs aux droits de l'homme*, Brussels, Bruylant, 1982, p. 27, или Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), pp. 387–388.

¹⁸³⁹ См. Clark, «The Vienna Convention reservations regime ...» (сноска 1087 выше), pp. 312–314.

¹⁸⁴⁰ Хотя естественная тенденция компетентных органов заключается в выражении своего мнения; см. противоположные позиции Комитета по правам человека («такая задача для государств-участников является неподходящей, поскольку она

сочетании в целях укрепления их общей эффективности, поскольку, хотя они функционируют различным образом, их конечная цель одинакова: в любом случае речь идет об увязке двух противоречивых, но основополагающих требований – целостности договора и универсальности участия. Вполне нормально, что государства, пожелавшие стать участниками договора, могут высказать свою точку зрения; вполне естественно, что наблюдательные органы в полной мере играют роль хранителей договоров, которую стороны на них возложили.

15) Эта ситуация не исключает, а, наоборот, предполагает определенную взаимодополняемость между различными формами оценки и сотрудничество между органами, на которые он возложен. В частности, необходимо, чтобы при определении материальной действительности оговорки наблюдательные органы (а также органы по урегулированию споров) в полной мере учитывали позиции, выражаемые договаривающимися государствами или договаривающимися организациями посредством принятия или возражения. И наоборот, государства, призванные действовать в соответствии с решениями, принятыми наблюдательными органами, когда они наделили их полномочиями принимать решения, должны серьезно подходить к продуманным и мотивированным мнениям этих органов, даже если те не могут принимать юридически обязательные решения¹⁸⁴¹.

связана с договорами о правах человека» – замечание общего порядка № 24, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), пункт 18) и Франции («лишь [государства-участники], и только они, если данный договор не предусматривает иное, могут устанавливать несовместимость той или иной оговорки с объектом и целью данного договора», *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1691 выше), стр. 116.

¹⁸⁴¹ См. тем не менее чрезвычайно резкую реакцию на замечание общего порядка № 24, выраженную в законопроекте, представленном в сенате Соединенных Штатов сенатором Хеллсом 9 июня 1995 года (*Foreign Relations Revitalization Act of 1995*, Сенат Соединенных Штатов, 104-й Конгресс, 1-я сессия, S.908 (Доклад № 104–95), title III, chap. 2, sec. 314), согласно которой «no funds authorized to be appropriated by this Act nor any other Act, or otherwise made available may be obligated or expended for the conduct of any activity which has the purpose or effect of (A) reporting to the Human Rights Committee in accordance with Article 40 of the International Covenant on Civil and Political Rights, or» (B) responding to any effort by the Human Rights Committee to use the procedures of Articles 41 and 42 of the International Covenant on Civil and Political Rights to resolve claims by other parties to the Covenant and the United States is not fulfilling its obligations under the Covenant, until the President has submitted to the Congress the certification described in paragraph (2).

«(2) CERTIFICATION – The certification referred to in paragraph (1) is a certification by the President to the Congress that the Human Rights Committee established under the International Covenant on Civil and Political Rights has (A) revoked its General Comment n° 24 adopted on November 2, 1994; and (B) expressly recognized the validity as a matter of international law of the reservations, understandings, and declarations contained in the United States instrument of ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights»

[Никакие средства, ассигнование которых санкционировано настоящим Законом или каким-либо другим законом или которые каким-либо иным образом будут иметься в наличии, не могут быть направлены или потрачены на какую-либо деятельность, объектом и целью которой являются А) подготовка доклада Комитету по правам человека во исполнение статьи 40

3.2.1 Компетенция наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок

1. Наблюдательный договорный орган вправе для выполнения возложенных на него функций оценивать материальную действительность оговорок, сформулированных государством или международной организацией.

2. Юридическая сила оценки, произведенной таким органом при осуществлении им этой компетенции, не превышает юридической силы акта, в которой она содержится.

Комментарий

1) Как и последующие руководящие положения, руководящее положение 3.2.1 уточняет сферу действия общего руководящего положения 3.2.

2) Руководящее положение 3.2 предполагает, что наблюдательные органы, созданные в соответствии с договором¹⁸⁴², имеют компетенцию оценивать материальную действительность оговорок, сформулированных договаривающимися государствами или организациями, однако прямо это не определяет, в отличие от пункта 5 предварительных выводов, принятых Комиссией в 1997 году, согласно которому, даже в случае отсутствия конкретных указаний в договоре, наблюдательные органы, созданные в соответствии с нормативными международными договорами, «обладают компетенцией высказывать замечания и выносить рекомендации в отношении, среди прочего, допустимости (материальной действительности) оговорок государств, с тем чтобы выполнять возложенные на них функции»¹⁸⁴³.

3) Смысл этой последней части фразы проясняется пунктом 8 предварительных выводов:

Международного пакта о гражданских и политических правах или В) ответ на попытку Комитета по правам человека использовать процедуры статей 41 и 42 Международного пакта о гражданских и политических правах для расследования жалоб других сторон Пакта, согласно которым Соединенные Штаты не выполняют свои обязательства в соответствии с Пактом, до тех пор пока президент не представит конгрессу свидетельство, о котором говорится в пункте 2.

2. СВИДЕТЕЛЬСТВО: упомянутое в пункте 1 свидетельство является заверением, данным президентом Конгрессу, согласно которому Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, А) снял свое замечание общего порядка № 24, принятое 2 ноября 1994 года, и В) конкретно признал действительность применительно к международному праву оговорок, договоренностей и заявлений, содержащихся в ратификационной грамоте Соединенных Штатов по Международному пакту о гражданских и политических правах].

¹⁸⁴² В более редких случаях наблюдательный орган может также быть создан после принятия договора коллективным решением сторон или какого-либо органа международной организации – см. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (резолюция 1985/17 Экономического и Социального Совета от 28 мая 1985 года, *Официальные отчеты Экономического и Социального Совета, 1985 год, Дополнение № 1 (E/1985/85)*, стр. 20–22).

¹⁸⁴³ *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

Комиссия отмечает, что юридическая сила заключений, сделанных наблюдательными органами при осуществлении их полномочий по рассмотрению оговорок, не может преобладать над юридической силой заключений, сделанных на основе полномочий, предоставленных этим органам для выполнения ими своей роли в осуществлении общего наблюдения¹⁸⁴⁴.

4) В руководящем положении 3.2.1 сочетаются эти два принципа: в его первом пункте напоминает, что наблюдательные органы обязательно обладают компетенцией оценивать материальную действительность оговорок, сформулированных в отношении договора, наблюдение за осуществлением которого им поручено, а во втором пункте отмечается, что юридическая сила заключений, сформулированных в этой связи такими органами, не преобладает над юридической силой, которая признается в целом за документами, которые они компетентны принимать¹⁸⁴⁵.

5) Вместе с тем в руководящем положении 3.2.1 сознательно не поднимается вопрос о последствиях оценки материальной действительности оговорок. Эти последствия, действительно, не могут быть определены в отрыве от исследования воздействия принятия оговорок и возможных возражений против них – это имеет отношение к части 4 Руководства по практике, посвященной воздействию оговорок и связанных с ними заявлений.

3.2.2 Конкретизация компетенции наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок

Наделяя какие-либо органы компетенцией наблюдать за применением договоров, государствам или международным организациям следует, когда это уместно, конкретно указывать характер и пределы компетенции таких органов по оценке материальной действительности оговорок.

Комментарий

1) Руководящее положение 3.2.2 воспроизводит и включает в Руководство по практике идею, которая лежала в основе рекомендации, сформулированной в пункте 7 предварительных выводов 1997 года:

Комиссия предлагает предусмотреть конкретные положения в нормативных многосторонних договорах, включая, в частности, договоры о правах человека, или разработать протоколы к действующим договорам, в которых по желанию государств устанавливалась бы компетенция наблюдательного органа в отношении оценки или определения допустимости (материальной действительности) оговорок¹⁸⁴⁶.

2) Безусловно, было бы нецелесообразно включать положения такого рода в проект статей, который предполагалось бы принимать в форме международной конвенции. Однако это не относится к

¹⁸⁴⁴ Там же, стр. 65.

¹⁸⁴⁵ Более точную информацию в этой связи см. комментарий к руководящему положению 3.2 выше, и в частности пункты 6) и 9).

¹⁸⁴⁶ *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

разрабатываемому Руководству по практике, которое, как предполагается, должно представлять собой «кодекс рекомендуемой практики», направленный на «поощрение» адекватной практики государств и международных организаций в области оговорок, но не имеющего обязательного для выполнения правового характера¹⁸⁴⁷. Исходя из этого, Комиссия приняла решение включить в Руководство целый ряд других ясно сформулированных руководящих положений в форме рекомендации в адрес государств и международных организаций¹⁸⁴⁸.

3) Осознавая сложность этой задачи, Комиссия отказалась от разработки прямой рекомендации в адрес государств и международных организаций включать в многосторонние договоры, которые они будут заключать в будущем и которые будут предусматривать создание наблюдательного органа, конкретные положения, предоставляющие этому органу компетенцию оценивать материальную действительность оговорок и уточняющие юридические последствия этой оценки, хотя это, конечно, желательно в той мере, в которой это будет возможно.

4) В то же время Комиссия хотела бы уточнить, что в этом руководящем положении она не намерена занимать позицию в отношении уместности создания таких наблюдательных органов. Она лишь считает, что если такой орган создан, то было бы уместно ясно определить его характер и компетенцию в отношении оценки материальной действительности оговорок для избежания неясностей и разногласий по этому вопросу¹⁸⁴⁹. Таков смысл нейтральной формулы, с которой начинается руководящее положение: «Наделяя какие-либо органы компетенцией наблюдать за применением договоров». В том же духе выражение «когда это уместно» подчеркивает чисто рекомендательный характер этого руководящего положения.

3.2.3 Учет оценок наблюдательных договорных органов

Государства и международные организации, сформулировавшие оговорки к договору, предусматривающему создание наблюдательного договорного органа, учитывают оценку этим органом материальной действительности оговорок.

Комментарий

1) В руководящем положении 3.2.3 следующим образом воспроизведена рекомендация, сформулированная в пункте 9 предварительных выводов 1997 года:

¹⁸⁴⁷ См. в этой связи пункт 2) комментария к руководящему положению 2.5.3.

¹⁸⁴⁸ См. руководящее положение 2.5.3 (Периодический обзор полезности оговорок) и пункт 5) комментария к нему, там же; см. также руководящие положения 2.1.2 (Мотивировка оговорок), 2.6.9 (Мотивировка возражений), 2.9.5 (Форма одобрения, несогласия и переквалификации) и 2.9.6 (Мотивировка одобрения, несогласия и переквалификации).

¹⁸⁴⁹ См. пункт 1) выше.

Комиссия призывает государства сотрудничать с наблюдательными органами и надлежащим образом учитывать любые рекомендации, которые могут вынести эти органы, или же основываться на их оценке, если такие органы будут наделены соответствующей компетенцией¹⁸⁵⁰.

2) Этот призыв к сотрудничеству государств и международных организаций с наблюдательными органами повторен в руководящем положении 3.2.3, формулировка которого между тем была изменена, с тем чтобы снять двусмысленность формулировки, принятой в 1997 году: слова «если такие органы будут наделены в будущем соответствующей компетенцией» могут означать, что в настоящее время они ею не обладают, а это не совсем точно: они, без всякого сомнения, могут оценивать материальную действительность оговорок к договорам, за соблюдением которых они должны наблюдать¹⁸⁵¹. Но при этом они не могут:

– с одной стороны, навязывать свою оценку следствием оговорок государствам и международным организациям в силу того, что они не располагают общими директивными полномочиями¹⁸⁵²; или

– с другой стороны, в любом случае занимать место автора оговорки в плане последствий, которые должны вытекать из недействительности оговорок¹⁸⁵³.

3) Хотя пункт 9 предварительных выводов сформулирован в форме рекомендации («Комиссия призывает государства»), представляется возможным сохранить более твердую формулировку для руководящего положения 3.2.3: нет никаких сомнений в том, что договаривающиеся государства или договаривающиеся организации несут общее обязательство сотрудничать с органами по наблюдению за осуществлением договора, которые они создали: об этом напоминает выражение «учитывают» в первой части руководящего положения. Разумеется, если эти органы имеют полномочия на принятие решений, все участники должны их выполнять, но в настоящее время это касается лишь региональных судов по правам человека¹⁸⁵⁴. В отличие от этого другие наблюдательные органы не имеют юридического права на принятие решений в сфере оговорок и в других сферах, где они имеют компетенцию на

¹⁸⁵⁰ *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

¹⁸⁵¹ См. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.2 выше; см. также второй доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документы A/CN.4/477 и Add.1 и A/CN.4/478, пункты 206–209. В этой связи см., в частности, Coulée, «A propos d'une controverse...» (сноска 1579 выше), p. 504 and pp. 512–518.

¹⁸⁵² См. второй пункт руководящего положения 3.2.1.

¹⁸⁵³ См. пункт 10 предварительных выводов (*Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65), и второй доклад об оговорках к международным договорам (*Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документы A/CN.4/477 и Add.1 и A/CN.4/478), пункты 218–230. См. также руководящее положение 4.5.3 (Статус автора недействительной оговорки в отношении договора) и комментарий к нему ниже.

¹⁸⁵⁴ Учитывая совершенно особенный характер этих органов, как и всех органов по урегулированию споров, они являются предметом отдельного руководящего положения; см. руководящее положение 3.2.5 ниже.

констатацию¹⁸⁵⁵. Таким образом, их выводы не носят обязательного юридического характера, и государства-участники должны лишь добросовестно «учитывать» их оценку.

4) В равной мере наблюдательные органы должны учитывать позиции, заявленные государствами и международными организациями в отношении оговорок.

3.2.4 Органы, компетентные оценивать материальную действительность оговорок в случае создания наблюдательного договорного органа

Когда на основании договора создается наблюдательный договорный орган, компетенция этого органа не затрагивает компетенцию договаривающихся государств или договаривающихся организаций оценивать материальную действительность оговорок к этому договору или компетенцию органов по урегулированию споров, компетентных толковать или применять договор.

Комментарий

1) Руководящее положение 3.2.4 уточняет с особой точки зрения и в форме условия о ненадании ущерба закрепленный в руководящем положении 3.2 принцип о множестве инстанций, которые могут оценивать материальную действительность оговорок.

2) Следует отметить, что формулировка руководящего положения 3.2 затрагивает лишь часть существа пункта 6 предварительных выводов 1997 года¹⁸⁵⁶: там перечислены лица или учреждения, компетентные высказывать свое мнение о материальной действительности оговорок, но не уточняется, что эти полномочия являются совокупными и не исключаются друг друга. Комиссия посчитала, что следует уточнить этот момент в отдельном руководящем положении.

3) Как и в случае руководящего положения 3.2.3, к наблюдательным органам относятся те, которые созданы в соответствии с договором¹⁸⁵⁷, за исключением органов по урегулированию споров, компетенция которых в этой области является предметом руководящего положения 3.2.5.

3.2.5 Компетенция органов по урегулированию споров оценивать материальную действительность оговорок

Когда орган по урегулированию споров компетентен принимать решения, являющиеся обязательными для сторон спора, и оценка материальной действительности оговорок необходима для осуществления этой компетенции данным органом, такая оценка в качестве элемента решения является юридически обязательной для сторон.

Комментарий

1) Комиссия сочла необходимым различать наблюдательные органы в узком смысле этого понятия, не имеющие полномочий на принятие решений, компетенция которых по оценке материальной действительности оговорок является предметом руководящего положения 3.2.3, и органы по урегулированию споров, компетентные принимать решения. Хотя региональные суды по правам человека могут считаться наблюдательными органами *lato sensu*, они относятся к этой категории, поскольку их решения имеют силу судебных решений. К соответствующим органам также относятся те, которые, как Международный Суд, имеют общую компетенцию в вопросах урегулирования споров между государствами и которые в случае спора, предметом которого является более крупный вопрос, должны высказать свое мнение в отношении оценки какой-либо оговорки.

2) Уточнение, согласно которому оценка материальной действительности оговорок «является юридически обязательной для сторон» указывает на то, что принцип, содержащийся в этом руководящем положении, распространяется не только на случаи, в которых спор прямо связан с этим вопросом, но также и на гораздо более частые случаи, когда материальная действительность оговорок представляет собой смежную проблему, которую необходимо решить в предварительном порядке, чтобы урегулировать более масштабный спор, ставший предметом обращения в суд.

3) Само собой разумеется, что в любом случае заключение¹⁸⁵⁸ органа по урегулированию споров имеет силу только в отношении предмета судебного разбирательства и только в пределах полномочий органа по урегулированию споров применительно к вынесению таких заключений.

3.3 Последствия материальной недействительности оговорок

3.3.1 Несущественность различия между основаниями материальной недействительности

Оговорка, сформулированная несмотря на запрет, вытекающий из положений договора, или несмотря на ее несовместимость с объектом и целью договора, является материально недействительной без необходимости проводить различие между последствиями этих оснований для целей материальной недействительности.

Комментарий

1) В руководящем положении 3.3.1 устанавливается единообразие правил, относящихся к материальной недействительности оговорок, какой бы ни была причина такой недействительности, среди

¹⁸⁵⁵ См. пункт 2 руководящего положения 3.2.1.

¹⁸⁵⁶ *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

¹⁸⁵⁷ См. в то же время сноску 1842 выше.

¹⁸⁵⁸ Или в отношении «предмета судебного решения», если допустить, что несудебные органы могут быть вынуждены принимать в рамках своей компетенции решения о материальной действительности оговорок.

тех, которые перечислены в руководящем положении 3.1¹⁸⁵⁹.

2) В статье 19 не только не говорится о последствиях формулирования оговорки, прямо (подпункт *a*) или косвенно (подпункт *b*) запрещенной договором, которого она касается, но и не упоминаются последствия формулирования оговорки, запрещенной подпунктом *c*)¹⁸⁶⁰, и ничто в тексте Венской конвенции не указывает на то, как эти положения соотносятся с положениями статьи 20, касающейся принятия оговорок и возражений. В этом состоит «нормативный пробел» (*normative gap*)¹⁸⁶¹, в связи с которым напрашивается вопрос: не был ли он преднамеренно задуман авторами Конвенции¹⁸⁶².

3) Во всяком случае следует признать, что подготовительная работа по подпункту *c*) является запутанной и не вносит дополнительной ясности в отношении последствий, которые, по мнению составителей Конвенции, должны вытекать из несовместимости оговорки с объектом и целью Конвенции¹⁸⁶³:

– в предложенном сэром Хэмфри Уолдоком в 1962 году проекте статьи 17 объект и цель договора представлены лишь как указание, которым должно руководствоваться само государство, делающее оговорку¹⁸⁶⁴;

– обсуждения по этому проекту на пленарных заседаниях Комиссии были особенно запутанными¹⁸⁶⁵ и высветили прежде всего раскол между сторонниками индивидуальной оценки государствами и теми, кто выступал за коллегиальный механизм¹⁸⁶⁶, при этом реального обсуждения по вопросу о последствиях этой оценки не проводилось;

– тем не менее после изменения Редакционным комитетом текста проекта, который был приближен к нынешней формулировке статьи 19, большинство, как представляется, склонилось к тому, что объект и

цель представляют собой критерий, с учетом которого должна оцениваться действительность оговорки¹⁸⁶⁷; это подтверждается новым изменением статьи 18-бис, которое состоит, с одной стороны, во включении критерия несовместимости и, с другой стороны и прежде всего, в изменении названия этого положения на «Последствия оговорок» вместо «Действительность оговорок»¹⁸⁶⁸, что показывает, что их действительность является предметом рассмотрения статьи 17 (ставшей статьей 19 Конвенции);

– удачный вариант комментария к проектам статей 18 и 20 (соответствующих статьям 19 и 21 Конвенции), принятых в 1962 году, оставляет вопрос открытым: в нем одновременно утверждается, что совместимость оговорки с объектом и целью договора представляет собой критерий, регулирующий формулирование оговорок, и что, поскольку этот критерий «в определенной степени является элементом субъективной оценки (...), единственная возможность его применения в большинстве случаев – это самими государствами в индивидуальном порядке, путем принятия оговорки или отказа от нее», но это лишь «при отсутствии трибунала или иного компетентного органа»¹⁸⁶⁹;

– в своем докладе 1965 года Специальный докладчик также отметил в связи с проектом статьи 19, касающейся договоров, в которых не затрагивается вопрос об оговорках (ставшей статьей 20 Конвенции), что «Комиссия признала, что критерий «совместимости» достаточно субъективен и что могут иметь место расхождения во мнениях относительно совместимости конкретной оговорки с объектом и целью конкретного договора. Тем не менее, она сочла, что при отсутствии обязательной судебной инстанции единственный способ применения этого критерия – это положиться на принятие или непринятие оговорки каждым государством»; она также признала, что «предложенные Комиссией правила были бы более приемлемыми, если бы их толкование и применение определялись решениями международного судебного органа»¹⁸⁷⁰;

– между тем комментарии Комиссии по проектам статей 16 и 17 (ставшим, соответственно, статьями 19 и 20) также не являются ясными и ограничиваются указанием на то, что «приемлемость или отсутствие неприятия оговорки, относящейся к пункту *c*), во всех случаях в значительной степени зависит от того, насколько договаривающиеся государства считают ее приемлемой», и что поэтому

¹⁸⁵⁹ Критический анализ этих руководящих положений в редакции 2010 года см. Simma and Hernández, «Legal consequences of an impermissible reservation...» (сноска 1610 выше), pp. 73–75.

¹⁸⁶⁰ См. Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 83.

¹⁸⁶¹ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 131; см. также Combacau, «Logique de la validité contre logique de l'opposabilité...» (сноска 1830 выше), p. 199.

¹⁸⁶² См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 137–140.

¹⁸⁶³ Следует напомнить, что включение этого критерия в проект было запоздалым, поскольку это относится лишь к первому докладу сэра Хэмфри Уолдока в 1962 году, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 65–66 англ. текста, пункт 10; в той же связи см. выступление Специального докладчика на четырнадцатой сессии Комиссии, там же, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 139 англ. текста, пункты 4–6.

¹⁸⁶⁴ Там же, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1 (статья 17, пункт 2 *a*)); см. также выступление Специального докладчика на четырнадцатой сессии Комиссии, там же, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 145 англ. текста, пункт 85.

¹⁸⁶⁵ См. там же, том I, стр. 139–168 и стр. 172–175 англ. текста.

¹⁸⁶⁶ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 3.2 выше.

¹⁸⁶⁷ См. прежде всего *Ежегодник... 1962 год*, том I, 663–664-е заседания, 18–19 июня 1962 года, стр. 225–234 англ. текста. В ходе обсуждения новой статьи 18-бис, озаглавленной «Действительность оговорок», все члены Комиссии ссылались на критерий совместимости с объектом и целью договора, который, тем не менее, не был упомянут в проекте, принятом Редакционным комитетом.

¹⁸⁶⁸ Там же, 667-е заседание, 25 июня 1962 года, стр. 252–253 англ. текста, пункты 55–70.

¹⁸⁶⁹ Там же, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста, пункт 22.

¹⁸⁷⁰ Четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 52 англ. текста, пункт 9.

подпункт *c*) проекта статьи 16 следует понимать «с учетом положений статьи 17, касающейся принятия оговорок и возражений против оговорок»¹⁸⁷¹;

– в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров некоторые делегации стремились придать больше содержания критерию объекта и цели договора; так, делегация Мексики предложила конкретно предусмотреть последствия судебного решения о признании несовместимости оговорки с объектом и целью договора¹⁸⁷², однако именно сторонники системы коллегияльной оценки предприняли попытку определить конкретные последствия несовместимости оговорки с объектом и целью договора¹⁸⁷³.

4) Кроме того, ничто в тексте статьи 19 не дает основания считать, что следует проводить различие между одними и другими: *ubi lex non distinguit, nec nos distinguere debemus*. В трех случаях, как это ясно вытекает из вводной части статьи 19, государство не может делать оговорку, и с момента, когда признается, что запрещенная договором оговорка не имеет юридической силы согласно подпунктам *a*) и *b*) статьи 19, нет оснований делать иные выводы в отношении подпункта *c*). Тем не менее против такого вывода были выдвинуты три различных по своей значимости возражения.

5) Во-первых, было отмечено, что хотя депозитарии отвергают оговорки, запрещенные договором, они препровождают другим договаривающимся государствам текст тех оговорок, которые *prima facie* несовместимы с его объектом и целью¹⁸⁷⁴. Такова по существу практика, которой придерживается Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций¹⁸⁷⁵, однако ее распространенность относительна. Действительно, «лишь в случае отсутствия *prima facie* любых сомнений* [...] в том, что заявление, сопровождающее документ, представляет собой несанкционированную оговорку, Генеральный секретарь отказывает в принятии на хранение.... В случае сомнений* Генеральный секретарь просит заинтересованное государство уточнить свою позицию.... Генеральный секретарь, тем не менее, считает, что в его обязанности не входит на систематической основе

¹⁸⁷¹ Ежегодник... 1966 год, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 207 англ. текста, пункт 17.

¹⁸⁷² *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), Комитет полного состава, 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, р. 113, para. 63. Мексика предложила два решения: первое заключалось в том, чтобы обязать государство, сделавшее несовместимую оговорку, снять ее, а в случае отказа сделать это, лишить его права стать участником договора; второе решение заключалось в рассмотрении договора в целом как не действующего между государством, сделавшим оговорку, и государством, сформулировавшим возражение.

¹⁸⁷³ См., в частности, выступления различных упомянутых делегаций, комментарий к руководящему положению 3.2, пункт 3) (сноски 1805–1809 выше).

¹⁸⁷⁴ См. Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), р. 317.

¹⁸⁷⁵ См. *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), paras. 191–192.

запрашивать подобного рода разъяснения* и что, скорее, государствам надлежит формулировать возражения против заявлений, которые они считают несанкционированными оговорками»¹⁸⁷⁶. Иными словами, отличие, отмеченное в практике Генерального секретаря, основано не на разграничении ситуаций, предполагаемых в подпунктах *a*) и *b*) статьи 19, с одной стороны, и подпункте *c*) этой статьи, с другой стороны, а на определенности противоречия между оговоркой и договором: как только возникает необходимость в толковании, Генеральный секретарь возлагает эту задачу на государства; так дело всегда обстоит в вопросах несовместимости оговорки с объектом и целью договора; так может быть и в отношении конкретно или косвенно запрещенных оговорок.

6) Во-вторых, в этой же связи было отмечено, что применительно к подпунктам *a*) и *b*) сделавшее оговорку государство не могло не знать о запрете и что, следовательно, оно должно считаться принявшим договор в целом, несмотря на свою оговорку (доктрина «раздельного подхода»)¹⁸⁷⁷. Нет сомнений в том, что несовместимость оговорки с объектом и целью договора сложнее оценивать объективно, нежели при наличии запретительного положения. Это замечание, безусловно, уместно, хотя и не является решающим: оценка роли положений об оговорках не столь очевидна, как об этом иногда думают, особенно когда запрет выражен косвенно, как в случае подпункта *b*)¹⁸⁷⁸; кроме того, бывает сложно определить, является ли одностороннее заявление оговоркой или нет, и сформулировавшее его государство может добросовестно считать, что оно не нарушило запрета, полагая при этом, что принятие его толкования договора обуславливает его согласие на обязательность этого договора для него¹⁸⁷⁹. И, по правде сказать, если предполагается, что государство знает о запрете, вытекающем из положения об оговорке, оно также должно осознавать, что оно не может лишать договора его сути, делая оговорку, несовместимую с его объектом и целью.

7) В-третьих, и это самое главное, было отмечено, что в пунктах 4 и 5 статьи 20 указывается лишь одно ограничение возможности принимать оговорку: наличие противоположного положения в договоре¹⁸⁸⁰; с другой стороны, из этого вытекает полная свобода принятия оговорок, невзирая на положения

¹⁸⁷⁶ *Ibid.*, paras. 193 and 195–196. Практика, которой следует Генеральный секретарь Совета Европы, аналогична, за одним исключением: в случае трудностей он может обратиться (и обратиться) за консультацией к Комитету министров (см. Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe* (сноска 638 выше), pp. 90–93).

¹⁸⁷⁷ См. Fodella, «The declarations of States parties ...» (сноска 1498 выше), pp. 143–147.

¹⁸⁷⁸ См., в частности, комментарий к руководящему положению 3.1.2 (Определение конкретно определенных оговорок).

¹⁸⁷⁹ По вопросу о различии между оговорками, с одной стороны, и заявлениями о толковании, простыми и условными, – с другой, см. руководящие положения 1.3–1.3.3 и комментарии к ним.

¹⁸⁸⁰ Общим для двух положений выражением является: «если договор не предусматривает иного».

подпункта *с*) статьи 19¹⁸⁸¹. Хотя верным является то, что на практике государства мало возражают против оговорок, являющихся между тем противоречащими объекту и цели договора, которого они касаются, и что это фактически означает лишение конкретной значимости правила, установленного подпунктом *с*) статьи 19¹⁸⁸², — по крайней мере в отсутствие органа, компетентного принимать решения в этой связи¹⁸⁸³, множество доводов, основанных на самом тексте Конвенции, говорят против такого заключения:

— статьи 19 и 20 Конвенции имеют различные функции; правила, которые они устанавливают, применяются в различные «моменты» формулирования оговорки: в статье 19 излагаются случаи, в которых оговорка не может быть сформулирована; в статье 20 указывается, что происходит, когда она была сформулирована¹⁸⁸⁴,

— предложенное толкование лишает подпункт *с*) статьи 19 всего его полезного действия: в результате этого оговорка, не совместимая с объектом и целью договора, будет иметь точно такие же последствия, что и совместимая оговорка;

— оно также лишает смысла пункт 1 статьи 21, в котором уточняется, что оговорка действует лишь «в соответствии со статьями 19, 20 и 23»¹⁸⁸⁵; и

— оно предполагает разграничение между действием подпунктов *а*) и *б*) статьи 19, с одной стороны, и подпункта *с*) этой же статьи, с другой стороны, что текст статьи никоим образом не допускает¹⁸⁸⁶.

8) Таким образом, ничто ни в тексте статьи 19 Венских конвенций, ни в ее контексте, ни в подготовительных материалах конвенций, ни даже в практике государств или депозитариев не обосновывает проведение такого разграничения между последствиями формулирования оговорки, несмотря на содержащийся в конвенции запрет, с одной стороны (подпункты *а*) и *б*) статьи 19), и ее несовместимость с объектом и целью договора, с другой стороны (подпункт *с*)).

¹⁸⁸¹ См. Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), pp. 83–84.

¹⁸⁸² См., в частности, D. Carreau, *Droit international*, Paris, Pedone, 2004, p. 137; Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), pp. 315–318; Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), pp. 86–90; или Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 134–137.

¹⁸⁸³ См. пункты 8) и 9) комментария к руководящему положению 3.2 (Оценка материальной действительности оговорок); см. также Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), p. 33, или Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 301.

¹⁸⁸⁴ См. Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 80; или Redgwell, «Reservations to treaties...» (сноска 1740 выше), pp. 404–406.

¹⁸⁸⁵ См. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1 и комментарий к руководящему положению 4.1.

¹⁸⁸⁶ См. пункт 4) выше.

3.3.2 Материальная недействительность оговорок и международная ответственность

Формулирование материально недействительной оговорки имеет свои последствия в рамках права договоров и не влечет международной ответственности государства или международной организации, которые ее сформулировали.

Комментарий

1) Приняв тезис о том, что согласно руководящему положению 3.3.1 три пункта статьи 19 (содержащиеся в руководящем положении 3.1) имеют одинаковую функцию и что оговорка, противоречащая их положениям, является недопустимой, возникает вопрос о том, что произойдет, если, несмотря на эти запреты, государство сформулирует оговорку. Несомненно, что, если оно тем не менее это сделает, оговорка не может иметь юридических последствий, которые статья 21 четко обуславливает формулированием оговорки «в соответствии со статьями 19 [в целом], 20 и 23»¹⁸⁸⁷.

2) Какими бы ни были эти последствия¹⁸⁸⁸, это еще не все вопросы: с одной стороны, следует ли считать, что, поступая таким образом, государство — автор оговорки совершает международно-противоправное деяние, которое влечет за собой его международную ответственность? С другой стороны, могут ли другие стороны согласиться с оговоркой, сформулированной несмотря на запреты, содержащиеся в статье 19?

3) Что касается первого из этих двух вопросов¹⁸⁸⁹, то было отмечено, что оговорка, не совместимая с объектом и целью договора¹⁸⁹⁰, «равносильна нарушению обязательства», вытекающего из подпункта *с*) статьи 19. «Поэтому речь идет о противоправном деянии, влекущем за собой международную ответственность соответствующего государства в отношении каждой другой стороны договора. Это означает не нарушение самого договора, а скорее нарушение указанного в Венской конвенции общего правила, запрещающего "несовместимые" оговорки»¹⁸⁹¹. Такое заключение, конкретно основанное на нормах, касающихся ответственности государств за международно-противоправные деяния¹⁸⁹², не может убедить¹⁸⁹³.

¹⁸⁸⁷ Статья 21 (Юридические последствия оговорки и возражений против оговорок): «Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23».

¹⁸⁸⁸ Которые стали темой части 4 Руководства по практике.

¹⁸⁸⁹ См. также пункты 2)–7) общего комментария к части 3 Руководства по практике выше.

¹⁸⁹⁰ Тем более это должно а fortiori касаться оговорок, запрещенных договором.

¹⁸⁹¹ Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), pp. 25–26.

¹⁸⁹² См. статьи 1 и 2 статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятые Комиссией на ее пятьдесят третьей сессии, *Ежегодник... 2001 год*, том II (часть вторая) и исправление, стр. 34–36 (и резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, приложение).

¹⁸⁹³ См. Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), p. 314, footnote 29.

4) Нет сомнений в том, что «нарушение государством международно-правового обязательства имеет место, когда деяние данного государства не соответствует тому, что требует от него данное обязательство, независимо от его происхождения или характера»¹⁸⁹⁴, и что нарушение обязательства не предпринимать действие (в данном случае – не формулировать оговорку, не совместимую с объектом и целью договора) представляет собой международно-противоправное деяние, которое может повлечь за собой международную ответственность государства таким же образом, как и обязательство предпринимать действие. К тому же необходимо, чтобы данный вопрос рассматривался в сфере ответственности. Между тем, как на это особо указал Международный Суд в деле *Gabčíkovo-Nagymaros Project*, эта отрасль права и право договоров «со всей очевидностью имеют различные сферы применения»; аналогичным образом, «именно на основе права договоров следует определять, остается ли в силе Конвенция и правомерно ли было приостановлено или отменено ее действие»¹⁸⁹⁵, и именно этой отрасли права надлежит определять возможность формулирования оговорки. Из этого как минимум следует, что возможная ответственность сделавшего оговорку государства не может определяться в свете норм Венской конвенции и она не является уместной для целей «права оговорок». Кроме того, даже если ущерб не представляет собой необходимое условие, влекущее за собой ответственность государства¹⁸⁹⁶, он обуславливает ее осуществление и, в частности,

возмещение ущерба¹⁸⁹⁷, в связи с чем для того, чтобы недействительная оговорка могла привести к конкретным результатам в плане ответственности, необходимо, чтобы государство, которое ссылается на это, могло указать на ущерб, что является весьма маловероятным.

5) Но есть еще один момент. Весьма характерно, что никакое государство при формулировании возражения против запрещенной оговорки никогда не ссылалось на ответственность ее автора: последствия, связанные с констатацией недействительности оговорок, могут быть различными¹⁸⁹⁸, но они никогда не представляют собой обязательства возместить ущерб, и если выдвигающее возражение государство предложит государству-автору оговорки снять свою оговорку или изменить ее в рамках «диалога об оговорках», то оно будет действовать не в области права ответственности, а в области права договоров и только в ней. Нет сомнений в том, что формулирование оговорки, не допустимой каким-либо из пунктов статьи 19, регулируется правом договоров, а не правом ответственности государства за международно-противоправное деяние. В этой связи оно не влечет за собой ответственность делающего оговорку государства¹⁸⁹⁹. Хотя это представляется само собой разумеющимся, принимая руководящее положение 3.3.2, Комиссия хотела снять любую возможную двусмысленность¹⁹⁰⁰.

3.3.3 Отсутствие последствий индивидуального принятия оговорки для материальной действительности оговорки

Принятие материально недействительной оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией не затрагивает материальной недействительности оговорки.

Комментарий

1) В соответствии с начальной частью руководящего положения 3.3.1 (Несущественность различия между основаниями материальной

¹⁸⁹⁴ Статья 12 статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001 год*, том II (часть вторая) и исправление, стр. 27 (и резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, приложение).

¹⁸⁹⁵ Постановление от 25 сентября 1997 года, дело *Gabčíkovo-Nagymaros Project* (см. сноску 1600 выше), п. 38, пара. 47; см. также арбитражное решение от 30 апреля 1990 года по делу *Case concerning the difference between New Zealand and France concerning the interpretation of two agreements, concluded on 9 July 1986 between the two States and which related to the problems arising from the Rainbow Warrior Affair*, United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XX (Sales number: E/F.93.V.3), p. 215, at p. 251, para. 75 (RGDIP, vol. 94 (1990), pp. 838 *et seq.*, at p. 851, para. 75). По вопросу о взаимосвязи между двумя отраслями права см., в частности, D.W. Bowett, «Treaties and State responsibility», *Le droit international au service de la paix...* (сноска 1830 выше), pp. 137–145; Combacau, «Logique de la validité contre logique de l'opposabilité...» (сноска 1830 выше), pp. 195–203; P.-M. Dupuy, «Droit de traités, codification et responsabilité internationale», AFDI, vol. 43 (1997), pp. 7–30; Ph. Weckel, «Convergence du droit des traités et du droit de la responsabilité internationale à la lumière de l'Arrêt du 25 septembre 1997 de la Cour internationale de Justice relatif au projet Gabčíkovo-Nagymaros (Hongrie/Slovaquie)», RGDIP, vol. 102 (1998), pp. 647–684; P. Weil, «Droit de traités et droit de la responsabilité», в М. Rama-Montaldo (ed.), *El derecho internacional en un mundo en transformación: liber amicorum en homenaje al profesor Eduardo Jiménez de Aréchaga*, Montevideo, Fundación Cultura Universitaria, 1994, pp. 523–543; и А. Yahi, «La violation d'un traité: l'articulation du droit des traités et du droit de la responsabilité internationale», *Revue belge de droit international*, vol. 26 (1993), pp. 437–469.

¹⁸⁹⁶ См. в этой связи статью 1 статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001 год*, том II (часть вторая) и исправление, стр. 34–36 (и резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, приложение).

¹⁸⁹⁷ См. статьи 31 и 34 статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001 год*, том II (часть вторая) и исправление, стр. 29 и 30 (и резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, приложение).

¹⁸⁹⁸ Они вытекают а contrario из статьи 20, и прежде всего статьи 21 Венских конвенций.

¹⁸⁹⁹ Ни, тем более, ответственность государств, которые имплицитно принимают запрещенную или не совместимую с объектом и целью договора оговорку, см. тем не менее Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties...* (сноска 463 выше), p. 56: «The responsibility for incompatible reservations is... shared by reserving and accepting States» [Ответственность за несовместимые оговорки... разделяется государством, делающим оговорку, и государствами, принимающими ее], однако из контекста, как представляется, вытекает, что автор не рассматривает ни несовместимую оговорку, ни ее принятие как международно-противоправные деяния; вместо ответственности в юридическом смысле этого слова («responsibility») следует, безусловно, говорить об ответственности в смысле подотчетности («accountability»).

¹⁹⁰⁰ О связанных с этим терминологических проблемах см. пункт 6) общего комментария к части 3 Руководства по практике.

недействительности) «оговорка, сформулированная несмотря на запрет, вытекающий из положений договора, или ее несовместимости с объектом и целью договора, является недопустимой...». Из этого ясно вытекает, что недействительность оговорки является *ipso facto* следствием одного из оснований, перечисленных в статье 19 Венских конвенций, и воспроизводится в руководящем положении 3.1. Иными словами, запрет (прямо или подразумеваемо выраженный) оговорки или ее несовместимость с объектом и целью договора являются (альтернативными) условиями, необходимыми и достаточными для ее материальной недействительности.

2) Следовательно, ничуть не приходится сомневаться, что принятие государством или договаривающейся международной организацией оговорки, сформулированной вопреки подпунктам *a*) и *b*) статьи 19, не может устранить материальной недействительности этой оговорки, что является «объективным» следствием запрета оговорки или ее несовместимости с объектом и целью договора¹⁹⁰¹. Именно это и уточняется в руководящем положении 3.3.3.

3) В своем качестве эксперта-консультанта сэра Хэмфри Уолдока недвусмысленно высказался в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров в отношении такого подхода, уточнив, что

Договаривающее государство не может ссылаться на статью 17 [нынешняя статья 20] в качестве основания для принятия оговорки, запрещенной в силу пунктов *a*) или *b*) статьи 16 [19], поскольку посредством запрета такой оговорки договаривающиеся государства прямо исключили возможность ее принятия¹⁹⁰².

4) Данную «невозможность» признать материальную действительность оговорки, которая не является действительной на основании либо подпункта *a*) или подпункта *b*) статьи 19 (или руководящего положения 3.1), либо подпункта *c*), который выстроен по той же самой логике, и нет никаких причин проводить различие между двумя другими подпунктами этого руководящего положения¹⁹⁰³, имеет своим логическим следствием то, что такое принятие не может иметь юридических последствий¹⁹⁰⁴. Такое принятие не может обеспечить «допустимость» оговорки и к тому же признать за ней какую-либо юридическую силу и уж конечно признать предусмотренные в пункте 1 статьи 21 Венских конвенций последствия, необходимые для того, чтобы оговорка была

¹⁹⁰¹ См. в этой связи Pellet и Müller, «Reservations to treaties...» (сноска 1045 выше), в частности pp. 54–56.

¹⁹⁰² *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше), 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 133, para. 2.

¹⁹⁰³ См. конец руководящего положения 3.3.1 (Несущественность различия между основаниями материальной недействительности): «Оговорка, сформулированная несмотря на запрет, вытекающий из положений договора, или несмотря на ее несовместимость с объектом и целью договора, является материально недействительной без необходимости проводить различие между последствиями этих оснований для целей материальной недействительности*».

¹⁹⁰⁴ См. руководящее положение 4.5.2 (Реакции на оговорку, считающуюся недействительной) и комментарий к нему ниже.

«действующей»¹⁹⁰⁵. Кроме того, если считать, что принятие недопустимой оговорки может стать основанием для соглашений между автором недопустимой оговорки и государством или международной организацией, которые ее приняли, будет иметь место изменение договора в отношениях между ними, что было бы несовместимо с подпунктом *b*) ii) пункта 1 статьи 41 Венских конвенций, который исключает любое изменение договора, если «оно затрагивает положение, отступление от которого является несовместимым с *эффективным осуществлением объекта и целей договора** в целом»¹⁹⁰⁶.

5) Комиссия посчитала, что это руководящее положение может быть помещено в часть 3 Руководства по практике, посвященную материальной действительности оговорок, а не в часть 4, которая касается их последствий: фактически речь идет не о том, чтобы установить последствия принятия недопустимой оговорки, но именно принятия материальной действительности самой оговорки (проблема, следующая за вопросом о последствиях оговорок). Материальная действительность логически предшествует принятию (и такой логический подход как раз и соблюдается в Венских конвенциях); руководящее же положение 3.3.3 касается материальной действительности оговорки, т.е. того обстоятельства, что ее принятие не может устранить ничтожности этой оговорки. Цель этого положения заключается не в том, чтобы определить, каковы последствия принятия оговорки каким-либо государством, но лишь констатировать, что, если данная оговорка не является допустимой, она остается недопустимой, несмотря на принятие, объектом которого она является.

6) Индивидуальное принятие недействительной оговорки¹⁹⁰⁷ – даже прямо выраженное – не имеет никакого влияния как таковое на те последствия, которые являются результатом такой недействительности и общие контуры которой уточняются в части 4 Руководства по практике. Вопрос о последствиях принятия для действия оговорки не возникает и не может возникнуть; решение вопроса останавливается на стадии действительности, которая не приобретает и не может приобретаться в силу принятия.

7) Руководящее положение 3.3.3 предусматривает, что принятие недействительной оговорки не может

¹⁹⁰⁵ См. руководящие положения 4.2.1–4.2.5 и относящиеся к ним комментарии ниже.

¹⁹⁰⁶ В этой связи см. Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 57; или Sucharipa-Behrmann, «The legal effects of reservations...» (сноска 1617 выше), pp. 78–79; однако см. замечания, сделанные против г-ном Хименесом де Аречагой и г-ном Амадой в ходе обсуждений предложений сэра Хэмфри Уолдока 1962 года (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 653-е заседание, 29 мая 1962 года, стр. 158 англ. текста, пункты 44–45, и стр. 160 англ. текста, пункт 63).

¹⁹⁰⁷ Выражение «индивидуальное принятие» также используется в руководящем положении 2.8.10, чтобы обозначить принятие оговорки к учредительному акту международной организации, исходящей от какого-либо государства или какой-либо международной организации, в противоположность оговорке компетентного органа организации. Иным образом дело обстоит в случае коллективного принятия оговорки всеми договаривающимися государствами или международными организациями; по этому вопросу см. пункты 8)–13) ниже.

иметь никаких последствий ни с точки зрения действительности оговорки, ни а fortiori для правовых последствий, проистекающих из ничтожности недействительной оговорки. Эти последствия являются предметом раздела 4.5 Руководства по практике.

8) Впрочем, можно задаться вопросом о возможности коллективного принятия оговорки, которая без такого принятия была бы недействительной.

9) В предложенном Уолдоком в 1962 году проекте пункта 1 b) статьи 17 предусматривался «исключительный случай, когда государство желает сформулировать оговорку, которую запрещают или исключают положения договора»¹⁹⁰⁸; в этом случае предусматривалось получение «предварительного согласия всех других заинтересованных государств»¹⁹⁰⁹. Это положение не было включено в проекты статей Комиссии 1962 года¹⁹¹⁰ и 1966 года и не фигурирует в Конвенции¹⁹¹¹.

10) Однако можно утверждать, что стороны всегда имеют право с общего согласия между собой вносить поправки в договор в соответствии со статьей 39 Венских конвенций и ничто не мешает им прийти с этой целью к единодушному согласию¹⁹¹² в отношении оговорок¹⁹¹³. Эта возможность, соответствующая

¹⁹⁰⁸ Первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 65 англ. текста, пункт 9.

¹⁹⁰⁹ Текст проекта статьи см. там же, стр. 60 англ. текста.

¹⁹¹⁰ Против этого положения выступили Тункин (там же, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, пункт 19) и Кастрен (там же, пункт 68, и 652-е заседание, 28 мая 1962 года, пункт 30), которые сочли его излишним, и оно не было включено в упрощенный проект, оставленный Редакционным комитетом (там же, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, пункт 3).

¹⁹¹¹ Это решение было между тем принято для положения об оговорке Европейского соглашения, касающегося работы экипажей транспортных средств, производящих международные автомобильные перевозки (ЕСТР), от 1 июля 1970 года, пункт 2 статьи 21 которого гласит: «Если во время сдачи на хранение своего документа о ратификации или присоединения государство формулирует оговорку, не предусмотренную пунктом 1 настоящей статьи, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций направляет эту оговорку государствам, которые уже сдали на хранение свои документы о ратификации или присоединении и после этого не денонсировали настоящее соглашение. Оговорка будет считаться принятой, если в течение шести месяцев с даты этого сообщения ни одно из этих государств не выступит против ее принятия. В противном случае оговорка не будет принята, и, если сформулировавшее ее государство не снимет ее, сдача на хранение этим государством документа о ратификации или присоединении не будет иметь юридической силы». На основе этого положения и при отсутствии возражений других государств – участников Конвенции государства – члены Европейского экономического сообщества сформулировали не разрешенную Соглашением оговорку, исключающую применение соглашения к операциям. См. оговорки государств, которые на тот момент являлись членами Сообщества, *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.B.21.

¹⁹¹² Но не к согласию лишь между отдельными сторонами: см. статью 41 Венских конвенций.

¹⁹¹³ См. в этом отношении Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), pp. 56–57; или Sucharipa-Behrman, «The legal effects of reservations to multilateral treaties» (сноска 1617 выше), p. 78. Такова также позиция Д.У. Боуэта, который между тем считает, что эта возможность не относится к праву оговорок (Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 84); см. также Redgwell, «Universality or

щая принципу консенсуса, присущему всему праву договоров, тем не менее, ставит весьма сложные проблемы. И прежде всего вопрос о том, означает ли отсутствие в течение года возражений всех сторон общее согласие, влекущее за собой изменение положения об оговорке. На первый взгляд, из пункта 5 статьи 20 Венских конвенций вытекает положительный ответ на этот вопрос.

11) Однако при здравом размышлении это не является самим собой разумеющимся: молчание государства-участника не обязательно означает, что оно занимает определенную позицию в отношении действительности оговорки; это означает всего-навсего, что оговорка ему противопоставляется¹⁹¹⁴ и что оно не может возражать против нее в будущем¹⁹¹⁵. Доказательством этому служит то, что невозможно утверждать, что наблюдательные органы, будь то Международный Суд, арбитражный суд или наблюдательный орган в рамках договора по правам человека, лишены возможности оценивать действительность оговорки, даже если против нее не было высказано возражений¹⁹¹⁶.

12) Впрочем, можно привести пример, свидетельствующий об обратном: как известно, оговорка о нейтралитете, сделанная Швейцарией при ее присоединении к Уставу Лиги Наций, несмотря на запрещение оговорок, привела к тому, что эта страна была допущена в круг государств-участников¹⁹¹⁷. Этот «прецедент»¹⁹¹⁸ не позволяет тем не менее с уверенностью установить наличие обычно-правовой нормы в этом отношении.

13) В отсутствие установившегося правила Комиссия посчитала целесообразным не занимать какую-либо определенную позицию по этому вопросу, который больше относится к общим

integrity?...» (сноска 1127 выше), p. 269). Кроме того, невозможно разумно утверждать, что изложенные в статье 19, и особенно в ее подпункте c), правила представляют собой императивные нормы общего международного права, от которых участники не могли бы отступить путем согласия.

¹⁹¹⁴ См. в этой связи Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), p. 26; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 121–131; или Zemanek, «Some unresolved questions concerning reservations...» (сноска 1074 выше), pp. 331–332; см. также Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), pp. 319–320. Как справедливо отмечает Л. Лижнзаад, речь не идет о принятии stricto sensu, «речь в большей степени идет о проблеме малоактивных государств, неактивность которых ведет к принятию оговорки, противоречащих объекту и цели», Lijnzaad, *Reservations to UN Human Rights Treaties* (сноска 463 выше), p. 56).

¹⁹¹⁵ См. руководящее положение 2.8.13 и комментариев к нему.

¹⁹¹⁶ См. Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), pp. 57–58. Уже в ходе обсуждений в Комиссии в 1962 году Бартош указал, что бессмысленно, чтобы явно недействительная оговорка могла – в результате простого использования положений о сроках для формулирования возражений – «избежать впоследствии любого обжалования» (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 654-е заседание, 30 мая 1962 года, стр. 163 англ. текста, пункт 29).

¹⁹¹⁷ См. Mendelson, «Reservations to the constitutions...» (сноска 1334 выше), pp. 140–141.

¹⁹¹⁸ Приблизительный, поскольку в строгом смысле речь шла не о единогласном принятии оговорки государствами-участниками, а о принятии самой организацией.

проблемам изменения договоров, нежели к оговоркам *stricto sensu*¹⁹¹⁹.

3.4 Материальная действительность реакций на оговорки

Комментарий

1) В отличие от оговорок, для реакций на оговорки Венские конвенции не содержат ни критериев, ни условий материальной действительности, хотя принятие и возражение занимают в них довольно много места как инструменты, посредством которых государства или международные организации дают или отказываются давать свое согласие в отношении действительной оговорки. Тем не менее эти реакции не составляют критериев действительности оговорки, которые могут оцениваться объективно в зависимости от условий, установленных статьей 19 Венских конвенций, и независимо от принятия или возражений, вызванных оговоркой. Они являются средством, с помощью которого государства и международные организации выражают свою точку зрения на материальную действительность оговорки, однако при всем при том материальная действительность (или материальная недействительность) оговорки должна оцениваться независимо от принятия или возражений, которые она вызывает. Эта идея, к тому же, четко изложена в разделе 3.3 (Последствия материальной недействительности оговорки). Вместе с тем принятие и возражения составляют средство, с помощью которого государства и международные организации выражают свою точку зрения на материальную действительность оговорки, и в силу этого они могут учитываться при решении вопроса о материальной действительности оговорки¹⁹²⁰.

2) Разделение действительности оговорки и реакции на эту оговорку с особой очевидностью проявилось в ходе разработки Венского режима в отношении возражений¹⁹²¹. Отсюда следует также, что это слово, если ничто не мешает говорить о материальной «действительности» возражения или принятия, имеет иную коннотацию, чем в случае, когда речь идет о самих оговорках: по сути, речь идет о том, могут ли возражение или принятие порождать свои последствия в полном объеме.

3.4.1 Материальная действительность принятия оговорки

Никакое условие материальной действительности на принятие оговорки не распространяется.

Комментарий

1) Представляется очевидным, что договаривающиеся государства или международные организации могут свободно принимать оговорку, которая

¹⁹¹⁹ См. в этом смысле Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), р. 84.

¹⁹²⁰ См. комментарий к руководящему положению 4.5.2 ниже.

¹⁹²¹ См. пункты 4)–6) комментария к руководящему положению 2.6.2 выше.

является действительной, при этом действительность такого принятия не может быть поставлена под сомнение¹⁹²². Не существует доказательств того, что, в случае, когда государство или международная организация принимает материально недействительную оговорку, вопрос стоит иначе.

2) Хотя принятие не может определять действительность оговорки, среди юристов существует мнение, что обратного утверждать нельзя:

Принятие недействительной оговорки теоретически невозможно. Прямо или косвенно запрещенные оговорки согласно статье 19 (1) *a*) и *b*) не могут быть приняты соответствующим государством. Такие оговорки и принятие этих оговорок не будут порождать правовых последствий. (...) Аналогичным образом, несовместимая оговорка согласно статье 19 (1) *c*) должна рассматриваться как не подлежащая принятию, недействительная сама по себе и не порождающая юридических последствий¹⁹²³.

3) Комиссия, тем не менее, не приняла эту точку зрения. Хотя само по себе это доктринальное утверждение неопровержимо, из него не следует, что принятие недействительной оговорки, в свою очередь и *ipso facto*, будет недействительным. Как представляется, было бы точнее считать, что оно попросту не может произвести юридические последствия, которых ожидает его автор. Отсутствие таких юридических последствий обусловлено не недействительностью принятия, а недействительностью оговорки. Само по себе принятие не может быть квалифицировано как действительное или нет.

4) Кроме того, только определенно выраженные акты принятия могут быть объектом условий действительности, поскольку трудно представить себе режим недействительности какого-либо несуществующего акта, как это имеет место в случае молчаливого принятия. Однако непонятно, почему должен существовать один режим действительности для определенно выраженного принятия и другой – для молчаливого принятия, так как это противоречило бы Венским конвенциям 1969 и 1986 годов, которые не проводят между ними никаких различий.

5) Именно по этим причинам Комиссия посчитала, что никакое условие материальной действительности на принятие оговорки не распространяется. Эта констатация не затрагивает последствий индивидуального принятия оговорки для ее материальной недействительности¹⁹²⁴.

3.4.2 Материальная действительность возражения против оговорки

Возражение против оговорки, которым государство или международная организация желает исключить в своих отношениях с автором ого-

¹⁹²² См. руководящее положение 4.1 и комментарий к нему. См. также комментарий к руководящему положению 2.8.3 (Определенно выраженное принятие оговорки).

¹⁹²³ См. Horn, *Reservations and interpretative declarations...* (сноска 25 выше), р. 121.

¹⁹²⁴ См. руководящие положения 3.3.3 (Отсутствие последствий индивидуального принятия оговорки для материальной недействительности оговорки) и 4.5.2 (Реакции на оговорку, считающуюся недействительной).

ворки применение положений договора, не затрагиваемых оговоркой, является материально действительным только в том случае, если:

а) исключаемые таким образом положения имеют достаточную связь с положениями, которые затрагиваются оговоркой, и

б) возражение не лишает договор объекта и цели в отношениях между автором оговорки и автором возражения.

Комментарий

1) Руководящее положение 3.4.2 касается лишь особой категории возражений, нередко именуемых возражениями, имеющими «промежуточный эффект», с помощью которых государство или международная организация выражает мнение, что исключение договорных связей должно выходить за рамки того, что предусмотрено в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, при этом не выступая против вступления договора в силу между ним/нею и автором оговорки. Комиссия отметила существование этих возражений, которые можно было бы назвать возражениями «третьего типа», в комментарии к руководящему положению 2.6.1, касающемуся определения возражений против оговорок, но не приняла никакого решения относительно их действительности¹⁹²⁵.

2) Практика в отношении таких возражений, имеющих промежуточный (или «расширительный») эффект, содержит немного конкретных примеров; тем не менее, она существует. Вместе с тем представляется, что это «*nueva generación*»¹⁹²⁶ [«новое поколение»] возражений возникло исключительно применительно к некоторым оговоркам к самой Венской конвенции 1969 года, когда некоторые государства соглашались с тем, что Конвенция вступает в силу между ними самими и авторами оговорок с исключением не только тех положений, которых касались соответствующие оговорки¹⁹²⁷, но и других статей, имеющих связи с ними¹⁹²⁸. Таким образом, речь идет о возражениях, имеющих более широкий охват, чем возражения «с минимальным эффектом», но при этом авторы возражения не заявляют, что они не связаны договором с автором оговорки. Если одни государства-участники заявили возражения против этих оговорок, ограничившись «презюмируемыми

последствиями», предусмотренными пунктом 3 статьи 21 Венской конвенции 1969 года¹⁹²⁹, то другие государства – Канада¹⁹³⁰, Египет¹⁹³¹, Соединенные Штаты Америки¹⁹³², Япония¹⁹³³, Новая Зеландия¹⁹³⁴, Нидерланды¹⁹³⁵, Соединенное Королевство¹⁹³⁶ и Швеция¹⁹³⁷ – пожелали, чтобы их возражения породили более значительные последствия, не исключая при этом вступление в силу Венской конвенции в отношениях между ними и делающими оговорки государствами¹⁹³⁸. Эти государства, по сути, хотели не только исключить применение одного или нескольких положений, которые касаются обязательного урегулирования споров и «к которым относится оговорка», но также не считают себя связанными существенными положениями, к которым процедура или процедуры урегулирования споров применяются в их двусторонних отношениях с государством, делающим оговорку. Так, в возражении Соединенных

¹⁹²⁹ Это относится к Германии и Дании (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1).

¹⁹³⁰ В отношении оговорки Сирийской Арабской Республики (*ibid.*).

¹⁹³¹ Возражение Египта непосредственно не направлено против какой-либо определенной оговорки, а касается любой оговорки, исключающей применение статьи 66 (*ibid.*).

¹⁹³² Возражения Соединенных Штатов были сформулированы до того, как они стали договаривающейся стороной, и касались оговорок, сделанных Сирийской Арабской Республикой и Тунисом (*ibid.*).

¹⁹³³ В отношении любой оговорки, исключающей применение статьи 66 или приложения к Венской конвенции (*ibid.*).

¹⁹³⁴ В отношении оговорки Туниса (*ibid.*).

¹⁹³⁵ В отношении всех государств, которые сформулировали оговорки, касающиеся обязательных процедур урегулирования споров. Это общее заявление было отдельно подчеркнуто для каждого государства, сформулировавшего такую оговорку (*ibid.*).

¹⁹³⁶ Это предусмотрено в его заявлении от 5 июня 1987 года, и за исключением оговорки Вьетнама.

¹⁹³⁷ В отношении любой оговорки, исключающей применение положений об урегулировании споров в целом, и оговорок, сделанных Кубой, Сирийской Арабской Республикой и Тунисом, в частности (*ibid.*).

¹⁹³⁸ Соединенное Королевство заявило возражения с максимальным эффектом в надлежащей форме против оговорок, сформулированных Сирийской Арабской Республикой и Тунисом. Последствия этих возражений Соединенного Королевства, как представляется, однако, были смягчены впоследствии заявлением Соединенного Королевства от 5 июня 1987 года, которое представляет собой своего рода частичное снятие предыдущего возражения (см. руководящее положение 2.7.7 и комментарий к нему), поскольку его автор не возражает против вступления в силу Конвенции в отношениях между Соединенным Королевством и государством, заявившим оговорку к статье 66 или к приложению к Венской конвенции, и исключает лишь применение Части V в их договорных отношениях. Это заявление, которое было подтверждено в 1989 году (в отношении оговорки Алжира) и в 1999 году (в отношении оговорки Кубы) гласит, что «в отношении любой другой оговорки, которая предназначена для исключения применения, полностью или частично, положений статьи 66 и в отношении которой Соединенное Королевство уже заявило возражение или которая возникла после оговорки [Союза Советских Социалистических Республик], Соединенное Королевство не будет считать, что его договорные отношения с государством, которое сформулировало или которое сформулирует такую оговорку, включают положения части V Конвенции, в отношении которых применение статьи 66 устранено с помощью оговорки» (*ibid.*). Тем не менее в 2002 году Соединенное Королевство вновь снабдило свое возражение против оговорки Вьетнама максимальным эффектом, исключаящим любые договорные отношения с Вьетнамом (*ibid.*). Новая Зеландия также решила снабдить свои возражения против оговорки Сирийской Арабской Республики максимальным эффектом (*ibid.*).

¹⁹²⁵ См. пункт 23) комментария к руководящему положению 2.6.1.

¹⁹²⁶ Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 293.

¹⁹²⁷ Как правило, статья 66 Конвенции и приложение к ней (см. оговорки, сформулированные Алжиром (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1), Беларусью (*ibid.*), Кубой (*ibid.*), Российской Федерацией (*ibid.*), Гватемалой (*ibid.*), Сирийской Арабской Республикой (*ibid.*), Украиной (*ibid.*), Тунисом (*ibid.*) и Вьетнамом (*ibid.*). Болгария, Венгрия, Монголия и Чехословакия сформулировали оговорки в том же направлении, однако в начале 1990-х годов их отзывали (*ibid.*). Германская Демократическая Республика также сформулировала оговорку, исключающую применение статьи 66 (*ibid.*).

¹⁹²⁸ Речь идет о других положениях Части V Венской конвенции, и в частности ее статье 64, касающейся нормы *jus cogens* (статьи 53 и 64). См. также пункт 9) ниже.

Штатов против оговорки Туниса к статье 66 *a*) Венской конвенции говорится, что

правительство Соединенных Штатов намерено в момент, когда оно станет участником Конвенции, подтвердить свое возражение... и заявить, что оно не будет считать, что статьи 53 или 64 Конвенции действуют в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Тунисом¹⁹³⁹.

3) Хотя Венские конвенции 1969 и 1986 годов прямо не разрешают возражения с промежуточным эффектом, ничто в этих двух конвенциях им не препятствует. Напротив, возражения с промежуточным эффектом, как указывает их название, остаются, так сказать, в определенном «коридоре», в том смысле, что они находятся как раз между двух крайностей, закрепленных Венским режимом: они направлены на исключение применения договора в большей степени, чем возражения с минимальным эффектом (пункт 3 статьи 21 Венских конвенций), однако в меньшей степени, чем возражения с максимальным эффектом (пункт 4 *b*) статьи 20 Венских конвенций)¹⁹⁴⁰.

4) Вместе с тем возникает вопрос о том, что хотя в принципе «[г]осударство или международная организация может формулировать возражение против оговорки независимо от материальной действительности этой оговорки»¹⁹⁴¹, не должны ли эти возражения с промежуточным эффектом в некоторых случаях рассматриваться как не являющиеся действительными.

5) Некоторые авторы предлагают считать, что «эти расширительные возражения по сути являются оговорками (ограниченными *ratione personae*)»¹⁹⁴². Такой анализ мог бы получить определенную поддержку с учетом того обстоятельства, что другие государства решили формулировать оговорки в собственном смысле слова, с тем чтобы достичь того же результата¹⁹⁴³. Это относится к Бельгии, которая сформулировала (впоследствии) оговорку в отношении Венской конвенции, заявив, что

Бельгийское государство не будет связано статьями 53 и 64 Конвенции в отношениях с любой другой стороной, которая, формулируя оговорку к пункту *a*) статьи 66, откажется от процедуры урегулирования, закрепленной в этой статье¹⁹⁴⁴.

¹⁹³⁹ *Ibid.*

¹⁹⁴⁰ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 560–561, para. 56.

¹⁹⁴¹ Руководящее положение 2.6.2 (Право формулировать возражения).

¹⁹⁴² См., в частности, J. Sztucki, «Some questions arising from reservations to the Vienna Convention on the Law of Treaties», *German Yearbook of International Law*, vol. 20 (1977), p. 297. Автор по сути предлагает считать этот вид заявлений «возражениями только применительно к первоначальным оговоркам и собственным оговоркам их автора в отношении остального» (*ibid.*, p. 291).

¹⁹⁴³ Цитируемая ниже оговорка Бельгии по духу мало чем отличается с точки зрения цели и используемого приема от основных возражений (см. пункты 29)–34) комментария к руководящему положению 2.6.1). См., в частности, возражение Чили в отношении Венской конвенции 1969 года, цитируемое в пункте 30) комментария к руководящему положению 2.6.1.

¹⁹⁴⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1.

Отмечалось следующее:

Поскольку частичное отклонение изменяет содержание договора в отношениях с делающим оговорку государством в той мере, в какой оно выходит за рамки последствий, на создание которых нацелена оговорка, принятие или молчаливое принятие со стороны делающего оговорку государства, как представляется, необходимо для того, чтобы частичное отклонение возымело эффект; в отсутствие такого принятия или молчаливого принятия никакие договорные отношения не устанавливаются между делающим оговорку государством и заявившим возражение государством, которое частично отклонило эти отношения¹⁹⁴⁵.

6) Этот анализ оспаривался на том основании, что если строго следовать определению оговорок¹⁹⁴⁶, то возражающему государству, которое, как это обычно имеет место, сформулирует свое возражение лишь после того, как оно станет участником договора, будет трудно сделать это в установленный срок, в результате чего оно столкнется с неопределенностями, присущими режиму последующих оговорок¹⁹⁴⁷; при этом – если только вокруг оговорки не будет установлен соответствующий диалог – государство, сделавшее оговорку, будет в принципе не в состоянии успешно ответить на возражение. Кроме того, отмечалось, что подчинять возражения с промежуточным эффектом условиям материальной действительности, в то время как возражения с максимальным эффектом им не подчинены, было бы непоследовательным и что определение и оценка необходимой связи между положениями, юридические последствия которых потенциально исключаются с помощью оговорки и расширительного возражения, в большей мере относятся к вопросу о том, может ли возражение с промежуточным эффектом порождать эффект, желаемый его автором¹⁹⁴⁸.

7) Комиссию не убедила эта точка зрения, и она сочла, что эти возражения с промежуточным эффектом, которые в некоторых отношениях представляют собой «контроговорки» (но, естественно, не оговорки в строгом смысле слова), должны соответствовать условиям материальной и формальной действительности и в любом случае не должны лишать договор его объекта и его цели – уже в силу того, что вряд ли есть смысл применять договор, не имеющий ни объекта, ни цели. Именно это отмечено в подпункте *b*) руководящего положения 3.4.2.

¹⁹⁴⁵ Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), p. 326. См. также Varatta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), p. 385.

¹⁹⁴⁶ См. руководящее положение 1.1 (и пункт 1 *b*) статьи 2 Венских конвенций).

¹⁹⁴⁷ См. руководящие положения 2.3–2.3.4.

¹⁹⁴⁸ Согласно этому мнению, «[о]дно дело сказать, что возражение с промежуточным эффектом недействительно, а другое – утверждать, что такое возражение не может породить последствия, которые входили в намерение его автора. Получается, что эта проблема не касается действительности возражения и в этой связи ей нет места в части Руководства по практике, посвященной вопросу материальной действительности относящихся к договору заявлений; она относится к той части, которая касается последствий, которые возражение с промежуточным эффектом может фактически породить» (четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 2009 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/614 и Add.1–2, пункт 118).

8) С учетом этого было бы также неприемлемо и совершенно несовместимо с принципом консенсуализма¹⁹⁴⁹, чтобы государства и международные организации могли использовать оговорку в качестве предлога для того, чтобы по своему усмотрению снабдить свои возражения подробным промежуточным эффектом, исключая всякое положение, которое их не устраивает. Чтобы это продемонстрировать, следует вернуться к истокам возражений с промежуточным эффектом.

9) Как это отмечено выше¹⁹⁵⁰, практика этих возражений с промежуточным эффектом главным образом или даже в исключительной степени проявляется в рамках оговорок и возражений к положениям Части V Венской конвенции 1969 года и четко вскрывает те причины, которые заставили делающие возражения государства попытаться прибегнуть к ним. Статья 66 Венской конвенции и приложение к ней относительно обязательной примирительной процедуры содержат процессуальные гарантии, которые многие государства считали принципиально важными при принятии Венской конвенции, с тем чтобы предупредить злоупотребление некоторыми положениями Части V¹⁹⁵¹. Эта связь была подчеркнута рядом государств, заявивших возражения с промежуточным эффектом, против оговорок к статье 66. Например:

Королевство Нидерландов полагает, что касающиеся урегулирования споров положения, изложенные в статье 66 Конвенции, представляют собой важный элемент Конвенции и *не могут быть отделены** от основных норм, с которыми они связаны¹⁹⁵².

Соединенное Королевство еще прямее заявило:

Статья 66 предусматривает обязательное урегулирование споров в определенных обстоятельствах Международным Судом... или с помощью согласительной процедуры... Эти положения *неразрывно связаны** с положениями части V, которых они касаются. Их включение было той основой, на которой элементы части V, отражающие прогрессивное развитие международного права, были приняты Венской конференцией¹⁹⁵³.

10) Таким образом, реакции ряда государств на оговорку в отношении статьи 66 Венской конвенции 1969 года направлены на сохранение глобального компромисса (пакетной договоренности), который некоторые государства пытались подорвать с помощью оговорок и который, если не прибегать к возражению с максимальным эффектом¹⁹⁵⁴, мог быть восстановлен только посредством возражения, позволяющего выйти за рамки «обычных»

последствий оговорок, предусмотренных Венскими конвенциями¹⁹⁵⁵.

11) Таким образом, как показывает практика в отношении возражений с промежуточным эффектом, должна существовать неразрывная связь между положением, которое стало объектом оговорки, и положениями, юридические последствия которых затрагиваются возражением.

12) Решая вопрос о том, каким образом лучше всего определить эту связь, Комиссия предполагала квалифицировать ее как «органическая», «неразрывная» или «тесная», но в конечном итоге остановилась на прилагательном «достаточная», которое, по ее мнению, не является несовместимым с прилагательными, упомянутыми выше, но которое обладает тем преимуществом, что оно указывает на необходимость учета обстоятельств, присущих каждому конкретному случаю. Кроме того, руководящее положение 3.4.2, по всей видимости, в большей мере относится к сфере прогрессивного развития международного права, нежели его кодификации в строгом смысле слова; преимущество определения «достаточная» состоит в том, что оно оставляет возможность для внесения уточнений в процессе последующей практики.

13) Предлагались и другие ограничения для действительности возражений с промежуточным эффектом. Так, отмечалось, что представляется логичным исключить возражения, имеющие объектом статьи, к которым запрещено делать оговорки согласно подпунктам *a)* и *b)* статьи 19 Венских конвенций¹⁹⁵⁶. Комиссия не отрицает этого, но речь идет о столь гипотетических и незначительных случаях, что конкретно оговаривать их в руководящем положении 3.4.2 не представляется целесообразным.

14) Кроме того, можно считать, что поскольку согласно пункту 2 руководящего положения 4.4.3 «[о]говорка не может исключать или изменять юридическую силу договора вопреки императивной норме общего международного права», то же самое должно относиться и к возражениям с промежуточным эффектом. Однако Комиссия не согласилась с этой точкой зрения ввиду того, что, по ее мнению, возражения – даже имеющие промежуточный эффект – не являются оговорками и имеют главной целью свести на нет оговорку и что ее «близости» к положениям, исключаемым возражением¹⁹⁵⁷, достаточно, чтобы устранить любой риск противоречия норме *ius cogens*.

15) Таким образом, Комиссия сознательно отказалась от упоминания о недействительности возражения в силу того, что оно противоречит норме

¹⁹⁴⁹ См., в частности, комментарий к руководящему положению 3.1.5.2, особенно пункт 3).

¹⁹⁵⁰ Пункт 2) выше.

¹⁹⁵¹ Sztucki, «Some questions arising from...» (сноска 1942 выше), pp. 286–287 (см. также ссылки, предоставленные автором).

¹⁹⁵² См. сноску 1935 выше.

¹⁹⁵³ Возражение Соединенного Королевства от 5 июня 1987 года в отношении оговорки Союза Советских Социалистических Республик к статье 66 Венской конвенции. См. сноску 1936 выше.

¹⁹⁵⁴ См. пункт 4 *b)* статьи 20 и пункт 3 статьи 21 Венских конвенций.

¹⁹⁵⁵ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 561, para. 57.

¹⁹⁵⁶ Текст статьи воспроизведен в руководящем положении 3.1 Руководства по практике.

¹⁹⁵⁷ См. подпункт *a)* руководящего положения 3.4.2.

jus cogens. По ее мнению, эта возможность носит чисто гипотетический характер.

16) Совершенно очевидно, что, если возражение направлено на изменение двусторонних договорных отношений между его автором и автором оговорки в том смысле, который может оказаться противоречащим императивной норме международного права (*jus cogens*), такой результат был бы неприемлем. Между тем такая возможность, по всей видимости, исключена: возражение лишь преследует цель – и может лишь – исключить применение одного или нескольких договорных положений. Такое исключение не может «породить» норму, не совместимую с нормой *jus cogens*. Возникает просто-напросто эффект «разлаживания», что ведет к применению обычного права. Таким образом, нормы, применимые в отношениях между автором оговорки и автором возражения, в конечном счете никогда не отличаются от норм, которые существовали до заключения договора, и, если применение договора не исключается в целом, от договорных положений, которые не затрагиваются оговоркой. В этих обстоятельствах невозможно предоставить себе «возражение», которое могло бы нарушить императивную норму.

17) Кроме того, Комиссия при утверждении определения «возражения» отказалась принять решение по вопросу о действительности возражений, которые предназначены для порождения «супермаксимального» эффекта¹⁹⁵⁸. Речь идет о возражениях, с помощью которых их авторы констатируют не только то, что оговорка не является действительной, но и то, что вследствие этого договор применяется *ipso facto* в целом в отношениях между двумя государствами. Действительность возражений, имеющих супермаксимальный эффект, часто подвергалась сомнению¹⁹⁵⁹, в частности потому, что

цель такого заявления – не в том, чтобы воспрепятствовать применению договора в целом или положений, которых касается оговорка, в отношениях между двумя сторонами, а в том, чтобы свети на нет оговорку без согласия ее автора. Это выходит далеко за рамки последствий возражений против оговорок, предусмотренных в пункте 3 статьи 21 и пункте 4 *b*) статьи 20 [Венских] конвенций. В то время как «в отличие от оговорок, возражения выражают отношение государства не к норме права, а к позиции, принятой другим государством», в данном случае под вопрос ставится сама норма, которая была приемлема для сделавшего оговорку государства; это противоречит самой сути возражений¹⁹⁶⁰.

18) Однако под сомнение ставится не действительность возражения как таковая; проблема, которая возникает в связи с этой практикой, заключается в том, может ли возражение породить то последствие, которого желает его автор¹⁹⁶¹, а это далеко не очевидно

¹⁹⁵⁸ См. пункты 24)–25) комментария к руководящему положению 2.6.1 (Определение возражений против оговорок).

¹⁹⁵⁹ См. восьмой доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 2003 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/535 и Add.1, стр. 57, пункты 97–98 и сноска 160. См. также комментарий к руководящему положению 2.6.1, в частности пункты 24)–25).

¹⁹⁶⁰ Восьмой доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 2003 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/535 и Add.1, стр. 57, пункт 97.

¹⁹⁶¹ Там же, пункт 95. См. также пункты 24)–25) комментария к руководящему положению 2.6.1.

и зависит, в частности, от действительности самой оговорки¹⁹⁶². Государство (или международная организация) вполне может заявить возражение и захотеть придать ему супермаксимальный эффект, и это не означает, что возражение может породить такой эффект, который никоим образом не предусмотрен Венским режимом. Однако, как признает Комиссия в своем комментарии к руководящему положению 2.6.1 при определении термина «возражение», включив в него, без всяких сомнений, возражения, имеющие супермаксимальный эффект:

Комиссия имела в виду занять абсолютно нейтральную позицию в отношении действительности последствий [а не возражения], которые автор возражения намерен получить с помощью своего возражения. Этот вопрос относился к рассмотрению последствий возражений¹⁹⁶³.

19) Кроме того, следует все же еще раз подчеркнуть, что возражение не может быть правомерно сформулировано, если его автор предварительно принял оговорку, против которой оно формулируется. Хотя это условие можно было бы включить в качестве условия материальной действительности возражения, его можно также рассматривать как вопрос формы или формулирования. Именно поэтому в руководящем положении 2.8.13 (Окончательный характер принятия оговорки) предусматривается: «Принятие оговорки не может быть отозвано или изменено». Повторять это в данном руководящем положении представляется нецелесообразным.

3.5 Материальная действительность заявления о толковании

Государство или международная организация вправе формулировать заявление о толковании, если только заявление о толковании не запрещено договором.

Комментарий

1) В Венских конвенциях не содержится правил относительно заявлений о толковании как таковых, включая, разумеется, условия действительности этих односторонних заявлений. В этом отношении, как и во многих других, они отличаются от оговорок, и просто-напросто приравнивать их к оговоркам нельзя. Руководящее положение 3.5 и следующие за ним руководящие положения нацелены на то, чтобы устранить эту лауну в отношении действительности таких инструментов, причем в этом контексте следует проводить различие между «простыми» заявлениями о толковании (руководящее положение 3.5) и условными заявлениями о толковании, которые в этом плане подчиняются правовому режиму оговорки¹⁹⁶⁴.

¹⁹⁶² См. руководящие положения 4.3.5 и 4.5.2.

¹⁹⁶³ Пункт 25) комментария к руководящему положению 2.6.1 (Определение возражений против оговорок).

¹⁹⁶⁴ Определение условных заявлений о толковании см. руководящее положение 1.4, где сказано: «На условные заявления о толковании распространяются нормы, применимые к оговоркам».

2) Определение заявлений о толковании, данное в руководящем положении 1.2 (Определение заявлений о толковании), также ограничивается описанием этого явления в позитивной формулировке:

«Заявление о толковании» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация имеет целью уточнить или разъяснить смысл или сферу действия договора или определенных его положений.

3) Тем не менее это определение, как уточняется в комментарии к нему, «никоим образом не предопределяет ни действительности, ни действия подобных заявлений и... применительно к заявлениям о толковании требуются те же предосторожности, что и предусмотренные в случае оговорок: предложенное определение не предвещает правомерности и последствий этих заявлений с точки зрения применимых к ним норм»¹⁹⁶⁵.

4) Можно, однако, спросить, может ли заявление о толковании быть действительным или не может, – вопрос, который явно отличается от вопроса о том, чем является одностороннее заявление: заявлением о толковании или оговоркой. И действительно, одно дело определять, направлено ли одностороннее заявление на то, чтобы «уточнить или разъяснить смысл или сферу действия договора или определенных его положений», что соответствует определению заявления о толковании, и другое – выяснять, является предложенное таким образом толкование действительным, или, иными словами, является ли действительным «смысл или значение, которые заявитель придает договору или определенным его положениям».

5) Вне всяких сомнений, действительность заявлений о толковании может быть предусмотрена самим договором¹⁹⁶⁶; на практике такая возможность встречается весьма редко, однако она не исключена. Таким образом, содержащийся в договоре запрет в отношении любых заявлений о толковании лишает действительности любое заявление, сделанное с целью «уточнить или разъяснить смысл или значение» договора или отдельных его положений. Примером положения такого рода является статья XV.3 Соглашения о свободной торговле, заключенного между правительством Канады и правительством Коста-Рики в 2001 году¹⁹⁶⁷. Впрочем, примеры не ограничиваются только двусторонними договорами¹⁹⁶⁸.

¹⁹⁶⁵ Пункт 33) комментария к руководящему положению 1.2.

¹⁹⁶⁶ Heumann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), p. 114.

¹⁹⁶⁷ Статья XV.3 (Оговорки): «К настоящему Соглашению не могут делаться односторонние оговорки или односторонние заявления о толковании» (размещен на веб-сайте: <http://www.sice.oas.org/Trade/cancr/English/cancrinPDF.asp>).

¹⁹⁶⁸ См. веб-сайт АЛКА по адресу: http://www.ftaa-alca.org/FTAADraft03/ChapterXXIV_e.asp; квадратные скобки фигурируют в цитируемом тексте. Третий проект соглашения о Зоне свободой торговли в Северной и Южной Америке от ноября 2003 года, который по сей день по сути так и остался проектом, в главе XXIV, проект статьи 4, предусматривает следующее:

6) Можно также предположить, что некий договор запрещает только формулирование отдельных заявлений о толковании в отношении отдельных своих положений. Однако в договорной практике можно обнаружить запреты более общего характера, которые, прямо не запрещая конкретное заявление, ограничивают возможность сторон толковать договор тем или иным образом. Отсюда следует, что, если договор не должен толковаться определенным образом, заявления о толковании, которые содержат запрещенное толкование, являются недействительными. Примеры таких запретительных положений можно обнаружить в Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 года, пункт 1 статьи 4 которой гласит:

Ничто в настоящей Хартии не должно толковаться как* ограничение или нарушение каких-либо прав, гарантируемых Европейской конвенцией о правах человека.

И в статье 5 предусмотрено:

Ничто в настоящей Хартии не может толковаться как* подразумевающее право на участие в какой-либо деятельности или осуществление каких-либо действий, противоречащих целям Устава Организации Объединенных Наций или другим обязательствам по международному праву, включая принцип суверенитета и территориальной целостности государств.

7) Аналогичным образом, статьи 21–22 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года ограничивают также возможность давать толкование последней:

Статья 21

Ничто в настоящей Рамочной конвенции не может быть истолковано как* подразумевающее какое-либо право любого лица заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, противоречащие основополагающим принципам международного права, особенно принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств.

Статья 22

Ничто в настоящей Рамочной конвенции не может быть истолковано как* ограничивающее или ущемляющее какие-либо права человека и основные свободы, которые могут быть признаны в соответствии с законодательством любой Договаривающейся Стороны или любого другого договора, участником которого является данная Сторона.

8) Эти примеры показывают, что запрещение заявлений о толковании, предусмотренное руководящим положением 3.5, может быть как прямым, так и косвенным.

9) Именно по этой причине Комиссия не сочла нужным предусмотреть в руководящем положении 3.5 вероятность того, что «заявление о толковании» будет несовместимым с объектом и целью договора: это было бы возможно лишь в том случае, если бы заявление можно было расценивать как оговорку, поскольку такие заявления по определению направлены не на изменение юридического действия

«Никакие оговорки [никакие односторонние заявления о толковании] не могут делаться в отношении какого бы то ни было положения, предусмотренного в настоящем Соглашении в момент его ратификации».

договора, а лишь на его уточнение или разъяснение¹⁹⁶⁹. Эта вероятность охвачена руководящим положением 3.5.1.

10) Кроме того, в силу уже иных причин Комиссия не согласилась с тем, чтобы объявить недействительным «объективно неправильное» толкование – например, такое, которое противоречит толкованию, данному международной инстанцией, которой передан рассматриваемый вопрос.

11) Само собой разумеется, толкование может считаться обоснованным или необоснованным, хотя в принципе невозможно определить, прав или не прав его автор, пока уполномоченный орган не выскажется по поводу толкования договора. Толкование остается процессом в высшей степени субъективным, и редко, чтобы какое-либо правовое положение или договор в целом имели лишь какое-то одно приемлемое толкование. «Толкование документов есть в определенной степени искусство, а не точная наука»¹⁹⁷⁰.

12) Как подчеркивал Келсен:

Если под «толкованием» понимать определение смысла применяемой нормы, то результат этой деятельности может заключаться лишь в определении рамок, созданных этой нормой, и вследствие этого в констатации различных возможных вариантов их заполнения. Таким образом, толкование нормы необязательно приводит к единому решению, которое будет единственно верным. Оно может дать несколько вариантов решений, одинаково приемлемых с правовой точки зрения¹⁹⁷¹.

Отмечалось также:

Le processus interprétatif [en droit international n']est en effet qu'exceptionnellement centralisé, soit par un organe juridictionnel, soit de toute autre manière. La compétence d'interprétation appartient à l'ensemble des sujets, et, individuellement, à chacun d'eux. L'éclatement des modes d'interprétation qui en résulte n'est qu'imparfaitement compensé par leur hiérarchie. Les interprétations unilatérales sont en principe d'égale valeur, et les modes concertés sont facultatifs et par là même aléatoires. Il ne faut cependant pas surestimer les difficultés pratiques. Il ne s'agit pas tant d'une imperfection essentielle du droit international que d'une composante de sa nature, qui l'oriente tout entier vers une négociation permanente que les règles en vigueur permettent de rationaliser et de canaliser.

[Процесс толкования [в международном праве] лишь в исключительных случаях централизован либо с помощью судебного органа, либо иным способом. Правом давать толкование обладают субъекты в целом и каждый из них в отдельности. Возникающее в этой связи разнообразие способов толкования лишь отчасти компенсируется их иерархией. Односторонние толкования в принципе являются равноценными, а коллективные способы – факультативными и поэтому даже случайными. Однако не следует переоценивать практические трудности. Речь

¹⁹⁶⁹ См. пункт 16) комментария к руководящему положению 1.2. См. также знаменитое заявление Международного Суда в его консультативном заключении относительно *Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania* (сноска 157 выше), р. 229; см. также *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco*, постановление от 27 августа 1952 года, *ibid.*, р. 196.

¹⁹⁷⁰ См. проект статей Комиссии по праву международных договоров, пункт 4) комментария к проектам статей 27 и 28, в докладе Комиссии о работе ее восемнадцатой сессии, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 218 англ. текста. См. также Aust, *Modern Treaty Law and Practice* (сноска 155 выше), р. 230.

¹⁹⁷¹ Н. Келсен, *Pure Theory of Law*, tr. M. Knight, Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1967, р. 351.

идет не столько о принципиальном несовершенстве международного права, сколько об одной из составляющих его природы, которая в полной мере ориентирует его в направлении постоянных переговоров, которые действующие нормы позволяют рационализировать и направлять¹⁹⁷².

13) Таким образом, признано, что «[e]n vertu de sa souveraineté, chaque État a le droit d'indiquer le sens qu'il donne aux traités auxquels il est partie, en ce qui le concerne» [«в силу своего суверенитета каждое государство имеет право указывать смысл, который оно придает договорам, участником которых оно является, в том что касается его самого»]¹⁹⁷³. Если государства имеют право в одностороннем порядке толковать договоры, они также должны иметь право сообщать свою точку зрения в отношении толкования договора или отдельных его положений.

14) Международное право, между тем, не содержит никаких критериев, позволяющих однозначно определить, является ли предложенное толкование обоснованным. Безусловно, существуют определенные способы толкования (см. прежде всего статьи 31–33 Венских конвенций), однако речь идет лишь об ориентирах в отношении способов, позволяющих обнаружить «правильное» толкование, при этом окончательный «объективный» (или «математический») критерий обоснованности толкования из них извлечь невозможно. Так, в пункте 1 статьи 31 Венских конвенций уточняется, что «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора*». Это уточнение никоим образом не представляет собой критерий для оценки правильности или неправильности, и в еще меньшей степени – условие действительности толкований договора, а является лишь средством, позволяющим выявить одно из толкований. На этом дело и кончается.

15) Международное право в целом и право договоров в частности не устанавливают каких-либо условий действительности для толкования в целом и заявлений о толковании, в частности. В нем существует лишь понятие противопоставимости толкования или заявления о толковании при определении последствий заявления о толковании¹⁹⁷⁴. В отсутствие каких бы то ни было условий в отношении действительности «[e]infache Interpretationserklärungen sind damit grundsätzlich zulässig» [«простые заявления о толковании, следовательно, являются в принципе приемлемыми»]¹⁹⁷⁵, при этом говорить о действительности или недействительности неуместно, помимо случая, когда в самом договоре устанавливается критерий на этот счет¹⁹⁷⁶.

¹⁹⁷² Combacau and Sur, *Droit international public* (сноска 166 выше), р. 171.

¹⁹⁷³ Daillier, Forteau and Pellet, *Droit international public* (сноска 254 выше), р. 277, para. 164. См. также Rousseau, *Droit international public* (сноска 351 выше), р. 250.

¹⁹⁷⁴ См. руководящие положения 4.7.1–4.7.3.

¹⁹⁷⁵ Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), р. 113.

¹⁹⁷⁶ См. пункты 5) и 8) выше.

16) Кроме того, Комиссия сочла, что в контексте оценки действительности заявлений о толковании нельзя скатываться к вопросу об ответственности — что исключает руководящее положение 3.3.2 применительно к оговоркам. Однако это имело бы место в отношении заявлений о толковании, если бы было сочтено, что «неправильное» толкование представляет собой международно-противоправный акт, составляющий «нарушение» статей 31 и 32 Венских конвенций.

3.5.1 Материальная действительность заявления о толковании, являющегося в сущности оговоркой

Если одностороннее заявление, которое выглядит как заявление о толковании, в сущности представляет собой оговорку, его материальная действительность должна оцениваться в соответствии с правилами руководящих положений 3.1–3.1.5.7.

Комментарий

1) Раздел 1.3 Руководства по практике касается случая, при котором «заявление о толковании» на самом деле имеет целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов в их применении к его автору¹⁹⁷⁷. В этом случае речь идет не о заявлении о толковании, а об оговорке, которая должна рассматриваться как таковая и в этой связи подчиняться условиям материальной и формальной действительности оговорок.

2) Арбитраж, который должен был разрешить спор между Французской Республикой и Соединенным Королевством о *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*, такой подход подтвердил. Соединенное Королевство утверждало в арбитраже, что третья оговорка Франции к статье 6 Женевской конвенции о континентальном шельфе представляла собой лишь заявление о толковании, с тем чтобы благодаря этому сделать невозможной ссылку на это толкование в его отношении. Арбитраж не принял этот аргумент и решил, что заявление Франции не ограничивалось простым толкованием, а было сделано для того, чтобы изменить сферу применения статьи 6, и поэтому речь шла как раз об оговорке, как и утверждала Франция:

Судя по формулировке, это условие, как представляется, выходит за рамки простого толкования. Применение этой системы по сути подчинено принятию другим государством районов, обозначенных Французской Республикой как районы, к которым относится понятие «особых обстоятельств», независимо от

¹⁹⁷⁷ Руководящее положение 1.3.3 (Формулирование одностороннего заявления в случае запрещения оговорок). При том понимании, что для изменения характера заявления о толковании недостаточно того, чтобы какое-либо другое государство или какая-либо международная организация «переквалифицировало/переквалифицировала» его в оговорку (см. руководящее положение 2.9.3 (Переквалификация заявления о толковании) и комментарий к нему, в частности пункты 3)–6).

легитимности или нелегитимности этого обозначения указанных районов в соответствии со статьей 6. Подпункт *d*) пункта 1 статьи 2 Венской конвенции о праве международных договоров, в отношении которого стороны признают, что в нем правильно определены оговорки, гласит, что выражение «оговорка» означает «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством, ... посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству». Это определение не ограничивает оговорки заявлениями, призванными исключить или изменить сами положения договора; оно охватывает также заявления, призванные исключить или изменить юридическое действие отдельных положений в их применении к государству, делающему оговорку. Арбитраж считает, что именно в этом и заключается цель третьей оговорки Франции, и в этой связи приходит к выводу, что данная «оговорка» [sic: «заявление»?] должна рассматриваться как «оговорка», а не как «заявление о толковании»¹⁹⁷⁸.

3) Хотя часто бывает так, что государства подтверждают или дают понять, что предлагаемое другим государством толкование не соответствует объекту и цели данного договора¹⁹⁷⁹, заявление о толковании не может по самой своей сути противоречить договору или его объекту и цели. Если дело обстоит иначе, то речь идет об оговорке, о чем свидетельствует большое число реакций государств на «заявления о толковании»¹⁹⁸⁰. Реакция Испании на «заявление», сформулированное Пакистаном при подписании Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, также четко обнаруживает различные стадии мотивирования в случаях, когда предлагаемое «толкование» на самом деле является изменением договора, противоречащим его объекту и цели. Прежде всего необходимо квалифицировать заявления, и лишь затем к нему можно будет применять условия материальной действительности (оговорок):

Правительство Королевства Испания изучило заявление, которое правительство Исламской Республики Пакистан сделало 3 ноября 2004 года при подписании Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года.

¹⁹⁷⁸ Арбитражное решение от 30 июня 1977 года, *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), p. 40, para. 55.

¹⁹⁷⁹ См., например, реакцию Германии на заявление о толковании Польши к Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года (*United Nations, Treaty Series*, vol. 1862, pp. 469–470) или опять же реакцию Германии на заявление Индии, содержащее толкование статьи 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.3 and 4).

¹⁹⁸⁰ Помимо примера реакции Испании, о которой речь шла выше, см. возражение Австрии на «заявление о толковании» Пакистана к Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1979 года и аналогичные реакции Австралии, Германии, Дании, Израиля, Индии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Финляндии, Франции, Швеции и Японии (*Multilateral Treaties ...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.9). См. также реакции Германии и Нидерландов на одностороннее заявление Малайзии (*ibid.*) или также реакции Германии, Нидерландов, Финляндии и Швеции на «заявление о толковании» Уругвая к Римскому статуту Международного уголовного суда (*ibid.*, chap. XVIII.10). Другие примеры переквалификации, см. комментарий к руководящему положению 1.2, сноска 149 выше.

Правительство Королевства Испания напоминает, что любое одностороннее заявление государства, предназначенное для того, чтобы исключить или изменить юридическое действие отдельных положений договора в применении к этому государству, независимо от присвоенного ему наименования, представляет собой оговорку.

Правительство Королевства Испания считает, что заявление правительства Исламской Республики Пакистан, которое ставит применение положений Пакта в зависимость от положений его конституции, представляет собой оговорку, направленную на ограничение юридического действия Пакта в его применении к Исламской Республике Пакистан. Оговорка, которая содержит общую ссылку на внутреннее право без уточнения объема, не позволяет с точностью определить, в какой степени Исламская Республика Пакистан принимает на себя обязательства, вытекающие из Пакта, и заставляет сомневаться в ее приверженности его объекту и цели.

Правительство Королевства Испания полагает, что заявление правительства Исламской Республики Пакистан, которое подчиняет обязательства, вытекающие из Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, положениям его конституции, представляет собой оговорку, не совместимую с объектом и целью Пакта.

Согласно международному обычному праву, кодифицированному в Венской конвенции о праве международных договоров, оговорки, не совместимые с объектом и целью договора, не допускаются.

Вследствие этого правительство Королевства Испания заявляет возражение против оговорки правительства Исламской Республики Пакистан к Пакту об экономических, социальных и культурных правах.

Это возражение не является препятствием для вступления в силу Пакта в отношениях между Королевством Испания и Исламской Республикой Пакистан¹⁹⁸¹.

4) Таким образом, речь не идет о проблеме «действительности» заявлений о толковании. Эти односторонние заявления на самом деле являются оговорками и вследствие этого должны рассматриваться как таковые, в том числе с точки зрения их материальной и формальной действительности. Европейский суд по правам человека фактически воспринял эту мотивировку в своем постановлении по делу *Belilos v. Switzerland*. Переквалифицировав заявление Швейцарии в оговорку, он применяет к нему условия материальной действительности оговорки согласно Европейской конвенции о правах человека:

Для определения юридического содержания такого «заявления» необходимо посмотреть не только на заголовок и попытаться определить материальное содержание. В данном случае выясняется, что Швейцария намеревалась изъять из-под действия пункта 1 Статьи 6 [статья 6–1] отдельные категории споров и застраховаться от чересчур широкого, по ее мнению, толкования этой статьи. Однако Суд должен следить за тем, чтобы вытекающие из Конвенции обязательства не подвергались ограничениям, которые не соответствуют требованиям Статьи 64 [статья 64] в отношении оговорки. В этой связи он рассмотрит в свете этого положения, как в случае оговорки, действительность заявления о толковании, о котором идет речь¹⁹⁸².

¹⁹⁸¹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.3.

¹⁹⁸² Постановление от 29 апреля 1988 года, *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), p. 24, para. 49.

3.6 Материальная действительность реакций на заявления о толковании

Одобрение, несогласие или переквалификация заявления о толковании не подчиняются никаким условиям материальной действительности.

Комментарий

1) Вопрос о действительности реакций на заявления о толковании (одобрение, несогласие и переквалификация¹⁹⁸³) должен рассматриваться в свете рассмотрения действительности самих заявлений о толковании. Учитывая, что любое государство в силу своего суверенного права давать толкование договорам, участником которых оно является, вправе делать заявления о толковании, представляется бесспорным, что и другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации также вправе реагировать на это заявление о толковании и что эти реакции, если таковые имеются, подпадают под те же условия действительности, что и заявление, которое является их объектом.

2) В целом, как и сами заявления о толковании, их одобрение или несогласие с ними могут оказаться правильными или ошибочными, однако это не означает, что они являются действительными или недействительными.

3) Вопрос о действительности переквалификации заявлений о толковании следует рассматривать под несколько иным углом зрения. По сути, переквалификацией ее автор ставит под сомнение¹⁹⁸⁴ не содержание первоначального заявления, а его юридическую природу и режим, который должен к нему применяться¹⁹⁸⁵.

4) Квалификация оговорки или заявления о толковании должна быть определена объективно с учетом критериев, которые Комиссия предусмотрела в руководящих положениях 1.3 и 1.3.1–1.3.3. В соответствии с руководящим положением 1.3:

¹⁹⁸³ См. руководящие положения 2.9.1–2.9.3.

¹⁹⁸⁴ Он может поставить под сомнение *одновременно* и содержание переквалифицируемого заявления, заявив против него возражение; однако в этом случае переквалификация, с одной стороны, и возражение, с другой стороны, остаются самостоятельными видами умственной деятельности. На практике государства практически всегда сочетают переквалификацию и возражение против оговорки. Следует, однако, подчеркнуть, что одно дело переквалифицировать заявление о толковании в оговорку, и совсем другое – заявить возражение против «переквалифицированной» таким образом оговорки. Тем не менее следует обратить внимание на то обстоятельство, что даже в случае «завуалированной» (в заявление о толковании) оговорки, которая с правовой точки зрения всегда была оговоркой, правила процедуры и формулирования, вытекающие из настоящего Руководства по практике, остаются в полной мере применимыми. Это четко свидетельствует о том, что государство, которое хочет произвести переквалификацию и заявить возражение, должно соблюдать правила и процессуальные сроки, применимые к возражению. Вот почему в пункте 2 руководящего положения 2.9.3 уточняется, что государство должно соответствующим образом рассматривать переквалификацию заявления как оговорку.

¹⁹⁸⁵ См. пункт 5) комментария к руководящему положению 2.9.3.

Квалификация одностороннего заявления в качестве оговорки или заявления о толковании определяется юридическими последствиями, которых имеет целью достичь его автор.

5) Этот «объективный» критерий реализуется исключительно применительно к потенциальным последствиям заявлений в отношении договора, *которые автор имеет в виду*. Иными словами:

определить преследуемую цель позволяет только соответствующий объективный анализ потенциальных последствий заявлений. Для целей определения юридического характера заявления, сделанного по поводу договора, решающий критерий основывается на достигнутом (или якобы достигнутом) реальном результате формулирования этого заявления: если заявление влечет за собой изменение или исключение юридического действия договора или некоторых из его положений, то это оговорка, «как бы она ни была сформулирована и как бы она ни называлась»; если заявление направлено лишь на то, чтобы уточнить или разъяснить смысл или значение, которые его автор придает договору или некоторым из его положений, то речь идет о заявлении о толковании¹⁹⁸⁶.

6) Не пытаясь предрешить последствия этих односторонних заявлений¹⁹⁸⁷, можно со всей определенностью отметить, что они представляют собой один из элементов в определении юридического характера первоначально сформулированного акта, которым нельзя пренебречь: чтобы определить, идет ли речь о заявлении о толковании или об оговорке, эти заявления должны приниматься во внимание как выражение позиции сторон в договоре относительно характера «заявления о толковании» или «оговорки» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Между тем автор переквалификации лишь излагает свое мнение по этому вопросу. Его мнение может оказаться обоснованным или ошибочным при применении критерия, содержащегося в руководящем положении 1.3. Однако это никоим образом не предполагает, что переквалификация является действительной или недействительной. Это два самостоятельных вопроса.

7) Переквалификация независимо от своего обоснованного или необоснованного характера также не подчиняется критериям материальной действительности. Весьма обильная практика государств¹⁹⁸⁸ свидетельствует о том, что договаривающиеся государства или договаривающиеся организации считают себя вправе делать эти заявления, причем довольно часто для того, чтобы обеспечить целостность договора или подчеркнуть конвенционные запреты в отношении оговорки¹⁹⁸⁹.

¹⁹⁸⁶ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 1.3.1 (Метод установления различия между оговорками и заявлениями о толковании).

¹⁹⁸⁷ См. руководящие положения 4.7.1–4.7.3 и комментарии к ним.

¹⁹⁸⁸ См., в частности, пункт 4) комментария к руководящему положению 2.9.3.

¹⁹⁸⁹ Особо красноречивый пример см. в реакциях ряда государств на «заявление о толковании» Филиппин к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6).

4. Юридические последствия оговорок и заявлений о толковании

Комментарий

1) Часть 4 Руководства по практике посвящена последствиям оговорок, принятия и возражений, к которым следует добавить последствия заявлений о толковании и реакций на них (одобрение, несогласие, переквалификация или молчание). Эта часть соответствует логике Руководства по практике, которая направлена на то, чтобы в максимально систематизированном виде изложить весь комплекс правовых проблем, связанных с оговорками и с касающимися их односторонними заявлениями, а также с заявлениями о толковании: идентифицировав это явление (соответственно, в части 1 Руководства) и установив нормы, применяемые в отношении оценки формальной действительности (часть 2 Руководства) и материальной действительности (часть 3 Руководства) этих различных заявлений, в части 4 речь идет об определении юридических последствий оговорок, которые они порождают¹⁹⁹⁰.

2) Вначале следует напомнить об аспекте, имеющем важнейшее значение для понимания юридических последствий оговорок и заявлений о толковании. И тот, и другой из этих инструментов определяются в зависимости от юридических последствий, которые их авторы хотели бы получить применительно к договору. Так, руководящее положение 1.1 (Определение оговорки) гласит:

1. «Оговорка» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии, утверждении договора или присоединении к нему или государством при направлении уведомления о правопреемстве в отношении договора, *посредством которого это государство или эта организация имеет целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора** в их применении к данному государству или к данной организации.

2. Пункт 1 следует толковать как включающий оговорки, *имеющие целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов** в их применении к государству или к международной организации, которое/которая формулирует оговорку.

3) В том же духе руководящее положение 1.2 (Определение заявлений о толковании) предусматривает:

«Заявление о толковании» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым названием, сделанное государством или международной организацией, *посредством которого это государство или эта организация имеет целью уточнить или разъяснить смысл или сферу действия договора или определенных его положений**.

4) Хотя потенциальные юридические последствия оговорок или заявлений о толковании представляют

¹⁹⁹⁰ Последняя, часть 5 Руководства по практике посвящена оговоркам (и в меньшей степени заявлениям о толковании) в случае правопреемства государства.

собой, соответственно, «субстантивный элемент»¹⁹⁹¹ их определения¹⁹⁹², из этого никоим образом не вытекает, что любая оговорка или любое заявление о толковании реально порождают эти последствия. Часть 4 Руководства не направлена на определение последствий, которые автор оговорок или автор заявлений о толковании хотел бы, чтобы они имели, что было сделано в части 1, где речь идет об определении и выявлении оговорок и заявлений о толковании. Часть 4, напротив, посвящена определению юридических последствий, которые реально порождает оговорка или заявление о толковании в зависимости, в соответствующих случаях, от реакций других договаривающихся государств или договаривающихся организаций. Желаемые последствия и реальные последствия, действительно, необязательно совпадают и зависят, с одной стороны, от действительности (формальной и материальной) оговорок и заявлений о толковании и, с другой стороны, от реакций других заинтересованных государств или международных организаций.

5) Несмотря на положения, которые им посвящаются в Венских конвенциях, последствия оговорок, принятия или возражения против этой оговорки остаются одним из наиболее противоречивых вопросов права договоров. Статья 21 обеих Конвенций касается исключительно «юридических последствий оговорок и возражений против оговорок». По сравнению с другими положениями об оговорках разработка этого положения была сравнительно легкой. Ни Комиссия международного права, ни Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров, проходившая в Вене в 1968 и 1969 годах, не испытывали, как представляется, особых трудностей с формулированием норм, установленных в двух первых пунктах статьи 21, которые посвящены последствиям оговорок (тогда как в пункте 3 речь идет о последствиях возражений).

6) Первый Специальный докладчик Комиссии по праву международных договоров г-н Брайерли еще в своем проекте пункта 1 статьи 10 предлагал считать, что оговорка

ограничивает или изменяет последствия [какого-либо] международного договора в том, что касается отношений [данного] государства или [данной] организации [автора оговорки] с одной или несколькими настоящими или будущими сторонами этого договора¹⁹⁹³.

¹⁹⁹¹ *Ежегодник... 1998 год*, том II (часть вторая), стр. 110, пункт 500. Весьма широко признается, что суть оговорки заключается в том, чтобы породить правовые последствия. Хорн отмечает, что то обстоятельство, что оговорки должны породить определенные юридические последствия, является самым критерием этой категории односторонних актов (см. *Ноты, Резервации и Интерпретативные Декларации...* (сноска 25 выше), р. 41. См. также выступления г-на Руды и г-на Розенна, которые подчеркнули тесную связь между определением оговорки и юридическими последствиями, которые она может породить (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 167 англ. текста, пункт 46, и 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 171 англ. текста, пункт 8).

¹⁹⁹² Об определении оговорок в целом см. руководящее положение 1.1 и комментарий к нему.

¹⁹⁹³ [Первый] доклад о праве международных договоров г-на Дж.Л. Брайерли, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 238 англ. текста.

7) Сэр Джеральд Фитцморис впервые предложил автономное положение о юридических последствиях оговорки, которое в значительной степени предопределило первые два пункта нынешней статьи 21¹⁹⁹⁴. В этой связи любопытно отметить, что данные проекты положений, как представляется, подтверждают, по мнению Специального докладчика, очевидное: он не посвящает этому проекту никакого комментария, ограничиваясь замечанием о том, что «представляется целесообразным отразить данные последствия, но они не требуют пояснений»¹⁹⁹⁵.

8) Сэр Хэмфри Уолдок сразу же предложил положение о последствиях оговорки, признанной «приемлемой» (в тексте на английском языке – «admissible»¹⁹⁹⁶), и его предложение претерпело затем лишь незначительные редакционные изменения¹⁹⁹⁷. Ни сэр Хэмфри Уолдок¹⁹⁹⁸, ни Комиссия не сочли необходимым развернутый комментарий к этой норме, ибо Комиссия ограничилась утверждением о том, что:

эти нормы, которые представляются бесспорными, вытекают непосредственно из консенсуального характера договорных отношений¹⁹⁹⁹.

9) Этот вопрос также не вызвал ни замечаний, ни критики со стороны государств в период между двумя чтениями в Комиссии и в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров.

10) В связи с разработкой нынешнего пункта 3 статьи 21 возникло больше проблем. Это положение, которое отсутствовало, что логично, в первых предложениях сэра Хэмфри Уолдока (где исключались любые договорные отношения между государством, сформулировавшим оговорку, и государством, сформулировавшим возражение²⁰⁰⁰), пришлось

¹⁹⁹⁴ Первый доклад о праве международных договоров сэра Дж.Г. Фитцмориса, *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 115–116 англ. текста.

¹⁹⁹⁵ Там же, стр. 127 англ. текста, пункт 101.

¹⁹⁹⁶ Именно этот термин используется в пункте 5 проекта статьи 18, содержащегося в первом докладе сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 61 англ. текста.

¹⁹⁹⁷ Предложенный сэром Хэмфри Уолдоком пункт 5 статьи 18 стал статьей 18-тер, полностью посвященной юридическим последствиям оговорок, с несколькими чисто формальными поправками, внесенными Редакционным комитетом (там же, том I, 664-е заседание, 19 июня 1962 года, стр. 234 англ. текста, пункт 63). Затем в Редакционном комитете в проект были внесены и другие изменения (там же, 667-е заседание, 25 июня 1962 года, стр. 253 англ. текста, пункт 71). В конечном итоге данное положение превратилось в статью 21, принятую Комиссией в первом чтении в 1962 году (там же, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста). Оно претерпело сугубо редакционные изменения, которые были необходимы вследствие переформулирования других положений об оговорках, за исключением изменения подпункта b) пункта 1 (в этой связи см. пункт 34) комментария к руководящему положению 4.2.4).

¹⁹⁹⁸ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 68 англ. текста, пункт 21.

¹⁹⁹⁹ Там же, документ A/5209, стр. 181 англ. текста (комментарий к статье 21). См. также пункт 1) комментария к проекту статьи 19, принятому во втором чтении в 1965 году (*Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста).

²⁰⁰⁰ См. четвертый доклад о праве международных договоров, подготовленный сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник...*

реинтегрировать в статью о последствиях оговорки и возражений, когда Комиссия признала, что государство, формулирующее возражение против оговорки, может тем не менее устанавливать договорные отношения с автором оговорки²⁰⁰¹. Предложение Соединенных Штатов Америки на этот счет убедило сэра Хэмфри Уолдока в логичной потребности в таком положении²⁰⁰², но его разработка в Комиссии оказалась тем не менее трудоемкой²⁰⁰³. Конференция внесла в это положение лишь относительно незначительную поправку, с тем чтобы пункт 3 учитывал инверсию презумпции в пункте 4 b) статьи 20²⁰⁰⁴.

11) В связи с воспроизведением статьи 21 при подготовке Венской конвенции 1986 года существенных проблем не возникало. В ходе весьма краткого обсуждения проекта статьи 21 два члена Комиссии подчеркнули, что это положение является «логическим следствием» проектов статей 19 и 20²⁰⁰⁵. Еще

1965 год, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1 и 2, стр. 56 англ. текста, пункт 3.

²⁰⁰¹ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 540–541, paras. 7–8.

²⁰⁰² См. четвертый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 47 и 55 англ. текста. См. также замечания правительства Дании (там же, стр. 46 англ. текста).

²⁰⁰³ Хотя сэр Хэмфри Уолдок считал, что случай с оговоркой, против которой сформулировано простое возражение, «определить довольно сложно» (там же, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 270 англ. текста, пункт 96), большинство членов (см. г-н Руда (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 712 англ. текста, пункт 13); г-н Аго (там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 271 англ. текста, пункты 7 и 11); г-н Тункин (там же, пункт 8) и г-н Бриггс (там же, стр. 272 англ. текста, пункт 14)) были убеждены даже в «абсолютной» (г-н Аго, там же, стр. 271 англ. текста, пункт 7) необходимости включения положения на этот счет «во избежание возникновения двусмысленных ситуаций» (там же). В то же время мнения членов Комиссии разделились относительно самого основания последствий, которые предусматриваются в пункте, предложенном Соединенными Штатами и Специальным докладчиком: в то время как в предложении сэра Хэмфри Уолдока акцент делался на консенсуальной основе договорных отношений, устанавливаемых независимо от возражений, в пункте, предложенном Соединенными Штатами, предполагалось, что предусмотренные последствия вытекают лишь из одностороннего действия возражающего государства, т.е. из возражения, а государство – автор оговорки по сути выбора не имеет. Эти две концепции нашли своих сторонников внутри Комиссии (см. мнения г-на Яссина (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 171 англ. текста, пункт 7, и стр. 172 и 173 англ. текста, пункты 21–23 и 26), г-на Тункина (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 172, пункт 18) и г-на Пала (там же, стр. 172 англ. текста, пункт 24), а также мнения сэра Хэмфри Уолдока (там же, стр. 173 англ. текста, пункт 31), г-на Розенна (там же, стр. 172 англ. текста, пункт 10) и г-на Руды (там же, стр. 172 англ. текста, пункт 13)). Текст, принятый в конечном итоге Комиссией единогласно (там же, 816-е заседание, 2 июля 1965 года, стр. 284 англ. текста), остается все же весьма нейтральным и ясно свидетельствует о том, что данный вопрос Комиссия не решила (см. также резюме Специального докладчика, там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 173 англ. текста, пункт 31).

²⁰⁰⁴ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), 33-е пленарное заседание, 21 мая 1969 года, р. 181.

²⁰⁰⁵ См. г-н Табиби, *Ежегодник... 1977 год*, том I, 1434-е заседание, 6 июня 1977 года, стр. 124, пункт 7; см. также г-н Дадзи, там же, стр. 125, пункт 18.

большую ясность внес г-н Калье-и-Калье, заявивший, что

как только признается принцип оговорок, их юридические последствия, очевидно, должны изменять отношения между стороной, делающей оговорку, и стороной, в отношении которой эта оговорка действует²⁰⁰⁶.

12) Комиссия, а спустя несколько лет и Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров приняли статью 21 только с редакционными поправками, которые были необходимы с учетом более широкой сферы применения Венской конвенции 1986 года.

13) Можно подумать, что широкое одобрение статьи 21 при принятии проектов статей о праве международных договоров, заключенных между государствами и международными организациями, а также между международными организациями, свидетельствует о том, что это положение уже тогда воспринималось как конкретное выражение международного обычая в данной области. Этот вывод подкрепляет арбитражное решение, вынесенное по делу о *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*. Так, Арбитражный суд констатировал, что

эволюция права, регулирующего оговорки к многосторонним договорам, завершилась лишь в 1969 году после принятия статей 19–23 Венской конвенции о праве международных договоров²⁰⁰⁷.

14) Тем не менее вопрос о последствиях оговорки, ее принятия или возражения против нее отнюдь не урегулирован статьей 21 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Это положение касается лишь воздействия этих инструментов на содержание договорных отношений между автором оговорки и другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями²⁰⁰⁸. Вопрос, касающийся последствий принятия или возражения против согласия автора оговорки на обязательность договора и отличающийся от вопроса о последствиях самой оговорки, регулируется не статьей 21, а статьей 20 Венских конвенций, озаглавленной «Принятие оговорок и возражения против них».

15) Это положение, вытекающее из проекта статьи 20, принятого Комиссией в первом чтении в 1962 году под названием «Последствия оговорки»²⁰⁰⁹, было между тем включено в 1965 году в

²⁰⁰⁶ Там же, стр. 124, пункт 8.

²⁰⁰⁷ *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (сноска 24 выше), р. 32, para. 38.

²⁰⁰⁸ См. руководящее положение 4.2.4 и комментарий к нему.

²⁰⁰⁹ Этот проект статьи гласил:

[1]. а) Если оговорка ясно или имплицитно допускается положениями договора, то она не требует принятия;

б) если в договоре ничего не говорится по вопросу об оговорках, то применяются положения пунктов 2, 3 и 4 ниже.

новый проект статьи 19, озаглавленный «Принятие оговорок и возражения против оговорок»²⁰¹⁰ (ставший затем статьей 20 Венской конвенции 1969 года), после внесения серьезных поправок, продиктованных стремлением к ясности и простоте²⁰¹¹. В рамках этих изменений Комиссия также решила более не рассматривать связь между возражениями и условиями действительности оговорки, в частности ее соответствия объекту и цели договора.

16) На Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров первый пункт этого положения претерпел довольно серьезные изменения²⁰¹², и его пункт 4 b) был изменен после внесения поправки, предложенной Союзом Советских Социалистических Республик²⁰¹³. Эта поправка имеет очень важное значение, поскольку она предполагает инверсию презумпции пункта 4 b): впредь любое возражение считается простым возражением, если его автор ясно не заявил об ином намерении. Кроме

(продолжение сноски 2009)

2. За исключением случаев, предусмотренных в пунктах 3 и 4 ниже, и если в договоре не предусмотрено иное:

a) принятие оговорки государством, которое может стать участником договора, наделяет государство – автора оговорки статусом участника договора по отношению к государству, которое приняло эту оговорку, с момента вступления договора в силу;

b) возражение, сформулированное против оговорки государством, которое считает ее не совместимой с объектом и целью договора, препятствует вступлению договора в силу между государством, формулирующим возражение, и государством, которое сформулировало оговорку, если государство, формулирующее возражение, не заявило иное намерение.

3. За исключением случаев, предусмотренных в пункте 4 ниже, последствия оговорки для договора, заключенного ограниченной группой государств, зависят от принятия этой оговорки всеми заинтересованными государствами, если только:

a) договор не предусматривает иное; или

b) государства не являются членами международной организации, которая применяет иную норму в отношении договоров, заключенных под ее эгидой.

4. Если договор, о котором идет речь, является учредительным актом международной организации, и формулируется возражение против оговорки, то решение о последствиях оговорки принимает компетентный орган упомянутой организации, если в договоре не предусмотрено иное. (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста).

²⁰¹⁰ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/6009, стр. 162 англ. текста.

²⁰¹¹ См. четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 50 англ. текста, пункты 4–5.

²⁰¹² См. поправки Швейцарии (A/CONF.39/C.1/L.97), Франции и Туниса (A/CONF.39/C.1/L.113), а также Таиланда (A/CONF.39/C.1/L.150). Эти поправки были приняты подавляющим большинством (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше), 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, р. 135, para. 30).

²⁰¹³ A/CONF.39/L.3, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), pp. 265–266. Эта поправка была принята 49 голосами против 21 при 30 воздержавшихся (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session... (A/CONF.39/11/Add.1)* (сноска 332 выше), 10-е пленарное заседание, 29 апреля 1969 года, р. 35, para. 79). См. также Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), р. 494–495, para. 14.

того, несмотря на не вполне удачное название статьи 20, с учетом его происхождения ясно, что речь идет о положении, касающемся, в частности, последствий оговорки, ее принятия или возражений, которые могут быть против нее сформулированы.

17) Тем не менее, статьи 20 и 21 Венских конвенций страдают от неточностей и пробелов. В практике государств предусмотренный пунктом 3 статьи 21 случай возражений с минимальным эффектом более не является сегодня «редким»²⁰¹⁴, как его первоначально оценивала Комиссия. Он, напротив, стал наиболее частым случаем возражений вследствие презумпции пункта 4 b) статьи 20.

18) Однако в практике государств возникают не только последствия, предусмотренные пунктом 3. Государства все чаще стремятся к тому, чтобы их возражения имели иные последствия. Отсутствие твердой позиции со стороны Комиссии, которая сознательно выбрала нейтральное решение, приемлемое для всех, но отнюдь не решающее проблему, породило другие проблемы, на решение которых направлено Руководство по практике.

19) Статьи 20 и 21 также не отвечают на вопрос о том, какие последствия имеет оговорка, которая не удовлетворяет определенным в статье 19 условиям материальной действительности или формальной действительности (перечисленным, в частности, в статье 23). Иными словами, ни в статье 20, ни в статье 21 не учитываются последствия недействительности оговорки, по крайней мере, в ясно выраженной форме. Особенно удивительно, к тому же, что применение пункта 3 в отношении совокупных последствий оговорки и возражения не ограничено случаями действительных оговорок, т.е. действующих в соответствии со статьей 19, вопреки тому, что предусмотрено в пункте 1. По крайней мере можно сказать, что «статья 21 несколько туманна»²⁰¹⁵.

20) В этих условиях Комиссия сочла необходимым провести различие между нормами, применяемыми в отношении юридических последствий действительной оговорки²⁰¹⁶, предусмотренными – по крайней мере частично – в двух Венских конвенциях, и нормами, касающимися юридических последствий недействительной оговорки²⁰¹⁷.

21) Что касается заявлений о толковании, то их умолчание в Венских конвенциях²⁰¹⁸ распространяется, очевидно, и на их последствия, которые рассматриваются в разделе 4.7 части 4 Руководства по практике.

²⁰¹⁴ См. четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 55 англ. текста.

²⁰¹⁵ Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), р. 330.

²⁰¹⁶ См. разделы 4.1–4.4 Руководства по практике.

²⁰¹⁷ См. раздел 4.5.

²⁰¹⁸ См. пункт 1) комментария к руководящему положению 1.2 (Определение заявлений о толковании).

4.1 Вступление в действие оговорки в отношении другого государства или другой международной организации

Оговорка, сформулированная государством или международной организацией, действует в отношении договаривающегося государства или договаривающейся организации, если она является материально действительной и сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами и если это договаривающееся государство или договаривающаяся организация ее приняли.

Комментарий

1) Юридические последствия действительной оговорки зависят в значительной степени от реакции, которую она вызвала. Действительная и принятая оговорка порождает юридические последствия, отличающиеся от последствий, вызванных действительной оговоркой, против которой сформулировано возражение. Это различие ясно проводится в статье 21 Венских конвенций. В своей более полной редакции 1986 года, охватывающей последствия оговорок и реакции международных организаций, она гласит:

1. Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23:

a) изменяет для сделавшего оговорку государства или сделавшей оговорку международной организации в его/ее отношениях с этим другим участником положения договора, к которым относится оговорка, в пределах сферы действия оговорки; и

b) изменяет в той же мере указанные положения для этого другого участника в его отношениях со сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку международной организацией.

2. Оговорка не изменяет положений договора для других участников в их отношениях между собой.

3. Когда государство или международная организация, возражающее/возражающая против оговорки, не возражало/возражало против вступления в силу договора между собой и сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку организацией, то положения, к которым относится оговорка, не применяются между автором оговорки и возразившим против оговорки государством или возразившей против оговорки организацией в пределах сферы действия такой оговорки.

2) В то время как пункт 1 этого положения касается юридических последствий «действующей» оговорки – понятия, которое заслуживает разъяснений, – в пункте 3 речь идет о юридических последствиях оговорки, против которой сформулировано возражение. Поэтому следует проводить различие между случаем действительной и принятой оговорки, т.е. «действующей» оговорки, с одной стороны, и случаем действительной оговорки²⁰¹⁹, против которой сформулировано возражение, – с другой.

²⁰¹⁹ Следует подчеркнуть, что в пункте 3 статьи 21 речь не идет о действительности оговорки, против которой сформулировано возражение. Соответственно, нельзя а priori исключить, что это положение также применимо в случае возражения против недействительной оговорки; по этому вопросу см. пункты 9)–12) комментария к руководящему положению 4.5.2 ниже.

3) Принимая во внимание сомнения, которые могут возникать в отношении этой не определенной в Венских конвенциях терминологии, которая может создавать впечатление об искусственном создании новой категории оговорок, Комиссия сочла, что это понятие, использованное в пункте 1 статьи 21 Венских конвенций, не образуя особой категории оговорок, имеет важное значение для определения последствий оговорок. Поэтому представляется по крайней мере целесообразным попытаться разъяснить смысл этого выражения во вступительном разделе части Руководства по практике, посвященной последствиям оговорок.

4) Действительно, согласно первой фразе пункта 1 статьи 21 лишь действующая – в соответствии со статьями 19, 20 и 23 – оговорка порождает юридические последствия, предусмотренные в подпунктах *a)* и *b)* этого пункта. Для определения сферы применения пункта 1 статьи 21 в Венских конвенциях, однако, делается лишь несколько неуклюжая ссылка на положения о материальной действительности оговорок (статья 19), о принятии оговорок (статья 20) и о форме оговорок (статья 23), но при этом подробно не разъясняется связь между этими положениями. Поэтому представляется целесообразным определить, что представляет собой «действующая» оговорка по смыслу пункта 1 статьи 21, прежде чем рассматривать ее юридические последствия.

5) Согласно вступительной фразе пункта 1 статьи 21 Венских конвенций оговорка действует «в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23». Эта формулировка, которая на первый взгляд представляется ясной и зачастую толкуется как охватывающая действительные и принятые договаривающимся государством или договаривающейся организацией оговорки, таит в себе многочисленные неясности и неточности, обусловленные существенными изменениями, внесенными Комиссией во время второго чтения проектов статей о праве международных договоров в 1965 году, с одной стороны, и поправками, внесенными в пункт 4 *b)* статьи 20 Конвенции на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года, – с другой.

6) Во-первых, в связи со ссылкой на статью 23 в целом возникает проблема. Положения пунктов 3 и 4 статьи 23 не оказывают в реальности никакого влияния на вступление оговорки в действие. Они касаются лишь снятия оговорки и отсутствия необходимости подтверждать формулирование принятия или возражения в определенных случаях.

7) Во-вторых, сложно и даже невозможно определить связь, которая могла бы существовать между вступлением оговорки в действие и предусмотренными в пункте 4 *b)* статьи 20 последствиями возражения для вступления договора в силу. Возражение нельзя рассматривать как согласие на оговорку, поскольку оно, наоборот, направлено на то, чтобы «не позволить оговорке произвести желаемые последствия или иным образом [противодействовать]

оговорке»²⁰²⁰. Поэтому оговорка, против которой сформулировано возражение, не является, очевидно, действующей по смыслу пункта 1 статьи 21.

8) Изучение подготовительных материалов позволяет объяснить это «противоречие». Действительно, в принятых Комиссией проектах статей, где в статье 19 (ставшей позднее статьей 21) содержится та же ссылка, презумпция статьи 17 (пункт 4 *b*) будущей статьи 20) закрепляет принцип, согласно которому договор не вступает в силу между государством, сформулировавшим оговорку, и государством, возражающим против оговорки. Поскольку договор не вступает в силу, нет никакого смысла определять юридические последствия оговорки для содержания договорных отношений. В комментарии Комиссии, в частности, уточнялось: «В пунктах 1 и 2 этой статьи устанавливаются нормы о юридических последствиях оговорки, которая вступила в действие в соответствии с положениями статей 16, 17 и 18, при этом *договор считается вступившим в силу**»²⁰²¹. «Противоречие» возникло лишь на Конференции вследствие инверсии презумпции пункта 4 *b*) статьи 20 после принятия поправки, предложенной Советским Союзом²⁰²². Благодаря этой новой презумпции договор действительно сохраняет силу для государства – автора оговорки даже в случае формулирования простого возражения. Из этого все же не вытекает, что оговорка является действующей по смыслу статьи 21.

9) В своем первом докладе о праве международных договоров сэр Хэмфри Уолдок действительно принял во внимание условие согласия с оговоркой для того, чтобы она могла порождать последствия. Проект статьи 18, которую он предлагал посвятить «согласию на оговорки и [на] их последствия», гласил:

Поскольку оговорка направлена на изменение положений принятого договора, она порождает последствия лишь в отношении государства, которое дало или считается давшим согласие на оговорку в соответствии с положениями последующих пунктов настоящей статьи²⁰²³.

10) В своем консультативном заключении относительно *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* Международный Суд также выделил этот основополагающий принцип права оговорки или даже права международных договоров:

Прочно укоренилось, что в своих договорных отношениях государство не может быть связано обязательствами без его согласия, и как следствие никакая оговорка не может быть ему противопоставлена, если оно не дало на нее своего согласия²⁰²⁴.

²⁰²⁰ См. руководящее положение 2.6.1 (Определение возражений против оговорки).

²⁰²¹ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста, пункт 1) комментария к статье 19.

²⁰²² См. пункт 16) введения к части 4 Руководства по практике выше, и в частности сноску 2013 выше.

²⁰²³ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 61 англ. текста.

²⁰²⁴ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), р. 17. См. также Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance

Именно на эту идею ссылается пункт 1 статьи 21 Венских конвенций, и именно таким смыслом следует наделять ссылку на статью 20.

11) Таким образом, согласие на оговорку представляет собой условие *sine qua non* для того, чтобы она могла считаться действующей и порождать последствия. Однако, вопреки тому, что заявляли некоторые сторонники концепции «противопоставимости»²⁰²⁵, согласие является не единственным условием. Вводная часть пункта 1 статьи 21 касается в совокупности согласия на оговорку (ссылка на статью 20), материальной действительности (статья 19) и формальной действительности (статья 23). Получается, одного согласия недостаточно для того, чтобы оговорка порождала «нормальные» последствия. Необходимо также, чтобы оговорка была действительной по смыслу статьи 19 и была сформулирована с соблюдением предусмотренных в статье 23 норм в отношении процедуры и формы. Только это сочетание может «ввести в действие» оговорку. Такой позиции придерживался Межамериканский суд по правам человека в его консультативном заключении от 24 сентября 1982 года относительно *The effect of reservations on the entry into force of the American Convention on Human Rights (Последствия оговорки для вступления в силу Американской конвенции о правах человека)*. После анализа Венской системы (ясная ссылка на которую содержится в статье 75 Пакта Сан-Хосе, Коста-Рика), Суд сделал вывод о том, что «государства, ратифицирующие Конвенцию или присоединяющиеся к ней, могут это делать, формулируя любые оговорки, которые не являются несовместимыми с ее объектом и целью*»²⁰²⁶. Суд также счел, что Конвенция подразумевает принятие всех оговорок, не являющихся несовместимыми с ее объектом и целью.

12) Это обязательное сочетание действительности и согласия вытекает также из части пункта 1

of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 496–498, pp. 18–22.

²⁰²⁵ В противовес концепции «материальной действительности». Об этих двух концепциях см. вступительный комментарий к части 3 Руководства по практике (Материальная действительность оговорок и заявлений о толковании), в частности пункт 4); см. также первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к договорам, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 155–156, пункты 101–105; см. также Koh, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 1443 выше), pp. 71–116; Redgwell, «The Law of reservations...» (сноска 1590 выше), pp. 263–269; Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 73–82; Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties* (сноска 129 выше), p. 81, footnote 78; и Pellet, «1986 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 425–426, paras. 49–53.

²⁰²⁶ Межамериканский суд по правам человека, *The effect of reservations on the entry into force of the American Convention on Human Rights (arts. 74 and 75)*, консультативное заключение OC-2/82 от 24 сентября 1982 года, *Series A: Judgments and Opinions*, No. 2, para. 26. Тем не менее, исходя из особого характера Конвенции, Суд полагает, что оговорки к ней «не требуют принятия со стороны государств-участников» (*ibid.*, para. 37); в то же время, как затем уточняет Суд, это соображение касается лишь вступления в силу Конвенции (пункт 38, см. в этой связи комментарий к руководящим положениям 4.2.2 и 4.2.5 ниже).

статьи 21, где уточняется, что оговорка действует «в отношении другого участника». Следуя логике, оговорка не может быть действительна в отношении лишь другого участника. Она является действительной или не является таковой. Речь идет о вопросе, который не зависит в принципе от воли других договаривающихся государств или договаривающихся организаций²⁰²⁷, за исключением случая, когда они совместно решат «сделать действительной» оговорку²⁰²⁸. В то же время, действительная оговорка может быть противопоставлена лишь государствам и организациям, которые тем или иным образом дали на ее согласие. После такого принятия возникает именно двусторонняя связь между автором оговорки и договаривающимся государством или организацией, согласившимися с оговоркой. Оговорка действует лишь по отношению к этому участнику, и только в отношениях с ним она порождает последствия.

13) Поэтому представляется необходимым вновь подчеркнуть в Руководстве по практике, что вступление оговорки в действие вытекает из сочетания ее действительности и согласия с нею, выраженного другим договаривающимся государством или другой договаривающейся международной организацией. Однако Комиссия не сочла целесообразным всего лишь воспроизвести первые слова пункта 1 статьи 21, которые разъясняют смысл выражения «действующая оговорка» посредством ссылок на предшествующие данному положению другие положения Венских конвенций. В действительности руководящее положение 4.1 означает то же самое, но вместо того, чтобы сделать ссылки, оно описывает соответствующую суть этих положений: слова «если она является материально действительной» соответствуют ссылке на статью 19²⁰²⁹; слова «если она сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами» соответствуют содержащейся в пункте 1 статьи 21 ссылке на статью 23²⁰³⁰; и слова «если это договаривающееся государство или договаривающаяся организация ее приняли» – ссылке на статью 20.

14) Формулировка руководящего положения 4.1 имеет еще одно отличие от формулировки вступительной части пункта 1 статьи 21 Венских конвенций: вместо упоминания «другого участника»²⁰³¹ речь идет о случаях, когда «оговорка... действует в отношении договаривающегося государства или договаривающейся организации...». Причина этого заключается в том, что, тогда как статья 21 применима

к «реальным» последствиям оговорки и предполагает, что договор, которого она касается, уже вступил в силу, руководящее положение 4.1 ограничивается уточнением условий, при которых оговорка будет с правовой точки зрения *способна* порождать соответствующие желанию ее автора последствия, если и когда договор вступил или вступит в силу.

15) Руководящее положение 4.1 воспроизводит лишь общую норму и не отвечает в полной мере на вопрос о том, является ли оговорка действующей. Статья 20 Венских конвенций, пункт 4 которых определяет общеправовые последствия, касающиеся согласия с оговоркой, и является в этой связи основной гибкой Венской системы²⁰³², содержит исключения в отношении выражения согласия на оговорку другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями. Кроме того, в этом пункте 4 прямо уточняется, что он применяется лишь «в случаях, не подпадающих под действие предыдущих пунктов, и если договор не предусматривает иное». Вступление оговорки в действие и, в частности, требование о согласии следует, таким образом, адаптировать с учетом характера оговорки или договора, а также любого положения на этот счет, включенного в договор. Эти особые случаи, когда согласие других договаривающихся государств или договаривающихся организаций не является более необходимым или должно быть выражено единогласно либо коллективно, рассматриваются в руководящих положениях 4.1.1, 4.1.2 и 4.1.3.

16) Слова «в отношении» государства или международной организации, которые содержатся как в тексте руководящего положения 4.1, так и в его названии, ясно указывают на то, что данное положение касается обычных ситуаций, когда вступление оговорки в действие порождает лишь последствия для отношений между автором оговорки и государством или международной организацией, которые ее приняли, в противовес к особым возможным случаям, когда принятие со стороны другого договаривающегося государства или другой международной договаривающейся организации не является необходимым для того, чтобы оговорка могла порождать свои последствия (см. руководящие положения 4.1.1 и 4.1.3) или когда для этого требуется единогласное принятие оговорки всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями (см. руководящее положение 4.1.2).

17) Пункт 2 статьи 21 Венских конвенций касается, собственно говоря, не юридических последствий оговорки, а отсутствия юридических последствий оговорки для правовых отношений между договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, исключая автора оговорки, независимо от действующего или действительного

²⁰²⁷ См. руководящее положение 3.3.3.

²⁰²⁸ См. пункты 8)–13) комментария к руководящему положению 3.3.3.

²⁰²⁹ См. руководящее положение 3.1 (Материально действительные оговорки).

²⁰³⁰ См. руководящие положения 2.1.1 (Форма оговорок), 2.1.5 (Сообщение оговорок) и 2.2.1 (Официальное подтверждение оговорок, сформулированных при подписании договора). В целом, эта ссылка на «установленные процедуры» имеет отношение к процедурным требованиям, установленным в Венских конвенциях, в Руководстве по практике и, в надлежащих случаях, в самом договоре, к которому сформулирована оговорка.

²⁰³¹ «Оговорка, действующая в отношении другого участника* в соответствии со статьями 19, 20 и 23».

²⁰³² См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 207 англ. текста, пункт 21) комментария к статье 17. См. также Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 84, и Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), p. 490, para. 1.

характера этой оговорки. Этот вопрос рассматривается в разделе 4.6 Руководства по практике.

4.1.1 Вступление в действие оговорки, прямо разрешаемой договором

1. Оговорка, прямо разрешаемая договором, не требует никакого последующего принятия другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, если только договор не предусматривает такого принятия.

2. Оговорка, прямо разрешаемая договором, действует в отношении других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, если она сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами.

Комментарий

1) В руководящем положении 4.1.1 учитывается исключение из закрепленного в пункте 1 статьи 20 Венских конвенций общего правила о вступлении оговорок в действие посредством установления связи с термином «действующая оговорка». Действительно, поскольку оговорка, прямо разрешаемая договором, является по определению материально действительной и принятой договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, для введения ее в действие достаточно сформулировать ее в соответствии с нормами, касающимися формулирования оговорок и сообщения о них. Поэтому она является противопоставимой в отношении всех договаривающихся государств и договаривающихся организаций.

2) В соответствии с пунктом 1 статьи 20 Венских конвенций определенно допускаемые оговорки не требуют какого-либо «последующего» принятия договаривающимися государствами и договаривающимися организациями. В то же время этот пункт 1 не означает, что в отношении оговорки не действует требование относительно согласия на нее со стороны договаривающихся государств и договаривающихся организаций; в нем лишь выражается мысль о том, что поскольку упомянутые государства и организации дали в самом тексте договора это согласие еще до формулирования оговорки, то последующее принятие является излишним. К тому же, словосочетание «если только договор не предусматривает такого принятия», которое содержится в самом тексте этого положения²⁰³³, однозначно указывает на такое толкование. Лишь оговорки, действительно охватываемые

²⁰³³ Слова «если только договор не предусматривает иного» были включены Специальным докладчиком сэром Хэмфри Уолдоком для учета «возможности... когда договор явно допускает оговорки, но при условии, что они принимаются определенным числом или процентной долей участников» (четвертый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 50 англ. текста). Эта формулировка была немного изменена Редакционным комитетом (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 265 англ. текста, пункт 30). В 1966 году данная формулировка была еще раз незначительно изменена, и относительно причин этого изменения никаких разъяснений в кратких отчетах о заседаниях нет.

этим предварительным согласием, не нуждаются в последующем принятии и, соответственно, являются, следуя логике, действующими с момента, когда они сделаны в установленном порядке²⁰³⁴.

3) Проекты статей, принятые Комиссией во втором чтении в 1966 году, не ограничивают возможность принятия только оговорками, «определенно» допускаемыми договором, но и охватывают «имплицитно» допускаемые оговорки, причем в материалах Комиссии смысл этого понятия не разъясняется²⁰³⁵. На Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров несколько делегаций выразили сомнения относительно обоснованности этого решения²⁰³⁶, предложив поправки, предусматривающие исключение слов «или имплицитно»²⁰³⁷, и такое изменение было внесено²⁰³⁸. Уолдок, выполнявший функции эксперта-консультанта на Конференции, сам признал, что «слова "или имплицитно", содержащиеся в пункте 1 статьи 17, были, как представляется, сохранены в проекте, они взяты из предыдущих более подробных проектов, где речь шла об имплицитном запрещении и имплицитном допущении оговорок»²⁰³⁹. Таким образом, совершенно правильно в пункте 1 статьи 20 имплицитно допускаемые договором оговорки не упоминаются.

4) Если бы оказалось, как это предполагалось²⁰⁴⁰, что речь идет о случаях, когда договор запрещает определенные оговорки или определенные категории оговорок и тем самым допускает все иные, что означало бы инверсию презумпции подпункта b) статьи 19, то такое толкование сделало бы пункт 1 статьи 20 явно противоречащим статье 19. В таком случае было бы достаточно включить в договор клаузулу, запрещающую оговорки к какому-либо конкретному положению, для установления полной свободы делать любые иные оговорки, за исключением

²⁰³⁴ «Сделаны», а не «сформулированы», поскольку они порождают последствия без обязательного выполнения каких-либо дополнительных формальностей. См. пункт 6) комментария к руководящему положению 3.1 (Материально действительные оговорки).

²⁰³⁵ См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 202 англ. текста; см. также пункт 18) комментария к этой статье, который очень краток и мало что разъясняет, там же, стр. 207 англ. текста.

²⁰³⁶ См. выступления представителей Индии (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше), 24-е заседание, р. 128, para. 30), Соединенных Штатов (*ibid.*, р. 130, para. 53) и Эфиопии (*ibid.*, 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, р. 134, para. 15).

²⁰³⁷ См. поправки Туниса и Франции (A/CONF.39/C.1/L.113), Швейцарии (A/CONF.39/C.1/L.97) и Таиланда (A/CONF.39/C.1/L.150) (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), р. 135).

²⁰³⁸ Три поправки, предусматривающие исключение слов «или имплицитно» (предыдущая сноска), были приняты 55 головами против 18 при 12 воздержавшихся (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше), 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, р. 135, para. 30).

²⁰³⁹ *Ibid.*, 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, pp. 126–127, para. 14.

²⁰⁴⁰ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), р. 132.

определенно запрещенных; критерий объекта и цели договора был бы, таким образом, лишен всякого смысла²⁰⁴¹. Комиссия уже исключила подобное толкование в своем руководящем положении 3.1.3 (Материальная действительность оговорок, не запрещенных договором), где ясно говорится о том, что не запрещенные договором оговорки не являются *ipso facto* действительными и, соответственно, не могут тем более считаться действующими и принятыми в соответствии с самими положениями договора.

5) По тем же причинам и несмотря на отсутствие уточнений в Венских конвенциях на этот счет, общее разрешение оговорок в договоре не может являться принятием а priori любой оговорки со стороны договаривающихся государств и договаривающихся организаций. Из слов о том, что все участники вправе формулировать оговорки к договору, не может вытекать, что это право является неограниченным, и тем более то, что все таким образом сформулированные оговорки являются, вследствие включения в договор простой общей клаузулы, «действующими» по смыслу вступительной части пункта 1 статьи 21. Принятие неограниченного права формулировать оговорки в этих обстоятельствах лишило бы Венский режим всякого смысла. Подобные общие разрешения ограничиваются ссылками на общий режим, воплощением которого являются Венские конвенции и который исходит из основополагающего принципа о том, что участники договора имеют право формулировать оговорки.

6) Понятие прямо разрешаемой оговорки не является также идентичным или эквивалентным²⁰⁴² понятию конкретно определенной оговорки. Это весьма четко констатировал арбитражный суд, рассматривавший дело, касающееся *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*, в связи с толкованием статьи 12 Конвенции о континентальном шельфе 1958 года, пункт 1 которой гласит:

При подписании, ратификации или присоединении любое государство может сделать оговорки в отношении статей Конвенции, кроме статей 1–3.

Вне всяких сомнений, согласно этому положению любое государство может обусловить свое

²⁰⁴¹ См., в частности, критические замечания Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), p. 475.

²⁰⁴² Однако Эмбер утверждает, что определенные оговорки охватываются термином «определенно допускаемые оговорки». В поддержку этого толкования он заявляет, что пункт 1 статьи 20 никоим образом не ограничивает право договаривающихся государств возражать против определенно допускаемой оговорки, выражая лишь идею о том, что формулирующее оговорку государство становится договаривающейся стороной с момента сдачи на хранение его ратификационной грамоты или документа о присоединении (см. Imbert, «La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977...» (сноска 1016 выше), pp. 52–57). Автор не отрицает, что это решение явно противоречит положениям статьи 20, но оправдывает свой подход ссылками на материалы Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров. См. также пункт 11) комментария к руководящему положению 3.1.2.

согласие быть связанным положениями Конвенции о континентальном шельфе формулированием «конкретно определенной» таким образом оговорки, т.е. любой оговорки, которая касается статей 4–15, в соответствии со статьей 19 b) Венских конвенций. Это «разрешение», однако, не означает, что любая сформулированная таким образом оговорка будет обязательно действительной²⁰⁴³, тем более что другие участники согласились, через посредство пункта 1 статьи 12, на любые оговорки к статьям 4–15. Арбитражный суд счел, что это положение

не может быть истолковано как обязывающее государства заранее принимать любые оговорки ко всем статьям, кроме Статей 1, 2 и 3. Подобное толкование означало бы практически предоставление договаривающимся государствам права составлять их собственный договор²⁰⁴⁴.

7) Практика государств подтверждает обоснованность решения, принятого арбитражным судом. Тот факт, что 11 государств возразили против оговорок, сформулированных к Конвенции о континентальном шельфе²⁰⁴⁵, хотя эти оговорки касались только других статей, нежели статьи 1–3, исключительно о которых говорится в пункте 1 статьи 12 Конвенции, ясно указывает, какого толкования надо придерживаться.

8) Термин «оговорки, прямо разрешаемые договором», следует толковать ограничительным образом, чтобы соответствовать цели пункта 1 статьи 20. В связи с делом, касающимся *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* Арбитражный суд справедливо констатировал:

Только если бы данная Статья допускала формулирование [так сказано в оригинале] конкретных оговорок, можно было бы считать, что [так сказано в оригинале] участники Конвенции охотнее приняли определенную оговорку²⁰⁴⁶.

Для определения того, какие «прямо разрешаемые» оговорки не нуждаются в последующем одностороннем принятии, следует, соответственно, установить, на какие оговорки участники уже согласились в договоре. В этой связи отмечалось, что «в случае, когда содержание допускаемых оговорок определяется заранее, принятие можно обоснованно считать предоставленным заранее при формулировании согласия быть связанным договором»²⁰⁴⁷.

²⁰⁴³ См. руководящее положение 3.1.4 (Материальная действительность конкретно определенных оговорок) и комментариев к нему.

²⁰⁴⁴ Решение от 30 июня 1977 года, *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), p. 32, para. 39.

²⁰⁴⁵ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.4.

²⁰⁴⁶ Решение от 30 июня 1977 года, *Case concerning the delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), p. 32, para. 39.

²⁰⁴⁷ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 133.

9) Согласно этому мнению, пункт 1 статьи 20 охватывает два вида предварительных допущений, посредством которых участники не просто соглашаются с абстрактной возможностью формулировать оговорки, а заранее точно определяют те оговорки, какие могут быть сделаны. С одной стороны, оговорка, сделанная в соответствии с клаузулой об оговорках, которая разрешает участникам просто-напросто исключать применение какого-либо положения²⁰⁴⁸ или целой части договора²⁰⁴⁹, должна рассматриваться как «прямо разрешаемая оговорка». В этом случае другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации могут точно оценить при заключении договора, какими будут договорные отношения со сторонами, использующими возможность делать оговорки в соответствии с клаузулой об исключении. С другой стороны, «согласованные»²⁰⁵⁰ оговорки можно также рассматривать как конкретно определенные оговорки. Действительно, некоторые международные конвенции просто-напросто не разрешают государствам-участникам делать оговорки к тому или иному положению, а содержат исчерпывающий перечень оговорок, среди которых должны выбирать государства и международные организации²⁰⁵¹. Кроме того, эта процедура позволяет договаривающимся государствам и договаривающимся организациям точно и а priori оценивать воздействие и последствия оговорки для договорных отношений. Выражая свое согласие быть связанным конвенцией, государство или международная организация дают согласие на любую оговорку, допускаемую в «каталоге».

10) В этих двух случаях содержание оговорки является достаточно predetermined договором для того, чтобы эти оговорки могли рассматриваться как «прямо разрешаемые» по смыслу пункта 1 статьи 20 Конвенции. Договаривающиеся государства

²⁰⁴⁸ См., например, пункт 1 статьи 20 Конвенции, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, 1930 года: «Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может при подписании, ратификации или присоединении к настоящей Конвенции сделать ясно выраженную оговорку, исключающую применение какого-либо из положений, содержащихся в статьях 1–17 и 21». Зачастую договоры допускают оговорки, исключающие применение положения об урегулировании споров (см. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 169 (footnote 27), и Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 135–136).

²⁰⁴⁹ См. статью 38 пересмотренного Общего акта о мирном разрешении международных споров 1949 года, или статью 34 Европейской конвенции о мирном разрешении споров 1957 года. Конвенция МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения 1952 года сочетает эту возможность исключать применение целых глав с минимальным числом глав, которые должны на деле применяться (статья 2) (см. также статью 2 Конвенции МОТ № 128 о пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца 1967 года, статью 20 Европейской социальной хартии 1961 года или статью 2 Европейского кодекса социального обеспечения 1964 года). Кроме того, см. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 134.

²⁰⁵⁰ В отношении этого понятия см. пункт 10) комментария к руководящему положению 1.1.6. См. также Gormley, «The modification of multilateral conventions...» (сноска 115 выше), pp. 75–76; и Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 196–199.

²⁰⁵¹ О практике Совета Европы см. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 130–131.

и договаривающиеся организации заранее знают о договорных отношениях, которые вытекают из формулирования такой оговорки, и согласились с ними в самом тексте договора. Никакого сюрприза и никакого посягательства на принцип консенсуса нет.

11) Кроме того, Комиссия наметила критерий, позволяющий проводить различие между разными категориями определенных оговорок, дав определение понятия прямо разрешаемых оговорок в руководящем положении 3.1.4 (Материальная действительность конкретно определенных оговорок). В соответствии с этим положением:

Когда договор предусматривает формулирование конкретно определенных оговорок, не уточняя их содержания, оговорка может формулироваться государством или международной организацией, только если она не является несовместимой с объектом и целью договора.

Наоборот, определенная оговорка, содержание которой зафиксировано в договоре, считается *ipso facto* действительной и в силу определенно допускающей такие оговорки положения действующей.

12) В пункте 1 руководящего положения 4.1.1 воспроизводится текст пункта 1 статьи 20 Венской конвенции 1986 года. Хотя это напоминание не является абсолютно необходимым и провозглашаемый там принцип вытекает из внимательного чтения руководящего положения 4.1 и пункта 2 руководящего положения 4.1.1, оно соответствует установившейся практике, которой постоянно следует Комиссия и которая заключается в интеграции, по мере возможности, положений Конвенции в Руководство по практике. Также по этой причине Комиссия не изменила формулировку, несмотря на то, что словосочетание «если только договор не предусматривает такого принятия» представляется очевидным²⁰⁵².

13) В пункте 2 руководящего положения 4.1.1 излагается особая норма, применяемая в отношении вступления в действие оговорок, прямо разрешаемых договором, как исключение из закрепленного в руководящем положении 4.1 общего правила, с введением единственного условия, которое должно быть выполнено для того, чтобы прямо разрешаемая договором оговорка была действующей: она должна быть сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами²⁰⁵³.

14) В том и другом пункте, как, впрочем, во всех положениях, где используется данное словосочетание, «договаривающиеся государства и договаривающиеся организации» охватывают три возможных варианта: вариант, когда речь идет лишь о государствах; более редкий вариант, когда договаривающиеся сторонами являются только международные организации; и промежуточный вариант, когда есть

²⁰⁵² См., тем не менее, разъяснение сэра Хэмфри Уолдока (сноска 2033 выше); см. также D. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 540–541, para. 7.

²⁰⁵³ Что точно означают установленные «процедуры», см. сноска 2030 выше.

и договаривающиеся государства, и договаривающиеся организации.

15) Следует также подчеркнуть, что, как только ясно установлено, что соответствующая оговорка вписывается в рамки пункта 1 статьи 20, не только ее принятие другими сторонами не является необходимым, но и она считается действительно и окончательно принятой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одним из последствий такого особого режима является, в частности, то, что другие стороны не могут возражать против подобной оговорки²⁰⁵⁴. Предварительное принятие этой оговорки в самом тексте договора, действительно, не позволяет договаривающимся государствам и договаривающимся организациям формулировать впоследствии возражение. Действительно, «стороны заранее признали, что оговорка является действительной, и, подтвердив ее действительность в специальном соглашении, они лишились права возражать впоследствии против такой оговорки»²⁰⁵⁵. В поправке, предложенной Францией²⁰⁵⁶ на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, выразилась как раз та же идея, но она не была принята Редакционным комитетом. Таким образом, руководящее положение 2.8.13 (Окончательный характер принятия оговорки) тем более применимо в отношении определено допускаемых оговорок. Они считаются принятыми, и соответственно против них не могут быть сформулированы возражения.

4.1.2 Вступление в действие оговорки к договору, который должен применяться комплексно

Если из ограниченного числа участвовавших в переговорах государств и организаций и из объекта и целей договора явствует, что применение договора в комплексе между всеми его участниками является существенным условием согласия каждого участника на обязательность для него договора, оговорка к такому договору действует в отношении других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, если она является материально действительной и сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами и если все договаривающиеся государства и договаривающиеся организации ее приняли.

²⁰⁵⁴ См. Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), р. 84, или Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), р. 9.

²⁰⁵⁵ Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), pp. 84–85.

²⁰⁵⁶ A/CONF.39/C.1/L.169. Пункт 2 единой статьи, которая, согласно предложениям Франции, должна заменить статьи 16 и 17 проекта Комиссии международного права, предусматривал, что «против определенно допускаемой договором оговорки не могут быть сформулированы возражения со стороны других договаривающихся государств, если только это не предусмотрено договором» (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), р. 133).

Комментарий

1) Специфический случай, предусмотренный пунктом 2 статьи 20 Венских конвенций, касается оговорок к договорам, которые должны применяться комплексно. Это положение исключает применение гибкой системы к договорам, комплексное применение которых в отношениях между всеми сторонами является принципиально важным условием согласия каждого из них на обязательность договора. В таком случае каждая оговорка, чтобы стать действующей, требует ее единогласного принятия сторонами.

2) Хотя сэр Джеральд Фитцморис уже проводил разграничение между плюрилатеральными договорами, которые он считал более близкими к двусторонним договорам, с одной стороны, и многосторонними договорами, с другой стороны²⁰⁵⁷, интерес к такому разграничению четко проявился лишь в первом докладе сэра Хэмфри Уолдока. Будучи результатом компромисса между членами Комиссии, которые глубоко верили в достоинства традиционной системы единогласия, и сторонниками гибкой системы, предложенной сэром Хэмфри Уолдоком²⁰⁵⁸, нынешний пункт 2 статьи 20 в то время представлял собой последний бастион, который сторонники системы единогласия отказывались сдать. Сам принцип пункта 2 уже не вызывал споров ни в Комиссии в ходе обсуждения во втором чтении проекта Уолдока, ни на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров.

3) Главная проблема, однако, заключается не в принципе единогласного принятия оговорок (что давно практикуется), а в выявлении договоров, которые будут подпадать под действие защитительной клаузулы и поэтому применены к ним гибкой системы будет исключено. Вплоть до 1965 года специальные докладчики и Комиссия ссылались исключительно на критерий (малого) числа сторон²⁰⁵⁹. В своем четвертом докладе сэр Хэмфри Уолдок, учитывая критические замечания в отношении единственного критерия числа, признал, что невозможно с абсолютной точностью определить категорию соответствующих договоров²⁰⁶⁰. В то же

²⁰⁵⁷ См. первый доклад о праве международных договоров, подготовленный г-ном Дж.Г. Фитцморисом, *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 127 англ. текста, пункт 97.

²⁰⁵⁸ Специальный докладчик подчеркнул то обязательство, что «этот пункт [4] и пункт 2 обеспечивают баланс, на котором основана вся статья» (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 664-е заседание, 19 июня 1962 года, стр. 230 англ. текста, пункт 17). См. также выступления г-на Гро (там же, 663-е заседание, 18 июня 1962 года, стр. 228 и 229 англ. текста, пункт 97) и г-на Аго (там же, стр. 228 англ. текста, пункт 87).

²⁰⁵⁹ Это касается Дж.Г. Фитцмориса (проект статьи 38, первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1956 год*, том II, стр. 115 англ. текста) и сэра Хэмфри Уолдока (проект статьи 1, подпункт d), первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 31 англ. текста). В пункте 3 проекта статьи 20, принятой Комиссией международного права в первом чтении в 1962 году, говорится о договорах, заключенных «ограниченной группой государств» (там же, документ A/5209, стр. 176 англ. текста).

²⁰⁶⁰ См. *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 51 англ. текста, пункт 7.

время он предложил исходить из намерения сторон: «применение положений [договора] между всеми сторонами должно считаться принципиально важным условием [его] действительности»²⁰⁶¹. Таким образом, намерение сторон сохранить целостность договора представляет собой критерий, позволяющий исключить применение гибкой системы в пользу традиционной системы единогласия. Комиссия приняла эту идею, слегка изменив формулировку положения, которое стало нынешним пунктом 2²⁰⁶².

4) Между тем, небезыntenно отметить, что категория договоров, на которую распространяется это положение, вовсе не та же категория, которая имела в виду до 1962 года. Ссылка на намерение обладает двояким достоинством: с одной стороны, она включает в гибкую систему договоры, которые, хотя и заключены ограниченным числом государств, напоминают скорее общие многосторонние договоры, а с другой стороны, исключает договоры, заключенные более значительным числом государств, но характер которых требует сохранения целостности договора. Здесь наблюдается сползание концепции «плюрилатеральных договоров» в сторону концепции договоров, целостность которых должна быть сохранена²⁰⁶³.

5) Критерий числа все же не был полностью устранен и по-прежнему фигурирует в нынешнем пункте 2 статьи 20. Однако его функция изменилась: если в период до 1965 года он был призван самостоятельно определять, распространяется ли на договор гибкий режим, то в настоящее время он используется для уточнения критерия намерения сторон. Таким образом, он утратил свое влияние при определении характера договора, превратившись во вспомогательный критерий, но оставаясь при этом, к сожалению, неточным и трудно применимым²⁰⁶⁴.

6) Сэр Хэмфри Уолдок предлагал другие «вспомогательные» критерии, позволяющие точнее выявлять намерение сторон, которое предположительно по-прежнему трудно определить. Так, в своем четвертом докладе он ссылаясь также на характер договора и обстоятельства его заключения²⁰⁶⁵. Без каких-либо пояснений этой трансформации и несмотря на предложения Соединенных Штатов, которые неизменно хотели включить в определение характер

договора²⁰⁶⁶, объект и цель договора стали единственным другим «вспомогательным» критерием, который сначала приняла Комиссия, а затем Конференция Организации Объединенных Наций по праву договоров. Как и критерий числа, критерий объекта и цели договора²⁰⁶⁷ далеко не точен, и даже было сочтено, что, никак не позволяя уточнить толкование пункта 2, он делает его еще более случайным и субъективным²⁰⁶⁸.

7) Кроме того, неопределенной или по меньшей мере трудно определяемой является не только сфера применения пункта 2 статьи 20, но также применимый правовой режим. В силу этого положения оговорки должны быть приняты всеми участниками. Из этого можно сделать лишь два твердых вывода. Во-первых, такие оговорки не подчиняются гибкой системе, предусмотренной в пункте 4; это последнее положение к тому же подтверждает это, поскольку оно ограничивает сферу его применения «случаями, не подпадающими под действие предыдущих пунктов». Во-вторых, эти оговорки фактически подчинены требованию единогласного принятия, поскольку они должны быть приняты «всеми участниками».

8) Между тем пункт 2 статьи 20 четко не отвечает на вопрос о том, кто по сути должен принимать оговорку. В тексте этого положения, как известно, говорится об «участниках». Однако это никак нельзя считать удовлетворительным. Представляется сомнительным, что оговорку должны принимать только все «участники», т.е. в соответствии с определением пункта 1 g) статьи 2 все государства или международные организации, которые дали согласие на обязательность договора и в отношении которых договор вступил в силу. Это противоречит основополагающей идее, согласно которой договор должен применяться во всей полноте между всеми участниками, нынешними и будущими. Утверждать противное означало бы во многом лишать единогласное согласие его смысла.

9) Кроме того, хотя пункт 5 статьи 20 связывает принцип согласия, молчаливого или имплицитного, с пунктом 2, применение имплицитного принятия в рамках договоров согласно пункту 2 остается загадкой. Из пункта 5 статьи 20 по сути вытекает, что договаривающееся государство или договаривающаяся организация могут заявить возможное возражение

²⁰⁶¹ Там же, стр. 50 англ. текста (проект статьи 19, пункт 2).

²⁰⁶² См. *Ежегодник... 1965 год*, том I, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 258–260 англ. текста, пункты 36–53, и там же, 816-е заседание, 2 июля 1965 года, стр. 283–284 англ. текста, пункты 43–49.

²⁰⁶³ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 115.

²⁰⁶⁴ См., в частности, критические замечания Эмбера, *ibid.*, pp. 112–113. См. также внесенное Соединенными Штатами на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров предложение исключить ссылку на любой критерий, помимо критерия намерения, в силу этих трудностей, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session... (A/CONF.39/11)* (сноска 35 выше), 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, p. 108, para. 9.

²⁰⁶⁵ *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 51 англ. текста, пункт 7.

²⁰⁶⁶ См. поправку A/CONF.39/C.1/L.127, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (сноска 54 выше), p. 135.

²⁰⁶⁷ См. руководящие положения 3.1.5 (Несовместимость оговорки с объектом и целью договора) и 3.1.5.1 (Установление объекта и цели договора). В своем консультативном заключении от 24 сентября 1982 года Межамериканский суд по правам человека констатировал, что «пункт 2 Статьи 20 неприменим, в частности, потому, что объект и цель Конвенции заключаются не в обмене взаимными правами между ограниченным числом государств, а в защите прав человека всех лиц в Северной и Южной Америке без учета их гражданства» (*The effect of reservations on the entry into force of the American Convention on Human Rights (arts. 74 and 75)*) (см. сноску 2026 выше), para. 27).

²⁰⁶⁸ См. Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), p. 479, и Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 114–115.

лишь в момент, когда они становятся участником договора. Государство или организация, подписавшие договор с ограниченным числом участников, таким образом, могли бы блокировать единогласное принятие, даже если они не заявили формального возражения против оговорки, поскольку невозможно презюмировать их согласие до истечения 12-месячного срока. Таким образом, применение презумпции пункта 5 статьи 20 могло бы породить последствия как раз противоположные искомому: скорейшая стабилизация договорных отношений и статуса делающего оговорку государства по отношению к договору²⁰⁶⁹. Именно по этой причине Специальный докладчик в 1962 году заявил, что смягчение 12-месячного срока применительно к государствам, которые еще не стали участниками договора,

невозможно в случае плюрилатеральных договоров, поскольку в подобном случае опоздание одного государства с принятием решения ставит под вопрос статус государства, которое сформулировало оговорку, по отношению ко всем государствам, которые участвуют в договоре²⁰⁷⁰.

10) Эти пробелы и несоответствия тем более удивительны, если принять во внимание предложенный Уолдоком в 1962 году проект статьи 18, где проводится четкое разграничение между молчаливым и имплицитным принятием в случае «плюрилатеральных» договоров и многосторонних договоров²⁰⁷¹. Эти уточнения, которые прекрасно определяли правовой режим оговорок к договорам, о которых говорится в пункте 2 статьи 20, были, однако, отданы в жертву тому, чтобы сделать положения об оговорках менее сложными и более лаконичными.

11) С целью устранить эти сомнения в руководящем положении 4.1.2 уточняется, что применительно к этому виду договоров оговорка является действующей лишь «если все другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации ее приняли»; таким образом, охватываются все государства и международные организации, которые уже ратифицировали данный договор или которые это делают в течение 12 месяцев после формулирования оговорок.

12) Сравнительно сложная формулировка, которую Комиссия утвердила для руководящего положения 4.1.2, обусловлена ее стремлением по возможности максимально сохранить формулировку пункта 2 статьи 20, перечисляя исчерпывающим образом условия, необходимые для вступления в действие оговорок к данным договорам, и следуя в этой связи схеме руководящего положения 4.1.

13) Оба критерия, принятых для определения того, что речь идет о «договоре, который должен применяться комплексно» (ограниченное число

договаривающихся государств, а также объект и цель договора), носят индикативный и не обязательно собирательный и исчерпывающий характер.

4.1.3 Вступление в действие оговорки к учредительному акту международной организации

Когда договор является учредительным актом международной организации, оговорка к этому договору действует в отношении других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, если она является материально действительной и сформулирована в соответствии с установленной формой и процедурами и если она принята в соответствии с руководящими положениями 2.8.8–2.8.11.

Комментарий

1) Третье – и последнее – исключение из гибкого режима, закрепленного в пункте 4 статьи 20 Венских конвенций, предусмотрено в пункте 3 этого положения и касается учредительных актов международных организаций. Согласно этому положению:

Когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иного, оговорка должна быть принята компетентным органом этой организации.

2) Простое прочтение этого положения указывает на то, что для того, чтобы стать действующей, оговорка к учредительному акту международной организации должна быть принята компетентным органом этой организации. Порядок формулирования такого принятия устанавливается в руководящих положениях 2.8.8–2.8.11, в комментариях к которым разъясняется смысл этого положения и описывается подготовительная работа.

3) Как представляется, нет нужды снова напоминать о причинах, которые побудили Комиссию и Конференцию принять положение, содержащееся в пункте 3 статьи 20 Венских конвенций. Хотя руководящее положение 2.8.8 достаточно для выражения необходимости принятия оговорки компетентным органом организации, Комиссии показалось полезным напомнить об этом особом требовании в части, посвященной последствиям оговорок. Действительно, принятие оговорки компетентным органом является условием *sine qua non* для вступления в действие оговорки к учредительному акту международной организации. Только такое коллегиальное принятие может обеспечить порождение оговоркой всех ее последствий. Индивидуальное принятие другими членами организации, безусловно, не запрещается, однако оно не влияет на вступление оговорки в действие²⁰⁷².

²⁰⁶⁹ См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 502–503, paras. 41–42.

²⁰⁷⁰ Первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 67 англ. текста, пункт 16).

²⁰⁷¹ Там же, стр. 61–62 англ. текста.

²⁰⁷² См. руководящее положение 2.8.12 (Реакция члена международной организации на оговорку к ее учредительному акту). Руководящее положение 2.8.10 не препятствует государствам или международным организациям, являющимся членами международной организации, занимать позицию в отношении материальной действительности или уместности оговорки к учредительному акту организации. Такая позиция сама по себе не имеет юридических последствий.

4.2 Последствия действующей оговорки

Комментарий

1) «Действующая» оговорка по смыслу раздела 4.1 порождает все последствия, которые имел в виду ее автор, т.е. используя формулировку руководящего положения 1.1, исключение или изменение «юридического действия определенных положений договора (...) или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов». Таким образом, реализуется объект оговорки, который имел в виду ее автор или на который она «направлена».

2) Вступление оговорки в действие, однако, имеет не единственное последствие в виде изменения или исключения юридического действия одного или нескольких положений договора; она также превращает автора оговорки в договаривающееся государство или договаривающуюся организацию договора. После вступления оговорки в действие устанавливаются договорные отношения между автором оговорки и договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, в отношении которых действует оговорка. Она имеет последствия для статуса договаривающегося государства или договаривающейся организации (руководящее положение 4.2.1), вступления договора в силу (руководящее положение 4.2.2), существования договорных отношений между автором оговорки и сторонами, в отношении которых вступила в действие оговорка (руководящее положение 4.2.3) и для вытекающих из этого договорных отношений (руководящие положения 4.2.4 и 4.2.5).

4.2.1 Статус автора действующей оговорки

Как только оговорка становится действующей в соответствии с руководящими положениями 4.1–4.1.3, ее автор становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией договора.

Комментарий

1) Вступление оговорки в действие имеет для ее автора ряд последствий применительно к самому существованию договорных отношений и его статусу по отношению к другим договаривающимся государствам или договаривающимся организациям. Она даже может привести к вступлению в силу договора для всех договаривающихся государств или международных организаций. Эти последствия вытекают непосредственно из подпунктов *a)* и *c)* пункта 4 статьи 20 Венских конвенций: первое из этих положений касается установления договорных отношений между автором оговорки и договаривающимся государством или договаривающейся организацией, которое/которая ее приняло/приняла (т.е. договаривающимся государством или договаривающейся организацией, в отношении которого или которой оговорка действует), а второе касается вопроса о том, вступает ли в силу согласие сделавшего оговорку государства или международной организации или, иными словами, становится ли автор оговорки договаривающимся государством

или договаривающейся организацией договора. В Венской конвенции 1986 года эти положения сформулированы следующим образом:

4. В случаях, не подпадающих под действие предыдущих пунктов, и если договор не предусматривает иное:

a) принятие оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией делает государство или международную организацию, сформулировавшие оговорку, участником этого договора по отношению к принявшему оговорку государству или организации, если договор находится в силе или когда он вступает в силу для этого государства или организации;

b) ...

c) акт, выражающий согласие государства или международной организации на обязательность договора и содержащий оговорку, приобретает силу, как только по крайней мере одно из других договаривающихся государств или международных организаций примет эту оговорку.

2) В комментариях Комиссии к проекту статьи 17 (который стал статьей 20) четко поясняется цель этих положений:

В пункте 4 содержится три правила, которые составляют основу гибкой системы и которые должны регулировать положение договаривающихся государств по отношению к оговоркам ко всем многосторонним договорам, не упомянутым в предыдущих пунктах. В подпункте *a)* говорится, что принятие оговорки другим договаривающимся государством делает государство, сделавшее оговорку, участником договора по отношению к этому другому государству, если договор находится в силе или когда он вступает в силу [...] ²⁰⁷³.

Подпункт *c)* предусматривает, [...] что акт, выражающий согласие государства на обязательность для него договора и содержащий оговорку, приобретает силу, как только по крайней мере одно из других договаривающихся государств примет эту оговорку. Это – важное положение, поскольку оно определяет, в какой момент государство, сделавшее оговорку, может считаться ратифицировавшим или принявшим договор или каким-то иным образом связанным договором ²⁰⁷⁴.

3) Пункт 4 *a)* статьи 20 Венской конвенции 1969 года (суть которого приведена в руководящем положении 4.2.3) не решает вопроса о том, с какого момента автор оговорки может считаться входящим в круг договаривающихся государств или договаривающихся международных организаций. Пункт 4 *c)* был добавлен Комиссией в Конвенцию, с тем чтобы заполнить этот пробел. Как это пояснил в своем четвертом докладе сэр Хэмфри Уолдок:

Это не просто вопрос формулировки, поскольку речь идет об условиях, необходимых для того, чтобы государство, сделавшее оговорку, считалось «стороной» многостороннего договора в рамках «гибкой» системы. По сути не только правительство Австралии, но и правительство Дании настоятельно предлагают Комиссии занять четкую позицию, поскольку это именно тот вопрос, который важен для определения даты вступления договора в силу и который может обусловить трудности для депозитария. Специальный докладчик полагает, что с учетом «гибкой» системы положение является следующим: государство, которое формулирует оговорку, должно считаться «стороной» с того момента, когда одно из других государств, которое выразило свое

²⁰⁷³ Подпункт *b)* в первую очередь касается последствий выражения против действительной оговорки. В этой связи см. раздел 4.3 Руководства по практике ниже, и в частности руководящие положения 4.3.1 (Последствия возражения для вступления договора в силу между автором возражения и автором оговорки) и 4.3.5 (Невступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения с максимальным эффектом).

²⁰⁷⁴ См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 207 англ. текста, пункт 21) комментария к статье 17.

согласие на обязательность договора, примет эту оговорку либо прямо, либо молчаливо в соответствии с нынешним пунктом 3 статьи 19 (позднее пункт 4 новой статьи 20)²⁰⁷⁵.

4) Можно точно определить, становится ли – и если да, то когда – автор договаривающимся государством или договаривающейся организацией, т.е. «согласился ли он на обязательность для него договора, независимо от того, вступил договор в силу или нет» (пункт 1 *f*) статьи 2). Именно в этом заключается объект пункта 4 *c*) статьи 20, который ограничивается констатацией того, что «акт, выражающий согласие» автора оговорки «на обязательность для него договора и содержащий оговорку, приобретает силу»* с того момента, как только хотя бы одно из других договаривающихся государств примет оговорку».

5) Хотя, как представляется, пунктом 4 *c*) статьи 20 Венских конвенций четко установлено общее правило, согласно которому автор оговорки становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией, как только его действительная оговорка принята хотя бы одним договаривающимся государством или договаривающейся организацией, его практическое применение по-прежнему никак нельзя считать последовательным и тем более однородным. Главные стороны, заинтересованные в применении этого правила, т.е. депозитарии, почти всегда применяли его весьма приблизительно.

6) Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в качестве депозитария многосторонних договоров, например, исходит из того, что сданным на хранение является любой документ, выражающий согласие на обязательность договора с оговоркой, и, отказываясь занимать какую-либо позицию по вопросу о действительности или последствиях оговорки, «указывает дату, в которую этот документ, как правило, должен вступить в силу в соответствии с положениями договора, и [оставляет на усмотрение] каждой стороны извлечение из оговорок таких юридических последствий, которые она сочтет уместными»²⁰⁷⁶. Иными словами, Генеральный секретарь не ожидает выражения хотя бы одного принятия для признания окончательной сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о присоединении с оговоркой, а рассматривает эти документы как любые другие документы о ратификации или присоединения, к которым оговорка не сделано:

Поскольку Генеральный секретарь не должен занимать какую-либо позицию, он не может делать заявления относительно возможных последствий документа, содержащего оговорку, и в частности определять, вступает ли договор в силу в отношениях между государством, сделавшим оговорку, и другими государствами, или а fortiori между государством, сделавшим оговорку, и тем государством, которое сформулирует возражение против этой оговорки. Следовательно, если заключительные положения соответствующего договора предусматривают, что договор вступит в силу после сдачи на хранение определенному числу ратификационных грамот, документов об одобрении, принятии или присоединении, то Генеральный секретарь в качестве депозитария, как

правило, с учетом того, что говорится в следующем пункте, принимает во внимание при подсчете необходимого числа документов для вступления в силу, все документы, которые были приняты на хранение, независимо от того, сопровождалась ли оговорками или нет и были возможные оговорки предметом возражений или нет²⁰⁷⁷.

7) Такая позиция, вызвавшая критику²⁰⁷⁸ с учетом содержания пункта 4 *c*) статьи 20 Венских конвенций (рассматриваемого вместе с пунктом 5 статьи 20), была оправдана Генеральным секретарем, сославшись на тот факт, что

никогда не было такого, чтобы государство возражало против вступления в силу, ссылаясь на государства, сделавшие оговорки. Наконец, можно утверждать, что учет документа мог быть исключен только в случае, если, с одной стороны, все другие договаривающиеся государства, без исключения, заявили возражение против участия государства, сделавшего оговорку, и если, с другой стороны, все государства, заявившие возражения, прямо выразили желание, чтобы их возражения препятствовали вступлению в силу договора в отношениях между ними и государством, сделавшим оговорку²⁰⁷⁹.

8) В качестве примера можно привести недавний случай, когда Пакистан присоединился к Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма посредством уведомления от 17 июня 2009 года. Этот документ содержал оговорки к статьям 11, 14 и 24 Конвенции²⁰⁸⁰. Несмотря на эти оговорки, Генеральный секретарь в своем уведомлении о сдаче на хранение от 19 июня 2009 года заявил, что:

Конвенция вступит в силу для Пакистана 17 июля 2009 года в соответствии с пунктом 2 ее статьи 26, где говорится:

«Для каждого государства, которое ратифицирует, принимает, одобряет настоящую Конвенцию или присоединяется к ней после сдачи на хранение 22 ратификационных грамот или документов о принятии, одобрении или присоединении, Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение этим государством его ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении»²⁰⁸¹.

Таким образом, депозитарий счел, что документ Пакистана вступает в силу немедленно независимо от пункта 4 *c*) статьи 20 Венской конвенции 1969 года. Для депозитария Пакистан фигурирует в числе договаривающихся государств, т.е. сторон Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, независимо от вопроса о том, получили ли его оговорки признание хотя бы еще одного договаривающегося государства²⁰⁸².

²⁰⁷⁷ *Ibid.*, para. 184.

²⁰⁷⁸ См. Imbert, «À l'occasion de l'entrée en vigueur de la Convention de Vienne...» (сноска 601 выше), pp. 524–541; Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), pp. 323–324; Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 245–250; или Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 503–504, para. 43.

²⁰⁷⁹ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (сноска 75 выше), para. 186.

²⁰⁸⁰ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.11.

²⁰⁸¹ Депозитарное уведомление № C.N.371.2009.TREATIES-1, размещено на сайте <http://treaties.un.org> (*Depositary Notifications*).

²⁰⁸² См., например, оговорку Сальвадора при ратификации 27 мая 2008 года Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях. В уведомлении депозитария Генерального

²⁰⁷⁵ См. *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 52–53 англ. текста, пункт 11.

²⁰⁷⁶ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), para. 187.

9) Эта практика, которой, по всей видимости, следуют уже в течение многих лет и которая к тому же существовала задолго до принятия Венской конвенции 1969 года, применялась также и другими депозитариями, представленными как организациями, так и государствами. Так, столь разные депозитарии, как Доминиканская Республика или Совет Европы, в 1965 году ответила на вопросник Генерального секретаря о практике, применяемой депозитариями в отношении оговорок²⁰⁸³, что делающее оговорку государство «немедленно включается в число стран, необходимых для вступления конвенции в силу»²⁰⁸⁴, иными словами, с момента выражения им согласия на обязательность Конвенции, даже с учетом оговорки. Другие депозитарии, такие как Соединенные Штаты Америки, ОАГ и ФАО, сообщили о более сложной практике, не включающей, в принципе, делающие оговорки государства в число договаривающихся государств²⁰⁸⁵.

10) Не намереваясь высказывать мнение о достоинствах такой практики²⁰⁸⁶, Комиссия, тем не менее, полагает, что, несмотря на, мягко говоря, непоследовательное применение пункта 4 с) статьи 20 Венских конвенций, изложенное в этом положении правило не утратило своего авторитета. Оно несомненно является частью режима оговорок, установленного Венскими конвенциями 1969 и 1986 годов, который Комиссия в принципе решила дополнить, а не опровергать²⁰⁸⁷. Согласно пункту 4 с) статьи 20 Венских конвенций автор оговорки становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией, только когда хотя бы одно из других договаривающихся государств или других договаривающихся организаций примет эту оговорку, прямо (что бывает крайне редко) или молчаливо, по истечении срока, установленного в пункте 5 статьи 20 и воспроизведенного в руководящих положениях 2.6.12

(продолжение сноски 2082)

секретаря от 11 июня 2008 года указывается, что Сальвадор будет считаться государством-участником «на девяностый день после даты сдачи на хранение этим государством или этой организацией его документа о ратификации, принятии, одобрении или присоединении» в соответствии со статьей 26 этой Конвенции (С.N.436.2008.TREATIES-5), *ibid.*; см. также заявление Исламской Республики Иран, сопровождающее ее акт о присоединении к Конвенции о правах инвалидов и соответствующее уведомление депозитария (С.N.792.2009.TREATIES-37), *ibid.*; оговорки Пакистана к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, сопровождающие его документ о присоединении (сданный на хранение 23 июня 2010 года; уведомление депозитария С.N.406.2010.TREATIES-1), *ibid.*, или оговорку Узбекистана к Соглашению о создании Международного фонда сельскохозяйственного развития, сопровождающую его документ о присоединении от 19 февраля 2011 года (депозитарное уведомление С.N.78.2011.TREATIES-1), *ibid.*

²⁰⁸³ Депозитарная практика в связи с оговорками: доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение резолюции 1452 В (XIV) Генеральной Ассамблеи, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ А/5687, стр. 98 англ. текста.

²⁰⁸⁴ *Ibid.*

²⁰⁸⁵ *Ibid.*

²⁰⁸⁶ См. руководящее положение 4.2.2 и пункт 4) комментария к нему ниже.

²⁰⁸⁷ *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть вторая), стр. 113, пункт 481, см. также пункт 6) введения к настоящему Руководству по практике.

(Срок формулирования возражений) и 2.8.2 (Молчаливое принятие оговорок). Последствием строгого применения этого положения является в худшем случае задержка на 12 месяцев вступления договора в силу для автора оговорки. Такую задержку, конечно же, можно считать нежелательной; между тем, ее вызывает сам автор оговорки, и этот срок может быть сокращен посредством прямого принятия оговорки, выраженного хотя бы одним из других договаривающихся государств или одной из других договаривающихся организаций.

11) Это представляет собой общий случай. В то же время формулировка руководящего положения 4.2.1 охватывает как общий случай, так и особые случаи, предусмотренные в пунктах 1, 2 и 3 статьи 20 Венских конвенций. Поэтому в руководящем положении 4.2.1 не просто воспроизведено единственное условие наличия согласия одного из других договаривающихся государств или одной из других договаривающихся организаций, но говорится о вступлении в действие оговорки²⁰⁸⁸. Эта формулировка позволяет, например, при помощи одного положения охватить случай оговорки, вступление в действие которых не требует согласия другого участника, поскольку они прямо предусмотрены в договоре²⁰⁸⁹. Результатом введенной таким образом в действие оговорки будет то, что автор оговорки станет договаривающимся государством или договаривающейся организацией.

12) Такова, например, логика, которой следовал Межамериканский суд по правам человека в своем решении от 1982 года, где был сделан вывод о том, что государства, сформулировавшие оговорку, относятся к договаривающимся государствам или договаривающимся организациям начиная с даты ратификации. Конечно, эта логика основана на очень широком толковании понятия «оговорка, которая определено допускается» (пункт 1 статьи 20)²⁰⁹⁰. Тем не менее такой вывод в отношении последствий введенной в действие таким образом оговорки не вызывает противоречий.

Поэтому для целей данного анализа ссылка в Статье 75 Венской конвенции имеет смысл только в том случае, если ее трактовать как прямое разрешение, направленное на то, чтобы позволить государствам делать любые оговорки, которые они считают целесообразными, при условии, что эти оговорки не являются несовместимыми с объектом и целью договора. В этой связи можно считать, что на них распространяется пункт 1 Статьи 20 Венской конвенции и что по этой причине согласие какого-либо другого участника не является необходимым²⁰⁹¹.

13) В свете этих замечаний Комиссия сочла необходимым включить в Руководство по практике руководящее положение 4.2.1, которое должно если не воспроизводить пункт 4 с) статьи 20 слово в слово, то отражать его идею. Как только оговорка становится действующей по смыслу руководящих

²⁰⁸⁸ См. также пункты 2)–3) руководящего положения 4.2.3.

²⁰⁸⁹ См. руководящее положение 4.1.1 и пункты 1) и 15) комментария к руководящему положению.

²⁰⁹⁰ Межамериканский суд по правам человека, консультативное заключение ОС-228 от 24 сентября 1982 года, *The effect of reservations on the entry into force of the American Convention on Human Rights (arts. 74 and 75)* (см. сноску 2026 выше), para. 36.

²⁰⁹¹ *Ibid.*, para. 35.

положений 4.1–4.1.3, ратификационная грамота или документ о присоединении автора оговорки вступает в силу и превращает его в договаривающееся государство или в договаривающуюся организацию. Следствием этого является то, что автор оговорки становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией с вытекающими из этого последствиями, если договор еще не вступил в силу²⁰⁹², или участником договора, если он уже вступил в силу или вступает в силу на основании документа с выражением согласия на его обязательность²⁰⁹³.

4.2.2 Последствия действующей оговорки для вступления договора в силу

1. В случае, когда договор еще не вступил в силу, автор оговорки включается в число договаривающихся государств или договаривающихся организаций, требуемое для вступления договора в силу, как только оговорка становится действующей.

2. Однако автор оговорки может быть включен в число договаривающихся государств или договаривающихся организаций, требуемое для вступления договора в силу, до того, как оговорка станет действующей, если против этого не выступает ни одно договаривающееся государство или ни одна договаривающаяся организация.

Комментарий

1) Для применения общего правила, предусмотренного в руководящем положении 4.2.1, следует проводить различие между ситуацией, когда договор не вступил в силу, – что может приводить к возникновению достаточно сложных проблем, рассматриваемых в руководящем положении 4.2.2, – и ситуацией, когда договор вступил в силу, которая является гораздо менее проблематичной и рассматривается в руководящем положении 4.2.3.

2) Так, если договор еще не вступил в силу, то вступление в действие оговорки и действительность акта, посредством которого автор оговорки выразил свое согласие на обязательность договора, могут привести к вступлению договора в силу для всех договаривающихся государств и договаривающихся организаций, включая автора оговорки. Это происходит в случае, если вследствие вступления в действие оговорки добавление автора к числу договаривающихся государств или договаривающихся организаций привело к выполнению условий для вступления в силу договора. Это последствие в значительной степени зависит от конкретных обстоятельств, и в частности условий для вступления договора в силу, которые установлены в заключительных положениях, числа договаривающихся государств или договаривающихся организаций и т.п. Поэтому невозможно разработать общее правило на этот счет, кроме того, что автор действующей оговорки должен

быть включен в число договаривающихся государств или договаривающихся организаций, число которых определяет вступление договора в силу. Именно этот принцип отражен в пункте 1 руководящего положения 4.2.2.

3) Что касается пункта 2, то в нем рассматривается – без вынесения мнения в отношении ее обоснованности – весьма вероятно, преобладающая практика (которой, в любом случае, следует Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций и которая описана выше)²⁰⁹⁴, когда депозитарии рассматривают автора оговорки как договаривающееся государство или договаривающуюся организацию с момента сдачи на хранение документа с выражением его/ее согласия на обязательность договора без учета действительности или недействительности оговорки.

4) В формулировке пункта 2 отражено желание принять во внимание практику, которая до настоящего времени, по-видимому, не вызвала особых трудностей, при этом не ставя под сомнение совершенно ясное и не подверженное различным интерпретациям правило, содержащееся в пункте 4 с) статьи 20 Венских конвенций. Простое упоминание возможности соглашения между участниками, выступающими против этого правила, не позволило бы примирить эти две обеспокоенности: помимо того, что все руководящие положения Руководства по практике имеют лишь рекомендательный характер и что стороны могут отходить от них в соответствии с (действительным) согласием *inter se*, можно иметь серьезные сомнения в отношении того, что такое согласие может считаться достигнутым по простому факту молчаливого согласия со стороны других сторон. В этом духе Международный Суд в своем консультативном заключении от 1951 года отказался считать простой факт обращения к институциональному депозитарию согласием со всеми его правилами и видами практики:

Прежде всего, следует отметить, что существование какой-либо административной практики не является само по себе одним из убедительных элементов для оценки восприимчивости, которое могло сложиться у договаривающихся государств, стремящихся стать участниками Конвенции о геноциде, в отношении вытекающих из нее прав и обязанностей²⁰⁹⁵.

Аналогичным образом, Комиссия не сочла целесообразным сослаться на обычную практику депозитария без других уточнений²⁰⁹⁶, поскольку это может закрепить и стимулировать подачу жалоб против

²⁰⁹⁴ Пункты 6)–10) комментария к руководящему положению 4.2.1.

²⁰⁹⁵ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), п. 25.

²⁰⁹⁶ Более того, она дала это объяснение; см. руководящее положение 2.3.1 (Принятие последующего формулирования оговорки): «Если договор не предусматривает иного или если установившаяся практика депозитария не является иной*, последующее формулирование оговорки считается принятым только в том случае, если ни одно договаривающееся государство и ни одна договаривающаяся организация не выразило/не выразила несогласия с таким формулированием по истечении 12 месяцев с даты получения уведомления».

²⁰⁹² См. руководящее положение 4.2.2.

²⁰⁹³ См. руководящее положение 4.2.3.

такой практики, что противоречит букве и духу пункта 4 с) статьи 20 Венских конвенций.

5) В принятой формулировке, которая заключается в добавлении второго пункта, описана практика некоторых депозитариев, являющаяся альтернативой правилам. Выражение «однако... может быть принят в число...» отражает факультативный характер этой отличающейся практики, в то время как заключительное уточнение «если ни одно договаривающееся государство или договаривающаяся организация не высказывает возражений в данном конкретном случае» закрепляет применение принципа, содержащегося в первом пункте, если хотя бы одно договаривающееся государство или хотя бы одна договаривающаяся организация возражает против этого.

6) В этом случае выражение «в более раннюю дату» помогает сохранить большую гибкость для видов практики, которые могут применяться в будущем, и, например, возможность не исключения любой задержки в выражении автором оговорки своего согласия на обязательность договора и получении статуса договаривающегося государства или договаривающейся организации, а сокращения такой задержки до срока продолжительностью менее года. Но в этом случае такая практика будет зависеть от принципа отсутствия возражений.

4.2.3 *Последствия действующей оговорки для статуса ее автора в качестве участника договора*

Действующая оговорка превращает ее автора в участника договора применительно к договаривающимся государствам и договаривающимся международным организациям, в отношении которых действует оговорка, если договор вступил в силу или когда он вступит в силу.

Комментарий

1) Правило, согласно которому принятие действительной оговорки приводит к установлению договорных отношений между автором оговорки и государством или международной организацией, которые ее приняли, соответствует здравому смыслу. В разных формах оно фигурирует в проектах всех специальных докладчиков по вопросу о праве международных договоров. Единственное различие между подходом сэра Хэмфри Уолдока и подходом его предшественников заключается в количестве актов принятия, необходимых для того, чтобы получить этот результат. Будучи привержены традиционному режиму единогласия, первые три специальных докладчика допускали установление договорных отношений только после того, как все другие договаривающиеся государства и договаривающиеся организации примут оговорку. Согласно гибкому подходу сэра Хэмфри Уолдока, каждое государство (или каждая международная организация) не только индивидуально решает, может оговорка к нему применяться или не может; это индивидуальное принятие порождает также последствия независимо

от реакций других государств или международных организаций, но логически сугубо в двусторонних отношениях между автором оговорки и автором принятия. В своем комментарии к проекту статьи 20, принятом в первом чтении, Комиссия пояснила, что применение этой гибкой системы может

безусловно привести к тому, что государство, сделавшее оговорку, может стать участником договора по отношению к государству X, но не государству Y, хотя государства X и Y между собой будут связаны договором. Однако в случае общего многостороннего договора или договора, заключенного между большим числом государств, по мнению Комиссии, этот результат был бы столь же неудовлетворителен, как если бы позволить государству Y препятствовать своим возражением вступлению договора в силу между государством, сделавшим оговорку, и государством X, которое ее приняло²⁰⁹⁷.

2) Эта система «относительного» участия в договоре²⁰⁹⁸ применима, однако только в «нормальном» случае действия оговорки. Совершенно очевидно, что она не может применяться в случае, где для того, чтобы оговорка стала действующей, требуется единогласное принятие. Чтобы оговорка могла порождать свои последствия, в том числе вступление договора в силу для ее автора, все договаривающиеся государства и договаривающиеся организации должны с ней согласиться²⁰⁹⁹. Следовательно, договор вступает в силу непременно одинаковым образом для всех договаривающихся государств и договаривающихся организаций, с одной стороны, и автора оговорки, с другой стороны. Аналогичное решение запрашивается в случае оговорки к учредительному акту международной организации: только принятие оговорки компетентным органом может сделать ее действующей и обеспечить вхождение ее автора в круг договаривающихся государств и договаривающихся организаций²¹⁰⁰. После получения такого признания автор оговорки устанавливает договорные отношения со всеми другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, при этом их индивидуального согласия не требуется.

3) В подтверждение этих замечаний следует, однако, констатировать, что после того, как оговорка становится действующей в силу правил, закрепленных в руководящих положениях 4.1–4.1.3, в зависимости от характера оговорки и договора, возникают договорные отношения между автором оговорки и договаривающимся/договаривающимися государством/государствами (или договаривающимися организациями), в отношении которых действует оговорка: договаривающимся государством или договаривающейся организацией, которые приняли оговорку (в «нормальном» случае), всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями (в других случаях). Таким образом, достаточно напомнить это правило, которое является краеугольным камнем Венского режима, при этом нет нужды вновь проводить разграничение между

²⁰⁹⁷ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста, пункт 23) комментария. См. также *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 207–208 англ. текста, пункт 22) комментария к проекту статьи 17.

²⁰⁹⁸ Там же.

²⁰⁹⁹ См. руководящее положение 4.1.2 выше.

²¹⁰⁰ См. руководящее положение 4.1.3 выше.

общим правилом и исключениями из него. Текст руководящих положений 4.1–4.1.3 позволяет определить, в отношении кого оговорка действует и с кем установлены договорные отношения.

4) В руководящем положении 4.2.3 учтен этот принцип, который закреплен в руководящем положении 4.2.1, в том случае, когда договор находится в силе (или вступает в силу в соответствии с руководящим положением 4.2.2 или вследствие другой причины). В этом случае само собой разумеется, что автор действующей оговорки также сразу становится его участником в соответствии с пунктом 1 g) статьи 2 Венской конвенции 1986 года, а не только договаривающимся государством или договаривающейся организацией в соответствии с положением 1 f) той же статьи.

4.2.4 Последствия действующей оговорки для договорных отношений

1. Оговорка, действующая в отношении какого-либо другого участника, исключает или изменяет для государства или международной организации, являющихся автором оговорки, в отношениях с этим другим участником юридическое действие положений договора, которых касается оговорка, или договора в целом применительно к определенным конкретным аспектам в пределах сферы действия этой оговорки.

2. В той степени, в какой действующая оговорка исключает юридическое действие определенных положений договора, автор этой оговорки не имеет ни прав, ни обязательств согласно этим положениям в его отношениях с другими участниками, применительно к которым действует эта оговорка. Аналогичным образом, эти другие участники не имеют ни прав, ни обязательств согласно этим положениям в их отношениях с автором оговорки.

3. В той степени, в какой действующая оговорка изменяет юридическое действие определенных положений договора, ее автор имеет права и обязательства согласно этим положениям, как они были изменены данной оговоркой, в его отношениях с другими участниками, применительно к которым действует эта оговорка. Эти другие участники имеют права и обязательства согласно этим положениям, как они были изменены данной оговоркой, в их отношениях с автором оговорки.

Комментарий

1) Три пункта руководящего положения 4.2.4 предусматривают следующее:

– в первом пункте закреплен с необходимыми поправками с учетом Руководства по практике принцип, предусмотренный в пункте 1 a) статьи 21 Венских конвенций;

– во втором пункте уточнены последствия применения этого принципа в случае, когда оговорка исключает юридическое действие определенных положений договора; и

– в третьем пункте закреплен тот же принцип в случае, когда оговорка изменяет это юридическое действие.

2) Во всех трех случаях (и в самом заголовке руководящего положения) Комиссия использовала единственное число для определения всей совокупности последствий, связанных с вступлением в действие оговорки, хотя на самом деле они бывают разными, с целью сделать формулировку этого руководящего положения аналогичной формулировке пункта 1 d) статьи 2 Венских конвенций (использованной в руководящем положении 1.1). В этом положении также проводится различие между оговорками, которые направлены на то, чтобы «исключить», и теми, которые направлены на то, чтобы «изменить юридическое действие определенных положений договора», в то время как в пункте 1 статьи 21 указывается, что оговорка «изменяет... положения договора, к которым относится оговорка», не предусматривая исключения. Тем не менее невозможно просто сопоставить действие оговорок «изменяющих» и оговорок «исключающих».

3) Для дальнейшего уточнения содержания обязательств и прав автора оговорки и государства или международной организации, в отношении которых оговорка действует, целесообразно провести разграничение между (употребляя терминологию Хорна), с одной стороны, «изменяющими оговорками» и, с другой стороны, «исключающими оговорками»²¹⁰¹. Безусловно, провести такое разграничение не всегда просто, и может случиться, что одна и та же оговорка имеет одновременно и исключающее, и изменяющее действие. Так, оговорка, посредством которой ее автор пытается ограничить сферу применения договорного обязательства только какой-либо определенной категорией лиц, может быть понята и как изменяющая оговорка (она изменяет юридическое действие первоначального обязательства, ограничивая круг соответствующих лиц), и как исключающая оговорка (она предназначена для исключения применения договорного обязательства для всех лиц, которые не входят в установленную категорию)²¹⁰². Может также случиться, что исключающая оговорка имеет косвенное изменяющее действие. Именно для учета такой двойственности пункты 2 и 3 начинаются с выражения «В той степени, в какой...». Это разграничение позволяет, однако, более четко выявить два наиболее распространенных случая. Подавляющее большинство оговорок можно отнести к

²¹⁰¹ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 80–87.

²¹⁰² См., например, оговорку Египта к Венской конвенции о консульских сношениях: «Статья 49 о налоговых изъятиях применяется только к консульским должностным лицам, их супругам и их несовершеннолетним детям. Это изъятие не может распространяться на консульских служащих и на обслуживающий персонал» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.6).

одной или к другой из этих категорий или по крайней мере понять с учетом этого разграничения.

4) В пункте 1 а) статьи 21 Венских конвенций в целом указывается, какое влияние действующая оговорка оказывает на конвенционные отношения ее автора. В Венской конвенции 1986 года это положение звучит следующим образом:

Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23:

а) изменяет для сделавшего оговорку государства или сделавшей оговорку международной организации в его/ее отношениях с этим другим участником положения договора, к которым относится оговорка, в пределах сферы действия оговорки;

5) Кроме отсутствия какого-либо упоминания об исключаящих оговорках, которые в то же время включены в само определение этих документов, может быть отмечено другое, более серьезное противоречие между определением термина «оговорка» в Венских конвенциях и последствиями, предусмотренными в пункте 1 статьи 21: тогда как согласно статье 21 оговорка изменяет «положения договора», цель оговорки согласно пункту 1 d) статьи 2 заключается в том, чтобы изменить или исключить «юридическое действие определенных положений договора». Эта проблема не осталась незамеченной в ходе обсуждения в Комиссии: одни члены Комиссии настаивали на том, что оговорка не может менять положения договора и что было бы предпочтительнее заменить слова «положения договора» словами «применение договора»²¹⁰³, другие не придавали этому особого значения²¹⁰⁴ или выражали удовлетворение текстом, который предложил Редакционный комитет²¹⁰⁵.

6) В литературе вопрос об изменении «положений договора» или их «юридических последствий» был поставлен с большей определенностью. Профессор Эмбер полагает, что

[C]'est précisément le lien établi par les rédacteurs de la Convention de Vienne entre la réserve et les dispositions d'une convention qui nous semble le plus critiquable. En effet, une réserve ne tend à éliminer une *disposition* mais une *obligation*.

[Именно связь, установленная составителями Венской конвенции, между оговоркой и положениями Конвенции, представляется наиболее безупречной. Оговорка предназначена для исключения не *положения*, а *обязательства*]²¹⁰⁶.

Однако в этом мнении последствия оговорки рассмотрены только с точки зрения автора оговорки и, судя по всему, упущен тот факт, что, изменяя

²¹⁰³ Г-н Розенн (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 172 англ. текста, пункт 9, и 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 271 англ. текста, пункт 2) и г-н Цуруока (там же, стр. 272 англ. текста, пункт 16).

²¹⁰⁴ Г-н Тункин «отметил, что не столь важно, как написано в тексте: "изменяет положения договора" или "изменяет применение положений договора"» (там же, стр. 271 англ. текста, пункт 9). В том же духе см. г-н Бриггс (там же, стр. 272 англ. текста, пункт 13).

²¹⁰⁵ См. г-н Бриггс (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 173 англ. текста, пункт 28).

²¹⁰⁶ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 15.

обязательство автора, оговорка также оказывает воздействие на корреспондирующие права государств или международных организаций, в отношении которых сделана эта оговорка. В этой связи более убедительным был бы вывод о том, что в отношении данного вопроса пункт 1 d) статьи 2 Венской конвенций 1969 и 1986 годов составлен лучше, чем пункт 1 статьи 21: непонятно, почему оговорка, будучи *внешним* по отношению к договору инструментом, могла бы изменять *его положение*; она может исключать или изменять его применение, его юридическое действие, но не сам текст, не положение²¹⁰⁷.

7) Между тем, текст пункта 1 d) статьи 2 также не представляется полностью соответствующим практике государств в области оговорок, поскольку в нем уточняется, что оговорка может быть направлена только на исключение или изменение «юридического действия определенных положений договора»²¹⁰⁸. Нередки случаи, когда государства формулируют оговорки, с тем чтобы изменить применение договора в целом или по крайней мере применение какой-либо значительной его части. В некоторых случаях такие оговорки, безусловно, не могут считаться действительными, поскольку они устраняют из договора его объект и цель, что лишает их статуса «действующих оговорок»²¹⁰⁹. Однако это не всегда так, и практике известны многочисленные примеры таких сквозных оговорок, которые не стали объектом возражений или протестов со стороны других договаривавшихся государств²¹¹⁰. Пункт 1 а) статьи 21 представляется в этом смысле более открытым, поскольку в нем говорится лишь, что оговорка изменяет [или исключает] «положения договора, к которым относится оговорка, в пределах сферы действия оговорки». Таким образом, если оговорка может быть правомерно направлена на изменение юридических последствий положений договора в целом применительно к конкретным аспектам, как Комиссия это четко указала во втором пункте руководящего положения 1.1 (Определение оговорок), то ее последствием после того, как она станет действующей, будет изменение применения всех этих положений в соответствии с пунктом 1 статьи 21, и даже, в зависимости от случая, положений договора в целом²¹¹¹.

²¹⁰⁷ См. пункт 16) комментария к руководящему положению 1.1.

²¹⁰⁸ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 14–15, и Szafarz, «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 296. См., однако, D. N. Hylton, который утверждает, что «[о]говорки изменяют действие договора только в отношении конкретных положений» («Default breakdown: the Vienna Convention on the Law of Treaties: inadequate framework on reservations», *Vanderbilt Journal of International Law*, vol. 27, No. 2 (1994), p. 422).

²¹⁰⁹ См. руководящее положение 3.1.5 (Несовместимость оговорки с объектом и целью договора) и комментарий к нему и пункты 19)–20) комментария к руководящему положению 1.1.

²¹¹⁰ Пункт 18) комментария к руководящему положению 1.1.

²¹¹¹ «Mediante le riserve, gli Stati possono produrre l'effetto di restringere il campo d'applicazione materiale o soggettivo della convenzione, fino all'esclusione di una o più disposizioni dell'accordo o alla non applicazione per determinati soggetti, oppure manifestare la volontà di accettare le disposizioni con modalità restrittive o con limiti di ordine temporale o territoriale» [«Посредством оговорки государства могут сокращать материальную или

8) Отсюда следует, что правомерно действующая оговорка влияет на договорные отношения автора оговорки в том смысле, что она исключает или изменяет юридические последствия одного или нескольких положений договора и даже всего договора в отношении определенного конкретного аспекта и на основе взаимности²¹¹².

9) В соответствии с укоренившейся практикой, которой следует Комиссия в рамках Руководства по практике, в пункте 1 руководящего положения 4.2.4 в значительной мере воспроизводится текст пункта 1 а) статьи 21 Венской конвенции 1986 года, в который внесены изменения, необходимые в силу изложенных выше соображений:

- включение «исключающих» оговорок;
- то обстоятельство, что оговорка изменяет не «положения договора», а их юридическое действие; и
- она может изменять такое действие не только применительно к конкретным положениям, но и к «договору в целом в отношении определенных конкретных аспектов».

10) Следующие два пункта, посвященные, соответственно, дальнейшему разъяснению изменяющих и исключаящих последствий действующих оговорок, построены аналогичным образом. Первое предложение каждого из них касается прав и обязательств (или отсутствия прав и обязательств) автора оговорки. Второе предложение касается прав и обязательств других сторон договора, в отношении которых оговорка является действующей, и при этом воспроизводит принцип, закрепленный в пункте 1 b) статьи 21 Венских конвенций, и устанавливает принцип взаимности в применении оговорки.

11) В пункте 2 руководящего положения 4.2.4 излагаются последствия действующей оговорки, когда она исключает юридическое действие одного или нескольких положений договора.

12) Примеров можно привести множество²¹¹³. Особенно часто исключаящая оговорка используется в отношении обязательных процедур урегулирования споров. Так, Пакистан при присоединении к Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 17 июня 2009 года уведомил Генерального

секретаря Организации Объединенных Наций о следующей оговорке:

Правительство Исламской Республики Пакистан не считает себя связанным положениями пункта 1 статьи 24 Конвенции [...]. Правительство Исламской Республики Пакистан объявляет, что спор может быть передан в Международный Суд только в случае, если все присутствующие стороны дали согласие на рассмотрение соответствующего дела²¹¹⁴.

13) Большое число оговорок нацелено также на исключение применения материальных положений договора. Например, Египет сформулировал оговорку к Венской конвенции о дипломатических сношениях с целью исключить юридическое действие пункта 2 статьи 37:

Пункт 2 статьи 37 не применяется²¹¹⁵.

В свою очередь Куба сделала оговорку с целью исключить применение пункта 1 статьи 25 Конвенции о специальных миссиях:

Революционное правительство Республики Куба делает прямую оговорку в отношении третьего предложения пункта 1 статьи 25 и вследствие этого не соглашается с тем, что согласие главы специальной миссии может считаться полученным ни в случаях, указанных в этом пункте, и ни в каких других случаях²¹¹⁶.

Другой пример: правительство Руанды сформулировало оговорку к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации следующего содержания:

Руандийская Республика не считает себя связанной статьей 22 указанной Конвенции²¹¹⁷.

14) Применение пункта 1 а) статьи 21 Венских конвенций к оговоркам такого рода осуществляется относительно легко. Действующая оговорка изменяет юридическое действие договорного положения, затрагиваемого оговоркой, «в пределах сферы действия оговорки», т.е. просто-напросто исключая всякое юридическое действие этого договорного положения. После того как оговорка становится действующей, все происходит таким образом, как если бы договор не включал положения, которого касается оговорка, в договорных отношениях между автором оговорки и сторонами, в отношении которых она является действующей. Таким образом, исключаящие оговорки создают «*contraregulatory effect*»²¹¹⁸ [дерегулирующий эффект]. Автор оговорки более не связан обязательством, вытекающим из затронутого

субъективную сферу действия договора вплоть до исключения одного или нескольких положений договора или его неприменения к определенным вопросам, или также могут демонстрировать волю к принятию положений договора в ограничительном порядке или же посредством установления временных или территориальных пределов»] (P. de Cesari, «Riserve, dichiarazioni e facoltà nelle Convenzioni dell'Aja di diritto internazionale privato», *Comunicazioni e Studi*, vol. 22 (2002), p. 167, para. 8).

²¹¹² По вопросу взаимности см. руководящее положение 4.2.5 и комментарий к нему ниже.

²¹¹³ См. также руководящее положение 1.1.6 (Оговорки, формулируемые в соответствии с положениями, прямо разрешающими исключение или изменение определенных положений договора) и комментарий к нему.

²¹¹⁴ *Multilateral treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.11. См. также аналогичные оговорки Алжира, Андорры, Бангладеш, Бахрейна, Египта, Китая, Колумбии, Кубы, Объединенных Арабских Эмиратов, Сальвадора, Саудовской Аравии, Соединенных Штатов Америки и т.д. (*ibid.*). Кроме того, см., например, весьма многочисленные оговорки, исключаящие применение статьи IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (*ibid.*, chap. IV.1).

²¹¹⁵ *Ibid.*, chap. III.3. См. также оговорку, сформулированную Марокко (*ibid.*).

²¹¹⁶ *Ibid.*, chap. III.9.

²¹¹⁷ *Ibid.*, chap. IV.2; см. также дело, касающееся *Armed Activities on the Territory of the Congo*, постановление от 3 февраля 2006 года (сноска 1600 выше), p. 26, paras. 42–44.

²¹¹⁸ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 84.

договорного положения, что никак не препятствует тому, чтобы он выполнял это положение (и был им связан, в соответствующих случаях, если договорная норма закрепляет обычно-правовое обязательство). Следовательно, по логике вещей другие государства или международные организации, в отношении которых оговорка является действующей, отказались от своего права требовать исполнения обязательства, вытекающего из затронутого договорного положения, в своих договорных отношениях с автором оговорки.

15) В пункте 2 руководящего положения 4.2.4 изложено такое последствие исключаящих оговорок в простых понятиях, с тем чтобы не оставлять каких-либо сомнений в том, что автор оговорки не связан никаким обязательством, вытекающим из положения, которого касается исключаящая оговорка, и не может воспользоваться никаким вытекающим из него правом. И, как указывает выражение «аналогичным образом», с которого начинается второе предложение этого пункта, то же самое, по аналогии, относится к другим сторонам договора, в отношении которых оговорка является действующей.

16) Вместе с тем следует отметить, что исключение посредством оговорки обязательства, вытекающего из договора, автоматически не означает, что автор оговорки отказывается это обязательство выполнять. Автор оговорки может просто стремиться к тому, чтобы исключить применение договорного обязательства в правовых рамках, установленных договором. Государство или международная организация вполне могут быть согласны с правилом, закрепленным в каком-либо положении договора, и в то же время не признавать компетенцию договорного органа или судебной инстанции принимать решения по любому спору, касающемуся применения и толкования этого правила. Хотя автор оговорки сохраняет полную свободу действий в плане соблюдения обязательства, установленного в рамках договора, он тем не менее исключает применение к нему контрольных механизмов, установленных этим договором²¹¹⁹.

17) Конкретное последствие изменяющей оговорки (ситуация, предусмотренная в пункте 3 руководящего положения 4.2.4) носит существенно иной и более сложный для уяснения характер. В отличие от автора исключаящей оговорки, автор изменяющей оговорки не стремится освободиться от своих обязательств, вытекающих из одного или нескольких договорных положений, с тем чтобы получить свободу действий в этих договорно-правовых рамках. Он скорее стремится заменить обязательство, вытекающее из договора, другим, отличным обязательством.

18) Посредством такой оговорки, после того как она стала действующей, автор намеревается не просто освободиться от любого договорного обязательства, вытекающего из положения, к которому

относится оговорка. Последствием оговорки является замена первоначально предусмотренного в договоре обязательства другим обязательством, которое предусмотрено оговоркой. Иными словами, обязательство, вытекающее из положения договора, на которое направлена оговорка, заменяется или изменяется обязательством, которое изложено в оговорке, применительно к договорным отношениям между ее автором и государствами или международными организациями, в отношении которых действует оговорка. Или, точнее, действующая оговорка ведет к замене обязательства и корреспондирующего права, вытекающего из положения договора, затронутого обязательством и корреспондирующим правом и предусмотренного оговоркой или вытекающего из положения договора, измененного оговоркой.

19) Между тем, такая замена обязательств может иметь последствия только для автора оговорки или же для других участников, в отношении которых оговорка является действующей. Выражение «измененным данной оговоркой», повторяющееся дважды в пункте 3 и относящееся как к правам и обязательствам автора оговорки, так и к правам и обязательствам других участников, в отношении которых оговорка является действующей, преследует цель обратить внимание на разнообразие этих последствий.

20) Примером изменяющей оговорки первого вида (т.е. оговорок, которые изменяют только права и обязательства автора оговорки по отношению к другим участникам без ущерба для содержания прав и обязательств этих участников) может служить оговорка Федеративной Республики Германии к Конвенции о психотропных веществах:

В Федеративной Республике Германии вместо регистрации, о которой говорится [в пункте 2 статьи 11 указанной Конвенции], изготовители, оптовые распределители, экспортеры и импортеры должны конкретно пометать те позиции в своих счетах-фактурах, которые содержат вещества и препараты, включенные в список III. Счета-фактуры и упаковочные бланки, содержащие такие позиции, должны храниться этими лицами в течение как минимум пяти лет²¹²⁰.

Таким образом, данной оговоркой Германия намерена не только исключить применение пункта 2 статьи 11 Конвенции о психотропных веществах, но и заменить обязательство, вытекающее из этого положения, другим, отличным обязательством, которое применяется только к автору оговорки.

21) То же самое можно сказать в отношении оговорки Финляндии к статье 18 Конвенции о дорожных знаках и сигналах 1968 года, четко указывающей на то, что автор оговорки не просто освобождает себя от обязательства, которое возложено на него в силу договора, а заменяет, по крайней мере в отдельных случаях, это обязательство другим обязательством без изменения каким бы то ни было образом прав и обязательств других участников:

Финляндия резервирует за собой право не использовать знаки E,9a или E,9b при въезде в населенные пункты или

²¹¹⁹ См. также руководящее положение 3.1.5.3 (Оговорки к положению, отражающему обычную норму) и комментарий к нему, в частности пункт 7) комментария.

²¹²⁰ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. VI.6.

сигналы E,9c или E,9d при выезде из населенных пунктов. Вместо этих знаков используются символы. Вместо знака E,9b для обозначения названия используется другой знак, однако он не имеет того же значения, что и знак E,9b²¹²¹.

22) В отличие от этого, оговорка Израиля в отношении Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море и Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, касающаяся статей об отличительном знаке медицинского персонала²¹²², даже если она непосредственно изменяет смысл указанных положений вроде бы только по отношению к самому Израилю, налагает соответствующие обязательства на других участников, в отношении которых она является действующей. Она гласит:

С той оговоркой, что, уважая неприкосновенность эмблем и отличительных знаков, установленных Конвенцией, Израиль будет использовать Красный Щит Давида в качестве эмблемы и отличительного знака медицинской службы своих вооруженных сил²¹²³.

Тем же самым, Израиль устанавливает для других участников, в отношении которых данная оговорка является действующей, первоначально незапланированное обязательство уважать новую эмблему в своих отношениях с ним.

23) Кроме того, оговорки Союза Советских Социалистических Республик в отношении, соответственно, статьи 9 Женевской конвенции об открытом море 1958 года²¹²⁴ и статьи 20 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне²¹²⁵ были явно направлены на установление договорного режима, возлагающего на другие стороны этих конвенций обязательства, которые они на себя не брали при их ратификации или присоединении к ним. Аналогичные замечания²¹²⁶ можно сделать в отношении оговорок

²¹²¹ *Ibid.*, chap. XI.B.20.

²¹²² Эта оговорка была сделана после отклонения поправки Израиля на Дипломатической конференции 1949 года о включении красного щита Давида в перечень отличительных знаков медицинского персонала. В этой связи Израиль сформулировал общую оговорку при подписании Женевских конвенций (8 декабря 1949 года), которую он подтвердил при ратификации (6 июля 1951 года).

²¹²³ United Nations, *Treaty Series*, vol. 75, p. 436.

²¹²⁴ «Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает, что принцип международного права, согласно которому в открытом море судно подчиняется юрисдикции лишь того государства, под флагом которого оно плавает, относится без каких-либо ограничений ко всем государственным судам» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.2).

²¹²⁵ «Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает, что государственные суда в иностранных территориальных водах пользуются иммунитетом и поэтому применение к ним мер, упомянутых в настоящей статье, может иметь место лишь с согласия государства, под флагом которого плавает судно» (*ibid.*, chap. XXI.1).

²¹²⁶ Все эти оговорки касаются сохранения полномочий Европейского союза. Они составлены практически идентично, несмотря на некоторые различия в формулировках. Например, оговорка Ирландии гласит: «Поскольку некоторые положения Конвенции Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи ("Конвенция") относятся к

Дании, Ирландии, Испании, Соединенного Королевства и Швеции к Конвенции Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи, поскольку они изменяют *ratione personae* договорный режим, предусматривая замену одного обязанного лица другим.

24) Исключающие оговорки лучше отражают идею взаимности, чем изменяющие оговорки (особенно оговорки первой категории, которые изменяют только содержание прав и обязательств их автора), правда, происходит это не автоматически. Тем не менее Комиссия сочла необходимым напомнить во втором предложении каждого из пунктов 2 и 3 руководящего положения 4.2.4 об общем принципе взаимного применения оговорок, предусмотренного пунктом 1 *b*) статьи 21 Венских конвенций. Эти напоминания должны читаться с учетом исключений, указанных в руководящем положении 4.2.5.

25) Принцип взаимного применения оговорок означает, что, после того как оговорка стала действующей, на нее может ссылаться не только ее автор, но и любая другая сторона, в отношении которой она приобрела такой статус, как это указано во втором предложении пунктов 2 и 3 руководящего положения 4.2.4. Оговорка создает особую нормативную систему в отношениях между ее автором и сторонами, применительно к которым она действует, и эта система применяется на основе взаимности. Сэр Хэмфри Уолдок в этой связи пояснил, что «оговорки всегда действуют в обе стороны»²¹²⁷. Эта идея воспроизведена в пункте 1 *b*) статьи 21 Венских конвенций, который предусматривает (в Конвенции 1986 года) следующее:

1. Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23:

a) ...

b) изменяет в той же мере указанные положения [договора, которого она касается] для этого другого участника в его отношениях со сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку международной организацией.

26) Отсюда следует, что автор оговорки не только освобождается от договорных обязательств, которых касается оговорка; он к тому же лишается права требовать от государства или международной организации, в отношении которых действует оговорка, выполнения договорных обязательств, к которым относится эта оговорка. Помимо этого, государство или международная организация, в отношении которых действует оговорка, освобождаются от соблюдения обязательства, являющегося объектом оговорки, применительно к государству или международной организации, сформулировавшим оговорку.

сфере ответственности Европейского сообщества, всестороннее осуществление Ирландией указанной Конвенции должно производиться в соответствии с процедурами этой международной организации» (*ibid.*, chap. XXV.4).

²¹²⁷ H. Waldock, «General course on public international law», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 106 (1962), p. 87.

27) В основе этого принципа взаимного применения лежит здравый смысл²¹²⁸. Как известно, нормативная система, регулирующая договорные отношения между двумя соответствующими государствами, отражает общий знаменатель их соответствующих обязательств, являющихся результатом совпадения – хотя и частичного – их воли²¹²⁹. Этот принцип «вытекает непосредственно из консенсуального характера договорных отношений»²¹³⁰, который пронизывает весь общий режим оговорок Венской конвенции, как об этом писал Уолдок в своем первом докладе о праве международных договоров, где он поясняет следующее:

Оговорка порождает следствие между государством, которое сформулировало оговорку, и любой другой стороной договора и наоборот, таким образом, что указанное государство и указанная сторона устраняют в своих взаимных отношениях применение положений, которых касается оговорка²¹³¹.

28) Международный Суд представил проблему взаимного применения факультативных заявлений об обязательной юрисдикции, предусмотренных пунктом 2 Статьи 36 Статута Суда, аналогичным, хотя и несколько иным образом. В своем постановлении по делу *Norwegian Loans*, он заявил, что

поскольку речь идет о двух односторонних заявлениях, такая юрисдикция возлагается на него только в том объеме, в каком эти заявления совпадают. Между тем сравнение двух заявлений показывает, что в заявлении Франции юрисдикция Суда признается в более ограниченных пределах, чем в заявлении Норвегии; вследствие этого общая воля сторон, составляющая основу юрисдикции Суда, существует в этих более узких пределах, указанных в оговорке Франции²¹³².

²¹²⁸ По мнению Дионисио Анцилотти, «l'effetto della riserva è che lo Stato riservante non è vincolato dalle disposizioni riservate: naturalmente, le altre parti non sono vincolate verso di lui, di guisa che, nei rapporti tra lo Stato riservante e gli altri, le disposizioni riservate sono come se non facessero parte del trattato» («последствия оговорки заключаются в том, что делающее оговорку государство оказывается не связанным положениями, которых касается оговорка: естественно, другие стороны не связаны договором в его отношении; таким образом, в отношениях между делающим оговорку государством и другими субъектами положения, которых касается оговорка, являются такими, как если бы они не были частью договора») (Anzilotti, *Corso di diritto internazionale* (сноска 26 выше), pp. 334–335).

²¹²⁹ Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), p. 291: «Si è poi visto che l'orientamento che emerge della pratica internazionale appare in sintonia con il principio consensualistico posto a fondamento del diritto dei trattati: la norma riservata è priva di giuridicità non essendosi formato l'accordo fra tali soggetti a causa dell'apposizione della riserva stessa» [«тенденция, которая обнаруживается в международной практике, по всей видимости, взаимодействует с принципом консенсуальности, являющимся основополагающим элементом договорного права: норма, которая является объектом оговорки, оказывается лишенной юридических свойств в отсутствие согласия между субъектами права в силу факта формулирования самой оговорки»].

²¹³⁰ Первый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 68 англ. текста, пункт 21) комментария к статье 18. Комиссия поддержала это пояснение в своих комментариях к проекту статьи 19 (который стал статьей 21 Венской конвенции 1969 года), принятому во втором чтении (*Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста, пункт 1) комментария).

²¹³¹ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 68 англ. текста, пункт 21) комментария к статье 18.

²¹³² Постановление от 6 июля 1957 года, *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)* (см. сноску 1629 выше), p. 23.

29) Взаимность последствий оговорки также обеспечивает баланс в плане неравенства, созданного оговоркой в двусторонних отношениях между автором оговорки и другими государствами или международными организациями, в отношении которых действует оговорка. Эти последние не могут в силу действия механизма оговорок оказаться связанными большим объемом обязательств по отношению к автору оговорки, чем автор готов их взять на себя²¹³³. Профессор Симма в этой связи отмечает следующее:

Wer sich bestimmten Vertragspflichten durch einen Vorbehalt entzogen hat, kann selbst auch nicht verlangen, im Einklang mit den vom Vorbehalt erfassten Vertragsbestimmungen behandelt zu werden [Тот, кто освобождается от определенных договорных обязательств посредством оговорки, не может требовать, чтобы к нему относились в соответствии с договорными положениями, которые он сделал объектом оговорки]²¹³⁴.

30) Взаимное применение оговорки вытекает непосредственно из идеи взаимности международных обязательств, принципа «слово за слово и дело за дело» в отношениях между сторонами и соответствует выражению «do ut des».

31) Кроме того, взаимность последствий оговорки играет регулирующую и даже сдерживающую роль, которой невозможно пренебречь применительно к осуществлению широко признанной свободы формулировать оговорки: автор оговорки должен иметь в виду, что она порождает последствия не исключительно в его пользу и что он также рискует тем, что она может быть использована против него. Сэр Хэмфри Уолдок по этому поводу писал следующее:

Это, безусловно, еще одна проверка в отношении ненадлежащего использования свободы делать оговорки применительно к основополагающему правилу о том, что оговорка всегда действует в обе стороны таким образом, что любое другое государство может использовать ее против делающего оговорку государства в их взаимоотношениях²¹³⁵.

32) Таким образом, взаимное применение затрагивает обе стороны и «вносит значительный вклад в разрешение неизбежного противоречия между гибкостью и целостностью договора»²¹³⁶. В определенном

²¹³³ См. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 206 англ. текста, пункт 13) комментария к проекту статьи 16 и 17. Роберто Баратта утверждал, что взаимность последствий оговорки оказывается «strumento di compensazione nelle mutue relazioni pattizie tra parti contraenti; strumento che è servito a ristabilire la parità nel quantum degli obblighi convenzionali vicendevolmente assunto, parità unilateralmente alterata da una certa riserva» («компенсационным механизмом во взаимных отношениях между договаривающимися сторонами, который обеспечивает восстановление баланса в общем объеме взаимно взятых на себя договорных обязательств, который был в одностороннем порядке изменен указанной оговоркой»), Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), p. 292.

²¹³⁴ B. Simma, *Das Reziprozitätselement im Zustandekommen völkerrechtlicher Verträge*, Berlin, Duncker & Humblot, 1972, p. 60.

²¹³⁵ Сэр Хэмфри Уолдок, «General course on public international law» (сноска 2127 выше). См. также F. Parisi and C. Ševčenko, «Treaty reservations and the economics of article 21 (1) of the Vienna Convention», *Berkeley Journal of International Law*, vol. 21, No. 1 (2003), pp. 1–26.

²¹³⁶ F. Parisi and C. Ševčenko, «Treaty reservations and the economics of article 21 (1) of the Vienna Convention», *George Mason School of Law's series of Working Papers in Law & Economics*, No. 02-07, p. 16. См. также Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), pp. 295–296.

смысле этот принцип представляется как дополнение требования (и зачастую играет более сдерживающую роль, чем это последнее) в отношении действительности оговорки в силу нечеткого определения этой действительности в огромном числе случаев.

33) В одних содержащих оговорки положениях делается таким образом прямая ссылка на принцип взаимного применения оговорок²¹³⁷, а в других договорах принцип взаимного применения изложен в более общих выражениях²¹³⁸. Впрочем, такие прямые положения представляются избыточными²¹³⁹. Принцип взаимности признан не только как общий принцип²¹⁴⁰, но также как принцип автоматического применения, не требующий ни особого положения в договоре, ни одностороннего заявления со стороны государств или международных организаций, принявших оговорку в этом смысле²¹⁴¹.

²¹³⁷ Это уже упоминавшийся случай пункта 2 статьи 20 Конвенции, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, 1930 года («Положения, таким образом исключенные, не могут быть применены в отношении Договаривающейся Стороны, сделавшей оговорку, либо использованы данной Стороной в отношении любой другой Договаривающейся Стороны»). Другие примеры на эту тему можно обнаружить в Гаагских конвенциях по частному международному праву (по поводу этих содержащих оговорки положений см. Majoros (сноска 388 выше), pp. 90 *et seq.*), в целом ряде конвенций, заключенных по эгидой Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (см. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 188–191 and p. 251), и в некоторых конвенциях, разработанных под эгидой Совета Европы. Так, например, в типовых заключительных положениях для заключаемых под эгидой Совета Европы конвенций и соглашений, принятых Советом министров в 1980 году, предлагается следующее положение, касающееся взаимности последствий оговорки: «Сторона, которая сформулировала оговорку в отношении какого-либо положения [соответствующего договора], не может требовать применения этого положения другой стороной; однако, если оговорка является частичной или условной, она может требовать применения этого положения в том объеме, в каком она его приняла (статья e, пункт 3; размещен на сайте: <http://www.coe.int/en/web/conventions>). См. также Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 146–147.

²¹³⁸ См., например, статью 18 Конвенции о взыскании за границей алиментов («Договаривающаяся Сторона может ссылаться в отношении других Договаривающихся Сторон на постановления настоящей Конвенции только в тех пределах, в которых для нее самой эта Конвенция обязательна») или статью XIV Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений («Никакое Договаривающееся Государство не вправе пользоваться настоящей Конвенцией против других Договаривающихся Государств иначе как в тех пределах, в которых оно обязано применять эту Конвенцию»).

²¹³⁹ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 252; Majoros, «Le régime de réciprocité...» (сноска 388 выше), pp. 83 and 109. Майорос критикует введение клаузул, подчеркивающих принцип взаимности, в договоры «по причинам ясности и правовой стабильности» (*ibid.*, p. 81).

²¹⁴⁰ *Ibid.*, pp. 83 and 109; Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), pp. 243 *et seq.*; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 148; см. также Simma, *Das Reziprozitätselement...* (сноска 2134 выше), pp. 60–61.

²¹⁴¹ Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), pp. 227 *et seq.* и 291; Majoros, «Le régime de réciprocité...» (сноска 388 выше), pp. 83 and 109; Parisi and Ševčenko, «Treaty reservations...» (сноска 2135 выше). Случалось, однако, так, что государства просто по причине предосторожности устанавливали в отношении своего принятия условие взаимного применения оговорки. Именно в этом смысле необходимо понимать заявления Соединенных Штатов в ответ на оговорки Румынии и Союза Советских Социалистических Республик к Конвенции о дорожном движении

34) Проект статьи 21, принятый Комиссией в первом чтении в 1962 году, впрочем, не был весьма четок по вопросу об автоматическом применении принципа взаимности, поскольку в нем говорилось, что оговорка направлена на то, чтобы «позволить путем взаимности любому другому государству — участнику договора использовать это изменение в своих отношениях с государством, которое сформулировало оговорку»²¹⁴². Такая формулировка правила предполагала, что договаривающиеся государства должны были применять оговорку, с тем чтобы воспользоваться эффектом взаимности. После замечаний Соединенных Штатов и Японии²¹⁴³ текст был изменен, с тем чтобы указать, что оговорка порождает одинаковые последствия как для государства, сделавшего оговорку, так и для государства, которое ее приняло *ipso jure*²¹⁴⁴. Несмотря на некоторые редакционные уточнения²¹⁴⁵, в принятом в конечном итоге Комиссией в 1965 году тексте таким образом четко выражена идея автоматизма.

4.2.5 Отсутствие взаимности в соблюдении обязательств, которых касается оговорка

В той мере, в какой обязательства согласно положениям, которых касается оговорка, не являются предметом взаимного соблюдения ввиду характера обязательства или объекта и цели договора, содержание обязательств иных участников договора, нежели автор оговорки, не затрагивается. Аналогичным образом, содержание обязательств этих участников не затрагивается, когда взаимное соблюдение не является возможным ввиду содержания оговорки.

Комментарий

1) Как следует из названия, руководящее положение 4.2.5 касается исключений из общего принципа взаимного действия оговорки в отношениях между ее автором и другими сторонами договора, применительно к которым она является действующей.

2) Если во втором предложении соответственно пунктов 2 и 3 руководящего положения 4.2.4 отражен принцип взаимного применения оговорок путем воспроизведения в каждой идеи, отраженной в пункте 1 *b*) статьи 21 Венских конвенций, то в руководящем положении 4.2.5 подчеркивается, что этот

1949 года, в которых правительство Соединенных Штатов уточняло, что «оно не возражает против этих оговорок, однако считает, что оно вправе применять эти оговорки на условиях взаимности в отношении [их соответствующих государств-авторов] и настоящим заявляет, что оно намерено это сделать», *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.B.1.

²¹⁴² *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста.

²¹⁴³ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 303 и 351 англ. текста. См. также комментарии Австрии (там же, стр. 282 англ. текста).

²¹⁴⁴ См. четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 55 англ. текста.

²¹⁴⁵ Окончательный текст проекта статьи 19 см. *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 208–209 англ. текста.

принцип не является абсолютным²¹⁴⁶. В частности, он не применяется в случаях, когда восстановление баланса между обязательствами автора оговорки и государства или международной организации, в отношении которых оговорка является действующей, не является достижимым, или не является необходимым или оказывается невозможным. Это происходит главным образом в силу характера обязательства, к которому относится оговорка, или объекта и цели договора, или содержания самой оговорки.

3) Первое предложение руководящего положения 4.2.5 касается первого из этих случаев – когда взаимное применение оговорки исключается в силу характера обязательства, к которому относится оговорка, или объекта и цели договора (впрочем эти два отдельных случая трудно отличить друг от друга). Если договор сам по себе не основан на взаимности прав и обязательств сторон, то и оговорка не может породить такого взаимного эффекта.

4) Одним из типичных примеров можно считать конвенции о защите прав человека²¹⁴⁷. То обстоятельство, что государство формулирует оговорку, исключая применение одного из обязательств, содержащихся в такой конвенции, не освобождает принимающие ее государства от обязанности выполнять это обязательство, если рассматриваемое обязательство не является взаимным, причем происходит это независимо от оговорки. В такой же степени эти обязательства применяются не в межгосударственных отношениях между государством, сделавшим оговорку, и государством, которое ее приняло, а просто в отношениях «государство-человек». В этой связи в своем замечании общего порядка № 24 Комитет по правам человека заявил следующее:

Хотя договоры, которые представляют собой обычный обмен обязательствами между государствами, позволяют государствам резервировать в отношении между собой применение норм общего международного права, дело обстоит иным образом в случае договоров о правах человека, которые служат на благо людей, находящихся под юрисдикцией этих государств²¹⁴⁸.

²¹⁴⁶ См. Simma, *Das Reziprozitätselement...* (сноска 2134 выше), p. 61; Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), p. 292; Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 139; Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 148 *et seq.*; R. Pinto, «L'application du principe de réciprocité et des réserves dans les conventions interétatiques concernant les droits de l'homme», в *Mélanges offerts à Georges Levasseur. Droit pénal. Droit européen*, Paris, Litec, 1992, pp. 83–88; или Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil...» (сноска 1619 выше), pp. 533–535.

²¹⁴⁷ См. первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 173, пункт 138. См. также второй доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/477 и Add.1, стр. 74, пункты 148–154.

²¹⁴⁸ Доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), пункт 8. См. также Coccia, «Reservations to multilateral treaties on human rights» (сноска 196 выше), p. 37; Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 153; или M. Virally, «Le principe de réciprocité dans le droit international contemporain», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1967-III*, vol. 122, pp. 26–27.

По этой причине, отмечает далее Комитет, договоры о правах человека и «особенно Пакт [о гражданских и политических правах] не представляют собой обмена обязательствами между государствами. Они касаются надления людей правами. Принцип межгосударственной взаимности не может применяться...»²¹⁴⁹.

5) Смягчая эту формулировку, которая представляется слишком абсолютной, выражение «[в] той мере, в какой», с которого начинается руководящее положение 4.2.5, свидетельствует о том, что, хотя характер обязательства или объект и цель договора в целом исключают взаимное действие оговорок, элементы взаимности, тем не менее, могут существовать в отношениях между автором оговорки и другими сторонами договора. Так, например, ясно, что государство или международная организация, которая сделала оговорку, не может ссылаться на таким образом исключенное или измененное обязательство и требовать его исполнения от других сторон, даже при том, что эти другие стороны по-прежнему связаны соответствующим обязательством. Это также означает, что руководящее положение 4.2.5 не влияет на нормальное функционирование оговорки в отношениях между другими сторонами (обязательства которых она не изменяет)²¹⁵⁰; таков смысл выражения «содержание обязательств сторон договора, иных, нежели автор оговорки, не затрагивается», которым завершается первое предложение руководящего положения 4.2.5.

6) Впрочем, договоры, касающиеся защиты прав человека, являются не единственным видом договоров, на который не распространяется принцип взаимности. Такой эффект также отсутствует применительно к договорам, устанавливающим обязательства в отношении сообществ договаривающихся государств. Примеры можно обнаружить среди договоров, касающихся торговли сырьевыми товарами²¹⁵¹, защиты окружающей среды, в отдельных договорах по демилитаризации и разоружению²¹⁵², а также в договорах, закрепляющих единообразные законы в международном частном праве²¹⁵³.

7) Во всех этих ситуациях оговорка не может породить взаимных последствий в двусторонних отношениях между ее автором и государством или международной организацией, в отношении которых она действует. Любая сторона обязана в индивидуальном порядке соблюдать обязательство по отношению ко всем другим сторонам договора. Таким

²¹⁴⁹ Доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), пункт 17.

²¹⁵⁰ См. руководящее положение 4.6.

²¹⁵¹ См. H.G. Schermers, «The suitability of reservations to multilateral treaties», *Nederlands Tijdschrift voor Internationaal Recht*, vol. VI, No. 4 (1959), p. 356. См. также Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 140.

²¹⁵² См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 164–165.

²¹⁵³ По поводу конвенций Гаагской конференции по международному частному праву см. de Cesari (сноска 2111 выше), pp. 149–174, и Majoros, «Le régime de réciprocité...» (сноска 388 выше), pp. 73–109.

образом, обратные последствия оговорки не имеют «ничего, за что бы они могли "зацепиться" или на что они могли бы воздействовать»²¹⁵⁴.

8) Как по этому поводу отметил Роберто Баратта,

anche in ipotesi di riserve a norme poste dai menzionati accordi l'effetto di reciprocità si produce, in quanto né la prassi, né i principi applicabili in materia inducono a pensare che lo State riservante abbia un titolo giuridico per pretendere l'applicazione della disposizione da esso riservata rispetto al soggetto non autore della riserva. Resta nondimeno, in capo a tutti i soggetti che non abbiano apposto la stessa riserva, l'obbligo di applicare in ogni caso la norma riservata a causa del regime solidaristico creato dall'accordo [даже в случае оговорок к правилам, закрепленным в вышеуказанных соглашениях, возникает эффект взаимности, поскольку ни практика, ни принципы, применимые в данной области, не дают оснований считать, что делающее оговорку государство будет обладать правом требовать применения положения, которого касается оговорка, со стороны субъекта, который не является автором оговорки. При этом сохраняется обязательство для всех субъектов, которые не формулировали оговорку, применять во всех случаях норму, которой касается оговорка, в силу режима солидарности, установленного соглашением]²¹⁵⁵.

9) Эта же мысль лежит в основе типовой клаузулы о взаимности, принятой Комитетом министров Совета Европы в 1980 году:

Страна, которая сформулировала оговорку в отношении какого-либо положения [соответствующего соглашения], не может требовать применения этого положения другой стороной; однако, если оговорка является частичной или условной, она может требовать применения этого положения в том объеме, в каком она его приняла²¹⁵⁶.

10) Второе предложение руководящего положения 4.2.5 касается второго исключения из общего принципа взаимного соблюдения оговорок: когда «взаимное соблюдение не является возможным ввиду содержания оговорок».

11) Подобная ситуация возникает, например, в отношении оговорок, которые направлены на ограничение территориального применения договора. Взаимное применение такой оговорки просто-напросто невозможно на практике²¹⁵⁷. Аналогичным образом, взаимное применение последствий оговорки также исключено, если оговорка была мотивирована особенностями, специфически связанными с государством, сделавшим оговорку²¹⁵⁸.

²¹⁵⁴ G. Fitzmaurice, *The Law and Procedure of the International Court of Justice*, vol. 1, Cambridge, Grotius Publications, 1986, p. 412.

²¹⁵⁵ Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), p. 294; см. также Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 140.

²¹⁵⁶ Типовые заключительные положения для конвенций и соглашений, заключенных в рамках Совета Европы (статья е, пункт 3) (см. сноску 2137 выше). По этому вопросу см. Majoros, «Le régime de réciprocité...» (сноска 388 выше), p. 90, и Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 146–147.

²¹⁵⁷ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 258, и Simma, *Das Reziprozitätsselement...* (сноска 2134 выше), p. 61.

²¹⁵⁸ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 165–166; Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 258–260. См., однако, более осторожные идеи, касающиеся таких ситуаций, сформулированные Majoros, «Le régime de réciprocité...» (сноска 388 выше), pp. 83–84.

Так, оговорка, сформулированная Канадой к Конвенции о психотропных веществах 1971 года с целью исключить из сферы применения этой Конвенции пейотл²¹⁵⁹, была сформулирована лишь из-за присутствия на территории Канады групп, которые в своих магических или религиозных ритуалах используют некоторые психотропные вещества, на которые распространялся бы режим Конвенции²¹⁶⁰, и может использоваться другой стороной Конвенции в свою пользу лишь в том случае, если она окажется в аналогичной ситуации.

12) Принцип взаимного соблюдения оговорок также может быть ограничен оговорками, содержащимися в самом договоре. Это, например, имеет место в Конвенции о таможенных льготах для туристов и Дополнительном протоколе к ней 1954 года. Пункт 7 статьи 20 этой Конвенции предусматривает:

Договаривающиеся Государства не обязаны предоставлять Государству, сделавшему оговорку, преимущества, предусмотренные теми положениями Конвенции, к которым такая оговорка относится. Любое Государство, которое воспользуется этим правом, уведомляет об этом Генерального секретаря, а последний информирует об этом все подписавшие настоящую Конвенцию Государства и Договаривающиеся Государства.

Хотя эта конкретная клаузула сама по себе не исключает применение принципа взаимного соблюдения, она лишает его автоматизма, поскольку ставит его применение в зависимость от уведомления со стороны принимающего государства. Такие уведомления делались Соединенными Штатами Америки в отношении оговорок, сформулированных Болгарией, Румынией и Союзом Советских Социалистических Республик в отношении механизма разрешения споров, предусмотренного статьей 21 той же Конвенции²¹⁶¹.

4.2.6 Толкование оговорок

Оговорка должна толковаться добросовестно, с учетом намерения ее автора, как оно отражено прежде всего в тексте оговорки, а также объекта и цели договора и обстоятельств, при которых оговорка была сформулирована.

Комментарий

1) Зачастую нелегко определить, в какой степени договорные отношения оказываются измененными вследствие вступления в действие оговорки²¹⁶² или в какой степени осуществление принципа взаимного соблюдения оказывается исключенным или ограниченным²¹⁶³, и даже определить, соответствует ли

²¹⁵⁹ Речь идет о разновидности маленького кактуса, оказывающего психотропное галлюциногенное воздействие.

²¹⁶⁰ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. VI.16.

²¹⁶¹ *Ibid.*, chap. XI.A.6 and A.7. См. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), p. 212 (footnote 44).

²¹⁶² См. руководящее положение 4.2.4 (Последствия действующей оговорки для договорных отношений) и комментариев к нему.

²¹⁶³ См. руководящее положение 4.2.5 (Отсутствие взаимности в соблюдении обязательств, которых касается оговорка), в частности пункт 11) комментария к нему.

одностороннее заявление, которое похоже на оговорку, определению оговорок.

2) Поскольку оговорки являются односторонними актами, Комиссия руководствовалась руководящими положениями в отношении толкования этого типа актов, фигурирующими в Руководящих принципах, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств, которые она приняла в 2006 году²¹⁶⁴. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что оговорки являются актами, которые добавляются к тексту договора, юридическое действие которого они стремятся изменить или исключить. Следовательно, договор определяет тот контекст, который следует учитывать для целей толкования оговорки. Руководящее положение 4.2.6 объединяет эти две позиции.

3) Касаясь односторонних актов, следует помнить о предостережении Международного Суда в отношении механического применения норм о толковании международных договоров к односторонним актам:

Суд отмечает, что положения Венской конвенции могут применяться лишь по аналогии в той мере, в которой они соответствуют характеру *sui generis* одностороннего принятия юрисдикции Суда²¹⁶⁵.

4) С учетом именно этого подхода Комиссия сформулировала принцип № 7 Руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств:

7. Одностороннее заявление влечет за собой обязательства для формулирующего его государства лишь в том случае, если оно изложено в ясных и конкретных формулировках. В случае возникновения сомнений относительно сферы действия обязательства следует толковать ограничительно. При толковании содержания таких обязательств внимание прежде всего следует уделять тексту заявления, а также контексту и обстоятельствам, в которых оно было сформулировано²¹⁶⁶.

5) Эта общая направленность отражена *mutatis mutandis* в руководящем положении 4.2.6. Согласно юриспруденции МС, Суд, помимо прочего, делает акцент на намерении автора как на одном из главных элементов при толковании оговорки:

В частности, учитывая тот факт, что заявление, сделанное в соответствии с пунктом 2 Статьи 36 Статута, является актом, совершенным в одностороннем порядке, Суд посчитал необходимым сделать акцент на намерении государства, сделавшего такое заявление. Так, в деле, касающемся *Англо-иранской нефтяной компании*, Суд счел, что ограничительные термины, использованные в заявлении Ирана, являлись «решающим подтверждением намерения правительства Ирана, когда оно признало обязательную юрисдикцию Суда» (*Anglo-Iranian Oil Co., Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1952*], p. 107).

Таким образом, Суд будет толковать соответствующие слова заявления, включая содержащиеся в нем оговорки, естественным и разумным образом, с должным учетом намерения

²¹⁶⁴ См. сноску 249 выше.

²¹⁶⁵ Постановление от 4 декабря 1998 года, *Fisheries jurisdiction (Spain v. Canada)* (см. сноску 199 выше), p. 453, para. 46.

²¹⁶⁶ *Ежегодник... 2006 год*, том II (часть вторая), стр. 200; см. также комментарий к этому принципу, там же, стр. 200–201.

заинтересованного государства в то время, когда оно признало обязательную юрисдикцию Суда. О намерении государства, делающего оговорку, можно судить не только с учетом текста соответствующей клаузулы, но и контекста, в котором ее следует читать, и рассмотрения доказательств, касающихся обстоятельств ее подготовки и преследуемых целей²¹⁶⁷.

6) Эти выдержки с особой ясностью свидетельствуют о том, что толкование одностороннего акта преследует цель определения намерения его автора. Таким образом, текст оговорки является первым свидетельством такого намерения²¹⁶⁸. Этот подход является тем более оправданным в случае оговорок, поскольку они определяются целью, *преследуемой* их автором²¹⁶⁹.

7) Намерение государства или международной организации, сформулировавших оговорку, определяется прежде всего самим текстом оговорки. Это основное значение текста подтверждается правовой практикой. Так, в деле *Boyce et al. v. Barbados*, Межамериканскому суду по правам человека предстояло принять решение в отношении последствий оговорки государства-ответчика в отношении Межамериканской конвенции по правам человека²¹⁷⁰. Текст этой оговорки является следующим:

Что касается положений пункта 4 [Статьи] 4 Конвенции, то правительство Барбадоса отмечает, что Уголовный кодекс этой страны карает смертной казнью через повешение за преступления, связанные с убийством и государственной изменой. В настоящее время правительство изучает в целом вопрос о смертной казни, которая применяется за совершение лишь отдельных преступлений. Вместе с тем оно желает сделать оговорку в отношении положений, касающихся этого вопроса, учитывая тот факт, что в некоторых случаях государственная измена может рассматриваться в качестве политического преступления, подпадающего под сферу применения пункта 4 Конвенции.

Что касается положений пункта 5 той же Статьи, то правительство Барбадоса отмечает, что, хотя молодой или преклонный возраст является факторами, которые Тайный совет, [в то время] Высший апелляционный суд, может принимать во внимание при принятии решения о целесообразности применения смертной казни, в соответствии с законодательством Барбадоса она может применяться к лицам в возрасте от 16 лет и старше, а также к лицам старше 70 лет²¹⁷¹.

8) Барбадос, в частности, отметил, что его оговорка к Конвенции воспрепятствовала принятию Судом решения по вопросам применения смертной казни, с одной стороны, и условиям приведения ее в исполнение – с другой. Ссылаясь на свои консультативные заключения 1982 и 1983 годов²¹⁷², Суд напомнил о следующем:

²¹⁶⁷ Постановление от 4 декабря 1998 года, *Fisheries jurisdiction* (см. сноску 199 выше), p. 454, paras. 48–49.

²¹⁶⁸ См. принцип № 7 Руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств (сноска 249 выше).

²¹⁶⁹ См. руководящее положение 1.1.

²¹⁷⁰ *Boyce et al. v. Barbados*, постановление от 20 ноября 2007 года, *Preliminary Objection, Merits, Reparations and Costs*, Series C, No. 169, paras. 13–17.

²¹⁷¹ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1298, p. 441.

²¹⁷² Консультативное заключение OC-2/82, 24 сентября 1982 года, *The Effect of reservations on the entry into force of the American Convention on Human Rights (arts. 74 and 75)* (см. сноску 2026 выше), para. 35; консультативное заключение OC-3/83, *Restrictions to the Death Penalty* (см. сноску 197 выше), paras. 60–66.

Во-первых, при толковании оговорок Суд должен прежде всего полагаться на анализ формулировок самих оговорок²¹⁷³.

Рассмотрев оговорку Барбадоса под этим углом зрения, Суд пришел к следующему заключению:

В тексте оговорки не содержится ясного указания на то, является ли вынесение смертного приговора обязательным в случае совершения преступления убийства, а также не говорится о том, предусмотрены ли законодательством Барбадоса за такое преступление другие виды казни или приговора. Следовательно, Суд считает, что толкование текста оговорки, сделанной Барбадосом при ратификации Американской конвенции, ясно свидетельствует о том, что эта оговорка не преследовала цель исключения из компетенции этого Суда обязательного характера смертной казни или конкретной формы смертной казни через повешение. Таким образом, государство не может ссылаться на эту оговорку для этой цели²¹⁷⁴.

Кроме того, Суд подчеркнул, что

он ранее уже выражал мнение о том, что «государство может "оговаривать" не больше того, чем то, что содержится в тексте самой оговорки»²¹⁷⁵.

9) Для определения намерения автора оговорки следует принимать во внимание и другие элементы: речь идет, в частности, о текстах, сопровождающих формулирование оговорки, в частности о текстах, объясняющих ее мотивацию²¹⁷⁶, возможно, об обстоятельствах формулирования (или, как отмечает МС, «обстоятельствах ее разработки»²¹⁷⁷), которые могут прояснять смысл оговорки. Так, при рассмотрении дела *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)* Суд основывался на:

– «разъяснении оговорки b), содержащемся в изложении мотивов»²¹⁷⁸;

– «документе, отражающем, по мнению одного из адвокатов Греции, "работу по подготовке оговорки"»²¹⁷⁹ (по существу на письме, разъясняющем обстоятельства формулирования оговорки Греции²¹⁸⁰);

– а также на «некоторых внутренних документах, касающихся подготовки акта о присоединении Греции к Общему акту»²¹⁸¹;

– в том же духе Суд принял во внимание «общий исторический контекст, в котором в эпоху Лиги Наций сложилась практика использования оговорок, касающихся вопросов, относящихся к статусу тех или иных территорий»²¹⁸², что соответствует в

широком смысле обстоятельствам, в которых была сформулирована оговорка.

Все эти внешние элементы были сочтены Судом в качестве содействующих определению «намерения правительства Греции на тот момент, когда оно сдавало на хранение свой документ о присоединении к Общему акту»²¹⁸³.

10) Как уточняется в руководящем положении 4.2.6, среди элементов, являющихся внешними по отношению к оговорке, следует также принимать во внимание объект и цель договора для определения его толкования. Это прежде всего объясняется тем, что оговорка является односторонним неавтономным актом, который оказывает воздействие лишь в договорном контексте. Важно также напомнить о том, что речь идет о критерии материальной действительности оговорки: именно после того, как оговорка соответствует критерию материальной действительности, она считается «вступившей в действие», т.е. способной порождать последствия, на которые рассчитывал ее автор. Однако оговорка может порождать последствия только в той мере, в какой она соответствует объекту и цели договора.

11) Этот вопрос является особенно актуальным в случае оговорок, соответствие которых объекту и цели является проблематичным, и может зависеть от точного значения, которое придается этому термину. Если необходимо сохранить действительность оговорки и, соответственно, намерение ее автора, чья добросовестность должна презюмироваться, то это возможно лишь при уделении дополнительного внимания сохранению объекта и цели договора. Эта взаимозависимость была подчеркнута Судом в его заключении 1951 года:

Неудобства, возникающие вследствие этого возможного несоответствия мнений [о правильности оговорки], являются реальными, однако они смягчаются общим обязательством договаривающихся государств руководствоваться в своем суждении соответствием или несоответствием любой оговорки объекту и цели Конвенции. Разумеется, следует презюмировать наличие у договаривающихся государств или договаривающихся организаций стремления к сохранению любой ценой того, что является основополагающим для целей Конвенции; если это стремление отсутствует, становится очевидным, что как сами принципы Конвенции, так и их применение окажутся под угрозой²¹⁸⁴.

12) Критерий объекта и цели договора является параметром оценки действительности оговорок независимо от того, была ли такая оценка сделана органом, созданным на основании самого договора, органом по урегулированию споров или другими договаривающимися государствами или организациями.

13) Однако из этого не следует, что как общее правило оговорки должны подвергаться ограничительному толкованию²¹⁸⁵. Международный Суд в целом

²¹⁷³ *Boyce et al. v. Barbados* (см. сноску 2170 выше), пара. 15.

²¹⁷⁴ *Ibid.*, para. 17.

²¹⁷⁵ *Ibid.* См. также консультативное заключение ОС-3/83, *Restrictions to the Death Penalty* (сноска 197 выше), пара. 69.

²¹⁷⁶ См. руководящее положение 2.1.2 (Мотивация оговорок) и комментарий к нему, в частности пункты 4)–5).

²¹⁷⁷ См. пункт 49 in fine решения по делу *Fisheries Jurisdiction* (сноска 199 выше), упомянутого в пункте 5) выше.

²¹⁷⁸ *Aegean Sea Continental Shelf* (см. сноску 210 выше), р. 28, пара. 68.

²¹⁷⁹ *Ibid.*, p. 26, para. 63.

²¹⁸⁰ *Ibid.*, pp. 26–27, paras. 63–64.

²¹⁸¹ *Ibid.*, p. 27, para. 65.

²¹⁸² *Ibid.*, p. 29, para. 70.

²¹⁸³ *Ibid.*, p. 29, para. 69.

²¹⁸⁴ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), pp. 26–27.

²¹⁸⁵ См. дело, касающееся *Fisheries Jurisdiction* (сноска 199 выше), р. 453, para. 45.

не ссылаясь на такое ограничительное толкование в процессе толкования оговорок²¹⁸⁶.

14) Однако органы по контролю за соблюдением международных договоров о правах человека занимают противоположную позицию. Так, Межамериканский суд по правам человека в решении по вышеупомянутому делу *Boyce et al. v. Barbados* счел, что реализация объекта и цели договора требуют, чтобы Суд толковал ограничительным образом любое ограничение этих прав:

Во-вторых, необходимо также уделять должное внимание объекту и цели соответствующего договора, который, в случае Американской конвенции, касается «защиты основополагающих прав людей». Кроме того, оговорку следует толковать в соответствии со Статьей 29 Конвенции, согласно которой оговорка не может толковаться таким образом, чтобы ограничивать пользование и осуществление признаваемых Конвенцией прав и свобод в большей степени, чем это предусмотрено самой оговоркой²¹⁸⁷.

В этой связи возникает вопрос, следует ли использовать особые принципы толкования применительно к договорам о правах человека, учитывая их характер. Разумеется, что ответ на этот вопрос в значительной степени выходил бы за рамки настоящего Руководства по практике.

15) Последний показатель свидетельствует о существенной взаимосвязи между оговоркой и текстом договора, которого она касается: в одном из случаев Международный Суд смог применить принцип динамичного толкования к положениям оговорки так же, как и к положениям самого договора. Из этого подхода следует, что если положения договора призваны со временем эволюционировать, то эта эволюция затрагивает также идентичные положения оговорки, если такая эволюция не противоречит намерению автора оговорки, проявленному в момент ее формулирования:

Если признать, что выражение «территориальный статус Греции» было использовано в документе Греции о присоединении [к Общему акту 1928 года] в качестве общей формулировки, охватывающей все вопросы, относящиеся к понятию *территориальный статус** в общем международном праве, то неизбежно следует предположить, что его значение должно изменяться вместе с правом и приобретать в любой момент то значение, которое может вытекать из применимых норм. По мнению Суда, это предположение становится тем более оправданным, если вспомнить о том, что Акт 1928 года являлся соглашением о мирном урегулировании споров, разработанным в качестве документа, имеющего самую общую сферу охвата и не ограниченного во времени; поскольку трудно представить, что составители подобного документа стремились закрепить за такими выражениями, как «исключительная компетенция» и «территориальный статус»,

²¹⁸⁶ Суд однозначно отклонил принцип ограничительного толкования оговорок, сопровождающих факультативные заявления согласно Статье 36 Статута: «Таким образом, не существует (...) никаких причин применять к ним ограничительное толкование» (Международный Суд, *Fisheries Jurisdiction* (сноска 199 выше), р. 453, para. 44; см. также дело *Aegean Sea Continental Shelf* (сноска 210 выше), р. 31, para. 74).

²¹⁸⁷ *Boyce et al. v. Barbados* (см. сноску 2170 выше), para. 15 (сноски опущены). См. также Межамериканский суд по правам человека, постановление от 1 сентября 2001 года, *Benjamin et al. v. Trinidad and Tobago, Preliminary Objections*, Series C, No. 81, para. 70.

неизменное содержание, какой бы ни была последующая эволюция международного права²¹⁸⁸.

4.3 Последствия возражения против действительной оговорки

Если только оговорка не является действующей по отношению к государству или международной организации, высказавшим возражение, формулирование возражения против действительной оговорки препятствует этой оговорке иметь желаемые последствия по отношению к этому государству или к этой международной организации.

Комментарий

1) В отличие от принятия действительной оговорки возражение против оговорки может породить достаточно разнообразные последствия в отношениях между автором оговорки и автором возражения. Выбор в значительной мере (но не по желанию) остается за последним, который может изменять возможные юридические последствия тандема оговорка-возражение. Так, в соответствии с пунктом 4 b) статьи 20 Венских конвенций он может решить воспрепятствовать вступлению в силу договора в отношениях между ним и автором оговорки, «определенно» (в английском тексте – «definitely») выразив такое намерение. Однако автор возражения может также решить не возражать против вступления договора в силу в отношениях между ним и автором оговорки или, точнее говоря, воздержаться от выражения противоположного намерения. В этом последнем случае, и если договор фактически вступает в силу для обеих сторон²¹⁸⁹, договорные отношения между автором оговорки и автором возражения изменяются в соответствии с положениями пункта 3 статьи 21 Венских конвенций. Таким образом, конкретные последствия возражения против действительной оговорки для самого существования договорных отношений или для их содержания могут быть многочисленными и изменяться по отношению к тому же договору и той же оговорке.

2) Между тем главная функция каждого возражения и его основного последствия остаются весьма простыми. В отличие от принятия возражение представляет собой отклонение оговорки его автором. Как недвусмысленно подтвердил Международный Суд в своем консультативном заключении 1951 года, ни одно государство не может быть связано оговоркой, на которую оно не дало согласия²¹⁹⁰.

Таково фундаментальное последствие самого принципа консенсуализма, на котором покоится все право договоров, и в частности режим оговорок: договор представляет собой в высшей степени

²¹⁸⁸ *Aegean Sea Continental Shelf* (сноска 210 выше), р. 32, para. 77. См. также постановление от 13 июля 2009 года, *Dispute regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua)* (сноска 1600 выше), para. 65.

²¹⁸⁹ По вопросу о том, когда договор вступает в силу для автора оговорки, см. руководящие положения 4.2.1 и 4.2.3, 4.3.1 и 4.3.4 и комментарии к ним.

²¹⁹⁰ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), р. 26.

консенсуальный инструмент, черпающий свою силу из *воли* государств. Оговорки непосредственно связаны с согласием государства на обязательность договора²¹⁹¹.

3) Таким образом, возражение прежде всего представляет собой отказ возражающего государства согласиться с оговоркой и в этой связи препятствует вступлению оговорки в действие по отношению к государству или международной организации, заявляющим возражение, по смыслу пункта 1 статьи 21 Венских конвенций и руководящего положения 4.1. Как подчеркнула Комиссия в своем комментарии к руководящему положению 2.6.1 (Определение возражений к оговоркам):

Отказ принять оговорку как раз и является самым объектом возражения в полном и обычном смысле этого слова²¹⁹².

4) Таким образом, в отличие от принятия возражение делает оговорку неприменимой в отношении его автора. Такое последствие очевидно может иметь место только в случае, если оговорка не была уже принята автором возражения (прямо или молчаливо). Одно окончательно исключает другое, в любом случае в том что касается последствий принятия. В руководящем положении 2.8.13 в этой связи уточняется:

Принятие оговорки не может быть отозвано или изменено.

Часть формулировки, предвещающая руководящее положение 4.3, косвенно отсылает к этому принципу, даже если Комиссия предпочла не утяжелить это положение, являющееся вводным ко всему разделу 4.3, посредством включения в него прямой ссылки.

5) Для того чтобы выделить эту основополагающую функцию возражения, в руководящем положении 4.3, с которого начинается раздел Руководства по практике, посвященный последствиям возражения против действительной оговорки, устанавливается принцип, согласно которому возражение препятствует оговорке иметь последствия, на которые рассчитывал ее автор²¹⁹³. Это является первым уточнением смысла выражения «положения, к которым относится оговорка, не применяются между этими двумя государствами в пределах сферы действия такой оговорки», которое содержится в конце пункта 3 статьи 21 Венских конвенций и смысл которого четче очерчен в руководящем положении 4.3.6.

6) Нейтрализация последствий оговорки по отношению к государству или международной организации, сформулировавшими возражение, тем не менее отнюдь не решает всех вопросов, касающихся последствий возражения. Это может привести к различным последствиям как в плане вступления договора в силу

(что уточняют руководящие положения 4.3.1–4.3.5), так и в плане самого содержания установленных таким образом договорных отношений, после возможного вступления договора в силу, для автора оговорки и автора возражения (что является предметом руководящих положений 4.3.6–4.3.8).

7) Существует, однако, ситуация, при которой возражение не имеет обычных последствий, описанных в руководящем положении 4.3. Речь идет о ситуации, когда какое-либо государство или организация, являющиеся членом международной организации, формулируют возражение против оговорки, сформулированной другим государством или другой международной организацией в отношении учредительного акта этой организации. Такое возражение, независимо от его содержания, не имеет никаких юридических последствий, что соответствует руководящему положению 2.8.12 (Реакция члена международной организации на оговорку к ее учредительному акту), согласно которому:

Руководящее положение 2.8.10 не препятствует государствам или международным организациям, являющимся членами международной организации, занимать позицию в отношении действительности или уместности оговорки к учредительному акту организации. Такая позиция сама по себе не имеет юридических последствий²¹⁹⁴.

4.3.1 Последствия возражения для вступления договора в силу между автором возражения и автором оговорки

Возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации против действительной оговорки не препятствует вступлению договора в силу между государством или международной организацией, возразившим против оговорки, и государством или организацией, являвшимся автором оговорки, за исключением случая, предусмотренного руководящим положением 4.3.5.

Комментарий

1) Как Комиссия уже констатировала в комментарии к руководящему положению 2.6.7, в Венских конвенциях никак не уточняется, в какой момент автор возражения должен выразить намерение не допустить вступления договора в силу²¹⁹⁵. Комиссия, однако, сочла, что в соответствии с презумпцией, закрепленной в пункте 4 b) статьи 20 Венских конвенций, возражение, которое не сопровождается четким выражением этого намерения, не имеет своим последствием не допустить вступление в силу договора между автором возражения и автором оговорки, а в отдельных случаях и вступление в силу самого договора. Такое юридическое последствие не может

²¹⁹¹ См., например, *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 55, пункт 83.

²¹⁹² Пункт 13) комментария к руководящему положению 2.6.1.

²¹⁹³ Следует напомнить, что руководящее положение 1.1 определяет оговорки в зависимости от цели, преследуемой сформулировавшим ее государством или международной организацией.

²¹⁹⁴ Руководящее положение 2.8.8 (Принятие оговорки к учредительному акту международной организации) гласит следующее: «Когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, оговорка должна быть принята компетентным органом этой организации».

²¹⁹⁵ Пункт 4) комментария к руководящему положению 2.6.7 (Выражение намерения препятствовать вступлению в силу договора).

более ставиться под сомнение посредством последующего формулирования противоположного намерения. Данная идея уже выражена в руководящем положении 2.6.7, где говорится, что намерение не допустить вступления в силу договора должно быть выражено «до того, как договор в противном случае должен был бы вступить в силу между [автором возражения и автором оговорки]»²¹⁹⁶. Вместе с тем это руководящее положение касается *процедуры формулирования* требуемого намерения, а не его последствий; представлялось целесообразным напомнить этот принцип в части Руководства по практике, касающейся юридических последствий возражений. Между тем в проекте руководящего положения 4.3.1 употребляется выражение «не препятствует вступлению в силу», которое предполагает, что договор не находился в силе между автором оговорки и автором возражения, когда формулировалась оговорка.

2) Конкретно говоря, последствие невступления договора в силу между автором оговорки и автором возражения заключается в том, что между ними не существует никаких договорных отношений, даже если, как это часто бывает, и тот и другой могут считаться сторонами договора по смыслу Венских конвенций. Тот простой факт, что какая-то сторона отклоняет оговорку и не желает быть связанной положениями договора в своих отношениях с автором этой оговорки, вовсе не означает, что эта последняя не может стать договаривающимся государством или договаривающейся организацией в соответствии с руководящим положением 4.2.1. На самом деле в рамках общего режима достаточно, чтобы другое государство или другая международная организация прямо или молча приняли оговорку для того, чтобы автор оговорки считался договаривающимся государством или договаривающейся организацией в отношении договора. Отсутствие договорных отношений между автором возражения с максимальным эффектом и автором оговорки а priori порождает последствия только между ними²¹⁹⁷.

3) В отсутствие определенно выраженного противоположного намерения возражение (которое можно считать «простым») против действительной оговорки не влечет, однако, ipso facto вступления договора в силу между автором оговорки и автором возражения, как это имеет место в случае принятия. Это к тому же составляет одно из фундаментальных различий между простым возражением и принятием, которое наряду с другими соображениями свидетельствует о том, что такое возражение не является «эквивалентом принятия»²¹⁹⁸, вопреки

²¹⁹⁶ См. также пункт 5) комментария к руководящему положению 2.6.7.

²¹⁹⁷ В 1951 году Международный Суд признал, что «такое решение обычно порождает последствия только в отношениях между государством, которое сделало оговорку, и государством, которое заявило против нее возражение» (*Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), п. 26). См., однако, пункт 1) комментария к руководящему положению 4.3.4 ниже.

²¹⁹⁸ См. Pellet and Müller, «Reservations to treaties...» (сноска 1045 выше), pp. 37–59, *passim*.

тому, что утверждали и продолжают утверждать²¹⁹⁹. Согласно пункту 4 b) статьи 20 Венских конвенций, воспроизведенному в проекте руководящего положения 4.3.5, такое возражение «не препятствует* вступлению договора в силу между государством и международной организацией, возражающими против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшими оговорку». Однако, хотя такое возражение не препятствует вступлению договора в силу, оно сохраняет нейтральность по вопросу о том, становится ли автор оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией в отношении договора, и вовсе не обязательно приводит к вступлению договора в силу между автором возражения и автором оговорки.

4) Такое последствие (или скорее такое отсутствие последствия) простого возражения для установления и существования договорных отношений между его автором и автором оговорки вытекает непосредственно из формулировки пункта 4 b) статьи 20 Венских конвенций, как об этом государства иногда напоминают при формулировании возражения. Особенно красноречивым примером является возражение Нидерландов против оговорки, сформулированной Соединенными Штатами Америки в отношении Международного пакта о гражданских и политических правах:

С учетом положений пункта 3 статьи 21 Венской конвенции о праве международных договоров данные возражения не представляют собой препятствия для вступления в силу Пакта между Королевством Нидерландов и Соединенными Штатами^{*2200}.

Здесь Нидерланды сочли целесообразным напомнить, что их возражение не представляет собой «препятствие» для вступления в силу договора по отношению к Соединенным Штатам и что, если договор вступит в силу, их договорные отношения будут определяться в соответствии с пунктом 3 статьи 21 Венской конвенции.

5) Такое последствие (или такое отсутствие последствия) простого возражения для вступления в силу договора закреплено в руководящем положении 4.3.1, которое, за исключением небольших изменений, касающихся сугубо формы, четко следует содержанию пункта 4 b) статьи 20 Венской конвенции 1986 года.

²¹⁹⁹ См. замечания г-на Яссина (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 271 англ. текста, пункт 5) и возражения г-на Дууроки (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 174 англ. текста, пункт 40); см. также Koh, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 1443 выше), p. 102; Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), p. 35; Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), pp. 326–329; J. Klabbers, «Accepting the unacceptable? A new Nordic approach to reservations to multilateral treaties», *Nordic Journal of International Law*, vol. 69 (2000), p. 181; Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), pp. 198–199; Sucharipa-Behrmann, «The legal effects of reservations...» (сноска 1617 выше), p. 74; и Zemanek, «Some unresolved questions concerning reservations...» (сноска 1074 выше), pp. 332–333. См. также первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 133.

²²⁰⁰ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4.

4.3.2 Последствия возражения против поздно сформулированной оговорки

Если договаривающееся государство или договаривающаяся организация возражает против оговорки, позднее формулирование которой было единогласно принято в соответствии с руководящим положением 2.3.1, договор вступает в силу или остается в силе в отношении государства или международной организации, являвшимися автором оговорки, без вступления оговорки в действие.

Комментарий

1) Руководящее положение 4.3.2 основывается, с точки зрения последствий возражения, на нормах, изложенных в руководящих положениях 2.3.1 (Принятие последующего формулирования оговорки) и 2.3.2 (Срок для формулирования возражения против поздно сформулированной оговорки).

2) Из руководящего положения 2.3.1 следует, что принятие сформулированной впоследствии оговорки является, в принципе, невозможным и что возражения всего лишь одного из договаривающихся государств или договаривающихся организаций против этого последующего формулирования достаточно, чтобы такая оговорка не возымела никакого действия. Именно это явно подразумевается смыслом выражения «...только в том случае, если ни одно договаривающееся государство и ни одна договаривающаяся организация не выразило/не выразила несогласия с таким формулированием...».

3) Однако не следует смешивать такое «несогласие» с возражениями в отношении содержания оговорки в том значении, которое придают этому слову положения статей 20–23 Венских конвенций: тогда как эти последние препятствуют действительной оговорке в полной мере проявить все свои последствия в отношениях между ее автором и государством или международной организацией, которые против нее возражают, возражение против последующего формулирования оговорки «уничтожает» ее как оговорку. Именно для того, чтобы избежать такой путаницы, Комиссия использовала в руководящих положениях 2.3.1–2.3.3 разные термины для обозначения этих двух различных категорий реакций на оговорку, сформулированную впоследствии²²⁰¹.

4) В случае отсутствия (единогласного) возражения против последующего формулирования оговорки договаривающиеся государство и организация могут высказывать против этого возражения в течение 12 месяцев, как это предусматривает руководящее положение 2.3.2. Руководящее положение 4.3.2 касается случая, в котором высказывается такое возражение.

5) Юридические последствия такого возражения, в принципе, не отличаются от последствий возражения

против оговорки, сформулированной вовремя. Оно препятствует вступлению в действие действительной оговорки – или оговорки, ставшей официально действительной вследствие единогласного принятия последующего формулирования, – в результате отказа принять ее содержание и последствия, на достижение которых она нацелена. Поэтому нормы и руководящие положения, касающиеся юридических последствий возражения, являются в принципе применимыми.

6) Тем не менее руководящее положение 4.3.2 закрепляет ограничение в отношении последствий возражения, высказанного против оговорки, которая была сформулирована впоследствии. Действительно, не следует забывать о том, что, предположительно, автор сформулированной впоследствии оговорки уже стал договаривающимся государством или договаривающейся организацией вследствие выражения своего согласия быть связанным положениями договора, которое изначально не сопровождалось оговоркой. Этот особый статус государства или международной организации больше не может ставиться под сомнение *a posteriori*, поскольку иначе это создавало бы чрезмерную угрозу для стабильности договорных отношений. Следовательно, возражение не может препятствовать установлению договорных отношений между автором сформулированной впоследствии оговорки и автором возражения, поскольку, предположительно, эти отношения уже установлены. Руководящее положение 4.3.2 напоминает об этом императиве, уточняя, что договор вступает в силу или остается в силе в отношении автора оговорки и автора возражения. Вместе с тем это не означает, что возражение не порождает последствий: оно препятствует вступлению в действие оговорки в отношении автора возражения и последствия возражения для содержания договорных отношений, установленных между автором оговорки и автором возражения, оцениваются на основании общеприменимых норм.

7) Однако из этого не следует, что государство или международная организация, которое/которая становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией после истечения срока, предусмотренного руководящим положением 2.3.1, не может высказать возражение с максимальным эффектом против этой оговорки. Учитывая то, что между этим государством или этой международной организацией и автором оговорки пока еще не существовало никаких договорных отношений, соображения, которые оправдывают норму, изложенную в руководящем положении 4.3.2, не применяются.

4.3.3 Вступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения

Договор вступает в силу между автором действительной оговорки и договаривающимся государством или договаривающейся организацией, высказавшими возражение, как только автор оговорки становится договаривающимся государством или договаривающейся организацией согласно руководящему положению 4.2.1, и договор вступает в силу.

²²⁰¹ См. пункт 1) комментария к руководящему положению 2.3.2.

Комментарий

1) Руководящее положение 4.3.3 указывает на тот момент, когда договор вступил в силу между автором возражения и автором оговорки.

2) Для этого необходимо и достаточно, чтобы этот договор вступил в силу и чтобы автор оговорки и автор возражения были договаривающимися государствами или договаривающимися международными организациями в отношении этого договора. Иными словами, оговорка должна быть действующей посредством принятия другим государством или другой международной организацией по смыслу проекта руководящего положения 4.2.1. За исключением случая, предусмотренного в проекте руководящего положения 4.3.4, вступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения против этой оговорки, таким образом, никак не зависит от самого возражения, а зависит от вступления в действие оговорки; возражение не играет никакой роли в процессе вступления оговорки в действие.

3) Говоря конкретно, договор, который подчинен общему режиму согласия на оговорки, установленному пунктом 4 статьи 20 Венских конвенций, вступает в силу для государства или международной организации, сделавших оговорку, только в случае, если оговорка была принята по меньшей мере одним другим договаривающимся государством или одной другой договаривающейся организацией (согласно пункту 4 с) статьи 20 Венских конвенций). И лишь если оговорка вступает таким образом в действие, могут возникать договорные отношения между автором оговорки и автором простого возражения. На эти договорные отношения, однако, распространяются ограничения, изложенные в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций²²⁰².

4.3.4 Невступление договора в силу для автора оговорки, когда требуется единогласное принятие

Если для того, чтобы оговорка стала действующей, требуется принятие оговорки всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, любое возражение, высказанное против действительной оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией, препятствует вступлению договора в силу для государства или организации, являющихся автором оговорки.

Комментарий

1) Принцип, закрепленный в руководящем положении 4.3.3, не применяется в случаях, когда по тем или иным причинам лишь единогласное принятие договаривающимися государствами и договаривающимися организациями может сделать оговорку «действующей», как это имеет место, например, в случае, договоров, которые должны применяться

в полном объеме²²⁰³. В этом случае любое возражение – простое или квалифицированное – имеет гораздо более важные последствия для вопроса вступления договора в силу в отношениях между всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, с одной стороны, и автором оговорки – с другой. Возражение по сути исключает вступление оговорки в действие как таковое. Даже если бы пункт 4 b) статьи 20 Венских конвенций был применим в этом конкретном случае (что далеко не является очевидным, если обратиться к вводной части этого пункта)²²⁰⁴, оговорка не могла бы вступить в действие и, следовательно, автор оговорки никогда не мог бы стать договаривающимся государством или договаривающейся организацией. Возражение – простое или квалифицированное – представляет собой в этом случае непреодолимое препятствие и для автора оговорки, и для всех других договаривающихся государств или организаций для установления договорных отношений с автором оговорки. Эту ситуацию способно разблокировать лишь снятие оговорки или возражения.

2) Хотя это решение уже вытекает из руководящих положений 4.1.2 и 4.2.1, было бы небесполезно напомнить об этом важном последствии возражения против оговорки, которая требует единогласного принятия.

4.3.5 Невступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения с максимальным эффектом

Возражение договаривающегося государства или договаривающейся организации против действительной оговорки препятствует вступлению договора в силу между государством или организацией, возражающим против оговорки, и государством или организацией, являющимися автором оговорки, если возражающее государство или возражающая организация определенно заявят о таком намерении в соответствии с руководящим положением 2.6.7.

Комментарий

1) Пункт 4 b) статьи 20 Венских конвенций не оставляет никаких сомнений относительно тех последствий, которые порождает возражение, сопровождающееся определенно выраженным намерением не применять договор в отношениях между автором возражения и автором оговорки в соответствии с руководящим положением 2.6.7 (Выражение намерения препятствовать вступлению в силу договора). В этом случае возражение порождает следствие, которое часто определяют как «максимальный эффект».

2) Этой норме посвящено руководящее положение 4.3.5, в котором по существу воспроизводится

²²⁰³ См. руководящее положение 4.1.2 выше, и в частности пункты 9)–11) комментария.

²²⁰⁴ «В случаях, не подпадающих под действие предыдущих пунктов, и если договор не предусматривает иное».

²²⁰² См. руководящее положение 4.3.4.

текст пункта 4 *b*) статьи 20 Венской конвенции 1986 года.

3) Из этого положения – которое, за исключением упоминания о договаривающейся международной организации, во всех отношениях сопоставимо с соответствующим положением Венской конвенции 1969 года – следует, что возражение против оговорки в принципе не является препятствием для вступления в силу договора в отношениях между государством, заявившим возражение, и государством, сделавшим оговорку:

Возражение другого договаривающегося государства или договаривающейся организации против оговорки не препятствует вступлению договора в силу между государством или международной организацией, возражающим/возражающей против оговорки, и государством или организацией, сформулировавшим/сформулировавшей оговорку.

4) Такое возражение, называемое «простым», или с «минимальным эффектом»²²⁰⁵, если и не имеет своим непосредственным последствием вступление договора в силу в отношениях между двумя государствами (или организациями)²²⁰⁶, как это происходит в случае принятия, то никак этому не препятствует.

5) Между тем речь идет лишь о презумпции, которая не может быть перевернута автором возражения. Пункт 4 *b*) статьи 20 Венской конвенции 1986 года продолжается следующим образом: «...если возражающее против оговорки государство или организация определенно не заявит о противоположном намерении». Таким образом, автор возражения может также выбрать вариант отсутствия всяких договорных отношений с автором оговорки при условии, что он это сделает «определенно» (*definitely* в тексте на английском языке). В этом случае обычно говорят о возражении с «максимальным эффектом».

6) Установленная в этой связи в Венских конвенциях система соответствует решению, принятому Международным Судом в 1951 году, согласно которому «каждое государство, которое заявляет возражение против оговорки... может считать или не считать государство, сформулировавшее оговорку, участником Конвенции»²²⁰⁷.

7) Смысл этой презумпции может вызвать удивление. Традиционно в основном русле консенсуализма непосредственным следствием возражения считалось то, что делающее оговорку государство не могло претендовать на статус

государства-участника договора²²⁰⁸; таким образом, «максимальный» эффект является нормой. Такое решение было необходимым в системе единогласия, при которой даже одно возражение сводило на нет единогласное согласие других договаривающихся государств; никакое отступление было невозможно. Делающее оговорку государство, чтобы стать участником договора, непременно должно было снять или изменить свою оговорку. Это правило было настолько очевидным, что первые специальные докладчики Комиссии, которые придерживались системы единогласия, в своих последовательно предлагавшихся проектах даже не пытались его формулировать.

8) Революция в связи с введением гибкой системы, за которую ратовал сэр Хэмфри Уолдок²²⁰⁹, однако, не заставила его отказаться от традиционного принципа, согласно которому возражение «препятствует вступлению договора в силу»²²¹⁰. Тем не менее Специальный докладчик признавал важное отличие от традиционной системы, поскольку полагал, что возражение обладает лишь относительным эффектом: не препятствуя тому, чтобы сделавшее оговорку государство стало участником договора, оно призвано играть свою роль только в отношениях между сделавшим оговорку государством и государством, заявившим возражение²²¹¹.

9) Однако для того чтобы сблизить этот проект и решение, предложенное в консультативном заключении Международного Суда 1951 года²²¹², и вследствие критических замечаний и сомнений, высказанных достаточно большим числом членов Комиссии²²¹³, предложенное сэром Хэмфри Уолдоком радикальное решение было отклонено в пользу простой презумпции в отношении максимального эффекта, а минимальный эффект остался лишь в качестве возможного варианта. Таким образом, пункт 2 *b*) проекта статьи 20, принятого в первом чтении, гласил:

²²⁰⁸ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 155 and 260.

²²⁰⁹ Pellet, «1969 Vienna Convention. Article 19: Formulation of reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 414–415, paras. 15–20.

²²¹⁰ Пункт 4 *c*) проекта статьи 19, представленного сэром Хэмфри Уолдоком в 1962 году (первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 62 англ. текста. Это решение к тому же часто представляется как единственное с точки зрения здравого смысла. См., например, Reuter, *Introduction au droit des traités* (сноска 28 выше), p. 75, para. 134.

²²¹¹ По этому поводу см. также комментарий Комиссии к проекту статьи 20, пункт 2 *b*) (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 181 англ. текста, пункт 23)).

²²¹² *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 26.

²²¹³ См., в частности, г-н Тункин (*Ежегодник... 1962 год*, том I, 653-е заседание, 29 мая 1962 года, стр. 156 англ. текста, пункт 26, и 654-е заседание, 30 мая 1962 года, стр. 161 англ. текста, пункт 11), г-н Розен (там же, 653-е заседание, 29 мая 1962 года, стр. 156 англ. текста, пункт 30), г-н Хименес де Аречага (там же, стр. 158 англ. текста, пункт 48), г-н де Луна (там же, стр. 160 англ. текста, пункт 66), и г-н Яссин (там же, 654-е заседание, 30 мая 1962 года, стр. 161 англ. текста, пункт 6). Специальный докладчик также выступил за включение этой презумпции (там же, стр. 162 англ. текста, пункты 17 и 20).

²²⁰⁵ См., например, Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados...* (сноска 150 выше), pp. 279–280; и Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 170–172.

²²⁰⁶ Поскольку договор сам находится в силе или вступает в силу в результате присоединения государства или международной организации, осуществившего/осуществившей принятие (см. руководящие положения 4.2.1–4.2.3 и комментарии к ним, в частности пункты 4)–6) комментария к руководящему положению 4.2.1, пункт 2) комментария к руководящему положению 4.2.2 и пункт 4) комментария к руководящему положению 4.2.3).

²²⁰⁷ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 26.

Возражение, сделанное против оговорки государством, которое считает ее несовместимой с объектом и целью договора, препятствует вступлению этого договора в силу в отношениях между государством, заявившим возражение, и государством, которое сформулировало оговорку, если только возражающее государство не выразит противоположного намерения²²¹⁴.

10) При обсуждении этого проекта Комиссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи делегации Румынии и Чехословакии все же выступили за обратную презумпцию, с тем чтобы сделать это правило «в большей степени позволяющим расширять договорные отношения между государствами и [с тем чтобы] воспрепятствовать варианту континуитета, который маложелателен в правовых отношениях между государствами»²²¹⁵. Однако, несмотря на позитивную реакцию некоторых членов Комиссии при рассмотрении этого проекта во втором чтении²²¹⁶, данная позиция в окончательном проекте Комиссии не была отражена.

11) Между тем этот вопрос вновь возникнет на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров. В предложениях Чехословакии²²¹⁷, Сирии²²¹⁸ и Союза Советских Социалистических Республик²²¹⁹ предлагалось перевернуть принятую Комиссией презумпцию. Эта инверсия презумпции, хотя и представлялась некоторыми делегациями как безобидная²²²⁰, являла собой значительный переворот в самой логике механизма принятия и возражений²²²¹. Именно по этой причине принцип инверсии презумпции в 1968 году был отвергнут²²²². Однако на второй сессии Конференции Союз Советских Социалистических Республик опять представил поправку в этом направлении, подкрепленную

²²¹⁴ Там же, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста; см. также стр. 181 англ. текста, пункт 23).

²²¹⁵ См. резюме замечаний Румынии и Чехословакии в четвертом докладе по праву международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 48–49 англ. текста.

²²¹⁶ См. выступления г-на Тункина (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 167 англ. текста, пункт 39) и г-на Ляхса (там же, 813-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 268 англ. текста, пункт 62).

²²¹⁷ A/CONF.39/C.1/L.85, в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), p. 135.

²²¹⁸ A/CONF.39/C.1/L.94, *ibid.*

²²¹⁹ A/CONF.39/C.1/L.115, *ibid.*, p. 133.

²²²⁰ Объединенная Арабская Республика полагала, например, что эти поправки касаются сугубо вопроса формы (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 127, para. 24).

²²²¹ См. выступление представителя Швеции по этому вопросу, который подчеркнул, что «формула Комиссии международного права может иметь то преимущество, что будет сдерживать государства в плане формулирования оговорок» (*ibid.*, 22-е заседание, 11 апреля 1968 года, p. 117, para. 35). Представитель Польши заявил о своей поддержке поправок как раз в силу того, что они будут способствовать формулированию оговорок и установлению договорных отношений (*ibid.*, p. 118, para. 40), что для Аргентины «означало бы идти слишком далеко в применении критерия гибкости» (*ibid.*, 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 129, para. 43).

²²²² *Ibid.*, 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 135, paras. 35 *et seq.*

обстоятельными аргументами²²²³, настаивая на суверенном праве каждого государства формулировать оговорку и опираясь на консультативное заключение Суда 1951 года²²²⁴. Эта поправка в конечном итоге была принята²²²⁵, и содержащаяся в пункте 4 b) статьи 20 Конвенции презумпция оказалась изменена на обратную по сравнению с той, которая была предложена Комиссией.

12) Трудности, с которыми столкнулась Конференция в плане принятия советской поправки, четко свидетельствуют о том, что изменение презумпции в обратную сторону далеко не столь безобидно, как это утверждал на Конференции эксперт-консультант сэра Хэмфри Уолдок. По сути, проблема никак не ограничивается «формулированием правила в том или ином направлении»²²²⁶: эта новая формула, в частности, лежит в основе сомнений, которые часто высказываются по поводу функции возражения и реальных различий между принятием и возражением²²²⁷.

13) Тем не менее со времени принятия Венской конвенции 1969 года эта презумпция никогда не ставилась под вопрос. При разработке Венской конвенции 1986 года Комиссия просто-напросто ее скопировала. Поэтому не представляется ни реально необходимым, ни возможным разрушать тот компромисс, который был найден *in extremis* на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года. Согласно презумпции, которая в настоящее время является частью позитивного международного права, общее правило по-прежнему заключается в том, что возражение не препятствует вступлению договора в силу, — этот принцип напоминает в руководящем положении 4.3.1 — за исключением случая, когда может отсутствовать всякая договорная связь между автором возражения и автором оговорки; это исключение рассматривается в руководящем положении 4.3.5.

4.3.6 Последствия возражения для договорных отношений

1. В случае, когда государство или международная организация, возражающие против действительной оговорки, не возразили против вступления договора в силу между ними и госу-

²²²³ A/CONF.39/L.3, в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (сноска 54 выше), pp. 265–266.

²²²⁴ В частности, на ответ на второй вопрос, в котором Суд подтвердил, что государство, сформулировавшее возражение, «фактически может считать государство, которое сформулировало эту оговорку, не являющимся участником Конвенции» (*Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*) (см. сноску 604 выше), p. 29.

²²²⁵ 49 голосами против 21 при 30 воздержавшихся (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), 10-е пленарное заседание, 29 апреля 1969 года, p. 35, para. 79).

²²²⁶ *Ibid.*, p. 34, para. 74. См. также Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 156–157.

²²²⁷ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 172–173. См. также Pellet and Müller, «Reservations to treaties...» (сноска 1045 выше), pp. 37–59.

дарством или организацией, являющимися автором оговорки, положения, которых касается оговорка, не применяются между автором оговорки и возражающим государством или возражающей организацией в пределах сферы действия такой оговорки.

2. В той степени, в какой действительная оговорка имеет целью исключение юридического действия определенных положений договора, когда договаривающееся государство или договаривающаяся организация высказывает возражение против нее, но не заявляет о своем несогласии с вступлением договора в силу между ними и автором оговорки, государство или организация, высказавшие возражение против оговорки, и автор оговорки не связаны в своих договорных отношениях положениями, которых касается оговорка.

3. В той степени, в какой действительная оговорка имеет целью изменение юридического действия определенных положений договора, когда договаривающееся государство или договаривающаяся организация высказывает возражение против нее, но не заявляет о своем несогласии с вступлением договора в силу между ними и автором оговорки, государство или организация, высказавшие возражение против оговорки, и автор оговорки не связаны в своих договорных отношениях положениями договора, на изменение которых направлена оговорка.

4. Все договорные положения, иные, нежели те, которых касается оговорка, остаются применимыми в отношениях между государством или организацией, являющимися автором оговорки, и государством или организацией, высказавшими возражение против нее.

Комментарий

1) Палитра потенциальных последствий возражения весьма разнообразна²²²⁸. Простое неприменение договора между автором оговорки и автором возражения представляет собой самый простой случай (возражения с максимальным эффектом, являющееся предметом руководящего положения 4.3.5), однако сегодня он носит лишь маргинальный характер, в частности в силу инверсии презумпции, содержащейся в пункте 4 *b*) статьи 20 Венских конвенций²²²⁹. Подавляющее большинство возражений сегодня направлено на порождение самых разнообразных последствий: не возражая против вступления договора в силу по отношению к автору оговорки, возражающее государство пытается изменить договорные отношения, приспособив их к своим собственным позициям. Согласно пункту 3 статьи 21 Венских конвенций эти отношения в принципе проявляются посредством частичного неприменения договора

²²²⁸ См. пункт 4) вступительного комментария к части 4 Руководства по практике.

²²²⁹ См. пункты 1)–5) комментария к руководящему положению 4.3.5 выше.

(возражения с минимальным эффектом, сложные и диверсифицированные последствия которого в зависимости от содержания оговорки описаны в руководящем положении 4.3.6). Между тем в практике государств были разработаны другие виды возражений, которые отдаляются от последствий, предусмотренных пунктом 3 статьи 21 Венских конвенций, либо посредством исключения применения отдельных положений договора, которые (как таковые) не охватываются оговоркой (возражения с промежуточным эффектом, правовой режим которых описан в руководящем положении 4.3.7), с одной стороны, либо посредством утверждения, что договор применяется без каких-либо изменений (возражения с супермаксимальным эффектом, о чем говорится в руководящем положении 4.3.8).

2) Руководящее положение 4.3.6, в котором описываются последствия «простого» возражения для отношений между автором оговорки и государством или международной организацией, которые возражают против нее, включает четыре пункта:

– первый пункт, носящий вводный и общий характер, воспроизводит пункт 3 статьи 21 Венской конвенции 1986 года, уточняя, что речь идет только о возражениях против действительной оговорки;

– второй и третий пункты уточняют последствия возражения для договорных отношений в зависимости от того, направлено ли оно на исключение или на изменение одного или нескольких положений, к которым относится оговорка;

– наконец, четвертый пункт уточняет, что возражение остается в принципе без последствий для других положений договора.

3) В контексте традиционной системы единогласия было немыслимо, чтобы возражение порождало какое-то последствие помимо неучастия автора оговорки в договоре²²³⁰: возражение подрывало единогласие и не позволяло сделавшему оговорку государству стать участником договора. В свете того, что в то время представлялось очевидным, ни г-н Брайерли, ни сэр Джеральд Фитцморис последствия возражений против оговорок не обсуждали, а сэр Герш Лаутерпахт лишь коснулся их в своих предложениях *de lege ferenda*²²³¹.

4) В своем первом докладе сэр Хэмфри Уолдок также не считал нужным заниматься вопросом о последствиях возражений против оговорки. Объясняется это тем, что согласно пункту 4 *c*) его проекта статьи 19 возражение препятствует вступлению договора в силу в двусторонних отношениях между государством, сделавшим оговорку, и государством,

²²³⁰ См. Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 146.

²²³¹ Варианты С и D к проекту статьи 9 в первом докладе о праве международных договоров, подготовленном Гершем Лаутерпахтом, *Ежегодник... 1953 год*, том II, документ A/CN.4/63, стр. 91 *et seq.* англ. текста, в особенности стр. 92.

высказавшим возражение²²³². Несмотря на изменение этого категоричного решения в пользу простой презумпции, в принятом в первом чтении проекте статей по-прежнему ничего не говорилось по вопросу о конкретных последствиях возражения, которое не препятствовало вступлению договора в силу между его автором и сделавшим оговорку государством. Однако такое молчание обеспокоило не слишком много государств²²³³.

5) Тем не менее замечание, сделанное Соединенными Штатами Америки²²³⁴, привлекло внимание Специального докладчика и Комиссии к этой проблеме. Хотя случай установления договорных отношений независимо от возражения был сочтен «редким»²²³⁵ (что, безусловно, в то время так и было), Соединенные Штаты, тем не менее, решили, что случаи такого рода предусмотреть необходимо, и предложили включить новый пункт следующего содержания:

Когда государство отклоняет оговорку или заявляет против нее возражение, однако считает себя связанным договором с автором оговорки, положения, к которым применяется оговорка, не применяются в отношениях между двумя государствами²²³⁶.

6) Пояснения Соединенных Штатов убедили сэра Хэмфри Уолдока в «логической» необходимости включить этот случай в проект статьи 21. Он предложил новый пункт, сформулированный совсем не так, как предложение Соединенных Штатов:

Когда государство заявляет возражение против оговорки другого государства, но оба государства считают себя тем не менее взаимно связанными договором, положение, к которому относится оговорка, не применяется в отношениях между этими государствами²²³⁷.

7) Кроме того, в своем консультативном заключении 1951 года Международный Суд выразился в том же духе:

И наконец, может случиться так, что государство, не утверждая, что оговорка несовместима с объектом и целью Конвенции, все же заявляет против нее возражение, но в силу договоренности между ним и государством, которое сформулировало оговорку, Конвенция вступает в силу в отношениях между ними, за исключением положений, затронутых оговоркой²²³⁸.

8) Обсуждение в Комиссии проекта пункта 3, предложенного сэром Хэмфри Уолдоком, было весьма оживленным. Мнение г-на Кастрена, который полагал, что случай оговорки, ставшей объектом простого возражения, уже достаточно отражен в пункте 1 *b*)

²²³² См. пункт 8) комментария к руководящему положению 4.3.5 выше.

²²³³ Лишь два государства прямо подняли эту проблему. См. замечания правительства Дании (четвертый доклад по праву международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1-2, стр. 46 англ. текста) и замечания Соединенных Штатов (там же, стр. 47 и 55 англ. текста).

²²³⁴ *Ibid.*, p. 55.

²²³⁵ *Ibid.*

²²³⁶ *Ibid.*

²²³⁷ *Ibid.*, p. 55, para. 3 (Замечания и предложения Специального докладчика по статье 21).

²²³⁸ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 27.

проекта статьи 21²²³⁹, оказалось единственным. Большинство членов²²⁴⁰ сочли необходимым и даже «непременным»²²⁴¹ включение положения «во избежание двусмысленных ситуаций»²²⁴². Однако мнения членов Комиссии разошлись по вопросу объяснения последствий, предусмотренных новым пунктом, который предложили Соединенные Штаты и который предложил Специальный докладчик: если в предложении сэра Хэмфри Уолдока акцент делался на консенсуальную основу договорных отношений, установленных независимо от возражения, то предложение Соединенных Штатов, насколько можно судить, предполагало, что предусмотренное последствие вытекает лишь из одностороннего акта возражающего государства, т.е. из возражения, при этом сделавшее оговорку государство реального выбора не имеет. В Комиссии у обоих этих тезисов нашлись свои сторонники²²⁴³.

9) Однако принятый единогласно Комиссией окончательный текст²²⁴⁴ остается весьма нейтральным и четко свидетельствует о том, что этот вопрос Комиссией решен не был. Специальный докладчик выразил мнение о том, что он мог «допустить ту или иную из двух тенденций, которые проявились в связи с дополнительным пунктом», учитывая, что «обе версии имеют одни и те же практические последствия и в этой конкретной ситуации оба государства, вероятно, будут готовы считать договор действующим в отношениях между ними, за исключением положений, ставших предметом оговорки»²²⁴⁵.

10) На Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров пункт 3 того текста, который стал статьей 21, в ходе обсуждений никаких проблем не вызвал, за исключением некоторых неудачных изменений, от которых Конференция довольно быстро отказалась.

11) Однако этот эпизод небезынтересен для понимания точного значения пункта 3 статьи 21.

²²³⁹ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 172 англ. текста, пункт 15.

²²⁴⁰ Г-н Руда (там же, пункт 13); г-н Аго (там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 271-272 англ. текста, пункты 7 и 11); г-н Тункин (там же, стр. 271 англ. текста, пункт 8) и г-н Бриггс (там же, стр. 272 англ. текста, пункт 14).

²²⁴¹ См. выступление г-на Аго (там же, стр. 271 англ. текста, пункт 7).

²²⁴² Там же.

²²⁴³ Г-н Яссин (там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 171 англ. текста, пункт 7, стр. 172 англ. текста, пункты 21-23 и стр. 173 англ. текста, пункт 26), г-н Тункин (там же, стр. 172 англ. текста, пункт 18) и г-н Пал (там же, стр. 172-173 англ. текста, пункт 24) высказали те же сомнения, что и Специальный докладчик (там же, стр. 173 англ. текста, пункт 31); г-н Розен, поддержанный г-ном Рудой (там же, стр. 172 англ. текста, пункт 13), напротив, полагал, что «односторонняя концепция ситуации, которую правительство Соединенных Штатов изложило в своих замечаниях по поводу пункта 2, в большей степени соответствует общей структуре положений об оговорках, принятых Комиссией, и выглядит предпочтительнее концепции взаимности, предлагаемой Специальным докладчиком» (там же, стр. 172 англ. текста, пункт 10).

²²⁴⁴ Там же, 816-е заседание, 2 июля 1965 года, стр. 284 англ. текста.

²²⁴⁵ Там же, 800-е заседание, 11 июня 1965 года, стр. 173 англ. текста, пункт 31.

Редакционный комитет Конференции под председательством г-на Яссина, который в рамках Комиссии выражал сомнения по поводу разграничения между принятием и возражением в плане их соответствующих последствий для договорных отношений²²⁴⁶, предложил измененный вариант текста, который впоследствии стал пунктом 3 статьи 21, с тем чтобы отразить новую презумпцию в пользу минимального эффекта возражения, принятую вследствие поправки Союза Советских Социалистических Республик²²⁴⁷. Согласно этой поправке:

В случае, когда какое-либо государство, которое сформулировало возражение против оговорки, не выступает против вступления договора в силу между ним и государством, сделавшим оговорку, оговорка порождает последствия, изложенные в пунктах 1 и 2*²²⁴⁸.

12) Отсюда весьма четко следовало, что простое возражение, как предполагалось, должно порождать те же последствия, что и принятие. Хотя это положение уже было принято Конференцией²²⁴⁹, за несколько дней до ее окончания была внесена совместная поправка Индии, Нидерландов, Союза Советских Социалистических Республик и Японии²²⁵⁰, с тем чтобы заменить конец фразы текстом, первоначально предложенным Комиссией, в целях восстановления разграничения между последствиями возражения и последствиями принятия.

13) Совместная поправка была внесена в текст Редакционным комитетом и принята Конференцией²²⁵¹. Г-н Яссин пояснил, что «следует провести разграничение между случаем, когда государство заявляет возражение против оговорки, соглашаясь с тем, что договор вступает в силу, и случаем, когда сформулированная оговорка принимается»²²⁵².

14) Восстановление текста, первоначально предложенного Комиссией, возвращает возражению его подлинное значение и его настоящие последствия и дает отпор тем представителям доктрины, которые ставили под сомнение специфику института возражения по сравнению с институтом принятия²²⁵³.

15) Пункт 3 статьи 21 Венской конвенции 1969 года, однако, не был примером кодификации в строгом смысле этого слова в момент его принятия Комиссией, а затем Конференцией. Он был включен

Комиссией, «чтобы устранить пробел»²²⁵⁴, а не в качестве нормы обычного права²²⁵⁵. Хотя пункт 3 разрабатывался Комиссией несколько поспешно и вызывал обсуждения и предложения внести изменения до последних дней Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1969 года, некоторые члены Комиссии во время разработки проекта того, что стало Венской конвенцией 1986 года, тем не менее полагали, что это положение является понятным²²⁵⁶ и приемлемым²²⁵⁷. Такова, как представляется, была позиция Комиссии в целом, поскольку она приняла его в первом чтении, внося лишь необходимые изменения редакционного характера, потребовавшиеся после 1977 года. Это одобрение свидетельствует об обычном характере, который приобрел пункт 3 статьи 21²²⁵⁸, что подтверждается решением Арбитражного суда по рассмотрению спора *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*, вынесенным несколько дней спустя²²⁵⁹. Здесь речь идет о важном элементе «гибкой» системы оговорок к международным договорам.

16) Отныне «нормальные» последствия возражения против действительной оговорки, таким образом, предусмотрены в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций. Это положение в более полной редакции 1986 года предусматривает следующее:

Когда государство или международная организация, возражающее/возражающая против оговорки, не возражало/возражала против вступления в силу договора между собой и сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку организацией, то положения, к которым относится оговорка, не применяются между сделавшим оговорку государством или сделавшей оговорку организацией и возразившим против оговорки государством или возразившей против оговорки организацией в пределах сферы действия такой оговорки.

17) Несмотря на явное усложнение формулировки, смысл положения ясен: как только договор вступил в силу в двусторонних отношениях между автором оговорки и автором возражения (что в пункте 3 статьи 21 не уточняется, но очевидно и так), из их договорных отношений исчезает положение или положения, которых касается оговорка, в пределах сферы действия такой оговорки. Между тем пункт 3 статьи 21 вызывает три замечания.

18) Во-первых, предусмотренные последствия возражения диаметрально противоположны последствиям принятия. Последствия принятия заключаются в изменении юридического действия положений, которых касается оговорка, в пределах

²²⁴⁶ Там же, 814-е заседание, 29 июня 1965 года, стр. 271 англ. текста, пункт 5.

²²⁴⁷ См. пункт 4) выше.

²²⁴⁸ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (см. сноску 332 выше), 11-е пленарное заседание, 30 апреля 1969 года, р. 36.

²²⁴⁹ *Ibid.*, para. 10 (94 голоса – за, причем никто не голосовал против).

²²⁵⁰ A/CONF.39/L.49, в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (см. сноску 54 выше), р. 273.

²²⁵¹ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (см. сноску 332 выше), 33-е пленарное заседание, 21 мая 1969 года, р. 181, para. 12.

²²⁵² *Ibid.*, p. 181, para. 2.

²²⁵³ См. ссылки на доктрину в сноске 2199 выше.

²²⁵⁴ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста, пункт 2) комментария к проекту статьи 19.

²²⁵⁵ Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), р. 398.

²²⁵⁶ Г-н Калье-и-Калье, *Ежегодник... 1977 год*, том I, 1434-е заседание, 6 июня 1977 года, стр. 124, пункт 8.

²²⁵⁷ Г-н Табиби, там же, стр. 124, пункт 7.

²²⁵⁸ Edwards, «Reservations to treaties» (сноска 59 выше), р. 398; Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), р. 308.

²²⁵⁹ Решение от 30 июня 1977 года, *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), р. 3.

сферы действия такой оговорки, тогда как возражение исключает применение этих положений в том же объеме²²⁶⁰. Хотя в ряде специфических случаев конкретные последствия для договорных отношений, установленных несмотря на возражение, могут быть идентичны последствиям, порожаемым принятием²²⁶¹, тем не менее, правовые режимы пары оговорка/принятие, с одной стороны, и пары оговорка/возражение, с другой стороны, юридически совершенно разные.

19) Во-вторых, вызывает удивление и сожаление то, что пункт 3 ясно не ограничивает сферу применения лишь «действительными» оговорками по смыслу статьи 19 и статьи 23 Венских конвенций, как это сделано в пункте 1²²⁶². Тем не менее возражение против недействительной оговорки не может порождать последствия, предусмотренные пунктом 3²²⁶³, хотя в определенных случаях практика государств, как представляется, это допускает. Государства, по сути, часто возражают против оговорок, которые они считают недействительными в силу несовместимости с объектом и целью договора, при этом не выступая против вступления договора в силу или прямо уточняя, что их возражение не препятствует вступлению договора в силу в их отношениях с государством, сделавшим оговорку.

20) Одним из примеров является возражение Федеративной Республики Германии против оговорки, сформулированной Мьянмой к Конвенции о правах ребенка:

Федеративная Республика Германии, полагая, что оговорки, сделанные Союзом Мьянма к статьям 15 и 37 Конвенции о правах ребенка, несовместимы с объектом и целью указанной Конвенции (пункт 2 статьи 51), заявляет возражение против этих оговорок.

Это возражение не будет препятствовать вступлению Конвенции в силу в отношениях между Союзом Мьянма и Федеративной Республикой Германии²²⁶⁴.

21) Этот пример далеко не единичен; существует большое число возражений, которые, несмотря на убежденность, выражаемую их авторами в отношении недействительности оговорки, не препятствуют вступлению договора в силу и прямо это предусматривают²²⁶⁵, хотя подчас также ясно указывают, что в

отношениях между двумя государствами не применяются только те положения, к которым относится оговорка²²⁶⁶. Таким образом, простые возражения (или возражения «с минимальным эффектом») против оговорок, считающихся недействительными, являются далеко не вымыслом²²⁶⁷.

22) Венские конвенции не дают ответа на этот острый вопрос и, судя по всему, рассматривают последствия возражения для содержания договорных отношений независимо от вопроса действительности оговорки. В отношении этого аспекта можно полагать, что Конвенции вышли за пределы необходимого в вопросе размежевания критериев действительности оговорки и последствий возражения. Одно дело разрешать государствам и международным организациям возражать против любой оговорки²²⁶⁸, действительной или недействительной, и совсем другое – наделять все эти возражения идентичными последствиями. К тому же, как следует из руководящих положений 4.5.1 и 4.5.3, норма, закрепленная в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, неприменима к возражениям против оговорок, которые не удовлетворяют условиям действительности статьи 19 (или руководящего положения 3.1) и статьи 23 (или руководящих положений 2.1.1–2.1.7 и

государствами, при этом четко не излагая позицию в других случаях, в которых оно возражало против какой-нибудь оговорки по тем же причинам. Многочисленные примеры можно обнаружить в возражениях против оговорок, сформулированных к Международному пакту о гражданских и политических правах: в частности, возражения, сделанные против оговорки Соединенных Штатов Америки к статье 6 Пакта Бельгией, Данией, Испанией, Италией, Нидерландами, Норвегией, Португалией, Финляндией, Францией и Швецией (*ibid.*, chap. IV.4). Все эти государства сочли оговорку несовместимой с объектом и целью Пакта, однако при этом не выступили против вступления Пакта в силу в своих отношениях с Соединенными Штатами; в отличие от Германии, которая не хранила молчания по этому вопросу, хотя ее возражение в равной степени было мотивировано противоречием оговорки Соединенных Штатов «как смысл, так и духу и намерению статьи 6» (*ibid.*). Аналогичные замечания применимы в отношении возражения Польши против оговорок, сформулированных Пакистаном при присоединении к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (*ibid.*, chap. IV.9). Это явление, однако, не ограничивается договорами по правам человека: см., например, возражения Австрии, Германии, Италии и Франции против оговорки Вьетнама к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (*ibid.*, chap. VI.19).

²²⁶⁶ См., например, возражение Бельгии против оговорок нескольких государств к Конвенции о дипломатических сношениях: «Правительство Королевства Бельгии высказывает возражение против оговорок, сформулированных в отношении пункта 3 статьи 27 Бахрейном, в отношении пункта 2 статьи 37 – Объединенной Арабской Республикой (сейчас – Арабская Республика Египет), Камбоджей (сейчас – Кхмерская Республика) и Марокко. Тем не менее правительство считает, что Конвенция остается в силе между Королевством и упомянутыми государствами соответственно, за исключением положений, которые в каждом случае являются объектом указанных оговорок» (*ibid.*, chap. III.3); см. также возражение Нидерландов против оговорки, сформулированной Соединенными Штатами Америки к Пакту о гражданских и политических правах, цитируемое в пункте 4) комментария к руководящему положению 4.3.1) (сноска 2200 выше).

²²⁶⁷ См. Zemanek, «Some unresolved questions concerning reservations...» (сноска 1074 выше), p. 331.

²²⁶⁸ См. комментарий к руководящему положению 2.6.2, пункты 1)–9).

²²⁶⁰ См. Pellet and Müller, «Reservations to treaties...» (сноска 1045 выше), в частности pp. 46–54.

²²⁶¹ По этому вопросу см. пункт 39) ниже.

²²⁶² «1. Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23»; см. руководящее положение 4.1 (Вступление в действие оговорки в отношении другого государства или другой международной организации) и соответствующий комментарий.

²²⁶³ См. руководящее положение 4.5.1 (Ничтожность недействительной оговорки) и соответствующий комментарий.

²²⁶⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.П.

²²⁶⁵ См. также в числе многочисленных примеров возражения Бельгии против оговорок Египта и Камбоджи к Венской конвенции о дипломатических сношениях (*ibid.*, chap. III.3) или возражения Германии против ряда оговорок к той же Конвенции (*ibid.*). Небезынтересно, однако, отметить по поводу возражения Германии, где оговорки названы «несовместимыми с буквой и духом Конвенции», что правительство Германии в отношении ряда возражений заявило лишь то, что они не препятствуют вступлению в силу договора между Германией и соответствующими

2.2.1)²²⁶⁹. По этой причине в каждом из трех первых пунктов руководящего положения 4.3.6 уточняется, что они применяются только к действительным оговоркам.

23) В-третьих, хотя из текста пункта 3 статьи 21 Венских конвенций явствует, что положения, которых касается оговорка²²⁷⁰, не применяются в отношении автора возражения, часть фразы «в пределах сферы действия такой оговорки» остается «достаточно туманной»²²⁷¹ и требует более пространственных пояснений.

24) В решении Арбитражного суда по делу *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic*²²⁷² уточняется смысл этого выражения. Французская Республика при ратификации сформулировала оговорку к статье 6 Конвенции о континентальном шельфе 1958 года, и соответствующая часть этой оговорки гласила следующее:

Правительство Французской Республики не будет принимать без прямой договоренности делимитацию континентального шельфа на основе принципа равной удаленности:

– если она будет измеряться от исходных линий, установленных после 29 апреля 1958 года;

– если она будет продолжена за пределы изобаты, отражающей 200-метровую глубину;

– если она находится в районах, где, как считается, имеются «особые обстоятельства» по смыслу пунктов 1 и 2 статьи 6, а именно: в Гасконском заливе, бухте Гранвиля и акваториях Па-де-Кале и Северного моря у берегов Франции²²⁷³.

Правительство Соединенного Королевства заявило возражение против этой части оговорки Франции, указав лишь, что:

Правительство Соединенного Королевства не в состоянии принять оговорки, сформулированные правительством Французской Республики²²⁷⁴.

25) В Арбитражном суде Франция утверждала, что в силу совокупных последствий ее оговорки и возражения Великобритании и с учетом принципа

²²⁶⁹ В этой связи см., в частности, G. Gaja, «Il regime della Convenzione di Vienna concernente le riserve inammissibili», в *Studi in onore di Vincenzo Starace*, Naples, Scientifica, 2008, vol. I, pp. 349–361.

²²⁷⁰ Не следует чрезмерно узко толковать термин «положения» в данном контексте. Речь может идти как об одной, так и о нескольких статьях договора или, наоборот, о предложении или части предложения или даже о договоре в целом под тем или иным углом зрения. См. также Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 86 (цитируется в пункте 29) ниже).

²²⁷¹ По выражению представителя Соединенных Штатов Америки на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session... (A/CONF.39/11/Add.1)* (сноска 332 выше), 33-е пленарное заседание, 21 мая 1969 года, p. 181, para. 9.

²²⁷² *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше).

²²⁷³ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.4.

²²⁷⁴ *Ibid.*

консенсуализма статья 6 в целом неприменима в отношениях между двумя сторонами²²⁷⁵. В свою очередь, Соединенное Королевство полагало, что, согласно пункту 3 статьи 21 Венской конвенции, которая в то время не вступила в силу и даже не была подписана Французской Республикой, «оговорки Франции могут делать статью 6 неприменимой не в целом, а в лучшем случае лишь "в пределах сферы действия оговорки"»²²⁷⁶.

26) Арбитражный суд заявил, что

ответ на вопрос о юридических последствиях оговорки Франции отчасти вытекает из аргументов Французской Республики и отчасти из аргументов Соединенного Королевства. Французская Республика явно имеет основания заявлять, что установление договорных отношений между нею и Соединенным Королевством в рамках Конвенции зависит от согласия, даваемого каждым государством на обязательность положений этой Конвенции, и что, формулируя свои оговорки к статье 6, она подчинила свое согласие на обязательность положений этой статьи условиям, изложенным в оговорках. С другой стороны, замечание Соединенного Королевства, согласно которому его отказ касался только оговорки, а не статьи 6 в целом, имеет значительный вес. В итоге разногласия между двумя государствами касались не вопроса о признании статьи 6 как применимой в их взаимоотношениях, а тех аспектов, которые оговорки Французской Республики исключили из сферы применения статьи 6. Последствия отклонения оговорки Соединенным Королевством, таким образом, ограничиваются самими оговорками²²⁷⁷.

И далее Арбитражный суд заявил:

Последствия отклонения, однако, в более узком смысле вполне можно считать как делающие оговорки неприменимыми к Соединенному Королевству. Как последствия оговорки Франции заключаются в том, чтобы не дать Соединенному Королевству ссылаться на положения статьи 6, иначе как на условиях, изложенных в оговорках, так и последствия отклонения оговорки заключаются в том, чтобы не дать Французской Республике навязать эти оговорки Соединенному Королевству, с тем чтобы обеспечить применение к нему в качестве обязательной делимитации, осуществленной в соответствии с условиями, содержащимися в этих оговорках. Таким образом, совокупные последствия оговорки Франции и их отклонения Соединенным Королевством заключаются и не в том, чтобы сделать статью 6 неприменимой в целом, как об этом заявляет Французская Республика, и не в том, чтобы сделать ее применимой в целом, как на этом настаивает Соединенное Королевство в первом аргументе. Последствия оговорки и их отклонения заключаются в том, чтобы сделать статью 6 неприменимой между двумя государствами в пределах сферы действия оговорки, но только в пределах этой сферы; это как раз то, что в подобном случае предусматривает пункт 3 статьи 21 Венской конвенции о праве международных договоров и что вытекает из принципа взаимного согласия²²⁷⁸.

27) Таким образом, решение 1977 года подтверждает не только обычно-правовой характер пункта 3 статьи 21²²⁷⁹. Оно, к тому же, уточняет, что цель данного положения, которая вытекает из самого принципа взаимного согласия, заключается в максимально возможном сохранении договоренности между сторонами. Исключать надо применение не всего или всех положений, которых касается

²²⁷⁵ *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), pp. 40–41, para. 57.

²²⁷⁶ *Ibid.*, p. 41, para. 58.

²²⁷⁷ *Ibid.*, para. 59.

²²⁷⁸ *Ibid.*, para. 61.

²²⁷⁹ См. пункт 16) выше.

оговорка, а лишь тех их частей, с которыми стороны выразили свое несогласие.

28) В случае Франции и Соединенного Королевства это равносильно признанию того, что статья 6 остается применимой между двумя сторонами, за исключением тех элементов, которых касается оговорка Франции. Это как раз то, что означают слова «в пределах сферы действия такой оговорки». Предусмотренные пунктом 3 последствия направлены на сохранение договоренности между сторонами в максимально возможной степени посредством обеспечения применения в договорах тех положений, по которым согласие было достигнуто, и исключения других положений; или, как пояснил Жан Кьонгун Ко,

в этом отношении Венская конвенция, как представляется, прямо стремится сохранить договор в максимально возможном объеме, даже когда у сторон нет согласия по поводу оговорки... Венская конвенция пытается спасти в максимальной степени то, что не вызывает споров в отношениях между государствами, сделавшими оговорку, и государствами, заявляющими возражения²²⁸⁰.

29) Хотя в принципе пункт 3 статьи 21 сформулирован более четко, чем об этом иногда говорят, тем не менее, применять его непросто. По этому поводу Д.У. Боуэт заметил:

Практическая трудность может заключаться в том, чтобы точно определить, какая часть договора затронута оговоркой и, таким образом, должна быть изъята из договоренности между двумя сторонами. Речь может идти о целой статье или пункте статьи или лишь об одной фразе или слове в пункте. Нет правила, которое могло бы определить это, за исключением того, что с помощью обычных способов толкования и анализа необходимо определить, к какому «положению», к какому слову относится оговорка²²⁸¹.

30) Кроме того, как справедливо подчеркнул Хорн:

Оговорка затрагивает не только положение, к которому она непосредственно относится, но также может влиять на другие положения. «Исключение» одного положения, т.е. введение противоположной нормы, изменяет контекст, необходимый для толкования других норм. Норма редко существует изолированно, она является неотъемлемой частью системы норм. Сфера действия оговорки не обязательно ограничивается лишь непосредственно затронутым положением, а распространяется также на положения, на применении которых сказывается «исключение» или «изменение»²²⁸².

31) Только надлежащее толкование оговорки позволяет определить те положения договора или те конкретные аспекты договора, юридическое действие которых делающее оговорку государство или международная организация намеревается исключить или изменить. Эти положения или эти аспекты договора в силу возражения становятся неприменимыми в договорных отношениях между автором возражения и автором оговорки. Однако все положения, которых оговорка не касается, остаются применимыми между двумя сторонами, как отмечается в пункте 4 руководящего положения 4.3.6.

²²⁸⁰ Koh, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 1443 выше), p. 102.

²²⁸¹ Bowett, «Reservations to non-restricted...» (сноска 150 выше), p. 86.

²²⁸² Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 178.

32) Можно в принципе определить, что следует исключить из отношений между двумя сторонами, задав следующий вопрос: что фактически изменяет оговорка в договорных отношениях между ее автором и договаривающимся государством или договаривающейся организацией, которое/которая ее приняло/приняла.

33) Тем не менее первый пункт руководящего положения 4.3.6 нуждается в уточнениях в зависимости от того, направлена ли оговорка, которой касается возражение, на исключение или на изменение юридического действия определенных положений договора. Это как раз и уточняется в пунктах 2 и 3 этого руководящего положения.

34) Чтобы пояснить содержание договорных отношений между автором оговорки и государством или международной организацией, заявившим/заявившей возражение, полезно использовать различие между «modifying reservations» [изменяющими оговорками] и «excluding reservations» [исключающими оговорками], уже используемое в руководящем положении 4.2.4, общей схеме которого следует руководящее положение 4.3.6, для определения последствий действующей оговорки.

35) Так же, как и пункты 2 и 3 руководящего положения 4.2.4, пункты 2 и 3 руководящего положения 4.3.6 начинаются с выражения «в той степени, в какой...», с тем чтобы учесть тот факт, что одна и та же оговорка может быть направлена одновременно на исключение и на изменение²²⁸³. Слова «направлена на исключение» или «направлена на изменение», которые также используются в пункте 1 d) Венских конвенций и воспроизводятся в руководящем положении 1.1 и Руководстве по практике для определения оговорок, контрастируют с глаголами «исключает» и «изменяет», используемыми в соответствующих положениях руководящего положения 4.2.4 для указания на то, что оговорки, о которых идет речь в руководящем положении 4.3.6, не могут рассматриваться в качестве «действующих» по отношению к автору возражения, поскольку, предположительно, он с ними не согласился, а, напротив, возразил против них.

36) Проще очертить случай исключаящих оговорок. Доказательством является пример оговорки Египта к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года. Эта оговорка уточняет: Пункт 2 статьи 37 не применяется²²⁸⁴.

Таким образом, в договорных отношениях между автором оговорки и автором простого возражения Венская конвенция о дипломатических сношениях будет применяться без пункта 2 статьи 37. Это положение не применяется в пределах действия оговорки; то есть не применяется вовсе. Его применение полностью исключено.

²²⁸³ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 4.2.4.

²²⁸⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3.

37) Куба сделала оговорку об исключении применения пункта 1 статьи 25 Конвенции о специальных миссиях:

Революционное правительство Республики Куба делает прямую оговорку относительно третьего предложения пункта 1 статьи 25 и соответственно не признает, что согласие главы специальной миссии может предполагаться полученным в случаях, о которых говорится в этом пункте или в любом другом случае²²⁸⁵.

Также в этом случае возражение (простое) имеет следствием исключение применения третьего предложения пункта 1 статьи 25 Конвенции. Тем не менее остальная часть этого положения остается в силе в отношениях между двумя сторонами.

38) Однако возможны случаи намного более сложных исключающих оговорок. В частности, таковым является случай сквозных оговорок, то есть оговорки, которые направлены на исключение юридического действия договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов²²⁸⁶. Так, оговорка Гватемалы к Таможенной конвенции о временном ввозе частных дорожных перевозочных средств 1954 года предусматривает:

Правительство Гватемалы оставляет за собой право:

1) считать, что положения Конвенции применяются лишь к физическим лицам, а не к физическим и юридическим лицам, как это предусматривает статья 1 главы I²²⁸⁷.

Чисто механическое применение пункта 3 статьи 21 Венских конвенций могло бы создать впечатление, что договорные отношения между автором этой оговорки и государством, сформулировавшим против нее возражение, исключают применение статьи 1 – положения, которого касается оговорка. Однако из того факта, что в оговорке напрямую говорится лишь о статье 1, не следует, что она касается только этого положения. В конкретном случае оговорки Гватемалы было бы также абсурдным исключать лишь применение статьи 1 Конвенции или считать, что, поскольку оговорка касается всех положений Конвенции (исключая часть из своей сферы применения *ratione personae*), простое возражение исключает все положения Конвенции. Лишь то, что на деле изменено или исключено по причине оговорки, остается неприменимым в договорных отношениях между автором оговорки и автором простого возражения: применимость всей Конвенции в той мере, в какой это применение касается юридических лиц.

39) В этих случаях, и только в таких случаях²²⁸⁸, возражение порождает конкретно те же последствия, что и принятие: исключение юридического действия или применения положения, которого касается оговорка «в пределах действия такой оговорки»; принятие и простое возражение влекут за собой те же договорные отношения между автором оговорки, с

²²⁸⁵ *Ibid.*, chap. III.9.

²²⁸⁶ См. пункт 2 руководящего положения 1.1 (Определение оговорок) и пункты 16)–22) комментария к нему.

²²⁸⁷ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XI.A.8.

²²⁸⁸ Иначе обстоит дело с возражениями к изменяющим оговоркам – см. пункт 3 руководящего положения 4.3.6 и пункт 41) ниже.

одной стороны, и автором принятия или простого возражения, с другой стороны. По этому вопросу авторы сходятся во мнениях²²⁸⁹. Однако такое сходство последствий принятия и возражения с минимальным эффектом не означает, что обе реакции являются идентичными и что автор оговорки «would get what it desired» [«получит то, что он хотел»]²²⁹⁰. Тогда как принятие является синонимом согласия или, по крайней мере, отсутствия возражения в отношении оговорки, возражение не может рассматриваться как простое «благое пожелание»²²⁹¹; оно представляет собой выражение несогласия и направлено на сохранение прав его автора образом, сравнимым с односторонним заявлением (возражением)²²⁹².

40) В поддержку этих замечаний в пункте 2 руководящего положения 4.3.6 уточняется конкретное последствие возражения против исключающей оговорки и признается сходство между договорными отношениями, установленными в обоих случаях.

41) Случай изменяющих оговорок, являющийся предметом третьего пункта руководящего положения 4.3.6, напротив весьма четко показывает различие между возражением и принятием. В то время как вступление в действие оговорки изменяет юридические обязательства между автором оговорки и договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, в отношении которых действует оговорка, пункт 3 статьи 21 исключает применение любых положений, которые будут потенциально изменены оговоркой в пределах ее действия. Если какое-либо государство формулирует оговорку, направленную на замену одного договорного обязательства другим, то пункт 3 статьи 21 предусматривает, что договорные отношения между автором оговорки и автором простого возражения не будут включать обязательство, потенциально замененное оговоркой. В данном случае не применяется ни первоначальное обязательство, поскольку автор оговорки с ним не согласился, ни измененное обязательство, предложенное оговоркой, поскольку автор

²²⁸⁹ См., например, Clark, «The Vienna Convention reservations regime...» (сноска 1087 выше), p. 308; Coccia, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 196 выше), p. 36; Gaja, «Unruly treaty reservations» (сноска 28 выше), p. 327; Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 157; Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 199; и Sinclair, *The Vienna Convention on the Law of Treaties* (сноска 129 выше), p. 76. См. также пояснения представителя Нидерландов относительно поправки, внесенной четырьмя государствами (цитируется в сноске 2250 выше), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (сноска 332 выше), 32-е пленарное заседание, 20 мая 1969 года, p. 179, para. 55. См. также Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 173, и Klabbers, «Accepting the unacceptable?...» (сноска 2199 выше), pp. 186–187.

²²⁹⁰ Klabbers, «Accepting the unacceptable?...» (сноска 2199 выше), p. 179.

²²⁹¹ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 157, где цитируется J. Dehaussy.

²²⁹² Zemanek, «Some unresolved questions concerning reservations...» (сноска 1074 выше), p. 332. См. также Pellet and Müller, «Reservations to treaties...» (сноска 1045 выше), p. 53.

возражения в свою очередь не дал на это своего согласия²²⁹³.

42) В пункте 3 руководящего положения 4.3.6 делается акцент на этом различии между принятой оговоркой с изменяющим эффектом и оговоркой, ставшей объектом простого возражения. Как и пункт 2, его следует читать в совокупности с пунктом 1 руководящего положения 4.3.6, который он призван прояснить.

43) В свою очередь, в пункте 4, последнем пункте излагается норма здравого смысла, которая а contrario вытекает из трех предыдущих пунктов и состоит в том, что взаимодействие оговорки и возражения оставляет неизменными все права и обязательства, вытекающие из договорных положений, иных, нежели те, которых касается оговорка. Однако этот принцип следует понимать с учетом весьма особого случая, когда речь идет о заявлениях, называемых иногда возражениями «с промежуточным эффектом», которые рассматриваются в руководящем положении 4.3.7.

4.3.7 Последствия возражения для положений иных, нежели те, которых касается оговорка

1. Положение договора, которого не касается оговорка, но которое имеет достаточно тесную связь с положениями, которых она касается, не применяется в договорных отношениях между автором оговорки и автором возражения, сформулированного в соответствии с руководящим положением 3.4.2.

2. Государство или организация, являющиеся автором оговорки, вправе в течение двенадцати месяцев после уведомления о возражении, последствия которого указаны в пункте 1, заявить о своем несогласии с вступлением договора в силу между ними и государством или организацией, высказавшими возражение. В отсутствие такого заявления о несогласии договор применяется в отношениях между автором оговорки и автором возражения в той степени, в какой это предусмотрено оговоркой и возражением.

Комментарий

1) Согласно руководящему положению 3.4.2 (Материальная действительность возражения против оговорки):

Возражение против оговорки, которым государство или международная организация намерено/намерена исключить в своих отношениях с автором оговорки применение положений договора, не затрагиваемых оговоркой, является материально действительным только в том случае, если:

a) исключаемые таким образом положения имеют достаточную связь с положениями, которые затрагиваются оговоркой, и

²²⁹³ Примеры изменяющих оговорок можно найти в пунктах 22)–23) комментария к руководящему положению 4.2.4.

b) возражение не имеет следствием лишение договора его объекта и его цели в отношениях между автором оговорки и автором возражения.

2) Эти возражения, не препятствующие вступлению в силу договора в целом между их автором и автором оговорки (возражения с максимальным эффектом²²⁹⁴), призванные, тем не менее, породить последствия, выходящие за рамки того, что предусматривается в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций и воспроизводится и дополняется в руководящем положении 4.3.6, зачастую квалифицируются в качестве возражений «с промежуточным эффектом»²²⁹⁵.

3) Цель руководящего положения 4.3.7 состоит не в том, чтобы излагать условия действительности таких возражений, о которых речь идет в руководящем положении 3.4.2, а в том, чтобы определить последствия, которые они могут порождать. В какой степени автор возражения может придать эффект своему промежуточному возражению в диапазоне от «простого» эффекта (пункт 3 статьи 21 Венских конвенций) до «квалифицированного» или «максимального» эффекта, который исключает вступление в силу договора в целом в отношениях между автором оговорки и автором возражения (пункт 4 b) статьи 20 Венских конвенций?

4) Очевидно, что такой выбор не может быть оставлен на усмотрение автора возражения²²⁹⁶. Как подчеркнул Международный Суд в своем заключении 1951 года по делу *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*:

Естественно следует предположить наличие у договаривающихся сторон намерения сохранить все важное для целей Конвенции; если это намерение отсутствует, то совершенно ясно, что сама Конвенция будет подорвана как в своем принципе, так и в своем применении²²⁹⁷.

5) Таким образом, возражение ни в коем случае не может исключать из договорных отношений между возражающим государством или международной организацией, с одной стороны, и автором оговорки, с другой стороны, положений договора, которые являются важными для реализации его объекта и его цели. За эту границу, по всей очевидности, не следует выходить, и проект руководящего положения 3.4.2 делает из нее один из критериев оценки действительности²²⁹⁸.

6) Но, с другой стороны, не следует упускать из виду сам принцип взаимного согласия, который лежит в основе всего договорного права и который, как это было совершенно справедливо подчеркнуто в арбитражном решении, вынесенном по делу *Delimitation of the Continental Shelf between the United*

²²⁹⁴ См. руководящее положение 4.3.5.

²²⁹⁵ См. пункт 1) комментария к руководящему положению 3.4.2.

²²⁹⁶ См. пункт 8) комментария к руководящему положению 3.4.2.

²²⁹⁷ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), p. 27.

²²⁹⁸ См. пункт 1) выше.

Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic, является важным для определения последствий возражения и оговорки²²⁹⁹. Как это неоднократно подчеркивалось в комментариях к различным руководящим положениям Руководства по практике: «Никакое государство не может быть связано договорными обязательствами, которые оно считает нецелесообразными»²³⁰⁰. Это верно как для государства (или международной организации), сформулировавшего оговорку, так и для государства (или международной организации), возражающего против оговорки. Впрочем, в некоторых ситуациях последствия возражения, предусмотренные в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, могут оказаться неспособными восстановить взаимное согласие между автором оговорки и автором возражения, в то время как ни объект, ни цель договора не затрагиваются оговоркой.

7) Таким, в частности, является случай, когда оговорка направлена на исключение или изменение положения договора, которое, согласно намерению сторон, является необходимым для сохранения баланса прав и обязанностей, являющихся результатом их согласия на вступление договора в силу. Это применимо, когда оговорка не только затрагивает согласие сторон на прямо указанное положение, но и нарушает баланс, достигнутый во время переговоров относительно набора взаимосвязанных положений. Договаривающееся государство или договаривающаяся организация может в этом случае на законном основании считать, что факт признания для себя обязательным одного из данных положений без возможности использования одного или нескольких других положений является «договорным обязательством, которое она считает нецелесообразным».

8) Именно ситуациям подобного рода имеют целью противостоять возражения с промежуточным эффектом. Эта практика проявляется главным образом, если не исключительно, в рамках оговорок и возражений в отношении положений части V Венской конвенции 1969 года, и она четко показывает причины, в силу которых авторы возражений стремятся расширить сферу последствий, которых она касается.

9) Статья 66 Венской конвенции 1969 года и приложение к ней об обязательной процедуре примирения устанавливают процессуальные гарантии, которые многие государства при принятии Конвенции считали важными для предотвращения злоупотребления

другими положениями Части V²³⁰¹. Таким образом, реакция нескольких государств на оговорки в отношении статьи 66 Венской конвенции 1969 года имеет целью сохранить общий компромисс, который некоторые государства попытались нарушить с помощью оговорок и который может быть восстановлен лишь путем формулирования возражения, выходящего за рамки «обычного» действия оговорок, предусмотренных Венской конвенцией²³⁰².

10) Это подтверждает, что для восстановления так называемого «договорного равновесия» между автором оговорки и автором возражения необходимо признать, что действие этого последнего на договорные отношения между сторонами может распространяться на положения договора, которые имеют достаточную связь с положениями, затрагиваемыми оговоркой.

11) Именно в связи с этими замечаниями Комиссия включила в Руководство по практике пункт 1 руководящего положения 4.3.7, уточняющий, что возражение может исключать применение положений, которых не касается оговорка, в условиях, предусмотренных руководящим положением 3.4.2. Это подчеркнуто для того, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в том, что такой эффект может иметь место лишь при соблюдении условий материальной действительности возражений с промежуточным эффектом, изложенных в этом руководящем положении. В пределах возможного редакция пункта 1 руководящего положения 4.3.7 соответствует редакции руководящего положения 3.4.2.

12) Признавая возможность того, что возражения с промежуточным эффектом могут порождать желаемые их автором последствия при соблюдении жестких условий, изложенных в руководящем положении 3.4.2, Комиссия осознает опасности, которым они могут подвергнуть общий договорный баланс, и полагает, что они должны носить исключительный характер.

13) Пункт 2 руководящего положения 4.3.7 отчасти является ответом на эту озабоченность и направлен на максимально возможное сохранение принципа консенсуализма. Этот пункт исходит из принципа, что возражения с промежуточным эффектом представляют собой в определенном смысле «контрговорки»²³⁰³ и предоставляет автору оговорки возможность не допустить возникновения такого эффекта, препятствуя вступлению в силу договора между ним и автором возражения.

14) В качестве шага на пути прогрессивного развития представлялось целесообразным установить для этого двенадцатимесячный срок по аналогии со

²²⁹⁹ Решение от 30 июня 1977 года, *Delimitation of the Continental Shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic* (см. сноску 24 выше), п. 42, para. 61.

²³⁰⁰ Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), п. 466; см. также второй доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/477 и Add.1, стр. 65, пункты 97 и 99; см. также Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 496–498, paras. 18–22.

²³⁰¹ См. пункты 9)–10) комментария к руководящему положению 3.4.2.

²³⁰² См. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), п. 561, para. 57.

²³⁰³ См. пункт 7) комментария к руководящему положению 3.4.2.

сроком, которым располагают договаривающиеся государства и договаривающиеся организации для выражения своего намерения не быть связанными договором с автором оговорки²³⁰⁴.

15) Во втором предложении пункта 2 руководящего положения 4.3.7 показаны последствия отсутствия такой реакции в требуемые сроки посредством воспроизведения нормы, применимой к возражениям с «минимальным» эффектом, изложенной в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций и воспроизводимой в руководящем положении 4.3. Формулировка «в пределах действия оговорки и возражения» кратко формулирует мысль, согласно которой, при наличии всей совокупности этих условий, договор применяется в отношениях между автором оговорки и автором возражения, за исключением положений, исключенных или измененных данной оговоркой и других дополнительных положений, исключаемых возражением.

4.3.8 *Право автора действительной оговорки не соблюдать договор без учета его оговорки*

Автор действительной оговорки не обязан соблюдать положения договора без учета своей оговорки.

Комментарий

1) Более противоречивый, чем оговорки с промежуточным эффектом, случай возражений с «супермаксимальным» эффектом, с помощью которых их авторы подтверждают, что договор вступает в силу в отношениях между ними и автором оговорки, причем последний не может воспользоваться результатами своей оговорки²³⁰⁵, также находит логическое решение в принципе консенсуализма²³⁰⁶.

2) Следует, однако, отметить, что практика возражений с супермаксимальным эффектом сложилась не в рамках возражений против оговорок, считающихся допустимыми, но как реакция на оговорки, считающиеся несовместимыми с объектом и целью договора. Иллюстрацией этому служит недавний пример – возражение Швеции против оговорки, сформулированной Сальвадором к Конвенции о правах инвалидов 2006 года:

[П]равительство Швеции рассмотрело оговорку, сформулированную правительством Республики Эль-Сальвадор при ратификации Конвенции о правах инвалидов.

В соответствии с обычным международным правом, кодифицированным в Венской конвенции о праве международных договоров, оговорки, несовместимые с объектом и целью договора, не допускаются. В интересах всех государств, чтобы объект и цель договоров, сторонами которых они решили стать, соблюдались всеми сторонами и чтобы государства были готовы осуществить необходимые законодательные изменения, с тем чтобы выполнить обязательства, вытекающие из этих договоров.

²³⁰⁴ См. пункт 5) статьи 20 Венских конвенций и руководящее положение 2.6.12 (Срок формулирования возражений).

²³⁰⁵ См. пункт 17) комментария к руководящему положению 3.4.2.

²³⁰⁶ См. пункт 5) комментария к руководящему положению 4.3.7.

Правительство Швеции отмечает, что в соответствии со своей оговоркой Сальвадор отдает приоритет своей Конституции, а не Конвенции. Правительство Швеции полагает, что вышеуказанная оговорка, не уточняющая четко степень отступления, порождает серьезные сомнения относительно приверженности Сальвадора объекту и цели Конвенции.

Соответственно, правительство Швеции возражает против оговорки к Конвенции о правах инвалидов, которую сформулировало правительство Республики Эль-Сальвадор и которую она считает недействительной. Это возражение не имеет последствий для вступления в силу Конвенции между Сальвадором и Швецией. Таким образом, Конвенция вступает в силу в отношениях между Сальвадором и Швецией в ее полном виде, причем Сальвадор не может пользоваться своей оговоркой²³⁰⁷.

3) Несмотря на последствия такого возражения с желаемым супермаксимальным эффектом в случае, когда оговорка не является действительной²³⁰⁸, совершенно ясно, что такое последствие возражения не только не предусмотрено Венскими конвенциями – так же, как и в случае возражений с промежуточным эффектом, но оно также несовместимо с принципом консенсуализма. Поэтому «супермаксимальный» эффект исключен сам по себе в случаях, когда речь идет о допустимой оговорке: автор возражения не может навязать автору оговорки быть связанным большим, чем он готов принять. Государство или международная организация, сформулировавшие возражение, не могут навязать сформулировавшим оговорку государству или международной организации, которые на законном основании воспользовались своей способностью формулировать оговорку, обязательства, в отношении которых они не давали своего согласия быть связанными. Таков предмет руководящего положения 4.3.8.

4) Автор оговорки, удовлетворяющей условиям материальной действительности и сформулированной при соблюдении предусмотренных для этой цели формы и процедуры, никоим образом не может быть обязан соблюдать в полном объеме положения договора без учета его оговорки.

5) Это, однако, не означает, что возражение с супермаксимальным эффектом не имеет никаких последствий для содержания договорных отношений между его автором и автором оговорки. Как и в случае оговорок с промежуточным эффектом, которые выходят за рамки допустимых последствий, такие возражения являются прежде всего возражениями, с помощью которых автор выражает свое несогласие с оговоркой. Применение проекта руководящего положения 4.3.6 (Последствия возражения для договорных отношений) никоим образом не ограничено лишь простыми возражениями. Он применяется ко всем возражениям против действительной оговорки, в том числе к возражениям с супермаксимальным эффектом.

²³⁰⁷ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.15.

²³⁰⁸ См. руководящие положения 4.5.2–4.5.3.

4.4 Последствия оговорки для внедоговорных прав и обязательств

4.4.1 Отсутствие последствий для прав и обязательств по другим договорам

Оговорка, принятие оговорки или возражение против оговорки не изменяют и не исключают каких-либо прав и обязательств своих авторов по другим договорам, участниками которых они являются.

Комментарий

1) Определение оговорки, содержащееся в пункте 1 *d*) статьи 2 Венских конвенций и воспроизведенное в руководящем положении 1.1, недвусмысленно уточняет, что оговорка имеет целью «исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов*». Подобным образом в силу пункта 1 статьи 21 действующая оговорка может лишь изменить (или исключить) «положения договора*», к которым относится оговорка»²³⁰⁹. Хотя пункт 3 статьи 21 и руководящее положение 4.2.4 не является столь же точным по этому вопросу, он ссылается на «положения, к которым относится оговорка», что в соответствии с определением оговорки означает лишь «определенные положения договора*».

2) Таким образом, сам текст Венских конвенций не оставляет сомнений: оговорка может изменить или исключить лишь юридическое действие договора или некоторых его положений. Она остается односторонним заявлением, связанным с договором, юридическое действие которого она стремится изменить, и не представляет собой автономный односторонний акт, который может изменить обязательства, т.е. права ее автора. Совместное действие оговорки и возражения не может также исключить применение норм, посторонних для договора.

3) Хотя речь не идет, по сути, об оговорке к договору, доводы, выдвинутые Французской Республикой в отношении своей оговорки к заявлению о признании компетенции Суда, сделанному в силу пункта 2 Статьи 36 Статута Международного Суда во время рассмотрения дел *Nuclear Tests*, являются тем не менее весьма поучительными²³¹⁰. Чтобы обосновать отсутствие у Суда компетенции по рассмотрению таких дел, Франция утверждала, что эта оговорка ограничивала также весьма общим образом ее согласие на компетенцию Международного Суда, определенную, в частности, в Общем акте об арбитраже

1928 года. В своем общем особом мнении несколько судей высшего судебного органа опровергли французский тезис:

В принципе, оговорка касается лишь данного одним из государств согласия быть связанным договором или конкретным документом и обязательствами, которые оно взяло на себя, выражая таким образом свое согласие. Следовательно, идея о том, что оговорка к международному соглашению может каким-либо неопределенным образом заменить собой другой международный акт или связать себя с ним, противоречит самому понятию оговорки в международном праве; кроме того, она не считается с нормами, регулирующими уведомление, принятие и отклонение оговорок²³¹¹.

4) Это мнение сформулировано достаточно общим образом, чтобы не быть применимым исключительно к конкретной ситуации оговорок к факультативным заявлениям о признании обязательной юрисдикции Суда, но к любой оговорке к международному договору в целом. Впоследствии такой подход был одобрен самим Судом в деле *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras)*, в котором Гондурас намеревался поставить свою оговорку к факультативному заявлению об обязательной компетенции Суда выше обязательств, вытекающих для него из статьи XXXI Американского договора о мирном урегулировании (Боготский пакт). Суд, однако, считал, что такая оговорка в любом случае не может ограничивать обязательство [Гондураса] по статье XXXI. Таким образом, аргументация Гондураса в отношении последствий оговорок к его заявлению 1986 года об обязательствах, которые он взял на себя в соответствии со статьей XXXI Пакта, не может быть принята²³¹².

5) Такое действие оговорки и реакции, которую она вызвала, в том смысле, что они могут изменять или исключить лишь юридическое действие договора, в отношении которого они были сформулированы и сделаны, является следствием принципа *acta sunt servanda*. Государство или международная организация не могут освободить себя с помощью оговорки, ее принятия или возражения против оговорки от других возложенных на него или нее обязательств.

6) Проект руководящего положения 4.4.1 подчеркивает отсутствие последствий оговорки, ее принятия или возражения для договорных обязательств, вытекающих из другого договора. Может изменяться или исключаться лишь юридическое действие тех положений договора, которых касается оговорка.

7) Четкая редакция этого руководящего положения не исключает того, что какая-либо оговорка к данному договору, а также реакция на нее могут играть определенную роль в толковании других договоров по аналогии или путем рассуждений *a contrario*. Однако эти соображения выходят за рамки руководящего положения 4.4.1, которое ограничивается напоминанием того, что данные инструменты не могут

²³⁰⁹ О различиях между пунктом 1 *d*) статьи 2 и пунктом 1 статьи 21 Венских конвенций см. Müller, «1969 Vienna Convention. Article 21: Legal effects of reservations and of objections to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 546, paras. 25–26.

²³¹⁰ *Nuclear Tests (Australia v. France), Interim Protection, Order of 22 June 1973, I.C.J. Reports 1973*, pp. 101–102, para. 18; *Nuclear Tests (New Zealand v. France), Interim Protection, Order of 22 June 1973, I.C.J. Reports 1973*, pp. 137–138, para. 16.

²³¹¹ *Nuclear Tests (Australia v. France)*, постановление от 20 декабря 1974 года (см. сноску 24 выше), p. 350, para. 83 (совместное особое мнение судей Ониеамы, Дилларда, Хименеса де Оречага и сэра Хэмфри Уолдока).

²³¹² *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras)* (см. сноску 670 выше), p. 88, para. 41.

ни изменять, ни исключать права и обязательства, вытекающие из другого договора: даже если оговорки, принятие или возражения, объектом которых они являются, могут играть роль в плане толкования, они не способны порождать эффект изменения или эффект исключения.

4.4.2 Отсутствие последствий для прав и обязательств по международному обычному праву

Оговорка к положению договора, которое отражает норму международного обычного права, сама по себе не затрагивает права и обязательства согласно этой норме, которая продолжает применяться как таковая в отношениях между государством или организацией, являющимися автором оговорки, и другими государствами или международными организациями, которые связаны этой нормой.

Комментарий

1) Оговорка не только не может повлиять на ранее существовавшие договорные отношения ее автора, но и не может изменить никакие другие обязательства, которые связывают автора оговорки за рамками договора. Это особенно ясно в случае оговорки, сделанной в отношении положения, отражающего²³¹³ норму обычного международного права.

2) В руководящем положении 3.1.5.3, принятом в рамках части 3 Руководства по практике, касающейся материальной действительности оговорок, этот аспект рассматривается следующим образом:

3.1.5.3 Оговорки к положению, отражающему обычную норму

Тот факт, что положение договора отражает норму обычного международного права, сам по себе не служит препятствием для формулирования оговорки к этому положению.

3) Из этого вытекает, что обычная природа нормы, отраженной в каком-либо договорном положении, не является, в качестве таковой, препятствием для формулирования оговорки²³¹⁴, однако подобная оговорка никоим образом не смогла бы поставить под сомнение обязательный характер соответствующей нормы в отношениях между государством или международной организацией, являющимся/являющейся автором оговорки, и другими государствами или международными организациями, являющимися или не являющимися участниками договора.

4) Тем не менее обычный характер положения, являющегося объектом оговорки, имеет важные последствия с точки зрения оказываемого ею воздействия: когда оговорка становится действующей, она парализует применение договорной нормы, являющейся объектом оговорки, в отношениях между формулирующим оговорку государством и другими сторонами договора, однако она не устраняет обязательства данного государства по соблюдению

обычной нормы (которая может иметь идентичное содержание)²³¹⁵.

5) Разумеется, в отношениях между автором оговорки и договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, применительно к которым действует оговорка, последняя имеет свои «нормальные» последствия, предусмотренные пунктом 1 статьи 21, создавая между этими сторонами особую нормативную систему, которая может отступать от соответствующей обычной нормы *в рамках договора*²³¹⁶, например, возлагая менее взыскательное обязательство в плане уведомления или урегулирования споров. Тем не менее оговорка сама по себе никоим образом не наносит ущерба обязательному характеру обычной нормы как таковой. Она не может освободить ее автора от соблюдения обычной нормы, если та действует в отношении него, независимо от договора²³¹⁷. В этой связи Международный Суд недвусмысленно подчеркнул, что:

государство, сформулировавшее оговорку, тем не менее, не освобождается от обязательств, налагаемых на него общим морским правом, за рамками и независимо от Конвенции [о континентальном шельфе]²³¹⁸.

Причины этого просты:

Тот факт, что принципы [общего и обычного международного права], признанные в качестве таковых, кодифицированы или инкорпорированы в многосторонние конвенции, не означает, что они перестают существовать и применяться в качестве принципов обычного права, даже в отношении стран, которые являются сторонами таких конвенций²³¹⁹.

²³¹⁵ В этом плане см. *Oppenheim's International Law* (сноска 210 выше), pp. 1243–1244; Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), p. 711; и P. Weil, «Vers une normativité relative en droit international?», *RGDIP*, vol. 86 (1982), pp. 43–44. См. также авторов, цитировавшихся в сноске 1687 выше, или Schabas, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 966 выше), p. 56. П. Рейтер выдвигает противоположный аргумент: «...entre l'État qui formule la réserve et les parties qui s'abstiennent de présenter une objection, la règle coutumière cesse de s'appliquer puisque par un mécanisme conventionnel postérieur à l'établissement de la règle coutumière son application a été suspendue» [«Между государством, формулирующим оговорку, и сторонами, воздерживающимися от представления возражений, обычная норма перестает применяться, поскольку договорный режим, возникший после вступления в силу обычной нормы, приостанавливает ее применение»] (Reuter, «Solidarité et divisibilité...» (сноска 405 выше), p. 631), воспроизводится в Reuter, *Le développement...* (сноска 405 выше), p. 370; аналогичный аргумент см. Teboul, «Remarques sur les réserves...» (сноска 1571 выше), pp. 690–708.

²³¹⁶ *Ibid.*, p. 708, para. 32.

²³¹⁷ П. Вейл считал, что «[p]eu importe désormais la volonté manifestée par un État vis-à-vis d'une convention donnée: (...) qu'il fasse des réserves à certaines de ses clauses ou non (...), il sera de toute manière lié par celles des dispositions de cette convention auxquelles aura été reconnu le caractère de règles de droit international coutumier ou général» [«отныне волеизъявление государства по отношению к какой-либо конкретной конвенции не имеет большого значения:... независимо от того, формулирует ли оно оговорки в отношении некоторых ее положений или нет... оно в любом случае будет связано теми положениями этой конвенции, за которыми признан характер норм обычного или общего международного права»] (Weil, «Vers une normativité relative en droit international?» (сноска 2315 выше), pp. 43–44).

²³¹⁸ *North Sea Continental Shelf* (см. сноску 1521 выше), p. 40, para. 65.

²³¹⁹ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Jurisdiction*

²³¹³ Об использовании слова «отражать» см. пункт 1) комментария к руководящему положению 3.1.5.3.

²³¹⁴ См. руководящее положение 3.1.5.3 и комментарий к нему.

6) Судья *ad hoc* Соренсен в своем особом несогласном мнении, которое он приложил к постановлению Международного Суда 1969 года по делам *North Sea Continental Shelf*, следующим образом резюмировал применимые нормы в случае оговорки к деклараторному положению обычного права:

[П]раво делать оговорки к договорному положению не зависит от того, рассматривается ли данное положение в качестве общепризнанной нормы права. В обоснование этого мнения достаточно отметить, что был сделан ряд оговорок к определенным положениям Конвенции об открытом море, хотя положения этой конвенции, согласно ее преамбуле, носят «общий характер декларации установленных принципов международного права». Хотя против некоторых из этих оговорок выступили другие договаривающиеся государства, другие же оговорки были молчаливо признаны. Такое молчаливое или четко выраженное согласие на оговорку со стороны договаривающейся стороны не лишает Конвенцию в целом или соответствующие статьи в частности ее декларативного характера. Оно только устанавливает особые договорные отношения между заинтересованными сторонами в общих рамках обычного права, закрепленного в Конвенции. Если эта обычная норма не относится к категории общего международного права, такие особые договорные отношения сами по себе не являются недействительными. Поэтому нет никакого несоответствия между правом делать оговорки к определенным статьям Конвенции о континентальном шельфе и признанием этой Конвенции или конкретных статей в качестве общепризнанных норм международного права²³²⁰.

7) Конкретно, оговорка (и реакции, которые она вызывает – принятие или возражение) имеет следствием исключение применения *договорной* нормы, отражающей обычную норму, а это означает, что автор оговорки не связан в отношениях с другими договаривающимися государствами и договаривающимися организациями обязательством соблюдать норму (договорную) в рамках договора; так, например, он не обязан выполнять обязательство о передаче в арбитраж или какой-либо международный суд любого вопроса относительно толкования или применения этой нормы, несмотря на норму о разрешении споров, содержащуюся в договоре. Тем не менее, учитывая, что обычная норма сохраняет всю свою юридическую ценность, оговорка не имеет следствием освобождение ее автора от обязательств соблюдать обычную норму (идентичную по определению). Однако соблюдение или последствия несоблюдения обычной нормы не являются частью правового режима, предусмотренного договором, но относятся к сфере общего международного права и изменяются в связи с ним.

8) Такой подход, впрочем, разделяется государствами, которые без колебаний обращают внимание автора оговорки к договорному положению, связанному обычной нормой, на тот факт, что она сохраняет свою силу в их взаимных отношениях, несмотря на их возражение. В качестве примера можно привести Нидерланды, которые сформулировали возражение против нескольких оговорок, касающихся пункта 1 статьи 11 Венской конвенции о дипломатических сношениях:

Королевство Нидерландов не принимает заявления, сделанные Народной Республикой Болгария, Германской Демократической Республикой, Монгольской Народной Республикой, Украинской

Советской Социалистической Республикой, Союзом Советских Социалистических Республик, Белорусской Советской Социалистической Республикой и Демократической Республикой Йемен в отношении пункта 1 статьи 11 Конвенции. Королевство Нидерландов считает, что это положение сохраняет свою силу в отношениях между ним и вышеуказанными государствами на основании обычного международного права²³²¹.

9) В этой связи в своем возражении против оговорки Сирийской Арабской Республики к Венской конвенции 1969 года Соединенные Штаты Америки справедливо отметили, что

отсутствие договорных отношений между [ними] и Сирийской Арабской Республикой в связи с определенными положениями части V никоим образом не изменяет обязанность последней выполнять все вытекающие из этих положений обязательства, которые на нее накладываются международным правом, независимо от Венской конвенции о праве международных договоров²³²².

4.4.3 Отсутствие последствий для применения императивной нормы общего международного права (*jus cogens*)

1. Оговорка к положению договора, которое отражает императивную норму общего международного права (*jus cogens*), не затрагивает обязательного характера этой нормы, которая продолжает применяться как таковая в отношениях между государством или организацией, являющимися автором оговорки, и другими государствами или международными организациями.

2. Оговорка не может исключать или изменять юридическое действие договора вопреки императивной норме общего международного права.

Комментарий

1) Следствием руководящих положений 4.4.1 и 4.4.2 является то, что оговорка и вызываемые ею реакции не изменяют и не исключают применение других договорных или обычных норм, которые связывают стороны. Разумеется, этот принцип применяется *a fortiori*, если договорная норма отражает императивную норму общего международного права (*jus cogens*).

2) Как указывается в комментариях к руководящему положению 3.1.5.3 (Оговорки к положению, отражающему обычную норму), рассуждение относительно оговорок к положениям, отражающим нормы обычного характера, является применимым *mutatis mutandis* к тем, которые отражают императивные нормы²³²³. Предмет руководящего положения 4.4.3

²³²¹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3. По сути, обоснованность замечания Нидерландов не вызывает сомнений; тем не менее его формулировка является весьма спорной: в отношениях между государствами, сделавшими оговорку, и Нидерландами в силе остается не договорное положение, а обычная норма, отражающая этот принцип.

²³²² *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXIII.1; см. также возражения Нидерландов, упомянутые в пункте 8) выше.

²³²³ См. пункты 16)–22) комментария к руководящему положению 3.1.5.3.

and Admissibility, Judgment, I.C.J Reports 1984, p. 392, at p. 424, para. 73.

²³²⁰ *North Sea Continental Shelf* (см. сноску 1521 выше), p. 248.

состоит в том, чтобы уточнить, что оговорка, сформулированная к договорному положению, отражающему императивную норму общего международного права, не будет иметь каких-либо последствий в отношении применения этой нормы.

3) Учитывая близость проблематики, применимой к оговоркам к положению, отражающему «простую» обычную норму, с одной стороны, и оперативную норму общего международного права, с другой, руководящее положение 4.4.3 составлено по тому же образцу, что и руководящее положение 4.4.2. Однако, чтобы не создать впечатление того, что некоторые государства могли бы не быть связанными соответствующей императивной нормой общего международного права, которая, гипотетически, обязательна для всех государств и для всех международных организаций²³²⁴, выражение «связанными этой нормой», фигурирующее в конце руководящего положения 4.4.2, было исключено. Кроме того, Комиссия не сочла полезным включать в руководящее положение 4.4.3 выражение «сама по себе»²³²⁵: вероятно, нормы *jus cogens* эволюционируют²³²⁶, однако представляется сомнительным, что какая-либо оговорка может способствовать дестабилизации нормы, имеющей такую степень обязательной силы.

4) Основываясь на самом определении оговорок, пункт 2 руководящего положения 4.4.3 указывает, что оговорка никоим образом не может иметь следствием исключение или изменение юридической силы договора вопреки *jus cogens*. По соображениям краткости, не было сочтено необходимым воспроизводить полный текст руководящего положения 1.1, однако выражение «исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора» должно толковаться как означающее «исключение или изменение» как «юридического действия некоторых положений договора», так и «юридического действия (...) договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов» в их применении к государству или международной организации, которая формулирует оговорку.

5) Руководящее положение 4.4.3 касается также случая, когда, несмотря на то, что ни одна норма *jus cogens* не отражена в договоре, оговорка означала бы, что договор применяется вопреки норме *jus cogens*. Можно было бы предположить, например, формулирование оговорки, основанной на какой-либо форме дискриминации вопреки *jus cogens*, которая была бы направлена на исключение той или иной категории лиц из процесса осуществления некоторых прав, предоставляемых в соответствии с данным договором; подобная оговорка не смогла бы иметь такое действие.

²³²⁴ При условии возможного существования региональных императивных норм, которых Комиссия не намерена касаться.

²³²⁵ См. пункт 8) комментария к версии руководящего положения 4.4.2 2010 года (*Ежегодник... 2010 год*, том II (часть вторая), стр. 119).

²³²⁶ См. статью 64 Венских конвенций (Возникновение новой императивной нормы общего международного права (*jus cogens*)).

4.5 Последствия недействительной оговорки

Комментарий

1) Ни в Венской конвенции 1969 года, ни в Венской конвенции 1986 года прямо не рассматривается вопрос о юридических последствиях оговорки, которая не соответствует условиям материальной и формальной действительности, определенным статьями 19 и 23, которые в совокупности позволяют считать, что оговорка является действующей в отношении другого договаривающегося государства с момента, когда она была принята им в соответствии с положениями статьи 20²³²⁷. История разработки положений, касающихся оговорок в этих двух конвенциях, также не проливает свет на последствия (или их отсутствие), возникающие в результате недействительной оговорки.

2) Последствия, которые первые специальные докладчики Комиссии присваивали недействующей оговорке, были негласно обусловлены их приверженностью традиционной системе единогласия: автор оговорки не мог претендовать на то, чтобы стать участником договора. Впрочем, речь шла вовсе не об определении последствий оговорки, которая не соответствовала определенным условиям действительности: таких условий в данной системе сугубо межсубъектного характера не существовало²³²⁸, а о последствиях оговорки, которая не была принята всеми другими договаривающимися государствами и которая по этой причине не становилась «неотъемлемой частью сделки между сторонами»²³²⁹.

3) В этом отношении г-н Брайерли в 1950 году заявил, что «принятие договора с оговоркой порождает последствия только тогда, когда все государства или международные организации, согласие которых необходимо для действительности этой оговорки, дали такое согласие»²³³⁰. Г. Лаутерпахт сформулировал ту же идею следующим образом: «Является недействительной применительно к многостороннему договору любое подписание, ратификация, присоединение или другой вид принятия договора, которые сопровождаются одной или более оговорками, на которые все другие участники договора не дают своего согласия»²³³¹. Оговорка, которая стала действующей благодаря такой процедуре, не порождает в этой связи никаких последствий и влечет за собой ничтожность согласия на обязательность

²³²⁷ См. руководящее положение 4.1 (Вступление в действие оговорки в отношении другого государства или другой международной организации).

²³²⁸ См. тем не менее пункт 4) ниже.

²³²⁹ [Первый] доклад о праве международных договоров, подготовленный Дж.Л. Брайерли, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 241 англ. текста, пункт 96. См. также *Ежегодник... 1950 год*, том I, 53-е заседание, 23 июня 1950 года, стр. 90 англ. текста, пункт 3 (Дж.Л. Брайерли).

²³³⁰ [Первый] доклад о праве международных договоров, подготовленный Дж.Л. Брайерли, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 224 англ. текста (проект статьи 10, пункт 3).

²³³¹ Первый доклад о праве международных договоров, подготовленный Гершем Лаутерпахтом, *Ежегодник... 1953 год*, том II, документ A/CN.4/63, стр. 91 англ. текста (проект статьи 9).

договора. Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права Лиги Наций уже подчеркивал такое отсутствие последствий «незначимой» оговорки:

Оговорка в отношении того или иного положения договора, чтобы считаться правомерно сделанной, должна быть принята всеми договаривающимися участниками, как если бы она была сформулирована в ходе переговоров. В противном случае оговорка, как и само подписание, подчиненное этой оговорке, не имеет значения²³³².

В этой системе речь скорее шла о неэффективности, чем о недействительности оговорки, поскольку критерием приемлемости или неприемлемости с точки зрения всех других договаривающихся государств или договаривающихся организаций было лишь согласие.

4) Однако даже г-н Брайерли, твердый сторонник системы единогласия, знал о том, что могут существовать оговорки, которые по самой своей природе или в силу договора, к которому они относятся, могли *ipso jure* быть лишены всяких потенциальных последствий. Анализируя договорную практику, он отметил, что отдельные договорные положения «допускают лишь некоторые оговорки, определенные в тексте, и запрещают все остальные. В них ничего не говорится по поводу роли депозитария и вопроса о консультациях государств относительно оговорок, поскольку эти проблемы не могут возникнуть, потому что на данной стадии не разрешается никакая оговорка*»²³³³. Отсюда следует, что государства не могли по своему усмотрению «принимать какие хочешь специальные положения в форме оговорок»²³³⁴, как это утверждал Специальный докладчик годом ранее, но что существовал целый ряд оговорок, которые не могли быть приняты в силу запрета на них, содержащегося в самом договоре. Сэр Джеральд Фитцморис поддержал эту идею в пункте 3 своего проекта статьи 37, согласно которому:

Когда сам договор допускает некоторые определенные оговорки или некоторые категории оговорок, действует презумпция, что все другие оговорки исключаются и не могут быть приняты*²³³⁵.

5) Положение дел изменилось с появлением первого доклада сэра Хэмфри Уолдока. И действительно, будучи приверженцем гибкой системы, четвертый Специальный докладчик по праву

международных договоров прямо подчинил суверенное право государств формулировать оговорки определенным условиям действительности. Несмотря на неопределенность его позиции относительно действительности оговорок, идущих вразрез с объектом и целью договора²³³⁶, в пункте 1 проекта статьи 17, предложенном в его первом докладе, «признавалось, что, если только сам договор не запрещает или определено, прямо или косвенно, не ограничивает право делать оговорки, любое государство может по своему усмотрению в силу своего суверенитета формулировать такие оговорки, которые оно сочтет необходимыми»²³³⁷. Однако сэр Хэмфри Уолдок не считал нужным уточнить последствия, которые влечет за собой формулирование запрещенной оговорки. Иными словами, он устанавливал критерии действительности оговорок, не определяя при этом режима для тех из них, которые этим критериям не соответствуют²³³⁸.

б) Вместе с тем первый доклад сэра Хэмфри Уолдока содержит некоторые аналитические выводы относительно последствий оговорки, запрещенной договором. В самом деле,

в случае, когда формулируется оговорка, не запрещенная договором, другие государства должны сообщить, принимают они ее или отклоняют, а когда речь идет об оговорке, запрещенной договором, они не должны этого делать, поскольку они уже выступили против нее в самом договоре²³³⁹.

Хотя это уточнение прямо не отвечает на вопрос о последствиях запрещенных оговорок, его достоинство заключается в указании на то, что такие оговорки исключены из сферы применения положений, касающихся согласия договаривающихся государств, и вследствие этого из сферы всего комплекса положений, касающихся последствий оговорок, за исключением возможности сделать действительной

²³³⁶ См. первый доклад о праве международных договоров, подготовленный сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 65–66 англ. текста, пункт 10) комментария к проекту статьи 17. См. также пункты 2)–3) комментария к руководящему положению 3.1 (Материально действительные оговорки).

²³³⁷ Первый доклад о праве международных договоров; *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 65 англ. текста, пункт 9) комментария к проекту статьи 17. См. также там же, стр. 67 англ. текста, пункт 15) комментария к проекту статьи 18. См., кроме того, дискуссию в Комиссии, *Ежегодник... 1962 год*, том I, 651-е заседание, 25 мая 1962 года, стр. 143 англ. текста, пункт 64 (г-н Яссин) и выводы Специального докладчика сэра Хэмфри Уолдока, там же, 653-е заседание, 29 мая 1962 года, стр. 159 англ. текста, пункт 57.

²³³⁸ Г-н Фердросс в ходе обсуждения выразил мнение о том, что, когда «договор прямо запрещает оговорки... проблем не возникает» (там же, 652-е заседание, 28 мая 1962 года, стр. 148 англ. текста, пункт 33), не предложив при этом конкретного решения в отношении последствий нарушения такого прямого запрета. Вместе с тем члены Комиссии осознавали, что эта проблема может возникнуть, о чем свидетельствует обсуждение проекта статьи 27 о функциях депозитария (там же, 658-е заседание, 6 июня 1962 года, стр. 191 англ. текста, пункт 59 (сэр Хэмфри Уолдок); и там же, 664-е заседание, 19 июня 1962 года, стр. 236, пункты 82–95).

²³³⁹ Там же, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 65 англ. текста, пункт 9) комментария к проекту статьи 17. В этой связи см. доклад о праве международных договоров, подготовленный Дж.Л. Брайерли, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 239 англ. текста, пункт 88.

²³³² League of Nations, *Official Journal*, eighth year, No. 7, p. 881.

²³³³ Доклад об оговорках к многосторонним конвенциям, подготовленный Дж.Л. Брайерли, *Ежегодник... 1951 год*, том II, документ A/CN.4/41, стр. 3 англ. текста, пункт 11. Специальный докладчик в приложении С к своему докладу привел в качестве примера Конвенцию, устанавливающую единообразный закон о переводном и простом векселях 1930 года, Конвенцию, устанавливающую единообразный закон о чеках 1931 года, и Протокол 1948 года о внесении изменений в Международную конвенцию по вопросам экономической статистики 1928 года.

²³³⁴ [Первый] доклад о праве международных договоров, подготовленный Дж.Л. Брайерли, *Ежегодник... 1950 год*, том II, документ A/CN.4/23, стр. 239 англ. текста, пункт 88.

²³³⁵ Первый доклад о праве международных договоров, подготовленный сэром Джеральдом Г. Фитцморисом, *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 115 англ. текста.

оговорку, которая в противном случае не является действительной, посредством единодушного соглашения всех договаривающихся государств²³⁴⁰.

7) В течение длительного времени Комиссия рассматривала по отдельности – и довольно непоследовательно – вопрос об оговорках, несовместимых с объектом и целью договора, и вопрос о запрещенных оговорках. Так, в пункте 2 *b*) проекта статьи 20 (Последствия оговорок), принятого Комиссией в первом чтении, предусматривалось юридическое действие оговорки только в связи с возражением, которое было против нее сделано ввиду ее несовместимости с объектом и целью договора:

Возражение, заявленное против оговорки государством, которое считает ее несовместимой с объектом и целью договора, препятствует вступлению в силу договора в отношении между государством, которое заявляет возражение, и государством, которое сформулировало оговорку, если только государство, которое заявляет возражение, не выразит противоположного намерения²³⁴¹.

8) Из этой формулы также следует, что возражения, которые также были подчинены (в то время) условию совместимости с объектом и целью в соответствии с консультативным заключением Международного Суда²³⁴², были тогда предусмотрены только для случая оговорок, противоречащих (или считавшихся противоречащими) объекту и цели договора. Однако вследствие критических замечаний со стороны ряда государств в отношении такого ограничения права заявлять возражения против оговорок Специальный докладчик в 1965 году предложил новую формулу²³⁴³, с тем чтобы более четко разграничить возражение

²³⁴⁰ Пункт 1 *b*) проекта статьи 17 в первом докладе о праве международных договоров, подготовленном сэром Хэмфри Уолдоком: «Не может быть сформулирована оговорка, которую положения подпункта *a*) прямо запрещают или косвенно исключают, без предварительного согласия всех других заинтересованных государств» (*Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 60 англ. текста). См. также проект статьи 18, предложенный сэром Хэмфри Уолдоком в 1965 году в его четвертом докладе о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 50 англ. текста. По вопросу о единодушном согласии договаривающихся государств и договаривающихся организаций см. руководящее положение 3.3.3 и комментарий к нему, в частности пункт 9).

²³⁴¹ *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/5209, стр. 176 англ. текста.

²³⁴² В 1951 году Суд заявил, что «именно совместимость оговорки с объектом и целью Конвенции должна выступать в качестве критерия поведения государства, которое делает оговорку при своем присоединении, и государства, которое считает необходимым заявить против нее возражение. Такова норма поведения, которой должно руководствоваться каждое государство при оценке, которую ему надлежит сделать индивидуально и на свой собственный счет в отношении правомерности оговорки» (*Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), р. 24). В отношении подробного анализа различий между юридической системой, принятой Комиссией, и консультативным заключением Суда 1951 года см. Koh, «Reservations to multilateral treaties...» (сноска 1443 выше), pp. 88–95.

²³⁴³ Четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 52 англ. текста, пункт 9) (Замечания и предложения Специального докладчика в отношении статьи 19). Пункт 4 проекта статьи 19, предложенный Уолдоком, гласит следующее:

«4. В других случаях и если только заинтересованное государство [sic – читать "договор"?] не заявит иного намерения:

и действительность оговорки. Однако вследствие этого недействительные оговорки оказались в стороне от работы Комиссии и Конференции. В Венской конвенции этот вопрос не упоминается.

9) Отсутствие правил в отношении недействительных оговорок в Венской конвенции 1969 года вытекает к тому же из самого текста пункта 1 ее статьи 21, касающегося последствий принятия оговорки: действующими по смыслу этого положения могут считаться только оговорки, которые и действительны в соответствии с условиями статьи 19, и сформулированы в соответствии с положениями статьи 23 и приняты одним из договаривающихся государств или одной из договаривающихся организаций в соответствии со статьей 20²³⁴⁴. Оговорка, которая не является действительной, однозначно не удовлетворяет этим совокупным условиям независимо от ее принятия одним или несколькими договаривающимися государствами или одной или несколькими договаривающимися организациями.

10) Вместе с тем это уточнение в пункте 3 статьи 21, касающемся возражений против оговорок, не воспроизведено. Однако отсюда не следует, что Конвенция определяет юридические последствия недействительной оговорки, которая стала объектом возражения: чтобы такое возражение порождало последствия, предусмотренные пунктом 3 статьи 21, необходимо в соответствии с пунктом 4 *c*) статьи 20 наличие хотя бы одного принятия²³⁴⁵; между тем последствия принятия недействительной оговорки Конвенцией не регулируются.

11) Материалы Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров четко подтверждают, что в Венской конвенции 1969 года никак не отражены последствия недействительных оговорок и тем более их действие. На первой сессии Конференции в 1968 году Соединенные Штаты Америки предложили добавить в вводную часть пункта 4 будущей статьи 20 после слов «в случаях, не предусмотренных предшествующими пунктами настоящей статьи» следующее уточнение: «и если только оговорка не запрещена в силу статьи 16 [будущая статья 19]²³⁴⁶». Согласно объяснениям, данным представителем Соединенных Штатов г-ном Бриггсом в поддержку этой поправки:

Цель поправки, предлагаемой Соединенными Штатами к пункту 4, заключается в расширении сферы применения запрета в

a) принятие оговорки любой из сторон наделяет государство, сделавшее оговорку, статусом участника договора по отношению к этой стороне;

b) возражение, заявленное против оговорки любой из сторон, препятствует вступлению договора в силу между государством, которое заявило возражение, и государством, которое сделало оговорку» (там же, стр. 50 англ. текста).

²³⁴⁴ См. руководящее положение 4.1 выше (Вступление в действие оговорки в отношении другого государства или другой международной организации) и комментарий к нему.

²³⁴⁵ См. пункты 2)–3) руководящего положения 4.3.3.

²³⁴⁶ A/CONF.39/C.1/L.127, воспроизводится в *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions... (A/CONF.39/11/Add.2)* (см. сноску 54 выше), p. 136, para. 179 (v) (d).

отношении определенных категорий оговорок, запрета, закрепленного в статье 16, в отношении решений, принимаемых государствами в контексте пункта 4 статьи 17 принимать оговорку или заявить против нее возражение. В частности, эта предлагаемая поправка направлена на запрещение принятия другим договаривающимся государством оговорки, запрещенной договором, и в этом случае к такому принятию или такому возражению будет применяться критерий несовместимости с объектом и целью договора, закрепленный в подпункте с) статьи 16. Подпункт с) сформулирован недостаточно широко, поскольку при указании критерия несовместимости для запрета оговорки в нем прямо не говорится, что этот критерий также распространяется на принятие оговорки или возражение, которое против нее заявлено²³⁴⁷.

12) Хотя это трудно понять из объяснений г-на Бриггса, который особо подчеркивает распространение критериев действительности оговорки на принятие и возражения, поправка Соединенных Штатов безусловно привела бы к тому, что система принятия и возражений против оговорок, установленная пунктом 4 статьи 20, ограничивалась бы только оговорками, которые удовлетворяют критериям действительности, содержащимся в статье 19. Принятие или возражение против недействительной оговорки явно исключены из сферы применения этой поправки²³⁴⁸, при этом нового правила в отношении этих оговорок предложено не было. Представитель Канады г-н Вершоф поднял тогда вопрос о том, «соответствует ли пункт С поправки Соединенных Штатов (A/CONF.39/C.1/L.127) намерения Комиссии международного права в отношении несовместимых оговорок?»²³⁴⁹. Сэр Хэмфри Уолдок в качестве эксперта-советника заявил, что «ответ является положительным, поскольку это добавление по сути равносильно повторному изложению нормы, которая уже закреплена в статье 16»²³⁵⁰.

13) «Редакционная» поправка Соединенных Штатов была отправлена в Редакционный комитет²³⁵¹. Однако ни текст, принятый в предварительном порядке Комитетом и представленный Комиссии полного состава 15 мая 1968 года²³⁵², ни текст, который был в окончательном виде принят Комиссией полного состава и направлен Конференции²³⁵³, не содержат формулу, предложенную Соединенными Штатами, и в опубликованных материалах Конференции это решение никак не объяснено. Между тем

²³⁴⁷ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), 21-е заседание Комитета полного состава, 10 апреля 1968 года, р. 108, para. 11.

²³⁴⁸ Причина, по которой одно и то же ограничение не должно быть применимо к случаям, предусмотренным пунктом 2 (договоры, которые должны применяться в целом) и пунктом 3 (учредительные акты международных организаций), все же остается не совсем понятной.

²³⁴⁹ *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), 24-е заседание, 16 апреля 1968 года, pp. 132–133, para. 77.

²³⁵⁰ *Ibid.*, 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, р. 133, para. 4. Проект статьи 16 стал статьей 19 Конвенции.

²³⁵¹ *Ibid.*, pp. 135–136, para. 38.

²³⁵² A/CONF.39/C.1/L.344, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (см. сноску 54 выше), р. 137, para. 185.

²³⁵³ Текст был принят 60 голосами против 15 при 13 воздержавшихся (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, Second Session...* (A/CONF.39/11/Add.1) (см. сноску 332 выше), 85-е заседание Комитета полного состава, 10 апреля 1969 года, р. 221, paras. 33–34).

совершенно ясно, что Комиссия международного права и Конференция исходили из того, что случай недействительных оговорок не являлся объектом непосредственных правил, принятых вследствие их работы, и что положения статей 20 и 21 Венской конвенции к этой ситуации не применяются.

14) В ходе работы Комиссии по вопросу о договорах, заключенных между государствами и международными организациями или между двумя или несколькими международными организациями, и работы Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года вопрос о возможных последствиях оговорки, сформулированной вопреки условиям действительности, изложенным в статье 19, не рассматривался. Однако Специальный докладчик Комиссии по этой теме г-н Рейтер признал, что «даже для договоров между государствами вопрос об оговорках всегда был трудным и спорным и даже положения Венской конвенции не устранили всех затруднений»²³⁵⁴. Тем не менее, «Специальный докладчик считал, что было бы нецелесообразно отходить от [Венской конвенции 1969 года] там, где в ней рассматривается концепция оговорок»²³⁵⁵.

15) В своих комментариях по поводу замечания общего порядка № 24 Комитета по правам человека Соединенное Королевство, по крайней мере в принципе²³⁵⁶, также признало, что Венская конвенция 1969 года не регулирует вопрос о недействительных оговорках. Оно пояснило следующее:

Комитет правильно называет статьи 20 и 21 Венской конвенции о праве международных договоров постановлениями, содержащими нормы, которые в своей совокупности регулируют правовые последствия оговорок к многосторонним договорам. Однако у Соединенного Королевства возникает вопрос, прав ли Комитет, полагая, что они применимы к несовместимым оговоркам. Ясно, что названные выше нормы применяются к оговоркам, полностью совместимым с объектом и целью, но они могут быть приняты или отвергнуты. Спорным, однако, представляется вопрос о том, были ли они задуманы также и с целью охватить оговорки, которые являются неприемлемыми *in limine*²³⁵⁷.

16) Приходится признать, что ни Венская конвенция 1969 года, ни Венская конвенция 1986 года (в значительной мере сходные, в том числе в этом отношении) не содержат ясных и четких правил

²³⁵⁴ Десятый доклад по вопросу о договорах между государствами и международными организациями или между двумя или более международными организациями, подготовленный г-ном Полем Рейтером, *Ежегодник... 1981 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/341 и Add.1, стр. 70, пункт 53. Специальный докладчик сослался на труды Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше); и работа того же автора «La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977...» (сноска 1016 выше), pp. 29–58.

²³⁵⁵ *Ежегодник... 1977 год*, том I, 1434-е заседание, 6 июня 1977 года, стр. 123, пункт 4 (П. Рейтер).

²³⁵⁶ См. сноску 2394 ниже. Хотя Соединенное Королевство полагает, что недействительные оговорки Венскими конвенциями не регулируются, однако предлагаемое им решение в конечном счете просто-напросто равносильно применению к ним пункта 3 статьи 21 этих Конвенций.

²³⁵⁷ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), приложение VI, стр. 131, пункт 13.

относительно последствий недействительной оговорки²³⁵⁸. Здесь речь идет, безусловно, об одном из наиболее серьезных пробелов Венских конвенций в этой области. В этом отношении речь шла о «нормативном вакууме», и этот вакуум тем более вызывает тревогу потому, что материалы разработки не только не содержат никаких четких указаний насчет намерений авторов Венской конвенции 1969 года, но и, напротив, создают впечатление, что они намеренно оставили этот вопрос нерешенным. Однако то, что было приемлемо в контексте общего договора, посвященного праву международных договоров, ввиду разногласий, вызванных этим вопросом, является неприемлемым, когда цель состоит в восполнении пробелов Венских конвенций в области оговорок.

17) В этой области с особой четкостью проявляется то, что «Венская конвенция 1969 года не сковала развития права. Даже несмотря на то, что она сохранила многочисленные двусмысленности, что в ней зачастую имеются пробелы по весьма важным аспектам и что она не смогла предусмотреть нормы, которые могли бы применяться к проблемам, не возникшим или не существовавшим на момент ее разработки... принятие Конвенции явилось отправной точкой новой практики, которая не стабилизировалась или недостаточно стабилизировалась в настоящее время»²³⁵⁹. Поэтому в соответствии с методом работы, применяемым Комиссией при разработке Руководства по практике²³⁶⁰, она приняла венские нормы (в которых ничего не говорится по вопросу о последствиях недействительных оговорок) как данность и попыталась восполнить их пробелы и – когда это будет представляться реальным

²³⁵⁸ В этом отношении см. Gaja, «Il regime della Convenzione di Vienna...» (сноска 2269 выше); Simma, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 1042 выше), p. 663; C. Tomuschat, «International law: ensuring the survival of mankind on the eve of a new century», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 281 (1999), p. 321, и Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil...» (сноска 1619 выше), pp. 544–547.

²³⁵⁹ Первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, подготовленный г-ном Аленом Пелле, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 177, пункт 161.

²³⁶⁰ В 2006 году при рассмотрении Комиссией десятого доклада об оговорках к международным договорам (*Ежегодник... 2005 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/558 и Add.1–2), «поднимался даже вопрос о том, следует ли Комиссии рассматривать последствия недействительности оговорок, которые не были затронуты, – возможно, благоразумно – в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов. Этот пробел не следовало бы восполнять; режим, оставляющий государствам свободу высказываться относительно действительности оговорок, а также делать или не делать из этого выводы, уже существует, и нет никаких оснований его менять» (*Ежегодник... 2006 год*, том II (часть вторая), стр. 166, пункт 142). Однако в Шестом комитете было заявлено, что речь идет о центральной проблеме исследования (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят первая сессия, Шестой комитет*, 17-е заседание (A/C.6/61/SR.17), пункт 5 (Франция)). Целый ряд делегаций одобрили идею ничтожности недействительной оговорки (там же, 16-е заседание (A/C.6/61/SR.16), пункт 43 (Швеция) и пункт 51 (Австрия); там же, 17-е заседание (A/C.6/61/SR.17), пункт 7 (Франция)), и было выражено пожелание о том, чтобы в Руководстве по практике нашли свое отражение конкретные последствия этой ничтожности (там же, 16-е заседание (A/C.6/61/SR.16), пункт 59 (Канада)).

и желательным, – устранить их двусмысленность, сохранив при этом их гибкость и подвижность²³⁶¹.

18) Вместе с тем Комиссия не намеревалась разрабатывать или устанавливать ex nihilo нормы, касающиеся последствий оговорки, которая не удовлетворяет критериям действительности. Практика государств, международная судебная практика и доктрина уже разработали подходы и решения в отношении этого вопроса, которые, как ей представлялось, вполне могли ориентировать ее работу по этому вопросу. Речь идет не о создании, а о систематизации принципов и норм разумным образом при введении элементов прогрессивного развития и при сохранении общего духа венской системы.

19) В названии раздела 4.5 Руководства по практике было отдано предпочтение формулировке «Consequences of an invalid reservation» («Последствия недействительной оговорки») вместо первоначально предусмотренной формулировки «Effects of an invalid reservation»²³⁶², поскольку основным последствием этих правовых документов является именно то, что они лишены последствий.

20) Помимо этого, следует отметить, что недействительные оговорки, последствия которых прямо установлены в настоящем разделе Руководства по практике, являются таковыми либо в силу того, что они не соответствуют требованиям в отношении формы и процедуры, четко установленным в части 2, либо в силу того, что они не действительны по существу в соответствии с положениями части 3. Использование терминов «действительность/недействительность» и «действительный/недействительный» соответствует широкому определению формулировок «действительность оговорок», принятой Комиссией с целью обозначения интеллектуального усилия, состоящего в определении того, может ли одностороннее заявление, сделанное каким-либо государством или международной организацией с целью исключить или изменить юридическое действие отдельных положений договора в их применении к этому государству или к этой организации, порождать последствия, которые в принципе связаны с формулированием оговорки»²³⁶³.

4.5.1 Ничтожность недействительной оговорки

Оговорка, которая не соответствует условиям формальной и материальной действительности, закрепленным в частях 2 и 3 Руководства по практике, является ничтожной и поэтому не имеет никакой юридической силы.

²³⁶¹ Первый доклад о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 178, пункт 163.

²³⁶² Пятнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 2010 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/624 и Add.1–2, пункт 129.

²³⁶³ См. пункт 2) общего комментария к части 3 Руководства по практике.

Комментарий

1) Недвусмысленно указывая на то, что оговорка, которая не удовлетворяет условиям формальной и материальной действительности, закрепленным в частях 2 и 3 Руководства по практике, и, делая отсюда формальный вывод о том, что она не порождает в этой связи никаких последствий, руководящее положение 4.5.1 преследует цель устранить один из наиболее серьезных пробелов в Венских конвенциях, где этот вопрос, по-видимому, осознанно оставлен без ответа²³⁶⁴, несмотря на очень важное практическое значение, которое он имеет.

2) Настоящее руководящее положение, которое, вероятно, является одним из важнейших положений Руководства по практике, не дублирует руководящее положение 3.3.1 (Несущественность различия между основаниями материальной недействительности). Во-первых, оно касается как формальной, так и материальной недействительности оговорок²³⁶⁵; в то время как часть 3, и в частности ее первые три раздела, касается только материальной действительности оговорок, нет никаких причин для исключения из условий действительности оговорок (несоблюдение которых делает оговорку ничтожной) условий, касающихся формы. Оговорка, которая не была сформулирована в письменном виде²³⁶⁶, которая не была доведена до сведения других заинтересованных сторон²³⁶⁷ или которая была сформулирована впоследствии²³⁶⁸, в принципе также не может породить юридических последствий; она полностью ничтожна²³⁶⁹. Во-вторых, руководящее положение 4.5.1 стоит «после» руководящих положений 3.1 и 3.3.3, на последствиях которых она строится: последние устанавливают, при каких условиях оговорка не является действительной, а с учетом такой недействительности в руководящем положении 4.5.1 делается вывод о том, что оговорка ничтожна и не порождает никаких юридических последствий.

²³⁶⁴ См. выше пункт 16) вводного комментария к разделу 4.5 Руководства по практике.

²³⁶⁵ См. выше пункт 20) вводного комментария к разделу 4.5 Руководства по практике. Такой широкий охват объясняет, что руководящее положение 4.5.1 содержится в части 4, а не в части 3 Руководства по практике (см., а contrario, причины, обуславливающие включение руководящего положения 3.3.3 в часть 3, в пунктах 5)–7) комментария к соответствующему руководящему положению).

²³⁶⁶ Пункт 1 статьи 23 Венских конвенций. См. также руководящее положение 2.1.1 (Форма оговорок) и комментарий к нему.

²³⁶⁷ Пункт 1 статьи 23 Венских конвенций. См. также руководящее положение 2.1.5 (Сообщение оговорок) и комментарий к нему.

²³⁶⁸ См. руководящие положения с 2.3 (Последующее формулирование оговорок) по 2.3.4 (Расширение сферы действия оговорок) и комментарии к ним.

²³⁶⁹ Кроме того, руководящее положение 4.5 эквивалентно в отношении недействительных оговорок тому, чем является руководящее положение 4.1 в отношении действительных оговорок (действующие оговорки): одно, как и другое, касается двух категорий условий (материальных или формальных) для того, чтобы оговорка считалась «действующей» в первом случае (при условии, что она к тому же принята по крайней мере одним другим договаривающимся государством или договаривающейся организацией) или «недействительной» во втором случае.

3) Выражение «является ничтожной и не имеет юридической силы» преследует цель напомнить о том, что эта ничтожность не зависит от реакций других договаривающихся государств или договаривающихся организаций, и это более четко указывается в руководящих положениях 3.3.3 и 4.5.2.

4) Ничтожность оговорки и результаты и последствия такой ничтожности – это, безусловно, две взаимозависимые, но тем не менее разные вещи. Невозможно сначала рассмотреть последствия недействительной оговорки, чтобы вывести из них ничтожность: юридический акт не порождает последствий не потому, что он непременно является ничтожным. Последствия порождаются свойствами самого акта, а не наоборот. Таким образом, ничтожность акта есть не что иное, как одно из его свойств, которое, в свою очередь, влияет на способность акта породить (или нет) или изменять (или нет) правовую ситуацию.

5) По поводу ничтожности в гражданском праве известный французский юрист Марсель Планьоль пояснял следующее:

Un acte juridique est nul lorsqu'il se trouve privé d'effets par la loi, bien qu'il ait été réellement accompli, et qu'aucun obstacle ne le rende inutile. La nullité suppose que l'acte pourrait produire tous ses effets, si la loi le permettait [Юридический акт является ничтожным, когда он оказывается лишенным законом последствий, хотя он на самом деле был совершен и нет препятствий, которые бы делали его нецелесообразным. Ничтожность предполагает, что акт мог бы породить все свои последствия, если бы это позволял закон]²³⁷⁰.

В Словаре международного публичного права «ничтожность» определяется следующим образом:

Caractéristique d'un acte juridique, ou d'une disposition d'un acte, dépourvu de valeur juridique, en raison de l'absence des conditions de forme ou de fond nécessaires pour sa validité [Свойство юридического акта или положения акта, лишенного юридической значимости ввиду отсутствия условий в отношении формы или существа, необходимых для его действительности]²³⁷¹.

Это как раз случай оговорки, которая не соответствует критериям действительности, предусмотренным в статье 19 Венских конвенций: она не удовлетворяет условиям в отношении существа, необходимым для ее действительности, и поэтому лишена юридической значимости. Однако оговорка могла бы породить свои юридические последствия, если бы она удовлетворяла условиям, необходимым для ее действительности.

6) Полагаться лишь на оценку договаривающихся государств или договаривающихся международных организаций в вопросе определения действительности оговорки в конечном итоге равносильно непризнанию каких бы то ни было полезных последствий за статьей 19 Венских конвенций (текст которой в ее редакции 1986 года воспроизводится в руководящем положении 3.1), которая между тем занимает

²³⁷⁰ Цитируется P. Guggenheim, «La validité et la nullité des actes juridiques internationaux», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1949-I*, vol. 74, p. 208.

²³⁷¹ J. Salmon (ed.), *Dictionnaire de droit international public* (сноска 1013 выше), p. 760 («Nullité»).

центральное место в Венском режиме и которая формулирует (а contrario) условия материальной действительности оговорок не как если бы речь шла об элементах, которые государства и международные организации должны учитывать, а как предписания²³⁷². Противоположная позиция подразумевает, что государства, приняв оговорку, могут сделать действительной такую оговорку, которая не удовлетворяет критериям действительности, установленным Венскими конвенциями 1969 года или 1986 года; это лишит статью 19 всякого существования и будет противоречить клаузулам руководящего положения 3.3.3 (Отсутствие последствий индивидуального принятия оговорки для материальной недействительности оговорки).

7) Поэтому разумно и логично с учетом Венского режима закрепить это решение, с которым согласны сторонники концепций «допустимости» и «противопоставимости»²³⁷³, которое также соответствует позиции наблюдательных органов договоров по правам человека²³⁷⁴ и согласно которому несоблюдение условий действительности формулирования оговорок, изложенных в статье 19 Венских конвенций и воспроизведенных в проекте руководящего положения 3.1 (Материально действительные оговорки), влечет за собой ничтожность оговорки.

8) Ничтожность недействительной оговорки никак не относится к *lex ferenda*; она прочно укоренилась в практике государств. Государства нередко формулируют возражения против оговорок, не совместимых с объектом и целью договора, уточняя при этом, что они считают оговорку «ничтожной и не имеющей юридической силы».

9) Еще в 1955 и 1957 годах, когда они ратифицировали Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 года, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки заявили возражения против оговорок, сформулированных рядом государств Восточной Европы, уточнив, что, поскольку соответствующие оговорки являются ничтожными, Конвенции применяются в полном объеме к государствам, сделавшим оговорки. Так, Соединенное Королевство заявило, что,

²³⁷² «Государство может... формулировать оговорку, за исключением тех случаев», что безусловно означает а contrario, что «государство не может формулировать оговорку, если».

²³⁷³ Даже если те не извлекают отсюда всех последствий. По поводу противопоставления между этими двумя «школами» см. пункт 4) вводного комментария к части 3 Руководства по практике (Материальная действительность оговорок и заявлений о толковании); см. также предварительный доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 166–167, пункты 101–105.

²³⁷⁴ См. пункт 15) комментария к руководящему положению 3.2 (Оценка материальной действительности оговорок), а также комментарий к руководящим положениям 3.2.1 (Компетенция наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок) и 3.2.2 (Конкретизация компетенции наблюдательных договорных органов оценивать материальную действительность оговорок).

хотя оно считает все вышеуказанные государства участниками данных Конвенций, оно не признает в качестве действительных вышеуказанные оговорки этих государств и вследствие этого считает любое применение любой из этих оговорок нарушением данной Конвенции²³⁷⁵.

Уже в 1982 году

правительство Союза Советских Социалистических Республик объявило ничтожной оговорку, сделанную правительством Королевства Саудовская Аравия при его присоединении к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, поскольку эта оговорка шла вразрез с одним из принципиальных положений указанной Конвенции, а именно положением о том, что дипломатическая почта не подлежит ни вскрытию, ни задержанию²³⁷⁶.

Аналогичный случай имел место с Италией, которая сформулировала возражение против оговорки, сформулированной Соединенными Штатами к Международному пакту о гражданских и политических правах:

По мнению Италии, оговорки к положениям статьи 6 не допускаются, как это уточняется в пункте 2 статьи 4 Пакта.

По этой причине данная оговорка является ничтожной, поскольку она не совместима с объектом и целью статьи 6 Пакта²³⁷⁷.

В 1995 году Нидерланды, Финляндия и Швеция заявили сходные возражения в отношении заявлений, сделанных Египтом при его присоединении к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. Нидерланды в своем возражении уточнили:

Королевство Нидерландов считает, что заявление Египта относительно требования предварительного разрешения до прохода через территориальные воды представляет собой ничтожную оговорку²³⁷⁸.

Правительства Финляндии и Швеции в своих возражениях также уточнили, что «считают эти заявления не имеющими юридической силы» или «ничтожными»²³⁷⁹. Реакция Швеции на оговорки, которые она считает недействительными, впрочем, часто сопровождается подобным уточнением, независимо от того, запрещена оговорка договором или нет²³⁸⁰,

²³⁷⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 278, p. 268. См. также идентичные возражения Соединенных Штатов Америки ко всем четырем Женевским конвенциям. Возражение к Конвенции об обращении с военнопленными гласит: «Отвергая оговорки, сделанные некоторыми государствами в отношении Женевской конвенции об обращении с военнопленными, Соединенные Штаты Америки признают наличие отношений со всеми участниками Конвенции, вытекающими из договора, за исключением того, что касается изменений, вносимых этими оговорками» (*ibid.*, vol. 213, p. 384).

²³⁷⁶ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3.

²³⁷⁷ *Ibid.*, chap. IV.4.

²³⁷⁸ *Ibid.*, chap. XXVII.3. Пункт 1 статьи 26 Базельской конвенции гласит: «Никакие оговорки к настоящей Конвенции не допускаются».

²³⁷⁹ *Ibid.*, chap. XXVII.3.

²³⁸⁰ *Ibid.*

была ли она сформулирована впоследствии²³⁸¹ или не соответствует ли она объекту и цели договора²³⁸². Согласно этому последнему предложению, реакция Швеции на заявление, сформулированное Германской Демократической Республикой к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания²³⁸³, носит особо четкий характер:

Правительство Швеции пришло к выводу, что заявление, сделанное Германской Демократической Республикой, не совместимо с объектом и целью Конвенции и что вследствие этого оно является ничтожным в соответствии с пунктом с) статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров²³⁸⁴.

10) Правительство Швеции в этом возражении однозначно уточняет, что ничтожность оговорки вытекает не из его возражения, а из несоответствия заявления Германской Демократической Республики условиям, необходимым для материальной действительности оговорки. Речь идет об объективном вопросе, который не зависит от реакций других договаривающихся государств или договаривающихся организаций, хотя они могут содействовать оценке несовместимости оговорки с требованиями статьи 19 Венских конвенций, воспроизведенных в проекте руководящего положения 3.1 (Материально действительные оговорки)²³⁸⁵.

11) В индивидуальном порядке договаривающиеся государства и договаривающиеся организации не правомочны аннулировать материально

²³⁸¹ Хотя возражение Швеции против сформулированного заявления Египта к Базельской конвенции мотивировано и запретом оговорок в указанной Конвенции, и тем обстоятельством, что «эти заявления сформулированы почти через два года после присоединения Египта к Базельской конвенции вопреки правилу, установленному в пункте 2 статьи 26 этой Конвенции» (*ibid.*). В то же время Финляндия мотивировала свое возражение лишь тем обстоятельством, что заявления в любом случае были сделаны позднее (*ibid.*). Италия также заявила, что формулирование заявлений Египтом было сделано позднее и что «по этим причинам представление вышеуказанных заявлений, даже если не вникать в их существо, не может быть принято» (*ibid.*).

²³⁸² См. возражения Швеции против оговорок, сформулированных Мавританией и Мальдивскими Островами к Международному пакту о гражданских и политических правах (*ibid.*, chap. IV.4); ее возражения против оговорок, сформулированных Корейской Народно-Демократической Республикой, Бахрейном, Федеративными Штатами Микронезии, Объединенными Арабскими Эмиратами, Оманом и Брунеем-Даруссаламом к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*ibid.*, chap. IV.8), или ее возражения против оговорки Сальвадора и заявления о толковании Таиланда к Конвенции о правах инвалидов (*ibid.*, chap. IV.15).

²³⁸³ Германская Демократическая Республика заявила при подписании и ратификации Конвенции, что она «будет покрывать расходы, о которых говорится в пункте 7 статьи 17 и в пункте 5 статьи 18 Конвенции, лишь в объеме, который является результатом деятельности, соответствующей компетенции Комитета [против пыток], которую Германская Демократическая Республика признает» (*ibid.*, chap. IV.9). См. также третий доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1998 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/491 и Add.1-6, стр. 300, пункт 217.

²³⁸⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.9.

²³⁸⁵ См. также пункты 1)–3) комментария к руководящему положению 3.3.3.

недействительную оговорку²³⁸⁶. К тому же, цель данных возражений состоит не в этом и понимать их следует не так.

12) Однако – и это особенно важно в системе, где нет механизма контроля и аннулирования, – эти возражения содержат точку зрения их авторов по вопросу о действительности и последствиях недействительной оговорки²³⁸⁷ и имеют капитальное значение в целях проведения диалога об оговорках. Как заявил в 2005 году представитель Швеции в Шестом комитете:

Теоретически нет необходимости выдвигать возражения, для того чтобы установить недействительность оговорки, но это является способом привлечь к данному факту внимание. Следовательно, возражение само по себе не имеет реальной юридической силы и как таковое не может рассматриваться как возражение. Вследствие этого временные рамки в 12 месяцев, определенные в пункте 5 статьи 20 Конвенции, неприменимы. Однако в отсутствие органа, который мог бы авторитетно определить недействительность оговорки, такого, как Европейский суд по правам человека, подобные «возражения» все еще играют важную роль²³⁸⁸.

13) К тому же, весьма существенно, что зачастую, когда государства формулируют возражения против оговорок, считающихся ими недопустимыми, они несколько не думают об условиях, определяющих эффективность их возражений. Так, применительно к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания девять государств²³⁸⁹ сформулировали возражения против четырех оговорок; однако среди 18 возражений 12 были последующими, что показывает, что их авторы испытывали убеждение в том, что ничтожность данных оговорок не зависела от их отрицательной реакции, а существовала *ipso facto* независимо от нее. Иными словами, эти возражения признают ранее существовавшую ничтожность, учитывая объективные критерии.

14) Простая констатация ничтожности оговорки, которая делается в первой части руководящего положения 4.5.1, не решает, однако, вопроса о последствиях (или отсутствии последствий) этой ничтожности для договора и договорных отношений, которые могут быть установлены между автором оговорки и другими договаривающимися государствами или договаривающимися организациями; Венские конвенции не содержат никаких указаний на этот счет²³⁹⁰. Поэтому необходимо обратиться

²³⁸⁶ См. также Klabbers, «Accepting the unacceptable?...» (сноска 2199 выше), p. 184.

²³⁸⁷ См. также руководящее положение 3.2 (Оценка материальной действительности оговорок).

²³⁸⁸ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Шестой комитет*, 14-е заседание, A/C.6/60/SR.14, пункт 22.

²³⁸⁹ Германия, Дания, Испания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция и Швеция (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.9).

²³⁹⁰ См. пункты 1)–13) вводного комментария к разделу 4.5 выше.

к базовым принципам, которые лежат в основе всего права международных договоров (начав с правил, применимых к оговоркам), и прежде всего к принципу согласия.

15) Возражения, которые формулируются против оговорок, считающихся недопустимыми (поскольку они либо запрещены договором, либо несовместимы с его объектом и целью), и которые тем не менее не препятствуют вступлению договора в силу, многочисленны. Эта практика полностью соответствует принципу, закрепленному в подпункте *b*) пункта 4 статьи 20 и пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, хотя может показаться удивительным, что она главным образом (но не исключительно) применялась западными государствами, которые на Венской конференции проявили значительные колебания в вопросе переверота презумпции, упорно применявшейся восточными странами²³⁹¹. Однако сохранение в силе *договора* оставляет нетронутым вопрос о том, что произойдет с *оговоркой*.

16) Возражение Бельгии против оговорок Объединенной Арабской Республики и Камбоджи к Венской конвенции о дипломатических сношениях позволяет поставить проблему. При ратификации этой Конвенции в 1968 году правительство Бельгии заявило, что

оговорка, сделанная Объединенной Арабской Республикой и Королевством Камбоджа к пункту 2 статьи 37, несовместима с буквой и духом Конвенции²³⁹²,

не извлекая отсюда особых последствий. Однако в 1975 году, реагируя на подтверждение этих оговорок и сопоставимой оговорки Марокко, Бельгия уточнила:

Правительство Королевства Бельгия заявляет возражение против оговорок, сформулированных в отношении пункта 3 статьи 27 Бахрейном, пункта 2 статьи 37 Объединенной Арабской Республикой (в настоящее время Арабская Республика Египет), Камбоджей (в настоящее время Кхмерская Республика) и Марокко. В то же время правительство полагает, что эта Конвенция остается в силе в отношениях между ним и вышеуказанными государствами, соответственно, *за исключением положений, которые в каждом отдельном случае являются объектом указанных оговорок*²³⁹³.

Иными словами, позиция Бельгии заключается в том, что, несмотря на несовместимость оговорок с «буквой и духом» Конвенции, она вступает в силу в отношениях между Бельгией и авторами недействительных оговорок. Однако положения, к которым относятся оговорки, не применяются в отношениях между авторами указанных оговорок и Бельгией, что приводит к приравниванию последствий

недопустимых оговорок к последствиям оговорок допустимых.

17) Предлагаемое в возражении Бельгии решение, как представляется, соответствует тому, что предусмотрено в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций в случае простого возражения²³⁹⁴.

²³⁹⁴ См. комментарий к руководящему положению 4.3.6 (Последствия возражения для договорных отношений). См. также возражение Нидерландов против оговорки, сформулированной Соединенными Штатами Америки к Международному пакту о гражданских и политических правах:

«Правительство Королевства Нидерландов формулирует возражение против оговорки, которая касается смертной казни за преступления, совершенные лицами, не достигшими 18 лет, учитывая, что из текста Пакта и материалов разработки следует, что данная оговорка не совместима с текстом, объектом и целью статьи 6 Пакта, который в статье 4 устанавливает минимальную норму защиты права на жизнь.

Правительство Королевства Нидерландов формулирует возражение к оговорке, касающейся статьи 7 Пакта, поскольку из текста и толкования этой статьи вытекает, что указанная оговорка несовместима с объектом и целью Пакта.

По мнению правительства Королевства Нидерландов, эта оговорка имеет те же последствия, что и отступление общего характера от этой статьи, тогда как по условиям статьи 4 Пакта никакие отступления недопустимы, даже в случае чрезвычайного положения в государстве.

Правительство Королевства Нидерландов считает, что заявления о толковании и заявления Соединенных Штатов не отменяют и не изменяют юридическое действие положений Пакта в их применении к Соединенным Штатам и что они никоим образом не ограничивают компетенцию Комитета по правам человека в вопросе толкования этих положений в их применении к Соединенным Штатам.

С учетом положений пункта 3 статьи 21 Венской конвенции о праве международных договоров*, настоящее возражение не представляет собой препятствия для вступления Пакта в силу в отношениях между Королевством Нидерландов и Соединенными Штатами» (*ibid.*, chap. IV.4).

См. также возражение Соединенных Штатов Америки против оговорок, сформулированных к этому же Пакту Пакистаном:

«Правительство Соединенных Штатов Америки возражает против оговорок Пакистана к МПГПП. Пакистан сформулировал оговорки к статьям 3, 6, 7, 12, 13, 18, 19 и 25 Пакта, где говорится о равном для мужчин и женщин праве пользования всеми гражданскими и политическими правами, праве на жизнь, свободе от пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, свободе передвижения, высылке иностранцев, свободе мысли, совести и религии, свободе выражения и праве участвовать в политической жизни. Пакистан также сформулировал оговорку к статье 40, в которой предусматривается процесс представления государствами — участниками Пакта периодических докладов по просьбе Комитета по правам человека (КПЧ). Эти оговорки вызывают серьезную обеспокоенность, так как они одновременно вызывают вопрос о том, в какой степени Пакистан намеревается изменить свои материально-правовые обязательства на основании Пакта, и ограничивают способность других участников оценивать выполнение обязательств Пакистаном по линии периодических докладов. *В результате этого Соединенные Штаты считают всю совокупность оговорок Пакистана несовместимой с объектом и целью Пакта. Это возражение не препятствует вступлению Пакта в силу между Соединенными Штатами и Пакистаном и вышеупомянутые статьи будут применяться в отношениях между нашими двумя государствами, за исключением того, что охватывается оговорками Пакистана**» (*ibid.*).

В своих комментариях к замечанию общего порядка № 24 Комитета по правам человека Соединенное Королевство также в определенной мере выступило за исключение частей договора, к которым относится оговорка: «Соединенные

²³⁹¹ См. пункты 7)–13) комментария к руководящему положению 4.3.5 выше (Невступление договора в силу между автором оговорки и автором возражения с максимальным эффектом). См. также пункт 1) комментария к руководящему положению 2.6.7 (Выражение намерения препятствовать вступлению в силу договора).

²³⁹² *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3.

²³⁹³ *Ibid.*

18) Оно является весьма спорным. В самом деле, при таком решении не возникает никаких конкретных последствий в результате ничтожности оговорки, а она рассматривается так же, как и допустимая оговорка, посредством включения с помощью обходного маневра того, что было исключено авторами Венских конвенций 1969 и 1986 годов²³⁹⁵. Безусловно, ничто в тексте пункта 3 статьи 21 Венских конвенций прямо не предполагает, что он не применяется в случае недействительных оговорок, однако материалы разработки четко свидетельствуют о том, что этот вопрос более не считался актуальным для проекта статьи, лежащего в основе этого положения²³⁹⁶.

19) Как пояснил представитель Швеции, выступая от имени скандинавских государств при обсуждении доклада Комиссии о работе ее пятьдесят седьмой сессии в Шестом комитете:

Согласно статье 19 оговорка, не совместимая с объектом и целью договора, не может быть сформулирована, и, соответственно, не могут иметь место юридические последствия, перечисленные в статье 21. Хотя в пункте 3 статьи 21 предусматривается, что положения, к которым относится оговорка, не применяются в отношениях между возражающим против оговорки государством и сделавшим оговорку государством в пределах сферы действия оговорки, речь идет об оговорках, допускаемых в соответствии со статьей 19. Нецелесообразно применять то же правило к оговоркам, не совместимым с объектом и целью договора. На самом же деле такая оговорка должна считаться недействительной и не имеющей юридической силы²³⁹⁷.

Королевству совершенно ясно, что отделимость повлечет за собой исключение и оговорки и частей договора, к которым она относится. Любое другое решение было бы сочтено резко противоречащим принципу, в частности закрепленной в пункте 1 Статьи 38 Статута Международного Суда основополагающей норме, согласно которой международные конвенции устанавливают правила, "определенно признанные" договаривающимися государствами. Соединенное Королевство считает, что едва ли целесообразно пытаться вынуждать государство придерживаться его обязательств в соответствии с Пактом, которых оно очевидным образом определенно не признало, но, скорее определенно указало на свое нежелание принимать» (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), приложение VI, стр. 131, пункт 14).

В своем докладе на 18-м совещании председателей договорных органов по правам человека Рабочая группа по оговоркам также неполностью исключила такое решение. В своих рекомендациях она указала, что «единственное предполагаемое последствие недействительности заключается в том, что государство может рассматриваться как неучастник договора или как участник договора, однако положение, к которому относится оговорка, будет неприменимо*», или как государство – участник договора без оговорки» (HRI/MC/2006/5/Rev.1, пункт 16, рекомендация № 7). Эта позиция впоследствии, однако, была изменена (см. сноску 2397 ниже).

²³⁹⁵ См. комментарии Соединенного Королевства по поводу замечания общего порядка № 24 Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), приложение VI, стр. 131, пункт 13). См. также расширенный рабочий документ по вопросу об оговорках к договорам о правах человека, подготовленный г-жой Франсуазой Хэммон в соответствии с решением 2001/17 Подкомиссии по поощрению и защите прав человека (E/CN.4/Sub.2/2003/WP.2), пункт 16.

²³⁹⁶ См. пункты 5)–13) вводного комментария к разделу 4.5 выше.

²³⁹⁷ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Шестой комитет*, 14-е заседание,

20) Кроме того, безотносительность венских норм применительно к последствиям недопустимых оговорок весьма четко подтверждается подавляющим большинством реакций со стороны государств на оговорки, которые они считают недействительными. Независимо от того, говорят они прямо, что их возражение не препятствует вступлению договора в силу в отношении автора оговорки, или нет, они все равно однозначно считают, что недопустимая оговорка лишена всяких юридических последствий.

21) В этой связи сам за себя говорит старый пример возражений Соединенных Штатов и Соединенного Королевства против некоторых оговорок государств Восточной Европы к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года²³⁹⁸.

22) Беларусь, Болгария, Россия и Чехословакия также заявили возражения против «заявления о толковании» Филиппин к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, полагая, что эта оговорка лишена значимости и юридических последствий²³⁹⁹. Норвегия и Финляндия представили возражения против заявления Германской Демократической Республики к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания²⁴⁰⁰. Это заявление, впрочем, также подверглось критике со стороны целого ряда других государств, считавших «всякое заявление такого рода лишенным юридических последствий и никоим образом не способным умалить лежащее на правительствах обязательство покрывать свою долю расходов Комитета в соответствии с положениями Конвенции»²⁴⁰¹. Аналогичным образом, Португалия в своем возражении против оговорок, сформулированных Мальдивскими Островами к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, отметила, что

эти оговорки не могут никоим образом изменить или модифицировать обязательства, вытекающие из Конвенции для любого государства-участника²⁴⁰².

23) Практика государств весьма обширна (и по сути однородна) и не ограничивается какой-то определенной группой государств. Недавние возражения

A/C.6/60/SR.14, пункт 22. См. также Малайзия (A/C.6/60/SR.18, пункт 86) и Греция (A/C.6/60/SR.19, пункт 39), а также доклад о заседании рабочей группы по оговоркам девятнадцатому совещанию председателей договорных органов по правам человека и работе шестого межкомитетского совещания договорных органов по правам человека: «Невозможно предположить, чтобы делающее оговорку государство оставалось стороной договора при исключении положения, которое стало неприменимым в результате его оговорки» (HRI/MC/2007/5, пункт 18).

²³⁹⁸ См. пункты 9)–10) комментария к настоящему руководящему положению.

²³⁹⁹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6.

²⁴⁰⁰ См. сноску 2383 выше.

²⁴⁰¹ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.9.

²⁴⁰² *Ibid.*, chap. IV.8.

Финляндии²⁴⁰³ или Швеции²⁴⁰⁴, а также возражения других государств, например Бельгии²⁴⁰⁵, Испании²⁴⁰⁶, Нидерландов²⁴⁰⁷, Чешской Республики²⁴⁰⁸ и Словакии²⁴⁰⁹, а также Европейского союза²⁴¹⁰ довольно

²⁴⁰³ См. возражения Финляндии против оговорки Йемена к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (*ibid.*, chap. IV.2); оговорку, заявленных Кувейтом, Малайзией, Лесото, Сингапуром и Пакистаном к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*ibid.*, chap. IV.8), и оговорку Малайзии, Катара, Сингапура и Омана к Конвенции о правах ребенка (*ibid.*, chap. IV.11) и, наконец, оговорки Соединенных Штатов, сформулированной при выражении согласия на обязательность Протокола III к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (*ibid.*, chap. XXVI.2).

²⁴⁰⁴ См. возражение Швеции против оговорки Соединенных Штатов Америки, сформулированной при признании ими Протокола III к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (*ibid.*, chap. XXVI.2). В то же время Швеция уточнила, что «Конвенция вступает в силу в полном объеме в отношениях между двумя государствами, при этом Соединенные Штаты Америки не могут ссылаться на свою оговорку».

²⁴⁰⁵ См. возражение Бельгии против оговорки Сингапура к Конвенции о правах ребенка: «Правительство считает, что пункт 2 заявлений к статьям 19 и 37 Конвенции, а также пункт 3 оговорки, касающихся конституционных пределов принятия обязательств, предусмотренных в Конвенции, противоречат объекту и цели Конвенции и вследствие этого не порождают последствий в международном праве» (*ibid.*, chap. IV.11).

²⁴⁰⁶ См. возражение Испании против оговорки, сформулированной Катаром к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: «Правительство Испании считает, что вышеуказанные заявления не порождают юридических последствий и никак не освобождают Катар от обязательств, которые возложены на него Конвенцией, и не изменяют их» (*ibid.*, chap. IV.8).

²⁴⁰⁷ См. возражение Нидерландов против оговорки, сформулированной Сальвадором к Конвенции о правах инвалидов: «Правительство Королевства Нидерландов исходит из того, что оговорка, сформулированная правительством Республики Эль-Сальвадор, не исключает и не изменяет юридических последствий положений Конвенции в их применении к Республике Эль-Сальвадор» (*ibid.*, chap. IV.15).

²⁴⁰⁸ См. возражение Чешской Республики против оговорки, сформулированной Катаром к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: «Правительство Чешской Республики в этой связи заявляет возражение против вышеуказанных оговорок, сформулированных Государством Катар к этой Конвенции. Данное возражение не препятствует вступлению Конвенции в силу в отношениях между Чешской Республикой и Государством Катар. Конвенция вступает в силу в полном объеме в отношениях между двумя государствами, при этом Катар не может ссылаться на свою оговорку» (*ibid.*, chap. IV.8).

²⁴⁰⁹ См. возражение Словакии против оговорки Пакистана к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, где уточняется, что «Пакистан не может ссылаться на сформулированную им оговорку» (*ibid.*, chap. IV.3), или оговорки, сформулированной Катаром к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: «Это возражение не препятствует вступлению Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в силу между Словацкой Республикой и Государством Катар. Конвенция... вступает в силу в полном объеме в отношениях между Словацкой Республикой и Государством Катар, при этом Государство Катар не может ссылаться на оговорку и заявления» (*ibid.*, chap. IV.8).

²⁴¹⁰ См. возражения, заявленные совместно Европейским сообществом и его членами (Бельгия, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Соединенное Королевство, Федеративная Республика Германия и Франция) против заявлений, сформулированных Болгарией и Германской Демократической Республикой к Таможенной конвенции о международной перевозке грузов

часто сопровождаются констатированием того, что недопустимая оговорка лишена юридических последствий. И весьма показательным, что в принципе эта практика возражений с «супермаксимальным» эффектом²⁴¹¹ не вызывает принципиального противодействия со стороны других договаривающихся государств или договаривающихся организаций, включая авторов соответствующих оговорок.

24) Отсутствие всякой юридической силы в качестве прямого следствия ничтожности недопустимой оговорки, которое к тому же вытекает непосредственно из самого понятия ничтожности²⁴¹², было также подтверждено Комитетом по правам человека в его замечании общего порядка № 24 по вопросам, касающимся оговорок, которые делаются при ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах или Факультативных протоколов к нему или при присоединении к ним, или относительно заявлений, сделанных на основании статьи 41 Пакта. Комитет заявил, что один из аспектов «нормальных последствий» недопустимости оговорки заключается, среди прочего, в том, что ее автор не может ссылаться на свою оговорку²⁴¹³. Показательно то, что, несмотря на резкость реакций со стороны Соединенных Штатов, Франции и Соединенного Королевства на замечание общего порядка № 24, ни одно из этих трех государств данную позицию не оспаривало²⁴¹⁴.

с применением книжки МДП (Конвенция МДП). В двух идентичных возражениях их авторы заявили, что «по своему содержанию заявление, сделанное... в отношении пункта 3 статьи 52, имеет все признаки оговорки к этому положению, тогда как такая оговорка прямо запрещена Конвенцией. Вследствие этого Сообщество и государства-члены считают, что это заявление ни при каких обстоятельствах не может быть им противопоставлено и не порождает никаких последствий» (*ibid.*, chap. XI.A.16).

²⁴¹¹ См. пункты 1)–4) комментарии к руководящему положению 4.3.8. См. также восьмой доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 2003 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/535 и Add.1, пункт 96. См. также Simma, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 1042 выше), pp. 667–668.

²⁴¹² См. пункт 5) выше.

²⁴¹³ Доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), приложение V, стр. 121 и 122, пункт 18. См. также заключительный рабочий документ, представленный Франсуазой Хэмпсон по оговоркам к договорам о правах человека в 2004 году (сноска 1151 выше), пункт 57 («Было бы удивительно, если бы от договорного органа по правам человека ожидали, что он признает действующей оговорку, которая, по его заключению, является несовместимой с объектом и целью договора»), и пункт 59 ее расширенного рабочего документа (см. сноску 2395 выше): «Нельзя ожидать, что наблюдательный орган признает действующей оговорку, которая, по его заключению, является несовместимой с объектом и целью договора». Комитет по правам человека смешивает в единой формуле вопрос о невозможности порождения несовместимой оговоркой последствий (что не оспаривается) и вопрос о последствиях этой несовместимости для качества участника ее автора (что вызывает активное обсуждение – см. комментарий к руководящему положению 4.5.3 ниже).

²⁴¹⁴ См. комментарии Соединенных Штатов Америки (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (сноска 1156 выше), приложение VI, стр. 124–128; Соединенного Королевства (там же, стр. 128–132) и Франции (там же, *пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40*) (сноска 1691 выше), том I, приложение VI, стр. 114–116.

25) В конечном счете Комитет подтвердил и использовал этот вывод в своем замечании общего порядка № 24 по случаю рассмотрения сообщения *Роли Кеннеди против Тринидада и Тобаго*. В своем решении о приемлемости заявления²⁴¹⁵ Комитет высказался относительно действительности оговорки, сформулированной государством-участником в момент, когда 26 мая 1998 года оно вновь присоединилось к первому Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах после того, как оно его в тот же день денонсировало. Своей оговоркой Тринидад и Тобаго намеревался исключить компетенцию Комитета в отношении заключенных, приговоренных к смертной казни²⁴¹⁶. Комитет, ссылаясь на дискриминационный характер оговорки, заявил, что эта оговорка «не может быть признана совместимой с объектом и целью Факультативного протокола»²⁴¹⁷. И Комитет делает следующий вывод:

Последствие заключается в том, что Комитету ничто не препятствует рассмотреть настоящее сообщение на основании Факультативного протокола²⁴¹⁸.

Иными словами, по мнению Комитета, оговорка Тринидада и Тобаго не исключает применение Факультативного протокола в отношении заявителя, являющегося заключенным, который приговорен к смертной казни. Следовательно, она не порождает ни юридических последствий, свойственных действующей оговорке²⁴¹⁹, ни последствий действительной оговорки, которая является объектом возражения²⁴²⁰. Она не порождает никаких последствий.

26) Межамериканский суд по правам человека также заявил, что недопустимая оговорка, которая направлена на ограничение его компетенции, не может порождать каких-либо последствий. В своем решении по делу *Hilaire v. Trinidad and Tobago* Суд подчеркнул:

Тринидад и Тобаго не может использовать ограничение, включенное в его документ о принятии факультативного положения относительно обязательной юрисдикции Межамериканского суда по правам человека в силу того, что было установлено в Статье 62 Американской конвенции [по правам человека], поскольку это ограничение несовместимо с объектом и целью Конвенции²⁴²¹.

²⁴¹⁵ Сообщение № 845/1999, решение от 2 ноября 1999 года (см. сноску 730 выше).

²⁴¹⁶ В соответствии с другой частью выводов своего замечания общего порядка № 24 Комитет по правам человека заявляет, что государство-участник оставалось связанным Факультативным протоколом; даже если допустить, что Тринидад и Тобаго мог выйти из договора, чтобы его тут же опять ратифицировать (по поводу чего Комиссия в данном случае никакой позиции высказывать не намерена), действительность этой оговорки по меньшей мере сомнительна.

²⁴¹⁷ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 730 выше), пункт 6.7.

²⁴¹⁸ Там же.

²⁴¹⁹ См. руководящие положения в разделе 4.2 Руководства по практике.

²⁴²⁰ См. руководящие положения в разделе 4.3 Руководства по практике.

²⁴²¹ Постановление от 1 сентября 2001 года, *Hilaire v. Trinidad and Tobago*, Preliminary Objections, Series C, No. 80, para. 98. См. также постановление Суда от 1 сентября 2001 года о предварительном возращении по делу *Benjamin et al. v. Trinidad and Tobago* (сноска 2187 выше), para. 89. В этом последнем решении

27) Европейский суд по правам человека в принципе следовал этому подходу в своих делах *Belilos v. Switzerland*²⁴²², *Weber v. Switzerland*²⁴²³ и *Loizidou v. Turkey*²⁴²⁴. В этих трех делах Суд, констатируя недопустимость оговорок Швейцарии и Турции, применял Европейскую конвенцию таким образом, как если бы эти оговорки не были сформулированы. Следовательно, они не порождали никаких юридических последствий.

28) С учетом столь широкого признания Комиссия считает, что сам принцип отсутствия всяких юридических последствий недействительной оговорки для договора относится к сфере позитивного права. Он сформулирован во второй части руководящего положения 4.5.1.

29) Однозначно верным (и присущим системе международного права) является утверждение о том, что, до тех пор пока беспристрастная третья сторона, уполномоченная принимать решения, не высказала своего мнения, вопрос о действительности оговорки остается открытым (этим, в частности, объясняется интерес, который представляет диалог об оговорках). Однако нецелесообразно закреплять столь широко понимаемый релятивизм, неизбежно вытекающий из подобной позиции: нельзя смешивать существо применимого права (попытка сформулировать соответствующее положение предпринимается в Руководстве по практике) и разрешение споров, связанных с осуществлением этого права. Оговорка бывает либо действительной, либо недействительной, причем независимо от тех индивидуальных позиций, которые могут занимать государства или международные организации по отношению к этому, и в силу этого ее ничтожность не является субъективным или относительным вопросом, а должна по мере возможности определяться объективно, т.е. так, чтобы при этом реакции других сторон не лишались смысла или интереса, но это уже предмет руководящих положений, сформулированных в разделе 4.3 Руководства по практике. Впрочем, эта идея отражена в руководящем положении 4.5.2.

4.5.2 Реакции на оговорку, считающуюся недействительной

1. Ничтожность недействительной оговорки не зависит от возражения или принятия со стороны договаривающегося государства или договаривающейся организации.

2. Тем не менее государству или международной организации, которые считают, что данная оговорка недействительна, следует как можно скорее сформулировать мотивированное возражение против нее.

Суд делает те же выводы, не уточняя при этом, что оговорка была несовместима с объектом и целью Конвенции.

²⁴²² *Belilos v. Switzerland* (сноска 192 выше), para. 60.

²⁴²³ *Weber v. Switzerland*, 22 мая 1990 года, Series A no. 177, paras. 36–38.

²⁴²⁴ *Loizidou v. Turkey*, Preliminary Objections, постановление от 23 марта 1995 года (см. сноску 304 выше), paras. 89–98.

Комментарий

1) В пункте 1 руководящего положения 4.5.2, по сути, наминается основополагающий принцип, явно задействованный в ряде предшествующих руководящих положений, согласно которому ничтожность недействительной оговорки зависит от самой оговорки, а не от тех реакций, которые она может вызвать. Пункт 2, в свою очередь, представляет собой рекомендацию в адрес государств и международных организаций, которым предлагается, тем не менее, не отказываться от представления возражения против такой оговорки и указывать при этом мотивы, по которым она не представляется для них действительной.

2) Пункт 1 руководящего положения 4.5.2 следует логике руководящих положений 3.1 (Материально действительные оговорки) (в котором воспроизводится текст статьи 19 Венских конвенций), 3.3.3 (Отсутствие последствий индивидуального принятия оговорки для материальной недействительности оговорки) и 4.5.1 (Ничтожность недействительной оговорки). Он служит иллюстрацией значения слов «не имеет юридической силы» в последнем из этих руководящих положений, напоминая о том, что ничтожность оговорки, не являющейся действительной, основывается на объективных факторах и не зависит от реакций договаривающихся государств или договаривающихся организаций, не являющихся автором оговорки, т.е., как это четко указано в первом абзаце, от их принятия или возражения.

3) На практике в преобладающем большинстве случаев государства мотивируют свои возражения недействительностью оговорки, против которой они возражают. Однако возражающие стороны делают из этого весьма разнообразные выводы: одни ограничиваются констатацией факта недействительности соответствующей оговорки, другие объявляют ее ничтожной или лишенной юридической силы; в одних случаях (что, однако, происходит очень редко) возражающая сторона считает, что ее возражение препятствует вступлению договора в силу в отношениях между ней и стороной, сделавшей оговорку, а в других – напротив, указывает, что договор вступает в силу в целом в контексте этих двусторонних отношений²⁴²⁵, и иногда хранит молчание по этому вопросу.

²⁴²⁵ Реакции на оговорку, сделанную Катаром при его присоединении к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, включали почти полный набор всех разновидностей возражений: 18 возразивших сторон (в том числе две, заявившие последующие возражения, – Мексика и Португалия) указали на несовместимость оговорки с объектом и целью Конвенции, одна (Швеция) добавила, что оговорка «ничтожна», и еще две (Испания и Нидерланды) заявили, что оговорка не порождает никаких последствий для положений Конвенции. Восемь из этих возразивших сторон (Бельгия, Венгрия, Ирландия, Италия, Мексика, Польша, Португалия и Финляндия) подчеркнули, что их возражения не препятствуют вступлению договора в силу, тогда как остальные 10 заявили, что считают договор вступившим в силу для Катара и что автор недействительной оговорки не может на нее ссылаться (Австрия, Испания, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Словакия, Чешская Республика, Швеция и Эстония). См. *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8. См. также реакции, упомянутые выше.

4) Практика Международного Суда не отличается последовательностью в этом вопросе²⁴²⁶. В 1999 году в своих постановлениях относительно ходатайства Югославии об указании временных мер в отношении Испании и Соединенных Штатов Суд фактически ограничился замечанием относительно того, что

Конвенция о геноциде не запрещает оговорки, что Югославия не заявляла возражений против оговорки, сделанной Испанией к Статье IX, и что вследствие этой оговорки данная статья исключена из положений Конвенции, действующих между сторонами²⁴²⁷.

Мотивируя свое решение, Суд никоим образом не затрагивает вопрос о материальной действительности оговорки, а лишь констатирует, что Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года не содержит запрета на оговорки. Получается, что единственный фактор, который сыграл решающую роль, заключался в отсутствии возражений со стороны заинтересованного государства, и этот подход согласуется с позицией, которую Суд занял в 1951 году, но которая сегодня утратила свою актуальность по причине ее несовместимости с Венской конвенцией²⁴²⁸:

Объект и цель [договора] устанавливают [...] пределы как в отношении свободы заявлять оговорки, так и свободы возражать против них. Отсюда следует, что именно совместимость оговорки с объектом и целью Конвенции должна обеспечивать критерий поведения государства, которое заявляет оговорку при своем присоединении, и государства, которое считает должным заявить против нее возражение. Такова норма поведения, которой должно руководствоваться каждое государство при оценке правомерности оговорки, которую оно само должно провести для себя²⁴²⁹.

Тем не менее в своем постановлении относительно ходатайства об указании временных мер в деле *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*, Суд изменил свой подход, рассмотрев *in limine* материальную действительность оговорки, сделанной Руандой:

Эта оговорка касается не материального права, а лишь юрисдикции Суда; ...поэтому, как представляется, она не противоречит объекту и цели Конвенции²⁴³⁰.

А в своем решении о юрисдикции Суда и о приемлемости заявления Суд подтвердил:

Оговорка Руанды к Статье IX Конвенции о геноциде касается юрисдикции Суда и не затрагивает основных обязательств, вытекающих из этой Конвенции и касающихся непосредственно актов геноцида. В таких обстоятельствах Суд не может заключить, что оговорка, сделанная Руандой и имеющая целью исключить конкретный способ урегулирования спора касательно толкования,

²⁴²⁶ См. совместное особое мнение судей Хиггинс, Койманса, Эль-Араби, Овады и Симмы, прилагающееся к решению от 3 февраля 2006 года, *Armed Activities on the Territory of the Congo* (сноска 1600 выше), pp. 65–72.

²⁴²⁷ Постановления от 2 июня 1999 года, *Legality of Use of Force (Yugoslavia v. Spain)* (см. сноску 1783 выше), p. 772, para. 32, и *Legality of Use of Force (Yugoslavia v. United States of America)* (см. сноску 1783 выше), p. 924, para. 24.

²⁴²⁸ См. пункты 2)–9) комментария к руководящему положению 2.6.2 (Право формулировать возражения).

²⁴²⁹ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 24.

²⁴³⁰ Постановление от 10 июля 2002 года, *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 1785 выше), p. 246, para. 72.

применения или выполнения Конвенции, должна рассматриваться как несовместимая с объектом и целью этой Конвенции²⁴³¹.

Тем самым Суд «добавил свою собственную оценку совместимости оговорки Руанды с объектом и целью Конвенции о геноциде»²⁴³². Хотя для определения действительности оговорки возражения со стороны Демократической Республики Конго не требовалось, Суд посчитал необходимым добавить:

В соответствии с правом международных договоров Суд вместе с тем отмечает, что, когда Руанда присоединилась к Конвенции и сделала соответствующую оговорку, ДРК не заявила возражения против нее²⁴³³.

5) Такое уточнение не является лишним. Действительно, хотя возражение против оговорки само по себе не определяет ее действительность, оно служит немаловажным индикатором для всех заинтересованных сторон, а именно: стороны, сделавшей оговорку, договаривающихся государств и договаривающихся организаций, а также любого суда или иного органа, правомочного определять действительность оговорки. Не следует забывать, что, как указывается в консультативном заключении Суда 1951 года:

Каждое государство – участник Конвенции должно само проводить для себя оценку правомерности оговорки²⁴³⁴.

6) В решении по делу *Loizidou* Европейский суд по правам человека также придавал большое значение реакциям государств-участников как фактору, который следовало учитывать при определении действительности оговорки Турции²⁴³⁵. Комитет по правам человека подтвердил такой подход в своем замечании общего порядка № 24:

Отсутствие возражений не дает возможности предположить, что та или иная оговорка совместима или несовместима с объектом и целями Пакта. [...] Однако возражение на оговорку со стороны государств может служить для Комитета важным указанием при толковании вопроса о ее совместимости с объектом и целями Пакта²⁴³⁶.

7) Как уже отмечалось выше²⁴³⁷, в Венских конвенциях отсутствуют какие-либо нормы, регулирующие последствия оговорок, которые не удовлетворяют

²⁴³¹ Постановление от 3 февраля 2006 года, *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 1600 выше), п. 32, para. 67.

²⁴³² Совместное особое мнение, процитированное выше (сноски 1789 и 2426 выше), п. 70, para. 20.

²⁴³³ Постановление от 3 февраля 2006 года, *Armed Activities on the Territory of the Congo* (см. сноску 1600 выше), п. 33, para. 68.

²⁴³⁴ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), п. 26. См. также Межамериканский суд по правам человека, консультативное заключение, ОС-2/82 от 24 сентября 1982 года, *The effect of reservations on the entry into force of the American Convention on Human Rights (arts. 74 and 75)* (сноска 2026 выше), пункт 38: «Безусловно, государства-участники имеют законное право противостоять оговоркам, несовместимым с объектом и целью Конвенции. Они свободны отстаивать это право при помощи судебных и консультативных органов, учрежденных Конвенцией».

²⁴³⁵ *Loizidou v. Turkey, Preliminary Objections*, постановление от 23 марта 1995 года (см. сноску 304 выше), пункт 95. См. также пункт 8) комментария к руководящему положению 4.5.3 выше.

²⁴³⁶ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), стр. 121, пункт 17.

²⁴³⁷ См. пункты 1)–18) общего комментария к разделу 4.5.

условиям действительности, предусмотренным статьей 19, равно как и (что, как следствие, вполне логично) нормы относительно возможных реакций со стороны государств на такие оговорки. Венский режим не рассматривает возражение как средство определения действительности оговорки договаривающимися государствами или организациями; оно выполняет иную функцию – сделать оговорку непротивопоставимой возражающей стороне²⁴³⁸. Положения статьи 20 о принятии оговорок и возражениях против них касаются только действительных оговорок. Тот простой факт, что в практике государств используются эти же средства для реагирования на недействительные оговорки, вовсе не означает, что такие реакции порождают те же последствия и подчиняются тем же условиям, что и возражения против действительных оговорок.

8) По мнению Комиссии, это, однако, не является достаточным основанием для того, чтобы не рассматривать эти реакции как подлинные возражения. Такая негативная реакция фактически полностью соответствует определению термина «возражение», закрепленному Комиссией в руководящем положении 2.6.1, и представляет собой

одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией в качестве реакции на оговорку к договору, сформулированную другим государством или другой международной организацией, посредством которого это государство или эта организация имеет целью препятствовать тому, чтобы оговорка произвела желаемые последствия или иным образом не согласиться с оговоркой.

Тот факт, что в конечном итоге оговорка лишается юридических последствий не в результате возражения против нее, а в силу собственной ничтожности, ничего не меняет в плане цели, преследуемой автором возражения, – исключить все возможные последствия недействительной оговорки. Следовательно, представляется целесообразным и ненужным вводить новый термин для обозначения таких реакций на оговорки, поскольку их нынешнее название не только соответствует определению термина «возражение», принятого Комиссией, но и имеет широкое распространение в практике государств, и, судя по всему, является общепринятым и понятным.

9) Кроме того, хотя возражение против недействительной оговорки никак не влияет на ее ничтожность, оно, несомненно, является средством первоочередной важности для инициирования диалога об оговорках и для привлечения внимания договорных органов, а также международных или национальных судебных органов в тех случаях, когда они должны определить действительность оговорки. Следовательно, едва ли было бы правильно (а на самом деле это было бы ошибочно) ограничиваться в Руководстве по практике констатацией того, что возражение против недействительной оговорки не порождает никаких последствий.

²⁴³⁸ См. пункты 2)–5) комментария к руководящему положению 4.3.

10) Напротив, чрезвычайно важно, чтобы государства продолжали заявлять возражения против оговорок, которые они считают недействительными, даже если такие заявления ничего не добавляют к последствиям, порождаемым *ipso jure* и без каких-либо других условий недействительностью оговорки. И это тем более важно, потому что не следует заострять внимание на недостатке органов, которые правомочны оценивать действительность оспариваемой оговорки, поскольку, как общепринято в международном праве, в этой области, как и в большинстве других, отсутствие механизмов объективной констатации остается нормой, а их наличие – исключением²⁴³⁹. Поэтому в ожидании весьма маловероятного вмешательства независимой третьей стороны «каждое государство само оценивает свое правовое положение по отношению к другим государствам», в том числе, разумеется, в отношении оговорок²⁴⁴⁰.

11) Следует не препятствовать тому, чтобы государства формулировали возражения против оговорок, которые, по их мнению, не являются действительными, а как раз наоборот, стимулировать их к этому ради сохранения стабильности договорных отношений, и чтобы при этом они, насколько это возможно, указывали основания для своей позиции²⁴⁴¹. Именно поэтому руководящее положение 4.5.2 не только не ограничивается закреплением принципа, согласно которому возражение против недействительной оговорки само по себе не порождает никаких последствий, но и предостерегает от любых поспешных выводов, которые могут быть сделаны на основании этого принципа, о бесполезности таких возражений.

12) Действительно, очень важно во всех отношениях, чтобы государства и международные организации заявляли возражения, если они полагают, что для этого имеются основания, и открыто отстаивали свою точку зрения по поводу недействительности оговорки. Как бы то ни было, это обусловлено их исключительным правом составлять оценку. В связи с этим пункт 2 руководящего положения 4.5.2 сформулирован просто как рекомендация, адресованная государствам и международным организациям, факультативный характер которой явствует из использования модальной формы («следует»).

13) Кроме того, возражения не обязательно²⁴⁴² должны быть заявлены в течение 12 месяцев или

²⁴³⁹ *South West Africa, Second Phase*, постановление от 18 июля 1966 года, *I.C.J. Reports 1966*, p. 6, at p. 46, para. 86: «В сфере международных отношений существование обязательств, выполнение которых не может быть предметом рассмотрения в рамках какого-либо судебного процесса в качестве крайней меры, всегда было скорее правилом, нежели исключением».

²⁴⁴⁰ Решение от 9 декабря 1978 года, *Case concerning the Air Service Agreement of 27 March 1946 between the United States of America and France*, United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*, vol. XVIII (Sales No. E/F.80.V.7), p. 443, para. 81.

²⁴⁴¹ См. руководящее положение 2.6.9 (Мотивировка возражений), в котором авторам возражения против оговорки рекомендуются указывать мотивы, по которым оно формулируется.

²⁴⁴² Правительство Италии в своем последующем возращении против оговорок Ботсваны к Международному пакту о гражданских и политических правах пояснило: «Правительство Итальянской Республики считает, в соответствии со статьей 19 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, что

иного установленного договором срока²⁴⁴³, хотя это приветствуется. Несмотря на то, что сами по себе возражения не имеют юридических последствий для последствий оговорки, они в полной мере сохраняют свое значение как для автора оговорки, получающего сигнал о сомнениях по поводу ее действительности, так и для других договаривающихся государств или договаривающихся организаций, а также для любого органа, мнение которого относительно действительности оговорки может быть запрошено.

14) Однако это замечание не следует воспринимать как стимул к тому, чтобы формулировать возражения впоследствии на том основании, что и в отсутствие возражения оговорка ничтожна и не порождает никаких последствий. Заявление возражений против недействительных оговорок в кратчайшие сроки отвечает интересам автора оговорки, других договаривающихся государств и договаривающихся организаций и в целом способствует поддержанию стабильности и определенности в правовых отношениях, позволяя всем участникам оперативно оценить правовую ситуацию, а автору оговорки в конечном итоге устранить ее недействительность в рамках диалога об оговорках. Именно поэтому в пункте 2 руководящего положения 4.5.2 государствам и организациям предлагается сформулировать возможное мотивированное возражение «как можно скорее».

4.5.3 Статус автора недействительной оговорки в отношении договора

1. Статус автора недействительной оговорки в отношении договора зависит от намерения, выраженного государством или международной организацией, являющимися автором оговорки, относительно того, намерены ли они считать себя связанными договором без учета оговорки или же они считают себя не связанными договором.

2. Если автор недействительной оговорки не выразил противоположного намерения или подобное намерение не было установлено иным образом, он считается договаривающимся государством или договаривающейся организацией без учета оговорки.

оговорки [Ботсваны] не совместимы с объектом и целью Пакта. На эти оговорки не распространяется действие пункта 5 статьи 20, и, следовательно, возражения против них могут быть заявлены в любой момент» (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.4). См. также возражение Италии против оговорки Катара к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (*ibid.*, chap. IV.9). См. также позицию, заявленную Швецией в Шестом комитете в ходе рассмотрения доклада Комиссии о работе ее пятьдесят седьмой сессии (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесятая сессия, Шестой комитет*, 14-е заседание, A/C.6/60/SR.14, пункт 22).

²⁴⁴³ В качестве других недавних примеров см. возражения Португалии и Мексики против оговорки, сформулированной Катаром при присоединении к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.8). Оба возражения были сделаны 10 мая 2010 года, а уведомление о присоединении Катара было разослано Генеральным секретарем 8 мая 2009 года.

3. Невзирая на пункты 1 и 2, автор недействительной оговорки может в любое время высказать намерение не быть связанным договором без учета оговорки.

4. Если наблюдательный договорный орган выражает мнение, что оговорка недействительна, и государство или международная организация, являющиеся автором оговорки, не намерены связывать себя договором без учета оговорки, они должны выразить такое свое намерение в течение 12 месяцев с даты такой оценки наблюдательного договорного органа.

Комментарий

1) Руководящее положение 4.5.1 не решает всех проблем в отношении последствий ничтожности недопустимой оговорки. Хотя установлено, что такая оговорка не может порождать юридических последствий, по-прежнему необходимо ответить на вопрос о том, становится ли ее автор договаривающейся стороной без учета своей оговорки и затрагивает ли ничтожность оговорки также его согласие на обязательность договора. Оба эти решения соответствуют принципу, устанавливающему отсутствие юридических последствий оговорки: либо договор вступает в силу для автора оговорки, при этом последний не может ссылаться на недействительную оговорку, которая в этой связи не порождает предусмотренных последствий; либо договор не вступает в силу в отношении автора оговорки и оговорка, как очевидно, также не порождает последствий — и никаких договорных отношений не существует²⁴⁴⁴. В руководящем положении 4.5.3 предложен принцип промежуточного решения между этими двумя вроде бы непримиримыми позициями, который опирается на презумпцию (простую — «оспоримую»), согласно которой автор оговорки связан договором, не имея при этом возможности сослаться на свою оговорку, если только он не выразил иного намерения.

2) Первая перспективная идея о делимости (severability) недопустимой оговорки и согласия на обязательность договора²⁴⁴⁵ находит сегодня определенную поддержку в практике государств. Можно отметить многочисленные возражения, которые четко мотивированы недействительностью оговорки и в которых довольно часто даже констатируется ничтожность последней, а также ее неспособность порождать последствия; тем не менее практически во всех случаях авторы этих возражений не выступают против вступления договора в силу и даже высказываются за установление договорных отношений с автором оговорки. С учетом отсутствия юридических последствий у полностью

ничтожной оговорки такие договорные отношения могли привести лишь к тому, что автор оговорки оказался бы связанным договором в полном объеме, не имея при этом возможности сослаться на свою оговорку.

3) Такой подход подтверждается практикой (которой следуют, в частности, страны Северной Европы²⁴⁴⁶) того, что принято называть возражениями с «супермаксимальным» эффектом (или намерением)²⁴⁴⁷, как, например, возражение Швеции против оговорки, сформулированной Сальвадором к Конвенции о правах инвалидов:

Вследствие этого правительство Швеции заявляет возражение против оговорки к Конвенции о правах инвалидов, сформулированной правительством Республики Эль-Сальвадор, и считает ее ничтожной. Это возражение не влияет на вступление Конвенции в силу в отношениях между Сальвадором и Швецией. Следовательно, Конвенция вступает в силу в отношениях между Сальвадором и Швецией в полном объеме, при этом Сальвадор не может сослаться на свою оговорку²⁴⁴⁸.

4) Эти возражения, которыми страны Северной Европы (не являющиеся, однако, родоначальниками этой практики)²⁴⁴⁹ широко пользуются, применяются уже 15 лет и все чаще применяются, в частности, европейскими государствами. Так, помимо Швеции, Австрия²⁴⁵⁰, Чешская Республика²⁴⁵¹ и Нидерланды²⁴⁵² также решили придать супермаксимальный эффект своим возражениям против оговорок Сальвадора и Таиланда к Конвенции о правах инвалидов 2006 года.

5) Недавно, в начале 2010 года, ряд европейских государств заявили возражение против оговорки, сформулированной Соединенными Штатами при выражении согласия на обязательность Протокола III к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие. Из этих возражений не менее пяти содержат формулировки, которые призваны породить то, что принято называть «супермаксимальным»

²⁴⁴⁶ По поводу этой практики см., в частности, Klabbbers, «Accepting the unacceptable?...» (сноска 2199 выше), pp. 183–186.

²⁴⁴⁷ См. сноску 2411 выше.

²⁴⁴⁸ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.15. См. также возражение Швеции против оговорки Таиланда к той же Конвенции (*ibid.*).

²⁴⁴⁹ Одно из первых возражений, которое можно считать возражением с «супермаксимальным» эффектом (хотя в нем прямо это не сказано), было сделано Португалией в порядке реакции на оговорку Мальдивских Островов к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (*ibid.*, chap. IV.8); см. также сноску 2402 выше.

²⁴⁵⁰ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.15. В своем возражении правительство Австрии подчеркнуло, что «это возражение, однако, не создает препятствий для вступления Конвенции в силу в полном объеме* в отношениях между Австрией и Сальвадором».

²⁴⁵¹ *Ibid.*

²⁴⁵² *Ibid.*, chap. IV.15. Правительство Нидерландов уточнило, что «оно исходит из того, что оговорка, сформулированная правительством Республики Эль-Сальвадор, не исключает и не изменяет юридического действия положений Конвенции в их применении к Республике Эль-Сальвадор».

²⁴⁴⁴ Greig, «Reservations: equity as a balancing factor?» (сноска 28 выше), p. 52; R. Goodman, «Human rights treaties, invalid reservations, and State consent», AJIL, vol. 96 (2002), p. 531.

²⁴⁴⁵ Убедительные аргументы в пользу негативной презумпции и делимости см. de Frouville, *L'intangibilité des droits de l'Homme...* (сноска 1733 выше), pp. 385–389; Coulée, «A propos d'une controverse...» (сноска 1579 выше), pp. 515–516; Simma and Hernández (сноска 1610 выше), pp. 60–85; и Pellet and Müller, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil...» (сноска 1619 выше), pp. 547–551.

эффектом²⁴⁵³. Аналогичным образом, Австрия, Испания, Латвия, Норвегия, Румыния, Словакия, Чешская Республика и Эстония также снабдили свои возражения против оговорки Катара к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин уточнением, что эти возражения не препятствуют вступлению Конвенции в силу в отношениях между данными государствами и автором оговорки, причем последний не может пользоваться своей оговоркой²⁴⁵⁴. Эта в значительной степени европейская практика, безусловно, формируется под влиянием рекомендации Совета Европы 1999 года относительно реагирования на оговорки к международным договорам, считающиеся недопустимыми, в которой государствам-членам предлагается употреблять определенные типовые выражения реагирования²⁴⁵⁵ и вышеприведенные возражения сформулированы в значительной мере с учетом этой рекомендации.

6) Безусловно, она находит определенную поддержку в решениях договорных органов по правам человека и решениях региональных судов, например Европейского суда по правам человека и Межамериканского суда по правам человека.

7) В своем принципиальном решении по делу *Belilos v. Switzerland*²⁴⁵⁶ Европейский суд по правам человека на своем пленуме не только признал иной характер за заявлением о толковании,

²⁴⁵³ *Ibid.*, chap. XXVI.2: Австрия («Правительство Австрии заявляет возражение против вышеуказанной оговорки, сформулированной Соединенными Штатами Америки к Протоколу III к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие. Тем не менее эта позиция не препятствует вступлению Конвенции в силу в полном объеме в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Австрией»); Кипр («Правительство Республики Кипр заявляет возражение против указанной оговорки, сформулированной Соединенными Штатами Америки к Протоколу III к КНО. Эта позиция, однако, не является препятствием для вступления Конвенции в силу в полном объеме в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Республикой Кипр»); Норвегия («Правительство Королевства Норвегия заявляет возражение против вышеуказанной оговорки правительства Соединенных Штатов Америки к Протоколу о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия (Протокол III) к Конвенции Организации Объединенных Наций о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1980 года. Однако это возражение не является препятствием для вступления Протокола в силу в полном объеме в отношениях между двумя государствами, при этом Соединенные Штаты Америки не могут ссылаться на свою оговорку»); и Швеция («В этой связи правительство Швеции заявляет возражение против вышеуказанной оговорки, сформулированной правительством Соединенных Штатов Америки в отношении Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, полагая, что эта оговорка лишена юридических последствий. Настоящее возражение не является препятствием для вступления Конвенции в силу в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Швецией. Конвенция вступает в силу в полном объеме в отношениях между двумя государствами, при этом Соединенные Штаты Америки не могут ссылаться на свою оговорку»).

²⁴⁵⁴ *Ibid.*, chap. IV.8.

²⁴⁵⁵ Рекомендация № R(99)13, принятая 18 мая 1999 года Комитетом министров Совета Европы.

²⁴⁵⁶ *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше).

сформулированном правительством Швейцарии, но также должен был решить, была ли оговорка (завуалированная под заявление о толковании) действительной или нет. Заключив, что оговорка Швейцарии была недействительной, в частности по отношению к условиям, установленным статьей 64²⁴⁵⁷ Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека), Суд заявил далее следующее:

Однако нет сомнений в том, что Швейцария является и считает себя связанной Конвенцией независимо от действительности заявления²⁴⁵⁸.

В своем решении по делу *Weber v. Switzerland*²⁴⁵⁹ камера Суда должна была принять решение относительно применимости пункта 1 статьи 6 Конвенции, ее нарушении государством-ответчиком и применимости оговорки Швейцарии в отношении этого положения, которая была, по заявлению государства-ответчика, независима от его заявления о толковании. В этой связи правительство Швейцарии заявило, что «оговорка Швейцарии к пункту 1 Статьи 6 (статья 6–1) (...) во всех отношениях препятствовала г-ну Веберу воспользоваться несоблюдением принципа публичности в кантональных судах»²⁴⁶⁰. Суд далее изучил действительность оговорки Швейцарии, в частности ее соответствие статье 64 Конвенции. Он отметил, что оговорка

явно не удовлетворяет одному из [требований], при этом правительство Швейцарии не приложило «краткое изложение соответствующего закона или законов». Однако требование пункта 2 статьи 64 (статья 64–2) «представляет собой как элемент доказательства, так и фактор юридической определенности»; она «направлена на то, чтобы предоставить, в частности, договаривающимся сторонам и органам Конвенции гарантии того, что оговорка не выходит за пределы положений, от которых прямо отклонилось соответствующее государство» (см. вышеуказанное решение по делу *Belilos*, *Series A No. 132*, pp. 27–28, § 59). Его невыполнение не только нарушает «простое требование в отношении формы», но также «условие в отношении существа» (*ibid.*). А значит материальную оговорку Швейцарии следует признать недействительной²⁴⁶¹.

Вопреки тому, что было им предпринято по делу *Belilos*, Суд не стал продолжать свою аргументацию, изучая вопрос о том, имела ли ничтожность оговорки последствия для обязательства Швейцарии быть связанной Конвенцией. Он просто-напросто ограничивается рассмотрением того, был ли пункт 1 статьи 6 Конвенции фактически нарушен, и заключает, что «в этой связи имело место нарушение пункта 1 Статьи 6 (статья 6–1)»²⁴⁶². Не говоря этого прямо, Суд, таким образом, заявил, что Швейцария остается связанной Европейской конвенцией, несмотря на ничтожность ее оговорки, при этом она не может пользоваться ею: пункт 1 статьи 6 как таковой ей может быть противопоставлен.

²⁴⁵⁷ В настоящее время статья 57.

²⁴⁵⁸ *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), para. 60.

²⁴⁵⁹ *Weber v. Switzerland* (см. сноску 2423 выше).

²⁴⁶⁰ *Ibid.*, para. 36.

²⁴⁶¹ *Ibid.*, para. 38.

²⁴⁶² *Ibid.*, para. 40.

8) В своем решении по поводу предварительных возражений в деле *Loizidou v. Turkey*²⁴⁶³ камера Европейского суда по правам человека использовала эту возможность, с тем чтобы значительно дополнить и уточнить эту практику. Хотя в этом деле вопрос о действительности был поставлен не в отношении оговорки к одному из положений Конвенции, а в отношении «оговорки» к факультативному заявлению Турции, посредством которого она признала обязательную юрисдикцию Суда в соответствии со статьями 25 и 46 Конвенции, уроки этого постановления легко можно распространить на всю проблематику оговорок. Конституировав недействительность ограничений *ratione loci*, которыми Турция снабдила свои заявления о признании юрисдикции Суда, страсбургские судьи продолжили свои аргументы, изучая вопрос о том, «может ли как следствие быть подвергнута сомнению действительность самого признания»²⁴⁶⁴. Они отметили следующее:

93. При изучении этого вопроса Суд должен учитывать особый характер Конвенции, представляющей собой документ европейского публичного порядка в области защиты людей, и его задачу, установленную в статье 19, а именно «обеспечение соблюдения обязательств, вытекающих из Конвенции для Высоких Договаривающихся Сторон».

94. Он напоминает также свое решение по делу *Belilos v. Switzerland* от 29 апреля 1988 года, где после отказа от заявления о толковании по причине его несоответствия статье 64, он уточнил, что Швейцария остается связанной Конвенцией независимо от недействительности заявления (*Series A no. 132*, p. 28, para. 60).

95. Суд не считает возможным решать вопрос о делимости недействительных частей заявления Турции со ссылкой на заявления, сделанные представителями этой страны после представления заявления, будь то (в отношении заявления по статье 25) в Комитете министров и Комиссии, либо (в отношении статей 25 и 46) в настоящем Суде. По этому поводу он указывает, что правительство-ответчик не могло не знать с учетом единообразной практики договаривающихся сторон в отношении статей 25 и 46, заключающейся в безусловном признании юрисдикции Комиссии и Суда, что действительность оспариваемых ограничительных положений в системе Конвенции была сомнительной и что ее органы могли признать их недопустимыми.

Небезынтересно отметить в этой связи, что Комиссия уже выражала в своих состязательных документах в Суде по делу *Belgian Linguistic* (предварительные возражения) и по делу *Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark* (решения от 9 февраля 1967 года и 7 декабря 1976 года, *Series A nos. 5 and 23*, соответственно) мнение о том, что статья 46 не допускает никаких ограничений в плане признания юрисдикции Суда (см. соответственно второй меморандум Комиссии от 14 июля 1966 года, *Series B no. 3*, vol. 1, p. 432, и меморандум Комиссии (предварительные возражения) от 26 января 1976 года, *Series B no. 21*, p. 119).

Последующая реакция целого ряда договаривающихся государств на заявления Турции... однозначно подтверждает предшествующее замечание о том, что Турция не могла не знать о юридической ситуации. То что в этих условиях она впоследствии представила заявления, относящиеся к двум статьям – 25 и 46 (в отношении последней после вышеуказанной реакции договаривающихся государств) свидетельствует о том, что она была готова взять на себя риск того, что конвенционные органы объявят недействительными спорные ограничительные положения, не затрагивая при этом действительность самих заявлений. В свете этого пояснения правительство-ответчик не могло сослаться на заявления *ex post facto* представителей Турции, с тем чтобы сообщить об отступлении от первоначального

намерения (несмотря на попытки смягчить) признать юрисдикцию Комиссии и Суда.

96. В этой связи Суд должен в порядке осуществления своих обязанностей, возложенных на него статьей 19, решить этот вопрос с учетом текста соответствующих заявлений и особого характера режима Конвенции. Однако последнее требует разделения оспариваемых положений, поскольку именно таким образом можно гарантировать права и свободы, закрепленные в Конвенции, во всех областях, относящихся к «юрисдикции» Турции по смыслу статьи 1 Конвенции.

97. Суд изучил текст заявлений и формулировку ограничений, с тем чтобы определить, могут ли спорные ограничения быть отделены от документов о признании, или же они составляют неотъемлемую и неотделимую их часть. Даже принимая тексты заявлений к статьям 25 и 46 за единое целое, он полагает, что оспариваемые ограничения могут быть отделены от остального текста, не затрагивая при этом принятия факультативных положений.

98. Отсюда следует, что заявления от 28 января 1987 года и 22 января 1990 года к статьям 25 и 46 Конвенции содержат действительное признание юрисдикции Комиссии и Суда²⁴⁶⁵.

9) В своем решении относительно предварительных возражений в деле *Hilaire v. Trinidad and Tobago*²⁴⁶⁶ Межамериканский суд по правам человека также отметил, что с учетом объекта и цели Американской конвенции по правам человека Тринидад и Тобаго не может опираться на свое заявление, ограничивающее признание юрисдикции Суда, оставаясь при этом связанным своим признанием этой обязательной юрисдикции²⁴⁶⁷.

10) В связи с индивидуальным сообщением, представленным *Rawle Kennedy v. Trinidad and Tobago*, Комитет по правам человека рассматривал сравнимую проблему в отношении оговорки, сформулированной государством-участником при его повторном присоединении к первому Факультативному протоколу к Пакту о гражданских и политических правах. Придя к выводу о недействительности сделанной таким образом оговорки в силу ее дискриминационного характера, Комитет ограничился следующей констатацией: «Следовательно, ничто не мешает Комитету рассмотреть настоящее сообщение по Факультативному протоколу»²⁴⁶⁸. Иными словами, Тринидад и Тобаго остается связанным Протоколом и при этом он не может воспользоваться сформулированной им оговоркой.

11) Это решение Комитета по правам человека соответствует его заключениям в замечании общего порядка № 24 по вопросам, касающимся оговорок, сформулированных при ратификации Пакта или Факультативных протоколов к нему или при присоединении к этим документам или в связи с заявлениями, сформулированными по статье 41 Пакта²⁴⁶⁹, где Комитет подтвердил следующее:

²⁴⁶⁵ *Ibid.*, paras. 93–98.

²⁴⁶⁶ *Hilaire v. Trinidad and Tobago* (см. сноску 2421 выше).

²⁴⁶⁷ *Ibid.*, para. 98.

²⁴⁶⁸ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 730 выше), пункт 6.7. См. также пункт 25) комментария к руководящему положению 4.5.1 выше.

²⁴⁶⁹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), приложение V, стр. 121–127.

²⁴⁶³ *Loizidou v. Turkey* (см. сноску 304 выше).

²⁴⁶⁴ *Ibid.*, para. 89.

Нормальное следствие неприемлемой оговорки обычно не состоит в том, что Пакт вовсе не будет действовать в отношении стороны, сделавшей оговорку. Скорее, такая оговорка будет отделимой в том смысле, что Пакт будет действовать в отношении государства, сделавшего оговорку, без действия самой оговорки²⁴⁷⁰.

12) Следует, впрочем, отметить, что принятый Комитетом текст не предполагает, что это «нормальное» следствие является «единственным» возможным, и он не исключает возможности других решений.

13) Тем не менее в своих комментариях по поводу замечания общего порядка № 24 Комитета по правам человека Франция категорически заявила, что

договоры, независимо от их характера, регулируются нормами договорного права, основываются на согласии государств, а оговорки представляют собой условия, выдвигаемые государствами в отношении такого согласия; из чего явно следует, что если эти оговорки сочтены несовместимыми с объектом и целью данного договора, то это может привести лишь к объявлению такого согласия недействительным и принятию решения о том, что соответствующие государства не считаются участниками данного договора²⁴⁷¹.

14) Эта точка зрения, которая отражает противоположный ответ на вопрос о том, становится ли автор недействительной оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией или нет, основана на принципе, согласно которому ничтожность оговорки затрагивает в целом весь акт, в котором выражено обязательство на обязательность договора. В своем консультативном заключении 1951 года Международный Суд аналогичным образом ответил на вопрос I, поставленный Генеральной Ассамблеей, а именно:

[Г]осударство, которое сформулировало и сохранило оговорку, против которой один или несколько участников Конвенции заявляют возражение, а другие участники этого не делают, может считаться участником Конвенции, если указанная оговорка совместима с объектом и целью Конвенции; в противном случае оно не может считаться участником Конвенции²⁴⁷².

15) Согласно этому подходу оговорка представляется условием *sine qua non* согласия ее автора на обязательность договора, и это единственное, что соответствует принципу согласия. Если условие не является действительным (допустимым), то нет согласия со стороны автора оговорки. В этих условиях только автору оговорки надлежит принять необходимые решения, с тем чтобы устранить ничтожность его оговорки, и он не должен считаться участником договора до тех пор, пока не отзовет или не изменит свою оговорку.

16) Практика Генерального секретаря как депозитария многосторонних договоров, насколько можно судить, также подтверждает это радикальное решение. В документе *Summary of Practice* в этой связи поясняется:

²⁴⁷⁰ Там же, стр. 126, пункт 18.

²⁴⁷¹ Доклад Комитета по правам человека, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1691 выше), стр. 116, пункт 13.

²⁴⁷² *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (сноска 604 выше), р. 29.

191. Если договор запрещает всякие оговорки, Генеральный секретарь отказывается принимать документ на хранение. Он сообщает о проблеме затронутому государству и не распространяет уведомление относительно документа среди других государств (...).

192. Если запрет в отношении оговорок касается лишь определенных статей или же, если оговорки разрешены лишь в отношении определенных положений, Генеральный секретарь действует аналогичным образом, *mutatis mutandis*, при наличии оговорок, которые не согласуются с положениями договора. (...)

193. И лишь когда с первого взгляда не возникает никаких сомнений в том, что сопровождающее документ заявление представляет собой неразрешенную оговорку, Генеральный секретарь отказывается принимать документ. Это определенно должно происходить в случае заявления, в котором говорится, например, что «государство X не будет применять статью Y, хотя договор вообще запрещает оговорки или оговорки к статье Y»²⁴⁷³.

17) Практика государств, которая нельзя сказать, что полностью отсутствует, в этом отношении еще менее последовательна. Например, Израиль, Италия и Соединенное Королевство заявили возражения против оговорки, сформулированной Бурунди при присоединении к Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 года. Однако, хотя эти три государства полагают, что оговорка, сделанная правительством Бурунди, несовместима с объектом и целью Конвенции, и не могут считать действительным присоединение Бурунди к Конвенции до тех пор, пока указанная оговорка не будет снята²⁴⁷⁴, два других государства, которые сформулировали возражения против оговорки Бурунди, не сопроводили их подобным заявлением²⁴⁷⁵.

18) Правительство Нидерландов в 1966 году сформулировало следующее возражение²⁴⁷⁶:

Правительство Королевства Нидерландов заявляет, что считает оговорки, которые сформулировали Албания, Алжир, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Болгария, Венгрия, Индия, Марокко, Польша, Румыния, Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика и Чехословакия в отношении статьи IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, открытой для подписания в Париже 9 декабря 1948 года, несовместимыми с объектом и целью этой Конвенции. Вследствие этого правительство Королевства Нидерландов считает, что любое государство, которое сформулировало или сформулирует подобные оговорки, не является участником Конвенции.

²⁴⁷³ *Summary of Practice of the Secretary-General...* (см. сноску 75 выше), р. 57, paras. 191–193. Вместе с тем в отношении этого различия см. руководящее положение 3.3.1 (Несущественность различия между основаниями материальной недействительности) и комментарий к нему.

²⁴⁷⁴ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XVIII.7.

²⁴⁷⁵ Возражение Федеративной Республики Германии гласит: «Правительство Федеративной Республики Германии считает, что оговорка, сформулированная правительством Республики Бурунди в отношении пункта 2 статьи 2 и пункта 1 статьи 6 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, является несовместимой с объектом и целью Конвенции» (*ibid.*). Правительство Франции при присоединении к Конвенции заявило, что оно «возражает против заявления, сделанного Бурунди 17 декабря 1980 года, относительно ограничения применения положений пункта 2 статьи 2 и пункта 1 статьи 6» (*ibid.*).

²⁴⁷⁶ *Ibid.*, chap. IV.1.

Следует также упомянуть о возражениях, сформулированных Израилем, Италией и Соединенным Королевством в ответ на оговорку Бурунди к Конвенции о предупреждении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 года²⁴⁷⁷.

19) В подавляющем большинстве случаев государства, которые формулируют возражения против оговорки, полагая, что эта последняя не является действительной, прямо уточняют, что их возражение не препятствует вступлению договора в силу в их отношениях с автором оговорки, не считая при этом необходимым давать более подробные пояснения относительно содержания договорных отношений, которые будут впоследствии установлены. Комиссия в 2005 году попросила государства-члены дать комментарии по следующему вопросу:

Государства часто возражают против оговорки, которая, по их мнению, является несовместимой с объектом и целью договора, не возражая при этом против вступления договора в силу в их отношениях с автором оговорки. Комиссия с особым интересом ознакомилась бы с замечаниями правительств в отношении такой практики. В частности, она хотела бы узнать, какие последствия ожидают авторы таких возражений и как, по мнению правительств, эта практика согласуется с положениями пункта с) статьи 19 Венской конвенции 1969 года²⁴⁷⁸.

Точки зрения, высказанные целым рядом делегаций в Шестом комитете в 2005 году, четко свидетельствовали о разногласиях, существующих в ответе на этот непростой вопрос о действительности обязательства для обязательности договора в случае недействительности оговорки. Так, некоторые государства²⁴⁷⁹ заявили, что эта практика является

²⁴⁷⁷ «Правительство Государства Израиль считает оговорку правительства Бурунди несовместимой с объектом и целью Конвенции и не может признать Бурунди стороной, действительно присоединившейся к Конвенции, до момента снятия этой оговорки.

По мнению правительства Израиля, цель Конвенции – гарантировать пресечение во всем мире преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, и лишить виновных в таких преступлениях безопасного убежища.

«В отношении оговорки, выраженной Бурунди 17 декабря 1980 года, [правительство Италии считает, что] цель Конвенции – гарантировать пресечение во всем мире преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, и лишить виновных в таких преступлениях безопасного убежища. Считая оговорку правительства Бурунди несовместимой с объектом и целью Конвенции правительство Италии не может признать Бурунди стороной, действительно присоединившейся к Конвенции, до момента снятия этой оговорки».

«Цель Конвенции – гарантировать пресечение во всем мире преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, и лишить виновных в таких преступлениях безопасного убежища. Соответственно правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии считает оговорку правительства Бурунди несовместимой с объектом и целью Конвенции и не может признать Бурунди стороной, действительно присоединившейся к Конвенции, до снятия этой оговорки».

Multilateral Treaties... (сноска 37 выше), chap. XVIII.7.

²⁴⁷⁸ *Ежегодник... 2005 год*, том II (часть вторая), стр. 14, пункт 29.

²⁴⁷⁹ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Шестой комитет*, 14-е заседание

«парадоксальной» и что в любом случае автор возражения «не может просто-напросто игнорировать оговорку и вести себя так, как будто она не была сформулирована»²⁴⁸⁰. Делегация Франции подчеркнула, что:

такое возражение имело бы «супермаксимальный эффект», поскольку предполагает общее применение договора без учета сделанной оговорки. Это поставило бы под угрозу основополагающий принцип консенсуализма, лежащий в основе права международных договоров²⁴⁸¹.

Другие же отметили, что лучше было бы, чтобы автор оговорки стал договаривающимся государством или договаривающейся организацией, чем исключать его таким образом из круга участников. Представитель Швеции, выступая от имени стран Северной Европы, в этой связи утверждал следующее:

Практика отделения оговорок, несовместимых с объектом и целью договора, полностью соответствует статье 19, в которой четко определяется, что такие оговорки в договорных отношениях между государствами существовать не могут. Хотя одной из альтернатив недопустимым оговоркам является полное исключение двусторонних договорных отношений, выбор отделимости является гарантией сохранения двусторонних договорных отношений и открывает путь к диалогу в рамках договорного режима²⁴⁸².

20) В то же время следует отметить, что сторонники этой точки зрения поставили вступление договора в силу в зависимость от воли автора оговорки: «Однако следует учитывать волю сделавшего оговорку государства в том, что касается взаимосвязи между оговоркой и ратификацией договора»²⁴⁸³.

21) Такие же расхождения были характерны и для обсуждений в Шестом комитете на шестьдесят пятой сессии Генеральной Ассамблеи и для комментариев и замечаний правительств в отношении проекта руководящего положения 4.5.2 (он соответствует нынешнему руководящему положению 4.5.3), принятого в предварительном порядке Комиссией в 2010 году²⁴⁸⁴. Государства поделились на два при-

(A/C.6/60/SR.14), пункт 3 (Соединенное Королевство); там же, пункт 72 (Франция); там же, 16-е заседание (A/C.6/60/SR.16), пункт 20 (Италия); там же, пункт 44 (Португалия).

²⁴⁸⁰ Там же, 14-е заседание, A/C.6/60/SR.14, пункт 72 (Франция).

²⁴⁸¹ Там же.

²⁴⁸² Там же, пункт 23. См. также там же, 17-е заседание (A/C.6/60/SR.17), пункт 24 (Испания); там же, 18-е заседание (A/C.6/60/SR.18), пункт 86 (Малайзия); там же, 19-е заседание (A/C.6/60/SR.19), пункт 39 (Греция).

²⁴⁸³ Там же, 14-е заседание (A/C.6/60/SR.14), пункт 23 (Швеция). См. также позицию Соединенного Королевства (там же, пункт 4): «Что касается "супермаксимального" эффекта возражения, заключающегося в констатации не только того факта, что оговорка, против которой выдвигается возражение, не является действительной, но и того, что, как следствие этого, договор в целом применяется в этой связи *ipso facto* в отношениях между двумя государствами, то делегация Соединенного Королевства считает, что подобная ситуация может сложиться лишь в исключительных случаях, например, когда считается, что сделавшее оговорку государство приняло такой эффект или молчаливо с ним согласилось».

²⁴⁸⁴ *Ежегодник... 2010 год*, том II (часть вторая), стр. 131.

мерно равных лагеря сторонников²⁴⁸⁵ и противников²⁴⁸⁶ положительной презумпции, принятой в предварительном порядке Комиссией, и принципа отделимости недействительной оговорки от остальных частей договора. Тем не менее, представители обеих позиций согласились, что намерение автора оговорки является главным критерием определения того, связан он договором или нет, и что именно у автора оговорки лучше всего спросить, в чем состоит его намерение. Это побудило некоторые государства предложить компромиссное решение, отводящее главную роль такому намерению; в этом духе Австрия и Великобритания предложили сохранить позитивную презумпцию бывшего проекта руководящего положения 4.5.2, оставив при этом последнее слово за автором, у которого будет возможность высказать противоположное намерение²⁴⁸⁷. Руководящее положение 4.5.3 выстроено в духе этих предложений.

22) Таким образом Комиссия посчитала, что, хотя, на первый взгляд, оба решения и обе точки зрения по вопросу о вступлении договора в силу могут показаться диаметрально противоположными, обе они совместимы с базовым принципом права договоров, а именно принципом консенсуализма. Поэтому ключ к решению, безусловно, следует искать просто в воле автора оговорки: намерен он быть связанным договором даже в случае, если его оговорка не является действительной (без возможности использовать оговорку) или же его оговорка представляет собой условие *sine qua non* для его обязательства быть связанным договором?

²⁴⁸⁵ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят пятая сессия, Шестой комитет*, 19-е заседание (A/C.6/65/SR.19), пункт 66 (Дания от имени стран Северной Европы); пункт 82 (квалифицированное одобрение Австрией); пункт 88 (Мексика); там же, 20-е заседание (A/C.6/65/SR.20), пункт 4 (Чешская Республика); пункт 30 (Бельгия); там же, 21-е заседание (A/C.6/65/SR.21), пункт 10 (Южная Африка); пункт 29 (квалифицированное одобрение Венгрией); пункт 39 (Греция) (см. сноску 2487 ниже); см. также комментарии и замечания, полученные от правительств, *Ежегодник... 2011 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/639 и Add.1, комментарии и замечания к руководящему положению 4.5.2 (квалифицированное одобрение Австрией); там же (Сальвадор); (Финляндия); (Норвегия); там же (квалифицированное одобрение Швейцарией).

²⁴⁸⁶ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят пятая сессия, Шестой комитет*, 19-е заседание (A/C.6/65/SR.19), пункты 92–94 (Германия); там же, 20-е заседание (A/C.6/65/SR.20), пункт 10 (Италия); пункт 14 (Португалия); пункт 22 (Египет); пункт 54 (Соединенное Королевство); пункт 57 (Таиланд); пункт 59 (Соединенные Штаты Америки); пункт 63 (Франция); пункт 85 (квалифицированное неодобрение Индии); там же, 21-е заседание (A/C.6/65/SR.21), пункты 21–22 (Сингапур); см. также *Ежегодник... 2011 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/639 и Add.1 (Австралия); (Германия); (Португалия); (Соединенные Штаты); (Франция); (квалифицированное неодобрение Соединенного Королевства).

²⁴⁸⁷ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят пятая сессия, Шестой комитет*, 19-е заседание (A/C.6/65/SR.19), пункт 82 (Австрия); см. также *Ежегодник... 2011 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/639 и Add.1 (Австрия); (Соединенное Королевство). См. также *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят пятая сессия, Шестой комитет*, 21-е заседание (A/C.6/65/SR.21), пункт 39 (Греция) и *Ежегодник... 2011 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/639 и Add.1 (Швейцария).

23) С учетом особой, однако сходной, проблемы оговорки заявлениям, сформулированным на основании факультативного положения об обязательной юрисдикции Международного Суда, предусмотренной в пункте 2 Статьи 36 Статута Суда, судья Лаутерпахт в своем несогласном мнении, приложенном к решению Суда по предварительным возражениям в деле *Interhandel*, заявил следующее:

Если эта оговорка является принципиально важным условием принятия в том смысле, что без этой оговорки делающее ее государство никогда бы не согласилось взять на себя главное обязательство, то Суд не может не учитывать эту оговорку и в то же время считать принимающее государство связанным Заявлением²⁴⁸⁸.

Таким образом, здесь важна воля автора оговорки и его намерение быть связанным договором с учетом оговорки или без таковой. Это также справедливо в отношении более традиционных оговорок к договорным положениям.

24) В своем решении по делу *Belilos* Европейский суд по правам человека к тому же обратил особое внимание на позицию Швейцарии в отношении Европейской конвенции по правам человека. Он прямо указал, что «нет сомнений в том, что Швейцария... считает себя связанной Конвенцией независимо от действительности заявления»²⁴⁸⁹. Таким образом, Суд явно принял во внимание то обстоятельство, что сама Швейцария, т.е. автор недействительной «оговорки», считала себя связанной договором, несмотря на ничтожность этой оговорки, и вела себя соответствующим образом.

25) В деле *Loizidou* Европейский суд по правам человека также учитывал если не волю правительства Турции (которое в ходе разбирательства в Суде утверждало, что «если ограничения, сопровождающие заявления [Европейского суда по правам человека] по статьям 26 и 46 Конвенции, не будут признаваться действительными во всем мире, придется считать заявления [о признании юрисдикции Суда] ничтожными в полном объеме»)²⁴⁹⁰, то хотя бы то обстоятельство, что Турция, полностью сознавая ситуацию, взяла на себя риск того, что ограничения, вытекающие из оговорки, окажутся недействительными:

То, что она в этих условиях впоследствии представила заявления по двум статьям 25 и 46 (в отношении последней после вышеуказанной реакции договаривающихся государств) свидетельствует о том, что она была готова взять на себя риск того, что конвенционные органы объявят недействительными ограничительные спорные положения, не затрагивая при этом действительности самих заявлений²⁴⁹¹.

26) Таким образом, «Страсбургский подход»²⁴⁹² заключается в том, чтобы учитывать волю

²⁴⁸⁸ *Interhandel, Preliminary Objections, Judgment of March 21st, 1959: I.C.J. Reports 1959*, p. 6, особое мнение сэра Герша Лаутерпахта (сноска 1829 выше), p. 117.

²⁴⁸⁹ *Belilos v. Switzerland* (см. сноску 192 выше), para. 60.

²⁴⁹⁰ *Loizidou v. Turkey* (см. сноску 304 выше), para. 90.

²⁴⁹¹ *Ibid.*, para. 95.

²⁴⁹² Simma, «Reservations to human rights treaties...» (сноска 1042 выше), p. 670.

государства – автора оговорки на обязательность договора, даже когда эта оговорка не является действительной²⁴⁹³. Для этой цели Суд, однако, опирался не только на непосредственные заявления указанного государства (как это имело место, например, в деле *Belilos*²⁴⁹⁴), но также произвел «реконструкцию» воли этого государства. По выражению У.А. Шабаса:

[Е]вропейский суд не отклонил критерий намерения при определении того, является ли оговорка отделимой. Он, насколько можно судить, подчеркивает сложность определения такого намерения и проявляет определенное безразличие в отношении таких факторов, как официальные заявления государства²⁴⁹⁵.

И лишь в случае, когда установлено, что делающую оговорку государство не считает свою оговорку (признанную недействительной) принципиально важным элементом на свое согласие на обязательность договора, такая оговорка может быть отделена от его договорного обязательства.

27) Впрочем, Европейский суд по правам человека и Межамериканский суд по правам человека не ограничивают свой анализ только волей государства – автора недействительной оговорки, а оба учитывают особый характер документа, соблюдение которого они обеспечивают. Так, в деле *Loizidou* Европейский суд обращает внимание на то обстоятельство, что

[р]ассматривая этот вопрос, Суд должен учитывать особый характер Конвенции, представляющей собой документ европейского публичного порядка в области защиты людей, и его задачу, установленную в статье 19, а именно «обеспечение соблюдения обязательств, вытекающих из Конвенции для Высоких Договаривающихся Сторон»²⁴⁹⁶.

28) В свою очередь Межамериканский суд в своем решении по делу *Hilaire v. Trinidad and Tobago* подчеркнул:

Кроме того, принятие указанного заявления так, как это предложило государство, привело бы к ситуации, при которой Суд в качестве первоисточника имел бы конституцию данного государства, а Американскую конвенцию [по правам человека] лишь в качестве субсидиарного параметра, что обусловило бы

²⁴⁹³ См. также сноску 2397 выше. По мнению Гаи, «Una soluzione alternativa alla quale si può giungere nella ricostruzione della volontà dello Stato autore della riserva è che tale Stato abbia inteso vincolarsi in base al trattato anche nel caso in cui la riserva fosse considerata inammissibile e quindi senza il beneficio della riserva» [Альтернативное решение, с помощью которого можно установить волю государства – автора оговорки, основывается на той посылке, что данное государство согласилось быть связанным договором даже в случае, когда оговорка будет признана недопустимой и, таким образом, без учета такой оговорки], Gaja, «Il regime della Convenzione di Vienna...» (сноска 2269 выше), p. 358.

²⁴⁹⁴ По поводу этого дела и его продолжения см. пояснения Baratta, *Gli effetti delle riserve...* (сноска 698 выше), pp. 160–163; Bourguignon, «The Belilos case...» (сноска 1827 выше), pp. 347–386; Cameron and Horn, «Reservations to the European Convention...» (сноска 205 выше), pp. 69–116; Cohen-Jonathan, «Les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme...» (сноска 724 выше), pp. 273–315; и S. Marks, «Reservations unhinged: the Belilos case before the European Court of Human Rights», *International Comparative Law Quarterly*, vol. 39 (1990), pp. 300–327.

²⁴⁹⁵ Schabas, «Invalid reservations...» (сноска 1610 выше), p. 322.

²⁴⁹⁶ *Loizidou v. Turkey* (сноска 304 выше), para. 93.

фрагментацию международного правопорядка в области защиты прав человека и свело бы на нет объект и цель Конвенции.

Американская конвенция и другие договоры в области прав человека отражают свод высших общих ценностей (ядром которых является защита человека), снабжены конкретными надзорными механизмами, применяются в качестве коллективной гарантии, воплощают по сути объективные обязательства и носят особый характер, который отличает их от всех других договоров²⁴⁹⁷.

29) Позиция, изложенная Комитетом по правам человека в его замечании общего порядка № 24, еще более категорична²⁴⁹⁸. Комитет по сути не устанавливает никакой связи между вступлением договора в силу, несмотря на ничтожность недействительной оговорки, и волей ее автора в этом отношении. Он ограничивается констатацией того, что «обычным следствием»²⁴⁹⁹ является вступление договора в силу, при этом автор оговорки не может ею пользоваться. Однако, как это уже было отмечено выше²⁵⁰⁰, это «нормальное» следствие, которое, судя по всему, приобретает в заключении Комитета определенный автоматизм, не исключает (а наоборот, подразумевает), что недействительная оговорка может порождать другие «анормальные» последствия. Но Комитет не изложил своего мнения ни по вопросу о том, каковы могут быть эти другие последствия, ни по поводу того, каким образом и на каком основании «нормальное» следствие или возможное «анормальное» следствие может возникнуть.

30) Как бы там ни было, позиция органов по правам человека в последние годы была весьма неоднородна. Так, на четвертом межкомитетском совещании договорных органов по правам человека и на семнадцатом совещании председателей этих органов было отмечено следующее:

В ходе встречи с КМП, состоявшейся 31 июля 2003 года, Комитет по правам человека подтвердил, что он по-прежнему придерживается замечания общего порядка № 24, и некоторые члены Комитета подчеркнули, что подход, основанный на делимости, находит все большую поддержку, указав при этом, что в случае неприемлемой оговорки делимость является не автоматическим следствием, а лишь презумпцией²⁵⁰¹.

В 2006 году Рабочая группа, созданная для изучения практики договорных органов по правам человека, констатировала, что после объявления оговорки недействительной может возникнуть целый ряд последствий. В конечном итоге она предложила рекомендацию № 7 следующего содержания:

²⁴⁹⁷ *Hilaire v. Trinidad and Tobago* (см. сноску 2421 выше), paras. 93–94.

²⁴⁹⁸ В своем расширенном рабочем документе по вопросу об оговорках к договорам по правам человека (см. сноску 2395 выше) г-жа Хэмпсон заявила: «Нельзя ожидать, что наблюдательный орган подтвердит оговорку, которую он счел несовместимой с объектом и целью договора. Результатом является применение договора без такой оговорки, что принято называть "делимость" или, если использовать несколько иные выражения, "неприменение"» (пункт 59).

²⁴⁹⁹ См. сноски 2413 и 2470 выше.

²⁵⁰⁰ См. пункт 11) комментария к данному руководящему положению выше.

²⁵⁰¹ Доклад о практике договорных органов по правам человека в области оговорок к основным международным договорам в области прав человека (HRI/MC/2005/5), пункт 37.

Определение этих последствий зависит от намерения государства в момент формулирования оговорки*. Это намерение должно быть определено в ходе серьезного изучения имеющейся информации с учетом оспоримой презумпции о том, что государство, скорее, предпочтет остаться участником договора без оговорки, чем выйти из круга участников²⁵⁰².

Согласно пересмотренной рекомендации № 7 от 2007 года Рабочей группы по изучению практики в отношении оговорок органов по правам человека²⁵⁰³, утвержденной шестым межкомитетским совещанием²⁵⁰⁴ в 2007 году:

Что касается последствий недействительности, то Рабочая группа согласна с предложением Специального докладчика Комиссии международного права, в соответствии с которым недействительная оговорка является полностью ничтожной. Отсюда следует, что государство не может ссылаться на такую оговорку и, если только не будет неоспоримо установлено его противоположного намерения*, останется участником договора без оговорки.

31) Таким образом, определяющим элементом по-прежнему является намерение государства-автора недействительной оговорки. Таков принцип, изложенный в пункте 1 руководящего положения 4.5.3 (хотя Комиссия намеренно исключила наречие «неоспоримо», исходя из того, что вводимый им критерий представлялся бы слишком строгим): намерение договаривающегося государства или договаривающейся организации является критерием, в зависимости от которого должен оцениваться статус стороны договора. В пункте 3 уточняется, что такое намерение может быть высказано в любое время.

32) Следовательно, применение договора к государству или организации-автору оговорки, без учета этой оговорки, не является автоматическим следствием ничтожности оговорки, а вытекает из простой презумпции, как следует из пункта 2 руководящего положения 4.5.3. Такая позиция разумным образом примиряет базовый принцип права договоров – консенсуализм – и принцип ничтожности и отсутствия юридической силы применительно к оговоркам, которые запрещены или несовместимы с объектом и целью договора.

33) Выражение «автор оговорки считается договаривающимся государством или договаривающейся организацией» было выбрано, с тем чтобы подчеркнуть простую презумпцию, не имеющую неоспоримого характера нормы. Выражение «если не» выполняет ту же функцию.

34) В то же время можно выразить сомнения в отношении направления презумпции, которая логически может быть установлена как в направлении намерения в отношении того, что договор вступает в силу, так и в противоположном направлении, заключающемся в присвоении автору оговорки намерения в отношении того, что договор в силу не вступит.

²⁵⁰² HRI/MC/2006/5, пункт 16.

²⁵⁰³ См. HRI/MC/2007/5, пункт 19.

²⁵⁰⁴ Доклад о работе шестого межкомитетского совещания договорных органов по правам человека (A/62/224, приложение, пункт 48 v).

35) Негативная презумпция, в силу которой автор оговорки не считается договаривающимся государством или договаривающейся организацией до тех пор, пока не будет установлено противоположное намерение, видимо, лучше отражает принцип консенсуализма, в соответствии с которым, как выразился Международный Суд, «государство в своих договорных отношениях не может быть связано без его согласия»²⁵⁰⁵. Согласно этой точке зрения, государство или международная организация, которые сформулировали оговорку (хотя она и не является действительной), четко выразили свое несогласие с положением или положениями, юридическое действие которых оговорка призвана изменить или исключить. В своих комментариях по поводу замечания общего порядка № 24 Соединенное Королевство заявило, что «едва ли целесообразно пытаться вынудить государство придерживаться его обязательств в соответствии с Пактом, которых оно очевидным образом "определенно не признало", но скорее определенно указало на свое нежелание принимать»²⁵⁰⁶. В этом смысле никакое соглашение противоположного характера не может быть констатировано или презюмировано до тех пор, пока соответствующие государство или организация не дадут своего согласия или хотя бы молчаливого согласия на обязательность этого положения или этих положений без оговорки.

36) Между тем обратная (позитивная) презумпция имеет целый ряд преимуществ, которые, помимо соображений политической целесообразности, четко свидетельствуют в ее пользу, хотя, безусловно, речь не идет ни о норме, установленной в Венских конвенциях²⁵⁰⁷, ни о международном обычном праве²⁵⁰⁸, при этом невозможно пренебрегать решениями судебных органов по правам человека и позициями других договорных органов по защите прав человека, а также практикой государств, которая все шире развивается в этой области. Однако на самом деле при ближайшем рассмотрении, она, как представляется, больше соответствует принципу консенсуализма, чем обратная презумпция, поскольку в большей степени, нежели негативная презумпция, она защищает волю других договаривающихся государств и договаривающихся организаций, в полной мере уважая волю автора оговорки, если допустить, что последний может в любое время выразить свое намерение не быть связанным договором без учета оговорки, что четко уточняется в пункте 3 руководящего положения 4.5.3.

37) Во-первых, следует иметь в виду, что автор оговорки по самой своей сути хотел стать

²⁵⁰⁵ *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide* (см. сноску 604 выше), p. 21.

²⁵⁰⁶ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40* (см. сноску 1156 выше), приложение VI, стр. 131, пункт 14.

²⁵⁰⁷ Как об этом уже говорилось во введении к разделу 4.5 Руководства по практике, в Венских конвенциях не рассматривается вопрос о недействительных оговорках; см. пункты 1)–18) общего комментария к разделу 4.5 выше.

²⁵⁰⁸ См., в частности, R. Baratta, «Should invalid reservations to human rights treaties be disregarded?», *European Journal of International Law*, vol. 11 (2000), pp. 419–421.

договаривающейся стороной соответствующего договора. Оговорка формулируется при выражении согласия на обязательность договора, посредством которого государство или международная организация облачают в определенную форму свое намерение стать участником привилегированного круга участников и обязуются соблюдать договор. Оговорка, безусловно, играет определенную роль в этом процессе, однако она необязательно является решающей.

38) Более того, было бы безусловно более разумно презюмировать, что автор оговорки становится участником круга договаривающихся государств или договаривающихся организаций, с тем чтобы урегулировать трудности, связанные с ничтожностью его оговорки в рамках этого привилегированного круга. Не следует забывать в этой связи, что, как констатировала Комиссия в своих предварительных выводах по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека,

в случае неприемлемости какой-либо оговорки ответственность за принятие мер несет государство, сделавшее эту оговорку. Такие меры могут включать, например, либо изменение государством оговорки, чтобы устранить причину такой неприемлемости, либо снятие его оговорки, либо отказ от участия в договоре²⁵⁰⁹.

Для этих целей, как это было подчеркнуто на четвертом межкомитетском совещании договорных органов по правам человека и семнадцатом совещании председателей этих органов, «[д]оговорным органам по правам человека» – или любому другому механизму, созданному договором или сторонами договора, вместе взятыми», – следует настоятельно предлагать продолжать их текущую практику, заключающуюся в налаживании диалога с государствами, сделавшими оговорки, с тем чтобы добиться таких изменений в несовместимой оговорке, которые необходимы для того, чтобы она стала совместимой с договором²⁵¹⁰. Эту цель, разумеется, легче достигнуть, если государство или международная организация – автор оговорки рассматриваются как участник договора.

39) Презюмирование вступления договора в силу к тому же является залогом правовой определенности. Эта презумпция (следует отметить, простая, и которая, следовательно, не является неоспоримой) может содействовать устранению правового вакуума, который неизбежно существует между моментом, когда оговорка формулируется, и моментом, когда обнаруживается ее ничтожность: в течение всего этого срока (который может растянуться на многие годы)²⁵¹¹ автор оговорки вел себя как участник и рассматривался как таковой другими участниками.

²⁵⁰⁹ *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65 (пункт 10). Термин «неприемлемости» следует понимать как обозначающий в этом контексте «материальную недействительность»; см. пункты 4)–7) общего комментария к части 3 Руководства по практике.

²⁵¹⁰ HRI/MC/2005/5, пункт 42.

²⁵¹¹ При отсутствии решения компетентного органа такая неопределенность может длиться неуставленно долго.

40) С учетом этих соображений Комиссия поддержала идею оспоримой *презумпции*, согласно которой в отсутствие противоположного намерения ее автора договор применяется к государству или международной организации – автору недействительной оговорки независимо от этой оговорки. Это означает, что при таком основополагающем условии (отсутствие противоположного намерения со стороны автора оговорки) договор считается вступившим в силу для автора оговорки без учета последней²⁵¹² при условии, однако, что договор фактически вступил в силу в отношении других договаривающихся государств и договаривающихся организаций.

41) Выражение «или подобное намерение не было установлено иным образом» в пункте 2 руководящего положения 4.5.3 отражает пределы этой положительной презумпции, поддержанной Комиссией, с учетом намерения государства или международной организации – автора оговорки. Если это намерение может быть определено каким-либо способом, презумпция аннулируется.

42) Пункт 3 идет еще дальше в направлении смягчения строгости презумпции, предусматривая, что автор недействительной оговорки «может в любое время высказать намерение не быть связанным договором без учета оговорки». Хотя такая возможность не предусмотрена Венскими конвенциями – в которых, в целом, ничего не говорится о поведении в связи с недействительными оговорками, ее, как представляется, можно увязать с текстом этих конвенций. Разумеется, в статье 42 говорится, что «выход... участника может иметь место только в результате применения положений самого договора или настоящей Конвенции»²⁵¹³. Однако в данном конкретном случае автор недействительной оговорки не «выходит» из договора; он высказывает намерение не быть связанным договором в той степени, в какой его оговорка считается недействительной, хотя в его глазах она является определяющим элементом его приверженности договору.

43) На практике определение намерения автора недействительной оговорки может представлять собой задачу деликатную. На самом деле, не так легко установить, что заставило государство или международную организацию выразить свое согласие на обязательность договора, с одной стороны, и обусловить это согласие оговоркой, с другой стороны, в силу того, что «только государство может знать точную роль своей оговорки в его решении выразить свое согласие на обязательность договора»²⁵¹⁴. Поскольку презумпция, на которую можно опираться, является оспоримой, все же необходимо установить, ратифицировал бы автор, сознавая все обстоятельства, договор без оговорки или же, наоборот, воздержался бы от этого.

²⁵¹² См. пункты 14)–17) комментария к руководящему положению 4.5.1.

²⁵¹³ См. также статьи 54 и 56.

²⁵¹⁴ См. доклад Комиссии международного права о работе ее сорок девятой сессии, *Ежегодник... 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 55, пункт 83.

44) Сам текст оговорки, безусловно, может содержать элементы, позволяющие выяснить намерение ее автора в случае, когда оговорка не является действительной. Таков, например, случай, когда оговорка мотивирована в соответствии с рекомендацией, сформулированной в руководящем положении 2.1.2 Руководства по практике²⁵¹⁵. Мотивировка оговорки может не только прояснить ее смысл, но также позволить определить, рассматривается ли оговорка как принципиальное условие обязательства на обязательность договора или нет. Признаки могут также быть обнаружены в любом заявлении, сделанном автором оговорки при подписании, ратификации, присоединении или объявлении о правопреемстве. Все это – возможные формулировки «противоположного намерения» автора оговорки не соглашаться на обязательность договора без преимуществ последней, намерения, о котором идет речь в пункте 2 руководящего положения 4.5.3.

45) В отсутствие ясного выражения такого намерения, соответствующие указания могут быть получены на основании других элементов. Именно по этой причине Комиссия в пункте 2 уточнила, что «подобное намерение [может быть] установлено иным образом». В этой связи следует также учитывать реакцию других государств и международных организаций. Хотя эта реакция, естественно, сама по себе не может породить юридических последствий в плане нейтрализации ничтожности оговорки, она может содействовать оценке намерения автора оговорки или, точнее, риска, который он добровольно хочет взять на себя, формулируя недействительную оговорку. В частности, его молчание перед лицом таких негативных реакций может, при определенных обстоятельствах, помочь установить его намерение согласиться на обязательность для него договора. Особенно наглядной иллюстрацией этой ситуации является дело *Loizidou* в Европейском суде по правам человека, в котором Суд, ссылаясь на практику, предшествующую формулированию оговорки Турцией, а также возражения, заявленные рядом государств – участников Конвенции²⁵¹⁶, сделал следующий вывод:

Последующая реакция целого ряда договаривающихся государств на заявления Турции [...] четко подтверждает предшествующее замечание, согласно которому Турция осознавала правовую ситуацию. То, что в этих условиях она впоследствии представила заявления по двум статьям – 25 и 46 – (в отношении последней после вышеупомянутой реакции договаривающихся государств), – свидетельствует о том, что она была готова взять на себя риск того, что спорные ограничительные положения будут объявлены конвенционными органами недействительными, безотносительно к действительности самих заявлений²⁵¹⁷.

46) Как это сделал Европейский суд по правам человека в своем решении по делу *Belilos*²⁵¹⁸, можно также учитывать последующее отношение автора к договору. Так, представители Швейцарии своими

действиями и заявлениями в Суде не оставили никаких сомнений в отношении того, что эта страна считает себя связанной Европейской конвенцией по правам человека, даже в случае, если заявление о толковании будет сочтено недействительным²⁵¹⁹. Кроме того, как это было подчеркнуто в отношении оговорок Соединенных Штатов Америки к Международному пакту о гражданских и политических правах:

Отдельные аспекты практики Соединенных Штатов придадут вес аргументу, в соответствии с которым их общее намерение заключается в том, чтобы быть связанными Пактом, независимо от результатов спора в отношении правомерности оговорки. Полезно напомнить, что Вашингтон всесторонне участвовал в разработке Американской конвенции, положения которой весьма сходны со статьями 6 и 7 Пакта и по сути были разработаны по их образцу... [Представитель Соединенных Штатов], хотя и кратко, выразил сомнения по вопросу о [запрете] смертной казни для несовершеннолетних и исключении политических преступлений, по сути не возражал против положений, касающихся смертной казни или пыток. Соединенные Штаты подписали Американскую конвенцию 1 июня 1977 года без оговорки²⁵²⁰.

Хотя, безусловно, необходимо по-прежнему проявлять осторожность при сравнении различных договоров в силу относительного эффекта любой оговорки²⁵²¹, тем не менее никак нельзя исключать учета последующего поведения сделавшего оговорку государства в отношении положений, аналогичных тем, которых касается оговорка. Неизменная практика государства, заключающаяся в систематическом исключении юридического действия какого-либо особого обязательства, содержащегося в ряде документов, безусловно, может представлять собой весомое доказательство того, что автор оговорки ни при каких условиях не хочет быть связан этим обязательством.

47) Независимо от самого текста оговорки, ее мотивировки и упомянутых элементов, связанных с условиями и контекстом, следует также принимать во внимание содержание и контекст положения или положений договора, к которым относится оговорка, с одной стороны, а также объект и цель договора – с другой. Как об этом уже говорилось выше, и Европейский суд по правам человека, и Межамериканский суд по правам человека уделяли большое внимание «особому характеру» рассматриваемого договора; нет никаких причин ограничивать эти соображения договорами по правам человека, которые не представляют собой специфическую категорию договоров для целей применения правил, относящихся к оговоркам, и которые являются не единственными договорами, устанавливающими «высшие общие ценности».

²⁵¹⁵ Руководящее положение 2.1.2 (Мотивировка оговорки): «В оговорке, насколько это возможно, следует указывать мотивы, по которым она формулируется».

²⁵¹⁶ *Loizidou v. Turkey* (сноска 304 выше), paras. 18–24.

²⁵¹⁷ *Ibid.*, para. 95.

²⁵¹⁸ См. пункты 24)–26) выше.

²⁵¹⁹ К любому заявлению, сделанному впоследствии, и особенно к тем, которые автору оговорки придется сделать в ходе судебной процедуры по вопросу о действительности и последствиях недействительности его оговорки, следует, тем не менее, подходить осмотрительно. См. в этой связи дело *Loizidou v. Turkey* (сноска 304 выше), para. 95.

²⁵²⁰ Schabas, «Invalid reservations...» (сноска 1610 выше), p. 322 (сноски опущены).

²⁵²¹ См. руководящее положение 4.4.1 (Отсутствие последствий для прав и обязательств по другим договорам) и комментарий к нему.

48) Сочетание этих факторов – и других, если это потребуется, – должно служить руководством для органов, которые призваны принимать решения в отношении последствий ничтожности недействительной оговорки, с учетом того, что этот перечень ни в коей мере не является исчерпывающим и что все элементы, позволяющие установить намерение автора оговорки, должны быть приняты во внимание. Их относительная важность зависит от обстоятельств, присущих каждой ситуации.

49) С учетом этого, по мнению Комиссии, нормы руководящего положения 4.5.3, относящиеся к осмотрительному прогрессивному развитию, не должны представлять собой одобрение того, что сегодня принято называть возражениями с «супермаксимальным» эффектом. Хотя возражение с «супермаксимальным» эффектом, как представляется, призвано заставить автора оговорки уважать договор без оговорки по той лишь единственной причине, что эта оговорка не является действительной, презумпция, закрепленная в пункте 2 руководящего положения 4.5.3, играет лишь роль страховочной сетки, когда невозможно определить намерение автора оговорки и когда он воздерживается от сообщения другим государствам или договаривающимся организациям своей подлинной воли.

50) Таким образом, соблюдение договора в целом вытекает не из субъективной оценки другого договаривающегося государства или другой договаривающейся организации, а лишь из ничтожности оговорки и воли ее автора. Возражение, будь то простое или с супермаксимальным эффектом, такого последствия породить не может. «Ни одно государство не может быть связано договорными обязательствами, которые оно считает нецелесообразными»²⁵²².

51) Пункт 4 руководящего положения 4.5.3 следует рассматривать в свете руководящего положения 3.2.1, согласно которому наблюдательный договорный орган вправе для выполнения возложенных на него функций оценивать материальную действительность оговорок, сформулированных государством или международной организацией, при условии, что «юридическая сила оценки, произведенной таким органом при осуществлении им этой компетенции, не превышает юридической силы акта, в которой она содержится». Если результаты оценки такого органа не имеют обязательной силы, как это обычно имеет место на практике, государство или международная организация, безусловно, должны учитывать эту оценку²⁵²³, но не обязаны ею руководствоваться и, следовательно, выражать намерение, предусмотренное пунктом 4. С другой стороны, если этим вопросом занимался орган по урегулированию

споров, наделенный компетенцией по принятию обязательных решений²⁵²⁴, Комиссия считает, что автор оговорки, объявленной недействительной, должен сделать заявление, предусмотренное в пункте 4 как можно скорее и в любом случае не позднее, чем в течение двенадцати месяцев после вынесения решения.

52) В руководящем положении 4.5.3 намеренно не определена дата вступления договора в силу в случае подобного рода. В большинстве случаев эта дата зависит от конкретных условий, определенных в самом договоре²⁵²⁵. Конкретные последствия, в частности момент вступления договора в силу для автора недействительной оговорки, таким образом, определяются соответствующими положениями договора или, в отсутствие таковых, правом договоров в целом²⁵²⁶ и не имеют особого отношения к правилам, касающимся оговорок.

53) Кроме того, Комиссии известно о том, что пункты 3 и 4 руководящего положения 4.5.3 оставляют открытым вопрос о том, в какой момент приобретает силу выражение автором оговорки своего намерения считать или не считать себя связанным договором.

54) Если заявленная позиция состоит в признании действия договора без такой оговорки, то практических проблем при этом не возникает и можно исходить из того, что договор *продолжает применяться*, но автор оговорки не может пользоваться этой оговоркой *ни в прошлом, ни в будущем*. Ответ на вопрос, поставленный в предыдущем пункте, будет более сложным, если автор заявления не собирается считать себя связанным договором; в данном случае логика подсказывает, что его следует считать никогда не связанным договором, поскольку ничтожность его оговорки изначально (*ab initio*) привела его к решению не считать себя связанным договором. Тем не менее такое решение может вызвать сложные практические проблемы восстановления предыдущего положения в то время, когда государства или международная организация выражают свое согласие быть связанными договором (с оговоркой).

55) Так как руководящее положение 4.5.3 в значительной степени отражает прогрессивное развитие международного права, представляется целесообразным дожидаться соответствующей практики, не

²⁵²⁴ См. руководящее положение 3.2.5 (Компетенция органов по урегулированию споров оценивать материальную действительность оговорок) и комментарий к нему.

²⁵²⁵ Пункт 1 статьи 24 Венской конвенции 1969 года гласит: «Договор вступает в силу в порядке и в дату, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвовавшими в переговорах государствами».

²⁵²⁶ См. пункты 2 и 3 статьи 24 Венской конвенции 1969 года. Эти пункты предусматривают:

«2. При отсутствии такого положения или договоренности договор вступает в силу, как только будет выражено согласие всех участвовавших в переговорах государств на обязательность для них договора.

3. Если согласие государства на обязательность для него договора выражается в какую-либо дату после вступления договора в силу, то договор вступает в силу для этого государства в эту дату, если в договоре не предусматривается иное».

²⁵²² Tomuschat, «Admissibility and legal effects of reservations...» (сноска 1080 выше), p. 466; см. также второй доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/477 и Add.1, стр. 64–65, пункты 97 и 99; см. также Müller, «1969 Vienna Convention. Article 20: Acceptance of and objection to reservations», в Corten and Klein (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties...* (сноска 30 выше), pp. 496–498, paras. 18–22.

²⁵²³ См. руководящее положение 3.2.3 (Учет оценок наблюдательных договорных органов).

исключая возможность того, что разнообразие обстоятельств может потребовать разных решений.

4.6 Отсутствие последствий оговорки для отношений между другими сторонами договора

Оговорка не изменяет положений договора для других участников договора в их отношениях между собой.

Комментарий

1) Руководящее положение 4.6 воспроизводит без каких-либо изменений текст пункта 2 статьи 21 Венских конвенций 1969 и 1986 годов (формулировки которого в обеих конвенциях идентичны друг другу).

2) В силу этого положения договорные отношения между другими участниками договора, помимо автора оговорки, не претерпевают изменений вследствие оговорки. Это правило «относительности правовых связей» имеет целью сохранение нормативной системы, регулирующей отношения между другими участниками договора. Данный режим не обязательно является единственным, поскольку другие участники также могут обусловить свое согласие оговорками, которые изменяют их взаимоотношения в пределах действия пунктов 1 или 3 статьи 21²⁵²⁷. Как и пункт 2, руководящее положение 4.6 не ставит своей целью не допустить преумножения нормативных систем в рамках конкретного договора и направлено исключительно на ограничение сферы действия оговорки двусторонними отношениями между государством, формулирующим оговорку, с одной стороны, и каждой из остальных участников – с другой²⁵²⁸.

3) Сфера применения данного руководящего положения распространяется не только на «действующие» оговорки, т.е. те, которые удовлетворяют требованиям статей 19, 20 и 23 Венских конвенций²⁵²⁹; это упущение не следует рассматривать как редакционное несоответствие. По сути, принцип относительности оговорки действует вне зависимости от ее материальной или формальной действительности²⁵³⁰.

4) Более того, принятие оговорки или возражения, которые она вызвала, никак не влияет на последствия оговорки вне рамок двусторонних отношений между автором оговорки и каждой из других договаривающихся государств или договаривающихся организаций. Такое принятие, будь то подразумеваемое или выраженное прямо, лишь позволяет определить

²⁵²⁷ См. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 142.

²⁵²⁸ В данном случае нет оснований использовать выражения «договаривающееся государство» и «договаривающаяся организация», поскольку руководящее положение 4.6 приобретает конкретный смысл лишь после того, как договор вступит в силу.

²⁵²⁹ См. руководящее положение 4.1 (Вступление в действие оговорки в отношении другого государства или международной организации) и комментарий к нему.

²⁵³⁰ См. пункты 14)–28) комментария к руководящему положению 4.5.1 выше.

стороны, в отношении которых оговорка считается действующей, т.е. стороны, принявшие оговорку²⁵³¹, с тем чтобы провести различие между ними и сторонами, по отношению к которым оговорка не порождает всех последствий, на которые рассчитывал ее автор, т.е. возразившими против нее. Но в отношениях между всеми остальными сторонами, кроме автора оговорки, оговорка не меняет и не исключает юридическое действие какого-либо одного или нескольких положений договора или юридическое действие договора в целом, и в этом отношении не имеет большого значения, приняли они эту оговорку или возразили против нее.

5) Хотя пункт 2 статьи 21 (и, соответственно, руководящее положение 4.6, в котором воспроизводится его текст) не содержит каких-либо ограничений или изъятий, вполне уместен вопрос о том, является ли правило «относительности правовых связей» столь абсолютным, как это следует из его формулировки²⁵³². К тому же, сэр Хэмфри Уолдок в приложении к своему первому докладу «История вопроса об оговорках к многосторонним конвенциям» ссылается на это правило с большей осторожностью: «в принципе*», оговорка затрагивает лишь отношения между формулирующим ее государством и другими сторонами²⁵³³. Поэтому возникает вопрос: а нет ли таких договоров, на которые принцип относительности не распространяется?

6) Конкретные виды договоров, о которых идет речь в пунктах 2 и 3 статьи 20, ни в коем случае не являются исключением из правила относительности. Относительность правовых связей в этих конвенциях действительно несколько ограничена, поскольку оговорка предположительно влечет за собой последствия в отношениях ее автора со всеми другими сторонами; однако она никак не влияет на отношения других государств-участников *inter se*, которые остаются неизменными.

7) Хотя для того, чтобы оговорка к договору, существенным условием которого является его применение в целом, породила свои последствия, требуется согласие всех сторон, это единодушное согласие само по себе, безусловно, не является изменением самого договора в отношениях между участниками договора. Поэтому и в этом случае в рамках одного договора следует различать две нормативные системы: ту, которая регулирует отношения между автором оговорки и каждым из других участников, притом что все они, по определению, приняли оговорку, и ту, которая регулирует отношения этих других участников между собой. Отношения других участников между собой остаются неизменными.

²⁵³¹ См. руководящее положение 4.1 и комментарий к нему выше.

²⁵³² Шафарз утверждает: «Разумеется, очевидно, что "оговорки не изменяют положений договора для других участников в их отношениях между собой"», «Reservations to multilateral treaties» (сноска 27 выше), p. 311.

²⁵³³ Первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 76 англ. текста, пункт 5, сноска (e).

8) Те же доводы применимы и к учредительным актам международной организации. Хотя в этом случае согласие не обязательно должно быть единодушным, оно никоим образом не изменяет договорные отношения между другими участниками, помимо автора оговорки. Большинство просто диктует находящимся в меньшинстве членам определенную позицию по отношению к автору оговорки с тем, чтобы избежать возникновения нескольких нормативных систем в рамках учредительного акта, но в данном случае именно принятие оговорки компетентным органом организации делает ее общеприменимой — причем, по-видимому, только в отношениях между другими участниками и государством или организацией, сформулировавшими оговорку.

9) Даже если предположить, что а priori недействительная оговорка будет принята всеми сторонами без исключения²⁵³⁴, эта «узаконенная» посредством согласия сторон оговорка не изменила бы «общую» нормативную систему, действующую в отношениях между другими участниками. Конечно, эта нормативная система претерпит изменение, что выразилось бы, если допустить такую возможность²⁵³⁵, в отмене запрета на оговорки или в корректировке (действительной или мнимой) объекта и цели договора с тем, чтобы придать оговорке силу. Тем не менее, такое изменение договора, которое затронуло бы всех участников, было бы обусловлено не самой оговоркой, а единодушным согласием участвующих в договоре государств и международных организаций — согласием, лежащим в основе соглашения о внесении изменений в договор с целью придания оговорке законной силы по смыслу статьи 39 Венских конвенций²⁵³⁶.

10) При этом следует подчеркнуть, что стороны в любом случае сохраняют право изменять свои договорные отношения, если сочтут это необходимым²⁵³⁷. Эта возможность выводится а contrario из комментария Комиссии к проекту статьи 19 проекта статей о праве международных договоров 1966 года (которая впоследствии стала статьей 21 Венской конвенции 1969 года), согласно которому оговорка:

не изменяет положений договора для других участников в их отношениях между собой, поскольку она не принята в качестве положения договора в их отношениях между собой²⁵³⁸.

11) Впрочем, ничто не мешает сторонам принять оговорку в качестве подлинного положения договора («согласованные» оговорки²⁵³⁹) или внести

изменения в любое другое договорное положение, если они сочтут это необходимым. Такое изменение, однако, не вытекает автоматически из принятия оговорки и не презюмируется. Участники должны следовать процедуре, предусмотренной для этих целей в договоре, или, в отсутствие таковой, процедуре, предусмотренной статьей 39 и последующими статьями Венских конвенций. При этом изменение договора в целом может оказаться необходимым и даже неизбежным²⁵⁴⁰. Его необходимость тем не менее зависит от обстоятельств каждого конкретного случая и остается на усмотрение сторон. Именно поэтому, как представляется, нет нужды предусматривать исключение из принципа, сформулированного в пункте 2 статьи 21 Венских конвенций. В остальном, как и все другие руководящие положения, изложенные в Руководстве по практике, положение 4.6 должно трактоваться «без ущерба для любого соглашения между участниками относительно его применения».

4.7 Последствия заявлений о толковании

Комментарий

1) Несмотря на давно сложившуюся и хорошо разработанную практику, ни Венская конвенция 1969 года, ни Венская конвенция 1986 года не содержат норм, касающихся заявлений о толковании и тем более — возможных последствий таких заявлений²⁵⁴¹.

2) История разработки Конвенций объясняет причины возникновения этого пробела. Хотя первые специальные докладчики вообще не уделяли внимания вопросу, касающемуся заявлений о толковании²⁵⁴², сэр Хэмфри Уолдок²⁵⁴³ осознавал и то, какие

²⁵⁴⁰ В частности, такая ситуация может сложиться применительно к договорам о сырьевых товарах, в рамках которых даже принцип взаимности не позволяет восстановить баланс между сторонами (см. Schermers, «The suitability of reservations...» (сноска 2151 выше), p. 356). Подпункт c) пункта 2 статьи 65 Международного соглашения по сахару 1968 года по сути предусматривал возможность адаптации положений, которые могли утратить силу в результате оговорки: «В любом другом случае выдвижения оговорки [т.е. в случаях, когда оговорка затрагивает экономические аспекты Соглашения] [Международный совет] по сахару изучает их и решает специальным большинством голосов, приемлемы ли они, и если приемлемы, то на каких условиях*. Указанные оговорки вступают в силу лишь после принятия Советом решения по этому вопросу». См. также Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 250, и Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 142–143.

²⁵⁴¹ См. пункт 1) комментария к руководящему положению 1.2.

²⁵⁴² Сэр Джеральд Фитцморис лишь уточнил, что термин «оговорка» «не включает простые заявления о том, как соответствующее государство предлагает выполнять договор, или заявления о понимании или толковании, за исключением случая, когда такие заявления предполагают наличие разногласий относительно существенных условий или последствий договора» (первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 110 англ. текста).

²⁵⁴³ В своем определении термина «оговорка» сэр Хэмфри Уолдок пояснил, что «заявления, сделанные в порядке разъяснения, заявления о толковании или заявления о намерении в отношении смысла договора, которое не равносильно намерению изменить юридические последствия договора, не являются оговорками» (первый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, стр. 31–32 англ. текста).

²⁵³⁴ См. пункты 9)–13) комментария к руководящему положению 3.3.3.

²⁵³⁵ В отношении которой Комиссия не заняла категоричной позиции (см. пункт 13) комментария к руководящему положению 3.3.3).

²⁵³⁶ См. пункты 10) и 13) комментария к руководящему положению 3.3.3.

²⁵³⁷ Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), pp. 142–143.

²⁵³⁸ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 209 англ. текста, пункт 1).

²⁵³⁹ См. пункт 10) комментария к руководящему положению 1.1.6 (Оговорки, формулируемые в соответствии с положениями, прямо разрешающими исключение или изменение определенных положений договора).

трудности возникают в связи с практикой таких заявлений, и то, какое решение, причем совершенно простое, требуется для устранения этих трудностей. Некоторые правительства в своих замечаниях к принятому в первом чтении проекту статей вновь подняли вопрос не только об отсутствии заявлений о толковании и о различии, которое следует проводить между такими заявлениями и оговорками²⁵⁴⁴, но и о факторах, которые необходимо учитывать при толковании договора²⁵⁴⁵. В 1965 году Специальный докладчик постарался успокоить эти государства, подтвердив, что Комиссия не оставила вопрос о заявлениях о толковании без внимания. Сэр Хэмфри Уолдок отметил:

Заявления о толковании, однако, остаются проблемой, как и, возможно, политические заявления, сделанные в связи с договором. Вопрос заключается в том, каковы последствия заявлений каждой из этих категорий. Некоторые нормы, касающиеся этого вопроса, содержатся в статье 69, в частности, в пункте 3, о соглашении между сторонами по вопросу о толковании договора и о последующей практике применения договора. Этот вопрос также затрагивается в статье 70, в которой говорится о дополнительных средствах толкования²⁵⁴⁶.

3) Вопреки мнению, высказанному рядом членов Комиссии²⁵⁴⁷, последствия заявления о толковании «регулируются положениями, касающимися толкования»²⁵⁴⁸. Хотя «заявления о толковании, безусловно, важны, ...есть сомнения относительно того, стоит ли им посвящать отдельные положения; поскольку юридическое значение заявления о толковании всегда зависит от конкретных обстоятельств, при которых оно было сделано»²⁵⁴⁹.

4) Вопрос о заявлениях о толковании вновь обсуждался на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров 1968–1969 годов,

²⁵⁴⁴ См., в частности, комментарии правительства Японии, обобщенные в четвертом докладе о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока (*Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 49 англ. текста), и замечания правительства Соединенного Королевства, которое отметило, что «в статье 18 речь идет только об "оговорках", и предполагается, что смежный вопрос о заявлениях о толковании будет рассмотрен в последующем докладе» (там же).

²⁵⁴⁵ См. комментарии Соединенных Штатов Америки к проектам статей 69 и 70 относительно толкования, обобщенные в шестом докладе сэра Хэмфри Уолдока о праве международных договоров, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/CN.4/186 и Add.1–7, стр. 93 англ. текста.

²⁵⁴⁶ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 165 англ. текста, пункт 13. См. также четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 49 англ. текста, пункт 2.

²⁵⁴⁷ См. комментарии г-на Фердросса (там же, том I, 797-е заседание, 8 июня 1965 года, стр. 151 англ. текста, пункт 36, и 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 166 англ. текста, пункт 23) и г-на Аго (там же, 798-е заседание, 9 июня 1965 года, стр. 162 англ. текста, пункт 76). См. также г-н Кастрен (там же, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 166 англ. текста, пункт 30) и г-н Бартош (там же, стр. 166 англ. текста, пункт 29).

²⁵⁴⁸ Там же, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 165 англ. текста, пункт 14. См. также четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, там же, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 49 англ. текста, пункт 2 («Заявления о толковании не были рассмотрены Комиссией в настоящем разделе по той простой причине, что эти заявления не являются оговорками и относятся скорее к толкованию, чем к заключению договоров*»).

²⁵⁴⁹ Там же.

в частности в контексте предложенной Венгрией поправки к определению термина «оговорка»²⁵⁵⁰ и к статье 19 (нынешняя статья 21), касающейся последствий оговорки²⁵⁵¹. Эта поправка имела целью приравнять заявления о толковании к оговоркам, не проводя при этом каких-либо различий между этими двумя категориями, в частности в том, что касается последствий каждой из них. Ряд делегаций, тем не менее, недвусмысленно высказались против такой ассимиляции²⁵⁵². Сэр Хэмфри Уолдок, выступавший в качестве эксперта-консультанта,

указал на риски, которыми чревато включение заявлений о толковании в понятие оговорки. На практике причина, по которой то или иное государство делает заявление о толковании, заключается, как правило, в его нежелании «впутываться в сети» правового регулирования оговорок²⁵⁵³.

Поэтому он призвал:

Редакционный комитет учесть всю сложность этой проблемы и не рассматривать возможность приравнивания заявлений о толковании к оговоркам как простой вопрос²⁵⁵⁴.

В конечном счете Редакционный комитет не учел поправку Венгрии. Выступавший от имени Мексики г-н Сепульведа Амор обратил внимание на то, что «рассматриваемые статьи не содержат определения акта, о котором идет речь в подпункте b) пункта 2 статьи 27 [которая стала статьей 31]», несмотря на то, что «инструменты для толкования такого рода имеют широкое распространение на практике»²⁵⁵⁵, и указал, что «необходимо четко установить юридические последствия таких заявлений с проведением различия между ними и последствиями собственно оговорок»²⁵⁵⁶. Тем не менее в Венских конвенциях не было предусмотрено ни одного положения, которое бы регулировало заявления о толковании. Таким образом, Конференция согласилась с выводами сэра Хэмфри Уолдока о последствиях этих заявлений²⁵⁵⁷.

5) Вопрос о конкретных последствиях заявлений о толковании более не поднимался ни в работе

²⁵⁵⁰ A/CONF.39/C.1/L.23, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions...* (A/CONF.39/11/Add.2) (см. сноску 54 выше), p. 112, para. 35 (vi) (e). Делегация Венгрии предложила следующую формулировку: «"Оговорка" означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении *многостороннего* договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить, изменить или истолковать юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству».

²⁵⁵¹ A/CONF.39/C.1/L.177, *ibid.*, p. 140, para. 199 (ii) (d) and (iii). См. также пояснения, представленные в ходе Конференции, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session...* (A/CONF.39/11) (см. сноску 35 выше), 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 137, paras. 52–53.

²⁵⁵² См., в частности, позицию Австралии (*ibid.*, 5-е заседание, 29 марта 1968 года, p. 29, para. 81), Швеции (*ibid.*, p. 30, para. 102), Соединенных Штатов Америки (*ibid.*, 6-е заседание, p. 31, para. 116) и Соединенного Королевства (*ibid.*, 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, p. 137, para. 60).

²⁵⁵³ *Ibid.*, p. 137, para. 56.

²⁵⁵⁴ *Ibid.*

²⁵⁵⁵ *Ibid.*, 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, p. 113, para. 62.

²⁵⁵⁶ *Ibid.*

²⁵⁵⁷ См. пункт 2) настоящего вводного комментария выше.

Комиссии, ни в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года.

б) Таким образом, в данном случае Комиссии вновь пришлось восполнять лауну, оставшуюся в Венских конвенциях, что она и сделала в пункте 4.7 Руководства по практике, стремясь придерживаться общей логики этих конвенций, и в частности статей 31 и 32, касающихся толкования договоров.

4.7.1 Разъяснение условий договора посредством заявления о толковании

1. Заявление о толковании не изменяет договорных обязательств. Оно может только указывать или разъяснять значение или сферу действия, которые его автор признает за договором или его определенными положениями, и может соответственно составлять элемент, который надлежит учитывать при толковании договора в соответствии с общим правилом толкования договоров.

2. При толковании договора надлежащим образом учитывается также одобрение такого заявления о толковании или несогласие с ним других договаривающихся государств или договаривающихся организаций.

Комментарий

1) Отсутствие в Венских конвенциях отдельного положения относительно юридических последствий, которые может порождать заявление о толковании²⁵⁵⁸, не означает, что эти конвенции не содержат никаких указаний по данному вопросу, о чем свидетельствуют замечания, сделанные в ходе их разработки²⁵⁵⁹.

2) Как явствует из их названия, их назначение и функция заключаются в том, чтобы предложить толкование договора²⁵⁶⁰. Следовательно, согласно определению, которое было принято Комиссией,

«заявление о толковании» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация имеет целью уточнить или разъяснить смысл или сферу действия договора или определенных его положений²⁵⁶¹.

3) Уточнение или разъяснение положений договора как раз и означает его толкование, и именно по этой причине Комиссия использовала эти термины в определении заявлений о толковании²⁵⁶². Хотя,

²⁵⁵⁸ См. вводный комментарий к разделу 4.7 Руководства по практике.

²⁵⁵⁹ См. пункт 2) вводного комментария к разделу 4.7.

²⁵⁶⁰ См. пункт 16) комментария к руководящему положению 1.2.

²⁵⁶¹ Руководящее положение 1.2 (Определение заявлений о толковании).

²⁵⁶² См. пункт 18) комментария к руководящему положению 1.2.

как указано в комментарии к руководящему положению 1.2 (Определение заявлений о толковании), принятое определение «никоим образом не предопределяет ни действительности, ни действия подобных заявлений»²⁵⁶³, представляется практически очевидным, что последствия заявления о толковании возникают в основном в рамках весьма сложного процесса толкования.

4) Прежде чем рассматривать роль, которую может сыграть такое заявление в процессе толкования, следует, однако, уточнить, каких последствий оно ни в коем случае не порождает. Сравнение определения заявлений о толковании с определением оговорки со всей очевидностью показывает, что оговорка направлена на изменение юридических последствий договора или на исключение из него определенных положений, тогда как заявление о толковании делается с одной лишь целью – уточнить или разъяснить смысл. Автор заявления о толковании не пытается освободиться от международных обязательств, возлагаемых на него договором, но стремится придать этим обязательствам специфическое значение. Как весьма четко пояснил г-н Яссин:

Государство, формулирующее оговорку, признает, что договор в целом имеет конкретные последствия, но оно желает изменить, ограничить или расширить действие одного или нескольких его положений применительно к себе самому.

Государство, делающее заявление о толковании, заявляет, что, по его мнению, договор или какая-либо из его статей должны толковаться определенным образом; оно придает объективное и общее значение этому толкованию. Другими словами, оно считает договор обязательным для себя и желает, из принципиальных соображений, выразить свою точку зрения на толкование договора²⁵⁶⁴.

5) Если бы последствием заявления о толковании было изменение договора, такое заявление являлось бы не заявлением о толковании, а оговоркой. В комментарии Комиссии к подпункту *d*) пункта 1 статьи 2 ее проекта статей от 1966 года прямо указывается на эту диалектику:

Нередко государства при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему делают заявления относительно своего понимания того или иного вопроса или относительно своего толкования какого-либо отдельного положения. Такие заявления могут представлять собой просто уточнение позиции государства, или напротив, являться оговоркой, в зависимости от того, приводят ли такие заявления к изменению или исключению применения условий договора в том виде, в каком он был принят²⁵⁶⁵.

²⁵⁶³ Пункт 33) комментария к руководящему положению 1.2.

²⁵⁶⁴ *Ежегодник... 1965 год*, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 166 англ. текста, пункты 25–26.

²⁵⁶⁵ *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 189–190 англ. текста, пункт 11) комментария. См. также пояснения сэра Хэмфри Уолдока: «...принципиальный момент заключается в том, что, если бы заявление о толковании являлось оговоркой, его последствия определялись бы в соответствии с положениями статей 18–22. В таком случае согласие играло бы роль, но в форме отклонения или принятия оговорки другими заинтересованными государствами. Если же заявление о толковании не преследует цель изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к государству – автору заявления, то такое заявление является заявлением о толковании и регулируется нормами о толковании» (*Ежегодник... 1965 год*, том I, 799-е заседание, стр. 172 англ. текста, пункт 14).

6) Международный Суд также подчеркнул, что толкование договора не может приводить к его изменению. Как указывается в его консультативном заключении относительно толкования мирных договоров, заключенных с Болгарией, Венгрией и Румынией (*Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania*): «Обязанность Суда – толковать договоры, а не пересматривать их»²⁵⁶⁶.

7) Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что заявление о толковании никоим образом не может изменить «юридическое действие определенных положений договора или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов»²⁵⁶⁷. Вне зависимости от того, верно ли толкование или нет, положения договора остаются обязательными для его автора. Именно так, безусловно, следует понимать заявление Европейской комиссии по правам человека по делу *Belilos*, в котором она подтвердила, что заявление о толковании

может учитываться при толковании статей Конвенции. Если же Комиссия или Суд дадут иное толкование, затрагиваемое государство будет обязано руководствоваться этим толкованием²⁵⁶⁸.

8) Другими словами, государство (или международная организация), полагаясь на толкование, предложенное им в одностороннем порядке, не ограждает себя тем самым от риска нарушения своих международных обязательств. Если его толкование не соответствует «обычному значению, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора»²⁵⁶⁹, возникает серьезный риск несоответствия между поведением автора заявления в части выполнения договора и тем, что от него требуется согласно его договорным обязательствам²⁵⁷⁰.

9) В тех случаях, когда государство или международная организация ставит свое согласие на обязательность для него/нее договора в зависимости от своего толкования, формулируя условное заявление о толковании по смыслу руководящего положения 1.4 (Условные заявления о толковании), складывается иная ситуация. Конечно, если толкование, предлагаемое автором заявления о толковании, согласуется с толкованием, данным компетентной третьей стороной²⁵⁷¹, никаких трудностей не возникает, и

заявление о толковании остается лишь толкованием, которое может играть в процессе толкования договора такую же роль, как и любое другое заявление о толковании. Но если толкование, предлагаемое автором заявления о толковании, не соответствует толкованию договора, объективно сформулированному (следуя правилам Венских конвенций) третьей стороной, возникает проблема: автор не признает обязательным для себя договор, толкуемый таким образом, и намерен руководствоваться текстом договора, толкуемым и применяемым так, как предложил он сам. Следовательно, он ставит свое согласие на обязательность для себя договора в зависимость от определенного способа толкования, которое, предположительно, не соответствует обычному значению, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. В этом – и только в этом – случае условное заявление о толковании порождает последствия, порождаемые оговоркой, если соблюдены соответствующие условия. Данный случай, не являющийся чисто гипотетическим, доказывает, что, хотя такое заявление о толковании, согласно его формулировке, и не направлено на изменение договора, на это заявление тем не менее должен распространяться правовой режим, действующий в отношении оговорок²⁵⁷². Как было указано:

Поскольку государство, делающее заявление, настаивает на своем толковании, невзирая на подлинное толкование договора, оно преследует цель исключить или изменить условия договора. Следовательно, с таким заявлением следует связывать те же последствия, которые связаны с формулированием оговорок²⁵⁷³.

10) В случае же простых заявлений о толковании простое предложение толкования, которое не соответствует положениям договора, никак не изменяет положение его автора по отношению к договору. Он остается связанным договором и обязан его соблюдать. Эта позиция была также подтверждена профессором Макрэем:

[Г]осударство просто сообщает свое мнение по поводу толкования договора, каковое мнение может быть (а может и не быть) принято в арбитражном или судебном разбирательстве. Предлагая это толкование, государство не исключает ни последующих процедур, связанных с толкованием договора, ни возможности того, что его толкование будет отвергнуто. При условии, таким образом, что государство, делающее оговорку, по-прежнему исходит

заявления о толковании: по определению аутентичное толкование исходит от всех сторон (см. J. Salmon (ed.), *Dictionnaire de droit international public* (сноска 1013 выше), p. 604: «Interprétation émise par l'auteur ou par l'ensemble des auteurs de la disposition interprétée – notamment, pour un traité, par toutes les parties –, selon des formes telles que son autorité ne puisse être contestée» [Толкование, сформулированное автором или всеми авторами толкуемого положения, в частности, в случае договора, всеми участниками, таким образом, что авторитетность этого толкования не может быть поставлена под сомнение].

²⁵⁷² См. пункты 13–14) комментария к руководящему положению 1.4.

²⁵⁷³ McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), p. 161. См. также Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), pp. 147–148. Хейман считает, что условное заявление о толковании должно рассматриваться как оговорка только в том случае, когда договором учреждается орган, правомочный давать авторитетное толкование. В других случаях, по ее мнению, условное заявление о толковании никоим образом не может изменять положения договора (*ibid.*, pp. 148–150).

²⁵⁶⁶ Консультативное заключение от 18 июля 1950 года, *Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania* (см. сноску 157 выше), p. 229. См. также постановление от 27 августа 1952 года, *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco (ibid.)*, p. 196, и постановление от 18 июля 1966 года в *South West Africa* (сноска 2439 выше), p. 48, para. 91.

²⁵⁶⁷ Пункт 2 руководящего положения 1.1 (Определение оговорок).

²⁵⁶⁸ Совет Европы, Доклад Европейской комиссии по правам человека, 7 мая 1986 года, пункт 102.

²⁵⁶⁹ Пункт 1 статьи 31 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

²⁵⁷⁰ См. также McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), p. 161; Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen* (сноска 147 выше), p. 126; или Horn, *Reservations and Interpretative Declarations...* (сноска 25 выше), p. 326.

²⁵⁷¹ Представляется маловероятным, чтобы «аутентичное» толкование договора (т.е. толкование, которое было дано всеми участниками) сильно отличалось от толкования, данного автором

из того, что окончательное официальное толкование может отличаться от его точки зрения, нет никаких причин относиться к заявлению о толковании так же, как к попытке модифицировать или изменить договор²⁵⁷⁴.

11) Таким образом, хотя заявление о толковании не затрагивает нормативную значимость и обязательный характер обязательств, содержащихся в договоре, оно, тем не менее, не лишено последствий или роли в их толковании. Как уже было отмечено Комиссией при рассмотрении вопроса о действительности заявления о толковании²⁵⁷⁵, «[e]n vertu de sa souveraineté, chaque État a le droit d'indiquer le sens qu'il donne aux traités auxquels il est partie, en ce qui concerne» [в силу своего суверенитета каждое государство имеет право указывать смысл, который оно придает договорам, участником которых оно является, в том, что касается его самого]²⁵⁷⁶. Это соответствует определенной необходимости: адресаты правовой нормы должны непременно давать ей толкование, с тем чтобы применять ее и выполнять те обязательства, которые на них возложены²⁵⁷⁷.

12) Заявления о толковании представляют собой прежде всего выражение того понимания, которое стороны имеют в отношении своих международных обязательств, вытекающих из договора. Они представляют собой средство определения намерения, с которым договаривающиеся государства или договаривающиеся организации приняли на себя договорные обязательства. Именно в силу этого судебная практика²⁵⁷⁸ и доктрина подтвердили необходимость учета заявлений о толковании в договорном процессе в качестве элемента, относящегося к толкованию договора. Макрэй уточняет:

По сути именно в этом и заключается юридическое значение заявления о толковании: оно свидетельствует о намерении, в свете которого должен толковаться договор²⁵⁷⁹.

13) Согласно другой точке зрения, с одной стороны, толкование, которое не принято или которое принято только отдельными сторонами, не может представлять собой элемент толкования по смыслу статьи 31 Венской конвенции; с другой стороны,

Das schließt aber nicht aus, dass sie unter Umständen als Indiz für einen gemeinen Parteiwillen herangezogen werden könnte

[Это, однако, не исключает того, что оно может быть использовано при определенных условиях в качестве показателя общей воли сторон]²⁵⁸⁰.

²⁵⁷⁴ McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), p. 160.

²⁵⁷⁵ См. пункт 13) вводного комментария к руководящему положению 3.5.

²⁵⁷⁶ Daillier, Forteau and Pellet, *Droit international public...* (сноска 254 выше), p. 277.

²⁵⁷⁷ См. G. Abi-Saab, «"Interprétation" et "auto-interprétation": quelques réflexions sur leur rôle dans la formation et la résolution du différend international», в *Recht zwischen Umbruch und Bewahrung: Völkerrecht, Europarecht, Staatsrecht: Festschrift für Rudolf Bernhardt*, Berlin, Springer, 1995, p. 14.

²⁵⁷⁸ См. сноску 2568 выше.

²⁵⁷⁹ McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (сноска 129 выше), p. 169.

²⁵⁸⁰ Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen* (сноска 147 выше), p. 135.

14) Конституционный совет Франции подтвердил ту же точку зрения и недвусмысленно ограничил объект и роль заявления о толковании, сделанного правительством Франции, одним лишь толкованием договора: «Когда правительство Франции подписывало Хартию, оно также сделало заявление о толковании, указав значение и охват, которые оно намеревалось придать Хартии или некоторым ее положениям с учетом Конституции; одностороннее заявление такого рода является не более чем инструментом, связанным с договором, который в случае спора может быть использован для ее толкования»²⁵⁸¹.

15) Пункт 1 проекта руководящего положения 4.7.1 закрепляет эти два тезиса, ясно указывая на то, что, с одной стороны, заявление о толковании не влияет на права и обязательства, вытекающие из договора, а с другой стороны, что оно порождает свои последствия только в процессе толкования.

16) В силу самой природы акта толкования – которое представляет собой процесс и является скорее искусством, чем точной наукой²⁵⁸² – ценность того или иного толкования невозможно определить путем обобщения и абстрагирования, не обратившись к «общему правилу толкования», которое установлено статьей 31 Венских конвенций о праве международных договоров и которое никоим образом не может ставиться под сомнение или пересматриваться в связи с ведущейся в настоящее время работой²⁵⁸³. Поэтому в рамках данного Руководства проблема должна быть полностью сведена к вопросу об авторитетности толкования, предлагаемого в заявлении о толковании, и о его доказательственной ценности для независимых толкователей – т.е. о его месте и роли в процессе толкования.

17) В связи с первым вопросом – об авторитетности заявления, предлагаемого автором заявления о толковании, – не следует забывать о том, что согласно определению заявления о толковании такие заявления делаются в одностороннем порядке²⁵⁸⁴. Соответственно, предлагаемое в них толкование само по себе является не более чем односторонним толкованием; как таковое, оно не имеет какой-либо особой ценности и, безусловно, не может быть обязательным для других сторон договора. Этот принцип, подсказываемый здравым смыслом, уже был подтвержден Ваттелем:

²⁵⁸¹ Конституционный совет, решение № 99-412 DC от 15 июня 1999 года, *European Charter for Regional or Minority Languages, Official Gazette of the French Republic*, 18 июня 1999 года, p. 8965, para. 4.

²⁵⁸² См. пункты 11)–12) комментария к руководящему положению 3.5.

²⁵⁸³ Именно по этой причине в пункте 1 руководящего положения 4.7.1 делается ссылка на «общее правило толкования договоров», перекликающаяся с названием статьи 31 Венских конвенций, без углубления в сложные детали данного вопроса.

²⁵⁸⁴ См. доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят первой сессии, *Ежегодник... 1999 год*, том II (часть вторая), стр. 107–111.

Ни одна, ни другая сторона, заинтересованная в контракте или договоре, не может толковать его по собственному усмотрению²⁵⁸⁵.

18) В ходе обсуждения проекта статьи 70 (которая стала статьей 31 Венской конвенции 1969 года), подтверждая общее правило толкования, г-н Розенн высказал мнение,

что возможна такая ситуация, при которой, например, сенат Соединенных Штатов даст одностороннее толкование относительно смысла договора, которое не обязательно будет приемлемо для другой стороны. Такое чисто одностороннее заявление о толковании, сделанное в связи с заключением договора, не может иметь обязательной силы для сторон²⁵⁸⁶.

19) Апелляционный орган ВТО выразил ту же идею следующим образом:

Цель толкования договоров согласно статье 31 *Венской конвенции* заключается в том, чтобы установить *общие* намерения сторон. Эти *общие* намерения не могут быть установлены на основании субъективных «ожиданий» одного из участников договора, определенных им в одностороннем порядке²⁵⁸⁷.

20) Поскольку такое заявление отражает лишь одностороннее намерение его автора (или, в лучшем случае, при условии его одобрения рядом сторон, – разделяемое намерение²⁵⁸⁸), это заявление, вне всякого сомнения, не может иметь объективную ценность, противопоставимую *erga omnes*, и тем более не может иметь ценность аутентичного толкования, принятого всеми сторонами²⁵⁸⁹. Не имея решающего значения в отношении смысла, который следует придавать положениям договора, оно, тем не менее, оказывает некоторое влияние на процесс толкования.

21) При этом, однако, трудно с точностью определить, на каком основании заявление о толковании может быть отнесено к числу элементов толкования, указанных в статьях 31 и 32 Венских конвенций. В свое время еще сэр Хэмфри Уолдок весьма

осторожно высказал определенные сомнения по этому поводу:

Заявления о толковании не были рассмотрены Комиссией в настоящем разделе по той простой причине, что эти заявления не являются оговорками и, по всей видимости, относятся к толкованию, а не к заключению договоров. Представляется, что они в большей степени относятся к статьям 69–71. Эти статьи предусматривают, что «для целей толкования договора его контекст» понимается как охватывающий «любые соглашения или документы, которые относятся к договору и которые были достигнуты или составлены в связи с заключением договора» (пункт 2 статьи 69); что «наряду с контекстом» договора для целей его толкования также учитываются «любое соглашение между участниками относительно толкования договора» и «любая последующая практика применения договора, которая четко устанавливает согласие всех участников относительно его толкования» (пункт 3 статьи 69); что возможно обращение к «дополнительным средствам толкования», в том числе «к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора» (статья 70), и что термину может придаваться значение, отличное от его обычного значения, в том случае, если несомненно установлено, что участники имели намерение придать этому термину такое специальное значение. Каждое из этих положений может иметь значение при оценке юридических последствий заявления о толковании в каждом конкретном случае... По мнению Специального докладчика, Комиссия была совершено права, решив, что вопрос о заявлениях о толковании относится к статьям 69–71, а не к разделу об оговорках²⁵⁹⁰.

22) Включение заявлений о толковании в число факторов, учитываемых при толковании договора, зависит в первую очередь от контекста заявления и от согласия других государств-участников. Но особенно интересно отметить, что в 1966 году Специальный докладчик категорически отказался включать в понятие «контекста» односторонние заявления или соглашения *inter partes* в ответ на предложение Соединенных Штатов о внесении соответствующей поправки. Специальный докладчик тогда пояснил, что только при наличии определенной степени согласия со стороны других участников договора можно было бы включать заявления или соглашения *inter partes* в понятие контекста для целей толкования:

По существу пункта 2... в предложении правительства Соединенных Штатов о необходимости уточнения, охватывает ли понятие контекста 1) односторонний документ и 2) документ, согласованный несколькими, но не всеми участниками многостороннего договора, поднимаются проблемы как существа, так и формы, о которых Комиссия знала в 1964 году, но которые оказались непросито устранить. Но представляется очевидным, что односторонний документ, в принципе, не может рассматриваться как часть «контекста» для целей толкования договора, за исключением тех случаев, когда другие участники соглашаются с тем, что такой документ имеет значение для толкования договора или для определения условий принятия договора соответствующим государством. Аналогичным образом, если документ исходит от группы участников многостороннего договора, представляется, что по принципиальным соображениям значимость этого документа для целей толкования договора должна быть признана другими участниками. Вопрос о том, является ли «односторонний» или «групповой» документ частью контекста, зависит от конкретных обстоятельств каждого случая, и Специальный докладчик считает нецелесообразным для Комиссии выходить за рамки констатации ключевого принципа, заключающегося в необходимости явного или подразумеваемого согласия²⁵⁹¹.

²⁵⁸⁵ E. de Vattel, *The Law of Nations or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and to the Affairs of Nations and of Sovereigns*, Washington, D.C., Carnegie Institution of Washington, 1916, Book II, chap. XVII, p. 200, para. 265.

²⁵⁸⁶ *Ежегодник... 1964 год*, том I, 769-е заседание, 17 июля 1964 года, стр. 313 англ. текста, пункт 52.

²⁵⁸⁷ Доклад Апелляционного органа, *European Communities – Customs Classification of Certain Computer Equipment*, WT/DS62/AB/R, WT/DS67/AB/R, WT/DS68/AB/R, 5 июня 1998 года, пункт 84 (размещен на веб-сайте ВТО: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/ab_reports_e.htm).

²⁵⁸⁸ В этой связи Хейман поясняет: «Wird eine einfache Interpretationserklärung nur von einem Teil der Vertragsparteien angenommen, ist die interpretation partagée kein selbständiger Auslegungsfaktor im Sinne der [Wiener Vertragsrechtskonvention]. Dies liegt daran, dass bei der Auslegung eines Vertrags die Absichten aller Vertragsparteien zu berücksichtigen sind und die interpretation partagée immer nur den Willen einer mehr oder weniger großen Gruppe von Vertragsparteien zum Ausdruck bringt» [Если простое заявление о толковании принимается только частью договаривающихся сторон, такое разделяемое толкование не является самостоятельным фактором толкования по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров. Это объясняется тем, что в ходе толкования договора необходимо учитывать намерения всех сторон, тогда как разделяемое толкование выражает лишь волю более или менее многочисленной группы договаривающихся сторон], Neumann, *Einseitige Interpretationserklärungen* (сноска 147 выше), p. 135 (сноска опущена).

²⁵⁸⁹ Об этом случае см. руководящее положение 4.7.3 и комментарий к нему ниже.

²⁵⁹⁰ Четвертый доклад о праве международных договоров, *Ежегодник... 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1–2, стр. 49 англ. текста, пункт 2 (замечания Специального докладчика к проектам статей 18–20).

²⁵⁹¹ Шестой доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/CN.4/186 и Add.1–7, стр. 98 англ. текста, пункт 16.

23) Г-н Сапьенца также делает вывод о том, что заявления о толковании, которые не были одобрены другими участниками, не подпадают под действие подпункта *b*) пункта 2 статьи 31 Венских конвенций:

In primo luogo, ci si potrebbe chiedere quale significato debba attribuirsi all'espressione "accepté par les autres parties en tant qu'instrument ayant rapport au traité". Deve intendersi nel senso che l'assenso delle altre parti debba limitarsi al fatto che lo strumento in questione possa ritenersi relativo al trattato o, invece, nel senso che debba estendersi anche al contenuto dell'interpretazione? Ci pare che l'alternativa non abbia, in realtà, motivo di porsi, dato che il paragrafo 2 afferma che dei documenti in questione si terrà conto "ai fini dell'interpretazione". Dunque, l'accettazione delle altre parti nei confronti degli strumenti di cui alla lettera *b*) non potrà che essere un consenso a che l'interpretazione contenuta nella dichiarazione venga utilizzata nella ricostruzione del contenuto normativo delle disposizioni convenzionali cui afferisce, anche nei confronti degli altri Stati. [В первую очередь возникает вопрос о значении выражения «принято другими участниками в качестве документа, имеющего отношение к договору». Означает ли это, что согласие других участников должно ограничиваться признанием того, что рассматриваемый документ имеет отношение к договору, или оно должно распространяться и на содержание толкования? Нам представляется, что на самом деле вопрос о таком выборе не стоит, поскольку в пункте 2 подтверждается, что такие документы учитываются «для целей толкования». Следовательно, принятие другими сторонами документов, о которых говорится в подпункте *b*), может означать лишь согласие на использование толкования, предложенного в этом заявлении, в процессе выяснения нормативного содержания положений договора, даже по отношению к другим государствам]²⁵⁹².

24) И все же, хотя на первый взгляд может показаться, что такие заявления о толковании не подпадают под действие статей 31 и 32 Венских конвенций, они, тем не менее, представляют собой (одностороннее) выражение намерения одного из участников договора и поэтому могут играть определенную роль в процессе толкования.

25) В своем консультативном заключении по делу *International Status of South-West Africa* Международный Суд в связи с заявлениями Южно-Африканского Союза относительно его международных обязательств, установленных мандатом, отметил:

Эти заявления означают признание правительством [Южно-Африканского] Союза сохранения в силе своих обязательств в соответствии с мандатом и не являются простым заявлением относительно будущего поведения этого правительства. Толкование правовых документов, данное самими сторонами, хотя и не является достаточным для определения смысла, имеет, тем не менее, огромную доказательственную ценность в том случае, когда это толкование содержит признание одной из сторон своих обязательств по документу. В рассматриваемом случае заявления Южно-Африканского Союза служат подтверждением заключений, сделанных Судом²⁵⁹³.

²⁵⁹² Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali...* (сноска 129 выше), pp. 239–240. См. также *Oppenheim's International Law* (сноска 210 выше), p. 1268 («An interpretation agreed between some only of the parties to a multilateral treaty may, however, not be conclusive, since the interests and intentions of the other parties may have to be taken into consideration») («Однако толкование, согласованное лишь некоторыми из участников многостороннего договора, может и не быть решающим, поскольку интересы и намерения других участников, возможно, также должны быть учтены»).

²⁵⁹³ Консультативное заключение от 11 июля 1950 года, *International Status of South-West Africa* (см. сноску 167 выше), pp. 135–136.

26) Таким образом, Суд уточняет, что заявления государств относительно их международных обязательств имеют определенную «доказательственную ценность» для толкования условий правовых документов, в связи с которыми сделаны эти заявления, но они служат подтверждением уже выработанного другими способами толкования и тем самым подкрепляют его. В этом смысле заявление о толковании подтверждает толкование, основанное на объективных факторах, перечисленных в статьях 31 и 32 Венских конвенций.

27) В деле *Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine)*²⁵⁹⁴ Суд вновь рассмотрел вопрос о значении заявления о толковании. При подписании и ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву Румыния сделала следующее заявление о толковании:

Румыния заявляет, что в соответствии с требованиями справедливости, о которых говорится в статьях 74 и 83 Конвенции [Организации Объединенных Наций] по морскому праву, ненаселенные острова, не имеющие экономической жизни, не могут оказывать какого-либо влияния на делимитацию морских пространств, примыкающих к основному побережью прибрежных государств²⁵⁹⁵.

В своем решении Суд, однако, ограничился в отношении заявления Румынии следующим замечанием:

Что касается заявления Румынии... Суд отмечает, что статья 310 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву не запрещает государству формулировать такие заявления в момент подписания или ратификации Конвенции или присоединения к ней, при условии, что такие заявления не направлены на то, чтобы исключить или изменить юридическое действие положений Конвенции по морскому праву в их применении к государству, являющемуся их автором. Поэтому Суд будет применять соответствующие положения Конвенции по морскому праву в том толковании, которое он дает им в своей практике, в соответствии со Статьей 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. Заявление Румынии само по себе никак не влияет на толкование, даваемое Судом²⁵⁹⁶.

28) Столь безапелляционная формулировка может породить серьезные сомнения в том, имеют ли вообще какой-либо смысл заявления о толковании. Из нее можно заключить, что упомянутое заявление «никак не влияет» на толкование положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, даваемое Судом. Однако использованное в ней выражение «само по себе» вносит в эту радикальную формулировку определенный нюанс: Суд не считает себя обязанным руководствоваться односторонним толкованием, предложенным Румынией. Это, однако, не означает, что такое одностороннее толкование не может оказывать определенное влияние как средство доказывания или как фактор, который может быть использован при обосновании толкования, даваемого Судом «в соответствии со Статьей 31 Венской конвенции о праве международных договоров».

²⁵⁹⁴ Постановление от 3 февраля 2009 года, *Maritime Delimitation in the Black Sea* (см. сноску 743 выше), p. 61.

²⁵⁹⁵ *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. XXI.6.

²⁵⁹⁶ *Maritime Delimitation in the Black Sea* (см. сноску 743 выше), p. 78, para. 42.

29) Сходную позицию занял Европейский суд по правам человека. Вслед за Европейской комиссией по правам человека, ранее уже подтвердившей, что заявление о толковании «может учитываться при толковании статей Конвенции»²⁵⁹⁷, Суд избрал этот же подход при рассмотрении дела *Krombach v. France*: заявления о толковании могут подтверждать толкование, данное в соответствии с общепринятыми стандартами. Таким образом, для того чтобы определить, может ли вышестоящая судебная инстанция при рассмотрении уголовного дела ограничиваться анализом вопросов права, Суд сначала проанализировал практику государств, затем собственную практику по данному вопросу и в заключение сослался на заявление о толковании, сформулированное Францией:

Суд напоминает, что договаривающиеся государства в принципе обладают широкими полномочиями при определении порядка осуществления права, закрепленного в статье 2 Протокола № 7 к [Европейской] конвенции [по правам человека]. Поэтому в ходе пересмотра вышестоящей судебной инстанцией приговора или наказания могут затрагиваться как вопросы факта, так и вопросы права, либо исключительно вопросы права; более того, в ряде стран подсудимый, желающий обжаловать решение, в некоторых случаях обязан испрашивать разрешение на это. Однако любые ограничения, установленные национальным законодательством в отношении права на пересмотр, упомянутые в этом положении, должны, по аналогии с правом на судебное разбирательство, провозглашенным в пункте 1 статьи 6 Конвенции, преследовать законную цель и не должны затрагивать само существо этого права (см. дело *Haser v. Switzerland* (dec.), no. 33050/96, 27 апреля 2000 года, не содержится в сборнике судебных решений). Это положение само по себе согласуется с исключением, допускаемым пунктом 2 статьи 2, и подтверждается заявлением Франции относительно толкования этой статьи, которое гласит: «По смыслу пункта 1 Статьи 2 пересмотр вышестоящей судебной инстанцией может ограничиваться проверкой применения закона, как при кассационном производстве»²⁵⁹⁸.

30) Такое же вспомогательное значение придают своим заявлениям о толковании и сами государства. Так, в ходе прений по делу о *Legality of Use of Force (Yugoslavia v. United States of America)* представитель Соединенных Штатов Америки в обоснование своих доводов сослался, помимо прочего, на сделанное Соединенными Штатами заявление о толковании, в котором подчеркивается, что существенным элементом квалификации геноцида является наличие *mens rea specialis*:

Предусмотренное Конвенцией требование о наличии в таких обстоятельствах специального намерения было недвусмысленно подтверждено в заявлении Соединенных Штатов о толковании, сделанном при ратификации Конвенции. В этом заявлении о толковании указывается, что «деяния, совершенные в ходе вооруженных конфликтов без специального намерения, предусмотренного статьей II, не обладают всеми признаками преступления геноцида согласно определению, данному в этой Конвенции». Социалистическая Федеративная Республика Югославия не заявила возражений против этого заявления о толковании, и здесь заявитель не пытался поставить его под сомнение²⁵⁹⁹.

²⁵⁹⁷ См. сноску 2568 выше.

²⁵⁹⁸ Европейский суд по правам человека, постановление от 13 февраля 2001 года, *Krombach v. France*, Application no. 29731/96, *Reports of Judgments and Decisions, 2001-II*, para. 96.

²⁵⁹⁹ Доклад 1999/35, 12 мая 1999 года, стр. 9 оригинального текста (г-н Эндрьюс) (размещен на веб-сайте Международного Суда: www.icj-cij.org).

31) Таким образом, из практики и теоретического анализа следует, что заявления о толковании выполняют функцию исключительно вспомогательного или дополнительного средства толкования, которое подтверждает значение, выявляемое с помощью положений договора с учетом его объекта и цели. Поэтому сами по себе они не порождают последствий; последствия возможны в случаях, когда такие заявления связаны с другим инструментом толкования, который они чаще всего просто подкрепляют.

32) Следовательно, толкователь может ссылаться на заявления о толковании для обоснования своих выводов по поводу толкования договора или какого-либо из его положений. Эти заявления представляют собой выражение субъективного фактора толкования – намерения одного из государств-участников – и в силу этого могут служить подтверждением «обычного значения, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора». Выражения «соответственно» и «надлежащим образом», используемые в пункте 1 и пункте 2 руководящего положения 4.7.1, призваны подчеркнуть, что учет заявлений о толковании (и возможной реакции на них) зависит от конкретного случая и от обстоятельств.

33) В связи с этим следует, как указывается в пункте 2 руководящего положения 4.7.1, учитывать также возможную реакцию (одобрительную или отрицательную) на заявление о толковании со стороны других участников, потенциально также являющихся толкователями договора. Заявление о толковании, одобренное одним или несколькими государствами, безусловно, имеет большую доказательственную ценность для определения намерения участников, чем заявление о толковании, с которым выражено несогласие²⁶⁰⁰.

4.7.2 Последствия изменения или снятия заявления о толковании

Изменение или снятие заявления о толковании не может вызывать последствия, предусмотренные в проекте руководящего положения 4.7.1, в той мере, в какой другие договаривающиеся государства или договаривающиеся организации основывались на первоначальном заявлении.

Комментарий

1) Невзирая на вспомогательную роль, которая отводится заявлениям о толковании в руководящем положении 4.7.1, не следует забывать, что они представляют собой односторонние заявления, выражающие волю его автора в отношении принятия определенного толкования положений договора. Поэтому, хотя заявление как таковое не создает прав и обязательств для его автора или для других сторон договора, оно может помешать его автору воспользоваться позицией, противоречащей тому, что было им заявлено. Неважно, как называть это явление:

²⁶⁰⁰ См. McRae, «The legal effect of interpretative declarations» (см. сноску 129 выше), pp. 169–170.

эстоппелем или как-либо иначе²⁶⁰¹; речь в любом случае идет о неизбежном следствии принципа добросовестности²⁶⁰², т.е. о том, что в своих международных отношениях государство не может лицемерить. Оно не может заявить, что толкует какое-то положение договора одним образом, а перед судьей или в международном арбитраже занять противоположную позицию – во всяком случае, если другие стороны полагались на ранее заявленное им толкование. Как гласит десятый из принятых Комиссией в 2006 году Руководящих принципов, применимых к односторонним заявлениям государств:

Одностороннее заявление, которое порождает юридические обязательства для государства, делающего заявление, не может быть произвольно отозвано. При определении того, будет ли отзыв произвольным, следует учитывать:

(...) b) степень, в которой те, по отношению к кому взяты такие обязательства, полагаются на эти обязательства;²⁶⁰³.

2) Это не означает, что автор заявления о толковании обязан придерживаться предложенного им толкования, которое к тому же может оказаться

²⁶⁰¹ Как пояснил судья Альфаро в своем важном особом мнении, которое он приложил ко второму решению Суда по делу о *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand)*, «какой бы термин или термины ни употребляли для обозначения этого принципа, применяемого в международном праве, его суть от этого не меняется: противоречие между притязаниями или заявлениями государства и его предшествующим поведением в этом вопросе недопустимо (*allegans contraria non audiendus est*). Его цель не меняется: недопустимо, чтобы государство извлекало выгоду из своих собственных противоречий в ущерб другому государству (*nemo potest mutare consilium suum in alterius injuriam*). (...) И наконец, не меняются юридические последствия этого принципа: сторона, которая своим признанием, своим представлением, своим заявлением, своим поведением или своим молчанием занимала позицию, явно противоречащую праву, которое она пытается отстоять в международном судебном органе, не может претендовать на это право (*venire contra factum proprium non valet*)» (*Temple of Preah Vihear* (см. сноску 1435 выше), п. 40). См. также Постоянная палата международного правосудия, постановление от 12 июля 1929 года, *Serbian loans, Judgment No. 14, 1929, P.C.I.J., Series A, No. 20*, pp. 38–39; Международный Суд, постановление от 20 февраля 1969 года (*North Sea Continental Shelf* (сноска 1521 выше), п. 26, para. 30; постановление от 26 ноября 1984 года, *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* (сноска 2319 выше), п. 415, para. 51; или постановление от 13 сентября 1990 года, *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras), Application to Intervene, Judgment, I.C.J. Reports 1990*, p. 92, at p. 118, para. 63.

²⁶⁰² См. Международный Суд, постановление от 12 октября 1984 года, *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area* (сноска 339 выше), п. 305, paragraph 130. К тому же с этой точкой зрения согласуется доктрина. Так, более полувека назад Д. Боуэнт объяснял, что причина существования эстоппеля заключается в принципе добросовестности: «Основной нормы является общий принцип добросовестности, который в качестве такового воспринят во многих правовых системах» («*Estoppel before international tribunals and its relation to acquiescence*», *BYBIL*, vol. 33 (1957), p. 176 (сноски опущены)). См. также J. Crawford and A. Pellet, «Anglo Saxon and Continental approaches to pleading before the ICJ», в I. Buffard et al. (eds.), *International Law between Universalism and Fragmentation-Festschrift in Honour of Gerhard Hafner*, Leiden/Boston, Nijhoff, 2008, pp. 831–867.

²⁶⁰³ *Ежегодник... 2006 год*, том II (часть вторая), стр. 201. Согласно принципу 10, двумя другими факторами, которые следует учитывать при определении того, будет ли отзыв произвольным, являются: «a) все конкретные формулировки заявления, относящиеся к отзыву» и «с) степень, в которой имеет место коренное изменение обстоятельств» (там же, стр. 201–202). Те же два фактора, *mutatis mutandis*, могут иметь значение и при осуществлении руководящего положения 4.7.2.

необоснованным. Значимость толкования зависит от других обстоятельств и может оцениваться только в соответствии с правилами, регулирующими порядок толкования. Здесь нельзя не согласиться с анализом Боуэта:

Эстоппель основывается на представлении факта, тогда как поведение сторон при толковании своих соответствующих прав и обязанностей является, по всей видимости, скорее представлением права, нежели представлением факта. Однако в конечном итоге толкование прав и обязанностей сторон должен давать независимый международный суд, и было бы неверным позволять, чтобы поведение сторон при толковании этих прав и обязанностей становилось для них обязательным толкованием²⁶⁰⁴.

3) Следует, впрочем, напомнить, что, согласно руководящим положениям 2.4.8 (Изменение заявления о толковании) и 2.5.12 (Снятие заявлений о толковании), автор заявления о толковании вправе его изменить или снять в любой момент. При некоторых обстоятельствах снятие или изменение заявления о толковании может иметь определенное значение с точки зрения толкования договора, к которому это заявление относится. Комиссия, однако, решила не делать здесь прямой ссылки на два вышеупомянутых положения, поскольку они касаются процедурных аспектов, тогда как руководящее положение 4.7.2 фигурирует в том разделе Руководства по практике, который посвящен последствиям заявлений о толковании.

4) Так же как и автор заявления о толковании, государство или международная организация, одобившие это заявление, должны придерживаться аналогичных принципов по отношению к автору заявления: свое решение об одобрении они могут изменить или отозвать в любой момент при условии, что автор заявления (или третьи стороны) не полагались на это одобрение.

5) При этом, хотя заявление о толковании имеет обязательную силу лишь в весьма узком смысле, оно может служить основой для соглашения о толковании договора; с другой стороны, оно же может и препятствовать достижению такого соглашения²⁶⁰⁵. Макрэй в этой связи отмечает:

«Простое заявление о толковании» извещает о позиции, которую намерено занять государство, сделавшее такое заявление, и может стать предвестником возможного конфликта между этим государством и другими договаривающимися сторонами²⁶⁰⁶.

4.7.3 Последствия заявления о толковании, одобренного всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями

Заявление о толковании, одобренное всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, может представлять

²⁶⁰⁴ Bowett, «*Estoppel before international tribunals...*» (сноска 2602 выше), pp. 189–190. См. также McRae, «*The legal effect of interpretative declarations*» (сноска 129 выше), p. 168.

²⁶⁰⁵ Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), p. 129.

²⁶⁰⁶ McRae, «*The legal effect of interpretative declarations*» (сноска 129 выше), pp. 160–161 (сноски опущены).

собой соглашение по вопросу о толковании договора.

Комментарий

1) В свою очередь, согласие всех других участников договора с заявлением о толковании в корне меняет положение. В ходе обсуждений в Комиссии международного права сэра Хэмфри Уолдока напомнил, что Комиссия

согласилась с тем, что для определения значения заявлений участников для целей толкования необходимо убедиться в наличии в них указания на общее согласие сторон. Согласие других сторон является обязательным²⁶⁰⁷.

2) Единодушное согласие всех участников является, таким образом, подлинным соглашением о толковании, которое отражает волю «хозяев договора» и в силу этого представляет собой аутентичное толкование²⁶⁰⁸. Одним из примеров такого согласия стало единодушное одобрение договаривающимися государствами участниками Общего договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакта Бриана-Келлога) 1928 года заявления о толковании, сделанного Соединенными Штатами Америки относительно права на самооборону²⁶⁰⁹.

3) В этом случае по-прежнему непросто определить, частью какого контекста по отношению к договору – внутреннего (пункт 2 статьи 31 Венских конвенций) или внешнего (пункт 3 статьи 31) – является соглашение о толковании²⁶¹⁰. В действительности все зависит от обстоятельств, при которых было сделано заявление и при которых оно было одобрено другими участниками. Так, в случае, когда заявление сделано до подписания договора и одобрено в момент (или до момента) выражения всеми участниками согласия на обязательность для себя договора, это заявление в комплексе с его единодушным одобрением можно рассматривать как соглашение о толковании, которое может пониматься как «соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора» по смыслу пункта 2 а) статьи 31 или как «любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору» по смыслу пункта 2 b) той же статьи. Если, однако, соглашение о толковании достигается уже после заключения договора, может возникнуть вопрос о том, идет ли речь просто о «последующей

практике применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования» по смыслу пункта 3 b) статьи 31, или, в силу его формального характера, заявление в комплексе с его единодушным одобрением представляет собой подлинное «последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений» (пункт 3 a) статьи 31)²⁶¹¹.

4) Хотя этот вопрос и не был урегулирован Комиссией, в своем комментарии к статье 27 проекта статей от 1966 года (ставшей впоследствии пунктом 3 a) статьи 31 Венской конвенции 1969 года) она указала:

Иногда может возникать вопрос фактического характера относительно того, задумывалось ли достигнутое сторонами в ходе переговоров соглашение о смысле того или иного положения как основа для его толкования, или нет. Но если установлено, что соглашение о толковании того или иного положения было достигнуто до или во время заключения договора, оно, вне всякого сомнения, может рассматриваться как неотъемлемая часть договора. Так, при рассмотрении дела *Ambatielos* Суд заявил следующее: «...положения Декларации носят характер толковательных статей и как таковые должны рассматриваться как неотъемлемая часть Договора...». Аналогичным образом, соглашение о толковании того или иного положения, достигнутое после заключения договора, представляет собой аутентичное толкование сторон, которое должно рассматриваться как составляющая договора для целей его толкования²⁶¹².

5) Тем не менее при определенных обстоятельствах – на отсутствие автоматизма в данном случае указывает слово «может» – используемое в руководящем положении 4.7.3 единодушное одобрение всеми участниками заявления о толковании, сделанного одним из них, может рассматриваться как соглашение, а соглашение между участниками относительно толкования договора должно учитываться при толковании положений, к которым оно относится.

5. Оговорки, принятие оговорок, возражения против них и заявления о толковании в случае правопреемства государств

Комментарий

1) Часть 5 Руководства по практике, как свидетельствует ее название, касается вопроса об оговорках, принятии оговорок и возражений против них и заявлений о толковании в случае правопреемства государств. Эта часть состоит из следующих пяти разделов:

– Оговорки в случае правопреемства государств (5.1);

– Возражения против оговорок в случае правопреемства государств (5.2);

– Принятие оговорок в случае правопреемства государств (5.5);

²⁶⁰⁷ *Ежегодник... 1966 год*, том I (часть первая), 829-е заседание, 12 января 1966 года, стр. 47 англ. текста, пункт 53. См. также R. Kolb, *Interprétation et création du droit international*, Bruxelles, Bruylant, 2006, p. 609.

²⁶⁰⁸ См. сноску 2571 выше. См. также Neumann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), pp. 130–135; I. Voicu, *De l'interprétation authentique des traités internationaux*, Paris, Pedone, 1968, p. 134; или M. Herdegen, «Interpretation in international law», *Max Planck Encyclopedia of Public International Law* (www.mpepil.com), para. 34.

²⁶⁰⁹ AJIL, *Supplement*, vol. 23 (1929), pp. 1–13.

²⁶¹⁰ См. пункт 21) комментария к руководящему положению 4.7.1 выше.

²⁶¹¹ В этой связи см., в частности, Neumann, *Einseitige Interpretationserklärungen...* (сноска 147 выше), p. 130.

²⁶¹² *Ежегодник... 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, стр. 221 англ. текста, пункт 14) комментария (сноски опущены).

– Юридические последствия оговорок, принятия оговорок и возражений против них в случае правопреемства государств (5.4);

– Заявления о толковании в случае правопреемства государств (5.5).

2) Включение в Руководство по практике руководящих положений по этим вопросам тем более необходимо, поскольку:

– Венские конвенции 1969 и 1986 годов не содержат никаких положений на этот счет, разве что защитительную клаузулу, которая, по определению, не дает никаких указаний в отношении применимых правил²⁶¹³;

– Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года содержит единственное положение об оговорках (статья 20) следующего содержания:

Статья 20. Оговорки

1. Когда новое независимое государство устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства или участника многостороннего договора посредством уведомления о правопреемстве в соответствии со статьями 17 и 18, оно рассматривается как сохраняющее любую оговорку к этому договору, которая была действительной в момент правопреемства государств в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств, за исключением тех случаев, когда, делая уведомление о правопреемстве, оно выражает противоположное намерение или формулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу, что и вышеуказанная оговорка.

2. Делая уведомление о правопреемстве, устанавливающее его статус в качестве договаривающегося государства или участника многостороннего договора, новое независимое государство может сформулировать в соответствии со статьями 17 или 18 любую оговорку, кроме такой, которая исключается положениями подпунктов *a)*, *b)* или *c)* статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров.

3. В случае, когда новое независимое государство формулирует какую-либо оговорку в соответствии с пунктом 2, правила, изложенные в статьях 20–23 Венской конвенции о праве международных договоров, применяются в отношении этой оговорки.

3) Однако статья 20 Венской конвенции 1978 года отнюдь не рассматривает и тем более не решает комплекс проблем, которые могут возникать в области оговорок в случае правопреемства государств²⁶¹⁴. Прежде всего, следует отметить, что эта статья

содержится в части III Конвенции, касающейся «новых независимых государств», по смыслу пункта 1 *f)* статьи 2, т.е. государств, появившихся в результате деколонизации²⁶¹⁵, но оставляет нерассмотренным вопрос о нормах, применимых в случаях правопреемства государств в отношении части территории, объединения государств или отделения государств. Во-вторых, хотя пункт 1 статьи 20 предусматривает возможность для нового независимого государства формулировать новые оговорки и хотя из пункта 3 следует, что третьи государства могут сформулировать по этому случаю возражения, это положение обходит молчанием вопрос о том, могут ли они возражать против сохранения оговорки. Наконец, статья 20 Венской конвенции 1978 года не делает никакой ссылки на правопреемство в области возражений против оговорок, в то время как первоначальные предложения сэра Хэмфри Уолдока затрагивали этот вопрос²⁶¹⁶, и причины такого молчания не ясны²⁶¹⁷.

4) Настоящая часть Руководства по практике предназначена заполнить, насколько это возможно, данные пробелы и, в частности, охватывает другие случаи правопреемства государств, помимо тех, которые рассматриваются в статье 20 Венской конвенции 1978 года. Именно это разнообразие ситуаций и подчеркивает название этой части на английском языке: «Оговорки, принятие оговорок, возражения против оговорок и заявления о толковании в случаях [во множественном числе – «in cases»] правопреемства государств». Кроме того, в различных разделах в тексте на английском языке прямо указывается на различные случаи правопреемства государств с помощью использования существительного во множественном числе («cases»).

5) С учетом вышесказанного настоящая часть Руководства по практике не ставит под сомнение правила и принципы, закрепленные в Венской конвенции 1978 года. В частности, она основана на определении правопреемства государств, содержащемся в этом договоре²⁶¹⁸. В целом руководящие положения этой части Руководства воспроизводят терминологию Венской конвенции 1978 года, придают тот же смысл терминам и выражениям, употребляемым

²⁶¹³ Статья 73 Венской конвенции 1969 года сформулирована следующим образом: «Положения настоящей Конвенции не предпрещают ни одного из вопросов, которые могут возникнуть в отношении договора из правопреемства государств». Аналогичная защитительная клаузула содержится в пункте 1 статьи 74 Венской конвенции 1986 года.

²⁶¹⁴ См. в этой связи замечания, содержащиеся в первом докладе по вопросу о праве и практике, касающихся оговорок к международным договорам, *Ежегодник... 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, стр. 172 и 173, пункты 132–135. См. также там же, стр. 159–161, пункты 62–71, и второй доклад об оговорках к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Пелле, *Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/477 и Add.1, стр. 57, пункт 46, а также меморандум Секретариата об оговорках к международным договорам в контексте правопреемства государств, *Ежегодник... 2009 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/616, пункты 1–2.

²⁶¹⁵ Согласно подпункту *f)* пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1978 года «выражение "новое независимое государство" означает государство-преемник, территория которого непосредственно перед моментом правопреемства государств являлась зависимой территорией, за международные отношения которой было ответственно государство-предшественник».

²⁶¹⁶ См. пункт 3) комментария к руководящему положению 5.1.1 ниже.

²⁶¹⁷ См. Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), pp. 318–322.

²⁶¹⁸ Пункт 1 *b)* статьи 2: «"правопреемство государств" означает смену одного государства другим в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории»; см. также пункт 1 *a)* статьи 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов от 8 апреля 1983 года или статью 2 *a)* статей о гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств, принятых Комиссией на ее пятьдесят первой сессии (*Ежегодник... 1999 год*, том II (часть вторая), стр. 20 и далее) и содержащихся в приложении к резолюции 55/153 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2000 года.

в этой Конвенции и определенным в ее статье 2, и опираются в соответствующих случаях на различия между разными способами правопреемства государств, закрепленными в этом договоре, а именно:

- «правопреемство в отношении части территории» (статья 15);
- «новые независимые государства» (пункт 1 *f*) статьи 2 и статья 16 и последующие);
- «новые независимые государства, образовавшиеся из двух или нескольких территорий» (статья 30);
- «объединение государств» (статьи 31–33); и
- «отделение частей государства» (статьи 34–37).

6) Кроме того, составитель части 5 Руководства по практике исходит из того, что вопрос о правопреемстве государства в отношении международного договора уже урегулирован в качестве предварительного вопроса. Таков смысл слов «в случае, когда», с которых начинается целый ряд руководящих положений этой части и которые отсылают к явлениям, которые считаются урегулированными и к которым Комиссия не намеревается возвращаться в рамках рассмотрения этого вопроса. Таким образом, отправная точка рассуждения заключается в том, что государство-преемник обладает качеством договаривающегося государства и даже государства – участника договора вследствие правопреемства государств, а не в силу выражения им своего согласия на обязательность договора по смыслу статьи 11 Венской конвенции 1969 года²⁶¹⁹.

7) И наконец, по примеру Венской конвенции 1978 года²⁶²⁰, руководящие положения части 5 Руководства по практике касаются только оговорок, которые могли быть сформулированы государством-предшественником, которое на момент правопреемства государств являлось *договаривающимся государством* соответствующего договора²⁶²¹. С другой стороны, в них не рассматриваются оговорки, сформулированные государством-предшественником, которое на этот момент лишь подписало

²⁶¹⁹ «Согласие государства на обязательность для него договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, образующими договор, ратификацией договора, его принятием, утверждением, присоединением к нему или любым другим способом, о котором условились».

²⁶²⁰ См. статью 20.

²⁶²¹ В этой связи необходимо отметить, что формулировка статьи 20 Венской конвенции 1978 года несвободна от плеонастической избыточности, поскольку договаривающееся государство определено как государство, «которое согласилось на обязательность для него договора, независимо от того, вступил договор в силу [и в этом случае оно является также государством-участником] или нет» (пункт 1 *k*) статьи 2 Венской конвенции 1978 года, который воспроизводит пункт 1 *f*) статьи 2 Венской конвенции 1969 года). Поэтому добавление слов «или участника» вносит неясность. В силу этого Комиссия приняла решение сохранить это добавление только в тексте руководящего положения 5.1.1, которое точно воспроизводит формулировку статьи 20.

договор при условии его ратификации, принятия или одобрения, причем такой акт не имел места до момента правопреемства государств. Эти последние оговорки не могут считаться сохраненными в отношении государства-преемника, поскольку на момент правопреемства государств они не порождали никаких юридических последствий, если только они не были официально подтверждены указанным государством по случаю выражения согласия на обязательность договора, как того требует пункт 2 статьи 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов²⁶²².

5.1 Оговорки в случае правопреемства государств

5.1.1 Случай нового независимого государства

1. В случае, когда новое независимое государство устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства или участника многостороннего договора посредством уведомления о правопреемстве, оно рассматривается как сохраняющее любую оговорку к этому договору, которая была действительной в момент правопреемства государств в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств, за исключением тех случаев, когда, делая уведомление о правопреемстве, оно выражает противоположное намерение или формулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу, что и вышеуказанная оговорка.

2. В случае, когда новое независимое государство делает уведомление о правопреемстве, устанавливающее его статус в качестве договаривающегося государства или участника многостороннего договора, оно может сформулировать любую оговорку, кроме такой, которая исключалась бы положениями подпунктов *a*), *b*) или *c*) руководящего положения 3.1.

3. В случае, когда новое независимое государство формулирует оговорку в соответствии с пунктом 2, в отношении этой оговорки применяются соответствующие правила, закрепленные в части 2 Руководства по практике (Процедура).

4. Для целей настоящей части Руководства по практике выражение «новое независимое государство» означает государство-преемник, территория которого непосредственно перед моментом правопреемства государств являлась зависимой территорией, за международные отношения которой было ответственно государство-предшественник.

Комментарий

1) Руководящее положение 5.1.1 воспроизводит в пунктах 1–3 содержание статьи 20 Венской конвенции 1978 года. Это положение касается лишь случая «нового независимого государства» по смыслу пункта 1 *f*) статьи 2 Конвенции, а именно государства,

²⁶²² См. руководящее положение 2.2.1 и комментарий к нему выше.

получившего независимость в результате процесса деколонизации²⁶²³. Комиссия постановила включить этот проект руководящего положения в начало части 5 Руководства по практике, поскольку он основан на единственном положении Венской конвенции 1978 года, касающемся оговорок в связи с правопреемством государств.

2) Пункт 4 этого руководящего положения, у которого нет эквивалента в статье 20 Венской конвенции 1978 года, воспроизводит определение «нового независимого государства», фигурирующее в пункте 1 f) статьи 2 этой Конвенции. Это определение было воспроизведено в Руководстве по практике во избежание любой путаницы в отношении использования этого выражения, учитывая важное значение, которое приобретает проведение различия между государствами-преемниками, имеющими статус новых

²⁶²³ См. выше пункт 3) общего комментария к части 5 Руководства по практике. См. также меморандум Секретариата об оговорках к международным договорам в контексте правопреемства государств (сноска 2614 выше), пункт 2. Это ограничение сферы применения статьи 20 новыми независимыми государствами подтверждается тем фактом, что в ходе Конференции Организации Объединенных Наций о правопреемстве государств в отношении договоров 1977–1978 годов было предложено в отношении других случаев правопреемства включить положение, регулирующее вопрос об оговорках. Индия, например, отметила наличие пробела в Конвенции в этом отношении и, следовательно, необходимость включить статью об оговорках в часть Конвенции, касающуюся объединения и отделения государств (*Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия, Вена, 4 апреля – 6 мая 1977 года, Краткие отчеты пленарных заседаний и заседаний Комитета полного состава (A/CONF.80/16*, издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.78.V.8), Комитет полного состава, 28-е заседание, 26 апреля 1977 года, стр. 224, пункт 17). В свою очередь делегация Федеративной Республики Германии предложила новую статью 36-бис (там же, *том II, Возобновленная сессия, Вена, 31 июля – 23 августа 1978 года, Краткие отчеты пленарных заседаний и заседаний Комитета полного состава (A/CONF.80/16/Add.1*, издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.79.V.9), Комитет полного состава, 43-е заседание, 3 августа 1978 года, стр. 86, пункты 9–12), цель которой как раз заключалась в распространении правил об оговорках, которые были предусмотрены для новых независимых государств, на случаи правопреемства, указанные в части IV Конвенции:

«1. Если в соответствии со статьями 30, 31, 33 и 35 договор продолжает оставаться в силе в отношении государства-правопреемника или государство-правопреемник участвует иным образом в договоре, еще не вступившем в силу в отношении государства-предшественника, то считается, что в отношении государства-преемника сохраняются:

a) любые оговорки по этому договору, сделанные государством-предшественником в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств;

...

2. Независимо от пункта 1 государство-правопреемник может, тем не менее:

a) снять или изменить полностью или частично оговорку (подпункт a) пункта 1) или сформулировать новую оговорку при соблюдении условий, предусмотренных в договоре, и правил, изложенных в статьях 19, 20, 21, 22 и 23 Венской конвенции о праве международных договоров...».

(A/CONF.80/30, пункт 118, воспроизводится в *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций о правопреемстве государств в отношении договоров, том III, Сессия 1977 года и Возобновленная сессия 1978 года, Вена, 4 апреля – 6 мая 1977 года и 31 июля – 23 августа 1978 года, Документы конференции (A/CONF.80/16/Add.2*, издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.79.V.10), стр. 205).

независимых государств, и другими государствами при рассмотрении правовых вопросов, касающихся оговорок, возражений против оговорок, принятия оговорок и заявлений о толковании в случае правопреемства государств. Это ограничение сферы применения руководящего положения 5.1.1 отражено в его заголовке («Случай нового независимого государства»).

3) Происхождение норм, закрепленных в статье 20 Венской конвенции 1978 года и воспроизведенных в настоящем руководящем положении, восходит к предложению, содержащемуся в третьем докладе о правопреемстве в отношении договоров сэра Хэмфри Уолдока²⁶²⁴. Этот документ включал проект статьи 9, озаглавленный «Правопреемство в отношении оговорок к многосторонним договорам». Речь шла об определении позиции государства-преемника по отношению к оговоркам, принятию оговорок и возражениям против оговорок. После изложения ряда «логических принципов» и констатации того, что практика депозитариев, хотя и эволюционирует, не в полной мере это подтверждает, Специальный докладчик делает вывод о том, что «гибкий и прагматичный подход к проблеме правопреемства в отношении оговорок должен считаться предпочтительным»²⁶²⁵. Относительно оговорок сэра Хэмфри Уолдок предложил принять следующие правила:

– презумпция правопреемства в отношении оговорок государства-предшественника, если только государство-преемник не выразит противоположного намерения или если в силу своего объекта или цели оговорка должна считаться приемлемой лишь в отношении государства-предшественника (пункт 1 статьи 9); и

– возможность для государства-преемника сформулировать новые оговорки и в этом случае: a) государство-преемник считается аннулировавшим отличающиеся оговорки, сделанные государством-предшественником; и b) положения самого договора и Венской конвенции 1969 года применяются к оговоркам государства-преемника (пункт 2)²⁶²⁶.

4) В пункте 1 руководящего положения 5.1.1 предусматривается возможность инверсии презумпции, закрепленной в пункте 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года, согласно которой считается, что новое независимое государство сохраняет оговорки, сформулированные государством-предшественником. Тогда как в пункте 1 статьи 20 Конвенции в этой связи делается ссылка на новое независимое государство, которое закрепляет посредством уведомления о правопреемстве свой статус договаривающегося государства или стороны²⁶²⁷ многостороннего договора

²⁶²⁴ *Ежегодник... 1970 год*, том II, документ A/CN.4/224 и Add.1, стр. 29.

²⁶²⁵ Там же, стр. 56 и 60, пункты 2) и 11) комментария.

²⁶²⁶ Там же, стр. 56.

²⁶²⁷ По этому вопросу см. сноску 2621 выше.

согласно статье 17 или статье 18 этой Конвенции²⁶²⁸, ссылка на эти статьи была исключена из текста рассматриваемого руководящего положения. Она не была сочтена Комиссией необходимой, учитывая тот факт, что базовый принцип – *modus operandi* – всей части 5 Руководства по практике как раз и состоит в изложении идеи о том, что в нем применяются соответствующие нормы Венской конвенции 1978 года.

5) Эта презумпция, первоначально предложенная сэром Хэмфри Уолдоком в его третьем докладе²⁶²⁹,

²⁶²⁸ Эти положения гласят:

«Статья 17 – Участие в договорах, находившихся в силе в момент правопреемства государств»

1. С исключениями, предусмотренными пунктами 2 и 3, новое независимое государство может путем уведомления о правопреемстве установить свой статус в качестве участника любого многостороннего договора, который в момент правопреемства государств находился в силе в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств.

2. Пункт 1 не применяется, если из договора явствует или иным образом установлено, что применение этого договора в отношении нового независимого государства было бы несовместимо с объектом и целями этого договора или коренным образом изменило бы условия его действия.

3. Если из положений договора или из ограниченного числа участвовавших в переговорах государств и из объекта и целей договора следует, что участие в этом договоре любого другого государства требует согласия всех его участников, новое независимое государство может установить свой статус в качестве участника этого договора только при наличии такого согласия.

Статья 18 – Участие в договорах, не вступивших в силу к моменту правопреемства государств»

1. С исключениями, предусмотренными пунктами 3 и 4, новое независимое государство может путем уведомления о правопреемстве установить свой статус в качестве договаривающегося государства многостороннего договора, который не вступил в силу, если в момент правопреемства государств государство-предшественник являлось договаривающимся государством в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств.

2. С исключениями, предусмотренными пунктами 3 и 4, новое независимое государство может путем уведомления о правопреемстве установить свой статус в качестве участника многостороннего договора, который вступил в силу после момента правопреемства государств, если в момент правопреемства государств государство-предшественник являлось договаривающимся государством в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств.

3. Пункты 1 и 2 не применяются, если из договора явствует или иным образом установлено, что применение этого договора в отношении нового независимого государства было бы несовместимо с объектом и целями этого договора или коренным образом изменило бы условия его действия.

4. Если из положений договора или из ограниченного числа участвовавших в переговорах государств и из объекта и целей договора следует, что участие в этом договоре любого другого государства требует согласия всех его участников или всех договаривающихся государств, новое независимое государство может установить свой статус в качестве договаривающегося государства или участника этого договора только при наличии такого согласия.

5. Когда договор предусматривает, что для вступления его в силу необходимо наличие определенного числа договаривающихся государств, новое независимое государство, которое устанавливает в соответствии с пунктом 1 свой статус в качестве договаривающегося государства данного договора, рассматривается для целей указанного положения как договаривающееся государство, за исключением случаев, когда иное намерение явствует из данного договора или установлено иным образом».

²⁶²⁹ См. выше пункт 3) комментария к этому руководящему положению.

была впоследствии утверждена Комиссией, несмотря на предложения, которые позднее высказывались некоторыми государствами (Австралией, Бельгией, Канадой и Польшей), с тем чтобы перевернуть рассматриваемую презумпцию; указанные предложения не нашли поддержки у второго Специального докладчика по данному вопросу сэра Фрэнсиса Вэллета²⁶³⁰, и Комиссия также не восприняла эти предложения²⁶³¹.

6) Презумпция сохранения оговорок государства-предшественника не стала объектом широкого обсуждения на Конференции Организации Объединенных Наций по правопреемству государств в отношении договоров, проходившей в Вене 4 апреля – 6 мая 1977 года и 31 июля – 23 августа 1978 года. Хотя некоторые государства вновь предложили инвертировать эту презумпцию, руководствуясь принципом *tabula rasa*²⁶³², Комитет полного состава, а затем и сама Конференция утвердили предложенную Комиссией статью об оговорках (ставшую статьей 20) лишь с незначительными нюансами редакционного характера²⁶³³, и эта презумпция была сохранена в окончательном тексте статьи 20, принятой Конференцией.

7) Эта презумпция была уже предложена г-ном Д.П. О'Коннелом, Докладчиком Ассоциации международного права по вопросу о «Правопреемстве новых государств в отношении договоров и

²⁶³⁰ Первый доклад по вопросу о правопреемстве государств, подготовленный сэром Фрэнсисом Вэллетом, *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/278 и Add. 1–6, стр. 64–65, пункты 278–286.

²⁶³¹ Там же, том I, 1272-е заседание, 6 июня 1974 года, стр. 150–151, пункты 46–54, и там же, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 276, пункты 17)–18) комментария к статье 19.

²⁶³² Так, например, в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров 1977–1978 годов представитель Республики Танзания предложил поправку с целью инвертировать презумпцию сохранения оговорок, сформулированных государством-предшественником, и предусмотреть, что государство-преемник считается аннулировавшим оговорки, сформулированные государством-предшественником, если только оно не выразит иного намерения (см. *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия... (A/CONF.80/16)* (сноска 2623 выше), Комитет полного состава, 28-е заседание, 26 апреля 1977 года, пункт 37; и A/CONF.80/14, пункт 118 с) (воспроизводится в *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том III, Сессия 1977 года и Возобновленная сессия 1978 года, Документы Конференции... (A/CONF.80/16/Add.2)* (сноска 2623 выше), стр. 150). Представитель Объединенной Республики Танзания высказался таким образом в поддержку принципа *tabula rasa* применительно к оговоркам и также отметил, что оговорки, сформулированные государством-предшественником, могут и не соответствовать интересам государства-преемника (*Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия... (A/CONF.80/16)* (см. сноску 2623 выше), Комитет полного состава, 27-е заседание, 25 апреля 1977 года, пункт 79). Однако эта поправка была отклонена 26 голосами против 14 при 41 воздержавшемся (там же, 28-е заседание, пункт 41). В пользу обратной презумпции высказались также и другие делегации (там же, 28-е заседание, пункт 13 (Румыния), пункт 18 (Индия) и пункт 33 (Кения)).

²⁶³³ Там же, 28-е заседание, пункт 42.

некоторых других обязательств их предшественников»²⁶³⁴, за год до того, как ее поддержал сэр Хэмфри Уолдок²⁶³⁵. Она продиктована стремлением уважать реальные намерения государства-преемника, не создавая при этом необратимой ситуации: «если не презюмировать сохранение оговорок, то может возникнуть опасность совершения необратимых действий против подлинного намерения государства-преемника, а если это сохранение презюмировать и если эта презумпция не соответствует намерению государства-преемника, последнее всегда может аннулировать оговорки»²⁶³⁶.

8) Такое решение не является само собой разумеющимся, и оно стало объектом критики со стороны ученых. Так, по мнению Эмбера, «il n'y aucune raison pour penser que l'État n'étudierait pas le texte de la convention avec suffisamment de soin, pour savoir exactement les réserves qu'il veut maintenir, abandonner ou formuler» [нет никаких причин полагать, что государство не изучит текст конвенции достаточно внимательно, чтобы точно уяснить, какие оговорки оно захочет сохранить, снять или сформулировать]²⁶³⁷. Этот автор особо поставил под сомнение постулат, согласно которому оговорки государства-предшественника «nécessairement avantageuses pour l'État nouvellement indépendant... [L]es réserves constituant des dérogations, des limitations aux engagements de l'État, elles ne devraient pas pouvoir être présumées. Il serait au contraire normal de partir du principe que, en l'absence d'une déclaration de volonté formelle de sa part, un État est lié par l'ensemble du traité» [непрерменно будут выгодны для нового независимого государства... Оговорки, отражающие отступления, ограничения обязательств государства, не должны презюмироваться. Напротив, было бы правильно исходить из принципа, согласно которому в отсутствие формального волеизъявления со стороны государства, оно считается связанным договором в целом]²⁶³⁸.

²⁶³⁴ «Дополнительный пункт» № 10, предложенный Докладчиком Комитета по «правопреемству новых государств в отношении договоров и некоторых других обязательств их предшественников», Ассоциация международного права, Буэнос-Айресская конференция (1968 год), *Interim Report of the Committee on the Succession of New States to the Treaties and Certain Other Obligations of their Predecessors*, цитируется во втором докладе сэра Хэмфри Уолдока о правопреемстве государств в отношении договоров (*Ежегодник... 1969 год*, том II, документ A/CN.4/214 и Add.1 и 2, стр. 51, пункт 17): «Государство-правопреемник может сохранять лишь юридическое положение, которое является результатом подписи или ратификации его предшественника. Поскольку оговорка ограничивает это юридическое положение, из этого следует, что к договору присоединились (если это вообще произошло) с оговоркой».

²⁶³⁵ См. пункт 3) выше.

²⁶³⁶ Третий доклад о правопреемстве в отношении договоров, подготовленный сэром Хэмфри Уолдоком, *Ежегодник... 1970 год*, том II, документ A/CN.4/224 и Add.1, стр. 56 (пункт 12) комментария к статье 9); см. также приведенные примеры из практики в подтверждение этого решения, там же, стр. 56–58.

²⁶³⁷ Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 309.

²⁶³⁸ *Ibid.*, p. 310. Эмбер, таким образом, присоединяется к критическим замечаниям ряда государств (сноска 2632 выше), высказанным в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров 1977–1978 годов, в частности к замечаниям

9) В комментарии к проекту статьи 19, принятому в окончательном виде Комиссией, все же даны убедительные пояснения в пользу презумпции сохранения оговорок, сформулированных государством-предшественником:

Во-первых, презумпция намерения сохранить оговорки присуща самому понятию правопреемства в отношении договоров государства-предшественника. Во-вторых, не следует в целом полагать, что государство приняло на себя более обременительные обязательства, если оно не заявило особо о своем намерении сделать это; а если на основании лишь молчания нового независимого государства считать, что оно отказывается от оговорок своего предшественника, то это значило бы возложить на него более обременительные обязательства. В-третьих, если презумпция сохранения оговорок не будет принята, фактическое намерение нового независимого государства может быть неоправданно сорвано, в то время как, если она будет принята и не будет соответствовать намерению нового независимого государства, последнее может всегда исправить дело путем снятия оговорок²⁶³⁹.

10) Эту позицию к тому же, как представляется, поддерживает большинство ученых, которые выступают за презумпцию сохранения оговорок государства-предшественника. Так, О'Коннелл поясняет:

Поскольку государство, которое делает оговорку к многосторонней конвенции, берет на себя обязательства по конвенции только со сделанной к ней оговоркой, его государство-преемник логически не может быть правопреемником в отношении конвенции без оговорок. Если оговорка является для него неприемлемой, то ему надлежит попросить депозитария устранить ее и уведомить об этом всех участников²⁶⁴⁰.

Кроме того, Гая полагает, что:

Мнение, согласно которому оговорки государства-предшественника сохраняются, также основано на разумном предположении о том, что когда новое независимое государство решает стать участником какого-либо договора путем уведомления о правопреемстве, в принципе оно желает, чтобы договор продолжал применяться к его территории так же, как он применялся до достижения независимости²⁶⁴¹.

11) В этой презумпции можно увидеть логическое следствие того, что правопреемство в отношении договора со стороны нового независимого государства, несмотря на его добровольный характер, действительно представляет собой правопреемство, которое следует отличать от присоединения. И поскольку речь идет о правопреемстве, представляется разумным презюмировать, что договорная связь передается государству-преемнику в том виде, в котором она была изменена посредством оговорок, сформулированной государством-предшественником.

представителя Танзании, который выступал в пользу принципа *tabula rasa* в вопросе оговорок, отметив также, что оговорки, сформулированные государством-предшественником, могут и не соответствовать интересам государства-преемника.

²⁶³⁹ *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 276, пункт 17) комментария к статье 19.

²⁶⁴⁰ D.P. O'Connell, *State Succession in Municipal Law and International Law*, Cambridge Studies in International and Comparative Law, No. 7, vol. II: International Relations, Cambridge, Cambridge University Press, 1967, p. 229 (сноска опущена).

²⁶⁴¹ G. Gaja, «Reservations to treaties and the newly independent States», *The Italian Yearbook of International Law*, vol. I (1975), p. 55. См. также Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), p. 206; также P.K. Menon, «The newly independent States and succession in respect of treaties», *Korean Journal of Comparative Law*, vol. 18 (1990), p. 152.

12) Впрочем, как следует из последней части фразы пункта 1 настоящего руководящего положения, презумпция сохранения новым независимым государством оговорок, сформулированных государством-предшественником, не является неопровержимой. Она меняется на обратную не только, когда государство-преемник при уведомлении о правопреемстве прямо выражает «противоположное намерение», но и когда это государство формулирует оговорку, «относящуюся к тому же вопросу», что и оговорка, сформулированная государством-предшественником. Точная формулировка этого второго случая стала предметом обсуждений в Комиссии международного права при разработке данного положения.

13) Сэр Хэмфри Уолдок в своем третьем докладе о правопреемстве в отношении договоров предложил иную формулировку, предусматривающую изменение презумпции сохранения оговорок государства-предшественника в обратную сторону в случае, если государство-преемник сформулирует «оговорки, отличные от тех, которые применялись на дату правопреемства»²⁶⁴². В своем проекте статьи 15, принятом в первом чтении в 1972 году, Комиссия сохранила решение, согласно которому презумпция сохранения оговорок государства-предшественника должна быть изменена в обратную сторону, если государство-преемник сформулирует новую оговорку, «относящуюся к тому же вопросу и несовместимую с [оговоркой, сформулированной государством-предшественником]»²⁶⁴³. Однако, согласившись с предложением Замбии и Соединенного Королевства, назначенный Специальным докладчиком сэр Фрэнсис Вэллет в своем первом докладе в 1974 году возвращается если не к букве, то уж точно к духу предложения сэра Хэмфри Уолдока, называя это изменение незначительным, отказываясь от критерия «несовместимости» и ограничиваясь положением о несохранении оговорок государства-предшественника в случае, когда государство-преемник формулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу²⁶⁴⁴. Посредством нового изменения редакционного характера Комиссия согласилась с ним в этом вопросе²⁶⁴⁵.

14) Следует отметить, что редакция, которая в конечном счете была принята Комиссией и которая была закреплена в Венской конвенции 1978 года, стала объектом критики со стороны ученых, поскольку в ней наблюдался отход от критерия «несовместимости» между оговоркой, сформулированной государством-предшественником, и оговоркой, сформулированной государством-преемником²⁶⁴⁶.

²⁶⁴² *Ежегодник... 1970 год*, том II, документ A/CN.4/224 и Add.1, стр. 56, проект статьи 9, пункт 1 а).

²⁶⁴³ *Ежегодник... 1972 год*, том II, документ A/8710/Rev.1, стр. 346, пункт 1 а).

²⁶⁴⁴ *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/278 и Add.1–6, стр. 65, пункт 287.

²⁶⁴⁵ Там же, документ A/9610/Rev.1, стр. 270 и 271 (статья 19).

²⁶⁴⁶ См. Gaja, «Reservations to treaties...» (сноска 2641 выше), стр. 59–60.

Однако по предложению сэра Фрэнсиса Вэллета²⁶⁴⁷ Комиссия в конечном итоге в своем окончательном проекте статьи отказалась от этого требования по прагматическим соображениям, которые она поясняет в комментарии к соответствующей статье, принятой во втором чтении в 1974 году:

...может оказаться трудным применять принцип несовместимости [предусматриваемый в пункте 1], и что если новое независимое государство формулирует оговорку, касающуюся того же вопроса, что и оговорка, сформулированная государством-предшественником, то можно разумно предполагать, что оно намеревается снять эту последнюю оговорку²⁶⁴⁸.

15) В пункте 2 руководящего положения 5.1.1 воспроизводится формулировка пункта 2 статьи 20 Венской конвенции 1978 года. Он признает за новым независимым государством право формулировать оговорки при уведомлении о правопреемстве к договору. Это право обусловлено соблюдением общих условий, предусмотренных положениями подпунктов а), b) и с) статьи 19 Венской конвенции 1969 года и подтверждаемых в руководящем положении 3.1, на которое в пункте 2 рассматриваемого руководящего положения содержится ссылка. Кроме того, пункт 3 статьи 20 Венской конвенции 1978 года гласит, что правила, изложенные в статьях 20–23 Венской конвенции 1969 года, применяются к оговоркам, сформулированным новым независимым государством при уведомлении о правопреемстве. Учитывая тот факт, что соответствующие нормы, касающиеся формулирования оговорки, должным образом оговариваются в части 2 Руководства по практике, в пункте 3 этого руководящего положения содержится ссылка на эту часть Руководства²⁶⁴⁹.

16) В своем комментарии к проекту статьи 19 Комиссия отметила, что существование у нового независимого государства права формулировать оговорки к договору, в отношении которого оно уведомляет о своем правопреемстве, как представляется, подтверждается практикой²⁶⁵⁰. В поддержку этого

²⁶⁴⁷ Первый доклад о правопреемстве государств в отношении договоров, подготовленный сэром Фрэнсисом Вэллетом, *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/278 и Add.1–6, стр. 61–63.

²⁶⁴⁸ Там же, документ A/9610/Rev.1, стр. 276, пункт 18) комментария к статье 19.

²⁶⁴⁹ Ниже приводится перечень соответствий между положениями Венской конвенции 1969 года и положениями Руководства по практике:

Статья 20 Венской конвенции 1969 года: пункт 1 = руководящие положения 2.8.1 и 2.8.2 (с незначительными редакционными изменениями); пункт 2 = руководящее положение 2.8.7 (то же); пункт 3 = руководящее положение 2.8.8 (то же); пункт 4 а): руководящее положение 4.2.1; пункт 4 b) = руководящее положение 2.6.7 (с незначительными редакционными изменениями); пункт 5 = руководящее положение 2.8.2 (то же).

Статья 21: руководящее положение 4.2.4.

Статья 22: пункт 1 = руководящее положение 2.5.1 (с редакционными изменениями); пункт 2 = руководящее положение 2.7.1 (то же); пункт 3 а) = руководящие положения 2.5.8 и 2.5.9 (то же); пункт 3 b) = руководящее положение 2.7.5 (то же).

Статья 23: пункт 1 = руководящие положения 2.1.1, 2.6.5 и 2.8.4 (то же); пункт 2 = руководящее положение 2.2.1 (то же); пункт 3 = руководящее положение 2.8.6 (то же); пункт 4 = руководящие положения 2.5.2 и 2.7.2 (то же).

²⁶⁵⁰ *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 273–275, пункты 7)–12).

решения в своем третьем докладе о правопреемстве государств в отношении договоров сэра Хэмфри Уолдок, в частности, опирался на практику Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, который неоднократно признавал такое право за новыми независимыми государствами, при этом его позиция не вызывала возражений со стороны государств²⁶⁵¹. Второй Специальный докладчик, также исходя из «практических» соображений, выступал за признание права нового независимого государства формулировать свои собственные оговорки при уведомлении о правопреемстве²⁶⁵².

17) Мнение двух Специальных докладчиков владело в Комиссии, которая, как свидетельствует комментарий к проекту статьи 19, принятой в окончательном виде, оказалась перед выбором между двумя вариантами:

а) отказаться рассматривать в качестве подлинного инструмента правопреемства любое уведомление о правопреемстве, снабженное новыми оговорками, и юридически считать его присоединением; или б) признать за ним характер правопреемства, однако применять к нему в то же время правовые нормы, касающиеся оговорки, как если бы речь шла о совершенно новом выражении согласия на обязательства договора.

Опираясь на практику Генерального секретаря и в духе «гибкости», Комиссия выбрала второй вариант, подчеркнув также, что он позволяет облегчить доступ новому независимому государству к договору, который не был «по техническим причинам открыт для его участия посредством иной процедуры, помимо правопреемства»²⁶⁵³.

18) На Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров 1977–1978 годов делегация Австрии выступила против этого варианта (действительно слабо совместимого с точки зрения чисто правовой логики с предшествующим пунктом) и вследствие этого предложила исключить пункты 2 и 3 этого положения, которое станет статьей 20 Венской конвенции 1978 года²⁶⁵⁴. Австрия заявила, что признавать за новым независимым государством право формулировать новые оговорки при уведомлении о правопреемстве «означало бы руководствоваться ошибочной концепцией понятия правопреемства»²⁶⁵⁵ и что «если новое независимое государство хочет формулировать оговорки, оно должно использовать процедуру ратификации или присоединения, предусмотренную для того,

чтобы стать участником многостороннего договора»²⁶⁵⁶. Однако поправка Австрии была отклонена 39 голосами против 4 при 36 воздержавшихся²⁶⁵⁷. Государства, которые на Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров выступали против поправки Австрии, приводили различные доводы, среди которых фигурировало стремление не допустить того, чтобы новое независимое государство было вынуждено соблюдать процедуры ратификации более сложные, чем процедуры, предусмотренные Комиссией международного права»²⁶⁵⁸, предполагаемая несовместимость поправки Австрии с принципом самоопределения²⁶⁵⁹ или с принципом *tabula rasa*²⁶⁶⁰, необходимость быть реалистом, а не «пуристом»²⁶⁶¹, или же то обстоятельство, что правопреемство государств не является «наследованием в юридическом смысле слова или передачей прав и обязательств»²⁶⁶². Часть ученых поддержала эти критические замечания²⁶⁶³, в то время как другие авторы полагали, что «право делать оговорки является вовсе не правом, передаваемым в порядке правопреемства, а одной из прерогатив совокупности высших властных полномочий, которые составляют реальную компетенцию суверенного государства...» и что «институт признания этого права [открытый для нового независимого государства] может рассматриваться как "прагматичное" решение, которое учитывает "неавтоматический", а добровольный характер правопреемства в отношении договоров со стороны новых независимых государств»²⁶⁶⁴.

19) Кроме того, закрепленные в статье 20 Венской конвенции 1978 года принципы не столь обязательны и достаточно гибки, чтобы удовлетворить самую разнообразную практику, о чем свидетельствует практика, складывающаяся в контексте правопреемства в отношении договоров, сдаваемых на хранение

²⁶⁵⁶ Там же. См. также 28-е заседание, 26 апреля 1977 года, пункт 30.

²⁶⁵⁷ Там же, 28-е заседание, пункт 40.

²⁶⁵⁸ Там же, 27-е заседание, пункт 71 (Нидерланды).

²⁶⁵⁹ Там же, пункт 73 in fine (Алжир) и пункт 89 (Гайана).

²⁶⁶⁰ Там же, пункт 86 (Мадагаскар).

²⁶⁶¹ Там же, пункт 77 (Польша).

²⁶⁶² Там же, 28-е заседание, пункт 7 (Израиль). По мнению представителя Израиля: «Новое независимое государство... просто будет иметь право выбора установить свой статус в качестве участника договора в силу юридической связи, созданной его предшественником. Оно имеет право уведомить о своем собственном согласии считаться самостоятельным участником договора, и это не то же самое, что право занять место своего предшественника. Смысл статьи 19 заключается в том, что новое независимое государство должно "считаться" сохранившим свое правопреемство в отношении договора. Иными словами, уведомление о правопреемстве представляет собой независимый акт, выражение собственной воли государства-преемника».

²⁶⁶³ См. K. Zemanek, «State succession after decolonization», *Collected Courses of The Hague Academy of International Law*, vol. 116 (1965), pp. 234 and 235; A. Gonçalves Pereira, *La succession d'États en matière de traité*, Paris, Pedone, 1969, pp. 175–176, footnote 50; и H. Bokor-Szegő, *New States and International Law*, Budapest, Akadémiai Kiadó, 1970, p. 100.

²⁶⁶⁴ M.G. Marcoff, *Accession à l'indépendance et succession d'États aux traités internationaux*, Fribourg, Éditions universitaires, 1969, p. 346. См. меморандум Секретариата об оговорках к международным договорам в контексте правопреемства государств (сноска 2614 выше), пункт 22.

²⁶⁵¹ *Ежегодник... 1970 год*, том II, документ A/CN.4/224 и Add.1, стр. 56–58.

²⁶⁵² Первый доклад о правопреемстве государств в отношении договоров, подготовленный сэром Фрэнсисом Вэллетом, *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/278 и Add.1–6, стр. 66, пункты 291–294.

²⁶⁵³ Пункт 20) комментария к проекту статьи 19 (там же, документ A/9610/Rev.1, стр. 276–277).

²⁶⁵⁴ *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия... (A/CONF.80/16) (сноска 2623 выше)*, 27-е заседание Комитета полного состава, 25 апреля 1977 года, пункты 59–64.

²⁶⁵⁵ Там же, пункт 60.

Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций:

а) часто бывало так, что новое независимое государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении конкретного договора, при этом никак не упоминая вопрос об оговорках; в этом случае Генеральный секретарь включал это новое независимое государство в список государств-участников соответствующего договора, ничего не говоря о судьбе оговорок, сформулированных государством-предшественником²⁶⁶⁵;

б) некоторые новые независимые государства прямо заявили о сохранении оговорок, сформулированных государством-предшественником²⁶⁶⁶;

в) в других случаях новое независимое государство по сути вновь сформулировало те же самые оговорки, что и оговорки, сделанные государством-предшественником²⁶⁶⁷;

г) иногда новое независимое государство сохраняло оговорки, сформулированные государством-предшественником, добавляя новые оговорки²⁶⁶⁸;

е) или оно «редактирует» оговорки, сформулированные государством-предшественником²⁶⁶⁹;

ж) в отдельных случаях новое независимое государство аннулировало оговорки государства-предшественника, сформулировав новые оговорки²⁶⁷⁰.

Все эти случаи являются приемлемыми с точки зрения содержания статьи 20, одним из главных достоинств которой, безусловно, является ее гибкость.

20) В соответствии с пунктом 2 статьи 20 Венской конвенции 1978 года «новое независимое государство может сформулировать в соответствии со статьями 17 и 18 любую оговорку, кроме такой, которая исключается положениями подпунктов а), б) или с) статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров [1969 года]. Пункт 2 руководящего положения 5.11 служит напоминанием о том, что на любую оговорку, сформулированную новым независимым государством при уведомлении о

²⁶⁶⁵ См., например, *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. IV.2: Соломоновы Острова осуществили правопреемство в отношении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации без каких-либо упоминаний об оговорках государства-предшественника (Соединенное Королевство), оговорках, которые не воспроизводятся в отношении Соломоновых Островов. То же самое можно сказать по поводу правопреемства Сенегала и Туниса в отношении Конвенции о статусе беженцев 1951 года (*ibid.*, chap. V.2).

²⁶⁶⁶ Гамбия, Кипр и Тувалу (*ibid.*, Конвенция о статусе беженцев 1951 года, chap. V.2).

²⁶⁶⁷ Фиджи и Ямайка (*ibid.*).

²⁶⁶⁸ Ботсвана и Лесото (*ibid.*, Конвенция о статусе апатридов 1954 года, chap. V.3).

²⁶⁶⁹ Фиджи (*ibid.*).

²⁶⁷⁰ Замбия (*ibid.*), Зимбабве (*ibid.*, Конвенция о статусе беженцев, chap. V.2).

правопреемстве, распространяется условие материальной действительности, изложенное в подпунктах а), б) и с) руководящего положения 3.1, которое воспроизводит статью 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

21) Пункт 3 руководящего положения 5.1.1 служит напоминанием о том, что правила части 2 (Процедура) в Руководстве по практике применяются к оговоркам, формулируемым новым независимым государством при направлении уведомления о правопреемстве. Это согласуется с пунктом 3 статьи 20 Венской конвенции 1978 года, согласно которому «в случае, когда новое независимое государство формулирует какую-либо оговорку в соответствии с пунктом 2, правила, изложенные в статьях 20–23 Венской конвенции о праве международных договоров, применяются в отношении этой оговорки». Ссылка, в частности, сделана на пункт 4 с) статьи 20 Венской конвенции 1969 года, который предусматривает, что «акт, выражающий согласие государства на обязательность для него договора и содержащий оговорку, приобретает силу, как только по крайней мере одно из других Договаривающихся государств примет эту оговорку». Отсюда следует, что уведомление о правопреемстве, содержащее оговорку, вступает в силу только с этой датой.

22) Хотя статья 20 Венской конвенции 1978 года применяется только к оговоркам, сформулированным в отношении договоров между государствами, руководящее положение 5.1.1 также охватывает, по примеру других руководящих положений, составляющих Руководство по практике, оговорки к договорам между государствами и международными организациями.

5.1.2 Случай объединения или отделения государств

1. С учетом положений руководящего положения 5.1.3 государство-преемник, являющееся участником договора в результате объединения или отделения государств, рассматривается как сохраняющее любую оговорку к договору, который на момент правопреемства применялся в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, за исключением случаев, когда в связи с правопреемством оно уведомляет о намерении не сохранять одну или более оговорок государства-предшественника.

2. Государство-преемник, являющееся участником договора в результате объединения или отделения государств, не может ни формулировать новую оговорку, ни расширять сферу действия сохраняемой оговорки.

3. В случае, когда государство-преемник, образовавшееся в результате объединения или отделения государств, делает уведомление, посредством которого оно устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для

государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник являлось договаривающимся государством, это государство рассматривается как сохраняющее любую оговорку к договору, который на момент правопреемства применялся в отношении территории, затрагиваемой правопреемством государств, за исключением случаев, когда в связи с правопреемством оно уведомляет о противоположном намерении или формулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу, что и вышеуказанная оговорка. Это государство-преемник может сформулировать новую оговорку к договору.

4. Государство-преемник может сформулировать оговорку в соответствии с пунктом 3 только в том случае, если эта оговорка не относится к числу тех, формулирование которых исключалось бы положениями пунктов а), b) или с) руководящего положения 3.1. В отношении этой оговорки применяются соответствующие правила, установленные в части 2 Руководства по практике (Процедура).

Комментарий

1) Как на это указывает его название, настоящее руководящее положение касается случаев объединения или отделения государств. Эти случаи не охватываются статьей 20 Венской конвенции 1978 года и руководящим положением 5.1.1, которое действует лишь в отношении новых независимых государств, а именно государств, возникших в результате процесса деколонизации²⁶⁷¹. Настоящее руководящее положение направлено также на то, чтобы восполнить пробел в Венской конвенции. Ввиду общего характера этого руководящего положения, которое охватывает случаи отделения государства, а также случаи объединения двух или более государств, понятие «государство-предшественник» следует понимать в случае объединения государств как охватывающее любое из государств-предшественников или несколько таких государств.

2) В руководящем положении 5.1.2 рассматриваются отдельно два случая. Пункты 1 и 2 касаются случая, когда государство-преемник, образовавшееся в результате объединения или отделения государств, становится *ipso jure* участником договора, а пункт 3 касается случая, когда такое государство-преемник становится участником договора лишь посредством уведомления, в котором оно выражает свое желание стать участником договора. Хотя презумпция сохранения оговорок государства-предшественника применима в обоих рассматриваемых случаях²⁶⁷², различие между двумя случаями оказывается решающим в том, что касается права формулировать новые оговорки, которое признается за государством, образовавшимся в результате объединения или отделения государств, лишь тогда, когда присоединение

к договору в порядке правопреемства носит добровольный характер²⁶⁷³.

3) Содержащаяся в пунктах 1 и 2 настоящего руководящего положения ссылка на «государство-преемник, являющееся участником договора в результате объединения или отделения государств», была сохранена, с тем чтобы указать на то, что здесь речь идет о случае, когда правопреемство в отношении договора происходит *ipso jure*, а не на основе соответствующего уведомления государства-преемника. Согласно Части IV Венской конвенции 1978 года, речь идет, применительно к государству, образовавшемуся в результате объединения или отделения государств, о договорах, находившихся в силе в момент правопреемства государств для любого из государств-предшественников; действительно, эти договоры в принципе²⁶⁷⁴ остаются в силе в отношении государства, образовавшегося в результате объединения двух или нескольких государств²⁶⁷⁵. Аналогичное решение предусмотрено для случая государства, образовавшегося в результате отделения государств, применительно к договорам, которые на момент правопреемства государств находились в силе в отношении всей территории государства-предшественника, а также применительно к договорам, находившимся в силе только в отношении той части территории государства-предшественника, которая стала территорией государства-преемника²⁶⁷⁶. При этом в Комиссии отмечалось, что практика государств и депозитариев не представляется согласованной в смысле признания автоматического характера правопреемства в отношении договоров в контексте отделения или объединения государств.

4) В любом случае, согласно Венской конвенции 1978 года, правопреемство государства, образовавшегося в результате объединения или отделения государств, не происходит *ipso jure* в отношении договоров, применительно к которым государство-предшественник было договаривающимся государством на момент правопреемства государств, но которые на этот момент не находились в силе в отношении данного государства. В этих случаях правопреемство в отношении договора носит добровольный характер и предполагает уведомление, в котором государство-преемник устанавливает, в соответствующих случаях, свой статус договаривающегося государства в отношении данного договора²⁶⁷⁷. Эти случаи рассматриваются в пункте 3 настоящего руководящего положения.

5) Пункты 1 и 3 этого руководящего положения распространяют на два рассматриваемых в них разных случая презумпцию сохранения оговорок государства-предшественника, которая ясно предусмотрена в пункте 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года

²⁶⁷³ См. ниже пункты 11)–15) настоящего комментария.

²⁶⁷⁴ В статьях 31 и 34 Конвенции допускаются исключения, обусловленные наличием ясно выраженного или молчаливого согласия сторон.

²⁶⁷⁵ См. статью 31 Конвенции.

²⁶⁷⁶ См. статью 34 Конвенции.

²⁶⁷⁷ См. статьи 32 и 36 Конвенции.

²⁶⁷¹ См. выше пункт 2) общего комментария к части 5 Руководства по практике, а также пункты 1)–2) комментария к руководящему положению 5.1.1.

²⁶⁷² См. ниже пункты 5)–10) настоящего комментария.

для новых независимых государств в контексте уведомления о правопреемстве и которая воспроизводится в руководящем положении 5.1.1. Применение этой презумпции в отношении государств-преемников, помимо новых независимых государств, не должно вызывать сомнений, и можно даже утверждать, что оно является еще более обязательным в случаях, когда правопреемство происходит *ipso jure*. Это, к тому же, соответствует мнению, высказанному на Венской конференции 1977–1978 годов рядом делегаций, которые полагали, что эта презумпция является само собой разумеющейся в случаях объединения или отделения государств в свете принципа континуитета, закрепленного принципиально в Конвенции применительно к таким случаям правопреемства²⁶⁷⁸.

6) Хотя сфера действия изложенной в этом руководящем положении презумпции сохранения оговорок носит общий характер, в определенных случаях объединения двух или нескольких государств, она, тем не менее, допускает исключения, предусмотренные в руководящем положении 5.1.3, на которое делается ссылка в пункте 1 настоящего руководящего положения.

7) Применение презумпции сохранения оговорок государства-предшественника в отношении государств, образовавшихся в результате объединения или отделения государств, находит, как представляется, подтверждение в ряде случаев на практике.

8) Хотя Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в порядке осуществления своих функций депозитария обычно старается не высказываться относительно судьбы оговорок, сформулированных государством-предшественником, на практике в случаях отделения государств, в частности государств, входивших в состав бывшей Югославии и Чехословакии²⁶⁷⁹, оговорки государства-предшественника были сохранены. В этой связи следует отметить заявления общего характера, сформулированные Чешской Республикой²⁶⁸⁰,

²⁶⁷⁸ См. на эту тему выступления делегаций Польши (*Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций о правопреемстве государств в отношении договоров, том II, Возобновленная сессия...* (A/CONF.80/16/Add.1) (сноска 2623 выше), 43-е заседание Комитета полного состава, 3 августа 1978 года, пункт 13), Франции (там же, пункт 16), Кипра (там же, пункт 20), Югославии (там же, пункт 21) и Австралии (там же, пункт 22). См. также предложенный Германией проект статьи 36-бис (см. сноску 2623 выше), который, в частности, предусматривал распространение данной презумпции на случаи объединения и отделения государств.

²⁶⁷⁹ Соответствующей практики, касающейся государств-преемников бывшего Советского Союза, судя по всему, почти не существует.

²⁶⁸⁰ В письме от 16 февраля 1993 года на имя Генерального секретаря, к которому был приложен перечень многосторонних договоров, сданных на хранение Генеральному секретарю, правительство Чешской Республики уведомило о следующем: «В соответствии с действующими принципами международного права и его нормами Чешская Республика как правопреемник Чешской и Словацкой Федеративной Республики считает себя начиная с 1 января 1993 года, т.е. даты распада Чешской и Словацкой Федеративной Республики, связанной многосторонними международными договорами, участниками которых Чешская и Словацкая Федеративная Республика являлась на эту дату, включая относящиеся к ним оговорки и заявления, сделанные ею до этой даты.

Словакией²⁶⁸¹, Союзной Республикой Югославией²⁶⁸², а затем Черногорией²⁶⁸³, посредством которых эти государства-преемники сохраняли оговорки государства-предшественника²⁶⁸⁴. Кроме того, в некоторых случаях оговорки государства-предшественника были прямо подтверждены²⁶⁸⁵ или вновь сформулированы²⁶⁸⁶ государством-преемником применительно к конкретному договору. В случае [Объединенной] Республики Йемен также имело место принятие оговорок государством-преемником. В письме от 19 мая

Правительство Чешской Республики изучило многосторонние договоры, включенные в прилагаемый перечень. Чешская Республика считает себя связанной этими договорами, а также всеми относящимися к ним оговорками и заявлениями в силу правопреемства, происшедшего 1 января 1993 года. Чешская Республика в соответствии с широко признанными принципами международного права признает подписи, поставленные Чешской и Словацкой Федеративной Республикой под всеми договорами, как если бы они были поставлены ею», в *Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), *Status of Treaties, Historical Information*, под рубрикой «Czech Republic».

²⁶⁸¹ В письме от 19 мая 1993 года, которое также сопровождалось перечнем многосторонних договоров, сданных на хранение Генеральному секретарю, правительство Словацкой Республики уведомило о следующем: «Согласно соответствующим принципам и нормам международного права и в установленном им объеме Словацкая Республика как государство-правопреемник, возникшее в результате распада Чешской и Словацкой Федеративной Республики, считает себя начиная с 1 января 1993 года, даты, на которую она приняла на себя ответственность за свои международные отношения, связанной многосторонними договорами, участниками которых была Чешская и Словацкая Федеративная Республика по состоянию на 31 декабря 1992 года, включая оговорки и заявления, сделанные ранее Чехословакией, а также возражения, сделанные Чехословакией в отношении оговорок, сформулированных другими государствами-участниками» (*ibid.*, *Historical Information*, под рубрикой «Slovakia»).

²⁶⁸² Уведомлением от 8 марта 2001 года правительство Союзной Республики Югославии сдало на хранение, среди прочего, документ, уведомляющий о его намерении совершить правопреемство в отношении ряда многосторонних договоров, сданных на хранение Генеральному секретарю, и подтверждающий некоторые формальности, связанные с этими договорами: «Правительство Союзной Республики Югославии сохраняет подписи, оговорки, заявления и возражения, осуществленные Социалистической Федеративной Республикой Югославией в отношении договоров, указанных в приложении 1 ниже, до того, как Союзная Республика Югославия приняла на себя ответственность за их международные отношения» (*ibid.*, *Historical Information*, под заголовком «Yugoslavia»).

²⁶⁸³ 23 октября 2006 года Генеральный секретарь получил письмо правительства Черногории от 10 октября 2006 года с перечнем многосторонних договоров, сданных на хранение Генеральному секретарю, в котором его информировали о том, что: «[Правительство] Республики Черногория сохранит оговорки, заявления и возражения, сделанные Сербией и Черногорией до того, как Республика Черногория приняла на себя ответственность за международные отношения, как указывается в Приложении к этому документу» (*ibid.*, *Historical Information*, под заголовком «Montenegro»).

²⁶⁸⁴ См. также случаи других правопреемников бывшей Югославии (помимо Сербии), которые включены в перечень государств-преемников в отношении различных договоров, сданных на хранение Генеральному секретарю, с указанием в сноске оговорок, которые сформулировала бывшая Югославия (см., например, Босния и Герцеговина, Хорватия, Сербия и бывшая югославская Республика Македония в отношении Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций (*ibid.*, chap. III.1), Протокол, касающийся статуса беженцев (*ibid.*, chap. V.5) и Конвенция о статусе апатридов (*ibid.*, chap. V.3).

²⁶⁸⁵ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, оговорка, сформулированная Союзной Республикой Югославией (*ibid.*, chap. IV.1).

²⁶⁸⁶ Конвенция о правах ребенка (*ibid.*, chap. IV.11 под заголовком «Slovenia»).

1990 года на имя Генерального секретаря министры иностранных дел Йеменской Арабской Республики и Народно-Демократической Республики Йемен уточнили следующее:

Что касается договоров, заключенных до объединения Йеменской Арабской Республикой или Народно-Демократической Республикой Йемен, то [объединенная] Йеменская Республика должна считаться участником этих договоров на дату, с которой одно из этих государств первым стало участником указанных договоров. Вследствие этого в таблицах, касающихся состояния договоров, отныне в графе «Йемен» будет указываться дата осуществления формальностей (подписание, ратификация, присоединение, заявления и оговорки и т.д.), совершенных государством, ставшим участником первым, формальностей, совершенных, в зависимости от случая, государством, ставшим участником вторым, которые указаны в сносах²⁶⁸⁷.

9) Кроме того, определенные элементы практики в отношении договоров, сдаваемых на хранение другим депозитариям, судя по всему, подтверждают общую презумпцию сохранения оговорки государства-предшественника, хотя речь идет, действительно, о довольно разрозненной практике. Так, Чешская Республика и Республика Словакия направили ряду депозитариев уведомления о правопреемстве того же содержания, что и уведомления, переданные Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций и предусматривающие сохранение оговорки, сформулированных государством-предшественником²⁶⁸⁸. Эта практика не вызвала никаких возражений со стороны указанных депозитариев, как, впрочем, и со стороны государств-участников этих договоров. Здесь же можно упомянуть ответ Всемирного почтового союза на вопросник²⁶⁸⁹. Эта организация сослалась на свою практику, согласно которой действительные оговорки, которые применяются к государству-члену, автоматически передаются государству-преемнику, причем это распространяется также на государства, которые получили независимость в результате отделения от какого-либо государства-члена. Совет Европы руководствовался той же презумпцией в отношении Черногории. В письме от 28 июня 2006 года министру иностранных дел Черногории генеральный директор по правовым вопросам Совета Европы, опираясь на статью 20 Венской конвенции 1978 года, заявил, что «Республика Черногория считается сохранившей оговорки и заявления, поскольку в ее уведомлении о правопреемстве не выражено противоположное намерение в отношении этого вопроса»²⁶⁹⁰. Это письмо содержало также перечень оговорок и заявлений, текст которых местами был поправлен, с тем чтобы исключить упоминание Республики Сербии. Письмом от 13 октября 2006 года министерство иностранных дел Черногории сообщило о своем согласии с формулировками указанных оговорок и заявлений. Практика

Швейцарии в качестве депозитария определенного числа многосторонних договоров также, судя по всему, по сути не противоречит практике Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Как известно, Швейцария изначально применяла в отношении государства-преемника, которое не высказалось относительно судьбы оговорок государства-предшественника, презумпцию несохранения этих оговорок. Однако теперь Швейцария более не использует никаких презумпций, а ее практика заключается в том, чтобы предложить государству-преемнику сообщить о своих намерениях на предмет сохранения или несохранения оговорок, сформулированных государством-предшественником²⁶⁹¹.

10) Как и для новых независимых государств, презумпция сохранения оговорок государства-предшественника может также быть инвертирована по отношению к государствам-преемникам, образовавшимся в результате объединения или отделения государств. В этой связи, как это четко отражено в пунктах 1 и 3 настоящего руководящего положения, не возникает никаких сомнений, что такое государство-преемник может инвертировать презумпцию, уведомив о своем намерении не сохранять одну или несколько оговорок государства-предшественника. В соответствии с пунктом 1 руководящего положения 5.1.1 инверсия презумпции происходит также, когда новое независимое государство формулирует оговорку «на ту же тему», что и оговорка, сформулированная государством-предшественником²⁶⁹². В руководящем положении 5.1.2 такая возможность упоминается в пункте 3, который применяется к случаям, когда присоединение к договору в порядке правопреемства государства, образовавшегося в результате объединения или отделения государств, приобретает добровольный характер. В то же время возможность инверсии презумпции посредством формулирования оговорки на ту же тему в пункте 1 не упоминается, поскольку право формулировать оговорки не признается за государством-преемником в том случае, когда правопреемство не зависит от волеизъявления с его стороны.

11) Если, в случае объединения или отделения государств, считается, что правопреемство происходит *ipso jure* в отношении договоров, которые

²⁶⁸⁷ *Ibid.*, *Historical Information*, под заголовком «Yemen».

²⁶⁸⁸ См. V. Mikulka, «The dissolution of Czechoslovakia and succession in respect of treaties», в M. Mrak (ed.), *Succession of States*, The Hague/Boston/London, M. Nijhoff, 1999, pp. 111–112.

²⁶⁸⁹ О вопроснике см. сноску 39 выше.

²⁶⁹⁰ JJ55/2006, PJD/EC (отрывок, переведенный Секретариатом в его меморандуме об оговорках к международным договорам в контексте правопреемства государств (см. сноску 2614 выше), пункт 67).

²⁶⁹¹ См. письмо Управления международного публичного права от 3 мая 1996 года на имя частного лица, в котором говорится об эволюции практики Швейцарии как государства-депозитария Женевских конвенций о защите жертв войны в области правопреемства государств в отношении договоров; воспроизводится в L. Caflisch, «La pratique suisse en matière de droit international public 1996», *Revue suisse de droit international et de droit européen*, 1997, vol. 7, pp. 682–685, в частности p. 684. Такой подход был подтвержден в заключении Управления международного публичного права Федерального департамента иностранных дел от 6 февраля 2007 года, озаглавленном «Практика Швейцарии в качестве государства-депозитария. Оговорки к договорам в контексте правопреемства государств», воспроизводится в *Jurisprudence des autorités administratives de la Confédération (JAAC)*, 5 декабря 2007 года, pp. 328–330, в особенности p. 330 (размещен на сайте www.bk.admin.ch/dokumentation/02574/02600/index.html?lang=fr).

²⁶⁹² См. руководящее положение 5.1.1, пункт 1 выше.

находились в силе для государства-предшественника на момент правопреемства государства, то признавать, что государство-преемник, формулируя оговорки, может уклоняться от своих обязательств или облегчать их, труднее. Поэтому пункт 2 руководящего положения лишает такое государство-преемник права формулировать новые оговорки к договору. В этом же смысле, как это видно из конечной части формулировки пункта 2, государство, становящееся преемником договора *ipso jure*, не может претендовать и на признание за ним права расширять сферу действия сохраняемой оговорки²⁶⁹³.

12) Помимо доводов, приведенных против этой возможности при разработке Венской конвенции 1978 года²⁶⁹⁴, следует в этой связи отметить позицию Совета Европы, отраженную в его письме от 28 июня 2006 года в адрес Черногории²⁶⁹⁵, где отмечалось, что это государство не имеет «на данном этапе права делать новые оговорки к уже ратифицированным договорам», в отношении которых оно уведомило о своем правопреемстве²⁶⁹⁶. Эта позиция, как представляется, согласуется с той нормой о правопреемстве *ipso jure* в отношении договоров, которая закреплена в Венской конвенции 1978 года для случаев объединения или отделения государств. Такое решение, к тому же, по всей видимости, подтверждается практикой, поскольку государства-преемники, не являющиеся новыми независимыми государствами, как представляется, не формулировали новых оговорок по случаю их правопреемства в отношении договоров.

13) Заключение, приводимое в пункте 2 руководящего положения 5.1.2, по всей вероятности, также нашло свое отражение в частном мнении судьи Томки, которое прилагается к решению Международного Суда от 26 февраля 2007 года по делу *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*:

²⁶⁹³ См. руководящее положение 2.3.4 выше.

²⁶⁹⁴ Следует напомнить здесь возражения, высказанные рядом делегаций в отношении предложения (впоследствии отозванного) Федеративной Республики Германии о включении в Конвенцию проекта статьи 36-бис, в которой, в частности, за государствами-преемниками, не являющимися новыми независимыми государствами, признавалось бы право формулировать новые оговорки даже по отношению к договору, сохраняющему силу для государства-преемника (*Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том II, Возобновленная сессия...* (A/CONF.80/16/Add.1) (сноска 2623 выше), 43-е заседание Комитета полного состава, 3 августа 1978 года, пункты 9–12). Упомянутые делегации полагали, что предоставление государству-преемнику права формулировать новые оговорки не совместимо с принципом континуитета *ipso jure* договоров, закрепленным в Конвенции для случаев объединения или отделения государств (там же, пункт 14) (Польша); пункт 15 (Соединенные Штаты Америки); пункт 18 (Нигерия); пункт 19 (Мали); пункт 20 (Кипр); пункт 21 (Югославия); пункт 22 (Австралия); и пункт 24 (Свазиленд, в выступлении которого, однако, больше нюансов).

²⁶⁹⁵ См. сноску 2690 выше.

²⁶⁹⁶ Переведено Секретариатом в его меморандуме об оговорках к международным договорам в контексте правопреемства государств (см. сноску 2614 выше), пункт 69.

Нет сомнений в том, что данное решение Черногории уведомить о присоединении к Конвенции о геноциде с оговоркой к статье IX, а не о правопреемстве (когда оговорки не допускаются)*, было обусловлено соображениями, относящимися к данному делу (...)

То единственное уведомление о присоединении, на мой взгляд, совершенно не согласовывалось с правопреемством со стороны Союзной Республики Югославии* (о котором Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций был уведомлен в тот же день, что и о присоединении к Конвенции о геноциде) применительно к Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров*, в Статье 34 которой предусматривается, что договоры государства-предшественника продолжают действовать в отношении каждого государства-преемника. Посредством последнего уведомления о правопреемстве Союзная Республика Югославия стала договаривающимся государством Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров начиная с апреля 1992 года. Эта Конвенция вступила в силу 6 ноября 1996 года. Хотя эта Конвенция формально не является применимой к процессу распада бывшей Югославии, который происходил в период 1991–1992 годов, в свете того обстоятельства, что бывшая Югославия дала свое согласие на обязательность Венской конвенции еще в 1980 году и что Союзная Республика Югославия была договаривающимся государством этой Конвенции с апреля 1992 года, нельзя ожидать по аналогии со статьей 18 Венской конвенции о праве международных договоров, что государство, которое посредством уведомления о своем присоединении выражает согласие на то, чтобы считать его связанным Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении договоров, будет в единственном случае действовать вопреки норме, содержащейся в Статье 34 этой Конвенции, а в подавляющем большинстве других случаев в полном соответствии с ней*. Эти соображения в совокупности привели меня к выводу о том, что Суд не должен придавать правового значения уведомлению о присоединении Союзной Республики Югославии к Конвенции о геноциде, а должен считать ее связанной этой Конвенцией в силу действия обычной нормы о правопреемстве *ipso jure*, закрепленной в Статье 34, применяющейся к случаям распада государства²⁶⁹⁷.

14) В этом контексте, как отмечается в руководящем положении 5.1.8 ниже, следует полагать, что формулирование оговорки государством-преемником, которое образовалось в результате объединения или отделения государств и по отношению к которому договор остается в силе, должно быть приравнено к формулированию последующей оговорки.

15) В то же время право формулировать новые оговорки, которое признается за новыми независимыми государствами в пункте 2 руководящего положения 5.1.1, можно, как представляется, распространить на государства-преемники, образовавшиеся в результате объединения или отделения государств, если их правопреемство в отношении договора носит добровольный характер в том смысле, что оно происходит посредством соответствующего уведомления с их стороны. Речь идет о договорах, которые на момент правопреемства государств не имели силы для государства-предшественника, но в отношении которых это государство было договаривающимся государством²⁶⁹⁸. В связи с правом формулировать новые оговорки нет никаких оснований проводить различие между этими

²⁶⁹⁷ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, постановление от 26 февраля 2007 года (см. сноску 1600 выше), р. 330 (особое мнение судьи Томки, пункт 35).

²⁶⁹⁸ См. пункт 4) комментария к данному руководящему положению выше.

государствами-преемниками и новыми независимыми государствами, поскольку в обоих случаях правопреемство в отношении договора предполагает волеизъявление со стороны заинтересованного государства.

16) И наконец, в пункте 4 руководящего положения 5.1.2 напомним о том, что в соответствии с пунктом 3 этого руководящего положения в отношении любой оговорки, сформулированной государством-преемником, образовавшимся в результате объединения или отделения государств, действуют условия признания материальной действительности, излагаемые в подпунктах *a*), *b*) и *c*) руководящего положения 3.1, где воспроизводится статья 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. В нем упоминается также, что соответствующие правила, установленные в части 2 Руководства по практике, применяются в отношении этой оговорки. Пункт 4 созвучен пунктам 2 и 3 руководящего положения 5.1.1.

5.1.3 Неприменимость некоторых оговорок в случае объединения государств

В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении любого из этих государств, остается в силе в отношении государства-преемника, оговорки, сформулированные одним из этих государств, которое на момент правопреемства государств являлось договаривающимся государством, в отношении которого договор не находился в силе, не сохраняются.

Комментарий

1) В отличие от случая отделения государств, когда правопреемство в отношении договора порождает применение лишь одного режима оговорок к этому договору, объединение государств несет в себе риск смешения двух или более режимов оговорок к одному и тому же договору, которые могут оказаться неодинаковыми и даже противоречащими друг другу. И это не чисто гипотетический случай. Тем не менее практика, насколько можно судить, не дает удовлетворительных ответов на многочисленные вопросы, которые возникают в связи с этой ситуацией. Так, в письме министров иностранных дел Йеменской Арабской Республики и Народной Демократической Республики Йемен от 19 мая 1990 года на имя Генерального секретаря²⁶⁹⁹, где предлагалось решение технической проблемы регистрации действий обоих

²⁶⁹⁹ Соответствующая часть этого письма гласит:

«Что касается договоров, заключенных до объединения Йеменской Арабской Республикой или Народно-Демократической Республикой Йемен, то [объединенная] Йеменская Республика должна считаться участником этих договоров на дату, с которой одно из этих государств первым стало участником указанных договоров. Вследствие этого в таблицах, касающихся состояния договоров, отныне в графе "Йемен" будет указываться дата осуществления формальностей (подписание, ратификация, присоединение, заявления и оговорки и т.д.), совершенных государством, ставшим участником первым, а формальности, совершенные, в зависимости от случая, государством, ставшим

государств-предшественников в отношении одного и того же договора, была сделана ссылка на временной критерий, правовое значение которого представляется неопределенным в целом ряде отношений, и был оставлен нетронутым вопрос (который может возникнуть в будущем) о судьбе оговорок, сформулированных указанными государствами до момента их объединения.

2) В отношении договора, который на момент объединения государств находился в силе в отношении любого из государств, участвующих в объединении, и который остается в силе в отношении объединенного государства²⁷⁰⁰, из принципа, закрепленного в пункте 1 руководящего положения 5.1.2, вытекает, что оговорки к такому договору, сформулированные любым из этих государств, продолжают оставаться в силе в отношении объединенного государства, если только оно не выразит противоположного намерения. Применение этой презумпции не вызывает каких-либо трудностей до тех пор, пока оба государства, участвующие в объединении, являются либо участниками, либо договаривающимися государствами указанного договора, не имевшего по отношению к ним силы. И положение усугубляется, если среди указанных государств одно было участником договора, а другое было договаривающимся государством, в отношении которого договор не находился в силе.

3) Именно на такую ситуацию рассчитано данное руководящее положение, которое предусматривает исключительное сохранение оговорок, сформулированных государством, которое было участником договора. Такое решение объясняется тем, что государство (в данном случае государство, возникшее в результате объединения) будет иметь один единственный статус в отношении конкретного договора – в данном случае статус государства-участника указанного договора (принцип континуитета *ipso jure*). Следовательно в отношении договора, который остается в силе применительно к государству, возникшему в результате объединения, представляется логичным считать, что сохранены могут быть только оговорки, сформулированные одним или несколькими государствами, в отношении которых договор на момент объединения находился в силе. А оговорки, сформулированные договаривающимся государством, в отношении которого договор не находился в силе, утрачивают смысл.

4) Руководящее положение 5.1.3²⁷⁰¹ составлено таким образом, чтобы одновременно охватить случаи объединения государств, указанные в статьях 31–33 Венской конвенции 1978 года, и случаи объединения государств, в которых одно из объединяющихся государств сохраняет свою международную правосубъектность (ситуация, которая не предусмотрена вышеприведенными положениями Венской конвенции 1978 года).

участником вторым, будут указаны в сносках (см. пункт 8) комментария к руководящему положению 5.1.2 и сноску 2687 выше).

²⁷⁰⁰ См. статью 31 Венской конвенции 1978 года.

²⁷⁰¹ То же самое касается руководящих положений 5.1.5 и 5.2.2.

5.1.4 Принцип сохранения территориальной сферы действия оговорок государства-предшественника

С учетом руководящего положения 5.1.5 оговорка, которая считается сохраненной в силу пункта 1 руководящего положения 5.1.1 или пунктов 1 или 3 руководящего положения 5.1.2, сохраняет территориальную сферу действия, которую она имела на момент правопреемства государств, за исключением случаев, когда государство-преемник выражает противоположное намерение.

Комментарий

1) Представляется само собой разумеющимся, что оговорка, которая считается сохраненной вследствие правопреемства государств, сохраняет территориальную сферу действия, которую она имела на момент правопреемства государств. Данное руководящее положение провозглашает этот принцип, который можно рассматривать как логическое следствие идеи континуитета, присущей понятию правопреемства в отношении договора, происходящего и посредством уведомления о правопреемстве, и *ipso jure*.

2) Вместе с тем за государством-преемником следует признать право выразить намерение изменить территориальную сферу действия оговорки, считающейся сохраненной по отношению к нему: таков смысл части фразы «за исключением случаев, когда государство-преемник выражает противоположное намерение», которой заканчивается данное руководящее положение. Предполагается, однако, что заявление, посредством которого государство-преемник выразит свое намерение расширить территориальную сферу действия оговорки, считающейся сохраненной по отношению к нему, само по себе не затрагивало бы права и обязанности других договаривающихся государств или договаривающихся организаций.

3) Помимо этого, принцип сохранения территориальной сферы действия оговорок, считающихся сохраненными, имеет исключения в некоторых случаях объединения двух или более государств. Эти исключения, в связи с которыми возникают сложные вопросы, рассматриваются в руководящем положении 5.1.5 и прямо исключены из сферы применения данного руководящего положения.

4) Кроме того, следует отдельно отразить проблемы, возникающие в области оговорок в результате правопреемства в отношении части территории, которые, не являясь исключением из принципа, изложенного в данном руководящем положении (поскольку, в принципе, приобретя соответствующую территорию, государство не становится в силу этого правопреемником в отношении договоров, которые были обязательными для государства-предшественника), тем не менее требуют определенных уточнений, которые было решено отразить в руководящем положении 5.1.6.

5.1.5 Территориальная сфера действия оговорок в случае объединения государств

1. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении только одного из государств, которые образуют государство-преемник, становится применимым к части территории этого государства, к которой он не был применим ранее, любая оговорка, которая считается сохраненной государством-преемником, применяется к этой территории, за исключением случаев, когда:

a) государство-преемник в связи с уведомлением о расширении территориальной сферы действия договора выражает противоположное намерение; или

b) из характера или объекта оговорки явствует, что ее применение не может быть распространено за пределы территории, к которой она была применима на момент правопреемства государств.

2. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении двух или более государств, участвующих в объединении, становится применимым к части территории государства-преемника, к которой на момент правопреемства государств он не был применим, никакая оговорка не может быть распространена на эту территорию, за исключением случаев, когда:

a) идентичная оговорка была сформулирована каждым из этих государств, в отношении которых на момент правопреемства государств договор находился в силе;

b) государство-преемник в связи с уведомлением о расширении территориальной сферы действия договора выражает иное намерение; или

c) противоположное намерение иным образом не явствует из обстоятельств правопреемства этого государства в отношении договора.

3. Уведомление о расширении территориальной сферы действия оговорок по смыслу подпункта *b)* пункта 2 не порождает последствий, если такое расширение привело бы к применению к одной и той же территории оговорок, противоречащих друг другу.

4. Положения пунктов 1–3 применяются *mutatis mutandis* к оговоркам, считающимся сохраненными государством-преемником, которое вследствие объединения государств является договаривающимся государством договора, который на момент правопреемства государств

не находился в силе ни для одного из государств, участвующих в объединении, однако в отношении которого одно или, в зависимости от обстоятельств, несколько из этих государств на этот момент были договаривающимися государствами, когда этот договор становится применимым к части территории государства-преемника, к которой на момент правопреемства государств он не был применим.

Комментарий

1) Данное руководящее положение нацелено на урегулирование проблем, которые могут возникнуть в отношении территориальной сферы действия оговорок, считающихся сохраненными, в случаях объединения двух или более государств. Пункты 1–3 касаются случая договора, который вследствие объединения государств остается в силе с оговорками в отношении государства-преемника. Пункт 4 предусматривает применение *mutatis mutandis* тех же решений в случаях, когда вследствие объединения государств государство-преемник является договаривающимся государством договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе ни для одного из государств-предшественников.

2) Закрепленный в руководящем положении 5.1.4 принцип, согласно которому территориальная сфера действия оговорки, которая считается сохраненной вследствие правопреемства государств, остается неизменной, действителен также в случаях объединения двух или более государств, с учетом, однако, определенных исключений, которые оговорены в данном руководящем положении. Такие исключения могут возникать, когда вследствие объединения двух или более государств договор становится применимым к части территории объединенного государства, к которой он не применялся на момент правопреемства государств.

3) В этой связи следует разграничить две ситуации:

– ситуацию, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении лишь одного из государств, участвующих в объединении, становится применимым к части территории государства-преемника, к которой он не применялся; и

– ситуацию, когда договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении двух или более государств, участвующих в объединении, но не был применимым в отношении всего массива, который станет территорией государства-преемника, становится применимым к части территории объединенного государства-преемника, к которой он ранее не применялся.

4) Пункт 1 касается первой ситуации, а именно случая договора, который на момент правопреемства

государств находился в силе с оговорками *лишь для одного* из государств, породивших объединенное государство, и который становится применимым к части территории этого государства, к которой он не применялся на момент правопреемства государств. Когда государство-преемник таким образом распространяет территориальную сферу действия договора, что, впрочем, предполагает наличие его согласия (выраженного либо посредством уведомления, либо в рамках договоренности с другими государствами-участниками)²⁷⁰², есть все основания полагать, что такое распространение затрагивает конвенционную связь в том виде, в каком она была изменена оговорками, сформулированными государством, в отношении которого договор находился в силе на момент объединения. Вместе с тем, в подпунктах *a)* и *b)* пункта 1 предусмотрены два исключения:

– во-первых, в принципе нет никаких причин, которые препятствовали бы государству, возникшему в результате объединения, выразить противоположное намерение на этот счет, когда оно уведомляет о распространении территориальной сферы применения договора, и тем самым не допустить расширения территориальной сферы действия указанных оговорок. Подпункт *a)* пункта 1 закрепляет такую возможность;

– во-вторых, может быть так, что характер или объект оговорки исключают расширение ее действия за пределы территории, к которой она была применима на момент правопреемства государств. Это могло бы произойти, в частности, в случае оговорки, применение которой раньше уже было ограничено частью территории государства, которое ее сформулировало, или оговорки, конкретно касающейся определенных институтов, которые были свойственны указанному государству. Подпункт *b)* пункта 1 предусматривает такую ситуацию.

5) Пункт 2, в свою очередь, касается второй ситуации, предусмотренной в пункте 3) выше, а именно случая, когда договор, территориальная сфера применения которого расширена государством-преемником, находится в силе на момент правопреемства государств в отношении *по крайней мере двух* государств, участвующих в объединении, даже при том, что на этот момент договор не был применим в целом к тому, что станет территорией объединенного государства. В этой связи возникает вопрос: становятся ли оговорки, сформулированные любым из этих государств, также применимыми к частям территории объединенного государства, к которым договор не был применим на момент правопреемства государств. В отсутствие точных указаний со стороны государства-преемника может оказаться сложным выяснить, намеревается ли и в каком объеме это государство посредством распространения территориальной сферы действия договора расширять территориальную сферу применения оговорок, сформулированных тем или иным государством, или даже всеми государствами, в отношении которых договор находился в силе на момент правопреемства

²⁷⁰² См. пункт 2 статьи 31 Венской конвенции 1978 года.

государств. В отсутствие признаков обратного представляется разумным применять презумпцию, согласно которой ни одна из указанных оговорок не распространяется на части территории объединенного государства, к которым договор не был применим на момент правопреемства государств. Вместе с тем, нет никаких оснований делать эту презумпцию необратимой. Следует поступать иначе:

– когда идентичная оговорка была сформулирована каждым из государств-предшественников, в отношении которых договор находился в силе, – случай, предусмотренный в подпункте *a)* пункта 2, – необходимо наоборот презюмировать, что объединенное государство намерено сохранить оговорку, которая была общей для его предшественников, и следовать логике, отраженной в пункте 1 данного руководящего положения;

– если государство, возникшее в результате объединения, когда оно соглашается распространить территориальную сферу применения договора, выражает иное намерение, указывая те оговорки, которые будут применяться к территории, на которую было распространено действие договора, – случай, предусмотренный в подпункте *b)* пункта 2; или же

– если из обстоятельств иным образом следует, что государство, возникшее в результате объединения, намеревалось сохранить оговорки, сформулированные каким-то одним государством, – случай, предусмотренный в подпункте *c)* пункта 2; в частности, это происходит, когда объединенное государство в момент распространения территориальной сферы применения договора конкретно ссылается на формальности, совершенные в отношении этого договора до момента объединения одним из соответствующих государств.

b) В случае идентичных оговорок, предусмотренном в подпункте *a)* пункта 2, может, однако, оказаться, что в некоторых ситуациях распространение территориальной сферы действия оговорки на часть территории государства, возникшего в результате объединения, к которой она не применялась до момента правопреемства государств, невозможно в силу характера или объекта данной оговорки. Речь идет о ситуации, аналогичной той, которая предусмотрена в подпункте *b)* пункта 1. В контексте идентичных оговорок эта ситуация относится к числу возможных в случае объединения двух или более государств, поскольку можно предположить, что идентичная оговорка, сформулированная всеми государствами-предшественниками, в отношении которых договор находился в силе на момент правопреемства государств, в силу ее характера или объекта не может быть распространена на часть территории государства-преемника, которая до объединения принадлежала другому государству, участвующему в объединении, в отношении которого договор не находился в силе на момент правопреемства государств. Признавая эту возможность, Комиссия не упомянула об этом в тексте руководящего

положения 5.1.5, чтобы не перегружать его формулировку.

7) В случае, оговоренном в подпункте *b)* пункта 2, решение объединенного государства распространить применение некоторых оговорок на соответствующую территорию приемлемо лишь в том случае, если указанные оговорки, сформулированные двумя или более государствами, участвующими в объединении, совместимы друг с другом. Но они могут оказаться не совместимыми друг с другом. В такой ситуации остается лишь не признавать никаких последствий за заявлением государства-преемника, поскольку оно привело бы к применению оговорок, противоречащих друг другу. В этом состоит смысл пункта 3 данного руководящего положения.

8) Правила, устанавливаемые в пунктах 1–3, касаются случая, когда на момент правопреемства государств договор, к которому относится оговорка или оговорки государств-предшественников, находился в силе в отношении по крайней мере одного из них. Вместе с тем, согласно пункту 4, они применяются *mutatis mutandis* к оговоркам, считающимся сохраненными объединенным государством, которое распространяет территориальную сферу действия договора, в отношении которого оно вследствие правопреемства государств является договаривающимся государством, когда на момент правопреемства государств указанный договор не находился в силе по отношению ни к одному из государств-предшественников, даже хотя одно или, соответственно, два или более из государств, участвующих в объединении, были договаривающимися государствами²⁷⁰³. В том же духе этот же вариант следовало бы применять к случаю (бесспорно редкому, но предусмотренному в пункте 2 статьи 32 Венской конвенции 1978 года), когда договор, в отношении которого одно или несколько государств, участвующих в объединении, являлись на момент правопреемства государств договаривающимися государствами, вступил бы в силу после этого момента в результате наступления условий, предусмотренных в соответствующих положениях договора; в таком гипотетическом случае государство-преемник стало бы государством-участником указанного договора.

9) Наконец, в отношении пункта 4 следует напомнить, что вопрос о территориальной сфере применения оговорок, сформулированных таким договаривающимся государством, в отношении которого на момент правопреемства государств договор не находился в силе, возникает лишь тогда, когда указанный договор на этот же момент не находился в силе ни для одного из государств, участвующих в объединении, потому что в противном случае оговорки, сформулированные указанным договаривающимся государством, не считаются сохраненными²⁷⁰⁴.

²⁷⁰³ См. статью 32 Венской конвенции 1978 года.

²⁷⁰⁴ См. руководящее положение 5.1.3.

5.1.6 Территориальная сфера действия оговорок государства-преемника в случае правопреемства в отношении части территории

В случае, когда вследствие правопреемства государств, касающегося части территории, договор, в отношении которого государство-преемник является договаривающимся государством, становится применимым к этой территории, любая оговорка к указанному договору, сформулированная ранее этим государством, применяется также к указанной территории с момента правопреемства государств, за исключением случаев, когда:

a) государство-преемник выражает противоположное намерение; или

b) из оговорки явствует, что ее сфера действия ограничивалась только территорией государства-преемника в границах, существовавших до момента правопреемства государств, или какой-либо частью этой территории.

Комментарий

1) Данное руководящее положение касается территориальных уступок и других случаев территориальных изменений, которым посвящена статья 15 (Правопреемство в отношении части территории) Венской конвенции 1978 года. В этой статье говорится, что начиная с момента правопреемства государств договоры государства-преемника имеют силу в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств, а договоры государства-предшественника утрачивают силу в отношении этой территории. Данное положение представляет собой продолжение правила, касающегося гибкости в отношении территориальной сферы действия договоров, закрепленного в статье 29 Венской конвенции 1969 года. Вследствие этого проекты руководящих положений 5.1.1 и 5.1.2 не могут применяться к ситуациям, охватываемым статьей 15 Конвенции, поскольку в этих случаях в принципе не имеет место правопреемство в отношении договоров в подлинном смысле слова. Указанное государство, хотя оно и называется «государство-преемник» по смыслу подпункта *d)* пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1978 года, осуществляет «правопреемство» так сказать в отношении себя самого и сохраняет свой статус договаривающегося государства в отношении договора, который оно приобрело в силу своего собственного согласия на обязательность указанного договора в соответствии со статьей 11 Венской конвенции 1969 года.

2) Когда такая ситуация возникает вследствие правопреемства в отношении части территории, договор государства-преемника распространяется на указанную территорию. В этом случае представляется логичным считать применение договора к этой территории в принципе обусловленным оговорками, которые само государство-преемник сформулировало в отношении указанного договора.

3) Однако здесь опять же из этого принципа следует сделать два исключения, которые также основаны на принципе консенсуализма, столь укоренившемся в праве договоров вообще и в правовом регулировании оговорок – в частности. Так, оговорка не должна распространяться на территорию, являющуюся объектом правопреемства:

– когда государство-преемник выражает противоположное намерение, и этот случай может быть приравнен к частичному снятию оговорки только в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств (подпункт *a)*)²⁷⁰⁵; или

– когда из самой оговорки явствует, что ее применение распространялось только на территорию государства-преемника в границах, существовавших до момента правопреемства государств, или на какую-либо часть этой территории (подпункт *b)*).

4) Руководящее положение 5.1.6 сформулировано таким образом, чтобы охватить не только договоры, находящиеся в силе в отношении государства-преемника в момент правопреемства государств, но также договоры, которые в этот момент не находятся в силе в отношении государства-преемника, но применительно к которым оно имеет статус договаривающегося государства, т.е. ситуацию, которая не охвачена статьей 15 Венской конвенции 1978 года. Глагол «применяется» в отношении указанного договора должен пониматься как охватывающий обе эти ситуации, между которыми, как представляется, в данном контексте применительно к вопросу об оговорках никакого различия проводиться не должно.

5) В то же время данное руководящее положение не предусматривает случай «территориальных договоров» (касающихся пограничного режима или любого другого режима использования территории). Поскольку правопреемство осуществляется применительно к этим договорам²⁷⁰⁶, варианты, предлагаемые в руководящем положении 5.1.2 в отношении случая объединения или отделения государств, применяются *mutatis mutandis* к оговоркам, сформулированным в отношении таких договоров.

5.1.7 Действие во времени несохранения государством-преемником оговорки, сформулированной государством-предшественником

Несохранение в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 или 5.1.2 государством – преемником оговорки, сформулированной государством-предшественником, вступает в силу в отношении другого договаривающегося государства или договаривающейся организации лишь после получения ими уведомления об этом.

²⁷⁰⁵ По поводу частичного снятия оговорок см. руководящие положения 2.5.10 и 2.5.11 и комментарии к ним.

²⁷⁰⁶ В отношении международной судебной практики по этому вопросу см., в частности, Постоянная палата международного правосудия, постановление от 6 декабря 1930 года по делу *Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex, P.C.I.J., Series A, No. 24*, р. 17, и постановление от 7 июня 1932 года по этому же делу, *P.C.I.J., Series A/B No. 46*, р. 96, в частности р. 145.

Комментарий

1) Статья 20 Венской конвенции 1978 года прямо не регулирует вопрос о действии *ratione temporis* заявления, посредством которого новое независимое государство сообщает в момент уведомления о своем правопреемстве в отношении договора, что оно не сохраняет оговорку, сформулированную государством-предшественником; то же самое неизбежно происходит в контексте правопреемства государств в результате объединения или отделения государств, поскольку в Венской конвенции 1978 года не рассматривается вопрос о судьбе оговорки государства-предшественника в этом процессе. Насколько можно судить, ни практика, ни доктрина не дают ответа на этот вопрос, который, между тем, мог бы иметь определенное практическое значение.

2) Будь то вследствие выражения «противоположного намерения» или формулирования государством-преемником оговорки, «относящейся к тому же вопросу», что и оговорка, сформулированная государством-предшественником²⁷⁰⁷, представляется разумным применительно к вопросу о последствиях *ratione temporis* рассматривать несохранение оговорки вследствие правопреемства государств таким же образом, как и снятие оговорки, которое подчиняется обычным нормам права договоров, закрепленным в статье 22 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Согласно пункту 3 *a)* этого последнего положения, воспроизведенного в руководящем положении 2.5.8 Руководства по практике, «[е]сли иное не предусматривается договором или не было другим образом обусловлено[,] снятие оговорки вступает в силу в отношении другого договаривающегося государства только после получения этим последним уведомления об этом».

3) В данном руководящем положении повторяется *mutatis mutandis* правило, которое закреплено в подпункте *a)* пункта 3 статьи 22 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и воспроизведено в руководящем положении 2.5.8, касающемся действия во времени снятия оговорки. Такое решение, которое с особой очевидностью напрашивается в случае, когда правопреемство в отношении договора (и оговорки) происходит *ipso jure*, как представляется, может применяться ко всем случаям правопреемства: другие участники могут учесть снятие оговорки, только если им об этом станет известно (посредством письменного уведомления)²⁷⁰⁸.

5.1.8 Последующее формулирование оговорки государством-преемником

Последующей считается любая оговорка, сформулированная:

***a)* новым независимым государством после его уведомления о правопреемстве в отношении договора;**

***b)* государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, после уведомления, посредством которого оно устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник являлось договаривающимся государством; или**

***c)* государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, в отношении договора, который вследствие правопреемства государств остается в силе для этого государства.**

Комментарий

1) Право нового независимого государства формулировать оговорки к договору, в отношении которого оно намерено осуществить правопреемство, не вызывает сомнений, как не вызывает сомнений и право других государств-преемников формулировать оговорки к договору, который на момент правопреемства государств не находился в силе²⁷⁰⁹. Однако это право не может быть не ограничено во времени. Данное руководящее положение касается трех ситуаций, когда оговорка, сформулированная государством-преемником, должна подчиняться правовому режиму последующих оговорок, предусмотренному в руководящих положениях 2.3, 2.3.1, 2.3.2 и 2.3.4, принятых Комиссией в предварительном порядке. В этом отношении следует напомнить, что согласно руководящему положению 2.3 последующее формулирование оговорки обусловлено отсутствием возражений со стороны каждой из договаривающихся государств или договаривающихся организаций, что в полной мере соответствует принципу консенсуализма.

2) Первая ситуация оговорена в подпункте *a)*. Речь идет об оговорках, формулируемых новым независимым государством после его уведомления о правопреемстве. В этой связи представляется целесообразным считать, что если новое независимое государство намерено реализовать свое право формулировать оговорки к договору, в отношении которого оно намерено осуществить правопреемство, то оно должно сделать это при уведомлении о своем правопреемстве. Это к тому же четко подразумевается самим определением оговорок, содержащимся в руководящем положении 1.1 Руководства по практике, где, как и в пункте 1 *j)* статьи 2 Венской конвенции 1978 года (и в отличие от пункта 1 *d)* статьи 2 Венской конвенции 1969 года), среди временных элементов, включенных в определение оговорок, указан момент, когда государство направляет «уведомление

²⁷⁰⁷ См. пункт 1 руководящего положения 5.1.1 и пункты 1 и 3 руководящего положения 5.1.2 выше.

²⁷⁰⁸ См. руководящее положение 2.5.2 о форме снятия оговорки и комментарий к нему.

²⁷⁰⁹ См. пункт 2 руководящего положения 5.1.1 и пункт 3 руководящего положения 5.1.2.

о правопреемстве в отношении договора»²⁷¹⁰. Отсюда, как представляется, можно правомерно заключить, что оговорки, сформулированные новым независимым государством после этого момента, должны считаться последующими оговорками по смыслу руководящих положений, упомянутых в предшествующем пункте.

3) По аналогичным причинам режим последующих оговорок, по всей видимости, должен применяться в случае, указанном в подпункте *b*), когда оговорка сформулирована государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, после момента, в который оно установило посредством уведомления на этот счет свой статус договаривающегося государства или участника договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник являлось договаривающимся государством в условиях, которые указаны в пункте 3 руководящего положения 5.1.2. Как и в этом положении, понятие «государство-предшественник» должно пониматься в случаях объединения государств как охватывающее какое-либо одно из государств-предшественников или несколько таких государств.

4) Кроме того, как указано в подпункте *c*) данного руководящего положения, такое же решение должно применяться к любой оговорке, сформулированной государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, к договору, который вследствие правопреемства государств остается в силе в отношении этого государства. Безусловно, в таком случае пункт 2 проекта руководящего положения 5.1.2 не признает за государством-преемником права формулировать оговорки, которые не были сформулированы государством-предшественником. Тем не менее, если государство-преемник сформулирует новую оговорку в отношении указанного договора, нет причин не признавать за этим государством такого же права, как и право, которым может пользоваться любое другое государство, отказывая ему в возможности использовать правовой режим последующих оговорок²⁷¹¹.

²⁷¹⁰ Полное определение оговорок согласно пункту 1 руководящего положения 1.1 гласит: «"Оговорка" означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, или когда государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении договора*, посредством которого это государство или эта организация желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к этому государству или к этой организации». Относительно причин включения этого указания на правопреемство государств в руководящее положение 1.1 см. пункты 5) и 6) комментария к этому руководящему положению.

²⁷¹¹ См. комментарий к руководящему положению 5.1.2 выше.

5.2 Возражения против оговорок в случае правопреемства государств

5.2.1 Сохранение государством-преемником возражений, сформулированных государством-предшественником

С учетом положений руководящего положения 5.2.2 государство-преемник рассматривается как сохраняющее любое возражение, сформулированное государством-предшественником против оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, за исключением случаев, когда в связи с правопреемством оно уведомляет о противоположном намерении.

Комментарий

1) Данное руководящее положение – как и руководящие положения 5.2.2–5.2.6 – нацелено на то, чтобы устранить пробелы, имеющиеся в Венской конвенции 1978 года. Так, в этой Конвенции ничего не говорится о возражениях против оговорок (как, впрочем, и о принятии оговорок) в контексте правопреемства государств. Сама Комиссия решила оставить вопрос о возражениях открытым, вопреки частичному предложению сэра Хэмфри Уолдока²⁷¹². Несмотря на просьбу в этой связи представителя Нидерландов²⁷¹³ и определенную озабоченность, высказанную в связи с этим пробелом на Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров²⁷¹⁴, Конференция оставила этот пробел.

2) В данном случае речь шла о целенаправленном поведении, как это объяснил в ходе Конференции председатель Редакционного комитета г-н Яссин: «Редакционный комитет уделил особое внимание вопросу о возражениях к оговоркам и о возражениях к таким возражениям, который был поднят представителем Нидерландов. Редакционный комитет отметил, что, как это ясно из комментария Комиссии международного права к статье 19, и в частности пункта 15) (A/CONF.80/4, стр. 82)²⁷¹⁵, статья не касается этого вопроса, который оставляется для урегулирования общим международным правом»²⁷¹⁶.

3) Проект статьи 19 (предшественник статьи 20 Венской конвенции 1978 года), принятый Комиссией во втором чтении в 1974 году, также не регулировал

²⁷¹² См. пункт 5) комментария к настоящему руководящему положению.

²⁷¹³ *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия... (A/CONF.80/16)* (см. сноску 2623 выше), Комитет полного состава, 27-е заседание, 25 апреля 1977 года, пункт 70; 28-е заседание, 26 апреля 1977 года, пункт 32; и 35-е заседание, 4 мая 1977 года, пункт 19.

²⁷¹⁴ Там же, 27-е заседание, пункт 85 (Мадагаскар).

²⁷¹⁵ См. пункт 3) настоящего комментария ниже.

²⁷¹⁶ *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия... (A/CONF.80/16)* (сноска 2623 выше), Комитет полного состава, 35-е заседание, стр. 267, пункт 17.

вопрос о возражениях против оговорок в контексте правопреемства государств. Здесь опять же умолчание было умышленным, поскольку в комментарии к этому положению Комиссия указала, что

будет лучше, в соответствии с основным методом составления проекта статей, предоставить регулирование этих вопросов обычными нормам, применяемым к принятию оговорок и возражениям против них, исходя из предположения, что, если нет необходимости включить какое-либо особое положение в связи с правопреемством государств, новое независимое государство «занимает место государства-предшественника»²⁷¹⁷.

Эти последние слова можно понимать так, что, по мнению Комиссии, передача возражений должна быть правилом²⁷¹⁸.

4) В оправдание своего молчания по вопросу о возражениях против оговорок Комиссия привела аргумент, касавшийся их юридических последствий: она указала, что, с одной стороны, возражения против оговорки, если оно не сопровождается прямым указанием на то, что автор возражения намерен воспрепятствовать вступлению договора в силу между ним и государством, заявившим оговорку, порождает правовую ситуацию, которая практически идентична ситуации, которая существовала бы, если бы возражение не было сформулировано²⁷¹⁹; и что, с другой стороны, в противном случае договор никак не мог бы быть в силе между государством-предшественником и государством, заявившим оговорку, на момент правопреемства²⁷²⁰, что предполагает к тому же, что Комиссия исходила из того, что предшествующие возражения (с максимальным эффектом) государства-предшественника продолжают применяться.

5) Такова была, однако, и позиция сэра Хэмфри Уолдока, который, подчеркивая скудность практики в этой области, вновь в духе предложений г-на О'Коннелла, представленных Ассоциации международного права²⁷²¹, предложил применять к возражениям

²⁷¹⁷ *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 275–276, пункт 15) комментарий; см. также пункт 23), стр. 277. Об этом пояснении на Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров 1977–1978 годов напомнил эксперт-консультант сэр Фрэнсис Вэллет; см. *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия...* (A/CONF.80/16) (см. сноску 2623 выше), Комитет полного состава, 27-е заседание, стр. 275, пункт 83.

²⁷¹⁸ См. в этом отношении Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux* (сноска 25 выше), p. 320, footnote 126.

²⁷¹⁹ Вместе с тем см. выше руководящие положения 4.3 и 4.3.1–4.3.8 и комментарий к ним.

²⁷²⁰ См. *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/9610/Rev.1, стр. 275, пункт 14) комментарий к статье 19. Этот аргумент был поддержан Ruda, «Reservations to treaties» (сноска 56 выше), pp. 207–208. См. в то же время критические замечания J. Klabbbers, «State succession and reservations to treaties», в J. Klabbbers and R. Lefeber (eds.), *Essays on the Law of Treaties. A Collection of Essays in Honour of Bert Vierdag*, The Hague/Boston/London: Nijhoff, 1998, pp. 109–110.

²⁷²¹ «Дополнительный пункт» № 13, предложенный Докладчиком Комитета по «правопреемству новых государств в отношении договоров и некоторых других обязательств их предшественников»: «Поскольку новое государство принимает на себя юридическое положение своего предшественника, оно принимает на себя последствия возражений своего предшественника

mutatis mutandis правила, касающиеся оговорок²⁷²². Это означало, в частности, применение к возражениям той же презумпции, которую Комиссия приняла в отношении оговорок новых независимых государств в пункте 1 проекта статьи 19 и которая была воспроизведена в пункте 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года²⁷²³. Второй Специальный докладчик по этой теме сэр Фрэнсис Вэллет также поддержал презумпцию сохранения возражений, сформулированных государством-предшественником: «в целом доводы, выдвигаемые в поддержку сохранения презумпции о сохранении оговорок, также подкрепляют презумпцию о сохранении возражений, которая заложена в соответствующем проекте», тем более – подчеркнул он, – что, с другой стороны, «государство-преемник всегда будет иметь право снять возражение, если оно того пожелает». В то же время сэр Фрэнсис Вэллет заявил, что «нет необходимости усложнять проект путем добавления специальных положений в отношении возражений»²⁷²⁴.

6) Отмеченная уже 35 лет назад Гаей²⁷²⁵ скудность практики в этой области сохраняется и по сей день. Однако следует напомнить о том, что некоторые случаи из практики последнего времени, как представляется, свидетельствуют в пользу сохранения возражений²⁷²⁶. В частности, можно выделить ряд случаев, когда новое независимое государство при уведомлении о своем правопреемстве подтвердило возражения, заявленные государством-предшественником против оговорок, сформулированных государствами – участниками договора²⁷²⁷. Известно также

против несовместимой оговорки, сделанной в отношении многосторонней конвенции другой стороной. Следовательно, оговорка не будет действительной против нового государства, если последнее не отклонит возражение» (Ассоциация международного права, промежуточный доклад Комитета (см. сноску 2634 выше), цитируется во втором докладе о правопреемстве в отношении договоров сэра Хэмфри Уолдока (*Ежегодник... 1969 год*, том II, документ A/CN.4/214 и Add.1–2, стр. 49 англ. текста, пункт 17)).

²⁷²² См. пункт 3 а) проекта статьи 9, содержащийся в его третьем докладе о правопреемстве в отношении договоров сэра Хэмфри Уолдока: «Нормы, которые изложены в пунктах 1 и 2, касающихся оговорок, также применяются *mutatis mutandis*, к возражениям против оговорок» (*Ежегодник... 1970 год*, том II, документ A/CN.4/224 и Add.1, стр. 56).

²⁷²³ См. пункт 1 руководящего положения 5.1.1 выше.

²⁷²⁴ Первый доклад о правопреемстве государств в отношении договоров, *Ежегодник... 1974 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/278 и Add.1–6, стр. 65–66, пункт 289.

²⁷²⁵ Gaja, «Reservations to treaties...» (сноска 2641 выше), p. 56.

²⁷²⁶ См. об этом R. Szafarz, «Vienna Convention on Succession of States in respect of Treaties: a general analysis», *Polish Yearbook of International Law*, vol. 10 (1980), p. 96. В свою очередь Дж. Гая полагает, что практика и не противоречит презумпции сохранения возражений, сформулированных государством-предшественником, но и не является достаточной для ее подтверждения (Gaja, «Reservations to treaties...» (сноска 2641 выше), p. 57).

²⁷²⁷ Венская конвенция о дипломатических сношениях: Мальта, которая в момент правопреемства приняла некоторые возражения, сформулированные Соединенным Королевством, и Тонга, заявившее, что оно «принимает» возражения, сформулированные Соединенным Королевством в отношении оговорок и заявлений, сделанных Египтом (*Multilateral Treaties...* (сноска 37 выше), chap. III.3); Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне (*ibid.*, chap. XXI.1); Конвенция об открытом море (Фиджи) (*ibid.*, chap. XXI.2); Конвенция о континентальном шельфе (Тонга) (*ibid.*, chap. XXI.4).

несколько случаев снятия возражений, сформулированных государством-предшественником, и в то же время формулирования новых возражений²⁷²⁸. Что касается государств-преемников, не являющихся новыми независимыми государствами, то можно отметить, например, что Словакия прямо сохранила возражения, заявленные Чехословакией в отношении оговорок, сделанных другими государствами-участниками к договорам, в отношении которых она осуществила правопреемство²⁷²⁹. Кроме того, Союзная Республика Югославия заявила о сохранении возражений, сформулированных бывшей Югославией²⁷³⁰, что также сделала Черногория в отношении возражений, заявленных Сербией и Черногорией²⁷³¹.

7) Интерпретация этой практики последнего времени не является однозначной: она идет в направлении континуитета, но также могла бы свидетельствовать об отсутствии установленного правила, без чего подобные заявления утрачивали бы полезность²⁷³². Тем не менее представляется правильным и логичным использовать в руководящем положении 5.2.1 решение, предложенное сэром Хэмфри Уолдоком, которое заключается в применении *mutatis mutandis* к возражениям правил, касающихся оговорок²⁷³³, причем следует напомнить, что, хотя Комиссия в конечном счете решила не включать в свой проект статей положение, касающееся непосредственно вопроса о возражениях против оговорок, предложенное Специальным докладчиком решение возражений по существу в Комиссии не вызвало.

8) По примеру презумпции сохранения оговорок, закрепленной в пункте 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года, презумпция сохранения возражений оправдана как в отношении новых независимых государств, так и в отношении других государств-преемников. Тем не менее в некоторых случаях объединения двух или более государств презумпция сохранения возражений знает исключения, которые предусмотрены в руководящем положении 5.2.2.

9) Хотя руководящее положение 5.2.1 относится в общем смысле к «государству-преемнику» — т.е. государству, которое сменяет другое государство в несении ответственности за международные отношения какой-либо территории²⁷³⁴, — оно касается лишь тех случаев, когда государство-преемник приобретает свой статус договаривающегося

государства на основе правопреемства, причем это правопреемство может иметь место как *ipso jure*, так и в силу соответствующего уведомления. Вместе с тем презумпция, заложенная в данном руководящем положении, не применяется в тех ситуациях, когда государство-преемник, которое становится правопреемником в отношении договора *ipso jure*, решает стать договаривающимся государством не посредством уведомления о своем правопреемстве в отношении договора, а иным способом, например, присоединяясь к нему по смыслу статьи 11 Венской конвенции 1969 года.

5.2.2 Неприменимость некоторых возражений в случае объединения государств

1. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств договор, который на момент правопреемства государств находился в силе в отношении любого из этих государств, остается в силе в отношении государства, возникающего в результате объединения, возражения против оговорки, сформулированные одним из этих государств, в отношении которого, на момент правопреемства государств, договор не находился в силе, не сохраняются.

2. В случае, когда вследствие объединения двух или более государств государство-преемник является договаривающимся государством договора, в отношении которого оно сохранило оговорки в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 или 5.1.2, возражения против оговорок другого договаривающегося государства или договаривающейся организации, которая будет идентичной или эквивалентной оговорке, которую само государство-преемник сохранило, не сохраняются.

Комментарий

1) Руководящее положение 5.1.3 (Неприменимость некоторых оговорок в случае объединения государств) предусматривает исключение, которое должно применяться в отношении принципа сохранения оговорок государства-предшественника в некоторых ситуациях, которые могут возникать в контексте объединения двух или более государств. Такие ситуации возникают в случае, когда на момент правопреемства государств договор, который действовал в отношении какого-либо из государств-предшественников, остается в силе для государства, возникшего в результате объединения: в этом случае оговорки, которые могли быть сформулированы государством-предшественником, которое на момент правопреемства государств было государством, являвшимся только договаривающейся стороной данного договора, не сохраняются²⁷³⁵.

2) Поскольку одни и те же причины порождают одни и те же последствия, руководящее положение 5.2.1, которое закрепляет принцип сохранения

²⁷²⁸ Конвенция об открытом море (Фиджи) (*ibid.*, chap. XXI.2).

²⁷²⁹ См. сноску 2681 выше.

²⁷³⁰ См. сноску 2682 выше.

²⁷³¹ См. сноску 2683 выше.

²⁷³² Аналогичное замечание относится, впрочем, к целому ряду уточнений, предложенных в отношении части 5 Руководства по практике. Однако здесь это особенно заметно в силу крайне малого числа прецедентов.

²⁷³³ См. выше пункт 5) комментария к данному руководящему положению.

²⁷³⁴ См. определения терминов «правопреемство государств» и «государство-преемник», которые фигурируют соответственно в подпунктах *b*) и *d*) пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1978 года.

²⁷³⁵ См. руководящее положение 5.1.3 и комментарий к нему.

возражений, сформулированных государством-предшественником против оговорок, сформулированных другими договаривающимися государствами или международными организациями в отношении договора, к которому оно присоединилось в порядке правопреемства, должно предусматривать такое же исключение на случай возникновения упомянутых ситуаций. Так, пункт 1 настоящего руководящего положения уточняет, что в случае, когда договор остается в силе в отношении объединенного государства, возражения против оговорки, сформулированные одним из государств, совершившим объединение, которое на момент правопреемства государств было договаривающимся государством, в отношении которого договор не находился в силе, не сохраняются.

3) Вместе с тем можно предусмотреть еще одну ситуацию, типичную для возражений, которая обуславливает установление второго исключения из принципа, закрепленного в руководящем положении 5.2.1. Пункт 2 руководящего положения 5.2.2 предусматривает это исключение, которое логически оправдано и касается того, что государство-преемник не может сохранять одновременно и оговорку, сформулированную одним из государств, участвующих в объединении, и возражения, заявленные другим из этих государств против идентичной или эквивалентной оговорки, сформулированной договаривающимся государством, которое по отношению к правопреемству государств является третьим государством.

5.2.3 Сохранение возражений в отношении оговорок государства-предшественника

В случае, когда оговорка, сформулированная государством-предшественником, рассматривается как сохраненная государством-преемником в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 или 5.1.2, любое возражение, сформулированное в отношении указанной оговорки другим договаривающимся государством или договаривающейся организацией, считается сохраненным в отношении государства-преемника.

Комментарий

1) Это руководящее положение предусматривает презумпцию сохранения возражений, сформулированных договаривающимся государством или договаривающейся организацией в отношении оговорок государства-предшественника, которые считаются сохраненными государством-преемником согласно руководящим положениям 5.1.1 и 5.1.2.

2) Как представляется, эта презумпция напрашивается сама собой. По сути, было бы трудно объяснить причины, по которым договаривающееся государство или договаривающаяся организация должны повторять возражение, которое они сформулировали в отношении оговорки государства-предшественника, которая применялась к территории, являющейся

объектом правопреемства государств²⁷³⁶. Впрочем, государство, заявившее возражение, всегда будет иметь право отменить его, если оно не желает сохранить его в отношении государства-преемника.

3) Презумпция сохранения возражений против оговорок государства-предшественника, сохраненных государством-преемником, находит также поддержку во мнениях, высказанных рядом делегаций в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров 1977–1978 годов. Так, Япония указала, что она может принять текст проекта статьи 19, предложенный Комиссией международного права, при том, однако, условии, что «государство-участник, которое возразило против первоначальной оговорки, сделанной государством-предшественником, не должно подтверждать свое возражение применительно к государству-преемнику»²⁷³⁷. Аналогичное мнение было высказано Федеративной Республикой Германия, которая заявила, что в отношении как новых независимых государств, так и других государств-преемников «государство-преемник было ipso jure связано индивидуальными конвенционными отношениями, созданными государством-предшественником, включая оговорки и другие заявления, сделанные этим государством, и возражения против них, заявленные другими участниками договора*»²⁷³⁸.

5.2.4 Оговорки государства-предшественника, не вызвавшие возражений

В случае, когда оговорка, сформулированная государством-предшественником, рассматривается как сохраненная государством-преемником в соответствии с руководящими положениями 5.1.1 или 5.1.2, государство или международная организация, которые не заявили возражений против оговорок в отношении государства-предшественника, не вправе возражать против нее в отношении государства-преемника, за исключением случаев:

a) когда срок для формулирования возражения не истек до момента правопреемства государств и возражение делается в пределах этого срока; или

b) когда расширение территориальной сферы действия оговорки радикальным образом меняет условия применения оговорки.

²⁷³⁶ См. Gaja, «Reservations to treaties...» (сноска 2641 выше), р. 67, и меморандум Секретариата об оговорках к договорам в контексте правопреемства государств (сноска 2614 выше), пункт 37.

²⁷³⁷ *Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия... (A/CONF.80/16)* (сноска 2623 выше), 28-е заседание Комитета полного состава, 26 апреля 1977 года, пункт 16.

²⁷³⁸ Там же, том II, *Возобновленная сессия... (A/CONF.80/16/Add.1)* (сноска 2623 выше), Комитет полного состава, 43-е заседание, 3 августа 1978 года, пункт 11.

Комментарий

1) Это руководящее положение предусматривает случай, когда договаривающееся государство своевременно не заявляло возражений против сформулированной государством-предшественником оговорки, которая вследствие правопреемства государств считается сохраненной государством-преемником. В этой ситуации было бы трудно объяснить, почему такое молчаливое принятие оговорки может быть поставлено под сомнение ввиду простого факта правопреемства государств. Поэтому данное руководящее положение исключает в принципе право договаривающегося государства возражать применительно к государству-преемнику в отношении оговорки, против которой оно не возражало применительно к государству-предшественнику. Однако необходимо зарезервировать два случая.

2) Первый случай, предусмотренный в подпункте *a)*, это когда правопреемство государств происходит до истечения срока, в течение которого договаривающееся государство могло бы заявить возражение против оговорки, сформулированной государством-предшественником²⁷³⁹. В подобной ситуации, безусловно, необходимо признать за государством или международной организацией, являющимися договаривающимися сторонами, право формулировать возражение до истечения такого срока.

3) Второй случай, предусмотренный в подпункте *b)*, является случаем, когда «расширение территориальной сферы действия оговорки радикальным образом меняет условия применения оговорки». Этот случай предположительно мог бы возникать в ситуациях, предусмотренных руководящим положением 5.1.5, согласно которому расширение территориальной сферы действия оговорки вытекает из расширения территориальной сферы действия самого договора вследствие объединения государств. Кроме того, было бы, вероятно, необходимо, чтобы государство или международная организация, которые своевременно не заявили возражения против оговорки до момента правопреемства государств, могли также сделать возражения в такой ситуации, когда сохранение оговорки, территориальная сфера действия которой была расширена, компрометирует сбалансированность договора: таков смысл ограничительной формулировки этого исключения, предусматривающей только ситуации, в которых расширение территориальной сферы действия оговорки «радикальным образом меняет условия применения оговорки».

5.2.5 Право государства-преемника формулировать возражения против оговорок

1. В случае, когда новое независимое государство делает уведомление о правопреемстве, устанавливая свой статус в качестве договаривающегося государства, оно может в обстоятельствах, предусмотренных соответствующими руководящими положениями, формулировать возражение

²⁷³⁹ См. руководящее положение 2.6.1.2 и комментарий к нему.

против оговорок, сформулированных договаривающимся государством или договаривающейся организацией, даже если государство-предшественник не формулировало таких возражений.

2. Право, предусмотренное в пункте 1, также признается за государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, в случае, когда оно делает уведомление, устанавливая свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник являлось договаривающимся государством.

3. Тем не менее право, признаваемое в пунктах 1 и 2, не действует в случае договоров, к которым применяются руководящие положения 2.8.7 и 4.1.2.

Комментарий

1) Это руководящее положение касается права государства-преемника формулировать возражения против оговорок, сделанных в отношении договора, договаривающейся стороной которого оно становится вследствие правопреемства государств. Как и в других руководящих положениях, в этой связи необходимо разграничить две разные ситуации, которые требуют самостоятельных решений.

2) В этом руководящем положении термин «право» имеет тот же смысл и используется по тем же причинам, что и в руководящем положении 2.6.2 (Право формулировать возражения):

– с одной стороны, ситуация, в которой государство-преемник свободно осуществлять или не осуществлять правопреемство в отношении соответствующего договора и устанавливает посредством уведомления о правопреемстве свой статус в качестве договаривающегося государства; и

– с другой стороны, в случае «автоматического правопреемства», когда государство-преемник «наследует» уже существующий договор, при этом прямо выразить свое согласие ему не предлагается.

Руководящее положение 5.2.5 касается только первой ситуации, тогда как вторая предусмотрена руководящим положением 5.2.6.

3) Случай, о котором идет речь в руководящем положении 5.2.5, включает, в свою очередь, две отдельные ситуации:

– ситуацию новых независимых государств, которые делают уведомление о правопреемстве²⁷⁴⁰, являющуюся предметом пункта 1;

²⁷⁴⁰ См. статьи 17 и 18 Венской конвенции 1978 года, текст которых воспроизводится в сноске 2628 выше.

– ситуацию, предусмотренную в пункте 2, когда государство-преемник, не являющееся новым независимым государством, устанавливает посредством «уведомления» свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, который на момент правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но в отношении которого государство-предшественник было договаривающимся государством.

4) В обеих ситуациях, предусмотренных в настоящем руководящем положении, государство-преемник может выбирать, становится ему участником договора или нет. Именно поэтому ничто в принципе не мешает тому, чтобы оно могло сформулировать новые возражения на момент, когда оно устанавливает посредством уведомления по смыслу пункта 1 руководящего положения 5.1.1 или пункта 3 руководящего положения 5.1.2 свой статус договаривающегося государства. В этом состоит решение применительно к каждой из этих двух ситуаций, закрепленное соответственно в пунктах 1 и 2 руководящего положения 5.2.5.

5) Сэр Хэмфри Уолдок кратко рассмотрел этот вопрос в своем третьем докладе о правопреемстве государств в отношении договоров, отметив, что «в тех случаях, когда государство-правопреемник становится участником договора не в результате наследования, а в силу самостоятельного акта, устанавливающего его согласие на обязательность для него этого договора, было бы логично, если бы оно несло всю ответственность за свои оговорки, признание и возражения и чтобы в отношении возможных оговорок, признания и возражений своего предшественника оно находилось в том же положении, что и любой другой новый участник договора»²⁷⁴¹. Действительно, представляется логичным применять к возражениям те же аргументы, которые лежат в основе руководящих положений 5.1.1, пункт 2, и 5.1.2, пункт 3, регулирующих формулирование оговорок государством-преемником: поскольку в предусмотренных здесь случаях правопреемство в отношении договора возникает только в силу добровольного акта государства-преемника (а именно «уведомления о правопреемстве» или в случае государств-преемников, не являющихся новыми независимыми государствами, «уведомления»), государство-преемник должно быть свободно в плане изменения своих конвенционных обязательств не только посредством формулирования оговорок, но также (если оно того пожелает) посредством возражений против оговорок, сформулированных другими государствами даже до момента его правопреемства в отношении договора²⁷⁴².

6) Впрочем, хотя такая практика – редкость, существуют случаи, в которых новые независимые государства формулировали новые возражения в момент

уведомления о своем правопреемстве в отношении договора. Так, например, Фиджи аннулировало возражения государства-предшественника и сформулировало новые возражения по случаю своего уведомления о правопреемстве в отношении Конвенции об открытом море 1958 года²⁷⁴³.

7) Вместе с тем пункт 3 руководящего положения предусматривает исключение в отношении права формулировать возражения, признаваемого за государством-преемником в пунктах 1 и 2. Это исключение касается случаев, предусмотренных пунктом 2 статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов – содержание которого воспроизводится в руководящем положении 4.1.2, – согласно которым оговорка к договору должна приниматься всеми участниками. Закрепление этого исключения уже было предложено сэром Хэмфри Уолдоком в его третьем докладе; в пункте 3 проекта статьи 9, где устанавливался принцип приравнивания правил, применимых к возражениям, к правилам, установленным в отношении оговорок, содержался подпункт *b*) в следующей формулировке:

b) однако в том случае, если договор подпадает под условия пункта 2 статьи 20 Венской конвенции, новое государство не может выдвигать возражений против оговорки, которая была принята всеми участниками договора²⁷⁴⁴.

Это исключение призвано не допустить, чтобы государство-преемник, формулируя возражение, могло заставить государство, сделавшее оговорку, выйти из такого договора. Оно также согласуется с руководящим положением 2.8.7 (Единое принятие оговорок), на которое содержится также ссылка в пункте 3.

8) Краткая ссылка в пункте 1 этого руководящего положения на «обстоятельства, предусмотренные соответствующими руководящими положениями», оправдана тем, что было бы сложно и даже невозможно перечислить исчерпывающим образом в тексте этого руководящего положения все руководящие положения, применимые к формулированию возражений. В сущности, речь идет о руководящих положениях раздела 2.6 Руководства по практике «Формулирование возражений».

9) Среди этих руководящих положений следует особо отметить руководящее положение 2.6.12, которое воспроизводит временное условие, закрепленное в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 года. В случае возражения со стороны государства-преемника в отношении предыдущей оговорки применение этого временного ограничения должно приводить к мнению о том, что государство-преемник, для того чтобы сформулировать возражение, располагает 12-месячным сроком начиная с даты, когда оно устанавливает посредством уведомления свой статус договаривающегося государства. Фактически, ввиду добровольного характера

²⁷⁴¹ *Ежегодник... 1970 год*, том II, документ A/CN.4/224 и Add.1, стр. 56, пункт 2) комментария к проекту статьи 9; см. также пункт 5) комментария к руководящему положению 5.2.1 выше.

²⁷⁴² По этому поводу относительно новых независимых государств см. Гаја, «Reservations to treaties...» (сноска 2641 выше), р. 66.

²⁷⁴³ См. сноску 2728 выше.

²⁷⁴⁴ *Ежегодник... 1970 год*, том II, документ A/CN.4/224 и Add.1, стр. 56; см. также обоснование этого предложения, там же, стр. 62, пункт 17) комментария к проекту статьи 9.

правопреемства в случаях, предусмотренных настоящим руководящим положением, только начиная с даты, когда государство-преемник устанавливает свой статус договаривающегося государства, оно может получать возможность осведомляться относительно всех оговорок, сформулированных в отношении этого договора, и рассматривать их с целью определения того, намеревается ли оно заявлять против них возражения. Следовательно, как представляется, признание за государствами-преемниками, охватываемыми этим руководящим положением, 12-месячного срока для возражения начиная с даты, когда они уведомили о своем правопреемстве в отношении договора, соответствует духу пункта 5 статьи 20 Конвенции 1969 года, как он воспроизводится в руководящем положении 2.6.12.

5.2.6 *Возражения государства-преемника, которое не является новым независимым государством и в отношении которого договор остается в силе*

Государство-преемник, которое не является новым независимым государством и в отношении которого договор остается в силе вследствие правопреемства государств, не может формулировать возражение в отношении оговорки, против которой государство-предшественник не возражало, за исключением случаев, когда срок для формулирования возражения не истек до момента правопреемства государств и в пределах этого срока.

Комментарий

1) Это руководящее положение, которое предусматривает случай исключения из сферы применения руководящего положения 5.2.5, применяется к государству-преемнику, не являющемуся новым независимым государством, поскольку вследствие объединения или отделения государств договор остается в силе в отношении него в контексте правопреемства, которое можно считать «автоматическим», т.е. когда договор *остается в силе* вследствие правопреемства государств в отношении государства-преемника, не являющегося новым независимым государством, при этом участие этого государства не подразумевает выражения согласия с его стороны. Согласно Части IV Венской конвенции 1978 года такая ситуация возникает в принципе в отношении государства, появляющегося в результате объединения двух или более государств, когда речь идет о договорах, которые на момент правопреемства государств находились в силе в отношении любого из государств-предшественников²⁷⁴⁵. То же самое касается государства, возникающего в результате отделения государств, применительно к договорам, которые на момент правопреемства государств находились в силе в отношении всей территории государства-предшественника, а также договоров, которые находились в силе только в отношении части территории государства-предшественника, которая соответствует территории государства-преемника²⁷⁴⁶.

²⁷⁴⁵ См. статью 31 Конвенции.

²⁷⁴⁶ См. статью 34 Конвенции.

2) Поскольку в случаях, предусмотренных в настоящем руководящем положении, правопреемство в отношении договора не зависит от волеизъявления государства, возникшего в результате объединения или отделения, это государство наследует весь комплекс прав и обязательств государства-предшественника по договору²⁷⁴⁷, включая возражения (или отсутствие возражений), которые это последнее сформулировало (или не сформулировало) в отношении какой-либо оговорки к этому договору. Как было отмечено:

Когда... правопреемство считается автоматическим, допустимость возражений со стороны государства-преемника должна быть исключена... если государство-предшественник приняло оговорку, такое согласие впоследствии не может быть отозвано ни им самим, ни его преемником²⁷⁴⁸.

Впрочем, насколько можно судить, государства-преемники, не являющиеся новыми независимыми государствами, не требовали права формулировать возражения в отношении оговорок, против которых не возражало государство-предшественник²⁷⁴⁹.

3) Как и в случае руководящего положения 5.2.4 (Оговорки государства-предшественника, не вызвавшие возражений), следует, однако, зарезервировать случай, когда правопреемство государств происходит до истечения срока, в течение которого государство-предшественник могло бы заявить возражения против оговорки, сформулированной договаривающимся государством. В подобной ситуации представляется оправданным признать за государством-преемником право формулировать возражение против этой оговорки до истечения такого срока²⁷⁵⁰.

5.3 *Принятие оговорок в случае правопреемства государств*

5.3.1 *Сохранение новым независимым государством определено выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником*

В случае, когда новое независимое государство посредством уведомления о правопреемстве устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, оно рассматривается как сохраняющее любое определенно выраженное принятие государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, за исключением случаев, когда оно выражает противоположное

²⁷⁴⁷ См. комментарий к руководящему положению 5.1.2, в частности комментарий к пунктам 1 и 2 этого руководящего положения.

²⁷⁴⁸ Gaja, «Reservations to treaties...» (сноска 2641 выше), p. 67.

²⁷⁴⁹ В меморандуме Секретариата об оговорках к международным договорам в контексте правопреемства государств (см. сноску 2614 выше) не указано ни одного случая, когда государство-преемник, возникшее в результате объединения или отделения государств, формулировало бы возражения в отношении оговорок, против которых государство-предшественник не возражало.

²⁷⁵⁰ См. также пункт 2) комментария к руководящему положению 5.2.4.

намерение в течение двенадцати месяцев с даты уведомления о правопреемстве.

Комментарий

1) Это руководящее положение касается судьбы определенно выраженного принятия, которое было сформулировано государством-предшественником. Что касается молчаливого принятия государством-предшественником, которое не возразило в надлежащий момент против оговорки до даты правопреемства государств, то применимые правила излагаются в руководящих положениях 5.2.5 и 5.2.6.

2) Как и в отношении оговорок и возражений, вопрос о судьбе определенно выраженного принятия, которое было сформулировано государством-предшественником, требует разных решений, хотя бы отчасти, в зависимости от того, как происходило правопреемство в отношении договора – в силу уведомления со стороны государства-преемника или *ipso jure*.

3) В случае новых независимых государств правопреемство происходит в силу уведомления о правопреемстве²⁷⁵¹. В этом контексте в пункте 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года, который был воспроизведен в пункте 1 руководящего положения 5.1.1, установлена презумпция сохранения новым независимым государством оговорок государства-предшественника, если только новое независимое государство не выразит в момент уведомления о правопреемстве противоположного намерения или не сформулирует оговорку, относящуюся к тому же вопросу, что и оговорка государства-предшественника. По мнению Комиссии, хотя практики, касающейся определенно выраженного принятия оговорок в связи с правопреемством государств, судя по всему, не существует, презумпция сохранения оговорок должна быть логически распространена на определенно выраженное принятие.

4) Аналогия представляется также уместной в отношении права (прежде, чем оно будет признано за новым независимым государством) выражать свое намерение не сохранять определенно выраженное принятие, которое было сформулировано государством-предшественником в отношении оговорки. Такое право не представляет собой отступления от общего правила в отношении окончательного характера принятия оговорки, изложенного в руководящем положении 2.8.13: добровольный характер правопреемства в отношении договора со стороны нового независимого государства оправдывает это очевидное отступление, как он оправдывает и право формулировать новые оговорки, признанное в пункте 2 статьи 20 Венской конвенции 1978 года за новым независимым государством в момент уведомления о его правопреемстве в отношении договора²⁷⁵², или право такого государства формулировать возражения против оговорок, сформулированных до даты

уведомления о правопреемстве, признанное в руководящем положении 5.2.5.

5) Между тем возникает вопрос: в течение какого срока новое независимое государство может выразить свое намерение не сохранять определенно выраженное принятие государства-предшественника. В отношении несохранения оговорки государства-предшественника пункт 1 статьи 20 Венской конвенции 1978 года требует, чтобы соответствующее намерение было выражено новым независимым государством в момент уведомления о правопреемстве в отношении договора. Применимо ли то же требование в отношении несохранения определенно выраженного принятия? Логические соображения в данном случае заставляют склоняться в пользу применения по аналогии решения, принятого в отношении формулирования новым независимым государством возражения против оговорки, сформулированной до даты уведомления о правопреемстве. В самом деле, несохранение определенно выраженного принятия, как представляется, можно в значительной мере приравнять в плане потенциальных последствий к формулированию нового возражения. Следовательно, руководящее положение 5.3.1 относительно сохранения новым независимым государством определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником, опирается на правило, применимое к формулированию возражения государством-преемником, сохраняя для этой цели 12-месячный срок, в течение которого новое независимое государство имеет право заявить о своем намерении не сохранять определенно выраженное принятие, сформулированное государством-предшественником²⁷⁵³. Хотя руководящее положение 5.2.5, касающееся возражений, сформулированных государством-преемником, ограничивается в этой связи ссылкой на «соответствующие руководящие положения», что, вполне естественно, включает упомянутое временное условие, в контексте настоящего руководящего положения нельзя ограничиваться ссылкой на общие правила, поскольку вопрос о том, сохранять или не сохранять государству-преемнику определенно выраженное принятие оговорки, сделанной государством-предшественником, не возникает вне правопреемства государств. Следовательно, уместно прямо предусмотреть 12-месячный срок по образцу решения, применимого к формулированию возражения государством-преемником.

6) Намерение, которое выразит новое независимое государство в этой связи, может проявиться либо в прямом аннулировании определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником, либо в формулировании новым независимым государством возражения против оговорки, которая была прямо принята государством-предшественником, и содержание этого выражения было бы несовместимо, полностью или частично, с этим принятием.

²⁷⁵¹ См. пункт 4) комментария к руководящему положению 5.1.1 и сноску 2628 выше.

²⁷⁵² См. пункт 2 руководящего положения 5.1.1.

²⁷⁵³ См. пункт 9) комментария к руководящему положению 5.2.5.

5.3.2 Сохранение государством-преемником, не являющимся новым независимым государством, определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником

1. Государство-преемник, которое не является новым независимым государством и в отношении которого договор остается в силе вследствие правопреемства государств, рассматривается как сохраняющее любое определенно выраженное принятие государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией.

2. В случае, когда государство-преемник, не являющееся новым независимым государством, делает уведомление, которым оно устанавливает свой статус в качестве договаривающегося государства в отношении договора, который на дату правопреемства государств не находился в силе для государства-предшественника, но применительно к которому государство-предшественник являлось договаривающимся государством, оно рассматривается как сохраняющее любое определенно выраженное принятие государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, за исключением случаев, когда оно выражает противоположное намерение в течение 12 месяцев с даты уведомления о правопреемстве.

Комментарий

1) В отношении государств-преемников, не являющихся новыми независимыми государствами, вопрос о судьбе определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником, требует дифференцированных решений. В действительности, уместно разграничивать случаи, в которых правопреемство происходит *ipso jure*, и случаи, когда оно осуществляется в силу уведомления.

2) Первый гипотетический вариант регламентируется пунктом 1 настоящего руководящего положения. Он возникает в случаях объединения или отделения государств, когда речь идет о договорах, которые на дату правопреемства государств находились в силе для государства-предшественника и остаются в силе для государства-преемника²⁷⁵⁴. Для такого варианта руководящее положение 5.2.6 предусматривает, что государство-преемник не имеет права заявлять возражение против оговорки, против которой государство-предшественник в соответствующий момент не возражало. А *fortiori* такое государство-преемник не имеет права ставить под сомнение определенно выраженное принятие, которое было сформулировано государством-предшественником.

3) С другой стороны, иная ситуация возникает в случаях, предусмотренных в пункте 2 настоящего

руководящего положения, когда правопреемство в отношении договора применительно к государствам, возникающим в результате объединения или отделения государств, происходит только в силу уведомления на этот счет; это касается договоров, которые на дату правопреемства государств не находились в силе для государства-предшественника, но в отношении которых оно являлось договаривающимся государством. В такой ситуации, как это, впрочем, уже было в случае формулирования новых оговорок²⁷⁵⁵ и новых возражений²⁷⁵⁶, за этими другими государствами-преемниками необходимо признавать то же право, что и право, которым пользуются новые независимые государства согласно руководящему положению 5.3.1.

5.3.3 Действие во времени несохранения государством-преемником определенно выраженного принятия, сформулированного государством-предшественником

Несохранение в соответствии с руководящим положением 5.3.1 и пунктом 2 руководящего положения 5.3.2 государством-преемником определенно выраженного принятия государством-предшественником оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, вступает в силу в отношении договаривающегося государства или договаривающейся организации только после получения ими уведомления об этом.

Комментарий

Это руководящее положение касается последствий *ratione temporis* несохранения государством-преемником определенно выраженного принятия оговорки со стороны государства-предшественника. В отношении этого момента, по-видимому, нет никакой причины отклоняться от решения, предусмотренного в руководящем положении 5.1.7, поскольку речь идет о последствиях во времени несохранения государством-преемником оговорки, сформулированной государством-предшественником.

5.4 Правовые последствия оговорок, принятия и возражений в случае правопреемства государств

1. Оговорки, принятие и возражения, которые рассматриваются как сохраняющиеся в соответствии с руководящими положениями, содержащимися в настоящей части Руководства по практике, продолжают иметь правовые последствия в соответствии с положениями настоящей части Руководства.

2. Часть 4 Руководства на практике также применяется *mutatis mutandis* к новым оговоркам, принятию и возражениям, сформулированным государством-преемником в соответствии с положениями настоящей части Руководства по практике.

²⁷⁵⁴ См. комментарий к руководящему положению 5.1.2 выше, особенно пункт 3).

²⁷⁵⁵ См. пункт 2 статьи 20 Венской конвенции 1978 года, а также пункт 2 руководящего положения 5.1.1.

²⁷⁵⁶ См. пункт 2 руководящего положения 5.2.5.

Комментарий

1) Данное руководящее положение, в основу которого положен предшествующий проект, который упоминал в части 4 Руководства по практике исключительно правовые последствия оговорок²⁷⁵⁷, было включено Комиссией, когда она приняла окончательный вариант Руководства, и теперь упоминаются также принятие и возражения. Это руководящее положение имеет целью напомнить, что часть 4 Руководства по практике, которая касается правовых последствий оговорок, возражений или принятия, применяется также к новым оговоркам, возражениям и принятию, сформулированным государством-преемником. Что касается оговорок, возражений и принятия, сформулированных новым независимым государством, то это проистекает из ссылки на статьи 20–23 Венской конвенции 1969 года, фигурирующей в пункте 3 статьи 20 Венской конвенции 1978 года. Настоящее руководящее положение охватывает также новые оговорки, которые государство-преемник может формулировать в соответствии с пунктом 3 руководящего положения 5.1.2, а также новые возражения, сформулированные в соответствии с руководящими положениями 5.2.5 и 5.2.6.

2) Хотя такое утверждение может показаться очевидным, представляется полезным отразить его в руководящем положении, с тем чтобы подчеркнуть, что государство-преемник, которое формулирует новую оговорку или новое возражение или принятие²⁷⁵⁸, находится с точки зрения правовых последствий последних в том же положении, что и любое другое государство или международная организация, являющиеся авторами оговорки или возражения²⁷⁵⁹.

5.5 Заявления о толковании в случае правопреемства государств

1. Государству-преемнику следует уточнить свою позицию в отношении заявлений о толковании, сформулированных государством-предшественником. В отсутствие такого уточнения государство-преемник рассматривается как сохраняющее заявления о толковании государства-предшественника.

2. Пункт 1 не затрагивает ситуаций, в которых государство-преемник продемонстрировало своим поведением, что оно намерено сохранить или отклонить заявление о толковании, сформулированное государством-предшественником.

²⁷⁵⁷ Бывший проект 5.1.4 руководящего положения. Комментарий к проекту см. *Ежегодник... 2010 год*, том II (часть вторая), стр. 167.

²⁷⁵⁸ Речь может идти только об определенно выраженном принятии; по определению, молчаливое принятие «не формулируется».

²⁷⁵⁹ См. текст руководящих положений части 4 Руководства по практике и относящиеся к ним комментарии.

Комментарий

1) В связи с правопреемством государств в отношении договоров могут также возникать определенные вопросы в отношении заявлений о толковании, по поводу которых в Венской конвенции 1978 года, несмотря на попытку внесения поправки, которая оказалась безуспешной²⁷⁶⁰, сказано не больше, чем в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов.

2) Ввиду «молчания» текста Конвенции нельзя не задать два вопроса: первый касается судьбы заявлений о толковании, сформулированных государством-предшественником; второй заключается в том, имеет ли само государство-преемник право формулировать заявления о толковании, когда оно осуществляет правопреемство в отношении договора или же после того, как оно его осуществило. Как в одном, так и в другом случае следует иметь в виду, что согласно нормам руководящего положения 2.4.4 «[с] учетом содержания руководящих положений 1.4 и 2.4.7 заявление о толковании может быть сформулировано в любой момент»²⁷⁶¹.

3) Руководящее положение 5.5, которое сформулировано в общих выражениях с целью охвата всех случаев правопреемства, посвящено первому из двух вопросов, упомянутых в предыдущем пункте, а именно о судьбе заявлений о толковании, сформулированных государством-предшественником.

²⁷⁶⁰ На Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров делегация Федеративной Республики Германии предложила поправку с целью расширить сферу применения статьи 20 – единственного положения Венской конвенции 1978 года, где говорится о судьбе оговорок. Согласно этой поправке перед положениями, касающимися оговорок, предложенными Комиссией международного права, предлагалось включить указание, согласно которому «любое сделанное заявление или составленный документ в отношении договора, которые относятся к его заключению или подписанию государством-предшественником, остаются в силе в отношении нового независимого государства» (*Официальные отчеты Конференции Организации Объединенных Наций по вопросу о правопреемстве государств в отношении договоров, том I, первая сессия... (A/CONF.80/16)* (см. сноску 2623 выше), Комитет полного состава, 28-е заседание, 26 апреля 1977 года, пункт 2, и *A/CONF.80/14*, пункт 118 b) (воспроизводится там же, том III, *Сессия 1977 года и Возобновленная сессия 1978 года, Документы конференции... (A/CONF.80/16/Add.2)* (сноска 2623 выше), стр. 205)). Впоследствии делегация Федеративной Республики Германии отозвала эту предлагаемую поправку, которая по разным причинам вызвала возражения со стороны целого ряда делегаций (там же, том I, *первая сессия... (A/CONF.80/16)* (сноска 2623 выше), Комитет полного состава, 27-е заседание, 25 апреля 1977 года, пункт 73 (Алжира, который считал, что указанная поправка, похоже, ставит под сомнение принцип самоопределения); пункт 78 (Польша, которая полагала, что эта поправка является нечеткой); пункт 87 (Мадагаскар, по мнению которого формулировка этой поправки была «слишком общей»); пункт 90 (Гайаны); и пункт 95 (Италия, которая назвала формулировку поправки «весьма агрессивной и негибкой»)).

²⁷⁶¹ Руководящее положение 1.4 касается условных заявлений о толковании, которые, как представляется, должны подчиняться правовому режиму, применимому к оговоркам. Руководящее положение 2.4.7 касается последующего формулирования заявлений о толковании, когда договор предусматривает, что заявление о толковании может быть сделано только в определенные моменты, и в этом случае специальная норма имеет преимущество перед общей нормой.

Практика не дает ответов на этот вопрос. Кроме того, следует учитывать, что заявления о толковании характеризуются крайним разнообразием как с точки зрения их внутреннего содержания, так и их потенциальных последствий. Впрочем, именно эти факторы и объясняют, по крайней мере частично, почему регулирование заявлений о толковании в Руководстве по практике не отличается особой детализацией. В этих условиях, несомненно, следует проявить осторожность и прагматизм.

4) В этом духе пункт 1 настоящего руководящего положения содержит рекомендацию, в которой государствам предлагается разъяснять свою позицию в отношении судьбы заявлений о толковании, которые сформулировало государство-предшественник. Комиссия неоднократно выражала мнение о том, что такой способ вполне подходит для Руководства по практике, которое не предполагается превращать в конвенционный текст²⁷⁶². Он тем более уместен в данном случае, поскольку в отсутствие прямых договорных положений государства пользуются весьма значительной свободой усмотрения в вопросе уместности или момента представления таких заявлений.

5) Вместе с тем пункт 1 предусматривает также презумпцию, которая представляется логичной для правопреемства в отношении договоров и согласно которой в отсутствие такого уточнения государство-преемник рассматривается как сохраняющее

заявления о толковании государства-предшественника.

6) К тому же пункт 2 настоящего руководящего положения признает, что существуют ситуации, в которых в отсутствие прямо выраженной позиции государства-преемника его поведение может позволить ответить на вопрос о том, придерживается оно или нет заявления о толковании, сформулированного государством-предшественником; в подобных случаях такого поведения достаточно для установления судьбы заявления о толковании государства-предшественника.

7) В отношении второго вопроса, который упоминается в пункте 2) настоящего комментария, а именно права государства-преемника формулировать заявление о толковании, включая заявление, которое государство-предшественник не сформулировало, не вызывает никаких сомнений то, что наличие такого права вытекает непосредственно из руководящего положения 2.4.4, согласно которому заявление о толковании с учетом некоторых исключений может быть сформулировано в любой момент²⁷⁶³. Однако, судя по всему, не существует веских причин для того, чтобы лишать государство-преемник, каким бы оно ни было, права, которым государство-предшественник могло бы воспользоваться в любой момент. Ввиду этого Комиссия полагает, что нет необходимости посвящать этому вопросу отдельное руководящее положение.

²⁷⁶² См., в частности, руководящие положения 2.1.2, 2.4.1, 2.4.5, 2.6.9 и 2.9.3.

²⁷⁶³ См. также сноску 2761 выше.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫВОДЫ В ОТНОШЕНИИ ДИАЛОГА ОБ ОГОВОРКАХ

Комиссия международного права,

ссылаясь на положения об оговорках к международным договорам, содержащиеся в Венской конвенции о праве международных договоров и Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями,

принимая к сведению семнадцатый доклад*, представленный Специальным докладчиком по теме «Оговорки к международным договорам», в котором затрагивается вопрос о диалоге об оговорках,

принимая во внимание необходимость достижения удовлетворительного баланса между целями ограждения целостности многосторонних договоров и обеспечения максимально широкого участия в них,

признавая ту роль, которую оговорки к международным договорам могут сыграть в достижении такого баланса,

будучи озабочена числом оговорок, которые представляются несовместимыми с ограничениями, налагаемыми правом международных договоров, в частности статьей 19 Венских конвенций о праве международных договоров,

сознавая трудности, связанные с оценкой действительности оговорок,

будучи убеждена в полезности прагматического диалога с автором оговорки,

приветствуя усилия, предпринятые в последние годы, в том числе в рамках международных организаций и договорных органов по правам человека, в целях поощрения такого диалога,

I. считает, что:

1. государствам и международным организациям, намеревающимся сформулировать оговорки, следует формулировать их настолько конкретно и строго, насколько возможно, рассмотреть возможность ограничения их сферы действия и обеспечить, чтобы они не были несовместимыми с объектом и целью договора, к которому они относятся;

2. при формулировании одностороннего заявления государствам и международным организациям следует указывать, равносильно ли оно оговорке,

* A/CN.4/647 и Add.1, пункты 2–68.

и, если оно ей равносильно, пояснять, почему оговорка считается необходимой и какие последствия она будет иметь для выполнения ее автором своих обязательств по договору;

3. мотивировка автора оговорки важна для оценки действительности оговорки, и государствам и международным организациям следует мотивировать любое изменение оговорки;

4. государствам и международным организациям следует периодически пересматривать свои оговорки в целях ограничения их сферы действия или их снятия в надлежащих случаях;

5. озабоченности в отношении оговорок, которые часто выражаются государствами и международными организациями, а также контрольными органами, могут быть полезны для оценки действительности оговорок;

6. государствам и международным организациям, а также контрольным органам следует пояснять автору оговорки причины своих озабоченностей в отношении оговорки и в надлежащих случаях запрашивать любые разъяснения, которые они могут счесть полезными;

7. государствам и международным организациям, а также контрольным органам, если они считают это полезным, следует поощрять снятие оговорок, повторное рассмотрение необходимости оговорки или постепенное сокращение сферы действия оговорки в результате частичных снятий;

8. государствам и международным организациям следует учитывать озабоченности и реакцию других государств, международных организаций и контрольных органов и принимать их во внимание по мере возможности в целях повторного рассмотрения, изменения или снятия оговорки;

9. государствам и международным организациям, а также контрольным органам следует максимально тесно сотрудничать в целях обмена мнениями по оговоркам, в отношении которых были выражены озабоченности, и координировать принимаемые меры; а также

II. рекомендует:

Генеральной Ассамблее призвать государства и международные организации, а также контрольные органы налаживать и поддерживать такой диалог об оговорках прагматическим и прозрачным образом.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ ОГОВОРОК К ДОГОВОРАМ

Литература по теме оговорок к договорам чрезвычайно обширна. Список, содержащийся в этом документе, не претендует на исчерпывающий¹ характер².

В принципе, на страницах ниже перечисляются только работы, непосредственно касающиеся оговорок, без указания общих трудов по международному праву (учебников и договоров) и трудов, в целом посвященных праву договоров.

	<i>Стр.</i>
A. Общие исследования по вопросу об оговорках.....	416
B. Исследования по конкретным аспектам проблемы оговорок.....	420
1. Правомерность, оспоримость и юридическая сила оговорок.....	420
a) Панамериканская практика.....	420
b) Комментарии по поводу Консультативного заключения Международного Суда 1951 года.....	420
c) Комментарии по поводу работы Комиссии международного права по теме оговорок.....	420
d) Комментарии по поводу положений Венской конвенции о праве международных договоров.....	421
e) Сводные исследования.....	422
2. Оговорки к конкретным конвенциям.....	423
a) Оговорки и конвенции по правам человека и гуманитарному праву.....	423
i) Общие вопросы.....	423
ii) Оговорки к конкретным конвенциям по правам человека и гуманитарному праву.....	425
a. Женевские конвенции.....	425
b. Европейская конвенция по правам человека.....	425
c. Международный пакт о гражданских и политических правах.....	426
d. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.....	427
e. Конвенция о правах ребенка.....	427
f. Другие конвенции по правам человека.....	427
b) Оговорки к другим кодификационным конвенциям.....	427
i) Общие вопросы.....	427
ii) Оговорки к конвенциям по международному частному праву.....	428
iii) Оговорки к конкретным конвенциям.....	428
a. Право договоров.....	428
b. Морское право.....	428
c) Оговорки к другим специальным конвенциям.....	429
d) Оговорки к факультативному положению в отношении обязательной юрисдикции Международного Суда.....	429
3. Исследование практики в отношении оговорок.....	430
a) Практика государств.....	430
b) Практика международных организаций.....	431

¹ Это обновленный вариант списка литературы, который был включен в приложение I второго доклада об оговорках к международным договорам (*Ежегодник... 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/478, стр. 97–108), впервые составленный в 1999 году (*Ежегодник... 1999 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/478/Rev.1, стр. 173–184). Настоящий вариант был подготовлен при помощи г-жи Марии А. Этчегорри.

A. Общие исследования по вопросу об оговорках

- ÅKERMARK, Sia Spiliopoulou, and Olle Mårsäter, «Treaties and the limits of flexibility», *Nordic Journal of International Law*, vol. 74 (2005), pp. 509–540.
- ANAND, R. P., «Reservations to multilateral conventions», *Indian Journal of International Law*, vol. 1, No. 1 (July 1960), pp. 84–91.
- ANDERSON, Chandler P., «The ratification of treaties with reservations», *AJIL*, vol. 13, No. 3 (July 1919), pp. 526–530.
- ANDERSON, D. R., «Reservations to multilateral conventions: a re-examination», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 13 (1964), pp. 450–481.
- AUST, Anthony, «Reservations», *Modern Treaty Law and Practice*, 2nd ed., New York, Cambridge University Press, 2007, pp. 125–161.
- BALDONI, C., «Le riserve nelle convenzioni collettive», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 21 (1929), pp. 356–370.
- «Zur Theorie und Praxis der Vorbehalte in den Staatsverträgen», *Internationale Zeitschrift für Theorie des Rechts*, vol. 4 (1929/1930), pp. 178–192.
- BALLADORE-PALLIERI, Giorgio, «Appunti sul problema delle riserve nelle convenzioni collettive», *Annali di diritto internazionale*, vol. 11 (1953), pp. 15–31.
- «Apuntes sobre el problema de las reservas en las convenciones colectivas», *Escuela de Funcionarios Internacionales (Cursos y conferencias)*, vol. 1 (1955–1956), Madrid, 1957, pp. 77–98.
- BELAÚNDE-MOREYRA, Antonio, «Las reservas a las convenciones multilaterales», *Revista peruana de derecho internacional*, vol. 14 (1954), pp. 14–57 and 153–221.
- BINDSCHEDLER, R. L., «Treaties, reservations», в R. BERNHARDT (ed.), *Encyclopedia of Public International Law*, installment 7 (1984), pp. 496 et seq.
- BISHOP, William W., «Reservations to treaties», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1961-II*, vol. 103, pp. 245–341.
- BOKOR-SZEGŐ, Hanna, *A nemzetközi szerződésekhez fűzött fentartások*, Budapest, Közgazdasági es jogi könyvkiado, 1961, 311 p.
- BONET PÉREZ, Jordi, *Las reservas a los tratados internacionales*, Barcelona, José M. Bosch, 1996, 207 p.
- BOWETT, D. W., «Reservations to non-restricted multilateral treaties», *BYBIL 1976-1977*, vol. 48 (1978), pp. 67–92.
- CAMPIGLIO, Cristina, «Qualche riflessione a proposito delle riserve tardive», Institute of International Law, University of Milan (Italy), *Comunicazioni e studi*, Milan, Giuffrè, 2002, vol. 22, pp. 35–55.
- CERETI, Carlo, *Saggio sulle riserve*. Catholic University of the Sacred Heart, Milan (Italy), 1932, 2nd series, vol. 34, 27 p.
- CHAUDHRI, Mohammed Ahsen, «Reservations to multilateral treaties», в *De lege pactorum: Essays in Honor of Robert Renbert Wilson*, Durham, Duke University Press, 1970, pp. 40–52.
- COX, William C., «Reservations to multipartite conventions», в *Proceedings of the American Society of International Law* (forty-sixth annual meeting), Washington, D.C., 24–26 April 1952, Washington, D.C., pp. 26–35.
- CRAYEN, Alexander Dietrich von, *Die Vorbehalte im Völkerrecht*, University of Zürich (Switzerland), 1938, 100 p., thesis.
- DRAGHICHI, Mariana, and Gheorghe DRAGHICHI, «Réserve aux traités internationaux», *Analele Universitatii Bucuresti*, vol. 32 (1983), pp. 25–30.
- ДУРДЕНЕВКИЙ, В.Н., «К вопросу об оговорках в международных договорах», *Советское государство и право*, М.: Наука, 1956, № 4, стр. 97–100.
- EDWARDS, Richard W. Jr., «Reservations to treaties», *Michigan Journal of International Law*, vol. 10, No. 2 (1989), pp. 362–405.
- FENWICK, Charles G., «Reservations to multilateral treaties», *Inter-American Juridical Yearbook 1950–1951*, pp. 37–47.
- «When is a treaty not a treaty?», *AJIL*, vol. 46, No. 2 (April 1952), pp. 296–298.
- FERREIRA, G. M., and M. P. FERREIRA-SNYMAN, «The impact of treaty reservations on the establishment of an international human rights regime», *Comparative and International Law Journal of Southern Africa*, vol. 38 (2005), pp. 147–183.
- Филипов, С.В., Оговорки в теории и практике международного договора, М., ИМО, 1958.
- FITZMAURICE, Sir Gerald, «Reservations to multilateral conventions», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 2, Part 1 (January 1953), pp. 1–26.

- «The law and procedure of the International Court of Justice 1951-4: treaty interpretation and other treaty points», *BYBIL 1957*, vol. 33 (1958), pp. 203–293 (в частности pp. 272–293).
- FLAUSS, Jean-François, «Les réserves aux résolutions des Nations Unies», *RGDIP*, vol. 85, No. 1 (1981), pp. 5–37.
- FRANGULIS, A. F., «Les réserves», *Dictionnaire diplomatique*, vol. II, Paris, Académie diplomatique internationale, 1933, pp. 560–561.
- FROMWEIN, J. A., «Reservations and the international *ordre public*», в J. MAKARCZYK (ed.), *Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century. Essays in Honour of Krzysztof Skubiszewski*, The Hague, Kluwer Law International, 1996, pp. 403–412.
- GAIDAROV, Konstantin, «Suvremenite pravni metodi na dogovariane i rezervite pri podpisvaneto na mnogostrannite dogovori», *Izvestiia na Instituta za Pravni Nauki*, vol. 16 (1965), pp. 97–122.
- «Sushchnost i opredeleni na rezervite kum mnogostrannite mezhdunarodni dogovori», *Pravna mis.*, vol. 23, No. 6 (1979), pp. 5–18
- GAJA, Giorgio, «Reservations to treaties and the newly independent States», *The Italian Yearbook of International Law*, vol. 1 (1975), pp. 52–68.
- «Unruly treaty reservations», в *Le droit international à l'heure de sa codification. Études en l'honneur de Roberto Ago*, vol. I, Milan, Giuffrè, 1987, pp. 307–330.
- «Modalità singolari per la revoca di una riserva», в *Rivista di diritto internazionale*, vol. 72 (1989), pp. 905–907.
- «Le riserve tardive ai trattati: un fenomeno a molti invisio (ma non sempre visto bene)», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 86 (2003), pp. 463–466.
- GENET, Raoul, «Les "réserves" dans les traités», *Revue de droit international, de sciences diplomatiques et politiques*, vol. 10 (1932), pp. 95–114, 232–240 and 308–319.
- GLASER, Edwin, *Rezervele la tratatele internationale*, Bucharest, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1971, 292 p.
- и N. IACOBESCU, «Unele probleme privind rezervele la tratatele internationale multilaterale», *Justitia Nouă*, No. 2 (1961), pp. 330–345.
- GOLSONG, Héribert, «Les réserves aux instruments internationaux pour la protection des droits de l'homme», в *Les clauses échappatoires en matière d'instruments internationaux relatifs aux droits de l'homme*, Brussels, Bruylant, 1982, pp. 23–42.
- GÓMEZ ROBLEDÓ, A., «Las reservas en los tratados multilaterales», *Revista de la Escuela Nacional de Jurisprudencia*, vol. 7, Nos. 25 and 26 (1957), pp. 11–34.
- GOPALAKRISHNAN, R., «Reservations to multilateral treaties», *Vyavahara Nirnaya*, vol. 4 (1955), pp. 168–209.
- GORMLEY, W. Paul, «The modification of multilateral conventions by means of "negotiated reservations" and other "alternatives": a comparative study of the ILO and Council of Europe», *Fordham Law Review*, vol. 39 (October 1970–March 1971), pp. 39–59.
- GREEN, L. C., «Reservations to multilateral conventions», *The International Law Quarterly*, vol. 4 (1951), pp. 228 and 229.
- GREIG, D. W., «Reservations: equity as a balancing factor?», *Australian Year Book of International Law*, vol. 16 (1995), pp. 21–172.
- ГУБИН, В.Ф., «Возникновение и развитие института оговорок к многосторонним договорам», *Советский ежегодник международного права*, М., Изд-во Академии наук СССР, 1960, стр. 232–242.
- HALAJCZUK, Bodland Tadeo, «Les conventions multilatérales entre l'universalité et l'intégrité», *Revue de droit international, de sciences diplomatiques et politiques*, vol. 38, Nos. 1 and 2 (1960), pp. 38–50 and 147–158.
- HAUCHMANN-TCHERNIAK, Tamara, «La question des réserves dans les conventions devant la Cour internationale de Justice», *Revue de droit international, de sciences diplomatiques et politiques*, vol. 35 (1957), pp. 421–429.
- HEYMANN, Monika, *Einseitige Interpretationserklärungen zu multilateralen Verträgen* [Unilateral Interpretative Declarations to Multilateral Treaties], Berlin, Duncker & Humblot, 2005, 166 p.
- HOLLOWAY, Kaye, *Les réserves dans les traités internationaux*, vol. V, Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence, Bibliothèque de droit international, 1958, 378 p.
- *Modern Trends in Treaty Law. Constitutional Law, Reservations and the Three Modes of Legislation*, London, Stevens, 1967, 737 p.
- HORN, Frank, *Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties*, Amsterdam, Elsevier, 1988, 514 p.
- HOWELL, John M., «Reservations in agreements for pacific settlement of disputes», в *De lege pactorum. Essays in honor of Robert Renbert Wilson*, Durham, Duke University Press, 1970, pp. 130–147.

- HUDSON, Manley O., «Reservations to multipartite international instruments», *AJIL*, vol. 32 (1938), pp. 330–335.
- IMBERT, Pierre-Henri, *Les réserves aux traités multilatéraux: évolution du droit et de la pratique depuis l'avis consultatif donné par la Cour internationale de Justice le 28 mai 1951*, Paris, Pedone, 1978, 503 p.
- INTER-AMERICAN JURIDICAL COMMITTEE, *Study to serve as a basis for the preparation of a second draft text of rules on reservations to multilateral treaties*, Washington, D.C., Pan American Union, 1959.
- *Reservation of theoretical adherence to multilateral treaties*, Report prepared in accordance with resolution XI of the Fourth Meeting of the Inter-American Council of Jurists, Washington, D.C., Pan American Union, 1960.
- JARASS, Hans D., «Die Erklärung von Vorbehalten zu völkerrechtlichen Verträgen», *Die Öffentliche Verwaltung*, vol. 28 (1975), pp. 117–123.
- JOBST, Valentine, «Reservations to multipartite treaties», *AJIL*, vol. 31, No. 2 (April 1937), pp. 318–321.
- JOVANOVIĆ, Božidar, «Pitanje rezervi uz multilateralne konvencije pred UN», *Arhiv za pravne i društvene nauke*, Belgrade, 1951, pp. 449–458.
- JULLY, Laurent, «Les réserves aux conventions multilatérales», *Die Friedens-Warte*, vol. 51, No. 3 (1952), pp. 254–275.
- KAPPELER, Dietrich, *Les réserves dans les traités internationaux*, Basel, Verlag für Recht und Gesellschaft, 1958, 101 p.
- KHADJENOURI, Mahmoud, *Réserves dans les traités internationaux*, thesis No. 497, University of Geneva (Switzerland), Ambilly-Annemasse, Imprimerie Franco-Suisse, 1953, 256 p.
- KLABBERS, Jan, «State succession and reservations to treaties», в J. KLABBERS and R. LEFEBER (eds.), *Essays on the Law of Treaties. A Collection of Essays in Honour of Bert Vierdag*, The Hague, Nijhoff, 1998, pp. 107–120.
- «Accepting the unacceptable? A new Nordic approach to reservations to multilateral treaties», *Nordic Journal of International Law*, vol. 69 (2000), pp. 179–193.
- KOH, Jean Kyongun, «Reservations to multilateral treaties: how international legal doctrine reflects world vision», *Harvard International Law Journal*, vol. 23, No. 1 (1982), pp. 71–116.
- KÜHNER, Rolf, *Vorbehalte zu multilateralen Völkerrechtlichen Verträgen*, Berlin, Springer-Verlag, 1986, 307 p.
- LAUTERPACHT, Hersch, «Some possible solutions to the problem of reservations to treaties», *Problems of Public and Private International Law*, vol. 39 (1954), pp. 97–118.
- MAJOROS, Ferenc, «Das aktuelle Problem der Gegenseitigkeit bei Vorbehalten: Von der II. Haager Friedenskonferenz über die Wiener Vertragsrechtskonvention bis zur Resolution von Dijon (1981)», *Die Friedens-Warte*, vol. 66 (1986), pp. 216–251 and vol. 67 (1987), pp. 82–100.
- MALKIN, H. William, «Reservations to multilateral conventions», *BYBIL*, vol. 7 (1926), pp. 141–162.
- MARSHALL, Robert P., «The problem of reservations in multilateral conventions», *Albany Law Review*, vol. 30, No. 1 (January 1966), pp. 100–112.
- MEEK, Marcellus R., «International law: reservations to multilateral agreements», *De Paul Law Review*, vol. 5 (1955), pp. 40–74.
- MENDELSON, Morton, «Reservations to treaties: international legal implications», *Buffalo Law Review* vol. 4 (1955), pp. 218–232.
- MONACO, Riccardo, «Le riserve agli accordi internazionali e la competenza parlamentare», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 37, No. 1 (1954), pp. 72–81.
- OWADA, Hisashi, «Study on treaty reservations and declarations», в *International Law, UN and Japan*, Tokyo, Festschrift Takano, 1988, pp. 361–384 (на японском языке).
- OWEN, Marjorie, «Reservations to multilateral treaties», *Yale Law Journal*, vol. 38, No. 8 (June 1929), pp. 1086–1114.
- PARISI, Francesco and Catherine ŠEVČENKO, «Treaty reservations and the economics of article 21 (1) of the Vienna Convention», *Berkeley Journal of International Law*, vol. 21, No. 1 (2003), pp. 1–26.
- PELLET, Alain, «La CIJ et les réserves aux traités: Remarques cursives sur une révolution jurisprudentielle», в N. ANDO, E. MCWHINNEY and R. WOLFRUM (eds.), *Liber Amicorum Judge Shigeru Oda*, The Hague, Kluwer Law International, 2002, pp. 481–514.
- и Daniel MÜLLER, «Reservations to treaties: an objection to a reservation is definitely not an acceptance», в E. CANNIZZARO (ed.), *The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention*, Oxford University Press, 2011, pp. 37–59.
- PIPER, Catherine Logan, «Reservations to multilateral treaties: the goal of universality», *Iowa Law Review*, vol. 71, No. 1 (October 1985), pp. 295–322.
- PODESTÀ-COSTA, Luis A., «Les réserves dans les traités internationaux», *Revue de droit international*, vol. 21 (1938), pp. 1–52.

- POMME DE MIRIMONDE, Albert, *Les traités imparfaits. Les réserves dans les traités internationaux*, Paris, Jouve, 1920, 158 p.
- PRIETO ACEVEDO, Javier, *Las reservas en las convenciones multilaterales*, thesis, Santiago, University of Chile, 1963.
- RAO, K. Narayan, «Reservations to multilateral conventions», *Indian Journal of International Law*, vol. 1 (July 1960), pp. 92–99.
- REDGWELL, Catherine, «The Law of reservations in respect of multilateral conventions», в J. P. GARDNER (ed.), *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions*, London, British Institute of International and Comparative Law, 1997, pp. 3–19
- «Universality or integrity? Some reflections on reservations to general multilateral treaties», *BYBIL*, vol. 64 (1993), pp. 245–282; также воспроизводится в C. REDGWELL, *International Law*, Farnham, Ashgate, 2009, pp. 439–476.
- REUTER, Paul, «Régime des réserves aux traités», в *Introduction au droit des traités*, 3rd ed. rev. (P. Cahier), Paris, Presses universitaires de France, 1995, pp. 71–77.
- ROSSANIGO, Livio Bernardo, «Las reservas en las convenciones multilaterales», *Boletín de la Facultad de Derecho y Ciencias Sociales*, National University of Cordoba (Argentina), vol. 26, No. 4 (1962), pp. 113–160.
- RUDA, José María, «Las reservas a las convenciones multilaterales», *Revista de derecho internacional y ciencias diplomáticas*, vol. 12 (1963), pp. 7–85.
- «Reservations to treaties», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1975-III*, vol. 146, pp. 95–218.
- RUSSO, Deborah, «L'accertamento dell'inammissibilità delle riserve», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 94 (2011), pp. 59–78.
- SABATÉ LICHTSCHEIN, Domingo, «Las reservas en los tratados multilaterales», *Revista de ciencias jurídicas y sociales*, vol. 21, No. 100 (1959), pp. 109–182.
- SANDERS, William, «Reservations to multilateral treaties made in the act of ratification or adherence», *AJIL*, vol. 33, No. 3 (July 1939), pp. 488–499.
- SANTA PINTER, José Julio, *Las reservas a los convenios multilaterales*, Buenos Aires, Roque Depalma, 1959, 94 p.
- SAPIENZA, Rosario, *Dichiarazioni interpretative unilaterali e trattati internazionali*, Milan, Giuffrè, 1996. 291 p.
- «Les déclarations interprétatives unilatérales et l'interprétation des traités», *RGDIP*, vol. 103 (1999), pp. 601–629.
- SASSI, Andrea, «General reservations to multilateral treaties», Institute of International Law, University of Milan (Italy), *Comunicazioni e studi*, Milan, Giuffrè, 2002, vol. 22, pp. 91–110.
- SCHIEDTMANN, U., *Der Vorbehalt beim Abschluss völkerrechtlicher Verträge*, Berlin-Grunewald, Verlag für Staatswissenschaften und Geschichte, 1934, 80 p.
- SCHERMERS, H. G., «The suitability of reservations to multilateral treaties», *Nederlands Tijdschrift voor Internationaal Recht*, vol. 6 (October 1959), pp. 350–361.
- SCHWEISFURTH, Theodor, «Vorbehalte zu internationalen Verträgen unter besonderer Berücksichtigung der östlichen Vertragstheorie», *Internationales Recht und Diplomatie (1970-II)*, pp. 46–68.
- SHATZKY, Boris, «Las reservas en el derecho internacional», *Revista de Derecho de la Universidad de Concepción*, Chile, vol. 3 (January–March 1935), pp. 161–180.
- SRINIVAS, Burra, «India's reservations to human rights treaties», *Indian Journal of International Law*, vol. 44, No. 4 (October–December 2004), pp. 749–787.
- «Evolution and present status of the law relating to reservations to treaties», *AALCO Quarterly Bulletin*, vol. 1, No. 4 (October–December 2005), pp. 34–91.
- SZAFARZ, Renata, «Reservations to multilateral treaties», *Polish Yearbook of International Law*, vol. 3 (1970), pp. 293–316.
- TANZI, Attila, «The resumed codification of the law of reservations to treaties», Institute of International Law, University of Milan (Italy), *Comunicazioni e studi*, Milan, Giuffrè, 2002, vol. 22, pp. 7–34.
- TARABAY, T., *L'objet et le but des traités internationaux*, thesis, Paris, 1984, 330 p. (отпечатано на мимеографе).
- TREVIRANUS, H. D., «Vorbehalte zu mehrseitigen Verträgen—Wohltat oder Plage?», *German Yearbook of International Law*, vol. 25 (1982–1983), pp. 515–527.
- VIALA, Alexandre, «Les réserves d'interprétation: un outil de resserrement de la contrainte de constitutionnalité», *Revue de droit public et de la science politique en France et à l'étranger* (1997), pp. 1047–1067.
- VITTA, Edoardo, *Le riserve nei trattati*, Turin, G. Giappichelli, Institute of Law, University of Turin (Italy), Memorie serie II, Memoria 47, 1957, 154 p.

- WASHBURN, A. H., «Treaty amendments and reservations», *Cornell Law Quarterly*, vol. 5, No. 3 (March 1920), pp. 247–274.
- WHITEMAN, Marjorie M. (ed.), «Reservations», *Digest of International Law*, Washington, D.C., Department of State Publications, vol. 14 (1970), pp. 137–193.
- WILSON, Robert, «Reservation clauses in agreements for obligatory arbitration», *AJIL*, vol. 23, No. 1 (January 1929), pp. 68–93.
- WINKLER, Agnes, *Zulässigkeit und Rechtswirkungen von Vorbehaltennach der Wiener Vertragsrechtskonvention* Hamburg, Kovač, 2007, 288 p.
- WOLKWITZ, H. D., *Vorbehalte in Kollektivverträgen*, thesis, Bonn, 1968.
- WRIGHT, Quincy, «Amendments and reservations to the treaties», *Minnesota Law Review*, vol. 4 (1919–1920), pp. 14–39.
- ZANOBETTI, Alessandra, «Joint reservations and joint declarations to treaties», Institute of International Law, University of Milan (Italy), *Comunicazioni e studi*, Milan, Giuffrè, 2002, vol. 22, pp. 57–90.
- ZEMANEK, Karl, «Alain Pellet's definition of a reservation», *Austrian Review of International and European Law*, vol. 3 (1998), pp. 295–299.
- В. Исследования по конкретным аспектам проблемы оговорок**
1. ПРАВОМЕРНОСТЬ, ОСПОРИМОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ОГОВОРОВ
- а) *Панамериканская практика*
- GAÍDAROV, Konstantin, «Praktikata na amerikanskite durzhavi v materiyata na rezervite kum mezhdunarodnite dogovori», *Godisnik. na Sofijskija Universitet*, vol. 73 (1980), pp. 225–253.
- GORMLEY, Paul W., «The influence of the United States and the Organization of the American States on the international law of reservations», *Inter-American Law Review*, vol. 7–8 (1965–1966), pp. 127–184.
- INTER-AMERICAN JURIDICAL COMMITTEE, *Report on the Juridical Effects of Reservations to Multilateral Treaties*, Washington, D.C., Pan American Union, No. 23, August 1957, 35 p.
- КУЗНЕЦОВ, С.А., «Практика организаций американских государств в вопросе об оговорках к межамериканским многосторонним договорам», *Советский ежегодник международного права*, М., Изд-во Академии наук СССР, 1959, стр. 373–387 (резюме на английском языке, стр. 384–387).
- ORGANIZATION OF AMERICAN STATES, *Memorandum Explicativo sobre el Sistema de Formulación de Reservas a los Tratados Multilaterales en la Organización de los Estados Americanos*, Washington, D.C., May 1981, 46 p.
- б) *Комментарии по поводу Консультативного заключения Международного Суда 1951 года*
- BISHOP, William W. «Judicial decisions involving questions of international law. Reservations to the Convention on Genocide. International Court of Justice, Advisory Opinion, 28 May, 1951», *AJIL*, vol. 45 (1951), pp. 579–590.
- BRANDON, Michael, «Legal nature of a reservation to a multilateral convention. Genocide Convention», *Canadian Bar Review*, vol. 29, No. 4 (April 1951), pp. 428–434.
- DÍEZ DE VELASCO VALLEJO-GALLO, Manuel, «El sexto dictamen del Tribunal Internacional de Justicia: las reservas a la Convención sobre el genocidio», *Revista española de derecho internacional*, vol. 4, No. 3 (1951), pp. 1029–1089.
- HOCKENJOS, Hans Rudolf, «Vorbehalte zur Genocide-Vereinbarung, Besprechung des Gutachtens des Internationalen Gerichtshofs im Haag vom 28 mai 1951», thesis, Basel, 1956, 154 p. (отпечатано на мимеографе).
- KERNO, Ivan S., «L'avis consultatif de la Cour internationale sur les réserves à la Convention sur le génocide», *Bulletin des Nations Unies*, vol. X, No. 12 (15 June 1951), pp. 600–601.
- RAALT, E. van, «Het advies van het Internationale Gerechtshof over voorbehouden betreffende de genocide-conventie. Een nieuwe, aanvechtbare regel», *Rechtsgeleerd Magazijn Themis*, No. 5 (1951), pp. 398–426.
- ZEMANEK, Karl, «Re-examining the Genocide Opinion: are the object and purpose of a convention suitable criteria for determining the admissibility of reservations?», в N. ANDO, E. McWHINNEY and R. WOLFRUM (eds.), *Liber Amicorum Judge Shigeru Oda*, The Hague, Kluwer Law International, 2002, pp. 335–348.
- ZOUREK, Jaroslav, «Posudek Mezinárodního soudního dvora ze dne 28 května 1951 o výhradách k úmluve o zabránění a potrestání zločinu genocidia», *Studie z mezinárodního práva*, vol. II (1956), pp. 81–102.
- с) *Комментарии по поводу работы Комиссии международного права по теме оговорок*
- FENWICK, Charles G., «Reservations to multilateral treaties», *AJIL*, vol. 45, No. 1 (January 1951), pp. 145–148.

- «Reservations to multilateral conventions: the report of the International Law Commission», *AJIL*, vol. 46, No. 1 (January 1952), pp. 119–123.
- LIANG, Yuen Li, «Notes on legal questions concerning the United Nations: the third session of the ILC: review of its work by the General Assembly», *American Journal of International Law*, vol. 46, Nos. 3 and 4 (July and October 1952), pp. 483–503 and 667–681.
- NAWAZ, M. K., «The International Law Commission's views on the subject of reservations to multilateral conventions», *Indian Journal of International Law*, vol. 1, No. 1 (July 1960), pp. 100–108.
- OGAWA, Yoshihiko, «Codification of the rules on reservations by the International Law Commission (1)», *Journal of International Law and Diplomacy*, Tokyo, vol. 66, No. 2 (September 1967), pp. 62–98 (на японском языке, резюме на английском языке, pp. 112–113).
- «Reservations to multilateral treaties – Examinations into articles 16–20 of the ILC draft», *Journal of International Law and Diplomacy*, Tokyo, vol. 67, No. 4 (December 1968), pp. 416–430 (на японском языке).
- TOMUSCHAT, Christian, «Admissibility and legal effects of reservations to multilateral treaties. Comments on articles 16 and 17 of the International Law Commission's draft articles on the law of treaties», *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 27 (1967), pp. 463–482.
- d) *Комментарии по поводу положений Венской конвенции о праве международных договоров*
- BUFFARD, Isabelle and Karl ZEMANEK, «The "object and purpose" of a treaty: an enigma?», *Austrian Review of International and European Law*, vol. 3, No. 3 (1998), pp. 311–343.
- CALAMIA, Antonio M., «La disciplina delle obiezioni alle riserve e la Convenzione di Vienna sul diritto dei trattati», *Studi in onore di Giuseppe Sperduti*, Milan, Guiffirè, 1984, pp. 3–37.
- СОК, Vida, «O rezervama nespojivim sa predmetom i ciljevima medunarodnog ugovara» Reservations incompatible with the object and purpose of international treaties), *Jugoslovenska Revija za Medunarodno Pravo*, vol. 34, Nos. 1 and 2 (1987), pp. 168–183 (резюме на английском языке, p. 183).
- GAIDAROV, Konstantin, «Yuridicheska validnost i deistvie na rezervite kum mnogostrannite dogovori spored rezhima na Vienskata Konventsiya za pravoto na dogovorite ot 1969 g.», *Pravna mis* (Sofia), vol. 22, No. 4 (1978), pp. 31–41.
- GAJA, Giorgio, «Il regime della Convenzione di Vienna concernente le riserve inammissibili», в *Studi in onore di Vincenzo Starace*, vol. I, Naples, Editoriale Scientifica, 2008, pp. 349–361.
- GREIG, D. W., «Reciprocity, proportionality and the law of treaties», *Virginia Journal of International Law*, vol. 34, No. 2 (1994), pp. 295–403.
- HILPOLD, Peter, «Das Vorbehaltsregime der Wiener Vertragsrechtskonvention», *Archiv des Völkerrechts*, vol. 34 (1996), pp. 376–425.
- HYLTON, Daniel N., «Default breakdown: the Vienna Convention on the Law of Treaties' inadequate framework on reservations», *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, vol. 27, No. 2 (May 1994), pp. 419–451.
- LINDERFALK, Ulf, *On the Interpretation of Treaties: The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*, Dordrecht, Springer, 2007, 440 p.
- MAJOROS, Ferenc, «Le régime de réciprocité de la Convention de Vienne et les réserves dans les Conventions de La Haye», *Journal du droit international*, vol. 101, No. 1 (January–March 1974), pp. 73–109.
- MÜLLER, Daniel, «Commentaries: article 20 (1969), article 20 (1986), article 21 (1969), and article 21 (1986)», в O. CORTEN and P. KLEIN (eds.), *Les Conventions de Vienne sur le droit des traités: Commentaire article par article*, Brussels, Bruylant, 2006, vol. I, pp. 797–934.
- «1969 and 1986 Vienna Conventions Articles 20 and 21», в O. CORTEN and P. KLEIN (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Oxford University Press, 2011, vol. I, pp. 487–567.
- NIETO NAVIA, Rafael, «Las reservas a los tratados multilaterales en la Convención de Viena de 1969», *Universitas: ciencias jurídicas y socioeconómicas*, Bogotá, vol. 46 (May 1974), pp. 283–315.
- NISOT, Joseph, «Les réserves aux traités et la Convention de Vienne du 23 mai 1969», *RGDIP*, vol. 77, No. 1 (January–March 1973), pp. 200–206.
- ORAKHELASHVILI Alexander AND Sarah WILLIAMS (eds.), *40 Years of the Vienna Convention on the Law of Treaties*, London, British Institute of International and Comparative Law, 2010, 224 p.
- PARISI, Francesco and Catherine ŠEVČENKO, «Treaty reservations and the economics of article 21 (1) of the Vienna Convention», *Berkeley Journal of International Law*, vol. 21, No. 1 (2003), pp. 1–26.

- PELLET, Alain, «Commentaries: article 19 (1969), article 19 (1986), article 22 (1969), and article 22 (1986)», в O. CORTEN and P. KLEIN (eds.), *Les Conventions de Vienne sur le droit des traités, Commentaire article par article*, Brussels, Bruylant, 2006, vol. I, pp. 641–796 and 935–970.
- «1969 and 1986 Vienna Conventions Articles 19 and 22», в O. CORTEN and P. KLEIN (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Oxford University Press, 2011, vol. I, pp. 405–488 and 568–593.
- and Daniel MÜLLER, «Reservations to human rights treaties: not an absolute evil», в U. FASTENRATH *et al.* (eds.), *From Bilateralism to Community Interest. Essays in Honour of Judge Bruno Simma*, Oxford University Press, 2011, pp. 521–551.
- and William SCHABAS, «Commentaries: article 23 (1969) and article 23 (1986)», в O. CORTEN and P. KLEIN (eds.), *Les Conventions de Vienne sur le droit des traités, Commentaire article par article*, Brussels, Bruylant, 2006, vol. I, pp. 971–1022.
- and William SCHABAS, «1969 and 1986 Vienna Conventions Article 23», в O. CORTEN and P. KLEIN (eds.), *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Oxford University Press, 2011, pp. 594–627.
- PERGANTIS, Vasileios, «Reservations to human rights treaties, cultural relativism and the universal protection of human rights», в K. KOUFA (ed.), *Multiculturalism and International Law*, Athens, Sakkoulas, 2007, pp. 427–464.
- REY CARO, Ernesto J., «Las reservas a la Convención de Viena de 1969 sobre el derecho de los tratados», *Revista de derecho internacional y ciencias diplomáticas*, Rosario, Argentina, year XXI, No. 41/42 (1972), pp. 168–225.
- RIQUELME CORTADO, Rosa, *Las reservas a los tratados: lagunas y ambigüedades del Régimen de Viena*, University of Murcia (Spain), 2004, 433 p.
- SINCLAIR, Ian M., *The Vienna Convention on the Law of Treaties*, 2nd ed., Manchester University Press, 1984, 270 p.
- VILLIGER, Mark E., «Commentaries to Articles 19 to 23», в *Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties*, Leiden, Martinus Nijhoff, 2009, pp. 257–335.
- ZEMANEK, Karl, «Some unresolved questions concerning reservations in the Vienna Convention on the Law of Treaties», в *Essays in International Law in Honour of Judge Manfred Lachs*, The Hague/Boston/Lancaster, Nijhoff, 1984, pp. 323–336.
- е) *Сводные исследования*
- ACCIOLY, Hidelbrand, «Efectos jurídicos de las reservas a los tratados multilaterales», *Boletim da Sociedade Brasileira de direito internacional*, Rio de Janeiro, vol. 11 (1955), pp. 157–173.
- BARATTA, Roberto, *Gli effetti delle riserve ai trattati*, Milan, Giuffrè, 1999, 437 p.
- BENTZ, Jacques, *La validité des réserves aux traités internationaux multilatéraux*, thesis, Aix-Marseille, 1954, 294 p. (отпечатано на mimeографе).
- БОРИСОВ, С., «Суверенное право государств участников многосторонних договоров заявлять оговорки», *Советское государство и право* (1952, No. 4), стр. 64–69.
- САНА, Zdenek, «Právní význam výhard k mnohostranným smlouvám a námitek proti nim», *Studie z mezinárodního práva*, vol. 2 (Prague, 1956), pp. 103–134.
- COMBACAU, Jean, «Logique de la validité contre logique de l'opposabilité dans la Convention de Vienne sur le droit des traités», в *Le droit international au service de la paix, de la justice et du développement—Mélanges Michel Virally*, Paris, Pedone, 1991, pp. 195–203.
- DURDENJEWSKY, V. N., «The effect of objections to treaty reservations», *Yale Law Journal*, vol. 60, No. 4 (1951), pp. 728–735.
- HERRERA MARCANO, Luis, «Estudio del efecto jurídico de las reservas a los tratados multilaterales», *Revista de la Facultad de Derecho*, Central University of Venezuela (Venezuela), vol. 12 (1957), pp. 87–120.
- JOVANOVIĆ, Bozidar, «Principi reciprocity kod rezervi uz međunarodne ugovore», *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo*, vol. 1, No. 2 (Belgrade, 1954), pp. 74–83.
- KELLOGG, Frank B., «Effect of reservations and amendments to treaties», *AJIL*, vol. 13, No. 4 (October 1919), pp. 767–773.
- MCRAE, D. M., «The legal effect of interpretative declarations», *BYBIL 1978*, vol. 49 (1979), pp. 155–173.
- MENDELSON, Maurice H., «Reservations to the constitution of international organizations», *BYBIL 1971*, vol. 45 (1973), pp. 137–171.
- MIGLIORINO, Luigi, «La revoca di riserve e di obiezioni a riserve», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 75, No. 2 (1992), pp. 315–334.
- «Effetti giuridici delle obiezioni a riserve incompatibili con l'oggetto e lo scopo del trattato», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 77, No. 3 (1994), pp. 635–654.

- MILLER, David H., *Reservations to Treaties: Their Effect and the Procedure in Regard Thereto*, Washington, D.C., 1919, 171 p.
- PARK, T. S., «The legal effect of reservation and understanding in American law», *Korean Journal of International Law*, vol. 7 (1962), pp. 333–350.
- RUDA, José María, «Los efectos jurídicos de las reservas a los tratados multilaterales», *Anuario Jurídico Interamericano*, Washington, D.C, Organization of American States, 1982, pp. 1–67.
- ŠAHOVIĆ, Milan, «Nova faza ukrazvoju procedure prihvatanja rezervi na multilateralne konvencije», *Arhiv za pravne i društvene nauke* (Belgrade), vol. 47 (1960), pp. 157–162.
- SCOTT, Gary L. and Craig L. CARR, «Multilateral treaties and the formation of customary international law», *Denver Journal of International Law and Policy*, vol. 25, No. 1 (Autumn 1996), pp. 71–94.
- SHATZKY, Boris, «La portée des réserves dans le droit international», *Revue de droit international et de législation comparée* (Brussels), vol. 14, No. 2 (1933), pp. 216–234.
- SUCHARIPA-BEHRMANN, L., «The legal effects of reservations to multilateral treaties», *Austrian Review of International and European Law* (Leiden), vol. 1, No. 1 (1996), pp. 67–88.
- VERHOEVEN, J., «Droit des traités, réserves et ordre public (*jus cogens*)», *Journal des tribunaux*, vol. 113 (1994), pp. 765–768.
2. ОГОВОРКИ К КОНКРЕТНЫМ КОНВЕНЦИЯМ
- a) *Оговорки и конвенции по правам человека и гуманитарному праву*
- i) *Общие вопросы*
- ABRAMS, Paula, «Reservations about women: population policy and reproductive rights», *Cornell International Law Journal*, vol. 29, No. 1 (1996), pp. 1–41.
- BARATTA, Roberto, «Should invalid reservations to human rights treaties be disregarded?», *European Journal of International Law*, vol. 11, No. 2 (2000), pp. 413–425.
- BAYLIS, Elena A., «General Comment 24: confronting the problem of reservations to human rights treaties», *Berkeley Journal of International Law*, vol. 17 (1999), pp. 277–329.
- BOEREFIJN, Ineke, «Impact on the law on treaty reservations», в M. T. KAMMINGA and M. SCHEININ (eds.), *The Impact of Human Rights Law on General International Law*, Oxford University Press, 2009, pp. 63–97.
- CHUECA SANCHO, A. G., «Las reservas a los tratados de derechos humanos», *Documentación Jurídica* (Madrid), vol. 19, No. 74 (1992), pp. 11–141.
- COCCIA, Massimo, «Reservations to multilateral treaties on human rights», *California Western International Law Journal*, vol. 15, No. 1 (Winter 1985), pp. 1–51.
- COHEN-JONATHAN, Gérard, «Les réserves dans les traités institutionnels relatifs aux droits de l'homme: nouveaux aspects européens et internationaux», *RGDIP*, vol. 100, No. 4 (1996), pp. 915–949.
- COULÉE, Frédérique, «À propos d'une controverse autour d'une codification en cours: les réactions aux réserves incompatibles avec l'objet et le but des traités de protection des droits de l'homme», в *Libertés, justice, tolérance: Mélanges en hommage au Doyen Gérard Cohen-Jonathan*, vol. I, Brussels, Bruylant, 2004, pp. 501–521.
- DHOMMEAUX, Jean, «La coordination des réserves et des déclarations à la Convention européenne des droits de l'homme et au Pacte international relatif aux droits civils et politiques», в J. F. FLAUSS and M. DE SALVIA (eds.), *La Convention européenne des droits de l'homme: développements récents et nouveaux défis*, Brussels, Bruylant, 1997, pp. 13–37.
- FASSBENDER, Bardo, «Der Gesetzesvorbehalt in internationalen Menschenrechtsverträgen», в E. KLEIN (ed.), *Gewaltenteilung und Menschenrechte*, Kolloquium 11–12 November 2005, Potsdam, Berliner Wissenschafts-Verlag (BWV), 2006, pp. 73–114.
- FITZMAURICE, M., «On the protection of human rights, the Rome Statute and reservations to multilateral treaties», *Singapore Year Book of International Law*, vol. 10 (2006), pp. 133–173.
- FROWEIN, Jochen Abraham, «Reservations to the European Convention on Human Rights», в F. MATSHER and H. PETZOLD (eds.), *Protecting Human Rights: The European Dimension. Studies in Honour of Gérard J. Wiarda*, Cologne, Carl Heymanns, Verlag, 1988, pp. 193–200.
- GARDNER, J. P. (ed.), *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions*, London, British Institute of International and Comparative Law, 1997, 207 p.
- GIEGERICH, Thomas, «Vorbehalte zu Menschenrechtsabkommen: Zulässigkeit, Gültigkeit und Prüfungskompetenzen von Vertragsgremien. Ein konstitutioneller Ansatz», *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 55 (1995), pp. 713–778 (резюме на английском языке, pp. 778–782).
- GLOVER, Rupert Granville, «International humanitarian law ... with reservations?», *Canterbury Law Review*, vol. 2 (1984), pp. 220–229.
- GOODMAN, Ryan, «Human rights treaties, invalid reservations, and State consent», *AJIL*, vol. 96 (2002), pp. 531–560; также опубликовано в M. K. ADDO (ed.), *International Law of Human Rights*, Aldershot, Ashgate/Dartmouth, pp. 417–446.

- GRAEFRATH, Bernhard, «Vorbehalte zu Menschenrechtsverträgen, Neue Projekte und alte Streitfragen» (Reservations to human rights treaties, new projects and old controversies), *Humanitäres Völkerrecht*, vol. 9, No. 2 (1996), pp. 68–75.
- HAMPSON, Françoise, Final working paper on reservations to human rights treaties (E/CN.4/Sub.2/2004/42), 19 July 2004, 23 p.
- HENKIN, Louis, «U.S. ratification of human rights conventions: the ghost of Senator Bricker», *AJIL*, vol. 89, No. 2 (April 1995), pp. 341–350.
- HIGGINS, R., «Derogations under human rights treaties», *BYBIL 1976-1977*, vol. 48, 1978, pp. 281–320.
- IMBERT, Pierre-Henri, «Reservations and human rights conventions», *The Human Rights Review*, vol. 6, No. 1 (Spring 1981), pp. 28–60.
- «Les réserves et les dérogations: la question des réserves et les conventions en matière de droits de l'homme», в *Actes du cinquième colloque international sur la Convention européenne des droits de l'homme* (Frankfurt, 9–12 April 1980), Paris, Pedone, 1982, pp. 97–140.
- LIJNZAAD, Liesbeth, *Reservations to U.N. Human Rights Treaties: Ratify and Ruin?*, Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1995, 468 p.
- LILLICH, Richard B. (ed.), *U.S. Ratification of the Human Rights Treaties: with or without Reservations?*, Charlottesville, University Press of Virginia, 1981, 203 p.
- MARKS, Susan, «Three regional human rights treaties and their experience of reservations», в J. P. GARDNER (ed.), *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions*, London, British Institute of International and Comparative Law, 1997, pp. 35–63.
- MOLONEY, Roslyn, «Incompatible reservations to human rights treaties: severability and the problem of State consent», *Melbourne Journal of International Law*, vol. 5 (2004), pp. 155–168.
- MÜLLER, Daniel, «Commentary to article 48», в E. DECAUX (ed.), *Le Pacte international relatif aux droits civils et politiques. Commentaire article par article*, Paris, Economica, 2011, pp. 795–805.
- PELLET, Alain, «Entry into force and amendment of the Statute», в A. CASSESE, P. GAETA and J. R. W. JONES (eds.), *The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary*, vol. I, Oxford University Press, 2002, pp. 145–184.
- PINTO, Roger, «L'application du principe de réciprocité et des réserves dans les conventions interétatiques concernant les droits de l'homme», в *Mélanges offerts à Georges Levasseur. Droit pénal, droit européen*, Paris, Litec, 1992, pp. 83–88.
- RAMA-MONTALDO, Manuel, «Human rights conventions and reservations to treaties», в *Héctor Gros Espiell Amicorum Liber. Human Person and International Law*, vol. II, Brussels, Bruylant (1997), pp. 1261–1277.
- REDGWELL, Catherine J., «Reservations to treaties and Human Rights Committee General Comment No. 24 (52)», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 46 (1997), pp. 390–412.
- RUIZ-MORENO, Isidore, «Reservations to treaties relating to human rights», *Report of the 54th Conference held at the Hague, August 23 to August 29, 1970*, London, International Law Association, pp. 642–645 (debate, pp. 596–625).
- SCHABAS, William, «Reservations to human rights treaties: time for innovation and reform», *Canadian Yearbook of International Law*, vol. 32 (1995), pp. 39–81.
- SHELTON, Dinah, «State practice on reservations to human rights treaties», *Canadian Human Rights Yearbook* (1983), pp. 205–234.
- SIMMA, Bruno, «Reservations to human rights treaties—Some recent developments», в G. HAFNER (ed.), *Liber Amicorum, Professor Ignaz Seidl-Hohenveldern: in honour of his 80th birthday*, The Hague, Kluwer, 1998, pp. 659–682.
- и Gleider I. HERNÁNDEZ, «Legal consequences of an impermissible reservation to a human rights treaty: where do we stand?», в E. CANNIZZARO (ed.), *The Law of Treaties Beyond the Vienna Convention*, Oxford University Press, 2011, pp. 60–85.
- TYAGI, Yogesh, «The conflict of law and policy on reservations to human rights treaties», *BYBIL 2000*, vol. 71 (2001), pp. 181–258.
- VILLANI, Ugo, «Tendenze della giurisprudenza internazionale in materia di riserve ai trattati sui diritti umani», *Liber Fausto Pocar*, vol. 1, Milan, Giuffrè, 2009, pp. 969–983.
- YAKUSHIJI, Kimio, «Treatment of reservations made to the international conventions on human rights», *Journal of International Law and Diplomacy* (Tokyo), vol. 83, No. 4 (1984), pp. 1–60 (на японском языке, резюме на английском языке).
- YAMAZAKI, Kosi, «Reservations to human rights treaties», *Kagawa Hogaku*, vol. 3, No. 1 (1983), pp. 53–122 (на японском языке).
- ZIEMELE, Ineta (ed.), *Reservations to Human Rights Treaties and the Vienna Convention Regime: Conflict, Harmony or Reconciliation*, Leiden, Nijhoff, 2004, 319 p.

ii) Оговорки к конкретным конвенциям по правам человека и гуманитарному праву

a. Женевские конвенции

AUBERT, M., «Les réserves formulées par la Suisse lors de la ratification du Protocole additionnel aux Conventions de Genève relatif à la protection des victimes des conflits armés internationaux (Protocole I)», в С. SWINARSKI (ed.), *Études et essais sur le droit international humanitaire et sur les principes de la Croix-Rouge en l'honneur de Jean Pictet*, Geneva/The Hague, ICRC/Martinus Nijhoff, 1984, pp. 139–145.

BOUDREAULT, Lise S., «Les réserves apportées au Protocole additionnel I aux Conventions de Genève sur le droit humanitaire», *Revue québécoise de droit international*, vol. 6, No. 2 (1989–1990), pp. 105–119.

GAUDREAU, Julie, «Les réserves aux Protocoles additionnels aux Conventions de Genève pour la protection des victimes de la guerre», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, vol. 85, No. 849 (March 2003), pp. 143–184.

PILLOUD, Claude, «Les réserves aux conventions de Genève de 1949», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, vol. 39, No. 464 (August 1957), pp. 409–437.

— «Die Vorbehalte zu den Genfer Abkommen von 1949», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, vol. IX, Nos. 6, 7 and 9 (June, July and September 1958), pp. 133–138, 152–162. and 197–214 (дополнение на немецком языке).

— «Les réserves aux conventions de Genève de 1949», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, vol. 47, No. 559 (July 1965), pp. 315–324.

— «Les réserves aux conventions de Genève de 1949», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, vol. 58 (1976), pp. 131–149 and 195–221.

PRUGH, G. S., «American issues and friendly reservations regarding Protocol I Additional to the Geneva Conventions», *Revue de droit militaire et de droit de la guerre*, vol. 31 (1992), pp. 223–293.

SCHMIDT, Jürgen, *Vorbehalte zu multilateralen Verträgen unter dem Aspekt des intertemporalen Völkerrechts: eine Untersuchung am Beispiel des Genfer Giftgasprotokolls vom 17 Juni 1925* (Bochumer Schriften zur Friedenssicherung und zum Humanitären Völkerrecht; 9) (Universitätsverlag N. Brockmeyer, Bochum, 1992), 154 p.

b. Европейская конвенция по правам человека

BONIFAZI, Angela, «La disciplina delle riserve alla Convenzione europea dei diritti dell'uomo», в *Les clauses facultatives de la Convention européenne des droits de l'homme* (Minutes of the panel discussion held at Bari on 17 and 18 December 1973, by the Faculty of Law of the University of Bari (Italy)), Bari, Levante, 1974, vol. 3, pp. 301–319.

BOURGUIGNON, Henry J., «The Belilos case: new light on reservations to multilateral treaties», *Virginia Journal of International Law*, vol. 29, No. 2 (1989), pp. 347–386.

BRÄNDLE, Dieter, *Vorbehalte und auslegende Erklärungen der Europäischen Menschenrechtskonvention*, thesis, Zurich, 1978, 188 p.

CAMERON, Iain and Frank, HORN, «Reservations to the European Convention on Human Rights: the Belilos Case», *German Yearbook of International Law*, vol. 33 (1990), pp. 69–129.

COHEN-JONATHAN, Gérard, «Les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme (à propos de l'arrêt Belilos du 29 avril 1988)», *RGDIP*, vol. 93 (1989), pp. 273–315.

— «L'affaire Loizidou devant la Cour européenne des droits de l'homme. Quelques observations», *RGDIP*, vol. 102, No. 1 (1998), pp. 123–144.

COUSSIRAT-COUSTÈRE, Vincent, «La réserve française à l'article 15 de la Convention européenne des droits de l'homme», *Journal du droit international*, vol. 102, No. 2 (April–June 1975), pp. 269–293.

FLAUSS, Jean-François, «Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH devant le Tribunal fédéral suisse: Requiem pour la déclaration interprétative relative à l'article 6, par. 1», *Revue universelle des droits de l'homme*, vol. 5, Nos. 9–10 (December 1993), pp. 297–303.

FROWEIN, J. A., «Reservations to the European Convention on Human Rights», в F. MATSHER and H. PETZOLDS (eds.), *Protecting human rights: the European dimension. Studies in honour of Gérard J. Wiarda*. Cologne, Carl Heymanns Verlag, 1988, pp. 193–200.

IMBERT, Pierre-Henri, «Les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme devant la Commission de Strasbourg (Affaire *Temeltasch*)», *RGDIP*, vol. 87 (1983/3), p. 580–625.

— «Reservations to the European Convention on Human Rights before the Strasbourg Commission: the *Temeltasch* case», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 33 (July 1984), pp. 558–595.

- KÜHNER, Rolf, «Vorbehalte und auslegende Erklärungen zur Europäischen Menschenrechtskonvention. Die Problematik des Art. 64 MRK am Beispiel der schweizerischen «auslegenden Erklärung» zu Art. 6 Abs. 3 lit. e MRK», *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 42 (1982), pp. 58–92 (резюме на английском языке).
- LILLICH, Richard B., «The *Soering* Case», *AJIL*, vol. 85, No. 1 (January 1991), pp. 128–149.
- MACDONALD, R. St. J., «Reservations under the European Convention on Human Rights», *Revue belge de droit international*, vol. 21, No. 2 (1988), pp. 429–450.
- MARCUS-HELMONS, S., «L'article 64 de la Convention de Rome ou les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme», *Revue de droit international et de droit comparé*. Brussels, vol. 45, No. 1 (1968), pp. 7–26.
- MARKS, Susan, «Reservations unhinged: the *Belilos* case before the European Court of Human Rights», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 39, Part 2 (April 1990), pp. 300–327.
- MORAIS PIRES, Maria Jose, *As reservas à Convenção europeia dos direitos do homem*. Coimbra, Almedina, 1997, 493 p.
- SAPIENZA, Rosario, «Sull'ammissibilità di riserve all'accettazione della competenza della Commissione europea dei diritti dell'uomo», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 70, Nos. 3–4 (1987), pp. 641–653.
- SCHABAS, William A., «Article 64», в L. E. PETTITI, E. DECAUX and P. H. IMBERT (eds.), *La Convention européenne des droits de l'homme: commentaire article par article*, Paris, Economica, 1995, pp. 923–942.
- TOMUSCHAT, Christian, «Turkey's declaration under article 25 of the European Convention on Human Rights», в M. NOWAK, D. STEURER and H. TRETTER (eds.), *Fortschritte im Bewußtsein des Grund- und Menschenrechte. Festschrift für F. Ermacora*, Kehl, Engel, 1988, pp. 119 et seq.
- WANG, Dang, «L'affaire *Belilos*: le premier arrêt déclarant l'invalidité d'une réserve», *Chinese Yearbook of International Law*, 1990, pp. 284–296 (на китайском языке).
- WESTERDIEK, C., «Die Vorbehalte Liechtensteins zur Europäischen Menschenrechtskonvention», *Europäische Grundrechte Zeitschrift*, vol. 10, No. 21 (13 December 1983), pp. 549–553.
- с. *Международный пакт о гражданских и политических правах*
- GAJA, Giorgio, «Le riserve al Patto sui diritti civili e politici e il diritto consuetudinario», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 79 (1996), pp. 450–452.
- GREEN, Christian M., «The "Matrioshka" strategy: US evasion of the spirit of the International Covenant on Civil and Political Rights», *South African Journal on Human Rights*, vol. 10, Part 3 (1994), pp. 357–371.
- KORKELIA, Konstantin, «New challenges to the regime of reservations under the International Covenant on Civil and Political Rights», *European Journal of International Law*, vol. 13 (2002), pp. 437–477.
- MCGRORY, Glenn, «Reservations of virtue?: lessons from Trinidad and Tobago's reservation to the First Optional Protocol», *Human Rights Quarterly*, vol. 23 (2001), pp. 769–826.
- MERIEUX, Margaret de, «Reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights: their substantive and constitutive significance», *Revue de droit international de sciences diplomatiques et politiques*, vol. 72, No. 2 (April–June 1994), pp. 95–130.
- NANDA, Ved P., «The United States reservation to the ban on the death penalty for juvenile offenders: an appraisal under the International Covenant on Civil and Political Rights», *DePaul Law Review*, vol. 42, No. 4 (Summer 1993), pp. 1311–1339.
- QUIGLEY, John, «Criminal law and human rights: implications of the United States ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights», *Harvard Human Rights Journal*, vol. 6 (Spring 1993), pp. 59–86.
- SCHABAS, William A., «Les réserves des États-Unis d'Amérique au Pacte international relatif aux droits civils et politiques en ce qui a trait à la peine de mort» *Revue universelle des droits de l'homme*, vol. 6, Nos. 4–6 (30 September 1994), pp. 137–150.
- «Invalid reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights: is the United States still a party?», *Brooklyn Journal of International Law*, vol. 21, No. 2 (1995), pp. 277–325.
- SHELTON, Dinah, «Issues raised by the United States reservations, understandings and declarations», в H. HANNUM and D. D. FISCHER (eds.), *U.S. Ratification of the International Covenants on Human Rights*, Irvington-on-Hudson, New York, Transnational, 1993, pp. 269–277.
- SHERMAN, Edward F., «The U.S. death penalty reservation to the International Covenant on Civil and Political Rights: exposing the limitations of the flexible system governing treaty formulation», *Texas International Law Journal*, vol. 29, No. 1 (Winter 1994), p. 69–93.
- STEWART, David P., «U.S. ratification of the Covenant on Civil and Political Rights: the significance of the reservations, understandings and declarations», *Human Rights Law Journal*, vol. 14, Nos. 3–4 (30 April 1993), pp. 77–83.
- TRIGGS, G. D., «Australia's ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights: endorsement or repudiation?», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 31, Part 2 (April 1982), pp. 278–306.

d. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин

ÅKERMARK, Sia Spiliopoulou, and Olle MÅRSÄTER, «Ottillåtna reservationer—Maldivernas reservation mot kvinnodiskrimineringskonventionen» [Unlawful reservations—The reservation of the Maldives to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women], *Mennesker og rettigheter*, No. 4 (1995), pp. 382–399 (на шведском языке, резюме на английском языке).

BRANDT, Michele, and Jeffrey KAPLAN, «The tension between women's rights and religious rights: reservations to CEDAW by Egypt, Bangladesh and Tunisia», *Journal of Law and Religion*, vol. 12, No. 1 (1995–1996), pp. 105–142.

CLARK, Belinda, «The Vienna Convention reservations regime and the Convention on Discrimination Against Women», *AJIL*, vol. 85, No. 2 (April 1991), pp. 281–321.

COOK, Rebecca J., «Memorandum: re reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women», *International Women's Rights Action Watch* (5 January 1987).

— «Reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women», *Virginia Journal of International Law*, vol. 30, No. 3 (Spring 1990), pp. 643–716.

JENEFSKY, Anna, «Permissibility of Egypt's reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women», *Maryland Journal of International Law and Trade*, vol. 15, No. 2 (Autumn 1991), pp. 199–233.

MAYER, Ann Elizabeth, «Reflections on the proposed United States reservations to CEDAW: should the Constitution be an obstacle to human rights?», *Hastings Constitutional Law Quarterly*, vol. 23 (Spring 1996), pp. 727–823.

e. Конвенция о правах ребенка

LEBLANC, Lawrence J., «Reservations to the Convention on the Rights of the Child: a macroscopic view of State practice», *International Journal of Children's Rights*, vol. 4 (1996), pp. 357–381.

LÜCKER-BABEL, Marie-Françoise, «Les réserves à la Convention des Nations Unies relative aux droits de l'enfant et la sauvegarde de l'objet et du but du traité international», *European Journal of International Law*, vol. 8 (1997), pp. 664–683.

SCHABAS, William A., «Reservations to the Convention on the Rights of the Child», *Human Rights Quarterly*, vol. 18, No. 2 (1996), pp. 472–491.

f. Другие конвенции по правам человека

BLAY, Samuel K. N., and B. M. TSAMENYI, «Reservations and declarations under the 1951 Convention and the 1967 Protocol relating to the Status of Refugees», *International Journal of Refugee Law*, vol. 2, No. 4 (October 1990), pp. 527–561.

CASSESE, Antonio, «Su alcune «riserve» alla Convenzione sui diritti politici della donna», *Rivista di diritto internazionale*, vol. 51, No. 2 (1968), pp. 294–314.

— «A new reservations clause (article 20 of the United Nations Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination)», *Recueil d'études de droit international en hommage à Paul Guggenheim*, Geneva, Institut universitaire des hautes études internationales (Graduate Institute of International Studies) (1968), pp. 266–304.

COLELLA, Alberto, «Les réserves à la Convention de Genève (28 juillet 1951) et au Protocole de New York (31 janvier 1967) sur le statut des réfugiés», *AFDI*, vol. 35 (1989), pp. 446–475.

FRANKOWSKA, M., «The United States should withdraw its reservations to the Genocide Convention: a response to Professor Paust's proposal», *Michigan Journal of International Law*, vol. 12, No. 1 (Autumn 1990), pp. 141–149.

GORNIG, Gilbert and Martin NEY, «Die Erklärungen der DDR zur UN-Antifolterkonvention aus völkerrechtlicher Sicht. Ein Beitrag zur Zulässigkeit von Vorbehalten und ihren Rechtsfolgen», *Juristen Zeitung*, vol. 43, No. 22 (18 November 1988), pp. 1048–1053.

HANESSIAN, G., «The effect of reservations on the entry into force of the American Convention (arts. 74 and 75), Advisory Opinion No. OC-2/82, *AJIL*, vol. 77, No. 3 (July 1983), pp. 640–642.

HAUGESTAD, Arnhild, *Reservations to the United Women's Convention: With Special Focus on Reservations Submitted by Muslim Countries*, Oslo, Institutt for Offentlig Retts skriftserie, 1995, 94 p.

MONTALVO, Andrés E., «Reservations to the American Convention on Human Rights: a new approach», *American University International Law Review*, vol. 16, No. 2 (2001), pp. 269–313.

SSENYONJO, Manisuli, «State reservations to the ICESCR: a critique of selected reservations», *Netherlands Quarterly of Human Rights*, vol. 26/3, 2008, pp. 315–358.

b) Оговорки к другим кодификационным конвенциям

i) Общие вопросы

ENZWEILER, Josef A., «Der Vorbehalt in den Konventionen innerhalb der Vereinten Nationen», *Annales Universitatis Saraviensis, Recht- und Wirtschaftswissenschaften*, University of Saarbrücken (Germany), vol. 6, Part I (1958), pp. 1–86.

- FERRER SANCHÍS, Pedro Antonio, *Problemática de las reservas en los convenios de derecho internacional público y privado*, thesis, Faculty of Law, University of Valencia (Spain), 1969.
- TEBOUL, Gérard, «Remarques sur les réserves aux conventions de codification», *RGDIP*, vol. 86 (1982/4), pp. 679–717.
- ii) *Оговорки к конвенциям по международному частному праву*
- DI CESARI, Patrizia, «Riserve, dichiarazioni e facoltà nelle Convenzioni dell'Aja di diritto internazionale privato», Institute of International Law, University of Milan (Italy), *Comunicazioni e studi*. Milan, Giuffrè, 2002, vol. 22, pp. 149–174.
- DROZ, Georges A. L., «Les réserves et les facultés dans les Conventions de La Haye de droit international privé», *Revue critique de droit international privé*, vol. 58, No. 3 (July–September 1969), pp. 381–424.
- FLECHTNER, Harry M., «The several texts of the CISG in a decentralized system: observations on translations, reservations and other challenges to the uniformity principle in article 7 (1)», *Journal of Law and Commerce*, vol. 17 (1997–1998), pp. 187–217.
- HUNT, Alan Reeve, «Reservations to commercial treaties dealing with aliens' rights to engage in the profession», *Michigan Law Review*, vol. 52, No. 8 (June 1954), pp. 1184–1198.
- МАРИНИЧ, С.В., «Толкование и применение оговорок о национальной безопасности в международных экономических договорах», *Вестник Московского университета*, серия «Право», том 44 (1989 год), стр. 65–70.
- MÜLLER, P., *Die Vorbehalte in Übereinkommen zur Privatrechtsvereinheitlichung*, Tübingen, Mohr, 1979 (Beiträge zum ausländischen und internationalen Privatrecht: 45), 223 p.
- QUEL LÓPEZ, F. J., «Las reservas en los Convenios de La Haya de Derecho Internacional Privado», *Revista española de derecho internacional*, vol. 45, No. 1 (1993), pp. 115–129.
- iii) *Оговорки к конкретным конвенциям*
- a. *Право договоров*
- DE VISSCHER, C., «Une réserve de la République arabe de Syrie à la Convention de Vienne (1969) sur les traités», *Revue belge de droit international*, vol. 8, No. 2 (1972), pp. 416–418.
- DÍAZ BARRADO, Cástor M., *Reservas a la Convención sobre Tratados entre Estados* Madrid, Tecnos, 1991, 205 p.
- GUICHARD ALVES Raul, «Alguns aspectos do regime das reservas aos Tratados na Convenção de Viena de 1969», *Direito e Justiça.*, vol. 7 (1993), pp. 139–159.
- REY CARO, Ernesto J., «Las reservas a la Convención de Viena de 1969 sobre el derecho de los tratados», *Revista de derecho internacional y ciencias diplomaticas* (Rosario, Argentina), year XXI, Nos. 41/42 (1972), pp. 168–225.
- «Las reservas de la República Argentina a la Convención sobre el derecho de los tratados, El "estoppel" y la cláusula "rebus sic stantibus"», *Anuario de derecho internacional* (Pamplona, Spain), vol. 2 (1975), pp. 229–250.
- SZTUCKI, Jerzy, «Some questions arising from reservations to the Vienna Convention on the Law of Treaties», *German Yearbook of International Law*, vol. 20 (1977), pp. 277–305.
- b. *Морское право*
- BLAY, S. K. N., R. W. PIOTROWICZ and B. M. TSAMENYI, «Problems with the implementation of the Third United Nations Law of the Sea Convention: the question of reservations and declarations», *Australian Year Book of International Law*, vol. 11 (1991), pp. 67–107.
- GAMBLE, John King, Jr., «The 1982 U.N. Convention on the Law of the Sea: a "midstream" assessment of the effectiveness of article 309», *San Diego Law Review*, vol. 24, No. 3 (1987), pp. 627–644.
- «Lessons from the first decade of the United Nations Convention on the Law of the Sea: reservations and progress towards entry into force», в *Essays in Honour of Wang Tieya*, Dordrecht, Nijhoff, 1994, pp. 333–346.
- HAZOU, Linda L., «Determining the extent of admissibility of reservations: some considerations with regard to the Third United Nations Conference on the Law of the Sea», *Denver Journal of International Law and Policy*, vol. 9, No. 1 (Winter 1980), pp. 69–83.
- IMBERT, Pierre-Henri, «La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977 relative à la délimitation du plateau continental entre la République française et le Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande du Nord», *AFDI*, vol. 24 (1978), pp. 29–58.
- KNIGHT, Gary H., «The potential use of reservations to international agreements produced by the Third United Nations Conference on the Law of the Sea», *Policy Issues in Ocean Law, Studies in Transnational Legal Policy*, American Society of International Law, No. 8 (1975), pp. 1–52.
- MCDORMAN, Ted L., «Reservations and the Law of the Sea Treaty», *Journal of Maritime Law and Commerce*, vol. 13, No. 4 (July–October 1982), pp. 481–519.

- MIGLIORINO, Luigi, «Declarations and reservations to the 1971 Seabed Treaty», *Italian Yearbook of International Law*, vol. 6 (1985), pp. 106–123.
- NAKAMURA, K., «Unilateral declarations to the United Nations on the Law of the Sea Convention», *Journal of International Law and Diplomacy* (Tokyo), vol. 83, No. 6 (1984), pp. 1–32 (на японском языке, резюме на английском языке).
- NELSON, L. D. M., «Declarations, statements and "disguised reservations" with respect to the Convention on the Law of the Sea», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 50 (2001), pp. 767–786.
- PELLET, Alain, «Les réserves aux conventions sur le droit de la mer», в *La mer et son droit: mélanges offerts à Laurent Lucchini et Jean-Pierre Quéneudec*, Paris, Pedone, 2003, pp. 501–520.
- SCHIFFMAN, Howard S., «Reservations in marine environmental treaties: practical observations and legal limitations», *Whittier Law Review*, vol. 26, No. 4 (Summer 2005), pp. 1003–1024.
- *Marine Conservation Agreements: The Law and Policy of Reservations and Vetoes*, Leiden, Nijhoff, 2008, XVI, 278 p.
- SINGH, Narinder, «The issue of reservations to the proposed Law of the Sea Convention», *Indian Journal of International Law*, vol. 19 (1979), pp. 76–96.
- VIGNES, D., «Les déclarations faites par les États signataires de la Convention des Nations Unies sur le droit de la mer sur la base de l'article 310», *AFDI*, vol. 29 (1983), pp. 715–748.
- с. Оговорки к другим специальным конвенциям
- FODELLA, Alessandro, «The declarations of States Parties to the Basel Convention», *Institute of International Law, University of Milan (Italy), Comunicazioni e studi*, vol. 22. Milan, Giuffrè, 2002, pp. 111–148.
- GLASER, David M., «Murder in the Casbah or the effect of Morocco's jurisdictional reservation to the Vienna Convention on Diplomatic Relations», *New York University Journal of International Law and Politics*, vol. 11, No. 2 (1978), pp. 299–321.
- GROS ESPIELL, Héctor, «Reservas y declaraciones en los Protocolos Adicionales al Tratado de Tlatelolco», *Revista Uruguaya de Derecho Internacional*, vol. 5 (1982), pp. 167–204.
- «Reservations and declarations in the Additional Protocols to the Treaty of Tlatelolco», *Dalhousie Law Journal*, vol. 12, No. 2 (November 1989), pp. 226–255.
- GUTIÉRREZ ESPADA, Cesáreo, «Reservas propuestas en el Congreso de los Diputados al Convenio sobre responsabilidad internacional por daños causados por objetos espaciales», *Anales de derecho*, vol. 3 (1982), pp. 79–90.
- MARSTON, Geoffrey (ed.), «United Kingdom materials on international law 1984 (Part Six: I.B.)», *BYBIL 1984*, vol. 55 (1985), pp. 510–514.
- POMME DE MIRIMONDE, Albert, «Les réserves dans les traités et l'accord de Washington», *Revue politique et parlementaire*, vol. 130 (February 1927), pp. 194–205.
- RAIMONDI, Guido, «Réserves et conventions internationales du travail», в J.-C. JAVILLIER and B. GERNIGON (eds.), *Les normes internationales du travail: un patrimoine pour l'avenir. Mélanges en l'honneur de Nicolas Valticos*, Geneva, International Labour Office, 2004, pp. 527–539.
- STEWART, Gwyneth D., «Enforcement problems in the Endangered Species Convention: reservations regarding the reservation clauses», *Cornell International Law Journal*, vol. 14, No. 2 (Summer 1981), pp. 429–455.
- TORSELLO, Marco, «Reservations to international uniform commercial law conventions», *Uniform Law Review—Revue de droit uniforme*, vol. 5 (2000), pp. 85–120.
- d. Оговорки к факультативному положению в отношении обязательной юрисдикции Международного Суда
- AGUILAR-MAWDSLEY, Andrés, «Aceptación de la jurisdicción obligatoria de la Corte Internacional de Justicia: reservas a la cláusula opcional», *Revista de Derecho Público*, Caracas, Nos. 55–56 (July–December 1993), pp. 5–46.
- ALEXANDROV, Stanimir A., *Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice*, Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1995, 177 p.
- BRIGGS, Herbert W., «Reservations to the acceptance of the compulsory jurisdiction of the International Court of Justice», *Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1958–I*, vol. 93, pp. 223–367.
- CRAWFORD, James, «The legal effect of automatic reservations to the jurisdiction of the International Court», *BYBIL 1979*, vol. 50, pp. 63–86.
- DOLZER, R., «Connally reservation», в R. BERNHARDT (ed.), *Encyclopedia of Public International Law*, vol. 1, Amsterdam, Elsevier, 1992, pp. 755–756.

- FUMEL, Henryk de, *Les réserves dans les déclarations d'acceptation de la juridiction obligatoire de la Cour internationale de Justice*, University of Nancy (France), Publications du Centre européen universitaire, 1962, 32 p.
- GROSS, L., «Bulgaria invokes the Connally Amendment», *AJIL*, vol. 56, No. 2, April 1962, pp. 357–382.
- HENKIN, Louis, «The Connally reservation revisited and hopefully contained», *AJIL*, vol. 65, No. 2 (April 1971), pp. 374–377.
- HUDSON, Manley O. «The American reservations and the Permanent Court of International Justice», *AJIL*, vol. 22, No. 4 (October 1928), pp. 776–796.
- «The Cuban reservations and the revision of the Statute of the Permanent Court of International Justice», *AJIL*, vol. 26, No. 3 (July 1932), pp. 590–594.
- JENNINGS, R. Y., «Recent cases on the "automatic" reservations to the optional clause», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 7, Part 2 (April 1958), pp. 349–366.
- LEIGH, Monroe, «Military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)», *AJIL*, vol. 79, No. 2 (April 1985), p. 442–446.
- MAUS, Bertrand, *Les réserves dans les déclarations d'acceptation de la juridiction obligatoire de la Cour internationale de Justice*, Geneva, Droz, 1959, 214 p.
- ODA, Shigeru, «Reservations in the declarations of acceptance of the optional clause and the period of validity of those declarations: the effect of the Schultz letter», *BYBIL 1988*, vol. 59 (1989), pp. 1–30.
- POTTER, P. B., «As determined by the United States», *AJIL*, vol. 40, No. 4 (October 1946), pp. 792–794.
- ROGERS, W. P., «The United States "automatic" reservation to the optional clause jurisdiction of the International Court of Justice», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 7, Part 4 (October 1958), pp. 758–762.
- WILLIAMS, Sir John F., «The optional clause», (the British signature and reservation), *BYBIL 1930*, vol. 11, pp. 63–84.
- YANKOV, Aleksandúr, «Reservite v deklaratsiite za priemane zadubzhitelnata iurisdiksiia na Mezhdunarodniia Sud i tiakhoto vliianie vuzhu kompetentnostta na Suda», *Godisnik na Sofijskia universitet Iuridiceskii Fakultet* (Sofia), vol. 52 (1961), pp. 457–598.
3. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ ОГОВОРОК
- а) *Практика государств*³
- ASH, Kristina, «U. S. reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights: credibility maximization and global influence», *Northwestern University Journal of International Human Rights*, vol. 3 (Spring 2005).
- COMISIÓN NACIONAL DE DERECHOS HUMANOS, *Reservas Formulados por México a Instrumentos Internacionales sobre Derechos Humanos*, Mexico, 1996. 95 p.
- COUNCIL OF EUROPE, *Expression of Consent by States to be Bound by a Treaty*, Strasbourg, 1987. 122 p.
- DÉPARTEMENT FÉDÉRALE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES (DFAE) (Switzerland), *Direction du droit international public: Pratique de la Suisse en tant qu'État dépositaire. Réserves aux traités dans le contexte de la succession d'États*, legal ruling of 6 February 2007, *Jurisprudence des autorités de la Confédération* (JAAC), 2007.17, pp. 328–330 (размещен на веб-сайте www.bk.admin.ch, documentation).
- EL MOUTAOUKIL, A., «La pratique marocaine en matière de réserves aux traités», thesis, Hassan II University (Morocco), 1981, 266 p.
- ESPALIÚ BERDUD, Carlos, «The Spanish reservation to article IX of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide», *Spanish Yearbook of International Law*, vol. 10 (2006), pp. 67–95.
- FLAUSS, Jean-François, «Note sur le retrait par la France des réserves aux traités internationaux», *AFDI*, vol. 32 (1986), pp. 857–867.
- GAMBLE, John King, Jr., «Reservations to multilateral treaties: a macroscopic view of State practice», *AJIL*, vol. 74, No. 2 (April 1980), pp. 372–394.
- GOESEL-LE BIHAN, V., «Le Conseil constitutionnel et la conclusion des accords internationaux par les collectivités ultra-marines: un exemple de réserves contestables», *Revue juridique et politique des États francophones*, vol. 60, No. 1 (January–March 2006), p. 72–85.
- GÖTTLING, Egon, «Vorbehalte zu internationalen Verträgen in der sowjetischen Völkerrechtstheorie und Vertragspraxis», thesis, Hamburg, 1967.
- ГУБИН, В.Ф., «Советский Союз и оговорки к многосторонним договорам», *Советский ежегодник международного права*, М., Изд-во Академии наук СССР, 1960, стр. 126–143.

³ О практике государств в отношении конкретных конвенций см. раздел В.2 выше.

- «Оговорки к многосторонним договорам в практике развивающихся стран», *Труды УДН им. Патриса Лумумбы*, том 20. Экономика и право, вып. 2, М., 1967, стр. 85–106.
- HENKIN, Louis, «The treaty makers and the law makers: the Niagara power reservation», *Columbia Law Review*, vol. 56, No. 8 (December 1956), pp. 1151–1182.
- KAPPELER, Dietrich, «Praxis der Depositare multilateraler Staatsverträge gegenüber Vorbehalten», *Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht*, vol. 20 (1963), pp. 21–40.
- KAUFMANN, Natalie Hevener, *Human Rights Treaties and the Senate: a History of Opposition*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1990, 256 p.
- KENNEDY, Kevin C., «Conditional approval of treaties by the U.S. Senate», *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Journal*, vol. 19, No. 1 (October 1996), pp. 89–172.
- KHIN MAUNG SEIN, Abdul Ghafur Hamid, «Reservations to Cedaw and the implementation of islamic family law: issues and challenges», в ABDUL GHAFUR HAMID KHIN MAUNG SEIN (ed.), *International Law in a Globalized World: Voices from Asia*, New Delhi, Serials Publications, 2008, pp. 73–107.
- LACHAUME, Jean-François, and Hélène PAULIAT, «Conseil constitutionnel, Conseil d'État et réserves aux traités et accords internationaux», в Jean-Pierre MARGUÉNAUD, Michel MASSÉ and Nadine POULET-GIBOT LECLERC (eds.), *Apprendre à douter: questions de droit, questions sur le droit: Études offertes à Claude Lombois*, Presses Universitaires de Limoges, 2004, pp. 851–868.
- LINTON, Suzannah, «ASEAN States, their reservations to human rights treaties and the proposed ASEAN commission on women and children», *Human Rights Quarterly*, vol. 30 (2008), pp. 436–493.
- MCINTYRE, Leo R., «Of treaties and reservations: the International Covenant on Civil and Political Rights and the juvenile death penalty in the United States», *Houston Law Review*, vol. 40 (2003), pp. 147–175.
- OPESKIN, Brian R., «Federal States in the international legal order», *Netherlands International Law Review*, vol. 43 (1996), pp. 353–386.
- PIGNATELLI Y MECA, Fernando, «Acerca de la reserva española de 1979 a los artículos 5 y 6 del Convenio europeo para la protección de los derechos humanos y de las libertades fundamentales de 4 de noviembre de 1950», *Revista Española de Derecho Militar*, No. 93 (January–June 2009), pp. 223–285.
- QUEL LÓPEZ, F. J., *Las reservas a los tratados internacionales: un examen de la práctica española*, Bilbao, Editing Service, University of the Basque Country (Spain), 1991, 456 p.
- REDGWELL, Catherine, «US reservations to human rights treaties: all for one and none for all?», в Michael BYERS and Georg NOLTE (eds.), *United States Hegemony and the Foundations of International Law*, Cambridge University Press, 2003, pp. 392–415.
- b) *Практика международных организаций*
- ÅKERMARK, Sia Spiliopoulou, «Reservations clauses in treaties concluded within the Council of Europe», *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 48, Part 3 (July 1999), pp. 479–514.
- CEDE, Franz, «European responses to questionable reservations», в Wolfgang BENEDEK, Hubert ISAK and Renate KICKER (eds.), *Development and Developing International and European Law: Essays in Honour of Konrad Ginther on the Occasion of his 65th Birthday*, Frankfurt, Peter Lang, 1999, pp. 21–34.
- COUNCIL OF EUROPE, *Report on reservations made by member states to Council of Europe conventions*, F. Gundersen, 3 June 1993 (document 6856).
- IMBERT, Pierre-Henri, «À l'occasion de l'entrée en vigueur de la Convention de Vienne, sur le droit des traités: réflexions sur la pratique suivie par le Secrétaire général des Nations Unies dans l'exercice de ses fonctions de depositaire», *AFDI*, vol. 26 (1980), pp. 524–541.
- INTERNATIONAL MARITIME ORGANIZATION, *Status of multilateral conventions and instruments in respect of which the International Maritime Organization or its Secretary-General performs depositary or other functions as at 3 January 2012*, 497 p.
- KOHONA, Palitha T. B., «Some notable developments in the practice of the UN Secretary-General as depositary of multilateral treaties: reservations and declarations», *AJIL*, vol. 99, No. 2 (April 2005), pp. 433–450.
- «Reservations: discussion of recent developments in the practice of the Secretary-General of the United Nations as depositary of multilateral treaties», *Georgia Journal of International and Comparative Law*, vol. 33, No. 2 (2005), pp. 415–450.
- LIANG, Yuen Li, «The practice of the United Nations with respect to reservations to multipartite instruments», *AJIL*, vol. 44 (1950), pp. 117–128.
- ORGANIZATION OF AMERICAN STATES, *Report of the Committee on Juridical and Political Affairs on standards on reservations to inter-American multilateral treaties and rules for the General Secretariat as depositary of treaties*, Permanent Council, 1987.

- POLAKIEWICZ, Jörg, «Reservations and declarations», в *Treaty-Making in the Council of Europe*, Strasbourg, Council of Europe Publications, 1999, pp. 77–117.
- RASCHHOFER, Hermann, «Die Vorbehalte der Bundesrepublik Deutschland bei der Aufnahme der diplomatischen Beziehungen mit der Sowjetunion», *Recht im Dienste der Menschenwürde, Festschrift für Herbert Kraus*, Würzburg, 1964, pp. 231 *et seq.*
- SCHACHTER, Oscar, «Development of international law through the legal opinions of the United Nations Secretariat. Part VII, Reservations to multipartite treaties», *BYBIL 1948*, vol. 25, pp. 122–127.
- «The question of treaty reservations at the 1959 General Assembly», *AJIL*, vol. 54, No. 2 (April 1960), pp. 372–379.
- SMETZ, Paul F., «Les réserves aux conventions multilatérales: la conception soviétique», *Bulletin du Centre d'étude des pays de l'Est*, Free University of Brussels (Belgium), vol. 6 (June 1965), pp. 7–36.
- SZAFARZ, Renata, «Reservations and objections in the treaty practice of Poland», *Polish Yearbook of International Law*, vol. 6 (1974), pp. 244–266.
- TREVIRANUS, Hans D., «Vorbehalte zu normativen völkerrechtlichen Verträgen in der Staatspraxis der Bundesrepublik Deutschland», *Die Öffentliche Verwaltung*, vol. 29 (1976), pp. 325–330.
- ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, «Деятельность Генерального секретаря в качестве депозитария многосторонних договоров в области 1) оговорок и возражений к оговоркам, касающихся тех договоров, которые не содержат положений по этому вопросу, 2) исправления ошибок в оригинале договора, Организация Объединенных Наций, *Юридический ежегодник, 1976 год*, стр. 286–295.
- *Summary of the practice of the Secretary-General as depository of multilateral treaties, 1999*, ST/LEG/7/Rev.1 and corrigendum, Sales No. E.94.V.15.
- UNIVERSAL POSTAL UNION, INTERNATIONAL BUREAU, «Report on reservations presented at the 17th Congress, Lausanne 1974», document of the Congress, document No. 6, 8 p.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ

<i>Обозначение документа</i>	<i>Наименование документа</i>	<i>Примечания и ссылки</i>
A/CN.4/634	Предварительная повестка дня шестьдесят третьей сессии	Отпечатан на mimeографе. Утвержденная повестка дня воспроизводится в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том II (часть вторая), стр. 17.
A/CN.4/635 and Add.1–3	Заполнение случайных вакансий в Комиссии. Записка Секретариата	A/CN.4/635 и Add.2 воспроизводится в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том II (часть первая). A/CN.4/635/Add.1 и 3 отпечатан на mimeографе.
A/CN.4/636 и Add.1–2	Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания, полученные от правительств	Воспроизводится в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том II (часть первая).
A/CN.4/637 и Add.1	Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания, полученные от международных организаций	То же.
A/CN.4/638	Тематическое резюме обсуждения, состоявшегося в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее шестьдесят пятой сессии, подготовленное Секретариатом	Отпечатан на mimeографе.
A/CN.4/639 и Add.1	Оговорки к международным договорам. Комментарии и замечания, полученные от правительств	Воспроизводится в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том II (часть первая).
A/CN.4/640	Восьмой доклад об ответственности международных организаций, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джорджо Гаей	То же.
A/CN.4/641	Мирное урегулирование споров. Рабочий документ, подготовленный сэром Майклом Вудом	То же.
A/CN.4/642	Седьмой доклад о высылке иностранцев, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Морисом Камто	То же.
A/CN.4/643 [и Corr.1]	Четвертый доклад о защите людей в случае бедствий, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Эдуардо Валенсией-Оспиной	То же.
A/CN.4/644	Последствия вооруженных конфликтов для договоров. Записка о рекомендации, которую следует вынести в адрес Генеральной Ассамблеи по поводу проекта статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров, подготовленная Специальным докладчиком г-ном Люциусом Кафлишем	То же.
A/CN.4/645	То же. Записка по проекту статьи 5 и приложению к проектам статей, представлена Специальным докладчиком г-ном Люциусом Кафлишем	То же.
A/CN.4/646	Третий доклад об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Романом А. Колодкиным	То же.
A/CN.4/647 и Add.1	Семнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Аленом Пелле	То же.
A/CN.4/648	Четвертый доклад об обязательстве выдавать или осуществлять судебное преследование (<i>aut dedere aut judicare</i>), подготовленный Специальным докладчиком г-ном Здиславом Галицким	То же.
A/CN.4/L.777	Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров. Заголовки и тексты проектов статей по теме: «Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров», принятые Редакционным комитетом во втором чтении	Отпечатан на mimeографе.

Обозначение документа	Наименование документа	Примечания и ссылки
A/CN.4/L.778	Ответственность международных организаций. Тексты и заголовки проектов статей 1–67, принятые Редакционным комитетом во втором чтении в 2011 году	То же.
A/CN.4/L.779	Оговорки к международным договорам. Текст и заголовки проектов руководящих положений, составляющих Руководство по практике в отношении оговорок к международным договорам, которые были окончательно согласованы Рабочей группой по оговоркам к международным договорам с 26 по 29 апреля и 4, 5, 6, 10, 11, 12, 17 и 18 мая 2011 года	То же.
A/CN.4/L.780	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей сессии, глава I (Организация работы сессии)	То же. См. принятый текст в <i>Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/66/10)</i> . Окончательный текст фигурирует в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том II (часть вторая), стр. 15.
A/CN.4/L.781 и Add.1	То же, глава II (Резюме работы Комиссии на ее шестьдесят третьей сессии)	То же, стр. 18.
A/CN.4/L.782	То же, глава III (Конкретные вопросы, изложение мнений по которым представляло бы особый интерес для Комиссии)	То же, стр. 20.
A/CN.4/L.783 и Add.1–8	То же, глава IV (Оговорки к международным договорам)	То же. См. принятый текст в <i>Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/66/10 и Add.1)</i> . Окончательный текст фигурирует в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том II (часть вторая), стр. XX, и на стр. 23 выше.
A/CN.4/L.784 и Add.1–2	То же, глава V (Ответственность международных организаций)	То же. См. принятый текст в <i>Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/66/10)</i> . Окончательный текст фигурирует в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том II (часть вторая), стр. 43.
A/CN.4/L.785 и Add.1–2	То же, глава VI (Последствия вооруженных конфликтов для международных договоров)	То же, стр. 123.
A/CN.4/L.786 и Add.1	То же, глава VII (Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции)	То же, стр. 153.
A/CN.4/L.787	То же, глава VIII (Высылка иностранцев)	То же, стр. 168.
A/CN.4/L.788 Add.1–2	То же, глава IX (Защита людей в случае бедствий)	То же, стр. 177.
A/CN.4/L.789	То же, глава X (Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (aut dedere aut judicare))	То же, стр. 193.
A/CN.4/L.790 and Add.1	То же, глава XI (Договоры сквозь призму времени)	То же, стр. 199.
A/CN.4/L.791	То же, глава XII (Клаузула о наиболее благоприятствуемой нации)	То же, стр. 203.
A/CN.4/L.792	То же, глава XIII (Другие решения и выводы Комиссии)	То же, стр. 207.

<i>Обозначение документа</i>	<i>Наименование документа</i>	<i>Примечания и ссылки</i>
A/CN.4/L.793	Оговорки к международным договорам. Выводы в отношении диалога об оговорках, предварительно принятые Рабочей группой по оговоркам к международным договорам 6, 12 и 14 июля 2011 года	Отпечатан на mimeографе.
A/CN.4/L.794	Защита людей в случае бедствий. Тексты и заголовки проектов статей 10 и 11, принятых Редакционным комитетом в предварительном порядке 19 июля 2011 года	То же.
A/CN.4/L.795	Оговорки к международным договорам. Рекомендация относительно механизмов по оказанию содействия в области оговорок, принятая в предварительном порядке Рабочей группой по оговоркам к международным договорам 27 июля 2011 года	То же.
A/CN.4/L.796	Доклад Группы по планированию	То же.
A/CN.4/SR.3080–A/CN.4/SR.3127	Предварительные краткие отчеты о 3080–3127–м заседаниях	То же. Окончательный текст фигурирует в <i>Ежегоднике... 2011 год</i> , том I.

